

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

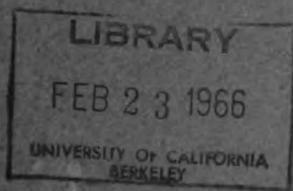
Книга VI.

1904 г.

[Научное слово]

Научное Слово.

*Book-plate
nos. 6-10
1904
(Book 1st)*

Москва.

„Научное Слово“.

НОВАЯ КНИГА:

И. И. Мечниковъ.

Этюды
о
природѣ человека.

Съ портретомъ автора и 20 рисунками.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„Научное Слово“.

Цѣна въ папкѣ безъ пересылки 2 руб. 50 коп.

При покупкѣ въ редакціи „Научнаго Слова“ (Москва, Ваганьковскій пер., домъ Куманина) учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ пользуются скидкой въ 30%, книгопродавцы въ 20%, другія лица въ 10%, а иногородніе не платятъ за пересылку.

Издательство

ИЗДАТЕЛЬСТВО

И. И. Мещеряков

Этнографическое

0

издательство

Издательство

Издательство

Издательство

Издательство

Издательство

Книга VI.

1904 г.

Научное Слово.

Москва.

Дозволено цензурою. Москва, 24 юля 1904 г.

ТИПО-ЛИТ. ТОВАРИЩ. И. Н. КУШНЕРОВЪ в М. МОСКВА.

Q4
N 372
1904:6-10

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА.	
II. СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЧВОВѢДѢНІЯ. (<i>Памяти В. В. Докучаева</i>). Проф. В. И. Вернадскаго	5
III. БЫТЪ И НРАВЫ РУССКАГО ДВОРЯНСТВА ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ ХVIII ВѢКА. (<i>Окончаніе</i>). Прив.-доц. М. М. Богослоvensкаго	27
IV. СПОРЪ О „BAVEL UND VIBEL“. Д. Н. Егорова	43
V. НОВЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПАМЯТНИКЪ ДРЕВНОСТИ. Прив.-доц. И. А. Князяковскаго	61
VI. ОЧЕРКИ ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ. (<i>Продолженіе</i>). Проф. М. М. Покровскаго	73
VII. ХРОНИКА НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ („Биологическія основы цивилизаціи“. Прив.-доц. Р. Вейнберга.—„Комариная теорія распространенія маляріи“. П. В. Цилинской.—„Философскій конгрессъ“)	111
VIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. М. О. Гершензона	127
IX. БИБЛИОГРАФІЯ. (В. Д. Кузьминъ-Караваевъ: „Земство и деревня“. С. А. Шумакова.—Проф. Д. Я. Самоковасовъ: „Происхожденіе помѣстнаго права и общиннаго крѣпостнаго землевладѣнія“. В. Н. Сторожева.—„Иностранная критика о Горькомъ“.—Графъ Ф. де ла-Бартъ: „Бесѣды по исторіи всеобщей литературы и искусства“.—В. Гете: „Фаустъ“ въ переводѣ П. Вейнберга. Ю. А. Веселовскаго)	138
X. ОБЪЯВЛЕНІЕ.	

Антонъ Павловичъ Чеховъ

† 2 июля 1904 года.

Русское общество давно уже знало, что тяжкая болѣзнь души Чехова,—та самая болѣзнь, которая наложила свои зловѣщія тѣни на блѣдныя лица его героев: Учителя, Гусева, Саши. И тѣ, кто жилъ вблизи страждущаго писателя, оберегали его какъ любимое больное дитя. Но духовную близость чувствовали къ нему всѣ, и потому, когда пришла неумолимая вѣсть о его кончинѣ, всѣ ощутили утрату чего-то родного, нѣжнаго и милаго.

Онъ сперва описывалъ преимущественно то, чѣмъ жизнь смѣшна. Но глубокой натурѣ скоро открывается внутреннее сродство между смѣшнымъ и скорбнымъ, и Чеховъ, стихійно увлекаемый своей духовной глубиной, воспринялъ и воспроизвелъ жизнь въ ея печали, въ ея тоскѣ. И мѣръ, въ органическомъ сплетеніи своей нелѣпицы и своего несчастья, возсталъ передъ нами въ сумеречномъ отраженіи грустящей человѣческой души. Какъ будто рѣяли вокругъ насъ ея «безкрылыя желанія», ея горькія томленія, и плакала она тихими слезами...

Чеховъ изображалъ человѣка неудовлетвореннымъ и неудовлетворимымъ. Правда, его герои и не прилагаютъ могучихъ стараній къ тому, чтобы найти желанное удовлетвореніе; они бессильны и безвольны, и воля ихъ, «какъ подстрѣленная птица, подняться хочетъ и не можетъ». Правда, они не дѣятели жизни. Но зато они и не дѣльцы. На шумномъ торжищѣ людской корысти, среди крикливыхъ и суетливыхъ, среди расчетливыхъ и дѣловитыхъ, они оказываются лишними людьми. Но какъ премудрость міра—безумье предъ судомъ Творца, и не Марса, пекущаяся о многомъ, а Марія знаетъ единое на потребу,—такъ, быть можетъ, на иную, высшую оцѣнку, и эти лишніе будутъ признаны единственно нужными. Ибо души этихъ людей опажнуло вѣяніе идеала, и, «прижавшись къ праху въ сознаньи грустнаго бессилья», они тоскуютъ по высшей

красотѣ и правдѣ. И когда въ сутолокѣ повседневности они встрѣчаютъ мгновенный отблескъ вѣчнаго, какъ это было съ героемъ «Красавицъ», они испытываютъ священную грусть,—точно платоновское воспоминаніе о далекой обители чистыхъ идей.

Великая неудовлетворенность духа проникаетъ все творчество Чехова, окрашиваетъ тонкія нити его чудныхъ миниатюръ и разрѣшается въ чарующую элегію, трогаетъ нѣжною грустью. И въ лунномъ свѣтѣ этой меланхоліи, но свѣтѣ не холодномъ, жизнь принимаетъ такой задумчивый и поэтической колоритъ...

Впрочемъ, теперь, когда на кладбищѣ Дѣвичьяго монастыря ранняя могила Чехова, подъ сѣнью цвѣтушей липы, едва закрылась и еще вѣетъ надъ нею прощальный ароматъ безчисленныхъ вѣнковъ,—теперь не время дѣлать спокойный обзоръ его элегической поэзіи.

Мы еще вернемся къ ней, къ этой прекрасной страницѣ русской литературы,—а покамѣстъ низко поклонимся ушедшей тѣни ея творца! И тихимъ свѣтомъ грусти и упованія да свѣтитъ надъ родной землею незакатная звѣзда его имени!

Ю. А.

15 юля 1904 года.

Страница изъ исторіи почвовѣдѣнія.

(Памяти В. В. Докучаева.)

I.

26 октября 1903 г. въ Петербургѣ послѣ страшной, мучительной болѣзни скончался бывшій профессоръ петербургскаго университета Василій Васильевичъ Докучаевъ¹⁾). Постепенно и медленно въ теченіе многихъ лѣтъ развивался у него тяжелый недугъ — психическое расстройство. Въ концѣ-концовъ въ послѣдніе годы онъ вынужденъ былъ совершенно удалиться изъ общественной и научной жизни. Въ полномъ сознаніи открытаго передъ нимъ ужаса, онъ напрасно старался, уже больной, найти спасеніе въ энергичной, широкой научной работѣ, съ трогательной силой обращался мыслью и сердцемъ къ самымъ глубокимъ тайникамъ человѣческой души, скрытымъ и неяснымъ у него въ другое время. Казалось, онъ стремился противопоставить надвигавшемуся несчастью всю силу, всю полноту своей личности. Все было напрасно. Личность его была окончательно сломлена...

Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе трагичное, чѣмъ его судьба, для человѣка, полного мысли, инициативы и дѣятельности. А такимъ человѣкомъ былъ всю свою жизнь Василій Васильевичъ. Это была крупная, своеобразная фигура, рѣзко выдѣлявшаяся на фонѣ блѣдной русской общественности; и всякій, кто съ нимъ сталкивался, чувствовалъ вліяніе и сознавалъ силу его своеобразной индивидуальности. Въ исторіи естествознанія въ Россіи въ теченіе XIX в. немного найдется людей, которые могли бы быть поставлены наряду съ нимъ по вліянію, какое они оказывали на ходъ научной работы, по глубинѣ и оригинальности ихъ обобща-

---

¹⁾ В. В. Докучаевъ родился въ 1846 году. Первая его научная работа вышла въ свѣтъ въ 1869 году.

ющей мысли. Такъ или иначе Докучаевъ явился главой цѣлой школы русскихъ ученыхъ; вліяніе его стремленій и его идей ясно сказывается и все увеличивается далеко за предѣлами нашего отечества, и достигнутые имъ результаты, кажется мнѣ, принадлежать къ крупнымъ приобрѣтеніямъ научнаго движенія XIX вѣка. Едва ли они до сихъ поръ правильно оцѣнены во всегда капризной и по существу очень исторически нечуткой научной средѣ.

Въ послѣдніе годы все дальше и дальше отходить въ далекое прошлое личное вліяніе его живой, своеобразной индивидуальности. Рѣдѣютъ ряды его современниковъ и даже учениковъ; на поле, имъ расчищенное, выступаютъ новые работники, которые знаютъ о его дѣятельности уже по преданію или въ схематизированной передачѣ учебниковъ, узнаютъ и понимаютъ его въ пылу и въ грохотъ текущихъ научныхъ споровъ и вопросовъ. Многое, за что ему приходилось бороться, встрѣчаться съ непониманіемъ, выносить нападенія, вошло въ плоть и кровь ихъ научной мысли, кажется имъ яснымъ, понятнымъ и само собой разумѣющимся. Поэтому, особенно намъ, его ученикамъ, которые переживали сомнѣнія и сопровождавшую его дѣятельность борьбу, надо возстановить и оцѣнить то, что внесла эта крупная личность въ общую коллективную научную работу человѣчества. Прошло около 20 лѣтъ послѣ главныхъ его работъ, и уже многіе годы не раздавалось въ научной литературѣ его самостоятельнаго, живого голоса. Проходитъ цѣлый періодъ въ исторіи науки, въ который смѣняются научныя поколѣнія.

Я не стану давать полную картину его научныхъ трудовъ или рисовать очеркъ его жизни. Но мнѣ хочется здѣсь напомнить немногія крупныя стороны его творческой работы, оцѣнить ихъ на фонѣ общей эволюціи знанія, въ связи съ современнымъ пониманіемъ тѣхъ явленій, въ которыхъ онъ въ свое время явился новаторомъ.

Главная работа его мысли была направлена на изученіе почвъ, и можно сказать, что въ значительной степени въ связи съ его дѣятельностью эта отрасль знанія, до тѣхъ поръ имѣвшая въ русской ученой средѣ немногихъ представителей, получила широкое развитіе, привлекла къ себѣ многихъ энергичныхъ и талантливыхъ работниковъ.

Черезъ всѣ многочисленныя и разнообразныя работы Докучаева — надъ русскимъ ли черноземомъ или черноземомъ Сибири, почвами Поволжья или Малороссіи, сѣвера или юга Россіи — красной нитью проходятъ двѣ идеи, которыя постепенно и замѣтно входятъ въ общее научное сознаніе. Онѣ характеризуютъ всю дѣ-

ятельность как В. В., такъ и его учениковъ — выдѣляютъ въ наукѣ русскую школу почвовѣдѣнія, прямо или косвенно связанную съ научной мыслью и работой Докучаева.

Это, во-первыхъ, идея о географическомъ распредѣленіи почвъ въ связи съ ихъ генезисомъ, то-есть идея географіи почвъ, и во-вторыхъ, идея о почвѣ, какъ особомъ естественномъ тѣлѣ. Въ разъясненіи этихъ идей, въ ихъ зарожденіи и упроченіи въ поколѣніи русскихъ ученыхъ заключается главная заслуга Докучаева.

Онъ работалъ въ такой области знанія, въ наукахъ наблюдательнаго характера, гдѣ нѣтъ мѣста блестящимъ открытіямъ, которыя составляютъ гордость и силу натуралиста-экспериментатора, гдѣ нѣтъ возможности путемъ математическаго анализа или синтеза достигнуть новаго и неизвѣданнаго и раскрыть его передъ удивленными современниками. По существу вопросовъ, подлежащихъ изслѣдованію, выдающійся естествоиспытатель-наблюдатель познается по ширинѣ и глубинѣ идей, которыя онъ вноситъ въ изслѣдованіе, по тѣмъ схемамъ, какія онъ открываетъ въ запутанной и туманной области природныхъ явленій; эти идеи и схемы служатъ затѣмъ путями, по которымъ болѣе или менѣе долго, иногда многія десятилѣтія, движется мысль научныхъ поколѣній, приходитъ къ новымъ обобщеніямъ, схемамъ и къ новымъ идеямъ, разрушающимъ или углубляющимъ старыя. Нерѣдко эти идеи и эти схемы не выдѣляются рѣзко и ясно на фонѣ будничной работы ученаго, лишь постепенно проникаютъ въ труды его или его учениковъ. Выясненіе такихъ идей до извѣстной степени происходитъ тогда безсознательно, не можетъ быть сведено къ хронологическимъ датамъ, къ опредѣленнымъ изслѣдованіямъ. Наблюдается какъ бы сложная коллективная работа, въ результатѣ которой дѣйствительное вліяніе отдѣльной личности съ трудомъ можетъ быть документально выдѣлено изъ сплетенной и перепутанной общей мысли.

Если изслѣдователь почему бы то ни было не имѣлъ времени свясно и цѣльно обработать свои мысли, былъ заваленъ текущими вопросами дня, его основныя идеи высказывались лишь *между прочимъ*; и хотя въ дѣйствительности онѣ являлись самымъ важнымъ и основнымъ элементомъ его дѣятельности, не онѣ бросались въ глаза современникамъ и послѣдующимъ поколѣніямъ, не онѣ отмѣчались въ научной библіографіи и литературѣ. Иногда ихъ можно понять, только окинувъ взоромъ всю совокупность его научныхъ работъ: только тогда видно, какъ эти идеи повторяются на разные лады, составляютъ основной тонъ научной мысли изслѣдователя, нигдѣ не выражаясь однако выпукло и полно, никогда не служа предметомъ самостоятельной обработки. Нерѣдко

даже, много позже, тѣ же идеи систематически и связно излагаются, какъ новыя, другими, у которыхъ онѣ незамѣтно возникли въ атмосферѣ, созданной трудами и мыслью предшественника. Поэтому въ наблюдательныхъ наукахъ особенно трудно детально выяснить генезисъ общихъ идей и общихъ задачъ изслѣдованія.

Еще труднѣе понять значеніе опредѣленной личности въ выясненіи общихъ идей тогда, когда эти идеи стали уже обиходными въ научной жизни, кажутся болѣе молодымъ поколѣніямъ совсѣмъ ясными и понятными, не требующими никакихъ объясненій, и когда въ научномъ сознаніи современниковъ не существуетъ пониманія настоящей роли ихъ духовнаго творца.

Таковы, *de facto*, тѣ двѣ идеи, которыя развиты въ трудахъ Докучаева. Въ этой области у него были предшественники, но они не были ему извѣстны. Руководящія мысли, наполнявшія научную дѣятельность Докучаева въ почвовѣдѣніи, казались его современникамъ странными и неправильными. Онъ впервые вдохнулъ жизнь въ эти идеи, самостоятельно выработалъ ихъ форму; благодаря его усиліямъ и его энергіи, онѣ уже больше не сходили съ научнаго поля, но понемногу цѣликомъ проникли въ наше научное сознаніе.

II.

Къ концу своей жизни, въ трепетной борьбѣ съ одолѣвавшимъ его недугомъ, онъ выдвинулъ такъ называемый имъ законъ *зональности*¹⁾. Онъ понималъ подъ этимъ именемъ совокупность различныхъ явленій, находящихся между собой въ связи, составляющихъ гармоническое цѣлое и вмѣстѣ подчиненныхъ опредѣленнымъ широтнымъ и высотнымъ поясамъ (зонамъ) на земномъ шарѣ. Онъ соединялъ здѣсь какъ такія явленія, зависимость которыхъ отъ этихъ факторовъ давно уже ясно сознавалась и много разъ указывалась, — данныя зоогеографіи, климатологіи, ботанической географіи, — такъ и типы и характеры почвъ.

Въ признаніи за условіями распространенія и происхожденія почвъ того же фактора, какой столь рѣзко и глубоко проявляется въ климатѣ, въ законахъ распространенія и измѣненія организмовъ, — заключается основная, оригинальная мысль Докучаева. Въ циклѣ давно узнанныхъ и обработанныхъ съ этой точки зрѣнія природныхъ явленій онъ ввелъ новую область, измѣнчивость которой въ этомъ отношеніи почти совсѣмъ или даже совсѣмъ не признавалась.

¹⁾ В. Докучаевъ. Зап. Сиб. Минерал. Общ. XXXVII. Сиб. 1899. стр. 139 сл. *Ею же*. Къ ученію о зонахъ природы. Сиб. 1899. стр. 6 сл., 16 сл.

Конечно, при изслѣдованіи и переработкѣ давно указанныхъ правильностей онъ, благодаря этому, получалъ новыя точки зрѣнія, вносилъ новыя пониманія въ давно извѣданныя соотношенія. Но не это представляется мнѣ интереснымъ и важнымъ. Важны не измѣненія въ пониманіи природы, которыя открываются благодаря тому, что изслѣдователь вноситъ новое, до него упущенное, звено въ безконечный по существу циклъ явленій; этимъ только до извѣстной степени мѣняется представленіе о гармоничности всѣхъ явленій, окружающихъ насъ въ природѣ, пониманіе цѣлостности облекающаго насъ, на видъ столь разнообразнаго и разъединеннаго, міра явленій. Такое чувство, ярко и глубоко сказывающееся въ трудахъ всѣхъ великихъ натуралистовъ, въ трудахъ Гумбольдта, Дарвина, Уоллеса, относится скорѣе къ области пониманія природы, чѣмъ къ области научнаго ея изслѣдованія. Съ чисто научной точки зрѣнія важно другое: важно рѣзкое и смѣлое отнесеніе Докучаевымъ въ область явленій, измѣнчивыхъ съ широтой и высотой мѣстности, такихъ предметовъ, какъ почвы. Этимъ совершенно и окончательно, самымъ кореннымъ образомъ измѣнилось пониманіе задачъ, предмета, области, приѣмовъ работы почвовѣдѣнія.

Въ этой своеобразной и молодой области знанія, которая входитъ какъ нѣчто цѣлое, въ циклъ другихъ геологическихъ наукъ, былъ выдвинутъ Докучаевымъ въ 1879 году географическій факторъ¹⁾, который рѣзко и навсегда отдѣляетъ ее отъ петрографіи или динамической геологіи, съ которой она нерѣдко неразрывно связывалась. Ибо факторъ этотъ, столь же въ ней существенный, какъ и въ климатологіи, играетъ подчиненную и неважную роль во всѣхъ вопросахъ петрографіи или даже въ большинствѣ явленій динамической геологіи.

Почти сто лѣтъ назадъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ окончательно ввелъ въ научное сознаніе значеніе изученія съ географической точки зрѣнія климата и растеній. Его трудами были положены основы столь разросшихся въ наше время отраслей знанія—климатологіи и географіи растеній. Въ блестящихъ *Ansichten der Natur*, въ 1804 году, Гумбольдтъ далъ цѣльныя картины взаимной связи съ географическими элементами животнаго міра, характера человѣческихъ племенъ, хода и особенностей ихъ цивилизаціи. Въ отличіе отъ ученыхъ и философовъ XVIII вѣка, непосредственнымъ продолжателемъ которыхъ онъ являлся и которые очень любили указывать на значеніе климата, какъ фактора, измѣняющаго всѣ при-

¹⁾ См. В. Докучаевъ. Картографія русскихъ почвъ. Спб. 1879, стр. 90 сл.

родныя и даже общественныя соотношенія, Гумбольдтъ подошелъ къ этимъ явленіямъ съ точнымъ мѣриломъ и съ научной критикой. Онъ точно графически отмѣчалъ на картѣ опредѣленныя числовыя данныя климатическихъ элементовъ, области распространенія растительныхъ формъ и ихъ комплексовъ. Но среди природныхъ явленій, измѣнчивыхъ съ климатомъ, глубоко связанныхъ съ широтой или высотой мѣстности, Гумбольдтъ нашелъ одинъ элементъ, отъ нихъ совершенно не зависящій,—это были горныя породы земной коры, съ которыми въ то время тѣсно и неразрывно связывались почвы. Среди чуждаго организованнаго міра, чуждыхъ растений и животныхъ Новаго Свѣта, въ совершенно новой обстановкѣ тропиковъ, указывалъ онъ, наблюдатель находить неизмѣнными все тѣ же знакомыя ему породы Стараго Свѣта, родного ему сѣвера, тѣ же граниты, известняки, песчаники, зеленокаменные породы ¹⁾.

Гумбольдтъ такимъ обобщеніемъ окончателно порвалъ съ древней научной традиціей, которая тянулась черезъ все XVII и XVIII столѣтія. Исходя изъ старинныхъ натурфилософскихъ мечтаній пи изъ лохо обобщенной практики алхимиковъ, давно уже въ сознаніи изслѣдователей ясно носилась мысль о значеніи широты мѣстности для образованія природныхъ минеральныхъ тѣлъ. Ибо широта мѣстности неразрывно связана съ тепловыми элементами земной коры; а вліяніе на образованіе минеральныхъ тѣлъ температуры давно бросалось въ глаза. Въ это время думали, что на холодномъ Сѣверѣ зарождаются богатыя руды желѣза, а въ горячихъ странахъ Экватора родятся драгоценныя камни и металлы, въ Индіи и Бразиліи—алмазы и золото.

Различныя натурфилософскія спекуляціи изъ области доннынѣ не существующей науки—географіи минераловъ—проникаютъ XVIII столѣтіе; съ ними считается Бюффонъ, осторожно борются Энциклопедисты. Но понемногу къ концу столѣтія, съ развитіемъ точнаго знанія, эти спекуляціи замираютъ. Гумбольдтъ только завершаетъ вѣковую работу мысли, совершенно исключая вліяніе географическихъ факторовъ на минералогическій и химическій составъ твердой земной коры. Однако онъ все же и здѣсь искалъ географическихъ соотношеній, но находилъ ихъ не тамъ, гдѣ мы, а видѣлъ ихъ проявленія въ тектоникѣ слоевъ, законно связанныхъ, по его мнѣнію, съ географической широтой и долготой мѣстности ²⁾. И несмотря на то, что онъ имѣлъ случай научно наблю-

¹⁾ А. Humboldt. Essai sur la géographie des plantes. P. 1807 p. 115 сл. *Его же*. Essai géognostique sur le gisement des roches dans les deux hemisphères 2 ed. P. 1826 p. 3 сл. *Его же*. Kosmos. St. 1845. I. p. 9 (Cotta).

²⁾ А. Humboldt. Essai géognost. P. 1826 pp. 4, 53 сл.

дать какъ черноземы Россіи, такъ и латериты (красноземы) тропиковъ, почвы различныхъ странъ свѣта, рѣзко отличныхъ типовъ,— онъ не видѣлъ тѣхъ явленій, которыя кажутся намъ теперь столь ясными и рѣзкими и уже входятъ въ обычные учебники.

Идеи Гумбольдта объ отсутствіи зависимости твердыхъ продуктовъ нашей земной коры отъ географическихъ факторовъ по сравненію со столь рѣзко и глубоко указанными имъ измѣненіями, какимъ подвергается съ широтой и высотой мѣстности атмосфера или покрывающій землю организованный міръ, вполнѣ господствовали до самаго послѣдняго времени ¹⁾).

Трудно сказать, когда эти идеи Гумбольдта, развитыя и подтвержденныя дальнѣйшей эволюціей геологіи, встрѣтились съ первыми возраженіями. Они впервые явились одновременно въ двухъ областяхъ знанія—въ минералогіи и въ ученіи о почвахъ.

Въ минералогіи уже современники Гумбольдта обратили вниманіе на связь явленій вывѣтриванія и продуктовъ, происходящихъ отъ разложенія организмовъ, съ географическими факторами. Распредѣленіе торфа, какъ показали Гундесгагенъ, Буссенго ²⁾ и Лежеръ ³⁾, тѣсно связано съ условіями разложенія органическаго вещества въ зависимости отъ климата; та же связь наблюдается и при образованіи селитръ (Буссенго). Въ замѣчательныхъ работахъ Домейки географическій принципъ былъ распространенъ и на процессы вывѣтриванія и даже заполнения минеральныхъ жилъ, при чемъ Домейко указывалъ на своеобразный характеръ жильныхъ выдѣленій Южной Америки по сравненію съ такими же минералами Старога Свѣта ⁴⁾). Но, несмотря на множество аналогичныхъ наблюденій, географія минераловъ и доселѣ не получила научнаго выраженія, и факты эти не вошли въ научное сознаніе.

Совершенно другое было съ почвами. Связь процесса вывѣтриванія и разложенія органическаго вещества съ климатическими факторами здѣсь бросалась въ глаза. Уже въ первой половинѣ XIX вѣка мы находимъ у отдѣльныхъ изслѣдователей (напр., у Шпренгеля) болѣе или менѣе ясныя указанія на зависимость тѣхъ

¹⁾ Лишь иногда, не обобщая явленія, онъ, какъ точный наблюдатель, не могъ не констатировать вліянія климатическихъ факторовъ на характеръ горныхъ породъ. См. *A. Humboldt. Fragments de géologie et de climatologie.* П. Р. 1831 р. 497 сл.

²⁾ Для Буссенго — ср. *Mayer. Die Bodenkunde.* 4 Aufl. Heid. 1895 р. 66. Для Гундесгагена см. *Наботкиъ.* Сельск. Хов. и Лѣсов. 1902, II стр. 491.

³⁾ Замѣчательная работа Лежера по-французски вышла въ 1843 году. См. *L. Lequerens. Unters. üb. die Torfmoore.* Her. von *A. v. Lengerlé.* В. 1847 р. 204 сл.

⁴⁾ См. сводку его идей (высказывались въ 1840-хъ годахъ). — *Domeyko Mineralogia.* Sant. 1879—1883.

или иных почвенных типовъ отъ климата, на существованіе особыхъ вопросовъ географіи почвъ. Но эти идеи въ теченіе десятковъ лѣтъ не нашли себѣ послѣдователей, бесплодно потухли послѣ своего мимолетнаго выраженія и ничѣмъ не отразились въ научныхъ работахъ даже тѣхъ самыхъ ученыхъ, у которыхъ находятъ подходящія цитаты. Можетъ быть, наиболѣе ясно современныя воззрѣнія о связи почвъ съ географическими факторами сказались въ предположеніяхъ о происхожденіи тѣхъ или иныхъ почвенныхъ типовъ въ тѣсной связи съ генезисомъ торфа и процессами, наблюдаемыми въ болотахъ. Эти идеи появлялись въ разныхъ странахъ независимо другъ отъ друга, но затѣмъ онѣ не обобщались, и неизбежныя ихъ слѣдствія ускользали отъ вниманія современниковъ. Простая, какъ намъ теперь кажется, работа синтеза не была сдѣлана, и связь ихъ съ другими научными данными не была признана. Уже въ началѣ XIX вѣка нѣкоторые американскіе натуралисты, напр., Атуотеръ и Бернъ (1819 — 1820) высказывали мнѣніе, что черныя почвы американскихъ прерій происходятъ изъ болотъ, аналогично торфяникамъ, въ тѣсной связи съ особенностями климата. Эти идеи, ими высказанныя вскользь, были развиты въ 1850—1860 годахъ Лекере, который не только расширилъ ихъ, но и развилъ, приведя въ связь всѣ аналогичныя почвы степей умѣренного пояса какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ. Несмотря на то, что Лекере дважды напечаталъ свою работу — она прошла незамѣченной, по крайней мѣрѣ въ этой своей части ¹⁾. Почти одновременно та же идея развивалась или высказывалась для русскаго чернозема. Намеки на нее мы находимъ уже въ концѣ XVIII вѣка у Гюльденштедта ²⁾; позже къ ней склонялся Германъ ³⁾, развивалъ Эйхвальдъ ⁴⁾ и особенно въ 1852 году Борисякъ ⁴⁾. Наконецъ въ 1837 году тѣ же идеи о генезисѣ черной почвы Индіи — такъ называемаго регура — были въ ясной формѣ изложены Ньюбольдомъ ⁵⁾. Болѣе тщательное изученіе вопроса, въ ро-

¹⁾ Современники обратили вниманіе на работы Лекере по вопросу о причинахъ безлѣсія прерій. Этотъ вопросъ вызвалъ тогда же (въ 1865—1866 годахъ) большую литературу. Работа Лекере была сперва напечатана въ 1866 году въ *Bulletin de la Société des Sc. Nat. de Neuchatel* и перепечатана въ 1865 году въ *American Journal of Science* (1865 v. 39 p. 317 сл. и vol. 40 p. 23 сл.). Работы Atwater и Bourne (въ *Amer. Journ. of Sc.* 1819—1820 v. 1—2) были мнѣ недоступны, и я зналъ ихъ по указанію Lesquereux.

²⁾ В. Докучаевъ. Рус. черноз. Спб. 1883. стр. 295, 287.

³⁾ И. Германъ. Земледѣльч. Журналъ. М. 1837. № 1, стр. 48.

⁴⁾ Н. Борисякъ. О черноземѣ. Харьк. 1852. стр. 62 сл.

⁵⁾ Newbold. Proceed. R. Soc. 1838. Ср. ея же *Journ. of Asiat. Soc. of Bengal*. № 154. Calc. 1844 p. 990.

ятно, укажетъ намъ другихъ забытыхъ представителей тѣхъ же взглядовъ. Для нихъ должно было быть ясно вліяніе климата, рельефа и т. п. географическихъ факторовъ на характеръ твердой покрывки земного шара; но они всѣ, кромѣ, можетъ быть, Лекере, примѣняли эту идею только для даннаго частнаго случая, не видѣли ея общаго значенія. Всѣ они дѣлали гипотезы, но не давали точныхъ, ярко выраженныхъ фактовъ и наблюденій, съ которыми неизбѣжно пришлось бы считаться.

Первое точное опроверженіе идей Гумбольдта,—хотя не сознательное и не высказанное, но вполне обоснованное и уже не потерявшееся въ научномъ обмѣнѣ, было, кажется мнѣ, сдѣлано въ Россіи, въ связи съ изученіемъ русскихъ почвъ и главнымъ образомъ чернозема, который въ исторіи почвовѣдѣнія сыгралъ такую же выдающуюся роль, какую имѣли лягушка въ исторіи физиологіи, кальцитъ въ кристаллографіи, бензолъ въ органической химіи.

Еще великіе русскіе путешественники Екатерининскаго времени отмѣтили на огромныхъ пространствахъ Европейской и Азіатской Россіи особую почву, рѣзко отличную по характеру растительности и по своимъ свойствамъ отъ другихъ почвъ нашей страны и Западной Европы—черноземъ. Они могли прослѣдить довольно точно ея границы, и существованіе такихъ границъ было уже въ общихъ чертахъ извѣстно къ концу XVIII столѣтія, а въ 1842 г. эти границы были впервые выражены бар. А. К. Мейендорфомъ и П. Зиновьевымъ на картѣ промышленности Европейской Россіи.

Когда въ эпоху управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ гр. Кисилевымъ въ 1838 г. была сдѣлана, кончившаяся неудачей и вызвавшая напрасныя затраты, попытка кадастровыхъ работъ, въ связи съ ними министерствомъ по всей Россіи были произведены опросы о свойствахъ почвъ¹⁾. Эти опросы о почвахъ и послужили первымъ научнымъ матеріаломъ, неожиданно приведшимъ къ крушенію идей Гумбольдта.

Съ точки зрѣнія русской государственной практики министерство не дѣлало ничего новаго. Оно безсознательно продолжало исконные оцѣночныя приемы, вызванные своеобразными естественно-историческими и территоріальными условіями нашей земледѣльческой страны. Такъ, еще въ оцѣночныхъ работахъ Московскаго государства принималось во вниманіе качество почвъ²⁾ и съ нимъ же считались при собираніи статистическихъ свѣдѣній въ Россіи—

1) Объ этихъ опросахъ и объ исторіи почвенныхъ картъ въ Россіи вообще см. В. Докучаевъ. Картографія русскихъ почвъ. Спб. 1879. *Ею же.* Главные моменты въ оцѣнкѣ земель Евр. Россіи. Спб. 1886.

2) В. Докучаевъ. Гл. моменты etc. Спб. 1886, стр. 4.

ской имперіи въ XVIII вѣкѣ¹⁾. Но въ работѣ кадастра XIX вѣка эти приемы были сведены къ новой формѣ, и для ихъ улучшенія были приняты во вниманіе схемы единственнаго западно-европейскаго кадастра, въ которомъ играло роль качество почвы, — кадастра Саксоніи (1833 сл.)²⁾. Здѣсь была произведена довольно сложная попытка естественной классификаціи почвъ. Однако, въ то время какъ въ маленькомъ государствѣ, на небольшомъ участкѣ земной коры, скрылись характерныя черты цѣлаго, въ Россіи нанесеніе на карту тѣхъ же, по существу грубыхъ, данныхъ на огромномъ пространствѣ сразу выставило на видъ закономѣрность географіи почвъ.

Эта закономѣрность была уже выражена на первой почвенной картѣ Россіи, составленной на основаніи этихъ свѣдѣній К. Веселовскимъ въ 1849 г.; въ 1851 году карта была выпущена въ свѣтъ. Она не задавалась никакими научными задачами, она давала лишь удобное графическое выраженіе многочисленнымъ опроснымъ свѣдѣніямъ хозяевъ, исправленнымъ согласно съ спорадическими указаніями ученыхъ изслѣдователей³⁾. А между тѣмъ, въ дѣйствительности, она впервые дала ясныя факты, рѣзко противорѣчащія господствующимъ научнымъ взглядамъ.

На картѣ Веселовскаго ясно измѣненіе почвъ, аналогичное измѣненію климатическихъ данныхъ или распространенію другихъ естественныхъ тѣлъ въ связи съ географическими условіями. Новыя картографическія обработки все того же матеріала — коллективнаго опыта населенія, столь важной въ исторіи науки работы мысли народныхъ массъ, все рѣзче выставляли географическій характеръ почвенныхъ типовъ. Постепенно карты перерабатывались и улучшались; на нихъ наносились новыя опросныя свѣдѣнія и указанія ученыхъ.

Къ концу 1870-хъ годовъ весь матеріалъ былъ вновь переработанъ и собранъ въ колоссальномъ трудѣ В. И. Чаславскаго (1879)⁴⁾, данные котораго, измѣненныя и исправленныя научной работой Докучаева и болѣе молодыхъ русскихъ почвовѣдovъ (Н. М. Сибирцева, Танфильева, Ферхмина и др.), легли въ концѣ-концовъ въ

¹⁾ *И. Вернадскій*. Историч. очеркъ практической статистики. М. 1855, стр. 44—45 въ сборникѣ „Въ воспоминаніе 12 января 1855 года“.

²⁾ О саксонскомъ кадастрѣ см. *Ө. Горь-Романинскій*. Поземельный кадастръ П. Варш. 1900, стр. 273 сл., 338 сл., о его вліяніи въ Россіи ib. стр. 281. *И. Вернадскій* I. с.

³⁾ Это была одна изъ первыхъ почвенныхъ картъ. На Западѣ чисто почвенныя (не геологически почвенныя) карты появились въ 1850—1860-хъ гг. см. *Н. Сибирцевъ*. Почвовѣдѣніе. Вып. III. Спб. 1901, стр. 158.

⁴⁾ О Чаславскомъ см. *В. Докучаевъ*. Тр. В. Эк. Общ. 1882. I. 434.

основание современной почвенной карты Европейской Россіи (1901)¹⁾, не имѣющей себѣ равной въ научной литературѣ по точности работы и по величинѣ захваченной въ изслѣдованіе площади.

Наиболѣе рѣзко своеобразный характеръ измѣненія почвы въ связи съ географическими факторами проявлялся на этихъ картахъ на черноземѣ. Аналогичныя черты въ условіяхъ распространенія тропическихъ и подтропическихъ почвъ, указанныя еще въ самомъ началѣ XIX вѣка Бекананомъ (въ 1807 г.)²⁾, остались совершенно неизвѣстными ученымъ и вошли въ научный обиходъ только послѣ работъ Рихтгофена и англо-индійскихъ геологовъ. Поэтому въ серединѣ XIX вѣка казалось, что приноровленность почвы къ определеннымъ мѣстностямъ, географическій характеръ ея распространенія подмѣчены были только въ одномъ этомъ случаѣ и въ одномъ мѣстѣ на земномъ шарѣ, въ предѣлахъ Европейской Россіи. При такомъ взглядѣ было возможно придавать этому случаю специальное объясненіе геологическаго характера.

И уже Мурчисонъ въ началѣ 1840-хъ годовъ пытался объяснить черноземъ въ отличіе отъ другихъ почвъ, какъ продуктъ отложенія водъ, недавно покрывавшихъ югъ Россіи. Границы этого гипотетическаго бассейна выражались въ границѣ чернозема. Этимъ объяснялись всѣ особенности его нахожденія и его свойствъ по сравненію съ другими почвами³⁾.

Въ 1866 г. въ замѣчательной работѣ Рупрехта⁴⁾ была доказана невозможность образованія чернозема, какъ воднаго остатка, была восстановлена исконная народная гипотеза его происхожденія, излагавшаяся еще въ серединѣ XVIII столѣтія Ломоносовымъ⁵⁾ и позже учеными академиками Петербургской Академіи Наукъ⁶⁾, не разъ высказываемая вскользь въ научной литературѣ XIX вѣка; это было общее мнѣніе мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ, всегда допу-

¹⁾ В. Докучаевъ, *Н. Сибирцевъ, А. Ферхмитъ и Г. Танфильевъ*. Почвен. карта Европ. Россіи. Спб. 1900 (sic). О ней А. Ферхмитъ и Г. Танфильевъ. Краткій объясн. текстъ къ почв. картѣ. Спб. 1902.

²⁾ Работа Беканана была мнѣ недоступна. О ней см. *Du Bois*. Miner. Petrogr. Mittheil. W. 1903. XXII. p. 6. О *F. Bueknan-Hamilton'* (1762—1829) см. *J. Britten a. G. Bowler* A biograph. index of British botanists. L. 1893. p. 76. *G. King*. Rep. of Brit. Association 1899 (Dover). p. 906—907.

³⁾ Р. Мурчисонъ. Журн. Мин. Госуд. Им. 1843. № 3, стр. 130 сл. (по англ. въ 1842 г. въ Journ. of Agric. Soc.). *Ею же*. Geology of Russia. L. 1845.

⁴⁾ Ф. Рупрехтъ. Геоботаническія наслѣд. о черноземѣ. Спб. 1866, стр. 6 сл.

⁵⁾ В. Вернадскій. „О значеніи трудовъ М. В. Ломоносова въ минералогіи и геологіи“ въ „Ломоносовскомъ Сборникѣ“. М. 1900, стр. 27. П. Оттопкій. Почвовѣдѣніе. 1900. № 4, стр. 327.

⁶⁾ В. Докучаевъ. Русск. черноземъ. Спб. 1883. стр. 285 сл.

скавшихъ, что черноземъ есть продуктъ гнѣнія наземной растительности¹⁾.

Однако Рупрехтъ все еще не могъ объяснить рѣзкую сѣверную и южную границы чернозема, отсутствіе его внѣ тѣсной и опредѣленной области. Онъ долженъ былъ признать для этого существованіе особыхъ геологическихъ условій: черноземъ, по его мнѣнію, представляетъ поверхностное образованіе древней суши, о которую разбивались волны сѣвернаго моря, несшія ледяныя горы-падуны въ дилювіальное время. Рѣзкая сѣверная граница его есть граница этого древняго континента и создана обычной дѣятельностью геологическихъ агентовъ. Черноземъ не могъ образоваться на югѣ Россіи, гдѣ не наблюдается для него рѣзкой границы и гдѣ онъ постепенно переходитъ въ другія почвы, покрывающія новѣйшія геологическія отложения. Почвы юга Россіи, по мнѣнію Рупрехта, еще не успѣли накопить гумусъ и образовать черноземъ, благодаря своей молодости; для накопленія гумуса необходимы долгіе вѣка неизмѣнныхъ климатическихъ условій, благопріятныхъ развитію растительности.

III.

Такъ стоялъ вопросъ о границахъ чернозема, когда въ 1877 г. къ его рѣшенію подошелъ относительно молодой еще въ то время геологъ В. В. Докучаевъ.

Медленно и долго онъ выбивался изъ тяжелыхъ матеріальныхъ условій. Сынъ священника Сычевскаго уѣзда, Смоленской губерніи, Докучаевъ шелъ впередъ съ страшной борьбой, въ тяжелой нуждѣ, подорвавшей въ концѣ-концовъ его могучій организмъ. Научно онъ работалъ въ это время главнымъ образомъ въ области динамической геологіи и новѣйшихъ образованій. Весь укладъ его мысли находился подъ сильнымъ вліяніемъ того общественнаго интереса къ естествознанію, которое характеризуетъ 1860-е годы.

Подъ вліяніемъ этого общественнаго возбужденія, когда интересъ къ естествознанію оказался тѣсно связаннымъ съ этическими и общественными запросами, въ Россіи въ 1870-хъ годахъ наблюдается блестящій расцвѣтъ научной дѣятельности, почти во всѣхъ областяхъ естествознанія. Здѣсь не мѣсто и нѣтъ возможности ка-

¹⁾ Рупрехтъ (l. c.) указываетъ на Гюю въ 1840-хъ годахъ. Объ аналогичныхъ идеяхъ проф. Шмальда (1835) см. *А. Яриловъ*. Почвовѣдѣніе. У. Спб. 1903, стр. 52 сл., Германа (1836) и др. *В. Докучаевъ*. Рус. черноз. Спб. 1883, стр. 295 сл. *Борисякъ* (О черноземѣ. X. 1852, стр. 46) говоритъ объ этихъ идеяхъ, какъ объ обычномъ мнѣніи народа, и съ ними полемизируетъ. Также полемизируетъ съ аналог. идеями бар. Мейендорфа—Мурчисонъ. (*Мурчисонъ* l. c. 1843, стр. 130).

саться той научной среды, въ которой въ 1870-хъ годахъ въ Петербургѣ развивалась мысль Докучаева; но въ исторіи геологіи работы людей, собравшихся въ то время въ Петербургѣ, не будутъ пройдены молчаніемъ. Достаточно вспомнить совершенно выдающіяся по самостоятельности и глубинѣ мысли работы кн. П. А. Кропоткина въ связи съ ледниковымъ періодомъ,—работы, оказавшія въ концѣ-концовъ рѣшающее вліяніе на весь ходъ мысли Докучаева въ этой области явленій и опредѣлившія его научные интересы.

Привыкнуши къ точному и внимательному наблюденію поверхностныхъ отложений и рельефа, въ связи съ этими идеями, онъ перенесъ въ новую для него область почвъ тѣ же приемы изслѣдованія, какіе выработались у него въ многолѣтней полевой геологической работѣ надъ новѣйшими отложениями Россіи. По складу своего ума Докучаевъ былъ одаренъ совершенно исключительной пластичностью воображенія; по немногимъ деталямъ пейзажа онъ схватывалъ и рисовалъ цѣлое въ необычайно блестящей и ясной формѣ. Каждый, кто имѣлъ случай начинать свои наблюденія въ полѣ подъ его руководствомъ, несомнѣнно испытывалъ то же самое чувство удивленія, какое помню и я, когда подъ его объясненіями мертвый и молчаливый рельефъ вдругъ оживлялся и давалъ многочисленныя и ясныя указанія на генезисъ и на характеръ геологическихъ процессовъ, совершающихся и скрытыхъ въ его глубинахъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Докучаевъ изрѣзалъ черноземныя области по разнымъ направленіямъ и въ результатъ этихъ работъ въ 1883 году окончательно выдвинулъ теорію сухопутнаго образованія чернозема, зарожденіе его разложеніемъ степной травянистой растительности подъ вліяніемъ нынѣ дѣйствующихъ агентовъ, среди которыхъ видное мѣсто онъ отвелъ климатическому фактору ¹⁾. Подвергнувъ черноземъ химическому разложенію, онъ впервые указалъ на измѣненіе химическаго состава этого тѣла въ тѣсной зависимости отъ тѣхъ же географическихъ факторовъ. По мѣрѣ движенія на сѣверовостокъ количество органическихъ веществъ чернозема замѣтно и правильно увеличивается, апаалогично ходу климатическихъ кривыхъ, главнымъ образомъ изотеръ (изогумусовыя полосы Докучаева) ²⁾.

Всякія мѣстныя геологическія объясненія южной и сѣверной границы чернозема сами собой отпали. Констатированъ былъ прочно установленный фактъ, рѣзко противорѣчащій господствующимъ идеямъ Гумбольдта.

¹⁾ Насколько эти идеи тогда были новыми, видно, напримѣръ, изъ возраженій проф. П. Костычева. Почвы черноземной области Россіи. I. Спб. 1886, стр. 95 сл.

²⁾ В. Докучаевъ. Русск. черноземъ. Спб. 1883, стр. 282.

На распространеніи и генезисѣ твердыхъ продуктовъ земной коры можно было ясно наблюдать географическіе законы; къ ранѣе существовавшимъ областямъ географіи растений или животныхъ, климатологіи, должна была быть прибавлена новая глава—географія почвъ.

Этотъ выводъ былъ сдѣланъ постепенно; но онъ тогда же былъ высказанъ ясно, вполнѣ понимался какъ самимъ Докучаевымъ, такъ и въ томъ кружкѣ молодыхъ начинающихъ ученыхъ, которые группировались вокругъ него въ началѣ 1880-хъ годовъ.

Любопытно, что въ то же время, совершенно независимо отъ Докучаева, тѣ же идеи—въ общихъ чертахъ—высказаны были и нынѣ живымъ нѣмецкимъ ученымъ фонъ Рихтгофеномъ. Рихтгофенъ въ географіи въ извѣстной степени явился продолжателемъ Гумбольдта; подобно ему, онъ соединялъ эрудицію и точный научный анализъ съ широкимъ личнымъ наблюдениемъ природы при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Въ многолѣтнихъ географическихъ и геологическихъ работахъ въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ Рихтгофенъ могъ ясно убѣдиться въ чрезвычайной зависимости продуктовъ вывѣтриванія отъ климата. Наблюдая почвы разныхъ климатовъ, разныхъ широтъ и высотъ, въ концѣ-концовъ онъ пришелъ къ убѣжденію въ измѣнчивости, въ связи съ географическими элементами, верхней покрывки земной коры, въ возможности географіи почвъ, даже больше—географіи поверхностныхъ отложений земной коры. Такія идеи болѣе или менѣе ясно высказывались имъ въ разныхъ работахъ, и наконецъ въ 1886 году въ *Führer f. d. Forschungsreisende* Рихтгофенъ далъ полный обзоръ почвъ земного шара; въ блестящихъ, полныхъ до сихъ поръ современнаго интереса, страницахъ онъ указалъ на зональный типъ ихъ распространенія и генезиса ¹⁾.

Но эти идеи Рихтгофена не сразу обратили на себя вниманіе; онѣ долго лежали въ сторонѣ отъ обычныхъ путей научнаго развитія. Лишь въ послѣдніе годы изъ нихъ исходили нѣкоторые изслѣдователи почвъ тропическихъ и подтропическихъ странъ.

Другое было съ идеями Докучаева. Онъ сумѣлъ собрать вокругъ себя живую и горячую группу молодежи, вызвать интересъ къ работамъ въ соприкасающихся областяхъ знанія, найти средства, нужныя для систематическихъ работъ въ новомъ направленіи. Эти средства—десятки тысячъ рублей—онъ нашелъ въ русскомъ обществѣ. Онъ привлекъ къ почвеннымъ работамъ вниманіе общественныхъ силъ—Вольно-Экономическаго Общества и земствъ.

¹⁾ *F. v. Richtofen. Führer f. d. Forschungsreisende. L. 1886, p. 451 сл.*

Быстро разрослась подъ его вліяніемъ русская литература почвовѣдѣнія, появилось много отдѣльныхъ работъ, оказалось возможнымъ начать періодическія изданія, посвященныя почвамъ, сперва «Матеріалы къ познанію русскихъ почвъ», потомъ «Труды почвенной комиссіи» и наконецъ «Почвовѣдѣніе». Подъ его руководствомъ появились спеціальныя почвенныя карты и изучены почвы Нижегородской и Полтавской губерній, подъ его вліяніемъ вышла новая научная почвенная карта всей Европейской Россіи. Наконецъ, выработались зональныя географическія почвенныя классификаціи, охватившія весь земной шаръ,—въ трудахъ Докучаева и независимо отъ него тоже покойнаго теперь проф. Н. М. Сибирцева.

Нынѣ тѣ же самыя идеи, въ связи съ развитіемъ взглядовъ Рихтгофена, съ каждымъ годомъ все больше и больше захватываютъ научную литературу Запада и Америки. И въ этомъ движеніи труды почвенной школы Докучаева стоятъ на видномъ мѣстѣ, идутъ впереди научнаго движенія.

IV.

Въ тѣсной связи съ развитіемъ идей по географіи почвъ развивались и воззрѣнія Докучаева на почвы. Онъ разсматривалъ ихъ какъ естественныя тѣла, какъ особаго рода образованія, которыя могли быть поставлены, съ точки зрѣнія логическаго анализа, на ряду съ минералами, горными породами, организмами. Понятно поэтому, что отрасль знанія, занимающаяся почвами, съ удобствомъ могла быть выдѣлена въ особую науку—почвовѣдѣніе.

Но такая наука не сразу получила признаніе. Еще до сихъ поръ слышны скептическіе голоса, относящіе ее то къ геологіи, то къ земледѣльческой химіи, отрицающіе за почвовѣдѣніемъ право на самостоятельное существованіе.

Немного найдется вопросовъ логики и теоріи познанія, которые бы такъ горячо и страстно обсуждались въ средѣ точныхъ естествоиспытателей, какъ вопросы о классификаціи наукъ, о томъ, представляетъ или нѣтъ та или иная область явленій самостоятельную науку.

Эти споры не имѣютъ никакого реальнаго научнаго основанія. Историкъ научной мысли можетъ и долженъ видѣть въ нихъ только вліяніе проникновенія—иногда бессознательнаго—философскаго мышленія въ научную среду. Въ результатъ такой философской мысли, въ тѣсной связи съ ея глубиной, съ большей или меньшей философской образованностью, возникаютъ разнообразныя классификаціи наукъ и ихъ пониманія. Нигдѣ такъ ярко не отражается

неизбѣжное проникновеніе философскихъ построеній въ научное сознаніе, какъ въ этихъ спорахъ и въ томъ интересѣ, который возбуждается въ естествоиспытателѣ такими вопросами. Но нигдѣ мы и не наблюдаемъ такого количества шаткихъ и легкихъ какъ карточные домики построеній, какъ въ такихъ экскурсіяхъ натуралистовъ въ эту чуждую имъ область, ибо рѣдко когда они въ состояніи считаться съ парящей здѣсь средой понятій, созданныхъ глубокой вѣковой работой философіи.

Наши современныя науки ограничились и образовались въ научномъ сознаніи путемъ длиннаго и сложнаго историческаго процесса, носятъ на себѣ явные слѣды наслоеній разнаго характера и различныхъ историческихъ эпохъ. Границы между ними и ихъ количество не представляетъ ничего неподвижнаго — наоборотъ, они постоянно дробятся и создаются вѣчнымъ движеніемъ научнаго сознанія.

Само собой ясно, что, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ основныхъ посылокъ, можно дѣлать и классифицировать матеріалъ точнаго знанія на множество самыхъ разнообразныхъ взаимнопротиворѣчащихъ способовъ. Какъ во всякомъ вопросѣ философскаго характера, здѣсь нѣтъ единаго, безспорнаго, общеобязательнаго рѣшенія.

Съ научной точки зрѣнія гораздо важнѣе другое отношеніе къ созидającymся научнымъ дисциплинамъ, важнѣе та своеобразная форма спеціализаціи, которая давно охватила и стала обычной въ наукахъ гуманитарнаго характера. Ею создалось совершенно иное, чѣмъ въ естествознаніи, гораздо болѣе реальное, менѣе философское, отношеніе къ понятію о наукѣ. Область знанія, по тѣмъ или инымъ причинамъ вызвавшая къ себѣ особый интересъ, требующая долгаго ознакомленія съ обширной спеціальной литературой, трудной и медленной предварительной подготовки, обладающая спеціальными своеобразными методами или приѣмами работы, выдѣляется здѣсь въ особую науку. Въ этой наукѣ создаются спеціалисты, она получаетъ особое названіе.

Въ такомъ положеніи давно находится наука о почвахъ, или какъ ее иногда называютъ, педологія. «Правильно» или «неправильно» — по заслугамъ или нѣтъ — эта область знанія обладаетъ такой огромной литературой, такимъ своеобразіемъ методовъ работы, такимъ ясно очерченнымъ полемъ изслѣдованія, что давно образовала спеціалистовъ, которые ставятъ цѣлью своей научной жизни исключительное изученіе вопросовъ, касающихся почвъ. Для точнаго изслѣдователя природы не можетъ быть и сомнѣнія, что она стала наукой, точно такъ же и на тѣхъ же реальныхъ основа-

ніяхъ, на какихъ выросли и получили право на существованіе другія болѣе старыя научныя дисциплины, благодаря привычкѣ не возбуждающія ни въ комъ никакихъ сомнѣній.

Для естественныхъ наукъ однако важно не одно только выдѣленіе новой научной дисциплины, важно признаніе этого факта въ общемъ сознаніи. Только оно даетъ необходимыя средства для созданія незамѣнимыхъ орудій научнаго прогресса, лабораторій и музеевъ. Такія учрежденія служатъ центрами, обеспечивающими непрерывно развитіе науки, создаютъ возможность научныхъ традицій и школъ. Въ исторіи каждой науки созданіе лабораторій или специальныхъ музеевъ, основаніе особыхъ ей посвященныхъ кафедръ въ университетахъ или высшихъ техническихъ школахъ является важнымъ историческимъ моментомъ, надолго опредѣляющимъ ея дальнѣйшее развитіе.

Для почвовѣдѣнія эти крупныя шаги были впервые сдѣланы у насъ въ Россіи. Заслуга эта всецѣло лежитъ на В. В. Докучаевѣ. Его усиліями и настойчивой энергичной работой была учреждена первая кафедра почвовѣдѣнія въ институтѣ сельскаго хозяйства въ Новой-Александріи и созданъ первый специальный почвенный музей при Вольно-экономическомъ обществѣ въ Петербургѣ, въ основу котораго были положены собранныя имъ коллекціи ¹⁾. Только болѣзнь не дала ему возможности развить эти первыя начинанія, расширить эту организаторскую работу. Отъ него остался лишь цѣлый полный планъ, ожидающій осуществленія.

V.

Въ основу такой организаторской работы Докучаева легла его идея о томъ, что почва есть особое естественное тѣло, которое рѣзко отличается и должно быть отдѣлено отъ горной породы, съ которой она долго смѣшивалась ²⁾.

Въ 1870-хъ годахъ такія мысли казались научною ересью. Однако онѣ не разъ и раньше высказывались въ теченіе первой половины XIX в., но быстро забывались и исчезали изъ обращенія. Среди крупныхъ предшественниковъ этихъ идей нельзя не вспомнить теперь работъ нѣмецкаго ученаго К. Шпренгеля, точ-

¹⁾ Почвенныя собранія, очень многочисленныя на западѣ, приурочены къ музеямъ геологическимъ или агрономическимъ. Среди нихъ, по научному интересу очень выдается почвенный отдѣлъ геологическаго музея въ Будапештѣ. О почвенныхъ музеяхъ, см. *А. Ярыловъ*. Землевѣдѣніе. М. 1903. № 2—3, стр. 91 сл.

²⁾ *В. Докучаевъ*. Картографія русскихъ почвъ. Спб. 1879, стр. 90 сл. и дальше во всѣхъ работахъ.

наго и самостоятельнаго ученаго, развившаго аналогичныя возрѣнія въ 1820—1840-хъ годахъ. Въ свое время труды Шпренгеля не прошли безслѣдно, но они далеко не оказали всего должнаго вліянія на современниковъ. Больше того: послѣ развитія земледѣльческой химіи подъ вліяніемъ Либиха, однимъ изъ прямыхъ предшественниковъ котораго былъ тотъ же Шпренгель, взгляды Шпренгеля казались устарѣлыми и невѣрными, и въ ученіи о химическомъ составѣ почвъ начали почти безраздѣльно царить теоретическія и химическія схемы, выведенныя на основаніи валового химическаго анализа, далекія отъ дѣйствительности. Въ 1870-хъ годахъ самое имя Шпренгеля почти исчезло изъ научнаго обращенія ¹⁾.

Докучаевъ въ первыхъ же своихъ работахъ ясно и точно выставилъ это положеніе и неуклонно повторялъ его, болѣе или менѣе развивая, всю свою жизнь. Онъ называлъ почвой сложное тѣло, которое является результатомъ взаимодействія между климатомъ, подстилающей горной породой, организованнымъ міромъ, въ ней и на ней живущимъ, рельефомъ мѣстности. Онъ указывалъ, что своеобразное тѣло, которое при этомъ получается, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разсматриваемо какъ механически-рыхлая, измѣненная верхняя часть подстилающей почву горной породы.

Эта идея только медленно и постепенно входила въ общее сознаніе, встрѣтила множество возраженій. Какъ логическое опредѣленіе всякаго сложнаго естественнаго явленія она, конечно, не можетъ цѣликомъ его охватывать. Тѣсно связаны съ пей многія неясности и неопредѣленности. Такъ, неясно, гдѣ надо проводить нижнюю границу почвы, неясно различіе между почвами и рыхлыми продуктами нѣкоторыхъ химическихъ вывѣтриваній на земномъ шарѣ. Но такія неясности не исчезаютъ и при отнесеніи почвъ къ горнымъ породамъ: наоборотъ, онѣ увеличиваются въ числѣ, становятся болѣе рѣзкими, менѣе разрѣшимыми.

Въ то время когда эти идеи высказывались, онѣ не могли быть даже точно доказаны, ибо многія вспомогательныя научныя

¹⁾ О К. Шпренгелѣ (1787 — 1859) см. *Fraas. Gesch. d. Landwirthschaft. Prag. 1852, p. 194 сл. Ею же. Gesch. d. Landbaukunde. М. 1865, p. 245 сл. Либихъ. Химія въ приложеніи къ земледѣлію, перев. Ильенкова. Спб. 1864, стр. 14. А. Коһт. J. v. Liebig. Giess. 1904, p. 154. Набокинъ. Сельск. Хоз. и Лѣс. 1902. II. 258 сл. Значеніе Шпренгеля въ почвовѣдѣніи до сихъ поръ не оценено и работы его во многомъ выше его времени. Изъ относящихся къ данному вопросу особенно интересны прекрасныя статьи его по минералогіи почвъ въ *Erdmann's Journal f. techn. u. ökonom. Chemie* за 1828, т. II—III и его *Bodenkunde. L. 1837, p. 114 сл.* (Второе изданіе 1844 года было мнѣ недоступно.)*

понятія не были выработаны или сознаны современниками. Съ тѣхъ поръ прошло больше 20 лѣтъ—большой періодъ въ исторіи естествознанія. Прошло достаточно времени для оцѣнки новыхъ идей, должно было выясниться, противорѣчатъ ли онѣ добываемымъ научнымъ выводамъ или вполне имъ отвѣчаютъ.

Для рѣшенія этого вопроса особенно важно развитіе, какое получила въ послѣдніе года минералогія, отрасль знанія, занимающаяся изученіемъ химическихъ процессовъ и продуктовъ нашей планеты. Эта наука, благодаря успѣхамъ химіи и широкому развитію своеобразнаго наблюдательнаго метода, ей исключительно свойственнаго (такъ называемаго парагенетическаго), находится въ настоящее время въ періодѣ усиленнаго роста и измѣненія. Мнѣ кажется, что она представляетъ теперь достаточно данныхъ для оцѣнки педологическихъ идей Докучаева, высказанныхъ имъ еще къ концу 1870-хъ годовъ.

Для познанія почвъ необходимо тщательно и точно изучить ихъ минералогію, т.-е. узнать свойства, генезисъ и измѣненія минераловъ, ихъ составляющихъ. Эти минералы оказываются рѣзко отличными, можно сказать, совсѣмъ чуждыми тѣмъ горнымъ породамъ, съ которыми невольно консерватизмъ научной мысли соединяетъ почвы.

Въ почвовѣдѣніи послѣ блестящихъ работъ Либиха окончательно утвердилось сознаніе важности познанія химическаго состава почвъ. Значеніе неорганическихъ составныхъ частей почвъ для питанія растений, значеніе калия и фосфора, вошло въ плоть и кровь, въ сознаніе не только ученыхъ, но и практиковъ сельскихъ хозяевъ. Оно вызвало массу разнообразныхъ химическихъ анализовъ почвъ, и только сравнивъ данныя о химическомъ составѣ ихъ, которыя были въ распоряженіи науки въ до-либиховскій періодъ, въ 1830 годахъ, когда появилась первая сводка Шпренгеля, съ тѣмъ матеріаломъ, который накопленъ многолѣтней работой изслѣдователей, можно понять колоссальную работу, произведенную въ химическихъ лабораторіяхъ.

Однако мы имѣемъ здѣсь только данныя валового анализа; всѣ разсужденія на этомъ основаніи, о химическомъ составѣ почвъ такъ же невѣрны, проблематичны и схематичны, какъ были ими наши знанія о химическихъ свойствахъ и составѣ горныхъ породъ до тѣхъ поръ, пока оказалось возможнымъ непосредственно опредѣлять въ нихъ составляющіе ихъ минералы. И можно было соединять почвы въ одно цѣлое съ горными породами только до тѣхъ поръ, пока у насъ не было никакихъ указаній на характеръ минераловъ, входящихъ въ составъ почвъ, и нельзя было сравнивать ихъ съ хорошо изученными порообразующими минералами.

Среди господствующих въ горныхъ породахъ минераловъ подавляющимъ образомъ преобладаютъ своеобразные твердые растворы — изоморфныя смѣси или ихъ комплексы. Даже въ породахъ, состоящихъ изъ рыхлыхъ продуктовъ вывѣтриванія, то-есть разрушенія породъ подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей, составляющіе ихъ минералы находятся въ опредѣленномъ, довольно простомъ, отношеніи къ этимъ твердымъ растворамъ.

Совершенно другое представляютъ изъ себя минералы, сосредоточенные въ почвахъ. Мы находимъ здѣсь новыя минеральныя образованія, рѣдкія или неизвѣстныя въ горныхъ породахъ. Изоморфныя смѣси отходятъ на второй планъ или являются механическимъ и неважнымъ въ химіи почвъ придаткомъ. На первое мѣсто выступаютъ своеобразныя сложныя системы, тоже, можетъ быть, близкія къ твердымъ растворамъ, но совершенно иного, чѣмъ изоморфныя смѣси, характера. Въ простыхъ случаяхъ, для алюмосиликатовъ, эти тѣла очень близки къ тѣмъ твердымъ диссоціационнымъ системамъ, какими среди обычныхъ минераловъ являются цеолиты. Эти минералы почвъ едва начинаютъ быть намъ точно извѣстными, немногіе изъ нихъ мы умѣемъ выдѣлять въ свободномъ состояніи. И однако мы можемъ утверждать въ настоящее время съ полной увѣренностью, что въ составѣ почвъ, въ ихъ химіи, преобладающую роль играютъ такіе классы минеральнаго царства, которые совсѣмъ почти неизвѣстны въ составѣ и процессахъ горныхъ породъ.

Эти твердые продукты находятся въ почвѣ въ особомъ физическомъ состояніи. Они проникнуты разнообразными газами и находятся въ постоянномъ тѣснѣйшемъ обмѣнѣ съ окружающей газобразной средой. Временами они образуютъ тѣснѣйшія смѣси, легко разлагаемыя соединенія, съ водой. Они постоянно облекаются и перерабатываются живымъ организованнымъ веществомъ, тѣсно смѣшаны съ продуктами его замиранія и его жизнедѣятельности.

Въ то время какъ горная порода представляетъ нѣчто неподвижное, мало измѣнчивое въ короткій промежутокъ времени, — почва есть все время мѣняющееся тѣло, которое мы изслѣдуемъ уже въ мертвомъ, вполнѣ чуждомъ состояніи, когда беремъ кусокъ ея въ нашу лабораторію или почвенную коллекцію.

Въ каждой почвѣ мы должны болѣе или менѣе рѣзко различать двѣ разныхъ составныхъ части: 1) инертный, мало имѣющій значенія своимъ составомъ въ химіи почвъ, скелетъ ихъ¹⁾ и 2) на-

¹⁾ Химическое значеніе „скелета“ почвъ, состоящаго нерѣдко изъ соединеній крайне стойкихъ (напр., изъ SiO_2 въ формѣ кварца), обыкновенно очень велико, такъ какъ благодаря тонкой раздробленности, въ которой онъ находится, онъ могуще-

ибольше характерную составную часть ихъ, вѣчно измѣнчивую, такъ или иначе связанную со своеобразными соединеніями углерода, можетъ быть также съ кремне-глиноземистыми комплексами. Въ скелетѣ почвъ мы нерѣдко встрѣчаемъ обычные намъ и въ породахъ минеральныя тѣла (напр., кварцъ), но какъ только мы переходимъ къ наиболее характерной химической составной части почвъ, мы сразу вступаемъ въ новую область, совершенно чуждую и невиданную въ горныхъ породахъ земли.

Нельзя сказать, чтобы мы не имѣли въ природѣ другихъ аналогичныхъ образований. Таковы, напр., любопытные, мало изученные комплексы, которые составляютъ дно океана,—морскую грязь—и которые такъ же мало могутъ быть названы горными породами, какъ и почвы. Тутъ тоже образуются особыя подвижныя минеральныя системы, иного, исключительно имъ свойственнаго, химическаго характера. Эти минералы существуютъ и сохраняются только до тѣхъ поръ, пока они поддерживаются въ опредѣленныхъ условіяхъ ихъ образованія, переходятъ въ новыя, чуждыя морской грязи устойчивыя формы, какъ только будутъ выведены изъ своей среды. Напрасно стали бы мы ихъ искать въ горныхъ породахъ, хотя бы тѣхъ, которыя произошли изъ морскихъ осадковъ. Въ нихъ мы находимъ лишь новыя минеральныя тѣла, образовавшіяся иными химическими реакціями, получившими мѣсто, когда прекратились условія, поддерживавшія существованіе подвижныхъ химическихъ соединеній океаническаго дна. Почва и морская грязь покрываютъ весь земной шаръ, всѣ горныя породы, но въ отличіе отъ послѣднихъ какъ въ ихъ распространеніи, такъ и въ ихъ составѣ рѣзко сказываются географическіе факторы земного шара.

VI.

Жизненность и важность идей познается только долгимъ опытомъ. Значеніе творческой работы ученаго опредѣляется временемъ. При примѣненіи этихъ строгихъ, нелицепріятныхъ мѣрилъ къ основнымъ идеямъ, регулировавшимъ научную работу В. В. Докучаева, оказывается, что онѣ находятся въ полномъ согласіи съ новыми научными вѣяніями, идутъ въ одномъ темпѣ съ научнымъ движеніемъ нашего времени. Такая судьба выпадаетъ на долю немногимъ избранникамъ среди многого множества крупныхъ и мелкихъ ученыхъ дѣятелей.

ственнымъ образомъ вліяетъ на химическія реакціи въ почвахъ, въ то же время не участвуя въ нихъ непосредственно своимъ составомъ. Здѣсь мы имѣемъ явленія, пограничныя между химическими и физическими.

Позволю себѣ въ заключеніе сказать нѣсколько словъ о личности В. В. Докучаева. Это былъ типъ, который нерѣдко выдвигался въ русской исторіи изъ народной среды. Энергичный работникъ, онъ умѣлъ *хотѣть* и умѣлъ достигать своей цѣли путемъ личнаго колоссальнаго труда и путемъ организаціи работы другихъ.

Онъ не подходилъ къ рамкамъ, выработаннымъ нашимъ обезличеннымъ обществомъ; нерѣдко его рѣзкая натура входила въ столкновение съ окружающей обстановкой. Какъ люди сильной воли, онъ слишкомъ подавлялъ многихъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло. Но хотя съ нимъ можно было во многомъ не соглашаться, многое могло въ немъ шокировать, ко многому въ немъ можно было относиться отрицательно, но одного нельзя было никогда у него отнять: умѣнія группировать вокругъ себя учениковъ, будить и возбуждать научную мысль, организовывать коллективную работу; нельзя было отрицать въ немъ постояннаго стремленія работать для общественныхъ, а не личныхъ задачъ.

Въ личныхъ отношеніяхъ онъ представлялъ во многомъ *self made man*, прошедшаго тяжелую школу нужды, выбившагося своимъ горбомъ и трудомъ. И онъ никогда не скрывалъ этого. Суровый, рѣзкій и требовательный, онъ былъ такимъ не только къ другимъ, но и къ себѣ. И въ то же время онъ являлся очень искреннимъ во всѣхъ своихъ начинаніяхъ; умѣлъ выслушивать правду или правильно относиться къ рѣзкимъ отзывамъ близкихъ ему людей, своихъ учениковъ. Этимъ объясняется то, что при всей властности своего характера онъ сохранялъ неразрывными близкія связи съ людьми, которые открыто и во многомъ съ нимъ не соглашались.

Послѣдніе годы его были ужасны. Незамѣтно и медленно подтачивавшая его болѣзнь давно уже не разъ, какъ мы теперь видимъ, исподволь проявлялась въ его отдѣльныхъ поступкахъ, казавшихся непонятными и необъяснимыми всѣмъ ближе его знавшимъ. Это были первые ея непонятые предвѣстники. Наконецъ, она охватила его все больше и больше, сдѣлалась явной и въ концѣ-концовъ онъ медленно замиралъ при полной потерѣ сознанія, въ мучительной, тяжелой нравственной обстановкѣ, созданной его больнымъ воображеніемъ.

И все же, несмотря на такую трагическую судьбу, его жизнь не прошла безслѣдно ни для науки, ни для русскаго государства и общества. И въ этомъ самомъ для него дорогомъ онъ нашель бы для себя удовлетвореніе, если бы могъ теперь охватить и оцѣнить свою жизнь.

Декабрь 1903 г.

В. И. Вернадскій.

Быть и нравы русскаго дворянства въ первой половинѣ XVIII вѣка ¹⁾.

II.

Отечественныя основы.

Нѣкоторый небольшой запасъ идей, иностранная литература и языки, европейскія формы жизни и обстановка, пожалуй, даже новыя чувства—всѣ эти блестящія, появившіяся на русскомъ дворянствѣ съ XVIII в., золотили только верхи класса. Въ окутанные тьмой глубокіе провинціальныя его слои проникали отъ этого блеска лишь едва замѣтно мерцающіе лучи. Эта темная масса въ первой половинѣ XVIII в. живетъ всецѣло нетронутыми родными преданіями. Впрочемъ, если присмотрѣться внимательнѣе, не трудно замѣтить непрочность, а нерѣдко и сомнительное качество той позолоты, которая украшала вершины. И здѣсь по большей части эта легко отдѣляемая мишура очень неполно прикрывала тѣ же родившія верхи съ низами, одинаково имъ общія невзрачныя черты. Различіе сказывалось лишь во внѣшнемъ видѣ; основа здѣсь и тамъ была одна и та же. Эта ея тождественность происходила отъ одинаковости того хозяйственнаго фундамента, на которомъ классъ держался. Мы теперь и должны познакомиться съ вліяніемъ этой хозяйственной обстановки. Прогулка по нѣсколькимъ дворянскимъ усадьбамъ первой половины XVIII в. будетъ для этой цѣли нелишней. Начнемъ съ большихъ подмосковныхъ вотчинъ.

Вотъ село Ясенево въ Московскомъ уѣздѣ, принадлежавшее Лопухинымъ и въ 1718 г. отписанное на государя. Опись, сдѣланная по поводу конфискаціи, позволяетъ намъ составить себѣ представленіе о большой барской усадьбѣ въ то время. Въ селѣ ветхая деревянная церковь обь одной главѣ съ стариннаго письма

¹⁾ См. „Научное Слово“. 1904. V.

иконостасомъ. Двухъ-этажный барскій домъ, также деревянный, построенъ изъ сосноваго и еловаго лѣсу и крытъ тесомъ на четыре ската. Въ немъ, кромѣ сѣней и чулановъ, 7 комнатъ, или свѣтлицъ, изъ которыхъ двѣ въ верхнемъ и пять въ нижнемъ этажѣ. Стѣны въ нѣкоторыхъ свѣтлицахъ обтянуты выбѣленнымъ полотномъ; окна не вездѣ стеклянныя, есть и слюдяныя. Меблировка состояла изъ обычныхъ лавокъ по стѣнамъ, липовыхъ и дубовыхъ столовъ, шкаповъ, дюжины простыхъ стульевъ и полдюжины витыхъ, обитыхъ кожею. Украшеніемъ стѣнъ служили иконы, но, кромѣ нихъ, опись насчитала болѣе 30 картинъ иностраннаго происхожденія («листы печатные фряжскіе»). При хоромахъ неизбѣжная мыльня. Барскій дворъ, огороженный заборомъ съ воротами, затѣйливо украшенными точеными балясами, занималъ пространство почти въ десятину. Здѣсь помѣщался особый господскій флигель изъ двухъ свѣтлицъ и цѣлый рядъ хозяйственныхъ построекъ: поварня съ двумя «приспѣшными» избами, изба приказчика, пивоварня съ необходимой для пивоваренія посудой и обстановкой, погребъ и ледникъ съ напогребицею, конюшня о 9 стойлахъ, изба для конюха, двѣ житницы. Къ главному двору примыкали еще: скотный дворъ съ сараями, хлѣвками и избами для скотниковъ и для птицъ и «остоженный» (сѣнной) дворъ съ двумя амбарами. Съ двухъ сторонъ къ забору усадьбы подходилъ громадный фруктовый садъ, расположенный на трехъ съ половиною десятинахъ, съ прудами и деревянной шатровой бесѣдкой. Опись насчитала въ немъ болѣе 1800 разнаго рода яблонь, многія сотни сливы и вишенъ. Замѣтенъ и нѣкоторый эстетическій вкусъ: въ саду разбитъ былъ небольшой цвѣтникъ, обсаженный съ четырехъ сторонъ красною смородиной.

Вотъ другая подмосковная также большого барина кн. Д. М. Голицына, извѣстнаго верховника, какъ ее застала опись, произведенная въ 1737 г. также по случаю конфискаціи. Это село Богородское на югѣ Московскаго уѣзда на рѣкѣ Пахрѣ, ранѣе принадлежавшее князьямъ Одоевскимъ. Мы совсѣмъ не найдемъ здѣсь той роскоши, которою по словамъ Щербатова стали блистать столичные дома. Небольшой старинный господскій домъ состоитъ всего изъ двухъ свѣтлицъ. Въ числѣ украшеній упомянуты образа «черкасской» работы, можетъ быть вывезенные княземъ изъ Кіева, гдѣ онъ былъ губернаторомъ, а также семь картинъ въ черныхъ рамахъ, одна изъ которыхъ изображала Полтавскую баталію, а на прочихъ были «литеры латинскія», оставшіяся непонятными для подъячаго, производившаго опись. Деревенская усадьба еще не служитъ постояннымъ мѣстомъ житья знатнаго барина, мѣстомъ его осѣлости. Деревня для него только источникъ ресурсовъ, питающихъ его

обширную населенную, во всемъ подобную деревенской, но уже богаче отдѣланную усадьбу въ столицѣ, гдѣ онъ живетъ постоянно.

Для болѣе близкаго знакомства съ бытомъ провинціальныхъ глубинъ класса посѣтимъ нѣсколько провинціальныхъ усадебъ. Тамъ обстановка еще проще. Псковскіе помѣщики по воспоминаніямъ Болотова въ 50-хъ годахъ жили очень зажиточно. У его зятя Неклюдова въ его благоустроенномъ имѣніи былъ хорошо отдѣланный домъ съ оштукатуренными и расписанными масляными красками стѣнами, что, очевидно, было рѣдкостью и обращало на себя вниманіе. Домъ раздѣлялся, какъ и вообще принято было тогда у псковскихъ помѣщиковъ, на двѣ половины: жилую, которую постоянно занимали хозяева, и парадную для приѣма гостей. Болѣе скромна усадьба самого автора воспоминаній. Тульское дворянство замѣтно измельчало, въ особенности благодаря семейнымъ раздѣламъ. У крупныхъ собственниковъ есть вотчины, включающія въ себя каждая село съ нѣсколькими деревнями. Но большею частью селеніе раздроблено между нѣсколькими владѣльцами, такъ что на долю cadaго приходится по два, по три крестьянскихъ двора. Деревня Дворяниново на рѣчкѣ Скнигѣ, состоявшая всего изъ 16 крестьянскихъ дворовъ, принадлежала четыремъ помѣщикамъ, изъ нихъ тремъ Болотовымъ и въ числѣ этихъ послѣднихъ автору воспоминаній Андрею Тимофеевичу. Три барскихъ усадебъ расположены были тутъ же при деревнѣ и находились неподалеку одна отъ другой, саженьхъ въ 30—40. Въ усадьбѣ Андрея Тимофеевича возлѣ пруда, примыкая къ фруктовому саду съ конопляникомъ, окруженный кое-какими хозяйственными постройками, стоялъ барскій домъ. Надо отогнать обычное представленіе, возникающее у насъ при этихъ послѣднихъ словахъ. Ветхій домъ этотъ былъ очень не великъ и крайне невзрачнаго вида; одноэтажный, безъ фундамента, простоявъ, можетъ быть, полстолѣтія, онъ какъ будто вросъ въ землю и непривѣтливо глядѣлъ своими крохотными оконцами со ставнями. Неуютно было и внутри его. Онъ заключалъ въ себѣ только три комнаты, но изъ этихъ трехъ одна большая зала была необитаема, потому что была холодной и не отапливалась. Она была скудно обмѣблирована. Вдоль тесовыхъ стѣнъ, сильно почернѣвшихъ отъ времени, тянулись скамьи, а въ переднемъ углу, украшенномъ множествомъ такихъ же почернѣвшихъ иконъ, стоялъ столъ, покрытый ковромъ. Двѣ другія небольшія комнаты были жилыми. Въ свѣтлой угольной громадной, выложенная разноцвѣтными изразцами печь распространяла тепло. На стѣнахъ такое же множество иконъ, и въ переднемъ углу висѣлъ кіотъ съ мощами, передъ которыми теплилась неугасимая лампада. Въ этой комнатѣ стояли нѣсколько

стульевъ, комодъ и кровать. Здѣсь, почти не выходя изъ нея, жила овдовѣвъ мать Болотова. Третья сообщавшаяся съ сѣнами совсѣмъ уже маленькая комната служила въ одно и то же время дѣтской, дѣвичьей и лакейской. Отъ всего въ этомъ дворянскомъ домѣ вѣяло стариной XVII вѣка, и только тетрадь геометрическихъ чертежей, появившаяся вмѣстѣ съ молодымъ хозяиномъ, была новостью среди этой старинной обстановки. Записки майора Данилова сохранили намъ описаніе усадьбы одного изъ его родственниковъ, двоюроднаго дѣда, М. О. Данилова, человѣка довольно состоятельнаго: «Усадьба, гдѣ онъ жилъ, въ селѣ Харинѣ, — пишетъ майоръ, — презрядная была: два сада, прудъ и кругомъ всей усадьбы роши. Церковь въ селѣ деревянная. Хоромы у него были высокіе на омшаникахъ и снизу въ верхнія сѣни была со двора предлинная лѣстница; оную лѣстницу покрываль вѣтвями своими превеликій, стоящій близъ крыльца широкій и густой вязъ. Всѣ его высокіе и обширные съ виду хоромы состояли изъ двухъ жилыхъ горницъ, черезъ сѣни стоящихъ; въ одной горницѣ онъ жилъ зимою, а въ другой лѣтомъ». Домъ другого Данилова, брата предыдущаго, въ томъ же селѣ Харинѣ былъ еще того меньше; онъ состоялъ также изъ двухъ горницъ, но изъ нихъ только одна была бѣлая, т.-е. жилая, а другая, черная, служила вмѣсто кухни. Такого же вида помѣщичій домъ въ отдаленной вотчинѣ кн. Д. М. Голицына, въ селѣ Знаменскомъ Нижегородскаго уѣзда, описанномъ въ 1737 г. Въ немъ двѣ чистыя горницы, каждая по 5 оконъ, раздѣленные между собою сѣнами: одна на жиломъ подклѣтѣ, другая на омшаникѣ. Окна въ въ обѣихъ слюдяныя, ветхія. Къ чистымъ горницамъ примыкала еще одна черная. Домъ покрытъ дранью, и вокругъ него обычныя хозяйственныя постройки: погребъ, двѣ конюшни, амбаръ, сарай, баня съ предбанникомъ, а также «земская изба» — очевидно контора имѣнія. Таковы же усадьбы въ другихъ его вотчинахъ въ Бѣжецкомъ и Галицкомъ уѣздахъ: тѣ же двѣ-три горницы на подклѣтѣ и на омшаникѣ, тѣ же сѣни между ними. Это, очевидно, общій типъ помѣщичьяго дома того времени.

Въ такихъ тѣсныхъ и невзрачныхъ разбросанныхъ въ провинціальной глуши гнѣздахъ и ютилось провинціальное дворянство въ первой половинѣ XVIII в. Впрочемъ, въ ту эпоху эти гнѣзда были довольно пусты: ихъ населеніе оттягивалось оттуда службой. «Околотокъ нашъ, — говоритъ Болотовъ, вспоминая свои дѣтскіе годы, — былъ тогда такъ пустъ, что никого изъ хорошихъ и богатыхъ сосѣдей въ близости къ намъ не было». Въ особенности пустынные были дворянскія усадьбы въ долгое царствованіе Петра. Городовой дворянинъ XVI—XVII вв. проводилъ дома по крайней мѣрѣ сво-

бодное время между походами. Съ возникновеніемъ постоянной арміи, которая была занята непрерывною и тяжелою войною, такіе поголовные отпуска служилыхъ людей прекратились; они замѣнены были увольненіями отдѣльныхъ лицъ въ кратковременные отпуска. Петровскому дворянину надолго приходилось разставаться съ родными полями и рощами, среди которыхъ протекло его дѣтство и о которыхъ онъ могъ хранить только смутное представленіе къ тому времени, когда, устарѣвъ и одряхлѣвъ, онъ получалъ отставку. Въ 1727 г. нѣкій бригадиръ Кропотовъ доносилъ сенату, что въ своемъ помѣстьѣ онъ не бывалъ съ 1700 года, т.-е. цѣлые 27 лѣтъ. Только послѣ Петра служебное бремя дворянина постепенно слабѣетъ. Его военная служба становится все менѣе нужной, такъ какъ рядовой контингентъ постоянной регулярной арміи пополняется посредствомъ рекрутскихъ наборовъ изъ податныхъ сословій, и дворянство нужно въ ней только для занятія офицерскихъ мѣстъ. Въ то же время введеніе подушной подати создало для дворянина новую обязанность, которая на первый планъ выдвинула его землевладѣльческое значеніе. Онъ сталъ отвѣтственнымъ передъ правительствомъ сборщикомъ подушной подати съ своихъ крестьянъ. Эта новая финансовая обязанность, перевѣсившая военную, требовала присутствія дворянина въ деревнѣ, и послѣ Петра мы видимъ цѣлый рядъ мѣръ къ облегченію и сокращенію срока дворянской службы, которыя содѣйствовали приливу дворянства въ родные углы. При Екатеринѣ I значительное число офицеровъ и солдатъ изъ дворянъ получили продолжительные отпуска для наблюденія за домашней экономіей. При Аннѣ по закону 1736 г. одинъ сынъ изъ дворянской семьи получалъ свободу отъ военной службы для занятій сельскимъ хозяйствомъ. Тогда же служба ограничена была срокомъ въ 25 лѣтъ, который при укоренившемся среди дворянъ обычаѣ записывать дѣтей на службу еще въ младенческіе годы для многихъ наступалъ очень рано. Начался отливъ дворянства въ провинцію. Но настоящимъ оживленіемъ провинція обязана болѣе позднимъ мѣрамъ: закону о дворянской вольности 1762 г., который наполнилъ провинцію дворянствомъ, и законамъ 1775 и 1785 гг., которые организовали это провинціальное дворянство въ дворянскія общества и привлекли эти общества къ участию въ мѣстной администраціи. Эта пустота провинціи въ первой половинѣ вѣка, невозможность видѣться съ людьми своего круга, жить общественными интересами не прошли безслѣдно для помѣщичьей психологии. Онѣ убивали въ характерахъ общительность и дѣйствовали въ противоположность службѣ, развивавшей въ дворянскомъ кругу товарищескія чувства и отношенія. Одинокіе и рѣдкіе обитатели

усадебъ, свободные отъ службы, дичали, и на ряду съ чертами радушія и гостепріимства, свойственными вообще славянской натурѣ и широко распространенными въ русскомъ дворянствѣ XVIII в., складывался также особый типъ угрюмаго и нелюдимаго помѣщика, замкнувшагося въ своей усадьбѣ, никуда не выѣзжавшаго и никого къ себѣ не принимавшаго, погруженнаго исключительно въ мелкіе интересы и дразги своего крѣпостного люда и заботы о борзыхъ и гончихъ сворахъ. Выѣзжать было некуда, принимать было некого, такъ какъ сосѣдей не было на далекое разстояніе, и одиночество входило въ привычку. Мать Болотова «препровождала», по его словамъ, «въ деревнѣ жизнь совсѣмъ почти уединенную. Никто почти изъ лучшенькихъ сосѣдей къ ней и она ни къ кому не ѣзжала». Его дядя, человѣкъ скупой и завистливый, «любилъ отмѣнно жить въ уединеніи». Въ такомъ же уединеніи проводилъ дни дѣдъ другого автора мемуаровъ, майора Данилова, въ усадьбѣ котораго мы побывали. «Онъ никуда не ѣзжалъ по гостямъ,—писать о немъ Даниловъ, хорошо его помнившій въ дѣтствѣ,—да я и не слыхивалъ, чтобъ и къ нему кто изъ сосѣдей равные ему дворяне ѣзжали». Эти черты характера, порожденныя условіями окружающей обстановки, въ какой приходилось жить дворянину, окажутся настолько прочными, что не поддадутся воспитательному дѣйствию провинціальныхъ общественныхъ учрежденій Екатерины, и, передаваясь по наслѣдству къ потомкамъ, создадутъ Плюшкина первой половины XIX в. Угрюмые и нелюдимые Болотовы и Даниловы временъ Анны и Елизаветы ему сродни: вѣдь это его дѣды и прадѣды.

Безлюдная обстановка, окружавшая дворянское помѣстье извнѣ, порождала среди дворянства отдѣльные нелюдимые характеры. Тотъ строй, съ которымъ помѣщикъ встрѣчался внутри имѣнія, былъ еще обильнѣе психологическими послѣдствіями, кладя отпечатокъ не только на отдѣльныхъ особи, но и на весь классъ въ его цѣломъ. Основа этого строя—крѣпостное право, регулировавшее всѣ его подробности. За полвѣка оно сдѣлало значительные успѣхи, которымъ дали толчокъ нѣкоторыя нововведенія Петра и которымъ благопріятствовало властное положеніе дворянства, занятое имъ съ 1725 г. Рекрутскіе наборы вызвали бойкіе торговые обороты съ крѣпостными душами, создавъ спросъ на покупныхъ рекрутъ. Подушная подать втягивала въ крѣпостное право прежде свободныхъ людей, такъ какъ запись за помѣщика считалась лучшей гарантіей исправности платежа, и стерла прежнюю разницу между двумя видами крѣпостной зависимости: крестьяниномъ и холопомъ, такъ какъ тотъ и другой одинаково были обложены податью и оказа-

лись въ одинаковой зависимости отъ помѣщика. Возложивъ на помѣщика отвѣтственность за исправный платежъ подушной, государство расширило его права надъ крѣпостными, отказываясь въ его пользу отъ полиціи и юстиціи надъ населеніемъ имѣній. Крупная или средняя дворянская вотчина становится чѣмъ-то въ родѣ небольшого государства, маленькой копіей съ большого оригинала. Не даромъ законодательство Петра называетъ крѣпостныхъ помѣщика его «подданными», прибѣгая въ этомъ случаѣ къ терминологіи государственнаго права. Въ такой вотчинѣ очень дифференцированный социальный строй. Въ самомъ барскомъ домѣ многочисленный придворный штатъ прислуги; въ отдѣльныхъ дворахъ тутъ же на усадьбѣ помѣщаются дѣловые люди, завѣдующіе отдѣльными статьями помѣщичьяго хозяйства, а также все болѣе развѣтвляющійся классъ специалистовъ-ремесленниковъ, удовлетворяющихъ разныя потребности барскаго домашняго обихода. Далѣе классъ дворовыхъ, посаженныхъ на папню, такъ называемые задворные люди, послѣ ревизіи смѣшавшіяся окончательно съ крестьянами; наконецъ, село и раскиданныя вокругъ него деревни съ крестьянскимъ населеніемъ на оброкѣ или на барщинѣ. Все это населеніе управляется сложною администраціей, во главѣ которой стоитъ приказчикъ или главный приказчикъ съ бурмистрами, старостами и «выборными» и которая не чужда представительныхъ учрежденій въ видѣ сельскаго схода, имѣющаго иногда для своихъ собраній особую избу на господскомъ дворѣ. Въ большинствѣ случаевъ въ вотчинѣ дѣйствуетъ обычное право, но съ половины вѣка появляются довольно разнообразныя писанныя уложенія и уставы—конституціи этихъ маленькихъ государствъ. Разумѣется, высшій законъ въ имѣніи—воля барина, который не стѣсняется нарушать старинныя обычаи и имѣ же самимъ установленныя конституціи. Таковы порядки въ крупныхъ и среднихъ вотчинахъ. Мелкопомѣстные владѣльцы, насколько и въ чемъ могутъ, подражаютъ крупнымъ.

Отношенія къ сосѣдямъ возбуждали въ этихъ государствахъ вопросы внѣшней политики. Отношенія эти часто не были гладки; въ особенности благодаря отсутствію правильно установленнаго межеванія,—постоянно возникали споры съ обращеніемъ къ суду, и каждая крупная усадьба непременно обладаетъ своимъ «приказнымъ чело-вѣкомъ», адвокатомъ изъ крѣпостныхъ, долговременною практикою въ ходеніи по дѣламъ пріобрѣтавшимъ юридическую опытность и знаніе законовъ, въ которомъ могъ поспорить съ подьячими. Иногда на юридическомъ поприщѣ выступалъ и самъ помѣщикъ, входившій во вкусъ въ судебныхъ дѣлахъ, доставлявшихъ ему умственную работу за неимѣніемъ никакой другой. Князь Щербатовъ вспоми-

наеть одного изъ своихъ недалнихъ предковъ, который «хаживаль» въ судъ не только по своимъ дѣламъ, но вель также по порученію и чужія тяжбы. Процессы тянулись безконечно и представляли на ряду съ борзой и гончей охотой наиболѣе интересную тему для разговоровъ сельскаго дворянства, помогавшую заполнять пустоту и скуку уединенной жизни. Сутяжничество дѣлалось въ иныхъ случаяхъ страстью, и появлялись большіе охотники и охотницы судиться, къ услугамъ которыхъ появлялись и мудрые юрисконсулы, разжигавшіе сутяжничество. Въ 1752 г. императрица объявила сенату, что она съ крайнимъ неудовольствіемъ слышитъ о разореніи и притѣсненіи подданныхъ отъ «ябедниковъ». Указъ привелъ и конкретный портретъ такого ябедника. То былъ нѣкій князь Никита Хованскій, отставной лейбъ-гвардіи прапорщикъ, религиозный и политическій вольнодумецъ и неуживчивый человѣкъ: бросилъ жену, не ходилъ подъ рядъ 12 лѣтъ на исповѣдь, называлъ высокопоставленныхъ особъ дураками и злорадствовалъ по поводу пожара въ московскомъ дворцѣ, остря, что императрицу преслѣдуютъ стихіи: изъ Петербурга ее гонитъ вода (наводненіе), а изъ Москвы — огонь. Указъ предписывалъ князю Никитѣ юридическія занятія бросить и никому по дѣламъ никакихъ совѣтовъ и наставленій не давать подъ опасеніемъ конфискаціи движимаго и недвижимаго, грозя такимъ же взысканіемъ и его клѣнтамъ, которые явно или тайно стали бы обращаться къ нему за совѣтомъ. За свой атеизмъ и рѣзкій языкъ не по времени остроумный адвокатъ поплатился плетью и ссылкой сначала въ монастырь на покаяніе, а затѣмъ въ свои деревни.

Но при всей любви къ процессамъ въ дворянской средѣ болѣе стремительнымъ и горячимъ натурамъ не хватало терпѣнія выжидать окончанія тяжбъ, и они, по призванію военные люди, предпочитали рѣшать возникавшія недоразумѣнія открытымъ боемъ. Такимъ образомъ сосѣднія государства-вотчины вступали въ военныя дѣйствія другъ противъ друга, и происходили частныя войны совершенно въ средневѣковомъ духѣ. Вотъ примѣры. Въ 1742 г. богатый вяземскій помѣщикъ Грибоѣдовъ во главѣ отряда дворовыхъ съ рогатинами и дубьемъ напалъ ночью на усадьбу помѣщицы Бехтѣвой, помѣщицу выгналъ и самъ поселился въ завоеванной усадьбѣ. Въ 1754 г. трое орловскихъ помѣщиковъ, братья Львовы, все люди съ чинами: совѣтникъ, ассессоръ и корнетъ, предприняли походъ на своего сосѣда поручика Сафонова. Съ подмогою родственниковъ Львовы собрали армию изъ крестьянъ и дворовыхъ людей числомъ въ 600 человѣкъ. Выступленіе было торжественно. Два священника отслужили молебствіе съ водосвятиемъ,

и всё приложились къ образу; затѣмъ помѣщики произнесли напутственныя рѣчи къ войску, ободряя его и побуждая «имѣть неуступную драку» и не выдавать другъ друга. Лучшимъ крестьянамъ для большаго подъема воинственнаго духа было поднесено по чаркѣ водки, и войско двинулось въ путь. Помѣщики и приказчики ѣхали верхами, крестьяне слѣдовали въ пѣшемъ строю. Приблизившись осторожно къ крестьянамъ врага, занятымъ на сѣнокосѣ, и захвативъ ихъ врасплохъ, Львовы ударили на нихъ изъ дѣсу. Произошла кровопролитная свалка. 11 человекъ было убито, 45 тяжело ранено, 2 пропало безъ вѣсти. Въ томъ же году подмосковная вотчина генеральши Стрѣшневой село Соколово—въ войнѣ съ подмосковной вотчиной кн. Голицына, съ селомъ Яковлевскимъ. Крѣпостные первой въ количествѣ 70 человекъ, вооружившись ружьями, дубьемъ и палашами, подъ предводительствомъ старосты и одного изъ дворовыхъ напали на яковлевскихъ крестьянъ и, захвативъ въ плѣнъ 12 человекъ, привезли ихъ въ Соколово и посадили въ погреба. Въ этотъ вѣкъ женскихъ царствованій даже дамы, жены и дочери служилыхъ людей, проявляли воинственныя наклонности и обнаруживали стратегическіе таланты. Въ 1755 г. пошехонская помѣщица Побѣдинская во главѣ своихъ крѣпостныхъ сразилась съ двумя сосѣдями помѣщиками Фрязинымъ и Леонтьевымъ, которые, заключивъ, очевидно, между собою союзъ, напали на ея людей. Битва кончилась поражениемъ и даже смертью обоихъ союзниковъ. Въ иныхъ усадьбахъ изъ дворовыхъ людей формировались вооруженные, обмундированные и обученные военному дѣлу отряды для защиты отъ частыхъ тогда нападений на усадьбы разбойничьихъ шаекъ. Эти отряды пускались въ дѣло и въ междоусобныхъ войнахъ.

Построенная на крѣпостномъ правѣ, проникавшемъ весь ея внутренній складъ и отражавшемся и на внѣшнихъ отношеніяхъ, вотчина служила обстановкой, въ которой получалъ дворянинъ свое первоначальное воспитаніе. Плохая это была педагогическая обстановка, и крѣпостное право сыграло печальную роль не для одной только крестьянской психологіи. Крѣпостное отношеніе между субъектомъ права—помѣщикомъ—и его объектомъ—крѣпостнымъ человекомъ—юридически было очень измѣнчиво: чуть не каждое пятилѣтіе появлялись все новыя и новыя законы, мѣнявшіе сущность этого отношенія, которое поэтому такъ трудно уловимо для юридическаго опредѣленія. Но нравственное вліяніе крѣпостнаго права было явлениемъ очень постояннымъ и очень опредѣленнымъ. Своею юридическою тяжестью это право падало на объектъ, но нравственно оно одинаково портило обоихъ,—и объектъ и субъектъ. Оно положило

на долго бывшаго безвольнымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ крестьянина печать, не совсѣмъ стершуюся съ него, можетъ быть, и до сей поры. Оно принизило его личность и заставило его бросать вокругъ недоувѣрчивый и боязливый взглядъ исподлобья. Оно убивало его энергію въ трудѣ и, можетъ быть, въ значительной мѣрѣ оно же вносило унылыя ноты въ пѣсню, сопровождающую часы досуга. Но столь же пагубно крѣпостное право подѣйствовало и на помѣщика.

Во-первыхъ, оно портило его характеръ тѣмъ, что не ставило его волѣ никакихъ сдержекъ. Воля, которая была закономъ для столькихъ другихъ, привыкала забывать границы, становясь необузданнымъ произволомъ. Она практиковалась надъ безправными крѣпостными и потому проявлялась надъ бессильными свободными. Въ усадьбѣ крупнаго барина состоятъ помимо дворовой челяди особый штатъ приживальщиковъ изъ дальней и бѣдной родни или изъ мелкихъ сосѣдей, служащихъ мишенями барскаго остроумія или орудіями барскихъ потѣхъ, которыя принимаютъ грубый характеръ и тотчасъ же переходятъ въ насиліе. Устами своего депутата въ екатерининской комиссіи однодворцы Тамбовской провинці горько жаловались на постоянныя обиды, которыя приходится имъ, мелкимъ людямъ, нести отъ сосѣдей дворянъ. Депутатъ горячо возсталъ противъ отмѣны тѣлеснаго наказанія для дворянъ. Безъ этихъ наказаній, говорилъ онъ, «благороднымъ отъ насилія воздержать себя по оказуемой имъ вольности впредь невозможно. Но, почтеннѣйшее собраніе,—продолжалъ депутатъ,—о другихъ губерніяхъ не отваживаюсь, а что жъ о Воронежской и Бѣлгородской, смѣло увѣрю: гдѣ бъ какое жительство осталось безъ притѣсненія и обидъ отъ благороднаго дворянства спокойно? Подлинно нѣтъ ни одного, что и въ представленіяхъ отъ общества доказывается».

Во-вторыхъ, крѣпостное право было губительно для дворянина тѣмъ, что, давая ему въ обильномъ количествѣ даровой трудъ, оно отучало его волю отъ энергіи и постоянства. Оно доставляло ему вредный досугъ для празднаго ума, который нечѣмъ было занять и который искалъ занятія во всемъ, въ чемъ угодно, только не въ томъ, чѣмъ ему слѣдовало быть занятымъ. На службѣ дворянинъ становился все менѣе нуженъ, а сельское хозяйство, построенное на крѣпостныхъ началахъ, его интересовало только результатомъ, т.-е. количествомъ дохода, а не процессомъ, т.-е. средствами его добыванія, потому что несвободный трудъ дѣлалъ этотъ процессъ до утомительности однообразнымъ, неподатливымъ ни къ какому движенію и неспособнымъ ни на какія перемѣны и усовершенствованія. Положеніе, въ какое попадалъ дворянинъ, освобождаясь

отъ службы и не принимая активнаго участія въ сельскомъ хозяйствѣ, понижало его энергію и отучало его отъ всякой серьезной работы. Вотъ почему помѣщичій классъ вышелъ еще менѣе работоспособнымъ, чѣмъ крѣпостное крестьянство. Правда, незанятый обязательною работою свободный дворянскій умъ сверкалъ иногда удивительно яркими искрами, но отсутствіе выдержки и постоянства въ трудѣ мѣшало этимъ рѣдкимъ искрамъ собираться въ пламя, дающее постоянный, ровный, полезный и производительный свѣтъ. Дворянинъ никогда ни въ чемъ не былъ цеховымъ работникомъ, выступая иногда блестящимъ диллетантомъ. Эта психологія получить роковое значеніе для сословія, когда измѣнившіяся обстоятельства потребуютъ отъ каждаго упорнаго и тяжелаго труда среди обостренной экономической борьбы. Оно въ этой борьбѣ выступитъ наименѣе приспособленнымъ.

Крѣпостное право простирало свое вліяніе и за предѣлы помѣщичьяго класса, будучи, очевидно, центральнымъ узломъ, опредѣлявшимъ весь складъ частной, общественной и даже государственной жизни. Привычки и отношенія, выработывавшіяся въ основной хозяйственной ячейкѣ, какою была крѣпостная вотчина, отображались и на всемъ государственномъ и общественномъ строѣ, и хозяйственная основа опредѣляла въ этомъ случаѣ формы высшихъ этажей общегітія, его юридическій обликъ и его духовное содержаніе. Въ самомъ дѣлѣ, между первоначальною хозяйственною ячейкою и обширнымъ государственнымъ организмомъ можно замѣтить полное соотвѣтствіе. Если крѣпостная вотчина была маленькимъ государствомъ, то и государство съ своей стороны очень напоминало большую крѣпостную вотчину. Большихъ трудовъ и усилій стоило Петру В. отучать своихъ современниковъ отъ такого взгляда на государство и проводить новыя политическія идеи, по которымъ государь долженъ былъ являться не хозяиномъ-вотчинникомъ, а первымъ слугою общественнаго союза, преслѣдующаго цѣли общаго блага. Однако дѣйствительность жизни оказывалась сильнѣе новыхъ идей, которыми она была прикрыта и повсюду черезъ нихъ замѣтно сквозила. Соціальныи строй государства весь сверху до низу носилъ печать крѣпостнаго права, такъ какъ всѣ общественные классы были закрѣпощены. Въ учрежденіяхъ, несмотря на полное ихъ преобразование, оставалось много вотчинной старины. Самый императорскій дворъ временъ Анны и Елизаветы, устроенный по западному образцу, поражавшій блескомъ и великолѣпіемъ даже иностранцевъ, служившій проводникомъ европейскаго тона въ русское общество, былъ все таки въ сущности обширною помѣщичьею усадьбой. Обѣ названныя императрицы были типичными

русскими помѣщицами-крѣпостницами XVIII в. Одна не могла заснуть безъ того, чтобъ не выслушать на сонъ грядущій какого-нибудь страшнаго разсказа про разбойниковъ, и для этихъ повѣствованій имѣлся особый штатъ особенно болтливыхъ женщинъ, мастерицъ сочинять и рассказывать разныя исторіи; другая приводила въ отчаяніе своего повара иностранца открытымъ предпочтеніемъ къ щамъ и буженинѣ, кулебякамъ и гречневой кашѣ передъ всѣми иностранными блюдами. Свободное отъ придворныхъ церемоній и государственныхъ дѣлъ время Анна, надѣвъ просторный домашній капотъ и повязавъ голову платкомъ, любила проводить въ своей спальнѣ среди шутовъ и приживалокъ. Фрейлины ея двора, какъ простыя сѣнныя дѣвушки въ каждомъ барскомъ домѣ, сидѣли за работой въ сосѣдней со спальней комнатѣ. Соскучившись, Анна отворяла къ нимъ дверь и говорила: «Ну, дѣвки, пойте!» И онѣ пѣли до тѣхъ поръ, пока государыня не кричала: «довольно!» Провинившихся въ чемъ-нибудь и вызвавшихъ ея неудовольствіе фрейлинь она посылала стирать бѣлье на прачечномъ дворѣ, т.-е. расправлялась съ ними такъ же, какъ поступали въ барской усадьбѣ съ дворовыми дѣвками. Частная обстановка государя все еще мало различалась при дворѣ отъ государственныхъ учреждений. Иностранцу повару Елизаветы Фуксу былъ пожалованъ высокій чинъ бригадира, а русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ, ведя переговоры съ французскимъ правительствомъ, въ то же время былъ обязанъ выбирать и закупать шелковые чулки новаго фасона для государыни и отыскивать повара на службу къ Разумовскому.

Въ этой громадной вотчинѣ съ такою обширною и богато устроенною барскою усадьбою въ центрѣ дворянство занимало мѣсто, похожее на то, какое въ частной вотчинѣ занималъ особый классъ крѣпостныхъ—«дворовые люди». Недаромъ до Петра дворянство и официально титуловалось «холопами» въ своихъ обращеніяхъ къ государю. Гораздо болѣе глубоко, чѣмъ юридическая аналогія, было здѣсь нравственное сходство, и въ отношеніяхъ дворянства къ верховной власти было много навѣяннаго крѣпостнымъ правомъ. Не слѣдуетъ забывать, что дворянству сравнительно съ другими сословіями русскаго общества пришлось испытать на себѣ двойное дѣйствіе крѣпостнаго права. Другія сословія были только объектами этого права; дворянство подвергалось его воздѣйствію и въ качествѣ объекта и въ качествѣ субъекта: какъ объектъ потому, что оно было закрѣпощено обязательной службой, будучи однимъ изъ крѣпостныхъ сословій; какъ субъектъ потому, что оно было владѣльцемъ крѣпостныхъ. И вотъ въ отношенія, возникшія изъ крѣпостной зависимости перваго рода, оно вносило много чертъ,

заимствованныхъ изъ отношеній второго рода. Свои крѣпостныя отношенія дворянство невольно строило по образцу отношеній къ нему его собственныхъ крѣпостныхъ. Произволъ, направленный книзу, удивительно какъ-то умѣетъ сочетаться въ одной и той же душѣ съ раболѣпиемъ по направленію кверху, такъ что нѣтъ болѣе раболѣпнаго существа, чѣмъ деспотъ, и болѣе деспотическаго, чѣмъ рабъ.

Слишкомъ часто это слово «рабъ» фигурируетъ въ первой половинѣ XVIII в. въ официальныхъ выраженіяхъ отношеній дворянства къ верховной власти, появляясь на мѣсто только что изгнаннаго Петромъ слова «холопъ» и показывая, какъ живучи фактическія отношенія вопреки закону. Вы его встрѣтите и въ судебномъ приговорѣ и на языкѣ законодателя, дипломата и военнаго челоуѣка. Въ 1727 г. извѣстный петровскій генераль-полицеймейстеръ Девьеръ былъ присужденъ къ кнуту и ссылкѣ за то между прочимъ, что не отдавалъ «рабскаго респекта» одной изъ паревенъ— Аннѣ Петровнѣ, позволялъ себѣ сидѣть въ ея присутствіи. Въ приговорѣ противъ одного изъ видныхъ верховниковъ кн. В. Л. Долгорукаго говорилось, что онъ ссылается въ дальнія деревни «за многіе его намъ самой и къ государству нашему безсовѣстные противные поступки и что онъ, не боясь Бога и страшнаго Его суда и пренебрегая должность честнаго и вѣрнаго раба, дерзнулъ» и т. д. Въ 1740 г. былъ изданъ указъ о дворянской службѣ, въ которомъ объявлялось, что предыдущій указъ 1736 г. о 25-лѣтнемъ срокѣ этой службы касается лишь тѣхъ дворянъ, «которые впродолженіе 25 лѣтъ служили вѣрно и порядочно, какъ *отрнымы рабамъ* и честнымъ сынамъ отечества надлежить, а не такихъ, которые всякими способами отъ прямой службы отбывали и время втуне проводить искали». Въ депешѣ изъ Вѣны русскій посланникъ при австрійскомъ дворѣ Ланчинскій писалъ: «*рабски разсуждая*, что въ послѣднемъ указѣ явно и повторительно предписано мнѣ выѣхать... не могъ обратить вниманія на ихъ (австрійскихъ министровъ) внушенія: не мое *рабское дѣло* въ то вступаться, чего разсмотрѣніе ваше величество сами себѣ предоставитъ изволили». Въ 1749 г. канцлеръ Бестужевъ подалъ императрицѣ докладъ по поводу столкновенія его съ воспитателемъ гр. Кирилломъ Разумовскаго Тепловымъ и въ этомъ докладѣ коснулся происшествія на прощальномъ обѣдѣ, данномъ англійскимъ посломъ лордомъ Гиндфордомъ. Лордъ, наливъ всѣмъ «покалы», произнесъ тостъ за здоровье государыни, при чемъ пожелалъ, «чтобъ благополучное ея императорскаго величества государствованіе болѣе лѣтъ продолжалось, нежели въ томъ покалѣ капель; то и всѣ оный пили, а одинъ

только (церемоніймейстеръ) Веселовскій полонъ пить не хотѣлъ, но ложки съ полторы и то съ водою токмо налилъ и въ томъ упрямо предъ всѣми стоялъ, хотя канцлеръ изъ ревности къ ея величеству и изъ стыда предъ послами ему по-русски и говорилъ, что онъ долженъ сіе здравіе полнымъ покаломъ пить, какъ *вѣрный рабъ*, такъ и потому, что ему отъ ея императорскаго величества много милости показано пожалованіемъ его изъ малаго чина въ столь знатный». Фельдмаршалъ С. Ѳ. Апраксинъ въ донесеніи о Гросъ-Егерсдорфской битвѣ, указавъ подвиги отдѣльныхъ генераловъ, дѣлалъ такое заключеніе: «словомъ сказать, всѣ в. и. в-а подданные во вѣренной мнѣ арміи при семь сраженіи всякій по своему званію такъ себя вели, какъ *рабская должность* природной ихъ государынѣ требовала». Число такихъ выписокъ можно было бы умножить до безконечности.

Въ появленіи этого термина «рабъ» на мѣсто прежняго «холопъ» нельзя не видѣть даже нѣкотораго проигрыша для дворянства: въ словѣ «холопъ» какъ-то болѣе указанія на служебное отношеніе, тогда какъ въ словѣ «рабъ» болѣе указанія на безправность по отношенію къ господину. Впрочемъ, само же законодательство Петра, изгонявшее первый терминъ, косвеннымъ образомъ уполномочивало къ употребленію второго. Допуская опасные синонимы, оно къ явленію частнаго права, къ крѣпостнымъ людямъ, прилагало терминъ государственнаго права, называя ихъ помѣщичьими *подданными*. Не удивительно, что и наоборотъ, отношенія государственнаго права стали при смѣшеніи понятій облекаться терминами частнаго. Если рабы назывались подданными, то и подданные именовались рабами. И эти выраженія не были пустою словесною формой; они вполне соотвѣтствовали дѣйствительности. Трудно себѣ представить болѣе гордаго и властнаго вельможу, чѣмъ знаменитый Волынский; на губернаторской должности онъ былъ неограниченнымъ сатрапомъ. А прочтите въ его оправдательной докладной запискѣ рассказъ о томъ, какъ его билъ Петръ Великій—это совсѣмъ тонъ двороваго челоуѣка, униженно повѣствующаго о баринѣ. «Его величество,—пишетъ Волынский,—скоро съ адмиральскаго судна на свое изволилъ придти; хотя тогда и ночь была, однако жъ изволилъ прислать по меня и тутъ гнѣваяся бить тростию... Но хотя жъ и претерпѣлъ я, однако жъ не такъ, какъ мнѣ, рабу, надлежало терпѣть отъ своего государя; но изволилъ наказать меня, какъ милостивый отецъ сына, своею ручкою...» Въ числѣ наказаній на барскихъ дворахъ практиковалась между прочимъ ссылка съ барскихъ глазъ, гдѣ виновный занималъ какую-либо видную должность, въ дальнія деревни; та же ссылка въ дальнія деревни пости-

гала и придворныхъ вельможъ. Дворовый не имѣлъ своего имущества, все его добро принадлежало барину; а что было менѣе гарантировано и прочно въ XVIII в., чѣмъ дворянское имущество движимое и недвижимое, которое могло ежеминутно подвергнуться конфискаціи?

Неприглядный характеръ своихъ отношеній къ верховной власти дворянство иногда само ясно сознавало и въ удобную минуту высказывалось о нихъ втихомолку съ горькою откровенностью. Въ 1730 г. по рукамъ собравшихся въ Москвѣ дворянъ, горячо обсуждавшихъ вопросъ о перемѣнѣ государственнаго устройства, ходила анонимная записка, въ которой выражалось опасеніе, какъ бы съ установленіемъ власти верховнаго тайнаго совѣта вмѣсто одного монарха не сдѣлалось ихъ десять. «Тогда мы, шляхетство,—говорилось въ запискѣ,—совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго *идолопоклонничать*». Но, сознавая неприглядность отношеній, дворянство не умѣло ихъ перестроить. Наиболѣе развитая и выдающаяся по знатности, служебному положенію и имуществу его часть въ томъ же 1730 г. сдѣлала попытку занять болѣе самостоятельное и почетное положеніе, обезпечивъ его участіемъ дворянскаго представительства въ видѣ особой дворянской палаты депутатовъ въ высшемъ государственномъ управленіи; но эта попытка разбилась о сопротивленіе подавлявшей числомъ и громкимъ крикомъ дворянской демократіи, предпочитавшей матеріальныя, имущественныя и служебныя льготы изъ рукъ верховной власти политической самостоятельности и почету. Чувство личной чести, присущее любой западной аристократіи, было какъ-то мало понятно русскому дворянину XVII и первой половины XVIII в. Въ верхахъ этого класса было сильно развито чувство родовой чести, которое выражалось въ мѣстничествѣ и въ силу котораго дворянинъ, не видѣвшій ничего унижительнаго въ названіи себя холопомъ, въ подписи уменьшительнымъ именемъ, въ тѣлесномъ наказаніи, чувствовалъ унижительнымъ для себя занимать мѣсто за столомъ рядомъ съ такимъ же дворяниномъ, котораго онъ считалъ однако для этого сосѣдства недостаточно знатнымъ. Но къ чувству личной чести должны были приучать дворянство уже сами монархи. Петръ вывелъ изъ употребленія уменьшительныя имена. Екатерина объяснила дворянству, что дворянство есть не спеціальныи родъ повинности, а *titre d'honneur*, т.-е. почетное наименованіе, являющееся результатомъ заслугъ государству. Это не было новостью развѣ для одного только кн. Щербатова; для большинства же вчерашнихъ крѣпостныхъ эти слова императрицы были какимъ-то свѣтомъ откровенія, и они ссылались на нихъ кстати и некстати. Но, въ то время какъ такія понятія внушались съ высоты трона,

въ числѣ помѣщиковъ, съѣзжавшихся по уѣздамъ на выборы депутатовъ въ комиссію объ уложеніи, нѣкоторые подъ наказами депутатамъ, повидимому, не безъ гордости подписывались съ чиномъ придворнаго «лакея», и не имъ, конечно, было думать о самостоятельномъ и почетномъ положеніи. Такъ отплачивало дворянству крѣпостное право за тѣ выгоды, которыя ему этимъ правомъ давались. Оно портило характеры лицъ и было причиной унижительнаго положенія класса. Оно представляло изъ себя старую домашнюю основу, съ которой новымъ западнымъ идеямъ пришлось вступить въ продолжительную и упорную борьбу. Эта борьба началась уже во второй половинѣ XVIII в.

М. Богословскій.

Споръ о „Babel und Bibel“.

Два года уже въ Германіи продолжается шумная, порою крикливая, борьба: «Babel und Bibel», или «Bibel und Babel», или «Babel oder Bibel», или «Bibel oder Babel»—вотъ, смотря по точкѣ зрѣнія, лозунги этой борьбы, вотъ заглавія и резюме тѣхъ многочисленныхъ статей и брошюрокъ, которыя, выходя «5-ми» и «7-ми» изданіями, наводняютъ въ настоящее время нѣмецкій книжный рынокъ, раскупаются нарасхватъ, продаются даже въ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ. Трудно сказать, что въ настоящее время больше читается и больше волнуетъ нѣмца: «Лена или Седанъ» Бейерлейна—мрачное и вѣское предостереженіе относительно будущаго, «Изъ жизни маленькаго гарнизона» Бильзе—страшная, полная драматическихъ контрастовъ, страница изъ жизни настоящаго, или несмѣтное почти количество брошюрокъ, трактующихъ о *давно прошедшемъ*, о минувшихъ эпохахъ, отдѣленныхъ отъ насъ *тысячелѣтіями*, хотя и тѣсно связанныхъ съ нами культурно.

Прошло лишь сто лѣтъ, какъ нѣмецкому учителю Гротефенду удалось съ необычайнымъ напряженіемъ ума и наблюдательности впервые дешифровать (въ 1802 г.) нѣсколько клинописныхъ именъ, а теперь рядъ «авилонскихъ словъ» сталъ, повидимому, входить въ лексиконъ «каждаго образованнаго нѣмца»; все «образованное» общество дебатируетъ, и часто «du haut en bas», рядъ труднѣйшихъ, по и заманчивыхъ до крайности проблемъ по исторіи и культурѣ древняго Востока. Интересъ общества къ поразительнымъ результатамъ раскопокъ, къ тому самому «гробокопательству», «процѣживанію пустыни», къ той самой «*Keil-Schrift*», надъ которой недавно острили не меньше, чѣмъ надъ моноклемъ и таліей прусскаго офицера и изрубленной фізіономіей и вѣчной задолженностью нѣмецкаго бурша, — интересъ общества растетъ съ каждымъ днемъ. Такое быстрое измѣненіе отношенія, конечно, можно бы считать отраднымъ знаменіемъ времени, если теперешній

интересъ не содержалъ бы въ себѣ слишкомъ много легкомысленнаго и легковѣснаго. Самый интересъ возникъ слишкомъ внезапно, слишкомъ поспѣшно и неосторожно эксплуатируется, чтобы ему можно было прочить долгое существованіе.

Причиной и началомъ этого, можно сказать, патологическаго, интереса послужили три лекціи проф. Фридриха Делича (особенно первыя двѣ—«Babel und Bibel»), который въ популярной и чрезвычайно увлекательной формѣ ввелъ слушателей въ почти сказочный по своей колоритности и многосторонности вавилонскій міръ. Лекціи были повторены во дворцѣ, и особый интересъ императора вызвалъ даже опасеніе—не кроется ли тутъ какой-либо «новый курсъ», нѣтъ ли тутъ страшной опасности, такъ какъ (проф. Kittel) «вопросъ великой научной и практической важности связывается съ авторитетомъ императора и какъ бы предрѣшается безапелляционно». Не исчезли эти опасенія и послѣ извѣстнаго открытаго письма Вильгельма II, которое, очень ясное само по себѣ и далеко не выгодное для основныхъ положеній Делича, все же удовлетворило лишь очень немногихъ энтузіастовъ (Schwartzkopff: «Ein Kaiserwort». J. v. Gotthuss: «Kaiser und Bekenner»), констатировавшихъ нѣсколько поспѣшно «окончательное пораженіе» Делича. Достаточно было уже этихъ фактовъ, чтобы вопросъ о «Babel und Bibel», о взаимоотношеніяхъ между вавилонской культурой и еврейской, сталъ вопросомъ *моднымъ*. Но двухъ лекцій Делича было также достаточно, чтобы взволновать теологическія сферы традиціоннаго направленія (католическія, евангелическія, еврейскія), чтобы возбудить кличъ «saveant consules», говорить о «низверженіи книги книгъ», защищать то, что совсѣмъ и не нуждалось въ защитѣ; все это сдѣлало вопросъ уже *сенсационнымъ*, придавая ему специфическій отгѣнокъ опасной принципиальной борьбы, возводя его на степень важнаго общественнаго явленія.

Грянулъ бой, который и донинѣ не оконченъ. Чтобы понять и оцѣнить этотъ мучительно долгій споръ, превратившійся скоро въ рѣзкую и одностороннюю полемику, при которой основные пункты были забыты или искажены, нужно вкратцѣ указать инкриминированные пункты лекцій Делича.

Деличъ, едва ли не лучший знатокъ ассиро-вавилонскихъ древностей въ Германіи, хотѣлъ дать и далъ внушительную картину культурнаго могущества Вавилона, его громаднаго культурно-историческаго значенія (ср. С. F. Lehmann: «Babyl. Kulturmission einst und jetzt» 1903). Поразительныя астрономическія наблюденія (вавилоняне знали уже 4 луны Юпитера), установленіе календаря, введеніе точной системы мѣрь и вѣсовъ, богатая и разносторонняя

литература, удивительный размах фантазии и практической изобретательности, великая самонадеянность людей, «сотворивших» свою благодарную страну, и вмѣстѣ съ тѣмъ громадная и глубокая набожность (знаменитые «нокаянные псалмы»), возвышенное представлѣніе о мощи и любви божества, которое непрестанно учитъ и направляетъ людей во всѣхъ дѣлахъ,—все это сливается въ такую мощную картину, которая не разъ у пораженнаго наблюдателя исторгала восторженное «ex oriente lux!» («съ Востока свѣтъ!»); все это знаменуютъ такую культурную силу, предъ которой намъ, людямъ ХХ вѣка, приходится благоговѣть, тѣмъ болѣе, что мы съ нею связаны тысячью нитей.

Впрочемъ, всѣ эти факты теперь настолько установлены, что Деличъ и не ждалъ какихъ-либо возраженій. Но Деличъ пошелъ дальше: онъ привелъ цѣлый рядъ древне-вавилонскихъ сказаній о сотвореніи міра и человѣка, о лишеніи человѣка безпечальнаго житія въ райскихъ садахъ, о десяти пра-царяхъ, объ уничтоженіи человѣческаго рода, за исключеніемъ одной семьи, великимъ потопомъ — сказаній, въ которыхъ, по его мнѣнію, «соотвѣтствующіе библейскіе рассказы являются въ болѣе первичномъ и непосредственномъ видѣ». Значеніе такого поразительнаго сопоставленія и совпаденія, конечно, громадно, но и здѣсь Деличъ не могъ ожидать серьезныхъ нападокъ, ибо и это, какъ мы увидимъ, было *давно известно*.

Но Деличъ пошелъ еще дальше: онъ указалъ, что еврейское имя Бога въ Библии—*Jahve*— не разъ встрѣчается въ клинописи, что это имя есть названіе не только высшаго, но и единаго Бога, что «просвѣщенные умы въ Вавилонѣ давнымъ-давно уже учили, учили открыто, что *Nergal* и *Nebo*—боги луны и солнца, богъ грома *Ramman* и всѣ остальные боги сливаются во-едино въ *Мардукъ* (библейскій Меродахъ), богъ свѣта»; итакъ, великій принципъ монотеизма впервые былъ провозглашенъ въ Вавилонѣ.

Это было ново, и по поводу этого *послѣдняго* заявленія и завязался споръ, въ теченіе котораго слишкомъ усердные противники старались, кстати, умалить и уничтожить значительность и *всѣхъ* остальныхъ указаній Делича. Споръ страшно затянулся; но самая эта продолжительность, а еще болѣе безрезультатность спора въ высшей степени инструктивны; въ самомъ дѣлѣ, указанія Делича отнюдь не являются его монополіей, свобода изслѣдованія и слова ничѣмъ не ограничены; очевидно, тутъ были какія-нибудь *спеціальныя* причины, затянувшія споръ, сдѣлавшія его почти безнадѣжнымъ.

И дѣйствительно, это—споръ неравныхъ силъ: съ одной сто-

роны знаніе, съ другой—глубокое, но самодовольное невѣжество, съ одной стороны факты, съ другой—слова, предвзятыя теоріи, старыя традиціи. Цѣлый рядъ уважаемыхъ принципіальныхъ *противниковъ* Делича горячо жалуются на «крайнюю неподготовленность» своихъ сторонниковъ, на ихъ «косность», на то, что ихъ оружіе архаично до смѣшного: «они сражаются алебардами и фитильными ружьями» противъ «крупновскихъ орудій Делича».

Но если нельзя ужъ побѣдить, то желателенъ по крайней мѣрѣ почетный миръ. И вотъ лучшей иллюстраціей, почему обѣ стороны не могли «примириться» (возможное «примиреніе» — вотъ идеаль и наиболѣе свѣдущихъ противниковъ Делича, и его послѣдователей), можетъ послужить *характеръ* спора.

Это — споръ не только страстный, но и странный, некрасивый: нападки личнаго характера (Деличъ получилъ и рядъ угрожающихъ писемъ!), анонимная полемика въ ультра-популярной формѣ («Babyloniens Kultur und die Weltgeschichte» — въ формѣ переписки двухъ друзей Е. и К.) съ полнѣйшимъ извращеніемъ фактовъ¹⁾, обвиненіе въ подтасовкѣ (проф. Kittel говоритъ о «тенденціозныхъ манипуляціяхъ Делича надъ текстами») и даже поддѣлкѣ²⁾ — вотъ что поражаетъ каждаго читателя этихъ мелкихъ и мельчайшихъ брошюрокъ и статей. *Характеръ* нападковъ уже ясно показываетъ, что никакого «примиренія» тутъ быть не можетъ: враждующія стороны говорятъ на разныхъ языкахъ, имѣютъ даже... разные этическіе кодексы. Понятно поэтому, что ни самъ Деличъ, ни его послѣдователи почти что не отвѣчали «противникамъ» (впрочемъ, Деличъ обѣщаетъ въ концѣ февраля выпустить книгу³⁾, посвященную исключительно возраженіямъ критиковъ — «Babel und Bibel. Ein Rückblick und Ausblick»), исключая тѣхъ, которые вносили не инсинуаціи, не апеллированіе къ добрымъ патриархальнымъ чувствамъ читателей, а серьезныя научныя возраженія. Впрочемъ, *такихъ* противниковъ, въ родѣ пасторовъ Keil'a, A. Jeremias'a, профессоровъ Бецоляда и Буддэ, — немного, да и то «böse Beispiele verderben gute Sitten», какъ говорятъ нѣмцы: въ одномъ изъ примѣчаній («Babyl.-assyrl. Keilinschriften und ihre Bedeutung für das Alte Testament». Anm. 74) къ публичной лекціи проф. Бецоляда счелъ

1) Къ чести противниковъ Делича нужно сказать, что они сами постарались раскрыть не только никогдѣ непрошеннаго коллеги, но и грубое его невѣжество.

2) Въ одномъ католическомъ журналѣ извѣщали читателей, что въ Лондонѣ, гдѣ хранятся большинство клинописныхъ памятниковъ, посылается патеръ Strassmaier для снятія копій, «дабы своевременно помѣшать поддѣлкѣ».

3) Въ данное время книга уже появилась и даетъ рядъ интереснѣйшихъ добавленій и разъясненій, которыми авторъ статьи не могъ уже воспользоваться.

нужнымъ особенно подчеркнуть тотъ фактъ, что Деличъ «дважды въ теченіе 9 лѣтъ измѣнилъ свой взглядъ на одинъ изъ коренныхъ вопросовъ ассиріологіи» (курсивъ). Обвиненіе въ двукратномъ измѣненіи *научныхъ* убѣжденій (или «убѣжденій» вообще?) какъ разъ *въ области ассиріологіи* звучитъ болѣе чѣмъ странно: въ *этой* области почти что каждый день дѣлаются и могутъ быть сдѣланы такія открытія, которыя существенно измѣняютъ прежнія данныя и радикально *должны* измѣнить и прежнія воззрѣнія.

Давно ли мы знали (Исаія 20, 1) *мишъ имя* Саргона, теперь же накопилось такое множество данныхъ, по которымъ возможно написать дипломатически точную и подробную монографію (Н. Winckler «Keilinschriften Sargons» I, II). Ездра I, 4, 10 упоминаетъ про какого-то царя Аснафара, теперь же мы знаемъ, что это—великій Ашурбанипаль, греческій Сарданапаль, часть (20.000 таблицъ!) безцѣнной бібліотеки котораго найдена и ослѣпительно освѣщаетъ такія темныя страницы восточной исторіи, о которыхъ и не дерзали мечтать. Въ 1853 г. Layard нашелъ краткую надпись, въ которой впервые упоминалось имя царя Хаммураби (приблизительно 2.250 лѣтъ до Р. Хр.); затѣмъ данныя понемногу накопились, и 1898 г. открылъ намъ поразительно интересную переписку царя, въ которой съ удивительной выпуклостью выступаетъ величавая фигура просвѣщеннаго деспота, его попеченія о гигантскихъ оросительныхъ работахъ, о колоссальныхъ запасныхъ магазинахъ на случай голода, о мелочахъ культа и деталяхъ администраціи; а 1902 г. подарилъ міру *Законникъ Хаммураби*—величественный памятникъ древней культуры, древняго правосознанія, древнѣйшей попытки уравнительной справедливости¹⁾.

1) Нѣсколько отрывковъ уже могутъ дать представленіе и объ общемъ тонѣ Законника и о намѣреніяхъ законодателя.

Вступленіе: „Привзвали меня, благочестиваго царя Хаммураби (боги) Аву и Бель, чтобы осуществить право въ странѣ сей, чтобы уничтожить дурныхъ и злыхъ, чтобы сильный не обижалъ слабого... Когда привзвали меня (боги), я постарался вложить право и справедливость въ уста людей, создать благоденствіе подданныхъ...“

Заключеніе: „(Вотъ) законы, дарованные Хаммураби, мудрымъ царемъ, странѣ на успокоеніе и процвѣтаніе. Я Хаммураби, царь-охранитель. Отъ людей, дарованныхъ мнѣ Беломъ, управлять которыми поручилъ мнѣ Мардукъ, не отвернулся я; не замедлилъ я уготовить имъ обитель мира; неприступныя тѣснины сдѣлалъ я допустимыми, свѣтомъ озарилъ я ихъ... Великіе боги привзвали меня; я—пастырь благостимый, мой путь—правда („мой посохъ прямой“ въ текстѣ)... Грудью своею охраняю я жителей Шумера и Аккада (Вавилонія)... Чтобы сильный не вредилъ слабому, чтобы охранить сиротъ и вдовъ..., чтобы тяжбы разрѣшались по правдѣ, чтобы врачевался всякій вредъ, я начерталъ на этомъ камнѣ драгоценныя слова мои... Да придетъ каждый угнетаемый... да прочтаетъ онъ надпись, да внемлетъ онъ драгоценнымъ словамъ моимъ. Надпись откроетъ ему дѣло его, право свое узритъ онъ,

Итакъ, сокровищница знаній безпрестанно обогащается; тамъ, гдѣ прежде господствовали лишь болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы, властно появляются документальныя данныя, паткія комбинаціи смѣняются положительнымъ знаніемъ. Взгляды ассиріологовъ *должны мѣняться и часто мѣняются.*

Необычайно быстрое накопленіе данныхъ, безпримѣрное расширение исторической сцены производить и на профана неотразимое впечатлѣніе, и это впечатлѣніе сыграло немаловажную роль въ полемикѣ о «Babel und Bibel». И у большой публики, и у многихъ «критиковъ», которымъ не подъ силу оказался ускоренный темпъ новыхъ открытій, получилось впечатлѣніе, что проф. Деличъ сообщаетъ что-то совершенно *новое* и рискованное, безмѣрно увлекшись своими «открытіями».

Вопроса о новизнѣ мы уже отчасти касались и выдѣлили дѣйствительно новое; сгруппируемъ лишь нѣсколько замѣчаній по этому поводу. Вавилонское сказаніе о сотвореніи міра опубликовано (H. Smith) въ 1875 г.; вавилонская легенда о потерѣ людьми безсмертія переведена (E. Nagler; найдено 1888) въ 1893 г.; цилиндръ съ изображеніемъ древа, по бокамъ котораго сидятъ двѣ фигуры, мужская и женская, а около послѣдней—змѣя, сближенъ былъ уже въ 1875 г. (H. Smith) съ библейскимъ рассказомъ о грѣхопадении; сказаніе о 10 пра-царяхъ до потопа извѣстно (I. Oppert) уже съ 1877 г.; вавилонское сказаніе о потопѣ извѣстно (H. Rawlinson; перевелъ H. Smith 1876) съ 1875 г.; вавилонское представленіе о грѣхѣ можно считать установленнымъ (H. Zimmermann «Babyl. Busspsalmen») съ 1885 г.; легенда о древнѣйшемъ царѣ Саргонѣ I, котораго его мать вскорѣ послѣ рожденія положила въ корзинку изъ тростника, осмоленную асфальтомъ, и пустила по рѣкѣ, гдѣ нашель его Акки-водоносъ, который вскормилъ и пріютилъ его, пока Иштаръ, дочь повелителя неба, не склонилась милостиво къ Саргону,—эта легенда извѣстна уже (H. Smith) съ 1872 г.; «вавилонскія заповѣди» извѣстны (A. Sayce) съ 1887 г. и т. д. Но этого мало: цѣлый рядъ интересующихъ насъ вавилонскихъ миеовъ извѣстенъ уже... *почти 2.000 мтг!* Около 280 г. до Р. Хр. вавилонскій жрецъ Беросъ написалъ по-гречески сочи-

сердце его да возрадуется (и да воскликнетъ онъ): Владыка Хаммураби—отецъ подданныхъ! онъ заставлялъ почитать слово Мардука, онъ возвеселилъ сердце Мардука, господина своего, онъ даровалъ подданнымъ благоденствіе навѣки, онъ умиротворилъ страну сію!—О законникъ Хаммураби возникла уже богатая литература; лучшіе *переводы*: H. Winckler 1903 (изъ собранія популярныхъ монографій „Der Alte Orient“) и Kohler und Peiser 1904.

См. напечатанную въ этой же книгѣ „Научнаго Слова“ статью И. А. Кляшторского.

Ред.

неніе о своей родинѣ, интересные отрывки котораго дошли до насъ и чрезвычайно давно уже извѣстны; новѣйшія раскопки доказали полную достовѣрность рассказовъ Бероса, къ которымъ намъ придется еще вернуться.

Итакъ, почти всѣ факты, привлекаемые Деличемъ, имѣютъ весьма почтенную давность, и полное ихъ незнаніе удивительно уже потому, что въ Германіи существуетъ (съ 1889 г.) и пользуется заслуженной извѣстностью «Клинописная Библиотека» (т. VI, о вавилонскихъ мѣахъ, особенно интересенъ), дающая тексты не только въ транскрипціи, но и *въ переводѣ*.

Деличь, такимъ образомъ, талантливо соединилъ въ своихъ лекціяхъ лишь давно извѣстное, и съ компетентной стороны (проф. С. Bezold) ему былъ сдѣланъ даже упрекъ, что популярное изложеніе старыхъ истинъ наврядъ ли уместно въ засѣданіи ученаго общества, какимъ является «Deutsche Orientgesellschaft». Но иначе было сужденіе большой публики и цѣлаго ряда лицъ, считавшихъ себя призванными «охранить народъ отъ гибельнаго вліянія Вавилона, вѣчнаго противника Истины» (F. Kaulen), отъ опаснаго ¹⁾ увлеченія «панвавилонизмомъ».

Отношеніе большой публики къ вопросу въ данномъ случаѣ не менѣе важно, чѣмъ и самая сущность вопроса; только знаніе деталей спора, его атмосферы, можетъ подготовить болѣе или менѣе объективное сужденіе; вотъ почему я позволилъ себѣ утомить вниманіе читателя краткимъ изложеніемъ *характера* спора.

Впрочемъ, приходится сдѣлать еще нѣсколько оговорокъ. Деличу дѣлали (напр., императоръ Вильгельмъ) еще и другой упрекъ: онъ не долженъ былъ выносить на судъ публики факты шаткіе, *не рѣшенные* еще наукой, являющіеся пока лишь общими гипотезами или личными его догадками. Таковымъ является, по мнѣнію большинства, его указаніе на «вавилонскій монотеизмъ, поддерживаемое главнымъ образомъ чтеніемъ и толкованіемъ имени божества («Ja-ve ilu» — «Яхвэ — богъ» какъ *собственное* имя) на трехъ глиняныхъ табличкахъ, между тѣмъ какъ *самое чтеніе* является здѣсь затруднительнымъ и спорнымъ. Возраженіе это, какъ видно, чисто научнаго характера, и, казалось бы, дилетанты и совсѣмъ не посвященные не могутъ участвовать въ «рѣшеніи» этой проблемы. На самомъ дѣлѣ получилось обратное: отъ Делича «требовали» (Jensen), чтобы онъ, «лишившій Израиль славнѣйшаго дѣла», доказалъ свое положеніе «ясно и просто». Это «ясно и просто» въ

¹⁾ С. Walter „Babel, Bibel und—Bebel. Ein religions- und geschichts-philosophischer Rückblick und Ausblick“. 1903.

труднѣйшемъ и далеко еще не ясномъ вопросѣ характерно для отношенія противниковъ Делича—у нихъ все «ясно и просто»; отсюда поспѣшные выводы, «ясныя какъ Божій день» толкованія, пестрая смѣсь чужого знанія и собственнаго незнанія, отважныя открытія давно извѣстнаго, немотивированное отбрасываніе всего затруднительнаго. Но справедливость требуетъ указать, что такое же пагубное «ясно и просто» замѣчается и у «сторонниковъ» Делича: рискованныя утвержденія Винклера («Abraham als Babylonier, Joseph als Ägypter» 1903), остроумныя, но схоластически изощренныя комбинаціи Фальба («Babel, Bibel und Jao» 1903) дали лишь новый и не совсѣмъ невѣрный поводъ для дальнѣйшихъ нападокъ и сильно затемнили и усложняли и безъ того темный и сложный вопросъ.

А между тѣмъ въ пылу битвы совсѣмъ незамѣченнымъ осталось одно важное указаніе самого Делича (I p. 72), которое въ значительной степени лишаетъ «горечи и яда» его заявленіе о «вавилонскомъ» монотеизмѣ: «монотеистическое представленіе божества присуще было *не коренному* вавилонскому населенію, а тѣмъ позднѣе (около 2500 г.) приселившимся сѣверно-семитическимъ народамъ», вѣтвью которыхъ являются и позднѣйшіе евреи. Громадное значеніе этого незамѣченнаго заявленія станетъ яснымъ, когда намъ придется коснуться причинъ поразительнаго, хотя и не дословнаго, сходства нѣкоторыхъ вавилонскихъ сказаній и еврейской традиціи.

Обратимся теперь къ вопросу по существу, съ необходимыми однако ограниченіями. Вопросъ о Babel und Bibel имѣетъ двѣ стороны: ассиріологическую или историко-культурную, гдѣ почти все ясно и извѣстно, во всякомъ случаѣ доказуемо, и теологическую—самую спорную, обставленную пока еще очень недостаточными аргументами. Обѣ столь несходныя стороны постоянно смѣшивались, вѣрнѣе существованіе *двухъ* сторонъ рѣдко кѣмъ понималось, отчего и произошли тѣ бесплодныя словопренія, которымъ, кажется, не будетъ конца. Во избѣжаніе той же ошибки намъ и придется остановиться *лишь на одной* изъ этихъ сторонъ, и мы выберемъ наиболѣе достовѣрное, хотя и менѣе сенсаціонное; мы рассмотримъ вопросъ *лишь съ культурно-исторической* стороны, ограничивая притомъ свое разсмотрѣніе тремя характерными сопоставленіями.

Жрецъ Берось, по словамъ Евсевія, сообщаетъ: Было время, когда все было мракъ и вода, и въ этомъ хаосѣ самопроизвольно зарождались существа странной формы; надъ всѣми ими господствовала женщина Thamte, т.-е. море, по имени; и явился тутъ богъ Балъ и разсѣкъ жену ту надвое, и изъ одной половины сдѣ-

лалъ землю, изъ другой—море; а существа подвластныя ей уничтожилъ... И увидѣлъ Бэль, что земля не населена, и повелѣлъ отсѣчь одному изъ боговъ голову и, смѣшавъ кровь его съ прахомъ, создалъ человѣка и звѣрей; создалъ Бэль также свѣтила—солнце и луну и пять планетъ.

Такъ повѣствуетъ Берось, который въ качествѣ жреца долженъ былъ хорошо знать клинописныя записи родной страны. Теперь извѣстнѣ намъ и *оригиналъ* его пересказа: безцѣнная библиотека Ашурбанипала сохранила на 7 таблицахъ въ почти 1000 строкахъ поэму о сотвореніи міра.

Тогда, когда вышнее небо было еще безымянно
И земля внизу не получила названья,
Когда одинъ лишь Арсу первоначальный
И Мумми-Тіамат, великая прамасть,
Смѣшивали въ-одно безбрежныя воды...
Тогда появились [первые боги].

Между этими богами и Арсу съ Тіаматъ возникаютъ раздоры; Арсу побѣжденъ, но Тіаматъ хитростью склоняетъ часть боговъ въ свою сторону и, кромѣ того, создаетъ страшное чудовище. Боги не дерзаютъ идти противъ Тіаматъ и чудовища; одинъ лишь Мардукъ соглашается на бой, но съ условіемъ, чтобъ его признали царемъ вселенной. Боги согласны:

Мардукъ, великая честь тебѣ между богами...
Съ этого времени слово твое пусть властвуетъ,
Возвеличь, низвергай— велѣніе крѣпко твое!
Пусть оружье твое побѣдитъ, врага поразитъ!
Кто жъ на тебя положится, ты пощади!
Если жъ кто изъ боговъ недоброе мыслить, ты уничтожь!

Мардукъ проявляетъ свою силу въ чудѣ: одежда по его слову то исчезаетъ, то вновь появляется. Пораженные и обрадованные боги славословятъ мощь Мардука:

Уничтоженіе и созданіе въ волѣ твоей!

и преклоняются предъ нимъ:

Мардукъ, будь намъ царемъ!

Затѣмъ боги приносятъ ему скипетръ, тронъ, но и оружіе для борьбы съ Тіаматъ. Далѣе съ эпической тщательностью разсказывается, какъ Мардукъ снаряжается на бой лукомъ и стрѣлами, мечомъ и сѣтью, какъ онъ восходитъ на свою боевую колесницу, какъ онъ встрѣчается съ Тіаматъ, какъ онъ вызываетъ ее на бой. Мардукъ пронзилъ Тіаматъ, побѣдилъ, но помиловалъ ея помощни-

ковъ; затѣмъ онъ возвращается къ тѣлу Тіаматъ и разрѣкаетъ его на двѣ части:

Изъ половины одной сводъ небесный онъ создалъ,
И задвинулъ засовы, и сторожей поставилъ,
И выпускать запретилъ небесныя воды.

Затѣмъ идетъ подробнѣйшій рассказъ о созданіи свѣтилъ съ точнымъ указаніемъ ихъ назначенія. Этимъ кончается, къ сожалѣнію, сохранившаяся часть вавилонскаго эпоса; все остальное—созданіе суши, растений, животныхъ—сохранилось лишь въ видѣ мелкихъ отрывковъ, а въ 1902 г., въ числѣ другихъ находокъ, найденъ и отрывокъ о «созданіи человѣка изъ крови и кости, чтобъ онъ населилъ землю и служилъ богамъ».

Таково вавилонское сказаніе. Ясно на первый взглядъ, какъ много сходнаго, но еще болѣе несходнаго съ библейскимъ рассказомъ. Несходно, прежде всего, представленіе о верховномъ существѣ: въ вавилонской поэмѣ и Мардукъ, и всѣ остальные боги слишкомъ антропоморфны, слишкомъ много у нихъ человѣческихъ чертъ—вплоть до безсилія и отчаянія, вытекающаго изъ этого безсилія; несходенъ также и общій характеръ сказаній: вавилонская поэма даетъ рядъ фантастическихъ, но все же простыхъ, почти наивныхъ картинъ, происхожденіе которыхъ, повидимому,—чисто-народное творчество, образное, но грубоватое, узкое и непослѣдовательное; повѣтствованіе же Библии поражаетъ своею величавостью, цѣльностью, выдержанностью и точною сжатостью. Но и у евреевъ были *народныя* космогоническія сказанія, возникшія еще въ то отдаленное время, когда евреи кочевали въ Аравійской пустынѣ. Отрывки этого чисто-народнаго творчества сохранились и въ позднѣйшей литературѣ, и часто рассказу о сотвореніи вселенной предшествуетъ воспоминаніе о борьбѣ Jahve съ чудовищнымъ Левіаѳаномъ, Раавомъ, Дракономъ (Ездры I, 6, 52; Иова 26, 12, 13; Псаломъ 73, 13—17, 88, 10—13).

Исаія 51, 9—10:

Возстань, возстань, одѣйся крѣпостью, мышца Господня!
Возстань какъ въ дни древніе, въ роды давніе!
Не ты ли сразила Раава и поразила Дракона.
Не ты ли засушила море, воды великой бездны (*tehom*).

Перейдемъ ко второму сопоставленію. Въ 1888 г. около египетской деревушки Tell-el-Amarna, въ развалинахъ дворца фараона Аменофиса IV, найдено было приблизительно 300 таблицъ, относящихся большей частью къ 1500 г. до Р. Х.. Таблицы изъ Tell-el-Amarna (Н. Winckler въ V т. «Keilinschriftliche Bibliothek» далъ

превосходный нѣмецкій переводъ), къ которымъ намъ еще придется возвращаться, содержатъ между прочимъ и слѣдующее любопытное вавилонское сказаніе. Адапа, сынъ бога моря Эа, счастливый и исполненный всякой мудростью, живетъ въ Egidu, святилищѣ бога Эа, у устья Евфрата и Тигра; свой досугъ онъ проводитъ на морѣ, лова рыбу; однажды на морѣ Южный Вѣтеръ опрокинулъ его лодку, и Адапа въ отместку сломалъ Вѣтру крылья, такъ что семь дней тотъ не могъ исполнять своихъ обязанностей; объ этомъ узналъ Ану, богъ неба, и велѣлъ позвать къ себѣ Адапу; Эа поучаетъ своего любимца, какъ ему держать отвѣтъ предъ Ану: «Когда ты предстанешь предъ Ану, дадутъ тебѣ пищу смерти—не ѣшь ее! воду смерти дадутъ тебѣ—не пей ее!» На небѣ Адапа такъ и поступаетъ; но ему дали пищу и питье жизни, а не смерти; своимъ отказомъ онъ лишился вѣчной жизни. «О, Адапа, почему ты не пилъ, почему не ѣлъ ты,—воскликаетъ Ану,—теперь и жить ты не будешь вѣчно! Возьмите, сведите его на землю его!»

Конечно, этотъ мифъ имѣетъ лишь очень отдаленное сходство съ рассказомъ о грѣхопадении. Правда, и въ Библии упоминается про «дерево жизни», которое играетъ не меньшую роль ¹⁾, чѣмъ «дерево познанія добра и зла»; и здѣсь встрѣчается запрещеніе («не ѣшь... смертью умрешь») и столь же роковое по своимъ послѣдствіямъ противоположное толкованіе («нѣтъ, не умрете»); но весь характеръ рассказа совершенно иной—въ вавилонскомъ мифѣ нѣтъ и намека на возвышенное пониманіе отношеній человѣка къ божеству; наконецъ, вавилонскій мифъ нигдѣ не указываетъ, чтобы Адапа былъ *первымъ* человѣкомъ.

Много шума надѣлалъ также вавилонскій цилиндръ, гдѣ изображено дерево съ плодами, по бокамъ котораго сидятъ мужчина и женщина, протягивая руки къ плодамъ; около женщины видна волнообразная линія, во многомъ напоминающая змѣю. Уже въ 1875 г. Н. Smith («Chaldean account of Genesis») видѣлъ въ данной сценѣ изображеніе грѣхопадения, и съ тѣхъ поръ это объясненіе повторялось множество разъ; но оно встрѣтило и серьезные возраженія: одни, указывая на рога у мужчины (рога—вавил. эмблема силы), не безъ основанія видѣли въ немъ бога, а во всей композиціи—аллегорію поученія богомъ людей, другіе указывали еще на то, что «змѣя»—просто *линія*, раздѣляющая (въ несовершенной формѣ, какъ это часто встрѣчается на вавилонскихъ ци-

¹⁾ Бытія 3,22: „И сказалъ Господь Богъ: вотъ Адамъ сталъ какъ одинъ изъ насъ, зная добро и зло; и теперь какъ бы не простеръ онъ руки своей, и не взялъ также отъ дерева жизни, и не сталъ жить вѣчно“

линдрахъ) поверхность цилиндра на двое. Приводились и другіе аргументы, и какъ наиболѣе вѣскій тотъ, что до сихъ поръ *нѣтъ ни одного клинописнаго извѣстія*, указывающаго на существованіе у вавилонянъ аналогичнаго разсказа о грѣхопадѣніи.

Перейдемъ къ третьему сопоставленію—сказанію о потопѣ, которое особенно интересно уже потому, что подобныя же сказанія извѣстны намъ не только у грековъ и римлянъ, но и у китайцевъ, индійцевъ и даже на нѣкоторыхъ островахъ Тихаго океана. Вавилонское сказаніе найдено въ 1854 г. (прочитано лишь въ 1872 г., переведено 1875) на глиняныхъ дощечкахъ той же библіотеки Ашурбанипала. Сказаніе о потопѣ является частью большой поэмы о героѣ Издубарѣ, «великомъ стрѣлкѣ и звѣроловѣ», котораго любила сама Астарта. Издубаръ не раздѣлялъ чувства Астарты, и разгнѣванная богиня стала преслѣдовать его и убивать его друзей, такъ что «и въ безстрашнаго страхъ смерти вселился». И отправился тогда Издубаръ искать своего предка, блаженнаго Гасисадру («*Hasis-adra*»; другое чтеніе «*Adra-hasis*»), послѣдняго изъ десяти допотопныхъ царей, чтобъ узнать отъ него, какъ и когда ему даровано было безсмертіе. Послѣ цѣлаго ряда опасностей и приключеній Издубаръ приходитъ «къ водамъ, которыя отдѣляютъ жилище блаженныхъ отъ смертныхъ», гдѣ и встрѣчаетъ Гасисадру. Разсказъ Гасисадры сводится къ слѣдующему.

Боги, особенно Бэль, рѣшили истребить челоувѣковъ потопленіемъ за ихъ грѣхи; но богъ Эа, «мыслитель между богами», какъ называетъ его клинопись, захотѣлъ спасти одного изъ людей—Гасисадру изъ города Шуриппака; онъ ему является во снѣ, общается рѣшеніе боговъ и даетъ совѣты.

Возстань, о мужъ изъ Шуриппака, построй корабль!
Оставь имѣніе свое, ищи лишь жизнь! ¹⁾
Брось все имущество, жизнь лишь спасай!
Возьми съ собою всякой плоти въ корабль!
Корабль же построй себѣ по точнымъ мѣрамъ!

Гасисадра построилъ надлежащій корабль съ множествомъ отдѣленій, осмолилъ его смолою впути и снаружи, ввелъ туда всякихъ животныхъ и, наконецъ, вошелъ самъ съ семьей и родней и затворилъ дверь.

Начался потопъ. Великая темнота покрыла землю, разверзлись хляби небесныя, поднялись воды земныя. «Земля, полная блеска, превратилась въ пустыню». Началась бѣда великая, люди топили

¹⁾ Въ повѣѣ Гасисадра поэтому называется также „*Utnapischtim*“—„онъ нашелъ жизнь“.

другъ друга, хватаясь за послѣдній выступъ, «братъ не видѣлъ брата»; все обратилось въ море, и «трупы плавали какъ деревья». Даже на боговъ нашель ужасъ, и они спасаются на высшее небо, къ Ану. Шестъ дней и ночей свирѣпствовали стихіи, на седьмой наступило затишье. Открываетъ Гасисадра окно.

Преклоняетъ колѣна и съ плачемъ садится.
Горькія слезы катятся по щекамъ.

Но показывается земля; корабль останавливается на горѣ Нисирь. «Шестъ дней я ждалъ,—разсказываетъ Гасисадра,—а на седьмой

Я голубя схватилъ и выпустилъ.
И голубь мой то отлеталъ, то прилеталъ,
Но, не нашедши мѣста, возвратился.
Затѣмъ я ласточку схватилъ и выпустилъ.
То отлетала ласточка, то прилетала,
И, не нашедши мѣста, возвратилась.
Схватилъ тогда я ворона и выпустилъ.
Онъ отлетѣлъ, увидѣлъ убыль водъ,
Сѣлъ, ѣлъ, прокаркалъ, но... не возвратился“.

Тогда Гасисадра выпустилъ всѣхъ, кто былъ на кораблѣ, и принесъ жертву, «сладкій запахъ которой пріятенъ былъ богамъ». Даже Балъ, разгнѣванный неполнымъ уничтоженіемъ рода людского, смилостивился и общалъ, что больше потопа не будетъ, что безбожныхъ онъ впредь будетъ карать и уничтожать «голодомъ, звѣрями дикими и язвой моровой»; обѣщаніе это Гасисадра слышитъ во снѣ. Затѣмъ Балъ спускается къ кораблю, благословляетъ Гасисадру и его жену, даруя имъ безсмертіе:

Доселѣ былъ ты, Гасисадра, смертнымъ;
Отнынѣ будешь равенъ ты богамъ!
Пусть Гасисадра впредь живетъ у устья
Великихъ водъ!

Здѣсь, въ странѣ блаженныхъ, и встрѣчаетъ Гасисадру его потомокъ, здѣсь Издубаръ и слышитъ разсказъ о потопѣ.

Сказаніе вавилонянъ о потопѣ въ главныхъ чертахъ уже давно было извѣстно изъ отрывка жреца Бероса. Берось расходится съ клинописнымъ эпосомъ лишь въ нѣкоторыхъ мелочахъ; онъ точнѣе опредѣляетъ размѣры корабля (5 стадій въ длину, 2—въ ширину), особенно выдвигаетъ, кромѣ Ксисутра (греческая передача имени *Hasisadra*), еще «кормчаго», нѣсколько иначе передаетъ заключительную сцену: Ксисутръ, его жена и кормчій послѣ жертвы возносятся на небо, а оставшіеся слышать голосъ, который повелѣ-

ваетъ имъ быть благочестивыми и возвратиться въ Вавилонъ, открывая при этомъ, что они теперь находятся въ *Арменіи*.

Какъ видно, сходство вавилонскаго разсказа съ еврейскою традиціею поразительно и не можетъ не броситься въ глаза. Поэтому теперь и удобнѣе всего поставить вопросъ, который такъ волнуетъ западное общество: какъ *объяснить* такое сходство?

Уже а ргіогі можно допустить лишь три объясненія: либо еврейскія сказанія повліяли на вавилонскія, либо, наоборотъ, вавилонскія на еврейскія, либо и тѣ и другія имѣютъ *общее* происхожденіе.

Когда неизвѣстенъ былъ клинописный разсказъ и знали лишь передачу Бероса, вопросъ рѣшался чрезвычайно просто: Беросъ (какъ и вавилоняне вообще) черпалъ изъ *еврейскихъ* источниковъ — ясное доказательство великой культурной миссіи маленькаго еврейскаго народа. Такое рѣшеніе сильно подкупало уже своей простотою и какъ нельзя больше гармонировало съ общепризнаннымъ упрощеннымъ представленіемъ объ исторіи Востока, какъ исторіи «библейскихъ народовъ» поскольку они соприкасались съ центральнымъ избраннымъ еврейскимъ народомъ.

Столь простое рѣшеніе вопроса о поразительномъ сходствѣ не сразу поколебалось и *послѣ* находки клинописной библіотеки царя Ашурбанипала. Характерно, напримѣръ, отношеніе такого выдающагося историка какъ Леопольдъ фонъ Ранке. Этотъ «Altmeister der Geschichte», какъ любятъ его называть нѣмцы, человѣкъ чрезвычайно широкихъ и разностороннихъ интересовъ, не могъ не откликнуться на удивительныя данныя раскопокъ и посвятилъ этуодъ сказанію о потопѣ («Werke» V. LI). Анализируя вавилонскія, еврейскія, греческія и римскія сказанія о потопѣ, Ранке приходитъ къ выводу, что у всѣхъ этихъ народовъ возникли свои вполнѣ оригинальныя и независимыя другъ отъ друга преданія; *всѣ* сказанія въ своей первичной формѣ имѣютъ поэтому безусловно *мѣстный* колоритъ. *Универсальное* значеніе потопа впервые выступаетъ лишь у вавилонянъ и евреевъ, притомъ обѣ традиціи имѣютъ настолько много общаго, что вопросъ объ ихъ взаимоотношеніи необходимъ. Ранке и склоняется къ тому мнѣнію, что приоритетъ *еврейскаго* разсказа неоспоримъ, хотя бы уже «по общему правилу, что болѣе простое должно быть и болѣе раннимъ». Итакъ, первоначальный еврейскій разсказъ повліялъ на туземное вавилонское преданіе и измѣнилъ его; неравномѣрнымъ вліяніемъ двухъ элементовъ легко объясняются и почти дословныя совпаденія въ обоихъ разсказахъ и глубокое ихъ несходство; относительно *времени* вліянія Ранке полагаетъ, что было бы «не такъ уже абсурдно» предположеніе, что евреи въ эпоху «вавилонскаго плѣна» повліяли на своихъ побѣдителей.

Сходно съ Ранке думали и многие. Но вотъ въ 1888 г. произошли раскопки въ Tell-el-Amarna. Найдено было лишь около 300 клинописныхъ таблицъ, но значеніе этой находки громадно. Найдки эти показали, что около 1500 г. до Р. Хр. «на всей землѣ былъ одинъ языкъ и одно нарѣчіе» (Бытія 11,₁), языкъ — *вавилонскій*. Языкъ этотъ употреблялся не только при дипломатическихъ сношеніяхъ того времени (С. Niebuhr «Amarna-Zeit»; изъ серіи Der Alte Orient 1900), но, что неизмѣримо важнѣе, онъ дѣятельно *изучался* по памятникамъ вавилонской литературы: по крайней мѣрѣ таблица, содержащая извѣстный намъ рассказъ объ Адапѣ, испещрена массой памятныхъ помѣтокъ красными чернилами — клинопись трудно давалась египетскому ученику.

Уже это наблюденіе — широкое распространеніе вавилонскихъ легендъ, вавилонской культуры по *всему* Востоку во вторую половину второго тысячелѣтія — должно существенно измѣнить проблему. Но вотъ въ Tell-el-Amarna найдена была также таблица съ рассказомъ о *потопѣ*, написанная *около 2100 г.* до Р. Хр.; такимъ образомъ, самое время написанія опровергаетъ уже всякую возможность вліянія еврейской традиціи.

Послѣ находки въ Tell-el-Amarna тезисъ Ранке о приоритетѣ и вліяніи еврейской традиціи нельзя уже было поддерживать и, естественно, была выставлена обратная гипотеза о вліяніи *вавилонскихъ* сказаній, — гипотеза, разросшаяся понемногу въ неистовую борьбу изъ-за «Babel und Bibel». Много вѣскаго было сказано въ пользу этой теоріи, а впечатлѣніе ея правоты у большой публики усиливалось еще рѣзкими, къ дѣлу не относящимися нападками «противниковъ»: заключеніе — ты сердисься, значить ты неправъ — напрашивалось неоднократно.

Но и эта вторая гипотеза о вліяніи Babel на Bibel далеко не безупречна. Сколько бы ни приводили примѣровъ точнаго или болѣе отдаленнаго сходства фабулы и даже текста рассказовъ, остается одно серьезное, непреодолимое затрудненіе: какъ и когда евреи могли перенять эти вавилонскія сказанія, какъ и когда они ихъ очистили не только отъ политеистическихъ, но и вообще отъ специфически вавилонскихъ элементовъ? Совершенно невѣроятна догадка, чтобы евреи переняли что-либо у вавилонянъ въ эпоху «вавилонскаго плѣна»; евреи, поклонники Единаго, не могли въ *это* время, когда ихъ исключительность и замкнутость вполнѣ уже сформировались, перенять что-либо у «язычниковъ» и «поработителей». Приходится поэтому отодвинуть возможную филиацію въ *очень* отдаленное время, когда сыны Израиля еще кочевали въ пустыняхъ Аравіи, приходится допустить *очень много* вѣковъ для рели-

гізної еволюціи отъ многобожія къ монотеизму. Хронологія, хотя бы и приблизительная, совершенно невозможна; мы имѣемъ теперь (послѣ Tell-el-Amarna) нѣсколько надежныхъ датъ относительно *вавилонскихъ* сказаній, но относительно еврейской традиціи ихъ у насъ нѣтъ.

Въ *такомъ* видѣ вторая гипотеза приближается и почти сливается уже съ третьей: сходство вавилонскихъ и еврейскихъ сказаній объясняется не обоюднымъ заимствованіемъ, а общей зависимостью отъ одного и того же источника — пра-семитическихъ мифовъ. Подробности этой третьей, пра-семитической, теоріи, за которую высказывается теперь цѣлый рядъ ассириологовъ, къ которой, повидимому, склоняется и самъ Деличъ, не стану утомлять читателя, тѣмъ болѣе что этотъ вопросъ обставленъ пока еще слишкомъ спеціально и не поддается болѣе или менѣе общей, недетализированной передачѣ.

Сообщу въ заключеніе лишь о докладѣ 18 (5) іюля 1903 г. капитана Меркера въ Берлинскомъ Антропологическомъ Обществѣ, который, можно сказать, ошеломилъ всѣхъ неожиданностью, почти парадоксальностью, результатовъ. Меркеръ, въ качествѣ капитана колониальныхъ войскъ въ нѣмецкой Восточной Африкѣ, имѣлъ возможность въ теченіе 8 лѣтъ изучать фольклоръ туземныхъ племенъ, главнымъ образомъ массаевъ, народа *семитической* расы. Въ докладѣ отъ 18 іюля онъ и сообщилъ удивительные результаты своихъ многолѣтнихъ наблюденій надъ религиозными воззрѣніями массаевъ.

Уже сравнительно давно извѣстно (Fischer «Das Massailand» 1885. Baumann «Durch Massailand zur Nilquelle» 1894), что массаи рѣзко отличаются отъ своихъ сосѣдей-фетишистовъ возвышеннымъ представленіемъ о Божествѣ. Меркеръ указываетъ, что массаи—безусловные монотеисты; ихъ богъ—Ngai—бестѣлесный духъ, вѣчный, всеильный, всезнающій, котораго можно лишь мыслить, а не изображать (всякія изображенія запрещены); отъ Ngai все зависитъ и происходитъ, все возвращается къ нему; «Божья воля», «Богъ вѣдаетъ», «Богъ-податель всякаго добра»—вотъ обычныя восклицанія массаевъ; себя массаи считаютъ избраннымъ народомъ, имъ надлежитъ покорить всѣ народы, и это свое право они выражаютъ пока въ постоянныхъ набѣгахъ на сосѣдей—«если elmeg («не знающіе Бога») не отдадутъ намъ добровольно нашу (т.-е. свой!) скоть, то силой приходится его брать».

Совершенно неизвѣстны зато были религиозныя преданія массаевъ, сообщаемыя Меркеромъ.—Сначала земля представляла изъ себя темную пустыню (Бытія 1,2: «земля же была безвидна и пуста»), въ ней жилъ драконъ, препятствовавшій заселенію этой

пустыни животными и людьми; Ngai убилъ дракона, кровь котораго оросила и оплодотворила пустыню; затѣмъ Ngai сотворилъ солнце, луну и звѣзды, растенія и животныхъ, а, наконецъ, и людей: мужчину—Maitumbe—свелъ онъ съ неба, женщина—Naite-gogab вышла изъ нѣдръ земли.

Не менѣе поразительно сказаніе массаевъ о дальнѣйшей судьбѣ первыхъ людей. Поселились они тамъ, гдѣ кровь дракона обильнѣе всего смочила землю, гдѣ возникла наиболѣе роскошная растительность; жили они безпечно, пользуясь дарами природы, и Ngai запретилъ имъ питаться плодами одного лишь дерева; змѣя обольстила жену съѣсть плодъ, чтобы стать равными Богу ¹⁾; мужъ и жена ѣли и, испугавшись, скрылись отъ Ngai; и изгналъ ихъ Ngai изъ злачнаго мѣста и поставилъ стражемъ Звѣзду Утреннюю.

Поразительно также сказаніе о страшномъ судѣ Ngai надъ человѣчествомъ; массаи—народъ экваторіальной Африки (между 35—37° вост. долг. и отъ экв. до 5° южн. шир.)—знаютъ также о потопѣ, въ которомъ *море* играетъ важную роль. Люди совершили первое убійство, и Ngai рѣшилъ ихъ истребить, оставивъ въ живыхъ лишь одного благочестиваго Tumbainot'a и его семью. Велилъ Ngai построить ковчегъ и запереться въ немъ съ семьей и нѣсколькими парами различныхъ животныхъ; начался потопъ, воды уничтожили все живое на землѣ, а затѣмъ медленно спали. Въ ковчегѣ же скоро настала недостатокъ въ припасахъ и пришлось попытаться, нельзя ли гдѣ пристать; и послалъ Tumbainot сперва голубя, но тотъ вернулся измученнымъ, нигдѣ не отдохнувъ; чрезъ нѣсколько дней послалъ онъ коршуна-стервятника, прикрѣпивъ къ хвосту его стрѣлу; вернулся и коршунъ, но безъ стрѣлы и съ вырваннымъ перомъ, признакъ того, что онъ гдѣ-то садился причемъ стрѣла за что-то зацѣпилась. И понялъ Tumbainot, что воды спали и, повременивъ немного, вышелъ изъ ковчега; а Ngai далъ знаменіе—четыре радуги по всѣмъ четыремъ направлѣніямъ—въ знакъ того, что гнѣвъ его прошелъ.

Впрочемъ, этимъ не кончаются болѣе чѣмъ поразительныя совпаденія. Меркерь указываетъ еще цѣлый рядъ параллелей: исторію объ обманномъ присвоеніи первородства, о косноязычнымъ Magumi и о Musana, учредителѣ семидневной недѣли съ субботой, днемъ отдыха—«esubat polon» («хорошій день»; у вавилонянъ «šabbattu» — «тяжелый день», т. к. никакая работа не можетъ удаться), о десяти заповѣдяхъ и т. п.

Таковы результаты изслѣдованій Меркера. Естественно напра-

¹⁾ Бытія 3,4,5: И сказалъ змѣй женѣ: нѣтъ, не умрете; но знаетъ Богъ, что въ день, въ который вы вкусите ихъ, откроются глаза ваши и вы будете, какъ боги, знающіе добро и зло.

пивается вопросъ: чѣмъ объяснить такое феноменальное сходство? Нѣкоторыя указанія даетъ сама традиція массаевъ, которая повѣствуетъ, что въ «далекой странѣ», т.-е. прародинѣ массаевъ, откуда они вышли, *остались* два племени—El-Eberet и Amogoi, въ которыхъ Меркеръ видитъ «евреевъ» (отъ Евера; Бытія 10,24) и аморитянъ («Ашуги» клинописныхъ памятниковъ). Но когда произошло это переселеніе? Этотъ вопросъ рѣшается Меркеромъ нѣсколько поспѣшно и недостаточно убѣдительно: по его мнѣнію, массаи могли пройти по Египту лишь тогда, когда египтяне не были еще въ силахъ воспротивиться нашествіямъ, т.-е. въ седьмомъ тысячелѣтіи до Р. Хр.! Подобное рѣшеніе, конечно, неудовлетворительно, хотя бы уже потому, что оно предполагаетъ совершенно невѣроятную живучесть *устной* традиціи. Но, несмотря на рядъ такихъ же промаховъ, изслѣдованія Меркера вносятъ чрезвычайно интересный и новый матеріалъ въ спорный вопросъ, и обѣщанная имъ книга ожидается съ понятнымъ нетерпѣніемъ.

Только по выходѣ *книги* можно будетъ въ достаточной мѣрѣ оцѣнить матеріалъ Меркера, при чемъ, разумѣется, было бы желательно, чтобы оцѣнка производилась лишь специалистами, чтобы люди непризванные не затемняли и не тормозили научной работы. Впрочемъ, такое желаніе наврядъ ли оправдается; уже теперь раздаются воинственные клики противъ «die Bibel aus Afrika», и Меркеръ, предвидя разныя «простѣйшія» объясненія, заявилъ уже въ своей лекціи, что возможность всякаго вліянія на массаевъ извпѣ, «особенно со стороны позднѣйшихъ миссіонеровъ», совершенно исключена, исключена не потому только, что массаи убиваютъ всякаго чужеземца, а потому, что у массаевъ нѣтъ *никакихъ* указаній на *христіанство*; странно бы, дѣйствительно, было предположить, чтобы христіанскій миссіонеръ въ центрѣ своей проповѣди ставилъ Пятикнижіе, совершенно не знакомя вновь обращаемыхъ съ истинами Евангелія.

Итакъ, новыя открытія все болѣе и болѣе расширяютъ и углубляютъ спорный вопросъ. Что не рѣшено сегодня, быть можетъ рѣшено будетъ завтра. Великая рать науки побѣдно идетъ впередъ, и желательно только, чтобы свобода ея движенія не тормозилась назойливымъ и обременительнымъ обозомъ дилетантовъ; желательно, чтобы не было мелкой зависти и злобы при каждомъ успѣхѣ, непристойныхъ насмѣшекъ при частичныхъ неудачахъ; желательно, чтобы каждое новое приобрѣтеніе не было встрѣчено какъ безжалостное или кощунственное уничтоженіе стараго. Времена и воззрѣнія мѣняются, и для науки не существуетъ «noli me tangere»—запретнаго.

Д. Егоровъ.

Новый законодательный памятник древности.

Древний Востокъ съ его историческимъ прошлымъ, начиная съ пятидесятихъ годовъ минувшаго столѣтія, становится предметомъ серьезныхъ научныхъ изысканій. Рядъ экспедицій подъ руководствомъ французскихъ, англійскихъ, германскихъ ученыхъ ставитъ своей задачей изслѣдованіе областей древнихъ восточныхъ культуръ: Вавилонъ и Ассирія. Работы этихъ экспедицій увѣнчались чрезвычайнымъ успѣхомъ. Изъ подъ песчаныхъ холмовъ, образовавшихся на мѣстахъ когда-то цвѣтущихъ городовъ, извлечены тысячи историческихъ памятниковъ, говорящихъ своими клинообразными надписями о жизни этихъ народовъ. Наиболее древніе изъ найденныхъ памятниковъ относятся къ 3000 годамъ до Рождества Христова. Въ нихъ древнѣйшіе правители Вавилонъ рассказываютъ о своихъ военныхъ успѣхахъ, о дѣлахъ внутренняго управленія, о воздвигаемыхъ ими сооруженіяхъ, объ издаваемыхъ новыхъ законахъ. Подъ влияніемъ этихъ открытій легендарныя свѣдѣнія объ историческихъ судьбахъ Вавилонъ и Ассирія уступили мѣсто трезвымъ и сухимъ историческимъ фактамъ. Вавилонъ и Ассирія перестали быть исторической сказкой, и изслѣдованіе ихъ судебъ сдѣлалось достояніемъ исторической науки.

Но какъ бы высоко ни слѣдовало цѣнить научное значеніе тѣхъ открытій, которыя даютъ возможность возстановить картину историческаго развитія Вавилонъ и Ассирія, открытія эти могутъ представлять интересъ только для лицъ, специально интересующихся судьбами древняго Востока.

Между тѣмъ среди вновь открытыхъ историческихъ памятниковъ ярко выдѣются тѣ изъ нихъ, значеніе которыхъ выходитъ далеко за предѣлы узкой сферы специально вавилонской или ассирійской исторіи. Эти документы имѣютъ обще-культурное, міровое значеніе. Среди нихъ, несомнѣнно, первое мѣсто должно быть отве-

дено такому интересному открытію, какъ открытіе древняго вавилонскаго законодательства — законовъ царя Гаммураби, время созданія которыхъ относится къ 2250 г. до Р. Хр. Не только историкъ, не только юристъ, но каждый, кому не чуждъ интересъ къ историческимъ судьбамъ народовъ, долженъ съ вниманіемъ остановиться на этомъ живомъ памятникѣ старины.

I.

Законы Гаммураби ¹⁾ были извлечены на свѣтъ изъ-подъ обломковъ Акрополя города Сузъ въ теченіе декабря 1901, января 1902 г. французской экспедиціей, работавшей подъ руководствомъ I. de Morgan'a. Они написаны на каменной глыбѣ, которую съ обѣихъ сторонъ покрываютъ письма. На лицевой сторонѣ находится 16 косыхъ колоннъ писемъ, на обратной сторонѣ 28. Передъ письмами находится художественный рельефъ, изображающій царя Гаммураби, стоящаго въ благоговѣнной позѣ передъ трономъ, на которомъ возсѣдаетъ Богъ Солнца, сообщающій ему свои законы. Такъ въ художественной формѣ олицетворяется божественное происхожденіе земныхъ законовъ.

Открытый нынѣ памятникъ стоялъ первоначально въ храмѣ Бога Солнца въ Сиппарѣ. Отсюда онъ былъ перевезенъ въ Сузы, какъ военный трофей, однимъ изъ эламскихъ завоевателей, вѣроятно, въ XII-мъ вѣкѣ до Р. Хр. Но возможно уже въ настоящее время съ увѣренностью сказать, что законы Гаммураби существовали во многихъ копіяхъ въ различныхъ городахъ Вавилонской монархіи. Найденный нынѣ памятникъ свидѣтельствуетъ о другомъ экземплярѣ, который стоялъ въ Вавилонѣ; въ самихъ Сузахъ найдены обломки второго бывшаго тамъ экземпляра. Кодексъ такимъ образомъ былъ

---

¹⁾ См. литературу *Délégation en Perse-Memoires, publiés sous la direction de M. I. de Morgan, delegue général.*—Tome IV: *Textes Elamits-Semitique, deuxième série; par V. Scheil, Paris 1902.* Hugo Winckler „*Die Gesetze Hammurabis Königs von Babylon*“, Leipzig, 1903. Johannes Ieremias „*Moses und Hammurabi*“. 2-te Auflage Leipzig 1903, Oetli „*Das Gesetz Hammurabis und die Thora Israels*“ Leipzig, 1903; Cohn „*die Gesetze Hammurabis, Rectoratsrede*“, Zürich 1903; Friedrich Delitzch „*Babel und Bibel*“ Leipzig 1903; F. Delitzch „*Zweiter Vortrag über Babel und Bibel*“ Stuttgart 1903; I. Kohler und F. Peiser „*Hammurabis Gesetz, Band I*“, Leipzig 1904; Dr. dav. Heinr. Müller „*die Gesetze Hammurabis und ihr Verhältnis zur mosaischen Gesetzgebung sowie zu den XII Tafeln*“. Въ настоящее время въ извѣстіяхъ Петербургскаго Политехническаго Института печатается русскій переводъ, выполненный проф. Гусковымъ. Этимъ трудомъ мы не могли воспользоваться, такъ какъ статья наша уже раньше была закончена.

закономъ дѣйствующимъ и при томъ доступнымъ народу, во многихъ копіяхъ говорившимъ ему о его правахъ и обязанностяхъ.

Творецъ кодекса—Гаммураби—былъ шестымъ царемъ первой вавилонской династіи, жилъ за 22—23 столѣтія до Р. Хр. и правилъ своей страной 55 лѣтъ. Это, несомнѣнно, былъ выдающійся властелинъ, который много содѣйствовалъ тогдашнему величію своего народа. Тексту законовъ онъ предпосылаетъ обширное введеніе, въ которомъ съ восточной пышностью описываетъ себя и всѣ тѣ благодѣянія, какія онъ оказалъ народу. Эта «автобіографія» заканчивается слѣдующими красивыми словами: «я Гаммураби... могущественный сынъ Синмубалита, вѣчный отпрыскъ королевской власти, могущественный король, солнце Вавилона, который пролилъ свѣтъ на страну Сумеръ и Аккадъ, владыка, который заставилъ повиноваться себѣ четыре части свѣта, любимецъ Нинна—вотъ я.

Когда Мардукъ послалъ меня править людьми и дать странѣ правовой порядокъ, я создалъ кругомъ право и справедливость и далъ подданнымъ своимъ благоденствіе».

За введеніемъ слѣдуетъ обширный и прекрасно сохранившійся текстъ. Современнымъ изслѣдователямъ удалось установить 282 самостоятельныхъ законодательныхъ постановленія, и изъ нихъ лишь 35, начиная съ 55 по 100, оказываются утерянными. Соотвѣтствующія мѣста памятника, повидимому, умышленно было уничтожены. Предполагаютъ, что завоеватель, перевезшій этотъ трофей въ Сузы, имѣлъ въ виду на мѣстѣ удаленныхъ имъ письменъ помѣстить надпись о своемъ славномъ походѣ. Такимъ образомъ, текстъ оказывается сохранившимся почти въ неприкосновенномъ видѣ.

Законы Гаммураби не представляютъ какой-либо опредѣленной системы юридическихъ нормъ. Несомнѣнно, не о системѣ думалъ законодатель, создавая свои законы, а о наиболѣе удачной регламентаціи жизненныхъ отношеній. Но тѣмъ не менѣе работа выполнена съ соблюденіемъ строгой послѣдовательности: приступивъ къ юридическому выясненію одного жизненнаго отношенія, законодатель исчерпываетъ его вполне, и лишь тогда переходитъ къ нормировкѣ новаго явленія. Въ виду этого законы отличаются извѣстной стройностью, которая легко позволяетъ приложить къ нимъ масштабъ современной юридической систематики. Нормы права государственнаго, гражданскаго, уголовнаго, нормы процесса легко обособляются въ самостоятельную группу юридическихъ явленій.

Нормы права государственнаго разработаны въ кодексѣ сравнительно бѣдно, и въ этомъ вопросѣ законы Гаммураби напоминаютъ другія древнія законодательства. Однако нѣкоторыя стороны государственнаго строя нашли свое опредѣленіе въ законѣ.

Такъ, прежде всего получилъ ясное выраженіе строго монархическій строй древняго Вавилона. Уже приведенныя нами выдержки введенія свидѣтельствуютъ о безграничной власти царя—непосредственнаго посланника Божества.

Законы бросаютъ свѣтъ и на организацію какъ управленія страны, такъ и ея военныхъ силъ. Въ основаніи этой организаціи лежатъ ленныя начала, и законъ подробно разсматриваетъ отношенія, вытекающія изъ раздачи земель на правахъ лень. Такъ, если офицеръ или солдатъ, говорятъ законы (§ 28), попадутъ въ плѣнь, сынъ же ихъ окажется способнымъ къ службѣ, то лень отца переходитъ къ сыну. Но если сынъ малолѣтенъ, то $\frac{1}{3}$ -ья часть лена дается женѣ на воспитаніе дѣтей (§ 29). Здѣсь мы встрѣчаемся съ началомъ наслѣдственности лень, а также съ явленіемъ аналогичнымъ тѣмъ раздачамъ «на прожитокъ» женамъ служилыхъ людей, изъ котораго впослѣдствіи вырабатывается ихъ право на земельные участки. Кромѣ этихъ трехъ статей, еще одиннадцать посвящены вопросу о ленныхъ отношеніяхъ. Владѣнія ленныя признаются неотчуждаемыми, онѣ не подлежатъ даже продажѣ за долги (§ 38). «Если кто-либо купить поле, садъ или домъ... ленника... то табличка о договорѣ купли разламывается, покушникъ теряетъ свои деньги, поле же, садъ или домъ возвращаются ихъ прежнему владѣльцу» (§ 37). Права ленныя распространяются даже на движимость, наприм., скоть, подаренный государемъ своему подданному. Скоть въ такомъ случаѣ признается также неотчуждаемымъ (ст. 35).

Такимъ образомъ, въ законахъ Гаммураби сохраняется еще крѣпкая связь имущества, розданныхъ въ лень, съ государствомъ. Права временныхъ владѣльцевъ, получившихъ имущества «за службу», оказываются крайне ограниченными.

Такой важный вопросъ, какъ вопросъ о сословныхъ дѣленіяхъ, не находитъ достаточнаго освѣщенія въ законахъ. По этому поводу приходится согласиться съ проф. Kohler'омъ¹⁾, который высказываетъ предположеніе, что вопросъ этотъ и не нуждался въ юридической регламентаціи, такъ какъ сословныя дѣленія, коренясь въ древнихъ обычаяхъ и будучи освѣщены народнымъ сознаніемъ, предполагались общеизвѣстными. Но если законы и не говорятъ о сословныхъ градацияхъ лицъ свободныхъ, то они подробно трактуютъ о несвободной части народонаселенія: рабахъ. На рабовъ законъ смотритъ какъ на вещь: они продаются и закладываются (§ 118, 147), нарушеніе ихъ тѣлесной неприкосновенности признается поврежденіемъ имущества и ведетъ за собою для виновнаго лишь

¹⁾ Kohler, *ibid.*, стр. 106.

Телеграмма

43

И. Я. Селиванов

Число слов 9

Принято

р. 55 и.

обязанность уплатить вознагражденіе господину. Такъ, за поврежденіе глаза или иного члена платится половина стоимости раба (§ 199). Но законы не даютъ господину права надъ жизнью раба. Въ вопросѣ жизни законы Гаммураби признаютъ за рабомъ право человѣческой личности. Они оказываются гуманѣе, чѣмъ, наприм., законы древняго Рима, дававшіе господину неограниченное право казнить своего раба.

Несравненно полнѣе, чѣмъ вопросы государственной организаціи и государственнаго порядка, разработаны въ законахъ Гаммураби отношенія гражданской жизни. Богатство гражданско-правовыхъ нормъ этого памятника, подробная разработка многихъ отдѣльныхъ институтовъ, ясный, порой чрезвычайно тонкій юридическій анализъ выдвигаютъ законы Гаммураби на первое мѣсто среди древнихъ юридическихъ памятниковъ иныхъ народовъ. Ни древніе законы Рима—законы XII таблицъ, ни германскіе *leges barbarorum*, ни наша Русская Правда не достигли той выясненности гражданско-правовыхъ понятій, какой отличаются законы Гаммураби.

Институтъ частной собственности является окончательно развитымъ. Рядомъ съ описаннымъ уже нами зависимымъ владѣніемъ недвижимостью на правахъ ленныхъ существуетъ право полной собственности на земельные участки, какъ дворовые, такъ и полевые. «Поле, садъ и домъ, говорятъ законы, которые кто-либо купилъ и которыми владѣть, онъ можетъ дать женѣ или дочери или отдать за свои долги» (§ 39). Купленные вотчины такимъ образомъ находятся въ неограниченной собственности своихъ владѣльцевъ.

Движимость составляетъ предметъ широкаго гражданскаго оборота. Она пользуется полной юридической защитой, и въ законахъ ясно намѣчены основныя черты этой защиты. Такъ, если кто купилъ чужую вещь, то, несмотря на то, былъ ли онъ приобретающимъ недобросовѣстнымъ или добросовѣстнымъ, онъ обязанъ выдать вещь собственнику (§ 4). За собственникомъ однимъ словомъ признается право отыскивать свою вещь, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась. Это право знаменуетъ собою и развитой гражданскій оборотъ, и ясное сознаніе идей частной собственности.

Но особенно ярко разработанными являются въ законахъ Гаммураби сдѣлки гражданскаго оборота.

Купля-продажа является, повидимому, повседневной сдѣлкой гражданской жизни. Законы предусматриваютъ даже многія сложныя явленія, сопровождающія куплю-продажу. Если, наприм., у покупателя купленная имъ вещь будетъ отобрана собственникомъ, покупатель получаетъ право требовать отъ продавца уплаченную ему за вещь цѣну. Въ этомъ опредѣленіи ясно намѣчаются основ-

ныя черты того института, который подъ римскимъ именемъ *evictio* служить достояніемъ современнаго гражданского строя. Еще болѣе яркимъ является постановленіе законовъ, аналогичное извѣстному эдикту римскихъ эдиловъ о недостаткахъ купленной вещи. «Если проданъ рабъ или рабыня,—говорятъ законы,—и въ теченіе мѣсяца послѣ продажи проявится болѣзнь, то покупатель можетъ возвратить ихъ продавцу, послѣдній же обязанъ выдать полученную цѣну». Достаточно припомнить, что и римскій эдиктъ былъ созданъ эдиломъ именно по поводу торговли рабами и скотомъ, чтобы еще ярче подчеркнуть сходство самостоятельнаго творчества этихъ двухъ законодательствъ.

Полное освѣщеніе получили въ законахъ и сдѣлки комиссіонной торговли. Комиссіонеръ получаетъ деньги или товары для торговли внѣ мѣста торговыхъ операцій хозяина. Если операціи комиссіонера оказываются безрезультатными, онъ обязанъ возвратить взятый капиталъ въ двойномъ его размѣрѣ (§ 101). Если онъ потерпитъ убытки, то обязанъ возвратить лишь взятый капиталъ (§ 102). Но если во время пути нападуть разбойники, отнимутъ товаръ и деньги, онъ свободенъ отъ отвѣтственности (§ 103). Въ случаѣ удачной торговли комиссіонеръ долженъ отдать хозяину полный отчетъ (§ 104). Хозяинъ же обязанъ этотъ отчетъ принять и дать въ томъ расписку комиссіонеру. Пока такой расчетной расписки хозяинъ не дастъ, онъ не имѣетъ права деньги, полученныя отъ комиссіонера, смѣшать съ своими деньгами (§ 105).

Въ этихъ постановленіяхъ закона все характерно: и наличность обширной торговли, и ея юридическая регламентація, сопровождаемая отчетами, расписками о полученіи, и наконецъ подробная разработка вопроса объ отвѣтственности комиссіонера. Оказывается, что такой тонкій юридическій принципъ, какъ свобода отъ отвѣтственности при наличности непреодолимой силы (нападеніе разбойниковъ), былъ уже ясенъ законамъ Гаммураби. Римское ученіе о *vis maior* намѣчено уже древнимъ вавилонскимъ правомъ.

Въ высшей степени подробно регламентирована въ законахъ и аренда земельныхъ участковъ. Законы устанавливаютъ два вида аренды: аренду съ платежомъ заранѣе опредѣленной платы и аренду съ платежомъ извѣстной части добытыхъ продуктовъ (§ 46). Юридическая классификація обоихъ видовъ аренды различна. Въ первомъ случаѣ рискъ всецѣло падаетъ на арендатора; даже при полномъ отсутствіи урожая арендаторъ обязанъ уплатить хозяину условленную плату. Во второмъ случаѣ рискъ распределяется между арендаторомъ и хозяиномъ; въ случаѣ же полнаго неурожая арендаторъ совершенно освобождается отъ платежей.

Рядомъ съ подробной регламентаціей аренды подробно предусматрѣны и другіе виды найма: наемъ животныхъ, наемъ повозокъ, кораблей, наконецъ наемъ личныхъ услугъ. Законы приводятъ при этомъ таксы получаемыхъ вознагражденій. Такъ, плата за наемъ быка равняется 20 мѣрамъ зерна (§ 268), наемъ осла—десяти мѣрамъ (§ 269), наемъ повозокъ—40 мѣрамъ; подобными же цифрами таксирована и плата сельскохозяйственнымъ рабочимъ (§ 273), ремесленникамъ (§ 274) и т. д. Всѣ эти факты лишь подчеркиваютъ высокое развитіе хозяйственной жизни. Отдѣльное хозяйство нуждается то въ наемномъ инвентарѣ, то въ наемныхъ рабочихъ рукахъ.

Съ большою тщательностью останавливаются законы и на договорѣ поклажи. Рядъ статей подробно трактуетъ объ отношеніяхъ, вытекающихъ изъ сдачи вещей на сбереженіе. Не проходятъ молчаніемъ законы и залоговыхъ отношеній, при чемъ, повидимому, наиболѣе распространенной формой залога являлся залогъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ (§ 48). Наконецъ, даже такимъ явленіямъ, какъ вопросы рѣчного судоходства, законы посвящаютъ рядъ статей (234—240), при чемъ специальное положеніе (§ 240) трактуетъ о случаяхъ аварій. Эти факты еще разъ бросаютъ яркій свѣтъ на, повидимому, широкое развитіе торговыхъ операцій.

Но регулируя сдѣлки гражданскаго оборота съ тщательностью, свойственной развитому праву, законы Гаммураби въ вопросѣ гражданско-правовой отвѣтственности стоятъ еще на точкѣ зрѣнія древняго права. По долгамъ отвѣчаетъ сама личность должника, который вмѣстѣ съ имуществомъ и вмѣстѣ съ домочадцами—женой и дѣтьми продается за долги въ кабалу. Правда, кабала устанавливается не вѣчная: черезъ три года жена и дѣти должны быть отпущены на свободу; правда и то, что долговая кабала вавилонскаго права по своей формѣ далеко отличается отъ полного безправія личности; такъ, если сынъ должника умретъ въ кабалѣ отъ побоевъ или лишеній, то за это подвергается смертной казни сынъ кредитора (§ 116). Несмотря на эти обстоятельства, смягчающія личную отвѣтственность за долги, сама по себѣ эта отвѣтственность является наиболѣе древней формой отвѣтственности, извѣстной исторіи права, и въ этомъ пунктѣ на законахъ Гаммураби лежитъ печать старины.

Впечатлѣніе нѣкотораго несоотвѣтствія постановленія законовъ объ отвѣтственности съ другими гражданско-правовыми нормами законовъ смягчаетъ та гуманность, съ которой относятся законы къ судьбѣ должника въ годы постигающаго его стихійнаго бѣдствія. «Если, говорятъ законы, кто-либо имѣетъ процентный долгъ и непогода

опустошить его поле, уничтожить жатву, или въ виду недостатка воды хлѣбъ не взойдетъ, то въ этомъ году должникъ не платитъ кредитору часть своего урожая, онъ свободенъ на этотъ годъ отъ платежа процентовъ...» (§ 48). Приходя въ данномъ случаѣ путемъ смарки процентовъ на помощь «несчастному должнику», законы проявляютъ тѣ «соціальныя идеи», къ которымъ стремятся современные законодательства.

Но ни на одномъ отношеніи частной жизни законы Гаммураби не останавливаются съ такимъ вниманіемъ, какъ на вопросахъ семьи и семейной организаціи.

Въ основаніи вавилонской семьи лежалъ принципъ моногаміи. Однако законы знаютъ и отступленіе отъ этого принципа. Такъ, въ случаяхъ тяжелой болѣзни жены мужъ можетъ взять себѣ вторую жену, но его нравственныя обязанности по отношенію къ первой не прекращаются; мужъ обязанъ оставить ее въ своемъ домѣ и заботиться о ней въ теченіе всей ея жизни (§ 148). Если же первой женѣ тяжело будетъ примириться съ такимъ положеніемъ въ родной семьѣ, она можетъ оставить домъ мужа, и мужъ обязанъ выдать ей ея приданое (§ 149). Вторую жену можетъ взять себѣ мужъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда жена ведетъ себя непристойно и даетъ основаніе къ разводу. Въ такомъ случаѣ, взявъ себѣ вторую жену, мужъ можетъ первую удержать въ домѣ въ качествѣ служанки (§ 141). Наконецъ, безплодіе даетъ право на жену побочную. Эта жена не получаетъ всѣхъ правъ жены полноправной и занимаетъ въ семьѣ менѣе почетное мѣсто (§ 145). Однако дѣти ея признаются дѣтьми законными—полными наслѣдниками отца (§ 137). Но первая жена можетъ лишить мужа правъ взять себѣ жену побочную, если дастъ ему въ сожительство рабыню (§ 141). Дѣти рабыни не приобретаютъ правъ дѣтей законныхъ, только отецъ можетъ признать ихъ таковыми (§ 170). Такимъ образомъ, библейскія сказанія объ Агари, которую Сара дала Аврааму (1 кн. Моисея гл. 16), объ Валгѣ, которую дала Іакову Рахиль (1 кн. Моисея, гл. 30), стоятъ не одиноко въ исторіи древней культуры.

Формой брака являлся договоръ, при чемъ совершенію его предшествовалъ извѣстный выкупъ, который давался отцу невѣсты (§ 138, 139). Однако выкупъ этотъ игралъ не только роль платежа за жену, но и являлся гарантіей принятой сторонами обязанности заключить бракъ. Въ виду этого, если женихъ почему-либо отъ брака впоследствии отказывался, онъ терялъ право на обратное полученіе данной суммы; если же отказывался отецъ невѣсты, онъ обязанъ былъ возвратить полученный выкупъ въ двойномъ размѣрѣ (§ 159, 160). Платежъ за жену, повидимому, превратился по-

степенно въ задатокъ, обезпечивающій исполненіе состоявшагося договора.

На такое развитіе выкупа указываетъ и то имущество, которое получала жена въ приданое, такъ какъ законы ясно указываютъ, что сумма приданого была обыкновенно выше выкупной цѣны (§ 164). Приданое не поступало въ собственность мужа, а находясь лишь въ его управленіи, оставалось собственностью жены; такъ, послѣ ея смерти оно переходило къ ея дѣтямъ, а въ случаѣ ея бездѣтности возвращалось обратно ея отцу (§ 163). Такой характеръ приданого устанавливалъ имущественныя отношенія, напоминающія систему имущественныхъ отношеній, установленныхъ въ новомъ германскомъ уложеніи, какъ это указалъ уже проф. Kohler¹⁾. Бракъ велъ за собою для мужа лишь право управлять имуществомъ жены и извлекать изъ него доходы, но отнюдь не устанавливалъ его права собственности, какъ это обыкновенно имѣетъ мѣсто во всѣхъ древнихъ законодательствахъ. Характерна при этомъ и отвѣтственность супруговъ предъ кредиторами, установленная законами. Отъ отвѣтственности за предбрачные долги мужа жена освобождалась только въ тѣхъ случаяхъ, если въ брачномъ договорѣ обуславливала для себя свободу отъ отвѣтственности. Мужъ же вообще за подобные долги жены не отвѣчалъ (§ 151). По обязательствамъ же, которыя возникали въ бракъ, отвѣчали оба супруга. Въ этихъ постановленіяхъ интересна и та внимательность, съ которой устанавливаются законы на такомъ институтѣ развитого права, какъ отвѣтственность супруговъ предъ кредиторами; интересно и уоминаніе о брачномъ договорѣ, который, повидимому, могъ вліять на имущественныя отношенія супруговъ. Допустимость подобнаго договора, играющаго важную роль въ современныхъ западно-европейскихъ законодательствахъ, еще выше поднимаетъ значеніе всей системы имущественныхъ отношеній между супругами, дѣйствовавшей въ Вавилонѣ во времена Гаммураби, предъ глазами современныхъ юристовъ.

Не менѣе характерны и постановленія о разводѣ. За мужемъ признается свободное право развода, что влечетъ для него лишь серьезныя имущественныя потери (§ 137). Эти потери не угрожаютъ мужу, если жена ведетъ себя въ бракъ непристойно. Однако право развода не исключительное право мужа: оно признается и за женой при наличности серьезныхъ поводовъ, устанавливающихъ вину мужа. Такими поводами признаются отказъ со стороны мужа отъ совмѣстной жизни, умышленное оставленіе мужемъ жены, серьезное нарушеніе мужемъ его обязанностей (§ 142). Въ этихъ

¹⁾ Ibid, стр. 119.

случаяхъ жена можетъ оставить своего мужа и получаетъ право на свое имущество.

Такимъ образомъ, семья древняго Вавилона если и далека, конечно, отъ идей равноправности, то вмѣстѣ съ тѣмъ далека и отъ того полнаго поглощенія личности жены правами мужа, какое мы находимъ хотя бы въ римскомъ бракѣ *cum manu* или въ древнемъ бракѣ иныхъ народовъ. Вавилонская семья проникнута признаніемъ не только правъ жены, но и признаніемъ за нею нравственной личности. Жена не обязана терпѣть насилій мужа, она не обязана отдавать ему въ собственность свое имущество, она не обязана оставаться въ его домѣ, если въ виду тяжелой болѣзни ея мужъ возьметъ себѣ другую женщину въ жены. Отъ такого древняго памятника, какимъ являются законы Гаммураби, трудно было ожидать такого высоко - гуманнаго отношенія къ личности женщины въ бракѣ.

Совершенно иной отпечатокъ, чѣмъ нормы гражданскаго права, носятъ въ законахъ Гаммураби нормы права уголовнаго. Въ то время какъ гражданско-правовыя положенія, какъ видѣли мы, отличаются той полнотой и яркостью, какихъ мы не находимъ ни въ одномъ изъ древнихъ законодательныхъ памятниковъ, положенія уголовно-правовыя не носятъ на себѣ какихъ-либо слѣдовъ прогрессивности или оригинальности. Карательныя нормы законовъ Вавилона вполне аналогичны карательнымъ нормамъ другихъ древнихъ законодательствъ.

Такъ, основной идеей уголовнаго права древняго Вавилона является хорошо знакомая идея таліона. Наказаніе по своей формѣ и интенсивности или вполне соответствуетъ преступленію: честь за честь (§ 127), око за око (§ 196), зубъ за зубъ (§ 200), жизнь за жизнь (§ 229), или по своей формѣ является символическимъ отраженіемъ совершеннаго дѣянія: преступной кормилицѣ отрѣзывается грудь (§ 194), непочтительному приѣмному сыну вырѣзывается языкъ (§ 192), непослушному рабу отрѣзывается ухо (§ 282). Здѣсь законы Вавилона наиболѣе близко подходят къ законамъ Моисея, съ которыми неразрывно сроднился принципъ: око за око, зубъ за зубъ.

Не оригинальна и строгость законовъ Гаммураби: смертная казнь, напримѣръ, опредѣляется въ 34 случаяхъ, при чемъ въ 13 случаяхъ назначаются различные квалифицированные виды ея: сожженіе (§ 157), потопленіе (§ 155) и даже въ одномъ случаѣ распятіе на крестѣ.

Такія строгія кары постигаютъ нарушителей религіи, жизни, здоровья, собственности, семейной чистоты и нравственности... Во

всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ нѣтъ ничего, что способно было бы выдвинуть кодексъ Гаммураби среди другихъ памятниковъ древности.

Но въ одномъ вопросѣ уголовного права законы Гаммураби удерживаютъ принципъ, который съ трудомъ мирится съ общимъ характеромъ кодекса. Это—вполнѣ архаическій принципъ семейной отвѣтственности за преступленія главы семьи. Такъ, если въ домѣ кредитора отъ дурного обращенія умереть сынъ должника, отданный въ кабалу, то смертная казнь постигаетъ сына кредитора (§ 116); если отъ побоевъ умереть женщина преждевременными родами, то смертная казнь постигаетъ дочь виновника (§ 210); если подрядчикъ виновенъ въ неправильной постройкѣ дома и домъ обрушится и задавитъ сына хозяина, то смерть постигнетъ сына подрядчика. Этими опредѣленіями своими, въ силу которыхъ дѣти умираютъ за преступленія своихъ отцовъ, законы Гаммураби вполнѣ примыкаютъ къ идеямъ наиболѣе древнихъ законодательствъ.

Таковы вкратцѣ основныя положенія этого любопытнаго памятника древности, изданнаго за 22½ столѣтія до Р. Хр.

Подводя краткій итогъ этимъ положеніямъ, необходимо указать нѣкоторыя основныя, характерныя черты памятника.

Всѣ приведенныя нами постановленія кодекса Гаммураби—нормы права. Нами не приведено ни одно опредѣленіе, которое по содержанию своему не носило бы характера нормы правовой, являлось бы велѣніемъ религіи или нормой морали. И это не результатъ какого-либо спеціальнаго подбора съ нашей стороны. Законы Гаммураби, дѣйствительно, являются кодексомъ законовъ; велѣнія религіи, какъ и правила морали, остались внѣ кодификаціи. Эта черта рѣзко выдѣляетъ законы Гаммураби изъ группы другихъ законодательствъ Востока. Законы Индіи, законы Моисея при всемъ богатствѣ скрытыхъ въ нихъ юридическихъ нормъ не являются исключительно законодательными памятниками. «Право божеское»—религія и «право человѣческое»—законъ тѣсно слились въ нихъ въ единую систему. Этого нѣтъ въ законахъ Гаммураби, и эта черта приближаетъ законы Вавилона къ юнымъ законодательствамъ Запада, гдѣ, какъ, наприм., въ законахъ XII таблицъ, имѣется полная секуляризація правовыхъ нормъ.

Характеренъ и общій тонъ содержанія памятника. Въ немъ рѣзко выдѣляется извѣстное культурное несоотвѣтствіе отдѣльныхъ законодательныхъ положеній: нормъ уголовного права и нормъ права гражданскаго. Въ то время какъ уголовное право представляетъ обычныя черты древняго права, право гражданское является сравнительно развитымъ. За око платятъ окомъ, за зубъ зубомъ, за

преступленіе отца гибнетъ сынъ или дочь,—и рядомъ процвѣтаетъ обширная комиссіонная торговля, свобода отъ отвѣтственности при наличности непреодолимой силы, детальная разработка аренды, брачные договоры, извѣстная имущественная самостоятельность жены въ бракѣ и т. д., и т. д. Это, несомнѣнно, извѣстное культурное несоотвѣтствіе, которое наводитъ на нѣкоторыя размышленія.

Если вѣрно, что нормы права лишь отраженіе дѣйствительной жизни, а съ этимъ едва ли возможно спорить, —то несомнѣнно въ жизненныхъ условіяхъ Вавилона слѣдуетъ искать разгадки этому явленію. И намъ кажется, что гражданско-правовыя положенія памятника разрѣшаютъ загадку, указывая на широкое развитіе торговаго оборота. Только торговля и торговый оборотъ могли поставить передъ законодателемъ и вопросы объ отвѣтственности за недостатки проданной вещи, и вопросъ объ отвѣтственности за продажу чужой вещи, и вопросы комиссіонной торговли; только торговля могла выдвинуть вопросъ рѣчного судоходства и поставить законодателя передъ случаями аваріи.

Весьма вѣроятно, что торговый характеръ Вавилона отразился и на характерѣ семьи. Торговля неминуемо должна была повести за собою ясное представленіе объ имущественныхъ цѣнностяхъ, что легко могло отразиться и на строѣ семейныхъ отношеній. Цѣнность имущества, приносимаго въ приданое, была слишкомъ ясна— а потому она не легко отдается въ собственность мужа. Жена удерживаетъ эту цѣнность за собою и заключаетъ специальный договоръ о томъ, должна ли она отвѣчать за предбрачные долги своего супруга.

Но развитая торговля, поставившая передъ жизнью и законодателемъ рядъ гражданско-правовыхъ проблемъ, не въ состояніи была переработать общихъ культурныхъ представленій и понятій. Они всецѣло отпечатлѣлись на вопросахъ уголовной кары. Вавилонъ царя Гаммураби въ вопросахъ преступленія и наказанія остался стоять на принципахъ, подобающихъ его старинѣ. Здѣсь древній Вавилонъ остался древнимъ не только по лѣтописной датѣ, но и по своему духу.

И. А. Нистяковскій.

Очерки по сравнительной исторіи литературы ¹⁾).

V.

Продолженіе романа Дидоны.

Возвращаемся послѣ этихъ длинныхъ экскурсовъ къ анализу дальнѣйшихъ перипетій романа Дидоны. Припомнимъ еще разъ, что герой романа безусловно несамостоятеленъ, героиня же въ значительной степени самостоятельна. Уже одна эта разница въ положеніи героевъ, при прочихъ благопріятныхъ условіяхъ, способна, какъ мы это знаемъ изъ наблюденій надъ проходящей передъ нашими глазами жизнью и изъ всей новой литературы, сама по себѣ создать тяжелую, трагическую катастрофу. Но въ сущности и героиня застигнута врасплохъ тѣмъ, что съ ней случилось: она только начинаетъ устраиваться на новомъ мѣстѣ, подъ впечатлѣніемъ насильственной смерти мужа и опасныхъ угрозъ со стороны и своего брата Пигмаліона, и недалековиднаго, но деспотическаго царя Ливіа Гарбы, матримоніальныя претензіи котораго она отвергла. Нисколько не помышляя о новой любви, она всецѣло занята величественными замыслами создать и устроить новое и при томъ могущественное царство. Все это еще болѣе осложняетъ дѣло, и надо отдать справедливость римскому поэту, что онъ сумѣлъ сообщить очень многостороннее и высоко-трагическое освѣщеніе неожиданному роману двухъ многострадальныхъ скитальцевъ.

Мы познакомились уже съ совѣтомъ наперсницы Дидоны, сестры ея Анны, умилостивить боговъ и задержать Энея въ Каррагенѣ подъ благовиднымъ предлогомъ. Дидона дѣлаетъ то и другое, но въ общемъ она совершенно растерялась, и вотъ за дѣло принимаются заинтересованныя въ немъ богини Юнона и Венера. Ихъ

¹⁾ „Научное Слово“, 1904, V.

столкновеніе проникнуто тончайшимъ, не сразу бросающимся въ глаза юморомъ; но какъ бы то ни было, оно заключаетъ въ себѣ и зерно трагизма, такъ какъ за героевъ, въ различной мѣрѣ самостоятельныхъ, рѣшаютъ ихъ судьбу боги, но не они сами. Сердитая и обидчивая Юнона съ сарказмомъ обращается къ Венерѣ:

„Истинно громкую славу, трофеи обильные взяли
Ты и твой отрокъ: богами великими впредь прослывете,
Вы, что единую женщину два божества обманули“.

Все-таки Юнона коварно желаетъ мира съ Венерой и предлагаетъ ей на равныхъ правахъ владѣть общимъ народомъ (т.-е. тирійцами и троянцами) подъ условіемъ брака Энея съ Дидоной. Юнона дипломатически заявляетъ при этомъ, что она согласна на то, чтобы Дидона служила Энею и чтобы тирійцы были какъ бы ея приданнымъ въ этомъ бракѣ. Хитрая и остроумная Венера хорошо знаетъ цѣну этой дипломатіи: она, по ея словамъ, не осмѣливается спорить съ Юноной; все дѣло въ рокѣ; сама она не знаетъ, согласится ли Юпитеръ соединить троянцевъ и пунійцевъ; отъ Юноны, какъ отъ его жены, зависитъ упросить его. Прямолинейная царица боговъ увѣрена въ успѣхѣ и предлагаетъ такой планъ: на слѣдующій день Эней и Дидона собираются на охоту; она пошлетъ грозу, всѣ разбѣгутся, Эней и Дидона укроются въ пещеру, и тамъ она, какъ богиня брака, соединитъ ихъ. Венера, конечно, согласна съ этимъ проектомъ, потому что въ концѣ концовъ судьба все равно приведетъ Энея въ Италію.

Далѣе идетъ описаніе приготовленій къ охотѣ и самой охоты. Мимоходомъ слѣдуетъ отмѣтить тонко-юмористическую характеристику самихъ героевъ. Интересенъ очень юный и пылкій сынъ Энея Асканій съ его порывами отличиться на охотѣ, хорошъ и самъ Эней, котораго поэтъ уподобляетъ ни болѣе ни менѣе какъ Аполлону; но и героиня обращаетъ на себя вниманіе: одѣвшись въ драгоценные восточные наряды, она предварительно заставляетъ свою свиту ждать своего выхода: «она медлитъ въ своей спальнѣ», что заставляетъ знаменитаго толкователя Вергилія Сервія Гонората замѣтить (IV, 133): «собственно, какъ влюбленная, она должна была бы поторопиться, но природа возобладала надъ страстью; она медлила изъ желанія нравиться; ср. отзывъ Теренція (о женщинахъ): «пока онѣ собираются, пока онѣ чешутся, проходитъ цѣлый годъ».

Дѣло устраивается такъ, какъ было предположено Юноной: буря, великолѣпно описанная поэтомъ, разгоняетъ охотниковъ и сводитъ Энея и Дидону въ пещерѣ; тутъ Юнона, какъ богиня брака, благословляетъ ихъ союзъ, однако при совершенно неблагопріят-

ныхъ съ римской точки зрѣнія предзнаменованіяхъ: «запылали огни и свидѣтель союза, воздухъ священный, и взвыли на высяхъ дубравныя нимфы».

Съ этого момента начинается поворотный пунктъ трагическаго романа; что отмѣтилъ и самъ поэтъ:

„Этотъ день сталъ причиною первой и смерти и прочихъ
Бѣдъ роковыхъ; не смущаясь уже ни молвой, ни приличьемъ,
Тайной любви не желаетъ имѣть Кароагена царица;
Бракомъ зоветь, что случилось, и этимъ вину прикрываетъ“.

Именно теперь и начинаются интереснѣйшія сцены поэмы, оставшіяся почему-то мало понятными даже для такихъ крупныхъ знатоковъ Вергилія и вообще римской поэзіи, какъ Риббекъ. Вѣдь съ этой минуты герои наши принадлежатъ общественному мнѣнію, и каково бы оно ни было, оно должно освѣтить именно тѣ условія, среди которыхъ протекаетъ дѣйствіе. Уже въ силу элементарныхъ художественныхъ требованій, примѣнимыхъ къ любому роду искусства, принципъ контраста болѣе чѣмъ умѣстенъ въ серьезномъ произведеніи. Но какъ разъ въ данномъ пунктѣ поэмы Вергилія онъ примѣненъ особенно удачно. Страстную и оригинальную героиню и ея фатальнаго героя не могутъ понять окружающіе. Наперсница героини, ея родная сестра Анна, не понимаетъ ея съ самаго начала, не понимаетъ и подъ конецъ трагедіи: Дидона мучится при отъѣздѣ Энея и хочетъ покончить съ собой; несмотря на всѣ ея терзанія, Анна довольно безучастна и пассивна; ей кажется, что дѣло обойдется такъ же, какъ и по смерти Сихея, т.-е. что время исцѣлитъ эти страданія. Особенно своеобразное освѣщеніе получаетъ поведеніе Дидоны въ устахъ общественнаго мнѣнія, олицетворенной молвы, которая изображена въ видѣ чудовища, съ одинаковымъ удовольствіемъ разглашающаго были и небылицы (173 сл.). Молва представляетъ дѣло въ такомъ видѣ: въ Ливію прибылъ троянецъ Эней, и прекрасная Дидона сочла для себя достойнымъ сочетаться съ нимъ брачными узами; теперь они, увлекшись сладострастіемъ, забыли о своихъ царствахъ и проводятъ всю зиму въ нѣгѣ. У гетулійскаго царя Іарбы, до котораго доходитъ эта молва, представленіе о любви Дидоны къ Энею принимаетъ еще болѣе далекій отъ дѣйствительности характеръ: Эней обращается изъ знаменитаго героя въ изнѣженнаго выходца съ востока, въ новаго Париса съ женоподобной свитой, въ фригійскомъ головномъ уборѣ, подвязывающемся на подбородкѣ, и съ напомаженными волосами (215 сл.). Для Іарбы этотъ романъ тѣмъ болѣе страненъ, что оба героя въ его глазахъ ни болѣе ни менѣе какъ бродяги:

Эней—завѣдомый скиталецъ, Дидона также не имѣетъ надежнаго пристанища; она долго скиталась въ странѣ Іарбы, наконецъ купила землю, на которой построила ничтожный городъ и получила отъ Іарбы для обработки участокъ плохой земли на морскомъ берегу; и вотъ такая женщина отвергаетъ бракъ съ нимъ, Іарбой, и беретъ себѣ извѣженнаго искателя приключеній не только въ мужья, но и въ повелители!

VI.

Экскурсъ о „Молвѣ“ и царѣ Іарбѣ. Вергилій и Гомеръ. Эпикуреизмъ героевъ Вергилія. Лукреція. Отношеніе къ нему Вергилія. Вопросъ о законченности 4-й пѣсни Энеиды.

Оба эпизода о Молвѣ и о царѣ Іарбѣ заслуживаютъ особаго вниманія по тѣмъ литературно-критическимъ и методическимъ вопросамъ, которые они вызываютъ. Вотъ подробная характеристика Молвы (IV, 173—190):

„Тотчасъ же мчится Молва сквозь великіе Ливіи грады:
Эта Молва, что быстрѣе всего, что есть злого на свѣтѣ,
Крѣпнеть движеніемъ и силы свои на ходу умножаетъ;
Малой и робкой родившись, ужъ скоро подъ небо стремится,
Землю пятой попираетъ, а голову въ тучахъ скрываетъ...
Чудище страшное, тѣломъ огромное; сколько на тѣлѣ
Перевѣтъ у ней, столько жъ глазъ есть подъ ними и (слушать-то
дивно)

Столько же есть языковъ, столько жъ усть и ушей напряженныхъ.
Ночью летаетъ во мракѣ межъ небомъ и темной землею,
Крыльями свищетъ и сладкой дремотой очей не смыкаетъ;
Днемъ, какъ на стражѣ, сидитъ на вершинѣ палаты огромной
Или съ возвышенной башни смущаетъ великіе грады.
Столько жъ защитница козней и лжи, сколько вѣстница правды,
Радуясь въ сердцѣ, равно о небывшемъ и бывшемъ гласила“.

Эта характеристика Молвы, вѣроятно послужившая образцомъ для «Клеветы» Бомарше въ «Севильскомъ Цирюльникѣ», построена на Гомеровскомъ образѣ Эриды (Распри),—ср. Илиаду IV, 439:

„Всѣхъ ихъ Арей побуждалъ, а данайцевъ богиня Аэина,
Ужасъ и Страхъ и въ желаньяхъ своихъ ненасытная Распря,—
Распря, которая въ міръ чуть замѣтной приходитъ, а вскорѣ
Грозно идетъ по землѣ, головой въ небеса упираясь.
Это она среди войска взаимную сѣяла ярость,
Черезъ толпу проходя и стenanья мужей умножая“. (*Пер. Мурскаго.*)

Итакъ, мы снова встрѣтили у Вергилія явное заимствованіе изъ Гомера. Можно ли, въ виду заимствованія сюжетовъ и образовъ, ставить вопросъ объ отсутствіи оригинальности у подражателя? Мнѣ кажется, — нѣтъ, если заимствованный и художественно обработанный мотивъ является у подражателя въ своеобразномъ освѣщеніи и въ своеобразной обстановкѣ. Мольеръ очень много подражалъ древнимъ комикамъ и своимъ романскимъ предшественникамъ; онъ и не скрывалъ этого (ср. его изреченіе: *Je prends mon bien partout ou je le trouve*), но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самобытенъ и въ общей композиціи своихъ пьесъ и въ ихъ деталяхъ, а критика источниковъ его пьесъ могла бы обнаружить лишь величайшую виртуозность французскаго комика. Возьмемъ, на примѣръ, Шекспира, источники котораго болѣе или менѣе извѣстны. При сличеніи съ ними его пьесъ мы видимъ, какъ онъ въ разсказѣ своего источника умѣетъ подмѣтить истинно драматическія черты и затѣмъ развить ихъ тамъ, гдѣ онъ въ источникѣ лишь слабо намѣченъ, и т. д.

Теперь обратимся къ еще болѣе интересному эпизоду о царѣ Іарбѣ. Мы видимъ, что царь этотъ, при всемъ своемъ божественномъ происхожденіи, человекъ недалекій: вѣдь онъ уступилъ Дидонѣ самую цѣнную часть страны — морское побережье съ бухтой, наивно считая эту землю плохой на томъ основаніи, что она неплодородна и неудобна для обработки. Да и уступилъ онъ ее не менѣе наивно, поддавшись на хитрое предложеніе продать земли столько, сколько покроетъ воловья шкура, которую Дидона разрѣзала на тонкіе ремешки (I, 366). Во всякомъ случаѣ однако этотъ царь гораздо живѣе и картиннѣе, чѣмъ у Овидія (Фасты III, 545—555): «уже успѣла прекрасная Дидона загорѣться пламенной страстью къ Энею, уже успѣла она сгорѣть на кострѣ, сложенномъ ею для своей смерти. Немедленно нападаютъ нумидійцы на беззащитное царство, и Мавръ завладѣваетъ взятымъ домомъ. Помня при этомъ, какъ онъ былъ отвергнутъ Дидоной, Іарба восклицаетъ: «вотъ, наконецъ, я и владѣю брачной спальней Элиссы (Дидоны), я, которому она столько разъ отказывала!» Восклицаніе не совсѣмъ ясное; даже и въ лучшемъ случаѣ, если это сарказмъ отчаянія, оно очень не умно и нисколько не обрисовываетъ героя.

Очень характерна молитва Іарбы. Сынъ Юпитера-Аммона, царь очень богомоленъ. Въ своемъ царствѣ онъ построилъ въ честь Юпитера сто храмовъ и поставилъ сто алтарей съ неугасимымъ огнемъ, съ постоянными и обильными жертвоприношеніями; въ данный моментъ онъ, поднимая кверху руки передъ жертвенниками и

изображеніями боговъ, обращается къ Юпитеру съ саркастической молитвой: «Видишь ли ты это? Или, можетъ быть, родитель, мы понапрасну боямся тебя, когда ты мечешь перуны, и напрасно нашу душу ужасають молніи въ облакахъ, сверкающія совершенно случайно, а также раскаты грома, ударяющіе попусту?.. Пришелецъ завладѣлъ тѣмъ, что отнялъ у насъ,—должно быть потому, что мы приносимъ дары въ твои храмы и поддерживаемъ неосновательную славу твоего могущества!» Т.-е. богомольный Іарба грозить Юпитеру ни болѣе ни менѣе какъ тѣмъ, что перейдетъ въ эпикурейцы! Но, какъ мы увидимъ, это слишкомъ своеобразный *épicurien malgré lui!*

Смыслъ эпикурейскаго ученія, гениальнымъ послѣдователемъ котораго явился въ Римѣ поэтъ Лукрецій съ его поэмой *De natura rerum*, состоитъ въ слѣдующемъ. Цѣль человѣческой жизни—благо. Оно заключается въ безмятежности и спокойствіи души (но у Эпикура это—утонченный эгоизмъ). Этому мѣшаетъ однако страхъ людей передъ смертью, передъ загробною жизнью и передъ гнѣвомъ боговъ, карающихъ преступника. Избавленію отъ этого страха способствуетъ рациональное изученіе природы. Эпикуръ усваиваетъ себѣ матеріалистическія теоріи атомистовъ, въ силу которыхъ міровая жизнь есть сложный механическій процессъ сцѣпленія и разрѣшенія микроскопическихъ недѣлимыхъ элементовъ—атомовъ. Душа такъ же, какъ и тѣло, состоитъ изъ атомовъ и потому при смерти погибаетъ вмѣстѣ съ нимъ; слѣдовательно, смерть не страшна, и загробной жизни скорѣе всего нѣтъ. Боги существуютъ, но это идеальные безмятежные эпикурейцы, которые совершенно не вмѣшиваются въ человѣческую жизнь. Громъ, молнія и тому подобныя явленія, въ которыхъ люди, словно дѣти, пугающіяся въ темнотѣ, склонны видѣть выраженіе воли разгнѣванныхъ боговъ-карателей, отъ боговъ не зависятъ, а представляютъ собою также механическіе процессы. Инсинуаціи Іарбы—это, по моему мнѣнію, краткій конспектъ эпикурейской теоріи, изложенной у Лукреція въ VI книгѣ, о механическомъ происхожденіи грома и молніи, независимо отъ Юпитера. Въ рѣчи Іарбы, кстати сказать, попадаетъ лукреціевскій глаголь *terrificare*.

Съ другой стороны, богомольныя дѣйствія Іарбы диаметрально противоположны предписаніямъ эпикурейской доктрины. Развитие человѣчества, по словамъ Лукреція въ его знаменитомъ отрывкѣ о ростѣ культуры въ концѣ 5-й книги, привело его къ ложной религіи. Вслѣдствіе ложнаго страха передъ грозными явленіями природы, которыхъ люди объяснить не умѣли, они создали себѣ своеобразное убѣжище—они все это приписали богамъ и сдѣлали

ихъ своевольными владыками и управителями міра! «О несчастный человѣческій родъ, приписавшій все это богамъ и присовокупившій къ ихъ волѣ тяжкій гнѣвъ и раздражительность! Сколько стenanій они (люди) создали этимъ себѣ самимъ, сколько ударовъ намъ, сколько слезъ напимъ потомкамъ!» Взирая на безконечное множество свѣтилъ на небесномъ сводѣ и на ихъ движеніе, люди склонны допускать, что существуетъ какое-то безграничное могущество боговъ, приводящее эти свѣтила въ разнообразное движеніе. У кого только паническій страхъ не сковываетъ членовъ, когда сотрясается земля, обожженная ужаснымъ ударомъ молніи, и раскаты грома пробѣгаютъ по великому небу? Не дрожать ли передъ этимъ народы и племена? И своевольные тиранны (тираннъ въ представленіи древнихъ обыкновенно—безбожники) не хватаются ли за изображенія боговъ, будучи поражены страхомъ? Не приспѣло ли время наказанія и расплаты за какія-либо безобразныя дѣянія и своевольныя слова?» «Но,—говоритъ Лукрецій (1197),— не въ томъ состоитъ благочестіе, что человѣкъ часто на глазахъ у всѣхъ, покрывъ голову, вертится передъ камнемъ и подходитъ ко всѣмъ жертвенникамъ, падаетъ на землю, простираетъ руки къ капищамъ боговъ, обагрываетъ алтари обильною кровью четвероногихъ, даетъ обѣтъ за обѣтомъ,—нѣтъ, скорѣе въ способности созерцать все со спокойствіемъ мысли».

Здѣсь какъ разъ предвосхищена характеристика ординарнаго благочестія, которое обнаруживаетъ и самъ Іарба. Но противорѣчіе самому себѣ въ моментъ сильнѣйшаго возбужденія—это очень тонкое психологическое наблюденіе. Итакъ, Іарба оказывается невольнымъ эпикурейцемъ. Нѣкоторый эпикуреизмъ сквозитъ и въ первой рѣчи Анны, въ ея заявленіи, что праху, пеплу похороненныхъ покойниковъ нѣтъ дѣла до живыхъ людей, нѣтъ надобности предъявлять къ живымъ людямъ обязательства. Впослѣдствіи увидимъ проявленіе случайнаго эпикуреизма и у самой Дидоны.

Итакъ, возникъ вопросъ объ отношеніи Вергилія къ Лукрецію. Еще древніе критики установили сильную зависимость Вергилія отъ Лукреція по языку и по стилю. Но и ученіе Лукреція не прошло для Вергилія безслѣдно, хотя, конечно, благочестивый поэтъ не могъ его раздѣлять. Въ подражаніе Гомеровскому пиру у царя феаковъ Алкиноя съ баяномъ Демодокомъ (8-я пѣснь Одиссеи), Вергилій выводитъ на пиру Дидоны (въ концѣ 1-й книги) баяна Іопаса; но въ то время, какъ жизнерадостный іоніецъ Демодокъ воспѣваетъ юмористическое приключеніе Ареса и Афродиты, Іопасъ поетъ о природѣ:

„Онъ воспѣваетъ блужданье луны и затменіе солнца,
 Молвить, откуда и родъ человѣковъ и звѣри взялися,
 Дождь и огонь и Артуръ и Гіады и оба Тріона;
 Что такъ спѣшать океаномъ увлажиться земнѣя солнца,
 Чѣмъ замедляется позднее лѣтнихъ ночей появленье“.

Явленія природы еще шире интересуютъ Вергилія въ его поэмѣ о земледѣліи (Georgica), и здѣсь встрѣчается одинъ очень важный намекъ на Лукреція, въ которомъ Вергилій восхищался главнымъ образомъ его глубокимъ убѣжденіемъ въ силѣ науки, какъ средства разсвѣять человѣческіе предрасудки, дѣлающіе жизнь человѣка несчастной (II, 490): «Счастливъ тотъ, кто смогъ постигнуть причины жизни природы и всѣ страхи и неумолимую судьбу и шумъ жаднаго Ахеронта попралъ своей пятою». «Но,—прибавляетъ благочестивый поэтъ,—счастливъ и тотъ, кто позналъ сельскія божества».

Третій вопросъ, связанный съ эпизодомъ о Іарбѣ, еще сложнее. Довольно странно замѣчаніе Риббека (II, 66), что появленіе Іарбы можно найти ненужнымъ и мѣшающимъ дѣйствию. «Нужна ли дѣйствительно была жалоба царственнаго сына Аммона, чтобы обратить вниманіе Юпитера на медлительность Энея? Вѣдь этотъ отвергнутый женихъ безъ слѣда исчезаетъ со сцены послѣ своего хвастливаго богослуженія и своей хвастливой молитвы? Но, можетъ быть, намѣреніемъ поэта было въ этомъ лицѣ, которое дано было ему преданіемъ, открыть выходъ къ будущему. По крайней мѣрѣ, можно было догадаться, кому достался оставленный городъ Дидоны, такъ что онъ былъ обезпеченъ отъ гибели».

Нѣсколько рискованно и другое утвержденіе Риббека (стр. 56), что 4-я пѣснь представляла сама въ себѣ закругленный разсказъ. Хотя намъ извѣстно, что Вергилій, работавшій надъ Энеидой 11 лѣтъ и первоначально набросавшій ее въ прозѣ, прочелъ Августу до окончанія своего труда 2-ю, 4-ю и 6-ю пѣсни, но мы не знаемъ, сопровождалъ ли онъ это чтеніе предварительнымъ поясненіемъ относительно общей композиціи. Во всякомъ случаѣ 4-я пѣснь не совсѣмъ законченное цѣлое безъ 1-й.

Оба положенія Риббека неосторожны, а первое о ненужности эпизодическаго героя, появляющагося въ одной сценѣ и затѣмъ исчезающаго, страдаетъ излишнимъ глубокомысліемъ. Какъ бы то ни было, Іарба, какъ соперникъ Энея, лишь освѣщаетъ романъ, иначе романъ этотъ происходилъ бы внѣ пространства, внѣ перспективы. А перспектива это такое условіе, котораго держится всякій крупный писатель.

Обратимъ, напр., вниманіе на то, какъ много сдѣлалъ Шекспиръ для оцѣнки героическаго шага Дездемоны. Этого шага никто не понимаетъ, кромѣ, пожалуй, мудраго дожа. Въ глазахъ Яго, который, впрочемъ, относится къ дѣлу крайне тенденціозно, ея страсть къ Отелло нелѣпа и смѣшна: «припомни,—говоритъ онъ Родриго (актъ 2, сц. 11), съ какой пылкостью она прежде полюбила мавра—и единственно за его хвастовство и фантастическіе рассказы. Такъ неужели она будетъ всегда любить его за болтовню?» Въ другихъ сценахъ онъ объясняетъ романъ простымъ сладострастіемъ съ той и другой стороны ¹⁾. Грубъ и насмѣшливъ его отзывъ о Дездемонѣ уже въ началѣ драмы, когда онъ съ Родриго явился къ Брабанціо, чтобы извѣстить послѣдняго о побѣгѣ дочери: «мы пришли сюда, чтобы оказать вамъ услугу, а вы принимаете насъ за мошенниковъ. Вѣрно вамъ хочется, чтобы ваша дочь сошлась съ варварійскимъ жеребцомъ, чтобы ваши внуки ржали подлѣ васъ, чтобы рысаки были вашими двоюродными братьями, а иноходцы—племянниками». Самъ Брабанціо, растерявшись отъ неожиданности, считаетъ увлеченіе Дездемоны противоположеннымъ и склоненъ подозрѣвать, что дѣло не обошлось безъ колдовства: «Да нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ чаръ такихъ, которыми влекутся въ заблужденіе и молодость и дѣвственность? Родриго, ты не читалъ ли гдѣ-нибудь о томъ?»—«Читалъ, синьоръ», отвѣчаетъ Родриго, отъ котораго, впрочемъ, и трудно ждать путнаго отвѣта. Въ этомъ предположеніи Брабанціо укрѣпляется окончательно и не только бросаетъ его въ лицо Отелло при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ, но и настойчиво высказываетъ его въ совѣтѣ дожа. Хотя дожъ, человѣкъ разумный и хладнокровный, требуетъ опредѣленныхъ доказательствъ вмѣсто фантастическихъ догадокъ, но общее изумленіе все-таки не улеглось; по крайней мѣрѣ 1-й сенаторъ все еще допускаетъ возможность колдовства:

„Ну, говорите же, Отелло!
То правда ли, что къ средствамъ запрещеннымъ,
Насильственнымъ прибѣгли вы затѣмъ,
Чтобъ подчинить себѣ и отравить
Дѣвицы юной чувства? Или въ этомъ

¹⁾ Любопытно, что то же говорятъ у Вергилія „Молва“ о Дидонѣ и Энеѣ (IV 194: *turpi cupidine captos*). Конечно, нѣтъ никакихъ основаній заключать отсюда о реминисценціи у Шекспира изъ Вергилія. Но для общаго хода нашего разсужденія это сходство не лишено интереса. Повторяемъ, что разобранныя выше сцены изъ Вергилія важны и понятны съ точки зрѣнія общей художественной перспективы, но не съ точки зрѣнія постороннихъ соображеній о ненужности эпизодическихъ лицъ, о выходѣ къ будущему и т. п.

Успѣли вы посредствомъ убѣжденій
И тѣхъ рѣчей, которыя влекутъ
Къ одной душѣ другую?»

Нельзя настаивать на полной законченности 4-ой пѣсни Энеиды. Многое останется въ ней неяснымъ, если опустить 1-ую книгу, въ которой изображены страданія обоихъ героевъ и настоятельная потребность Энея въ состраданіи, въ участіи къ нему, а съ другой стороны, — величайшая сострадательность героини. Важенъ для пониманія романа и самый рассказъ о гибели Трои и о собственныхъ злословіяхъ Энея (пѣсни 2-я и 3-я), такъ какъ онъ усилилъ въ героинѣ ея вообще глубокія симпатіи ко всему экстраординарному и къ человѣческимъ страданіямъ.

Далѣе, можно ли, напримѣръ, считать законченной 2-ую половину «Наканунѣ» Тургенева, начиная со встрѣчи Елены съ Инсаровымъ или съ ея прелестнаго дневника? Можно ли считать законченнымъ письмо Татьяны къ Онѣгину? Отдѣльныя частности безусловно непонятны внѣ связи со всѣмъ ходомъ этихъ романовъ. Знаменитые стихи: «я здѣсь одна, никто меня не понимаетъ», — сами по себѣ могутъ казаться лишенными реального содержанія, обычной при влюбленности фразой. Но въ общемъ ходѣ романа они очень интересны и совершенно реальны: Татьяна жила одинокой мечтательной жизнью, углубившись въ чтеніе сантиментальныхъ романовъ. Она «въ семьѣ своей родной казалась дѣвочкой чужой». Отецъ опустился, попалъ подъ башмакъ своей жены, мать Татьяны занялась исключительно домашнимъ хозяйствомъ; окружающее общество въ родѣ гостей на балу Лариныхъ, по отсутствію какихъ бы то ни было просвѣщенныхъ интересовъ, остается для героини также чуждымъ.

Почти то же говорить и Елена въ своемъ дневникѣ: «я одна, все одна, со всѣмъ моимъ добромъ, со всѣмъ моимъ зломъ». Какъ реально это замѣчаніе на общемъ фонѣ романа! Припомнимъ ея компаньонку, веселую и пустую нѣмочку Зою, къ которой Елена относится свысока, ея поклонниковъ—ученаго, но слишкомъ пассивнаго Берсенева (типичный № 2-ой), талантливаго, но не глубокаго Шубина, котораго, по словамъ Елены, его собственное раскаяніе и слезы только забавляютъ, далѣе Курнатовскаго, характернаго и самодовольнаго бюрократа; припомнимъ, наконецъ, ея мать, женщину очень слабонервную, и отца, который самъ заявляетъ, что «Елены Николаевны онъ не понимаетъ, что для нея онъ недостаточно возвышенъ» и т. д.

VII.

Р а з в я з к а.

Возвращаемся къ роману въ Энеидѣ Вергилія. Дѣйствіе здѣсь идетъ *crescendo*, въ видѣ сценъ, усиливающихъ одна другую. Молва разноситъ преувеличенную вѣсть о связи Дидоны и Энея. Раздраженный и обиженный царь Іарба, до котораго она доходитъ, еще болѣе преувеличиваетъ дѣло въ своей молитвѣ къ Юпитеру. Юпитеръ внявъ этой молитвѣ и посылаетъ Меркурія къ Энею. Это изложено въ нѣсколькихъ сценахъ, приближающихъ дѣйствіе къ трагической развязкѣ, хотя при этомъ, по моему мнѣнію, построеніе этихъ сценъ не лишено нѣкотораго тонкаго и живого юмора (что опять-таки слѣдуетъ поставить въ заслугу многостороннему поэту). Юпитеръ обратилъ вниманіе на возлюбленныхъ, забывшихъ о своей лучшей славѣ, т.-е. о провиденціальной героической роли, которую они до сихъ поръ выполняли. Ему жаль Энея, котораго не такимъ изнѣженнымъ представляла ему мать Энея Венера. Его дѣло создать въ Италиі великое царство троянцевъ и весь міръ подчинить своей власти. Если онъ забылъ о себѣ и о своей славѣ, такъ зачѣмъ онъ забылъ о сынѣ, которому предназначена та же слава основанія міроваго царства? Съ какими надеждами онъ живетъ среди враждебнаго народа, почему онъ не думаетъ о своемъ италійскомъ потомствѣ и Лавинійскихъ поляхъ? Всѣ эти болѣе или менѣе спокойныя размышленія Юпитеръ сразу заканчиваетъ властнымъ и категорическимъ приказомъ, который Меркурій обязанъ сообщить Энею: Эней долженъ отплыть, вотъ сущность приказа, «это и должно быть вѣстью отъ насъ» (218—23). Далѣе идетъ традиціонное описаніе наряда и функций Меркурія. Богъ летитъ въ Африку, пролетаетъ мимо снѣжнаго Атласа, очень картинно изображеннаго поэтомъ (изображеніе это слишкомъ подробно, но введено, вѣроятно, по ассоціаціи идей, такъ какъ Атласъ былъ дѣдомъ Меркурія) и внезапно является передъ Энеемъ. Эней, оказывается, успѣлъ уже обжиться и натурализоваться въ Каррагенѣ: онъ одѣтъ въ дорогой фригійскій нарядъ—подарокъ богатой Дидоны—и находится въ разгарѣ строительной дѣятельности, воздвигая новыя зданія въ Каррагенѣ. Богъ тотчасъ нападаетъ на него врасплохъ и сообщаетъ ему приказъ Юпитера въ еще болѣе категорической формѣ (265—276): «Какъ! это ты закладываешь основаніе высокаго Каррагена и выстраиваешь прекрасный городъ? О рабъ женщины, увы, ты забываешь о своемъ царствѣ и о своихъ дѣлахъ! Самъ повелитель боговъ, приводящій въ движеніе и небо и землю своей могуще-

ственной волей, посылает меня къ тебѣ съ свѣтлаго Олимпа. Онъ самъ повелѣваетъ принести тебѣ по воздуху слѣдующій приказъ: «Что ты задумываешь, на что надѣнешся ты, праздно проводя время въ Ливійской странѣ? Если на тебя самого не дѣйствуетъ слава такихъ дѣяній и если ты самъ не предпринимаешь никакого труда для своей славы, то обрати вниманіе на подрастающаго Асканія, на надежды, возлагаемыя на твоего наслѣдника Іула, которому предназначены Италійское царство и Римская земля». Богъ скрылся съ тою же быстротою, съ какою и появился, не давъ Энею возможности опомниться и отвѣтить.

Положеніе Энея становится нелѣпымъ. Въ первый моментъ онъ боится и боговъ и Дидоны и, наконецъ, останавливается на мысли непремѣнно бѣжать (ст. 279—295):

„Умъ потерялъ тутъ Эней, онѣмѣвъ передъ дивнымъ видѣньемъ,
Дымомъ поднялись власа и пресѣкся отъ ужаса голось.
Въ страхѣ бѣжать поспѣшаетъ и сладкія страны оставить,
Вѣстью такой отъ боговъ и такимъ повелѣньемъ подавленъ.
Горе! Но что жъ онъ начнетъ и къ царицѣ безумной съ какою
Лестью приступить теперь и съ чего разговоръ онъ завяжетъ?
Мысли крылатыя онъ то сюда, то туда направляетъ,
Въ разныя стороны мчитъ ихъ и все до конца испытуетъ.
Въ долгихъ сомнѣньяхъ средство одно онъ за лучшее принялъ:
Тотчасъ Мнесѳея зоветъ и Сергеста съ могучимъ Серестомъ;
Флотъ снаряжать имъ велитъ и людей собирать на поморье,
Втайнѣ оружье готовить, причины внезапной тревоги
Знать про себя; между тѣмъ онъ, покажѣсть Дидона,
Правды не зная, разрыва любви не страшится толикой,
Съ ней говорить попытается, выбравъ удобное время,
Выбравъ надежные способы. Съ радостью славные мужи
Слушаютъ рѣчи сіи и спѣшно приказъ исполняютъ“.

Нѣкоторыя подробности этой сцены, по моему, очень важны для пониманія дальнѣйшихъ сценъ. Въ первый моментъ Эней не знаетъ, какъ приступить къ Дидонѣ (ст. 283—4 и 293—5), но мало-по-малу роли мѣняются: передъ самымъ отъѣздомъ своимъ Эней становится совершенно неумолимымъ, и Дидона принуждена подумать о томъ, когда и какъ можно склонить его хоть на незначительныя уступки (см. ст. 422—423, почти буквально совпадающія со ст. 293—295).

Подвигаемся дальше. Эней спѣшитъ уѣхать тайкомъ, не простившись съ царицей, но, зная все-таки, какъ она разстроена и разгнѣвана слухами о его сборахъ; онъ все это время избѣгаетъ ея, такъ что она сама его ловитъ. Ей тяжело разочароваться въ Энея и, сдерживая себя, она обращается къ нему съ просьбой не спѣшить съ отъѣздомъ и войти въ ея положеніе (ст. 305): какъ

онъ могъ скрывать такое вѣроломное рѣшеніе? неужели его не удерживаютъ ни взаимная любовь, ни клятвенныя обѣщанія, данныя имъ нѣкогда, ни неизбежность смерти для Дидоны? Сама по года не благопріятствуетъ отъѣзду; если бы даже цѣла была Троя, то и въ нее не могъ бы онъ ѣхать; а теперь онъ стремится въ какія-то невѣдомыя страны. Да и отъ кого онъ отдѣлывается? Отъ Дидоны, которая сдѣлала для него все, что могла, и пожертвовала всѣмъ, что имѣла,—и женской честью, и добрымъ именемъ, и положеніемъ: вѣдь теперь ей грозитъ и разрушеніе города, и плѣнъ у гетула Іарбы, котораго она презираетъ!

Патетически начавъ свою рѣчь, Дидона очень мягко оканчиваетъ ее выраженіемъ горячей любви къ человѣку, въ которомъ ей не хочется разочаровываться: она примирилась бы съ отъѣздомъ Энея и даже съ положеніемъ плѣнницы, если бы послѣ Энея у нея остался отъ него маленькій сынъ, похожій на него, который игралъ бы на ея дворѣ и утѣшалъ бы ее своими забавами ¹⁾.

Принимая во вниманіе романтической характеръ героини, которой еще до пріѣзда Энея пришлось не мало страдать, и тѣ обстоятельства, при которыхъ она произноситъ эту рѣчь, трудно придумать что-либо болѣе трогательное и человѣчное.

Что же отвѣчалъ Эней (ст. 333)? Ея услугъ, которыя она умѣетъ такъ подробно перечислять, онъ не отрицаетъ, и ему никогда не будетъ досадно вспомнить Дидону. Онъ не думаетъ бѣжать тайкомъ—напрасно она это воображаетъ; онъ никогда не претендовалъ на то, что ихъ связь есть бракъ, да и не для этой связи онъ попалъ въ Ливію. Если бы онъ не зависѣлъ отъ судьбы и самъ могъ распоряжаться своими дѣйствіями, то вмѣсто путешествія въ Ливію онъ позаботился бы о возстановленіи родной Трои. Но и Аполлонъ и ликійскій оракулъ приказали ему ѣхать въ Италію. Почему бы и не принять Италію за отечество? Дидону, финикіянку, привлекаетъ же городъ, построенный въ Ливіи. Зачѣмъ же она завидуетъ поселенію троянцевъ въ Италіи: вѣдь и троянцы имѣютъ право искать себѣ царства на чужой землѣ. Кромѣ того, ему напоминаютъ о себѣ призракъ Анхиза и обязанности по отношенію къ Асканію, котораго онъ рискуетъ лишитъ завѣщаннаго ему судьбой царства. Наконецъ, онъ только что передъ этимъ получилъ отъ Юпитера черезъ Меркурія прямой приказъ уѣзжать изъ Ливіи. Поэтому лучше не тревожить ни его, ни себя этими жалобами.

¹⁾ Ср. Heinze 417: Didos erste Rede an den scheidenden Aeneas zerfällt in zwei Teile: Vorwürfe (indignatio) (IV 305—313), Bitten (miseratio) (314—330).

Ясно, по крайней мѣрѣ для современнаго человѣка, что это— черствая казуистика, и при томъ въ высшей степени оскорбительная. Дидона выслушала его рѣчь съ страшнымъ гнѣвомъ и презрѣніемъ ¹⁾, молча мѣряя его глазами съ ногъ до головы. Ея отвѣтъ полонъ гнѣвнаго и презрительнаго сарказма: теперь для нея очевидно, что онъ не божественнаго происхожденія. Гдѣ его хваленая pietas, если онъ не заплакалъ при видѣ слезъ женщины, его любящей? Онъ— лжецъ; нищаго, выброшеннаго на ея берегъ, она не только приняла, но и сдѣлала соучастникомъ въ управленіи; она спасла его флотъ и спасла его товарищей отъ вѣрной смерти; долгое время онъ пользовался привилегированнымъ положеніемъ, и вдругъ сразу выдумалъ столько прѣпятствій: тутъ и ликійскій оракулъ, и Аполлонъ, и посланный Юпитеромъ Меркурій, точно забота объ этомъ беспокоитъ безмятежныхъ боговъ (эпикуреизмъ!), точно богамъ только и дѣла, что его судьба. Ясно, что онъ— простой искатель приключеній, котораго и опровергать не стоитъ: пусть себѣ ѣдетъ въ Италію и ищетъ царства по волнамъ! Она только увѣрена, что за свое вѣроломство онъ понесетъ тяжелое наказаніе, и слухъ о его несчастяхъ дойдетъ до нея въ глубину преисподней...

Эней разстроены рѣчью Дидоны, но, повинаясь приказу боговъ, заставляетъ троянцевъ ускорить приготовленія къ отплытію. Весь берегъ наполнился людьми, и работа закипѣла.

Это зрѣлище особенно невыносимо для Дидоны. «О, чрезмѣрная любовь!—воскликаетъ поэтъ:—къ чему только ты не принуж-

¹⁾ Любопытно то, что и въ аду (VI пѣснь) Эней слезно оправдывается передъ Дидоной почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ составленъ данный его отвѣтъ, такъ оскорбившій Дидону: „Несчастливая Дидона! Значитъ, справедливая дошедшая до меня вѣсть, что ты мечомъ покончила съ собой? Значитъ, я былъ причиной твоей смерти (нѣсколько удивительное замѣчаніе, такъ какъ и сама Дидона говорила Энею, что покончить съ собою, и Меркурій далъ ему объ этомъ знать передъ его отъѣздомъ)? Звѣздами клянусь я, клянусь вышними богами и всѣми клятвами, которыя дѣйствительны подъ землей!

Брегъ твой, царица, не собственной волей тогда покидалъ я.
Вышнихъ велѣнья, что нынѣ идти заставляютъ сквозь тѣни,
Сквозь заустѣбля, дикія страны и сумракъ глубокій,
Гнали въ ту пору меня, да притомъ и не могъ я повѣрить,
Бѣгствомъ своимъ чтобъ толикое горе тебѣ причинилъ я.
Шагъ удержи, на себя наглядѣться очамъ не прѣпятствуй.
Что ты спишишь? Вѣдь послѣднее это свиданье межъ нами“.

На всѣ его слезы тѣнь отвѣтила враждебнымъ и презрительнымъ молчаніемъ и удалилась въ тѣнистую рощу къ первому своему мужу Сихею, который дѣйствительно платилъ ей взаимной любовью.

даешь смертное сердце!» «Снова приходится Дидонѣ унижаться до слезъ, снова пытаться упросить героя и подчинить гордость любви». Въ отчаяніи она проситъ Анну быть посредницей между Энеемъ и ею:

„Анна! иди и съ мольбой горделивому недругу молви:
 Вмѣстѣ съ Данаями родъ истребить иліонскій въ Авлидѣ
 Я не клялась и къ Пергаму суда вѣдь не я послала;
 Тѣни и пепла Анхисовыхъ я не смущала въ могилѣ.
 Что же вѣщаній моихъ не приемлетъ онъ въ лютыя уши?
 Что жъ онъ торопится? Пусть на прощанье послѣднюю просьбу
 Выполнить онъ: пусть дождется вѣтровъ и удобнаго бѣгства!
 Я не молю ужъ теперь о союзѣ нарушенномъ онимъ,
 Иль чтобъ прекрасный онъ Латій для насъ и державу покинулъ;
 Жалкой отсрочки прошу: пусть страсти отдыхъ и время
 Дастъ онъ, чтобъ свыклась съ печалью душа и судьбамъ уступила,
 Только объ этомъ молю, надъ сестрой злополучною сжался;
 Если исполнишь мольбу, заплачу при кончинѣ сторицей“.

Отрывокъ замѣчательнъ и въ психологическомъ, и въ историко-литературномъ отношеніи. Поэтъ представляетъ здѣсь моментъ острой борьбы между страстью и чувствомъ собственнаго достоинства. Это очень важная черта. Въ концѣ-концовъ послѣ безплодныхъ попытокъ удержать Энея Дидона лишаетъ себя жизни съ возвышенною мыслью, именно—о своемъ достоинствѣ, что, какъ мы увидимъ въ свое время, дѣлаетъ сцену ея самоубійства особенно патетической.

Далѣе, въ отдѣльныхъ штрихахъ развивающагося дѣйствія замѣтенъ любопытный шагъ впередъ. Въ первомъ обращеніи къ Энею, какъ оно ни патетично, Дидона называетъ Энея еще *hospes*, гостемъ (ст. 333: «на кого покидаешь меня обреченную на смерть, гость? Такъ какъ отъ супруга только это имя осталось для меня»). Теперь Эней при этой случайной *миролюбивой* попыткѣ оскорбленной Дидоны—уже высокомерный «врагъ» (*hostis*, ст. 424).

Наконецъ, этотъ монологъ имѣлъ длинную литературную исторію: ему подражаетъ Овидій въ прощальной рѣчи Цирцеи къ Одиссею (*Rem. Am.* 273), въ письмѣ Филлиды къ Демофоону, Дидоны къ Энею. Авторъ *Bellum Punicum* поэтъ Силій Италикъ (25—101 г. по Р. Х.) идетъ еще дальше: у него нѣчто подобное произноситъ Марція, жена знаменитаго Регула, передъ отправленіемъ его на вѣрную смерть въ Каррагенъ, хотя обстановка совсѣмъ другая, такъ какъ Цирцея, Филлида и Дидона обращались къ героямъ, имъ измѣнившимъ. У Марціи тѣ же аргументы (VI, 503): «не я вѣдь послала въ сраженіе амиклейскаго вождя (Ксантиппа, который и побѣдилъ Регула), и не мною наложена цѣпь на твою шею. Зачѣмъ же ты бѣжишь отъ меня, несчастной, къ пунійцамъ?» (Психологія

слишкомъ искусственная!). Флотъ подвигается впередъ, и Марція въ гнѣвѣ и отчаяніи восклицаетъ (ст. 516): «Вотъ тотъ, который хвалится, что онъ соблюдаетъ вѣрность Ливіи, ея ужаснымъ народомъ и врагу отечества! Вѣроломный, гдѣ теперь союзъ со мной, гдѣ обѣщанная супружеская вѣрность?»

Попытка Дидоны склонить Энея не удалась, и дѣло идетъ теперь къ катастрофѣ (что поэтъ отмѣтилъ и внѣшней формой изложенія—ст. 450: *tum vero...*). Дидона уже *молитъ* о смерти, и все, что происходитъ съ ней или вокругъ нея, о смерти ей и напоминаетъ: на ея глазахъ капли жертвеннаго вина обращаются въ сгустки крови; вечеромъ ей чудится зовущій къ себѣ голосъ ея мужа Сихея изъ часовни, построенной въ его честь; филинь, птица зловѣщая, издаетъ протяжные траурные звуки; Дидонѣ приходятъ на память и ужасныя предсказанія жрецовъ; наконецъ, она видитъ тяжелые сны, какъ ее преслѣдуетъ Эней, какъ она остается одинокой и идетъ все время длиннымъ путемъ безъ сопровожденія и ищетъ тирійцевъ, покинувъ страну. Однимъ словомъ, все обращается въ *memento mori!* Это—превосходный въ психологическомъ отношеніи эпизодъ, и современный читатель напелъ бы только, что не зачѣмъ сравнивать это состояніе Дидоны и ея *idée fixe* о смерти съ мученіями Пенеея, гонимаго вакханками, и Ореста, преслѣдуемаго фуриями.

Итакъ, Дидона не можетъ справиться со своей острой тоской, не можетъ отдѣлаться отъ своей *idée fixe* и потому *твердо рѣшила* умереть. Надо только замаскировать это самоубійство, и она обдумываетъ время и способъ для его совершенія. Дидона пытается принять радостное выраженіе лица и, скрывая свое намѣреніе, проситъ сестру поздравить ее съ открытіемъ средства противъ несчастной любви: она рѣшилась обратиться къ знаменитой волшебницѣ¹⁾ изъ рода Массиловъ, и хотя сама знаетъ, что прибѣгать къ магіи грѣшно, однако проситъ Анну о содѣйствіи:

„Сдѣлай во внутреннемъ дома притворѣ подъ сводомъ небеснымъ
Тайный костеръ, и оружіе мужа, что въ спальнѣ покинулъ
Тотъ беззаконникъ, и ризы злодѣя, и самое ложе,
Гибель мою, ты поставь на кострѣ: о супругъ ужасномъ
Всякую память хочу истребить, да и жрица велѣла“.

¹⁾ Объ этой волшебницѣ и ея отличіи отъ колдуній александрійской элегіи (напр., у Тибулла и Овдія) см. Heinze, 137.

Тонкій психологъ Вергилій отмѣчаетъ при этомъ, что Дидонѣ не удалось выдержать напускной радости: она вдругъ замолкла почти на срединѣ рѣчи, и лицо ея сразу поблѣднѣло. Не менѣе тонко и замѣчаніе объ Аннѣ: послѣдняя и повѣрить не могла тому, что сестра этимъ небывалымъ жертвоприношеніемъ хочетъ прикрыть свое самоубійство, ей и въ голову не приходитъ возможность такого безумнаго намѣренія, и она не боится чего-либо болѣе тяжелаго, чѣмъ было при смерти Сихея. Какъ Анна вѣрна самой себѣ! Припомнимъ разсужденіе въ первомъ монологѣ: «пока ты находилась еще подъ впечатлѣніемъ смерти Сихея и была разстроена, тебѣ не могли нравиться женихи; но теперь тебѣ пора успокоиться...»

Во внутренней открытой части дома воздвигается костеръ, царица украшаетъ его вѣнками и траурными листьями кипариса, *хорошо зная, что съ ней будетъ*. Начинается мрачное обращеніе къ подземнымъ богамъ. Дидона на босу ногу и въ распоясанной одеждѣ призываетъ передъ смертью въ свидѣтели боговъ и небесныя свѣтила, обращая мольбы и къ такимъ божествамъ («если только они существуютъ»), которыя заботятся о влюбленныхъ, но не нашедшихъ себѣ полного отвѣта на свою любовь.

Далѣе идетъ поразительный по красотѣ и психологическому замыслу эпизодъ. Наступаетъ ночь. Все мирно засыпаетъ, — только Дидона не спитъ и не можетъ справиться съ *хаосомъ разнообразныхъ острыхъ чувствъ*, среди которыхъ преобладаетъ чувство *оскорбленнаго достоинства, сарказмъ и желаніе мести*:

„Полночь была, и тѣла утомленныя сладкій вкушали
Сонъ на землѣ; успокоились рощи и ярое море
Въ пору, какъ вышею катятся неба тропою свѣтила,
Всякое поле молчить; и стада, и блестящія ¹⁾ птицы...
Только одна финикянка сердца отъ скорби ни разу
Сномъ разрѣшить не могла; не вкусили ни грудь, ни зѣницы
Нѣги ночной: удвоается скорбь и, возставши, бушуетъ
Съ новою силой любовь, и приливъ закипаетъ свирѣпый.
Мыслямъ своимъ предается она и съ собой разсуждаетъ:
„Что же мнѣ дѣлать теперь? Иль осмѣянной къ прежнимъ вер-
нутся
Тѣмъ женихамъ и у дикихъ номадовъ вымалывать брака,
Коиыхъ союзъ столько разъ былъ пунійской царицею презрѣнъ?
Или, быть можетъ, за флотомъ пойду иллонскимъ и тевврамъ
Стану рабой? Вѣдь пріятно имъ будетъ, спасеннымъ Дидоной;
Помнить, конечно, они съ благодарностью прежнюю службу!
Только допустить ли кто и на гордыя примутъ ли лодки

¹⁾ Точнѣе „разноцвѣтныя“.

Имъ ненавистную? Или, безумная, ты не довольно
 Знаешь и чувствуешь Лаомедонтова рода коварство?
 Что-жь, одинокой ли мнѣ за веселымъ бѣжать ополченемъ,
 Или тирійцевъ собравъ и своимъ окружившись народомъ,
 Гнаться во слѣдъ, и людей, что съ трудомъ оторвались отъ Тира,
 Въ море опять выгонять, чтобы съ бурями снова боролись!
 Лучше умри по заслугамъ, желѣзомъ цѣлясь отъ кручины.
 Ты, нашихъ слезъ не стерпѣвшая, ты этимъ горемъ безумной
 Душу, сестра, отягчила, свирѣпому недругу выдавъ!
 Вѣрность нарушена, въ коей клялась я Сихееву праху!»

Въ только что процитированной сценѣ подчеркнемъ проскользнувшее желаніе мести и коллизію разнородныхъ чувствъ у Дидоны. Эти моменты отражаются и въ дальнѣйшемъ эпизодѣ, который такимъ образомъ отлично связанъ съ предыдущимъ. Эней, приготовившись къ отплытію, спитъ на кормѣ. Во снѣ появляется ему Меркурій и торопитъ съ отъѣздомъ: *«женщина существо непостоянное и измѣнчивое; царица уже стала помышлять о мщеніи, и если флотъ Энея останется въ гавани до зари, то его могутъ поджечь тирійцы»*. Проснувшись, Эней тотчасъ же приказываетъ обрубить якорные канаты и уплываетъ со своимъ флотомъ.

Слѣдующій эпизодъ — самый замѣчательный по силѣ трагизма. Увидавъ на разсвѣтѣ, что троянскій флотъ уплылъ, Дидона проклиная Энея и троянцевъ, зоветъ гибель на всѣхъ ихъ потомковъ, предсказываетъ рожденіе Ганнибала, будущаго заклятаго врага римлянъ:

„Съ башни высокой царица, какъ первый разсвѣтъ заблѣлса,
 Флотъ увидала, бѣгущій въ моряхъ на вѣтрилахъ надутыхъ,
 Берегъ узрѣла пустой, безъ гребцовъ замолчавшую пристань;
 Трижды, четырежды дланью прекрасную грудь поразила,
 Вырвала русыя косы: „великій Юпитеръ! уйдетъ онъ!
 Царству и власти моей поругается дерзкій бродяга!
 Какъ! и еще не взялись за оружье и городомъ цѣлымъ
 Вслѣдъ не погнались? изъ пристани въ море людей не помчали?
 Пламя несите скорѣе! беритесь за стрѣлы, за весла!
 Что я сказала и гдѣ я? Какимъ увлекаюсь безумствомъ?
 О, ты Дидона несчастная! нынѣ ли видишь коварство!
 Раньше бѣ смотрѣла, какъ царство сулила!
 Развѣ, схвативши его, не могла изрубить и по волнамъ
 Трупъ разметать? не могла и людей и Асканія сына
 Острымъ желѣзомъ убить и отцу предложить вмѣсто пищи...
 Вы же, тирійцы, и племя его и грядущихъ потомковъ
 Вѣчной преслѣдуйте злобой и нашимъ костямъ воздавайте
 Почестъ сію. Пусть не будетъ межъ васъ ни любви, ни союза;
 Нѣкій отмститель изъ нашего праха пускай зародится,
 Родъ иліонскихъ мужей чтобъ губилъ и огнемъ и желѣзомъ“.

Но это—последнее напряженіе нервовъ. Теперь остается только покончить съ собой, и Дидона удаляетъ отъ себя въ послѣдній моментъ всѣхъ, кто могъ бы ей помѣшать. Обращаясь къ находившейся при ней старой кормилицѣ ея покойнаго мужа, она проситъ ее сходить за Анной и попросить Анну омыться для жертвоприношенія и привести жертвенный скотъ; да и самой кормилицѣ Дидона предлагаетъ надѣть на голову повязку, требуемую религіознымъ культомъ. Оба эти предложенія, какъ отчасти замѣтилъ еще старый критикъ Неупе, врядъ ли имѣютъ какой-либо другой смыслъ, кромѣ того, что Дидона старается выиграть нѣсколько мгновеній для того, чтобы покончить съ собой безъ свидѣтелей¹⁾. Мимоходомъ отмѣтимъ, что здѣсь въ очень немногихъ словахъ поэтъ далъ милую жанровую сцену. Незвѣстная до сихъ поръ кормилица, разумѣется, сочувствуетъ горю Дидоны и ея, въ сущности притворному, желанію отдѣлаться отъ несчастной любви, и потому она, по тонкому замѣчанію поэта, «старалась ускорить свои старческіе шаги» (ст. 641).

Теперь идетъ знаменитая и, главное, чуждая излишнихъ эффектовъ сцена самоубійства. Съ трепетомъ, съ налитыми кровью глазами, съ багровыми пятнами на дрожащихъ щекахъ, съ блѣдностью на лицѣ въ виду предстоящей смерти Дидона бѣжитъ внутрь дома, порывисто всходитъ на костеръ и вынимаетъ изъ ноженъ троянскій мечъ — «даръ, который не для этой цѣли былъ принятъ ею отъ

1) Вообще, мотивъ самоубійства великолѣпно задуманъ и разработанъ Вергиліемъ, и для окончательнаго разъясненія данныхъ двухъ небольшихъ сценъ, можетъ быть, безполезнымъ будетъ навести справки въ подлинный текстъ поэта. Эти справки показали бы намъ, какъ отлично задумано повтомъ драматическое движеніе дѣйствія. Въ первой бурной сценѣ съ Энеемъ Дидона лишь намекаетъ на предстоящую ей смерть (ст. 308: *pes moritura tenet crudeli funere Dido?* Ст. 323: *cui me moribundam deseris hospes?*). Слѣдующая гнѣвная рѣчь ея въ отвѣтъ на оправданія Энея также заключаетъ лишь глухой намекъ на смерть, при чемъ и здѣсь еще нѣтъ ясно выраженной мысли о самоубійствѣ (ст. 385: *cum frigida mors anima seduxerit artus, omnibus umbra locis adero*. Ст. 386: *haec Manis veniet mihi fama sub imos*). Далѣе Дидона пытается склонить Энея на отсрочку отъѣзда, «чтобы не умирать напрасну, не испытывъ всѣхъ средствъ» (ст. 415): здѣсь мысль о самоубійствѣ уже ясна. Послѣ этой попытки, Дидона терроризована своими роковыми несчастіями (ст. 450: *exterrita fatis*) и *молитъ* о смерти (*orat mortem*, — м. б. скорѣе: «призываетъ съ мольбой богиню смерти»), «ей противно смотрѣть на небесный сводъ». О предзнаменованіяхъ у поэта сказано, что они усилили въ Дидонѣ желаніе исполнить свое намѣреніе — покончить съ жизнью (ст. 452: *quo magis incertum peragat lucemque relinquat*), при чемъ о томъ, что она видѣла, она не говоритъ никому, даже сестрѣ. Наконецъ, горе совершенно сломило ее (ст. 474: *evicta dolore*), и ея намѣреніе умереть обратилось уже въ *твердое рѣшеніе* (*decrevit mori*, ст. 475).

Энея» (какъ мы видимъ, поэтъ не придаетъ этому мечу преувеличеннаго значенія—это случайное и при данныхъ обстоятельствахъ единственное оружіе, которое могло остаться при Дидонѣ, не будучи убрано окружающими). Тутъ, утомленная всѣми предшествующими страданіями, Дидона, насколько я понимаю рассказъ Вергилія, стихаетъ¹⁾ (см. 648). «Увидавъ троянскую одежду Энея и знакомое ложе, она лишь немного замедлила отъ плача и воспоминаній, а затѣмъ легла на этотъ одръ и сказала послѣднее слово». Вотъ эти послѣднія слова въ высшей степени характерны въ психологическомъ отношеніи. У Дидоны осталась лишь тихая грусть о томъ, что напоминаетъ ей объ Энеѣ. Передъ ней возстаетъ ея прежняя, полная величаваго достоинства²⁾ жизнь и дѣятельность. Она сознаетъ, что жизнь эта прошла не попусту. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ послѣдній моментъ ей безразлично, мститъ ли Энею: *страстнаго* озлобленія противъ него уже нѣтъ; она просто жалѣетъ о приѣздѣ троянцевъ, помѣшавшемъ ея великому счастью, и только думаетъ, что ея смерть будетъ дурнымъ предзнаменованіемъ для Энея (ст. 651—662):

„Душу примите сію и отъ горестей освободите!
 Въ мѣрѣ жила и судьбами назначенный путь совершила;
 Нынѣ великою тѣнью пойду въ преисподнія страны.
 Градъ знаменитый поставила, стѣны свои созерцала,
 Мужа отмстила, отъ лютаго брата возмездье взяла я.
 Звали бѣ блаженной, о слишкомъ блаженной меня, если бѣ только
 Нашега берега вовѣкъ не касались ладьи дарданійцевъ...
 Смолкла и, къ ложу прильнувъ: „умереть безъ отмщенья —
 Что же? умремъ!“ говорить. „Да, вотъ этою самою смертью!
 Пламя мое отъ далекихъ пучинъ пусть же видитъ жестокий
 Дардановъ князь и предвѣстіе смерти съ собой пусть уноситъ!“

Конецъ пѣсни состоитъ изъ двухъ небольшихъ сценъ: отчаянія Анны и тирійцевъ и послышки Юноной Ириды для избавленія самоубійцы Дидоны отъ мучительной предсмертной агоніи.

¹⁾ Къ моему удовольствію, Heinze такого же мнѣнія объ этой сценѣ (133): „im Anblick der stummen Zeugen ihres kurzen Glücks findet sie die erhabene Ruhe des Verzichts...“

²⁾ Эта мысль о своемъ достоинствѣ у умирающей Дидоны прекрасно схвачена Петраркой въ Trionfo della Castità:

io dico, Dido che studio di onestade a morte spinse.

Замѣчаніе это тѣмъ болѣе пѣнно, что предшественникъ Петрарки Данте, этотъ великій почитатель Вергилія, смотрѣлъ нѣсколько односторонне на романа Дидоны, находя въ немъ всего два момента — самоубійство Дидоны отъ любви и нарушеніе ею вѣрности праху Сихея (Infern. V 30: l'altra è colei che s'anchise amorosa e ruppe fede al cener di Sicheo).

VIII.

Вергилій и Овидій. Эпизодъ о мечѣ.

Мы закончили характеристику интересной и величественной героини Вергилія. Къ ея образу неоднократно обращались подражатели Вергилія, но какъ они его искажали! Вслѣдъ за чтеніемъ Вергилія прямо досадно читать эти искаженія; однако же знакомство съ ними, съ научной точки зрѣнія, и необходимо и поучительно, такъ какъ оно вводитъ насъ въ общіе вопросы о перемѣнѣ вкусовъ и направленій въ римской литературѣ.

Однимъ изъ самыхъ раннихъ подражателей Вергилія былъ Овидій, и анализъ ихъ взаимоотношенія придется связать съ краткой характеристикой Овидія. Этотъ блестящій поэтъ отличался какимъ-то безграничнымъ, иногда пошловатымъ, иногда софистическимъ юморомъ; далѣе онъ былъ рабомъ ученаго и вычурнаго александрійскаго направленія, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣрнымъ ученикомъ риторической школы съ ея шаблонными и искусственными софистическими и діалектическими фокусами, далекими отъ реалистическаго и болѣе здороваго краснорѣчія предыдущей эпохи; наконецъ, Овидій жилъ въ періодъ начинающагося нравственнаго упадка римскаго столичнаго общества. Овидій въ сущности понималъ кое-что въ построеніи Энеиды; между прочимъ онъ подмѣтилъ романтичность Дидоны: она говоритъ у него въ письмѣ къ Энею, «что, едва разслыхавъ его имя, она поторопилась отдать ему царство» (Her. VII, 90). Далѣе, Овидій способенъ понять и обстановку самоубійства, излагая только ее съ риторическими прикрасами (Metam. XIV, 79): «Дидонѣ очень трудно было перенести разрывъ съ Энеемъ, и она на кострѣ, сооруженномъ подъ предлогомъ жертвоприношенія, пала на мечъ, и будучи *обманута* (Энеемъ), *обманула* всѣхъ».

Но вообще Вергиліевская композиція чужда Овидію. Его забавляютъ, напримѣръ, такія риторическія соображенія, что въ одинъ изъ моментовъ своей жизни Дидона *загорьлась* (arserat... arserat) страстью къ Энею, въ другой она *сгорѣла* на кострѣ. Въ Ars Amatoria, III, 41, Овидій уже съ явною игривостью разсуждаетъ о томъ, что Дидона и ей подобныя героини погибли отъ неумѣнія любить, т.-е., проще сказать, отъ незнанія рецептовъ и наставленій его Artis Amatoriae. «Если бъ Филлида захотѣла взять меня въ учителя,—шутитъ онъ въ Remedia Amor., 55,—то была бы жива, и Дидона не увидала бы передъ смертью уходящихъ дарданскихъ кораблей... Дай мнѣ Федру, и у нея пройдетъ ея постыдная лю-

бовъ, дай мнѣ Париса, и Елена останется у Менелая, и Пергамъ не падеть отъ руки Данайцевъ». Такія чисто риторическія соображенія сближаютъ Овидія съ поздними толкователями Вергилія, напр., съ Авзоніемъ (IV в. по Р. Х.), эпиграмма котораго гласитъ: «Несчастливая Дидона, которой не посчастливилось ни за однимъ мужемъ: одинъ погибаетъ—ты бѣжишь, другой бѣжить—ты погибашь» (*hoc pereunte fugis, hoc fugiente peris*). Ср. французскую эпиграмму, приписываемую Корнелю:

„Didon, tes deux époux ont fait tous tes malheurs;
Le premier meurt—tu fuis, le second fuit—tu meurs“.

Эта склонность къ риторикѣ заставила Овидія, между прочимъ, совершенно исказить эпизодъ о мечѣ, который, какъ мы видѣли, онъ способенъ былъ правильно понять.

Но этотъ мечъ, надо сказать, многимъ комментаторамъ Вергилія не давалъ покоя. Старые западно-европейскіе ученые задавали себѣ вопросъ: зачѣмъ Дидонѣ - женщинѣ понадобился мечъ? Они больше понимали то, что Эней, приглашенный впервые Дидоной на пиръ, подарилъ ей драгоценнѣйшіе троянскіе наряды, уцѣлѣвшіе отъ грома Трои. Надо однако имѣть въ виду одну мелкую подробность: именно къ моменту появленія Меркурія передъ Энеемъ послѣдній былъ не только одѣтъ въ тирійское платье, но также имѣлъ при себѣ мечъ съ драгоценными ножнами, подарокъ Дидоны; значить, по замыслу поэта выходитъ, что герой и героиня обмѣнялись мечами ¹⁾. Но, главное, эти толкователи Вергилія упустили изъ виду то, что Дидона вѣдь не *tüchtige Hausfrau* нѣмецкаго геллертера, но чрезвычайно сильная, самостоятельная женщина, сумѣвшая еще въ Тирѣ привлечь на свою сторону цѣлую партію противниковъ тиранна Пигмаліона, снарядить флотъ, отплыть съ своими сторонниками въ невѣдомую страну, основать тамъ царство, утвердить въ немъ порядокъ и, что интересно, принять мѣры къ оборонѣ новой столицы отъ сосѣдей. Мечъ, какъ даръ отъ знаменитаго героя, не простая случайность у сильной царицы, живущей на военномъ положеніи. Не даромъ она, выслушавши рассказъ Энея, изумляется—въ бесѣдѣ съ своей сестрой—его военнымъ подвигамъ, тѣмъ великимъ войнамъ, въ которыхъ онъ участвовалъ.

Но римскіе подражатели и толкователи Овидія смотрѣли на дѣло съ другой точки зрѣнія. Силій Италикъ, какъ мы увидимъ ниже, видѣлъ въ этомъ мечѣ «залогъ любви»—выраженіе нѣсколько туманное, но, кажется, въ концѣ-концовъ правильное.

¹⁾ Ср. теперь Heinze, 139, прим. 2.

Овидій же подходилъ къ дѣлу, какъ я могу почти опредѣленно доказать, съ риторической и криминалистической точекъ зрѣнія. Его Дидона (ср. также Филлиду) изготавляетъ для себя слѣдующую эпитафію: «Эней далъ и причину смерти и мечъ, но погибла Дидона сама отъ своей руки». Это—риторическая градація съ криминалистическимъ оттѣнкомъ: Эней былъ *причиной* смерти Дидоны, онъ же оставилъ *средство* къ выполнению смерти, но выполнила ее Дидона *сама*. Конечно, кое-какія замѣчанія самого Вергилія способны дать поводъ къ такой комбинаціи, но въ общемъ она, разумѣется, до чудовищности нелѣпа. Съ научной точки зрѣнія важно однако именно то, что это, повидимому, не случайная нелѣпость.

Въ текстѣ Вергилія Дидона, собираясь покончить съ собой и желая замаскировать это намѣреніе отъ своей сестры, говоритъ (IV, 494—498), что она желаетъ уничтожить все, напоминающее ей объ Эней, между прочимъ и оружіе, оставленное въ ея спальнѣ этимъ безбожникомъ (*impius*). Но, конечно, изъ Вергиліевскаго текста отнюдь не вытекаетъ, что безбожіе Энея состояло именно въ оставленіи меча у Дидоны.

Вѣдь *impius*—противоположно *pius*, а *pius*, по римскимъ воззрѣніямъ, былъ человѣкъ, свято исполнявшій свои нравственныя обязательства по отношенію къ религіи, къ родителямъ и роднымъ и къ отечеству и вообще ко всему тому, что могло считаться священнымъ, напр., къ клятвѣ и т. д. Между прочимъ *impius* можетъ быть, уже съ этихъ точекъ зрѣнія, синонимомъ *perfidus* (вѣроломный), *ingratus* (неблагодарный), *immemor* (непомнящій о благодареніи)¹⁾.

Сопоставляя всѣ жалобы Дидоны Вергилія, мы и видимъ, что главные признаки *impietas* Энея въ ея глазахъ—это вѣроломство, клятвопреступничество и неблагодарность²⁾.

Вообще, это—нормальное выраженіе глубокаго разочарованія въ существѣ, когда-то любимомъ, но измѣнившемъ любви съ ея священными клятвами и обязательствами. Въ этомъ отношеніи Вергилій соприкасается съ своимъ талантливымъ предшественникомъ Катулломъ, который, какъ извѣстно, съ чрезвычайной искренностью изображалъ подобное чувство разочарованія. Катуллъ, разочаровав-

¹⁾ Ср. Tibull. III, 4, 57 и 59 (*impia: nec fidum*), III, 6, 38 (*impia facta ingrati viri*), Ovid. Trist. V, 4, 43 (*memoremque piūque*), Ex. Pont. IV, 1, 7 и 9 (*gratus: impius*).

²⁾ Въ призывѣ къ *pietas* (IV, 316) она заклинаетъ Энея нхъ бракомъ и тѣмъ добромъ, которое она ему сдѣлала. Эней и троянцы, въ моментъ разочарованія, представляются ей *perijuri, immemores* и, слѣдовательно, *imprii*, напр., IV, 539: *et bene apud memores veteris stat gratia facti*, 595: *nunc te facta impia tangunt...* и пр.

пись въ Лесбіи (Клодіи), которую онъ, впрочемъ, незаслуженно идеализировалъ, въ очень трогательномъ 76 стихотвореніи молитъ боговъ избавить его отъ трагической любви во имя его *pietas*, а *pietas* эта состоитъ въ томъ, что онъ никогда не нарушалъ священной *fides* (честности, честнаго слова) и ни въ одномъ союзѣ (*foedus*, разумѣя подъ этимъ, между прочимъ, и союзъ любви) не злоупотреблялъ божественной волей для того, чтобы обманывать людей; все хорошее, что люди кому-либо могутъ сказать или сдѣлать, все имъ сказано и сдѣлано. А въ стихотвореніи 73-емъ, гдѣ, впрочемъ, представлено разочарованіе въ дружбѣ, прямо предвосхищены негодующія жалобы Дидоны: «Пора отказаться отъ желанія оказывать кому-либо какія-либо услуги и отъ мысли, что кто-либо можетъ обнаружить (въ признательность за нихъ) *pietas* (*fieri pius*): все на свѣтѣ неблагоприятно (*ingrata*), и никакой нѣтъ пользы дѣлать добро...»

Вотъ какой смыслъ имѣеть, по нашему мнѣнію, заявленіе Вергилиевой Дидоны объ *impietas* Энея.

Лишь испорченный риторической школой вкусъ позднѣйшихъ римлянъ, начиная съ Овидія, могъ подсказать имъ уродливое толкованіе *impietas* Энея въ смыслѣ оставленія имъ меча у Дидоны.

Толкованіе это цѣликомъ дано извѣстнымъ комментаторомъ Вергилія Сервіемъ Гоноратомъ какъ разъ въ объясненіи къ данному (496) стиху IV пѣсни: *impius*—«безбожный тотъ, кто оставилъ мечъ изступленному». Далѣе онъ прибавляетъ съ большой наивностью, что это будто бы взято изъ Гомера, по словамъ котораго Аяксу былъ подаренъ мечъ Гекторомъ, а Гектору Аяксомъ поясъ, каковыя дары послужили обоимъ на пагубу: одного тащили за этотъ поясъ, а другой покончилъ съ собой подареннымъ мечомъ. Оставимъ послѣднее разсужденіе, опирающееся въ сущности не на Гомера, но скорѣе до извѣстной степени на трагиковъ (именно на «Аякса» Софокла), и обратимъ особое вниманіе на основной тезисъ. Онъ напоминаетъ одну мысль Цицерона, можетъ быть служившую предметомъ упражненій въ риторическихъ школахъ (*De Officiis*, III § 95): «Иногда не слѣдуетъ исполнять обѣщаніе, и не всегда слѣдуетъ возвращать отданное на храненіе. Если кто-либо, будучи въ здоровомъ умѣ, оставитъ у тебя мечъ и потребуетъ его назадъ, будучи безумнымъ, то возвратить его было бы грѣхомъ, а не возвратитъ обязанностью».

Вотъ именно это реторико-философское положеніе, что безбоженъ оставляющій мечъ изступленному, и повторено, повидимому, Овидіемъ—почти буквально—въ одномъ его отзывѣ о Дидонѣ (*Arg Amat.* III, 39): «Хоть и пользуется славой благочестія (*pietatis*), все-таки этотъ гость твой, Элисса, далъ тебѣ и мечъ, и причину твоей смерти!»

IX.

Дидона и Анна въ „Фастахъ“ Овидія. Пенелопа и Лукреція у Овидія. Сялій Италикъ, какъ подражатель Вергилія и Овидія.

Обращаемся къ болѣе крупнымъ отрывкамъ изъ Овидіевскихъ подражаній Вергилію и прежде всего къ эпизоду объ италійской богинѣ Аннѣ Переннѣ, которую одна изъ легендъ отождествляла съ сестрой Дидоны Анной (Fast. III, 601). «Уже благочестивый Эней усилился, благодаря полученному имъ царству и дочери Латина; уже успѣлъ онъ смѣшать оба народа. Прогуливаясь на босу ногу неизвѣстной для другихъ дорогой, по берегу унаслѣдованной имъ страны, въ сопровожденіи одного только Ахата, онъ замѣчаетъ блуждающую женщину и не хочетъ вѣрить, что это Анна. «За чѣмъ ей было приходиться въ латинскую область?» Въ то время какъ Эней такъ думаетъ про себя, — «это Анна», восклицаетъ Ахатъ. Услыхавъ свое имя, она подняла лицо. Куда ей бѣжать? Что дѣлать? Какой бездны искать на землѣ? Передъ ея глазами была участь ея несчастной сестры. Кибереійскій герой, замѣтивъ ея смущеніе, обращается къ ней съ такими словами (впрочемъ, онъ и самъ проливаетъ слезы, растроганный воспоминаніями о тебѣ, Элисса!): «Анна, клянусь тебѣ той землею, которая, какъ ты часто слышала отъ меня, уготована мнѣ судьбою, болѣе мнѣ благопріятной, чѣмъ она была прежде; именемъ боговъ, моихъ спутниковъ, лишь недавно водворенныхъ на этомъ мѣстѣ, клянусь, что именно они часто порицали меня за мое промедленіе! Однако я не боялся относительно смерти Дидоны, такого страха у меня не было. Горе мнѣ! Она оказалась рѣшительнѣе, чѣмъ можно было думать. Не рассказывай! Я видѣлъ самъ раны, не заслуженныя ея грудью, когда я осмѣлился явиться въ жилище Тартара. Но ты, привело ли тебя въ наши края твое собственное рѣшеніе или же воля боговъ, пользуйся всѣми удобствами, какія ты найдешь въ моемъ царствѣ. Многимъ обязаны мы тебѣ и не малымъ Элиссѣ и объ этомъ хранимъ воспоминаніе. Дорогая намъ сама по себѣ, ты будешь дорога и ради сестры твоей». Такимъ словамъ его она повѣрила—другой надежды у нея не остается—и изложила ему свои странствованія».

Отмѣтимъ два момента: 1) замѣчаніе Энея, что раны Дидоны не достойны ея груди, отдаетъ прямой пошловатостью; 2) я склоненъ теперь считать весьма характернымъ для поэзіи Овидія другое замѣчаніе Энея: «Я не боялся самоубійства Дидоны, но она оказалась мужественнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ я думалъ».

Итакъ, Овидій представляетъ себѣ Дидону слабенькой женщиной. Это очень характерно для него и для его направленія. Онъ былъ глубоко проникнуть стилемъ александрійской поэзіи съ ея культомъ юной, кокетливой, граціозной и изнѣженной *ingénue*. Въ противоположность многимъ своимъ современникамъ (напр., Горацию, Проперцію, Т. Ливію) онъ не поклонникъ сходящаго со сцены старо-римскаго типа величественной, домовитой и добродѣтельной матроны, и онъ очень иронизируетъ надъ сабинскими матронами, которыхъ такъ уважаютъ Гораций и Проперцій. Поэтому почти всѣ до одной героини Овидія—милая слабенькія существа. Дѣйствительно юная Геро, со страхомъ поджидающая приплытія Леандра, Пенелопа и знаменитая въ римской традиціи Лукреція у Овидія въ сущности ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга.

Его Пенелопа (*Heroid. I*) чувствуетъ себя незащитной и безпомощной съ хитрыми женихами, она боится утратить любовь мужа, боится, что онъ найдетъ ее неинтересной и состарѣвшейся, боится даже, что онъ увлеченъ другою любовью (характерный для Овидія мотивъ ревности!) и, чего добраго, рассказываетъ ея соперницѣ о томъ, что его жена груба и способна только прясть шерсть. Пенелопа, какъ и всѣ другія героини, герои которыхъ воюютъ, страшно боится войны и проклинаетъ ее въ тонѣ элегіи. Время тянется скучно, и, какъ истая элегическая *ingénue*, она коротаетъ его за прялкой (характерное искаженіе Гомера!). Въ одномъ изъ мотивовъ Овидій имѣетъ предшественника въ Проперціи (*II, 9, 3—8*): послѣдній изобразилъ Пенелопу мужественной женщиной, какъ и у Гомера, но съ резонерствомъ александрійской школы подчеркнул, что ко времени возвращенія Одиссея она сдѣлалась старухой (дѣйствительно, 10 лѣтъ тянулась Троянская война и еще 10 лѣтъ Одиссей скитался: итого 20 лѣтъ разлуки!).

Лукреція (*Fast. II, 685—852*) обратилась у Овидія въ чистогреческую *ingénue* комедій и элегій, напоминая нѣкоторыми чертами и Эврипидовскую Поликсену. Какъ всѣ героини Овидія, она въ кругу своихъ служанокъ проклинаетъ войну, на которую 'уѣхалъ ея мужъ Коллатинъ; при мысли о военныхъ опасностяхъ она замираетъ, заливаясь слезами, отчего, между прочимъ, хорошѣетъ, склоняетъ голову. Въ такомъ видѣ застаютъ ее мужъ и царевичъ Секстъ Тарквиній, спорившіе о томъ, чья жена лучше. Секстъ влюбляется, тѣмъ болѣе, что Лукреція, какъ вообще всѣ Овидіевскія героини, обладаетъ бѣлоснѣжнымъ цвѣтомъ лица и золотистыми волосами. Но его плѣняютъ именно идиллическая красота и разнообразіе позъ сидящей Лукреціи: «такъ она сидѣла, такъ она была одѣта, такъ пряла, въ такомъ безпорядкѣ рассыпались по шеѣ ея

волосы», мечтаетъ онъ ¹⁾). Для Овидія, въ противоположность Ливію, не то важно, что Лукреція прядетъ и обнаруживаетъ свою домо-витость, но то, что она при этомъ находится въ симпатичной обстановкѣ. Да и передъ самоубійствомъ Лукреція Овидія совсѣмъ не похожа на Лукрецію Тита Ливія съ ея твердой рѣшимостью умереть. Хоть Овидій и приписываетъ ей мужественный характеръ, однако она такъ же грациозна и женственна, какъ и въ сценѣ за пряткой: она долго молчитъ, отъ стыда закрываетъ лицо платьемъ; трижды она пробуетъ говорить, но стыдится; наконецъ, она рассказала кое-что (ср. *Apoll. Rh.* III, 654), не поднимая глазъ, но конца рассказать не могла, снова заплакала и покраснѣла. Интересно, что эта Лукреція, подобно Эврипидовой Поликсенѣ, даже въ моментъ смерти заботится о томъ, чтобы сохранить красивую и приличную позу, въ противоположность отцу и мужу. (См. подробности въ моихъ «Матеріалахъ для характеристики Овидія», *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1901, № 7).

Переходимъ теперь къ Силію Италику. Этотъ почтенный, очень начитанный, но не очень даровитый поэтъ уже извѣстенъ намъ, какъ подражатель Вергилія. Его общую характеристику рекомендую прочесть у Риббека (*Gesch. d. Röm. Dichtung*, III, 191—207); тамъ же хорошо опредѣлено его отношеніе къ Вергилію. Между прочимъ, Силій подражаетъ одной знаменитой сценѣ въ 1-й пѣсни Энеиды: измученный кораблекрушеніемъ Эней съ трудомъ осваивается съ Ливіей, этой новой негостепріимной страной. Его нѣсколько ободряетъ своимъ рассказомъ о предприимчивой и много-терпѣвшей Дидонѣ мать его Венера, появившаяся ему въ образѣ охотницы. Онъ видитъ далѣе, какъ быстро строится новый городъ, и наконецъ трагическія изображенія изъ троянскаго цикла въ храмѣ Юноны, который строить Дидона, потрясаютъ его до глубины души. Измученному скитальцу все слишкомъ напоминаетъ о страданіяхъ его отечества и его близкихъ; съ другой стороны, онъ тронутъ тѣмъ гуманнымъ интересомъ, который проявила еще невѣдомая ему царица къ человѣческому горю, и онъ плачетъ слезами мученія и умиленія. Такова композиція у Вергилія.

У Силія (VI, 653 слѣд.) Ганнибалъ въ Кампаніи въ городѣ Литернѣ видитъ на одномъ храмѣ обидныя для его патріотическаго чувства изображенія разныхъ эпизодовъ 1-й Пунической войны. Нѣкоторыя подробности, пожалуй, и кровавы, но въ общемъ

¹⁾ Вообще, это—сентиментальный романъ въ духѣ александрийской поэзіи, и я сопоставилъ бы эти мечтанія Секста съ мечтаніями Меден у александрийскаго эпика Аполлонія Родосскаго (*Arg.* III, 454: αὐτός θ' οἶος ἔην οἷοισι τε φάσειν ἔστο, οἷά τ' ἔειπ, ὣς θ' ἔειπ' ἐπὶ θρόνου...).

Силій далъ обычную, довольно сложную картину римскаго триумфа съ описаніемъ разныхъ трофеевъ и церемоній и т. п. Если бы мы представили себѣ все его описаніе на мраморѣ, то это была бы довольно казенная, не очень потрясающая зрителя группа, но, что психологически понятно, группа при всей своей шаблонности безусловно тягостная для непріятели. И вотъ Ганнибалъ (у Силія) все это разсматривалъ съ злобнымъ выраженіемъ лица, съ злобной усмѣшкой; у него медленно накапливается гнѣвъ, и наконецъ Ганнибалъ раздражается восклицаніями на тему, что онъ превзойдетъ непріятели своими триумфами и что изукраситъ кареагенскіе дома еще болѣе внушительными и болѣе кровавыми изображеніями. Въ заключеніе Ганнибалъ приказываетъ своимъ солдатамъ сжечь поскорѣй этотъ храмъ.

Но, описывая 2-ю Пуническую войну, великій поклонникъ Вергилія, Силій, не могъ пренебречь традиціоннымъ римскимъ мотивомъ, намѣченнымъ и у Вергилія въ самомъ бурномъ монологѣ Дидоны, именно, что великая война между двумя величайшими народами, кареагенскимъ и римскимъ, коренится въ очень отдаленномъ прошломъ, въ трагическомъ романѣ Энея и Дидоны. Романическую окраску судьбѣ основательницы Кареагена далъ еще греческій историкъ (IV—III вѣка) Тимей (впрочемъ, безъ упоминанія объ Энеѣ), сообщившій о хитрости Дидоны при покупкѣ земли и о ея самоубійствѣ на кострѣ, вслѣдствіе непріятнаго для нея ухаживанія мѣстнаго царя Іарбы (см. Юстина XVIII, гл. 4—6—извлеченіе изъ Помпея Трога). Повидимому, съ тѣмъ же романическимъ освѣщеніемъ трактовался этотъ мифъ однимъ изъ первыхъ римскихъ поэтовъ, современникомъ 1-й Пунической войны *Невиумъ* въ его *Bellum Punicum*. По крайней мѣрѣ въ его фрагментахъ есть упоминаніе о пребываніи Энея въ Кареагенѣ у Дидоны, и сама Дидона упоминается тамъ вмѣстѣ съ сестрой своей Анной, которая у Вергилія играетъ роль посредницы.

Такая постановка дѣла, можетъ быть, носить на себѣ греческое вліяніе: вѣдь греки, начиная съ отца исторіи Геродота, любили разсуждать на ту тему, что, напримѣръ, между двумя мірами, Европой и Азіей, возникла тяжелая война изъ-за женщины, именно изъ-за Елены.

Какъ бы то ни было, усвоивши себѣ традиціонную романическую легенду объ отдаленной причинѣ вражды между римлянами и кареагенянами, Силій Италикъ не могъ оставить безъ вниманія исторію Кареагена при Дидонѣ и непосредственно послѣ ея смерти. Этимъ объясняется то, что онъ, между прочимъ, подвергъ новой переработкѣ эпизодъ объ Аннѣ, обработанный Овидіемъ. Эта пере-

работка основана на мотивахъ и овидіевскихъ и вергиіевскихъ съ присовокупленіемъ собственныхъ измышленій поэта. Отъ Овидія Силій Италикъ отступаетъ въ двухъ характерныхъ пунктахъ. 1) Силій очень смягчаетъ мотивъ ревности Лавиніи къ Аннѣ. У Овидія дѣло представлено по его обычному шаблону такъ: Анна, встрѣтившись съ Энеемъ, получаетъ отъ него приглашеніе воспользоваться его гостепріимствомъ. Одѣвшись въ тирійскій костюмъ (т.-е. значить въ роскошное ярко-пурпуровое платье), она вступаетъ во дворецъ Энея (III, 527 — 638), и Эней въ присутствіи своего двора обращается со слѣдующими словами къ своей женѣ Лавиніи: «Нравственный долгъ заставляетъ меня, супруга моя Лавинія, поручить эту женщину именно твоему вниманію. Когда я потерпѣлъ кораблекрушеніе, я пользовался ея средствами. Родилась въ Тирѣ, обладала царствомъ въ Ливійскомъ краю та, о которой прошу тебя, чтобы ты любила ее, какъ родную сестру». Все объщаетъ Лавинія, скрывая въ глубинѣ души воображаемую рану; хотя и негодуетъ, но скрываетъ негодованіе; видя, какъ на ея глазахъ Аннѣ явно приносятъ много даровъ, она думаетъ, что ей и тайно ихъ посылаютъ. Она еще не обдумала, что ей дѣлать. Она безумно ненавидитъ Анну, готовитъ ей засаду и желаетъ умереть, отомстивъ за себя. Была ночь. Предъ постелью сестры, казалось, предстала окровавленная Дидона съ свалывшимися волосами и говорила ей: «Бѣги не колеблясь изъ этого печальнаго для тебя дома». Вслѣдъ за этими словами вѣтеръ привелъ въ движеніе двери, и онѣ жалобно заскрипѣли. Анна соскакиваетъ (съ постели) и быстро бросается на поле изъ низкаго окна; самый страхъ сдѣлалъ ее отважною. И бѣжитъ она, одѣтая въ неподпоясанную туннику, туда, куда влечетъ ее страхъ, какъ бѣжитъ, слышавъ волковъ, устрешенная серна. Есть преданіе, что рогатый Нумицій, страстно влюбленный въ нее, похитилъ ее своими волнами и укрылъ въ тихихъ водахъ». Но мотивъ ревности—блестящій нарядъ Анны—для Овидія довольно шаблоненъ. Совершенно такъ же описываетъ онъ ревность жены Геркулеса Деяниры при видѣ нарядной плѣнницы Юлы (Негоід. IX, 125). Силій Италикъ, повторяемъ, сильно смягчилъ этотъ мотивъ ревности у Лавиніи. По его разсказу, Анна, принятая въ домъ Энея, сразу успокоилась. И вотъ появляется ей во снѣ Дидона и произноситъ цѣлую рѣчь, состоящую главнымъ образомъ изъ вергиіевыхъ стиховъ (VIII, 161 слѣд.). Лишь мимоходомъ упоминая о козняхъ ревливой Лавиніи, Дидона вообще не совѣтуетъ оставаться среди коварныхъ потомковъ Лаомедонта, принесшихъ несчастіе ей и ея странѣ, тѣмъ болѣе что между потомками Энея и тирійцами никогда не будетъ мира. Далѣе въ рѣчи

Дидоны идетъ курьезная обработка Овидіевой темы. Дидона совѣтуетъ сестрѣ бѣжать къ рѣкѣ Нумику: ее тамъ нимфы радостно примутъ въ священныя воды (у Овидія это дѣлаетъ самъ богъ Нумикъ, влюбленный въ Анну), и она сдѣлается божествомъ, вѣчно прославляемымъ въ Италиі.

2) Второе отступленіе отъ Овидія еще болѣе интересно. У Овидія Эней проситъ Анну не рассказывать о смерти Дидоны, и это во всякомъ случаѣ умно, такъ какъ читателямъ Овидія хорошо былъ извѣстенъ рассказъ самого Вергилія. У Силія Эней, наоборотъ, требуетъ этого рассказа, и вотъ мы встрѣчаемъ краснорѣчивое, но необыкновенно уродливое подражаніе Вергилію съ присоединеніемъ нѣсколькихъ искажающихъ Вергилія мотивовъ Овидія и собственныхъ добавленій. Дѣло представлено такъ. Желаніе Энея узнать о смерти Дидоны пугаетъ измученную злоключеніями и кораблекрушеніемъ Анну, и изъ страха передъ Энеемъ она рассказываетъ очень тенденціозно. Хотя слезы и мѣшаютъ говорить ей, тѣмъ не менѣе она не теряетъ самообладанія и въ свой рассказъ вставляетъ «соотвѣтственно обстоятельствамъ льстивыя замѣчанія». Льстивы и слишкомъ изысканы въ реторическомъ отношеніи уже первыя ея слова: «сынъ богини, ты былъ единственнымъ источникомъ царства и жизни для моей сестры—свидѣтельство этому ея *смерть* и ея знаменитый костеръ». Мы помнимъ очень естественное негодованіе Дидоны при видѣ отплывающихъ кораблей Энея, мы помнимъ и ея опять-таки естественное колебаніе, не отправится ли ей съ Энеемъ. У Силія въ рассказѣ Анны дѣло просто: послѣ отъѣзда Энея Дидона любитъ то сидѣть, то стоять на берегу; слѣдя за вѣтрами, она громко зоветъ Энея и молить его взять ее одну на свой корабль въ спутницы. Затѣмъ она бѣжитъ въ свою спальню и страстно обнимаетъ статуэтку Іула или же, устремивши свои взоры на изображеніе самого Энея, не сводитъ съ него глазъ, изливается передъ нимъ въ жалобахъ и надѣется на отвѣтъ. «Любовь никогда не оставляетъ надежды», прибавляетъ поэтъ съ глубокомысліемъ, не соотвѣтствующимъ ситуациі, и вотъ Дидона опять бѣжитъ къ гавани въ надеждѣ, что переменятся вѣтры и снова возвратятъ ей Энея. Безчестность и лживость массилійцевъ заставила Дидону снизойти даже до магіи, и въ то время какъ массилійскіе жрецы вызывали божества и общали исцѣлить ее отъ кручины («я сама,—прибавляетъ Анна,—будучи обманута, видѣла это безбожіе!»), она покончила съ собой.

Этотъ рассказъ возрождаетъ въ Энеѣ сладостную любовь къ Дидонѣ. Эней повторяетъ то, что намъ извѣстно изъ Вергилія, именно что ему тяжело было покинуть Карфагенъ, но что къ этому

онъ былъ вынужденъ грознымъ приказомъ боговъ; рѣчь свою онъ заключаетъ глубокомысленнымъ замѣчаніемъ: «зачѣмъ же—увы! (запоздалое предостереженіе!)—въ такое время дали вы развиться до изступленія этой любви, оставивъ ее безъ пристрастія?»

Анна отвѣчаетъ ему прерывающимся шонотомъ, съ рыданіемъ, съ дрожью губъ, сохраняя опять-таки самообладаніе (и безбожно искажая Вергилія). Она будто бы сама помогала сестрѣ въ жертвоприношеніи подземнымъ богамъ, чтобы этимъ ея несчастная въ бракѣ сестра могла облегчить свое больное сердце; она сама вела за собою жертвенныхъ животныхъ и дѣлала это, чтобы отвратить зловѣщее сновидѣніе, потрясшее ее: ей, Аннѣ (какое искаженіе!), будто бы показался во снѣ Сихей и трижды съ громкимъ крикомъ и съ выраженіемъ радости на лицѣ (радость непонятная!) трижды звалъ къ себѣ свою Дидону. И вотъ Анна молить боговъ, чтобы они обратили этотъ тяжелый сонъ въ благопріятный, и для жертвоприношенія омывается въ текучей водѣ. Тѣмъ временемъ Дидона будто бы, поспѣшивъ къ берегу, нѣсколько разъ поцѣловала нѣмой песокъ, на которомъ стоялъ Эней, затѣмъ собравъ повсюду этотъ песокъ тамъ, гдѣ были видны слѣды Энея, она грѣла его на груди, подобно тому какъ осиротѣвшія матери прижимаютъ къ сердцу пепель своихъ преданныхъ сожженію дѣтей. Далѣе Дидона съ распущенными волосами, но зато въ большомъ нарядѣ — въ фригійскомъ пурпурномъ платьѣ и въ жемчужномъ ожерельѣ (это былъ, повидимому, даръ Энея, см. Аен. I, 654) бѣжитъ къ костру. Здѣсь она вспомнила тотъ день, въ который она впервые увидала дары Энея (богатѣйшіе троянскіе наряды, напр., уборъ Елены, полученный въ даръ отъ ея матери Леды, см. I, 167 слѣд.), привела себѣ на память торжественные пиры, на которыхъ Эней по порядку до утра рассказывалъ о страданіяхъ Трои; затѣмъ Дидона, обративъ къ гавани полные слезъ глаза, произноситъ послѣднія слова, нелѣпо пародируя Вергилія съ курьезными, частью Овидіевскими добавленіями: она довольна тѣмъ, что она отомстила за мужа, что она была свидѣтельницей постройки твердынь Каррагена; она увѣрена, что сойдетъ въ подземное царство великою тѣнью (это—Вергилій), съ другой стороны, ее тѣшитъ тщеславное соображеніе, что она была супругой самого Энея и, значитъ, невѣсткою Венеры (это—Овидій); наконецъ, она размышляетъ и о томъ, что, можетъ быть, ее ожидаетъ и ея первый мужъ, съ которымъ ее когда-то сблизила сладостная любовь и который теперь, можетъ быть, желаетъ отвѣтить на ея любовь такъ же, какъ отвѣчалъ прежде. Послѣ этого Дидона пронзаетъ себя мечомъ Энея, полученнымъ «въ залогъ любви» (149).

X.

Овидій: посланія Филлиды къ Демофоонту и Дидоны къ Энею.

Теперь мы остановимся на очень своеобразномъ подражаніи Вергилію—на Овидіевомъ письмѣ Дидоны къ Энею передъ самоубійствомъ (Heroid. VII).

Но намъ уже приходилось говорить, что, можетъ быть, еще ближе стоитъ къ Энеидѣ параллельное Овидіево посланіе Филлиды (Her. II), еракійской царевны, слишкомъ довѣрчиво принявшей сына Тезея Демофоонта и въ концѣ-концовъ покинутой имъ. Во всякомъ случаѣ изъ схемы этого послѣдняго посланія легко выдѣляются мотивы, знакомые намъ изъ Вергилія.

Какъ Дидона, Филлида чинитъ корабли Демофоонта, даетъ ему пристанище послѣ долгихъ скитаній, надѣляетъ его дарами. Далѣе она вспоминаетъ, что ихъ сближеніе сопровождалось неблагоприятными предзнаменованіями—неблагоприятными были они и для Вергиліевой Дидоны.

Какъ и Дидона, Филлида жалуется на нарушеніе Демофоонтомъ клятвъ въ вѣрности; точно такъ же, какъ Дидона, изъ-за связи съ пріѣзжимъ героемъ, она становится ненавистной для мѣстныхъ претендентовъ на ея руку. Она точно такъ же падаетъ въ обморокъ, и ее выносятъ служанки.

Далѣе, подобно Дидонѣ, она проклинаетъ вѣроломнаго любовника и желаетъ, чтобы ея образъ всюду его преслѣдовалъ. Наконецъ, подобно уже Овидіевой Дидонѣ, она сочиняетъ себѣ эпитафію, совпадающую съ эпитафіей Дидоны.

Обращаемся къ посланію Дидоны.

Но предварительно еще разъ припомнимъ Вергилія. Измученная страстью Дидона въ послѣдній моментъ предсмертной апатіи старается поменьше думать о любви и главнымъ образомъ подводить итоги своей предыдущей славной жизни.

У Овидія, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ посланіяхъ его героинь, дѣло обстоитъ приблизительно такъ: Дидона держитъ въ одной рукѣ мечъ, приставивъ его къ своей груди, а въ другой перо, чтобы передъ смертью послать неизвѣстно куда скрывшемуся измѣннику письмо въ 196 длинныхъ стиховъ.

Мотивъ письма (передъ самымъ моментомъ самоубійства), изложенный наполовину Вергиліевымъ языкомъ, таковъ: «Я потеряла мои заслуги, мою славу, мою честь и мое цѣломудріе, а потому терять слова—пустякъ».

Содержаніе письма—это прежде всего конспектъ изъ 1-й по-

ловины Энеиды, при чемъ Дидона Овидія повторяетъ разсужденія не только Вергиліевой Дидоны, но также и Анны, Юпитера, Юноны и даже Энея.

Напримѣръ, Дидона Вергилія не занята прямо практическими матримоніальными соображеніями; у Вергилія это—дѣло Анны. Вергиліева Дидона сначала мучится, но затѣмъ послѣ сцены на охотѣ объявляетъ свой романъ съ Энеемъ бракомъ.

У Овидія Дидона повторяетъ то же, что Вергиліева Дидона съ присовокупленіемъ аргументовъ Анны: «Божественное происхожденіе матери, старикъ-отецъ, какъ ноша на плечахъ любящаго сына—это внушило мнѣ надежду, что нашъ бракъ будетъ законнымъ и прочнымъ».

Юнона у Вергилія въ разговорѣ съ Венерой предлагаетъ основать Энею свое обѣтованное царство не въ Италиі, но въ Карфагенѣ, получивъ отъ Дидоны въ приданое тирійцевъ; то же предлагаетъ самому Энею Овидіева Дидона.

У Вергилія Юпитеръ черезъ Меркурія напоминаетъ Энею, чтобы онъ позаботился по крайней мѣрѣ о своемъ сынѣ Асканіи (Іулѣ). Оправдываясь передъ Дидоной, Эней ссылается на судьбу Асканія. Вергиліева Дидона вообще очень привязана къ мальчику, напоминающему любимаго ея отца, но она не думаетъ о немъ въ самый моментъ смерти, мало того: въ бурномъ монологѣ передъ рѣшеніемъ покончить съ собой она задается даже, наподобіе Медеи или Эіеста, ужасною мыслью—изрубить и зажарить Асканія и поднести его отцу на обѣдѣ.

Овидіева Дидона непосредственно передъ самоубійствомъ черезчуръ занята именно любовью къ Асканію, отчасти повторяя заботы Юпитера и Энея: «о себѣ я не забочусь; нужно только пощадить маленькаго Іула»; Іулу она особенно желаетъ удачи и счастливаго исполненія того, что ему предназначено судьбою; мало того: понимая, какъ всѣ элегическія героини, въ родѣ юной Геро, что мужчины ищутъ себѣ развлеченія или отвлеченія въ войнѣ и охотѣ, она остроумно предлагаетъ Энею остаться съ Іуломъ въ Карфагенѣ: «если Іулу нуженъ триумфъ, если ему нуженъ врагъ для одержанія надъ нимъ побѣды, то мы его доставимъ. Вообще, Карфагенъ удобенъ и для военной и для гражданской законодательной дѣятельности».

Далѣе Эней у Вергилія въ первомъ отвѣтѣ на рѣчь обиженной Дидоны сказалъ, что ему никогда не будетъ *досадно* вспоминать (*pigebit*); примѣрно то же повторяетъ Дидона Овидія: «если бы Эней, помимо всѣхъ прочихъ соблазнительныхъ качествъ, отличался вѣрностью, то ни въ какомъ отношеніи нельзя было бы на него *досадовать* (*pigendus*)».

Отмѣтимъ затѣмъ курьезныя преувеличенія Вергилиевыхъ мотивовъ. Въ одинъ изъ моментовъ Дидона готова на уступки, готова поступиться чувствомъ своего достоинства, особенно сказавшимся передъ самой смертью: «моли врага,—говоритъ она Аннѣ,—чтобы онъ былъ гуманнѣе»; но при началѣ разрыва Дидона въ обращеніи къ Энею называетъ его «гостемъ», такъ какъ только это званіе осталось для нея отъ званія «супруга». Овидіева Дидона уступчивѣе: «если тебѣ стыдно называть меня своей женой, то называй меня принявшей тебя въ гости хозяйкой (*hospita*). Лишь бы Дидона была твоей, она согласится быть чѣмъ угодно!»

Дидона Вергилія проситъ Энея нѣкоторое время остаться, чтобы дать успокоиться ея безнадежной страсти. Дидона Овидія, повторяя эту просьбу, предупредительно добавляетъ: «поручи мнѣ самой наблюдать за погодой и за временемъ твоего отъѣзда; ты отпавишься позднѣе, и если ты захочешь отправиться, то я не дамъ тебѣ оставаться».

У Вергилія Эней въ первомъ отвѣтѣ на гнѣвную рѣчь Дидоны неловокъ и немного авантюристъ, у Овидія же онъ окончательно произведенъ въ таковыя, при чемъ Дидона, какъ и подобаешь всѣмъ Овидіевымъ ревнивымъ героинямъ, обнаруживаетъ нѣкоторую ревность къ будущимъ романическимъ успѣхамъ Энея. «Почему погибла его супруга Креуза? (О ней очень трогательно рассказано въ концѣ 2-й пѣсни Энеиды.) Несомнѣнно, потому, что она была покинута своимъ жестокимъ мужемъ». «Зачѣмъ Эней ѣдетъ въ Италію? Конечно, затѣмъ, чтобы оболстить и обмануть еще одну женщину и воспользоваться ея приданнымъ». «Не даромъ и боги наказываютъ подобнаго человѣка: вѣдь его ужъ седьмой годъ бури гоняють по морямъ и землямъ»

Мы подходимъ теперь къ особенно характернымъ Овидіевымъ мотивамъ этого посланія. У Дидоны сказывается уже (слишкомъ нелѣпо выдвинутое въ послѣдствіи Силіемъ Италикомъ) тщеславное соображеніе, что въ качествѣ жены Энея она—невѣстка Венеры; далѣе она резонно подчеркиваетъ, что Эней такимъ образомъ братъ Амура; отсюда одинъ только шагъ до извѣстнаго въ элегіи эротическаго тезиса, что любовь съ ея разнообразными лишеніями можно уподобить военной службѣ, и что герою романа, какія бы страны ему ни суждено было покорить, лучше бы вести, такъ сказать, *Krieg im Frieden* и служить въ лагерѣ Амура (32, ср. письмо Елены къ Парису: *bella gerant alii, tu, Pari, semper ama*; или Лаодаміи къ Протесилаю: *bella gerant alii, Protesilaus amet!*)

Но разъ зашла рѣчь объ эротикѣ Овидія, то надо отмѣтить еще одну тонкую подробность.

Мы сказали, что Овидій способенъ былъ кое-что понять въ композиціи Вергилія, между прочимъ ту поспѣшность, съ которой Дидона влюбилась въ Энея. Это выражено у него курьезно: «я отдала тебѣ царство, едва разслыхавъ твое имя». Это нѣсколько напоминаетъ псевдоромантическое разсужденіе Париса въ письмѣ его къ Еленѣ (XV, 36 слѣд.): «я почувствовалъ къ тебѣ страсть прежде, чѣмъ ты стала мнѣ знакома; твое лицо я видѣлъ душой своей прежде, чѣмъ глазами. Всему этому предшествовала слава о твоей красотѣ».

Далѣе, у Овидія проскальзываетъ столь свойственный ему юмористическій атеизмъ: «ты безбожникъ,—разсуждаетъ Дидона—тебѣ грѣшно касаться боговъ, и если именно тебѣ суждено было сдѣлаться почитателемъ пенатовъ, спасенныхъ изъ пламени, то жаль, что эти боги спаслись изъ пламени».

Многія героини Овидія любятъ ссылаться на атавизмъ или на систематическое преслѣдованіе судьбы (это, между прочимъ, одна изъ темъ Эврипида). И вотъ Овидіева Дидона на свой ладъ конспектируетъ эпизодъ изъ разсказа Вергилія. Оказывается, судьба преслѣдуетъ ее вплоть до смерти съ упорнымъ постоянствомъ: погибъ ея супругъ, она бѣжитъ въ изгнаніе отъ жестокаго брата, приплываетъ въ невѣдомыя страны, покупаетъ береговую полосу, которую потомъ даритъ вѣроломному Энею. Чужестранка и притомъ женщина, она живетъ въ новой странѣ на военномъ положеніи. Ее осаждаютъ женихи на томъ основаніи, что она предпочла имъ богъ знаетъ кого. Энею остается только предать ее въ руки Іарбы. Да и одинъ ли Іарба ей опасенъ? А безбожный братъ, уже обагрившій свои руки кровью ея мужа и желающій обагрить себя и ея кровью? (Это—нѣкоторый рефлексъ изъ перваго отвѣта Анны у Вергилія).

Дидона Вергилія часто ссылается на нарушеніе вѣрности праху Сихея. То же дѣлаетъ она и у Овидія: она готова идти къ Сихею, но она «полна стыда», а потому и медлитъ. При этомъ она въ тонѣ Овидіевой элегии и *Artis Amatoriae* своеобразно извиняетъ себя: конечно, ей стыдно, но вѣдь она напала на очень соблазнительнаго и искуснаго кавалера, что и уменьшаетъ ея провинность (ср. разсужденіе Елены въ отвѣтъ на письмо Париса, Нег. XVI, 65).

Есть у Овидія и чисто криминалистическіе мотивы. Такъ, подобно Ариаднѣ, покинутой Тезеємъ (Нег. X, 129), Дидона желаетъ, чтобы въ формулярѣ Энея красовались ея обольщеніе и ея смерть; въ концѣ посланія эти мотивы переплетаются съ курьезнымъ резонерствомъ и дешевыми риторическими фокусами: «О, если бы ты взглянулъ на видъ пишущей тебѣ! Я пишу, а надъ моей грудью—

троянской мечь! И со щекъ капають слезы на обнаженный мечь, который скоро вмѣсто слезъ будетъ обагрень кровью. До какой степени соотвѣтствуетъ твой даръ моей судьбѣ! Моя смерть тебѣ обходится такъ дешево. Впрочемъ, не въ первый разъ поражаетъ мое сердце ударъ: оно уже имѣетъ рану отъ грознаго Амура». (Эпитафія, которую сочиняетъ себѣ Дидона, намъ уже извѣстна.)

Въ этой послѣдней цитатѣ очень ясна женщина съ утонченнымъ риторическимъ образованіемъ, не покидающимъ ея до самаго момента самоубійства. И эта риторика разлита, иногда до игривости, во всемъ письмѣ Дидоны, ср. 8: «итакъ, одни и тѣ же вѣтры унесутъ и паруса твоихъ кораблей и твою вѣрность?» Ст. 9: «ты, значитъ, рѣшилъ *отвязаться* отъ нашего союза и *отвязать* свои корабли». 13: «ты бѣжишь отъ того, что уже сдѣлано, и стремишься къ тому, что предстоитъ еще сдѣлать». Обыкновенно герои жалуются на измѣнчивость своихъ вѣтреныхъ героевъ. Но эта Дидона игриво желаетъ, чтобы Эней уподобился по своей измѣнчивости вѣтрамъ, дующимъ теперь въ зимнее время. Эти измѣнчивые вѣтры и волны оказываются справедливыѣ Энея!

Въ своихъ *Amores*, да и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, Овидій любитъ острить надъ тѣмъ, какъ боги рѣкъ, боги *холодныхъ водъ*, могутъ чувствовать любовное *пламя* къ земнымъ красавицамъ. Его Дидона не воздержалась отъ противопоставленія воды и огня. Представляя себѣ, что Эней, спасшій изъ Трои пенатовъ, можетъ погибнуть на морѣ, она съ комизмомъ восклицаетъ: «неужели *волна* потопитъ спасенныхъ отъ *огня* боговъ?»

Наконецъ, еще одна, уже чисто литературная подробность: Овидію, этому распущенному юмористу, очень нравилось мрачное, трагическое *odi et amo* (ненавижу и люблю) Катулла. Въ нѣкоторыхъ своихъ элегіяхъ (*Amores*) онъ очень любитъ пародировать это изреченіе, иногда просто съ пошловатостью, иногда въ соединеніи съ юмористическимъ резонерствомъ (напр., *Amor. II. 4, 5; III. 11, 34: has amo, has odium, sed, rito, vincit amor* (III, 14, 39). Нѣчто подобное, только ужъ въ очень запутанной формѣ, мы встрѣчаемъ въ посланіи Дидоны (26—30): «И ночью, и днемъ я вспоминаю объ Энеѣ. Онъ, правда, благодаренъ и глухъ на мои дары, онъ таковъ, что я желала бы обходиться безъ него, если бы не была неразумной, и однако у меня нѣтъ ненависти къ Энею при всѣхъ его дурныхъ замыслахъ, но я жалуясь на его невѣрность, а послѣ этихъ жалобъ люблю его съ еще большей страстностью». (Ср. Катулль 72, ст. 5 слѣд.)

Въ заключеніе этого анализа позволимъ себѣ подробно разъяснить одно коренное различіе между Вергиліемъ и Овидіемъ. При-

помнимъ первую рѣчь Вергиліевой Дидоны къ Энею по поводу его отъѣзда. Начавъ ее въ тонѣ сильнаго негодованія, Дидона оканчиваетъ ее мягкимъ и полнымъ благородства призывомъ къ состраданію. Въдъ ей, между прочимъ, грозитъ положеніе плѣнницы у грубаго царя Іарбы, котораго она презираетъ. Но если бы у нея остался отъ связи съ Энеемъ сынъ, напоминающій его своею наружностью, и если бы этотъ ребенокъ игралъ у нея на дворѣ, то и съ положеніемъ плѣнницы она готова помириться (Аен. IV, 327).

У Овидія отсюда получился одинъ изъ серьезныхъ пунктовъ обвиненія (ст. 133): «преступный, ты, можешь быть, оставляешь Дидону беременной, и часть тебя, можешь быть, кроется заключенная въ моемъ тѣлѣ. Къ смерти матери прибавится смерть несчастнаго младенца, и ты будешь виновникомъ смерти того, кто еще не родился. Вмѣстѣ съ своей матерью погибнетъ братъ Іула...»

Но это типичная криминалистическая амплификація, и, по моему убѣжденію, въ этомъ измѣненіи Вергиліевского сюжета мы имѣемъ явный слѣдъ вліянія на Овидія риторической школы. Эней виновать 1) въ смерти того, кто еще не родился; 2) передъ Дидоной онъ виновать *вдвойнѣ*, такъ какъ къ ея смерти можетъ *прибавиться* (accedet—явная градація для усиленія эффекта) смерть воображаемаго ребенка; 3) Эней виновать и передъ собственнымъ сыномъ Іуломъ, который можетъ лишиться воображаемаго брата.

Приблизительно такую же амплификацію я нахожу въ знаменитой рѣчи Цицерона за Клеонція, именно въ 11-ой главѣ, гдѣ ораторъ говоритъ о злодѣянїяхъ Оппіаника: «такъ какъ Аурія, жена его брата, была беременна, и рассчитывали, что уже приближаются роды, то онъ умертвилъ ядомъ женщину, чтобы вмѣстѣ съ ней было убито и то, что было зачато отъ брата...» «Такимъ образомъ, онъ умертвилъ женщину, чтобы рожденное ею не отстранило его отъ братнина наслѣдства, а *дтей* брата онъ *лишилъ* жизни, *прежде чѣмъ они могли увидѣть этотъ предназначенный имъ природой свѣтъ...*» «Я припоминаю, что когда я былъ въ Азіи, то одна милесійская женщина за то, что она, взявъ съ наслѣдниковъ второй степени деньги, сама себѣ, при помощи лѣкарства, устроила преждевременные роды,—была осуждена на смерть какъ бы за уголовное преступленіе, и это справедливо, такъ какъ она *уничтожила надежду родителей, память имени, опору рода, наслѣдника семьи, будущаго гражданина государства*. Насколько большей кары достоинъ Оппіаникъ при нарушеніи такого же права! И дѣйствительно, она мучила сама себя, учинивъ насиліе надъ собственнымъ тѣломъ, а онъ достигъ того же самаго при помощи смерти и мученія чужого тѣла. Прочіе, какъ кажется, не могли

учинить *многихъ* убійствъ надъ *отдѣльными* людьми; нашелся Опшаникъ, который въ *одномъ* тѣлѣ убиваетъ *нѣсколькихъ*.

Схема Цицерона, пожалуй, еще подробнѣе, чѣмъ схема Овидія, но сходство между ними полное: вѣдь и у Цицерона дѣяніе Опшаника есть преступленіе по меньшей мѣрѣ 1) передъ беременной женщиной, 2) передъ неродившимся еще младенцемъ и 3) передъ родными младенца, въ частности—передъ его отцомъ.

Къ счастью, мы имѣемъ еще образецъ школьной декламациі на сходную тему изъ временъ имперіи (Ps. Quint. Decl. 277): «мужъ, застигнувши свою беременную жену in adulterio, убиваетъ ее. Его привлекають къ суду по обвиненію въ убійствѣ». Одинъ законъ прощаетъ мужу убійство жены, пойманной in adulterio, а другой отсрочиваетъ наказаніе беременныхъ до дня родовъ. Мужъ строить свое оправданіе на первомъ законѣ, но готовъ признать, что, съ точки зрѣнія второго закона, онъ дѣйствительно совершилъ чело-вѣкоубійство, и «если и число можетъ *увеличить* одіозную сторону его дѣянія, онъ убилъ *двухъ*» и т. д.

Вообще, кажется, довольно ясно, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ у Овидія locus communis уголовного краснорѣчія ¹⁾.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. М. Покровскій.

¹⁾ Послѣ этого намъ будетъ понятно одно неправильно истолкованное комментаторами мѣсто изъ 11-го посланія Овидія.

Тема этого посланія, крайне необычная для современнаго чело-вѣка, трактовалась однако греческими трагиками, начиная съ Эврипида, и состоитъ въ слѣдующемъ: дочь царя Эола Канака влюблена въ своего родного брата Макарея и беременна отъ него. Наступаютъ трудные роды. «Смерть была передъ моими глазами, пишетъ Канака, и Луцина (богиня родовъ) отказывала въ помощи; да если бы я и умерла, то самая смерть была бы тяжкимъ преступленіемъ» (ст. 56: et grave, si morerer, mors quoque crimen erat). Передъ кѣмъ была бы преступной эта смерть, спросимъ мы? Надо думать, передъ ребенкомъ,—ср. приведенный выше рассказъ Цицерона о женщи-нѣ изъ Милета. И вотъ Канаку утѣшаетъ ее братъ и между прочимъ говоритъ (ст. 59): „живи и гибелью тѣла *одного* существа не губи *двухъ*“ (nec unius corpore perde duos). По нашему это значить: „не губи себя и нашего ребенка“, и мы не можемъ согласиться съ комментаторомъ Овидіевыхъ посланій Palmer'омъ, который въ этихъ *двухъ* существахъ видитъ не Канаку съ ребенкомъ, а Канаку съ Мака-реемъ (*duos: yourself and me*).

Хроника науки, искусства и литературы.

Биологическія основы цивилизаціи. Развитие общественных союзов всюду совершается на почвѣ опредѣленныхъ біологическихъ и физиологическихъ условий. Уже марксизмъ заключаетъ въ себѣ слабые намеки на необходимость этого положенія. Но „личность“ и „общество“ съ точки зрѣнія социализма являются еще всецѣло абстрактными понятіями, лишенными крови и плоти. Теорія социализма не имѣетъ подъ собою антропологической опоры. Это ея роковой недостатокъ. Она совершенно упускаетъ изъ вида, что личность со всѣми ея врожденными способностями и особенностями органически срослена съ расою и семьею; что семья и племя и происходящіе изъ нихъ классы имѣютъ реальную антропологическую подкладку. Развитие способностей, интересовъ и потребностей неминуемо вызываетъ постоянную дифференцировку общества на отдѣльныя группы, которыя являются воплощеніемъ опредѣленныхъ естественно-историческихъ признаковъ и особенностей. Сущность общественно-политической организаціи народовъ останется невыясненной до тѣхъ поръ, пока *самъ человекъ будетъ играть въ исторіи роль тѣни и отвлеченнаго понятія*. Человека необходимо изучить въ томъ видѣ, въ какомъ мы дѣйствительно встрѣчаемъ его въ природѣ и въ исторіи. Изслѣдовать исключительно или преимущественно развитие политическихъ установленій, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, значитъ совершенно игнорировать реальное существованіе самого человека, его расъ, семей и индивидовъ, какъ органическихъ создателей и носителей политической и духовной исторіи. Эта односторонняя точка зрѣнія современнаго историческаго изслѣдованія какъ нельзя яснѣе характеризуется программю послѣдняго историко-научнаго конгресса въ Римѣ, гдѣ единственнымъ предметомъ обсужденій являлась исторія *идей* (языкъ, религія, право, искусство) и не принималась вовсе въ расчетъ исторія самого *человѣка*, какъ реальнаго источника этихъ наукъ, искусствъ и правовыхъ установленій.

I.

Весьма кстати для всѣхъ, кто не имѣетъ возможности слѣдить за спеціальною литературою, извѣстный политико-философъ Людвигъ Вольтманъ недавно опубликовалъ свою „политическую антропологию“ *), гдѣ,

*) Dr. Woltman, Politische Anthropologie. Eine Untersuchung über den Einfluss der Descendenztheorie auf die Lehre von der politischen Entwicklung der Völker. 1903.

насколько намъ извѣстно, впервые дается общепонятное и систематическое изложеніе вопроса о вліяніи біологическаго эволюціонизма на внутреннюю политическую жизнь народовъ. Съ понятіемъ *политической антропологии* связана вся масса тѣхъ біологическихъ условій, которыя оказываютъ вліяніе на общественно-политическую эволюцію человѣчества. Примѣненіе началъ теоріи эволюціи къ ученію о политическомъ и законодательномъ развитіи народовъ тождественно съ обоснованіемъ политической теоріи на естественно-историческихъ, т.-е. біологическихъ и антропологическихъ познаніяхъ. Естественно-историческое изслѣдованіе человѣка и его жизненныхъ условій, проливая свѣтъ на его врожденные, приобрѣтенныя и унаслѣдованныя силы и свойства, въ концѣ-концовъ приводитъ къ доказательству, что законы развитія этихъ силъ и свойствъ составляютъ основу всѣхъ тѣхъ политическихъ установленій, дѣйствій и представлений, которыя когда-либо имѣли мѣсто въ исторической эволюціи расъ человѣка.

Другими словами, біологическая исторія человѣческихъ расъ даетъ намъ ключъ къ уясненію исторіи развитія государствъ. Мало того: *всемирная исторія*, по выраженію Эрнста Геккеля, есть *особый отдѣлъ исторіи развитія организмовъ*.

Тѣ группы человѣчества, которыя составляютъ собою государство, рѣдко принадлежатъ какому-либо *одному* народу. Обыкновенно въ составъ государства входитъ нѣсколько народовъ, различныхъ по особенностямъ языка, обычаевъ, традицій, историческихъ судебъ. Понятіе *народа* опредѣляется лишь общностью рѣчи и т. назыв. „этнографическихъ“ признаковъ. Народы почти всюду возникаютъ изъ нѣсколькихъ или многихъ расовыхъ элементовъ. Понятіе же *расы* опредѣляется *общностью физическихъ и психическихъ признаковъ и кровнымъ родствомъ ея составныхъ элементовъ*. Отсюда для біо-политической науки вытекаетъ новая проблема, которая сводится къ выясненію зависимости нравственныхъ и духовныхъ силъ и способностей каждаго отдѣльнаго государства отъ физиологическихъ различій и особенностей составляющихъ его расъ и народовъ.

Мы знаемъ далѣе, что расы человѣка подвержены тѣмъ же общимъ біологическимъ законамъ измѣчивости и наслѣдственности, приспособляемости и отбора, кровнаго смѣшенія, усовершенствованія и вырожденія, какъ и всѣ прочіе организмы животнаго и растительнаго міра. Физиологическое оборудованіе органами, инстинктами и способностями, въ связи съ закономъ прогрессивной и регрессивной измѣчивости физической и психической сферы,—вотъ тѣ условія, которыя всецѣло рѣшаютъ историческую судьбу расъ, семей и индивидовъ. На этихъ началахъ Вольманъ пытается обосновать предлагаемую имъ естественно-историческую теорію развитія народовъ.

Легко усмотрѣть, что исходною точкою изслѣдованія въ данномъ случаѣ должна была служить прежде всего *эволюція* началъ государственныхъ установленій и учреждений, а также историческая дифференцировка ихъ въ главнѣйшія эпохи развитія. Другой путь—чисто-*біологическій*—стремится объяснить развитіе государства какъ продуктъ соціально-психической жизни организмовъ и ихъ отношеній между собою и къ окружающей средѣ. Наконецъ, прибѣгая къ даннымъ научной

антропологии, теорія эта пытается показать, какимъ образомъ и въ какой степени историческая судьба государствъ опредѣляется самой *природою челоѣка* и его расовою и интеллектуальною дифференцировкою.

II.

Теорія эволюціи, какъ ученіе о происхожденіи т. наз. видовъ, будучи примѣняема къ челоѣку, пытается выяснитъ не только филогенетическое происхожденіе челоѣка вообще, но и процессъ развитія его *расъ*.

Отсюда *историческое значеніе теоріи эволюціи*.

Біологія расъ открываетъ намъ прежде всего природу и сущность тѣхъ естественныхъ условій, отъ которыхъ зависитъ органическое развитіе вообще. Процессы дифференціаціи и приспособленія играютъ, какъ извѣстно, выдающуюся роль въ числѣ этихъ условій. Развитіе расъ является результатомъ разнородныхъ, но одновременно дѣйствующихъ причинъ, которыя въ концѣ-концовъ сводятся къ дифференцировкѣ, приспособленію, наслѣдственности и отбору въ борьбѣ за существованіе. Эти факторы вызываютъ не только измѣненія (варіаціи) вообще, но въ благопріятныхъ условіяхъ ведутъ къ усовершенствованію расовыхъ типовъ, въ неблагопріятныхъ—къ ихъ вырожденію и даже къ окончательной гибели.

Благодаря законамъ дифференціаціи, изъ одного первоначально однороднаго состоянія возникаютъ нѣкоторыя различія между собою состоянія или варіаціи. Конечныя причины появленія варіаціи намъ совершенно не извѣстны. Способность органическихъ существъ къ варіированію мы принимаемъ какъ данный фактъ. Мы знаемъ, кромѣ того, что принципъ дифференцировки дѣйствителенъ не только въ области развитія организмовъ, но сохраняетъ свою силу въ экономической, общественной и духовной жизни расъ челоѣка. Грубый необтесанный кремь, это первичное орудіе челоѣка, путемъ постепенной дифференціаціи и усовершенствованія въ концѣ-концовъ превратился въ рядъ простыхъ и сложныхъ машинъ нашей современной техники.

Но, кромѣ способности дифференцированія, организмы должны обладать свойствомъ *приспособленія* къ условіямъ окружающей среды, дабы вести успѣшную борьбу за существованіе. Приспособленію подлежатъ не только сфера питанія, но и сфера чувствительности и размноженія организмовъ. Особое же значеніе имѣетъ приспособленіе въ области *психической дѣятельности*, а также въ отношеніяхъ организмовъ къ общественной средѣ.

Приспособленіе однако же не безусловно тождественно съ усовершенствованіемъ, точно также какъ дифференцировка не всегда имѣетъ слѣдствіемъ появленіе болѣе совершеннаго на мѣсто менѣ совершеннаго. Усовершенствованіе въ абсолютномъ смыслѣ вытекаетъ только изъ одновременнаго дѣйствія *обоихъ* процессовъ, т.-е. дифференцировки и приспособленія, въ *одномъ и томъ же* организмѣ, и притомъ такъ, чтобы съ помощью возможно ничтожныхъ средствъ былъ достигнутъ возможно полный эффектъ. Въ этомъ смыслѣ позволительно сказать, что высшую ступень органическаго развитія занимаетъ организмъ челоѣка. Но своею высокою организаціею челоѣкъ обязанъ исключительно совершенству своей психической и умственной жизни и преобладающему

въ его организмѣ развитію головного мозга; въ отношеніи нѣкоторыхъ другихъ органовъ и частей, какъ, наприм., ноги и органовъ чувствъ, онъ устроенъ менѣе совершенно, чѣмъ многія животныя. Головной мозгъ, являясь источникомъ высшей *психической* дѣятельности, въ то же время опредѣляетъ собою все *физическое* развитіе человѣка. Въ прямой зависимости отъ увеличенія мозга у человѣка развилась способность прямой походки, столь рѣзко отличающая его отъ высшихъ животныхъ. Рука объ руку съ увеличеніемъ мозга въ эволюціи человѣка произошло постепенное обратное развитіе жевательнаго аппарата, а подъ влияніемъ функции членораздѣльной рѣчи на нижней челюсти появляется костный выступъ въ видѣ подбородка — образованія, составляющаго исключительную принадлежность человѣка.

Къ дѣйствию дифференцировки и приспособленія присоединяется естественный отборъ въ борьбѣ за существованіе. Дарвинъ опредѣлялъ естественный отборъ какъ „сохраненіе наиболѣе совершенныхъ“, что по Г. Спенсеру тождественно съ „переживаніемъ наиболѣе приспособленныхъ“. Спенсеръ пытался доказать, что въ борьбѣ за существованіе, физиологическими орудіями которой являются инстинкты самосохраненія и инстинктъ чрезмѣрнаго размноженія, сохраняются и передаются по наслѣдству лишь наиболѣе выгодныя въ этой борьбѣ свойства индивидовъ. По его мнѣнію, естественный отборъ — не только источникъ физическихъ силъ организма, но и причина развитія его наиболѣе сложныхъ инстинктовъ и врожденныхъ психическихъ наклонностей, которыя, какъ предполагалъ первоначально Ж. Ламарк, передаются неизмѣнно изъ поколѣнія въ поколѣніе до тѣхъ поръ, пока не наступитъ измѣненіе внѣшнихъ жизненныхъ условій. Проліявая, по словамъ Дарвина, свѣтъ на происхожденіе человѣка и на исторію этого происхожденія, теорія эволюціи доказываетъ близкое родство человѣка съ остальнымъ животнымъ міромъ. Какъ въ физическомъ отношеніи, такъ и въ психическомъ между человѣкомъ и млекопитающими не существуетъ фундаментальныхъ различій.

Зато самъ человѣкъ въ его физической и психической организаціи представляетъ рядъ замѣчательныхъ и рѣзкихъ особенностей, принадлежащихъ тѣмъ *расамъ*, на которыя онъ распадается. Чтобы объяснить возникновеніе человѣческихъ расъ изъ одного первоначально однороднаго типа, Дарвинъ вводитъ въ свое ученіе новый, добавочный факторъ, который, обуславливая собою появленіе вторичныхъ признаковъ пола, извѣстенъ подъ названіемъ *половою отбора*. Источникъ многихъ различій, свойственныхъ расамъ человѣка, вѣроятно слѣдуетъ искать именно въ этомъ направленіи; но и другія условія, какъ, наприм., географическое обособленіе, переселеніе, образованіе колоній, наконецъ т. назыв. физиологическій отборъ Ромалеса, имѣютъ извѣстное значеніе какъ вспомогательные факторы того могущественнаго естественнаго отбора, который лежитъ въ основѣ процесса сохраненія и усовершенствованія породъ.

III.

Основное положеніе исторической антропологии говоритъ намъ, что общественное, политическое и духовное развитіе человѣчества составляетъ результатъ физиологическаго процесса и что дифференцировка,

приспособленіе и отборъ отдѣльныхъ индивидовъ или группъ соотвѣтственно ихъ природнымъ способностямъ суть тѣ начала, которыя преимущественно опредѣляютъ собою происхождение и особенности тѣхъ или иныхъ политическихъ установленій.

Различныя группы человѣчества обнаруживаютъ вообще большое разнообразіе въ характерѣ своей духовной культуры и политическаго положенія. Различія эти до извѣстной степени, несомнѣнно, зависятъ отъ неодинаковости естественныхъ условій существованія и отъ историческаго и соціальнаго положенія расъ. Но главнымъ и рѣшающимъ факторомъ всюду являются коренныя различія *природныхъ способностей* расъ, семей и индивидовъ. Что такія естественныя или внутреннія различія дѣйствительно существуютъ между расами, въ настоящее время признается почти всѣми, не исключая даже тѣхъ, кто пытается свести все физическое и культурное разнообразіе народовъ къ географическимъ и другимъ чисто внѣшнимъ условіямъ. Спрашивается только: *идъ причина этихъ врожденныхъ или физиологическихъ различій?*

Мы знаемъ въ настоящее время, что они обусловлены прежде всего органическими особенностями и степенью работоспособности нервной системы и въ частности головного мозга. На природныхъ силахъ мозга основанъ духъ изобрѣтательности и предпріимчивости, инстинктъ открытій, способность къ воспріятію, усвоенію и разработкѣ чужихъ идей. Существуютъ расы, которыя исподволь и въ короткое время создали самостоятельную богатую культуру, въ то время какъ племена, живущія рядомъ съ ними въ одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ теченіе длинныхъ періодовъ времени не сумѣли подняться выше извѣстнаго культурнаго уровня. Коренная разница между тѣми и другими сводится, очевидно, къ особенностямъ ихъ душевной жизни. Въ числѣ врожденныхъ душевныхъ качествъ громадное политическое значеніе имѣютъ особенности т. наз. *расовою темперамента*, такъ какъ именно въ отношеніи темперамента расы человѣка обнаруживаютъ въ высшей степени рѣзкія между собою различія. Сильный темпераментъ, въ связи съ выдающимся интеллектуальнымъ развитіемъ, стремленіе къ свободѣ и изобрѣтательность—вотъ, по мнѣнію Вольмана, тѣ условія, отъ которыхъ преимущественно зависитъ уровень политической культуры человѣческихъ расъ. Флегматичный темпераментъ монгольской расы—причина неподвижности ея социальныхъ отношеній и упорнаго сохраненія традиціонно-монгольскаго образа жизни. Среди активныхъ расъ, къ которымъ относятся одни лишь арийцы, мы находимъ желаніе и стремленіе къ власти, самостоятельности и свободѣ, къ неутомимой дѣятельности и къ прогрессу; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ свойственъ инстинктъ изслѣдованія и провѣрки, упорство и склонность къ сомнѣнію. Пассивныя расы, составляющія громадное большинство народовъ и выступающія въ исторіи значительно раньше активныхъ, довольствуются поверхностнымъ наблюденіемъ; онѣ притомъ мало подвижны и большею частью лишены духа свободнаго художественнаго творчества.

Въ зависимости отъ тѣхъ же природныхъ различій темперамента однѣ расы отличаются грубостью нрава, воинственностью и властолюбіемъ; другія расы, какъ, наприм., египтяне, выказываютъ, напротивъ, мирный, мягкій, покорный характеръ. То, что историкъ привыкли на-

зывать слабыми и сильными народами, обусловлено главнымъ образомъ степенью ихъ активности, составляя, несомнѣнно, результатъ природнаго фізіологическаго неравенства человѣческихъ расъ.

IV.

Рука объ руку съ психическими различіями идутъ *особенности физической организаци*. Первыя съ точки зрѣнія обычнаго наблюдателя составляютъ какъ бы только внѣшнюю оболочку вторыхъ.

Среди болѣе способныхъ въ умственномъ отношеніи людей замѣченъ, наприм., болѣеій процентъ высокорослыхъ индивидовъ; а отъ развитія скелета и мышцъ и отъ пропорціональности сложенія тѣла (конечно, при равенствѣ прочихъ условій) зависятъ воинственныя силы, промышленная производительность и, въ связи съ этимъ, также національное богатство каждой расы. Главнѣйшіе же признаки уровня духовныхъ способностей сосредоточены, естественно, на черепѣ. Величина мозгового вмѣстилища, не будучи абсолютнымъ мѣриломъ умственныхъ силъ, ясно растетъ въ направленіи отъ низшихъ расъ (австралійцевъ, негровъ, малайцевъ) къ культурнымъ народамъ Азіи (монголы) и къ европейскимъ расамъ.

Однако черепъ, въ отношеніи его величины и формы, не болѣе чѣмъ оттискъ мозга. Вся судьба человѣческаго рода, замѣчаетъ одинъ выдающійся писатель, зависитъ отъ тѣхъ 60—70 кубическихъ дюймовъ мозгового вещества, которые черепъ обнимаютъ своими стѣнками. Эта мозговая масса можетъ быть уподоблена обширной книгѣ, въ которой безчисленными іероглифами записана исторія всего человѣчества.

Физиологія учитъ, что высшія психическія и интеллектуальныя функціи сосредоточены главныхъ образомъ въ переднихъ частяхъ или т. назыв. лобныхъ доляхъ мозга, которыя тѣмъ сильнѣе развиты, чѣмъ выше раса. У людей слабоумныхъ, а также у многихъ преступниковъ часто можно наблюдать недостаточно сформировавшуюся лобную область, въ то время какъ субъекты съ большими умственными способностями обыкновенно отличаются мощнымъ и широкимъ лбомъ. Чѣмъ больше лобъ, чѣмъ дальше онъ выдается впередъ, тѣмъ длиннѣе, по мнѣнію Вольмана, становится черепъ. Вотъ почему, заключаетъ онъ, длинная или т. назыв. долихоцефальная форма черепа должна считаться однимъ изъ признаковъ высокой умственной даровитости. Правда, австралійцы и негры также имѣютъ рѣзко удлинненную черепную чашу, но у нихъ долихоцефализмъ вызванъ исключительно разрастаніемъ заднихъ или затылочныхъ частей черепа и мозга, не имѣющихъ прямого отношенія къ умственнымъ функціямъ въ собственномъ смыслѣ.

V.

Распаденіе общества на *классы и сословія*—результатъ дальнѣйшей дифференцировки его физическихъ и психическихъ признаковъ, силъ и способностей.

Каждое сословіе носитъ совершенно опредѣленный антропологическій характеръ, который вырабатывается, съ одной стороны, на основаніи

врожденныхъ расовыхъ или племенныхъ особенностей, съ другой—въ силу варіацій и накопленія такихъ индивидуальныхъ признаковъ и способностей, которые встрѣчаются среди одной и той же расы. Во Франціи, въ Германіи и въ большинствѣ другихъ европейскихъ государствъ жители городовъ оказываются болѣе длинноголовыми, чѣмъ обитатели деревень. Въ рабочихъ классахъ преобладаетъ широкая или округлая форма головы; въ тѣхъ же слояхъ общества, гдѣ преимущественно развита умственная дѣятельность, чаще всего встрѣчается продолговатый типъ головы. „Квадратная голова“ въ Германіи считается эпитетомъ ограниченнаго человѣка. Въ Японіи высшія сословія отличаются отъ низшихъ болѣе высокимъ ростомъ, узкимъ лицомъ и продолговатымъ черепомъ. На островахъ Таити существуетъ особый т. назыв. *королевскій* типъ, представители котораго стройнѣе, выше ростомъ и менѣе смуглы, чѣмъ остальная масса народа. Въ государствахъ съ цвѣтнокожимъ и бѣлымъ населеніемъ послѣднее является господствующимъ общественнымъ и политическимъ элементомъ. Всѣ эти различія зависятъ не столько отъ условій питанія, упражненія или климата, сколько отъ врожденныхъ и унаслѣдованныхъ естественныхъ задатковъ. Такъ, наприм., особенности формы головы, несомнѣнно, врождены и неизмѣнчивы, точно также какъ объемъ головы и величина роста зависятъ прежде всего отъ врожденной энергіи развитія организма.

VI.

Если дѣйствительно характеръ государственныхъ установленій находится въ связи съ фізіологическими законами эволюціи расъ и если, какъ мы видѣли, сословія, профессіи и классы общества отличаются между собою такими особенностями, которыя основаны главнымъ образомъ на расовыхъ различіяхъ, то спрашивается: *какимъ образомъ антропологическіе задатки расъ являются основою культурно-историческаго развитія человечества?*

Какъ извѣстно, нѣкоторые антропологи вовсе отрицаютъ существованіе какой бы то ни было связи между расою и культурою. Другіе приписываютъ брахицефальнымъ расамъ извѣстныя духовныя преимущества передъ долихоцефальными, основываясь на томъ фактѣ, что древнѣйшіе черепа, найденные въ предѣлахъ Европы, оказались длинными и узкими, въ то время какъ съ прогрессомъ культуры въ раскопкахъ появляется все большее и большее количество брахицефальныхъ череповъ. Гердеръ выступаетъ убѣжденнымъ защитникомъ расово-исторической теоріи цивилизаціи. Онъ убѣдился, что источникомъ высшей культуры являются тѣ „пропорціонально сложенные, съ изящною наружностью“ расы, которыя мы находимъ на побережьи Средиземнаго моря. Это въ сущности тѣ же расы, которыя Клеммъ, исходя главнымъ образомъ изъ психологическихъ данныхъ, позднѣе назвалъ активными. Представители активныхъ расъ, по его мнѣнію, отличаются стройнымъ тѣлосложеніемъ, рослостью и физическою силою, округлымъ черепомъ и большимъ, выступающимъ впередъ лбомъ, волнистыми волосами и бѣлою нѣжною кожею. По нашимъ современнымъ понятіямъ, активные народы Клемма воплощаютъ въ себѣ всѣ существенные при-

знаки т. назыв. „кавказской“ расы или арийской расы въ обширномъ смыслѣ этого слова. Пассивные типы, въ числу которыхъ относятся прежде всего монголы, монголоиды и негры, существенно отличаются въ своихъ антропологическихъ признакахъ отъ арийцевъ. Ни одно изъ многочисленныхъ племенъ негроской расы не возвысилось надъ уровнемъ варварства и дикости. Изъ монголовъ только немногіе народы собственными силами достигли первыхъ ступеней цивилизаціи. Высшія произведенія самостоятельнаго культурнаго творчества мы встрѣчаемъ въ одной арийской или индоевропейской расѣ, у народовъ средиземной группы, которые позже всѣхъ другихъ появились на аренѣ исторіи. Арийская раса по своимъ природнымъ способностямъ, несомнѣнно, предопредѣлена къ роли носительницы всемірной цивилизаціи. Близость и кровная примѣсь ея всюду повышаютъ фізіологическое достоинство тѣхъ расъ, съ которыми она вступаетъ въ біологическій обмѣнъ.

При всемъ томъ расовыя преимущества арийцевъ, по мнѣнію Вольмана, удастся прослѣдить далеко за предѣлы европейскихъ народовъ. Инки, созидатели самородной американской культуры, по своимъ морфологическимъ признакамъ близко напоминаютъ кавказскую расу. Мы знаемъ также, что еще 400 лѣтъ до Колумба норманны открыли восточный берегъ Сѣверной Америки. Въ Китай, въ Вавилонію, въ Египетъ уже въ древнѣйшія времена большими массами проникали свѣтлокожіе завоеватели, оставляя всюду слѣды своихъ врожденныхъ расовыхъ задатковъ. Китайцы въ своихъ древнѣйшихъ пѣсняхъ называютъ самихъ себя почетнымъ именемъ „черноволосаго народа“ въ отличіе, какъ надо думать, отъ какихъ-то свѣтловолосыхъ пришельцевъ. А египтяне на памятникахъ, относящихся къ XIV вѣку дохристіанской эры, даютъ изображенія людей съ бѣлою кожей, голубыми глазами и свѣлорусыми волосами: очевидно, они уже въ то время были близко знакомы съ народомъ сѣверной (арийской) расы.

Менѣ ясны отношенія сѣверной свѣтлой расы къ культурамъ передней Азіи. Мы знаемъ однако, что эта раса участвовала въ культурной эволюціи евреевъ черезъ посредство малоазійскаго племени аморитовъ, слѣды которыхъ замѣтны еще среди современныхъ евреевъ. Въ средней Азіи и на югѣ Европы возникли тѣ обширные и многочисленные культурные центры, плодомъ которыхъ являются всѣ сокровища современной цивилизаціи. Индусы, персы, греки, римляне, развившись изъ той же русой и свѣтлокожей расы, давшей начало арийцамъ, лишь со временемъ, путемъ смѣшенія съ темнокожими аборигенами, потеряли свои первоначальные племенные признаки.

Въ связи съ этимъ фактомъ пріобрѣтаетъ огромный интересъ доказательство *европейскаго происхожденія т. наз. индогерманской расы*, долженствующее вытѣснить прежнюю, по мнѣнію Вольмана, Матіаса Муха и другихъ, мало обоснованную съ фактической стороны гипотезу происхожденія арийцевъ изъ Азіи какъ колыбели человеческого рода. Центромъ возникновенія индогерманской расы нѣкоторые считаютъ среднюю Европу, другіе—Скандинавію. Приверженцы этой гипотезы ссылаются на показанія римскихъ и греческихъ писателей, свидѣтельствующихъ, что въ классическую эпоху не только германцы, но и галлы и славяне отличались высокимъ ростомъ, русыми волосами, голубыми глазами и свѣтлою кожей. То же самое имѣло мѣсто въ доклассическую

эру у самих грековъ и римлянъ. Августъ, Неронъ, Гальба, Александръ Великій—типичные представители этой расы. Цезарь своимъ смуглымъ типомъ былъ обязанъ, повидимому, смѣшанному происхожденію.

VII.

При всемъ томъ врядъ ли основательно утверждать, какъ это дѣлаетъ Вольтманъ въ своей выше цитированной книгѣ, что вся европейская цивилизація, не исключая культуры славянскихъ и романскихъ народовъ, составляетъ проявленіе духовнаго творчества исключительно одной германской расы. Вольтманъ ссылается между прочимъ на то, что франки, лонгобарды, готы создали главнѣйшіе зачатки культуры въ Италіи, во Франціи и въ Испаніи. Это—общепризнанный историческій фактъ. Допустимъ даже, что „папство, возрожденіе, французская революція и наполеоновскія побѣды“ являются, по выраженію Вольтмана, „великими плодами германскаго духа“. Онъ указываетъ на „германскій“ типъ большинства папъ и на „германскія“ же черты лица Наполеона I. Но при этомъ онъ самъ соглашается, что народонаселеніе современной Германіи только въ очень незначительной степени сохранило „первоначальный германскій или арійскій типъ“ продолговатаго черепа, узкаго лица, высокорослости и свѣтлой окраски кожи и волосъ. Весь востокъ и югъ Германіи нынѣ населенъ смуглыми брахицефалами, и даже въ Норвегіи, гдѣ германская кровь сохранилась въ сравнительной чистотѣ, удается обнаружить присутствіе тѣхъ же круглоголовыхъ элементовъ, какъ и на материкѣ. Кромѣ того, называютъ германскихъ длинноголовыхъ блондиновъ представителями высшаго типа человѣчества значить идти наперекоръ всѣмъ даннымъ физиологіи и непосредственнаго антропологическаго наблюденія. Продолговатый черепъ, при равенствѣ прочихъ условий, всегда содержитъ въ себѣ, какъ показываютъ прямое измѣреніе и взвѣшиваніе, *меньше* мозговой субстанции, чѣмъ черепъ съ округленными очертаніями. Величайшіе мыслители и многіе выдающіеся государственные дѣятели, въ томъ числѣ, наприм., Кантъ, Карлъ Великій, Петръ I, Гельмгольцъ, Бисмаркъ, имѣли рѣзко выраженную брахицефальную форму черепа. Если судить по формѣ черепа, то высшимъ типомъ должны будутъ считаться скорѣе всего брахицефалы, которые въ силу ббльшаго богатства мозговой субстанции получаютъ несомнѣнный физиологическій порывъ надъ представителями длинноголовой разновидности. Ошибочно также думать, чтобы причиною длинноголовости могло служить преобладающее развитіе лобной части черепа и мозга (т.-е. высшихъ психическихъ центровъ). Это объясненіе, котораго до сихъ поръ придерживаются нѣкоторые изслѣдователи, является результатомъ простаго умозрительнаго построенія, лишеннаго всякой реальной основы.

Гипотеза о психическомъ превосходствѣ т. назыв. длинноголовой германской расы составляетъ одну изъ слабыхъ сторонъ исторической антропологіи.

Р. Вейнбергъ.

Комаринная теорія распространенія маляріи. Новѣйшіе успѣхи бактериологіи сдѣлали возможной успѣшную борьбу съ заразными бо-
лѣзнями не только посредствомъ вакцинъ и сыворотокъ, направленныхъ

противъ болѣзнетворныхъ микробовъ, но они дали ей въ руки орудіе для борьбы и съ самыми условіями ихъ распространенія. Однимъ изъ яркихъ примѣровъ послѣдняго рода борьбы съ заразными болѣзнями является удачное осуществленіе ряда мѣропріятій, направленныхъ противъ болотной лихорадки или маляріи.

Малярія принадлежитъ къ числу тяжелыхъ и широко распространенныхъ болѣзней; изъ-за нея многія мѣстности, особенно съ жаркимъ климатомъ, являются совершенно необитаемыми. Къ числу мѣстъ съ тяжелыми малярійными заболѣваніями принадлежатъ Тосканскія болота, вблизи Рима, устья Ганга и Инда, многія мѣста въ Месопотаміи, Алжиръ, гдѣ малярія производитъ настоящія опустошенія среди французскихъ войскъ и колоній и др. У насъ въ Россіи малярія распространена въ Приволжскихъ губ., въ южной Россіи, особенно въ устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское и Черное моря, на Кавказѣ и др.

Теченіе этой болѣзни, какъ извѣстно, характеризуется періодическими, съ большою правильностью повторяющимися подъемами температуры, доходящими до 40° и выше. По окончаніи такихъ приступовъ происходитъ быстрое пониженіе температуры, сопровождающееся обильнымъ потомъ и улучшеніемъ самочувствія. Чередованіе приступовъ съ пониженіемъ температуры продолжается долгое время и въ высшей степени изнуряетъ организмъ. Въ различныхъ формахъ маляріи промежутки между лихорадочными приступами бываютъ неодинаковой продолжительности. Въ зависимости отъ этого различаютъ нѣсколько типовъ лихорадки: двухдневная, или *febris tertiana*, если приступъ наступаетъ черезъ каждые 48 часовъ; трехдневная, или *febris quartana*, когда приступъ возобновляется черезъ 72 часа, наконецъ, тропическая лихорадка, въ которой продолжительность промежутковъ между приступами различна: иногда они наступаютъ черезъ день, иногда черезъ два и т. д.

Малярія принадлежитъ къ числу такихъ болѣзней, которыя даютъ только относительный иммунитетъ; извѣстно, что въ малярійныхъ мѣстностяхъ % заболѣвающихъ дѣтей гораздо больше, чѣмъ среди взрослыхъ; но, съ другой стороны, нерѣдко случается, что люди, перенесшіе болотную лихорадку хотя бы въ самой острой формѣ, не только не становятся къ ней невосприимчивыми, но, наоборотъ, могутъ имѣть въ послѣдствіи безконечное число рецидивовъ.

Строгая правильность, наблюдаемая въ теченіи этой болѣзни, всегда привлекала къ себѣ вниманіе человѣка, и уже давно высказывалась мысль о паразитарныхъ свойствахъ возбудителя маляріи. Заболѣваніе ею приписывалось проникновенію въ человѣческой организмъ различныхъ микроскопическихъ животныхъ, развивающихся при гніеніи растений и находящихся въ воздухѣ болотистыхъ мѣстностей. Съ неослабѣвающимъ интересомъ подвергали изслѣдованію съ цѣлью найти этого паразита какъ самого человѣка, такъ и все, что приходило съ нимъ въ непосредственное соприкосновеніе; но всѣ поиски оставались долгое время совершенно безплодными. Съ другой стороны, предполагали также, что заболѣваніе маляріей происходитъ отъ вредныхъ испареній и разнаго рода міазмовъ, исходящихъ отъ болотныхъ растений и отравляющихъ атмосферу. Подобнаго рода гипотезы, смѣняя одна другую, продолжали существовать до тѣхъ поръ, пока французскій ученый Laveran не открылъ настоящаго возбудителя маляріи, оказавшагося паразитомъ

животнаго происхожденія изъ класса простѣйшихъ (Protozoa) и получившаго въ бактериологiи названіе „плазмодія маляріи“¹⁾.

Когда открытіе Laveran'a сдѣлалось установленнымъ и воплѣтъ признаннымъ фактомъ, то явился, разумѣется, вопросъ о томъ, откуда же попадаетъ этотъ микробъ въ кровь человѣка?

Laveran'омъ и другими учеными тщательно были изслѣдованы почва, вода, воздухъ съ цѣлью выяснить, не находится ли этотъ паразитъ гдѣ-либо во внѣшней природѣ. Но всѣ такія попытки давали всегда отрицательные результаты. Послѣ этого Laveran обратилъ вниманіе на возможность передачи маляріи насѣкомыми и высказалъ предположеніе, что въ качествѣ такихъ передатчиковъ являются комары. Такое предположеніе казалось особенно правдоподобнымъ въ виду общепризнанной связи между маляріей и болотистыми сырыми мѣстностями, изобилующими комарами.

Вслѣдъ затѣмъ идея Laveran'a была блестящимъ образомъ подтверждена англійскимъ ученымъ Ross'омъ, которому удалось прослѣдить судьбу малярійнаго паразита, попавшаго въ организмъ комара, отъ самаго момента укуса больного до момента зараженія этимъ комаромъ здороваго человѣка. Эти наблюденія были подтверждены цѣлымъ рядомъ ученыхъ, особенно итальянскихъ авторовъ, которые къ даннымъ, полученнымъ Ross'омъ, прибавили весьма убѣдительныя экспериментальныя изслѣдованія. Такъ, напр., давая кусать здороваго человѣка комарамъ, насосавшимся крови малярика, они всегда вызывали зараженіе здороваго человѣка болотной лихорадкой.

Особенно интересны опыты англійскаго ученаго Manson'a, который задался цѣлью воспроизвести искусственно малярію въ мѣстности, гдѣ никогда не наблюдалось этой болѣзни. Для этого онъ выписалъ комаровъ, насосавшихся крови маляриковъ, и подвергъ ихъ укусу совершенно здороваго человѣка (своего сына), никогда не страдавшаго маляріей, который и не замедлил заразиться.

Изслѣдованія Ross'a доказали, что комары являются не простыми передатчиками заразы, но что ихъ организмъ служитъ для малярійнаго паразита средой, гдѣ происходитъ развитіе его половой стадіи. Такимъ образомъ удалось прослѣдить полный циклъ развитія этого плазмодія, о чемъ въ общихъ чертахъ мы здѣсь и скажемъ.

Малярійный микробъ принадлежитъ къ тому типу паразитовъ, которые совершаютъ полный циклъ своего развитія не въ одномъ, а въ различныхъ избранныхъ ими организмахъ, въ данномъ случаѣ въ человѣкѣ и комарѣ. Въ организмѣ человѣка этотъ паразитъ проходитъ только бесполой циклъ развитія. Разсматривая подъ микроскопомъ кровь больного, можно наблюдать всѣ послѣдовательныя стадіи этого развитія. Молодые паразиты имѣютъ видъ маленькихъ амебъ, выпускающихъ псевдоподіи и двигающихся съ помощью ихъ; они помѣщаются обыкновенно въ красныхъ кровяныхъ шарикахъ, гдѣ и живутъ, питаясь на ихъ счетъ и увеличиваясь въ объемѣ, при этомъ они перерабатываютъ гемоглобинъ красныхъ кровяныхъ шариковъ въ особый пигментъ, меланинъ, который въ видѣ черныхъ зеренъ всегда можно наблюдать въ

¹⁾ Различныя формы маляріи—*f. tertiana*, *quartana* и *tropica*—обусловливаются, повидимому, различными видами паразита.

тѣлѣ паразита. По достиженіи зрѣлаго возраста паразитъ подвергается процессу дѣленія, при чемъ каждая вновь образующаяся часть даетъ новаго молодого паразита. Затѣмъ кровяной шарикъ разрывается, и паразиты появляются свободными въ плазмѣ крови, гдѣ они и плаваютъ, пока не фиксируются въ свою очередь на красныхъ кровяныхъ шариковъ. Это—моментъ, когда наступаетъ лихорадочный приступъ.

Послѣ нѣсколькихъ поколѣній такого безполаго размноженія малярийнаго паразита наступаетъ моментъ, когда на ряду съ безполыми элементами образуются и половыя кѣтки, мужскія и женскія (гаметы). Эти гаметы на ряду съ безполыми кѣтками—шизонтами—лежатъ въ красномъ шарикѣ; они имѣютъ, подобно шизонтамъ, округлую форму и вообще очень похожи на безполая кѣтки; въ одной только тропической лихорадкѣ гаметы характеризуются особой оригинальной формой полулунія ¹⁾ („croissant“ французскихъ авторовъ).

Несмотря на появленіе половыхъ элементовъ, процессъ оплодотворенія никогда не имѣетъ мѣста въ тѣлѣ человѣка. Для наступленія его половымъ кѣткамъ необходимо проникнуть въ тѣло комара, куда онѣ попадаютъ при укусѣ вмѣстѣ съ кровью. Оплодотвореніе наступаетъ въ кишечникѣ комара: мужскія половыя кѣтки выпускаютъ изъ себя бичи, которые отрываются отъ этихъ послѣднихъ и, быстро двигаясь, направляются къ женской гаметѣ (макрогамета) и, проникая въ нее, оплодотворяютъ ее, послѣ чего женская гамета превращается въ длинную подвижную форму, напоминающую червячковъ (14—18 μ длины)—Ookinete, по терминологіи Schaudin'a. Черезъ сутки и болѣе эти червячки проникаютъ въ стѣнку желудка комара, теряютъ свою подвижность и превращаются въ особыя овальныя образования, называемыя кистой (отъ 60 μ —80 μ). На гистологическихъ препаратахъ изъ комаровъ, напившихся человѣческой крови, можно замѣтить въ толщѣ желудочной стѣнки ихъ по нѣскольку кистъ, иногда даже болѣе сотни. По прошествіи нѣкотораго времени, приблизительно недѣли или нѣсколько болѣе, въ кистѣ наступаетъ процессъ дѣленія, результатомъ чего являются многочисленныя кѣтки, которыя превращаются затѣмъ въ узкія длинныя кѣтки—спорозонты; киста вслѣдъ затѣмъ лопається, спорозонты освобождаются, проникаютъ въ слюнные железы комара и оттуда при укусѣ человѣка попадаютъ въ кровь. Зараженіе человѣка маляріей произошло.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что человѣкъ для того, чтобы заразиться маляріей, долженъ быть непременно укушенъ комаромъ и именно такимъ, который передъ тѣмъ насосался крови малярийнаго больного и въ которомъ паразитъ успѣлъ уже продѣлать весь циклъ своего полового развитія. По изслѣдованіямъ Ross'a, время, необходимое для этого, находится въ зависимости отъ температуры: чѣмъ она выше, тѣмъ срокъ

¹⁾ Для болѣе детальнаго изученія строенія малярийнаго плазмодія въ бактериологіи употребляютъ различные методы окраски (Романовскаго, Ruge и др.), дающіе обыкновенно красивыя и демонстративныя картины. Паразитъ рельефно выступаетъ на фонѣ занятаго имъ краснаго кровянаго тѣльца, обнаруживая ядро, зернистую протоплазму и черныя пигменты. Протоплазма бываетъ окрашена обыкновенно въ голубой цвѣтъ, хроматинъ въ красный, а пигментъ рельефно выступаетъ въ видѣ черныхъ зеренъ.

полового развитія комара короче. Такъ, напр., при 14—15° развитіе паразита febris tertiana совсѣмъ приостанавливается; при 20 — 22° оно протекаетъ медленно и заканчивается въ теченіе 12 — 14 дней, а при 25 — 30° для этого требуется 6—7 дней.

Для развитія паразита feb. tropica нужна высокая температура тропическихъ странъ, чѣмъ и объясняется, что эта форма лихорадки обыкновенно не наблюдается въ нашихъ сѣверныхъ широтахъ.

Весьма интересно, что далеко не всѣ виды комаровъ способны передавать человеку малярію. Этимъ свойствомъ отличается только одинъ видъ, такъ называем. *Anopheles maculipennis*, такъ какъ именно этотъ видъ комаровъ представляетъ всѣ условія, необходимыя для развитія малярійнаго паразита.

На этихъ-то биологическихъ условіяхъ развитія малярійнаго паразита и основаны были въ послѣднее время рациональныя мѣры борьбы противъ этой болѣзни.

При этомъ допускается, что распространеніе маляріи при помощи комаровъ составляетъ если не единственный, то по крайней мѣрѣ главный способъ распространенія этой болѣзни.

На него-то поэтому должно быть направлено все вниманіе. Естественно, что прежде всего является вопросъ о томъ, какимъ образомъ оградить обитателей малярійныхъ мѣстъ отъ опасности укушенія комаровъ? Основанные на этомъ приемы борьбы съ комарами были дѣйствительно предложены и съ большимъ успѣхомъ примѣнены въ различныхъ странахъ и въ особенности въ Италіи; эти приемы состояли въ слѣдующемъ: съ одной стороны, стремились къ тому, чтобы защитить людей различными механическими дѣйствіями отъ укусовъ комаровъ. Для этой цѣли употребляли сѣтки, закрывающія лицо, руки, а кромѣ того, окна и двери жилищъ. Съ другой стороны, старались уничтожать личинки комаровъ, уничтожая болота, различныя стоячія воды, заброшенные колодцы и вообще всякіе водоемы, въ которыхъ всегда могутъ развиваться эти личинки. Предложено было вливать въ такую воду керосинъ¹⁾, чтобы затруднить развитіе комариныхъ личинокъ; принимались также мѣры къ осушенію болотъ при помощи дренажей, культивированія почвы и т. п. средствъ.

Всѣ эти мѣропріятія, несмотря на ихъ безспорное значеніе, не являются единственнымъ возможнымъ средствомъ для борьбы съ маляріей. Кохъ впервые обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что если комаръ является единственнымъ распространителемъ малярійнаго паразита, котораго онъ въ свою очередь можетъ получить исключительно отъ больного человека, то, очевидно, представляется возможность препятствовать распространенію маляріи, помимо механическихъ приемовъ, еще и путемъ систематическаго изслѣдованія крови населенія малярійныхъ мѣстностей и лѣченія маляриковъ. Совершенно понятно, что чѣмъ меньше будетъ малярійныхъ больныхъ, тѣмъ меньше шансовъ будетъ для зараженія комаровъ при укусѣ человека и слѣдовательно для дальнѣйшаго распространенія этой болѣзни. Такого рода борьба съ малярійнымъ пара-

1) Обыкновенно достаточно бываетъ небольшого количества керосина, который разливаютъ тонкимъ слоемъ по поверхности воды; такъ, вычислено, что 15 к. с. керосина достаточно для 1 кв. метра воды.

зитомъ основана на приѣмахъ хинина. Его даютъ не только больнымъ, но и здоровымъ съ цѣлью предупрежденія болѣзни. Въ послѣднемъ случаѣ даютъ обыкновенно или ежедневно передъ ѣдой небольшія дозы, около 5 гранъ, или большія количества, по 16—20 гранъ въ продолженіи 2—3-хъ дней съ перерывами по 8 дней (Кохъ). Въ случаяхъ же, если болѣзнь уже разыгралась, приемы хинина назначаютъ часовъ за 6 до начала приступа. Дѣлаютъ это потому, что хининъ всасывается сравнительно медленно, а между тѣмъ необходимо, чтобы онъ успѣлъ проникнуть въ кровь къ моменту появленія въ ней молодыхъ паразитовъ, чтобы создать такимъ образомъ для нихъ неблагопріятную почву.

Всѣ эти мѣропріятія, направленные противъ малярій, какъ механическія, такъ и химическія (хининъ), дали прекрасные результаты.

Слѣдующія цифры хорошо иллюстрируютъ результаты борьбы съ маляріей въ Италіи при помощи однихъ металлическихъ сѣтокъ.

Изъ числа 4.363 лицъ, защищенныхъ сѣтками, количество лицъ, заболѣвшихъ маляріей было 1,9%. Изъ числа 802 лицъ, не вполне защищенныхъ отъ укуса комаровъ (т.-е. эти люди были защищены только ночью, въ спальняхъ) число заболѣваній маляріей было 10,9.

Среди лицъ, вовсе не защищенныхъ сѣтками и жившихъ въ тѣхъ же мѣстахъ, что и двѣ вышеупомянутыя категоріи лицъ, число заболѣвшихъ равнялось 40—60% и даже въ одномъ случаѣ процентъ равнялся—96%.

Убѣдительны также результаты, которые недавно были получены въ этомъ отношеніи специально составленной комиссіей изъ нѣкоторыхъ сотрудниковъ парижскаго Пастеровскаго института, докторовъ Ed. и Et. Sergent. Комиссія имѣла цѣлью механическими мѣрами (употребленіе сѣтокъ и уничтоженіе комариныхъ личинокъ) предохранить, насколько возможно, отъ малярій европейскихъ колонистовъ, жившихъ въ Алжирѣ, въ мѣстности, гдѣ особенно была распространена эта болѣзнь. Мѣстность эта находилась по линіи желѣзной дороги, между городами Альмой и Константиной. По справкамъ, наведеннымъ д-рами Sergent, оказалось, что въ этой мѣстности до примѣненія противомаларійныхъ мѣръ, изъ 81 вновь прибывшихъ сюда европейцевъ въ одно лѣто было 79,3% заболѣваній, изъ которыхъ два случая сопровождались смертью, и вообще статистика малярійныхъ заболѣваній давала очень крупныя цифры.

Послѣ же примѣненія сѣтокъ и уничтоженія личинокъ процентъ заболѣваній значительно понизился. Такъ, изъ 62 лицъ, жившихъ въ вышеозначенной мѣстности лѣтомъ 1903 года, только 4 лица заболѣли маляріей, что составляетъ 6,45%, тогда какъ предыдущимъ лѣтомъ, когда мѣры противомаларійныя примѣнены не были, заболѣвшіе составляли 35,2%.

Въ Италіи и Австро-Венгріи рациональная борьба съ маляріей ведется даже путемъ законодательныхъ мѣръ¹⁾.

23 декабря 1900 года въ Италіи былъ изданъ законъ, касающійся продажи хинина, при чемъ министру финансовъ предоставлялось право, насколько возможно, удешевить продажу хинина и сдѣлать его вполне

¹⁾ Цитировано по статьѣ д-ра Игнатъева изъ „Трудовъ комиссіи по изученію малярій въ Россіи“, изд. общ. русскихъ врачей въ память Пирогова.

доступнымъ для бѣднѣйшаго населенія страны. Второй законъ отъ 2 ноября 1903 г. вмѣняетъ въ обязанность всесторонне и широко проведенную борьбу съ маляріею во всѣхъ областяхъ, признанныхъ маляріей, при чемъ всякое маляріейное заболѣваніе среди рабочаго населенія падаетъ на отвѣтственность администраціи и смерть рабочаго отъ маляріи даетъ право взыскивать соотвѣтственное вознагражденіе, подобно тому, какъ оно взыскивается за всякій несчастный случай съ рабочимъ ¹⁾.

На о-вѣ Корсикѣ французскимъ правительствомъ также приняты мѣры къ тому, чтобы во всѣхъ маляріейныхъ мѣстностяхъ продажа хирина была подчинена особому надзору, который обезпечивалъ бы бѣднѣйшему населенію приобрѣтеніе хирина хорошаго качества и по самой дешевой цѣнѣ.

Среди различныхъ учреждений, задавшихся цѣлью провести въ жизнь рациональную борьбу съ маляріей, слѣдуетъ указать на специальную комиссію, образованную при Пироговскомъ об-вѣ. Эта комиссія подъ руководствомъ Г. Н. Габричевскаго образовала минувшимъ лѣтомъ (1903 г.) двѣ противомаларійныя экспедиціи: одна дѣйствовала въ Воронежской губерніи, а другая—на Кавказѣ. Результаты въ обоихъ этихъ мѣстахъ были получены вполне удовлетворительные и тѣмъ болѣе удовлетворительные, если принять во вниманіе то обстоятельство, что невѣжество населенія въ избранныхъ маляріейныхъ районахъ (особенно деревня Отрожка Ворон. губ. и станц. Раздѣльная Юго-Вост. ж. д.) значительно препятствовало успѣшной борьбѣ съ маляріей (многіе крестьяне не давали брать кровь для изслѣдованія и отказывались отъ приема хирина).

Кавказская экспедиція основалась въ Евлахѣ (350 жителей), одной изъ самыхъ маляріейныхъ станцій Закавказской ж. д., и здѣсь были применены къ населенію профилактическія и лѣчебныя мѣры борьбы съ маляріей (механическія и химическія). Изъ отчета комиссіи видно, что за три лѣтнихъ мѣсяца удалось уменьшить заболѣванія вдвое по сравненію съ прошлымъ годомъ: вмѣсто 128,3% число заболѣваній понизилось до 61,7%. Интересно, что на сосѣдней станціи, гдѣ не были применены мѣры борьбы, число заболѣваній за то же время достигало высокой цифры 126,3%.

Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ о тѣхъ возраженіяхъ, которыя были сдѣланы различными авторами противъ комариной теоріи. Одно изъ болѣе существенныхъ возраженій этого рода указываетъ на то обстоятельство, что существуютъ мѣстности, въ которыхъ находится большое количество комаровъ рода *Anopheles*, а тѣмъ не менѣе маляріи не наблюдается. Это возраженіе, которое могло бы считаться довольно вѣскимъ, устраняется однако недавно сдѣланными наблюденіями, согласно которымъ среди *Anopheles* есть нѣсколько видовъ, неодинаково относящихся къ маляріейному паразиту. Оказывается, что только одинъ изъ этихъ видовъ, а именно *An. maculipennis* (s. *claviger*), представляетъ вполне благоприятныя условія для полового развитія паразита, и какъ разъ это тотъ именно видъ, который водится въ маляріейныхъ мѣстностяхъ. Наоборотъ, разновидности *Anopheles*, живущія въ

¹⁾ Д-ръ Игнатьевъ.

мѣстахъ, лишенныхъ маляріи, обладаютъ извѣстнымъ иммунитетомъ къ микробу этой болѣзни и не заражаются ею.

Другое возраженіе заключается въ томъ, что при извѣстныхъ условіяхъ наблюдается заболѣваніе маляріей при полномъ отсутствіи какихъ-либо комаровъ; это наблюдается обыкновенно раннею весной (февраль, мартъ—апрѣль), когда комары еще не беспокоятъ насъ своими укусами. И это возраженіе не можетъ считаться основательнымъ. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ дѣло идетъ о такъ называемыхъ весеннихъ рецидивахъ маляріи, которые являются у людей, уже раньше страдавшихъ этою болѣзью. Изслѣдованіе такихъ больныхъ показываетъ, что при новой вспышкѣ появляется обычно та же самая форма маляріи, которая была у нихъ наблюдаема и при первоначальномъ заболѣваніи. Мы должны поэтому допускать, что у такихъ больныхъ маляріинный паразитъ все время въ теченіе цѣлой зимы находился въ скрытомъ состояніи, въ глубоко лежащихъ органахъ, и только съ наступленіемъ весны проявилъ свою активность, и, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло не съ новымъ зараженіемъ, а съ обостреніемъ прежде бывшаго зараженія.

Наконецъ, указываютъ и такіе случаи, когда мѣстность болотистая и изобилующая комарами бываетъ свободна отъ маляріи. Во всѣхъ такихъ случаяхъ при ближайшемъ изученіи оказывалось, что водятся въ данной мѣстности комары принадлежатъ къ безвредному роду *Culex*.

Подводя итоги всему сказанному о комариной теоріи маляріи, мы должны признать, что до сихъ поръ противъ этой теоріи не было представлено ни одного основательнаго возраженія и что, наоборотъ, практическое примѣненіе мѣръ, основанныхъ на ней, вполне оправдало возложенныя на нее ожиданія и въ то же время представило новое доказательство въ пользу ея справедливости.

П. Цицлинская.

Философскій конгрессъ. — Второй международный философскій конгрессъ откроется въ воскресенье 4-го сентября (нов. ст.) въ два часа дня въ актовомъ залѣ Женевскаго университета и будетъ продолжаться слѣдующіе дни до вечера четверга, 8-го сентября.

Занятія конгресса будутъ происходить въ общихъ собраніяхъ и въ засѣданіяхъ секцій, руководимыхъ предсѣдателями секцій; въ случаѣ надобности секція могутъ быть раздѣлены на подсекція.

Общія собранія будутъ посвящены исключительно обсужденію вопросовъ, заранѣе намѣченныхъ организаціоннымъ комитетомъ и предложенныхъ докладчиками. Во время общихъ собраній не будетъ засѣданій секцій.

Будетъ пять секцій: 1) *Исторіи философіи*, 2) *Общей философіи и психологіи*, 3) *Практической философіи* (мораль, эстетика, социальная философія, философія религіи, философія права). — 4) *Логикѣ и философіи наукъ*, 5) *Исторіи наукъ*.

Сообщенія не могутъ продолжаться болѣе 15 минутъ. (Это правило не относится къ докладамъ.)

Нѣмецкій, англійскій, французскій и итальянскій языки признаны официальными языками конгресса.

Членскій взносъ—20 франковъ.

Литературное обозрѣніе.

I.

Священникъ Василій Оивейскій, жизнь котораго рассказалъ г. Л. Андреевъ ¹⁾, самъ въ душѣ своей, не сознавая того, прошелъ весь путь человѣческой мысли отъ наивной вѣры до самоопредѣленія. Онъ прошелъ его не въ отвлеченіи, какъ философъ, слѣдуя неотразимому развитію своей теоретической мысли, а по низу и неволью, гонимый впередъ отъ этапа къ этапу бичомъ своей личной судьбы. Его жизнь за то время, что мы ее видимъ, вся сводится къ мучительному рѣшенію вопроса о Богѣ и о таинственныхъ судьбахъ человѣческой жизни; но и поставилъ онъ себѣ этотъ вопросъ не по своей волѣ, и, рѣшая его, все время страстно желаетъ избавиться отъ него и радъ бы успокоиться на любомъ этапѣ.

Этотъ вопросъ ставить себѣ и болѣе или менѣе сознательно его рѣшаетъ каждый мыслящій человѣкъ—одинъ преимущественно теоретически, сразу въ общей формѣ, другой скорѣе прагматически, ища отвѣта на частныя недоумѣнія, возбуждаемая въ немъ его личной судьбой, и лишь постепенно, часто противъ воли, поднимаясь до общей постановки вопроса. Тѣхъ и другихъ можно сравнить съ дѣятелями французской и съ дѣятелями англійской революціи. Робеспьеръ или Барнавъ бросались на политическую арену воспламененные чтеніемъ Руссо и Монтескье, вдохновленные идеями свободы и равенства, и созданіе новаго строя начинали декларацией правъ. А Гэмпденъ лѣтъ до сорока мирнымъ хозяйникомъ прожилъ въ своемъ помѣстьи, среди будничныхъ дѣлъ, въ кругу семьи, можетъ быть нисколько не думая о политикѣ, и такъ прожилъ бы, вѣроятно, до конца своихъ дней, если бы король не нарушилъ его личного права—быть облагаемымъ не иначе, какъ съ согласія парламента: онъ отказывается платить ничтожный налогъ, попадаетъ подъ судъ и, защищая свое право, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и право всего англійскаго народа, вовлекается неволью въ политическую борьбу; и дальше онъ ведетъ эту борьбу шагъ за шагомъ, не требуя народо-властія, но упорно защищая отъ произвола каждое отдѣльное право народа, и ему навѣрное все время хочется, чтобы сталъ возможенъ миръ между королемъ и народомъ безъ вреда для послѣдняго и чтобы онъ

¹⁾ Сборникъ товарищества „Знаніе“, в. I. С.-Петербургъ, 1904.

самъ могъ вернуться въ свою тихую усадьбу. Какой изъ двухъ способовъ плодотворнѣе, едва ли можно рѣшить. Въ концѣ-концовъ и французская революція была вызвана не книгами Руссо, а подлинной жизнью, да и декларация правъ сослужила не малую службу народамъ. Отвлеченный и практический интересъ, элементы революціонный и консервативный равно присущи нашему духу, и человѣчество искони подвигалось впередъ обоими путями: стараясь упрочить частное старое и стараясь создать цѣлое новое. Одно можно сказать съ достовѣрностью, что родовыя боли конкретной мысли несравненно мучительнѣе, чѣмъ родовыя боли мысли теоретической.

Таковъ по типу своему о. Василій Өивейскій — человѣкъ, мыслящій противъ воли, увлекаемый частнымъ къ общему, консерваторъ, становящійся революционеромъ. Авторъ рассказываетъ, что въ началѣ описываемаго періода Василій Өивейскій вѣрилъ въ Бога торжественно и просто; вся дальнѣйшая его исторія есть исторія разложенія этой вѣры. Работа его мысли такъ страшно мучительна именно потому, что онъ ощущаетъ ее не какъ созиданіе новаго, всегда опьяняющее человѣческой умъ счастьемъ творчества, а какъ неудержимое разрушеніе привычнаго стараго, безчисленными нитями глубоко укоренившагося въ его нервной системѣ. Но для насъ, глядящихъ со стороны, это разрушеніе есть вмѣстѣ творчество, подобное превращенію куколки въ бабочку. Художникъ далъ намъ рѣдкій случай прослѣдить изнутри процессъ такого превращенія въ области духа; какъ историкъ, изучая причины и ходъ различныхъ революцій, обобщаетъ ихъ существенныя черты въ историческіе законы, такъ переворотъ, совершающійся въ душѣ неизвѣстнаго міру сельскаго священника, является для насъ прообразомъ общечеловѣческой трагедіи духа. Предъ нами типическая картина превращенія простой человѣческой особи въ человѣка.

Когда послѣ смерти сына Василій Өивейскій впервые увидалъ свою жену пьяною и по лицу ея понялъ, что это навсегда, что - то словно хрустнуло въ немъ и дало трещину; и, выйдя въ поле, онъ дважды передъ лицомъ пламеннаго неба, „точно кому-то возражая, кого-то страстно убѣждая и предостерегая“, повторилъ: я вѣрю. Всю жизнь крѣпко жила въ немъ вѣра, и онъ не замѣчалъ ея, какъ мы не замѣчаемъ нашего кровообращенія. Вѣра есть органическое чувство осмысленности и благолѣпія міровой жизни вопреки видимому безсмыслію и уродству ея явленій; разумною и гармоничною ощущалъ ее донинѣ и о. Василій, несмотря на постигавшія его невзгоды. Теперь два страшныхъ удара — гибель сына и пьянство жены — поколебали его душевное равновѣсіе; органическое чувство было нарушено, и онъ впервые созналъ въ себѣ вѣру, взглянулъ на нее и увидѣлъ, что она крѣпка. Эти два удара были такъ дико-нелѣпы и незаслуженны для его человѣческаго разума, что вѣра оказалась безсильною мгновенно оправдать ихъ, какъ въ прежніе разы, и заглушить мятежный вопросъ разума: почему? И вотъ вопросъ прозвучалъ въ душѣ о. Василія, и звукъ его былъ такъ чуждъ и страшенъ, что человѣкъ не узналъ своего собственнаго голоса и принялъ его за навожденіе. Но отнынѣ ему уже не заглушить въ себѣ этого вопроса, и, значить, вѣра его умерла, потому что онъ призвалъ зло и страданіе на судъ своего, человѣческаго разума, тогда какъ вѣра оправдываетъ міръ инымъ, божественнымъ разумомъ. Разумъ же чело-

вѣческій не отпускаетъ своихъ жертвъ; разъ онъ проснулся, его не усыпить ничѣмъ.

На первую минуту о. Василию показалось, что онъ стряхнулъ внезапное наводженіе; только разъ еще, послѣ безумной ночи зачатія, снова прозвучалъ въ полѣ его молитвенный вопль „я вѣрю“, а когда попадавъ забеременѣла и въ домъ стало хорошо, какъ у людей, на его душу опять сошелъ тихій и радостный покой. Но онъ „не замѣчалъ и не зналъ, что ко лбу его, гдѣ-то между бровями, безмолвно прилегаешь прозрачная тѣнь великой скорби“: среди объявшаго его покоя онъ чутѣмъ страшится новыхъ ударовъ, и не ихъ самихъ, а того временно-затихшаго бунта, который они неизбежно должны опять возбудить въ его душѣ.

И оно пришло, это новое испытаніе, страшнѣе всѣхъ прежнихъ. Новорожденный сынъ, который долженъ былъ вернуть въ домъ миръ и радость, унесенные погибшимъ первенцемъ, оказался идиотомъ, и попадавъ снова зашла. Молча и на видъ безучастно слушаетъ о. Василій дикія рѣчи жены, обезумѣвшей отъ боли и водки, неподвижно стоитъ потомъ у кровати, на которой она бьется въ бѣлой горячкѣ, спокойнымъ жестомъ поднимаетъ руки къ головѣ, и когда опускаетъ ихъ, между его пальцами дрожатъ длинныя, исчерна-сѣдые нити волосъ. И онъ думаетъ, думаетъ, думаетъ, и на всѣхъ его движеніяхъ явственно начертана глубокая дума. Онъ думаетъ „о Богѣ и о людяхъ, и о таинственныхъ судьбахъ человѣческой жизни“. Миръ, цѣльный въ его прежней вѣрѣ, теперь рушится передъ нимъ; онъ долженъ снова, уже однимъ своимъ человѣческимъ разумомъ, воссоздать его во всей стройности, или погибнуть.

И тутъ онъ впервые увидѣлъ то, чего раньше не зналъ. Пришла къ нему на исповѣдь одинокая старуха, похоронившая всѣхъ своихъ дѣтей и жившая подаяніемъ; слушая ее, онъ вдругъ былъ озаренъ мыслью, что ему дано узнавать отъ людей ту, самую тайную ихъ правду, которой они не говорятъ никому; и онъ съ изумленіемъ глядѣлъ на лицо женщины, точно озарившееся яркимъ свѣтомъ: на немъ была начертана какая-то ясная и загадочная правда о Богѣ и жизни. „И тутъ впервые на сороковомъ году своего бытія о. Василій Оивейскій понялъ глазами и слухомъ, и всѣми чувствами своими, что, кромѣ него, есть на землѣ другіе люди, подобныя ему существа, и у нихъ своя жизнь, свое горе,— своя судьба“. Онъ потерялъ одного ребенка, и изнемогъ, а она похоронила всѣхъ дѣтей: что же даетъ ей силу жить? „Какъ же ты живешь?“ съ недоумѣніемъ спрашиваетъ онъ ее, и жадно впирается въ нее глазами.

Теперь, когда вся земля, доселѣ пустынная, населилась для него людьми, подобными ему самому, онъ, въ страстномъ исканіи правды о жизни, принимается безъ устали выпытывать у людей, чѣмъ они живутъ: не узнаетъ ли онъ отъ нихъ этой правды. Онъ читаетъ ее на всѣхъ лицахъ, но не умѣетъ ее назвать; и вотъ онъ по цѣлымъ часамъ настойчиво допрашиваетъ исповѣдниковъ и, не зная, чего ищетъ, безъ жалости и стыда выворачиваетъ наружу все, чѣмъ живетъ человѣческая душа. Но уже скоро онъ понялъ, что и другіе люди не знаютъ правды о жизни; всѣ ее чувствовали, и никто не умѣлъ назвать ее человѣческимъ словомъ, такъ же какъ и онъ самъ.

Онъ уже зналъ, что вокругъ него люди и что они страдаютъ, но видѣлъ въ нихъ пока только средство для себя, которымъ надѣялся проникнуть въ тайпу; онъ еще „никого не любитъ“, какъ Настя, и отпускаетъ ту старуху безъ единого слова утѣшенія. Но скорбныя повѣсти исповѣдниковъ на этотъ разъ не даромъ вошли въ его слухъ. За десять лѣтъ священства онъ выслушалъ много исповѣдей, видѣлъ много измученныхъ лицъ и горькихъ слезъ, но душа его оставалась безучастной. Не то чтобы онъ не умѣлъ понимать чужого горя—мало ли онъ настрадался за всю свою жизнь! но вѣра все покрывала, все оправдывала въ чувствѣ еще раньше, чѣмъ сознание усиѣвало поставить вопросъ — зачѣмъ? Теперь плотина распалась, и въ измученную душу о. Василія хлынуло все безысходное человѣческое горе. Онъ впервые началъ узнавать гнѣвъ и жалость, другими глазами сталъ смотрѣть вокругъ себя, впервые увидалъ, что у него есть дочь и она несчастна, и когда приходитъ къ нему на исповѣдь Мосягинъ, онъ уже не только выпытываетъ у него правду о жизни („А кто помогаетъ тебѣ?“, „Чего же ты ждешь?“ и пр.), но и задыхается отъ жалости и боли и съ суровой лаской кладетъ руку на плечо мужика. Съ каждымъ часомъ все сильнѣе нарастаетъ въ немъ чувство неразрывной солидарности съ людьми: всѣ страдаютъ, всѣ кѣмъ-то жестоко обмануты, всѣ напряженно и страстно ждутъ чего-то отъ Бога. А онъ для нихъ на землѣ представитель Бога, ему несутъ они свои мольбы и жалобы; но что онъ можетъ сдѣлать для нихъ, „бесильный служитель всемогущаго Бога“? Теперь всѣ лившіяся передъ нимъ слезы какъ отравленныя иглы входили въ его сердце; „такъ стыдно ему было, какъ будто онъ совершилъ всѣ преступленія, какія есть въ мірѣ, онъ пролилъ всѣ слезы, онъ истерзалъ и изорвалъ въ клочки человѣческія сердца“.

Что же, развѣ онъ пересталъ вѣрить въ Бога? Конечно, нѣтъ. Но именно въ томъ ужасѣ его положенія, что, попрежнему вѣра во всевѣдущаго и всемогущаго Бога, онъ утратилъ органическое чувство незыблемой, хотя и непонятной человѣку, осмысленности бытія. Его проснувшійся разумъ взглянулъ на міръ и увидѣлъ, что все въ немъ дурно; творецъ міра остался на своемъ небесномъ престолѣ, но уже не какъ благое, хотя и непонятное намъ начало, а какъ жестокой и капризный тиранъ. Отнынѣ онъ не можетъ признать другой осмысленности, кромѣ той, которая представляется таковою человѣческому разуму; теперь уже ничѣмъ не можетъ быть оправдано въ его глазахъ то, что уродливо для его сознанія. Когда онъ кричитъ изступленно, поднявъ сжатый кулакъ: „И ты терпишь это!“, онъ тѣмъ самымъ ставитъ свой разумъ единымъ мѣриломъ законности, исключаящимъ всякое другое: онъ, Василій Оивейскій, призналъ вещь злой и нелѣпой, значить такую долженъ признавать ее и Богъ — какъ же Онъ терпитъ ее? О присущности Богу иного, высшаго разума, для котораго эта вещь — не зло, а благо, уже нѣтъ рѣчи. И Богъ терпитъ зло, равнодушно глядя на страданія людей; измученному человѣчеству не отъ кого ждать помощи — оно должно само исправить міръ и водворить на землѣ блаженство. Великій бунтъ противъ Бога разгорается въ душѣ Оивейскаго — и вмѣстѣ братская нѣжность къ людямъ: „Подобно жертвеннику пылала его душа, и каждого, кто подходилъ къ нему, хотѣлось ему заключить въ братскія объятія и сказать: „бѣдный другъ, давай бороться вмѣстѣ и пла-

вать и искать. Ибо ни откуда нѣтъ человѣку помощи“. И когда пришелъ къ нему безногий Трифонъ и рассказалъ ужасную исторію объ убитой дѣвочкѣ, онъ вспыхнулъ яростью не противъ убійцы, а противъ Бога: вѣдь это не червь, а человѣкъ — зачѣмъ же Ты оставилъ его? зачѣмъ допустилъ преступленіе? Не онъ виновенъ предъ Тобою, а Ты передъ нимъ, и Ты долженъ наградить его раемъ.

Тысячелѣтія назадъ такой же бунтъ противъ Бога былъ начертанъ огненными письменами въ еврейской книгѣ. Іовъ былъ непороченъ, справедливъ, богобоязненъ и удалялся отъ зла: самъ Господь сказалъ это о немъ сатанѣ; но чтобы испытать его, посѣтилъ его всѣмъ ужасомъ человѣческаго страданія. А Іовъ не зналъ, что это сдѣлано для его испытанія; онъ взглянулъ на свои муки, и вмѣстѣ на всю земную жизнь, взоромъ своего человѣческаго разума и увидѣлъ, что нѣтъ въ ней справедливости. И всѣ его рѣчи — раздирающій сердце вопль о справедливости, и именно о справедливости предъ очами человѣческаго разума. Всей силою нестерпимой скорби своей онъ жаждетъ одного — праваго суда между собою и Богомъ: „О, если бы я зналъ, гдѣ найти Его, и могъ подойти къ престолу Его! Я изложилъ бы предъ Нимъ дѣло мое, и уста мои наполнилъ бы оправданіями; узналъ бы слова, какими Онъ отвѣтитъ мнѣ, и понялъ бы, что Онъ скажетъ мнѣ. Тогда праведникъ могъ бы состязаться съ Нимъ, и я навсегда получилъ бы свободу отъ суди моего. Но Онъ не человѣкъ, какъ я, чтобы я могъ отвѣчать Ему и идти вмѣстѣ съ Нимъ на судъ! Нѣтъ между нами посредника, который положилъ бы руку свою на обоихъ насъ“.

Трагедія Іова заключается въ томъ, что, будучи непоколебимо увѣренъ въ премудрости Вседержителя, онъ въ то же время не можетъ отречься отъ собственнаго сознанія, проснувагося теперь: для этого сознанія ходъ земной жизни несправедливъ и уродливъ, а вѣдь онъ направляется всевидящей мудростью Бога, т.-е. несомнѣнно полонъ какого-то высшаго смысла и красоты. Примириться невозможно, а протестъ негѣпъ. И что всего ужаснѣе: на сторонѣ непонятной намъ Божественной правды — всемогущая сила, нашъ же для насъ непреложный разумъ безсиленъ сдвинуть соломинку. Іовъ знаетъ, что онъ невиненъ, тѣмъ болѣе невиненъ, что ни одно его движеніе не совершается вѣдъ воли Божьей; за что же Богъ покаралъ его? „Объяви мнѣ, за что Ты со мною борешься? Хорошо ли для Тебя, что Ты угнетаешь дѣло рукъ Твоихъ, а на совѣтъ нечестивыхъ посылаешь свѣтъ? Зачѣмъ Ты ищешь порока во мнѣ, хотя знаешь, что я не беззаконникъ и что некому избавить меня отъ руки Твоей? Твои руки трудились надо мною, Ты, какъ глину, обдѣлалъ меня, — зачѣмъ же Ты обращаешь меня въ прахъ? Зачѣмъ Ты скрывалъ въ сердцѣ Твоемъ, что, если я согрѣшу, Ты накажешь меня?“ Нѣтъ справедливости между Богомъ и человѣкомъ. Если я виновенъ — горе мнѣ! если и правъ, Ты захочешь, и объявишь меня виновнымъ. Вотъ — говоритъ Іовъ — нога моя твердо держалась стези Твоей, я хранилъ Твои пути и не уклонялся, и я былъ спокоенъ; но Ты потрясъ меня, взялъ меня за шею и избилъ. И такъ всюду: праведные погибаютъ, а беззаконный живетъ, достигаетъ старости и силами крѣпокъ; гдѣ же правосудіе? „Вотъ я кричу: обида! и никто не слушаетъ; вошю, и нѣтъ суда! ибо Онъ твердъ, и кто отклонить Его? Онъ дѣлаетъ, чего хочетъ душа Его. О, если бы человѣкъ могъ

имѣть состязаніе съ Богомъ, какъ сынъ человѣческой съ ближнимъ своимъ!"

И Богъ отвѣтилъ Іову. Онъ не пошелъ на судъ съ нимъ, не открылъ ему своихъ путей и законовъ своей справедливости, но развернулъ предъ нимъ дивную вереницу своихъ созданій во всей законѣности ихъ бытія: все создано Мною, Моей нечеловѣческой мудростью и нечеловѣческимъ могуществомъ, и каждое живетъ по своему закону. Таковъ ли Я, какъ ты? а если нѣтъ, зачѣмъ ты ищешь во Мнѣ *твоей* справедливости? Моя справедливость — иная; кто предварилъ Меня, чтобы мнѣ давать ему отчетъ? „И отвѣчалъ Іовъ Господу и сказалъ: Такъ, я говорилъ о томъ, чего не разумѣлъ, о дѣлахъ чудныхъ для меня, которыхъ я не зналъ. Я слышалъ о Тебѣ слухомъ уха; теперь же мои глаза видятъ Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаяваюсь въ прахѣ и пеплѣ“.

Іовъ смирился, т.-е. отрекся отъ своего разума, а смиреніе заслуживаетъ награды; и дѣйствительно, Богъ благословилъ его послѣдніе дни болѣе, нежели прежніе: у него было четырнадцать тысячъ мелкаго скота, шесть тысячъ верблюдовъ, тысяча паръ воловъ и тысяча ослицъ, и не было на всей землѣ такихъ прекрасныхъ женщинъ, какъ его дочери. Но какъ могъ онъ прожить спокойно на землѣ еще цѣлыхъ 140 лѣтъ, какъ достигъ того, что его разумъ, разъ прозрѣвъ, согласился снова не видѣть и не жаждать *своей* справедливости, объ этомъ Библія не говоритъ ничего.

Смирился въ прахѣ и пеплѣ и о. Василій Оивейскій, когда позналъ ужасную и неизъяснимую близость Бога. Страшной смертью умерла падья — послѣ столькихъ страданій, такого глубокаго униженія. *Это* уже не могло быть капризомъ какой-нибудь высшей воли: здѣсь явно былъ грозный и величественный замысль, иначе пришлось бы допустить такую дикую и бессмысленную свирѣпость, какой не въ силахъ постигнуть человѣческой умъ. И о. Василій громко и испуганно говоритъ: нѣтъ, нѣтъ! Ты правъ, я вѣрю, — и простирается ницъ предъ этимъ непонятнымъ, но явнымъ замысломъ. „Ужасы сомнѣній и пытующей мысли, страстный гнѣвъ и смѣлые крики возмущенной гордости человека“ — все умоляетъ, уступая мѣсто ощущенію силы и необыкновеннаго спокойствія. Теперь ему ясно, что тамъ, гдѣ онъ видѣлъ хаосъ и злую бессмыслицу, тамъ могучей рукой былъ начертанъ вѣрный и прямой путь. Съ тѣхъ поръ какъ онъ утратилъ органическое чувство міровой гармоніи и впервые свободно взглянулъ на жизнь, Богъ былъ для него лишь формальной силой: только теперь, увидѣвъ Бога глазами, какъ Іовъ, онъ ощутилъ его реальность всѣмъ своимъ существомъ.

Но на этомъ и кончается его сходство съ Іовомъ. Онъ покорился, но дорогой цѣной: онъ отрекается отъ своей воли, но только затѣмъ, чтобы сдѣлать самого Бога исполнителемъ своей правды. Вотъ почему его душа наполняется такимъ нестерпимымъ восторгомъ: его дѣло — въ могучей руцѣ; нѣтъ больше безсилія, нѣтъ больше бездны между разумомъ и силой; Богъ слился съ человѣкомъ, человѣческая справедливость ополчена всемогуществомъ Бога. Не бессмысленны были его страданія, а цѣлесообразны, и такъ какъ они были необыкновенны, то очевидно, что и цѣль ихъ была очень высока: онъ, Василій Оивейскій, явно избранъ Богомъ на невѣдомый подвигъ и невѣдомую жертву. Каковъ этотъ подвигъ — путь къ намѣченной цѣли — этого онъ, человѣкъ,

не долженъ знать; но цѣль эта — ничто иное, какъ осуществленіе требованій его собственнаго человѣческаго разума: спасеніе людей отъ золь и страданія, водвореніе на землѣ той осмысленности, того благолѣшя, какія провидитъ человѣческое сознаніе. Объ иной цѣли, чѣмъ эта, — о возможности какой-нибудь немыслимой для человѣка Божественной цѣли — нѣтъ и рѣчи. Человѣкъ согласился проходить свой путь съ занятыми глазами, ведомый Богомъ, но тѣмъ властнѣе хочетъ онъ, чтобы этотъ путь велъ туда, куда *ему* надо. Нѣтъ въ мірѣ хаоса, а есть одно *богочеловѣческое* дѣло, и исполнителемъ его избранъ онъ, Василій Фивейскій. Его страданія донинѣ были приготовленіемъ къ этому подвигу; теперь Богъ обратилъ всю его жизнь въ пустыню, снялъ съ него всѣ суетныя заботы — теперь онъ готовъ: „Милые братья! Пожалѣвъ насъ Господь, настала для насъ часъ милости Божіей!“

Но богочеловѣческая цѣль можетъ быть достигнута только богочеловѣческимъ средствомъ: такое средство — чудо, ибо только въ чудѣ сверхъестественная сила измѣняетъ сущность или законы міровыхъ частицъ. Итакъ, Богъ долженъ чудомъ чрезъ раба своего Василя осуществить цѣль, указанную Ему разумомъ этого Его раба: создать „міръ любви, міръ божественной справедливости, міръ свѣтлыхъ и безбоязненныхъ лицъ, не опозоренныхъ морщинами страданій, голода, болѣзней“. И, предписавъ въ неслыханной гордынѣ Богу *свою* цѣль, Фивейскій покорно склоняетъ голову и говоритъ: Да будетъ Твоя святая воля.

Отнынѣ его жизнь вся устремлена къ этому невѣдомому подвигу — къ чуду; онъ ждетъ терпѣливо, но съ полной увѣренностью, и старается только сохранить себя чистымъ до урочнаго часа. Всѣ часы его посвящены колѣнопреклоненной молитвѣ, — и кто еще молился какъ онъ, да и кто могъ молиться такъ, какъ этотъ человѣкъ, безраздѣльно и радостно слившійся съ Богомъ, вручившій Ему свой разумъ и принявшій въ себя Его власть? Онъ ждетъ спокойно. Какимъ восторгомъ наполняется его душа, когда онъ читаетъ о томъ, какъ Христосъ далъ зрѣніе слѣпорожденному! Есть чудо, есть! „Вѣрую, Господи! Вѣрую!“

Ему бы и ждать до конца терпѣливо, пока настанетъ урочный часъ, избраніе котораго предлежитъ не человѣку, а Богу; вѣдь знаетъ же онъ, что пути — въ рукѣ Божіей. Но вотъ на его глазахъ случилось опять нѣчто неслѣдное, дикое, бессмысленно-жестокое: убить обваломъ такъ много страдавшій Мосягинъ, и вотъ лежитъ въ гробу его зловонный, разлагающійся трупъ и возлѣ стоятъ обездоленные вдова и трое сиротъ. Смирись же, Василій Фивейскій: пути невѣдомы человѣку; останься спокоенъ въ радостномъ ожиданіи конечнаго чуда и не спрашивай объ отдѣльномъ явленіи — зачѣмъ? Но тамъ, гдѣ разумъ давно смирился, сердце не захотѣло молчать. Развѣ *такое* можетъ быть средствомъ, какова бы ни была цѣль? Нѣтъ, этого не можетъ быть! — до такой степени не можетъ быть, что этого вовсе и нѣтъ. Эти люди думаютъ, что Семень умеръ? Какіе смѣшныя! Богъ только придалъ ему такой видъ, чтобы на немъ явить чудо. Стоять ему, Фивейскому, сказать трупу: встань! и Семень встанетъ; вѣдь онъ объ этомъ договорился съ Богомъ, на этомъ условіи покорился Ему. „Тебѣ говорю, встань!“

— Ты обмануть меня хочешь?

— Такъ зачѣмъ же я вѣрилъ?

— Такъ зачѣмъ же Ты далъ мнѣ любовь къ людямъ и жалость— чтобы посмѣяться надо мною?

— Такъ зачѣмъ же всю жизнь мою Ты держалъ меня въ плѣну, въ рабствѣ, въ оковахъ? Ни мысли свободной! Ни чувства! Ни вдоха! Все однимъ Тобою, все для Тебя. Одинъ Ты! Ну, явись же—я жду.

Но Богъ не явился.

Въ этой поразительной мистеріи символически-реально воспроизведена извѣстная трагедія человѣческаго духа, его могучихъ порывовъ и жалкаго безсилія, — воспроизведена во всей ужасающей правдѣ своей безнадежности. Суровой скорбью и затаеннымъ гнѣвомъ дышатъ эти страницы, точно плачь Іереміи или мятежныя жалобы Іова; здѣсь скорбь о великомъ страданіи человѣчества, и еще большая скорбь о безсиліи человѣческаго разума и человѣческой любви. Таковъ нашъ роковой удѣлъ, и отъ него нѣтъ спасенія.

Но это не все. Въ предѣлахъ этой трагической участи намъ показана вся красота, все величіе человѣческаго духа; намъ показано, какъ только въ этой борьбѣ вырастаетъ человѣкъ до наивысшаго уровня. Такъ было съ Іаковомъ, когда онъ одинъ въ ночи боролся съ Богомъ: не одолѣвъ ни тотъ, ни другой, и Богъ, увидѣвъ, что не одолѣваетъ, повредилъ суставъ бедра у Іакова и не сказалъ ему имени своего; но Іаковъ заставилъ Его благословить себя. Никто не борется безнаказанно съ Богомъ, никому Онъ не называетъ себя, но борющагося съ нимъ Онъ благословляетъ. Не открылъ Онъ своего имени и Василию Өввейскому и тяжело ранилъ его, но зато и благословилъ лучшимъ своимъ благословіемъ: пониманіемъ и любовью. Въ борьбѣ его разумъ раскрылся и созналъ свое царственное величіе, его сердце расширилось и восприняло въ себя всю боль человѣчества, и умираетъ Василій Өввейскій уже не священникомъ с. Знаменскаго, а смѣлымъ ратоборцемъ за всемірную правду, осиленнымъ, но властнымъ, положивъ животъ за братьевъ своихъ. Метафизическій вопросъ неразрѣшимъ, но какъ могучъ и прекрасенъ духъ человѣческій въ своемъ расцвѣтѣ, чрезъ страданія познавшій Бога и въ немъ обнявшій весь міръ! „Умъ и сердце расплавились на огнѣ непознаваемой правды, и новая жизнь вошла въ старое тѣло“.

Такъ—чрезъ неимоверныя страданія—вошла новая жизнь и въ старое тѣло Лира. Кто узнаетъ капризнаго деспота первыхъ сценъ въ величественно-кроткомъ старцѣ съ мертвой Корделіей на рукахъ? Въ ту страшную ночь, когда и люди, и стихіи — все ополчилось на его дряхлую голову, пелена спадаетъ съ его глазъ. Чѣмъ можетъ небо оправдать его страданія? Оно молчитъ и втайнѣ готовитъ ему еще послѣдній, самый безжалостный ударъ — смерть вновь обрѣтенной Корделіи. Лиръ лежитъ во прахѣ, растоптанный жизнью какъ червь, но въ самомъ Лирѣ царственно выросъ человѣкъ, торжествующій надъ рокомъ, наблюдающій сущность дѣла, какъ посланникъ отъ боговъ, способный „прожить весь вѣкъ въ стѣнахъ темницы, не вѣдая тревоги и тоски“, обнимающій сердцемъ все, что страдаетъ на землѣ.

Вы, бѣдные, нагіе несчастливцы,
Гдѣ бы эту бурю ни встрѣчали вы,
Какъ вы перенесете ночь такую
Съ пустымъ желудкомъ, въ рубищѣ дырявомъ,
Безъ крова надъ бездомной головой?

Кто приютитъ васъ, бѣдные? Какъ мало
 Объ этомъ думалъ я! Учись, богачъ,
 Учись на дѣлѣ нуждамъ меньшихъ братьевъ,
 Горюй ихъ горемъ и избытокъ свой
 Имъ отдавай, *чтобъ оправдать тѣмъ небо.*

Пусть молчитъ жестокое небо,—онъ, человѣкъ, въ мѣру силъ своихъ прикроетъ земное горе пониманіемъ и любовью: „Нѣтъ въ мѣрѣ виноватыхъ! нѣтъ! я знаю! Я заступлюсь за всѣхъ!..“

II.

Всякое истинное произведеніе искусства символично, какъ символично любое явленіе жизни; отличіе повѣсти Л. Н. Андреева—въ сознательности и сгущенности ея символизма. Человѣческая жизнь разсматривается здѣсь *sub specie aeternitatis*; поэтъ не ограничивается изображеніемъ ея внѣшней оболочки, подъ которою мы сами, сквозь призму преходящихъ особенностей, могли бы угадывать вѣчныя и основныя теченія ея: нѣтъ, онъ раскрылъ предъ нами ея нѣдра, гдѣ временное и индивидуальное теряетъ свою силу, и показалъ намъ ее въ ея неизмѣнныхъ чертахъ. Эти черты лапидарны и стихійны, какъ коллизіи греческихъ драмъ,—что-то грандіозное, соединяющее въ себѣ безмѣрную скорбь съ зловѣщей таинственностью. Здѣсь во мракѣ и безмолвіи паритъ страшный рокъ, манящій взглядомъ и пожирающій человѣка, здѣсь плоть во тьмѣ находитъ свой путь и злобно покоряетъ себѣ духъ человѣческій, здѣсь изъ безумія рождается молитва, изъ молитвы—преступленіе и кара за него. Символизмъ этой картины неисчерпаемъ. Эта мать, безмѣрно тоскующая о сынѣ и требующая отъ мужа ласкъ, чтобы въ новомъ ребенкѣ воскресить себѣ умершаго, — что это: святость чистѣйшей скорби или кошунственный вызовъ Богу? И что такое этотъ отецъ, отвѣчающій на бѣшеную страсть жены такою же бѣшеною страстью, „въ которой было все: и свѣтлая надежда, и молитва, и безмѣрное отчаяніе великаго преступника“? Да, преступленіе: зачѣмъ ты въ скорби своей о женѣ и сынѣ мыслишь исправить сдѣланное Богомъ? И за преступленіе, рожденное любовью,—кара: рождается идиотъ, и чрезъ эту-то кару поднимается человѣкъ до престола Бога, чтобы потребовать отчета за все земное горе. Самъ этотъ идиотъ, подобно Калибану въ „Бурѣ“,—великій символъ косной, плотской силы въ природѣ и въ самомъ человѣкѣ, нарисованный съ такою безстрашною правдивостью, съ такимъ глубокимъ прозрѣніемъ, что, пристально вглядываясь въ него, чувствуешь, какъ волосъ поднимается дыбомъ. Въ тѣхъ строкахъ, гдѣ онъ изображенъ спящимъ, воплощена, кажется, цѣлая стихія—стихія слѣпой животности, жестокой и скорбной, тоскующей по свѣту, по духу: „И утомленнымъ было оно (лицо идиота), какъ лицо актера, измученнаго трудною игрою, и вокругъ огромнаго сомнутаго рта лежала тѣнь суровой печали. Какъ будто двѣ души было въ немъ, и когда одна спала, просыпалась другая, всезнающая и скорбная“. Онъ—кара родившему его, но и часть его: они нераздѣльны. Вотъ они въ глухую зимнюю ночь, одни бокъ о бокъ, какъ двое каторжниковъ, прикованныхъ къ одной тачкѣ,—отецъ, почти безплотный, весь охваченный мечтою о чудѣ, и его звѣроподобный сынъ; и въ ту минуту, когда отецъ въ безуміи неудержимаго восторга вопіетъ: „Вѣрую, Господи! Вѣрую!“ за его спиной раздается бессмысленный, зловѣщій хо-

хоть идиота. Но крайних предѣловъ глубины и вмѣстѣ потрясающаго ужаса достигаетъ символика въ послѣдней сценѣ, въ сценѣ воскресенія, когда на крикъ попа, обращенный къ черному гробу: „Да говори же ты, проклятое мясо!“ отвѣчаетъ *его* проклятое мясо—идиотъ, высовывающійся изъ гроба и вдругъ раздражающійся громовымъ хохотомъ, отъ котораго валятся стѣны, рушится куполъ,— „въ самыхъ основахъ своихъ разрушается и падаетъ мѣръ“.

И такъ все въ этой удивительной повѣсти полно глубокаго символическаго смысла. Съ безошибочной увѣренностью, точно въ ясновидѣнїи, чертитъ поэтъ таинственныя линїи человѣческихъ судебъ, обобщаетъ въ твердые образы зыбкія очертанія роковыхъ опредѣленій, слѣдитъ глубоко сокрытыя теченія жизни и духа. Навѣки типичными чертами изображенъ Василій Фивейскій, надъ жизнью котораго тяготѣтъ суровый и загадочный рокъ: онъ одинокъ среди людей, какъ планета среди планетъ, и особенный воздухъ, губительный и тлетворный, окружаетъ его, какъ облако. Символична и его жизнь, въ которой царитъ какаля-то таинственная закономерность: гибель сына „на седьмой годъ благополучія“, въ яркій лѣтній день, „когда слишкомъ свѣтло горитъ солнце и нестерпимо блеститъ зажженная имъ обманчивая рѣка“, „когда кругомъ радовались люди, животныя и поля“, и начинающійся отсюда непрерывный рядъ ударовъ, столь частый, какъ не бываетъ въ дѣйствительности,—эта зловѣщая преднамѣренность рока, вѣрная не фактически, а психологически, ибо именно такую— по пятамъ гонимую рокомъ— начинаетъ представляться человѣку и окружающимъ его жизнь, когда одно за другимъ постигнуть его два-три неожиданныхъ несчастія. Таковъ же и Иванъ Порфирычъ, балуемый счастьемъ, веселый и уважаемый людьми, таковъ и крестьянинъ Мосягинъ и т. д. Минутами обобщеніе поднимается до такой силы, какой достигали лишь величайшіе изъ художниковъ, Байронъ въ Манфредѣ или Тютчевъ въ иныхъ стихотвореніяхъ; таково приведенное выше описаніе спящаго идиота и особенно нѣкоторыя изъ описаній наружности Василія Фивейскаго: „Пунцовый отъ гнѣва, Иванъ Порфирычъ сверху взглянулъ на попа и застылъ съ раскрытымъ ртомъ. На него смотрѣли бездонно глубокіе глаза, черные и страшные, какъ вода болота, и чья-то могучая жизнь билась за ними, и чья-то грозная воля выходила оттуда, какъ заостренный мечъ. Одни глаза. Ни лица, ни тѣла не видѣлъ Иванъ Порфирычъ. Одни глаза, огромные, какъ стѣна, какъ алтарь, зяблющіе, таинственные, повелительные, глядѣли на него, и, точно обожженный, онъ безсознательно отмахнулся рукою и вышелъ, толкнувшись о притолку толстымъ плечомъ“.

И воплощена эта сгущенная символика въ удивительно простыхъ и осязательныхъ образахъ, начертанныхъ твердою рукою. Необъятная міровая драма разыгрывается въ тѣсныхъ предѣлахъ незамѣтной, обыденной жизни; въ этой глубоко-символической картинѣ каждый штрихъ— сама правда, нѣтъ натяжекъ и нѣтъ трагическихъ жестовъ. Фактически все такъ же просто, какъ внѣшняя жизнь, но психологически все страшно сосредоточено, точно поэтъ не просто смотритъ, а впивается взоромъ въ вещи и людей и читаетъ въ нихъ тѣ могущественныя, загадочныя движенія, которыя сродни стихіямъ. Поразительно его умѣніе видѣть зарожденіе и ростъ въ человѣческой душѣ тѣхъ наполовину фи-

зіологическихъ, наполовину духовныхъ чувствъ, которыя рѣдко достигаютъ сознанія, но являются главными двигателями человѣческой жизни. Когда, поглощенный своей неподвижною думой о жизни, попъ не поклонился старостѣ, и староста, презиравшій его за его несчастія, хотѣлъ строго посмотреть на него сверху внизъ, онъ „тутъ впервые замѣталъ, что попъ выше его ростомъ, хотя самъ онъ считался самымъ высокимъ человѣкомъ въ округѣ. И что-то пріятное мелькнуло въ этомъ открытіи, и неожиданно для себя староста пригласилъ: „Заходите какъ-нибудь“. Еще тоньше инья сцены между попомъ и его женою, безошибочнымъ чутьемъ постигающей его душевное состояніе; минутами точно молнія вдругъ прорѣзываетъ ея сознаніе, и она съ ужасающей ясностью видитъ, что онъ потерялъ вѣру или что онъ одинокъ, не принадлежитъ ни ей, ни кому. Твердою рукой изображаетъ авторъ тѣ неуловимые токи, которые исходятъ отъ человѣка и какимъ-то гипнозомъ охватываютъ близстоящихъ къ нему. Какъ удивительно изображено безпричинно-нервное настроеніе толпы, наполняющей церковь въ день погребенія Мосягина! или непреодолимая тревога, которую вселяетъ въ людей взоръ попа, готовящагося къ подвигу: „И неизвѣстно откуда—съ загадочныхъ ли словъ старосты или другого источника—по селу, а потомъ и дальше пошли смутные и тревожные слухи о знаменскомъ попѣ. Какъ дымная гарь отъ далекаго лѣснаго пожара, они двигались медленно и глухо, и никто не замѣчалъ ихъ прихода, и только взглянувъ другъ на друга и на потускнѣвшее солнце, люди понимали, что пришло что-то новое, необычное и тревожное“. Въ повѣсти нѣтъ и слѣда обычной литературной психологіи, такъ мало похожей на дѣйствительную: здѣсь все соткано изъ этихъ неуловимыхъ стихійныхъ движеній души, изъ этихъ взаимныхъ чувственныхъ токовъ, гдѣ нѣтъ послѣдовательной работы сознанія и въ немъ лишь внезапно вскрывается то, что назрѣло гдѣ-то въ тайникахъ духа, такъ, какъ оно всегда бываетъ въ жизни. Такими чертами изображена и вся душевная драма Фивейскаго—истинный перлъ художественной техники. Авторъ не водитъ насъ по лабиринту его души, самодовольно объясняя ее, какъ гидъ—иностранный музей; самъ попъ, сумрачный и неразговорчивый, произноситъ мало словъ; но въ его глазахъ, въ его поступи, въ его несложныхъ дѣйствіяхъ намъ открываются бездны и горы, чрезъ которыя восходитъ его путь до небснаго престола.

Не менѣе удивителенъ и языкъ, которымъ написана повѣсть. Ея символика, ея реализмъ и ея слогъ нераздѣлимы—они одушевлены однимъ и тѣмъ же могучимъ дыханіемъ. Въ тонѣ и построеніи этой ровной рѣчи такая страшная сила, точно сами говорятъ, воплотившись въ человѣкѣ, гнѣвъ и скорбь человѣческой души. У Готфрида Келлера есть разсказъ о девяти музахъ. Онѣ были осуждены жить въ подземномъ царствѣ, и только когда на Олимпѣ устраивалось празднество, ихъ призывали туда, чтобы онѣ своимъ пѣніемъ улаждали слухъ небожителей. И вотъ однажды онѣ рѣшили сложить такую пѣсню, которая заставила бы боговъ скалиться надъ ихъ участіемъ и взять ихъ на Олимпъ; и въ слѣдующій разъ, когда ихъ призывали туда, онѣ запѣли потрясающую пѣсню о неприютности и тьмѣ подземнаго міра, гдѣ имъ суждено томиться вѣчно, и о своей тоскѣ по лучезарнымъ вершинамъ Олимпа. И, слушая ихъ, плакали боги. Такова „Жизнь Василия Фивейскаго“.

М. Гершензонъ.

Библиографія.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Земство и деревня 1898—1903. Безъ года.

По вполне вѣрнымъ наблюдениямъ г. Кузьмина-Караваева (I—IV), за послѣднія семь лѣтъ жизнь земства идетъ ускореннымъ темпомъ. Борьба прогрессистовъ съ реакціонерами по условіямъ русской жизни идетъ у насъ главнымъ образомъ вокругъ идеи земскаго самоуправления. Изъ области литературы эта борьба переходитъ въ земскія собранія и отражается на мѣропріятіяхъ, намѣчаемыхъ къ проведенію въ законъ и жизнь. Въ законѣ (и еще болѣе въ административной практикѣ, добавимъ мы) идея земскаго самоуправления въ общемъ у насъ понесла уронъ, но въ общественное сознание она проникаетъ все болѣе и болѣе глубоко и все болѣе и болѣе крѣпнеть въ немъ. Еще сильнѣе торжествуетъ эта идея въ практикѣ земской жизни, хотя большою частью земскіе дѣятели и не рѣшаются еще теоретически формулировать ее. Но земство неразрывно связано съ деревнею, и эту связь не нарушили ни земскіе начальники, ни реорганизация земскаго представительства на сословномъ началѣ. И если деревня у насъ попрежнему темна, безправна и экономически безсильна (325—381), то уже хорошо то, что такое положеніе ея изъ спорнаго въ общественномъ сознаніи превратилось теперь въ непреложный, всѣми признанный фактъ.

Статьи въ печати (гл. обр. въ „Правѣ“), рефераты въ административномъ отдѣленіи с.-п.—аго юридическаго общества и доклады и рѣчи тверскому губернскому и бѣжецкому уѣздному земскимъ собраніямъ по крестьянскому и земскому вопросу г. Кузьмина-Караваева за 1898—1903 гг. и составили лежащую предъ нами глубоко поучительную книгу, при чемъ особенно интересны земскія рѣчи г. Кузьмина-Караваева по ихъ общему значенію и какъ едва ли не первый опытъ публикаціи у насъ стенограммъ такихъ рѣчей, хотя самъ авторъ скромно указываетъ и на недостатокъ литературной обработки ихъ и на мѣстный ихъ колоритъ.

Но взгляды г. Кузьмина-Караваева на крестьянскій вопросъ и мѣстные комитеты по этому вопросу, несмотря на всю ихъ поучительность, не даютъ ничего новаго сравнительно съ книгами гг. Толмачева и Страховскаго и особенно съ такой капитальной и исчерпывающей вопросъ до дна книгой, какъ „Нужды деревни по работамъ уѣздныхъ комитетовъ“ гг. Львова и Стаховича, о которой къ тому же мы поговоримъ подробнѣе съ читателями въ одной изъ ближайшихъ книжекъ „Научнаго Слова“.

Поэтому остановимся здѣсь лишь на взглядахъ на земство г. Кузьмина-Караваева, тѣмъ болѣе что, если не ошибаемся, кромѣ книгъ гг. Кузьмина-Караваева и Гессена, у насъ нѣтъ *общихъ* работъ по земскому вопросу, если не считать устарѣлой книги кн. Васильчикова и неудовлетворительной работы г. Свѣшニコва. Отправныя точки у гг. Гессена и Кузьмина-Караваева однѣ и тѣ же: необходимость передачи мѣстнаго управления во всей полнотѣ его функцій безсословному самоуправляющемуся обществу съ предоставленіемъ въ этой области администраціи лишь функцій высшаго внѣвѣдомственнаго надзора (248—259). Но во-первыхъ, исчерпывающаго разбора земскаго вопроса ни та, ни другая книга не даетъ. Одна подчеркиваетъ однѣ его стороны, другая—другія.

Такъ, напр., только у г. Кузьмина-Караваева разработанъ такой кардинальный вопросъ земскаго самоуправления, какъ фиксація (хотя бы и условная, но все же фиксація, 84—85) земскаго обложенія (75—97 и 425—429), законъ 12-го іюня 1900 г. о которой явился „результатомъ того, что имѣло мѣсто въ Тверской губерніи въ 1898 и 1899 гг.“ (425), и, отличаясь путаницей понятій (86) и

непоследовательностью и неясностью определений, сдѣлать опаснымъ положеніе земскихъ учреждений извнѣ и внутри (90, 92 и 429; см. также стр. 68 „Вопросы мѣстнаго управления“ г. Гессена). Не надо только оправдывать этотъ законъ частичными улучшениями, вносимыми имъ въ земское дѣло (96) и временнымъ характеромъ этого закона (Гессенъ, 87—88), тѣмъ болѣе что скорое окончаніе оцѣночныхъ работъ едва ли возможно (81 и 94), а до него и законъ 12 іюня врядъ ли будетъ отмѣненъ.

У одного г. Кузьмина-Караваева находимъ и разработку вопроса о земскомъ хозяйствѣ въ западныхъ губерніяхъ (179—221 и 370—412), глубоко печальное состояніе котораго (180) думали поправить (законъ 2 апрѣля 1903 года) созданиемъ системы бюрократическихъ учреждений (Гессенъ, 22), дѣйствующихъ на началахъ учреждений общественныхъ (188), но неудачно, какъ это успѣла уже выяснитъ практика вопреки утвержденію г. Кузьмина-Караваева, что съ новыми учреждениями въ Западномъ краѣ „дѣло пойдетъ лучше“ (407; ср. впрочемъ 217). И эта неудача, а не переимчивыя вѣянія бюрократическихъ сферъ (371), служить лучшей гарантіей того, что эти идеи не будутъ распространены на всю Россію. Подчеркиваетъ эта неудача еще разъ и такую общепризнанную истину, что даже для окраинъ и необходимо, и по мѣстнымъ условіямъ вполне допустимо настоящее земство (411), но, конечно, сообразованное съ мѣстными условіями (317).

Но, напр., такихъ важныхъ вопросовъ самоуправления, какъ пропорціональное представительство (книга г. Коркунова), земскія ходатайства (книга г. Карышева), отношенія уѣздныхъ земствъ къ губернскому (брошюра г. Шипова) и т. д., ни г. Гессенъ, ни г. Кузьминъ-Караваевъ почти совсѣмъ не касаются. Нуждается въ детальной разработкѣ и вопросъ о цѣнѣ (254).

Во-вторыхъ, г. Гессенъ теоретикъ, а г. Кузьминъ-Караваевъ и теоретикъ, и практикъ по земскому вопросу, и это позволяетъ ему иногда вѣрнѣе смотрѣть на дѣло, чѣмъ г. Гессену.

Такъ, напр. на стр. 40 „Вопросовъ мѣстнаго управления“ г. Гессенъ утверждаетъ, что у насъ губернаторъ историческимъ движеніемъ нашего законодательства постепенно превращается въ органъ надзора, а г. Кузьминъ-Караваевъ на стр. 381 говоритъ, что „общая тенденція нашего законодательства за послѣднія 20 лѣтъ явно клонится къ сосредоточенію въ рукахъ губернатора наибольшей власти управленія“, и послѣднее болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, чѣмъ слова г. Гессена ¹⁾.

Сказался вѣрный взглядъ теоретика-практика и во взглядахъ г. Кузьмина-Караваева на мелкую земскую единицу (124 — 150), вопросъ о которой у насъ такъ муссируютъ (147) за невозможностью разрабатывать болѣе общіе и болѣе важные вопросы, забывая за полноѣ справедливымъ протестомъ противъ административной опеки надъ деревней (348 — 349) и за красотой юридической конструкции (130) о невозможности иначе рѣшить вопросъ о мелкой земской единицѣ (въ принципѣ очень желательной и полезной), какъ на почвѣ общихъ реформъ, на почвѣ суммированія земства и признанія и защиты правъ личности и союзовъ нашимъ законодательствомъ. Правда, г. Кузьминъ-Караваевъ, возставая противъ преувеличенной защитничковъ мелкой земской единицы, самъ увлекается и въ свою очередь преувеличиваетъ невозможность введенія ея у насъ (интересы колокольна, некультурность населенія, 130 и 136) и даже вредъ ея (135) и пагубность (143—144) для земской идеи, хотя примѣръ такихъ прогрессивныхъ крестьянскихъ земствъ, какъ вятское, о которомъ см. подробности въ книжкѣ г. Голубева, говоритъ тутъ противъ г. Кузьмина-Караваева, а воспитательное значеніе мелкой земской единицы признаетъ и онъ самъ (141). Не можетъ также вопреки г. Кузьмину-Караваеву замѣнить ее земская агентура (134). Но онъ полноѣ правъ, говоря, что прежде всего нужно измѣненіе нашихъ главнымъ образомъ правовыхъ (358), а отчасти и экономическихъ (146) условій и тогда уже сама собой, безъ излишнихъ потугъ и безъ шума явится „всесловная“ (т.-е. бессловная?) организація на мѣстахъ (149) ²⁾.

¹⁾ См. также апрѣльскую административную хронику „Вѣстника Права“ за 1904 г.

²⁾ Нельзя не отмѣтить по ихъ интересу и дѣлности въ книгѣ г. Кузьмина-Караваева и статей о земскихъ экономическихъ предпріятіяхъ (1—30), земской адвокатурѣ (30 — 52) и участковыхъ судьяхъ и земскихъ начальникахъ (97 — 124). Въ высшей степени интересно и сравнить статьи о продовольственномъ дѣлѣ гг. Кузьмина-Караваева (259—269) и Гессена (67—100). Интересна и статья объ упраздненіи земскихъ школъ въ Тверскомъ уѣздѣ (412—424).

Въ общемъ книга о русскомъ земствѣ, отвѣчающая современнымъ теоретическимъ и практическимъ требованіямъ по этому вопросу и исчерпывающая его до дна во всемъ его объемѣ, еще не написана (въ зависимости между прочимъ отъ внѣшнихъ условій, о которыхъ говоритъ книга г. Арсеньева „Законодательство о печати“?). Но такая прекрасная, содержательная и будящая мысль работы, какъ книги гг. Гессена и Кузьмина-Караваева, значительно приближаютъ насъ къ моменту появленія такой книги.

Удивляетъ насъ только оптимизмъ г. Кузьмина-Караваева. Припоминая антиземскія тенденціи бюрократіи (Гессенъ, 68) и стремленіе администраціи еще болѣе на практикѣ расширить и безъ того широкія по закону полномочія ея относительно земства (Гессенъ 211—235; Кузьминъ-Караваевъ, 56—75; Діонео, 254) а также слова самого г. Кузьмина-Караваева на стр. 375, что у насъ „20 лѣтъ уже земское самоуправленіе стоитъ между жизнью и смертью“, а на стр. 1 объ уронкѣ, понесенномъ земской идеей въ законѣ, нельзя на стр. II безъ грустной улыбки читать о какомъ-то „счастіи боевомъ“, начинающемъ служить русскому земству. На невеселыя думы наводитъ и ускоренный темпъ земства за послѣднее время: неизвѣстно еще, признакъ ли это здоровья или предсмертной горячки.

Можно усомниться и въ оптимистическихъ взглядахъ г. Кузьмина-Караваева на работы губернскихъ совѣщаній по пересмотру законодательства о крестьянахъ, хотя бы уже по отсутствію гласности въ этихъ комитетахъ, а также по декоративному составу ихъ (Гессенъ, 209—210).

Недостаточно также г. Кузьминъ-Караваевъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что земская идея не составляетъ чего-то новаго для Руси (II), а является исконнымъ чадомъ, только на время заглушеннымъ петербургскими морозами и вновь пышно расцвѣтшимъ, какъ только повѣяло весеннимъ тепломъ незабвенныхъ 60-хъ годовъ.

Сергій Шумаковъ.

Проф. Д. Я. Самоквасовъ. Происхожденіе помѣстнаго права и общиннаго крестьянскаго землевладѣнія московскаго государства по новѣйшей теоріи и по источникамъ. М. 1904. in 8—во. Стр. 68.

Передъ нашимъ взоромъ — удивительно дѣнная брошюра, которую грѣшно было бы замолчать нашей критикѣ; въ заголовкѣ, въ содержаніи, въ условіяхъ своего появленія она отражаетъ столь многое въ нашей своеобразной ученой дѣйствительности, что самъ почтенный авторъ, по всей вѣроятности, не понимаетъ и не дѣлаетъ ея крупнаго научнаго и общественнаго значенія: вѣдь это такъ свойственно многимъ историческимъ дѣтелямъ заблуждаться насчетъ своего дѣйствительнаго положенія и истиннаго призванія... Брошюра типична для момента своего появленія, выражая въ наилучшемъ видѣ весь характеръ оригинальнаго учено-литературнаго дарованія заслуженнаго ординарнаго профессора Самоквасова. Уже нѣкто „Утисъ“ въ мартовской книжкѣ журнала „Русская Мысль“ за текущій годъ обезсмертилъ почтеннаго профессора наименованіемъ „историкъ-юмористъ“, предложивъ ему печатать свои произведенія на страницахъ „Стрекозы“ или „Будильника“. Едва ли, впрочемъ, возможно вполне присоединиться къ этому остроумному аттестату, выданному блестящей статьей Утиса г. Самоквасову. Этотъ аттестатъ страдаетъ излишней добротой и снисходительностью къ почтенному профессору и не учитываетъ того общественнаго зла, которое вносится въ жизнь ученыхъ нулями, вскинутыми на поверхность волнами бюрократизаціи русской высшей школы. Понятія о столоначальникѣ и профессорѣ мы уже привыкли различать и давно требуемъ отъ столоначальниковъ профессиональной опрятности. Не пора ли затребовать такую опрятность и отъ г. профессора? Но... пусть примѣры дадутъ намъ нѣкоторое развлеченіе. На стр. 26 (срв. стр. 14) читаемъ слова, отъ которыхъ краска стыда за г. Самоквасова покроетъ лицо любого читателя: „Кормленіе по должности намѣстника или посадника не исключало собою владѣнія помѣстной государевою землею; но можно было владѣть помѣстной землею, не занимая должности намѣстника и посадника, какъ въ XVII столѣтіи воеводы владѣли и помѣстьями, но не всѣ помѣщики были воеводами. На этомъ различіи службы посадника и помѣщика было основано раздѣленіе служилыхъ бояръ Новгорода на два разряда: посадниковъ и *житилыгъ людей*, по свидѣтельству

лѣтописи, владѣвшихъ помѣстьями до времени ихъ перевода въ Москву". На стр. 29 читатель найдетъ отождествленіе юридическаго значенія нѣкоторыхъ терминовъ новгородскихъ и московскихъ: напр., житыи люди = жидцы, волость = помѣстье, обжа = четъ (срв. стр. 30). Сославшись затѣмъ на Юлія Цезаря, какъ на „древнѣйшій источникъ знанія быта древнихъ германцевъ“, почтенный авторъ утверждаетъ существованіе русской крестьянской общины еще во времена Рюрика: доказательствомъ служатъ отождествленіе терминовъ *orridum*, вервь, вара, перевара, городъ (*sic!*). Эта древняя вервь или городъ, по словамъ г. Самоквасова, ничто иное какъ „опора русской землѣ со времени княгини Ольги до XIX вѣка“. А нынѣ, восклицаетъ профессоръ, что за беспорядокъ: „дробные участки распределяются между крестьянами по жребію, при чемъ нерѣдко это распредѣленіе сопровождается драками, взаимною ломкой рукъ и ногъ“ (стр. 66). Въ старину этого не было: „ничего подобнаго не было въ древней русской общинѣ, когда, по указанію государя, государевы писцы надѣляли ея членовъ равными обжами“. Да, хорошее это было время, когда природа населенія „влекъ за собою не дробленіе участковъ общинной дачи установленной мѣры, а образованіе новыхъ общинъ на свободной государственной землѣ“. Нашъ профессоръ, очевидно, очень добрый человекъ: онъ не мудрствуетъ, онъ не изслѣдуетъ и не доказываетъ, не знакомится ни съ литературой, ни съ источниками, кромѣ Юлія Цезаря и китайскихъ лѣтописей, а попросту жалѣеть, что исчезло слово перевара и крестьянамъ стало жить плохо, руки-ноги ломаютъ, все не даютъ имъ новой общины на свободной государственной землѣ. „Пришли, читаемъ у того же добраго профессора на стр. 60—61, монголы на русскую землю въ XIII вѣкѣ и „разрушили тысячи городовъ русской земли“. „Тысячи *городскихъ земледѣльческихъ* поселеній древней Руси были обращены въ поселенія сельскія, неукрѣпленныя, платившія данъ уже не русскимъ князьямъ, а монгольскому хану“ — какое цѣнное извѣстіе! Впервые изъ лѣтописнаго сказанія московскаго профессора мы узнаемъ, что Русь первой половины XIII-го вѣка была покрыта „тысячами городовъ“ или, что тоже, „городскихъ земледѣльческихъ поселеній“. Позвольте привести еще одну послѣднюю цитату изъ брошюры г. Самоквасова, — цитату, которой простымъ неученымъ смертнымъ, правда, не понять. „Превращеніе намѣстничествъ въ помѣстья повлекло за собою превращеніе черныхъ людей въ помѣстныхъ крестьянъ, а переваръ — въ помѣстья дворянъ московскаго государства; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ въ русскомъ языкѣ древнія наименованія: верви, вари, перевары, черные люди, чернокупцы, переваряне. Но, потерявъ свои старыя названія, русская вервь-перевара продолжала жить въ бытѣ русскаго крестьянства подъ новыми именами крестьянъ оброчныхъ и тяглыхъ, помѣстныхъ и удѣльныхъ“.

Ни звука не нашли мы у г. Самоквасова о происхожденіи помѣстья и крестьянской общины, и прежде всего по той причинѣ, что самыя эти термины для него — *terra incognita*, а вся брошюра — плодъ послѣдней отчаянной попытки столоначальника нарядиться въ неподходящій костюмъ ученаго историка. Слова — ученныя, а предложенія — канцелярскія; жесты очень рѣзкіе, а рѣчи — жалкія; претензій много, но въ приемахъ нѣсколько маловато должной опрятности. Цитаты и выписки сплошь загромаждаютъ все произведеніе, изрѣдка пересыпанное изреченіями въ родѣ вышеприведенныхъ. Цитаты и выписки ни текста не подтверждаютъ, ни даже порою какого-либо отношенія къ поставленной темѣ не имѣютъ; это попросту — ученая обстановка, за которою прикрывается „теорія конфискаціи“ московскаго профессора (стр. 9). Эта „теорія конфискаціи“ не отличается замысловатостью и состоитъ въ томъ, что нашъ авторъ неожиданно находитъ въ архивѣ то, что или уже давно было найдено другими, или на что указаніе свободно можно встрѣтить въ печатныхъ источникахъ (напр., писцовыя книги или матеріалъ дѣлопроизводства вотчинной конторы).

Брошюра г. Самоквасова открывается такими словами: „Въ московскомъ государствѣ на системѣ помѣстнаго права были основаны государственная служба, сословныя отношенія и институты поземельнаго владѣнія, а потому незнающій помѣстнаго права не можетъ знать государственнаго и гражданскаго права московскаго государства“. Эта не красно выраженная фраза обнаруживаетъ въ нашемъ почтенномъ профессорѣ, помимо вскрытой выше душевной доброты, слѣды средневѣковой аскетической морали; очевидно, онъ готовъ при случаѣ подвергнуть свою особу самоичеванію, ибо кто возьмется въ данномъ случаѣ его утѣшать и доказывать, что онъ знаетъ хоть что-нибудь въ области исторіи русскаго права. Хвала ему и за доброту, и за признаніе! Но вотъ за что мы похвалить его не

можемъ. Разбираемая брошюра, какъ оказывается, представляетъ собою рѣчь, читанную въ торжественномъ собраніи московскаго университета 12 января 1904 года, въ день 149-ой его годовщины... и законченную предложеніемъ „серьезно подумать“ объ архивныхъ профессорахъ, „какъ о единственномъ рациональномъ средствѣ выхода нашего историко-юридическаго самосознанія изъ области гипотезъ въ сферу положительнаго знанія“... Да, надо подумать объ архивныхъ профессорахъ, надо указать имъ надлежащее ихъ мѣсто и спасти высшую школу отъ грозы схоластики, буквѣдства и подъяческаго духа.

В. Сторожевъ.

**Иностранная критика о Горькомъ. Сборникъ статей. Сост. Л. Г. М. 1904 г.
Цѣна 1 руб. 50 коп.**

Въ составъ этого сборника вошли критическія статьи о Горькомъ, извлеченныя изъ англійскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, шведскихъ, датскихъ, итальянскихъ и испанскихъ изданій (съ тѣхъ поръ какъ вышла эта книга, появилось еще нѣсколько отзывовъ о Горькомъ, — напр., англійскихъ). Всего обширнѣе и разнообразнѣе нѣмецкій отдѣлъ, заключающій въ себѣ пятнадцать различныхъ отзывовъ. Наоборотъ, есть отдѣлы, представленные всего однимъ какимъ-нибудь отзывомъ, хотя бы очень интереснымъ, и, вслѣдствіе этого, естественно блѣдныя и односторонніе. Во многихъ случаяхъ составитель сборника дѣлалъ извѣстную выборку изъ многочисленныхъ критическихъ оцѣнокъ дѣятельности русскаго писателя, отдавая предпочтеніе тѣмъ изъ нихъ, которыя ему казались болѣе характерными, яркими и содержательными. Всего переводить и печатать, конечно, не нужно было, тѣмъ болѣе, что это сдѣлало бы книгу непомерно объемистою и ввело бы въ нее значительную долю балласта, не интереснаго для русскаго читателя; но жалъ все же, что содержание и основная мысль непечатаемыхъ отзывовъ не отмѣчены у г. Л. Г., хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ это сдѣлано имъ, напр., въ испанскомъ отдѣлѣ, гдѣ приведены выдержки изъ статьи о Горькомъ и Мережковскомъ извѣстной беллетристки, г-жи Пардо-Басанъ, и, съ другой стороны, отдѣльные части этой статьи пересказаны своими словами. Въ общемъ, сборникъ „Иностранная критика о Горькомъ“ даетъ все же понятіе о томъ, какъ оцѣниваютъ на Западѣ „бытописателя русскаго пролетаріата“, „великаго босяка“, „поэта бывшихъ людей“, „пѣвца босяковъ и воровъ“ (беремъ наудачу эти эпитеты изъ различныхъ иностранныхъ отзывовъ объ авторѣ „Челкаша“).

Конечно, многія изъ этихъ заграничныхъ оцѣнокъ представляютъ прежде всего интересъ курьеза или могутъ въ лучшемъ случаѣ служить матеріаломъ для характеристики обратнаго воздѣйствія русской литературы на иностранныя, сказывающагося въ новѣйшее время. Цѣнныхъ, капитальныхъ статей о Горькомъ, которыя могли бы быть прочитаны съ пользой и русскою публикою, сравнительно, очень мало; одною изъ лучшихъ слѣдуетъ все же признать обширный этюдъ Мельхиора де Вогюв, когда-то познакомившаго французскихъ читателей съ русскими романистами старшаго поколѣнія и теперь снова пожелавшаго, по его выраженію, „вступить въ темный, безконечный русскій лѣсъ“, послѣ „долгаго пути, который ему пришлось совершить съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ его“.

Въ нѣкоторыхъ статьяхъ мы находимъ попытки сравнить или сблизить Горькаго съ западно-европейскими писателями или мыслителями сходнаго оттѣнка. Иногда эти попытки довольно удачны, въ другихъ случаяхъ онѣ производятъ впечатлѣніе чего-то неожиданнаго и натянутаго... Такъ, д-ръ Порицкій заявляетъ въ своей статьѣ: „Первыя слова Фомы Гордѣева до такой степени напоминаютъ сцену въ „Мистеріяхъ“ Гамсуна, когда Нагель выступаетъ на защиту всѣми отверженнаго человѣка, что съ большою вѣроятностью можно предположить, что Горькій хорошо знакомъ съ нимъ“. „Въ Горькомъ мы видимъ возрожденіе духа Байрона и Клейста“, читаемъ мы въ очеркѣ д-ра Алкалая („Norddeutsche Allgemeine Zeitung“). Въ двухъ отзывахъ Горькій сравнивается съ Мопассаномъ; иногда его стараются сблизить съ Гауптманомъ. Карлъ Штекеръ полагаетъ, что Гауптманъ и *Матерлинк* не чужды Горькому, мало того, — что онъ изучалъ Штирнера и Ницше, что социальный вопросъ затронуть имъ глубже, чѣмъ Золя въ „Жерминаль“ или Гауптманомъ — въ „Ткачахъ“. „Очень немногіе пессимисты, будь они философы, какъ Шопенгауеръ, Гартманъ, или

поэты мировой скорби, как Леопарди, Шелли, Байронъ, пришли къ такимъ безнадежнымъ выводамъ, какъ бродяги Горькаго“, говорить одинъ итальянскій критикъ. Есть, наконецъ, уже совершенно непонятныя сравненія Горькаго съ Ж.-Ж. Руссо, Викторомъ Гюго, — даже съ Шекспиромъ!.. Наряду съ этимъ, попадаются отдѣльные довольно рѣзкіе, отрицательные, подчасъ — несправедливые отзывы. Вполнѣ объективная, безпристрастная оцѣнка, очевидно, еще впереди.

Ю. Веселовскій.

Графъ Ф. де Ла-Бартъ. Бесѣды по исторіи всеобщей литературы и искусства. Часть I. Средніе вѣка и Возрожденіе. Изданіе Киевской женской А. Т. Дучинской гимназіи. Киевъ 1903 г. Цѣна 1 руб.

Графъ де Ла-Бартъ извѣстенъ былъ до сихъ поръ всѣмъ лицамъ, занимающимся у насъ исторіей всеобщей литературы, главнымъ образомъ, — какъ хорошій переводчикъ „Пѣсни о Роландѣ“, переводъ котораго, сдѣланный размѣромъ подлинника, въ свое время былъ удостоенъ Пушкинской преміи. Теперь онъ выпустилъ первую часть сборника бесѣдъ, посвященныхъ прошлому западноевропейской словесности и отчасти — искусства. „Бесѣды“ распадутся на два большихъ отдѣла („Средніе вѣка“ и „Возрожденіе и классицизмъ“) и на 12 главъ: „Средневѣковый эпосъ“, „Культъ женщины въ пѣсняхъ провансальскихъ трубадуровъ и въ лирикахъ испанскихъ мавровъ“, „Францискъ Ассизскій и итальянская живопись“, „Данте“, „Раннее Возрожденіе“, „Петрарка и Боккаччо“, „Гуманисты XV и XVI столѣтій и Просвѣтители XVIII вѣка“, „Итальянское искусство въ XV столѣтіи“, „Микель Анджело, Леонардо-да-Винчи, Рафаэль“, „Художественный реализмъ и классицизмъ во Франціи въ XVI и XVII столѣтіяхъ“, „Европейскій театръ до Шекспира“, „Шекспиръ“. Одною изъ самыхъ лучшихъ, наиболѣе интересныхъ и содержательныхъ главъ является та, въ которой говорится о средневѣковомъ эпосѣ и въ особенности — о „Chanson de Roland“, такъ тщательно изученной авторомъ. Смѣло можно рекомендовать также всѣмъ интересующимся средневѣковой словесностью главу, посвященную провансальской поэзіи и заключающую въ себѣ довольно полный и весьма яркій обзоръ различныхъ оттѣнковъ лирики, развившихся подъ голубымъ небомъ Прованса.

Изъ дальнѣйшихъ главъ не всѣ могутъ въ одинаковой степени удовлетворить насъ. Иногда автора можно упрекнуть въ чрезмѣрной краткости и сжатости отдѣльныхъ характеристикъ; такъ, напримѣръ, слишкомъ ужъ бѣгло обрисованъ и разобранъ Декамеронъ, творчество Раблэ, Д'Обинье, предшественниковъ Шекспира; біографія самого Шекспира занимаетъ всего 16 строкъ; краткая и нѣсколько неожиданная въ этой книгѣ характеристика энциклопедіи въ гл. VII (сравненіе съ гуманизмомъ) едва ли можетъ дать неподготовленному читателю настоящее понятіе о дѣятельности и міросозерпаніи энциклопедистовъ и, вѣроятно, будетъ подробнѣе разработана во второй части. Къ числу недостатковъ книги г. де Ла-Барта принадлежатъ также отсутствіе тѣсной органической связи между отдѣльными главами, которыя иногда различаются и по характеру изложенія, и по объему. Въ иныхъ случаяхъ мы находимъ даже подстрочныя примѣчанія, указывающія на то, какъ создавались извѣстныя главы: „предлагаемый мною разборъ пѣсни о Роландѣ и ея стиля представляеть собою, въ сокращенномъ видѣ, докладъ, читанный мною въ нео-филологическомъ обществѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ“; „эта глава составлена по докладу, читанному мною въ нео-филологическомъ обществѣ и въ обществѣ для студенческихъ рефератовъ при С.-Петербургскомъ университетѣ“; „эта глава составлена по статьѣ, помѣщенной мною въ журналѣ *Трудъ*“. Этотъ сборный и отчасти случайный характеръ „Бесѣдъ“ нѣсколько мѣшаетъ имъ стать настоящимъ пособіемъ или руководствомъ для лицъ, желающихъ основательно изучить иностранную литературу...

Нельзя не указать, съ другой стороны, что лучшія мѣста въ книгѣ г. де Ла-Барта написаны очень увлекательно, картинно и интересно (кое-гдѣ хотѣлось бы только видѣть поменьше непривычныхъ для средняго читателя словъ, въ родѣ „ассонанты“, „декасиллабическій“, „журтуазный“, „суггестивный“ и т. п.). Попытки автора сблизить старую литературу съ новою цитатами, въ иныхъ случаяхъ, изъ такихъ поэтовъ, какъ Мюссе, Гейне, Алексій Толстой, Мей и др., заслуживаютъ полного сочувствія, такъ какъ, несомнѣнно, оживляютъ изложеніе. Въ концѣ книги помѣщенъ списокъ тѣхъ трудовъ, которыми пользовался г. де Ла-Бартъ для отдѣльныхъ ея главъ.

Ю. Веселовскій.

Вольфганг Гете. „Фауст“, трагедія. Переводъ въ прозѣ Петра Вейнберга, съ примѣчаніями переводчика. Спб. 1904 г. Цѣна 2 руб. Изданіе товарищества „Знаніе“.

Прозаическій переводъ драмы или поэмы, написанной, въ подлинникѣ, стихами, несомнѣнно, имѣть въ обществѣ то преимущество передъ стихотворнымъ, что переводчику удастся гораздо ближе и точнѣе передать мысль иностраннаго автора, со всѣми ея оттѣнками, не стѣсняясь никакими посторонними соображеніями, не прибѣгая ни къ какимъ описаніямъ или произвольнымъ, но почти неизбѣжнымъ отступленіямъ. Между тѣмъ, стихотворный переводъ, конечно, во многомъ зависитъ отъ необходимости для переводчика считаться съ требованіями размѣра, ритмы, иногда измѣняя порядокъ словъ или останавливаясь на такихъ выраженіяхъ, которыя только приблизительно воспроизводятъ мысль автора, но зато оказываются болѣе благозвучными или укладываются безъ труда въ рамки того или другого размѣра... Съ другой стороны, въ точномъ прозаическомъ переводѣ легко могутъ пропасть нѣкоторыя красоты слога, такъ какъ даже самая изящная, музыкальная, благозвучная проза не можетъ въ этомъ отношеніи сравниться со стихотворною рѣчью.

Подобныя мысли невольно приходятъ намъ въ голову, когда мы знакомимся съ прозаическимъ переводомъ обихъ частей гетевского „Фауста“, вышедшимъ изъ-подъ пера П. И. Вейнберга и недавно изданнымъ въ Петербургѣ фирмою „Знаніе“. Въ предисловіи къ своему переводу маститый поэтъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Только великая творческая сила Гете могла уложить все это (рѣчь идетъ объ идейномъ содержаніи трагедіи) въ стихъ, да еще болѣею частью рямованный, дать тому, что представляетъ собою чисто отвлеченный философскій трактатъ, такую стихотворную форму, которая именно каждымъ словомъ своимъ, эпитетомъ, оборотомъ выражаетъ мысль ясно, точно и опредѣленно и придаетъ ей надлежащее значеніе. Передать всѣ эти тонкости въ стихотворномъ переводѣ могъ бы только такой мыслитель-поэтъ, какъ Гете, а не передавать ихъ всѣ безъ исключенія или выражать сказанное авторомъ, хотя бы отчасти, „своими словами“, значитъ—давать объ этомъ великомъ созданіи совершенно неточное понятіе и, доставляя даже хорошимъ поэтическимъ переводомъ эстетическое наслажденіе, знакомить однако съ подлинникомъ только наполовину. Въ этомъ убѣдился меня и всѣ русскіе переводы „Фауста“,—а ихъ немало,—изъ которыхъ съ моею, выше объясненной, точки зрѣнія нельзя признать вполнѣ удовлетворительнымъ ни одного,—даже тѣхъ, которые (какъ, напр., Холодковского, Струговщикова, кн. Цертелева) обладаютъ поэтическими достоинствами, болѣею частью передаютъ вѣрно мысль, настроеніе, но очень часто, даже слишкомъ часто,—прибѣгая къ „своимъ словамъ“, выпуская самыя существенныя и характеристическія подробности, скорѣе сочиняя, чѣмъ переводя“.

П. И. Вейнбергъ называетъ прозаическій переводъ „Фауста“—„тоже очень трудною, иногда въ туникъ ставящею работою“. И дѣйствительно, во многихъ случаяхъ мы ясно видимъ, сколько труда потрачено было переводчикомъ для вполнѣ точной и все же художественной передачи оригинала. Переводъ слѣдуетъ признать въ общемъ весьма удачнымъ; нѣкоторыя мѣста мы, правда, настолько привыкли видѣть въ стихотворной формѣ, что намъ словно чего то недостаетъ,—но, съ другой стороны, намъ встрѣтится немало такихъ отрывковъ, въ которыхъ проза отличается рѣдкою музыкальностью, имѣетъ даже что-то въ родѣ ритма и во всякомъ случаѣ совсѣмъ не походить на обыкновенную прозу. Укажемъ для примѣра на монологъ Фауста („Высокій Духъ, ты далъ мнѣ, далъ мнѣ все...“), молитву Гретхенъ или „мистическій хоръ“ („Все переходящее есть только символъ...“), заканчивающій собою трагедію. Лицамъ, которыя не владѣютъ нѣмецкимъ языкомъ, ни одинъ русскій переводъ „Фауста“ не можетъ дать такого яснаго и точнаго представленія объ идейномъ содержаніи трагедіи Гете, какъ переводъ г. Вейнберга, появленія котораго нельзя поэтому не привѣтствовать. Къ книгѣ приложены иллюстраціи, — которыя могли бы быть нѣсколько лучше исполнены, — и болѣе 150 примѣчаній, составленныхъ П. И. Вейнбергомъ и весьма важныхъ для правильнаго пониманія трагедіи, особенно второй ея части.

Ю. Веселовскій.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Научнаго Слова“.

П. Первовъ. Международная школьная переписка. М. 1904. Оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“. **Димитрій Языковъ.** Ѳедоръ Антоновичъ Ту-манскій. Историко-литературный очеркъ. М. 1903. Ц. 20 к. **Его же.** Князь Влади-миръ Ѳедоровичъ Одоевскій. М. 1903. Ц. 20 к. **Его же.** Князь Петръ Андре-вичъ Вяземскій. М. 1904. Ц. 20 к. **Его же.** Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ. М. 1904. Ц. 20 к. **Эдуардъ Мейеръ,** профес. исторіи въ Берлинѣ. Теоретическіе и мето-дологическіе вопросы исторіи. Перев. съ нѣмецк. А. А. Малининъ. М. 1904. **С. Мокржецкій.** О нѣкоторыхъ новыхъ вредителяхъ сельскохозяйственныхъ ра-стеній на югѣ Россіи. Оттискъ изъ журн. „Хозяинъ“. **Георгій Ибсенъ.** Полное собраніе сочиненій. Перев. съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Томъ VII. Изданіе С. Сकिрумта. М. 1904. **М. Да-Коста.** Национализмъ въ германской средней школѣ. Перев. съ франц. С. Кондратьева. М. 1904. Ц. 20 к. Приложенія къ цир-кулярамъ по моск. учебн. округу. **Сельскохозяйственные общества въ деревнѣ.** Тула. 1904. Ц. 3 к. **С. А. Мокржецкій.** Къ вопросу о внѣкорневомъ питаніи боль-ныхъ деревьевъ. С.-Пб. 1904. **И. Тэъ.** Исторія англійской литературы. Т. V. Современника. Перев. съ франц. П. Когана. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к. **К. Флеровскій.** Критика основныхъ идей естествознанія. Стр. IV+518. С.-Пб. 1904. Ц. 2 р. 50 к. **Миръ.** Жизнь. Н.-Новгородъ. 1904. Изд. Л. А. Мукосѣва. **Танъ.** Очерки и раз-сказы. Т. III. С.-Петербургъ. 2-е изданіе Н. Глаголева. Ц. 1 р. **И. М. Любому-дровъ.** Введеніе въ философію Герберта Спенсера. Въ краткомъ изложеніи. Вто-рое исправленное изданіе. Ковровъ. 1904. Ц. 40 к. **Гётте.** Зоологія. Съ 65 ри-сунками. Перев. подъ ред. прив.-доц. московск. университ. П. П. Сушкина. М. 1904. „Научно-образовательная библиотека“. Серія начальныхъ курсовъ. Ц. 40 к. **Я. Недымовъ.** Химическая природа мірового вѣтра. Отд. оттискъ журнала „Наука и Жизнь“. С.-Пб. 1904. Ц. 25 к. **И. Н. Стрижовъ.** Изученіе третичныхъ слоевъ Кавказа. Тифлисъ. 1904. Отд. оттискъ изъ XXIV-й книжки „Записокъ“ кавказ-скаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества. **Программа чтенія для самообразования.** Изд. отдѣла для содѣйствія самообразованію въ ко-митетѣ педаг. музея военно-учебн. заведеній. Четвертое вновь переработанъ и зна-чительно дополненъ. изд. 1904. Ц. 40 к. **Августъ Стриндбергъ.** Отецъ. Драма въ трехъ дѣйств. Перев. А. и П. Ганзенъ. Изданіе С. Скирумта. М. 1904. **Отчетъ о дѣятельности консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при мо-сковск. мировомъ съѣздѣ за 1903 г.** Приложенія къ годовичному отчету. М. 1904. **Мих. Лемке.** Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Съ 8 иллюстраціями и съ введе-ніемъ И. И. Попова. Изданіе редакціи газеты „Восточное Обозрѣніе“. С.-Пб. 1904. **Ив. Наживинъ.** У дверей жизни. Очерки и рассказы. М. 1904. **Георгій Чулковъ.** Кремнистый путь. 1904. Проф. И. И. Любимичъ. Хозяйство и финансы нѣмецкихъ городовъ въ XIV и XV вѣкахъ. Варшава. 1904. **К. Тимирязевъ.** Ка-кимъ требованіямъ должны удовлетворять диссертанціи на степень доктора. М. 1904. Стр. 12. **Мих. Лемке.** Эпоха цензурныхъ вѣхъ 1859—1865 годовъ. Съ 4 портретами. С.-Пб. 1904. Цѣна 3 р. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. **Историческій отдѣлъ.** **А. Елистратовъ,** прив.-доц. казанскаго университета. О при-крѣпленіи женщины къ проституціи (врачебно-политическій надзоръ). Казань. 1903. Ц. 2 р. **А. И. Фаресовъ.** Противъ теченій. Н. С. Лѣсковъ. Его жизнь, сочиненія, полемика и воспоминанія о немъ. Съ рѣдкимъ портретомъ. С.-Пб. 1904. Цѣна 1 р. 50 к. **Труды пермской губернской ученой архивной комиссіи.** VII. Пермь. 1904. **А. Де-Морсье.** Права женщины. Вопросы соціальнаго воспитанія. Перев. съ франц. Эльтъ. С.-Пб. 1904. Ц. 50 к. **Эмиль Вандервельде.** Бѣгство въ города и обратная тяга въ деревню. Перев. съ франц. Л. П. Никифоровъ. Изд. С. Скирумта. М. Ц. 1 р. **Е. Смирновъ.** Очеркъ теоріи цѣнности. С.-Пб. 1904. **Памяти проф. В. В. Докучаева.** Кружокъ любителей естествознанія, сельскаго хо-зяйства и лѣсоводства при ново-александрійскомъ институтѣ. С.-Пб. 1904.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

1904 годъ. ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ II-й годъ.

Научное Слово

издающийся при содѣйствіи нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго университета. Ближайшее участіе въ редакціи журнала принимаютъ: проф. Н. А. Умовъ, проф. В. О. Ключевскій, прив.-доц. М. М. Богословскій, проф. П. И. Новгородцевъ, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. кн. С. Н. Трубецкой.

Въ ближайшихъ книгахъ предполагается напечатать между прочимъ слѣдующія статьи: I. ОТДѢЛЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ: проф. Д. А. Гольдгаммеръ, „Наука и истина“; прив.-доц. Н. П. Кастеринъ, „Жидкій воздухъ“; проф. Э. Е. Лейстъ, „Полярныя сіянія и магнитныя возмущенія“; проф. Б. К. Млодѣевскій, „О безконечно-малыхъ“; проф. А. П. Павловъ, „Катастрофа 1902 г. на о. Мартиникъ“; Д. Н. Соболевъ, „Причины вулканическихъ изверженій“; проф. Н. А. Умовъ, „Недоразумѣнія въ пониманіи нѣкоторыхъ выводовъ естественныхъ наукъ“; П. В. Циклинская, „Тепло и холодъ въ жизни бактерій“. II. ОТДѢЛЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ: А. В. Баулеръ, „О символизмѣ“; проф. П. Г. Виноградовъ, „Аграрный кризисъ въ римской имперіи“; проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, „Политическіе идеалы М. М. Сперанскаго“; проф. В. О. Ключевскій, „Памяти С. М. Соловьева“, „Очеркъ изъ исторіи Московскаго государства“; проф. Д. М. Петрушевскій, „Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства“; проф. кн. Е. Н. Трубецкой, „Новое введеніе въ исторію революціи 1789 года“; проф. кн. С. Н. Трубецкой, „Этюды по исторіи греческой религіи“. III. ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ЮРИДИЧЕСКІЙ: прив.-доц. Н. В. Давыдовъ, „Новое уголовное уложеніе“; проф. В. М. Хвостовъ, „Проектъ новаго гражданскаго уложенія“. IV. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ: проф. П. И. Новгородцевъ, „О принципѣ морали“.

Всѣ новые подписчики на 1904 г. получаютъ бесплатно начало статей проф. И. И. Мечникова „Этюды о природѣ человѣка“.

Въ текстѣ журнала помѣщаются чертежи, карты, рисунки, портреты и снимки съ различныхъ произведеній искусства. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюня и іюля, книгами въ размѣрѣ отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за десять книгъ: безъ доставки въ Москвѣ на годъ 5 р. 50 к., на полгода 3 р. 75 к., съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ 6 р., на полгода 3 р.; за границу 8 р. Для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ годовая цѣна уменьшается на 1 руб.

Комплекты 1903 г. разошлись. Отдѣльные №№ (1, 3—10) продаются по 60 к. каждый. Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи (Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина) и въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи). Гг. иногороднихъ просятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

Издатель прив.-доц. **Г. К. Рахмановъ.**

Редакторъ проф. **Н. А. Умовъ.**

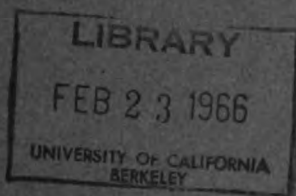

Книга VII.

1904

Научное Слово.

Москва.

Книга VII.

1904 г.

Научное Слово.

Москва.

Дозволено цензурою. Москва, 28 августа 1904 г.

тип.-лит. т-ва И. И. ДИШНЕРОВЪ в М. москв.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ТЕПЛО И ХОЛОДЪ ВЪ ЖИЗНИ БАКТЕРІИ. П. В. Цивлинской .	5
II. ОЧЕРКИ ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ. (<i>Окончаніе</i>). Проф. М. М. Покровскаго	22
III. НОВОЕ ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИСТОРИЮ РЕВОЛЮЦІИ 1789 ГОДА. Проф. кн. Е. Н. Трубецкаго	39
IV. АГРАРНЫЙ КРИЗИСЪ ВЪ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ. Проф. П. Г. Виноградова.	56
V. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ СРЕДНЕВѢКОВАГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА. (<i>Продолженіе</i> .) Проф. Д. М. Петрушевскаго . .	70
VI. ХРОНИКА НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ („Явленія радиоактивности“. Проф. Н. А. Умова. — „Гроза и вихрь 16 іюня 1904 г. въ Москвѣ и ея окрестностяхъ“ (<i>съ 7 рисунками</i>). Прив.-доц. Г. К. Рахманова. — „Новости иностранной литературы и журналистики“. Ю. А. Веселовскаго. — „Соціальныя причины паденія античной культуры“. Макса Вебера (переводъ подъ редакц. проф. Д. М. Петрушевскаго)	93
VII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. М. О. Гершензона	125
VIII. БИБЛІОГРАФІЯ. (А. Голлеманъ: „Учебникъ органической химіи“. Л. А. Чугаева. — І. Малиновскій: „Рада великаго княжества Литовскаго“. М. К. Любавскаго. — В. Сергѣевичъ: „Русская Правда“. М. М. Богословскаго. — „Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности“. — Г. Б. Юдлосъ: „Письма изъ Берлина“. С. А. Шуманова. — А. И. Чупровъ: „Мелкое земледѣліе въ Россіи и его основныя нужды“. М. И. Фридмана. — Титъ Лукрецій Каръ: „О природѣ вещей“. Перев. Ив. Рачинскаго. Н. В. Самсонова. — „Комиссія по организаціи домашняго чтенія“. В. Ф. Икономова	134
IX. ЗАСѢДАНІЯ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.	
X. ОБЪЯВЛЕНІЕ.	

Тепло и холодъ въ жизни бактерій.

Среди разнообразныхъ внѣшнихъ условій, выполнение которыхъ необходимо для нормальной жизнедѣтельности каждаго организма, однимъ изъ самыхъ существенныхъ и важныхъ является температура окружающей среды.

Всякому организму свойственна извѣстная норма температуры, рѣзкое нарушеніе которой обыкновенно самымъ неблагоприятнымъ образомъ отражается на его жизненнымъ отправленіяхъ.

Изъ этого общаго правила не составляютъ исключенія и бактеріи. Какъ извѣстно, бактеріи стоятъ на одной изъ самыхъ низшихъ ступеней органическаго развитія. Если я тѣмъ не менѣе предполагаю въ этомъ очеркѣ ближе остановиться на роли, которую играетъ тепло и холодъ въ жизни именно этихъ простѣйшихъ по своей организаціи микроскопическихъ существъ, то это главнымъ образомъ потому, что нѣкоторыя бактеріи, а также нѣкоторые изъ числа близко стоящихъ къ нимъ низшихъ организмовъ, проявляютъ въ отношеніи своемъ къ температурнымъ условіямъ много чрезвычайно своеобразнаго и совершенно непохожаго на то, что мы привыкли видѣть у другихъ болѣе развитыхъ и совершенныхъ живыхъ существъ растительнаго и животнаго царствъ.

Съ самаго начала мы должны сказать, что для очень многихъ микробовъ предѣлы температуры, въ которыхъ нормально протекаетъ ихъ жизнь, сравнительно узки и заключаются приблизительно въ тѣхъ же границахъ (отъ 5°—45°Ц.), которыя необходимы и для большинства другихъ организмовъ. Среди этихъ двухъ крайнихъ точекъ лежитъ такъ называемый *optimum* ихъ роста, т.-е. температура особенно благоприятная для жизни данной бактеріи. Эта температура опредѣляется тѣми условіями, въ которыхъ обычно приходится жить данному микробу. Такъ, есть бактеріи, лучше всего развивающіяся при комнатной температурѣ—16°—20°. Онѣ во множествѣ распространены повсюду. Другія бактеріи приспособ-

собились къ болѣе высокой температурѣ и имѣютъ оптимумъ, ближе лежащій къ высшему предѣлу роста. Сюда относится группа болѣзнетворныхъ (патогенныхъ) микробовъ, паразитовъ, находящихъ благоприятныя для себя условія въ тѣлѣ теплокровныхъ животныхъ. Есть, наконецъ, бактеріи, которыя живутъ при сравнительно очень низкой температурѣ, — 3°—4°. Онѣ большею частью живутъ въ холодныхъ моряхъ. Нѣмецкій ученый Fischer нашелъ, напр., такихъ бактерій въ водѣ кильской гавани. Были онѣ найдены также и въ почвѣ. Для этихъ бактерій низкая температура вполне благоприятна и нисколько не мѣшаетъ имъ развиваться и выполнять всѣ свойственныя имъ физиологическія функціи, напр., способности выдѣлять различные пигменты, производить свѣченіе моря¹⁾ и проч.

Каково же, спрашивается, отношеніе всѣхъ этихъ бактерій къ температурамъ, лежащимъ за упомянутыми нами средними предѣлами, т.-е. ниже 0° и выше 45°? Разберемъ послѣдовательно, какое вліяніе оказываетъ на нихъ чрезмѣрно низкая и чрезмѣрно высокая температура.

Дѣйствіе холода.

Мы всѣ знаемъ, что на высшіе организмы холодъ дѣйствуетъ, вообще говоря, губительно, хотя и далеко не въ одинаковой степени въ различныхъ случаяхъ.

Теплокровныя животныя, благодаря энергичной продукціи тепла и весьма совершенному регуляторному аппарату, а также различнымъ защитительнымъ приспособленіямъ, долгое время успѣшно выдерживаютъ охлажденіе извнѣ. Однако искусственное охлажденіе такихъ животныхъ не болѣе какъ до 18°Ц. влечетъ уже за собою рядъ болѣзненныхъ симптомовъ, которые обыкновенно скоро — черезъ 12—13 часовъ — оканчиваются смертью, если только животное не будетъ возвращено во-время въ болѣе благоприятныя условія.

Холоднокровныя животныя менѣе чувствительны къ охлажденію. Извѣстно, напр., что лягушки могутъ быть оживлены послѣ

1) Свѣченіе моря чаще всего обуславливается присутствіемъ въ морской водѣ такъ называемыхъ фосфоресцирующихъ бактерій, которыя первоначально развиваются на поверхности мертвыхъ рыбъ и отсюда уже въ громадныхъ количествахъ смываются въ воду. Обыкновенно каждый всплескъ воды, вызывающій соприкосновеніе этихъ бактерій съ кислородомъ воздуха, влечетъ за собой вспышки свѣта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ однако все море на далекое разстояніе кажется свѣтящимся, и явленіе это можетъ продолжаться въ теченіе многихъ часовъ.

охлажденія до 0°. Если мы спустимся еще ниже въ систему живыхъ существъ и обратимся къ беспозвоночнымъ, то встрѣтимъ здѣсь примѣры еще большей выносливости по отношенію къ холоду.

Еще въ XVIII столѣтіи было сдѣлано не мало наблюденій надъ различными насѣкомыми: комарами, мухами, пчелами и особенно надъ гусеницами, доказывающихъ большую выносливость этихъ животныхъ къ холоду. Извѣстно, напр., что шелковичный червь (Юсть) можетъ быть замороженъ до такой степени, что онъ дѣлается хрупкимъ, ломается на куски; но если его перенести въ благоприятную температуру, то онъ оживаетъ и продолжаетъ жить нормальнымъ образомъ. Въ недавнее время русскій ученый Бахметевъ подробно изучилъ эти интересныя явленія и вполнѣ подтвердилъ старыя наблюденія надъ замораживаніемъ насѣкомыхъ. Онъ пришелъ къ выводу, что если переохлажденіе не влечетъ за собой *полнаго* затвердѣнія *всѣхъ* соковъ организма, то животное не теряетъ способности къ оживленію. Но самые поразительные факты устойчивости по отношенію къ холоду мы встрѣчаемъ среди бактерій.

Уже давно было замѣчено, что во льду всегда находятся бактеріальные зародыши, и ледъ не только не является средствомъ для избавленія отъ нихъ, но, наоборотъ, представляетъ хорошее условіе для болѣе продолжительнаго сохраненія ихъ жизнеспособности. Специальныя изслѣдованія льда, произведенныя многими бактеріологами, показали, что большее или меньшее содержаніе въ немъ бактерій зависитъ отъ качества воды, изъ которой ледъ былъ полученъ (Fränkel, Bordoni-Uffreduci, Prudden и др.). Такъ, въ одномъ граммѣ искусственно приготовленнаго льда изъ дистиллированной воды ихъ оказывается ничтожное количество—8—10, иногда 2, 3 и даже 0 (Fränkel); во льду же, взятомъ изъ колодцевъ и другихъ различныхъ источниковъ, снабжающихъ Берлинъ, тотъ же авторъ насчитывалъ ихъ отъ 2.200 до 50.000 въ одномъ кубическомъ сантиметрѣ.

Точно такъ же ничтожное количество бактерій было найдено во льду горныхъ ледниковъ, а также въ полярныхъ странахъ, гдѣ, какъ мы увидимъ ниже, количество бактерій вообще ничтожно. Наоборотъ, ледъ, взятый изъ рѣкъ, протекающихъ черезъ большіе города, изъ стоячихъ водъ, колодцевъ и проч., расположенныхъ въ густо населенныхъ мѣстностяхъ, оказывается крайне загрязненнымъ, и содержаніе бактеріальныхъ зародышей въ граммѣ его считается тысячами. Понятно, что такой ледъ представляетъ не меньшую опасность въ санитарномъ отношеніи въ смыслѣ источника

зараженія, нежели та вода, изъ которой онъ образовался. О степени же загрязненія воды рѣкъ большихъ городовъ можно судить по слѣдующему примѣру: въ 1 куб. сант. воды Сены, которая, какъ извѣстно, отличается особеннымъ загрязненіемъ, бактеріальныхъ зародышей насчитывается до 600.000.

Въ смыслѣ дѣйствія на болѣзнетворныхъ бактерій холода нашихъ зимъ интересны наблюденія д-ра Абеля, показавшаго, что дифтеритная палочка не только не погибаетъ при сохраненіи ея въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ при -20° , но даже лучше выживаетъ въ этихъ условіяхъ, нежели при храненіи ея въ комнатной температурѣ. Далѣе, изъ опытовъ Рапчевскаго и Внукова извѣстно, что холерный вибрионъ переноситъ безъ малѣйшаго вреда непрерывное дѣйствіе въ продолженіе пѣлаго мѣсяца зимняго холода въ предѣлахъ отъ -12 до -32°Ц . Отсюда ясно, насколько неоснователенъ весьма распространенный предразсудокъ, что можно вымораживаніемъ помѣщеній, домашней утвари и т. п. освободиться отъ заразы.

Но только что приведенные факты относительно выносливости микробовъ къ холоду, несмотря на ихъ кажущуюся парадоксальность, еще далеко превосходятся тѣми результатами, которые были получены въ нашихъ лабораторіяхъ съ помощью тѣхъ необычайно низкихъ температуръ, какія въ естественныхъ условіяхъ никогда не наблюдаются на поверхности нашей планеты. Такъ Cagniard-Latour показалъ, что пивныя дрожжи, подвергнутыя дѣйствію смѣси CO_2 съ эфиромъ при 90° , еще не погибаютъ и даже не теряютъ своихъ ферментативныхъ свойствъ. Schumacher констатировалъ, что бактеріи не погибаютъ при кратковременномъ дѣйствіи даже температуры въ -113° . Frisch нашель, что еще много бактерій оказались живыми послѣ часового пребыванія ихъ при -87°Ц .

Все сказанное о вліяніи на бактерій холода относится къ ихъ вегетативнымъ формамъ, споры же, въ которыхъ жизнь находится въ скрытомъ состояніи, гораздо болѣе устойчивы по отношенію ко всѣмъ неблагоприятнымъ условіямъ и въ частности къ измѣненіямъ температуры. Такъ, устойчивость ихъ по отношенію къ дѣйствію низкихъ температуръ поразительна. По опытамъ Пиктэ и Юнга споры *bac. anthracis* (бац. сибирской язвы) и *bac. subtilis* сохраняютъ способность прорастанія, а *bac. anthracis* и свою патогенность послѣ 20 - часового дѣйствія температуры въ -130° или послѣ 108-часового дѣйствія температуры -70°Ц .

Такимъ образомъ, микробы, вообще говоря, оказываются удивительно индифферентными къ низкой температурѣ. Несомнѣнно

однако, что жизненные функции ихъ ниже 0° подавлены: микробы не размножаются, внутри ихъ организма не происходитъ химическихъ процессовъ: такъ, не имѣютъ мѣста вызываемыя ими явленія броженія, фосфоресценціи, не происходитъ также выдѣленія пигментовъ.

Это стоитъ въ связи съ извѣстнымъ фактомъ, что всѣ вообще химическіе процессы при низкой температурѣ протекають лишь крайне медленно, почти съ неизмѣримо малой скоростью. На этомъ основаніи охлажденіе различныхъ органическихъ веществъ, напр., пищевыхъ продуктовъ, примѣняется для сохраненія ихъ отъ порчи, обусловливаемой развитіемъ гнилостныхъ и иныхъ бактерій.

Вліяніемъ низкой температуры на бактерій въ смыслѣ задержки ихъ размноженія объясняется почти полное отсутствіе микробовъ на высокихъ горахъ въ области вѣчнаго льда, а также въ полярныхъ странахъ.

Ислѣдователи ледниковъ и путешественники, посѣтившіе полярныя страны, приводятъ много любопытныхъ наблюденій въ этомъ отношеніи. Пастёръ первый показалъ, что въ такомъ воздухѣ почти нѣтъ живыхъ зародышей: настойки мяса, предварительно стерилизованныя и затѣмъ выставленныя въ различныхъ мѣстахъ Шпицбергена въ открытыхъ сосудахъ для доступа къ нимъ микробовъ изъ воздуха съ цѣлью вызвать процессы гніенія, такъ и оставались стерильными; если же процессъ этотъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и начинался, то гораздо позднѣе сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда онъ начался бы въ мѣстахъ не сѣверныхъ широтъ.

Ничтожное количество бактерій въ воздухѣ полярныхъ странъ, несомнѣнно, обусловливаетъ ихъ здоровый климатъ; живительныя свойства ихъ воздуха общеизвѣстны. Въ мемуарахъ Nordenskiolda, Нансена и др. путешественниковъ мы нерѣдко встрѣчаемъ восторженные отзывы о цѣлебности климата этихъ холодныхъ странъ и объ отсутствіи въ нихъ случаевъ заболѣванія различными инфекціонными болѣзнями, столь обычными для нашихъ широтъ. Д-ръ Lewin, посѣтившій съ научною цѣлью Шпицбергенъ и Медвѣжій островъ, рассказываетъ, что ему случалось по нѣскольку дней сряду ходить въ этихъ странахъ съ промокшей одеждой и башмаками, подвергаться урагану и вѣтру, дрогнуть и, несмотря на все это, оставаться все время совершенно здоровымъ, не получая даже насморка.

Зародыши бактерій заносятся только изрѣдка и въ небольшомъ числѣ въ эти отдаленныя страны; заносятся они или съ помощью

вѣтра или случайно залетѣвшей птицей, наконецъ человѣкомъ. Не находя условій для своего размноженія, они мало-по-малу отмираютъ, какъ умираетъ постепенно все живое. Вотъ почему въ каждый данный моментъ мы и находимъ здѣсь лишь самое ничтожное количество жизнеспособныхъ зародышей.

Т е п л о .

Несравненно сильнѣе, нежели холодъ, сказывается на жизнедѣятельности микробовъ вліяніе чрезмѣрно высокой температуры и вообще всякое отклоненіе ея кверху отъ температуры, нормальной для даннаго вида. Не только разнообразныя фізіологическія функціи бактерій претерпѣваютъ при этомъ болѣе или менѣе глубокое нарушеніе, но нерѣдко измѣняются и болѣе устойчивыя морфологическія признаки клѣтки. Такъ, было замѣчено, что повышеніе температуры противъ нормы способствуетъ удлиненію бацилярныхъ формъ. Въ опытахъ Wasserzug'a 5-тиминутное нагрѣваніе при 50° одного бацилла, выдѣленнаго имъ изъ воды и для котораго нормальная температура была 20°, обуславливало полученіе длинныхъ палочекъ вмѣсто чрезвычайно маленькихъ бациллъ, трудно отличимыхъ отъ кокковъ. Мнѣ самой приходилось не разъ наблюдать аналогичныя измѣненія у термофильныхъ бактерій, о которыхъ рѣчь впереди. Не менѣе интересно вліяніе температуры на фізіологическія функціи микробовъ. Сравнительно легко, напримѣръ, путемъ измѣненія температурныхъ условій, бактерій, вырабатывающихъ пигменты лишитъ этой способности. Такъ, если изъ поколѣнія въ поколѣніе выращивать *bac. prodigiosus* при 37° вмѣсто его оптимальной температуры 20°, то мало-по-малу вмѣсто красивыхъ ярко окрашенныхъ въ красный цвѣтъ культуръ этого микроба получаютъ совершенно безцвѣтныя разводки. Въ такой же степени измѣняется подъ вліяніемъ температуры такъ называемая вирулентность—одно изъ существенныхъ жизненныхъ свойствъ патогенныхъ микробовъ. И здѣсь происходятъ подобныя же явленія: вирулентность уменьшается все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ температура, удаляясь отъ *optimum*'а роста, приближается постепенно къ границѣ остановки жизни, и при этомъ опыты можно обставить такимъ образомъ, что вирулентность совсѣмъ исчезаетъ, и жизнеспособность микробовъ сохраняется. Этимъ именно принципомъ воспользовался Пастѣръ, когда онъ открылъ оказавшіяся столь плодотворными въ практическомъ приложеніи сибиреязвенныя вакцины. Впослѣдствіи возвышенная температура употреблялась неоднократно для аналогичныхъ цѣлей; укажемъ, напримѣръ, что виру-

лентная культура дифтеритнаго бацилла совершенно лишается способности вырабатывать свой характерный токсинъ (ядъ), если ее воспитывать въ теченіи нѣкотораго времени при температурѣ на нѣсколько градусовъ выше *optimum*'а (37°).

Наконецъ, ненормальное повышеніе температуры рѣзко сказывается и на чисто химической дѣятельности микробовъ, значительно понижая ее интенсивность: такъ, напр., молочно-кислое броженіе, вызываемое специфическимъ микробомъ, протекаетъ лучше всего при 35°—42°, ослабѣваетъ при высшихъ температурахъ и совершенно останавливается около 46°. Алкогольное броженіе идетъ интенсивно при 25 — 30° и совсѣмъ не происходитъ между 40—45° и т. д.

Всѣ вышеописанныя нарушенія нормальной жизни микробовъ, за извѣстными предѣлами повышенія температуры, дѣлаются настолько рѣзкими, что жизнь клѣтки становится невозможной, и организмъ погибаетъ. Условія, при которыхъ наступаетъ гибель бактерій отъ перегрѣванія, вообще говоря, различны для отдѣльныхъ случаевъ, не говоря уже о томъ, что они находятся въ непосредственной зависимости отъ продолжительности нагрѣванія. Однако можно указать для большинства микробовъ нѣкоторую общую норму въ этомъ отношеніи. Именно, нагрѣваніе до температуры близкой къ 60° въ теченіе 10 минутъ является губительнымъ въ большинствѣ случаевъ. Для иллюстраціи приведемъ нѣсколько примѣровъ. По опытамъ Штернберга, холерный вибрионъ, напр., погибаетъ при 52° уже черезъ 4 минуты; тифозный бациллъ и бациллъ синяго гноя (*bac. pyocyaneus*) при 56° черезъ 10 минутъ. Извѣстный уже намъ *bac. prodigiosus* при 58° въ теченіе 10 минутъ; стрептококкъ, возбудитель рожи, ангины, также различнаго рода нагноеній, зараженія крови и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней, погибаетъ, будучи нагрѣтъ до 54°, въ теченіе 10 минутъ. Стафилококки, особый типъ микробовъ, производящіе, подобно стрептококку, нагноеніе, погибаютъ при 62° въ теченіе того же промежутка времени и т. д.

Все сказанное о вліяніи на бактерій температуры, уклоняющейся въ ту или другую сторону отъ *optimum*'а, относилось къ такъ называемымъ вегетативнымъ формамъ. Споры же, въ которыхъ жизнь находится въ скрытомъ состояніи, гораздо болѣе устойчивы ко всѣмъ неблагоприятнымъ условіямъ и въ частности къ измѣненіямъ температуры. Кипяченіе даже въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ не въ состояніи ихъ уничтожить, а потому бактериологи, желая окончательно устранить зародыши микроорганизмовъ изъ своихъ приборовъ, сосудовъ съ питательными жидкостями и пр., иными

словами, желая произвести полную стерилизацию этих послѣднихъ, должны дѣйствовать на всѣ эти объекты болѣе высокой температурой. Въ присутствіи влаги безусловно стерильнымъ для всѣхъ бактеріальныхъ формъ, даже самыхъ устойчивыхъ, можно считать нагрѣваніе до 120° въ теченіе $\frac{1}{4}$ часа ¹⁾. Это крайній предѣлъ, за которымъ сохраненіе жизнеспособности даже для показанныхъ формъ признается абсолютно невозможнымъ.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что споры, будучи устойчивы къ нагрѣванію до высокихъ температуръ, могутъ прорасти только при несравненно низшей температурѣ, именно при той, которая вообще свойственна данному виду.

Итакъ, въ общемъ для цѣлаго ряда микробовъ высшіе температурные предѣлы роста сравнительно не высоки и мало отличаются отъ таковыхъ же предѣловъ, наблюдаемыхъ для организмовъ, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ развитія. Тѣмъ поразительнѣе является существованіе въ природѣ такихъ микроорганизмовъ, для которыхъ ненормально-высокая температура не только не представляется губительной, но, наоборотъ, оказывается благоприятнымъ, перѣдко даже необходимымъ условіемъ существованія. Представители этой особой биологической группы получили названіе «термофильныхъ» микробовъ. Многіе изъ нихъ не способны жить и размножаться не только при комнатной температурѣ, но и при 37° , составляющей optimum для цѣлаго ряда другихъ микроорганизмовъ. Для термофильныхъ микробовъ эта температура слишкомъ низка; optimum ихъ роста лежитъ гораздо выше той границы, за которой вполнѣ прекращается развитіе и даже жизнь всѣхъ остальныхъ микроорганизмовъ.

Въ виду того, что эти микробы, приспособившіеся къ жизни при высокой температурѣ, представляютъ замѣчательное биологическое явленіе, во многихъ отношеніяхъ весьма интересное для фізіолога и химика, мы остановимся на немъ подробнѣе, тѣмъ болѣе что путемъ изученія его можно подняться, подойти къ выясненію вопроса о томъ, какъ вообще возникло въ природѣ столь необыкновенное отношеніе организмовъ къ температурѣ.

Термофильныя бактеріи сравнительно недавно стали извѣстны. Еще въ 70-хъ годахъ Сohn утверждалъ, что при температурѣ $50—55^{\circ}$ Ц. прекращается всякое развитіе бактерій, не можетъ уже образоваться ни споръ, ни новыхъ вегетативныхъ формъ. Но всего спустя три года послѣ этого французскій ученый Miquel открылъ

¹⁾ Для этого на практикѣ употребляется особый аппаратъ, родъ Папянова котла, который извѣстенъ подъ названіемъ автоклава.

въ водѣ Сены неподвижнаго бацилла, способнаго прекрасно жить и размножаться еще при 70°.

Существованіе подобнаго микроба на первый взглядъ представляется почти парадоксальнымъ. Любопытно видѣть, говоря словами Miquel'я, что живое существо развивается въ такой горячей жидкости, въ которой свертывается бѣлокъ и рука получаетъ ожоги въ теченіе нѣсколькихъ секундъ. Мы увидимъ, что дѣйствительность заставила ученыхъ примириться съ существованіемъ этихъ бактерій какъ съ фактомъ. Но рациональное объясненіе этого факта, далеко еще не найдено.

Съ тѣхъ поръ какъ Miquel сдѣлалъ свое интересное наблюденіе, термофильные микробы были подвергнуты систематическому изслѣдованію. Оказалось, что зародыши этихъ организмовъ самымъ широкимъ образомъ распространены въ природѣ, и мы имѣемъ основаніе думать, что эти бактеріи представляютъ не какое-нибудь случайное явленіе, а играютъ извѣстную роль въ экономіи природы. Большое количество термофильныхъ бактерій находится въ почвѣ на различной глубинѣ и притомъ во всевозможныхъ климатическихъ условіяхъ. Были онѣ далѣе найдены въ водѣ стоячей и проточной, въ рѣчномъ илѣ и, что можетъ быть особенно интересно, въ свѣже-выпавшемъ снѣгѣ, куда онѣ, очевидно, попадаютъ изъ воздуха. Въ молокѣ, въ экскрементахъ самыхъ разнообразныхъ животныхъ, теплокровныхъ и холоднокровныхъ и, наконецъ, во рту и по всему пищеварительному тракту человѣка также находятъ термофильныхъ бактерій. Словомъ, зародыши ихъ разсѣяны рѣшительно повсюду, и въ окружающей насъ природѣ едва ли удастся найти уголокъ, свободный вполнѣ отъ ихъ присутствія.

Въ числѣ особенно важныхъ мѣстъ находженія термофильныхъ бактерій необходимо упомянуть еще о горячихъ источникахъ. Будучи богаты минеральными солями и обладая постоянно высокой температурой, они представляютъ собою благопріятныя условія для развитія термофиловъ. И дѣйствительно, давно уже, несмотря на видимую невѣроятность этого явленія, стали отмѣчать, что въ горячихъ источникахъ могутъ жить нѣкоторые организмы.

Первыя извѣстія о живыхъ существахъ, обитающихъ въ горячихъ источникахъ, относятся еще къ концу прошлаго вѣка.

Самымъ обычнымъ и наиболѣе выносливымъ населеніемъ горячихъ источниковъ, повидимому, являются водоросли, о которыхъ упоминаютъ всѣ авторы, занимавшіеся этимъ вопросомъ. Наивысшая температура — 98°, при которой находили живыхъ водорослей (*Conferva*), была показана Flourens'омъ въ 1846 году. Затѣмъ Brewer въ Гейзерѣ, вблизи С.-Франциско, нашелъ формы *Nostoc*

при температурѣ 93°. Ehrenberg наблюдалъ сплошной войлокъ изъ зеленыхъ и красныхъ водорослей въ горячихъ источникахъ о-ва Искія съ температурой 65—68°. Еще болѣе удивительными кажутся намъ указанія Ehrenberg'а, который утверждаетъ, что ему удавалось наблюдать при 65—68° цѣлый рядъ сравнительно высокоорганизованныхъ живыхъ формъ, наприм., коловратокъ, ракообразныхъ и моллюсковъ. Аналогичныя указанія мы находимъ и у многихъ другихъ авторовъ, упоминающихъ даже о лягушкахъ и рыбахъ, живущихъ при температурѣ въ 50—55° Ц. Однако наблюденія Норре Seyler'а показали, что Ehrenberg и другіе авторы впали въ ошибку благодаря тому, что ими не была точно опредѣлена температура именно той воды, въ которой находились указанные животныя.

Самому Норре Seyler'у пришлось наблюдать въ горячихъ источникахъ съ температурой 55° Ц. вблизи Bataglia цѣлыя стаи маленькихъ рыбъ, быстро снующихъ по всѣмъ направленіямъ. Можно было бы подумать, что онѣ дѣйствительно легко переносятъ такую высокую температуру. Однако на самомъ дѣлѣ оказалось, что термометръ показывалъ 55° лишь въ поверхностномъ слоеѣ источника, тогда какъ на нѣкоторой глубинѣ температура была только 25° Ц. При болѣе тщательномъ наблюденіи Норре Seyler замѣтилъ, что рыбы все время придерживались болѣе глубокихъ слоевъ, и если которой-нибудь изъ нихъ случалось подплыть слишкомъ высоко, то она или быстро спасалась бѣгствомъ или, если не успѣвала этого сдѣлать, ѡскорѣ погибала. Несмотря однако на этотъ фактъ, на основаніи послѣднихъ работъ, особенно работъ итальянскаго ученаго Issel'я, надо признать, что термобіозъ, т.-е. жизнь при высокихъ температурахъ, имѣетъ мѣсто и для высокоорганизованныхъ существъ, хотя въ такихъ случаяхъ температурныя границы и не доходятъ до тѣхъ высокихъ предѣловъ, какіе были указаны Ehrenberg'омъ. Своими систематическими и тщательными изслѣдованіями Issel доказалъ внѣ всякаго сомнѣнія существованіе «термальной фауны», свойственной горячимъ источникамъ различныхъ областей Италіи и отличающейся по отношенію къ температурнымъ условіямъ гораздо большей устойчивостью по сравненію съ обыкновенной.

Не входя въ подробное изложеніе весьма интересной работы Issel'я, скажу только, что этотъ авторъ упоминаетъ о простѣйшихъ (Protozoa), живущихъ при 54½° Ц., о червяхъ (Turbellaria, Nematodae, Anellidae), живущихъ въ температурѣ отъ 40—46° Ц., о моллюскахъ (Gastropodae)—при 41°, наконецъ о членистоногихъ (Arthropoda) и насѣкомыхъ, живущихъ при 40° и выше, до 46°.

Если термальные воды оказываются, как мы видели, населенными такими высокоорганизованными животными, как черви, насекомые и моллюски, то темъ съ большимъ правомъ мы можемъ ожидать встрѣтить тамъ бактерій, существъ наименѣе требовательныхъ и наиболѣе легко приспособляющихся къ самымъ неблагоприятнымъ внѣшнимъ условіямъ. И дѣйствительно, изслѣдованія показали, что въ составѣ термального населенія немаловажную роль играютъ и термофильныя бактеріи (Karlinsky, Certes, Teich и др.). Только что поименованными учеными было констатировано присутствіе термофильныхъ бактерій въ горячихъ источникахъ Босніи съ температурой 51—58° и въ источникахъ Luchon, на югѣ Франціи; затѣмъ авторомъ этихъ строкъ былъ констатированъ цѣлый рядъ термофильныхъ бактерій въ горячихъ источникахъ о-ва Искія близъ Неаполя. Источники, откуда взята была вода, имѣли температуру 43°, 51°—73°. Употребляя обыкновенныя бактериологическіе приемы для обнаруженія бактеріальныхъ зародышей въ имѣвшихся образчикахъ воды, мнѣ удалось выдѣлить 5 видовъ, изъ которыхъ три прекрасно росли при 70° и вовсе не давали роста ниже 50°. При такой высокой температурѣ они росли въ высшей степени быстро, интенсивно, проявляя обычно свойственныя бактеріямъ біологическія функціи (образованіе споръ, выдѣленіе ферментовъ и пр.).

Для характеристики термофильныхъ свойствъ этихъ микробовъ интересно отмѣтить, что культивированіе такихъ бациллъ при 55° оказывало на нихъ уже неблагоприятное дѣйствіе, выражавшееся въ томъ, что бактеріи теряли свой нормальный видъ и давали уродливыя формы, которымъ въ бактериологіи даютъ названіе «инволюціонныхъ»; такая температура была для нихъ уже слишкомъ низка. Перенесеніемъ выращенныхъ при 55° ненормальныхъ формъ въ благоприятную для нихъ температуру 65—70° можно было вновь получить нормальныя формы.

Изъ только что изложеннаго мы должны заключить, что жизнь при высокой температурѣ, или термобіозъ есть явленіе, широко распространенное въ природѣ, несравненно болѣе обычное, нежели можно было бы думать. Мы уже видели, что оно не ограничивается однимъ только міромъ бактерій. Къ наблюденіямъ другихъ авторовъ въ этомъ отношеніи я могла бы еще добавить свои собственныя, касающіяся особаго рода плѣсневыхъ грибовъ, относительно которыхъ мнѣ удалось установить способность ихъ жить при сравнительно высокой температурѣ. Одинъ изъ такихъ грибовъ—*Thermomyces lanuginosus* былъ полученъ мною изъ соломы. Затѣмъ цѣлый рядъ такъ называемыхъ лучистыхъ грибовъ (*Acti-*

помусов) найденъ былъ въ землѣ и экскрементахъ различныхъ животныхъ. Наконецъ, въ самое послѣднее время мнѣ удалось найти термофильную расу изъ сем. мукуровыхъ плѣсневыхъ грибовъ.

Столь широкое распространение термобіоза среди различныхъ представителей низшихъ организмовъ невольно заставляетъ спросить себя: гдѣ находятъ всѣ эти организмы благопріятныя условія для своей жизнедѣятельности? Конечно, горячіе источники по самому существу дѣла могутъ считаться удобной почвой для произрастанія и развитія этихъ существъ. Но на земной поверхности источники эти встрѣчаются сравнительно рѣдко, представляя явленіе скорѣе исключительное. Между тѣмъ мы видѣли, что зародыши термофильныхъ микробовъ разсѣяны повсюду въ природѣ и притомъ въ большомъ количествѣ. Среди этихъ зародышей не малое число принадлежитъ «облигатнымъ» термофиламъ, т.-е. такимъ, для которыхъ очень высокая температура является *необходимымъ* условіемъ жизни. Естественно возникаетъ вопросъ: гдѣ же живутъ и размножаются эти микробы, особенно въ нашемъ суровомъ климатѣ?

Нѣкоторое размышленіе указываетъ намъ, что условія эти дѣйствительно существуютъ и создаются въ большинствѣ случаевъ дѣятельностью особаго рода бактерій же. Эти послѣднія, носящія названіе термогенныхъ, являются обычными возбудителями процессовъ разложенія различныхъ органическихъ веществъ, особенно углеводистаго характера. Химическіе процессы, большею частью окислительные, производимые этими микробами, сопровождаются обильнымъ выдѣленіемъ тепла,—отсюда и названіе «термогенныхъ» бактерій.

Результаты дѣятельности этихъ послѣднихъ обуславливаютъ такія общеизвѣстныя явленія, какъ разогрѣваніе навоза, утилизируемое для парниковъ, разогрѣваніе сѣна въ копнахъ и хлопка въ тюкахъ, доходящее до самовозгоранія этихъ продуктовъ. Вотъ этимъ-то тепломъ и пользуются термофильныя бактеріи; это тепло даетъ имъ пріютъ на болѣе или менѣе продолжительное время, несмотря на сравнительно низкую температуру окружающей среды.

Съ вопросомъ объ условіи существованія термофильныхъ бактерій тѣсно связаны два другихъ, еще болѣе интересныхъ съ общебіологической точки зрѣнія. Мы можемъ спросить себя, во-первыхъ: въ какомъ отношеніи термофильныя бактеріи находятся къ другимъ нетермофильнымъ видамъ, какимъ путемъ представить себѣ ихъ происхожденіе?

А съ другой стороны, возникаетъ вопросъ о сущности самаго

явленія термобіоза, о природѣ того механизма, при помощи котораго дѣлается возможнымъ это удивительное явленіе?

Сравнительно легче дать отвѣтъ на первый изъ этихъ вопросовъ и такъ какъ нѣкоторый матеріалъ въ этомъ отношеніи заключается въ моихъ собственныхъ изслѣдованіяхъ, то я и позволю себѣ вкратцѣ передать ихъ результаты.

Среди различныхъ микробовъ, выдѣленныхъ мною изъ горячихъ источниковъ съ о-ва Искія, мнѣ пришлось между прочимъ обратить вниманіе на одну палочку, представляющую удивительное сходство съ однимъ микробомъ, весьма распространеннымъ въ природѣ и извѣстнымъ подъ именемъ сѣнной палочки (*bac. subtilis*)¹⁾. Подобно этому послѣднему, изолированная мною бактерія подъ микроскопомъ представлялась въ видѣ довольно крупной, подвижной палочки, способной образовать споры. Развиваясь на питательной жидкости (бульонѣ), она образовала характерную пленку на поверхности и т. д. Словомъ, ни по морфологическимъ, ни по биологическимъ свойствамъ ее не представлялось возможности отличить отъ *bac. subtilis*. Рѣзкая разница наблюдалась однако въ отношеніи обѣихъ бактерій къ температурѣ. Для *bac. subtilis* всѣ изслѣдователи, начиная съ Сohn'a, принимали, что эта бактерія не можетъ расти выше 50° и что даже при этой температурѣ развитіе ея почти уже прекращается. Между тѣмъ микробъ нашъ, полученный изъ горячаго источника, прекрасно развивался при 57° и относился, слѣдовательно, къ числу термофиловъ. Точное сравненіе этой палочки съ настоящимъ *bac. subtilis*, имѣвшимся въ нашей лабораторіи, окончательное убѣдило меня въ ихъ полномъ сходствѣ. При этомъ обнаружилось, что и нашъ лабораторный *bac. subtilis* также можетъ развиваться при 57°, хотя гораздо слабѣе, чѣмъ онъ же при 37° и чѣмъ микробъ горячаго источника при 57°.

Такимъ образомъ я имѣла второй образчикъ термофильной сѣнной палочки, на этотъ разъ извлеченный не изъ горячаго ключа, а культивированный много лѣтъ въ лабораторіи. Нѣсколько лѣтъ спустя мнѣ пришлось убѣдиться въ томъ, что существованіе термофильной разновидности *bac. subtilis* не представляетъ исключительнаго факта. Изслѣдуя термофильное населеніе кишечника человѣка и различныхъ животныхъ, я имѣла случай изолировать двѣ термофильныя разновидности обыкновенныхъ картофельныхъ палочекъ²⁾ (*bac. mesentericus vulgatus* и *bac. mes. fuscus*). Температурныя усло-

1) Весьма распространенные въ природѣ бациллы, встрѣчающіеся главнымъ образомъ на картофелѣ, откуда ихъ названіе.

2) Бациллъ этотъ неизмѣнно находится въ сѣнномъ настоѣ, откуда его названіе.

вія развитія этой палочки на основані цѣлаго ряда литературныхъ данныхъ близко подходятъ къ *bac. subtilis*, между тѣмъ найденныя мною разновидности отличались способностью расти и размножаться и при 57—58°, сохраняя при томъ всѣ морфологическіе и физиологическіе признаки обыкновенныхъ *bac. mesentericus*; аналогичныя термофильныя разновидности картофельныхъ палочекъ были найдены мною и среди культуръ, сохранявшихся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ лабораторіи. Всѣ эти наблюденія представляютъ существенный интересъ въ смыслѣ выясненія намѣченнаго нами вопроса о происхожденіи термофильныхъ микробовъ и объ ихъ отношеніи къ нетермофильнымъ видамъ.

Вообще говоря, на этотъ счетъ можно было бы сдѣлать два предположенія: или 1) явленіе *термобіоза* наблюдается среди особой морфологической группы организмовъ, переходъ которыхъ въ обыкновенныя микробы и обратно не можетъ происходить ни въ искусственныхъ, ни въ естественныхъ условіяхъ, или 2) обыкновенныя и термофильныя микробы имѣютъ общее происхожденіе.

Въ послѣднемъ случаѣ можно допустить, что самыя разнообразныя микробы, подъ вліяніемъ измѣненія среды, пріобрѣтаютъ на время или навсегда свойства термофильныхъ или же, наоборотъ, нетермофильныя микробы возникаютъ изъ термофильныхъ, приспособившихся къ болѣе низкой температурѣ.

Мнѣ кажется, что приведенныя мною наблюденія свидѣлствуютъ въ пользу справедливости второго предположенія (*общее* происхожденіе термофиловъ и обыкновенныхъ бактерій). На основаніи сказаннаго выше не можетъ подлежать сомнѣнію, что многіе изслѣдователи имѣли дѣло съ сѣнными и картофельными палочками, для которыхъ высшая граница роста совпадала съ 50°. Мнѣ самой приходилось не разъ выдѣлять *bac. subtilis* съ такими именно свойствами изъ сѣннаго настоя. Между тѣмъ существованіе другихъ разновидностей того же микроба, растущаго при 57—58°, тщательно провѣренное мною на цѣломъ рядѣ опытовъ, также не подлежитъ сомнѣнію. Оно доказываетъ, что *bac. subtilis* можетъ при извѣстныхъ условіяхъ становиться термофильнымъ. Возможность образованія термофильной разновидности *bac. subtilis* изъ нетермофильной въ природныхъ условіяхъ, въ связи съ нѣкоторыми наблюденіями, которыя мнѣ удалось сдѣлать за послѣднее время, позволяетъ думать, что, быть можетъ, удастся осуществить подобный переходъ *искусственно*, въ лабораторіи, и тогда мы увидимъ, какъ на нашихъ глазахъ термофильныя расы создаются изъ обыкновенныхъ микробовъ.

Дѣло въ томъ, что мнѣ удалось путемъ послѣдовательныхъ

перевивокъ нашей лабораторной культуры *bac. subtilis* въ значительной степени усилить его термофильныя свойства. Первоначально, какъ уже было сказано, онъ хотя и развивался при 57°, но значительно хуже того микроба, который былъ извлеченъ изъ горячаго источника; кромѣ того, подъ микроскопомъ наблюдалось большое число отмершихъ формъ. Но уже 10-я генерація давала болѣе пышный ростъ, и число отмершихъ формъ было значительно меньше, нежели у исходной культуры.

Я должна однако замѣтить, что такое приспособленіе къ повышенію температуры является лишь условнымъ и имѣетъ, по крайней мѣрѣ для *bac. subtilis*, строго опредѣленныя границы, за предѣлами которыхъ не удастся его культивировать по крайней мѣрѣ въ короткіе промежутки времени. Такъ, микробъ этотъ, дававшій въ 30-й генераціи пышный ростъ при 58°, совершенно переставалъ развиваться, когда температура повышалась только на $\frac{1}{2}^{\circ}$. Тѣмъ не менѣе возможно допустить, что, продолжая культивировать *bac. subtilis* при медленномъ и постепенномъ повышеніи температуры, можно достигнуть значительно болѣе высокой *maxim'*альной точки его развитія. Это предположеніе особенно подтверждается положительными результатами, полученными Dallingер'омъ при опытахъ, предпринятыхъ имъ въ томъ же направленіи надъ нѣкоторыми Protozoa.

Dallingер производилъ опыты надъ жгутиковыми инфузоріями, для которыхъ нормальная температура роста 15°,5. Культивируя ихъ при медленныхъ и постепенныхъ повышеніяхъ температуры, ему удалось повысить эту температуру на 5° въ теченіе 5 мѣсяцевъ, именно до 23°. Такое повышеніе шло довольно усиленно; но съ 23° уже начали проявляться у инфузорій неблагоприятныя симптомы, граничащіе со смертію. Хотя съ теченіемъ времени эти симптомы сглаживались, и инфузоріи привыкали къ данной температурѣ, однако дальнѣйшее повышеніе послѣдней шло чрезвычайно медленно, и для достиженія сравнительно большаго эффекта требовались цѣлыя годы. Для того чтобы иллюстрировать всю трудность выполненія подобныхъ опытовъ, достаточно сказать, что внезапное повышеніе температуры, даже по $\frac{1}{4}$ градуса, уже проявляло губительное дѣйствіе на инфузорій, и случалось, что въ теченіе цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ температура не могла быть повышена даже на такую ничтожную величину. Несмотря однако на всѣ эти затрудненія, благодаря настойчивымъ усиліямъ Dallingер'a, ему удалось, наконецъ, достигнуть замѣчательныхъ результатовъ, а именно повысить температуру развитія инфузорій до 70°.

Не менѣе интересными являются результаты, полученные Davenport'омъ при его опытахъ, сдѣланныхъ надъ головастиками жабы.

Правда, этому изслѣдователю удалось повысить *maximal* ную температуру развитія упомянутыхъ животныхъ всего на $3^{\circ},5$, но зато это повышеніе было достигнуто на высокоорганизованныхъ многокѣлочныхъ организмахъ. Davenport сначала установилъ температуру, при которой головастики, воспитанные въ нормальныхъ условіяхъ, т.-е. при 15° , впадали въ состояніе ригидности. Онъ нашелъ ее въ среднемъ = $40,5$. Если же головастиковъ предварительно воспитывать въ теченіе 4 недѣль при 25° , т.-е. на 10° выше нормы, то оказывалось, что и температура ригидности повышалась для нихъ, хотя и на гораздо меньшую величину, а именно на $3,5^{\circ}$. Замѣчательно, что вліяніе предшествовавшаго воспитанія при высокой температурѣ сохраняется въ теченіе сравнительно долгаго времени и даже при послѣдующемъ воздѣйствіи на нихъ низкой температуры.

Davenport, кромѣ того, еще отмѣчаетъ, что причина такого вліянія не можетъ быть отнесена на долю искусственнаго подбора, такъ какъ *все* головастики, воспитанные при 28° , остались живыми въ теченіе всего опыта. Поэтому онъ приписываетъ большую устойчивость ихъ къ температурѣ особеннымъ измѣненіямъ, происходящимъ въ ихъ протоплазмѣ.

Мы естественнымъ образомъ переходимъ къ намѣченному уже нами вопросу о механизмѣ явленія термобіоза, такъ какъ именно Davenport первый высказалъ опредѣленную точку зрѣнія по этому поводу. Этотъ ученый полагаетъ, что жизнь при высокихъ температурахъ становится возможной главнымъ образомъ благодаря уменьшенію содержанія воды въ протоплазмѣ. Въ пользу такого мнѣнія свидѣтельствуютъ между прочимъ опыты Dallinger'a, о которыхъ мы уже говорили. Этотъ ученый наблюдалъ, что если культивировать инфузоріи продолжительное время при относительно высокихъ температурахъ, то въ строеніи ихъ протоплазмы наблюдаются измѣненія, а именно: происходитъ сначала усиленное образованіе сократительныхъ вакуолей. Затѣмъ вакуоли эти постепенно исчезаютъ, и вода, заключенная въ нихъ, выдѣляется изъ организма. Только по окончаніи этого процесса инфузоріи могутъ быть безнаказанно подвергнуты дѣйствію болѣе высокой температуры. Съ другой стороны, извѣстно, что температура свертыванія бѣлка тѣмъ выше, чѣмъ меньше въ немъ содержится воды. Для абсолютно сухого альбумина нерастворимая модификація получается только при 160° , между тѣмъ какъ для водныхъ растворовъ температура свертыванія = 70° . Davenport не безъ основанія приводитъ и эти данныя въ подкрѣпленіе своей теоріи. Мы могли бы быть можетъ еще съ болѣшимъ основаніемъ воспользоваться съ той же цѣлью

хорошо извѣстными наблюденіями относительно различной устойчивости энзимовъ по отношенію къ температурѣ въ связи съ неодинаковымъ содержаніемъ въ нихъ воды.

Вспомнимъ, что даже такой ферментъ, какъ зимаза Бухнера, ближе всѣхъ другихъ приближающаяся по своимъ свойствамъ къ живой протоплазмѣ, въ сухомъ состояніи выдерживаетъ безнаказанно температуру въ 100° , между тѣмъ какъ въ растворѣ разрушеніе ея начинается уже при 40° .

Но если даже принять, что теорія Davenport'a вѣрна и что мы должны видѣть въ термофильныхъ бактеріяхъ нѣкоторое подобіе покоящейся споры, безъ вреда переносящей даже продолжительное нагрѣваніе до температуры кипѣнія воды, то все еще остается невыясненнымъ вопросъ первостепенной важности. Въ самомъ дѣлѣ, если термофильныя бактеріи дѣйствительно подобны спорѣ, въ которой жизненная энергія находится въ потенциальномъ состояніи, то какимъ же образомъ объяснить тотъ фактъ, что въ термофильныхъ бактеріяхъ интенсивность жизненнаго процесса не только не понижена, но по всѣмъ признакамъ даже значительно повышена, сравнительно съ большинствомъ остальныхъ бактерій?

Стоитъ только принять во вниманіе, что культура термофильныхъ микробовъ за нѣсколько часовъ разрастается въ такомъ изобиліи, въ которомъ обыкновенные микробы едва успѣваютъ развиться въ теченіе сутокъ. Съ другой стороны, остается совершенно загадочнымъ и тотъ механизмъ, при помощи котораго термофильныя бактеріи освобождаются отъ избытка воды, освобождаются даже и тогда, когда бактеріи эти со всѣхъ сторонъ окружены водной питательной средой.

Всѣ эти вопросы еще ждутъ своего объясненія и по своему большому научному интересу заслуживаютъ полнаго вниманія біологовъ.

П. Цинлинская.

Очерки по сравнительной исторіи литературы ¹⁾.

XI.

2-ая и 3-ья пѣсни Энеиды.

Намъ предстоитъ теперь подвергнуть краткому анализу 2-ую и 3-ью пѣсни Энеиды, заключающія въ себѣ рассказъ Энея о паденіи Трои (2-ая п.) и о его собственныхъ скитаніяхъ (3-ья п.). Задача анализа, во-первыхъ, — опредѣлить отношеніе этихъ пѣсней къ общему ходу романа Дидоны и Энея; критики какъ-то мало этимъ занимаются, а между тѣмъ Эней рассказываетъ по просьбѣ Дидоны именно то, что должно было ее покорить и дѣйствительно покорило. Между прочимъ рассказъ о паденіи Трои въ своихъ подробностяхъ очень совпадаетъ съ серіей художественныхъ изображеній, которыми Дидона украсила храмъ Юноны еще до приѣзда Энея. Во-вторыхъ, анализъ этотъ дастъ намъ поводъ къ постановкѣ вопроса о художественныхъ и психологическихъ приѣмахъ Вергилія, подтверждая и дополняя то, что далъ намъ разборъ 1-ой и 4-ой пѣсней. Въ-третьихъ у насъ возникнутъ вопросы методологическіе и сравнительно-историческіе — объ отношеніи Вергилія къ Гомеру и объ отношеніи къ Вергилію его подражателей.

Вводя въ самомъ началѣ поэмы длинный рассказъ героя и прерывая такимъ образомъ эпическое повѣствованіе, Вергилій, какъ это замѣчено было еще древними, подражаетъ Гомеру: Одиссей, попавъ къ феакамъ, передъ самымъ возвращеніемъ на родину, по приглашенію царя Алкиноя, подробно рассказываетъ въ пѣльхъ четырехъ пѣсняхъ (Одиссея IX—XII) о своихъ приключеніяхъ. Вергилій подражаетъ Гомеру и въ частностяхъ, напр., въ

¹⁾ См. „Научное Слово“, 1904, VI.

сценъ съ циклопомъ Полифемомъ, уже ослѣпленнымъ, котораго привелось увидѣть Энею и его спутникамъ (III, 588—655). Но недостаточно было бы только констатировать фактъ подражанія: вѣдь мы уже раньше видѣли, что талантливый римскій поэтъ не копируетъ своихъ предшественниковъ буквально, но придаетъ заимствуемымъ у нихъ подробностямъ и эпизодамъ своеобразное освѣщеніе.

Тѣмъ болѣе должны мы быть осторожными при оцѣнкѣ такого большого и важнаго отдѣла его поэмы.

Въ разсказѣ Одиссея много патетическихъ и лирическихъ сценъ, но въ общемъ этотъ разсказъ сравнительно спокоенъ; онъ не имѣетъ своей главной задачей разжалобить слушателей и является въ значительной степени литературнымъ приѣмомъ, именно, средствомъ изложить устами героя его предыдущую жизнь. Далѣе, подробности разсказа Одиссея являются большой неожиданностью для феаковъ, которые заняты были преимущественно своими торговыми дѣлами и лишь кое-что знали о Троѣ. Одиссей сначала хранилъ у феаковъ *incognito*, онъ былъ принятъ очень гостепріимно, одаренъ богатѣйшими дарами, въ честь его устраивали игры и пиры и, наконецъ, ему приготовили корабль для отплытія на родину. Но онъ самъ заинтересовался на пиру (п. VIII) гѣвцомъ Демодокомъ и попросилъ его пропѣть о деревянномъ конѣ, о гибели Трои. Эта пѣсня вызвала у Одиссея слезы, которыя замѣтилъ Алкиной, а замѣтивши ихъ, онъ не могъ скрыть своего любопытства и предложилъ Одиссею передъ отъѣздомъ разсказать о своихъ скитаніяхъ.

Между тѣмъ для Дидоны, какъ мы знаемъ, большая часть разсказа Энея (особенно о паденіи Трои) совсѣмъ не нова, и Дидона требуетъ подробнаго пересказа того, что ей извѣстно, лишь изъ особой симпатіи къ разсказчику и къ его чувствамъ, находящимъ себѣ полное соотвѣтствіе въ ея сердцѣ.

Къ разсказу Энея вполне примѣнимо требованіе, которое предъявлялось въ древнемъ краснорѣчьи къ той части ораторской рѣчи, каковая называлась изложеніемъ (*narratio, expositio*): задача «изложенія» — не столько познакомить судей и слушателей съ обстоятельствами дѣла, сколько заставить ихъ согласиться съ ораторомъ.

Съ другой стороны, дѣйствіе этого разсказа такое же, какимъ было дѣйствіе разсказа Отелло о его приключеніяхъ и страданіяхъ. Общественное мнѣніе, поскольку оно было представлено недалекими и даже глуповатыми людьми, не могло переварить побѣга юной и скромной красавицы съ пожилымъ и некрасивымъ Отелло; но мудрый дожъ понимаетъ Дездемону: «ну, и мою бы дочь увлечь,

конечно, такой рассказ». Это, въ известной мѣрѣ, приложимо и къ разсказу Энея.

Уже изъ первой пѣсни Энеиды мы видѣли, что Эней и Троянцы появляются на сцену съ повышеннымъ нервнымъ тономъ. Припомнимъ Энея передъ храмомъ съ изображеніями изъ троянскаго цикла; затѣмъ первую встрѣчу троянцевъ и Энея съ Дидоной. Да и самый разсказъ Энея начинается сразу въ патетическомъ тонѣ: «ты заставляешь меня, царица, возобновлять въ памяти невыразимое горе. Даже враги побѣдители, воины Ахилла и Одиссея, не могли бы удержаться отъ слезъ при этомъ разсказѣ».

Вообще, паэось и лиризмъ—преобладающія черты Энеева разсказа. Нечего говорить о третьей книгѣ, посвященной исключительно скитаніямъ Энея; даже во 2-ой пѣсни (гибель Трои) центральной фигурой является Эней со своими ощущеніями въ качествѣ участника и очевидца трагическихъ событій. Такъ, 2-ая книга переполнена лирическими отступленіями по поводу отдѣльныхъ эпизодовъ (ср., наприм., стихи 56, 241, 272, 402, 431 и 554).

Далѣе,—что лишаетъ 2-ую книгу эпическаго характера,—разсказъ о паденіи Трои не отличается полнотою фактовъ и послѣдовательностью изложенія. Изъ фактовъ выбраны только наиболѣе потрясающіе; изложены они скорѣе по ораторской схемѣ съ замѣтнымъ разсчетомъ на ораторскій эффектъ, на трагическое¹⁾ воздѣйствіе на слушателей. Въ этомъ убѣждаетъ насъ прежде всего незамѣченное; кажется, соотвѣтствіе между концами 3-ей и 2-ой пѣсней. Разсказъ о долгихъ приключеніяхъ и страданіяхъ Энея заканчивается грустнымъ аккордомъ: «здѣсь (у Дрепана въ Сициліи), измученный столькими бурями, увы, я лишаюсь родителя Анхиза, который былъ моимъ утѣшителемъ во всѣхъ страданіяхъ и несчастіяхъ. Здѣсь, мой дорогой отецъ, ты покидаешь меня усталого, ты, увы, понапрасну спасенный изъ столькихъ бѣдствій!

¹⁾ Сопоставленіе ораторскаго съ трагическимъ—не случайно: древняя трагедія дѣйствительно соприкасалась съ краснорѣчіемъ, особенно въ той части рѣчи, въ которой ораторъ доводилъ до крайняго напряженія чувства слушателей: „Если ты хочешь, чтобы я плакалъ, ты сначала самъ долженъ проникнуться скорбью“—таково требованіе, предъявляемое къ трагическому поэту Горациемъ (*Ars poet.* 102). Но въ этомъ же состоятъ и паэось оратора: „не можетъ слушатель ощутить скорбь, ненависть, недоброжелательство, страхъ, не можетъ быть доведенъ до плача и состраданія, если всѣ эти душевныя движенія, которыя ораторъ желаетъ вызвать у судьи, не будутъ представляться запечатлѣнными и ясно выраженными у самого оратора“ (Цицеронъ, „объ ораторѣ“ II, § 189). Древніе шли, впрочемъ, еще дальше, утверждая, что краснорѣчіе выше драматическаго искусства, т. к. драматургъ и актеръ имѣютъ дѣло съ вымышленными страданіями, а ораторъ—защитникъ съ дѣйствительными. (Цицеронъ, тамъ же §§ 192—195).

Этой бѣды ни Геленъ прорицатель, хоть много ужасныхъ бѣдствій предсказывалъ мнѣ, не предрекъ, ни злая Келено. Здѣсь наше горе послѣднее, здѣсь нашихъ странствій граница. Насъ, отъ Дрепана отчллившихъ, къ вашему берегу примчало».

«Такъ-то Эней прародитель одинъ предъ внимательнымъ сонмомъ божья судьбины вѣщалъ и про путь свой рассказывалъ пунамъ. Смолкнулъ онъ, наконецъ, и, на этомъ покончивъ, утихнулъ».

Такое заключеніе если и не рассчитано на состраданіе и сочувствіе, то можетъ его вызвать. Любопытно, что такъ же оканчивается и первая половина рассказа (т.-е. 2-ая книга). Послѣ напряженныхъ усилій спасти Трою Эней принужденъ бѣжать и на пути теряетъ свою жену Креузу. Всю ночь онъ ищетъ ея, бродя по развалинамъ города, и, наконецъ, встрѣчаетъ только ея призракъ:

„Такъ я носился во мракѣ и быстро встревоженнымъ взоромъ
Всюду искалъ и, печали вполне предаваясь, Креузу
Жалобнымъ воплемъ напрасно еще и еще призывалъ я.
Между тѣмъ какъ бѣжалъ я по стогнамъ пылающей Трои,
Вдругъ предъ собою я вижу печальный образъ супруги,
Образъ любезной супруги, знакомый и сердцу и взорамъ.
Волосы дыбомъ встали и замерли звуки въ гортани“.

Креуза старается его утѣшить и въ заключеніе проситъ хранить любовь къ ихъ общему сыну:

„Такъ мнѣ сказавши, она передъ плачущимъ, тщетно хотящимъ
Высказать многое, сгнула вдругъ, въ тонкій паръ обратившись,
Трижды стремился я къ ней, чтобы руки вокругъ выи окинуть,
Трижды, напрасно объятый, изъ рукъ моихъ выскользнулъ призракъ!“

Вся вторая пѣснь особенно замѣчательна, какъ очень художественное сопоставленіе сценъ, то глубоко трагическихъ, то глубоко трогательныхъ; у рассказчика одно настроеніе смѣняется другимъ, и онъ такимъ образомъ обнаруживаетъ передъ своими слушателями самыя разнообразныя стороны своего характера и своего чувства. Это мы видимъ уже изъ краткаго плана второй пѣсни. Греки построили своего знаменитаго коня, возбудившаго большіе толки у троянъ. Жрецъ Лаокоонъ совѣтуетъ не вѣрить данайцамъ и бросаетъ копье въ чрево коня. Но вотъ ведутъ плѣнника—коварнаго грека Синона, который въ длинной и хитрой рѣчи ¹⁾ убѣждаетъ троянцевъ въ томъ, что этотъ конь для нихъ

¹⁾ Ср. у Heinze стр. 9—12 мастерской анализъ этой рѣчи съ точки зрѣнія теоріи краснорѣчія.

святыня; а таинственная гибель Лаокоона, удушеннаго вмѣстѣ съ дѣтьми двумя гигантскими змѣями, приплывшими съ моря, окончательно внушаетъ троянцамъ увѣренность въ отсутствіи козней со стороны грековъ. Проведенный въ такихъ волненіяхъ день оканчивается общимъ весельемъ, и, наконецъ, утомленный народъ засыпаетъ.

Драма начинается съ очень трогательнаго эпизода: Энею является во снѣ Гекторъ въ томъ видѣ, въ какомъ его тащили Ахилловы кони: «Съ грязной онъ былъ бородой, волоса во крови за-пеклись. Раны зіяли на немъ, что во множествѣ онъ вкругъ оплотовъ града роднаго пріялъ... Такъ что *плакалъ и самъ я*, казалось...» Гекторъ совѣтуетъ Энею поспѣшно бѣжать съ пенатами и троянскими святынями изъ гибнущаго города.

Проснувшись, Эней устремляется на битву, которая сначала окрыляетъ его отрядъ надеждой на успѣхъ, но затѣмъ приводитъ въ полное отчаяніе (обратимъ вниманіе на явно ораторское построеніе этой части 2-ой пѣсни)¹⁾. Въ отрядѣ его былъ между прочимъ юный Коребъ, страстно влюбленный въ свою невѣсту пророчицу Кассандру. Первые дѣйствія отряда очень удачны: греческая рать съ Андрогеемъ во главѣ, не узнавшая троянцевъ въ темнотѣ, была ими вся уничтожена. Коребу приходитъ въ голову несчастная мысль всѣмъ переодѣться въ доспѣхи только что убитыхъ грековъ. Это сначала помогло, и много грековъ было застигнуто въ темныхъ улицахъ врасплохъ и перебито. Но вотъ греки потащили изъ храма Минервы связанную Кассандру. Не стерпѣлъ этого влюбленный Коребъ и бросился въ толпу съ своими переодѣтыми товарищами. Но переодѣваніе теперь оказалось гибельнымъ: троянцы, защищавшіе кремль, не узнали своихъ переодѣтыхъ соотечественниковъ и осыпали ихъ градомъ стрѣлъ и копій; а на помощь оторопѣвшимъ грекамъ сбѣжалось чуть не все войско съ Атридами и Аяксомъ; погибъ Коребъ, погибъ и почти весь отрядъ; страшные крики влекутъ Энея, которому теперь остается быть лишь безпомощнымъ зрителемъ катастрофы, къ дворцу Пріама. Послѣ долгихъ усилій разъяренные греки съ сыномъ Ахилла Неоптолемомъ (Пирромъ) во главѣ, наконецъ, врываются въ дворецъ Пріама.

Престарѣлый царь хочетъ дать отпоръ, но Гекуба и дочери умоляютъ его искать убѣжища у алтаря. Въ это время врывается

¹⁾ Припомнимъ для сравненія нѣкоторыя ораторски изложенныя впечатлѣнія Энея отъ изображеній на храмѣ Юоны въ Кареагенѣ (I, 466): „онъ видѣлъ, какъ здѣсь бѣжали греки, тѣснямыя троянскимъ воинствомъ, а тамъ троянцы, на которыхъ наступалъ Ахиллъ“.

Неоптолемъ и на глазахъ дряхлаго отца закалываетъ у алтаря его послѣдняго сына Полита. Пріамъ возмущенъ тѣмъ, что его сдѣлали «очевидцемъ кончины сыновней»: «Этотъ Ахиллъ, отъ котораго ложно себя ты выводилъ, былъ ли таковъ онъ съ Пріамомъ—врагомъ? Нѣтъ, почтилъ и уважилъ право молящаго онъ и безкровное Гектора тѣло отдалъ могилѣ и въ Трою родную меня отпустилъ онъ».

Пирръ отвѣчаетъ: «такъ ты и расскажешь про все и Пелиду вѣсти о сынѣ снесешь; не забудь о такихъ злодѣяніяхъ ты объявить и о томъ, какъ родителя сынъ недостоинъ. Нынѣ умри!»

Смерть Пріама, глубоко потрясая Энея, напоминаетъ ему и о его дряхломъ отцѣ и семействѣ. На дорогѣ онъ встрѣчается съ Еленой, и въ душѣ его закипаетъ ярость, желаніе убить ее, какъ виновницу всѣхъ бѣдъ, «хоть и мало достанется чести взявшему съ женщины мечь, и такая побѣда безъ славы».

Но тутъ появляется Венера и убѣждаетъ его спѣшить къ своему дому и не заботиться уже о Троѣ, которая окончательно обречена на гибель. Въ глубокомъ отчаяніи Эней спѣшить домой и тамъ застаётъ новую драму. Престарѣлый Анхизъ, прикованный болѣзнию къ постели, не хочетъ двигаться съ мѣста, несмотря на мольбы всей семьи. Въ отчаяніи Эней снова хочетъ идти на битву, чтобы найти въ ней смерть, и только чудо, совершившееся надъ головой маленькаго Асканія, разрѣшаетъ эту мучительную сцену, и вся семья, Эней съ Анхизомъ на плечахъ и держа маленькаго сына за руку, устремляется въ бѣгство. Большая часть пути совершена счастливо, но Эней теряетъ Креузу и, совершенно разстроенный постлѣ свиданія съ ея призракомъ, уже только на утро догоняетъ другихъ бѣглецовъ.

Повторяю, мнѣ кажется, въ разсказѣ сопоставлены преимущественно такія подробности, которыя рисуютъ разсказчика въ очень привлекательномъ свѣтѣ. Онъ и храбрый воинъ, онъ человѣкъ, вынесшій самыя разнородныя и глубокія потрясенія, наконецъ, онъ человѣкъ съ нѣжной душой—послѣднее качество особенно сильно сквозитъ тамъ, гдѣ онъ повѣствуетъ о страданіяхъ и несчастіяхъ своихъ родныхъ или друзей.

Трогательная встрѣча съ призракомъ Креузы и тихая, но глубокая скорбь объ утратѣ отца находятъ прекрасную параллель въ сценѣ свиданія съ Андромахой (3-ья кн.). Липившись Гектора и своего маленькаго сына Астіанакта, Андромаха была сначала наложницей у Неоптолема, но затѣмъ отъ него перешла въ жены къ брату Гектора Гелену; несмотря на улучшение своего положенія, она все еще не можетъ забыть ни о первомъ мужѣ, ни о

сынѣ. Неожиданное прибытіе Энея, заставшаго ее за возліаніемъ на могилѣ Гектора, глубоко взволновало ее, такъ что она могла только промолвить слѣдующія слова: «Вправду ль свой образъ являешь, правдивымъ ли вѣстникомъ прибыль, чадо богини? Живешь ли еще? Если жъ свѣтъ ты покинулъ, Гекторъ мой гдѣ?» (III, 310—312).

Столь же трогательна сцена прощанія Андромахи и Гелена съ отплывающимъ Энеемъ. На память объ Астіанактѣ она одѣваетъ маленькаго Асканія въ шитое платье своей работы:

„Даръ ты прими, о рукахъ чтобъ напомнить онъ нашихъ
Отроку могъ и свидѣтелемъ былъ онъ любви Андромахи,
Гектора горькой вдовы. Даръ послѣдній прими же отъ кровныхъ,
О ты, единственный мой Астіанакта погибшаго образъ.
Эти глаза онъ имѣлъ, этотъ ликъ, эти самыя руки;
Вмѣстѣ съ тобой бы онъ росъ и съ тобой бы теперь возмужалъ
онъ!“

„Слезъ имѣя въ очахъ, покидаемымъ такъ говорилъ я...“
...—замѣчаетъ Эней (III, 486).

Послѣ этой общей характеристики 2-ой и 3-ей пѣсней Энеиды обратимъ вниманіе на нѣкоторые отдѣльные эпизоды.

Одинъ изъ нихъ—встрѣча Энея съ Андромахой—замѣчательнъ въ психологическомъ отношеніи.

Въ настоящее время, когда психологія, какъ наука, выяснила законы сочетанія представленій и располагаетъ громаднымъ фактическимъ матеріаломъ для иллюстраціи отдѣльныхъ формъ этихъ сочетаній,—въ настоящее время давать извѣстному писателю титулъ психолога еще не значитъ говорить звонкія фразы. Наоборотъ, принявъ извѣстныя предосторожности, мы, вообще говоря, стоимъ въ данномъ случаѣ на совершенно твердой почвѣ.

Мы уже видѣли, какъ замѣчательно построена въ этомъ отношеніи завязка романа Дидоны и Энея.

Заинтересованная рассказомъ Энея, Дидона нѣсколько разъ требуетъ отъ него повторенія одного и того же рассказа, въ той же самой обстановкѣ, въ то же самое время дня, въ присутствіи Асканія и тѣхъ же слушателей, какъ и въ первый разъ.

Съ психологической точки зрѣнія такое построеніе безукоризненно.

Равнымъ образомъ и сцена встрѣчи Энея съ Андромахой, какъ мастерское изображеніе иллюзіи, выдержать самую строгую психологическую критику, не говоря уже о проникающемъ ее гуманномъ лиризмѣ.

Андромаха уже въ Эпирѣ, замужемъ за Геленомъ, справляетъ

поминки по Гекторѣ. Ничто ей не напоминаетъ о томъ положеніи, въ которомъ она находится въ данное время: она одна передъ кенотафомъ Гектора, она за городомъ, въ рощѣ, на берегу рѣки, которая какъ разъ называется, какъ троянская рѣка, Симоентомъ. Весьма естественно, что ея мечты, которымъ она можетъ при подобныхъ условіяхъ предаваться вполне, имѣютъ своимъ предметомъ исключительно Гектора и Трои.

Вдругъ передъ ней неожиданно появляются Эней, товарищъ Гектора, и спутники троянцы, вооруженные на троянскій ладъ. Иллюзія увеличивается, и подъ ея вліяніемъ Андромаха предлагаетъ Энею вполне естественный вопросъ: «призракъ ты иль живое лицо, а если ты уже умеръ, то скажи, гдѣ мой Гекторъ?»

Весьма понятно, что эта встрѣча потрясла и Энея и что въ волненіи онъ могъ пробормотать лишь нѣсколько безсвязныхъ словъ: какъ и Андромаха, онъ находится подъ давленіемъ той же иллюзіи.

Какъ въ смыслѣ психологическомъ, такъ спеціально и по отношенію къ композиціи замѣчательны четыре послѣднія сцены 2-ой пѣсни: смерть Пріама, встрѣча Энея съ Еленой (эта сцена, впрочемъ, еще въ древности сохранилась не во всѣхъ рукописяхъ) и затѣмъ съ Венерой, наконецъ, драматическія объясненія Энея съ отцомъ его Анхизомъ. Подробный анализъ 4-й пѣсни показалъ намъ, какъ тѣсно связаны между собою ея отдѣльные эпизоды и какъ рефлексы эпизодовъ предыдущихъ находятъ отраженіе и развитіе въ дальнѣйшихъ.

Этотъ критическій пріемъ отлично иллюстрируется и данными сценами. Вотъ ихъ ходъ.

Во дворцѣ Эней видитъ слѣдующую картину: Гекуба и ея дочери, какъ голубки, напуганныя бурей, прижались другъ къ другу и обнимаютъ алтари. Защищать ихъ некому, такъ что самъ Пріамъ, чуть живой отъ старости, беретъ въ свои дрожащія руки оружіе, отъ котораго давно отвыкъ:

„Видя паденіе Трои, отверстыя входы въ чертоги,
Пламенемъ замокъ объятый, а въ замкѣ враждебныхъ данайцевъ,
Тщетно надѣлъ онъ броню, мечомъ опоясалъ онъ чресла;
Тщетно: отвыкли отъ стали ужъ старца дрожащія руки.
Царь злополучный! Идетъ на враговъ онъ и гибели жаждетъ!
... Гекуба и дочери всѣ къ священному мѣсту
Тщетно столпились, какъ нѣжныя въ черную бурю голубки;
Тщетно въ нѣмомъ изступленьи лобзали боговъ изваянья.
Но какъ Гекуба увидѣла въ мѣдъ облеченнаго мужа:
„Что ты, супругъ злополучный,—сказала,—что за безумье
Такъ овладѣло тобой? Куда ты стремишься, несчастный?
Ты ли горю поможешь? Такихъ ли защитниковъ нужно?

Ахъ, напрасно, напрасно, и Гекторъ ничѣмъ не помочь бы!
Здѣсь къ алтарю ты иди; всѣмъ намъ защитой будетъ
Этотъ алтарь или всѣ мы вмѣстѣ погибнемъ“. Сказавши
Это, Гекуба старца влечетъ къ алтарю за собою“.

(II, 507—525, переводъ Шершеневича.)

У очевидца обѣихъ сценъ Энея, какъ мы видимъ изъ его собственныхъ показаній, возникаютъ два ряда представлений: 1) со смертью царя Пріама погибла и Троя; 2) той же участи можетъ подвергнуться и его престарѣлый отецъ, ровесникъ умирающаго царя, Креуза и маленькій Асканій и весь его домъ (554—563):

„Такъ погибъ нашъ Пріамъ; такъ онъ погибъ злополучный!
Столькихъ народовъ могучій властитель, теперь, умирая,
Видѣлъ, какъ рушилась Троя, какъ въ пламени Троя пылала.
Тамъ лежитъ, у берега моря, трупъ безголовый;
Плечъ голова лишена, безъ чести, безъ имени тѣло.
Сердце забилось, ужасъ объялъ мои члены впервые:
Образъ родителя живо предсталъ мнѣ предъ очи; я вздрогнулъ,
Видя кончину Пріама—онъ былъ родителю сверстникъ.
Вспомнилъ о милой супругѣ Креузѣ, вспомнилъ малютку
Лула, домъ—и страшныя мысли мой умъ тяготили“.

(Пер. Шершеневича.)

Сообразно съ двойственностью своихъ представлений Эней переживаетъ затѣмъ двѣ сцены — встрѣчу съ Еленой и драматическую сцену въ своемъ домѣ.

Встрѣтившись съ Еленой, этой Эриніей для Трои, онъ забываетъ о семьѣ и отдается первому впечатлѣнію. «Какъ! — восклицаетъ онъ, — она съ триумфомъ возвратится домой, какъ царица, окруженная толпой троянскихъ рабынь и рабовъ, а Пріамъ погибнетъ отъ меча, а Троя сгоритъ отъ огня?» (577—581).

Тутъ появляется Венера и напоминаетъ ему, что нечего заботиться о Троѣ, гибель которой уже рѣшена безповоротно, но лучше подумать объ отцѣ и о семьѣ: «Зачѣмъ ты предаешься безумному гнѣву и забываешь о насъ? Почему ты сначала не обратишь своихъ взоровъ туда, гдѣ ты оставилъ престарѣлаго Анхиза? Почему ты не посмотришь, жива ли твоя супруга Креуза и маленькій Асканій?» (II, 595—598).

Энею снова приходитъ на память сцена смерти Пріама въ кругу беззащитныхъ женщинъ, и ея рефлексъ живо сказывается въ его обращеніи къ старику Анхизу, хотѣвшему, несмотря на мольбы всей семьи, остаться на своей постели: «Скоро появится Пирръ, обогранный Пріамовой кровью, — Пирръ, что дѣтей предъ отцами, отцовъ предъ кумрами (точнѣе: алтарями) рѣжетъ»!

„Видно затѣмъ, о милая мать, ты сквозь копья и пламя
 Чадо свое провела, чтобъ врага въ самомъ домѣ я узрѣлъ,
 Узрѣлъ Асканія съ дѣдомъ и рядомъ супругу Креузу,
 Кровью другъ друга облитыхъ, свирѣпымъ врагомъ умерщвленныхъ“!

Мы видимъ, что отдѣлъ этотъ состоитъ изъ довольно сложныхъ элементовъ, которые необыкновенно искусно соединены.

Встрѣча съ Еленой, отдаленной виновницей гибели Трои, умѣстна въ тотъ моментъ, когда смерть царя Пріама наводила на мысль о паденіи города ¹⁾. Вмѣстительство Венеры также какъ нельзя болѣе естественно: увлеченный яростью при видѣ Елены, Эней забываетъ о своей семьѣ, о которой онъ передъ тѣмъ думалъ, какъ очевидецъ смерти Пріама. Нужно ему объ этомъ напомнить, а для этого самымъ подходящимъ лицомъ является Венера, столь близкая къ его семьѣ,—не даромъ она говоритъ ему: «подъ влияніемъ гнѣва ты забываешь о насъ». Возвращаясь домой, онъ находится подъ впечатлѣніемъ не только смерти Пріама, но и своей встрѣчи съ Венерой, и мы видимъ, что процитированный отрывокъ изъ его обращенія къ Анхизу проникнуть какъ разъ этими двумя рефлексами.

ХІІ. ПРИЛОЖЕНІЕ.

Подражаніе 2-й пѣсни Энеиды въ трагедіи Сенеки „Троянки“.

Нѣкоторые изъ разобранныхъ отрывковъ Энеиды заслуживаютъ особаго вниманія по своей литературной исторіи. Еще древніе критики обстоятельно занимались заимствованиями Вергилія у греческихъ предшественниковъ. Они подробно отмѣтили зависимость Вергилія отъ Гомера какъ въ цѣлыхъ сценахъ, такъ и въ отдѣльныхъ образахъ и оборотахъ. Одинъ изъ нихъ утверждалъ даже, что вся вторая книга Энеиды (о паденіи Трои) цѣликомъ переведена изъ древняго греческаго эпика Писандра (Макробій, V, 2, § 4). Послѣдняго утвержденія мы повѣрить не можемъ, такъ какъ отъ произведеній Писандра до насъ дошло слишкомъ мало отрывковъ. Не будемъ забывать спеціальнаго значенія разсказа Энея, благодаря чему разсказъ этотъ, какъ бы ни было въ немъ много заимствованій изъ греческихъ источниковъ, въ общемъ ходѣ первой части Энеиды занимаетъ довольно своеобразное положеніе; мы должны помнить то, что древніе критики при констатированіи

¹⁾ Я, впрочемъ, не буду настаивать на подлинности сцены съ Еленой во всѣхъ ея подробностяхъ: противъ ея деталей возражалъ еще Сервій Говоратъ (въ примѣчаніи къ 1-му стиху, 1-й пѣсни). О возраженіяхъ новѣйшихъ комментаторовъ см. Heinze, 45 и слѣд.

сходства между изучаемыми писателями заходили очень часто слишком далеко въ своихъ обобщеніяхъ. Это бывало и съ новѣйшими критиками. Такъ, одинъ изъ очень заслуженныхъ толкователей Вергилія, въ XVIII вѣкѣ, Гейне, полагалъ, что сцена появленія Гектора во снѣ Энею (II, 270) навѣяна соответствующей сценой изъ 23-й пѣсни Иліады (ст. 55) — появленіемъ убитаго Патрокла во снѣ Ахиллесу. Сходство, конечно, есть, особенно въ деталяхъ, но въ общемъ движеніи разсказа обѣ сцены играютъ различную роль, и во всякомъ случаѣ сцена въ Энеидѣ гораздо трагичнѣе.

Съ большимъ основаніемъ указывали новѣйшіе комментаторы на зависимость Вергилія отъ Эврипида, ссылаясь, на примѣръ, на то, что радость ослѣпленныхъ троянцевъ, ввозившихъ фатальнаго коня въ свой городъ, описана у Вергилія (II, 238 слѣд.) такъ же, какъ и въ пѣсни хора въ «Троянкахъ» Эврипида (ст. 526 слѣд.). Подобныя наблюденія интересны и правдоподобны, тѣмъ болѣе что внимательное изученіе поэмы Вергилія обнаруживаетъ въ ней, какъ намъ часто приходилось видѣть, слѣды драматическаго построенія, — въ видѣ драматическихъ сценъ, на которыя безъ труда расчленяется Вергиліево повѣствованіе.

Но для оцѣнки Вергилія, какъ мы часто убѣждались, не менѣе существенно знакомство съ его подражателями.

Великолѣпная сцена смерти Пріама навела нашего знакома Овидія на довольно резонное, типичное для него и для его направленія соображеніе, что у древняго Пріама, какъ вообще у стариковъ, было мало крови, и, значить, мало и вытекло изъ его тѣла при умерщвленіи его Пирромъ (Метаморфозы XIII, 409, ср. VII, 315).

Это соображеніе имѣло литературный успѣхъ, да и понятно, такъ какъ преимущественно со временъ Овидія, т. - е. со временъ процвѣтанія манерной школьной реторики, римская литература и въ особенности поэзія усвоила себѣ наклонность къ резонерству и вообще къ изысканности.

Трагикъ Сенека (сложный вопросъ о принадлежности его пропитанныхъ риторикой трагедій философу Сенека для насъ въ данной связи не имѣетъ первенствующаго значенія) ухватился за указанную мысль Овидія и развилъ ее въ двухъ трагедіяхъ — «Троянкахъ» (ст. 50), и «Агамемпонѣ» (ст. 656), при чемъ въ «Троянкахъ» есть и рѣзкій контрастъ къ описанію убійства старика Пріама: его прекрасная молодая дочь Поликсена при взятіи Трои обречена на умерщвленіе надъ гробницей Ахилла; какъ и отца, ее убиваетъ тотъ же Пирръ, сынъ Ахилла; она при этой смерти теряетъ очень много крови (ст. 1155, очень близкій по формѣ къ стиху 50).

И вотъ этотъ риторъ, писавшій свои трагедіи не для сцены, а

для чтенія, въ своихъ «Троянкахъ» между прочимъ соприкасается съ Вергилиемъ въ двухъ сценахъ—монологъ Гекубы о гибели Пріама и появленіи тѣни Гектора во снѣ его вдовѣ Андромахѣ.

Монологъ Гекубы, пожалуй, не очень близко примыкаетъ къ разсказу Вергилія, но, какъ бы то ни было, и въ немъ, и въ слѣдующемъ за нимъ хорѣ троянскихъ женщинъ есть реминисценціи изъ Энеиды на тему, какъ палъ у алтаря Юпитера Пріамъ, гордый властитель Азіи, лишенный погребенія, и лежитъ обезглавленный на берегу (ст. 140, ст. 1—6, ст. 54).

Если звѣситъ ситуацію, въ которой произносится Гекубой этотъ монологъ, то онъ насъ поразитъ своей риторической сухостью, особенно послѣ того, что мы читали у Вергилія.

Троя погибла, у Гекубы перебиты почти всѣ дѣти, на ея глазахъ убитъ ея мужъ Пріамъ, его убійца Пирръ хочетъ взять къ себѣ въ наложницы Андромаху, вдову Гектора, Агамемнонь удерживаетъ за собой дочь Гекубы — Кассандру, самой престарѣлой Гекубѣ также предстоитъ рабство у одного изъ греческихъ царей. Всѣ эти ужасы она сообщаетъ не безъ нѣкотораго хладнокровія и въ то же время пространно философствуетъ о томъ, какъ нехорошо человѣку быть гордымъ и увлекаться временнымъ счастьемъ и какъ ненадежна царская власть, хотя и могущественная (ст. 1—6).

Но послушаемъ ея разсказъ о смерти Пріама (ст. 44—56): «Я видѣла ужасную, безбожную смерть царя Пріама и еще большее преступленіе, совершенное оружіемъ Эакида (Пирра) у алтаря, когда онъ, жестокій, скрутивъ въ свирѣпой рукѣ волосы царственной главы и отгибая ее назадъ, погрузилъ свой нечестивый мечъ въ глубокую рану. Когда Пріамъ охотно (т.-е., вѣроятно, безъ страха) принялъ въ себя загнанную сталь, то мечъ вышелъ изъ старческаго горла сухимъ. Кого не могъ бы остановить отъ варварскаго убійства этотъ старикъ, стоявшій уже на порогѣ смерти (буквально: уже нажимающій послѣднюю дверь смертнаго вѣка)? А вышніе боги, свидѣтели преступления?.. Знаменитый Пріамъ, родитель столькихъ царей, лишень погребенія и не преданъ сожженію (flamma indiget argente Troia), въ то время какъ *пылаетъ* Троя»...

Мы видимъ разницу между разсказами Вергилія и Сенеки. У Вергилія престарѣлый Пріамъ—живое и благородное лицо: у его семьи нѣтъ защитника, и онъ самъ съ трогательной рѣшимостью беретъ за оружіе, которое ему не подь силу. На глазахъ его, у алтаря, убиваютъ его родного сына, и онъ умѣетъ по крайней мѣрѣ выразить свое глубокое презрѣніе убійцѣ. Пріамъ Сенеки—просто дряхлый старикъ, который подставляетъ, пожалуй, и безъ страха, свое горло убійцѣ. Сцена смерти Пріама у Вергилія по-

трясаетъ посторонняго свидѣтеля — Энея, у Сенеки она даже для самой Гекубы является въ значительной степени простымъ поводомъ къ упражненію въ діалектикѣ и риторикѣ: «Троя вся въ *оинъ*—и однако *оиня* недостаетъ для того, чтобы предать трупъ Пріама сожженію». Трогательные сборы еле живого отъ дряхлости Пріама стать на защиту семьи и даже покарать кровожаднаго убійцу замѣняются у Сенеки безцвѣтнымъ замѣчаніемъ, что мечъ Пирра, глубоко погруженный въ горло Пріама, былъ извлеченъ оттуда сухимъ, за недостаткомъ крови въ старческомъ тѣлѣ.

Выслушавъ пламенную декламацію актера о смерти Пріама и о страданіяхъ Гекубы, Гамлетъ говоритъ:

„Не диво ли: актеръ
При вымыслѣ пустомъ былъ въ состояннѣ
Своимъ мечтамъ всю душу покорить.
Его лицо отъ силы ихъ блѣднѣетъ,
Въ глазахъ слеза, дрожитъ и млѣетъ голосъ,
Въ чертахъ лица отчаянье и ужасъ.
И все изъ ничего: изъ-за Гекубы.
Что онъ Гекубѣ? Что она ему?
Что плачетъ онъ о ней?“

Гекуба у Сенеки, несомнѣнно страдавшая сама, не плачетъ, да и у насъ особеннаго сочувствія не вызоветъ. Правильно замѣчаетъ Риббекъ: «что было ритору до Гекубы?»

Кромѣ отдѣльныхъ странностей въ монологѣ Гекубы, у Сенеки нельзя не подчеркнуть того основного курьеза, что, взявъ изъ эпического произведенія сцену, заключающую въ себѣ истинно-драматическій діалогъ и драматическое движеніе, Сенека обратилъ ее въ своей трагедіи въ сухой рассказъ, не кстати уснащенный цвѣтами ретирики. И художественность композиціи, и поэтической паеосъ Вергилія пропали у Сенеки безслѣдно, точно такъ же, какъ пропали они и въ другой сценѣ той же трагедіи, взятой изъ Энеиды. Мы говорили, что рассказъ о гибели Трои начинается у Вергилія трогательнымъ эпизодомъ появленія Гектора во снѣ Энею. Этотъ эпизодъ скопированъ Сенекой въ началѣ 3-го акта «Троянокъ» съ той разницей, что подобный сонъ увидала Андромаха, вдова Гектора. Явное различіе между обѣими ситуаціями дало бы возможность истинному поэту проявить свою самобытность и силу своего таланта, несмотря на заимствованіе основного сюжета. Что же сдѣлалъ Сенека? Предварительно я приведу отрывокъ изъ Энеиды въ переводѣ Шершеневича (II, 270 слѣд.):

„Снилось мнѣ, будто я Гектора вижу: горько онъ плакалъ,
Слезы широкой струей катились по блѣднымъ ланитамъ.

Такъ онъ предсталъ мнѣ во снѣ, какъ былъ колесницею влекомый:
 Пылью кровавой покрытый, и язвами вздутыя ноги
 Сжаты ремнями были. Увы, то не былъ тотъ Гекторъ,
 Гекторъ побѣдный, когда онъ одѣтъ былъ въ броню Ахиллеса,
 Или когда въ корабли металлъ онъ пламя пожара:
 Кровь запеклась въ бородѣ и волосы съ кровью застыли;
 Много на тѣлѣ полученныхъ ранъ въ борьбѣ за отчизну.
 Горько взрыдалъ я, увидѣвъ образъ печальный героя;
 Горестью сердце сжималось и воплями тѣнь призывалъ я:
 „Трой свѣтило, надежда блестящая теверовъ, о Гекторъ!
 Гдѣ былъ ты такъ долго? Что медлилъ въ отчизну? Откуда явился?
 Вновь ты явился, о гость драгоцѣнный, тебя ли я вижу?
 Гекторъ, ты ль радость принесъ намъ, послѣ столь многихъ
 Битвъ и смертей и несчастій собратьевъ, ты вновь къ намъ явился?
 Что жъ ты глядишь такъ уныло? Что значать кровавыя раны?“
 Молча глядитъ онъ, пустымъ не внимаешь вопросамъ, но, тяжкій
 Вдохъ выводя изъ широкой груди, онъ такъ говорить мнѣ:
 „Сынъ богини, бѣги и спасайся отъ страшныхъ пожаровъ:
 Врагъ овладѣлъ ужъ стѣнами, гибнетъ великая Троя!
 Конечно! долгъ нашъ исполненъ, довольно! Если бы Трою
 Можно было спасти, то (моя) рука защитила бы Трою.
 Всѣ мы тебѣ поручаемъ своихъ священныхъ пенатовъ:
 Ты ихъ съ собою возьми, ты съ ними найдешь и отчизну,
 Съ ними умчишься далеко и новыя стѣны воздвигнешь“ .

Обратимся теперь къ разсказу Андромахи у Сенеки (ст. 439):
 «Благодѣтельная ночь уже прошла около двухъ третей своего бѣга,
 и семь звѣздъ уже поворотили блестящую колесницу. Наконецъ,
 ко мнѣ, измученной, сошелъ невѣдомый покой, и короткій сонъ
 подобрался къ моимъ утомленнымъ щекамъ, если только оцѣпенѣние
 измученной души можно назвать сномъ. Вдругъ передъ нашими гла-
 зами предсталъ Гекторъ—не такимъ, какимъ былъ онъ, когда самъ
 шелъ войной на аргивянь и съ идейскими факелами устремлялся
 на греческіе корабли, и не такимъ, какимъ онъ былъ, когда, опья-
 ненный рѣзней, которую онъ произвелъ среди данайцевъ, принесъ
 подлинныя Ахилловы доспѣхи, снятыя имъ съ мнимаго Ахилла (т.-е.
 Патрокла). Не горѣли глаза на его лицѣ, но было оно утомлено
 и разстроено и покрыто слезами, такъ же какъ и наше; и волосы,
 покрывавшіе его голову, были грязны. Все - таки мнѣ пріятно,
 что я его увидала. Затѣмъ, качая головой, онъ сказалъ: «разсѣй
 свой сонъ и спасай сына, вѣрная супруга! Пусть онъ будетъ скрытъ;
 это единственное спасеніе. Оставь слезы; ты вздыхаешь о паденіи
 Трои. О если бы вся она лежала во прахѣ! Спѣши, уноси куда
 бы то ни было маленькую отрасль нашего дома!»

Прежде чѣмъ приступить къ сравнительному анализу обоихъ
 отрывковъ, обратимъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства: Гекторъ

появляется Энею, человѣку не такъ близкому для него, какъ жена, въ тотъ моментъ, когда въ Трою только что начали врываться греки. Эней разстроенъ, но онъ храбрый мужчина, онъ сумѣетъ защититься мечомъ, и въ первые моменты онъ дѣйствительно еще не отчаивается. Между тѣмъ Андромаха, безутѣшная вдова, съ маленькимъ ребенкомъ-сиротой на рукахъ, должна была разстроиться просто при видѣ тѣни погибшаго мужа, не говоря уже о томъ, что ее долженъ былъ потрясти его совѣтъ скорѣе спастись съ сыномъ вслѣдствіе разрушенія города — совѣтъ этотъ живо представилъ бы ей ея плачевную участь наложницы какого-нибудь изъ побѣдителей. Самое воспоминаніе объ этомъ сновидѣніи должно быть тяжело для Андромахи при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ она его рассказываетъ: Иліонъ почти весь разрушенъ, его защитники перебиты, и очередь доходить до беззащитныхъ женщинъ и дѣтей. Тѣмъ не менѣе Андромаха находитъ въ себѣ силы для резонерства и для декламации. Она спала не сномъ здороваго человѣка, но находилась въ томъ забытіи, которое наступаетъ у людей, утомленныхъ горемъ; это былъ не столько *somnus*, сколько *stupor*. Далѣе она точно опредѣляетъ и хронологическую дату сновидѣнія — оно явилось приблизительно часа въ три утра, когда прошло уже двѣ трети ночи ¹⁾; описывая видъ Гектора, она не жалѣетъ риторическихъ фигуръ и поясняетъ, что, возвращаясь однажды въ доспѣхахъ Ахилла, онъ убилъ собственно не *подлиннаго* Ахилла, но *мнимаго*, т.-е. Патрокла, одѣтаго въ Ахилловы доспѣхи, хотя для ея слушателя, троянскаго старика, такое поясненіе было лишнимъ; наконецъ, она напоминаетъ, что лицо Гектора было такъ же печально, какъ и ея собственное. Верхъ курьеза состоитъ въ томъ, что Вергилиевскій Эней при видѣ Гектора разстроенъ, и это понятно, а Андромаха Сенеки рада, что увидала своего мужа, хотя бы и въ такомъ жалкомъ видѣ. Насколько естественнѣе у Вергилия та коротенькая сцена изъ III пѣсни, въ которой Андромаха, уже долгое время спустя послѣ смерти Гектора, заливается слезами и не можетъ говорить отъ волненія, увидавъ Энея и троянцевъ!

Прибавимъ для характеристики пьесы, что эта ходульная Андро-

¹⁾ При другой обстановкѣ такая суховатая точность въ опредѣленіи времени вполне уместна и для истинно-поэтическаго произведенія. Таковъ, наприм., эпизодъ изъ Илиады (X, 251) о ночной экспедиціи Одиссея и Діомеда за Резовыми конями. Обоиъ героямъ надо торопиться, надо и выйти и вернуться въ *опредѣленное* время, а потому Одиссей говоритъ (переводъ г. Минскаго):

„Но успѣшимъ! Подвигается ночь, и заря уже близко,
Звѣзды ушли далеко и склонились. Больше двухъ долей
Ночи уже протекло; только третья намъ доля осталась“.

маха, въ сущности, — главное дѣйствующее лицо «Троянокъ» Сенеки, остается вѣрной своему резонерству до самаго конца трагедіи, послѣ пѣлаго ряда мучительныхъ сценъ, которыя она переживаетъ.

Ея маленькій Астіанактъ, сынъ знаменитаго Гектора, долженъ быть сброшенъ со скалы, такъ какъ греки боятся въ немъ будущаго мстителя за Гектора и за Троию. Его смерть неизбѣжна: такъ рѣшилъ прорицатель Калхантъ.

Послѣ длиннаго разговора со старикомъ троянцемъ Андромаха соглашается спрятать маленькаго Астіанакта въ могилѣ его отца Гектора и сказать побѣдителямъ-грекамъ, что мальчикъ погибъ при разрушеніи Трои. Но хитрый Одиссей, которому въ нашей трагедіи отведено едва-ли не больше коварства и знанія человѣческихъ слабостей, чѣмъ онъ имѣетъ у Гомера, послѣ долгихъ размышлений ловитъ находчивую Андромаху на томъ, что взаменъ смерти Астіанакта грекамъ придется скрыть до основанія могильный холмъ Гектора. Въ этомъ длинномъ діалогѣ очень много діалектическихъ соображеній и у Одиссея, и у Андромахи о чувствахъ матери и чувствѣ мщенія за отечество и т. д. Въ концѣ-концовъ мудрый психологъ Одиссей замѣчаетъ, что у Андромахи чувство къ *живому* сыну сильнѣе чувства къ *покойному* мужу, что любовь къ сыну вызываетъ въ ней настоящій материнскій страхъ, и требуетъ выдачи Астіанакта.

Послѣ этой тяжелой сцены Андромаха встрѣчается съ Еленой, которая страшится за свою участь (ей «опасны и побѣдители и побѣжденные», ст. 914) и конфузится, что послѣ гибели Трои она должна вредить троянцамъ (ст. 864), такъ какъ ее заставили парадировать въ ложной роли посредницы мнимаго брака дочери Пріама Поликсены, осужденной на смерть, съ ея убійцей Пирромъ.

Риторическій, нѣсколько колкій, но отнюдь не бурный разговоръ Андромахи съ Еленой прерывается появленіемъ Гекубы, которой теперь извѣстно, что она будетъ рабой Одиссея. Гекуба продолжаетъ резонерствовать: съ одной стороны, ее занимаетъ, что Ахиллъ, убившій ея Гектора, не умеръ, и его продолжателемъ, является сынъ его Пирръ; съ другой стороны, по поводу рабства у Одиссея эта престарѣлая парица замѣчаетъ, что ей стыдно господина, но не рабства (ст. 989).

Вотъ сцены, въ которыхъ участвуетъ Андромаха, — сцены не легкія.

Теперь является вѣстникъ и сообщаетъ сразу два трагическихъ событія: смерть Астіанакта и Поликсены, Гекуба относится къ тому и другому довольно безразлично. Андромаха требуетъ полнаго отчета.

Маленькій Астіанактъ, по разсказу вѣстника, истинный, неустрашимый герой (1093): своею смѣлостью на обрывѣ онъ поразили все греческое войско и даже самого Одиссея, который его велъ: «изъ всей толпы не плакалъ только тотъ, о которомъ плакали» (ст. 1100). Астіанактъ самъ бросился съ башни внизъ...

Андромаха восклицаетъ въ духѣ общихъ мѣстъ реторики: «тотъ, кто это допустилъ, превосходить всѣхъ тирановъ!» Она спрашиваетъ при этомъ, кто погребетъ его члены. Вѣстникъ отвѣчаетъ, что члены его разбились до неузнаваемости. И Андромаха послѣ всего этого заканчиваетъ свою роль глубокомысленной фразой: «и въ этомъ видѣ онъ похожъ на своего отца» (1117).

Михаилъ Покровскій.

Новое введеніе въ исторію революціи 1789 года.

В. И. Герье. „Идея народовластія и французская революція
1789 года“. Москва, 1904.

Только что появившаяся интересная книга профессора Герье представляет собою, къ сожалѣнію, произведеніе не вполнѣ законченное. Вмѣсто задуманнаго имъ ранѣе систематическаго изслѣдованія почтенный авторъ даетъ намъ рядъ статей, связанныхъ между собою общемою темою объ отношеніи идеи народовластія къ исторіи французской революціи.

«Заинтересовавшись вліяніемъ идеи народовластія на исторію революціи—читаемъ мы во вступленіи къ разбираемой книгѣ—я написалъ въ восьмидесятыхъ годахъ по этому вопросу нѣсколько статей, изъ которыхъ однѣ были тогда напечатаны, другія остались въ рукописи. Я имѣлъ въ виду при случаѣ переработать и слить ихъ въ цѣльное сочиненіе. Но мнѣ не пришлось осуществить это желаніе и, опасаясь, что, можетъ быть, это и впредь не удастся, я рѣшился напечатать ихъ въ видѣ сборника статей. Но и въ этомъ видѣ онѣ представляютъ внутреннюю, такъ сказать, органическую связь. Въ первой изъ нихъ объясняется историческое происхожденіе французскаго народа и объединеніе составныхъ частей его въ новомъ понятіи о французской *нации*. Вторая статья показываетъ, какъ это новое понятіе послужило средствомъ для борьбы парламентовъ противъ монархіи *старого порядка*. Статья о Руссо изображаетъ вліяніе этого писателя на представленіе о народѣ и его роль въ популяризаціи идеи народовластія въ противоположность господствовавшей до него—со времени Бодена—теоріи о верховной власти (*souveraineté*). Дальнѣйшая судьба этой идеи находилась въ зависимости отъ внутренней политики правительства Людовика XVI и отъ его отношеній къ вопросу о неотложныхъ реформахъ. Это составляетъ предметъ статьи «Народъ и

правительство Франціи на исходѣ стараго порядка» (стр. VI). Далѣе въ шестой статьѣ авторъ показываетъ вліяніе идеи народовластія на составителей наказовъ 1789 года; наконецъ, въ послѣдней, седьмой, статьѣ онъ изслѣдуетъ обстоятельства и причины, приведшія къ торжеству той же идеи на собраніи Генеральныхъ Штатовъ 1789 года.

Внутренняя органическая связь сборника нѣсколько нарушается его третьей статьёй («Народность и прогрессъ»). Статья эта по признанію самого автора «не имѣетъ ближайшаго отношенія къ исторіи Франціи»; помѣщена же она въ сборникѣ потому, что по первоначальному замыслу проф. Герье она «должна была служить вступленіемъ къ книгѣ о народѣ и народовластіи». Есть въ книгѣ и другіе недочеты, которые, несомнѣнно, были бы устранены авторомъ, если бы, согласно первоначальному его предположенію, ему удалось переработать и свести написанное имъ въ одно цѣлое. Перепечатывая безъ измѣненій отдѣльныя статьи, составленныя имъ еще въ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, профессоръ Герье не принялъ во вниманіе многихъ появившихся послѣ того изслѣдованій, въ числѣ коихъ есть довольно цѣнныя; этимъ, какъ мнѣ кажется, обуславливаются нѣкоторыя погрѣшности, которыя будутъ указаны ниже. Наконецъ, въ книгѣ есть существенный пробѣлъ, который выясняется изъ сопоставленія ея содержанія съ той широкою задачею, которую авторъ намѣчаетъ въ своемъ предисловіи:

«Указать, чѣмъ обуславливается въ историческомъ прошломъ Франціи возникновеніе идеи народовластія,—говоритъ онъ здѣсь,—почему и въ чемъ она нашла тамъ благопріятную почву для своего развитія, какъ и кѣмъ она была облечена въ ту формулу, которая обезпечивала ей популярность, какъ само правительство содѣйствовало ея успѣху, какъ она получила всенародное признаніе и при какихъ условіяхъ она восторжествовала — составляетъ предметъ настоящей книги» (стр. V).

Профессору Герье, разумѣется, прекрасно извѣстно, что идея народовластія въ связи съ ученіями объ общественномъ договорѣ, о правѣ возстанія подданныхъ противъ монарха и проповѣдью тиранноубійства возникла во Франціи не въ XVIII столѣтіи. Идея эта высказывалась еще средневѣковыми теоретиками; въ XVI столѣтіи она легла въ основу большинства трактатовъ французскихъ политическихъ писателей; ею вдохновлялись, съ одной стороны, писатели-гугеноты, какъ *Готманъ*, *Гюберъ Ламѣ*, *Ла-Бозси*, съ другой стороны, католическіе проповѣдники лиги, какъ священникъ *Бушѣ* и неизвѣстный авторъ трактата *О справедливой власти*

христіанской республики надъ нечестивыми царями ¹⁾). Книга, задающаяся цѣлью объяснить *возникновение* идеи народовластія во Франціи, казалось бы, должна была удѣлить нѣкоторое вниманіе этимъ предшественникамъ французскихъ политическихъ писателей XVIII вѣка; между тѣмъ въ книгѣ профессора Герье о нихъ не упоминается вовсе.

Каковы бы ни были однако пробѣлы разбираемаго труда, будемъ благодарны уважаемому автору и за то, что онъ намъ далъ. При всей своей незаконченности изящно написанная книга профессора Герье даетъ чрезвычайно много для уразумѣнія какъ самаго процесса зарожденія политическихъ идей XVIII вѣка, такъ и вліянія этихъ идей на ходъ историческаго развитія Франціи. Недостатокъ большинства существующихъ изложеній французской политической литературы XVIII вѣка заключается въ томъ, что они рассматриваютъ политическія ученія внѣ связи съ той исторической средой, въ которой эти ученія развивались и распространялись. Этимъ недостаткомъ страдаетъ въ особенности извѣстная «Исторія политическихъ ученій» Чичерина. Напротивъ, книга профессора Герье ставитъ себѣ главною задачею выяснить взаимодѣйствіе между мыслью и жизнью: рассматривая политическія ученія какъ *одно изъ частныхъ проявленій* историческаго процесса общественнаго развитія, авторъ внимательно изслѣдуетъ вліяніе общественнаго и государственнаго строя Франціи на французскую политическую литературу XVIII вѣка; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далеко отъ той ходячей въ наши дни односторонней теории, которая рассматриваетъ идеи только какъ «отраженія общественныхъ отношеній въ головахъ мыслителей». Признавая творческое значеніе идей въ исторіи, онъ выясняетъ процессъ ихъ осуществленія, ихъ воздѣйствіе на общественныя движенія и политическія событія.

Благодаря этимъ своимъ качествамъ, книга профессора Герье пополняетъ одинъ изъ существенныхъ пробѣловъ современной исторической литературы. Въ ней абстрактныя формулы политическихъ теоретиковъ облекаются въ плоть и кровь и обнаруживаютъ свое жизненное значеніе.

Чрезвычайно наглядно изображается въ книгѣ связь между *легитимизмомъ*, этой господствующей политической идеей старой Франціи, и тѣми привилегіями, для которыхъ эта идея служила

¹⁾ См. *Чичеринъ*, Исторія Политическихъ Ученій (изд. 1869 г.), т. I, стр. 362—371, 404—407; *Charles Labitte*. De la démocratie chez les prédicateurs de la ligue, Paris, 1865, стр. 163—174.

оправданіемъ (стр. 300—304). Тутъ, впрочемъ, задача автора сравнительно легка, такъ какъ сущность легитимизма сводится къ преклоненію передъ существующимъ, исторически сложившимся. Основной принципъ легитимизма—«уваженіе къ давности, къ законности, вытекающей изъ историческаго права». Говоря словами проф. Герье, вся политическая мудрость французскаго дворянства, этого главнаго хранителя идеи легитимизма, «коренилась въ *трехъ словахъ*, которыя не переставало твердить большинство дворянской палаты 1789 года: *c'était ainsi jadis* — такъ было искони» (стр. 309).

Упорно отстаивая историческое право престола и привилегированныхъ классовъ, легитимизмъ вызвалъ, какъ естественную и неизбѣжную реакцію, то рачіоналистическое воззрѣніе, которое относилось съ высокоумѣрнымъ пренебреженіемъ къ исторически сложившемуся. «Рачіонализмъ,—какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ проф. Герье,—принимаетъ особенно острый характеръ тамъ, гдѣ потребность реформъ долго задержана и гдѣ защитники старины слишкомъ слѣпо и упорно противопоставляютъ право давности всякому требованію современности. Отсюда слѣдуетъ, что нигдѣ рачіонализмъ не могъ пріобрѣсти такой силы, нигдѣ онъ не долженъ былъ принять такой догматическій характеръ какъ во Франціи—странѣ легитимизма. *Французскій рачіонализмъ есть невольное порожденіе французскаго легитимизма*». *Mutatis mutandis*, эти мѣткія слова профессора Герье сохраняютъ свою силу и для нашего времени.

Будучи прежде всего *отрицаніемъ* стараго порядка, рачіоналистическія воззрѣнія французскихъ публицистовъ XVIII вѣка по этому самому тѣсно съ нимъ связаны, и профессоръ Герье прекрасно выясняетъ эту связь. «Рачіоналистическое представленіе о народѣ и государствѣ,—говоритъ онъ,—находило себѣ удобную почву въ старомъ порядкѣ; оно питалось его предразсудками и заблужденіями и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ отрицаніемъ. Идея общественнаго договора была разрушительна для прежней политической системы, а между тѣмъ она была изъ нея заимствована. *Старый порядокъ* былъ основанъ на привилегіяхъ; а что такое привилегія, какъ не слѣдствіе договора между правительствомъ Франціи и различными корпораціями, результатъ *капитуляціи*, подъ условіемъ соблюденія которой провинціи и сеньеры какъ бы согласились вступить въ общее тѣло Франціи, признать надъ собою верховную власть ея королей» (стр. 311).

Общая борьба противъ легитимизма объясняетъ между прочимъ черту, общую многимъ рачіоналистическимъ писателямъ XVIII

вѣка. Побивая противника историческими аргументами, они стараются доказать, что *право разума древнѣе историческихъ правъ престола и привилегированныхъ классовъ*. «Свобода древнѣе деспотизма», говоритъ госпожа де Сталь. Развивая свой идеалъ политической свободы, Монтескьё ведетъ ея происхожденіе отъ древнихъ германцевъ; онъ утверждаетъ, что система эта «была изобрѣтена въ лѣсахъ». Руссо относитъ осуществленіе идилліи всеобщей свободы и равенства къ той доисторической эпохѣ, когда человѣчество пребывало въ естественномъ состояніи. Наконецъ, Мабли видитъ въ народовластіи порядокъ, нѣкогда исторически существовавшій, *исконное право Франціи* (стр. 385 разбираемой книги). Въ данномъ случаѣ отношеніе писателей-раціоналистовъ XVIII вѣка къ легитимизму было бы полнѣе выяснено профессоромъ Герье, если бы онъ принялъ во вниманіе ихъ предшественниковъ—революціонныхъ писателей XVI столѣтія. Уже въ 1573 году въ своемъ трактатѣ *Франко - Галлія* Готманъ развиваетъ мысль, что галлы до покоренія римлянами обладали свободными учрежденіями; еще болѣе дорожили свободою франки, коихъ самое имя означаетъ людей свободныхъ, враговъ всякой тиранніи. Гюберъ Лангё ищетъ опоры для своего идеала свободы въ библейскихъ образцахъ, а Ла Боэси видитъ въ свободѣ первоначальное состояніе человѣка ¹⁾. Такимъ образомъ, въ самомъ способѣ аргументаціи противъ исторически сложившагося мыслители XVIII вѣка возвратились къ старой традиціи XVI столѣтія. Если въ нѣкоторыхъ политическихъ трактатахъ XVIII вѣка и въ особенности въ дворянскихъ наказахъ 1789 года замѣчается согласно вѣрному указанію профессора Герье «уродливая смѣсь шляхетства и радикализма, феодальныхъ притязаній и революціоннаго ухарства» (стр. 306, 488), то въ этомъ опять-таки нельзя не видѣть явленія переживанія. Цитированный трактатъ Готмана представляетъ собою какъ разъ образецъ такого сочетанія революціонныхъ стремленій съ феодальными преданіями.

Сила легитимизма сказалась въ особенности въ томъ, что онъ оказалъ извѣстное вліяніе даже на произведенія либеральныхъ публицистовъ. Профессору Герье удалось подмѣтить слѣды этого вліянія въ знаменитомъ произведеніи отца французскаго конституціонализма,—въ «Духѣ законовъ» Монтескьё. «Замѣчательно,—говоритъ онъ,—что, несмотря на все вліяніе Англій, правовой порядокъ въ приложеніи къ Франціи основанъ у Монтескьё на легитимистическомъ принципѣ. По его ученію, что отличаетъ монар-

1) См. Чичеринъ, т. I, стр. 362—371.

хію отъ деспотіи—это *посредствующія власти*. «Власти эти (Les pouvoirs intermediaires), подчиненныя и зависимыя, составляютъ сущность (la nature) монархическаго управленія». Эти власти—дворянство, духовенство, самостоятельныя судебно-административныя корпораціи (парламенты). «Самая естественная посредствующая власть—это дворянство». Дворянство Монтескьё себѣ представляетъ только въ феодальныхъ формахъ съ маіоратами, правомъ родового выкупа, съ привилегіями, присущими дворянскимъ имѣніямъ (fiefs) и лицамъ. «Всѣ эти привилегіи должны быть принадлежно-стью дворянства и не переходить къ народу» (стр. 307).

Со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться, но, къ сожалѣнію, говоря о вліяніи легитимизма на Монтескьё и объ отраженіи стараго порядка въ его «Духѣ законовъ», профессоръ Герье впадаетъ въ явное преувеличеніе. По словамъ почтеннаго историка, «Монтескьё знаетъ только два вида монархій: современную ему феодальную монархію съ посредствующими властями, т.-е. съ привилегированными сословіями и корпораціями, и затѣмъ азіатскія деспотіи съ ихъ гаремами и визирями. Монархіи иного типа для Монтескьё неизвѣстны (?!), хотя онъ и жилъ въ вѣкѣ просвѣтительнаго абсолютизма, провозгласившаго въ лицѣ одного изъ лучшихъ своихъ представителей принципъ, что «монархъ первый служитель своего государства». Одновременно съ «Духомъ законовъ» вышелъ на свѣтъ новый судебный уставъ Фридриха Великаго, въ которомъ судьямъ предписывалось: «блюсти лишь справедливость, которой они присягали, и не принимать при этомъ въ расчетъ никакихъ правительственныхъ распоряженій, не согласныхъ съ правосудіемъ, такъ какъ ни подобныя распоряженія, ни мнимый интересъ государя не послужатъ для нихъ оправданіемъ» (стр. 368—369). Профессоръ Герье какъ будто забылъ о томъ, что, кромѣ указанныхъ здѣсь двухъ типовъ монархій, Монтескьё прекрасно знаетъ еще и третій, именно — *конституціонную монархію Англій*, послужившую образцомъ для его конституціонной теоріи. Объ Англій Монтескьё говоритъ между прочимъ: «Есть на свѣтѣ нація, гдѣ непосредственною цѣлью государственнаго устройства служить политическая свобода» ¹⁾). Приведенныя профессоромъ Герье слова судебного устава Фридриха Великаго находятся въ полномъ согласіи съ той теоріей раздѣленія властей, которую Монтескьё извлекъ изъ своихъ наблюденій надъ государственнымъ строемъ Англій. Въ независимости судебной власти отъ администраціи, отъ прави-

¹⁾ De l'Esprit des Lois, l. XI, ch. V: Il y a aussi une nation dans le monde, qui a pour objet direct de sa constitution la liberté politique.

тельстванныхъ распоряженій, Монтескьё, какъ извѣстно, видитъ одинъ изъ основныхъ принциповъ правильно устроенной конституціонной монархіи. Упущеніе профессора Герье тутъ представляется тѣмъ болѣе непонятнымъ, что въ его книгѣ двумя страницами ниже приведеннаго текста довольно обстоятельно обсуждается вопросъ объ отношеніи теоріи раздѣленія властей Монтескьё къ англійской конституціи (см. стр. 370 и слѣд.).

Въ изложеніи и оцѣнкѣ ученія Монтескьё у профессора Герье вообще встрѣчаются нѣкоторыя неточности. По словамъ уважаемаго автора, «Монтескьё, перенося на монархію представленіе объ исполнительной власти, лишилъ ее при этомъ того оплота, который историческая жизнь выработала для нея въ Англии, — безотвѣтственности» (стр. 374). На самомъ дѣлѣ Монтескьё считаетъ монарха безотвѣтственнымъ: онъ не признаетъ за законодательнымъ собраніемъ права судить особу, а слѣдовательно и поведеніе главы исполнительной власти. Эта особа, говоритъ онъ, «должна быть священной, такъ какъ она необходима государству, чтобы законодательное собраніе не стало въ немъ тираническимъ; съ того момента, когда онъ (король) былъ бы обвиняемъ или судимъ, свободы уже не было бы»¹⁾. Если рядомъ съ этимъ Монтескьё говоритъ объ отвѣтственности министровъ, то только въ томъ смыслѣ, въ какомъ она существовала въ Англии: онъ признаетъ за нижней палатой право предавать министровъ суду верхней палаты и выступать передъ нею въ роли обвинительницы (англійское *right of impeachment*).

Не точно и даже не совсѣмъ понятно и то, что проф. Герье говоритъ объ отношеніи между исполнительной властью короля и законодательною властью парламента въ ученіи Монтескьё. По словамъ автора, Монтескьё «ограничилъ эту (исполнительную) власть однимъ правомъ налагать свое запрещеніе на постановленія законодательнаго органа, но въ этомъ правѣ онъ видѣлъ необходимую гарантію противъ возможнаго злоупотребленія власти со стороны законодательнаго собранія» (стр. 379). Если профессоръ Герье хочетъ здѣсь сказать, что право *veto* короля было для послѣдняго единственнымъ способомъ сдерживать увлеченія парламента, то онъ какъ будто бы забылъ, что Монтескьё указываетъ и на другую сдержку, именно на право короля распускать парламентъ²⁾. Наконецъ, критикуя Монтескьё, авторъ дѣлаетъ ему между прочимъ упрекъ, который ни въ какомъ случаѣ нельзя признать заслужен-

¹⁾ De l'Esprit des Lois, l. XI, ch. VI.

²⁾ De l'Esprit des Lois, l. XI, ch. VI.

нымъ. «Всего глубже, — говорить онъ, укоренилось во Франціи представленіе о монархіи, какъ объ исполнительной власти, заимствованное Монтескьё изъ трактата Локка, написаннаго за 60 лѣтъ передъ тѣмъ. По отношенію къ Англіи это былъ анахронизмъ (?), такъ какъ во время Монтескьё король Англіи уже не обладалъ исполнительной властью» (стр. 373—374). Нѣсколькими строками выше авторъ говоритъ, что въ дни Монтескьё въ Англіи правящій классъ «посредствомъ парламентскаго большинства опредѣлялъ составъ министерства». На самомъ дѣлѣ виновникомъ анахронизма является тутъ не Монтескьё, а профессоръ Герье. Въ дни Монтескьё составъ министерства въ Англіи далеко не всегда соответствовалъ волѣ парламентскаго большинства, и выходъ министровъ въ отставку въ случаѣ ихъ разногласія съ парламентомъ вовсе не признавался обязательнымъ. Первый въ исторіи Англіи выходъ въ отставку премьеръ-министра (Роберта Вальполя), обусловленный неблагоприятнымъ вотумомъ парламента, восслѣдовалъ въ 1742 г., т.-е. какъ разъ въ годъ появленія трактата Монтескьё «О духѣ законовъ»; но отставка Вальполя не сопровождалась отставкой всего кабинета; первый же случай коллективной отставки *всего министерства* вслѣдствіе несогласія съ парламентомъ имѣлъ мѣсто сорока годами позже — въ 1782 году ¹⁾. Утверженіе, будто бы въ дни Монтескьё англійскій король не обладалъ исполнительной властью, оказывается такимъ образомъ по меньшей мѣрѣ рискованнымъ.

Едва ли не самымъ интереснымъ отдѣломъ книги является ея четвертая глава — «Понятіе о народѣ и народовластіи у Руссо». Главное достоинство этой содержательной главы заключается въ ея многосторонности, въ богатствѣ и разнообразіи тѣхъ данныхъ, которыя привлекаются авторомъ для освѣщенія политическихъ воззрѣній Руссо и для оцѣнки ихъ историческаго значенія.

Прежде всего изложеніе профессора Герье опирается не на отдѣльные политическіе трактаты Руссо, а на всю совокупность его произведеній; поэтому автору удается, съ одной стороны, раскрыть органическую связь между собственно политическими воззрѣніями Руссо и общими основами его міросозерпанія; съ другой стороны, въ разбираемой главѣ чрезвычайно рельефно выступаютъ внутреннія противорѣчія различныхъ элементовъ мысли знаменитаго публициста. Удѣляя должное вниманіе элементу біографическому, про-

¹⁾ *Todd*. The parliamentary Government in England, томъ II, гл. III, § II, п. 1, стр. 92—94 нѣмецкаго изданія 1871 г.

фессоръ Герье тщательно изслѣдуетъ вліяніе жизни Руссо на его творчество. Наконецъ, онъ удачно выясняетъ тѣ общія историческія причины, которыми обусловливалось огромное вліяніе автора «Общественнаго договора» на французское общество второй половины XVIII столѣтія.

Указывая на преобладаніе рационализма въ ученіи Руссо, профессоръ Герье однако далекъ отъ того, чтобы видѣть въ немъ *только* рационалиста; мы находимъ въ разбираемой книгѣ рядъ цѣнныхъ указаній на многочисленныя страницы, нарушающія цѣльность рационалистическихъ построеній знаменитаго писателя. Въ общемъ Руссо съ высокоумнымъ пренебреженіемъ относится къ исторически существующему; и однако мы находимъ у него нѣкоторые зачатки историзма. Съ одной стороны, въ своемъ «Общественномъ договорѣ» онъ выводитъ свой государственный идеаль изъ требованій разума безъ всякаго отношенія къ условіямъ времени и мѣста; съ другой стороны, подъ вліяніемъ Монтескье онъ заявляетъ, что «не всякая форма правительства годится для всякой страны» и что, «помимо общихъ всѣмъ положеній, каждый народъ обладаетъ какимъ-нибудь условіемъ, которое дѣлаетъ его учрежденія пригодными для него одного» (стр. 204 разбираемой книги). Въ «Общественномъ договорѣ» проводится чисто механическое возрѣніе на государство: оно есть сумма индивидовъ, результатъ ихъ добровольнаго соглашенія. И однако рядомъ съ этимъ, какъ основательно указываетъ профессоръ Герье (стр. 205), Руссо «не чуждъ представленія объ организмѣ» въ примѣненіи къ государству и народу. Въ своемъ «Разсужденіи о политической экономіи» онъ сравниваетъ политическое тѣло съ живымъ человѣческимъ тѣломъ. Съ точки зрѣнія своей рационалистической теоріи Руссо оправдываетъ революцію; онъ «признаетъ за каждымъ народомъ безусловное право свергать свое правительство и имѣть свое устройство». Рядомъ съ этимъ «трудно найти у кого-либо такія благоразумныя предостереженія противъ насильственныхъ переворотовъ, какъ у Руссо» (стр. 202). Вообще, мы находимъ у профессора Герье обильныя и цѣнныя указанія на противорѣчія Руссо; впрочемъ, эти указанія могли бы быть еще полнѣе, если бы уважаемый авторъ, перепечатывая свою статью, использовалъ вышедшее въ 1898 году солидное изслѣдованіе *Гайманна* ¹⁾.

Изъ всего, что профессоръ Герье говоритъ о внутренней связи различныхъ ученій Руссо, особеннаго вниманія заслуживаетъ мѣткое сопоставленіе между общественною теоріей автора «Рѣчи о проис-

¹⁾ *Frans Haymann, Jean Jacques Rousseau's Socialphilosophie.*

хождені неравенства между людьми» и его педагогическими воззрѣніями. По словамъ проф. Герье, то же самое искусственное противоположеніе цивилизаціи природѣ, побудившее Руссо видѣть въ ребенкѣ *неиспорченное* лжемудростью существо, заставило его идеализировать и тотъ общественный бытъ, который можно было съ бѣльшимъ или меньшимъ основаніемъ отождествить съ естественнымъ состояніемъ и выставить, какъ отрицаніе цивилизаціи. Такое образцовое состояніе Руссо отыскалъ въ бытѣ дикарей (стр. 236). Изъ всѣхъ замѣчаній профессора Герье, касающихся отношенія Руссо къ цивилизаціи, я нахожу ошибочнымъ только одно: уважаемый авторъ видитъ противорѣчіе въ томъ, что Руссо, съ одной стороны, признаетъ цивилизацію уклоненіемъ отъ природы, считаетъ ее источникомъ всѣхъ бѣдствій человѣчества, а съ другой стороны видитъ въ *способностяхъ къ усовершенствованію* существенное отличіе человѣка отъ животнаго (стр. 200—201). На самомъ дѣлѣ тутъ нѣтъ никакого противорѣчія: говоря о способностяхъ къ усовершенствованію, Руссо именно эту способность называетъ источникомъ всѣхъ человѣческихъ бѣдствій ¹⁾.

Всего слабѣе въ разбираемой главѣ страницы, посвященныя ученіямъ Руссо объ общественномъ договорѣ, о верховенствѣ народа и о раздѣленіи властей. Тутъ приходится отмѣтить цѣлый рядъ неточностей. Прежде всего профессоръ Герье какъ будто не замѣчаетъ рѣзкихъ различій въ пониманіи общественнаго договора между Руссо и его предшественниками. «Какую бы систему управленія ни усвоило себѣ государство въ силу историческихъ обстоятельствъ,—говоритъ онъ,—источникъ государственной власти всегда коренится въ первоначальной общей волѣ, и форма ея всегда должна сообразоваться съ послѣдней. Такова въ самыхъ общихъ чертахъ раціоналистическая теорія о государствѣ, господствовавшая въ XVIII вѣкѣ и получившая самое рѣзкое и догматическое выраженіе свое въ сочиненіи Руссо — «Общественный договоръ» (стр. 192—193). На самомъ дѣлѣ Руссо видитъ въ общей волѣ народа *норму должнаго*, а вовсе не фактическій источникъ *всѣхъ* государственной власти. Общая воля господствуетъ въ государствѣ идеальномъ, долженствующемъ быть; государства же и общества, фактически существующія, какъ это признаетъ и профессоръ Герье (стр. 315) суть, въ глазахъ Руссо, *порожденія дикаго и незаконнаго насилія*.

¹⁾ *Discours sur l'origine de l'inégalité parmi les hommes*, première partie: „Il serait triste pour nous d'être forcés de convenir que cette faculté {distinctive et presque illimitée est la source de tous les malheurs de l'homme“ в т. I.

Съ точки зрѣнія Руссо общественный договоръ можетъ выразиться только въ такой формѣ государственнаго устройства, гдѣ народъ остается фактическимъ верховнымъ владыкою. Народное верховенство неотчуждаемо и недѣлимо; оно не можетъ быть перенесено посредствомъ общественнаго договора на какое-либо правительство, отличное отъ народа; такое перенесеніе было бы съ точки зрѣнія Руссо нарушеніемъ общественнаго договора и по тому самому—замѣною общей воли волею частною, иначе говоря, *уничтоженіемъ общей воли*. Рѣзкое отличіе ученія Руссо отъ всѣхъ предшествовавшихъ теорій «общественнаго договора» заключается въ томъ, что по Руссо правительство не можетъ быть стороною, *контрагентомъ* въ общественномъ договорѣ: контрагентами являются только отдѣльные индивиды, которые переносятъ свои права на *общую волю*, на народъ, какъ совокупность. Предшествовавшіе теоретики различали два вида договора: 1) договоръ отдѣльныхъ лицъ о соединеніи ихъ во единое политическое тѣло, народъ и 2) договоръ между образовавшимся такимъ образомъ народомъ и правительствомъ о перенесеніи (частичномъ или полномъ) верховныхъ правъ съ народа на правительство. У Руссо, какъ это прекрасно выяснилъ *Гирке*, второй видъ договора совершенно отпадаетъ: правительство является не договаривающейся стороною, а только *уполномоченнымъ* народа. Отсюда вытекаетъ такое различіе между Руссо и предшествовавшими теоретиками. Съ точки зрѣнія послѣднихъ путемъ общественнаго договора можетъ быть создана любая форма государственнаго устройства; народъ можетъ создать у себя по своему усмотрѣнію монархію или республику, установить образъ правленія чистый или смѣшанный; по Гуго Гроцію народъ можетъ перепести на власть всѣ свои права или часть своихъ правъ, отдать себя въ рабство правительству или сохранить за собою контроль надъ нимъ. Напротивъ, съ точки зрѣнія Руссо о созданіи путемъ общественнаго договора *любой* формы государственнаго устройства не можетъ быть и рѣчи; по его ученію, путемъ общественнаго договора можетъ создаться только непосредственная демократія, непосредственное народное самоуправленіе.

Еслибы профессоръ Герье принялъ во вниманіе выпедшую въ 1880 году книгу *Гирке* ¹⁾ и цитированную уже книгу *Гайманна*, то онъ избѣжалъ бы многихъ неточностей, между прочимъ—безусловно ошибочнаго пониманія идеи суверенитета у Руссо. Коммен-

¹⁾ Iohannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien, особенно стр. 91 и слѣд.

тируя учение Руссо о правительственной власти, какъ о простомъ порученіи, делегации народа, профессоръ Герье замѣчаетъ: «Ту же мысль по отношенію къ монархіи вѣрнѣе, но не менѣе сильно, выразилъ абсолютный монархъ XVIII вѣка Фридрихъ II Прусскій, сказавъ: «le souverain n'est que le premier serviteur de ses états» (стр. 272). На самомъ дѣлѣ въ приведенныхъ словахъ великаго короля выразилось пониманіе суверенитета не только не тождественное, но даже прямо противоположное тому, которое мы находимъ у Руссо. Фридрихъ Великій признаетъ монарха обладателемъ верховныхъ правъ, *сувереномъ*; онъ находитъ, что въ качествѣ такого монархъ долженъ быть первымъ слугою своего королевства. Такое пониманіе *нравственныхъ обязанностей* монарха, разумѣется, мирится съ полнымъ абсолютизмомъ: самый неограниченный изъ всѣхъ монарховъ—папа, какъ извѣстно, называетъ себя *работъ работъ Божиихъ*. Напротивъ, изъ основной мысли Руссо вытекаетъ, что *монархъ не есть суверенъ*; правители суть слуги народа не въ силу нравственной только обязанности, а какъ уполномоченные единственнаго правомѣрнаго государя-народа.

Такъ же неточно и то, что профессоръ Герье говоритъ объ отношеніи Руссо къ теоріи раздѣленія властей Монтескьё. Извѣстно, что во второй главѣ второй книги «Общественнаго договора» Руссо глумится надъ теоріей раздѣленія суверенитета; онъ сравниваетъ ея сторонниковъ съ японскими фокусниками, которые разсѣкаютъ ребенка на части на глазахъ зрителей, подбрасываютъ разсѣченные члены кверху и въ заключеніе ловятъ въ свои объятія ребенка живымъ и невредимымъ. По словамъ профессора Герье, «эта шутка надъ Монтескьё была неумѣстна со стороны Руссо, такъ какъ онъ самъ дѣлаетъ то же, въ чемъ упрекаетъ Монтескьё. Въ основаніи его собственной политической теоріи снова является дѣленіе, хотя и въ иномъ смыслѣ» (стр. 378). Тутъ уважаемый авторъ упустилъ изъ вида, что Руссо возражаетъ вовсе не противъ раздѣленія *властей*, а противъ раздѣленія *верховенства* между отдѣльными властями¹⁾. Монтескьё считаетъ необходимымъ условіемъ политической свободы такое государственное устройство, гдѣ три основныя функціи верховной власти распредѣляются между различными органами, такъ что ни одно лицо или учрежденіе не совмѣщаетъ въ своихъ рукахъ всей полноты верховной власти. Напротивъ, Руссо полагаетъ, что верховная власть *во всей ея полнотѣ* должна

¹⁾ 2-я глава 2-й книги „Общественнаго договора“, гдѣ идетъ рѣчь о японскихъ фокусникахъ, носитъ заглавіе „Недѣляемость верховенства“ (Que la souveraineté est indivisible).

принадлежать народу-законодателю; власть же исполнительная есть подчиненный органъ, которому *верховенство* (*soveraineté*) не принадлежит ни въ цѣломъ, ни въ части. Ясное дѣло, что воззрѣнія обоихъ публицистовъ въ данномъ случаѣ не тождественны, а диаметрально противоположны. Для поясненія этой противоположности достаточно сказать, что Монтескьё считаетъ необходимымъ условіемъ свободы полную безответственность монарха и независимость его отъ законодательнаго собранія. Между тѣмъ, Руссо требуетъ всецѣлаго подчиненія правителей народу-законодателю; народъ можетъ всѣхъ ихъ смѣщать по своему усмотрѣнію.

Руссо не принадлежитъ къ числу тѣхъ первостепенныхъ мыслителей, коихъ творенія имѣютъ непреходящее значеніе. Его значеніе всецѣло обуславливается условіями его времени; онъ интересенъ не столько самъ по себѣ, сколько по тому огромному вліянію, которое онъ имѣлъ на своихъ современниковъ. Поэтому главная задача изслѣдователя заключается въ томъ, чтобы выяснитъ характеръ и въ особенности *причины* этого вліянія.

Профессоръ Герье, повидимому, такъ и понялъ свою задачу. Мы уже видѣли, что ученіе Руссо соткано изъ бьющихъ въ глаза противорѣчій; заключая въ себѣ мало новаго и оригинальнаго, оно поражаетъ своей отвлеченностью и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно примитивною наивностью. Если принять во вниманіе, что образованіе автора «Общественнаго договора» было крайне скуднымъ, что при этомъ характеръ его заключаетъ въ себѣ черты прямо отталкивающія, что въ нравственномъ отношеніи онъ стоитъ ниже средняго уровня, то окажется, что *увлеченіе* имъ есть прежде всего явленіе патологическое: въ общемъ самъ онъ менѣе интересенъ, чѣмъ тѣ, кто имъ увлекался.

Успѣхъ такихъ теоретиковъ, какъ Руссо и Мабли, зависѣлъ, конечно, прежде всего отъ условій политическаго воспитанія французскаго общества второй половины XVIII столѣтія. Говоря словами профессора Герье, «трудно представить себѣ худшую школу, чѣмъ та, въ которой воспитывалось это общество до самаго момента, когда оно неожиданно было призвано къ безграничной самодѣятельности и безконтрольному самоопредѣленію своихъ судьбъ»¹⁾. То была школа бюрократическаго абсолютизма. «Вездѣ эта форма

¹⁾ Въ приведенныхъ словахъ почтеннаго историка заключается нѣкоторое преувеличеніе, такъ какъ въ началѣ XX столѣтія мы не только можемъ себѣ представить, но даже повседневно наблюдаемъ, несомнѣнно, еще „худшую школу“.

была необходимымъ моментомъ историческаго развитія; и даже во Франціи, несмотря на многія неблагопріятныя условія, дѣятельность бюрократіи была во многихъ отношеніяхъ плодотворна. Но неизбѣжнымъ послѣдствіемъ новаго порядка было *полное устраненіе общества отъ дѣлъ, полное разобщеніе его съ государствомъ*» (стр. 392, курсивъ мой). Разобщеніе это выражалось прежде всего *въ положеніи французскаго дворянства*. «По деревнямъ феодальные сеньоры, лишившись своихъ господскихъ правъ, не получили взамѣнъ этого никакого общественнаго значенія и жили въ своихъ замкахъ, какъ *дачники*. Въ городахъ демократическій элементъ давно уже былъ устраненъ отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ» (стр. 393). «Городское населеніе вездѣ перестало интересоваться дѣлами города и жило среди собственныхъ стѣнъ наподобіе чужестранцевъ»¹⁾. Дворянство съ легитимистической точки зрѣнія считалось *опорою престола*; но въ дѣйствительности оно никому опорю служить не могло, ибо «какъ общественный элементъ оно было совершенно ничтожно» (стр. 394). «Аристократія, устраненная отъ государственныхъ дѣлъ высшей бюрократіей и принужденная добиваться вліянія посредствомъ интригъ, также утратила всякое чутье дѣйствительности и всякій политическій смыслъ; но зато, какъ жалуется одинъ изъ самыхъ умныхъ ея членовъ, «мы отлично знаемъ толкъ въ экипажахъ, табакеркахъ, фарфорѣ, прекрасно владѣемъ искусствомъ интриговать и испрашивать милостыню—*en talons rouges*» (стр. 395).

Не сдерживаемое обществомъ, чиновничество во Франціи второй половины XVIII вѣка является въ полномъ смыслѣ слова всемогущимъ. Какъ же смотритъ оно на свою государственную задачу? Говоря словами профессора Герье, въ то время, «несмотря на абсолютизмъ и установившуюся централизацию, французское государственное управленіе не освободилось отъ феодальнаго духа; участіе въ той или другой функціи этого управленія было не столько *службой*, налагавшей обязанности, сколько *владѣніемъ*, доставлявшимъ права и привилегіи; не столько исполненіемъ долга по отношенію къ обществу и государству, сколько эксплуатацией ихъ въ личныхъ интересахъ» (стр. 395). Вся вообще служба въ то время носила «характеръ эксплуатации общества частными лицами» (стр. 396). «Бюрократія дѣйствовала во многихъ отношеніяхъ какъ въ завоеванной странѣ. Отсюда одна изъ худшихъ сторонъ старой французской администраціи—произволъ и безответственность» (стр. 401).

¹⁾ См. цитату изъ Токвилля, *Ancien Régime*, 89 на стр. 394 разбираемаго сочиненія.

Вѣрно подмѣчая явленія, профессоръ Герье, какъ мнѣ кажется, напрасно объясняетъ ихъ *однимъ только вліяніемъ феодальной дуги*. Сравнительно-историческое изслѣдованіе могло бы убѣдить его, что такой характеръ эксплуатаціи свойственъ вообще *исключительно бюрократическому управленію*; вслѣдствіе этого отношеніе къ службѣ, весьма сходное съ только что описаннымъ, нерѣдко встрѣчается въ странахъ, не пережившихъ феодализма.

Совокупность всего изложеннаго дѣлаетъ понятною огромную популярность политической проповѣди Руссо. Страна, гдѣ нація и правительство составляютъ какъ бы два враждебные другъ другу лагеря, представляетъ собою весьма благоприятную почву для распространенія ученій радикальныхъ и революціонныхъ. Подавленіе со стороны правительства всякой общественной самодѣятельности влечетъ за собою, какъ естественное послѣдствіе, отрицательное отношеніе общества не только къ правительству, но и ко всему вообще исторически существующему. При этомъ радикализмъ общества, оторваннаго отъ дѣлъ и политически незрѣлаго, неизбежно долженъ быть беспочвеннымъ и мечтательнымъ. Прибавимъ къ этому то раздраженіе, которое вызывается необеспеченностью личности и имущества, всеобщимъ разореніемъ, постоянными нарушеніями обѣщаній правительства и массовыми произвольными арестами: при этихъ условіяхъ для насъ станетъ понятнымъ *преобладаніе чувства надъ логикой* въ политическомъ міросозерцаніи французовъ XVIII вѣка.

Ученіе Руссо какъ разъ даетъ рядъ простыхъ и ясныхъ формулъ для создавагося на почвѣ «старого порядка» общественнаго настроенія. Формулы эти безконечно далеки отъ дѣйствительности и поражаютъ своею отвлеченностью; но именно потому онѣ приходятся по плечу французскому обществу того времени, для котораго разрывъ съ дѣйствительностью, отвлеченіе отъ всего исторически существующаго, является основною, насущною потребностью. Отрѣшенное отъ всякаго практическаго знакомства съ государственною жизнью, это общество по тому самому увлекается одностороннею умозрительною теоріею, которая выводитъ общество и государство изъ отвлеченнаго понятія *человѣка-гражданина*. Французы XVIII вѣка, говоритъ проф. Герье, «отождествляли понятія *человѣка* и *гражданина*, видѣли въ каждомъ *человѣкѣ* *гражданина* вообще независимо отъ мѣстныхъ и историческихъ условій. Такое понятіе *человѣка-гражданина* не было заимствовано ни изъ опыта, представляемаго прошедшимъ, т.-е. изъ исторіи, ни изъ наблюдений надъ настоящимъ. Французское общество съ увлеченіемъ усвоило себѣ идею о *человѣкѣ* вообще, о *человѣкѣ*, отвлеченномъ отъ всего.

что налагается на него известною эпохой или бытомъ, отъ всѣхъ свойствъ и наклонностей, унаслѣдованныхъ отъ семьи и племени, отъ всякаго индивидуальнаго склада, обусловленнаго воспитаніемъ, занятіями и степенью развитія. Этотъ-то отвлеченный человѣкъ сдѣлался предметомъ психологическаго анализа и точкой отправленія для политическихъ соображеній; задача заключалась лишь въ томъ, чтобы опредѣлить его права въ общежитіи и формулировать необходимыя для нихъ гарантіи» (стр. 191—192).

Ученіе Руссо плѣняетъ умы именно потому, что оно витаетъ внѣ условій мѣста и времени. Оно трактуетъ не о томъ или другомъ конкретномъ народѣ и государствѣ, а о народѣ вообще, о государствѣ вообще; условному *историческому* праву старой французской монархіи оно противопоставляетъ безусловныя *вѣчныя* права человѣка и народа-государя. Начертанный Руссо образъ народа непогрѣшимаго, непорочнаго и всемогущаго, притомъ составленнаго изъ равноправныхъ единицъ, олицетворяетъ собою всѣ надежды французской интеллигенціи, ея недовольство настоящимъ, ея вражду противъ привилегій; неудивительно, что «Общественный договоръ» становится для нея высшимъ авторитетомъ.

Профессоръ Герье прекрасно объясняетъ, почему во второй половинѣ XVIII вѣка ученіе Руссо стало господствующимъ догматомъ. «Благодаря идеализаціи массы, живущей инстинктомъ и еще не испорченной цивилизаціей, блѣдное раціоналистическое представление о народѣ-государѣ получило конкретный образъ, облеклось въ плоть и кровь: ученіе о народѣ, возникшемъ въ силу взаимнаго договора изъ естественнаго состоянія и представляющемъ собой источникъ государственной власти, могло въ своей *теоретичности* оказать вліяніе только на отвлеченное мышленіе; поклоненіе же инстинкту, обоготвореніе массы дало ему жизнь, сдѣлало его способнымъ глубоко возбуждать чувства и страсти. Посредствомъ незамѣтнаго логическаго скачка и простой тавтологіи (игры словъ?) раціоналистическое представление о народѣ-государѣ отождествилось съ представленіемъ о народной массѣ, и послѣдней были приписаны всѣ атрибуты власти, которыми «Общественный договоръ» такъ щедро надѣлили отвлеченный народъ» (стр. 248). Тутъ же профессоръ Герье доказываетъ цитатами, что Руссо былъ родоначальникомъ того суженнаго пониманія народа, которое отождествляло націю то съ третьимъ сословіемъ, то съ крестьянами (стр. 248—249). Известно, какое огромное вліяніе оказало это извращеніе понятій на послѣдующія событія революціи.

Чтобы не утомлять читателя слишкомъ длинной статью, я нѣсколько сѣзидь мою задачу: я разобралъ въ настоящемъ критическомъ очеркѣ только тѣ отдѣлы новаго труда проф. Герье, которые казались мнѣ наиболѣе интересными. При этомъ я не исчерпалъ ни того, что можно было бы сказать о достоинствахъ книги, ни тѣхъ возраженій, которыя вызываютъ отдѣльныя ея страницы. Но каковы бы ни были эти возраженія, во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что работа профессора Герье имѣетъ право на почетное мѣсто въ русской исторической литературѣ. Не говоря уже о тѣхъ научныхъ ея качествахъ, которыя дѣлаютъ ее интересною для историка, она представляетъ собою чтеніе поучительное и занимательное для всякаго образованнаго читателя, который умѣетъ и хочетъ понимать уроки исторіи. Уроки эти тѣмъ болѣе цѣнны, что ученый авторъ, преслѣдовавшій исключительно научныя цѣли, не заслуживаетъ упрека въ тенденціозномъ стремленіи приспособить свою книгу къ запросамъ дня.

Ии. Евгеній Трубецкой.

Аграрный кризисъ Римской имперіи ¹⁾.

Римская имперія отдѣлена отъ насъ многими вѣками, но то, что происходило въ ея предѣлахъ, остается важнымъ и поучительнымъ для насъ. Помимо продолжающагося вліянія нѣкоторыхъ изъ выработанныхъ ею началъ въ религіи, правѣ, учрежденіяхъ, поражаетъ сходство цѣлага ряда условій тогдашней общественной жизни съ теперешними. Между прочимъ не лишнее присмотрѣться къ судьбамъ помѣщичьяго и крестьянскаго классовъ въ ту эпоху. Было бы, конечно, неумѣстно искать въ императорскомъ Римѣ готовыхъ рецептовъ для врачеванія современныхъ недуговъ, но безпристрастное научное изслѣдованіе даетъ немаловажныя указанія для діагностики этихъ недуговъ и для опредѣленія взаимной связи между ихъ проявленіями и порождающими ихъ условіями.

Чтобы правильно судить объ аграрныхъ процессахъ въ Римской имперіи, необходимо прежде всего устранить одно ходячее недоразумѣніе. Нельзя представлять себѣ эту имперію состоящей исключительно или хотя бы главнымъ образомъ изъ крупныхъ имѣній. Извѣстныя жалобы римскихъ писателей, напр., Плинія старшаго, на то, что Италия погибла и провинціи приходятъ въ упадокъ вслѣдствіе захватовъ крупнаго землевладѣнія, очень преувеличены. Моммзенъ первый вооружился противъ этихъ преувеличеній и показалъ на основаніи записей о помѣщеніи сиротскихъ капиталовъ, что въ долину По преобладало мелкое землевладѣніе, а позднѣйшія изслѣдованія Вебера, Сальвиоли и другихъ подтвердили и распространили это наблюденіе. Безъ сомнѣнія, могущественныя силы дѣйствовали въ направленіи сосредоточенія землевладѣнія въ рукахъ немногихъ. Въ эпоху процвѣтанія имперіи мелкіе собственники теряли почву главнымъ образомъ потому, что

---

¹⁾ Настоящая статья является переработкой одной главы изъ имѣющаго выйти на англійскомъ языкѣ сочиненія о „ростѣ средневѣковаго помѣстья“ (The growth of the manor.)

ихъ участки скупались спекуляторами, съ которыми они не могли соперничать ни силою капитала, ни способами обработки и коммерческими приемами. Правительственныя попытки подкрѣпить классъ мелкихъ собственниковъ раздачами земель отслужившимъ военнымъ не приводили къ благопріятнымъ и прочнымъ результатамъ. Мелкіе собственники изъ отставныхъ получали довольно скудный инвентарь, не умѣли хозяйничать и, главное, мало интересовались хозяйствомъ. Ихъ надѣлы становились легкой добычей для спекуляторовъ. Гораздо труднѣе было искоренить мелкихъ собственниковъ и самостоятельныхъ крестьянъ въ мѣстностяхъ, гдѣ они обрабатывали землю въ теченіе поколѣній: такихъ было много во всѣхъ провинціяхъ. Вслѣдствіе тѣсной связи между городомъ и деревней съ существованіемъ этихъ классовъ было связано нормальное устройство городского быта и обычный порядокъ взиманія податей ¹⁾, и уже это одно показываетъ, что классы, о которыхъ идетъ рѣчь, сохранили большое значеніе и качественно, и количественно. Въ особенности многочисленны были мелкіе владѣльцы въ округахъ, недавно отвоеванныхъ у варваровъ. Римляне никогда не задавались цѣлью отнимать землю у низшихъ классовъ. Напротивъ, они принимали кое-какія мѣры для поддержки мелкой собственности, а социальныя причины, работавшія въ пользу сосредоточенія земли въ рукахъ немногихъ—приложеніе капиталовъ, организація крупной торговли, политическое преобладаніе привилегированныхъ—не имѣли еще времени оказать въ полной мѣрѣ свое дѣйствіе въ недавно пріобрѣтенныхъ провинціяхъ.

Такимъ образомъ нѣтъ основанія предполагать, чтобы римское завоеваніе раздѣлило провинціи, особенно отдаленныя, на крупныя имѣнія, ни даже, чтобы такія имѣнія получили полное преобладаніе въ концѣ императорской эпохи. Съ другой стороны, археологическія данныя обнаруживаютъ многочисленные остатки большихъ, хорошо обставленныхъ и украшенныхъ усадебъ, такъ называемыхъ *villae*, которыя, очевидно, были построены для вельможъ и должны были стать центрами хозяйства и культуры въ примыкавшихъ къ нимъ мѣстностяхъ. Изъ хорошо освѣдомленнаго источника мы узнаемъ, что въ Африкѣ были землевладѣльцы, имѣнія которыхъ равнялись округамъ цѣлыхъ городовъ, и что вокругъ ихъ усадебъ располагались деревни зависѣвшихъ отъ нихъ крестьянъ, какъ укрѣпленія. Даже въ такой окраинной провинціи, какъ Британія, развалины виллъ въ Бигнорѣ, Удчестерѣ, Андоверѣ, Бре-

¹⁾ Городскіе куріалы были въ значительной части мелкими землевладѣльцами въ приписанномъ къ городу уѣздѣ. Цензъ куріала—25 югеровъ.

дингъ и т. п. свидѣтельствуютъ о томъ, что въ частяхъ острова, находившихся въ близкомъ сосѣдствѣ отъ римскихъ станцій и городовъ, жило много римскихъ или романизованныхъ вельможъ. Во всякомъ случаѣ на ряду съ классами мелкихъ землевладѣльцевъ и крестьянъ приходится, несомнѣнно, считаться съ элементами землевладѣльческой аристократіи.

Посмотримъ теперь, какой характеръ имѣли крупныя владѣнія, появляющіяся на почвѣ имперіи. По своимъ признакамъ, они распадаются на два разряда: съ одной стороны, стояли такъ называемыя *latifundia* и *massae*, съ другой — *saltus*. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло большею частью съ скопленіями малыхъ или среднихъ имѣній, перешедшихъ въ однѣ руки. Иногда при этомъ въ силу вліянія капитализма и выгодъ крупнаго производства образовывалась объединенная экономическая организація. Но было бы большою ошибкой полагать, что всякій разъ, когда мы слышимъ о *latifundium* или нападаемъ на слѣдъ крупной собственности, намъ тотчасъ же приходится предполагать существованіе имѣнія, устроеннаго изъ центра, съ руководимымъ изъ этого центра рабочимъ населеніемъ. Нѣкоторыя латифундіи были такого рода плантаціями, другія же оставались *массами* случайно собранныхъ мелкихъ участковъ, а составныя ихъ части представляли всевозможные отгѣнки правового и хозяйственнаго устройства. Что касается до *saltus*, то эти владѣнія прямо противуполагаются имѣніямъ (*fundi*), какъ мѣстности трудно доступныя, отсталыя по обработкѣ, обыкновенно состоящія изъ горныхъ склоновъ, пастбищныхъ пространствъ, лѣсовъ. *Saltus* большею частью изъяты изъ судебныхъ и податныхъ городскихъ округовъ, и измѣрены менѣе точными межевыми способами, нежели обыкновенныя имѣнія (*fundi*). Намъ извѣстны преимущественно *saltus*, принадлежащіе императору, но крупныя собственники изъ сенаторскаго класса также владѣли ими. Образование этихъ территорій представляло удобное средство для проведенія римскихъ порядковъ въ провинціяхъ съ многочисленнымъ варварскимъ населеніемъ, такъ какъ при этомъ не требовалась немедленнаго введенія городского строя и сопровождающихъ его сложныхъ гражданскихъ формъ. Завоеватели получали при этомъ возможность избѣгнуть педантическаго формализма и не предъявляли къ обитателямъ мѣстностей на пастушеской стадіи развитія обычныхъ требованій римскаго управленія. Очевидно, что при такой точкѣ зрѣнія на *saltus*, мы должны быть готовы къ тому, что эти «крупныя владѣнія» окажутся никакъ не образцовыми имѣніями съ централизованной хозяйственной администраціей и послушными, безправными рабочими, исполняющими обязанности земледѣльческихъ орудій.

Прежде чѣмъ перейти къ условіямъ управленія крупными владѣніями, всмотримся ближе въ процессы, опредѣлявшіе ихъ число и значеніе. Въ жизни позднѣйшей имперіи бросается въ глаза неспособность государства выполнять собственною силою и непосредственнымъ воздѣйствіемъ чиновниковъ лежащія на немъ политическія обязанности. Оно направляетъ всѣ усилія на то, чтобы защитить границы, собрать финансовыя средства, необходимыя для управленія, и обезпечить дѣятельность высшихъ судовъ: у него нѣтъ времени и охоты слѣдить за подробностями мѣстной администраціи и мелкой юстиціи. Заботы о послѣднихъ мало привлекательны для пышной императорской бюрократіи, хотя и чрезвычайно важны, поскольку отъ нихъ зависитъ благоустройство будничной жизни безчисленнаго населенія. И эти-то заботы были передовѣрены правительствомъ не только муниципальнымъ корпораціямъ, но и отдѣльнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, крупнымъ землевладѣльцамъ. Оказывается, что ко времени Константина многіе изъ нихъ получили спеціальныя полномочія по сбору податей въ предѣлахъ своихъ владѣній. Живущее въ этихъ предѣлахъ населеніе должно было вносить подати не декуріонамъ ближайшаго города, а помѣщику, который отвѣчалъ за правильный взносъ, но зато получалъ всѣ права государственнаго сборщика. Мало того: помѣщики обязуются ставить рекрутъ въ армію и получаютъ патронатъ надъ обслуживающими ихъ имѣнія церквами съ правомъ назначать священниковъ. Къ помѣщикамъ обращаются суды и полиція, когда дѣло идетъ о привлеченіи къ отвѣтственности обвиняемыхъ въ тѣхъ или другихъ проступкахъ или преступленіяхъ. При случаѣ они могутъ употребить силу для привода такихъ лицъ и отвѣчаютъ за ихъ появленіе передъ судомъ. Право прибѣгать къ принудительнымъ средствамъ по отношенію къ съемщикамъ и рабочимъ прямо упоминается, и ясно, что его пускаютъ въ ходъ не только въ случаяхъ, когда было заинтересовано правительство, но также въ частныхъ интересахъ помѣщиковъ, въ случаяхъ дѣйствительной или мнимой неисправности арендаторовъ и сельскихъ рабочихъ. Однимъ словомъ, владѣлецъ и его управляющіе являлись своего рода земскими начальниками для разрѣшенія мелкихъ тяжбъ и наложенія взысканій за мелкіе проступки, и ихъ полномочія постепенно распространились не только на ихъ арендаторовъ, но и на окрестное населеніе. Не мудрено, что подъ сѣнью этихъ административныхъ привилегій вырастали частныя вымогательства всякаго рода: на римскихъ имѣніяхъ поздней эпохи уже появляется, напр., обычная пошлина крестьянъ при выдачѣ ихъ дочерей замужъ, сходная съ платежомъ, который считался признакомъ крѣпостной зависимости въ средніе вѣка.

Вообще передача власти со стороны государства частнымъ лицамъ приводила къ захватамъ и притѣсненіямъ. Эти злоупотребленія не оставались незамѣченными, и императоры неоднократно дѣлаютъ попытки подавить ихъ, но политика передачи административныхъ полномочій помѣщикамъ тѣмъ не менѣе развивается, такъ какъ въ основѣ своей она вызывается столько же неизбѣжными потребностями времени, сколько неудачными мѣропріятіями тѣхъ или другихъ государственныхъ людей.

Изъ этихъ наблюденій иные ученые дѣлали выводъ, что феодальная система была по существу уже готова въ позднѣйшей имперіи и что оставалось только перенести ее цѣликомъ въ государства, учрежденныя варварами на развалинахъ имперіи. Такой выводъ былъ бы однако слишкомъ поспѣшенъ.

Одновременно съ усиленіемъ политическаго вліянія вельможъ замѣчается характерная беспомощность ихъ въ экономическомъ отношеніи. Въ результатѣ этихъ противоположныхъ теченій происходитъ переустройство аграрныхъ отношеній на началахъ, пока очень отличныхъ отъ условій феодальнаго порядка, хотя и содѣйствовавшихъ его подготовкѣ.

Во избѣжаніе недоразумѣній повторю, что ростъ патроната вельможъ, признаннаго имперіей, хотя и ограничивавшаго вліяніе ея правительства, составляетъ фактъ чрезвычайной важности—онъ доказываетъ, что общество начинаетъ распадаться на мѣстные кружки послѣ напряженной и блестящей дѣятельности въ качествѣ огромнаго цѣлага съ сложной организаціей. Люди ищутъ защиты тамъ, гдѣ видятъ силу, а ищутъ они силы вблизи отъ себя, а не въ далекой помощи имперскихъ учреждений. Однако этотъ попятный процессъ образованія мѣстныхъ кружковъ имѣетъ и другую сторону: въ извѣстномъ смыслѣ не вельможи, а мелкіе люди являются необходимыми дѣятелями въ работѣ спасенія общества отъ гибели. Нужна не только защита и порядокъ: нуженъ также промышленный трудъ; общество нуждается въ питаніи и матеріальномъ обмѣнѣ. Въ этомъ направленіи и крупные землевладѣльцы, и правительство мало могутъ сдѣлать собственными силами, несмотря на весь аппаратъ законовъ и указовъ, военной силы и полиціи, податныхъ взысканій и тюремъ. Источники четвертаго и пятаго вѣка согласно показываютъ намъ государство, вооруженное всѣми средствами приказанія и принужденія, и тѣмъ не менѣе бессильное въ борьбѣ съ уменьшеніемъ народонаселенія, съ бѣгствомъ отъ обязанностей, съ уклоненіемъ отъ повинностей, съ запусканіемъ и бесплодіемъ заброшенныхъ участковъ и разоренныхъ хозяйствъ. Чѣмъ преимущественно объяснялись эти бѣдствія—опустошеніями ли варваровъ, или отборомъ лучшихъ силъ на военныя цѣли, или

полатнымъ бременемъ, или бездушной дѣятельностью бюрократической машины, или упадкомъ духа въ безнадежной борьбѣ поколѣній съ настигавшей ихъ нуждой, или нравственнымъ ослабленіемъ людей, утратившихъ гражданскіе идеалы, или, наконецъ, перенесеніемъ упованій на царствіе не отъ міра сего — опредѣлить это съ точностью нельзя, но результаты засвидѣтельствованы каждой страницю Феодосіева кодекса, не говоря уже объ историческихъ повѣствованіяхъ.

Въ этой связи возникаетъ знаменательное историческое теченіе: на ряду съ ростомъ политическаго патроната вельможъ идетъ ростъ хозяйственнаго самоуправленія мелкихъ людей. Говорю—самоуправленія, потому что не независимость достигается этимъ движеніемъ, а возможность направлять усилія и искать выгодъ по почину самихъ работниковъ, вмѣсто указанія сверху. И такое самоуправленіе становится якоремъ спасенія въ эту критическую эпоху.

Ученые, специально изучавшіе бытъ позднѣйшей имперіи, съ разныхъ сторонъ приходили къ тому выводу, что помѣщики были такъ же затруднены въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, какъ сама имперія была затруднена въ своихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ. Что было пользы во всевозможныхъ правахъ и полномочіяхъ при отсутствіи жизненной энергіи въ мѣстномъ обществѣ? Хозяйственный успѣхъ помѣщика зависѣлъ не столько отъ полного распоряженія имѣніемъ и отъ степени власти надъ зависимыми людьми, сколько отъ числа послѣднихъ, отъ ихъ упорной энергіи и умѣнія пользоваться мѣстными условіями, отъ приложенія капитала при достаточной гарантированности дохода, отъ возможности привлечь средства со стороны въ случаѣ недостатка мѣстныхъ ресурсовъ. Положеніе становилось затруднительнымъ и неудобнымъ, когда приходилось ограничиваться исключительно мѣстными матеріалами и мѣстными рабочими, когда гарантіи доходности капитала, вложеннаго въ обработку земли, были ничтожны, податныя требованія напряжены до высшей степени, а число рабочихъ незначительно вслѣдствіе плачевныхъ политическихъ условій и убыли населенія. По необходимости центръ тяжести всѣхъ хозяйственныхъ расчетовъ приходилось переносить на *качество* труда рабочаго класса. Нельзя было разсчитывать на значительные барыши: есть указанія на то, что за вычетомъ тяжелыхъ налоговъ чистый доходъ землевладѣльца былъ не великъ. Выяснилось, что не крупныя хозяйства, а мелкія имѣли лучшіе шансы справиться съ непогодой, потому что они задавались болѣе скромными цѣлями, стояли ближе къ непосредственнымъ потребностямъ жизни, скорѣе могли вызвать не-

устанный и непреклонный труд хозяевъ. Въ связи съ этими от-
правными фактами замѣчаются любопытныя уклоненія въ развитіи
самаго права, любопытныя попытки примѣниться къ труднымъ фи-
нансовымъ и экономическимъ обстоятельствамъ. Возникаютъ стран-
ныя, неправильныя формы владѣнія. Законодатели предусматрива-
ютъ насильственное распредѣленіе оставленной и запущенной земли
между владѣльцами находящихса подъ обработкой участковъ (Еπιζουη).
Постановлено, что если кто начнетъ обрабатывать имѣніе, остав-
ленное прежнимъ владѣльцемъ, и будетъ уплачивать за него по-
дати, занятіе земли въ теченіе года или двухъ даетъ право вла-
дѣнія. Особыя формы аренды, связанныя съ улучшеніемъ обработки
(Εμφύτευσις), открыли доступъ къ занятію участковъ во владѣніяхъ
императора, а затѣмъ и частныхъ собственниковъ. Не можетъ быть
сомнѣнія, что всѣ эти «меліоративныя» мѣры болѣе способство-
вали поддержанію обработки на больныхъ мѣстахъ, если можно
такъ выразиться, нежели принудительное законодательство кодек-
совъ. Самымъ важнымъ послѣдствіемъ этой меліоративной политики
было укрѣпленіе класса мелкихъ хозяевъ. Въ томъ же направленіи
дѣйствовало другое условіе: возрастающія тягости пребыванія въ
городахъ подъ непосредственнымъ давленіемъ фискальныхъ и адми-
нистративныхъ учреждений вызываютъ отливъ «плебеевъ» изъ го-
родовъ въ села и соответствующее умноженіе крестьянъ (vicani),
которые держатъ мелкіе участки на положеніи какъ бы владѣль-
цевъ (quasi domini).

Но самая важная и характерная сторона въ этомъ процесѣ —
образованіе *колоната*. Институтъ колоната привлекалъ вниманіе уче-
ныхъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній и подвергся, повидимому,
самому всестороннему и тщательному анализу. Тѣмъ не менѣе есть
одна точка зрѣнія на него, на которую не было обращено доста-
точного вниманія, и, на нашъ взглядъ, это какъ разъ наиболѣе су-
щественная. Колоны были арендаторами, первоначально свободными
арендаторами, связанными договорами, и вольными отказаться отъ
аренды по исполненіи условій договора. Впослѣдствіи они были
прикрѣплены къ землѣ постоянной и наслѣдственной связью, хотя
и находились подъ покровительствомъ законовъ по своему личному
положенію, пользованію надѣлами и количеству повинностей. Со-
временные изслѣдователи начали съ того, что показали, какимъ пу-
темъ и почему государство измѣнило основное положеніе инсти-
тута — свободный договоръ ¹⁾. Затѣмъ были разъяснены экономиче-

¹⁾ На это обращено вниманіе у Савинья, Гушке, Куна и т. д. Ср. мою диссер-
тацію „О происхожденіи феодализма въ Лангобардской Италіи“.

скія условія, подготовлявшія законодательство IV и V вѣковъ въ теченіе второго и третьяго: экономическую зависимость и задолженность мелкихъ арендаторовъ и обычно-наслѣдственный строй крестьянъ императорскихъ имѣній¹⁾. Но есть и третья сторона процесса, которая также заслуживаетъ разсмотрѣнія, а именно — роль колоната, какъ меліоративнаго учрежденія, какъ средства для поддержанія и усовершенствованія земледѣльческой обработки въ имперіи. Наблюденія въ этомъ направленіи дѣлались, но главнымъ образомъ по отношенію къ земледѣльческимъ рабамъ, когда приходилось объяснять переходъ ихъ въ крѣпостное состояніе. Даже и въ этомъ случаѣ обращалось особенное вниманіе на публично-правовую сторону процесса — на приписку рабовъ къ податнымъ спискамъ (*adscriptio censibus*). Но, кромѣ того, было принято во вниманіе и разъяснено, что совершался постепенный переходъ отъ работы взводами (*декуріями*) по принужденію надзирателей, пускавшихъ въ ходъ кандалы и бичъ, къ положенію поселенныхъ рабовъ (*casati*), за которыми признавались самостоятельные интересы, пользованіе имуществомъ (*peculium*) и свободное время, необходимое для того, чтобы позаботиться объ этомъ имуществѣ. Было признано, что этотъ великій переворотъ былъ вызванъ необходимостью для земледѣльцевъ усилить интересъ къ труду и энергіи рабочихъ. Принудительныя средства не были оставлены вполнѣ, и подчиненіе крѣпостной власти наемщика оставалось въ силѣ. Но главное значеніе получило соглашеніе съ рабочими на основѣ ихъ прямой и личной заинтересованности въ успѣхѣ дѣла. Въ данномъ случаѣ сказывались не гуманность и даже не дальновидная политика, а неотложная потребность, возникшая вслѣдствіе великаго промышленнаго кризиса²⁾. Но колоссальное развитіе колоната, корни котораго восходятъ къ свободной арендѣ и свободному найму, показываетъ и вѣроятный численный перевѣсъ колонновъ надъ поселенными рабами, показываетъ, что было необходимо найти почву для соглашенія не только съ рабами, но и съ свободными крестьянами, и въ этомъ отношеніи господствующія историческія теоріи оказываются недостаточными для объясненія фактовъ; только въ самое послѣднее время началъ выясняться меліоративный или емфитевтический смыслъ колоната³⁾. Весьма часто выставляется односторонній взглядъ, что положеніе свободныхъ земледѣльцевъ было,

1) Указанныя точки зрѣнія выдвинуты Фюстель де Куланжемъ, Пельгамомъ и Ростовцевымъ.

2) По вопросу о повышеніи класса рабовъ особенно много сдѣлано Ротбертусомъ.

3) Отдѣльныя данныя и указанія можно найти у Вебера, Зеэка, Шультена, Сальвиоля, Миттейса.

такъ сказать, понижено въ соотвѣтствіе повысившемуся положенію рабовъ и что благодаря встрѣчѣ обоихъ разрядовъ на общей почвѣ произошли и римскій колонатъ, и средневѣковое вилланство. Но какъ согласить эту теорію о пониженіи свободныхъ крестьянъ съ исходными наблюденіями относительно аграрнаго кризиса, льготъ, доставшихся на долю рабовъ и возбужденія къ обработкѣ, которое выражается въ законодательствѣ о заброшенныхъ земляхъ и мѣрахъ къ повышенію культуры? Какое есть основаніе предполагать, что свободные арендаторы и рабочіе были единственными общественными группами, которыми можно было руководить съ помощью простаго принужденія, тогда какъ для всѣхъ другихъ приходилось изыскивать привилегіи и выгоды? Мнѣ кажется, что часто повторяющіяся постановленія о преслѣдованіи и наказаніяхъ бѣглыхъ колонновъ ввели ученыхъ до нѣкоторой степени въ заблужденіе и скрыли отъ нихъ то обстоятельство, что и свободныхъ крестьянъ нельзя было привлекать и удерживать исключительно наказаніемъ и принужденіемъ, что и имъ нужно было предоставить извѣстныя выгоды. Патронатъ, подъ который они попадали на чужой землѣ, былъ вѣроятно скорѣе выгоденъ для нихъ, нежели обременителенъ: лучше было заручиться покровительствомъ сосѣдняго вельможи, чѣмъ полагаться на защиту далекаго императора и на вниманія его корыстныхъ чиновниковъ. Но, кромѣ того, въ самомъ хозяйственномъ быту приходится предполагать извѣстный балансъ выгодъ для той и другой стороны. Такое предположеніе тѣмъ болѣе необходимо, что юридическое прикрѣпленіе, о которомъ говорятъ законы IV и V вѣковъ, имѣло лишь кратковременное существованіе на западѣ Европы: оно пало вмѣстѣ съ имперіей, которая его провозгласила. А между тѣмъ бытовое развитіе колоната продолжалось, хотя и не было судовъ, способныхъ приводить въ исполненіе постановленія Константина и Валентиніана о бѣглыхъ колонахъ и взыскивать съ помѣщиковъ, превысившихъ свои полномочія по отношенію къ повинностямъ. И съ этой точки зрѣнія ясно, что институтъ сложился и развился не въ силу «замысловъ неловкаго законодательства», какъ выразился одинъ изъ изслѣдователей, а вслѣдствіе экономическихъ выгодъ, предоставленныхъ крестьянамъ въ имѣніяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, — выгодъ, которыя побуждали ихъ поддерживать обработку, несмотря на крайне тяжкія обстоятельства — на разорительныя войны и подавляющую тяжесть податей. Нельзя представить себѣ болѣе неподходящаго времени для проведенія экономическихъ плановъ крупнаго хозяйства и для организаціонной дѣятельности крупнаго землевладѣнія нежели четвертый и пятый вѣка. Поле для дѣятельности, насколько оно вообще существовало, принадлежало

мелкимъ хозяевамъ и крестьянамъ, и постоянныя мѣропріятія противъ ихъ побѣговъ и уходовъ объясняются не столько тѣмъ, что пришло время отнять у нихъ права, сколько необыкновенно тягостными общественными условіями. Продолжать производительную обработку земли становилось такъ трудно, что весьма часто крестьяне бросали въ отчаяніи свои дома и семьи и уходили куда глаза глядятъ. И едва ли можетъ быть сомнѣніе, что если тѣмъ не менѣе обработка поддерживалась и населеніе не все разбѣжалось, то объясняется это не столько угрозами и карами, сколько повышеніемъ личнаго интереса крестьянъ въ успѣхахъ земельного хозяйства. Низкая арендная плата, хозяйственное самоуправленіе и помощь въ случаяхъ нужды были главными силами, которыя прикрѣпляли людей къ землѣ сильнѣе, чѣмъ полицейскія и уголовныя мѣры.

Мнѣ хотѣлось бы познакомить читателей съ нѣкоторыми частностями, въ которыхъ выражается указанное общественное теченіе. Начатки его можно замѣтить уже въ памятникахъ лучшаго времени имперіи. Особенно любопытна въ этомъ отношеніи группа надписей, найденныхъ въ Африкѣ, Малой Азіи и на Балканскомъ полуостровѣ и начертанныхъ въ ознаменованіе благопріятнаго вмѣшательства императоровъ въ дѣла сельскаго населенія. Таковы надписи, открытыя въ Тунисѣ въ урочищахъ Сукъ-эль-Хмисъ, Айнъ-Уассель, Гасръ-Мезуаръ, Генширъ-Меттихъ, въ Фригіи—на мѣстѣ древняго поселенія Арагуенэ, въ Фракіи—въ Скаптанарене. Во всѣхъ случаяхъ дѣло идетъ о жалобахъ крестьянъ на чрезмѣрныя неправильныя вымогательства императорскихъ управляющихъ или сборщиковъ податей и военныхъ, при чемъ императоры конца II и первой половины III вѣка, Коммодъ, Септимій Северъ, Гордіанъ, Филиппъ, постановляютъ рѣшенія и издають указы въ отмѣну злоупотребленій. Африканскія надписи прямо касаются аграрныхъ отношеній и имѣютъ цѣлью возстановленіе порядковъ, дѣйствовавшихъ при Траянѣ и Адрианѣ. Въ Гасръ-Мезуарѣ найденъ отрывокъ жалобы мѣстныхъ крестьянъ на увеличеніе барщины противъ прежней нормы двѣнадцати дней въ году, при чемъ жалобщики угрожаютъ бросить участки, если императоръ не отмѣнитъ вымогательствъ. Въ Сукъ-эль-Хмисъ мы находимъ подобную же претензію по поводу превышенія шестидневной барщинной нормы и другихъ насилій управляющихъ, при чемъ въ основу рѣшенія Коммода, состоявшагося въ пользу крестьянъ, положено постановленіе императора Адриана и уставъ о повинностяхъ и порядкахъ имѣнія *Saltus Buremitanus*, изданный прокураторами примѣнительно къ упомянутому закону Адриана. Въ Айнъ-Уассель рѣшеніе Септимія Севера ссылается на рядъ параграфовъ этого же «Адрианова закона о невоздѣланныхъ земляхъ»

(Lex Hadriana de rudibus agris), при чемъ выясняется, что упомянутый законъ опредѣляетъ между прочимъ условія занятія запущенныхъ и невоздѣланныхъ земель, льготы, предоставлявшіяся тѣмъ, кто обращалъ ихъ подъ обработку, и правовое положеніе образовавшихся такимъ путемъ участковъ ¹⁾.

Наконецъ, въ 1897 году французскими офицерами, производившими топографическую съемку въ долинѣ Меджерды, древняго Багдада, въ Тунисѣ, былъ найденъ алтарь, на четырехъ фасахъ котораго начертана надпись, содержащая подробный уставъ для земледѣльческаго населенія имѣнія, называвшагося римскимъ имениемъ *Villa Magna Variana*, но сохранившаго и мѣстное пуническое наименованіе *Mappalia Siga*. Алтарь былъ, повидимому, воздвигнутъ благодарными поселянами во время Северовъ, и между лицами, участвовавшими въ его сооруженіи, любопытно отмѣтитъ старшину (*magister*) германскаго происхожденія, нѣкоего Лурія, сына *Одилона*, быть можетъ потомка какого-нибудь маркоманна, посланнаго Маркомъ Авреліемъ. Излагается же въ надписи уставъ, изданный прокураторами времени Траяна на основаніи Lex Manciana, — закона, изданнаго какимъ-то Манціей, быть можетъ африканскимъ проконсуломъ времени Нерона Куртиліемъ Манціей, и представлявшаго по всей вѣроятности какъ бы болѣе раннее изданіе «Адрианова закона» о заселеніи невоздѣланныхъ земель ²⁾. Манціановъ законъ, очевидно, касался не только имѣній императора, но и положенія колонновъ на вновь заселенныхъ и улучшенныхъ участкахъ всякаго рода владѣльцевъ. Примѣненіе Манціанова закона было умѣстно въ данномъ случаѣ потому, что имѣніе первоначально находилось въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ, какъ показываетъ самое его названіе, образованное изъ имени нѣкоего Варія, затѣмъ оно перешло къ императору вслѣдствіе даренія, завѣщанія или конфискаціи, и въ концѣ царствованія Траяна былъ составленъ для него прокураторскій уставъ. Въ основѣ дошедшихъ до насъ постановленій лежитъ взглядъ, что для собственника невыгодно сдавать всю землю общему арендатору (*conductor*), и въ имѣнны образуются участки для мелкихъ арендаторовъ, *колоновъ*, изъ которыхъ каждый ведетъ свое отдѣльное хозяйство съ помощью семьи и рабовъ. Договариваются съ колонами на началѣ раздѣленія плодовъ, при чемъ въ большей части случаевъ собственнику предоставляется

¹⁾ Аналогичныя постановленія, выработанныя городскимъ управленіемъ Эисбе въ Віотин и утвержденныя въ концѣ II или началѣ III в. проконсуломъ Аханъ изданъ Даттенбергеромъ въ *Corpus inscriptionum Graeciae Septentrionalis*.

²⁾ Я считаю неосновательнымъ предположеніе Зеака, что дѣло идетъ о частномъ уставѣ, изданномъ Манціей въ качествѣ прежняго владѣльца имѣнія.

третья часть жатвы или сбора¹⁾). Нельзя не обратить вниманія на умѣренность этой платы, которая оставляетъ землевладѣльцу около одной седьмой чистой прибыли, такъ какъ, повидимому, около одной пятой, поглощали земельный налогъ. Улучшеніе участковъ обработкою стоить на первомъ планѣ и даетъ поводъ къ цѣлому ряду статей, въ которыхъ оговариваются льготы колонновъ, произведшихъ улучшения. Вопросъ о занятіи заброшенныхъ участковъ также разрѣшается въ смыслѣ выгодномъ для лицъ, производящихъ занятіе: если участокъ не обрабатывается въ теченіе двухъ лѣтъ, можетъ быть допущенъ новый колоннъ. Фактическое занятіе участка было, очевидно, равносильно заключенію аренднаго договора на изложенныхъ въ надписи условіяхъ. Есть слѣды, къ сожалѣнію, сильно пострадавшей статьи, которой обезпечивался переходъ участковъ, подвергнутыхъ обработкѣ, къ наслѣдникамъ занявшаго, что вполнѣ соотвѣтствуетъ хорошо сохранившемуся постановленію позднѣйшаго Адрианова закона. Упоминается и о барщинѣ, но она ограничена шестью днями, изъ которыхъ два шли на пахоту, два на выпалываніе сорныхъ травъ, а два на жатву, совершенно какъ въ *Saltus Burunitanus*. Ясно, что положеніе колонновъ, о которыхъ идетъ рѣчь, было далеко не тягостное и что барская усадьба не зависѣла по существу въ своемъ хозяйствѣ отъ ихъ труда. Повидимому, она была не велика и пользовалась трудами рабовъ. Это весьма важно. Колоны второго и третьяго вѣка—мелкіе арендаторы, которые вносятъ денежную плату или часть плодовъ, и сѣмщики второго рода становились все болѣе многочисленными. Преобладаніе этихъ двухъ формъ аренды свидѣтельствуетъ о развитіи отдѣльныхъ и самостоятельныхъ фермерскихъ участковъ, находившихся лишь въ слабой связи съ барской усадьбой. Последняя иногда состояла, повидимому, изъ одной конторы (*mensa*) съ амбарами.

Когда было впервые замѣчено, что африканскія надписи упоминаютъ о шести, а иногда даже о двѣнадцати барщинныхъ дняхъ въ году, естественно было, въ увлеченіи новыми данными, выставить теорію, что маноріальная система съ ея барскимъ хозяйствомъ, опирающимся на крѣпостные надѣлы, была въ силѣ уже въ римскую эпоху. Но, подумавъ о числѣ барщинныхъ дней, нельзя не придти къ заключенію, что барская усадьба играла очень мало-важную роль въ этой хозяйственной организаціи или что она поддерживала себя сама, почти независимо отъ пособнаго труда крестьянъ.

1) Фистель де Куланжъ считалъ положеніе крестьянина, снимавшаго землю на началѣ раздѣла плодовъ, юридически необезпеченнымъ. Наша надпись показываетъ, что этотъ видъ колоната былъ правильной арендой. На это обстоятельство особенно указываетъ Кюкъ.

Въ теченіе многихъ вѣковъ старались насаждать отдѣльные колонатные участки и взимать съ нихъ не трудъ, а деньги или продукты. Замѣчательно, что даже въ Кодексахъ, которые сообщаютъ намъ о практикѣ IV и V вѣковъ, барщина (*oregae*) упоминается всего одинъ разъ¹⁾. Вообще, при сужденіи о развитіи средневѣковой барщинной системы не слѣдуетъ упускать изъ виду, что она обусловливается не только возвращеніемъ общества къ порядкамъ натурального хозяйства и появленіемъ аристократіи, но также осложненіемъ организаціи землевладѣнія и работъ для барскаго хозяйства. Эпоха упадка имперіи и начальнаго господства варваровъ мало благопріятствуетъ этому второму процессу, и переходъ къ маноріальной системѣ затягивается на нѣсколько вѣковъ и совершается на континентѣ лишь послѣ каролингской реставраціи, а въ Англіи въ борьбѣ противъ датскихъ нашествій. Кромѣ того, приходится дѣлать различіе въ этомъ отношеніи между югомъ Европы—Италіей, Испаніей, южной Франціей, съ одной стороны, и сѣверными областями—сѣверной Франціей, Англіей, Германіей—съ другой. Въ первой полосѣ сохраняетъ значеніе болѣе интенсивное хозяйство на отдѣльныхъ участкахъ, а потому и крестьянскія отношенія, сходныя съ римскимъ колонатомъ—оброчная аренда, половничество и т. п. На сѣверѣ, при болѣе экстенсивной культурѣ, отношенія между сосѣдями складываются на общинныхъ началахъ, и зависимые участки раньше смыкаются вокругъ центральной усадьбы на барщинныхъ повинностяхъ. Нельзя не вспомнить, что зависимость развитія барщины отъ успѣховъ господской усадьбы отмѣчена, хотя и мимоходомъ, Моммзеномъ въ его статьѣ объ управленіи имѣніями римской церкви при папѣ Григоріи Великомъ²⁾.

Есть еще одно явленіе, стоящее въ косвенной связи съ колонатомъ, а именно усиленіе солидарности между односельчанами. Какъ скоро отношенія между землевладѣльцемъ и колономъ перестали разсматриваться съ точки зрѣнія частнаго договора и впередъ выступили наслѣдственные отношенія и территоріальные обычаи, получилась естественная почва для общинной связи и общинныхъ соглашеній. Колоны дѣйствуютъ и приносятъ жалобы цѣлыми общинами: есть даже случай, когда такая сельская община вступаетъ въ опредѣленное соглашеніе съ сосѣднимъ городомъ, чтобы вести свое дѣло при императорскомъ дворѣ³⁾. Было бы трудно опредѣ-

1) Cod. Just. XI, 51.

2) Zeitschrift für Social-und Wirthschaftsgeschichte, I.

3) Быть можетъ, въ этомъ оборотѣ колонатнаго движенія лежитъ разгадка того появленія крестьянскихъ общинъ въ Византіи, которое обыкновенно противоплагается колонатнымъ отношеніямъ и иногда даже производится отъ славянской колонизаціи въ предѣлахъ Византійской имперіи.

лить съ точностью предѣлы и свойства этой связи, но такъ какъ эти сельскія общества, несомнѣнно, существуютъ, то наличныя данныя во всякомъ случаѣ показываютъ, что развитіе колоната далеко не сопровождалось полнымъ отреченіемъ отъ правъ со стороны свободныхъ крестьянъ въ пользу собственника. Если оно и привело къ закрѣпленію ихъ земельныхъ отношеній и увеличенію частнаго патроната надъ нимъ, зато были въ немъ и положительныя черты, изъ которыхъ слѣдуетъ въ особенности отмѣтить довольно умѣренныя условія аренднаго обложенія и соединеніе отдѣльныхъ арендныхъ держаній въ сельскія общества съ опредѣленными правовыми и хозяйственными обычаями.

Павелъ Виноградовъ.

Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Государство и общество Римской имперіи.

III.

Процессъ постепеннаго превращенія принципата въ чистую монархію не будетъ предметомъ нашего разсмотрѣнія. Мы отмѣтимъ лишь конечный пунктъ его, императорскую власть въ эпоху Діоклетіана и Константина. Если Августъ съ крайней, можно сказать, щепетильностью относился ко всему, что напоминало бы о его чрезвычайномъ положеніи въ республикѣ, всѣми способами стараясь показать римскому народу, что онъ—всего лишь первый человекъ въ республикѣ, то Діоклетіанъ и Константинъ сознательно стремились создать совершенно противоположный порядокъ, считали необходимымъ поставить императора и съ внѣшней стороны неизмѣримо выше всѣхъ остальныхъ людей. Тогда какъ Августъ носилъ лишь лавровый вѣнокъ и пурпурный плащъ, на которые имѣлъ право всякій полководецъ республики, за свои побѣды удостоенный триумфа, Діоклетіанъ и Константинъ облеклись въ усыпанное драгоценными камнями пышное одѣяніе властителей востока и голову украсили царской діадемой. Образцомъ послужилъ, несомнѣнно, персидскій дворъ. Отсюда заимствовали они и пышный придворный церемоніаль, и теорію государственнаго права, по которой царь являлся собственникомъ всей земли своего царства и всѣхъ живущихъ на ней людей. Римскій императоръ съ этого времени уже не первый гражданинъ римской республики, а *господинъ* римскаго народа, *dominus*, абсолютный владыка своихъ подданныхъ (*subjecti*), обязанныхъ безпрекословно повиноваться его велѣніямъ и чтить его какъ воплощеніе божества (*praesens et cor-*

rogalis deus). Удостоенный высокой чести лицеизрѣнія своего монарха, поданный обязанъ былъ повергаться передъ нимъ во прахъ и благоговѣнно цѣловать край его одежды. Статуямъ императоровъ молились въ храмахъ, а до Константина приносили имъ жертвы. Императора называли «твоя божественность» (*pater tuus*), и все, что ему принадлежало, считалось «божественнымъ», «небеснымъ», «святымъ»; не удивительно, что скоро всякое нарушеніе закона стали считать и называть святотатствомъ (*sacrilegium*).

Конечно, при такой постановкѣ императорской власти уже не могло быть и рѣчи о діархіи и въ томъ ограниченномъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ, какъ мы видѣли, могъ бы быть примѣненъ къ политическому строю Рима въ эпоху принципата. Къ этому времени процессъ постепеннаго образованія монархическихъ, чисто бюрократическихъ учреждений и постепеннаго вытѣсненія ими республиканскихъ учреждений, къ которымъ на первыхъ порахъ прилагивался по существу новый политическій порядокъ, сдѣлалъ уже огромные успѣхи, и реформы Діоклетіана (284—305) и Константина (306—337) способствовали его окончательному завершенію. Мы остановимся нѣсколько на этомъ процессѣ и сдѣлаемъ по возможности сжатый очеркъ римской правительственной системы, какъ она сложилась къ половинѣ четвертаго вѣка.

Пока римскія владѣнія не выходили за предѣлы Италіи, но уже обнимали весь Апеннинскій полуостровъ, органы управленія оставались тѣ же, какіе были въ республикѣ и прежде. Это станетъ для насъ понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что Риму мало приходилось вмѣшиваться во внутреннюю жизнь организованныхъ въ большинствѣ случаевъ по его образу и подобию политическихъ общинъ, во главѣ которыхъ онъ стоялъ: была ли то римская или такъ называемая латинская колонія или же на тѣхъ или иныхъ условіяхъ подчинявшаяся Риму союзная община, а то и просто подданническая община,—всѣ онѣ внутри своихъ стѣнъ и въ прилегающей къ городскому центру области пользовались въ сущности полной свободой самоуправленія. Послѣ пуническихъ войнъ, когда Римъ пріобрѣлъ Сицилію и Сардинію съ Корсикой, а затѣмъ цѣлый рядъ другихъ провинцій, мало-по-малу охватившихъ все побережье Средиземнаго моря, римская правительственная машина поневолѣ должна была усложниться. И однако усложненіе это далеко не соответствовало новымъ условіямъ, въ которыхъ эти завоеванія поставили римское государство. И превратившись въ міровую державу, Римъ сохранялъ, какъ мы указывали это и раньше, свои старыя, рассчитанныя на совсѣмъ инныя условія политическія формы. Провинціи передавались преторамъ, а если

въ провинці приходилось вести тяжелую войну съ сосѣдами, то ихъ передавали консуламъ, и эти магистраты римской республики являлись здѣсь полновластными, неограниченными властителями, получая отъ римскаго народа на короткій, годовой срокъ всю полноту его абсолютной власти надъ завоеванной областью. Они и предводительствовали военными силами республики, расположенными въ провинціи, и издавали обязательныя въ теченіе срока ихъ намѣстничества узаконенія, и творили судъ среди мѣстнаго населенія, и слѣдили за исправнымъ поступленіемъ податей, которыя провинціалы платили Риму. Срокъ ихъ полномочій очень часто продолжали на нѣсколько лѣтъ, и тогда они, переставая быть преторами и консулами въ собственномъ смыслѣ, становились и назывались замѣстителями преторовъ и консуловъ, *пропреторами* и *проконсулами* (pro praetore, pro consule); съ эпохи Суллы, издавшаго повелѣніе, чтобы всѣ высшіе магистраты республики неперемѣнно отбывали свою годичную службу въ самомъ Римѣ, уже не поручали провинцій дѣйствующимъ преторамъ и консуламъ, но посылали туда уже отбывшихъ свой срокъ магистратовъ этого ранга, только пропреторовъ и проконсуловъ, и названіе pro praetore и pro consule стало обычнымъ наименованіемъ намѣстника провинціи, а къ концу республики его просто стали называть проконсуломъ (pro consule), былъ ли онъ передъ этимъ дѣйствительно консуломъ республики или всего лишь ея преторомъ. Проконсулъ отправлялся въ провинцію не одинъ, а съ цѣлымъ штатомъ помощникомъ въ видѣ квестора (quaestor pro praetore) для завѣдыванія финансами провинцій, назначавшагося, какъ и самъ проконсулъ, по жребію изъ числа сенаторовъ, и легатовъ (они были тоже изъ сенаторовъ), которымъ проконсулъ могъ давать самыя различныя порученія какъ судебного, такъ и административнаго характера и которые замѣщали его во время его отсутствія, и цѣлаго ряда лицъ (обыкновенно молодыхъ людей знатнѣйшихъ фамилій), которыя составляли его совѣтъ (consilium); кромѣ того, въ распоряженіи проконсула находился немалочисленный персоналъ его канцеляріи (officium), состоявшій изъ всякаго рода низшихъ служащихъ (писцовъ, переводчиковъ, архиваріусовъ и т. п., чиновниковъ въ собственномъ смыслѣ, обыкновенно изъ вольноотпущенныхъ, если не прямо изъ рабовъ).

Это была въ сущности, какъ видимъ, очень несложная система, которая могла бы поразить насъ своей очень ужъ большой простотой, если бы мы не знали, что въ провинціяхъ, какъ и въ самой Италіи, Римъ предоставлялъ самому населенію вѣдать свои внутреннія дѣла, что и провинціи, подобно самой Италіи, являлись

совокупностью самоуправляющихся общинъ, обязанныхъ платить своему коллективному государю, римскому народу, дань деньгами или натурой и находившихся подъ верховной властью и надзоромъ его уполномоченныхъ, но сохранявшихъ свой внутренній строй и свободу дѣйствія въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ. Римская провинціальная администрація представляла собою всего лишь внѣшнюю надстройку надъ цѣлою сѣтью мѣстныхъ организацій автономныхъ общинъ, тѣмъ болѣе простую по своему составу, что такая важная и сложная отрасль управленія, какъ государственное хозяйство, какъ финансовая организація провинцій, вовсе, можно сказать, и не существовала для римскаго республиканскаго правительства, передававшего, какъ мы знаемъ, сборъ податей, слѣдуемыхъ съ провинціаловъ, а также и всякаго рода другихъ поступавшихъ съ провинціи доходовъ въ видѣ таможенныхъ, рыночныхъ и дорожныхъ пошлинъ и т. п. въ руки частныхъ предпринимателей, которые сами уже заботились и о самомъ сборѣ ихъ, и объ его организаціи.

Если провинціальная администрація республики мало вмѣшивалась во внутреннюю жизнь провинціальныхъ общинъ, то сама она подвергалась еще меньшему воздѣйствію со стороны центрального правительства, со стороны сената. Проконсулъ былъ въ сущности безконтрольнымъ вице - королемъ провинціи. Мы уже знаемъ, чѣмъ грозила провинціаламъ эта безконтрольность, соединенная съ крайне простымъ и совершенно откровеннымъ отношеніемъ проконсула къ своей краткосрочной должности какъ къ источнику самой скорой и самой неумѣренной наживы на счетъ населенія провинціи, которое не только не находило въ немъ защитника отъ безграничной алчности публикановъ, но видѣло въ немъ—и вполнѣ справедливо—ихъ вѣрнаго заступника и покровителя. Отсутствіемъ контроля надъ провинціальной администраціей обусловливалось и отсутствіе особаго правительственнаго органа, который бы объединялъ въ той или иной мѣрѣ дѣятельность отдѣльныхъ проконсуловъ. Такого центрального органа, который бы специально вѣдалъ провинціальную администрацію, римская республика не создала: это не было въ интересахъ правящаго класса республики; это являлось бы большимъ тормазомъ какъ для сенатской, такъ и для всаднической аристократіи въ ея чисто эксплуататорской политикѣ въ отношеніи къ провинціямъ, и не ея заботой было создавать такой органъ. Поверхностность (въ смыслѣ слабаго вмѣшательства во внутреннюю жизнь самоуправляющихся общинъ), безконтрольность и децентрализованность,—вотъ въ трехъ словахъ отличительныя особенности провинціального управленія, унаслѣдованнаго имперіей отъ рес-

публиканской поры. Мы уже видѣли, какія условія создавались этимъ для провинціального населенія. Являясь вполне естественнымъ результатомъ политическаго господства земельной и денежной аристократіи, отождествившей себя съ римскимъ народомъ, такая система въ свою очередь создавала для миллионовъ подвластнаго римскому народу населенія условія, отрицавшія и эту систему, и весь создавшій ее республиканскій режимъ, и новая политическая форма, неизбежно шедшая на смѣну республикѣ, должна была внести въ эту систему весьма существенныя поправки. И она внесла эти поправки и первые два вѣка своего существованія являлась для провинціаловъ синонимомъ мира и благополучія и предметомъ религіознаго поклоненія, и императорскій культъ получилъ самое широкое распространеніе.

Совершившееся при Августѣ дѣленіе провинцій на сенатскія и императорскія отдало подъ непосредственный контроль носителя новой власти цѣлый рядъ областей, намѣстники которыхъ до тѣхъ поръ не знали надъ собой никакого контроля. Но и сенатскія провинціи не остались подъ безконтрольнымъ владычествомъ проконсуловъ: и онѣ, какъ мы указывали въ своемъ мѣстѣ, были поставлены подъ весьма осязательный контроль императора; и ихъ намѣстники получали отъ него инструкціи и едва ли имѣли возможность имъ не повиноваться; и на нихъ распространилось истинное благодѣяніе, оказанное провинціальному населенію императорами первыхъ вѣковъ въ видѣ постепеннаго упраздненія откупной системы и передачи сбора провинціальныхъ податей въ руки администраціи; и въ нихъ намѣстникъ и его штатъ постепенно стали получать отъ правительства опредѣленное содержаніе вмѣсто того, чтобы жить на счетъ провинціального населенія и при этомъ грабить его безъ всякаго милосердія. Тѣмъ не менѣе, какъ это само собою понятно, императорамъ удобнѣе и легче всего было начать реформу провинціального управленія съ тѣхъ провинцій, которыя находились подъ ихъ непосредственной властью, которыми они управляли черезъ своихъ уполномоченныхъ, черезъ легатовъ (изъ сенаторовъ). Уже Августъ отнялъ у легатовъ завѣдываніе поступающими съ провинціи сборами и передалъ ихъ особымъ должностнымъ лицамъ, *прокураторамъ* (*procuratores*), которыхъ онъ назначалъ изъ всадниковъ, а иногда и изъ своихъ вольноотпущенниковъ. По рангу прокураторы были ниже легатовъ, но не были имъ подчинены, завися непосредственно отъ императора и сообщая ему нерѣдко многое такое, что выходило далеко за предѣлы ихъ вѣдомства и о чемъ онъ едва ли могъ узнать отъ самого легата. Прокураторовъ назначалъ императоръ и для управленія своими имѣ-

ніями какъ въ императорскихъ, такъ и въ сенатскихъ провинціяхъ. Прокураторы подолгу жили въ провинціяхъ и могли основательно познакомиться съ хозяйственными условіями данной провинціи, съ платежными силами ея населенія и съ техникой сбора налоговъ, и это сдѣлало для нихъ возможнымъ дѣйствительный контроль надъ публиканами, а потомъ и полное устраненіе ихъ отъ главныхъ по крайней мѣрѣ отраслей податного дѣла, что было совершенно невозможно для краткосрочныхъ магистратовъ, если бы даже это и входило въ ихъ намѣренія. Въ прокураторахъ Римъ приобрѣлъ настоящихъ чиновниковъ, ему еще не знакомыхъ. Появленіе ихъ отвѣчало весьма серьезной общественной потребности. И это нужно сказать не объ однихъ прокураторахъ, но и о цѣломъ рядѣ другихъ должностей, созданныхъ имперіей, чтобы внести порядокъ въ управленіе огромнымъ государствомъ и положить конецъ тому административному хаосу, который такимъ тяжелымъ кошмаромъ давилъ милліоны провинціального населенія въ послѣдніе два вѣка республиканскаго режима. Но, постепенно развиваясь, созданная имперіей бюрократія сравнительно скоро вышла за предѣлы поставленной ей общественными потребностями задачи и изъ блага превратилась въ величайшее зло, въ злѣйшій бичъ общества и одинъ изъ источниковъ его гибели, совершенно утративъ всякую связь съ интересами общества, превратившись въ самодовлѣющую силу, въ своихъ собственныхъ, можно сказать, классовыхъ интересахъ поработившую общество и высасывавшую изъ него жизненные соки. Но это произошло уже тогда, когда и сама верховная власть забыла о тѣхъ задачахъ, которыя ее самое вызвали къ жизни, и сама превратилась въ самодовлѣющую силу, грозную своей организованностью не столько внѣшнимъ врагамъ общества, сколько ему самому,—явленіе, весьма перѣдко встрѣчающееся въ исторіи человѣческихъ обществъ и представляющее поэтому серьезный соціологическій интересъ. Но не будемъ забѣгать впередъ.

Въ интересахъ центральной власти было по возможности ослабить силу и власть намѣстниковъ провинцій, и однимъ изъ средствъ къ этому являлось дробленіе провинцій. И мы видимъ, что уже съ самаго момента утвержденія имперіи императоры дробятъ провинціи, умножая такимъ образомъ ихъ число и дѣлая ихъ губернаторовъ болѣе доступными воздѣйствію и контролю изъ центра. Систематически провелъ эту мѣру Діоклетіанъ, распространивъ ее на всю имперію, почти каждую провинцію раздѣливъ на двѣ и даже на три части и приведя такимъ образомъ къ одинаковому ничтожеству всѣхъ намѣстниковъ и введя между ними строгое дѣленіе по рангамъ. Къ этому времени дѣленіе провинцій на сенатскія и импе-

раторскія уже исчезло, и всѣ онѣ въ одинаковой мѣрѣ были подчинены императору и въ одинаковой мѣрѣ находились под контролем уже къ этому времени возникшей, а при Діоклетіанѣ и Константинѣ почти окончательно сложившейся цѣлой системы центрального управленія и подчиненныхъ ей промежуточныхъ инстанцій; и намѣстники ихъ уже перестали различаться какъ сенатскіе избранники и какъ уполномоченные императора, и если между ними и были различія, то лишь какъ между должностными лицами, занимающими неодинаковыя положенія въ выработавшейся уже сложной табели о рангахъ (одни изъ нихъ носили титулъ *pro consule*, другіе—*consulares*, иные—*correctores*, а иные—*praesides*). Что касается тѣхъ административныхъ органовъ, которымъ всѣ они были подчинены, то возникли они и развились слѣдующимъ образомъ.

Императорская гвардія (такъ называемые преторіанцы) находилась подъ начальствомъ особаго командира, такъ называемаго *префекта преторія* (*praefectus praetorio*). Иногда мы встрѣчаемъ двухъ префектовъ преторія. Очень скоро этотъ чисто военный сановникъ сталъ играть огромную роль въ управленіи государствомъ (въ чемъ нельзя не видѣть слѣдствія тѣснѣйшей связи императорской власти съ военной силой). Сначала императоръ поручалъ ему тѣ или инныя изъ той массы дѣлъ, которыя лежали лично на императорѣ. Чаще всего онъ передавалъ ему рѣшеніе дѣлъ по апелляціямъ, шедшимъ изъ всѣхъ провинцій (отъ лицъ, недовольныхъ рѣшеніями намѣстниковъ), но не рѣдко и рѣшеніе дѣлъ въ первой инстанціи. При мало дѣятельныхъ императорахъ префекту приходилось очень многое дѣлать за нихъ, становиться замѣстителемъ императора, фактическимъ правителемъ государства (какимъ былъ, напримѣръ, при Тиберіи извѣстный Сеянъ). Мало-по-малу префектъ преторія превратился въ постояннаго апелляціоннаго судью; соединенныя съ этимъ положеніемъ обязанности такъ разрослись, что отгѣснили на задній планъ военную роль префекта и на эту должность стали назначать лицъ прежде всего съ хорошей юридической подготовкой, нерѣдко знаменитыхъ юристовъ (префектами преторія были такіе юристы, какъ Папиніанъ, Ульпіанъ и Павелъ). Естественно, что, обладая такой обширной и разносторонней властью, префектъ преторія долженъ былъ оказывать вліяніе на всѣ стороны управленія и, въ частности, являлся промежуточной инстанціей между императоромъ и намѣстниками провинцій, могъ контролировать ихъ дѣятельность, давать имъ инструкціи и съ согласія императора смѣщать ихъ, если они не стояли на высотѣ призванія. Діоклетіанъ, раздѣливъ имперію на четыре части между двумя августами и двумя цезарями, создалъ и четыре префектуры, т.-е. четыре должности префекта, по

одной въ каждой изъ четырехъ частей. Каждый изъ префектовъ продолжалъ еще при немъ совмѣщать въ своихъ рукахъ гражданскую и военную власть. Если была война въ данной части имперіи и необходимо было раздѣлить армію, то одной частью арміи командовалъ августъ или цезарь, а другой префектъ. Префектъ же заботился и продовольствованіи войска, и это было причиной, почему именно къ нему перешла администрація натуральныхъ поступлений, введенныхъ, какъ потомъ увидимъ, Діоклетіаномъ на всемъ протяженіи имперіи. Ежегодно префектъ разсылалъ намѣстникамъ провинцій приказы, въ которыхъ было точно обозначено, сколько хлѣба (зернового), вина, свинины, желѣза, платья, лошадей и т. п. каждый изъ нихъ долженъ взыскать съ населенія провинціи, и куда, въ какое складочное мѣсто онъ долженъ все это отправить; устройство такихъ складочныхъ мѣстъ, такихъ запасныхъ магазиновъ также лежало на префектѣ. Въ концѣ-концовъ префектъ превратился въ контролера провинціальной администраціи на всемъ протяженіи территоріи данной части имперіи. Для того чтобы контроль этотъ былъ еще дѣйствительнѣе, Діоклетіанъ раздѣлилъ всю имперію еще на тринадцать *діоцезовъ* (въ теченіе четвертаго вѣка число ихъ увеличилось до пятнадцати) и во главѣ каждого діоцеца поставилъ *викарія*, т.-е. замѣстителя префекта (*vicarius praefectorum praetorio*), съ точно такими же обязанностями въ предѣлахъ своего діоцеца, какія были и у префекта. Несомнѣнно, контроль, который могъ осуществлять викарій надъ губернаторами какихъ-нибудь 5—10 входившихъ въ его діоцезъ провинцій (къ тому же доведенныхъ Діоклетіаномъ до возможно малыхъ размѣровъ), былъ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ тотъ, какой былъ возможенъ для префекта, имѣвшаго дѣло съ четвертой частью огромной имперіи. Оригинально въ постановкѣ власти викарія было то, что викарій въ сущности не былъ подчиненъ префекту, что его власть конкурировала съ властью префекта, и апелляція отъ его суда шла не къ префекту, а къ самому императору. Этимъ создавалась почва для взаимнаго подсиживания и доносовъ, что далеко не шло въ разрѣзъ съ интересами той инстанціи, куда этого рода документы направлялись.

Къ эпохѣ Діоклетіана, какъ увидимъ впоследствии, варваризація римской арміи сдѣлала настолько значительные успѣхи, что контингентъ людей, настолько образованныхъ, чтобы быть въ состояніи совмѣщать военныя функціи съ функціями судьи и администратора, становился все болѣе и болѣе малочисленнымъ, и являлась потребность раздѣлить функціи намѣстника провинціи между нѣсколькими лицами. Примѣры (правда, рѣдкіе) такого раздѣленія встрѣчались уже въ третьемъ вѣкѣ, когда въ случаяхъ крайней опасности на

ряду съ легатами назначали особыхъ полководцевъ, *duces*, и ставили ихъ въ совершенно независимое отъ легата положеніе. Діоклетіанъ возвелъ это въ систему и во всѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ постоянно стояло войско (на границахъ имперіи), учредилъ должность отдѣльнаго военнаго начальника, носившаго названіе *dux* (а съ Константина и *comes rei militaris*). Въ интересахъ своей собственной власти Діоклетіанъ создалъ между намѣстникомъ такой провинціи и начальникомъ ея военныхъ силъ (*dux*) весьма тѣсную взаимную зависимость: въ дѣлѣ продовольствованія своихъ войскъ *dux* зависѣлъ всецѣло отъ намѣстника, завѣдывавшаго натуральными поступленіями провинціи, шедшими и на содержаніе войска; зато въ дѣлѣ обороны провинціи отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ безъ содѣйствія военнаго начальника намѣстникъ былъ совершенно безсиленъ; въ результатѣ—постоянныя столкновенія этихъ двухъ властей провинціи и взаимныя жалобы императору, безпокойныя, конечно, но вполне успокаивавшія его на счетъ возможности какихъ бы то ни было честолюбивыхъ поползновеній со стороны военнаго главы провинціи. Константинъ отнялъ военную власть и у префектовъ, и главное командованіе военными силами было передано имъ въ каждой изъ четырехъ частей, на которыя была раздѣлена Діоклетіаномъ имперія, двумъ *comites*, изъ которыхъ одинъ командовалъ конницею и носилъ титулъ *comes et magister equitum*, а другой—пѣхотой и именовался *comes et magister peditum*, при чемъ каждый изъ нихъ вполне зависѣлъ, что касается продовольствованія войска, отъ префекта; съ теченіемъ времени каждый изъ этихъ *comites* сталъ командовать и пѣхотой, и конницею одновременно и сталъ называться *magister equitum et peditum* или *magister utriusque militiae*, а то и просто *magister militum*. Придуманная Діоклетіаномъ крайне искусственная система раздѣленія и перехода власти между августами и цезарями уже при Константинѣ прекратила свое существованіе, но удержалось произведенное имъ при этомъ раздѣленіе всей имперіи на четыре части съ подраздѣленіемъ ихъ на діоцезы съ викаріями во главѣ; только теперь, когда власть опять перешла въ руки единого императора, во главѣ каждой изъ четырехъ частей остались одни префекты, и части эти стали называться *префектурами*. Это были: Востокъ (т.-е. Фракія, Азія и Египетъ), Иллирія (собственная Иллирія, Дакія, Македонія, Греція), Италія (собственная Италія, западная Иллирія и Африка) и Галлія (собственная Галлія, Испанія, Британія и Мавретанія).

Въ то время, какъ въ такомъ видѣ складывалась областная администрація имперіи, постепенно создавались органы и центральной администраціи, напоминающіе наши министерства, съ огромной

массой служебнаго персонала, распредѣленнаго по разнаго рода канцеляріямъ. Отправной точкой этого развитія послужилъ *советъ* (*consilium*), состоявшій при *пріnceps'ѣ*, какъ и при всякомъ магистратѣ съ судебной властью (мы уже видѣли по существу такой же *consilium* при проконсулѣ). Въ началѣ, при Августѣ, въ составъ его входили сенаторы (числомъ 15) по жребію, консулы и членъ низшихъ коллегій должностныхъ лицъ, а также лица, пользовавшіяся личнымъ довѣріемъ императора. Съ теченіемъ времени императоры стали приглашать въ свой советъ, кого имъ было угодно. Діоклетіанъ переименовалъ советъ въ *consistorium*, требуя, чтобы подававшіе свое мнѣніе члены совета вставали передъ императоромъ, уже ставшимъ равнымъ богамъ. При Константинѣ участіе въ советѣ перестало быть удѣломъ приглашаемыхъ въ каждое засѣданіе все новыхъ лицъ и превратилось въ должность. Эти советники императора стали называться *comites*, и должность ихъ, *comitiva*, была не пожизненной, а краткосрочной (иногда годовой). Съ ними императоръ совѣщался по самымъ разнообразнымъ дѣламъ и распредѣлялъ между ними самыя различныя отрасли правительственной дѣятельности: одному онъ поручалъ выработку новыхъ законопроектовъ и распоряженій, и онъ сталъ потомъ называться *comes et quaestor sacri palatii* или просто *quaestor*; другому онъ поручалъ управленіе своими дознанами и имуществами, поступавшими императору путемъ конфискацій и наследственнымъ путемъ, и онъ сталъ впослѣдствіи называться *comes rerum privatarum*; еще одному поручалось наблюденіе за денежной наличностью казначейства (къ этому времени фискъ и эрарій уже слились), и онъ получилъ потомъ титулъ *comes sacrarum largitionum* (эти «священныя щедроты» потому фигурируютъ въ его титулѣ, что онъ долженъ былъ между прочимъ и выдавать обычные подарки солдатамъ). Такъ мало-помалу были намѣчены главные органы центральнаго управленія, соотвѣтствующіе нашимъ министерствамъ, при чемъ *квесторъ священнаго двorca* превратился какъ бы въ перваго министра, *comes rerum privatarum*—въ министра удѣловъ, *comes sacrarum largitionum*—въ министра финансовъ. Къ нимъ нужно еще прибавить министра внутреннихъ дѣлъ, совмѣщавшаго въ своей особѣ и министра двора, и министра иностранныхъ дѣлъ, и главноуправляющаго всѣхъ центральныхъ канцелярій (*officia, scrinia*); это былъ такъ называемый *magister officiorum*. Подъ его полицейскимъ надзоромъ находилась и вся провинціальная администрація, и надзоръ этотъ онъ осуществлялъ съ помощью цѣлой сѣти шпионовъ, такъ называемыхъ *agentes in rebus* или *curiosi*. Эти *agentes in rebus* первоначально были посланцами, отправлявшимися въ провинціи со спѣшными де-

пешами и пользовавшимися для этого лошадьми императорской почты; иногда имъ передавали администрацію почтового дѣла въ той или иной провинціи. Съ теченіемъ времени они превратились въ вездѣ-сущихъ шпионовъ, имѣвшихъ, помимо общаго надзора, еще и специальную миссію слѣдить за викаріями и за намѣстниками провинцій. Карьера *agentes in rebus* завершалась назначеніемъ ихъ главами находившихся при каждомъ провинціальномъ сановникѣ канцелярій, *officia*, которыя не только должны были являться исполнительными органами сановника, но и органами надзора за сановниками со стороны центрального правительства; и нужно думать, что поставленный во главѣ канцеляріи заслуженный профессиональный соглядатай вполне обеспечивалъ добросовѣстное исполненіе канцеляріей этой послѣдней ея роли. Что касается служебнаго персонала всѣхъ этихъ все болѣе и болѣе размножавшихся канцелярій, то первоначально даже при дворѣ императора (какъ и при дворѣ всякаго крупнаго магната республиканской и императорской эпохи) онъ состоялъ изъ вольноотпущенниковъ и рабовъ. Постепенно, по мѣрѣ развитія монархическихъ формъ и монархическихъ понятій, отбѣснявшихъ все болѣе и болѣе общественныя понятія республиканской поры, служба въ канцеляріяхъ, представлявшихъ собою органы, черезъ посредство которыхъ правилъ міромъ всемогущій его владыка, равный богамъ по силѣ и святости, не только перестала быть унижительной для свободорожденнаго римскаго гражданина, но становилась источникомъ общественнаго почета и вліянія, и уже съ Діоклетіана установился принципъ, что самый фактъ поступленія на службу къ священной особѣ императора давалъ полную свободу тому, кто ея не имѣлъ передъ этимъ; но уже и до Діоклетіана на службу къ императорамъ поступало не мало людей даже всадническаго сословія. Служба въ императорскихъ *officia* стала открывать дорогу въ сословіе всадниковъ и въ сенатъ, и не удивительно, что въ эти канцеляріи устремляется масса искателей почестей и привиллегій, и они всегда находятъ тамъ для себя мѣста, потому что число канцелярій все увеличивается по мѣрѣ того, какъ управленіе принимаетъ все болѣе и болѣе бюрократическій характеръ и въ интересахъ контроля надъ правительственными лицами и учрежденіями безъ конца умножаетъ число должностей и канцелярій. Вырабатывается чрезвычайно сложная іерархическая система, появляется весьма пестрая табель о рангахъ, самымъ точнымъ и пунктуальнымъ способомъ опредѣлявшая каждому служащему его мѣсто на лѣстницѣ титуловъ и чиновъ, отъ самаго мелкаго чиновника провинціальной канцеляріи до *clarissimi*, *spectabiles* и *illustres* правительственныхъ верховъ. Все это до невѣроятныхъ размѣровъ разросшееся чиновничество требовало отъ

государства огромныхъ средствъ для своего содержанія, и лежавшее на народѣ налоговое бремя становилось все тяжелѣе и невыносимѣе. Но народу приходилось не только платить казнѣ на содержаніе бюрократіи. Онъ принужденъ былъ отдавать часто послѣднее и непосредственно въ руки самихъ чиновниковъ: взяточничество, а то и прямой грабежъ населенія, сопровождаемый самыми возмутительными насиліями, отличали римскую бюрократію послѣднихъ вѣковъ имперіи не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ ея погоня за титулами и привилегіями и ея безграничное неуваженіе ко всякому праву и закону.

IV.

Познакомившись съ внѣшнимъ механизмомъ управленія, постепенно сложившимся въ Римской имперіи, мы обратимся къ тѣмъ матеріальнымъ средствамъ, которыми располагало правительство имперіи для содержанія своихъ органовъ и для выполнения ими тѣхъ задачъ, которыя ставила предъ ними все усложнявшаяся государственность. Правительственные средства носятъ весьма различный характеръ въ зависимости отъ общаго характера хозяйственной жизни даннаго общества въ данный моментъ его существованія и въ свою очередь, въ ряду другихъ факторовъ, опредѣляютъ самую фізіономію государства, обуславливая для него возможность взять на себя выполнение функций, до тѣхъ поръ отпавлявшихся самимъ обществомъ, и для этого создать особую организацію для управленія, суда и внутренней и внѣшней защиты общества, своеобразную для каждаго даннаго момента въ хозяйственной эволюціи общества, или же обрекая государство (мы разумѣемъ государственность даннаго общества) на роль лишь слабо выдѣлившейся общественной функціи, еще тѣсно связанной съ остальными сторонами дѣятельности самаго общества. Эта истина не разъ обнаружится передъ нами во всей своей жизненной конкретности въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изложенія, и намъ не разъ придется убѣждаться, какую важную роль играетъ организація правительственныхъ средствъ, то, что называется государственнымъ хозяйствомъ, въ эволюціи какъ самаго государства, такъ и общества, которое въ свою очередь испытываетъ на себѣ нерѣдко во многихъ отношеніяхъ опредѣляющее воздѣйствіе государственнаго хозяйства, нерѣдко вызывающее глубокія перемѣны въ хозяйственномъ и даже въ социальномъ строѣ общества и отражающееся на его духовной жизни. Въ частности Римская имперія представляетъ въ этомъ отношеніи много чрезвычайно поучительнаго.

Въ эпоху царей и въ первые вѣка республики едва ли могла быть рѣчь о государственномъ хозяйствѣ въ истинномъ смыслѣ этого слова: тогдашнее правительство почти что не нуждалось въ особыхъ правительственныхъ средствахъ, такъ какъ само общество или отдѣльные его представители на собственный счетъ отправляли несложныя функціи управленія, суда и внѣшней защиты. Республиканскіе магистраты, какъ извѣстно, несли свою службу безвозмездно, а находившійся въ ихъ распоряженіи персоналъ низшихъ служащихъ могъ состоять изъ ихъ кліэтовъ, жившихъ на ихъ счетъ. Постояннаго войска тогда не было, и всякій гражданинъ во время войны обязанъ былъ нести военную повинность, разъ у него были необходимыя для этого средства, извлекаемыя имъ изъ его земельного надѣла; а у кого была земля, но самъ онъ не былъ въ состояніи нести эту натуральную повинность (вдовы, старики, дѣти), тотъ давалъ средства для содержанія во время войны восемнадцати сотенъ конницы. Потребности общественнаго культа удовлетворялись изъ доходовъ съ спеціально для этой цѣли предназначенныхъ государственныхъ земель, сдававшихся въ аренду каждыя пять лѣтъ публиканамъ; публиканы брали на себя и поставку необходимыхъ для культа предметовъ. Общественныя сооруженія воздвигались руками самихъ гражданъ или ихъ рабовъ. Какіе могли быть экстренные расходы, они покрывались изъ военной добычи и изъ судебныхъ штрафовъ и пошлинъ. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгали къ обложенію гражданъ, къ прямому налогу на имущество гражданъ; но къ этому средству стали обращаться въ сравнительно болѣе позднее время, когда отношенія осложнились, и въ частности войны изъ мелкихъ кратковременныхъ столкновеній съ ближайшими сосѣдями превратились въ сравнительно долгосрочные походы, требовавшіе отъ участвовавшихъ въ нихъ гражданъ такихъ средствъ, которыми они лично не располагали, и потому вызывавшіе необходимость содержать находящееся въ походѣ ополченіе на общественный счетъ. Первымъ постояннымъ налогомъ былъ введенный въ половинѣ IV вѣка до Р. Хр. (353 г.) налогъ на освобожденіе рабовъ, такъ назыв. *vicesima libertatis*, и онъ взимался въ размѣрѣ 5%, т.-е. 20-й части стоимости раба. Съ развитіемъ въ Римѣ торговли появляются таможенные сборы (*portoria*), которые, какъ и *vicesima libertatis*, отдавались на откупъ публиканамъ.

Когда римскія завоеванія перешли за границы Италіи, и къ владѣніямъ римскаго народа одна за другой стали присоединяться провинціи, какъ его «помѣстья» (*praedia populi romani*), государственные доходы Рима неизмѣримо увеличились. Провинціалы должны были платить завоевателямъ, — оставившимъ имъ жизнь и пользо-

ваніе землею (*possessio*), превратившейся въ государственную собственность Рима, въ *ager publicus*,—и поголовную, и поземельную подати (точнѣе: дань) (*stipendium, tributum*). Для того чтобы сколько-нибудь правильно поставить дѣло взиманія этихъ податей, правительство должно было отъ времени до времени производить *цензъ* въ провинціяхъ, т.-е. опредѣлять число ихъ жителей и цѣнность ихъ земельныхъ владѣній. Первоначально цензъ этотъ производился каждыя пять лѣтъ, но, начиная со II вѣка послѣ Р. Х., пятилѣтній срокъ между каждыми двумя переписными годами былъ замѣненъ пятнадцатилѣтнимъ. Производство ценза въ каждой провинціи поручалось сначала губернатору провинціи, а потомъ прокураторамъ и дававшимся имъ въ помощь такъ называемымъ *sepsitores*. Но прокураторы, какъ и ихъ помощники, сами ценза не производили, а лишь контролировали результаты оцѣнки, производившейся внутри cadaго городского округа его выборными должностными лицами, контролировали составлявшіеся этими муниципальными магистратами списки, такъ называемые *libri censuales* (впослѣдствіи ихъ стали называть *polyptyka*). До насъ дошла составленная въ эпоху Северовъ общая формула, которой руководствовались муниципальныя власти при производствѣ переписи, собственно поземельнаго кадастра, такъ называемая *forma censualis* (она сохранилась въ Дигестахъ). Нужно замѣтить, что кадастръ составлялся на основаніи самооцѣнки, т.-е. каждый землевладѣлецъ долженъ былъ сообщать о своей землѣ необходимыя данныя (и эти его показанія назывались *professio*), точныя и обстоятельныя. Онъ долженъ былъ назвать имя городского округа и его подраздѣленія, въ предѣлахъ котораго его земля находилась, и имена пользователей его земли, а затѣмъ сообщить всѣ данныя, необходимыя для того, чтобы его владѣніе могло быть занесено подъ какую-либо изъ слѣдующихъ рубрикъ: 1) пахотная земля (съ точнымъ указаніемъ югеровъ), 2) виноградники (съ указаніемъ числа лозъ), 3) оливки (съ указаніемъ числа югеровъ и деревьевъ), 4) луга (съ указаніемъ числа югеровъ), 5) лѣса (съ тѣмъ же указаніемъ), 6) рыбныя ловли, 7) солончаки. Не только составленіе податныхъ списковъ, дававшее возможность опредѣлить общую сумму подати, лежавшей на каждомъ данномъ городскомъ округѣ, но и распредѣленіе податной суммы между отдѣльными лицами cadaго даннаго городского округа и сборъ ея лежали на городскихъ властяхъ; на нихъ же была возложена и отвѣтственность за правильное поступленіе въ казну лежавшей на округѣ податной суммы, именно на сравнительно небольшую группу изъ состава муниципального сената (*curiæ*), на такъ называемыхъ *decemprimi*, самыхъ

состоятельныхъ, почтенныхъ и вліятельныхъ членовъ курии, которые и должны были возмѣщать изъ собственныхъ средствъ случившіяся при сборѣ недоимки; имъ какъ бы отдавалась на откупъ слѣдующая съ ихъ городского округа податная сумма, и въ этомъ отношеніи группа *decemvirum* уподоблялась компаніи публикановъ (*societas publicanorum*). Повидимому, такимъ способомъ правительство повсемѣстно вѣдало поголовную подать, а также и поземельную, поскольку эта послѣдняя уплачивалась деньгами, что было далеко не повсемѣстнымъ явленіемъ. Для снабженія столицы хлѣбомъ, а также для продажи его, въ силу *lex frumentaria* Гая Гракха, по дешевой цѣнѣ бѣдному населенію столицы (продажа эта превратилась потомъ въ даровую раздачу) правительство нуждалось въ большомъ количествѣ зернового хлѣба, и въ виду этого нѣкоторыя провинціи платили свою земельную дань не деньгами, а зерномъ, въ видѣ определенной доли урожая (Сицилія платила $\frac{1}{10}$, Египетъ и Африка— $\frac{1}{8}$, другія провинціи— $\frac{1}{7}$). Сборъ этой подати, какъ общее правило, находился всецѣло въ рукахъ публикановъ. Правда, иногда городскимъ властямъ удавалось взять въ свои руки сборъ и этихъ натуральныхъ взносовъ; они даже не жалѣли денегъ на отступное, лишь бы только избавиться отъ безграничныхъ вымогательствъ и притѣсненій со стороны публикановъ. Но все же въ республиканскую эпоху это были скорѣе счастливыя исключенія, чѣмъ факты повседневной жизни: правящая аристократія республики имѣла много основаній не идти наперекоръ интересамъ крупныхъ капиталистовъ и предоставляла имъ полную свободу дѣйствій. Положеніе измѣнилось съ утвержденіемъ императорскаго режима. Мы уже знаемъ, что съ этого времени откупная система или вообще была постепенно уничтожена, или же переродилась въ нѣчто, хоть въ извѣстной мѣрѣ совмѣстимое съ болѣе или менѣе благоустроеннымъ государственнымъ порядкомъ. Съ этого времени и натуральные сборы, о которыхъ только что была рѣчь, постепенно выскользаютъ изъ рукъ публикановъ и окончательно переходятъ въ руки муниципальных властей, и то, что было исключеніемъ, становится общимъ правиломъ; прибавимъ къ этому, что въ большинствѣ провинцій натуральные сборы были переведены на деньги, а гдѣ они остались (въ Африкѣ, въ Египтѣ), тамъ они были фиксированы въ видѣ постояннаго, определеннаго для каждой провинціи количества мѣръ зерна.

О косвенныхъ налогахъ (ихъ платили какъ провинціалы, такъ и жители Италіи, и назывались они *vectigalia*) мы уже упоминали, говоря о пошлинѣ при отпускѣ на волю рабовъ (*vicesima libertatis*) и о таможенныхъ пошлинахъ (*portoria*). Что касается

этихъ послѣднихъ, то, взимая ихъ (для этого вся страна была раздѣлена на девять таможенныхъ округовъ), правительство преслѣдовало непосредственно фискальныя цѣли, вовсе, повидимому, чуждое идеѣ протекціонизма, покровительства внутренней промышленности. Къ числу *vestigalia* принадлежалъ введенный Августомъ налогъ на наслѣдства холостяковъ (*vicesima hereditarium*), переходившія въ руки не родственниковъ, а также имъ же введенный налогъ на продажу (*centesima rerum venalium*) и налогъ специально на продажу рабовъ (*quinta et vicesima venalium mancipiorum*). Остается указать на *монополии* и *регаліи*, существовавшія еще съ эпохи республики и получившія дальнѣйшее развитіе въ эпоху имперіи. Это была *соляная регалія*, исключительное право *эксплоатации рудниковъ* и *право чеканить монету*. Это послѣднее право въ эпоху имперіи явилось источникомъ весьма серьезныхъ и крайне тягостныхъ для народа хозяйственныхъ пертурбацій, приведшихъ, въ ряду другихъ причинъ, къ коренной реорганизации всей податной системы имперіи и въ концѣ-концовъ и къ перестройкѣ всего римскаго общества на совсѣмъ новыхъ началахъ. Мы имѣемъ въ виду очень часто практиковавшуюся императорами порчу монеты, благодаря которой реальная стоимость монетныхъ знаковъ, а слѣдовательно, и собираемыхъ въ деньгахъ налоговъ, понизилась до крайнихъ предѣловъ и тѣмъ съ своей стороны вызвала необходимость реформы всего податного дѣла, чтобы не оставались безъ удовлетворенія безмѣрно возрастающія фискальныя нужды. Но, прежде чѣмъ заняться характеристикой предпринятой Діоклетіаномъ податной реформы, имѣвшей въ виду интересы государственнаго казначейства (*aerarium* и *fiscus* къ этому времени давно уже слились), скажемъ нѣсколько словъ объ императорскихъ домѣнахъ и о частномъ имуществѣ императора.

Въ моментъ утвержденія въ Римѣ принципата на ряду съ эраріемъ (*aerarium*) и фискомъ существовала еще особая организация для завѣдыванія частнымъ имуществомъ императора, его такъ называемымъ *патримоніемъ* (*patrimonium principis*): уже Августъ былъ крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ имперіи, а при его преемникахъ императорскія помѣстья всѣми правдами и неправдами умножались, разбросанныя по всѣмъ частямъ государства и требуя для завѣдыванія ими не малаго числа всякаго рода низшихъ и высшихъ служащихъ, такъ называемыхъ прокураторовъ (*procuratores*) и ихъ подчиненныхъ, съ *procurator patrimonii* во главѣ. Съ Септиміа Севера рядомъ съ *patrimonium principis* (т.-е. рядомъ съ удѣльными имѣніями и удѣльнымъ управленіемъ) появляется, въ результатъ естественной дифференціаціи, постепенно совершавшейся въ управленіи патримони-

емъ, особое вѣдомство императорскихъ домѣновъ, принадлежавшихъ императору не какъ частному лицу (что можно сказать о *patrimonium principis*), а какъ императору, главѣ государства, т.-е. домѣновъ короны, появляется такъ называемая *res privata* подъ управленіемъ особаго сановника, такъ называемаго *procurator rationis privatae*. Въ составъ *res privata* входили имѣнія, попавшія въ руки императора путемъ конфискацій за преступленія, по завѣщаніямъ, по дарственнымъ, въ результатъ секуляризаціи помѣстій языческихъ храмовъ и т. п. Окончательно сложилась организація какъ удѣльнаго управленія, такъ и управленія домѣнами уже въ четвертомъ вѣкѣ, и къ этому времени изъ общаго управленія домѣнами выдѣляется особое управленіе, завѣдующее имѣніями, специально предназначенными на содержаніе императорскаго двора, такъ называемыми *praedia domus divinae*; главноуправляющимъ этими дворцовыми имѣніями является особый *comes domorum*, тогда какъ во главѣ общаго управленія домѣнами стоитъ *comes rei privatae* или *comes rerum privatarum*, равный по рангу тогдашнему министру финансовъ, извѣстному уже намъ *comes sacrarum largitionum*, а во главѣ удѣльнаго управленія (завѣдующаго *fundi patrimoniales*, иначе *sacrum patrimonium*)—особый *comes patrimonii*.

Переходимъ къ податной реформѣ.

Еще до Діоклетіана въ тѣхъ случаяхъ, когда почему-либо не хватало столицѣ (и нѣкоторымъ другимъ городамъ Италіи) хлѣба, который въ видѣ подати поставляли Египеть и Африка, императоры обращались въ другія провинціи съ приказомъ прислать въ Римъ необходимое количество хлѣба въ видѣ экстренной прибавки къ ихъ обычнымъ (денежнымъ) податямъ. Назначеніе такихъ экстренныхъ натуральныхъ взносовъ называлось *indictio*, а сама эта экстренная подать называлась *annona*, такъ какъ она служила для *annonae urbis*, т.-е. для снабженія хлѣбомъ столицы. Особенно часто стали прибѣгать къ этимъ натуральнымъ взносамъ съ конца II вѣка (послѣ Р. X.), въ эпоху анархіи, наступившей въ результатъ борьбы узурпаторовъ. Въ это же время въ самыхъ широкихъ размѣрахъ практиковалась самая неумѣренная порча монеты, что крайне понижало покупательную стоимость денежныхъ податей и съ своей стороны учащало случаи *indictiones*, т.-е. назначенія и требованія натуральныхъ взносовъ. Политическій кризисъ, тянувшійся весь третій вѣкъ, подорвалъ основы укрѣпившагося было въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ широкаго политическаго порядка, а въ то же время произвелъ и сильнѣйшій хозяйственный разгромъ имперіи, подкопавъ основы той широкой *народнохозяйственной* (въ Бюхеровскомъ смыслѣ) жизни, которая расцвѣла было подъ сѣнью ши-

рокой политической организаціи имперіи, и далъ ей сильный толчокъ назадъ, къ болѣе узкимъ и элементарнымъ формамъ. Этотъ крупный фактъ нужно прежде всего имѣть въ виду, когда мы хотимъ понять во всемъ ея значеніи податную реформу Діоклетіана. Уже до Діоклетіана начался поворотъ къ натуральному государственному хозяйству (естественный результатъ поворота къ натуральному общественному хозяйству). Уже до него жалованье войску стали платить почти исключительно натурой, выдавая солдату необходимое для него и для его семьи количество продуктовъ, а также платье и оружіе, и если при этомъ онъ получалъ еще и деньги, то благодаря часто практиковавшемуся ухудшенію монеты, реальная стоимость этихъ денегъ равнялась уже почти нулю. Діоклетіану оставалось лишь урегулировать эту систему вознагражденія. Для удовлетворенія потребностей солдата въ средствахъ къ существованію въ теченіе года была установлена опредѣленная норма, однообразная мѣра, носившая названіе *аннона* и заключавшая въ себѣ опредѣленное количество зернового или печенаго хлѣба, свинины и телятины, соли, вина, оливковаго масла и уксуса. Поднимаясь на высшую ступень служебной лѣстницы, солдатъ получалъ двѣ аннонае. И офицеры получали аннонае, при чемъ число аннонае варіировалось сообразно рангу. Была установлена норма и для годового содержанія лошади и носила названіе *сарит*. Уже при Діоклетіанѣ (если не раньше еще) получали содержаніе натурой и гражданскіе чиновники. Содержаніе ихъ состояло изъ опредѣленнаго числа аннонае и сарита, а также изъ платья, должности присвоеннаго, а также изъ цѣлаго ряда предметовъ, необходимыхъ для даннаго должностнаго лица, чтобы оно могло вести жизнь, приличествующую его положенію и рангу, до серебряной посуды, рабовъ и наложницъ включительно; нѣкоторые изъ этихъ предметовъ чиновникъ долженъ былъ возвращать, выходя въ отставку, другіе оставались его полной собственностью. Только болѣе важные чиновники получали еще и деньги.

Производя общую реформу государственнаго строя имперіи, распатаннаго цѣлымъ вѣкомъ анархіи, Діоклетіанъ въ очень сильной мѣрѣ увеличилъ численность войска и въ не меньшей мѣрѣ умножилъ бюрократію. Все это требовало огромныхъ средствъ, которыя должны были быть немедленно извлечены изъ населенія. Естественно, что, приступая къ не терпѣвшей въ виду этого никакого отлагательства реорганизаціи податнаго дѣла, Діоклетіанъ долженъ былъ отправляться отъ наличныхъ хозяйственныхъ условій, которыя, какъ мы только что видѣли, уже опредѣлили форму необходимыхъ для государства правительственныхъ средствъ. Если до

сихъ поръ *indictiones*, несмотря на то, что къ нимъ очень часто прибѣгали, все еще сохраняли характеръ экстренной мѣры, то теперь Діоклетіанъ сдѣлалъ ихъ центральнымъ пунктомъ и основой всей податной системы имперіи, отгѣснивъ совѣмъ на задній планъ прежнюю систему. Если прежде поземельную подать платили одни провинціалы, то теперь, когда всѣ свободные жители римскаго государства давно уже стали римскими гражданами, уже не было основаній дѣлать исключеніе для жителей Италіи, и земельную подать стали платить всѣ городскія общины, за исключеніемъ одного лишь Рима. Если прежде въ отношеніи къ податямъ господствовала крайняя пестрота въ отношеніяхъ между Римомъ и подчиненными ему провинціальными общинами (попавшими подъ власть Рима на самыхъ различныхъ условіяхъ), то теперь пестрота эта уступила мѣсто полному однообразію. Состоя изъ продуктовъ земледѣлія, натуральная подать взималась лишь съ земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ, падая лишь на прилежавшіе къ городскимъ центрамъ сельскіе округа и касаясь жителей городскихъ центровъ лишь постольку, поскольку они были въ то же время и землевладѣльцами въ сельскихъ округахъ (какъ мы потомъ увидимъ, главную роль въ муниципальной жизни играли какъ разъ жившіе въ городахъ землевладѣльцы). Податная реформа была произведена Діоклетіаномъ въ 297-мъ году. Въ этомъ году произведена была по всей имперіи перепись, и былъ изданъ законъ, въ силу котораго перепись должна была производиться черезъ каждыя пять лѣтъ. Новый, составленный на основаніи всеобщей переписи поземельный кадастръ, который долженъ былъ пересматриваться черезъ каждыя пять лѣтъ, устанавливалъ для каждаго городского округа определенное количество податныхъ единицъ, не одинаковыхъ и не равныхъ въ качествѣ реальныхъ земельныхъ владѣній, но равныхъ въ смыслѣ слѣдующаго съ каждой изъ нихъ количества натуральныхъ поступленій. Такая податная единица носила въ большинствѣ мѣстностей техническое названіе *caput*. Она представляла собою определенную мѣру воздѣлываемой земли, варьирующуюся въ зависимости отъ рода культуры (была ли это пахотная земля, лугъ, виноградникъ или оливковый садъ) и отъ того, была ли почва ровной или же гористой; въ Сиріи, напримѣръ, *caput* составляли 5 югеровъ виноградника или 20 югеровъ хлѣбнаго поля или 225 оливковыхъ деревьевъ. Но что чрезвычайно характерно для податной организаціи, введенной Діоклетіаномъ, это то, что она представляетъ собою крайне своеобразное сочетаніе собственно поземельной подати (аппона всегда была прежде всего земельной податью) съ податью поголовной. Дѣло въ томъ, что при опредѣленіи

числа приходящихся на каждый данный городской округъ податныхъ единицъ, *capita*, принимали во вниманіе не одну лишь обрабатываемую землю, но и рабочія руки, ее обрабатывающія, будь то руки мелкаго крестьянина-собственника, мелкаго арендатора или руки раба, а также рабочей скоть, и «головой» (*caput*), податной единицей, съ которой слѣдовало опредѣленное количество натуральныхъ взносовъ, являлась не только воздѣлываемая земля въ томъ или иномъ ея размѣрѣ: «головой» являлся и воздѣлывающій ее человекъ (жена его представляла половину «головы»), «головой» являлось и опредѣленное число находящагося на этой землѣ рабочаго скота; такъ что каждому земледѣльцу приходилось давать аппона сразу за нѣсколько «головъ» (*capita*), и можно сказать, что главное вниманіе фиска было устремлено не столько на самую землю, сколько на дѣлавшій землю доходной трудъ, на прилагавшія къ землѣ рабочія руки; и это станетъ понятнымъ, если мы прибавимъ, что къ этому времени уже началась убыль въ населеніи имперіи, и сталъ ощущаться недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, которыя стали вслѣдствіе этого гораздо цѣннѣе земли; лежавшей впускъ прекрасной земли становилось все больше и больше, и неудивительно, что въ податномъ отношеніи 25, 50 и даже 75 югеровъ земли приравнивались рабочей силѣ одного мужчины, составляя (въ Италіи), какъ и она, одну «голову», *caput*.

Производившаяся черезъ каждыя пять лѣтъ перепись основывалась, какъ и переписи прежняго времени, на самоощѣнкѣ. Назначавшіеся для производства ея чиновники, такъ называемые *sensitores*, собирали на рыночныхъ площадяхъ городовъ всѣхъ землевладѣльцевъ даннаго городского округа, которые и должны были давать имъ подробныя и точныя показанія о характерѣ своей земли, о ея размѣрахъ, о ея состояніи, о ея доходности, о числѣ обрабатывающихъ ее рабовъ и арендаторовъ, о числѣ головъ рабочаго скота, находящагося въ имѣніи. Такъ какъ ничего, подобнаго личному осмотру цензителями подлежащей переписи земли, при этомъ не производилось, то показаніямъ этимъ не довѣряли и для проверки ихъ обращались къ сосѣдямъ, а также привлекали къ допросу рабовъ землевладѣльцевъ, прибѣгая и въ томъ, и въ другомъ случаѣ къ жестокимъ пыткамъ. Добытый такимъ путемъ переписной матеріалъ *sensitores* отправляли изъ провинцій въ Римъ особому завѣдывавшему переписью во всей имперіи сановнику, такъ называемому *magister census*, который и редактировалъ его и такимъ образомъ составлялъ кадастръ на слѣдующія пять лѣтъ. Распределеніе лежавшаго на каждомъ городскомъ округѣ податнаго бремени и сборъ этой земельной подати (она получила названіе

capitatio terrena) не входило въ задачу *censitores*: все это было предоставлено ими самимъ муниципіямъ въ лицѣ уже знакомымъ намъ *decemprimi* (группа самыхъ богатыхъ, почтенныхъ и влиятельныхъ членовъ муниципального сената, *curii*) и подчиненнаго имъ служебнаго персонала (такъ назыв. *tabularii*). Перепись устанавливала для каждаго городского округа то или иное количество податныхъ единицъ (*capita*), съ которыхъ и поступало опредѣленное количество натуральныхъ взносовъ ежегодно въ теченіе слѣдующихъ пяти лѣтъ. При этомъ правительство совершенно не принимало во вниманіе перемѣнъ, которыя могли произойти въ теченіе этихъ пяти лѣтъ въ хозяйственномъ положеніи городского округа (за это время могло здѣсь уменьшиться число рабочихъ рукъ, скота, и могли выйти изъ-подъ обработки въ моментъ переписи еще воздѣлывавшіеся участки): до слѣдующей переписи городской округъ долженъ былъ непремѣнно вносить то количество продуктовъ, которое слѣдовало съ него на основаніи послѣдней переписи, хотя за это время число установленныхъ для него послѣдней переписью податныхъ единицъ (*capita*) фактически могло уже уменьшиться, и завѣдывавшимъ сборомъ подати членамъ городского совѣта приходилось, слѣдовательно, какимъ-нибудь способомъ покрывать образовавшіяся такимъ путемъ недоимки. Ставя ихъ такимъ образомъ въ затрудненіе, правительство тутъ же и выводило ихъ изъ этого затрудненія: оно возложило отвѣтственность за возникавшія именно этимъ путемъ недоимки на весь составъ муниципального совѣта, на весь *ordo decurionum* (а не на однихъ лишь *decemprimi*, какъ это было съ податью, *tributum*, прежней поры). И только по истеченіи пяти лѣтъ, во время производства слѣдующей переписи, правительство посылало въ городскіе округа своихъ агентовъ (такъ назыв. *inspectores* или *peraequatores*), чтобы констатировать происшедшія въ нихъ къ этому времени хозяйственныя перемѣны и затѣмъ принять ихъ во вниманіе въ новой переписи. Къ какимъ послѣдствіямъ привело, въ связи съ другими причинами, возложеніе отвѣтственности за исправное поступленіе поземельной подати (*capitatio terrena*, иначе *jugatio terrena*) на членовъ муниципальных сенатовъ, это мы увидимъ впослѣдствіи, когда займемся эволюціей муниципального строя имперіи, а пока лишь ограничимся общимъ указаніемъ, что организованная Діоклетіаномъ натуральная податная система въ сильнѣйшей мѣрѣ напрягала платежныя силы населенія, являясь для него тяжкимъ, нерѣдко невыносимымъ, крайне изнурительнымъ бременемъ, не только подрывавшимъ его хозяйственный базисъ, но и вызывавшимъ глубокія измѣненія въ его социальномъ строѣ.

Константинъ Великій ввелъ особый налогъ на членовъ сена-

торскаго сословія, носившій названіе *follis* или *gleba senatoria*; этотъ денежный налогъ сенаторы платили въ качествѣ прибавки къ поземельному налогу натурой (*capitatio terrena*), который слѣдовалъ съ нихъ какъ съ землевладѣльцевъ (они были представители крупнаго землевладѣнія). Константину принадлежитъ введеніе еще одного новаго, и тоже денежнаго, налога, который долженъ былъ взиматься золотомъ и серебромъ разъ въ пять лѣтъ съ торгово-промышленнаго населенія городовъ. Это былъ такъ-называемый «пятилѣтній сборъ», *lustralis collatio*. Землевладѣльцы, жившіе въ городѣ (и игравшіе здѣсь важную роль въ качествѣ выборныхъ магистратовъ и муниципальных сенаторовъ), его не платили (они платили *capitatio terrena*); не платили его и городскіе пролетаріи (жившіе на общественный счетъ); онъ падалъ исключительно на ремесленниковъ и торговцевъ, жившихъ внутри города, при чемъ въ эту категорію заносили рѣшительно всѣхъ чѣмъ-либо торговавшихъ, даже торговавшихъ собственнымъ тѣломъ; его взимали даже съ помѣщика, если онъ самъ привозилъ въ городъ для продажи свои сельскіе продукты. Налогъ этотъ давалъ деньги для подарковъ войскамъ (такъ назыв. *donativa*), а также придворнымъ и другимъ сановникамъ, которые дѣлали императоры разъ въ каждыя пять юбилейныхъ лѣтъ своего царствованія. Для правильнаго его распредѣленія въ каждомъ городѣ долженъ былъ вестись (членами городского совѣта, именно *decemviri*) списокъ подлежащихъ подати торговцевъ и ремесленниковъ съ точнымъ указаніемъ принадлежащаго каждому изъ нихъ торговаго и промышленнаго капитала. Правительство не всегда строго соблюдало пятилѣтній срокъ и обращалось съ требованіемъ этого налога гораздо чаще, и это дѣлало этотъ и безъ того тяжелый налогъ еще невыносимѣе; къ тому же взимали его съ большими жестокостями, такъ что, по словамъ одного изслѣдователя, нерѣдко родители продавали дѣтей своихъ въ рабство или отдавали дочерей своихъ въ жертву пороку, чтобы императоръ могъ отпраздновать свой юбилейный годъ, а солдаты и высшіе сановники могли получить отъ него свои подарки.

Но, пожалуй, самымъ тяжкимъ бичомъ для населенія имперіи, выбивавшимъ изъ него, можно сказать, послѣднія силы, были всякаго рода *натуральныя повинности*, которыя во всякое время могли потребовать отъ каждаго изъ своихъ подданныхъ императоръ и его правительство для самыхъ разнообразныхъ цѣлей. И подданный долженъ былъ немедленно же безпрекословно и безвозмездно исполнять каждое такое требованіе, хотя бы оно самымъ вопіющимъ образомъ нарушало его законнѣйшіе интересы и разстраивало его самые основные хозяйственные расчеты. Нужно ли было

императору построить себѣ новый, болѣе роскошный или изящный дворецъ, населеніе данной мѣстности должно было доставить ему необходимый для этого строительный матеріалъ, привезти его на собственныхъ подводахъ, а также доставить необходимыя рабочія руки; то же было и при постройкѣ и починкѣ мостовъ, при прокладываніи дорогъ и т. п.; при этомъ не рѣдко случалось, что для этого какъ разъ въ страдную пору крестьянина отрывали отъ поля или выпрягали изъ плуга его воловъ, чтобы на нихъ везти казенное добро. Чрезвычайно обременительной была между прочимъ доставка натуральныхъ взносовъ (аппопа), о которыхъ раньше была рѣчь, въ мѣста ихъ назначенія, а также поставка подводъ для императорской почты. Вся эта система *домашняго* государственнаго хозяйства была тѣмъ обременительнѣе для населенія, что она открывала широчайшій просторъ самому капризному произволу со стороны какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ агентовъ правительства, которые предъявляли народу всѣ эти почти всегда захватывавшія его врасплохъ и тѣмъ еще болѣе для него отяготительныя требованія не только въ интересахъ казны, но весьма часто и въ своихъ собственныхъ интересахъ, не особенно безпокоясь о томъ, что въ этихъ послѣднихъ случаяхъ они явно нарушали законъ, которому служили. Кто могъ, старался тѣмъ или инымъ путемъ освободиться отъ этихъ повинностей, и обыкновенно это удавалось тѣмъ, для кого онѣ были менѣе всего обременительны—людямъ сильнымъ и богатымъ, не встрѣчавшимъ отпора отъ представителей закона, и вся эта система натуральныхъ государственныхъ повинностей всей своей тяжестью ложилась на плечи и безъ того безмѣрно обремененной народной массы, довершая ея хозяйственный разгромъ, начавшійся уже въ эпоху гражданскихъ войнъ, наполняющихъ все третье столѣтіе, и рѣшительно двинутый впередъ Діоклетіано-Константиновской реформой съ ея до громадныхъ размѣровъ доведеннымъ войскомъ и страшно увеличенной арміей чиновничества. Къ какимъ социальнымъ результатамъ все это съ естественной при тогдашнихъ общихъ условіяхъ необходимостью привело, объ этомъ мы поведемъ рѣчь въ другой связи.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Дмитрій Петрушевскій.

Хроника науки, искусства и литературы.

Явленія радиоактивности ¹⁾. Вышелъ въ свѣтъ 1-ый выпускъ 1-го тома новаго изданія на нѣмецкомъ языкѣ *Ежегодникъ радиоактивности и электроники*. Сотрудники, какъ и самъ издатель Stark, выдаются своими изслѣдованіями: мы находимъ здѣсь имена супруговъ Curie, E. Rutherford'a, F. Soddy, Becquerel'я, Ramsay'я и др. Ежегодно будетъ выходить по одному тому въ 4-хъ выпускахъ; цѣна—отъ 12 до 16 германскихъ марокъ за томъ. Цѣль изданія—объединить работы по радиоактивности и явленіямъ іонизаціи путемъ статей оригинальныхъ, рефератовъ, работъ и литературныхъ указаній. Слово „электроника“ въ заглавіи изданія относится къ явленіямъ, сопровождающимъ выдѣленіе тѣлами электроновъ и движеніе послѣднихъ въ пространствѣ.

Въ первой статьѣ, принадлежащей Stark'у, мы находимъ очень широкое опредѣленіе свойства радиоактивности. Процессъ перегруппировки частей химическаго атома, соединенный съ выходомъ и перестановкой нѣкоторыхъ изъ нихъ въ новые атомы, иными словами: превращеніе одного химическаго атома въ другіе съ иными свойствами—и составляетъ характерную черту радиоактивности. Выдѣленіе электрическихъ лучей не есть необходимый признакъ радиоактивности; это свойство можетъ принадлежать громадному числу веществъ и протекать незамѣтно для насъ, благодаря отсутствію необходимыхъ приемовъ для его обнаруженія. Электрическое излученіе не представляетъ точнаго показателя радиоактивности, такъ какъ оно можетъ вызываться и другими условіями,—напримѣръ, измѣненіемъ температуры. Такое обобщенное опредѣленіе радиоактивности вытекаетъ изъ изученія превращеній радиоактивныхъ тѣлъ, не сопровождающихся излученіемъ. Въ такихъ превращеніяхъ продукты распада не приобретаютъ достаточныхъ скоростей, необходимыхъ для іонизаціи газовъ или для дѣйствія на фотографическую пластинку. Обычныя методы изслѣдованія явленій радиоактивности не приложимы поэтому въ данномъ случаѣ.

Напряженность превращенія радиоактивнаго препарата измѣряется числомъ химическихъ атомовъ опредѣленнаго рода, содержащихся въ единицѣ массы и измѣняющихъ свою природу въ одну секунду. Извѣстныя намъ радиоактивныя вещества испускаютъ при этомъ лучи, которые, распространяясь въ какомъ-нибудь газѣ, приводятъ его въ особое

¹⁾ См. „Научное слово“, 1903 г., кн. I, II, IV.

электрическое состояніе (іонизація газа), обнаруживающееся при извѣстныхъ условіяхъ электрическимъ токомъ. Такой электрической токъ можетъ достигнуть нѣкоторой наибольшей величины, непереходимой ни при какихъ условіяхъ. Этотъ максимальный токъ или токъ насыщенный, служитъ мѣрою активности лучей. Электрическое состояніе газа является результатомъ образования въ немъ подѣ дѣйствіемъ лучей или положительно или отрицательно наэлектризованныхъ частицъ (іоновъ). Сообразно съ этимъ самые лучи, ихъ производящіе, называются положительными (α) или отрицательными (β). Насыщенный токъ измѣряетъ *активность* вещества, которая пропорціональна напряженности превращенія. Зная какъ измѣняется напряженность превращенія со временемъ, можно опредѣлить долговѣчность радиоактивныхъ свойствъ даннаго вещества, т.-е. промежутокъ времени, втеченіе котораго превращенія атома радиоактивнаго вещества, черезъ рядъ отдѣльныхъ стадій, заканчиваются переходомъ въ неактивное состояніе.

Здѣсь умѣстно будетъ привести нѣкоторые результаты изслѣдованій Ramsay'я изъ сообщенія, сдѣланнаго имъ парижской академіи наукъ 6-го іюня текущаго года. Кромѣ потоковъ положительныхъ электроновъ (лучи α), отрицательныхъ (лучи β) и рентгеновскихъ (лучи γ), радій даетъ еще истеченіе, которое было названо эманацией¹⁾, оказавшейся веществомъ, имѣющимъ вѣсъ, обладающимъ всѣми свойствами газа. Это вещество, названное exradio, сгущается при низкихъ температурахъ, и его паръ имѣетъ упругость даже при температурѣ кипѣнія жидкаго воздуха. Этотъ газъ сходенъ съ аргономъ, противостоитъ всѣмъ химическимъ воздѣйствіямъ, въ 80 разъ плотнѣе водорода и одноатоменъ; вѣсъ атома 160. Такъ какъ вѣсъ атома радія по Curie есть 225, то отсюда слѣдуетъ, что одинъ атомъ радія можетъ произвести не болѣе одного атома exradio. Ramsay опредѣлялъ количество exradio, даваемого граммомъ радія въ одну секунду. Зная, что 160 вѣсовыхъ частей эманации образуются изъ 225 радія, можно опредѣлить, во сколько времени происходитъ полное распаденіе одного атома радія. Такимъ образомъ, долговѣчность радія опредѣляется приблизительно въ 1150 лѣтъ. Эксрадій также испытываетъ превращенія, и однимъ изъ продуктовъ его распаденія является гелій.

Можно представить нѣкоторымъ количествомъ теплоты всю ту энергію, которая была отдана въ лучистой или тепловой формѣ за все время постепеннаго перехода радиоактивнаго вещества въ неактивныя состоянія. Теплота, выдѣляемая радіемъ въ теченіе одного часа, достаточна, чтобы расплавить равное ему по вѣсу количество льда. Слѣдовательно, тепло, развиваемое радіемъ за свое тысячелѣтнее существованіе, колоссально. Къ этому вопросу мы вернемся далѣе.

Принимая во вниманіе, что радиоактивность есть свойство атома неизмѣнное, т.-е. сохраняющееся, въ какія бы соединенія онъ ни вступалъ, нужно было бы ожидать, что радій не обладаетъ уже активностью, если его древность превышаетъ тысячу лѣтъ. Въ виду этого теорія, принимающая, что радиоактивность есть спутникъ превращеній химическаго атома, должна допустить непрерывное образованіе радія на нашей планетѣ. Простѣйшая гипотеза состояла бы въ томъ, что радій

1) „Научное Слово“, 1903 г., кн. VIII.

есть продуктъ медленнаго распаденія урана, торія или актинія. Rutherford дѣлалъ опыты, вводя растворъ азотно-кислой соли торія, не содржавшей радія, въ замкнутые сосуды и испытывая его время отъ времени на содержаніе радія. Опыты не привели еще къ опредѣленному заключенію.

Несмотря на простоту и естественность мысли о превращеніи химическихъ атомовъ какъ о причинѣ радиоактивности, колоссальное количество образующейся теплоты свидѣтельствуеъ о томъ, что эта гипотеза описываетъ лишь внѣшнюю, формальную сторону явленія. Энергія химическаго атома можетъ быть запасена только въ окружающемъ его эфирѣ, и ея количество можетъ служить мѣрою связи частей атома съ эфиромъ. Превращеніе частей атома должно соответствовать освобожденію этихъ связей. Самая связь должна быть тѣмъ неустойчивѣе, чѣмъ больше энергія, запасенная въ эфирѣ даннымъ строеніемъ атома. Мы далеки отъ пониманія процессовъ освобожденія связей между эфиромъ и матеріей, а потому объясненіе явленій радиоактивности представляетъ широкое поле для различныхъ гипотезъ. Изъ этихъ гипотезъ наиболѣе цѣнны такъ называемыя рабочія гипотезы ¹⁾, т.-е. дающія возможность вносить связь и единство въ наличный опытный матеріалъ и способныя руководить ближайшими шагами естествоиспытателя.

Въ концѣ выпуска ежегодника имѣется статья Stark'a, посвященная различнымъ предложеннымъ объясненіямъ радиоактивности. Всѣ произведенныя изслѣдованія подтверждаютъ мысль, что радиоактивность есть свойство, присущее химическому атому (радія, урана, торія), такъ какъ оно сохраняется во всѣхъ его соединеніяхъ съ другими атомами и во всѣхъ физическихъ состояніяхъ. Оно не можетъ быть искусственно сообщено или уничтожено образованіемъ или разрушеніемъ соединеній. Но, принадлежа всѣмъ атомамъ активнаго тѣла, въ данный моментъ радиоактивность обнаруживается только немногими изъ нихъ.

Re и Perrin переносятъ гипотезу образованія нашего солнца въ міръ атомовъ. Частицы атомовъ составляли когда-то очень тонкій туманъ, который, сгущаясь, образовывалъ неизмѣримо малыя солнца; солнца незримо малаго міра, испускающія энергію, накопившуюся отъ бывшей и продолжающейся до сихъ поръ конденсаціи, представляютъ атомъ существующихъ въ настоящее время радиоактивныхъ тѣлъ. Солнца же, уже погасшія, составляютъ обыкновенную, не радиоактивную матерію. Эти неизмѣримо малыя солнца представляютъ центры планетныхъ системъ, отдѣльныя части которыхъ могутъ вырваться изъ сферы взаимныхъ притяженій.

Супруги Кюри выражаютъ мнѣніе, что радиоактивный атомъ есть механизмъ, постоянно всасывающій извнѣ энергію, затѣмъ имъ излучаемую. При этомъ источники этой заимствуемой энергіи могутъ оставаться для насъ неизвѣстными, благодаря ограниченности нашихъ органовъ чувствъ. Съ такой точки зрѣнія радиоактивное тѣло есть не что иное какъ тѣло флюоресцирующее подѣ дѣйствіемъ неощущаемыхъ нами лучей. На сторонѣ этой гипотезы стоятъ Armstrong, Lowry, лордъ Kelvin. Эта гипотеза не объясняетъ превращаемости активныхъ тѣлъ, связанной

¹⁾ „Научное Слово“, 1903 г., кн. I, статья Н. Умова: Объемъ естественныхъ наукъ.

съ излученіемъ, и не объясняетъ различія между предполагаемой флюоресценціей и той, которая наблюдается подъ дѣйствіемъ свѣта; разница заключается въ томъ, что первая флюоресценція не зависитъ отъ температуры въ предѣлахъ отъ бѣлаго каленія до температуры жидкаго воздуха, что не имѣетъ мѣста для второй.

То же возраженіе можно сдѣлать и гипотезѣ „фосфоресценціи“, высказанной Беккерелемъ. Фосфоресценція есть явленіе излученія, продолжающееся долгое время послѣ устраненія лучей, его вызвавшихъ, и сопровождающееся матеріальными перемѣнами въ тѣлѣ.—Противъ этихъ гипотезъ можно сдѣлать еще одно возраженіе. Всего естественнѣе допустить, что неизвѣстные лучи, энергія которыхъ поглощается радиоактивными веществами, исходятъ изъ солнца. Какъ бы ни была велика способность этихъ лучей проникать черезъ тѣла, подвергаясь лишь незначительному поглощенію, ихъ ослабленіе при прохожденіи черезъ всю толщю земного шара должно было бы выразиться въ различіи излученій радія днемъ и ночью, что не подтверждается опытомъ.

Нернстъ высказалъ гипотезу „нейтроновъ“. Это два новыхъ химическихъ элемента, не подчиненныхъ всемірному тяготѣнію. Они обладаютъ тѣми свойствами, которыя приписываются положительнымъ и отрицательнымъ электрическимъ зарядамъ: подобные отталкиваются, разнородные притягиваются. Два разнородныхъ атома (положительный и отрицательный электроны) этихъ новыхъ элементовъ образуютъ нейтронъ, т.-е. электрически нейтральную, не имѣющую массы, молекулу. Эти нейтроны наполняютъ, подобно эфиру, все пространство; съ ними могутъ вступать въ химическое соединеніе другія тѣла, при чемъ послѣднія завладѣваютъ однимъ изъ атомовъ нейтрона въ то время, какъ другой выталкивается; выбрасываемые атомы нейтрона-электрона—и образуютъ излученія радиоактивныхъ тѣлъ. Противъ такой гипотезы говорить то, что истеченіе электроновъ не сопровождается всегда радиоактивности и что превращенія радиоактивныхъ веществъ тѣмъ отличаются отъ химическихъ реакцій, что не зависятъ отъ температуры. Положительные электроны легко вступаютъ въ соединеніе съ матеріальными атомами (продуктъ соединенія—электронидъ); между тѣмъ какъ отрицательные способны къ независимому существованію. Радиоактивныя тѣла были бы электронидами.

Въ пользу гипотезы атомныхъ превращеній, о которой упоминалось выше, говорить то обстоятельство, что спектры химическихъ элементовъ состоятъ изъ нѣсколькихъ свѣтлыхъ линий, что указываетъ на то, что на атомъ нельзя смотрѣть, какъ на однородный шарикъ; напротивъ, онъ состоитъ изъ ряда отдѣльных матеріальныхъ частицъ: атомъ можетъ поэтому распадаться, и выпавшія части образуютъ атомы новыхъ тѣлъ, что сказывается измѣненіемъ спектра; напримѣръ, гелій является продуктомъ распаденія радія. Присоединяя къ этому воззрѣнію теорію эволюціи элементовъ, по мнѣнію г-жи Curie, радиоактивныя тѣла принадлежатъ къ тѣмъ, эволюція которыхъ еще не закончилась. Въ пользу послѣдняго говоритъ ихъ значительный атомный вѣсъ; образованіе такихъ массивныхъ системъ должно было потребовать больше времени, чѣмъ тѣлѣ съ меньшимъ атомнымъ вѣсомъ. Между частями атомовъ должны дѣйствовать значительныя силы, такъ какъ мы знаемъ, что атомы не распадаются даже при высокой температурѣ Вольтовой дуги.

Такимъ образомъ, атомныя превращенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и радиоактивность не зависѣли бы отъ температуры. Самое распаденіе атомовъ могло бы происходить потому, что они представляютъ какъ бы сложныя системы съ солнцами, планетами и ихъ спутниками; ихъ движенія не установились, разстраиваются, при чемъ происходитъ перегруппировка тѣлъ.

Между матеріей и эфиромъ должна существовать связь, которая выражается въ явленіяхъ, называемыхъ нами электрическими; величина электрическаго заряда, извлекаемая нами изъ наблюдений, представляетъ собою мѣру такой связи. Каждой матеріальной частицѣ разъ навсегда приурочена опредѣленная связь съ эфиромъ, т.-е. опредѣленный электрическій зарядъ. По взгляду J. J. Thomson'a существуютъ двоякаго рода частицы, изъ коихъ однѣ имѣютъ массу въ 1000 разъ меньшую другихъ. При распаденіи атома, первыя, отрицательно наэлектризованныя (отрицательные электроны), направлялись бы въ пространство съ чрезвычайно большими скоростями, пронизывая тѣла, встрѣчающіяся на ихъ пути. Вторыя же, вырываясь изъ сферы дѣйствія атома, движутся медленно, не могутъ проникать черезъ плотныя тѣла, представляютъ собою подобіе газа, который осѣдаетъ на окружающихъ предметахъ и, продолжая распадаться, являются причиной такъ называемой наведенной, привитой радиоактивности, не зависящей отъ природы тѣхъ тѣлъ, которымъ она сообщается находящимися вблизи активными тѣлами. Распаденіе образовавшагося осадка является источникомъ потоковъ мелкихъ тѣлецъ, выводимыхъ и не выводимыхъ изъ своихъ путей дѣйствіемъ магнитовъ и электрическихъ зарядовъ (Becquerel). Все, что говоримъ о перестроеніи атома, какъ причинѣ радиоактивности, могло бы быть сказано о перестроеніи молекулы, и мы получили бы новую гипотезу; она не соотвѣтствовала бы однако дѣйствительности потому, что перестроеніе молекулы зависитъ отъ температуры, что показываютъ, наиримѣръ, аллотропическія состоянія вещества, которыми нельзя поэтому объяснять радиоактивность.

Вопросъ о громадномъ количествѣ тепла, выдѣляемомъ радіемъ, получилъ новое освѣщеніе въ работѣ Н. А. Гезехуса, помѣщенной въ журналѣ „Русскаго Физико-Химическаго Общества“ вып. 5, 1903 г. Въ ней показано что повышеніе температуры термометровъ, находящихся вблизи радія, не можетъ служить еще доказательствомъ тепловаго излученія радія, такъ какъ на поверхности резервуара термометра осаждается эманация радія, и нагрѣваніе термометра можетъ обуславливаться сгущеніемъ эманации и ея поглощеніемъ. Радій же, подобно испаряющемуся тѣлу, долженъ имѣть температуру болѣе низкую и поглощать тепло извнѣ. Что испусканіе эманации зависитъ отъ прилива тепла извнѣ, доказывается тѣмъ, что при нагрѣваніи соли радія до краснаго каленія выходитъ вся заключенная въ немъ эманация. Послѣ охлажденія эманация накапливается въ немъ только постепенно.

Обзоръ изслѣдованій по радиоактивности можно найти въ статьѣ P. Curie, помѣщенной въ „Journal de Chimie Physique“ за прошлый годъ, и на нѣмецкомъ языкѣ въ „Physikalische Zeitschrift“ за іюнь и іюль текущаго года. Много работъ посвящается въ настоящее время изслѣдованію радиоактивности цѣлебныхъ грязей, минеральныхъ водъ, воздуха на различныхъ высотахъ и глубинахъ земли. Загадочныя явле-

нія радіоактивності дають обильний матеріалъ для побудови очень смѣлыхъ предположеній не только профанами, но и професіональними учеными. Истекшимъ лѣтомъ во французскомъ астрономическомъ обществѣ Guillaume сдѣлалъ сообщеніе о явленіяхъ радіоактивності, при чемъ указалъ, что кромѣ теплоты, развивающейся въ небесныхъ тѣлахъ вслѣдствіе ихъ постепеннаго сгущенія, нужно принимать въ расчетъ и тепло, выдѣляемое въ громадномъ количествѣ отъ превращеній химическихъ атомовъ. Такого рода превращеніямъ при высокой (6,000°) температурѣ солнца должно быть подвержено, по его мнѣнію, несравненно большее число тѣлъ, чѣмъ наблюдаемое нами на землѣ. Такимъ образомъ въ природѣ открывается новый источникъ тепла, и человечество обязано открытіямъ Беккереля и супруговъ Кюри свѣтлымъ упованіемъ, что затуханіе солнца и угасаніе жизни на нашей землѣ отодвигаются на неизмѣримо далекое время.

Н. Умовъ.

Гроза и буря 16 іюня 1904 г. въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. 16 іюня текущаго года около 5 час. вечера съ юга на Москву надвинулись темныя грозовыя тучи, которыя раскинулись длинной лентой, охвативъ не только всю Москву, но и выйдя далеко за ея предѣлы. Гроза шла по направленію къ сѣверу, сопровождалась сильнымъ градомъ и страшной бурей, натворившей много бѣдъ и тѣмъ снискавшей себѣ такую популярность среди москвичей и жителей ближайшихъ окрестностей. По всей вѣроятности, эта буря была вызвана пронесшимся вихремъ, однимъ или нѣсколькими; возможно, что одинъ затухалъ и на мѣсто его почти сейчасъ же возникалъ ему подобный. Эти вихри на своемъ пути произвели страшное опустошеніе: крестьянскія избы мѣстами сметало до основанія, ломало и выворачивало съ корнемъ цѣлыя лѣсныя участки со всѣмъ разнообразіемъ древесныхъ породъ въ смыслѣ ихъ сопротивленія силѣ вѣтра; въ городѣ крыши были снесены, упали дымовыя трубы, рухнула цѣлая стѣна строящагося каменнаго двухъэтажнаго дома. Ширина полосы разрушенія была не велика, всего до 100 саж. при длинѣ въ нѣсколько десятковъ верстъ; направленіе ея точно такъ же—съ юга на сѣверъ, съ слабымъ отклоненіемъ къ востоку. Такое явленіе, конечно не могло не привлечь къ себѣ всеобщаго вниманія; наводились историческія справки, когда раньше наблюдалось что-либо подобное, и, повидимому, приходили къ заключенію, что такіе вихри раздѣляются въковыми промежутками.

Какъ же объяснить возникновеніе вихря, къ какому типу атмосферныхъ пертурбацій слѣдуетъ его отнести, и точно ли это такое рѣдкое для нашихъ широтъ явленіе? Читателямъ „Научнаго Слова“ укажу на мою небольшую замѣтку, помѣщенную въ хроникѣ книги X 1903 г. подъ заглавіемъ „Значеніе нѣкоторыхъ барометрическихъ колебаній“. Говоря тамъ о наиболѣе интересныхъ колебаніяхъ барометра, я не могъ умолчать о томъ очень глубокомъ скачкѣ барометра, который наблюдается при прохожденіи вихрей, называемыхъ „Tromben“ и „Tornados“. Вихрь 16-го іюня относится именно къ этому типу и можетъ служить для него прекрасной иллюстраціей.

Я сказалъ бы, что тромбы для нашихъ широтъ ужъ не такое рѣдкое явленіе, и вихрь 16-го іюня своей популярностью обязанъ, съ одной

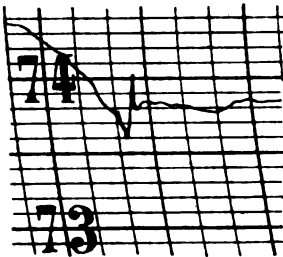
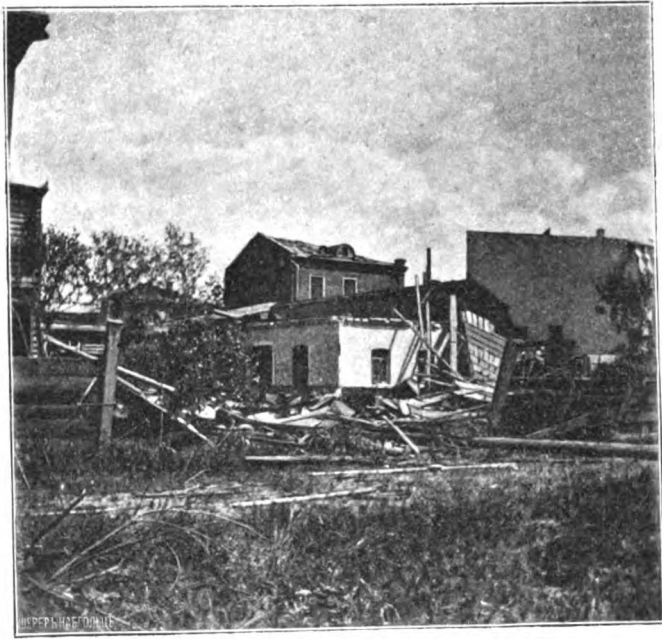

Рис. 2.

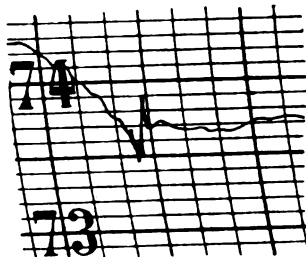

Рис. 3.

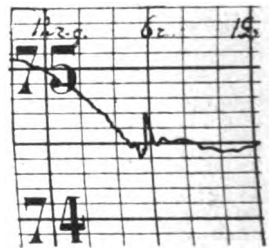

Рис. 5.

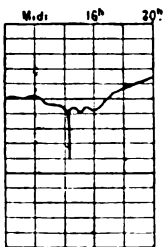

Рис. 1.

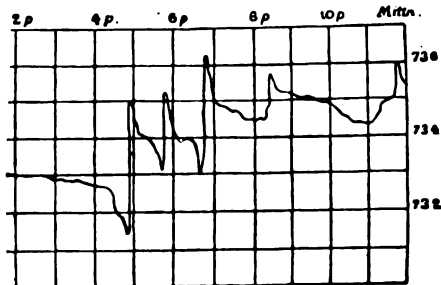

Рис. 6.

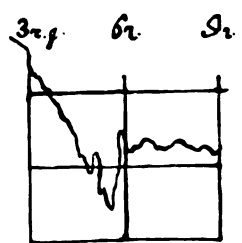

Рис. 4.

стороны, своей силѣ, а съ другой, и, пожалуй, главнымъ образомъ — тому, что онъ прошелъ цѣлымъ рядомъ очень заселенныхъ дачныхъ мѣстностей южнѣе Москвы, захватилъ восточный край Москвы и направился на сѣверъ, чтобы разрушить и тамъ рядъ дачныхъ поселковъ, не пощадивъ также общеизвѣстнаго сосноваго бора Сокольниковъ. Остался совершенно неотмѣченнымъ, на примѣръ, подобный вихрь въ Калужской губерніи, который, въ тотъ же день 16-го іюня, уничтожилъ на своемъ пути селцо Дуркино.

Такого рода вихри бываютъ чаще и сильнѣе въ Сѣверной Америкѣ, чѣмъ въ Европѣ, и наблюдаются они какъ тамъ, такъ и у насъ большей частью въ среднихъ широтахъ. Очень типичные тромбы въ Швеціи наблюдаются даже выше 60° с. ш. Направленіе движенія вихрей обычно съ ю.-з. на с.-в., иногда съ ю. на с., но никогда съ востока. Діаметръ вихря рѣдко превосходитъ 300 метровъ. Скорость движенія — около 40 килом. въ часъ, т.-е. вся разрушительная работа оканчивается менѣе чѣмъ въ полминуты. Сила ихъ громадна; извѣстенъ въ литературѣ случай, когда такимъ вихремъ былъ переброшенъ цѣлый домъ вмѣстѣ съ его обитателями. Въ Соединенныхъ Штатахъ они ежегодно приносятъ убытку, примѣрно, на три милліона долларовъ. Обыкновенно ихъ сопровождаютъ сильная гроза и градъ. Очень часто тромбы появляются группами; если одинъ затухаетъ, то другой возникаетъ здѣсь же, вблизи. При прохожденіи тромба иногда бываетъ слышенъ особый шумъ, который сравниваютъ со стукомъ желѣзныхъ прутьевъ, когда ихъ везутъ по неровной мостовой. Отчасти шумъ этотъ, конечно, можно объяснить столкновеніемъ между собой тѣхъ обломковъ, которые вихрь несетъ съ собой.

Вихреобразное движеніе воздуха въ тромбахъ чаще направлено противъ движенія стрѣлки часовъ, если смотрѣть на вихрь сверху, что обуславливается образованіемъ вихря вблизи барометрическаго minimum'a (циклона), имѣющаго подобное вихревое движеніе. Скорость воздушныхъ теченій колеблется отъ 45 до 250 метровъ въ секунду и даже иногда превосходитъ эту колоссальную величину. Этимъ вполне объясняется, почему тромбы производятъ такія страшныя опустошенія. Вслѣдствіе быстрого вращательнаго движенія воздуха, въ центрѣ вихря образуется сильное разрѣженіе, чѣмъ и обуславливается почти мгновенный скачокъ барометра при прохожденіи тромба. Чертежъ (1) даетъ кривую самопишущаго барометра при прохожденіи вихря черезъ станцію наблюденія (близъ Парижа). Благодаря такому сильному пониженію давленія воздуха, которое наступаетъ вдругъ, тамъ, гдѣ проходитъ центръ тромба, стѣны иногда падаютъ въ разныя стороны наружу за счетъ болѣе высокаго давленія внутри зданія, выскакиваютъ пробки, лопаются закрытые сосуды и проч. Такъ какъ разрушеніе производится не прямымъ потокомъ воздуха, а вихреобразнымъ, то поломанныя и вывороченныя съ корнемъ деревья бываютъ положены во всевозможныхъ направленіяхъ, и стволы наиболѣе упругихъ породъ успѣваютъ даже подвергнуться скручиванію и обнаруживаютъ такой неправильный изломъ.

Главной причиной образованія этихъ вихрей служить, повидимому, неустойчивое состояніе атмосферы, т.-е. слишкомъ высокая температура нижнихъ слоевъ сравнительно съ выше лежащими ¹⁾. По изслѣдованіямъ

¹⁾ Пониженіемъ температуры съ высотой болѣе 1° С. на 100 м.

въ Сѣверной Америкѣ, торнадо чаще бываетъ при довольно слабомъ южномъ теченіи воздуха въ нижнихъ слояхъ, когда выше, въ районѣ кучевыхъ облаковъ или надъ ними, устанавливается другое теченіе—холодное. Такія условія создаются въ юго-восточной части американскихъ циклоновъ, почему именно названная часть циклона и является обычно родиной вихрей этого типа и грозъ вообще. Вихрь 16 іюня тоже входилъ въ юго-восточную часть небольшого циклона. Возникаетъ вихрь въ районѣ облаковъ и отсюда опускается внизъ, образуя облачную воронку, причемъ не всегда достигаетъ земли; въ послѣднемъ случаѣ его разрушительная сила скажется лишь на нѣкоторой высотѣ. То или другое состояніе воздуха можетъ способствовать, или напротивъ, препятствовать тому, чтобы зародившееся вихревое движеніе достигло до самой земной поверхности: теплый и влажный воздухъ—наиболѣе благопріятная почва для тромба. Слѣдовательно, эти вихри рѣзко разнятся отъ общихъ съ ними по формѣ пылевыхъ вихрей, которые зарождаются въ сильно нагрѣтомъ воздухѣ у земной поверхности и быстро поднимаются снизу вверхъ.

Тромбы, какъ мы видѣли, имѣютъ очень небольшую площадь поперечнаго сѣченія, и весь районъ ихъ дѣйствія въ полномъ смыслѣ ограничивается лишь областью, захваченною вихревымъ движеніемъ. Въ прилегающихъ мѣстностяхъ, почти рядомъ съ полосой разрушенія, воздухъ остается спокойнымъ, и даже барограмма ¹⁾ не даетъ характернаго отпечатка пронесшагося по сосѣдству вихря. Обсерваторія Московскаго Межевого института находилась въ разстояніи, меньшемъ одной версты отъ пути вихря. Приведенная здѣсь барограмма этой станціи (рис. 2) имѣетъ лишь весьма характерные изгибы для проходившей надъ нею грозы. Слѣдовательно, барометръ не можетъ предчувствовать, а значить и предсказывать, приближеніе такихъ вихрей. Они являются такъ же неожиданно, какъ быстро проносятся. Одно, мнѣ кажется, можно сказать: тромбы рѣдки при высокомъ и низкомъ положеніи барометра, а обычно появляются при среднемъ давленіи.

Барометрическая кривая Константиновскаго Межевого института представляетъ особенно отмѣтить эту дѣйствительно рѣдкую для насъ грозу съ такимъ глубокимъ паденіемъ, а затѣмъ высокимъ подъемомъ барометра. Обычно колебаніе барометра при грозахъ выражается въ десятыхъ доляхъ миллиметра и лишь изрѣдка превышаетъ 1 мм. Гроза 16 іюня дала скачокъ въ 4 мм. Кромѣ того, она сопровождалась сильнымъ градомъ, достигавшимъ величины куриного яйца и даже болѣе, — размѣры необычны не только для насъ, но и для мѣстностей съ болѣе сильными и частыми грозами. Не менѣе интересна для той же грозы барограмма Института Физической Географіи Императорскаго Московскаго университета (рис. 3). Она даетъ въ нижней части грозовой извилины два почти мгновенныхъ паденія и подъема барометра, правда неглубокихъ, которые, можетъ быть, явились отпечаткомъ недоразвившихся вихрей. Изъ этой барограммы въ связи съ первой видно, что гроза была одинакова интенсивна на большомъ разстояніи. Повидимому, она долго не ослабѣвала при дальнѣйшемъ своемъ передвиженіи на сѣверъ, о чемъ можно судить по барограммѣ Сельскохозяйственнаго института въ Разу-

¹⁾ Кривая самопишущаго барометра.

мовскомъ приблизительно въ 8 верстахъ отъ Москвы (рис. 4) и одной частной станціи въ 20 верстахъ отъ Москвы на сѣверъ (рис. 5). Насколько интересны и рѣдки въ нашихъ широтахъ такія грозы, можно заключить изъ того, что извѣстный климатологъ Нанп въ своемъ основномъ курсѣ „Lehrbuch der Meteorologie“ приводитъ барограмму (рис. 6), полученную при прохожденіи грозы надъ Градомъ, гдѣ грозы гораздо чаще, чѣмъ у насъ, и отмѣчаетъ ее, какъ весьма замѣчательную по своей формѣ и глубинѣ скачковъ. Размѣры колебанія каждаго изъ трехъ скачковъ, обусловленныхъ тремя слѣдовавшими одна за другой грозами, какъ видно, не превышаютъ 3,5 мм. Первая изъ этихъ грозъ сопровождалась сильнымъ градомъ.

Г. Рахмановъ.

Новости иностранной литературы и журналистики. Для того чтобы лишній разъ убѣдиться въ томъ, какимъ разнообразіемъ, доходящимъ подчасъ до пестроты и соединенія самыхъ разнохарактерныхъ, противорѣчивыхъ элементовъ и оттѣнковъ, отличается современная драматическая литература главнѣйшихъ западно-европейскихъ странъ, достаточно бросить взглядъ на всѣ сколько нибудь замѣчательныя пьесы, появившіяся за болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Мы увидимъ тогда, что въ наши дни не можетъ быть и рѣчи о цѣльности или единствѣ репертуара, о рѣшительномъ преобладаніи того или другого жанра—или ясно выраженномъ направленіи вкусовъ публики... Пьесы идейныя и психологическія, рѣзко тенденціозныя и философскія, навѣяныя символизмомъ и чисто бытовыя, фантастическія и полныя юмора, религіозныя и социалистическія, смѣняютъ одна другую, иногда на тѣхъ же самыхъ подмосткахъ! Получается впечатлѣніе смутныхъ исканій чего-то новаго и свѣжаго, борьбы между разнообразными направленіями и вкусами, столкновенія старыхъ, традиціонныхъ формъ и приемовъ съ новыми, отчасти—нѣкоторой путаницы или хаоса.

Разобраться во всемъ этомъ бываетъ иногда довольно трудно. Любопытно, что это состояніе драматической литературы, — да ея ли одной,—нѣсколько лѣтъ тому назадъ, казалось характернымъ признакомъ „конца вѣка“, переходной, неуравновѣшенной, полной всевозможныхъ контрастовъ и крайностей эпохи... Но и за грань XX столѣтія перешло это неопредѣленное, нѣсколько хаотическое состояніе, во всякомъ случаѣ—не лишенное интереса для критика или историка литературы, такъ какъ наряду съ отдѣльными неудачными, безцвѣтными или вымученными произведеніями, приходится встрѣчать и много характернаго, своеобразнаго, оставляющаго впечатлѣніе.

Если мы ограничимъ нашъ обзоръ какою-нибудь одною литературою, напр., нѣмецкою, и посмотримъ, какія пьесы сдѣлались за послѣдніе мѣсяцы достояніемъ публики въ Германіи и Австріи, прошли съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ или были напечатаны отдѣльнымъ изданіемъ, намъ опять представится картина большого разнообразія, во всякомъ случаѣ, заслуживающая вниманія и заключающая въ себѣ обильный матеріалъ для критическихъ оцѣнокъ и обобщеній. Чего только нѣтъ въ спискѣ новинокъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ сценъ! Какія только драматическія произведенія не фигурировали за эти полгода на театральныхъ подмосткахъ Берлина, Вѣны, Мюнхена, Дрездена, Лейпцига,

Нюрнберга, Франкфурта, Бремена, Гамбурга, Штутгарта и др.! Можно было думать, что, напримѣръ, пьесы съ историческими сюжетами, сравнительно, выходятъ теперь изъ моды; но вотъ, какъ нарочно, нѣсколько вещей, переносащихъ насъ въ болѣе или менѣе отдаленную эпоху. Такъ, Вильгельмъ Вейгандъ въ своей трагедіи *Tessa*, написанной нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но только теперь проникшей на сцену, переноситъ насъ въ Италію эпохи Возрожденія, стараясь передать, со всѣми деталями и отбѣнками, отличный характеръ того времени, итальянскую жизнь, природу, національныя особенности, художественныя и историческія реминисценціи, иногда даже въ ущербъ разработкѣ основной фабулы... Пора, непосредственно слѣдовавшая за эпохою Возрожденія, отразилась въ драмѣ начинающаго писателя Феликса Конкиля, *Des Thoren Thränen*, сюжетъ которой не отличается новизною; здѣсь выступаетъ герцогъ флорентинскій Александръ, представитель деспотической власти, распущенности, самомнѣнія и грубаго матеріализма, и его двоюродный братъ Лоренцо, человѣкъ съ болѣе тонкою, отзывчивою и благородною натурою, лишенный, однако, силы воли, энергіи и выдержки. Обрисовывая эти два характера, Конкиль старается вмѣстѣ съ тѣмъ воспроизвести итальянскую жизнь той эпохи, передать мѣстный колоритъ, отбѣнить тотъ распущенный и безпринципный духъ, который царитъ при дворѣ герцога.

Нряду съ подобными пьесами, возсоздающими болѣе или менѣе отдаленную эпоху, мы находимъ отдѣльныя произведенія, переносащія насъ въ еще болѣе древнюю и своеобразную пору: это—драмы и трагедіи изъ библейской исторіи. Нельзя вполнѣ отнести къ ихъ числу пьесу Адольфа Пауля, *David und Goliath*, несмотря на то, что ея заглавіе тотчасъ напоминаетъ намъ о Библии, и самый сюжетъ, повидимому, представляетъ собою только развитіе извѣстнаго повѣствованія объ единоборствѣ молодого, отважнаго пастуха съ великаномъ Голиаѳомъ. Адольфъ Пауль, финляндецъ, пишущій свои произведенія по-нѣмцѣи, хотѣлъ косвенно затронуть въ своей пьесѣ современную жизнь, посягая надъ преклоненіемъ передъ героями, иногда—безусловно мнимыми, и надъ самомнѣніемъ послѣднихъ, заставляющимъ ихъ принимать, какъ должное, всѣ похвалы и лестные отзывы, даже если все это совершенно не заслужено ими. Подобное вторженіе современнаго элемента въ древне-библейскую обстановку, превращеніе пьесы съ такимъ заглавіемъ въ *сатиру* съ отголосками окружающей дѣйствительности, можетъ, конечно, показаться неожиданнымъ и страннымъ... Но дѣло въ томъ, что одною изъ особенностей историческихъ романовъ и пьесъ въ наши дни зачастую является именно соединеніе стараго съ новымъ, какъ бы извѣстное приспособленіе взятаго изъ другой эпохи сюжета къ потребностямъ и вкусамъ новѣйшаго времени, склонность проводить нѣкоторыя аналогіи, прибѣгать въ иныхъ случаяхъ къ чему-то вродѣ маскированія отнюдь не историческихъ фактовъ и отношеній... Это мы видимъ отчасти и въ „*Des Thoren Thränen*“, и въ „*Les amants byzantins*“ Гюга Леру, и въ драмѣ Жака Ришпена „*La reine de Туг*“, и въ „*Геростратъ*“ Фульда, чтобы не говорить о многихъ другихъ произведеніяхъ. Желательно ли въ принципѣ подобное явленіе, или нѣтъ, это, конечно, вопросъ другой...

Если „*Давидъ и Голиаѳъ*“ не подходитъ, по своему общему духу,

къ типу библейской драмы, то не болѣе какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ на сценѣ главнаго дрезденскаго театра поставлена была пьеса Эбергарда Кёнига, *König Saul*, переносищая насъ опять въ ту же эпоху и обстановку, но уже свободная отъ примѣси обличительнаго, сатирическаго и вообще—современнаго элемента. Трагедія Кёнига, заключающая въ себѣ немало эффектныхъ и благодарныхъ сценъ, замѣчательна, прежде всего, въ психологическомъ отношеніи. Авторъ видитъ въ Саулѣ и Давидѣ представителей двухъ міросозерцаній, двухъ несходныхъ и взаимно исключаютыхъ одна другую натуръ; Давидъ — талантливый, вдохновенный, полный поэтическихъ грезъ и порывовъ юноша, который невольно покоряетъ всѣхъ, приобретаетъ общую симпатію, чья душа, не довольствуясь житейскими дѣлами, почестями, славою, охотно витаетъ въ мірѣ поэзіи и всего таинственнаго, возвышеннаго; Саулъ—человѣкъ съ нѣкоторыми хорошими задатками, желаніемъ приносить пользу, стремленіемъ привязаться къ кому нибудь, по-своему любящій Давида,—вначалѣ не способный, однако, подняться надъ пошлостью жизни, подавить въ себѣ недостойную подозрительность, зависть, боязнь утратить свой престолъ—и только съ теченіемъ времени приходящій къ сознанию, что нужно покориться, отказаться отъ борьбы съ тѣмъ, что неизбежно, такъ какъ послано Богомъ и не можетъ быть измѣнено людьми...

Придерживаясь, въ общемъ, библейскаго разсказа, драматургъ, удѣляющій всего болѣе вниманія психологическому анализу, изобразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько очень сильныхъ и захватывающихъ ситуаций, которыя заставляютъ съ интересомъ слѣдить за развитіемъ фабулы, какъ бы она ни была намъ знакома съ самаго начала. Наряду съ пьесою Кёнига отмѣтимъ, чтобы покончить съ этою категоріей драматическихъ произведеній, одноактную драму писательницы Ненни Раче *Belsazar*, представляющую собою новый опытъ обработки разсказа о гибели Валтасара, причемъ автору удалось сдѣлать свою небольшую пьесу интересною и потрясающею, хотя ограниченные размѣры не дали ему возможности вполне исчерпать или по-новому освѣтить безусловно благодарный сюжетъ.

Переходя къ другимъ разрядамъ новыхъ нѣмецкихъ пьесъ, къ тѣмъ драмамъ и комедіямъ, которыя тѣсно связаны съ современною дѣйствительностью, мы, конечно, не будемъ останавливаться на такихъ произведеніяхъ, которыя представляютъ развѣ только интересъ курьеза, вроде драмы начинающаго автора Рудольфа Бергера *Die Scholle*, претендующей на изображеніе русской и сибирской жизни, но не поднимающейся выше обычнаго уровня такого рода минно-этнографическихъ вещей, или пьесы Бѣтхера *Sirenen-schlängen*, сюжетъ которой навѣянь, какъ указываетъ самъ авторъ, „одной тургеневской повѣстью“, именно „Дымомъ“, причемъ однако вся бытовая или идейная сторона отпала, и осталась только романическая завязка, нѣсколь ко передѣланная и развита нѣмецкимъ драматургомъ, взглянувшимъ на нее исключительно съ точки зрѣнія сценичности и пригодности для обработки въ драматической формѣ.

Несомнѣнный интересъ представляютъ, наоборотъ, тѣ пьесы, въ которыхъ изображаются взаимныя отношенія или открытая борьба двухъ поколѣній, отцовъ и дѣтей, не понимающихъ другъ друга, отстаивающихъ два противоположныхъ міросозерцанія, доходящихъ не-

рѣдко до полного разрыва. Въ чисто художественномъ отношеніи далеко не всѣ эти пьесы представляютъ собою что-нибудь выдающееся, но онѣ все же принадлежатъ къ числу тѣхъ вещей, которыя заслуживаютъ вниманія критики, такъ какъ вызываютъ толки, споры и даютъ намъ понятіе о различныхъ отбѣнкахъ и теченіяхъ, уживающихся въ современномъ нѣмецкомъ обществѣ. Не всѣ писатели обладаютъ, конечно, достаточнымъ безпристрастіемъ и чувствомъ мѣры, чтобы вполне объективно охарактеризовать представителей обоихъ поколѣній, какъ это сдѣлалъ, напр., Тургеневъ въ „Отцахъ и дѣтяхъ“. Иные изъ нихъ, сочувствуя молодежи и ея стремленіямъ, изображаютъ стариковъ безусловно антипатичными, нарочно сгущая краски и стараясь вызвать въ насъ отвращеніе ко всей этой группѣ дѣйствующихъ лицъ.

Изъ пьесъ, затрогивающихъ этотъ антагонизмъ между двумя поколѣніями, назовемъ, на примѣръ, драму Эрнста Гардта *Der Kampf ums Rosenrote*. Здѣсь старое начало, семейный деспотизмъ, буржуазныя взгляды воплощаются въ лицѣ банкира Бергена, не дурного по натурѣ человѣка, который однако не хочетъ или не можетъ понять мысли и стремленія своихъ дѣтей, готовъ разбить ихъ жизнь, утратить ихъ любовь, только бы поставить на своемъ и устроить ихъ судьбу такъ, какъ онъ считаетъ наиболѣе желательнымъ. Онъ отталкиваетъ этимъ отъ себя своего сына, который порываетъ всѣ связи съ отцовскимъ домомъ, избираетъ свой особый путь, смѣло идетъ на лишенія и невзгоды, отказавшись отъ денежной помощи отца и участія въ его дѣлахъ, выносить много тяжелаго и мучительнаго и, наконецъ, выбивается на болѣе широкую дорогу, наглядно показывая несостоятельность предсказаній и безапелляціонныхъ приговоровъ отца. Болѣе печальная и безотрадная участь выпадаетъ на долю его сестры, которой, какъ женщинѣ, гораздо труднѣе вести борьбу со старымъ началомъ; она не можетъ выйти за любимаго ею человѣка, такъ какъ онъ является сторонникомъ социалистическихъ идей, которыя приводятъ въ ужасъ банкира Бергена, и принуждена стать женою того, кого совершенно не любитъ, кто ей глубоко антипатиченъ, — подъ давленіемъ отца и окружающей среды...

Вотъ другая среда, гдѣ разыгрывается все та же старая, но вѣчно новая исторія: въ своей драмѣ *Die Gerechten* Юліусъ Кохъ переноситъ насъ въ міръ духовенства, опять изображая антагонизмъ между старымъ поколѣніемъ и молодежью. Онъ выводитъ священника, который считаетъ себя строго религіознымъ человѣкомъ, истиннымъ выразителемъ христіанскаго ученія, и, между тѣмъ, отнюдь не проникнуть духомъ любви, милосердія, всепрощенія, способенъ при случаѣ обнаружить большую черствость души, прямолинейность и жестокость... Онъ ставитъ выше всего толкованіе догматовъ, хочетъ показать себя глубокимъ, свѣдущимъ богословомъ, произноситъ рѣшительные, категорическіе приговоры и находитъ убѣжденныхъ, полныхъ благоговѣнія почитателей, считающихъ его праведникомъ, чуть не святымъ. Его сынъ представляетъ собою полную противоположность отцу: онъ одаренъ чуткою, отзывчивою, увлекающеюся натурою, стремится приносить пользу, ищетъ живой, захватывающей дѣятельности, высоко ставитъ свободу и независимость своей личности и своего мышленія. Отецъ считаетъ его безповоротно погибшимъ, особенно съ той поры, когда тотъ отказывается стать духовнымъ лицомъ, какъ это предполагалось съ самаго

начала, и заявляетъ, что намѣренъ избрать себѣ другого рода дѣятельность... Но симпатіи автора всецѣло на сторонѣ этого молодого чело-вѣка, который во многихъ отношеніяхъ стоитъ гораздо выше отца; въ концѣ пьесы нетерпимый и полный фарисейскаго, напускнаго благочестія старикъ оказывается посрамленнымъ, и авторъ заставляетъ его неожиданно испытать раскаяніе, почувствовать потребность въ обновленіи, проникнуться истиннымъ духомъ христіанской гуманности.

Если имена Гардта и Коха ничего не говорятъ русскому читателю, то нельзя сказать того же объ имени Георга Гиршфельда, автора „Матерей“, и „Молодого Гольднера“ одного изъ популярныхъ нѣмецкихъ драматурговъ нашего времени. Изъ-подъ пера Гиршфельда вышла недавно драма *Nebenelwander*, представляющая собою отчасти тоже лишнюю вариацию на тему о взаимныхъ отношеніяхъ отцовъ и дѣтей. Сынъ главнаго героя этой драмы, служащаго въ большомъ торговомъ домѣ, покидаетъ родное пепелище, отстаивая свою самостоятельность въ дѣлѣ устройства своей судьбы, въ выборѣ занятій, наконецъ,—въ своей сердечной жизни. Ему суждено вернуться домой много лѣтъ спустя, чтобы застать отца въ критическомъ, безвыходномъ положеніи. Стремясь жить широко и по возможности исполнять всѣ капризы и прихоти своей молодой жены, послѣдній давно уже началъ, тайкомъ отъ нея, тратить съ этою цѣлью такіа деньги, которыхъ онъ не имѣлъ никакого права касаться, растрчивать постепенно капиталы, довѣренные ему фирмой, у которой онъ состоялъ на службѣ. Такъ проходили годы, пока, наконецъ, его честность и добросовѣстность не были заподозрѣны, и отъ него не потребовали вдругъ немедленнаго обстоятельнаго отчета...

Сознавая, что всякая провѣрка его дѣятельности навлечетъ на его голову позоръ, чувствуя весь ужасъ своего положенія, герой пьесы предается безысходному отчаянію, но все же не рѣшается открыть всю правду своей женѣ. Одно время намъ кажется, что сыну удастся его уговорить, вернуть ему мужество, помочь ему—сдѣлать все, что въ его власти, для исправленія долготѣней вины, со всѣми ея послѣдствіями. Затѣмъ малодушіе и страхъ снова берутъ верхъ въ душѣ растерявшагося и сбитаго съ позиціи чело-вѣка, и онъ лишаетъ себя жизни, такъ какъ не въ силахъ взглянуть прямо въ лицо опасности,—до самаго конца такъ и не открываетъ свою тайну женѣ!.. Такимъ образомъ перевѣсь и въ этомъ случаѣ оказывается на сторонѣ молодого поколѣнія; блудный сынъ усовѣщиваетъ и ободряетъ своего отца, который прибѣгаетъ все же къ самоубійству, малодушно спасаясь отъ гнетущей отвѣтственности и предоставляя молодому чело-вѣку выпутываться послѣ его смерти, какъ онъ знаетъ, изъ этого стѣсеннаго, поистинѣ драматическаго положенія...

Въ пьесѣ Юліуса Коха, о которой у насъ шла рѣчь выше, наряду съ борьбою между отцами и дѣтьми, обрисовывались, какъ мы видѣли, фарисейская набожность и душевная черствость старика - священника, оттолкнувшая отъ него проникнутаго другими взглядами сына. Въ этомъ отношеніи „Die Gerechten“ можно сопоставить съ драмой Антона Огорна *Die Brüder von St. Bernhard*, изображающей замкнутый, своеобразный, но видимо хорошо знакомый автору міръ. Герой этой драмы, молодой монахъ, еще не произнесшій окончательнаго, безповоротнаго обѣта, согласился удалиться отъ міра и схоронить свою молодость въ стѣнахъ

обитатели подъ вліяніемъ семейныхъ обстоятельствъ, просьбъ, угрозъ и давленія со стороны родителей, желавшихъ, во что бы то ни стало, видѣть его духовнымъ лицомъ. Онъ не находитъ однако въ монастырскихъ стѣнахъ ни настоящей религіозности, въ высшемъ смыслѣ слова, ни смиренія и кротости, входящихъ въ составъ монашескаго идеала. Чѣмъ-то суровымъ и непримиримымъ вѣетъ отъ той среды, съ которою становится герой драмы. Всякое проявленіе индивидуальности и самобытности съ его стороны вызываетъ категорическій отпоръ. Отъ него требуютъ только безусловнаго послушанія, не считаясь съ его молодого, кипучею, полною жизни натурою. Вскорѣ ему приходится убѣдиться въ томъ, что руководители той общины, съ которою онъ долженъ навсегда связать себя, способны при случаѣ обнаружить настоящую жестокость, что духъ гуманности, милосердія, терпимости имъ совершенно чужды. Тогда въ его душѣ происходитъ окончательный переломъ, подготовлявшійся тѣмъ, что ему пришлось ранѣе испытать и видѣть: когда наступаетъ время произнести окончательный обѣтъ, онъ неожиданно отказывается сдѣлать это, въ самый день, назначенный для этой церемоніи, и покидаетъ монастырскія стѣны, чтобы искать на свободѣ такой дѣятельности, которая больше подойдетъ къ его вкусамъ и способностямъ. Въ пьесѣ Огорна есть отдѣльныя весьма сильныя и эффектныя сцены; независимо отъ этого, драма интересна и въ чисто бытовомъ отношеніи, такъ какъ написана съ видимымъ знаніемъ среды и обстановки, — ее можно сравнить съ нѣкоторыми романами и повѣстями нашихъ дней, въ которыхъ тоже обрисовывается монастырскій бытъ или судьба людей, порвавшихъ съ нимъ, въ поискахъ новой жизни.

Двѣ-три пьесы переносятъ насъ въ міръ студентовъ, который также былъ затронутъ за послѣднее время въ нѣкоторыхъ беллетристическихъ произведеніяхъ, притомъ иногда съ видимымъ желаніемъ подвергнуть его нравы и житейскія правила извѣстной критикѣ. Сравнительно слабѣе написана пьеса Пауля Грабейна, съ характернымъ заглавіемъ *Frei ist der Bursch*. Авторъ отбвняетъ только одну сторону студенческой жизни, — веселія сборища, попойки, дуэли, — оставляя безъ вниманія чисто университетскій, научный, культурный элементъ ея. Онъ заставляетъ своего героя устроить шумную пирушку, напиться пьянымъ, оскорбить въ полубезсознательномъ состояніи какого-то офицера и получить вслѣдствіе этого вызовъ на дуэль. Слѣдуя правиламъ студенческаго кодекса, онъ, конечно, считаетъ себя обязаннымъ драться на дуэли, хотя, придя въ себя и отрезвившись окончательно, не можетъ даже хорошенько вспомнить, какъ все это произошло... Передъ самымъ поединкомъ онъ попадаетъ однако въ родительскій домъ, присутствуетъ на семейномъ торжествѣ, поражаетъ всѣхъ своимъ грустнымъ видомъ; когда случайно открывается вся эта глупая исторія, его отецъ такъ обстоятельно и съ такимъ увлеченіемъ доказываетъ ему всю безцѣльность и бессмысленность дуэлей, въ особенности такихъ, какъ эта, что молодой человѣкъ рѣшается отказаться отъ поединка, хотя и знаетъ, что навлечетъ этимъ на себя насмѣшки, оскорбленія и преслѣдованія со стороны товарищей, которые заклеймятъ его поступокъ именемъ трусости, малодушія, измѣны своимъ правиламъ, — что и происходитъ на дѣлѣ.

Эта пьеса принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые могутъ представить нѣкоторый интересъ только въ бытовомъ отношеніи, но не способны

захватить зрителя, такъ какъ авторъ не обладаетъ достаточно яркимъ и сильнымъ дарованіемъ. Гораздо выше стоитъ одноактная драма начинающаго драматурга Штурма *Für die Farben*, воссоздающая тотъ же самый бытъ и, пожалуй, тоже нѣсколько односторонняя. Въ тѣсныя рамки одного акта авторъ, дѣйствительно, сумѣлъ заключить цѣлую драму, которая производитъ такое же сильное и потрясающее впечатлѣніе, какъ, напримѣръ, „Fritzchen“ Зудермана. Герой пьесы, студентъ Штюмеръ, долженъ драться на дуэли, такъ какъ въ его присутствіи заочно оскорбляютъ молодую дѣвушку, бывшую его подругою и по-своему искренно любившую его, несмотря на то, что, подъ давленіемъ обстоятельствъ, ей пришлось пасть довольно низко и, повидимому, утратить чистоту и непосредственность чувства. Но пьеса кончается не дуэлью, а самоубійствомъ Штюмера... Чѣмъ же объясняется подобная развязка? Во всякомъ случаѣ — не трусостью студента, даже не отрицательнымъ отношеніемъ его къ дуэли вообще! Онъ падаетъ жертвою горячей привязанности къ своей корпораціи и ея отличительнымъ цвѣтамъ. Товарищи вполне одобряютъ его рѣшеніе драться на дуэли, разъ оскорбляютъ его возлюбленную, но, въ то же время, они считаютъ, въ принципѣ, подобную связь съ дѣвушкой легкомысленнаго поведенія позорящею доброе имя всей корпораціи и вслѣдствіе этого исключаютъ Штюмера изъ своей среды, независимо отъ того, каковъ будетъ исходъ поединка... Молодой человѣкъ, необыкновенно дорожившій правомъ носить студенческую шапочку и ленту своей любимой корпораціи, считаетъ себя опозореннымъ и лишаетъ себя жизни, не дожидаясь дуэли... Такимъ образомъ и здѣсь, какъ и въ романѣ Рудольфа Гуха „Hans der Träumer“, затрагиваются и косвенно подвергаются критикѣ (хотя авторъ, быть можетъ и не имѣлъ этого въ виду), тѣ взгляды и предрасудки, которые съ давнихъ поръ держатся въ кругу нѣмецкихъ студентовъ, налагая свою печать на ихъ поступки, иногда стѣсняя свободу личности.

Мірѣ тружениковъ, людей, въ потѣ лица добывающихъ себѣ кусокъ хлѣба и обреченныхъ на всевозможныя лишения и невзгоды, отразился въ нѣсколькихъ пьесахъ, шедшихъ за послѣднее время въ Германіи и Австріи. Упомянемъ, напримѣръ, о драмѣ изъ народной жизни Юліуса Ганса-Лудасси *Der Goldene Boden*, шедшей весною въ Вѣнѣ. Авторъ этой драмы, нѣсколько лѣтъ назадъ, выступилъ съ пьесой „Der letzte Knopf“, написанной въ строго реалистическомъ духѣ и вызвавшей много шума и споровъ; въ ней изображались страданія рабочихъ, занятыхъ выдѣлкою и пришиваніемъ перламутровыхъ пуговицъ, дышащихъ постоянно ядовитою пылью отъ раковинъ, заболѣвающихъ, подъ вліяніемъ своей работы, особливо мучительною болѣзною и вообще живущихъ среди вѣчной нужды и страданій. Въ своей новой пьесѣ Ганс-Лудасси затрагиваетъ въ такомъ же духѣ бытъ портныхъ, создавая подчасъ довольно захватывающія, полныя драматизма ситуаціи. Болѣе сложную задачу поставилъ себѣ Германъ Фаберъ, выступившій съ пьесой изъ быта рабочихъ и пролетаріевъ *Maria und Eva*. Онъ хотѣлъ изобразить борьбу различныхъ направленій и теченій въ этомъ мірѣ. Главнѣйшій герой, рабочій Веберъ, можетъ быть названъ типомъ интеллигентнаго, честнаго и стремящагося къ самосовершенствованію труженика нашихъ дней. Рядомъ съ нимъ мы видимъ два женскихъ образа: его жену Марію и бывшую возлюбленную Еву, изъ которыхъ первая является прежде

всего любящую, самоотверженною матерью и, съ другой стороны, отличается религіозностью, вторая надѣлена въ пьесѣ страстною, чувственною, даже распущенною натурою — и въ то же время по волѣ автора, сочувствуетъ социаль-демократіи. Пьеса изобилуетъ весьма благодарными сценами и представляетъ, въ общемъ, значительный интересъ, какъ бытовая картина, хотя, быть можетъ, автору не вполне удалось охватить современное положеніе трудящагося класса и сдѣлать двухъ своихъ героинь какъ бы символами или воплощеніями двухъ противоположныхъ міросозерцаній.

Юрій Веселовскій.

Соціальныя причины паденія античной культуры. (Переведено съ нѣмецкаго Е. С. Петрушевской подъ редакціей проф. Д. М. Петрушевскаго).

Римская Имперія погибла не отъ какихъ-либо внѣшнихъ причинъ — не отъ численнаго превосходства своихъ враговъ, не отъ недостатка способностей у своихъ политическихъ руководителей. Въ послѣдній вѣкъ существованія Римской Имперіи у нея были свои „железные канцлеры“: во главѣ ея стояли такія героическія фигуры, какъ Стилихонъ, соединившій въ себѣ германскую силу характера со способностью къ тонкой дипломатіи. Почему же они не могли сдѣлать того, что удалось нечесанымъ неучамъ меровингской, каролингской и саксонской династій, которые сумѣли справиться съ сарацинами и гуннами? Имперія давно была уже не та; она распалась не отъ какого-нибудь внезапнаго сильнаго потрясенія. Переселеніе народовъ скорѣе завершило давно начавшійся процессъ. Но прежде всего *культура* древняго Рима пришла въ упадокъ не вслѣдствіе распаденія *Имперіи*. Римская Имперія, какъ политическое цѣлое, на нѣсколько вѣковъ пережила ея расцвѣтъ — къ тому времени онъ ужъ давно миновалъ. Уже въ началѣ третьяго вѣка умолкла римская литература. Юриспруденція и юридическія школы пришли въ упадокъ. Греческая и латинская поэзія спали мертвымъ сномъ. Исторіи почти не существовало, и даже надписи начинали безмолвствовать. Латинскій языкъ былъ близокъ къ полному вырожденію. Когда, полтора вѣка спустя, съ низложеніемъ послѣдняго императора формально прекращается существованіе Западной Римской Имперіи, то получается впечатлѣніе, что по существу варварство одержало побѣду гораздо раньше. И переселеніе народовъ не создало никакихъ вполне новыхъ отношеній на почвѣ распавшейся Имперіи; меровингская монархія, по крайней мѣрѣ въ Галліи, носитъ первое время всѣ черты римской провинціи. Итакъ, возникаетъ вопросъ: отчего же *померкла культура* античнаго міра?

Обыкновенно приводятся разнообразныя объясненія, частью совершенно ошибочныя, частью указывающія правильную точку зрѣнія, но въ ложномъ освѣщеніи.

Говорится, что деспотизмъ своимъ гнетомъ губительно подѣйствовалъ на психику людей античнаго міра, на ихъ государственную жизнь и культуру. Но деспотизмъ Фридриха Великаго былъ предвѣстникомъ духовнаго подъема.

Говорится, что будто роскошь и безнравственность высшихъ классовъ общества навлекли на голову древнихъ приговоръ исторіи. Но и

то, и другое только симптомы. Нѣчто несравненно болѣе крупное, чѣмъ грѣхи отдѣльныхъ лицъ, послужило, какъ мы увидимъ, причиной паденія античной культуры.

Говорится, что эмансипація римской женщины и ослабленіе брачныхъ узъ въ средѣ правящихъ классовъ подорвали основы общества. Что сочинилъ тенденціозный реакціонеръ Тацитъ о германской женщинѣ, этомъ выючномъ животномъ воинственнаго землепашца, то повторяютъ за нимъ теперь люди однихъ съ нимъ воззрѣній. На самомъ дѣлѣ пресловутая „германская женщина“ такъ же мало рѣшила побѣду германцевъ, какъ пресловутый „пруссійскій учитель“ повліялъ на исходъ битвы при Кениггрецѣ. Мы увидимъ потомъ, что скорѣе *возстановленіе* семьи въ *нижнихъ* слояхъ общества стоитъ въ связи съ паденіемъ античной культуры.

Еще изъ древности раздается голосъ Плинія: „*Latifundia perdidere Italiam*“. Итакъ, говорятъ одни, юнкеры погубили Римъ. Да, говорятъ другіе, но только потому, что они были подорваны ввозомъ иностраннаго хлѣба: если бы тамъ былъ примѣненъ проектъ Каница, то цезари и до сего времени сидѣли бы на своемъ престолѣ. Мы увидимъ, что первый шагъ къ *возстановленію крестьянскаго* сословія сдѣланъ одновременно съ паденіемъ античной культуры.

Чтобы была на лицо и „дарвинистическая“ гипотеза, одинъ изъ новѣйшихъ историковъ говорить: подборъ, который совершался при помощи рекрутскаго набора и осуждалъ сильнѣйшихъ на безбрачіе, привелъ къ вырожденію античной расы. Мы увидимъ, что скорѣе все болѣе и болѣе входившее въ обычай пополненіе войска *изъ ея же собственной среды* идетъ рука объ руку съ паденіемъ Римской Имперіи.

Но довольно. Только одно еще замѣчаніе передъ тѣмъ, какъ приступить къ дѣлу.

Для лектора очень выгодно, когда, слушая его, аудиторія чувствуетъ: *de te narratur fabula*, и когда онъ можетъ закончить словами: *discite moniti*. Послѣдующее изложеніе лишено этого преимущества. Насъ съ нашими современными социальными проблемами древняя исторія ничему не научитъ или научитъ весьма немногому. Современный пролетарій и античный рабъ такъ же мало поняли бы другъ друга, какъ европеецъ и китаецъ. Наши проблемы совершенно другого рода. Только *историческій* интересъ представляетъ созерцаемая нами картина, одна изъ своеобразнѣйшихъ картинъ, какія только знаетъ исторія: именно картина внутренняго разложенія старой культуры.

Эти-то *особенности* социальнаго строя античнаго общества и должны быть прежде всего выяснены. Мы увидимъ, что онѣ и опредѣлили ходъ развитія античной культуры.

Древняя культура есть прежде всего по существу своему культура *городская*. Городъ является носителемъ какъ политической жизни, такъ и искусства и литературы. И въ экономическомъ отношеніи древнему міру присуща, по крайней мѣрѣ въ началѣ историческаго періода, та форма хозяйства, которую мы теперь привыкли называть „городскимъ хозяйствомъ“. Древній городъ въ эллинскую эпоху въ существенныхъ чертахъ не отличается отъ средневѣковаго города. Если они различаются между собой, то это различія климата и расы побережья Среди-

земнаго моря отъ климата и расы центральной Европы,—тѣ же различія, какія существуютъ теперь между англійскимъ и итальянскимъ рабочимъ, между нѣмецкимъ и итальянскимъ ремесленникомъ. Первоначально экономической основой античнаго города также служить совершающійся на городскомъ рынкѣ обмѣнъ продуктовъ городского производства на сельскіе продукты ближайшей округи. Этотъ обмѣнъ непосредственно отъ производителя къ потребителю по существу покрываетъ спросъ безъ подвоза со стороны. Идеаль Аристотеля—*αὐτάρχεια* (самодовлѣніе) города—былъ осуществленъ въ большинствѣ эллинскихъ городовъ.

Правда, на этомъ фундаментѣ мѣстнаго хозяйства еще въ сѣдую старину возникла международная торговля, обнимавшая значительный районъ и поставлявшая большое количество предметовъ. Въ исторіи мы слышимъ какъ разъ о тѣхъ городахъ, которыхъ корабли были носителями этой торговли, но именно потому, что мы слышимъ какъ разъ о нихъ, мы легко забываемъ одно, а именно—незначительность размѣровъ этой торговли. Древняя европейская культура есть прежде всего береговая культура, и древняя европейская исторія есть прежде всего исторія прибрежныхъ городовъ. Рядомъ съ технически тонко развитымъ городскимъ обмѣномъ стоитъ сейчасъ же на континентѣ натуральное хозяйство еще не вышедшихъ изъ варварскаго состоянія крестьянъ, образующихъ волостныя общины или соединенныхъ подъ владычествомъ феодальныхъ патріарховъ. Только на морѣ и на большихъ рѣкахъ дѣйствительно происходилъ постоянно и непрерывно международный обмѣнъ. Обмѣна по сухому пути не существовало въ древности даже и въ такихъ размѣрахъ, какъ въ средніе вѣка. Прославленные римскія дороги являлись такъ же мало носительницами обмѣна въ современномъ смыслѣ, какъ и римская почта. Разница въ доходности между имѣніями, лежащими внутри страны, и имѣніями, расположенными по большимъ рѣкамъ, чудовищна. Вообще въ древности сосѣдство съ большой дорогой эпохи римскаго господства являлось не преимуществомъ, а большимъ несчастьемъ, благодаря постою и... насѣкомымъ: это были не торговныя, а военныя дороги.

На этой еще нетронутой почвѣ натурального хозяйства обмѣнъ пустилъ еще неглубокіе корни: онъ являлся на ней лишь въ видѣ тонкаго внѣшняго слоя высоко цѣнныхъ предметовъ: благородныхъ металловъ, янтаря, дорогихъ тканей, нѣкоторыхъ желѣзныхъ и гончарныхъ издѣлій и т. п., которые дѣйствительно являлись предметами постоянной торговли; большею частью это предметы роскоши, которые своей высокой цѣной окупаютъ страшную дороговизну транспорта. Такого рода торговля вообще не имѣетъ ничего общаго съ современнымъ обмѣномъ. Это все равно, какъ если бы теперь торговали только шампанскимъ, шелвомъ и т. п., между тѣмъ какъ торговая статистика говорить намъ, что въ настоящее время одиѣ потребности массъ выражаются большими цифрами торговаго баланса. Правда, такіе города, какъ Аены и Римъ, потребляли и хлѣбъ привозный. Но тутъ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, стоящимъ совершенно одиноко во всей всемирной исторіи, тутъ рѣчь идетъ о потребности, удовлетвореніе которой беретъ на себя государство, такъ какъ не хочетъ и не можетъ предоставить этого дѣла свободному обмѣну.

Не массы съ своими повседневными потребностями заинтересованы въ этомъ международномъ обмѣнѣ, а *тонкій* слой *имущихъ* классовъ. Вслѣдствіе этого въ древности *увеличеніе имущественнаго неравенства* является необходимымъ условіемъ преуспѣянія торговли. Но это имущественное неравенство — и тутъ мы приступаемъ къ третьему пункту рѣшающаго значенія — принимаетъ совершенно опредѣленную форму и направленіе: античная культура есть культура *рабовладѣльческая*. Съ самаго начала рядомъ съ городскимъ свободнымъ трудомъ стоитъ несвободный трудъ за предѣлами города, рядомъ съ свободнымъ раздѣленіемъ труда при помощи *обмѣна* на городскомъ рынкѣ стоитъ несвободное раздѣленіе труда посредствомъ *организации* производства по способу натурального хозяйства въ помѣстьи—опять совершенно, какъ въ средніе вѣка. И какъ въ средніе вѣка, такъ и въ древности существовалъ естественный антагонизмъ между этими двумя формами соединенія человѣческаго труда. Прогрессъ зависитъ отъ *развитія* раздѣленія труда. При *свободномъ* трудѣ раздѣленіе труда развивается параллельно съ *расширеніемъ рынка*—внѣшняго путемъ географическаго расширенія сферы обмѣна и внутренняго путемъ увеличенія числа потребителей. Поэтому горожане стремятся подорвать крѣпостныя хозяйства, втянуть крѣпостныхъ въ сферу свободного обмѣна. При *несвободномъ* трудѣ развитіе раздѣленія труда достигается помощью *скопленія людей*: чѣмъ больше рабовъ или крѣпостныхъ, тѣмъ шире развивается спеціализація несвободныхъ профессій. Но тогда какъ въ средніе вѣка постепенно одерживаетъ верхъ свободный трудъ и обмѣнъ товаровъ, въ древности наблюдается обратный процессъ. Какая этому причина? Причина та же, которая воспрепятствовала развитію техники въ древности: а именно „*дешевизна*“ *людей*, вызванная особымъ характеромъ непрерывныхъ войнъ классической древности. Въ древности война есть въ то же время охота на рабовъ; она постоянно поставляетъ рабовъ на рынокъ и неслышаннымъ образомъ благоприятствуетъ развитію несвободнаго труда и скопленію людей въ однѣхъ рукахъ. Благодаря этому, свободная промышленность остановилась на той стадіи, когда немущій ремесленникъ работаетъ по найму на своего заказчика. Эти особыя условія препятствовали тому, чтобы съ развитіемъ конкуренціи изъ-за сбыта на рынокъ между свободными предпринимателями, пользующимися свободнымъ наемнымъ трудомъ, изобрѣтенія, сберегающія этотъ трудъ, давали ту выгоду, которая вызвала ихъ появленіе въ новѣйшее время. Напротивъ, въ древности перевѣсъ оказывается все болѣе и болѣе на сторонѣ несвободнаго труда, организованнаго въ „*ойкосъ*“. Только рабовладѣльцы въ своихъ рабовладѣльческихъ хозяйствахъ въ состояніи удовлетворять свои потребности съ помощью раздѣленія труда и этимъ путемъ поднимать уровень своихъ жизненныхъ потребностей. Только рабовладѣльческая промышленность могла на ряду съ удовлетвореніемъ собственныхъ потребностей все болѣе и болѣе производить и для рынка.

Поэтому экономическое развитіе древняго міра направилось по своеобразному пути, не похожему на ходъ экономическаго развитія средних вѣковъ. Въ средніе вѣка прежде всего *интенсивно* развивается свободное раздѣленіе труда *внутри* мѣстнаго городского хозяйства на почвѣ мѣстнаго рынка и производства на заказъ. Затѣмъ все расширяющійся

обмѣнъ продуктовъ между городами сперва на почвѣ домашней промышленности, потомъ на почвѣ мануфактуры создаетъ формы производства для сбыта на иностранный рынокъ на основѣ *свободнаго* труда. И развитіе *современнаго* народнаго хозяйства идетъ параллельно тому, какъ развивается удовлетвореніе потребностей широкихъ *массъ* сперва при помощи междугородскаго и, наконецъ, при помощи международнаго обмѣна продуктовъ. Въ древности же, наоборотъ, мы видимъ, какъ параллельно съ развитіемъ международнаго обмѣна происходитъ скопленіе несвободнаго труда въ большихъ рабовладѣльческихъ хозяйствахъ. Такимъ образомъ *подъ* надстройкой, какую представляло собою мѣнновое хозяйство, оказывается все болѣе и болѣе расширяющійся фундаментъ натурального хозяйства, удовлетворявшаго потребности *безъ помощи обмѣна*: постоянно поглощающія людей скопленія рабовъ, удовлетворяющія главные свои потребности не на рынокъ, а при помощи домашняго хозяйства. Чѣмъ выше поднимается уровень потребностей высшаго, рабовладѣльческаго слоя и чѣмъ болѣе *раздается* *вширь* сфера обмѣна, тѣмъ больше утрачиваетъ обмѣнъ свою *интенсивность*, тѣмъ болѣе онъ превращается въ тонкую сѣть, протянувшуюся поверхъ натурально-хозяйственной основы, — сѣть, которой петли вытягиваются все дальше, но нити которой дѣлаются все тоньше. Въ средніе вѣка переходъ отъ городскаго производства на заказъ къ производству для междугородскаго рынка подготавливается тѣмъ, что хозяйство - предприятие и принципъ конкуренціи постепенно проникають извнѣ въ самую глубь хозяйственной жизни городской общины; въ древности же международный обмѣнъ не мѣшаетъ развитію „ойкосовъ“, которые подрываютъ основу *мѣстнаго* мѣнноваго хозяйства.

Всего сплывѣ этотъ процессъ развивался въ Римѣ. Римъ—послѣ побѣды плебса—есть прежде всего ведущее завоевательныя войны крестьянское государство или вѣрнѣе государство горожанъ-землевладѣльцевъ (ein erobernder Bauern-oder besser: Ackerbürgerstaat). Съ каждой войной онъ пріобрѣтаетъ земли для колонизаціи. Сынъ владѣющаго землей гражданина, не имѣющій мѣста въ отцовскомъ наслѣдїи, сражается въ рядахъ войска изъ-за пріобрѣтенія собственнаго куска земли и съ нимъ вмѣстѣ правъ полнаго гражданства. Въ этомъ секретъ проявленной Римомъ способности къ расширенію. Характеръ войнъ измѣнился, когда завоеванія перешли за море. Тутъ руководящимъ началомъ являлись уже не колонизаторскіе интересы крестьянъ, а интересы аристократіи, желавшей эксплуатировать провинцію. Войны имѣютъ теперь цѣлью охоту на людей и конфискацію земли для эксплуатаціи ея въ формѣ латифундіальнаго хозяйства и сдачи въ аренду. Вторая пуническая война даже децимировала крестьянское сословіе въ Италиі, — послѣдствія паденія крестьянства являются отчасти запоздалымъ мщеніемъ Ганнибала. Отпоръ, оказанный движенію Гракховъ, окончательно рѣшаетъ побѣду рабскаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ. Съ тѣхъ поръ рабовладѣльцы являются единственными представителями повышенія жизненныхъ потребностей, повышенія покупательной способности, развитія производства для сбыта. Нельзя сказать, чтобы свободный трудъ исчезъ совершенно, но рабская промышленность является единственнымъ *прогрессивнымъ* элементомъ. Римскіе сельскохозяйственные писатели видятъ въ рабскомъ трудѣ естественную основу хозяйства.

Наконецъ, культурное значеніе несвободнаго труда возросло *рѣшительнымъ образомъ* благодаря включенію въ число римскихъ владѣній такихъ крупныхъ материковыхъ пространствъ, какъ Испанія, Галлія, Иллирія, земли по Дунаю. Преобладающимъ элементомъ въ населеніи Римской Имперіи оказалось населеніе *континента*. Тутъ античная культура сдѣлала попытку перемѣнить свою арену и изъ прибрежной культуры превратиться въ культуру континентальную. Она охватила громадную хозяйственную область, въ которой обмѣнъ и денежное хозяйство цѣлыя вѣка не могли установиться хотя бы приблизительно въ томъ размѣрѣ, какъ они существовали по берегамъ Средиземнаго моря. Если, какъ мы уже говорили, обмѣнъ даже между тѣми приморскими городами представлялъ собою рѣдкую и все болѣе разрѣжающуюся сѣть, то на континентѣ эта сѣть должна была быть еще болѣе рѣдкой. Во-первыхъ, здѣсь, на континентѣ, культурный прогрессъ на почвѣ *свободнаго* раздѣленія труда посредствомъ развитія *интенсивнаго обмѣна* былъ вообще *невозможенъ*. Возникновеніе земельной аристократіи, опирающейся на рабовладѣніе и несвободное раздѣленіе труда—на оikosъ, было единственно возможной формой постепеннаго приобщенія новыхъ территорій къ средиземной культурѣ. Обмѣнъ, стоившій на континентѣ несравненно большихъ издержекъ, долженъ былъ здѣсь еще болѣе, чѣмъ по береговой линіи, ограничиваться исключительно удовлетвореніемъ спроса на предметы роскоши со стороны представителей высшаго рабовладѣльческаго класса, съ другой стороны, возможность производства на сбытъ была доступна только небольшому количеству крупныхъ предпріятій съ рабскимъ трудомъ.

Итакъ, рабовладѣлецъ оказывается экономическимъ носителемъ античной культуры, организація рабскаго труда является необходимой основой римскаго общества, и мы должны нѣсколько ближе ознакомиться съ социальными особенностями этой организаціи.

Изъ источниковъ мы можемъ извлечь особенно отчетливую картину *сельскохозяйственной* промышленности конца республики и начала имперіи. Крупное землевладѣніе было также той преобладающей формой богатства, которая послужила основой капиталовъ, пускавшихся въ оборотъ чисто спекулятивнымъ путемъ: римскимъ крупнымъ спекулянтномъ былъ обыкновенно тотъ же крупный землевладѣлецъ уже въ силу того, что для такой самой выгодной спекуляціи, какъ государственный откупъ и подрядъ, требовалось земельное обезпеченіе.

Типомъ римскаго крупнаго землевладѣльца былъ не помѣщикъ, ведущій самъ свое хозяйство, а человекъ, жившій въ городѣ, занимавшійся политической дѣятельностью и желающій прежде всего получать денежную ренту. Управление имѣніемъ находится въ рукахъ несвободныхъ управителей (villici). Что касается формы хозяйства, то вообще господствуютъ нижеслѣдующія отношенія.

Производство хлѣба для сбыта большею частью не приноситъ дохода. Римъ, напр., какъ рынокъ, закрытъ благодаря государственной доставкѣ хлѣба, а транспортъ хлѣба съ *континента* вообще не окупается. Кромѣ того, рабскій трудъ не благопріятствуетъ хлѣбопашеству, особенно при характерѣ римской культуры, которая требуетъ много тщательнаго труда и, слѣдовательно, предполагаетъ личную заинтересованность рабочаго. Поэтому пахотныя поля обыкновенно хоть частью *сданы въ*

аренду „колонамъ“ (coloni)—мелкимъ крестьянамъ, потомкамъ свободного обезземеленнаго крестьянства. Такой colonus уже съ самаго начала *не есть* экономически свободный самостоятельный арендаторъ и сельскохозяйственный предприниматель. Помѣщикъ даетъ инвентарь, villicus контролируетъ его хозяйство. Съ самаго начала было, очевидно, обычнымъ явленіемъ, что онъ обязывался *работать* на помѣщика, въ особенности помогать при жатвѣ. Когда пахотная земля сдавалась колонамъ, то это означало, что *помѣщикъ* обрабатываетъ землю „посредствомъ“ колоновъ (per colonos).

Для *сбыта* въ помѣстьи производятся прежде всего высокоцѣнные продукты: масло и вино; затѣмъ идутъ фрукты, скоть, домашняя птица, и продукты специальныхъ культуръ для стола представителей высшаго слоя римскаго общества, которые были единственными покупателями подобнаго рода продуктовъ. Эти культуры отгѣснили хлѣбъ на менѣ плодородную землю, которая и предоставлялась колонамъ. Имѣніе представляетъ собою плантацію, и работаютъ въ имѣніи рабы. Familia рабовъ и coloni—вотъ обычные обитатели большихъ имѣній временъ имперіи.

Насъ здѣсь прежде всего интересуютъ рабы. Въ какомъ же положеніи мы ихъ находимъ?

Вотъ картина идеальнаго хозяйства, какъ ее рисуютъ намъ сельскохозяйственные писатели того времени. Помѣщеніе для „говорящаго инвентаря“ (instrumentum vocale), стало быть, стойло для рабовъ, мы находимъ рядомъ со стойломъ для скота (instrumentum „semivocale“). Оно состоитъ изъ спаленъ, лазарета (valetudinarium), карцера (carcer), мастерской для ремесленниковъ экономіи (ergastulum),—и передъ внутреннимъ взоромъ всякаго, кто носилъ военный мундиръ, тотчасъ же встаетъ хорошо знакомый образъ *казармы*. И дѣйствительно, жизнь раба—это и есть въ большинствѣ случаевъ *казарменная жизнь*. Спать и ѣдятъ всѣ вмѣстѣ подъ надзоромъ villicus'a; парадная одежда сдается въ „камеру“ женѣ надзирателя (villica), играющей роль завѣдующаго амуницией унтеръ-офицера; ежемѣсячно происходитъ ревизія платья. Въ работахъ соблюдается строгая военная дисциплина: по утрамъ собираются отрядами (decuriae) и маршируютъ на работу подъ командой „погонщиковъ“ (monitores). Все это было и неизбѣжно. Производить для рынка при помощи несвободнаго труда еще никогда нельзя было безъ кнута. Для насъ же особенно важенъ одинъ фактъ, связанный съ этой формой казарменнаго существованія: рабъ, живущій въ казармѣ, лишень не только *собственности*, но и *семьи*. Только villicus живетъ въ отдѣльной комнатѣ и состоитъ въ рабскомъ бракѣ (contubernium) съ своей женой-рабыней, какъ и въ современной казармѣ женатый фельдфебель или унтеръ-офицеръ,—по свидѣтельству аграрныхъ писателей бракъ даже „предписывается“ villicus'у изъ хозяйственныхъ соображеній. И такъ какъ всегда частная собственность и семья неразлучны, такъ и тутъ съ рабскою семьей появляется и рабская собственность. У villicus'a—и по свидѣтельству сельскохозяйственныхъ писателей, очевидно, у него одного—есть resclium, т.-е. первоначально, судя по названію, скоть, который онъ выгоняетъ на господское пастбище, какъ теперь еще поденщикъ въ восточной Германіи. У широкой массы рабовъ нѣтъ ни resclium'a, ни моногамическаго брака. Общеніе половъ является своего рода систематической проституціей съ *преміями* рабынямъ за выращива-

ніе дѣтей—за воспитаніе трюихъ дѣтей иные господа дарили свободу. Уже эти послѣдніе факты показываютъ, къ *какимъ послѣдствіямъ* приводило отсутствіе моногамической семьи. Люди рождаются и вырастаютъ только въ лонѣ семьи. Рабская казарма не могла пополняться сама изъ себя, она была рассчитана на *постоянную прикупку* рабовъ для своего пополненія, и дѣйствительно, аграрные писатели говорятъ о существованіи такого рода регулярной прикупки. Античная рабовладѣльческая промышленность такъ же пожирала людей, какъ теперешняя доменная печь пожираетъ уголь. *Рынокъ рабовъ* съ правильной и удовлетворяющей спросъ постановкой человеческого матеріала составляетъ *необходимое условіе* существованія рабской казармы, производящей для рынка. Купить можно было дешево: нужно брать преступниковъ и тому подобный дешевый матеріалъ, совѣтуетъ Варронъ, сопровождая свой совѣтъ характерной мотивировкой: этотъ сбродъ обыкновенно расторопнѣе („*velocior est animus hominum improborum*“). Итакъ, промышленность такого типа требуетъ правильнаго *подвоза людей* на рынокъ рабовъ. А что, если этотъ подвозъ какъ-нибудь прекратится? Это имѣло бы для рабскихъ казармъ такое же значеніе, какъ истощеніе угольныхъ копей для доменной печи. И такой моментъ наступилъ. Тутъ мы подходимъ къ поворотному пункту въ развитіи античной культуры.

Если спросить, къ какой датѣ отнести начало сперва скрытаго, потомъ для всѣхъ очевиднаго паденія римскаго могущества и культуры, то всякому нѣмцу неизбѣжно приходится на умъ крѣпко засѣвшая у него въ головѣ Тевтобургская битва. И дѣйствительно, въ этомъ популярномъ представленіи есть доля правды, хотя ему противорѣчить видимость, говорящая намъ, что Римская имперія при Траянѣ находилась на высотѣ своего могущества. Конечно, рѣшающимъ являлась не битва сама по себѣ — такой уронъ приходится потерпѣть всякой націи при столкновеніи съ варварами, — не битва сама по себѣ, а явившаяся ея послѣдствіемъ *пріостановка завоевательныхъ войнъ* на Рейнѣ при Тиберіи, чему параллельно служить отдача Дакии на Дунаѣ при Адрианѣ. Это положило конецъ расширенію Римской Имперіи, а съ внутреннимъ и съ почти полнымъ внѣшнимъ замиреніемъ круга античной культуры прекратилась регулярная поставка на рынки человеческого матеріала. Въ результатѣ уже при Тиберіи обнаружился очень *острый* недостатокъ рабочихъ рукъ. Мы слышимъ, что онъ принужденъ былъ устроить ревизію *ergastula* въ имѣніяхъ, такъ какъ владѣльцы крупныхъ помѣстій захватывали людей силой; повидимому, они, какъ средневѣковые рыцари-разбойники, выходили на большую дорогу и высматривали—только не золота и добро, а рабочія силы для своихъ пустыющихъ полей. Важнѣе была медленно, но неумолимо дѣйствовавшая *хроническая* причина: невозможность продолжать производство при помощи казарменныхъ рабовъ. Казармы требовали постояннаго подвоза рабовъ, онѣ не могли пополняться изнутри. Онѣ должны были пасть, лишь только подвозъ надолго пріостановился. Прекращеніе „дешевизны“ человеческого матеріала, судя по свидѣтельствамъ позднѣйшихъ аграрныхъ писателей, повидимому, на первыхъ порахъ способствовало усовершенствованію техники путемъ обученія рабочихъ-специалистовъ. Но когда прекратились послѣднія завоевательныя войны второго вѣка, которыя уже окончательно приняли характеръ охоты на рабовъ, то крупныя

плантаціи съ ихъ лишенными брака и собственности рабами должны были рухнуть.

Что это дѣйствительно произошло, и какъ это произошло, мы можемъ видѣть изъ сравненія положенія рабовъ въ крупныхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ, какъ намъ его рисуютъ *римскіе* писатели, съ положеніемъ ихъ въ помѣстьяхъ каролингской эпохи, съ которыми мы знакомимся по помѣстной инструкціи Карла Великаго (*capitulare de villis imperialis*) и по инвентарямъ монастырей того времени. И тамъ, и здѣсь мы находимъ раба въ качествѣ сельскохозяйственнаго рабочаго; и тамъ, и здѣсь онъ безправенъ, и помѣщикъ имѣетъ безграничное право распоряжаться его рабочей силой. Тутъ, стало быть, не произошло никакаго измѣненія. Не мало и частностей римскаго землевладѣнія было заимствовано здѣсь: такъ, въ позднѣйшей терминологіи мы встрѣчаемъ *genitium*, соотвѣтствующій древнему *γυναικίον* (женская половина). Но мы встрѣчаемъ *одно* коренное измѣненіе: римскихъ рабовъ мы видѣли въ „коммунистической“ казармѣ, *servus* а эпохи каролинговъ мы находимъ въ крестьянскомъ дворѣ (*mansus servilis*), на предоставленной ему господиномъ землѣ, въ качествѣ крѣпостного крестьянина. Ему *возвращена семья*, а вмѣстѣ съ семьей у него явилась и *собственность*. Это *выдѣленіе раба изъ „ойкоса“* совершилось въ позднѣйшую римскую эпоху; и дѣйствительно, оно должно было явиться послѣдствіемъ неспособности казармъ восполнять свои потери изъ своей среды. Возвращая раба въ качествѣ своего наслѣдственнаго подданнаго въ кругъ семьи, помѣщикъ обезпечивалъ себѣ приростъ подвластнаго ему населенія и тѣмъ самымъ постоянную поставку рабочихъ рукъ, которыхъ уже нельзя было больше купить на рынкѣ рабовъ, такъ какъ въ эпоху каролинговъ исчезли послѣдніе слѣды такого рынка. Забота о содержаніи раба, которая въ плантаціяхъ лежала на господинѣ, теперь была возложена на самого раба. Значеніе этого медленно, но неуклонно совершавшагося развитія было глубоко. Тутъ передъ нами пѣлый переворотъ въ жизни низшихъ слоевъ общества: имъ были возвращены семья и собственность. Отмѣчу здѣсь только мимоходомъ, какъ этотъ процессъ идетъ рука объ руку съ побѣдоноснымъ развитіемъ христіанства: въ казармахъ оно едва ли нашло бы для себя почву, между тѣмъ какъ въ средѣ несвободныхъ африканскихъ крестьянъ времени Августина мы уже видимъ сектантское движеніе.

Между тѣмъ, какъ рабъ поднимается такимъ образомъ по социальной лѣстницѣ до положенія несвободнаго крѣпостного крестьянина, колонъ въ то же время опускается до положенія вѣчно обязаннаго крестьянина. Это произошло по мѣрѣ того, какъ его повинности въ отношеніи къ господину все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ *рабочихъ* повинностей. Первоначально для господина всего важнѣе была платимая ему рента, хотя, какъ было сказано выше, съ самаго начала на ряду съ ней существовала и барщина. Но уже въ раннюю эпоху имперіи аграрные писатели налегаютъ главнымъ образомъ на *работу* колона, и тѣмъ болѣе было къ тому основаній, чѣмъ недостаточнѣе становился рабскій трудъ. Африканскія надписи эпохи Коммода говорятъ намъ, что тамъ колонъ уже обратился въ надѣленнаго землей и за это несущаго опредѣленныя повинности крѣпостнаго. За этой переменной въ *экономическомъ* положеніи колоновъ послѣдовала скоро соотвѣтствующая ей *пере- мѣна* и въ *правовомъ* его положеніи, которая и формально опредѣляла

его роль въ помѣстьи, какъ *рабочей* силы: я разумѣю прикрѣпленіе къ землѣ. Чтобы понять, какъ оно возникло, мы должны привести вкратцѣ нѣкоторыя административно-правовыя соображенія.

Въ концѣ республики и въ началѣ имперіи римскій административный строй опирался на *городскую общину*, на *municipium*, какъ на свою административную основу, точно такъ же, какъ античная культура опиралась на городъ, какъ на свою экономическую основу. Области, входившія въ составъ Имперіи, систематически организовывались какъ городскія общины, съ соблюденіемъ самыхъ разнообразныхъ ступеней государственно-правовой зависимости, — административно-правовая форма *municipium*'а распространялась на все протяженіе имперіи. Городъ является нормальной мелкой административной единицей. Городскія должностныя лица отвѣчаютъ предъ государствомъ за уплату налоговъ и за поставку рекрутъ. Однако въ періодъ имперіи мы застаемъ большія измѣненія. Большія помѣстья съ успѣхомъ добиваются независимости отъ общины; съ расширеніемъ завоеваній Имперіи на европейскомъ континентѣ центръ тяжести все болѣе и болѣе переносится внутрь страны, и по мѣрѣ того все больше и больше рекрутъ выставляетъ аграрное населеніе континента; но въ то же время у крупныхъ землевладѣльцевъ, этихъ „аграріевъ“ древности, возрастаетъ и интересъ къ государственной политикѣ. Если теперь мы встрѣчаемъ отпоръ со стороны крупныхъ помѣстій восточной Германіи при попыткѣ „инкоммунализаци“ ихъ въ мѣстныя общины, то государственная власть временъ имперіи оказывала весьма слабое противодѣйствіе стремленію помѣстій къ „экскоммунализаци“. Очень часто на ряду съ городами появляются „saltus“ и „territoria“, т.-е. такіе административные округа, въ которыхъ мѣстной властью былъ помѣщикъ, совершенно, какъ владѣльцы рыцарскихъ помѣстій (*Rittergutsbesitzer*) восточной Германіи въ своихъ владѣльческихъ округахъ (*Gutsbezirke*). Съ помѣщика государство получало налоги, слѣдуемые съ *territorium*, — онъ выплачивалъ ихъ за своихъ „подданныхъ“ и потомъ собиралъ ихъ съ нихъ; помѣщикъ же выставлялъ рекрутъ изъ подвластнаго ему населенія, благодаря чему поставка рекрутъ вскорѣ превратилась для землевладѣльца въ такую же лежащую на его землѣ повинность, какъ и всякая другая государственная повинность, лежавшая на его землѣ, которая теперь въ лицѣ колоновъ лилась десятой доли своихъ рабочихъ рукъ.

Это послужило подготовкой къ формальному прикрѣпленію помѣщичьяго колона къ землѣ.

Въ Римской Имперіи, независимо отъ тѣхъ или иныхъ государственно-правовыхъ отношеній, никогда не существовало обезпеченной правовыми гарантіями всеобщей свободы передвиженія. Припомнимъ, на примѣръ, сколь естественнымъ представляется автору Евангелія отъ Луки то, что для переписы всякій долженъ отправляться на мѣсто своего рожденія (*origo*) — мы бы сказали на мѣсто своего призрѣнія; такъ, родители Христа должны были отправляться въ Вифлеемъ. Для *колона* же *origo* былъ *владѣльческий округъ* его господина.

Уже въ болѣе раннюю эпоху мы встрѣчаемъ институтъ насильственного привлеченія къ исполненію общественныхъ обязанностей. Сенаторъ, долго не являвшійся въ засѣданія, подвергался только штрафу. Съ членомъ провинціального городского совѣта, декуріономъ, уклонявшимся

отъ обязанностей, уже меньше церемонились: его по требованію общины водворяли на мѣсто жительства. Довольно часто приходилось прибѣгать къ этой мѣрѣ, такъ какъ въ древнемъ Римѣ должностъ городского со- вѣтника, съ связанной съ ней отвѣтственностью за налоги всей общины, представляла мало прелести. И когда впослѣдствіи, съ паденіемъ и вырожденіемъ всѣхъ юридическихъ формъ, это требованіе возвращенія на мѣсто жительства превратилось въ требованіе выдачи, въ старинный вещный искъ (vindicatio), тогда общины стали гоняться съ этимъ искомъ за своими бѣглыми городскими совѣтниками, какъ за какимъ-нибудь бѣглымъ общиннымъ быкомъ.

Что взыскивалось съ декуріона, то требовалось и отъ колона. Его крѣпостныя повинности въ отношеніи къ помѣщику, который соединялъ въ своей особѣ крѣпостного барина и административную власть, не отличались ничѣмъ отъ государственныхъ повинностей, и его принудительнымъ путемъ возвращали къ исполненію своихъ обязанностей, когда онъ уклонялся отъ нихъ. Такимъ образомъ, онъ путемъ административной практики фактически превращался въ навсегда привязаннаго къ своему округу и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиненнаго власти землевладѣльца, прикрѣпленнаго къ землѣ крѣпостного крестьянина. Онъ былъ въ известной мѣрѣ „медиатизированъ“ въ отношеніи къ государству. А надъ нимъ возвышалось непосредственно подчиненное государству сословіе (der „reichsunmittelbare“ Stand) землевладѣльцевъ, „possessores“, которое сохраняетъ свою опредѣленную фیزیомію и въ позднѣйшій періодъ Римской Имперіи, и во времена остготскаго и меровингскаго королевства. *Сословное расчлененіе общества* заступило теперь мѣсто прежняго простаго дѣленія на свободныхъ и несвободныхъ. Къ этому велъ еле различимый въ своихъ отдѣльныхъ стадіяхъ процессъ, такъ какъ къ тому клонили экономическія отношенія. *Образованіе феодальнаго общества* началось уже въ доживавшей свой вѣкъ Римской Имперіи.

Дѣло ясное, что въ этомъ крупномъ помѣстьи конца имперіи съ его двумя категориями крѣпостныхъ крестьянъ—несвободныхъ (servi) съ „неограниченными“ повинностями и лично свободныхъ (coloni, tributarii) съ строго опредѣленными денежными и натуральными платежами, впоследствии все чаще и чаще въ видѣ опредѣленныхъ частей урожая, а также—не всегда, но какъ общее правило—съ твердо опредѣленной барщиной,—что въ этомъ помѣстьи мы уже имѣемъ передъ собой типъ *средневѣковаго помѣщичьяго двора*.

Но производить для сбыта при помощи крѣпостного труда при условіяхъ обмѣна древняго времени было немислимо. Для производства на сбытъ необходимыми условіемъ была дисциплинированная казарма.

Съ разселеніемъ обитателей казармъ по крестьянскимъ хижинамъ, производство для сбыта должно было исчезнуть; тонкія нити обмѣна, протянувшіяся поверхъ натурально-хозяйственной основы, должны были постепенно вытянуться и порваться. Мы это ясно видимъ уже у послѣдняго значительнаго римскаго сельскохозяйственнаго писателя Палладія, который совѣтуетъ по возможности устраиваться такъ, чтобы трудъ принадлежащихъ къ помѣстью людей покрывалъ всѣ потребности помѣстья, содержалъ себя самъ и дѣлалъ бы *покупку* излишней. Если женщины помѣщичьяго двора издавна пряли, ткали, а также мололи и пекли хлѣбъ домашнимъ способомъ, то теперь и всѣ кузнич-

ныя, плотничныя, шпугатурныя, столярныя работы и, наконецъ, и всѣ ремесленныя подѣлки въ помѣстьяхъ совершались при помощи его несвободныхъ крѣпостныхъ ремесленниковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ еще больше терялъ свое относительное значеніе и тонкій слой городскихъ *свободныхъ* наемныхъ рабочихъ: передовыя въ экономическомъ смыслѣ хозяйства землевладѣльцевъ покрывали свои потребности *путемъ натурального* хозяйства.

Покрытіе собственныхъ потребностей землевладѣльца *путемъ раздѣленія труда* становится все болѣе и болѣе главной хозяйственной задачей „ойкоса“. Большія имѣнія порываютъ свою связь съ городскимъ рынкомъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ масса среднихъ и маленькихъ городовъ все болѣе и болѣе теряютъ почву, питавшую ихъ хозяйственную жизнь, лишаясь *обмѣна* труда и продуктовъ съ окрестными помѣстьями. Поэтому и приходятъ въ упадокъ города, какъ видно даже изъ тѣхъ темныхъ и отрывочныхъ юридическихъ документовъ, какіе дошли до насъ изъ послѣдней эпохи имперіи. Императоры принимаютъ все новыя и новыя мѣры, чтобы люди не бѣжали изъ города и въ особенности, чтобы землевладѣльцы не бросали на произволъ судьбы своихъ городскихъ домовъ и не переносили своихъ резиденцій изъ города въ свои деревни.

Этому паденію городовъ способствуетъ также *финансовая политика государства*. Эта политика также принимаетъ все болѣе и болѣе натурально-хозяйственный характеръ: фискъ обращается въ „ойкосъ“, покрывающій свои потребности по возможности не на рынокъ, а собственными средствами, но тѣмъ самымъ препятствуетъ образованію *денежныхъ* капиталовъ. Было большимъ благодѣяніемъ, что исчезъ главный источникъ спекуляцій—сдача налоговъ на откупъ, замѣнившаяся теперь непосредственнымъ взиманіемъ налоговъ государствомъ. Пожалуй, раціональнѣе былъ и подвозъ хлѣба на корабляхъ, поставку которыхъ государство обезпечило себѣ путемъ земельныхъ выдачъ, вмѣсто того, чтобы прибѣгать для этого къ услугамъ предпринимателей. Выгодна въ финансовомъ отношеніи была и все развивавшаяся монополизациа многочисленныхъ прибыльныхъ отраслей торговли и взятіе въ казну горной промышленности. Но все это, разумѣется, препятствовало образованію частныхъ капиталовъ и устраняло всякую возможность развитія того слоя общества, который бы соотвѣтствовалъ нашей современной буржуазіи. Развитіе этой натурально-хозяйственной организациі финансовъ совершалось по мѣрѣ того, какъ Имперія измѣняла свою фیزیономію и изъ эксплуатировавшей страну кучки городовъ, которыхъ хозяйственный центръ тяжести былъ въ ихъ береговомъ положеніи и въ ихъ взаимномъ обмѣнѣ, превращалась въ государство, стремившееся объединить въ одно политическое цѣлое и организовать находившіяся на стадіи натурального хозяйства континентальныя области. Покрывать денежно-хозяйственнымъ путемъ непомѣрно такимъ образомъ возрастающія государственныя потребности было невозможно при такомъ ничтожномъ обмѣнѣ. По необходимости пріобрѣталъ въ государственныхъ финансахъ все большее значеніе *натурально-хозяйственный факторъ*.

Провинціи съ давнихъ временъ платили подати государству по большей части натурой, иногда даже хлѣбомъ, которымъ пополнялись го-

сударственные магазины. Въ эпоху имперіи правительство и за ремесленными продуктами начинаетъ все меньше и меньше обращаться на рынокъ и къ подрядчикамъ, а вмѣсто того поставку этихъ продуктовъ въ качествѣ натуральной повинности возлагаетъ на городскихъ ремесленниковъ, которые въ виду этого нерѣдко соединялись принудительнымъ образомъ въ цехи. Такимъ путемъ и безъ того забытый судьбою свободный ремесленникъ превращался въ фактически наслѣдственнаго цехового крѣпостного. Всѣ эти поборы натурой фиска употреблялъ на соотвѣтствующія выдачи натурой. Такъ, онъ старался двѣ главныя графы своего бюджета покрывать по способу натурального хозяйства: именно вознагражденіе *должностныхъ лицъ* и *арміи*. Но тутъ натуральное хозяйство оказалось несостоятельнымъ.

Большимъ континентальнымъ государствомъ можно управлять только при помощи получающаго жалованіе чиновничества, безъ котораго древняго государства-города могли обходиться. Чиновники діоклетіановской монархіи получали свои оклады въ значительной степени *натурой*; эти оклады приблизительно соотвѣтствуютъ, конечно, въ сильно увеличенномъ размѣрѣ, тому, что получаетъ теперь въ Мекленбургѣ помѣщичій поденщикъ: они получали изъ императорскихъ магазиновъ нѣсколько тысячъ шеффелей хлѣба, опредѣленное число головъ скота, соотвѣтствующее количество соли, оливковаго масла и т. д., — словомъ, все, что нужно въ смыслѣ питанія, одежды и вообще существованія, и рядомъ съ этимъ въ сравнительно весьма умѣренномъ количествѣ наличныя карманныя деньги. Однако, несмотря на такое очевидное стремленіе къ расплатѣ натурой, содержаніе обширной чиновничьей іерархіи требовало большихъ чисто денежныхъ затратъ. Еще болѣе этого требовало покрытіе военныхъ издержекъ Имперіи.

Континентальное государство, границѣ котораго всегда грозила опасность, нуждалось въ *постоянномъ войскѣ*. Древнее гражданское ополченіе, опиравшееся на воинскую повинность и собственную экипировку землевладѣльцевъ, уже къ концу республики превратилось въ войско, вооружаемое государствомъ и набираемое изъ пролетаріевъ, — въ войско, служившее опорой цезарямъ. Эпоха имперіи создала не только фактически, но и юридически существовавшее постоянное профессиональное войско. Для содержанія такого войска нужны двѣ вещи: *рекруты* и *деньги*. Потребность въ рекрутахъ была причиной, почему государимеркантилисты вѣка „просвѣщеннаго“ деспотизма, какъ, напр., Фридрихъ II и Марія Терезія, задерживали развитіе крупнаго сельскохозяйственнаго производства, запрещая сносы крестьянскихъ дворовъ. Не изъ соображеній гуманности и не изъ любви къ крестьянамъ дѣлали они это. Не každого крестьянина въ отдѣльности защищали они, — каждый изъ нихъ помѣщикъ могъ спокойно выгнать, лишь бы на его мѣсто онъ посадилъ другого. Причина была скорѣе такая: если по выраженію Фридриха Вильгельма I „überflüssige Bauernkerls“ (излишекъ мужиковъ) долженъ служить матеріаломъ для рекрутскаго набора, то такой излишекъ долженъ былъ *быть* *налицо*. Уменьшеніе наличнаго числа крестьянъ посредствомъ сноса крестьянскихъ дворовъ было воспрещено потому, что это могло нанести ущербъ рекрутскому набору и обезлюдить деревню. По точно такимъ же соображеніямъ и цезари вмѣшивались въ отношенія колонновъ и запрещали, напр., увеличивать ихъ повинности.

Съ другой стороны, государи-меркантилисты сильно поощряли крупныя мануфактуры, потому что эти послѣднія способствовали притоку населенія на территорию государства и, во вторыхъ, притоку *денегъ* въ страну. Фридрихъ Великій преслѣдовалъ своими *lettres de cachet* не только своихъ дезертировавшихъ солдатъ, но и своихъ дезертировавшихъ рабочихъ и — фабрикантовъ. *Эта* возможность была *закрита* для цезарей, такъ какъ крупная промышленность, производящая для сбыта при помощи свободнаго труда, не существовала тогда и не могла возникнуть. Съ упадкомъ городовъ и обмѣна и съ возвращеніемъ къ натуральному хозяйству для страны все болѣе и болѣе *терялась* возможность добиться повышенія денежныхъ налоговъ. А при недостаткѣ рабочихъ рукъ, вызванномъ исчезновеніемъ рынка рабовъ, наборъ рекрутъ изъ колоновъ былъ для помѣстій разорительной повинностью, отъ которой они старались всѣми силами отдѣлаться. Изъ опустѣвшаго города бѣгутъ люди, подлежащіе воинской повинности, въ деревню и обращаются тамъ въ колоновъ, потому что страдающій отъ недостатка рабочихъ рукъ помѣщикъ изъ своекорыстныхъ соображеній радъ будетъ укрыть ихъ отъ рекрутскаго набора. Послѣдніе цезари борются съ бѣгствомъ горожанъ въ деревню точно такъ же, какъ послѣдніе Гогенштауфены боролись противъ бѣгства крѣпостныхъ крестьянъ въ города.

Недостатокъ въ рекрутахъ замѣтно отражается на составѣ войска времямъ имперіи. Италия со времени Веспасіана была освобождена отъ воинской повинности; съ Адріана исчезаетъ смѣшанный составъ войскъ, и для экономіи стараются набирать войска по возможности на мѣстѣ ихъ стоянки, что служить однимъ изъ самыхъ раннихъ предвѣстниковъ распаденія Имперіи. Но этого мало: если прослѣдить въ теченіе вѣковъ происхожденіе солдатъ, то окажется, что число тѣхъ, которые обозначены, какъ „дѣти лагеря“ (*castrenses*), въ эпоху имперіи возрасло отъ нѣсколькихъ процентовъ почти до половины общаго числа солдатъ, — иными словами: римское войско пополняется все больше и больше само изъ себя. Въ то время, какъ на мѣсто безбрачнаго казарменнаго раба выступаетъ живущій въ лонѣ своего семейства крестьянинъ, тутъ — по крайней мѣрѣ, отчасти — на мѣсто безбрачнаго казарменнаго или, вѣрнѣе, лагернаго солдата выступаетъ находящійся въ солдатскомъ бракѣ, фактически наслѣдственный профессиональный солдатъ. Все болѣе входящій въ обычай наборъ рекрутъ изъ варваровъ имѣетъ цѣлью главнымъ образомъ сохраненіе рабочихъ силъ собственной страны и прежде всего рабочихъ силъ крупныя помѣстій. Наконецъ, уже совершенно въ духѣ натурального хозяйства пытаются организовать постоянную пограничную стражу, отдавая варварамъ въ видѣ вознагражденія за военную службу земли въ пользованіе, и эта форма, являющаяся далекимъ предвѣстникомъ лена, находитъ все больше и больше примѣненія. Такимъ образомъ войско, главенствующее въ Имперіи, все болѣе и болѣе приобретаетъ характеръ совершенно оторванной отъ кореннаго населенія банды варваровъ. По этому самому побѣдоносное нашествіе варваровъ *измѣн*ялось въ первое время въ глазахъ жителей внутреннихъ провинцій Имперіи въ сущности всего лишь перемѣной постоа: даже форма римскаго постоа была сохранена. Повидимому, въ Галліи варвары отнюдь не повсемѣстно внушали ужасъ какъ завоеватели, а наоборотъ, кое-гдѣ были встрѣчены съ радостью, какъ освободители отъ гнета римскаго правительства. И это понятно.

Если дряхлѣвшей Имперіи было трудно ставить *рекрутъ* изъ рядовъ своего коренного населенія, то еще болѣе тяжелымъ гнетомъ ложились на возвратившіеся къ стадіи натурального хозяйства народы *денежные налоги*, безъ которыхъ содержать войска не было никакой возможности. Все политическое искусство того времени сводилось къ тому, чтобы добыть денегъ, и все болѣе обнаруживалась экономическая неспособность землевладѣльцевъ, производившихъ въ концѣ-концовъ только для собственнаго потребленія, нести *денежныя* повинности. Другое дѣло, если бы императоръ сказалъ имъ: „пусть ваши колонны скуютъ вамъ вооруженіе, садитесь на коня и защищайте вмѣстѣ со мной землю, которая васъ кормитъ“. Это они были бы экономически способны исполнить. Но это были бы уже средніе вѣка и *феодалное ополченіе*. И въ самомъ дѣлѣ, какъ феодальное сословное расчлененіе общества, такъ и *феодалный способъ защиты* былъ той конечной цѣлью, къ которой вель весь ходъ позднѣйшей римской исторіи и которая—послѣ кратковременнаго и чисто мѣстнаго уклоненія въ сторону въ видѣ колонизаціи частей Имперіи варварскими войсками изъ воиновъ-крестьянъ, совершившейся во время переселенія народовъ—въ главномъ была уже достигнута въ эпоху Каролинговъ. Но съ феодальнымъ рыцарскимъ войскомъ можно побѣждать царства, можно защищать границы небольшой территоріи, но не возможно охранять единство міровой имперіи и тянущіяся на сотни верстъ границы защищать отъ алчущихъ земли завоевателей; поэтому то для позднѣйшей римской эпохи и былъ невозможенъ переходъ къ той формѣ организаціи войска, которая соотвѣтствовала ея натурально-хозяйственной основѣ. Поэтому Діоклетіанъ долженъ былъ попытаться реорганизовать государственныя финансы на почвѣ единаго *денежнаго* налога, и городъ до послѣдняго момента существованія Имперіи оставался официальной мельчайшей клѣткой государственнаго организма. Но *экономическая* основа большинства римскихъ городовъ исчезала все болѣе и болѣе: они стояли какъ вѣхи, поставленныя въ интересъ требующаго денегъ государственнаго административнаго аппарата на почвѣ, покрытой цѣлой сѣтью крупныхъ помѣстій. Распаденіе Имперіи было необходимымъ политическимъ слѣдствіемъ постепеннаго прекращенія обмѣна и постепеннаго развитія натурального хозяйства. По существу оно означало только крушеніе этого правительственнаго аппарата и вмѣстѣ съ тѣмъ и той денежно-хозяйственной политической надстройки, которая болѣе не соотвѣтствовала натурально-хозяйственной экономической основѣ.

Когда полтысячелѣтіе спустя запоздалый исполнитель завѣта Діоклетіана Карлъ Великій снова возстановилъ единство Западной Римской Имперіи, то совершилось это на строго натурально-хозяйственной основѣ. Кто прочтетъ инструкцію управляющимъ имѣніями (*villici*)—знаменитый *capitulare de villis*, по обнаруженному въ немъ знанію дѣла и мелочности распоряженій напоминающій указы Фридриха Вильгельма I—тотъ найдетъ въ немъ самую яркую иллюстрацію тогдашняго положенія вещей. Рядомъ съ королемъ тутъ фигурируетъ и королева въ качествѣ высшей инстанціи: жена короля, его *хозяйка дома*, есть его министръ финансовъ. И это совершенно естественно: въ этомъ „финансовомъ управленіи“ рѣчь идетъ преимущественно о надобностяхъ королевской кухни и домашняго хозяйства, которое тождественно съ „государственнымъ хозяйствомъ“. Тутъ перечисляется все, что должно быть доставлено инспекторами въ

королевскому двору: напр., хлѣбъ, мясо, ткани, удивительно большія количества мыла и т. д., — словомъ, все, въ чемъ нуждается король самъ для себя съ домохозяевами и сотрапезниками и для государственныхъ надобностей, какъ, напр., лошади и подводы для войны. *Исчезло постоянное войско и получающее жалованье чиновничество* и вмѣстѣ съ тѣмъ, само собой разумѣется, и налогъ. Своихъ должностныхъ лицъ король кормитъ за своимъ столомъ или надѣляетъ ихъ землей; вооружающееся на собственные средства войско близко къ тому, чтобы окончательно превратиться въ рыцарское ополченіе и тѣмъ самымъ въ военное сословіе рыцарей-землевладѣльцевъ. Но *прекратилась* также и *обмѣнъ между юродами*: нити обмѣна между живущими домашнимъ хозяйствомъ ячейками хозяйственной жизни были порваны, торговля вернулась на примитивную стадію и перешла въ руки страждующихъ иноплемennыхъ торговцевъ—грековъ и евреевъ.

Исчезъ *юродъ*, — какъ особое административно-правовое понятіе онъ вообще не извѣстенъ эпохѣ Каролинговъ. Помѣстья—вотъ носители культуры, въ томъ числѣ и монастыри; землевладѣльцы отправляютъ политическія функціи; самый крупный землевладѣлецъ, самъ король—совершенный деревенскій вахлакъ и неучъ. Его дворцы (пфальцы) находятся въ деревнѣ, у него нѣтъ резиденціи: это государь, который ради своего пропитанія путешествуетъ больше даже, чѣмъ современные монархи, такъ какъ живетъ тѣмъ, что переѣзжаетъ изъ одного дворца въ другой и потребляетъ тамъ то, что для него припасено. *Культура сдѣлалась деревенской.*

Кругъ экономическаго развитія древняго міра завершился. Повидимому, погибла вся его духовная работа. Съ прекращеніемъ обмѣна рухнули блиставшіе мраморомъ античные города и вмѣстѣ съ ними всѣ заключавшіяся въ нихъ духовныя богатства: искусство и литература, наука и тонкое античное торговое право. А при дворахъ посессоровъ, помѣщиковъ и сеніоровъ еще не слышно и пѣсни миннезингеровъ. Невольную грусть наводитъ на насъ это зрѣлище того, какъ цивилизація, видимо близившаяся къ зениту своего развитія, рушится, теряя свою матеріальную основу. Но что видимъ мы среди этого могучаго процесса? Въ глубинахъ общества совершились и должны были совершиться коренныя, органическія измѣненія, по существу представлявшія собою могучій цѣлительный процессъ. Семейный очагъ и частная собственность были возвращены несвободной массѣ; эти несвободные постепенно опять перешли изъ положенія „говорящаго инвентаря“ въ кругъ людей, которыхъ семейное существованіе торжествующее христіанство оградило прочными нравственными гарантіями. Уже законы, изданные въ послѣдніе годы имперіи въ защиту крестьянъ, признаютъ въ дотолѣ невиданной мѣрѣ неразрывность семейныхъ узъ несвободныхъ людей. Правда, часть свободнаго населенія подпала фактической крѣпостной зависимости, и утонченно образованная аристократія древняго міра опустилась до варварскаго состоянія. Натурально-хозяйственная основа, возникшая благодаря громадной роли несвободнаго труда въ исторіи развитія античной культуры, на первыхъ порахъ все только разрасталась по мѣрѣ того, какъ рабовладѣніе увеличивало имущественное неравенство; а когда политическій центръ тяжести былъ перенесенъ съ береговъ на континентъ, и прекратился подвозъ людей, то установился

строй, весьма близкій къ феодализму, и подорвалъ обмѣнъ, образовывавшій первоначально лишь надстройку, опирающуюся на натурально-хозяйственную основу. Такъ разсѣялась все болѣе и болѣе рѣдѣвшая пелена античной культуры, и духовная жизнь западнаго человечества погрузилась въ долгую ночь. Но это паденіе напоминаетъ того великана эллинской мифологіи, который набирался новой силы, когда отдыхалъ на лонѣ матери-земли. Чужда, конечно, показалась бы древнимъ классикамъ окружающая обстановка, если бы кто-нибудь изъ нихъ возсталъ изъ своей монастырской кельи: на него бы повѣяло навозомъ со двора крѣпостного владѣльца. Но они спали временнымъ сномъ, какъ и сама культура, на лонѣ новаго деревенскаго хозяйственнаго быта. И не пѣсни миннезингеровъ, и не турниръ феодальнаго рыцарства пробудилъ ихъ отъ сна. Лишь когда на основѣ свободнаго раздѣленія труда и обмѣна въ средніе вѣка вновь возникъ *городъ*, когда затѣмъ переходъ къ народному хозяйству подготовилъ гражданскую свободу и ниспровергъ внѣшніе и внутренніе авторитеты, тяготѣвшіе надъ средними вѣками, тогда поднялся древній великанъ съ новой силой и вмѣстѣ съ собой вынесъ также и духовныя сокровища древняго міра на свѣтъ современной гражданской культуры.

Максъ Веберъ.

Литературное обозрѣніе.

Откладывая до другого раза отчетъ о наиболѣе замѣчательной историко-литературной работѣ, вышедшей въ этомъ году, — о книгѣ акад. А. Н. Веселовскаго, посвященной Жуковскому, мы на этотъ разъ познакомямъ читателей съ тѣми историко-литературными матеріалами, которые содержатся въ послѣднихъ книгахъ нашихъ толстыхъ журналовъ.

Изъ статей, носящихъ преимущественно біографическій характеръ, всего любопытнѣе очеркъ г. Захарьина-Якунина о гр. А. А. Толстой (*Вѣстн. Евр. VI*). Скучныя свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о самой графинѣ, едва ли были бы способны заинтересовать читателя, да они и служатъ лишь рамкою статьи: главнымъ предметомъ ея являются отношенія между графиней и гр. Л. Н. Толстымъ, приходившимся ей двоюроднымъ племянникомъ. Отношенія эти одно время были очень дружескими, и исторія ихъ, подробно разсказанная графинею въ ея „Запискахъ“ (не подлежащихъ пока опубликованію), несомнѣнно представить драгоцѣнный матеріалъ для біографіи великаго писателя. Г. Захарьинъ со словъ графини передаетъ нѣсколько любопытнѣйшихъ эпизодовъ изъ жизни Л. Н. и приводитъ обширныя выдержки изъ его писемъ къ ней. Графиня была очень религіозна, и религія, по ея словамъ, была главнымъ предметомъ ея разговоровъ съ Л. Н. Въ послѣднія двадцать лѣтъ она, повидимому, не разъ пыталась обратить его на истинный путь, и эти попытки приводили къ временнымъ охлажденіямъ и перерывамъ въ ихъ перепискѣ. Религія же послужила и причиною окончательнаго разрыва между Л. Н. и „бабушкой“, какъ онъ называлъ гр. А. А. Толстую. Разрывъ произошелъ въ 1897 г., когда Л. Н. пріѣхалъ въ Петербургъ проститься съ Чертковымъ, увѣзжавшимъ за границу. Только въ январѣ настоящаго года, за два мѣсяца до смерти, графиня неожиданно получила письмо отъ Л. Н.; онъ писалъ: „Мы идемъ съ вами къ одной и той же цѣли, хотя и разными дорогами“.

Драгоцѣнны нѣкоторыя изъ писемъ Л. Н., сообщаемыя г. Захарьинымъ, къ сожалѣнію, лишь въ отрывкахъ. Вотъ, на примѣръ, начало его письма къ графинѣ А. А. отъ 1858 г.

Бабушка! Весна!..

Отлично жить на свѣтѣ хорошимъ людямъ; даже и такимъ, какъ я, хорошо бываетъ. Въ природѣ, въ воздухѣ, во всемъ—надежда, будущность, и прелестная будущность... Иногда ошибешься и думаешь, что не одну природу ждетъ будущность и счастье, а и тебя тоже—и хорошо бываетъ. Я теперь въ такомъ состоя-

ни и съ свойственнымъ мнѣ эгоизмомъ тороплюсь писать вамъ о предметахъ только для меня интересныхъ. Я очень хорошо знаю, когда обсужу здраво, что я старая, померзлая и еще подъ соусомъ сваренная картофелина; но весна такъ дѣйствуетъ на меня, что я иногда застаю себя въ полномъ разгарѣ мечтаній о томъ, что я—растение, которое распустилось вотъ только теперь, вмѣстѣ съ другими, и станетъ просто, спокойно и радостно расти на свѣтѣ Божиѣмъ. По этому случаю къ этому времени идетъ такая внутренняя переборка, очищеніе и порядокъ, какой никто, не испытавшій этого чувства, не можетъ себѣ представить. Все старое—прочь! всѣ условія свѣта, всю лѣнь, весь эгоизмъ, всѣ пороки, всѣ запутанныя, неясныя привязанности, всѣ сожалѣнія, даже раскаянія—все прочь!.. Дайте мѣсто необыкновенному цвѣтку, который надуваетъ почки и вырастаетъ вмѣстѣ съ весной!

Необыкновенно хорошъ и слѣдующій отрывокъ изъ письма 1883 года:

Я не такъ понимаю, какъ вы, слово *крестъ*, который мы несемъ. Если Богу угодно будетъ то, что я задумываю, — вы прочтете; на словахъ тоже къ слову сказать можно, но писать нельзя. Скажу только, что „Возьми крестъ свой и иди за мной“ — это *одно* нераздѣльное слово. „Возьми крестъ свой“ — отдѣльно не имѣетъ по-моему смысла, потому что крестъ братъ и не братъ не въ нашей волѣ: онъ лежитъ на насъ; только не надо нести ничего лишняго — все то, что не крестъ. И нести крестъ надо не куда-нибудь, а за Христомъ, то-есть исполняя его законъ любви къ Богу и ближнему. Вашъ крестъ—Дворъ, мой—работа мысли, скверная, горделивая, полная соблазновъ... Но—будетъ!..

По словамъ г. Захарьина, въ своихъ „Запискахъ“ гр. А. А. Толстая изложила въ хронологическомъ порядкѣ исторію своихъ сношеній съ Л. Н. за сорокъ лѣтъ — съ 1857 по 1897 г.; эти записки она передъ смертью передала въ Академію наукъ, вмѣстѣ съ большой коллекціей писемъ къ ней Л. Н. Къ сожалѣнію, многія изъ писемъ Л. Н., какъ сообщаетъ авторъ статьи, исчезли безвозвратно, и именно тѣ, гдѣ онъ горячо спорилъ съ А. А. о религіи; иныя она сама уничтожила, а другія пропали у Достоевскаго, которому она дала ихъ для прочтенія за нѣсколько дней до его смерти. Но и сохранившіеся матеріалы, какъ мы уже сказали, еще не скоро увидятъ свѣтъ.

Пространная статья г. Гутьяра „И. С. Тургеневъ и крестьянскій вопросъ“ (*Вѣстн. Евр. V*) по нашему мнѣнію не даетъ ничего больше, чѣмъ интересную сводку матеріала; сужденіе автора по поставленному имъ вопросу и скудно, и не вполне вѣрно. Статья носитъ панегирическій характеръ; разбирая отношенія Тургенева къ крестьянскому вопросу, г. Гутьяръ желаетъ доказать, что Тургеневъ принадлежалъ къ тѣмъ избранникамъ, которые, по его же словамъ, „говоря намъ о добротѣ и нравственности, о человѣческомъ достоинствѣ и чести, собственною жизнью подтверждали истину своихъ словъ“. Но доказать требуемую гармонию между „проповѣдью“ Тургенева и его „дѣломъ“ въ отношеніи къ крестьянству г. Гутьяру не удалось, да и не могло удался. Собранный имъ матеріалъ отнюдь не подтверждаетъ его мнѣнія, что Тургеневъ на чисто-практической почвѣ велъ столь же успѣшную борьбу съ крѣпостнымъ правомъ, какъ въ области художественнаго творчества. Тургеневъ былъ добрый и гуманный человѣкъ, и таковъ онъ былъ и съ крестьянами; но о какой-нибудь активной дѣятельности, направленной къ исполненію „анибаловой клятвы“, не можетъ быть и рѣчи: это былъ просто добрый помѣщикъ, и только. По смерти матери, въ 1850 г., онъ ограничился тѣмъ, что перевелъ на оброкъ пожелавшихъ того крестьянъ. Почему онъ не освободилъ ихъ отъ крѣпостной зависимости?

можно ли согласиться съ утвержденіемъ г. Гутьяра, что Тургеневъ боялся тѣмъ ухудшить ихъ положеніе, лишивъ ихъ своей защиты,— причина, которую знатокъ дѣла, В. И. Семеvскій, называетъ „мало основательной“¹⁾

Что же касается литературной, идейной роли Тургенева въ дѣлѣ упраздненія крѣпостного права, то здѣсь его великая заслуга давно признана. Но и здѣсь, кажется, существуетъ нѣкоторое недоразумѣніе. По условіямъ времени, по тогдашнему настроенію умовъ, „Записки охотника“ сдѣлались могучимъ боевымъ орудіемъ противъ крѣпостного права; но не оно—ихъ главной сюжетъ и не протестъ противъ него былъ главной цѣлью художника. Въ нашей литературѣ уже указывалось, что огромное большинство рассказовъ, изъ которыхъ къ 1852 году составились „Записки охотника“, совсѣмъ не затрагиваетъ крѣпостного права, а въ прочихъ протестъ противъ него слабъ и мало выдвинуть; въ 1858 году Гончаровъ писалъ, что объ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками авторъ „Записокъ охотника“ говоритъ лишь мимоходомъ, когда они попадаютъ ему подъ руку, вообще же его интересуется главнымъ образомъ поэтически-вѣрное воспроизведеніе характеровъ, мѣстностей и пейзажей. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Правда, въ послѣдствіи и самому Тургеневу стало казаться, будто онъ писалъ „Записки охотника“ во исполненіе своей аннибаловой клятвы; но это, несомнѣнно, была ошибка памяти, обусловленная той общепризнанной ролью, которую сыграли „Записки“ въ обществѣ: оглядываясь назадъ, онъ принималъ результатъ за цѣль. Онъ даже былъ убѣжденъ позднѣе, что арестъ и ссылка его въ 1852 году были вызваны не столько его статьею о Гоголѣ, сколько „Записками охотника“, появившимися въ этомъ году отдѣльнымъ изданіемъ; между тѣмъ г. Гутьяръ сообщаетъ слѣдующую любопытную справку: подъ арестъ Тургеневъ былъ посаженъ 16 апрѣля, а 6 іюня онъ писалъ Аксакову уже изъ мѣста ссылки: „Мои „Записки охотника“ совсѣмъ готовы, и билетъ на ихъ выпускъ выданъ; однако мы съ Кетчеромъ рѣшились подождать“. Значитъ, но „Записки“ навлекли на него кару; да и самый фактъ ихъ печатанія въ журналѣ съ 1847 по 1851 годъ и появленіе въ 1852 году отдѣльнаго изданія (а это былъ въ цензурномъ отношеніи труднѣйшій періодъ, какой когда-либо переживала русская литература) показываютъ, что фактически зажигательнаго въ нихъ было не много. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что вначалѣ Тургеневъ вовсе не преслѣдовалъ какой-либо агитаціонной цѣли; очень вѣроятно, что позднѣе, по мѣрѣ созданія отдѣльныхъ рассказовъ, отзывы друзей и публики уяснили ему общественную роль его произведенія, но первоначально онъ не имѣлъ ея въ виду. Изслѣдованіе А. Е. Грузинскаго „Къ исторіи „З. О.“ Тургенева“, напечатанное въ прошломъ году на страницахъ нашего журнала

1) *Крестьянскій вопросъ въ Россіи*, т. II, стр. 397: „При всемъ отвращеніи Хомякова къ „мерзости“ крѣпостного права онъ не освободилъ своихъ собственныхъ крестьянъ на тѣхъ или иныхъ условіяхъ, при чемъ, быть можетъ, успокоивалъ свою совѣсть мало основательнымъ соображеніемъ, будто освобожденные крестьяне подверглись бы разнымъ злоупотребленіямъ со стороны ненавистнаго ему чиновничества“.

и, повидимому, оставшееся неизвѣстнымъ г. Гутьяру ¹⁾, съ очевидностью показало, что, ни отдавая въ печать „Хоря и Калиныча“, ни еще долго спустя, Тургеневъ не задавался никакимъ опредѣленнымъ планомъ. Мало того, внимательный анализъ „Записокъ охотника“ привелъ автора къ выводу, что по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ Тургеневъ не отличалъ своихъ разсказовъ отъ вошедшихъ тогда въ моду физиологическихъ, т.-е. этнографически-бытовыхъ, очерковъ, въ родѣ очерковъ Даля; такъ, вся суть „Хоря и Калиныча“—въ изображеніи типичныхъ характеровъ и мѣстныхъ бытовыхъ особенностей (часто безъ всякой связи съ содержаниемъ разсказа). И какъ неожиданный успѣхъ „Хоря“, а затѣмъ и другихъ разсказовъ, побудилъ Тургенева продолжать ихъ серію, такъ и общее сужденіе, заодно съ собственнымъ талантомъ, заставляло его расширять узкую жанровую рамку; этому немало способствовали славянофилы, объявившіе главной заслугой Тургенева въ „Запискахъ охотника“ то, что онъ „прикоснулся къ народу, прикоснулся къ нему съ участіемъ и сочувствіемъ“. Во всякомъ случаѣ, чтобы въ полной мѣрѣ выяснить отношеніе Тургенева къ крестьянскому дѣлу въ крѣпостную эпоху, необходимо прежде всего тщательно изучить „Записки охотника“ съ точки зрѣнія постепеннаго нарастанія въ нихъ сознательнаго интереса ихъ автора къ самой сущности изображаемаго имъ явленія—крѣпостного права. Эта работа пока не сдѣлана; не сдѣлалъ ея и г. Гутьяръ, хотя взятая имъ тема прямо обязывала его къ этому.

Воспоминанія извѣстнаго земскаго дѣятеля Ѳ. Ѳ. Воропонова, „Сорокъ лѣтъ тому назадъ“, напечатанныя въ трехъ послѣднихъ книгахъ *Вѣсти. Евр.*, представляютъ выдающійся интересъ для характеристики нашихъ литературныхъ и общественныхъ мнѣній въ разгаръ александровскихъ реформъ. Авторъ много вращался тогда въ литературныхъ кругахъ, близко зналъ Каткова и И. Аксакова и въ своихъ запискахъ мастерски изобразилъ эти двѣ крупныя фигуры. Характеристики относятся къ 1862 г., когда Катковъ вмѣстѣ съ Леонтьевымъ издавалъ „Русскій Вѣстникъ“ и еженедѣльное приложение къ нему—„Современную Лѣтопись“, а Аксаковъ—„День“. Катковъ занималъ въ это время уже видное положеніе въ журналистикѣ и пользовался большой популярностью въ лучшей части общества, какъ руководитель журнала, впервые заговорившаго о коренныхъ вопросахъ русской жизни серьезно, съ непривычной до того свободой и достоинствомъ. Но какъ разъ въ это время начиналъ сказываться готовившійся переломъ въ его взглядахъ; осенью этого года Катковъ былъ приглашенъ на царскій балъ въ Кремль, и благосклонность, встрѣченная имъ здѣсь, показала ему, по выраженію г. Воропонова, что для него можетъ открыться новая точка опоры; съ 1863 г. въ его руки перешли „Московскія Вѣдомости“, и полемика съ Герценомъ о польскомъ возстаніи, какъ извѣстно, окончательно привела его на новый путь. Авторъ воспоминаній очень живо изображаетъ одинъ изъ редакціонныхъ вечеровъ у Каткова. Гости являлись во фракахъ и нѣкоторое время дожидались хозяина; онъ появлялся также во фракѣ. Общество разбивалось на маленькія группы, и бесѣда шла вполголоса, съ паузами. Катковъ подсаживался то къ той, то къ другой группѣ и слушалъ больше молча или бросалъ какъ бы свысока одно-

¹⁾ *Научн. Слово* 1903 г., кн. VII, стр. 85—110.

сложныя замѣчанія; вообще отъ его корректной фигуры, отъ умныхъ глазъ и плавной, но скупой и сдержанной рѣчи вѣяло холодомъ и какъ бы величавой замкнутостью. Совсѣмъ подь пару ему былъ его товарищъ Леонтьевъ, безстрастіе котораго, казалось, не могло быть поколеблено ничѣмъ; маленькій, бритый, горбатый, съ ушедшей въ плечи головой, въ очкахъ, сквозь которыя смотрѣли безжизненные глаза, онъ слушалъ своего собесѣдника невозмутимо, но внимательно, почти не выдавая собственного мнѣнія. Полную противоположность Каткову и его кружку представляли Аксаковъ и собиравшееся у него общество. Онъ сразу производилъ впечатлѣніе очень живого человѣка, страстно интересующагося и увлекающаго своей кипучей рѣчью; „выше средняго роста, полный, съ открытымъ лицомъ, откинутыми назадъ длинными русыми волосами и переходящею въ рыжій цвѣтъ бородою, большимъ горбатымъ носомъ, живыми глазами, онъ съ перваго взгляда казался силою, а разговоръ его еще увеличивалъ это впечатлѣніе“; онъ закидывалъ собесѣдника вопросами и горячо и образно выражалъ свое воззрѣніе на предметъ разговора. Та же живость и отсутствіе натянутости отличали пятничные вечера у Аксакова. Здѣсь не было и слѣда той чинности, какая господствовала въ гостиной Каткова. Собирались люди самыхъ разнообразныхъ положеній, отъ московскаго туза и профессора до бѣднаго студента, сюртуки перемежались пиджаками и поддевками; разговоры шли громкіе, оживленные, какъ по кружкамъ, такъ и общіе, и нерѣдко возникали горячіе споры; спорили о только что начатомъ введеніи уставныхъ грамотъ, встречавшемъ на первыхъ порахъ большія затрудненія, о костомаровскихъ гипотезахъ, о броженіи въ Польшѣ, о народномъ движеніи въ Герцеговинѣ, Аксаковъ громилъ „Петербургъ“ и т. д. Г. Воропоновъ характеризуетъ Аксакова, какъ человѣка, полнаго кипучей энергіи, большой инициативы, исключительной искренности и очень отзывчиваго къ нуждамъ народа. Ложь, лицемеріе и корысть были ему ненавистны; онъ страстно нападалъ на показное либеральничанье, которое подь громкими фразами скрывало отсутствіе всякаго истиннаго убѣжденія, и слово „ложь“ было самымъ сильнымъ его выраженіемъ въ полемикѣ съ противниками. Самъ онъ былъ глубоко преданъ славянофильскимъ традиціямъ своей семьи; Западъ, Петербургъ, весь послѣ-Петровскій періодъ возбуждали въ немъ инстинктивное отвращеніе, и въ этомъ отношеніи онъ былъ такъ же нетерпимъ, какъ легковѣренъ и пристрастенъ во всемъ, что клонилось къ прославленію русскаго начала. Г. Воропоновъ сообщаетъ характерный фактъ: когда однажды въ присутствіи Аксакова зашелъ разговоръ о томъ, отчего имя Мазепы получило у малороссовъ бранный смыслъ, и кто-то замѣтилъ, что причина тутъ—вѣроятно частое примѣненіе этого имени великороссами къ хохламъ въ укорительномъ значеніи, Аксаковъ рѣшительно возсталъ противъ этого: нѣтъ, бранный смыслъ придалъ имени Мазепы самъ малорусскій народъ, понявшій, что Мазепа пошелъ противъ его историческаго тяготѣнія къ Москвѣ. Вообще, говоритъ авторъ воспоминаній, въ Аксаковѣ исканіе правды соединялось со страстной преданностью опредѣленнымъ идеямъ: онъ и хотѣлъ чистой правды, и не хотѣлъ ея иною, чѣмъ ему было желательно.

Отъ старыхъ гробовъ—къ едва закрывшейся могилѣ. Умеръ Чеховъ, и понемногу начала приподниматься завѣса, скрывавшая эту цѣломуд-

ренно-замкнутую личность. Объективность его творчества и личная скромность были такъ велики, что за двадцать лѣтъ литературной дѣятельности ни читатели, ни критика не могли разглядѣть сѣвѣозъ созданные имъ образы его личныхъ чертъ и положительныхъ воззрѣній. Многочисленные воспоминанія о покойномъ, появившіяся послѣ его смерти, до нѣкоторой степени уяснили его обликъ. Отрывки изъ писемъ Чехова, напечатанные А. С. Суворинымъ, показали, какой богатый матеріалъ для характеристики умершаго писателя представила бы его переписка; безъ сомнѣнія, только она дала бы возможность прослѣдить тотъ глубоко-интересный внутренній процессъ, который превратилъ Чехова изъ беззаботно-веселаго рассказчика въ автора „Мужиковъ“ и „Трехъ сестеръ“. Въ большей части появившихся до сихъ поръ воспоминаній фигурируетъ уже Чеховъ второго періода, съ половины 90-хъ годовъ; тѣмъ большую цѣнность приобрѣтаютъ задушевные, проникнутыя грустью и нѣжностью старшаго брата воспоминанія В. Г. Короленко (*Русск. Бог. VII*), въ которыхъ мастерски нарисованъ портретъ молодого Чехова. Авторъ познакомился съ Чеховымъ въ 1886 или въ началѣ 1887 года, когда существовали еще только „Сказки Мельпомены“ и „Пестрые рассказы“.

Передо мною былъ молодой и еще болѣе моложавый на видъ человекъ, нѣсколько выше средняго роста, съ продолговатымъ, правильнымъ и чистымъ лицомъ, не утратившимъ еще характерныхъ юношескихъ очертаній. Въ этомъ лицѣ было что-то своеобразное, что я не могъ опредѣлить сразу и что влослѣдствіи, по-моему очень мѣтко, опредѣлила одна женщина, при мнѣ познакомившаяся съ Чеховымъ. По ея мнѣнію, въ лицѣ Чехова, несмотря на его несомнѣнную интеллигентность, была какая-то складка, напоминавшая простодушнаго деревенскаго парня. И это было особенно привлекательно. Даже глаза Чехова, голубые, лучистые и глубокіе, свѣтились одновременно мыслью и какой-то особенной, почти дѣтской непосредственностью. Простота всѣхъ движеній, приемовъ и рѣчи была господствующей чертой во всей его фигурѣ, какъ и въ его писаніяхъ. Вообще въ это первое свиданіе Чеховъ произвелъ на меня впечатлѣніе человека глубоко жизнерадостнаго. Казалось, изъ глазъ его струится неисчерпаемый источникъ остроумія и непосредственнаго веселья, которымъ были переполнены его рассказы. И вмѣстѣ угадывалось что-то болѣе глубокое, чему еще предстоитъ развернуться, и развернуться въ хорошую сторону.

Онъ рассказывалъ г. Короленкѣ, что началъ писать почти шутя, частью ради забавы, частью для заработка. Писалъ онъ въ тѣ годы необыкновенно легко и быстро—„по рассказу въ день“¹⁾; А. С. Суворинъ передаетъ, что одинъ изъ своихъ рассказовъ-анекдотовъ онъ написалъ, лежа на полу въ купальнѣ, карандашомъ, положивъ въ конвертъ и бросивъ въ почтовый ящикъ; а самъ онъ сказалъ тогда однажды г. Короленкѣ: „Знаете, какъ я пишу свои маленькіе рассказы? Вотъ.— Онъ оглянулъ столъ, взялъ въ руки первую попавшуюся на глаза вещь, — это оказалась пепельница, — поставилъ ее передо мною и сказалъ: — Хотите, завтра будетъ рассказъ, заглавіе „Пепельница“. И глаза его засвѣтились весельемъ“. Ночью онъ часто стучалъ въ стѣнку къ сестрѣ, спавшей за тонкой перегородкой, чтобы рассказать ей внезапно блеснувшую тему или уже готовый рассказъ. По веселію и беззаботности среди безмолвной истоми 80-хъ годовъ г. Короленко сравнивалъ его въ ту пору съ Дениской изъ „Степи“.

¹⁾ См. интересныя воспоминанія А. С. Федорова въ *Южныя Замиски*, № 31—34.

Г. Короленко полагаетъ, что въ художественномъ творчествѣ Чехова слѣдуетъ различать три періода: періодъ беззаботно-легкаго веселья, періодъ безнадежнаго пессимизма и періодъ стремленія къ лучшему и вѣры въ него. Приблизительно такъ же, какъ г. Короленко, опредѣляютъ послѣднюю стадію въ развитіи Чехова и большинство статей, посвященныхъ памяти покойнаго художника. Уже въ „Невѣствѣ“ многіе критики увидѣли поворотъ отъ унынія къ бодрости и надеждѣ, еще болѣе—въ лебединой пѣснѣ Чехова, въ „Вишневомъ садѣ“. Г. Батушковъ (*Миръ Божій, VIII*) видитъ прощальный завѣтъ Чехова русскому обществу въ призывѣ къ бодрой, толковой культурной работѣ: „Давно уже ощущались просвѣты; все настойчивѣе провидѣлъ Чеховъ наступленіе лучшаго будущаго“; за послѣдніе гды эти просвѣты превратились въ настоящее сіяніе. Онъ изображалъ уже не нытиковъ, непригодныхъ болѣе къ жизни, а только недоудѣланныхъ; всякая же недоудѣлка исправима—стоитъ только ее сознать: проясненію этого сознанія и старался помочь Чеховъ. Въ сущности положительный идеалъ Чехова, по мысли г. Батушкова, былъ весьма скромный: жизнь исправима—она требуетъ только „трансформаци“; „дайте иное воспитаніе однимъ, переимѣните условія жизни для другихъ, и тѣ же средніе люди станутъ все же полезными дѣятелями общества“.

Такой взглядъ на Чехова, какъ сейчасъ изложенный, кажется намъ глубоко невѣрнымъ; онъ—продуктъ того утилитарно-публицистическаго отношенія къ искусству, которое русская критика, казалось бы, давно переросла. Какъ мыслящій человѣкъ и гражданинъ, Чеховъ, конечно, имѣлъ опредѣленное представленіе о современномъ состояніи русскаго общества, о тяжкихъ недугахъ русской жизни, быть можетъ даже о тѣхъ средствахъ, которыми слѣдуетъ ее лѣчить, и такъ какъ онъ изображалъ именно русскую жизнь, то эти взгляды не могли не отражаться въ его творчествѣ. Но не въ нихъ суть, не они составляютъ душу и высшую цѣнность его созданій. Какъ истинный поэтъ, онъ былъ движимъ прежде всего неискоренимой мечтою о нѣкоторомъ царствѣ Божіемъ на землѣ, глубокой тоскою по гармоніи, полнотѣ, изяществу и справедливости жизни. Отсюда его скорбь и отсюда его красота. Смѣшно говорить о его безразличіи или пессимизмѣ, — и упрекать его въ томъ или другомъ или хвалить за смѣнившій уныніе бодрый тонъ можетъ лишь тотъ, кто не желаетъ видѣть въ немъ ничего больше, какъ бытописателя. А онъ былъ поэтъ и, какъ всякій поэтъ, пессимистъ въ настоящемъ и великій оптимистъ для будущаго; какъ поэтъ, онъ не просто вѣрилъ въ возможность гармоніи—онъ *зналъ*, что она наступитъ, что она—единственная сущность, а все уродливое и больное, чѣмъ сейчасъ преисполнена жизнь, — лишь призракъ. И какъ всякій поэтъ, онъ цѣненъ для насъ постольку, поскольку ярка и возвышенна была эта его мечта и поскольку онъ сумѣлъ выразить ее въ избранной имъ отрицательной формѣ; видѣть же его главную заслугу въ однихъ его временныхъ и мѣстныхъ „завѣтахъ“, въ тѣхъ, которые обращены нарочито къ современной русской интеллигенціи, значить унижать его достоинство. Онъ прикинулъ русскую жизнь на свое идеальное мѣрило и потому сумѣлъ показать намъ ея уродство; но въ искаженныхъ болѣзненно чертахъ ясенъ отблескъ лучезарной красоты *человѣка*, какимъ видѣлъ его художникъ въ своихъ творческихъ снахъ.

Разумѣется, это не отнимаетъ у Чехова его важнаго значенія, какъ бытописателя. Если та, высшая задача критики по отношенію къ Чехову—сознательно формулировать его мечту о красотѣ—еще почти не затронута, то заслуга его, какъ изобразителя русской жизни, можетъ считаться исполнѣнъ установленной. Ее съ оригинальной точки зрѣнія пытается освѣтить г. Невѣдомскій въ умной, какъ все, что выходитъ изъ-подъ пера этого даровитаго критика, статьѣ, напечатанной въ той же книгѣ *Мира Божьяго*. Г. Невѣдомскій считаетъ Чехова „потомъ ликвидаціи дворянской культуры“; онъ полагаетъ, что наши дни именно являются временемъ окончательной ликвидаціи барскаго уклада жизни и что Чеховъ, самъ, хотя и крестьянскій сынъ, вскормленный этой культурой, былъ призванъ изобразить ея разложеніе. Въ этомъ смыслѣ онъ признаетъ „Вишневый садъ“ вѣнцомъ чеховскаго творчества: здѣсь, по его мнѣнію, Чеховъ наиболѣе глубоко заглянулъ въ психику барства и подвелъ рѣшительный итогъ ея несостоятельности. Притомъ онъ видитъ въ этой драмѣ яркое свидѣтельство перелома, происшедшаго, на его взглядъ, въ творествѣ Чехова, — его перехода отъ реализма къ символизму. Тенденція къ символическому изображенію дѣйствительности, говоритъ г. Невѣдомскій, давала себя чувствовать и въ повѣстяхъ послѣдняго періода его творчества, начиная съ „Человѣка въ футлярѣ“, но въ „Вишневомъ садѣ“ сказалась особенно явственно; образы этой драмы, при всей реальности, сгущены до степени схемъ: Гаевъ и Раневская — символы психической несостоятельности барства, тогда какъ Лопухинъ символизируетъ новую силу деревни, идущую на смѣну несостоятельнымъ Гаевымъ.

Вотъ уже новый „переломъ“ въ творествѣ Чехова, открытый новымъ критикомъ. Г. Невѣдомскій въ своей статьѣ задался цѣлью подвести итоги современному состоянію русскаго художества и для этой цѣли подвергаетъ разбору оба сборника, выпущенные товариществомъ „Знаніе“. Итогъ его — двойственный: въ отношеніи характера концепціи и въ отношеніи тона содержанія. Первое, что онъ подмѣчаетъ въ новой русской беллетристикѣ, это — явная тенденція къ символизму; для доказательства этой мысли и служитъ ему анализъ послѣдней драмы Чехова, въ которой онъ видитъ, впрочемъ, еще символизмъ нерѣшительный, съ примѣсью конкретности, тогда какъ другія произведенія, вошедшія въ сборники „Знанія“, представляются ему уже продуктами чистаго символизма (напр., очерки гг. Серафимовича и Бунина). Намъ это наблюденіе представляется рѣшительно невѣрнымъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ его даетъ г. Невѣдомскій. Тутъ, очевидно, путаница понятій: прежде чѣмъ говорить о тенденціи къ символизму, слѣдовало правильно опредѣлить понятіе символизма. Г. Невѣдомскій опредѣляетъ его такъ: „не воспроизведеніе жизни, а мысли о жизни, не изображеніе типовъ и характеровъ, а извѣстные итоги, обобщенія, лишь передаваемые въ видѣ художественныхъ собирательныхъ образовъ“. Но здѣсь, во-первыхъ, два опредѣленія, во-вторыхъ, оба не вѣрны: „мысли о жизни“ руководятъ каждымъ художникомъ и вовсе не составляютъ исключительной принадлежности символизма, и ни одинъ настоящій художникъ не даетъ простой вереницы типовъ безъ обобщающей жизни или данный уголокъ жизни идею. И точно, всѣ три произведенія, которыя г. Невѣдомскій зачисляетъ въ разрядъ символическихъ, только художественны

или, что то же, символичны, какъ любое произведеніе искусства. Въ драмѣ Чехова обобщеніе, несомнѣнно, сознательно сгущено, но это отнюдь не даетъ права говорить о переходѣ Чехова отъ реализма къ символизму. Символизмъ Чехова, какъ справедливо замѣчаетъ г. Чулковъ въ „Новомъ пути“, заключался въ томъ, что онъ осязалъ — и тѣмъ дальше, тѣмъ больше — сокровенное въ конкретномъ, все яснѣе предчувствовалъ обновленную и священную жизнь въ окружающей пошлости. Ему нужно было разгадать страшную тайну жизни, „нужно было найти важную, основную черту въ искаженной гримасѣ“.

И вотъ Чеховъ все пристальнѣе и пристальнѣе вглядывается въ жизнь, элементъ за элементомъ отпадаютъ реальности *обстановки*, тускнѣетъ внѣшность, остаются лишь намеки на внутренней полувнятный трепетъ. Ни на мгновенье не уходитъ Чеховъ отъ конкретнаго міра, но этотъ самый міръ начинаетъ трепетать *мымъ* свѣтомъ. Каждая фраза звучитъ *по-иному*, обнажается не просто пошлость, а ея чудовищная глубина. И вотъ уже Чеховъ готовъ произнести нужное таинственное слово, но смерть не дремлетъ и заграждаетъ ему уста холодной рукой.

Трудно гадать о томъ, нашелъ ли бы Чеховъ это таинственное слово, но несомнѣнно, что путь его творчества велъ отъ нестройной поверхности вещей все глубже въ нѣдра бытія, и тѣмъ глубже онъ понималъ сущее, тѣмъ яснѣе предчувствовалъ иную, радостную жизнь.

Г. Невѣдомскій думаетъ, что это предчувствіе лучшаго есть характерный признакъ именно нашихъ дней и основное отличіе нашей новѣйшей беллетристики; таковъ второй итогъ, выводимый имъ изъ наблюденія надъ „современнымъ искусствомъ“. Этотъ основной тонъ современности — жажда какого-нибудь исхода (именно *какого-нибудь*) — онъ слышитъ и въ настойчивыхъ попыткахъ русской мысли рѣшить проклятые вопросы общественнаго и экономическаго быта, и въ ея религіозно-философскихъ исканіяхъ, и даже въ „темныхъ, тугихъ, но упорныхъ усиліяхъ мысли народа“. Можно бы спросить, какія данныя есть у критика, чтобы судить о совершающейся, по его мнѣнію, эволюціи народной мысли, можно удивиться этому огульному соединенію въ рамкахъ одной формулы писателей „Новаго Пути“ съ „народомъ“; но мы и вообще думаемъ, что г. Невѣдомскій незаконно присвоилъ нашимъ днямъ эту широкую тенденцію. Общая жажда исхода есть, и очень острая, но она направлена въ одну определенную точку; а исканіе лучшаго, о которомъ говоритъ г. Невѣдомскій, это убѣжденіе, что „такъ жить нельзя“, дѣйствительно обострено сейчасъ въ нѣкоторой части нашего общества (именно тамъ, гдѣ зарождаются новые религіозно-философскіе запросы), но нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы для всей Россіи оно было теперь болѣе характерно, чѣмъ во всякій другой періодъ.

М. Гершензонъ.

Бібліографія.

А. Голлеманъ. Учебникъ органической химіи. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія А. В. Генерозова. Москва, 1904 г. VII + 425 стр. Цѣна 2 р. 25 к.

Въ новѣйшей химической литературѣ книга Голлемана представляетъ весьма отрадное явленіе. Безъ преувеличенія можно сказать, что это лучшій и до известной степени единственный въ своемъ родѣ изъ числа существующихъ небольшихъ по объему учебниковъ органической химіи, вышедшихъ въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій. Нельзя не признать, что многіе изъ другихъ современныхъ учебниковъ, преслѣдующихъ аналогичныя цѣли, страдаютъ тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что даютъ черезчуръ обильный фактический матеріалъ, въ особенности описаніе непомерно большого количества отдѣльныхъ соединений, но зато слишкомъ мало теоретическихъ выводовъ и обобщеній.

Такіе учебники, такіе „маленькіе Бейльштейны“, какъ ихъ называетъ Голлеманъ, не могутъ не производить удручающаго впечатлѣнія на начинающаго.

Благодаря имъ, послѣдній, что называется, „изъ-за деревьевъ не видитъ гѣса“, и естественно, что для него при такихъ условіяхъ идейная сторона органической химіи остается на заднемъ планѣ.

Къ сожалѣнію, въ числѣ руководствъ подобнаго нежелательнаго типа не мало такихъ, которыя faute de mieux пользуются широкимъ распространеніемъ за границей и у насъ¹⁾. Достаточно назвать ходячіе учебники Рихтера и Бернтсена. Автору разбираемаго нами сочиненія, благодаря удачному подбору матеріала и цѣлесообразному методу изложенія, удалось въ значительной степени освободиться отъ только что указанныхъ недостатковъ.

Въ книгѣ Голлемана въ основу изложенія повсюду положены теоретическія представленія, господствующія въ практической химіи, — на первомъ планѣ, конечно, теорія строенія, а затѣмъ и дополняющія ее стереохимическія представленія, а также ученіе о таутомеріи. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что описаніе различныхъ классовъ органическихъ соединений, способовъ ихъ полученія и реакцій самымъ тѣснымъ образомъ связано съ выводами и положеніями теоріи.

При описаніи отдѣльныхъ соединений авторъ ограничивается только немногими важнѣйшими представителями cadaго класса, отдавая предпочтеніе такимъ, которые являются типичными примѣрами для иллюстраціи проводимыхъ въ данномъ отдѣлѣ теоретическихъ представленій.

При разсмотрѣніи этихъ соединений всегда приводятся не только присущія имъ структурныя формулы, но и тѣ факты, добытые экспериментальнымъ изслѣдованіемъ, изъ которыхъ формулы эти могутъ быть выведены съ помощью соотвѣтствующихъ умозаключеній. Слѣдуетъ замѣтить, что какъ разъ эта послѣдняя весьма важная сторона изложенія органической химіи оставляется въ тѣни авторами многихъ другихъ ходячихъ учебниковъ, благодаря чему начинающій легко пріучается къ механическому заучиванію структурныхъ формулъ и совершенно забываетъ о тѣхъ химическихъ превращеніяхъ, которыя составляютъ ихъ реальное содержаніе.

¹⁾ Необходимо имѣть въ виду, что я говорю только о *краткихъ* учебникахъ, предназначенныхъ для *начинающихъ*. Болѣе подробныя руководства, вполне удовлетворяющія своему назначенію, имѣются и въ нашей, и въ заграничной литературѣ.

Всгдъ за структурными учениями и другіе теоретическіе взгляды, обобщенія и законности, имѣющіе значеніе въ органической химіи, затрогиваются авторомъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ книги. Таковы въ особенности сильно разившіяся за послѣднее время физикохимическія теоріи. И здѣсь авторъ старается возможно тѣснѣе связать теоретическія соображенія съ фактической частью изложенія, причемъ онъ еще разъ является новаторомъ, ибо до послѣдняго времени физикохимическія представленія почти не находили себѣ мѣста при элементарномъ изложеніи органической химіи. Вообще, можно сказать, что книга Голлемана, несмотря на свою краткость, вполне стоитъ на уровнѣ современнаго состоянія науки.

Неточности и упущенія, почти неизбѣжныя при изданіи новаго руководства, есть, конечно и, въ книгѣ Голлемана, но, вообще говоря, ихъ немного. Укажу на тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ удалось замѣтить. Быть можетъ, мои замѣчанія сослужатъ нѣкоторую службу переводчику при второмъ изданіи, необходимость въ которомъ по всей вѣроятности не замедлитъ обнаружиться.

Прежде всего укажу на неудачный выборъ приема, предлагаемаго Голлеманомъ для опредѣленія положенія замѣстителей въ пиридиновомъ ряду. Авторъ ошибочно предполагаетъ, что замѣщенные пиперидины не содержатъ асимметрическаго углероднаго атома и потому не могутъ быть получены въ оптически дѣятельныхъ модификаціяхъ (стр. 387 и 388). Вытекающее отсюда заключеніе о положеніи карбоксила въ пиколиновой кислотѣ является, слѣдовательно, необоснованнымъ.

Другая неточность, которая, впрочемъ, объясняется, какъ кажется, не вполне правильной передачей нѣмецкаго термина, заключается въ томъ, что вещество, обычно употребляемое для восстановленія синяго индиго и для превращенія его въ бѣлое, названо сѣрноватистокислымъ кальціемъ, а не гидро-сѣрнистымъ, какъ бы это слѣдовало. На ряду съ этими недосмотрами обращаетъ на себя вниманіе чрезвычайная краткость изложенія въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ книги Голлемана. Такъ, весьма важный вопросъ о свѣтопреломляющей способности органическихъ соединений едва затронуть.

Съ большой пользой для учащихся можно было бы также пополнить главы о терпенахъ и алкалоидахъ, изученіе которыхъ, сильно подвинувшееся за послѣдніе годы представляетъ рядъ въ высокой степени поучительныхъ примѣровъ примѣненія методовъ органической химіи.

То же самое слѣдуетъ сказать и о бѣловыхъ веществахъ. Эта интереснѣйшая глава нашей науки перестала быть одной только заманчивой задачей для будущихъ изслѣдователей, и то, что въ этой области уже сдѣлано, достаточно созрѣло для обстоятельнаго изложенія на страницахъ учебниковъ.

Въ конечномъ итогѣ указанные недостатки вовсе однако не умаляютъ выдающихся достоинствъ книги Голлемана, и мы настоятельно рекомендуемъ ее всѣмъ желающимъ ознакомиться въ краткихъ чертахъ съ основами органической химіи.

Русскій переводъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Цѣна—весьма умеренная.

Л. Чугаевъ.

I. Малиновскій. Рада великаго княжества Литовскаго въ связи съ боярскою думою древней Россіи. Часть I. Томскъ. 1903. Часть II, выпускъ 1. Томскъ. 1904.

Первая часть изслѣдованія г. Малиновскаго посвящена боярской думѣ древней Россіи (до XVI в.). Эта часть не состоитъ въ органической связи съ главнымъ сюжетомъ изслѣдованія. Авторъ, по всѣмъ признакамъ, приступилъ къ своей работѣ съ предвзятою мыслью о *генетической связи* литовской рады съ боярскою думою древней Руси (часть II, вып. 1, стр. 21), сообразно съ этимъ пересмотрѣвъ источники относительно боярской думы и, не дождавшись того, что покажутъ ему источники относительно литовской рады, успѣвши выпустить въ свѣтъ въ видѣ первой части своего изслѣдованія трактатъ о боярской думѣ древней Руси. Приступивъ затѣмъ къ изслѣдованію самой рады и разсмотрѣвъ данныя, относящіяся къ исторіи ея образованія (до 1492 г.), авторъ оказался не въ состояніи указать на связи, которыя бы соединяли генетически литовскую раду съ боярскою думою древней Руси. Да и не удивительно. Рада великаго княжества литовскаго выросла изъ того совѣта, который зародился при *великомъ князѣ* литовскомъ изъ мѣстныхъ аристократическихъ эле-

ментовъ литовской земли. Но какъ возникъ такой совѣтъ: самостоятельно или вслѣдствіе подражанія великихъ князей литовскихъ русскимъ порядкамъ? Едва ли на этотъ вопросъ можетъ быть данъ отвѣтъ въ послѣднемъ смыслѣ. Какъ указываетъ самъ же г. Малиновскій (на 59—66 стр.), подобныя совѣты возникаютъ естественно и самостоятельно во всѣхъ обществахъ, организующихся въ болѣе или менѣе крупныя государства и подвергшихся соціальной дифференціаціи. Несомнѣнно, такъ же самостоятельно на почвѣ литовской общественности возникла и дума великихъ князей литовскихъ. Съ присоединеніемъ русскихъ земель въ эту думу, или раду, вошли и русскіе аристократическіе элементы въ лицѣ нѣкоторыхъ князей и бояръ. Но при всемъ томъ рада осталась органомъ литовской аристократіи по преимуществу, нагляднымъ выраженіемъ политическаго преобладанія въ великомъ княжествѣ собственной литовской земли. Но, быть можетъ, литовская рада организовалась *по образцу* древнерусской боярской думы и въ этомъ смыслѣ можетъ быть связываема съ нею генетически? Конечно, нѣкоторыя черты сходства между первоначальной литовскою радю и древнерусскою боярскою думой можно замѣтить по изображенію г. Малиновскаго. Но все это такія черты, которыя роднятъ первоначальную литовскую раду (до 1492 г.) не только съ боярскою думой древней Руси, но и съ радю польскихъ князей-королей въ средніе вѣка. Такъ, г. Малиновскій указываетъ, что въ составъ литовской рады входили князья, старшіе бояре, или паны, и прелаты, т.-е. высшее духовенство. Такой же составъ имѣла де и боярская дума древней Руси. Но тѣ же элементы, прибавимъ отъ себя, входили и въ составъ рады польскихъ князей-королей въ средніе вѣка. Литовская рада, какъ и боярская дума, принимала дѣятельное участіе во внѣшней политикѣ и внутреннемъ управленіи, въ законодательствѣ и судѣ, въ государственномъ хозяйствѣ и т. д. Но если обратиться къ средневѣковому совѣту польскихъ князей-королей, который возникъ и развивался, конечно, независимо отъ боярской думы, то увидимъ его въ той же роли. Да и не одинъ средневѣковый польскій *consilium* можетъ въ данныхъ отношеніяхъ выступить учрежденіемъ, сходнымъ съ литовскою радю. Г. Малиновскому не удалось указать въ литовской радѣ ничего специфически русскаго. Мы считаемъ поэтому его попытку поставить литовскую раду въ генетическую связь съ боярскою думой совершенно неудачною. Не рада великаго княжества находилась въ генетической связи съ боярскою думой древней Руси, а тѣ совѣты, которые были въ западно-русскихъ областяхъ и княжествахъ при князьяхъ русской и литовской династіи, и которые остались въ нихъ послѣ упраздненія княжескихъ столовъ (М. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, стр. 23, 153, 157, 158, 160, 499). Здѣсь дѣйствительно была прямая преемственность развитія, генетическая связь. Г. Малиновскій самъ подтвердилъ это на 11 стр. перваго выпуска второй части своего изслѣдованія. Но это не помѣшало ему настаивать на своей мысли о генетической связи и великокняжеской литовской рады съ боярскою думой. Мало того: и областные сеймы, и вальный сеймъ великаго княжества литовскаго, по словамъ г. Малиновскаго, состоятъ въ генетической связи съ боярскою думой древней Руси (тамъ же, стр. 21). Очевидно, г. Малиновскій считаетъ областные сеймы и вальный сеймъ не чѣмъ инымъ, какъ распространеніемъ областныхъ боярскихъ думъ и центральной рады, ведущихъ свое начало отъ боярской думы древней Руси. Но если нѣтъ основаній считать литовскую раду учрежденіемъ, развившимся изъ боярской думы древней Руси, то нельзя ставить въ генетическую связь съ этою думою и вальный сеймъ великаго княжества. Что касается областныхъ сеймовъ, то на нашъ взглядъ они связываются генетически не съ тѣми тѣсными совѣтами, которые представляли изъ себя боярскія думы съ половины XIII вѣка, по мнѣнію г. Малиновскаго, а скорѣе всего съ вѣчами, собиравшимися въ старинныхъ русскихъ городахъ (въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Кіевѣ) или съ собраніями военнослужащаго класса, о которыхъ также говорятъ источники XII и XIII вѣковъ. На этихъ областныхъ сеймахъ собирались не только старшіе бояре, но и всѣ вообще военнослужащие люди, а въ нѣкоторыхъ земляхъ мѣщане и посольство. Вся первая часть изслѣдованія г. Малиновскаго, на нашъ взглядъ, плодъ ученаго недоразумѣнія. Она не нужна для выполненія главной задачи, поставленной авторомъ историческаго изображенія литовской рады.

Но, быть можетъ, эта часть сама по себѣ имѣетъ научную цѣнность? Къ сожалѣнію, и въ данномъ случаѣ приходится ограничиться признаніемъ ея только нелишней для научнаго обихода, и притомъ главнымъ образомъ какъ извѣстнаго подбора фактовъ. Что касается выводовъ, то они представляютъ

только утрировку положений, выставленных относительно боярской думы проф. М. Ф. Владимірским-Будановым. По мнѣнію г. Владимірскаго-Буданова, боярская дума древней Россіи была учрежденіемъ въ смыслѣ обычнаго права, съ компетенціею и составомъ не вполне опредѣленными (какъ и всѣ древнія учрежденія). Г. Малиновскій доказываетъ, что дума имѣла вполне опредѣленный составъ: до пріобрѣтѣнія князей въ составъ боярской думы входили земскіе бояре, въ X вѣкѣ, при первыхъ князьяхъ,—земскіе и княжескіе бояре, съ XI в. до половины XIII вѣка—всѣ вообще бояре, слившіеся въ одинъ классъ, съ половины XIII в.—старшіе бояре и служилые князья; кромѣ того, со времени принятія христіанства—представители духовенства. Все это было бы прекрасно, если бы г. Малиновскій оказался въ состояніи обозначить тѣ раздѣльныя черты, которыя отдѣляли земскихъ бояръ отъ остальныхъ, представителей духовенства отъ остального духовенства, если бы онъ опредѣленно указалъ, что давало человѣку званіе боярина. Безъ этого же все его разсужденіе имѣетъ видъ рѣшенія одного уравненія съ нѣсколькими неизвѣстными. Г. Малиновскій утверждаетъ, что и компетенція думы была опредѣлена обычаемъ. Перечисливъ различныя факты политической дѣятельности думы и указавъ на ихъ повторность, г. Малиновскій опредѣляетъ такимъ путемъ компетенцію думы. Но самъ же онъ признаетъ, что повторность фактовъ сама по себѣ еще не служитъ указаніемъ на право, что для этого требуется еще наличность общественнаго сознанія въ ихъ необходимости (стр. 25). Но такого сознанія въ отношеніи къ многообразной политической дѣятельности боярской думы древней Руси источники не обнаруживаютъ, да и едва ли оно и было въ дѣйствительности. Правда, въ источникахъ приходится встрѣчать похвалу князьямъ, которые любили дружину и совѣтовались съ нею, и порицанія тѣмъ князьямъ, которые не любили думать съ дружиною (стр. 83—88). Но при ближайшемъ разсмотрѣніи эти похвалы и порицанія оказываются простыми характеристиками нравственной личности того или другаго князя съ точки зрѣнія житейской мудрости, а не съ точки зрѣнія политическихъ обязанностей, причемъ встрѣчаются и обратные случаи—порицанія тѣхъ князей, которые слушали бояръ, злыхъ совѣтниковъ (стр. 88, 89).

Трактатъ о боярской думѣ древней Руси въ изслѣдованіи г. Малиновскаго можно было бы еще оправдать въ томъ случаѣ, если бы онъ служилъ цѣлямъ сравненія и сопоставленія при изображеніи первоначальной литовской рады—и такимъ образомъ помогалъ уясненію ея организаціи и значенія. Но авторъ пока не воспользовался имъ въ этихъ цѣляхъ. О написаніи этого трактата приходится жалѣть и потому, что онъ отвлекъ и время, и силы автора отъ исполненія его прямой задачи. Въ вышедшемъ выпускѣ, трактующемъ о радѣ великаго княжества до 1492 г., задача эта выполнена торопливо и поверхностно. Кардинальнымъ вопросомъ въ исторіи литовской рады является, конечно, вопросъ объ образованіи литовскаго панства. Авторъ слегка только коснулся этого вопроса и не захотѣлъ совсѣмъ погрузаться въ источники и литературу. Крупное политическое значеніе, которое рада пріобрѣла въ XV в., авторъ объяснилъ тѣмъ участіемъ, которое литовская аристократія принимала въ образованіи литовско-русскаго государства. Но развѣ это объясненіе дѣла? Вѣдь надо объяснить самое это участіе, которое является только прецедентомъ, а не причиною политической роли литовской рады. Наиболее удовлетворительнымъ является V отдѣлъ разсматриваемаго выпуска, трактующій объ образованіи состава рады великаго княжества литовскаго. Этотъ отдѣлъ вмѣстѣ со „Сборникомъ матеріаловъ къ исторіи пановъ-рады великаго княжества литовскаго“, выпущеннымъ въ свѣтъ въ 1901 году, подаетъ надежду, что авторъ въ дальнѣйшемъ лучше справится съ своею задачею, тѣмъ онъ сдѣлалъ это доселѣ, проявить въ своемъ изображеніи больше научнаго метода и жизненнаго пониманія дѣла и освободится отъ пути искусственной, чисто книжной схемы, которыя онъ самъ на себя накиннулъ.

М. Любавскій.

В. Сергѣевичъ. Русская Правда въ четырехъ редакціяхъ. XXII+51. С.-Пб. 1904. Ц. 40 к.

Новое изданіе Русской Правды, предпринятое В. И. Сергѣевичемъ, содержитъ въ себѣ текстъ Правды по спискамъ Академическому, Троицкому и кн. Оболенскаго съ вариантами и дополненіями изъ Карамзинскаго и нѣкоторыхъ другихъ списковъ. Эти списки, какъ наиболѣе характерные представители раз-

личных редакцій Правды, издавались и ранѣе для учебныхъ цѣлей Калачевымъ и г. Владимірскимъ-Будановымъ. Къ изданію проф. Сергѣевича приложены два прекрасно исполненныхъ снимка съ Академическаго списка XV в. и Троицкаго XIV в.; оно снабжено предисловіемъ, указателемъ лицъ и учреждений и таблицами, изображающими соотвѣтствіе статей разныхъ редакцій Правды и соотвѣтствіе статей настоящаго изданія съ изданіемъ Калачева. Почтенный профессоръ вводитъ въ свое изданіе двѣ особенности, о которыхъ онъ и говоритъ въ предисловіи. Во-первыхъ, признавая въ краткой Правдѣ двѣ различныя части, онъ печатаетъ каждую изъ этихъ частей подъ заглавіемъ „Древнѣйшая редакція Правды“—это статьи 1—17 Академическаго списка калачевского изданія (цифры статей указываемъ вездѣ по изданію Калачева), и „Вторая редакція Правды“—статьи 18—43 того же списка. Къ такому взгляду издатель пришелъ путемъ изученія Академическаго списка въ подлинной его рукописи, гдѣ вторая часть Правды начинается съ новой строки и съ киноварной буквы. Въ предисловіи онъ отказывается отъ своихъ прежнихъ положеній о текстѣ Правды, высказанныхъ въ статьѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (1899 г. № 1), и затѣмъ въ Лекціяхъ и Исслѣдованіяхъ. Такимъ образомъ вмѣсто трехъ редакцій Правды, о которыхъ шла рѣчь въ статьѣ и въ Лекціяхъ, въ настоящемъ изданіи ихъ устанавливается *четыре*: древнѣйшая редакція (Академич. сп. 1—17), вторая (Академич. сп. 18—73), третья (Троицкій списокъ) и четвертая (сп. кн. Оболенскаго). Мы охотно допускаемъ, что въ краткой Правдѣ слѣдуетъ выдѣлять статьи 1—17, какъ древнѣйшую ея часть, но намъ кажется, что почтенный издатель неправильно называетъ вторую часть этой Правды (ст. 18—43) второй редакціей Правды. Другая редакція есть другая форма изложенія одного и того же содержанія, при измѣненіяхъ, дополненіяхъ и сокращеніяхъ все-таки сохраняющая ту же основу. Этого вовсе нельзя сказать о второй части краткой Правды. Она представляетъ изъ себя рядъ отдѣльных частныхъ дополненій къ первой части, а вовсе не изложеніе того же основного содержанія въ иной формѣ, хотя бы съ измѣненіями. Такъ, напр., первая часть заключаетъ въ себѣ общее постановленіе объ убійствѣ (ст. 1). Во второй части встрѣчаемъ рядъ частныхъ постановленій объ убійствѣ разныхъ лицъ (ст. 18, 19, 21—24, 38) и вовсе не находимъ общей статьи объ убійствѣ, которая непременно должна была бы находиться въ новой редакціи и которая дѣйствительно и находится и въ пространной редакціи (Троицкій сп.) и въ средней (сп. кн. Оболенскаго). Далѣе вторая часть содержитъ рядъ статей о кражѣ различныхъ предметовъ (25—27, 29, 34—37, 39, 40), о чемъ не говорится въ первой части; о судебныхъ пошлинахъ (41—43), о порчѣ княжеской борти (30), о нарушеніи межи (33), о самоуправствѣ надъ разными лицами (31, 32). Обо всемъ этомъ также ни слова не говорится въ первой части. Наоборотъ, вторая часть совсѣмъ не упоминаетъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ и ударахъ, о которыхъ первая говоритъ въ статьяхъ 3—9. Единственною общео общимъ частямъ статью можно признать только статью о приходѣ „кроваваго мужа“ (ст. 3), начало которой очень отрывочно повторяется во второй части въ видѣ ст. 28. Итакъ, вторая часть (18—43) есть только рядъ частныхъ дополненій къ первой, а не особая редакція той же Правды. Если считать древнѣйшею редакціей Правды, появившеюся въ первой половинѣ XI вѣка, первыя 17 статей Академическаго списка, то второю редакціей, составленною во второй половинѣ XI в., мы назвали бы обѣ части Правды вмѣстѣ (ст. 1—43), хотя онѣ и шиты механически, а никакъ не одни только дополненія (18—43) безъ начала. Новая строка и киноварная буква не говорятъ противъ этого. Переписчикъ считалъ вторую часть (ст. 18—43) за особую Правду Изяслава съ братьями, принявъ заглавіе, находящееся передъ 18 статьей и относящееся только къ статьямъ 18—20, за относящееся ко всему дальнѣйшему тексту и поэтому началъ эту часть съ новой строки киноварной буквой. Раздѣливъ же другой переписчикъ и пространную Правду на двѣ главы и началъ вторую подъ заглавіемъ: „Уставъ князя Владиміра Всеволодича“, также съ киноварной буквы и даже съ особой страницей, а третій эту вторую главу даже и помѣстилъ ранѣе первой. Прежнее дѣленіе текстовъ Правды на три редакціи, установленное проф. Сергѣевичемъ, намъ представляется болѣе правильнымъ и мы считаемъ, что онъ напрасно отъ него теперь отступился.

Другая особенность настоящаго изданія—новое подраздѣленіе текстовъ Правды на статьи, значительно отступающее отъ подраздѣленій Калачева. Издатель совершенно вѣрно замѣчаетъ, что дѣленіе текста необходимо какъ руководство къ

пониманию Правды и что правильное дѣленіе Правды обусловливается правильнымъ ея толкованіемъ. Но единое правильное толкованіе Правды едва ли когда-нибудь установится. Къ этому памятнику-загадкѣ всегда будутъ подходить съ различными толкованіями. Вотъ почему не можетъ быть установлено единого общеобязательнаго подраздѣленія Правды на статьи. Нѣкоторыя подраздѣленія проф. Сергѣевича, какъ намъ кажется, очень удачны: напр., подраздѣленія предложеннаго имъ для 94 и 95 статей Троицкаго списка. Какъ примѣръ неудачнаго приведемъ подраздѣленіе 85 и 86 статей того же Троицкаго списка о наследствѣ смердовъ, бояръ и дружинниковъ, явившееся слѣдствіемъ крайне натянутого толкованіе этихъ статей, изложеннаго въ Лекціяхъ и Исслѣдованіяхъ (стр. 543 — 46, 3-е изд.). Для этого толкованія автору пришлось, во-первыхъ, допустить рѣзкое противорѣчіе между существовавшею въ Правдѣ статьёю о наследствѣ дочерей и новою, возникшею послѣ его операціи, при чемъ оказалось, что дочери получаютъ части въ наследствѣ и не получаютъ ихъ (стр. 546)—противорѣчіе, не существовавшее при прежнемъ дѣленіи и оправдываемое ссылкой на то, что Русская Правда—не Сводъ Законовъ Россійской Имперіи; во-вторыхъ, построить особую гипотезу о боярскихъ дружинахъ и о наследованіи боярами выморочнаго имущества ихъ дружинниковъ. Впрочемъ, приложенная таблица соответствія статей настоящаго изданія съ изданіемъ Калачева всегда позволяетъ несогласнымъ вернуться къ калачевскому дѣленію.

М. Богословскій.

Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Сборникъ статей. Изданіе Н. Н. Львова и А. А. Стаховича при участіи редакціи газеты „Право“. Т. I. СПб., 1904.

Нигдѣ такъ, пожалуй, не сказала русская половинчатость, какъ въ дѣлѣ познанія причинъ кризиса въ современной русской жизни и изысканія мѣръ къ его урчаиванію. Начать съ того, что этотъ кризисъ въ петербургскихъ канцеляріяхъ свели къ кризису сельскохозяйственной „промышленности“ (sic) и въ качествѣ такового пристегнули къ министерству финансовъ, которое у насъ, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ тѣмъ есть и министерство торговли и промышленности, хотя съ самаго уже начала пришлось оставить открытыми всѣ возможности для расширенія вопроса, предоставивъ ихъ осуществленію естественному теченію вещей (4). Затѣмъ бюрократизмъ созналъ и невозможность справиться съ новой задачей своими силами (289), но въ то же время ни экспертовъ не хотѣлось вызывать въ Петербургъ (5), ни обращаться къ земскимъ силамъ, такъ какъ опытъ 1894—1898 гг. показалъ, что и мѣстное земство не сможетъ обойтись безъ поднѣяннаго общихъ вопросовъ, тогда какъ Петербургу хотѣлось лишь дѣловаго техническаго матеріала (7). И таковой надѣялись добыть отъ декоративныхъ уѣздныхъ комитетовъ изъ мѣстныхъ знатоковъ, при чемъ земскіе люди, приглашенные сюда, оказались въ очень фальшивомъ положеніи (15). Но вопросъ такъ назрѣлъ, что ни случайность состава комитетовъ, ни недостатки ихъ бюрократической организаціи, ни отсутствіе подготовки, ни спѣшность работы, ни небрежная и формальное отношеніе къ дѣлу нѣкоторыхъ комитетовъ, ни своеобразный взглядъ нѣкоторыхъ предсѣдателей комитетовъ на свои права и обязанности (особенно рѣзко сказавшійся при обсужденіи вопроса о земскихъ начальникахъ, 151) не смогли помѣшать тому, чтобы голосъ комитетовъ зазвучалъ въ унисонъ съ земствомъ, а не съ петербургскими канцеляріями.

Правда, всѣ эти недостатки сказались и сильно въ сословныхъ и классовыхъ предубѣжденіяхъ комитетовъ (326 и 206), въ усиленномъ вниманіи ихъ къ преступленіямъ противъ земельной собственности, въ выдвиганіи ими кое-гдѣ дворянскаго вопроса, въ раздававшихся кое-гдѣ жалобахъ на безпорядокъ и безвластіе въ деревнѣ (90), на распушенность и деморализованность крестьянства, при чемъ забывались народная темнота и безправіе (232) и нужда населенія въ глѣбѣ и землѣ (209). Хромало и отношеніе комитетовъ къ пропорціональному представительству вообще (330) и къ количественной сторонѣ вопроса о крестьянскомъ представительствѣ въ частности (326 — 328). Оказались комитеты недостаточно подготовленными и по вопросамъ народнаго образованія (358).

Но все это—исключенія. Въ общемъ же получились полное соответствіе и послѣдовательность мнѣній комитетовъ (и не только въ земскихъ, но и въ неземскихъ губерніяхъ) съ высказываемыми за 40 лѣтъ мнѣніями земствъ въ ходатайствахъ и

постановленіяхъ земскихъ собраній. Такимъ образомъ вопреки ожиданіямъ Петербурга уѣздные комитеты поняли петербургскую программу не въ ограничительномъ смыслѣ, а въ расширительномъ. И имъ въ этомъ сначала не мѣшали. Но въ концѣ 1902 г. положеніе совершенно измѣнилось (29), и въ комитетахъ (особенно въ губернскихъ) прямо стали стремиться вернуть обсужденіе вопросовъ на почву программы особаго совѣщанія. Но было уже поздно: уже была нарисована мѣстными людьми широкая и ясная картина общественныхъ нестроений и мѣръ къ ихъ уврачеванію, изъ коихъ главной является отмѣна законодательныхъ актовъ послѣднихъ десятилѣтій (51) вообще и положенія 12 іюля 1889 г. въ особенності (152) и возвращеніе къ завѣтамъ эпохи великихъ реформъ (50)¹⁾. Итоги 40-лѣтней земской экспертизы были еще разъ резюмированы и повторены, только съ добавкой къ нимъ словъ: „если нѣтъ, нѣтъ“. Безъ живыхъ земскихъ силъ въ дѣлѣ переустройства и обновленія Россіи не обойтись, хотя и боимся, что не такъ-то скоро эти силы будутъ призваны къ этой работѣ и что не мало еще испытаній придется Россіи пережить до этого.

Резюмируемъ теперь вкратцѣ мнѣнія и пожеланія комитетовъ по современному кризису. Основное пожеланіе комитетовъ — это требованіе законности въ управленіи (40) и наличности и обеспеченности гражданскихъ и публичныхъ правъ населенія (46), какъ краеугольныхъ устоевъ нормальнаго правопорядка, и въ связи съ этимъ признаніе ими необходимости существованія правовыхъ нормъ, ясныхъ и опредѣленныхъ по своей формѣ, юридически содержательныхъ и практически возможныхъ по своей сущности (59 и 126). Частные же выводы изъ основного пожеланія можно свести въ четыре группы. Это, во-первыхъ, большее довѣріе къ работѣ мѣстныхъ дѣятелей (59 и 252), расширеніе круга предметовъ вѣдомства и предѣловъ власти земскихъ учрежденій, расширеніе и реорганизация земскаго представительства на началахъ всесословности и представительства социальныхъ интересовъ, надлежащая самостоятельность, исключаящая административную опеку, расширеніе финансовой власти и усиленіе финансовыхъ ресурсовъ земства (251)²⁾. Въ частности же рядъ комитетовъ заявилъ о необходимости (295) привлеченія представителей отъ земствъ къ законодательной работѣ (66) съ предоставленіемъ имъ полной свободы мнѣнія и слова (88). Высказались комитеты и за необходимость междугубернскихъ земскихъ совѣщаній. Указывалось и на необходимость введенія земства въ неземскихъ губерніяхъ (404—427). Главное же, что необходимо — это суммирование земства (89), хотя какъ этого вопроса, такъ и вопроса о союзномъ правѣ (80) комитеты касались очень робко и осторожно (256)³⁾. Во-вторыхъ, комитеты признали необходимость отмѣны системы всепроникающей и всеугнетающей бюрократической опеки (292), въ атмосферѣ которой задыхаются и умираютъ законность (44) и общественная самодѣятельность (291). Высказались комитеты и за неотложность признанія у насъ и защиты закономъ правъ личности и союзовъ вообще (77, 84, 291)⁴⁾ и въ частности за необходимость поднятія у насъ личности крестьянина (102), раскрыпощенія его относительно государства и міра (175, 164, 57) и уравниванія его (143) въ публичныхъ и общественныхъ, имущественныхъ и личныхъ правахъ съ другими сословіями (76). Общій же по мнѣнію комитетовъ по освобожденію ея отъ постороннихъ притѣсненій должно предоставить свободу дальнѣйшаго развитія (109)⁵⁾. Пожелали комитеты и отмѣны тѣ-

¹⁾ На стр. 97 знаменательно указаніе на безусловный и непримиримый характеръ общественныхъ теченій, только теперь окончательно вырисовавшихся у насъ.

²⁾ Выдвиганіе на первый планъ бюджетнаго права ставимъ въ особую заслугу г. Шрейдеру (338).

³⁾ Такимъ образомъ г. Шрейдеръ примыкаетъ къ мнѣнію стариковъ (Градовскаго и Чичерина) о необходимости однородности центральнаго и мѣстнаго управленія, безъ которой земству всегда будетъ гривить чухотка и смерть (251—257), — мысль, которую слѣдовало бы поставить во главу угла въ изслѣдованіяхъ о русскомъ земствѣ, но которую у насъ къ сожалѣнію слишкомъ часто забываютъ.

⁴⁾ Наиболѣе замѣчательная мысль у г. В. Гессена вмѣстѣ съ выдвиганіемъ имъ законности.

⁵⁾ На стр. 61 и 130 интересны указанія на непримѣнимость и непримѣяемость обычнаго права въ крестьянской жизни. На стр. 70—71 и 134—142 указывается на необходимость упраздненія нынѣшняго сословнаго волостнаго суда съ замѣной его гминнымъ или мировымъ. За какой изъ этихъ двухъ судовъ стоитъ книга, не ясно,

леснаго наказанія (131), что и сдѣлано манифестомъ 11 августа 1904 г., и организаціи земской консультативной и возмездной юридической помощи населенію (142 и 203) ¹⁾. Для окраинъ же комитеты, кромѣ того, пожелали свободы національной рѣчи (83, 396, 416). Въ-третьихъ, комитеты признали необходимость развитія въширь и въглубь народнаго просвѣщенія на началахъ полнаго довѣрія къ земству въ надзорѣ и веденіи школьнаго дѣла, единенія школы съ обществомъ и свѣтскаго характера школы (374). Въ-четвертыхъ, комитетами была намѣчена и сдѣлана необходимыя экономическія и агрономо-техническія реформы. И въ послѣднемъ отношеніи тоже кое-что уже дано манифестомъ 11 августа, именно, сложеніе недоимокъ.

Такимъ образомъ и общество и правительство въ концѣ-концовъ сознали неотложность кореннаго обновленія нашего строя,—неотложность, вопреки мнѣнію разбираемой книги (II) не устраненную даже внѣшними событіями, а только еще рѣзче выдвинутую ими. Поэтому нечего и говорить, какъ важно для возбужденнаго общества систематическое и въ надлежащемъ научномъ освѣщеніи ознакомленіе его съ работами комитетовъ по вопросамъ этого обновленія. На 58 томовъ „Трудовъ“ мѣстныхъ комитетовъ мало доступны для большой публики, даютъ сырой и необработанный матеріалъ и страдаютъ неполнотой и существенными сокращеніями. Дѣльная книжка г. Толмачева конспективна и даетъ данныя только о 59 уѣздныхъ комитетахъ. Поэтому не можемъ не привѣтствовать горячо изданія гг. Львова и Стаховича (заглавіе котораго, къ слову сказать, болѣе узко, чѣмъ его содержаніе), основаннаго на доставленныхъ изъ 300 уѣздовъ трудахъ, протоколахъ, докладахъ, запискахъ и т. д., а въ статьяхъ, наприм., гг. Леонтьева и Розенберга пользующагося и официальными „Трудами“, хотя 1-ый томъ его посвященъ только правовымъ и культурнымъ вопросамъ ²⁾. Наиболѣе цѣнными и центральными являются въ немъ статьи гг. Милюкова (внѣшняя исторія комитетовъ, 1—40), В. Гессена (основы правопорядка, 41—97), Шрейдера (земское самоуправленіе, 287—357) и Чехова (народное образованіе, 358—419). Статья же, помѣщенная на стр. 98—233 (гг. Страховскаго, Розенберга, I. Гессена и Ипполитова), имѣютъ лишь вспомогательное значеніе. Только голосъ неземской Россіи въ виду нѣкоторыхъ его особенностей (отсутствіе навыка къ коллективной работѣ, вопросы о земствѣ, языкахъ, ограничительныхъ постановленіяхъ и т. д.) не мѣшало бы разсмотрѣть особо. Но редакция дала въ этомъ отношеніи только очень короткую статью г. Арсеньева (420—439).

Въ общемъ, повторяемъ, изданіе гг. Львова и Стаховича прекрасное и исчерпывающее вопросы, затронутые въ немъ, до дна. Подобными изданіями хоть отчасти возмѣщается недостатокъ у насъ земскихъ органовъ, на что такъ жалуется г. Толмачевъ на стр. 81.

Сергій Шумановъ.

Г. Б. Юлловъ. Письма изъ Берлина. С.-Пб. 1904 годъ. По справедливому замѣчанію величайшаго русскаго публициста, на Западѣ „страданія болѣе ужасны, жгучи, ядовитая злоба примѣшивается къ любви, желчь къ слезѣ, но, несмотря на кровь и слезы, здѣсь разрѣшаются общественные вопросы, борьба открытая, никто не прячется“ (VII—VIII). И чѣмъ больше вѣра „въ кучку людей, въ небольшое число мыслей“ смѣняется убѣжденіемъ, что прогрессъ человѣчества достигается просвѣщеніемъ, организаціей, соединеніемъ силъ, тѣмъ яснѣе становятся достоинства составительнаго процесса въ обсужденіи государственныхъ нуждъ, основаннаго на гласности и законности. „Несравненно опаснѣе для культуры,—говоритъ авторъ,—были предки, не знавшіе

но мы лично предпочли бы мировой. Указываютъ комитеты и на техническіе недостатки крестьянскаго управленія и на обремененіе его несвойственными функциями (118).

¹⁾ Любопытно на стр. 45 указаніе на тѣсную связь безправія и произвола съ самоуправствомъ и неповиновеніемъ. На стр. 178 г. I. Гессенъ поднимаетъ бунтъ противъ формулы: „никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ законовъ“, а на стр. 183 противъ практической юридической литературы для народа.

²⁾ Экономическаго характера въ немъ только статья г. Леонтьева (234—286) о межевыхъ нуждахъ деревни, къ слову сказать, сильно хромящая и въ исторической части (236—240) и въ разсужденіяхъ de lege ferenda (280).

обязательной школы и не цѣнившіе всеобщаго избирательнаго права" (72). А на стр. 192-й приведены слѣдующія замѣчательныя слова одного парламентскаго дѣятеля: „Горе тому обществу, которое не въ состояніи выносить критику своихъ порядковъ, которое отождествляетъ тишину съ благополучіемъ, смѣшиваетъ догму съ вѣрой и наказываетъ за свободное выраженіе мнѣній. Это начало конца“. Къ тому же при новомъ строѣ живется лучше и спокойнѣе не только народу, но и монарху (485).

Повтому даже люди, девизомъ которыхъ былъ авторитетъ, а не майоритетъ, должны были въ концѣ-концовъ придти къ заключенію, что величіе страны, ея благосостояніе и значеніе въ мірѣ зависятъ отъ степени участія населенія въ рѣшеніи собственныхъ судебъ и отъ сознанія гражданами своихъ правъ, обязанностей и ответственности и что нѣтъ худшаго врага порядку и государству, чѣмъ апатія населенія. Такъ, напр., Бисмаркъ (13—62) только въ союзѣ съ либеральнымъ среднимъ сословіемъ могъ положить основанія для развитія народныхъ силъ и экономическаго и умственнаго прогресса Германіи (31, 33, 55), признавалъ объединяющую силу для имперіи всеобщаго избирательнаго права (62 — 63) и считалъ согласуемой съ преданностью монарху критику дѣйствій правительства (59).

И дѣйствительно, всѣ классы населенія въ Германіи очень ревниво и страстно относятся къ своимъ гражданскимъ правамъ и обязанностямъ какъ въ политикѣ, такъ и въ сферѣ культурныхъ и экономическихъ интересовъ, особенно же къ всеобщему избирательному праву (62—83). Всякое крупное политическое событіе и важное общественное мѣропріятіе открыто обсуждается всѣми слоями населенія въ публичныхъ собраніяхъ, печати, петиціяхъ, адресахъ. Взять хотя бы отношеніе народа къ Umsturzgesetz'у 1894 — 1895 гг. Протестъ народа же похорошилъ въ 1892 г. попытку отдать надзоръ за школой духовенству. Такъ же страстно нѣмцы отнеслись къ торговымъ трактатамъ, къ Zuchthaus-Vorlage, къ закону Гейнце, къ вопросу о правахъ женщины по новому гражданскому уложенію. Таково же отношеніе ихъ и къ другимъ вопросамъ дня (къ рабочему вопросу, напр., и къ увеличенію расходовъ на армію и флотъ).

А, какъ даже знаменитые ученые считаютъ своимъ долгомъ быть и гражданами, можно видѣть хотя бы на примѣрѣ Вирхова (83 — 97), уже въ молодости страстно протестовавшаго противъ общественныхъ порядковъ, при которыхъ крупные землевладѣльцы пользуются преобладающимъ вліяніемъ, заботы о народѣ сосредоточены въ рукахъ бюрократіи, а всѣ честные и образованные люди осуждены на молчаніе (85), въ результатѣ чего получаютъ невыносимыя страданія народа. Братья Гриммы тоже могутъ служить примѣромъ гражданской доблести (252). Такими же гражданами были и Момсенъ, Дюбуа-Реймонъ и другіе знаменитые ученые.

Можно, правда, и въ Германіи найти не мало остатковъ прошлаго и пережитковъ (ненормальныя отношенія къ обществу солдатчины и полиціи, грубые казарменные нравы, положеніе работницъ въ большихъ городахъ и сельскихъ рабочихъ въ восточной Пруссіи и т. д.). Но и тѣни и призраки (Штуммы напр. съ ихъ политикой кнута для непокорныхъ и сладкаго хлѣба для покорныхъ и юнкера съ ихъ глубоко эгоистичными и узкословными повадками и стремленіями) только ярче отбѣиваютъ свѣтъ строя, основаннаго на независимости мнѣнія и свободѣ обсужденія. И при такихъ условіяхъ даже предразсудки и заблужденія, вызывая не стѣсняемую страхомъ критику ихъ, только способствуютъ выясненію истины и устраненію печальныхъ явленій.

Глубоко поучителенъ и открывающій книгу очеркъ „Отъ Фридриха-Вильгельма IV до Вильгельма II" (1—13), т.-е. времени появленія въ Германіи сознательныхъ стремленій и новыхъ запросовъ, распространенія общественнаго самосознанія и умственнаго развитія въ широкихъ кругахъ населенія, пробужденія критическаго отношенія къ дѣйствительности и выработки болѣе совершенныхъ формъ общегитія. Превосходно обрисованы авторомъ слабая личность Фридриха-Вильгельма IV, постоянно колебавшагося между новыми идеями и напелтываніями придворной камарильи (6—11), а также и „прислуга", черезъ которую ему приходилось дѣйствовать, постепенно превратившаяся въ бюрократическую касту, потерявшую всякую культурную миссію, тяжело давившую всѣ сословія своимъ хищничествомъ, надменностью и произволомъ и обманывавшую своего господина, скрывая отъ него все то, что не въ ея интересахъ (6). Печальная это была пора меттерниховскаго произвола, преслѣдовавшей печати, попытокъ задуть самостоятельныя стремленія научной и общественной мысли (414). Но

тѣмъ важнѣе „безумный“ 48-й годъ, кристаллизовавшій и сконцентрировавшій въ себѣ съ особой силой и интенсивностью освободительный процессъ. Отъ него и ведетъ начало новая Германія, такъ какъ только эта „заря свободы и весна народовъ“ принесла нѣмцамъ признание и защиту правъ личности и союзовъ (182), этой *conditio sine qua non* новаго строя (278).

Жизнь общества, основаннаго на „общности культуры“ (140), гласности и общественной самодѣятельности, ярко и захватывающе интересно и изображаетъ г. Юлосъ, при чемъ особое значеніе его книгъ придаетъ талантливость автора, наблюдательность и непосредственность его впечатлѣній. Выгодно отличаетъ книгу г. Юлоса (напр. отъ „Очерковъ современной Франціи“ Кудрина) и вполнѣ приличный и корректный тонъ ея. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ достойный товарищъ г. Діонео съ его „Очерками современной Англіи“.

Жаль только, что авторъ не переработалъ свои глубоко поучительныя и интересныя замѣтки въ связные и цѣльные очерки нѣмецкой жизни (наподобіе хотя бы однородныхъ книгъ гг. Кудрина и Діонео), а бросивъ на стр. 97-й попытки систематизировать содержаніе книги, въ остальной и большей части ея (стр. 97—496) даетъ безъ всякой переработки 93 корреспонденціи въ „Русскія Вѣдомости“ отъ 6 ноября 1891 года по 22 июля 1901 года въ хронологическомъ порядкѣ, сохранивъ въ нихъ всѣ недостатки спѣшной газетной работы, сказывающіеся особенно рѣзко теперь, когда эти корреспонденціи собраны въ одну книгу и утратили интересъ злобы дня.

С. Ш.

А. И. Чупровъ. Мелкое земледѣліе въ Россіи и его основныя нужды. Москва. 1904.

Небольшая брошюрка—оттискъ изъ „Русскихъ Вѣдомостей“—представляетъ собою заключительную лекцію къ курсу, прочитанному ея авторомъ въ Парижѣ, въ высшей русской школѣ общественныхъ наукъ. Содержаніе этой книжки настолько значительно, изложеніе такъ убѣдительно и красиво, что нельзя не пожелать возможно широкаго ея распространенія во многихъ тысячахъ экземпляровъ по всей Россіи.

Нарисовавъ картину измѣненій въ строѣ мелкаго хозяйства Германіи, гдѣ подъ вліяніемъ новыхъ агрономическихъ открытій, новыхъ способовъ распространенія знаній и новыхъ разнообразныхъ примѣненій коопераціи удалось значительно поднять урожайность, А. И. Чупровъ переходитъ къ судьбамъ русскаго крестьянства.

Населеніе у насъ съ 1861 по 1900 возрасло на 79%, а площадь надѣльной земли оставалась почти неизмѣнной. Отсюда пониженіе размѣра надѣла почти вдвое (съ 4,8 дес. до 2,6 дес.). Между тѣмъ техника земледѣлія оставалась все той же. Естественнo, что для прокормленія увеличившагося населенія пришлось расширить площадь пашни за счетъ кормовой площади. Неурожаи хлѣба и травъ привели въ связи съ отмѣченнымъ обстоятельствомъ къ сокращенію количества скота. Недостатокъ удобренія и дурная техника обусловливаютъ чрезвычайно низкіе урожаи на крестьянской землѣ. Крестьянство все болѣе и болѣе раздѣляется. Чѣмъ и какъ же ему помочь? „Примѣры Западной Европы,—говоритъ А. И. Чупровъ,—указываютъ намъ, гдѣ слѣдуетъ искать выхода изъ того положенія, въ которомъ очутилось крестьянство. Нужно во что бы то ни стало измѣнить технику крестьянскаго хозяйства“ (стр. 15). Трехполье отжило свой вѣкъ. Развѣ можно оставлять подъ паромъ цѣлую третью пахотной земли, когда цѣна на нее дошла до 150, 200 и даже 300 руб. за десятину, а арендная плата достигаетъ нерѣдко 20—30 руб. за десятину? Нельзя довольствоваться и ничтожными жатвами, которыя сплошь и рядомъ не оправдываютъ даже арендной платы. Необходимо перейти къ травополью и многополью, необходимо широко пользоваться минеральными удобрениями. Но на это возражаютъ,—считая такія задачи палліативами, полумѣрами. Главная бѣда, говорятъ, въ томъ, что у крестьянина земли мало, и надо сдѣлать такъ, чтобы крестьянскій надѣлъ увеличился. А. И. Чупровъ дѣлаетъ предположеніе, что какимъ-нибудь „чудомъ“ вся удобная земля, находящаяся въ Европейской Россіи, попадетъ въ руки крестьянъ. Что будетъ тогда? Площадь крестьянскихъ земель увеличится въ среднемъ на 42%, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ и теперь до 90% и болѣе въ рукахъ крестьянъ, „прибавка крестьянскаго землевладѣнія—пустое слово“. Между тѣмъ улучшение техники, самое примитивное и всѣмъ доступное, достаточно было бы для

того, чтобы поднять урожай наполовину против нынешняго. Агрономы замѣтили, что одного лучшаго подбора сѣмянъ почти что достаточно для полученія такой прибавки. Доведеніе же урожая до средняго за послѣдніе годы въ Германской имперіи въ три съ половиною раза превысило бы эффектъ обращенія въ крестьянское пользование всей земли Европейской Россіи. Но послѣднее невозможно и потому, что предполагаетъ „чудо“. Обычныя же пути расширенія крестьянскаго землевладѣнія (крестьянскій банкъ, переселеніе) до того медленны, что не поспѣваютъ даже за ежегоднымъ приростомъ населенія. Причины трудности расширенія землевладѣнія одной группы населенія за счетъ другой понятны. Усовершенствованіе же техники находится въ зависимости лишь отъ знаній и средствъ, „не сталкиваясь ни съ какими политическими теченіями или приобретенными правами“. На пути развитія техники не можетъ стать тормазомъ община. „Мудрено,—замѣчаетъ А. И. Чупровъ,—доказывать недоступность усовершенствованной техники для крестьянъ-общинниковъ послѣ того, какъ въ послѣдніи 10—15 лѣтъ многія тысячи крестьянскихъ общинъ въ разныхъ частяхъ Россіи съ успѣхомъ осуществили самый трудный шагъ на пути къ раціональному земледѣлю—перешли отъ трехполья къ многополью съ посѣвомъ травъ“ (30).

Но вѣдь для распространенія техническихъ улучшеній нужны десятилѣтія, быть можетъ, вѣка? Такъ было на Западѣ. Да, если распространеніе идетъ стихійно, постепенно. Но если нужда такъ назрѣла и такъ долго остается неудовлетворенной, какъ у насъ, тогда всякій лучъ свѣта озаряетъ сразу громадные полюсы темнаго пространства, тогда знанія впитываются жадно, какъ влага засохшей земли, тоскующей по дождю. Посмотрите на тѣ удивительныя примѣры, о которыхъ рассказываетъ А. И. Чупровъ, вспомните кое-что изъ своихъ наблюденій, если видѣли деревню и думали о ея нуждахъ, и невольно согласитесь съ тѣмъ, что среди крестьянъ уже началось движеніе къ перестройкѣ земледѣльческихъ порядковъ, что оно быстро развивается и ждетъ своихъ работниковъ, ждетъ помощи отъ знающихъ, опытныхъ людей. Для перестройки хозяйства нуженъ кредитъ. Но авторъ полагаетъ, что и это не непреодолимое затрудненіе. Кредитъ подъ улучшеніе, на мѣры, которыя, несомнѣнно, повысятъ продуктивность хозяйства, вполне цѣлесообразенъ и осуществимъ.

Итакъ, „техника крестьянскаго хозяйства, а съ нею и благосостояніе деревни могли бы быть быстро повышены, если бы обезпеченъ былъ приливъ въ народную среду знаній и капиталовъ“. „Нужно однако помнить,—вполнѣ основательно прибавляетъ А. И. Чупровъ,—что такая задача, какъ поднятіе доходности многихъ миллионныхъ мелкихъ хозяйствъ, не можетъ быть разрѣшена изъ одного центра. Здѣсь требуется приложеніе силъ въ безчисленныхъ пунктахъ страны; здѣсь необходимы соединенныя усилія просвѣщенныхъ людей, разбросанныхъ въ разныхъ концахъ Россіи“.

Авторъ призываетъ къ бодрой „молекулярной“ работѣ на помощь обезсиленной деревнѣ. Онъ увѣренъ въ успѣхѣ, онъ предостерегаетъ отъ всякаго промедленія, которое „невъразимо дорого обходится въ странѣ“.

Невольно хочется воскликнуть словами поэта: „Гдѣ же вы съ бодрыми лицами, гдѣ же вы съ полными жита кошницами?“

Брошюра А. И. Чупрова выдвигаетъ подлинно національную задачу. Когда только эта идея станетъ „дѣйственной“ національной идеей?..

М. Фридманъ.

Титъ Лукрецій Каръ: „О природѣ вещей“. Переводъ съ латинскаго разиѣромъ подлинника Ив. Рачинскаго. М. 1904 г. „Скорпионъ“.

Немногочисленные друзья древности не могутъ не порадоваться, что одинъ изъ самыхъ гениальныхъ поэтовъ Рима, далеко превосходящій силою непосредственнаго творчества и искренностью всю блестящую августовскую плеяду, нашелъ себѣ, наконецъ, такого почитателя въ средѣ русской литературы, который далъ намъ не дубовый переводъ прозой (Клевановъ) и не отгдѣнные фрагменты гексаметромъ (Базинеръ, Марковниковъ), а полный стихотворный переводъ.

Это гениальное произведеніе интересно какъ документъ для исторіи философіи, какъ отраженіе извѣстнаго культурно-историческаго момента, наконецъ, какъ одно изъ самыхъ изумительныхъ созданій поэтическаго творчества. Де гегem patiga требуетъ поэтому отъ переводчика одновременно и философскаго, и филологическаго образованія и, кромѣ того, еще значительнаго поэтическаго

дарованія. Надо замѣтить однако, что и при наличности всѣхъ этихъ условий, философская терминологія и нѣкоторые прекрасные архаизмы Лукреція подчасъ совершенно непередаваемы.

Весьма добросовѣстный, въ общемъ, трудъ г. Рачинскаго, къ сожалѣнію, страдаетъ порою довольно значительными недочетами какъ въ философскомъ, такъ и въ филологическомъ и поэтическомъ смыслахъ.

Досадные lapsus'ы начинаются уже въ вводной статьѣ. Такъ, авторъ говоритъ: „Въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х. о Лукреціи писалъ блаженный Иеронимъ“ (стр. VIII). Между тѣмъ Иеронимъ умеръ 30 сентября 420 и переведенную имъ хронку Евсевія, о которой упоминаетъ г. Рачинскій, довелъ до 378 г. Въ самой цитатѣ неудобно также ставить 1924 годъ отъ Авраама и въ то же время говорить, что до христіанской эры это будетъ 95 или 94 годъ, такъ какъ 1924, вычтенныя изъ даты Авраама, даютъ всего только 93. Послѣ критическаго изданія Schoene (Munro II, 1) читаютъ или 1922 или 1923 = Olymp 171, 3 = ab U. C. 660, ante C. N.—94. Далѣе, такъ какъ конечную дату, дату смерти нужно понимать у Иеронима какъ порядковое числительное, а не какъ количественное (ср. Munro II, 1: „in his 44-th year“), то выходитъ 95—43=52, каковой годъ и принимается обыкновенно за годъ смерти Лукреція. По г. Рачинскому же выходитъ, что 93—44=49 или 93—43=50. Затѣмъ свидѣтельство Иеронима отнюдь не представляетъ собою твердо установленной истины; существуютъ противорѣчающія данныя. Поэтому удобнѣе было бы или совсѣмъ не приводить его замѣтки или же привести параллельно съ ней случайное замѣчаніе Доната въ биографіи Вергілія, измѣняющее на нѣсколько лѣтъ приведенныя данныя (см. Munro, II, 1). Далѣе, на стр. XIV: „Первое критическое изданіе съ примѣчаніями сдѣлано въ Парижѣ 1534 г. Діонисіемъ Ламбиномъ“. См. однако Munro I, 4: „He (Dionysius Lambinus) dates his address to Charles IX 1 November 1563 and afterwards speaks of his first edition as published in that year; though the title — page of my copy has 1564“. Стр. VIII: „Суровый догматизмъ портика... имѣлъ такихъ видныхъ представителей, какъ Гай Блоссій (обычно пишутъ Блосій) и Панетій...“ Изъ сохранившихся извѣстій о Блосіи (Plut. Tib. Gracch 20 и Cic. Lael. 11, 37) ничего нельзя заключить о немъ, какъ о философѣ. Извѣстно, что онъ стоялъ на сторонѣ Гракховъ, а затѣмъ въ распряхъ изъ-за наслѣдства Атала III-го на сторонѣ Аристоника. Едва ли возможно поэтому сопоставлять его съ такимъ виднымъ представителемъ Стои, какъ Панетій. На стр. III авторъ, указывая на несамостоятельность Эпикура въ физикѣ, не упомянулъ о единственной оригинальной чертѣ эпикурейскаго атомизма: „declinare dixit atomum perpaulum“ (Cic. de fin. I, 17); „ait atomum, cum pondere et gravitate directo deorsus feratur, declinare paululum“ (Cic. de N. D. I, 69). Стр. XIV—Niccolo Niccoli обратился въ Николи Николи и пр.—мелочи, но досадныя мелочи. Въ общемъ введеніе производитъ такое впечатлѣніе, что авторъ не далъ себѣ отчета, для кого онъ писалъ: для публики или для специалистовъ; если для публики, то статья слишкомъ громоздка, если для специалистовъ, то слишкомъ легковѣсна.

Г. Рачинскій, очевидно, хорошо владѣетъ языкомъ, и ошибокъ, обусловленныхъ исключительно незнакомствомъ съ духомъ и строемъ латинскаго языка, у него почти не встрѣчается. Но какъ только заходитъ рѣчь объ эпикурейской философій, возникаютъ весьма существенныя, искажающія смыслъ ошибки; вполнѣ удовлетворительная филологическая подготовка г. Рачинскаго не имѣетъ подъ собою такого же философскаго фундамента. Такъ, напримѣръ, существенно искаженіе гносеологии Эпикура въ III, 430 (счетъ по Бернайсу):

„quippe ubi *imaginibus* fumi nebulaeque movetur“

у г. Рачинскаго:

431. „зрѣлище тучъ или дыма будить въ ней ужъ можетъ движеніе“.

Ошибка важная, если обратить вниманіе на то, что *imago* = *simulacrum* = εἰδωλον.

Въ стихѣ 434 вмѣсто необычнаго перевода „εἰδωλον“ черезъ „imago“ употребленъ болѣе привычный терминъ „simulacrum“,—однако г. Рачинскій снова употребляетъ слово: „зрѣлище“. Несмотря на то, на стран. 105 замѣчено: „Образы вещей (simulacra), какъ чрезвычайно легкія и тонкія оболочки“ etc.

Лукреціи, возражая противъ Демокрита, учившаго, что атомы души и тѣла расположены поочередно, доказываетъ, что разстояніе между атомами души не-

сравненно шире и равняется величинѣ минимальнаго ощущаемаго нами тѣла. Текстъ гласить такъ:

378. *quantula priva queant nobis iniecta ciere
corpora sensiferos motus in corpore, tanta
intervalla tenere exordia priva (prima) animai,*

что значить буквально: „сколь малое тѣло, къ намъ прикоснувшееся, можетъ впервые возбудить въ тѣлѣ чувство движенія, такого же размѣра разстояніе соблюдаютъ между собою отдѣльныя (первичныя) стихіи души“. У г. Рачинскаго совершенно другая мысль:

„Сколько въ суставахъ зачатковъ первичныхъ такихъ залегаетъ,
Коя у насъ въ состояннн создать побужденія чувства,
Столько же мѣстъ занимають души родовыя зачатки“, —

не говоря уже о неудобствѣ, съ точки зрѣнія психологіи, передачи „sensiferos motus“ черезъ „побужденія чувства“ cf. III, 240, 568.

417. „Nunc age, nativos animantibus et mortalis
esse animos animasque levis ut noscere possis“...

передано такъ:

„Нынѣ сказать я намѣренъ, что духъ и душа возникаютъ
И умирають съ созданьями вмѣстѣ, чтобъ понять
Лучше ты мысли“...

т.-е. levis принято за опредѣленіе къ tu, скрытому въ noscere. Между тѣмъ levis поставлено вмѣсто leves и относится къ animas. Сравни переводъ Munro: „Now mark me: that you may know that the minds and light souls“... cf. Epicur. Epist I ap. Diog. X 63; p. 19 Usener; Ritter-Pr., § 378 A: „ἢ φύγι σῶμα ἔστι λεπτομερές“... Lucret III, 425. „principio quoniam tenuet“...

188. „praeterea pariter fungi cum corpore et unâ
consentire animam nobis in corpore cernis“

ср. „Дальше мы видимъ, что тѣло и духъ въ направленнн единомъ
Дѣйствуютъ и заодно ощущенія приемиють другъ съ другомъ.“

„Fungi“ у Лукреція всегда = *πίσσειν* (cf. Diog. Laert X, 67). Munro очень хорошо: „Again you perceive that our mind in our body suffers together with the body and feels in unison with it. Что *πίσσειν* и *πίσσειν* передаются у Лукреція противоположеніемъ *facere* и *fungi*, особенно ясно изъ I, 443 v.:

„at *facere* et *fungi* sine corpore nulla potest res“.

Обращаетъ на себя вниманіе также неустойчивость въ передачахъ нѣкоторыхъ техническихъ терминовъ, какъ, напр., *varog*, которое у Лукреція является синонимомъ *salog*, представляющаго въ свою очередь переводъ изъ Эпикура; поэтому нельзя передавать *varog* черезъ „паръ“, что авторъ перевода дѣлаетъ даже тогда, когда *varog* = *πίσσειν* = чадъ:

III, v. 432 „*exhalare varogem altaia ferreque fumum*“.

„Видимъ, какъ дымъ и пары отъ него (жертвенника) поднимаются къ небу“.

Впрочемъ, это уже ошибка по отношенію къ языку; онѣ встрѣчаются не такъ часто и, конечно, не такъ вредятъ пониманію, хотя иногда и приводятъ къ неточностямъ, напр.:

655. „Если тебѣ есть охота разрѣзать на мелкія части
Длинное тѣло змѣи, угрожающей жаломъ дрожащимъ
И извивающей хвостъ то туда, то сюда, ты замѣтишь,
Какъ всѣ кусочки отдѣльныя вслѣдствіе ранъ своихъ свѣжихъ
Корчатся въ мукѣ жестокой и ядъ выпускають на землю“.

Въ подлинникѣ „*tabum*“, что никогда не можетъ значить *ядъ* и обозначаетъ сукровицу, испорченную, гноевидную (cf. *tabeo*, *tabidus*, *tabes*) кровь. У Munro—*gore*... Едва ли куски разрѣзанной змѣи могутъ испускать ядъ.

Попадаютъ еще мелкія неточности, какъ, напр.:

381. „Мы вѣдь не чувствуемъ *воосе*, какъ пыль прикасается къ тѣлу“

вмѣсто „interdum“—„порю“, что измѣняетъ смыслъ; v. 382—„creta“=пудра, а не известъ; v. 387—„parrus“ не значить пухъ; parrus=сѣмячко, имѣющее какъ бы волосной придатокъ, вслѣдствіе котораго оно переносится съ {одного мѣста на другое; встрѣчаются у чертополоха и одуванчика. Поэтому Munro не говоритъ просто „down“, но „down of plants“.

367—9. Нѣтъ, если вправду твердятъ, что глаза наши суть только

двери,
То, потерявши глаза, еще далѣе видѣть могла бы
Наша душа оттого, что *косякъ* ей дверной не мѣшалъ бы“.

Въ подлинникѣ postis; postes — собственно „боковые дверные косяки“, въ противоположность limen superius—верхняя перекладина, и limen inferius—порогъ. Но въ языкѣ поэзіи postes метонимически = дверямъ (Aen. II, 480, 493; Tibul. I, I, 73). Косякъ едва ли можетъ воспрепятствовать смотрѣть. „Nervus“ вездѣ передано черезъ „нервъ“ вмѣсто „сухожилія“ и т. д.

Что касается, наконецъ, внѣшне-литературной стороны перевода, то, не представляя собою выдающихся поэтическихъ достоинствъ, онъ читается довольно свободно. Жаль только, что иногда авторъ, чувствуя себя безсильнымъ предъ недающимъ ему стихомъ, прибѣгаетъ къ насилію надъ просодіей, какъ, напр.:

I, 609. „Болѣе въ силу тѣхъ свойствъ, что присущи тѣламъ *наипростѣйшимъ*“...

Попадается даже четырехсложная стопа:

I, 15. „Прыгая черезъ ручьи. *И такимъ* образомъ твари живыя“...

Всѣ эти замѣчанія сдѣланы нами исключительно потому, что мы надѣемся видѣть 2-е издание перевода г. Рачинскаго, видѣть его болѣе свободнымъ отъ досадныхъ lapsus'овъ и, замѣтимъ, болѣе щедрымъ по количеству экземпляровъ (первое имѣетъ ихъ только 400).

Н. В. Самсоновъ.

Комиссія по организаціи домашняго чтенія, состоящая при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній. — Эпизодическія программы. Серія I. Изданіе 2-е. Москва 1904 г.

По примѣру нѣкоторыхъ англійскихъ и американскихъ обществъ содѣйствія распространенію университетскаго образованія въ широкихъ слояхъ народа, и у насъ, въ Россіи, въ 1895 г. образована была особая комиссія по организаціи домашняго чтенія, состоящая при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ. Комиссія эта, въ составъ которой въ настоящее время входитъ болѣе 200 членовъ, къ 1900 году успѣла издать всѣ четыре выпуска программъ примѣнительно къ 4-хголичнымъ систематическимъ университетскимъ курсамъ по различнымъ отраслямъ научнаго знанія. Этой цѣлью—распространеніемъ въ широкихъ кругахъ читающей публики систематическаго университетскаго образованія—опредѣлялся выработанный комиссіей типъ программъ домашняго чтенія. Онѣ имѣютъ въ виду средней уровень читателя, привыкшаго къ чтенію серьезныхъ научныхъ книгъ и желающаго восполнить пробѣлы своего образованія путемъ систематическаго домашняго чтенія. Каждый выпускъ содержитъ въ себѣ программы систематическаго чтенія: 1) По семи основнымъ отдѣламъ научнаго знанія — науки математическія, науки о природѣ неорганической (физико-химическія), о природѣ организованной (биологическія), философскія, общественно-юридическія, исторія и исторія литературы, 2) по этнографіи и 3) по отдѣльнымъ вопросамъ или темамъ болѣе или менѣе спеціальнаго характера, напр., изъ химіи—о горѣніи, изъ русской исторіи—о жизни и дѣятельности Сперанскаго. Въ цѣляхъ облегчить читателямъ усвоеніе научнаго матеріала комиссія въ своихъ программахъ помѣщаетъ руководящія указанія, обзоры и проверочные вопросы. Она входитъ и въ непосредственныя сношенія со своими читателями, просматривая письменныя работы, конспекты и отвѣты читателей на проверочные вопросы. Имѣя въ виду распространеніе знаній въ широкихъ кругахъ провинціальной публики, комиссія снабжаетъ своихъ читателей книгами на льготныхъ условіяхъ и за свое руководство чтеніемъ взимаетъ весьма умѣренную плату (отъ 1 до 3 руб. въ годъ).

Издавъ четыре выпуска программъ систематическаго домашняго чтенія, московская комисиія въ послѣднее время выступила съ новымъ весьма полезнымъ начинаніемъ. Программы систематическаго чтенія имѣли въ виду главнымъ образомъ одну все-таки немногочисленную категорію читателей, располагающихъ достаточнымъ досугомъ для усвоенія обширныхъ четырехгодичныхъ университетскихъ курсовъ по различнымъ отраслямъ знанія. Оставалась болѣе обширная группа лицъ, стремящихся къ самообразованію, запросы которыхъ отличаются болѣе элементарнымъ характеромъ и которыя желали бы основательно ознакомиться не съ цѣлыми научными дисциплинами, а съ отдѣльными вопросами, съ тѣми или иными частями основныхъ отдѣловъ научнаго знанія. Идя навстрѣчу потребностямъ этой категоріи своихъ читателей, комисиія по организаціи домашняго чтенія издала въ сентябрѣ 1903 года *I-ую серію эпизодическихъ программъ*¹⁾. Программы эти составлены очень интересно: въ предѣлахъ небольшой брошюры помѣщены краткія и въ то же время основательно разработанныя программы чтенія по 12-ти отдѣльнымъ вопросамъ изъ разныхъ отраслей научнаго знанія. Вотъ перечень этихъ эпизодическихъ программъ: Древній Египетъ, Средневѣковый городъ, Исторія французской революціи, Смутное время въ Московскомъ государствѣ, Валленштейнъ Шиллера, Байронъ и его время, Новгородскія быliny, Городское хозяйство и городскіе финансы, Факторы преступности, Основы судебныхъ реформъ 1864 г. въ Россіи, Вопросъ о смертной казни въ старой и новой литературѣ. Программы составлены по тому же типу, какъ и систематическія: по каждому отдѣлу даются общія указанія, обзоры, намѣчаются планы занятій и темы для письменныхъ работъ, и затѣмъ предлагается рядъ провѣрочныхъ вопросовъ. За руководство чтеніемъ по этимъ эпизодическимъ программамъ назначена плата отъ 1 до 5 р., смотря по сложности вопроса. Новыя программы сразу же приобрѣли широкую популярность, и чрезъ шесть мѣсяцевъ потребовалось уже второе ихъ изданіе, которое и появилось въ мартѣ текущаго года. Въ этомъ выпускѣ вмѣсто программы № 5 (Героини Ибсена) помѣщены двѣ новыхъ темы — „Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи“ и „Растительныя сообщество средней Россіи“. Надо надѣяться, что это новое симпатичное предпріятіе московской комисиіи послужитъ хорошимъ средствомъ къ распространенію научныхъ знаній въ широкихъ кругахъ русскаго общества.

В. Ө. Икономовъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Научнаго Слова“.

Отчетъ библиотеки Общества взаимнаго вспомошествованія приказчиковъ-евреевъ г. Одессы. Одесса. 1904 г.

Уткинскій сборникъ. I. Письма В. А. Жуковскаго, М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой. Съ 4 портретами. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Изданіе М. В. Безръ. М. 1904. Ц. 2 р.

В. Нилендеръ и П. Лебедевъ. Краткій курсъ качественного химическаго анализа. М. 1903. Ц. 65 к.

Я. О. Кузнецовъ. Становые управители ярославской провинціи. Изданіе Владимірской ученой архивн. комиссіи. Владимір-на-Клязьмѣ. 1904.

Очеркъ десятилѣтней дѣятельности Общества по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамбовской губ. въ связи съ исторіей его образованія. Тамбовъ. 1904.

Э. Лесгафтъ. Краткій курсъ физической географіи. Изд. 2-е, исправл. и дополненное. 1904 г. Ц. 1 р.

Тамъ же. Очерки и рассказы. Томъ четвертый. 2-е издан. Ц. 1 р.

Его же. Кто первый пролилъ на землѣ кровь. Ц. 4 к.

Его же. Пашенькина смерть. Ц. 7 к.

Его же. Черный студентъ. Ц. 4 к. С.-Петербургъ. Изданія И. Глаголева:

¹⁾ На дняхъ появилась уже и II-ая серія. Въ нее входятъ слѣдующіи программы: № 1. Корея. А. А. Борзова. № 2. Японія. М. Н. Коваленскаго и С. Г. Гурьорскаго. № 3. Право войны. А. С. Яценко. № 4. Средневѣковая исторія Англіи. Д. М. Петрушевскаго. № 5. Горе отъ ума. Ю. И. Айхенвальда. № 6. Анна Каренина. Романъ гр. Л. Н. Толстого. И. Н. Розанова. № 7. Дарвинизмъ. Н. К. Колцова.

Обзоръ вѣшной торговли Россіи по европейской и азиатской границамъ за 1902 годъ. Изданіе Департамента Таможенныхъ Сборовъ. С.-Петербургъ. 1904.

Вѣшняя торговля по европейской границѣ за декабрь и за весь 1903 г. Выпускъ 225. Труды статистическаго отдѣленія Департамента Таможенныхъ Сборовъ. С.-Пб. 1904.

Д. Мережковскій. Дафнисъ и Хлоя. Повѣсть Лонгуса. С.-Пб. 1904. Изданіе М. В. Пирожкова. Ц. 1 р. 25 к.

А. Е. Крымскій. Филологія и Погодинская гипотеза. Отт. изъ журнала „Кіевская Старина“. Кіевъ. 1904.

В. А. Гольцевъ. Дѣти и природа въ рассказахъ А. П. Чехова и В. Г. Короленко. М. 1904. Изд. ред. журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“. Ц. 6 к.

Вильямъ Шекспиръ. Отелло. Въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы И. И. Иванова. М. 1904. Ц. 20 к. Приложение къ журналу „Дѣтское Чтеніе“.

Л. Ш. Медвѣдевъ. Старая трубка. Рассказъ изъ военнаго быта. Изд. редакціи журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“. М. 1904. Ц. 25 к.

Н. А. Скворцовъ. Въ царствѣ животныхъ. Со многими рисунками. Популярныя очерки по зоологіи. Изд. редакціи журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“. М. 1904. Ц. 25 к.

Н. П. Дружининъ. Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Изданіе III-е, ред. журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“. М. 1904. Ц. 60 к.

Е. Th. Erdmann. Drei Beiträge zu einer allgemeinen Theorie der „Begriffe“. Leipzig. 1904.

В. Капелькинъ и А. Флеровъ. Учебникъ ботаники для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I (Цвѣтковыя). М. 1905. Ц. 70 к.

Н. М. Студеновъ. Отчетъ по второй очередной выставкѣ сѣмянъ полевыхъ, плодовыхъ и огородныхъ растений 1903 г. въ Тулѣ.

В. Бабенчиковъ. Какъ учить рисовать. Лодзь.

Ц. Балталонъ. Посobie для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. Изданіе 5-е. М. 1904. Ц. 70 к.

Третій всероссійскій шахматный турниръ. Изданіе „Шахматнаго Обзорънія“ М. 1904. Ц. 3 р.

Докучаевъ. Сборникъ статей, посвященныхъ его памяти. Изданіе журнала „Почвовѣдніе“. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Prof. Dr. Carl Posner und Dr. Philipp M. Blumenthal. Die Klinische Ausbildung der Aerzte in Russland. Iena. 1904. Abdruck aus den Klinischen Jahrbuch.

Физикъ-любитель. № 1. Николаевъ. 1904.

Императорское Русское Техническое Общество. Третій съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ Россіи. Секція IV. Коммерческое образованіе. Часть I и часть II. Издано подъ редакціей предсѣдателя секціи А. Н. Глаголева. М. 1904.

Комиссія по организаціи домашняго чтенія, состоящая при Учебномъ отдѣлѣ О. Р. Т. Зн.

Удостоена серебряной медали на всемірной выставкѣ въ Парижѣ.

Цѣль Комиссіи придти на помощь людямъ, желающимъ посредствомъ чтенія пополнить пробѣлы своего образованія, для чего Комиссія издала „программы домашняго чтенія“, рассчитанныя на четырехгодичный курсъ, и I серію „эпизодическихъ программъ“ и письменно руководить занятіями. Вышли въ свѣтъ:

1. Программа домашняго чтенія на I годъ систематическаго курса, изд. 6-е. Цѣна 35 коп., съ пересылкой 48 коп., в/п. 65 коп.

Программы домашняго чтенія на II г. систематическаго курса, изд. 3-е. Цѣна 45 коп., съ пересылкой 63 коп., нал. пл. 80 коп.

Программы домашняго чтенія на III г. систематическаго курса, изд. 3-е. Цѣна 60 коп., съ пересылкой 85 коп., нал. пл. 95 коп.

Программы домашняго чтенія на IV г. систематическаго курса, изд. 2-е. Цѣна 60 коп., съ пересылкой 87 коп., нал. пл. 97 коп.

Въ программахъ на каждый годъ помѣщены: предисловіе, правила для сношенія читателей съ Комиссіей, составъ Комиссіи, списокъ пожертвованій въ ея пользу, планъ систематическаго чтенія на четыре года и 7 отдѣловъ: 1) математическій, 2) физико-химическій, 3) біологическій, 4) философскій, 5) общественно-юридическій, 6) историческій и 7) исторія литературы.

Вышли въ свѣтъ:

I Серія эпизодическихъ программъ, изд. 2-ое. Цѣна 20 коп. съ пересылкой, нал. пл. 41 коп. Содержание: я отдѣльны Progr.: 1) „Пирамида“, состав. М. О. Гершензонъ, 2) „Средневѣковые города“, сост. А. К. Дживелеговъ, 3) „Исторія французской революціи“, сост. М. Н. Коваленскій, 4) „Смутное время въ Московскомъ государствѣ“, сост. Н. Н. Алябьевъ, 5) а) „Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи“, сост. В. А. Краснокутскій и К. К. Нотгафтъ, 5) в) „Растительныя сообщества средней Россіи“, сост. А. Θ. Флеровъ, 6) „Валленштейнъ Шиллера“, сост. А. Θ. Лютеръ, 7) „Байронъ и его время“, сост. П. С. Коганъ, 8) „Новгородскія былины“, сост. Н. М. Мендельсонъ, 9) „Городское хозяйство и городскіе финансы“, сост. П. П. Гензель, 10) „Факторы преступности“, сост. Н. Н. Полянскій, 11) „Основы судебной реформы 1864 г. въ Россіи“, сост. С. В. Познышевъ и его же 12) „Вопросъ о смертной казни въ старой и новой литературѣ“. Условія руководства занятіями читателей приложены къ каждой программѣ. Складъ изданій: Б. Никитская, д. Рихтеръ, кв. 5. Москва, и отдѣльно каждая Progr. изъ I серіи: книжн. магаз. „Грамотей“, Б. Никитская, д. де-Норманъ.

См. выше—выноски къ замѣткѣ В. Θ. Икономова.

Засѣданія ученыхъ обществъ при Московскомъ университетѣ.

Императорское Общество любителей естествознанія антропологін и этнографін.

Этнографическій отдѣлъ.

19 февраля 1904 г.—сообщенія: *С. К. Кузнецовъ*: Помянки у черемисъ на Страстной недѣлѣ и въ Троицу. *Б. В. Рудинъ*: Народная свадьба, наговоры и пѣсни въ Кинешемскомъ и Костромскомъ уѣздахъ.

21 февраля — публичное засѣданіе этнографическаго отдѣла и музыкально-этнографической комиссіи. Сообщение *Д. И. Аракчиѣва*: Сравнительный обзоръ грузино-имеретинской музыки.

6 апрѣля — сообщенія: *С. К. Кузнецовъ*: Загробныя вѣрованія черемисъ. *Н. Л. Бродскій*: Слѣды профессиональныхъ сказочниковъ въ русскихъ сказкахъ.

7 апрѣля—сообщенія: *Н. А. Янчукъ*: Кн. Вл. Фед. Одоевскій и его отношеніе къ русской музыкѣ—церковной и народной. *А. В. Марковъ*: По сѣверу Россіи. Впечатлѣнія изъ этнографическихъ экскурсій. *Е. Д. Линева*: Малорусскія народныя пѣсни и ихъ собиратели. По поводу гѣтней поѣздки въ Малороссію съ музыкально-этнографическою цѣлью. Чтенія гг. Линевой и Маркова сопровождались иллюстраціями на экранѣ и исполненіемъ народныхъ пѣсенъ солистами и хоромъ, а также игрою на лирѣ и бандурѣ.

8 апрѣля—засѣданіе Общества и его химическаго отдѣленія, посвященное памяти Владиміра Васильевича Марковникова.

Сообщенія: *А. Н. Реформатскій*: Дѣятельность В. В. Марковникова въ Казанскомъ университетѣ. *И. А. Каблуковъ*: Дѣятельность В. В. Марковникова въ Московскомъ университетѣ. *М. Н. Поповъ*: Теорія взаимнаго вліянія атомовъ въ химическихъ соединеніяхъ. *М. И. Коноваловъ* (прочиталъ *А. М. Беркетеймъ*): Работы В. В. Марковникова по изслѣдованію кавказской нефти и работы, связанныя съ этими изслѣдованіями.

22 апрѣля—сообщеніе *С. К. Шамбинаго*: Къ литературной исторіи старинъ о Вольгѣ.

Зоологическое отдѣленіе.

7 марта 1904 г.—сообщенія: *М. А. Кожеевникова*: Памяти С. М. Переяславцевой. *В. И. Граціанова*: Къ ихтиофаунѣ сѣвера Россіи. *М. П. Сомовъ*: Канинскіе моллюски. *А. В. Мартыновъ*: Канинскія Trichoptera. *Г. А. Кожеевниковъ*. Къ вопросу о развитіи при ненормальныхъ условіяхъ.

23 апрѣля — сообщенія: *С. В. Покровскій*: а) Пауки, собранные канинской экспедиціей на Мезенскомъ побережьи и Канинскомъ полуостровѣ. б) Пауки острова Колгуева, собранные *С. А. Бутурлинымъ*. *Н. В. Болоявленскій*: О почкованіи Zoobothryon. *Л. Л. Сабаньевъ*: О коллекціяхъ Amphibia и Reptilia зоологическаго музея Московскаго университета.

Антропологическій отдѣлъ.

28 февраля—сообщения: *Д. П. Косоротовъ*: Ритуальныя поврежденія у шюпцовъ. *Н. А. Вологинъ*: О взаимоотношеніяхъ черепныхъ дугъ и хордъ.

14 апрѣля—сообщения: *И. И. Майновъ*: О лицевомъ углѣ якутовъ, тунгусовъ и русскихъ якутянъ. *А. Н. Джаваховъ*: Къ антропологии карталинцевъ. *А. А. Ивановскій*: Опытъ антропологической классификаціи населенія Россіи.

Географическое отдѣленіе.

1 марта—сообщения: *Ю. М. Шокальскій*: О картѣ Россіи въ атласѣ Маркса и о работахъ по гипсометріи въ Россіи. *И. П. Силиничъ*: Распрежденіе вѣтровъ по обѣ стороны Кавказскаго хребта въ связи съ орографіей мѣстности (предварительное сообщеніе). *Д. Н. Анучинъ*: О литературѣ по Японіи.

10 апрѣля—публичное засѣданіе Общества и его географическаго отдѣленія—сообщения: *А. Ф. Флерова*: Озера и болота Закалѣйскаго бора Владимірской губ. *В. С. Ематъевскаго*: Озеро Косоголь въ сѣв.-зап. Монголіи. Оба сообщенія сопровождалась демонстраціей на экранѣ.

Отдѣленіе физиологій.

17 февраля—I. Рѣчь: *П. Г. Статкевича*: Броунъ-Секаръ и его работы.

II. Сообщения: *Д. М. Щербачева*: О діагностическомъ значеніи склеренхимныхъ кѣтокъ *Thea Chinensis*. *П. П. Лазарева*: Къ вопросу о связи между органами слуха и зрѣнія (предвар. сообщеніе).

III. Демонстрація: Діапозитивовъ климатическихъ станцій.

I. Сообщения: *С. Ф. Штейна*. Движеніе эндолимфы лабиринта съ демонстраціей модели. *Д. Д. Плетнева*: Вліяніе повышенія давленія на ритмическую дѣятельность сердца.

II. Демонстрація: *К. Ф. Тарасова*: Діапозитивовъ климатическихъ станцій юга Россіи.

Отдѣленіе физическихъ наукъ.

25 мая—сообщения: *С. С. Неждановскій*: Демонстрація фотографій со змѣевъ. *Н. Е. Жуковский*: Обобщеніе понятія о массѣ матеріальной точки (въ связи съ силою тренія).

Общество любителей російской словесности.

21 марта—сообщения: *П. Н. Сакултъ*: А. Н. Плещеевъ.

17 апрѣля—засѣданіе памяти проф. А. И. Кирпичникова: *А. Н. Веселовскій*: Вступительное слово (характеристика А. И. Кирпичникова). *С. О. Домоговъ*. Воспоминанія о А. И. Кирпичниковѣ („Учитель и ученикъ“).

Пушкинская коммиссія.

14 марта—сообщения: *Ю. А. Веселовскій*: Армянскіе отголоски поэзіи Пушкина. *В. Θ. Саводникъ*: Политическіе извѣты на Пушкина. Стихотвореніе Пушкина „къ N“. Пушкинскіе варианты. Отзывъ Погодина о Пушкинѣ.

1 мая—сообщения: *В. В. Каллашъ*: Пушкинъ, „Московскій Вѣстникъ“ и Булгаринъ. *В. Θ. Саводникъ*: „Анчаръ“ Пушкина. Новый латинскій переводъ стихотворенія „Пророкъ“.

Педагогическое общество.

Отдѣленіе по начальнымъ училищамъ.

4 мая рефератъ *М. П. Щепкина*: О школьныхъ библіотекахъ.

Психологическое общество.

28 февраля состоялось соединенное заседание Психол. Общества и Общества невропатологов и психиатровъ.

Въ заседании происходило слѣдующее:

1. Секретарь соединенной комиссіи, избранной для обсуждения вопросовъ, представленныхъ на разсмотрѣніе Обществъ Постояннымъ бюро Съездовъ русскихъ исправительныхъ заведеній, А. С. Бѣлкинъ прочелъ докладъ комиссіи, утвержденной собраніемъ съ незначительными измѣненіями редакціоннаго характера.

2. Подъ председательствомъ Л. М. Лопатина была выслушана рѣчь д. чл. Г. И. Россолимо о нѣкоторыхъ обязанностяхъ Общества по отношенію къ юношеству, имѣвшая цѣлью предложить обоимъ Обществамъ заняться совместно обсужденіемъ вопроса о добрачной половой жизни и смежныхъ съ нимъ вопросовъ медицинскаго и моральнаго характера. Послѣ живого обмена мнѣній, собраніе просило Г. И. Россолимо подготовить мотивированный докладъ къ соединенному заседанію, которое будетъ специально организовано для этой цѣли.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

1904 годъ. ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ II-й годъ.

Научное Слово

издающийся при содѣйствіи нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго университета. Близжайшее участіе въ редакціи журнала принимаютъ: проф. Н. А. Умовъ, проф. В. О. Ключевскій, прив.-доц. М. М. Богословскій, проф. П. И. Новгородцевъ, проф. Л. М. Левагинъ, проф. ии. С. Н. Трубецкой.

Въ ближайшихъ книгахъ предполагено напечатать между прочимъ слѣдующія статьи: I. ОТДѢЛЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ: проф. Д. А. Гольдгаммеръ, „Наука и истина“; прив.-доц. Н. П. Кастринъ, „Жидкій воздухъ“; проф. Э. Е. Лейстъ, „Полярныя снѣга и магнитныя возмущенія“; проф. И. И. Мечниковъ, „Психическіе рудименты“; проф. Б. К. Млодзѣевскій, „О безконечно-малыхъ“; проф. А. П. Павловъ, „Катастрофа 1902 г. на о. Мартиникъ“; Д. Н. Соболевъ, „Причины вулканическихъ изверженій“; проф. Н. А. Умовъ, „Недоразумѣнія въ пониманіи нѣкоторыхъ выводовъ естественныхъ наукъ“. II. ОТДѢЛЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ: проф. П. Г. Виноградовъ, „Ученіе сэра Генри Мена“; проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, „Полятскіе идеалы М. М. Сперанскаго“; проф. В. О. Ключевскій, „Памяти С. М. Соловьева“, „Очеркъ изъ исторіи Московскаго государства“; проф. Д. М. Петрушевскій, „Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства“; проф. ии. С. Н. Трубецкой, „Этюды по исторіи греческой религіи“. III. ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ЮРИДИЧЕСКІЙ: прив.-доц. Н. В. Давыдовъ, „Новое уголовное уложеніе“; проф. В. М. Жустовъ, „Проектъ новаго гражданскаго уложенія“. IV. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ: проф. П. И. Новгородцевъ, „О принципахъ морали“.

Всѣ новые подписчики на 1904 г. получаютъ бесплатно начало статей проф. И. И. Мечникова „Этюды о природѣ человѣка“.

Въ текстѣ журнала помѣщаются чертежи, карты, рисунки, портреты и снимки съ различныхъ произведеній искусства. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюня и іюля, книгами въ размѣрѣ отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за десять книгъ: безъ доставки въ Москвѣ на годъ 5 р. 50 к., на полгода 2 р. 75 к., съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ 6 р., на полгода 3 р.; за границу 8 р. Для учащихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ годовая цѣна уменьшается на 1 руб.

Комплекты 1903 г. разошлись. Отдѣльные №№ (1, 3—10) продаются отдѣльно по 60 к. каждый. Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи (Водовиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина) и въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія лѣнны).

Гг. иигороднихъ просятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

Новая книга: И. И. Мечниковъ.—„Этюды о природѣ человѣка“. Съ портретомъ автора и 20 рисунками. Изданіе редакціи журнала „Научное Слово“. Цѣна въ банкѣ безъ пересылки 2 р. 50 к. При покупкѣ въ редакціи „Научнаго Слова“ учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ пользуются скидкой въ 30%, книгопродавцы въ 20%, другія лица въ 10%, а иигородніе не платятъ за пересылку.

Издатель прив.-доц. Г. И. Рахмановъ.

Редакторъ проф. Н. А. Умовъ.

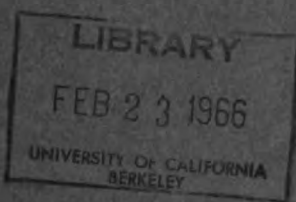

Книга VIII.

1904 г.

Научное Слово.

Москва.

Книга VIII.

1904 г.

Научное Слово.

Москва.

Дозволено цензурою. Москва, 29 сентября 1904 г.

ТИПО-ЛИТ. ТОВАРИЩ. И. И. ДУДИНЦЕВЪ, в КЪ МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ВУЛКАНИЧЕСКІЯ КАТАСТРОФЫ НА О. МАРТИНИКЪ 1902—1903 г. (<i>съ 18-ю рисунками</i>). Проф. А. П. Павлова	5
II. ПРИЧИНЫ ВУЛКАНИЧЕСКИХЪ ИЗВЕРЖЕНІЙ. (<i>Съ 6-ю рисунками</i>). Д. Н. Соболева	24
III. УЧЕНІЕ СЭРА ГЕНРИ МЭНА. Проф. П. Г. Виноградова	59
IV. ПОЛИТИЧЕСКІЕ ИДЕАЛЫ М. М. СПЕРАНСКАГО. Проф. М. В. Довнаръ-Залопьскаго	76
V. НОВОЕ УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНІЕ. Прив.-доц. Н. В. Давыдова	96
VI. ПАМЯТИ С. М. СОЛОВЬЕВА (<i>съ портретомъ</i>). Проф. В. О. Ключевского	117
VII. ХРОНИКА НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ. („Астрономическія извѣстія“ К. Д. Покровскаго.—„О родственной связи между красящимъ веществомъ крови и пигментомъ зеленыхъ растений“ Л. А. Чугаева.—„Новые факты по биологii листа“ (<i>съ 2 рисунками</i>) Г. Э. Риттера)	133
VIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. М. О. Гершензона	143
IX. БИБЛИОГРАФІЯ. (Проф. Г. И. Челпановъ: „Проблема воспріятія пространства“. Д. В. Викторова.—С. А. Венгеровъ: „Критико-биографическій словарь“. М. О. Гершензона.—А. К. Дживелеговъ: „Торговля на Западѣ въ средніе вѣка“. Д. Н. Егорова.—Франческо Нитти: „Основныя начала финансовой науки“. М. И. Фридмана.—Складовская-Кюри: „Исслѣдованіе радиоактивныхъ веществъ“. А. І. Бачинскаго)	151
X. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Вулканическія катастрофы на островѣ Мартиникѣ 1902—1903 г. ¹⁾.

Въ то время какъ люди волнуются, страдаютъ, борются за свои или чужіе интересы и идеалы, въ то время какъ народы развиваются и прогрессируютъ или клонятся къ упадку, въ то время какъ весь органическій міръ живетъ и медленно измѣняется,—живетъ и измѣняется и планета, которая произвела этотъ живой міръ. Эти измѣненія обыкновенно совершаются въ такомъ медленномъ темпѣ, что мы ихъ не замѣчаемъ и воображаемъ, будто земля испоконъ вѣковъ была такою, какою мы ее видимъ теперь. Измѣняется земля и въ глубокихъ своихъ нѣдрахъ, и лишь накопленные вѣками результаты этихъ измѣненій время отъ времени внезапно проявляются на поверхности и напоминаютъ о томъ, что мы живемъ не на мертвомъ холодномъ шарѣ, а на чемъ-то другомъ. Одно изъ такихъ внезапныхъ проявленій жизни земного шара—рядъ катастрофъ, разразившихся въ 1902 г. на островѣ Мартиникѣ—составить предметъ нашей бесѣды.

Отъ южнаго конца Флориды и до устьевъ Ориноко и гористыхъ береговъ Венецуэлы расположились красивою гирляндю большіе, малые и очень маленькіе острова, окаймленные коралловыми рифами. Это Антильскіе острова, или Вестъ-Индія,—название, напоминающее намъ полное глубокаго интереса и значенія путешествіе Колумба, 400 лѣтъ тому назадъ приплывшаго къ этимъ островамъ и принявшаго ихъ за Индію, къ которой онъ искалъ новаго пути черезъ океанъ вокругъ земли.

Эти острова и дѣйствительно напоминаютъ Индію: они также омываются тропическимъ моремъ, надъ ними также простирается жаркое и часто грозное небо, разражающееся изумительными ливнями, а иногда и страшными ураганами.

---

¹⁾ Эта статья принадлежитъ къ серіи „чтеній для учащихся“, устраниваемыхъ Московскимъ педагогическимъ обществомъ.

На горахъ и въ малонаселенныхъ мѣстахъ они покрыты роскошнымъ тропическимъ лѣсомъ съ разнообразными пальмами, древесными папоротниками, иногда съ цѣнными деревьями, какъ красное и розовое. Гирлянды лианъ опутываютъ стволы и вѣтви деревьевъ и часто преграждаютъ путнику возможность пробраться по тропинкамъ въ глубь лѣса. На высокихъ вершинахъ, гдѣ по прохладѣ и воздухъ менѣе влаженъ, лѣсъ смѣняется густыми зарослями кустарниковъ, среди которыхъ мы узнаемъ много растений знакомыхъ намъ по комнатной и оранжерейной культурѣ.

Густо населенныя равнины, долины между горами и болѣе ровные склоны горъ покрыты обширными плантаціями сахарнаго тростника, кофе, какао, банановъ, полями табака и маиса, садами фиговыхъ, миндальныхъ и разнообразныхъ фруктовыхъ деревьевъ.

Эти острова представляютъ собою какъ будто обломки какого-то обширнаго континента, такъ какъ ихъ растенія и животныя отличаются и отъ сѣверо-американскихъ, и отъ южно-американскихъ. Да и помимо этого, если обратить вниманіе на ихъ рельефъ, то окажется, что большая часть острововъ гористы, за исключеніемъ большей части Кубы съ лежащими вблизи мелкими островами, нѣсколькихъ маленькихъ острововъ, лежащихъ со стороны Атлантическаго океана (Барбуда, Антигуа) и лежащей съ той же стороны части острова Гваделупы. Горы одного острова какъ бы составляютъ продолженіе горъ сосѣдняго, какъ будто это части одной и той же цѣпи горъ, погрузившейся въ море. Есть и еще указанія въ пользу такой догадки, но мы вернемся къ нимъ послѣ, а теперь посѣдимъ на о-въ Мартинику съ его грознымъ вулканомъ Пелё, недавно надѣлавшимъ много бѣдъ.

Островъ Мартиника принадлежитъ къ числу Малыхъ Антильскихъ. Его размѣры не велики: около 60 верстъ въ длину и отъ 10 до 30 в. въ ширину. Кромѣ небольшихъ прибрежныхъ равнинъ, весь островъ—гористый. Большая часть горныхъ склоновъ покрыта тропическимъ лѣсомъ, подобнымъ только что описанному. Чтобы дополнить картину природы этого острова, нужно представить себѣ многочисленное птичье населеніе: миниатюрныхъ колибри, длинноногихъ фламинго, разнообразную дичь лѣсную и водяную, далѣе нѣсколько видовъ ящерицъ, два вида змѣй, изъ нихъ одинъ очень крупный, до сажени длины. Прибрежная часть острова и болѣе пологіе склоны горъ густо населены и обработаны. Изъ 180 тысячъ жителей около половины чернокожихъ: это—бывшіе рабы, привезенные сюда для обработки плантацій; остальные—мулаты и французы. Первоначальное коренное населеніе острова—караибы—давно отсюда вытѣснено.

Рис. 1. Островъ Мартиника.

Съ Мартиники привозятъ во Францію сахаръ, ромъ, ликеръ и вкусное мартиникское варенье. Прежде привозили много кофе.

До мая 1902 г. на островѣ было два города: Форъ-де-Франсъ, небольшой городъ, и Сень-Пьеръ, большой городъ съ 30.000 жителей.

Вулканъ, надѣлавшій столько бѣдъ въ маѣ 1902 г., образуетъ сѣверный конецъ острова. Своей вершиной онъ поднимается на высоту около $1\frac{1}{2}$ версты (рис. 1). До изверженія на вершинѣ вулкана съ сѣверной стороны была довольно большая, наполненная холодною водою впадина или кратерное озеро, окруженное скалистыми гребнями, и съ южной стороны—другая болѣе глубокая яма или кратеръ тоже со водою на днѣ. Валъ, окружавшій этотъ кратеръ, имѣлъ съ южной стороны вырѣзку, открывавшуюся въ верхнюю часть долины рѣчки Бѣлой. Этотъ южный кратеръ и сдѣлался главнымъ очагомъ изверженія; изъ него и выбрасывались пары, горячіе газы, камни и пепель. Вырѣзка его края на сторонѣ, обращенной на юго-западъ по направленію къ г. Сень-Пьеру и была тѣмъ каналомъ, по которому низвергались губительные газы и камни. Мѣстность, пострадавшая отъ изверженія, очерчена на картѣ точечною линіей.

На западъ отъ кратера на берегу моря находится селеніе Прешеръ, пострадавшее при началѣ изверженія, но сравнительно мало. Это была краевая часть области опустошенія. Прибрежное мѣстечко Карбѣ, расположенное въ трехъ верстахъ къ югу отъ горба, составило южную границу пострадавшей области. Другою краевою частью пострадавшей области были склоны возвышенности Красный холмъ (Monte rouge), расположенной къ востоку отъ г. Сень-Пьера. Съ этой возвышенности открывается великолѣпный видъ на вулканъ и всю область, опустошенную его дѣятельностью. Центральную, наиболѣе пострадавшую часть этой области представляетъ долина рѣчки Бѣлой, расположенная прямо противъ упомянутой вырѣзки на краю кратера, и область побережья южнѣе устья этой рѣчки, гдѣ и находился городъ Сень-Пьеръ. Черезъ самый городъ протекала другая рѣчка—Рокселянъ.

Самый городъ Сень-Пьеръ (рис. 2) расположился красивымъ амфитеатромъ по склону возвышенности вдоль берега бухты. Главная его улица—улица Виктора Гюго—шла въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега почти черезъ весь городъ до рѣчки Рокселянъ, за которой находился кварталъ форта. Изъ зданій, ближайшихъ къ р. Рокселянъ и къ форту, упомянемъ зданіе суда, стоявшее ближе къ морю. Въ болѣе южной части города былъ расположенъ соборъ, и недалеко отъ него на набережной стоялъ маякъ, имѣвшій форму круглаго каменнаго столба въ 20 метровъ вышиною.

Дома, расположенные по склону, возвышались одинъ надъ другимъ въ перемежку съ пальмовыми и фруктовыми садами. Они строились прочно съ толстыми стѣнами, которыя могли бы выдерживать землетрясенія и предохранять жителей отъ тропической жары. По поперечнымъ улицамъ съ горъ сбѣгали ручейки воды, освѣжавшіе воздухъ. Красивыя пальмы и группы цвѣтовъ украшали площади. По красотѣ положенія, удобствамъ жизни, по живописности окружающей природы это былъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ городовъ въ мѣрѣ.

До 1902 г. о вулканѣ рѣшительно никто не думалъ. Землетрясенія и ураганы не разъ производили здѣсь опустошенія. Последнее сильное землетрясеніе было въ 1838 г., последнее и единственное на памяти европейцевъ изверженіе было въ 1851 г.; оно было не сильно: образовалось нѣсколько грязевыхъ потоковъ въ долинахъ, изъ вершины вылетали клубы пара, и пепелъ падалъ на верхнюю часть горы. Послѣ этого болѣе пятидесяти лѣтъ вулканъ ничѣмъ не проявлялъ своей дѣятельности. И вотъ, въ концѣ апрѣля 1902 г. послышался гулъ, и стали чувствоваться подземные толчки, становившіеся все сильнѣе. Явленіе возбудило любопытство жителей; многіе стали предпринимать экскурсіи на вершину и приносили извѣстіе, что вода въ обѣихъ впадинахъ на вершинѣ горы кипитъ и испускаетъ много пара. Дѣятельность вулкана все усиливалась, и въ маѣ жителями стало овладѣвать безпокойство и страхъ. Многіе стали думать о бѣгствѣ. Ночью былъ виденъ яркій свѣтъ на вершинѣ, въ горѣ былъ слышенъ шумъ, и вѣтеръ приносилъ пепелъ. Утромъ 3 мая городъ былъ покрытъ сѣрою пылью, трава на лугахъ была испорчена, и скотъ сталъ гибнуть отъ голода и жажды. Подземный шумъ и дождь пепла становились все сильнѣе. Четвертаго мая западный склонъ вулкана покрылся такимъ густымъ облакомъ пепла, что одинъ пароходъ не могъ пристать къ берегу у селенія Прешеръ. Пепелъ былъ очень мелкій, свѣтло-сѣраго цвѣта, какъ мука или цементъ; деревья покрылись имъ какъ снѣгомъ, животныя, лишенные пищи, умирали. Мертвыя птицы валялись на дорогахъ.

Рѣчки не разъ дѣлались мутными, и 5-го мая потокъ горячей грязи быстро спустился по руслу рѣчки Бѣлой и затопилъ сахарный заводъ Герена, стоявшій на берегу моря у устья этой рѣчки.

Спасшійся хозяинъ завода, 70-лѣтній старикъ, такъ рассказываетъ объ этой катастрофѣ:

«Въ понедѣльникъ утромъ мнѣ сообщили по телефону, что заводу угрожаетъ опасность. Ночью съ горы спустилась черная грязь и перелилась черезъ края защитительныхъ сооружений, устроен-

Рис. 2. Городъ Сентъ-Пьеръ до изверженія
1902 г.

Рис. 3. Мѣсто, гдѣ былъ сахарный
заводъ Герена.

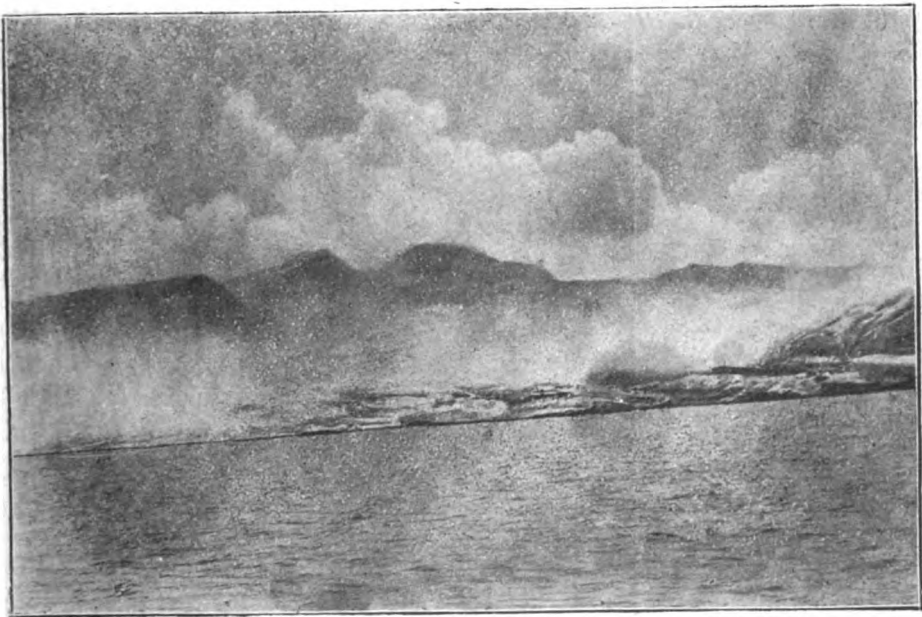

Рис. 4. Пепельный дождь надъ бухтой Сентъ-Пьеръ.

ныхъ для защиты отъ наводненій рѣчки Бѣлой. Эта грязь остановилась въ 4 часа; въ 9 час. и гора успокоилась. Болѣе 500 человекъ собралось посмотрѣть на это явленіе, начинавшее беспокоить и меня и всѣхъ присутствующихъ.

«Я рѣшился немедленно увезти свою семью и служащихъ на фабрику. Въ полдень я еще не могъ уѣхать. Я рѣшилъ двинуться въ путь въ 2 часа и велѣлъ приготовить у фабричной пристани паровую яхту. Въ 10 минутъ перваго слышу крики. Бьютъ тревогу. Люди бѣгутъ мимо моего дома, расположеннаго выше завода, и въ ужасѣ кричатъ «гора идетъ!» И я слышу шумъ, который нельзя ни съ чѣмъ сравнить, шумъ страшный, ну, просто дьяволъ на землѣ... и я выхожу, смотрю на гору...

«Надъ бѣлыми облачками пара съ горы спускается съ трескомъ черная лавина болѣе 10-ти метровъ высотой и въ 150 метровъ шириною. Выступивъ изъ ложа рѣчки Бѣлой, она катилась на фабрику, эта армія гигантскихъ черныхъ барановъ. Я остолбенѣлъ на мѣстѣ. Я не могъ пошевелиться. Вся энергія жизни сосредоточилась въ глазахъ. Мой несчастный сынъ и его жена бѣгутъ къ берегу. Вотъ они исчезаютъ за фабрикой. Вотъ приходитъ и проходитъ въ 10 метрахъ отъ меня... я чувствую ея смертельный вѣтеръ... эта грязь... трескъ... Все изломано, покрыто, потоплено... Мой сынъ, его жена, 30 человекъ, большое зданіе—все унесено лавиной. Онѣ надвигаются бѣшенымъ натискомъ, эти черныя волны, онѣ надвигаются, какъ громъ, и передъ ними отступаетъ море. Плескъ воды, крики. Береговая сторожка отлетаетъ на 150 метровъ въ сторону и убиваетъ около меня моего управляющаго. Я иду на берегъ. Это—опустошеніе, которому нѣтъ имени. Тамъ, гдѣ минуту раньше стояла благоустроенная фабрика, плодъ цѣлой жизни трудовъ и усилій, теперь только грязь, черный саванъ моего сына, моей невѣстки, моихъ людей (рис. 3)».

Эта грязь вѣроятно образовалась изъ стоявшей въ кратерѣ воды, которая смѣшалась съ пепломъ и камнями и была выброшена черезъ боковую расщелину кратера вслѣдствіе подъема лавы и напряженія газовъ. Стремительное низверженіе грязи въ море отбросило его отъ берега и сильно всколыхало его поверхность.

Вдоль р. Бѣлой показались фумаролы—отдушины, выбрасывавшія горячіе газы. Въ тотъ же день былъ обнаруженъ разрывъ подводнаго телеграфнаго кабеля и, въ бухтѣ показалась мертвая рыба, изъ чего заключили, что фумаролы открылись и на днѣ моря. Вулканъ шумѣлъ все сильнѣе. Ночью на вершинѣ былъ виденъ красный свѣтъ, отражавшійся въ облакахъ пара. Жители стали

было покидать городъ, но назначенная губернаторомъ комиссія дала заключеніе въ успокоительномъ тонѣ, и выселеніе прекратилось.

7-го мая произошло сильное изверженіе вулкана Суфріеръ на близъ лежащемъ островѣ Сень-Винцентѣ.

8 мая утро было ясное и сравнительно спокойное; вулканъ не проявлялъ особенно тревожной дѣятельности, надъ нимъ поднимался столбъ сѣраго пара, и тонкій пепель медленно падалъ на городъ и гавань. Былъ праздникъ Вознесенія, и жители собирались въ церкви. Но мало-по-малу пепельный дождь все усиливался, и стало такъ темно, что пришлось зажигать лампы въ домахъ. (Рис. 4).

Свѣдѣніе объ этомъ и было послѣдней вѣстью, полученной по телефону въ Форъ-де-Франсѣ, изъ котораго освѣдомлялись о томъ, что дѣлается. Телефонный чиновникъ еще держалъ у уха трубку аппарата; онъ услышалъ бормотаніе задыхающагося человѣка, потомъ какой-то непонятный шумъ и какъ будто ударъ въ ухо, потомъ—все стихло.

Очевидно, въ этотъ моментъ разразилась катастрофа, настолько внезапная, что всѣ 30 тысячъ жителей погибли, прежде чѣмъ успѣли понять, что произошло.

А о томъ, что произошло, мы узнаемъ частью отъ тѣхъ, которые были внѣ города и области опустошенія и могли, не подвергаясь опасности, наблюдать явленіе, частью отъ тѣхъ немногихъ, которые сами пережили катастрофу и сильно отъ нея пострадали, но остались живы. Изъ числа бывшихъ въ самомъ городѣ такихъ не оказалось—всѣ погибли.

Вотъ что рассказываютъ очевидцы событія, бывшіе внѣ города.

Утромъ 8 мая вулканъ сильно дымился. Надъ нимъ стояло бѣлое густое серебристое облако, напоминавшее по формѣ цвѣтную капусту. Потомъ вся гавань и городъ исчезли изъ виду въ облакахъ чернаго дыма, слышался гулъ, слабыя сотрясенія почвы почти не прекращались. Въ 7 часовъ 50 минутъ послышался оглушительный трескъ или раскатъ и за нимъ нѣсколько болѣе слабыхъ раскатовъ, и густое сѣровато-красное облако, потомъ ставшее чернымъ, валомъ покатилося съ вулкана внизъ по направленію къ Сень-Пьеру, клубясь и мелькая огоньками, какъ искрами, или, по словамъ другихъ, опутанное сѣтью молній. Эти огоньки или молніи обожгли многихъ, оказавшихся близко на полосу, по которой пронеслась эта туча. По ихъ свидѣтельству, атмосфера сдѣлалась невыносимо жаркой, такъ что вдыханіе производило жгучую боль.

Интересенъ случай, происшедшій на самой границѣ вихря.

Нѣсколько экипажей поднимались на Красный холмъ; задніе были захвачены тучей и исчезли безслѣдно, передній былъ поломанъ, и пассажиры были контужены и обожжены, но остались живы, а часть склона и дорога впереди остались невредимы.

Жгучая туча почти такъ же быстро, исчезла, какъ появилась, и когда темнота стала разсѣиваться, отъ города не осталось ничего, кромѣ пылающихъ развалинъ. Особенно пострадала сѣверная часть; въ южной части кое-гдѣ уцѣлѣли стѣны домовъ.

Изъ 18 судовъ, стоявшихъ на якорѣ въ гавани, уцѣлѣлъ только одинъ пароходъ «Роданъ». Его капитанъ Фриманъ такъ описываетъ это ужасное время. Въ 8½ часовъ онъ былъ въ каютѣ; многіе пассажиры стояли, облокотясь на бортъ, и смотрѣли на вулканъ, выбрасывавшій густыя облака дыма и по временамъ снопы свѣта. Вдругъ Фриманъ слышитъ ужасный шумъ, будто вся земля раскалывается, и вслѣдъ затѣмъ внезапный порывъ вѣтра взволновалъ море и раскачалъ суда; капитанъ выскакиваетъ на палубу и видитъ зрѣлище, не поддающееся описанію. Онъ помнитъ, что успѣлъ закричать г-ну Кембелю: «смотри!», прежде чѣмъ горячая лавина обрушилась на него. Тотчасъ какъ она прошла по городу, начался пожаръ, загорѣлись и суда въ бухтѣ. По кораблю будто ударило огромнымъ молотомъ, и лавовый дождь низринулся на палубу. Всѣ бросились искать защиты, но жаръ былъ такъ силенъ, воздухъ такъ удушливъ, что Кембель и многіе изъ служащихъ, и между ними штурманъ, въ отчаяніи бросились въ море. Нѣкоторые выползли изъ своихъ убѣжищъ на палубу, чтобы вдохнуть воздуха, и обжигались горячимъ пепломъ. Капитанъ не потерялъ голову. Первою его мыслью было попытаться спасти пароходъ и тѣхъ изъ экипажа, кто еще былъ живъ. Онъ успѣлъ сбросить канаты и дать сигналъ къ полному ходу назадъ. Пароходъ двинулся. Такъ какъ руль двигался плохо, онъ одинъ или два раза столкнулся съ горящимъ пароходомъ «Рорайма». Онъ видѣлъ на мостикѣ парохода двѣ неподвижныя фигуры со сложенными руками, геройски ожидавшія смерти. Одинъ изъ стоявшихъ привѣтствовалъ его взмахомъ руки. На палубѣ было много пассажировъ, метавшихся въ страшныхъ мученіяхъ. Когда пароходъ выходилъ изъ порта, онъ оглянулся назадъ. Горящій городъ былъ подъ блѣднымъ покровомъ, но сквозь него можно было видѣть остовы горящихъ домовъ и слугуэты мужчинъ и женщинъ, въ ужасѣ метавшихся туда и сюда, и сквозь шумъ падающаго пепла и взволновавшаго моря онъ слышалъ раздирающіе душу вопли 30 тысячъ человѣкъ. «Я самъ,—говоритъ Фриманъ,—чувствовалъ на лицѣ огненную маску и раскаленное желѣзо вдоль всего тѣла».

Фриманъ направилъ пароходъ къ сосѣднему острову Санта Лючіа, и, когда пришелъ къ пристани, на палубѣ былъ слой пепла въ 6 сантиметровъ толщины. Половина экипажа и пассажировъ были трупы, остальные—въ страшныхъ ожогахъ съ обожженными лицами, горлами, легкими, желудкомъ. Всѣ они умерли въ продолженіе слѣдующихъ двухъ дней. Остались въ живыхъ только капитанъ и одинъ машинистъ.

Вотъ еще разсказъ Г. Томсона, одного изъ пассажировъ того горѣвшаго парохода «Рорайма», мимо котораго прошелъ «Родланъ». На пароходѣ было 68 человекъ.

Многіе пассажиры и служащіе на пароходѣ были на палубѣ и наблюдали величественное зрѣлище. Одинъ инженеръ съ аппаратомъ въ рукахъ собирался фотографировать дымящуюся гору. Это было за нѣсколько минутъ до 8 часовъ.

Вдругъ раздается страшный грохотъ и за нимъ взрывъ, похожій на одновременный выстрѣлъ изъ тысячи большихъ пушекъ. Все небо въ огнѣ. Грохотъ на моментъ стихъ, и капитанъ Мюгга бросился на мостикъ, крича матросамъ «снятья съ якоря». Но было уже поздно.

Вихрь паровъ обрушился на суда, и лавина огня прошла по городу и бухтѣ съ силой урагана.

Г. Томсонъ бросился въ каюту; пароходъ качался, мачты и трубы падали въ воду. Глаза, уши, ротъ, платье тѣхъ, кто былъ на палубѣ, были полны пепла или лавы, и тьма была до того густа, ревъ такъ силенъ, что бывшіе на пароходѣ не могли ни видѣть, ни слышать на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, и всѣ буквально задыхались.

Сцена въ продолженіе нѣсколькихъ мгновеній была ужасна. Къ счастью, огненный ураганъ продолжался всего нѣсколько минутъ. Атмосфера немного прояснилась, и дыханіе стало свободнѣе. Раненые и уцѣлѣвшіе должны были теперь бороться съ пожаромъ, начавшимся въ нѣсколькихъ мѣстахъ на пароходѣ.

Крики раненыхъ, просившихъ воды, раздирали душу; ихъ страданія были ужасны. «Рорайму» не удалось спасти отъ пожара. Большая часть пассажировъ и экипажа погибли. Нѣсколько человекъ были спасены пароходомъ Сюше, пришедшимъ изъ Форъ-де-Франса часа въ три послѣ полудня.

Только десятого мая можно было приблизиться къ городу (рис. 5). Въ бухтѣ среди обломковъ пристани и судовъ плавали трупы людей. «Рорайма» еще продолжала горѣть съ обоихъ концовъ. На мѣстѣ города и покрытыхъ цвѣтущими садами и лѣсомъ склоновъ горы теперь разстилался сѣровато-бѣлый, какъ бы снѣжный

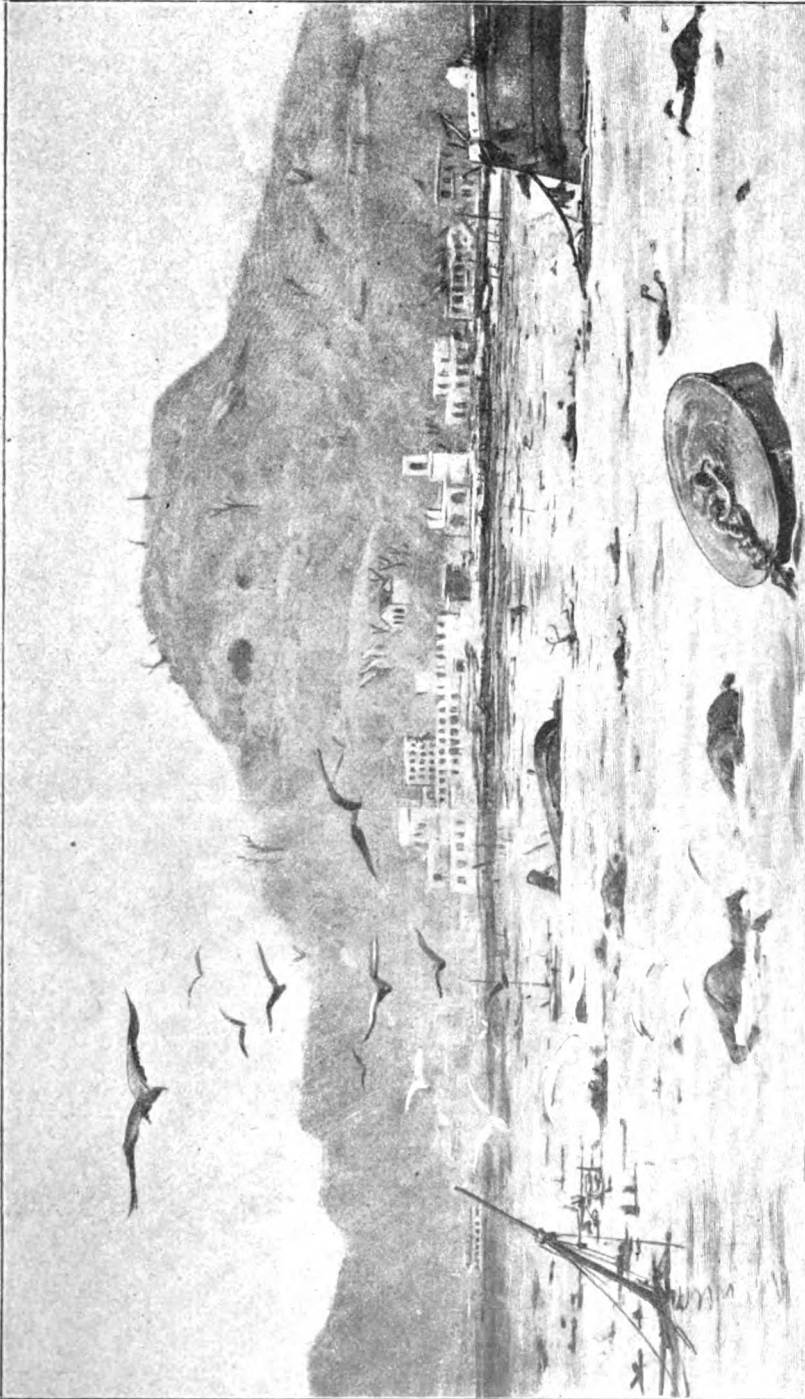

Рис. 5. Бухта Сент-Пьеръ 10 мая черезъ 2 дня послѣ изверженія горы Пелѣ.

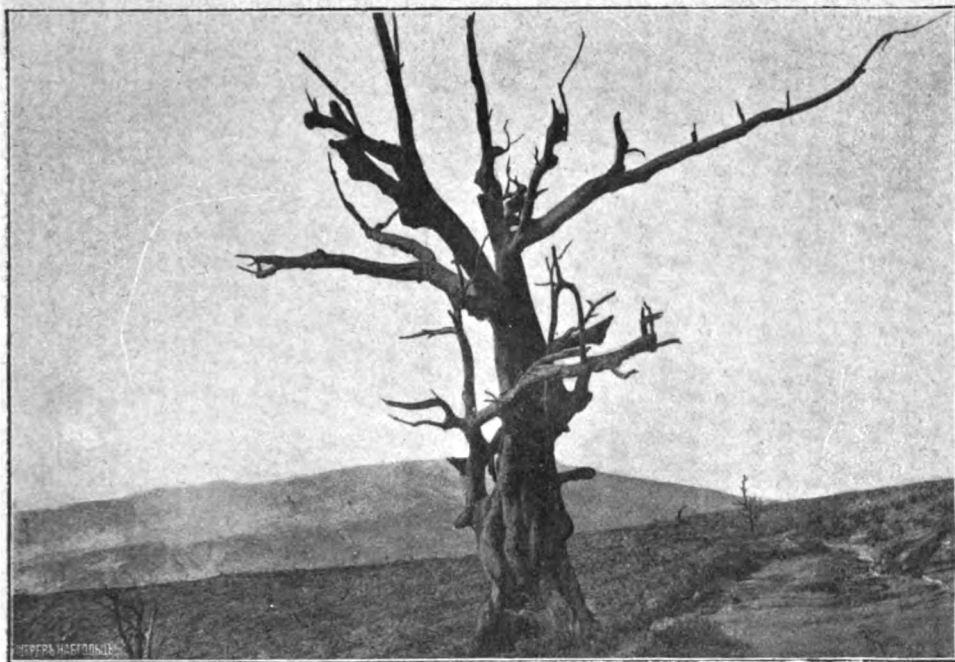

Рис 6. Покровъ пепла и обугленные деревья въ окрестностях Сень-Пьера.

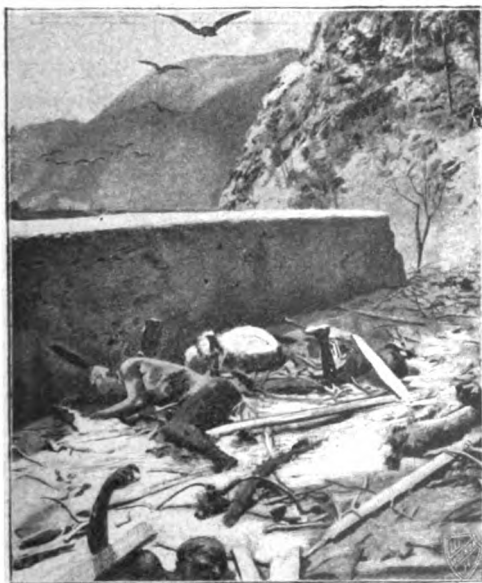

Рис. 7. Жертвы катастрофы на набережной Сень-Пьера.

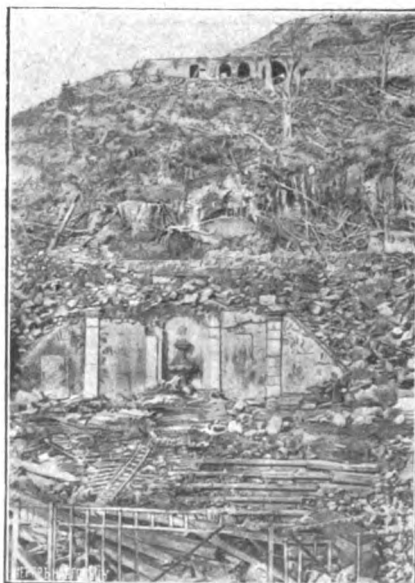

Рис. 8. Остатки театра.

пейзажъ. Растительность исчезла. Пепель все покрывалъ, все окутывалъ, и эта пепельная пустыня простиралась отъ берега моря до самой вершины горы, надъ которой взвивались густые клубы пара; немногя уцѣлѣвшія на своихъ мѣстахъ деревья стояли какъ обугленные остовы безъ вѣтвей и листьевъ (рис. 6). На мѣстѣ города, на протяженіи трехъ километровъ вдоль берега, всюду развалины, остатки стѣнъ, почернѣвшихъ отъ пожара. Типина полная. Остатки собора съ обвалившейся колокольней выдаются надъ сосѣдними развалинами; отъ круглаго маяка въ 20 метровъ высотой уцѣлѣла только нижняя часть въ три метра. Всюду валяются груды обломковъ, обугленные деревья, бочки, поломанные желѣзные рѣшетки и трупы—много труповъ (рис. 7). Нѣкоторые—въ такихъ позахъ, по которымъ можно судить, что люди были захвачены смертью внезапно. Невозможно было проникнуть на главную улицу города (Виктора Гюго); приходилось идти по раскаленной золѣ, такъ что первая партія, прибывшая въ Сентъ-Пьеръ съ прокуроромъ Любекомъ во главѣ для осмотра развалинъ и погребенія труповъ, должна была вернуться, осмотрѣвъ лишь небольшую часть города. Только черезъ два дня удалось проникнуть на улицу Виктора Гюго и въ другія части города — характеръ разрушеній былъ не вездѣ одинаковъ. Театръ (рис. 8), зданіе суда и другіе дома, расположенные въ сѣверной части города близъ р. Роксельанъ, были совершенно разрушены, какъ бы срѣзаны въ уровень съ землей; но замѣчательно, что деревянныя части зданій, равно какъ и деревья въ этой части города, были очень мало обожжены, стеклянныя вещи не расплавились, даже были найдены бутылки съ ромомъ, склянки съ чернилами и т. п. Это объясняется очень кратковременнымъ дѣйствіемъ здѣсь горячаго разрушительнаго урагана. О механической силѣ этого урагана свидѣлствуютъ между прочимъ развалины винокуреннаго завода въ еще болѣе близкой къ вулкану части города—въ кварталѣ форта. Огромные резервуары этого завода съ желѣзными стѣнками въ $\frac{1}{4}$ дюйма толщины были не только исковерканы, но и пробиты въ нѣсколькихъ мѣстахъ камнями. Въ центральной и южной части города механическое дѣйствіе горячаго урагана было слабѣе; здѣсь уцѣлѣли стѣны нѣкоторыхъ домовъ съ дырами отъ оконъ, особенно тѣ, которыя были расположены въ направленіи съ сѣвера на югъ. Напротивъ, дѣйствіе жара было здѣсь несравненно сильнѣе. Всѣ деревянныя части домовъ сгорѣли, деревья обуглились совершенно, стекло мѣстами расплавилось, монеты спаялись. Трупы людей были обожжены до неузнаваемости и тоже обуглились.

Трупы сначала хоронили, потомъ выбились изъ силъ и рѣ-

шили обкладывать обуглившимся деревомъ, обливать керосиномъ и сжигать; потомъ еще упростили дѣло: стали просто засыпать еще горячей золой, которая довершала дѣло разрушенія (рис. 9).

Въ краевой части захваченной горячимъ вихремъ полосы, въ окрестностяхъ города—меньше сгорѣвшихъ домовъ и обугленныхъ деревьевъ. Жители, повидимому, тоже внезапно погибали, но платье на нихъ осталось цѣло. Наконецъ, какъ мы уже видѣли, нѣкоторые изъ бывшихъ въ этой полосѣ остались въ живыхъ.

Теперь мы посмотримъ, какъ велъ себя вулканъ послѣ того, какъ произвелъ катастрофу 8 мая, попытаемся понять природу этого загадочнаго горячаго урагана и выяснитъ, насколько возможно, связь этой катастрофы съ другими явленіями природы.

Вулканъ Пеле, произведя страшную катастрофу 8 мая 1902 г., далеко не прекратилъ своей дѣятельности; напротивъ, онъ еще много разъ выбрасывалъ и столбы пара, поднимавшіеся высоко надъ кратеромъ, и жгучія тучи, низвергавшіяся по склону горы; ихъ наблюдали и ученые, пріѣхавшіе на Мартинику изучать вулканъ и много поработавшіе для разъясненія природы этого замѣчательнаго изверженія.

20 мая надъ развалинами города пронесся опять такой же горячій вихрь, но еще болѣе сильный, чѣмъ первый. Онъ довершилъ разрушеніе того, что еще уцѣлѣло въ Сень-Пьерѣ. Отъ собора, еще высоко поднимавшагося среди развалинъ города, теперь осталась груда камней. Новый покровъ пепла, камней и разныхъ обломковъ прибавился къ прежнему, отчасти уже размытому дождями. На мѣстѣ нѣкоторыхъ участковъ города водворилась настоящая пепельная пустыня. Рисунокъ 10-й изображаетъ то, что осталось отъ одной изъ церквей Сень-Пьера.

Въ обыкновенное спокойное время вулканъ выбрасывалъ болѣе или менѣе энергично клубы паровъ и пепла.

Сильное изверженіе произошло 9 июня. Его наблюдалъ англійскій ученый Андерсонъ. Изъ его описанія мы узнаемъ слѣдующее. Утро было ясное и спокойное, и до полудня вулканъ почти бездѣйствовалъ. Послѣ полудня онъ опять сталъ выбрасывать обычные клубы пара, и въ прозрачномъ воздухѣ они были необыкновенно красивы, велики и принимали такія изящныя формы, что трудно было удержаться, чтобы не слѣдить за ихъ разнообразными видоизмѣненіями. Въ 5 ч. Андерсонъ и его товарищи плыли на парусной лодкѣ по бухтѣ мимо Сень-Пьера и замѣтили, что выбросы пара участились (рис. 11); такъ продолжалось до захода солнца. Послѣ захода солнца ученые расположились на палубѣ лодки у селенія Корбе и разговаривали о предполагавшемся на завтра восхожденіи на гору.

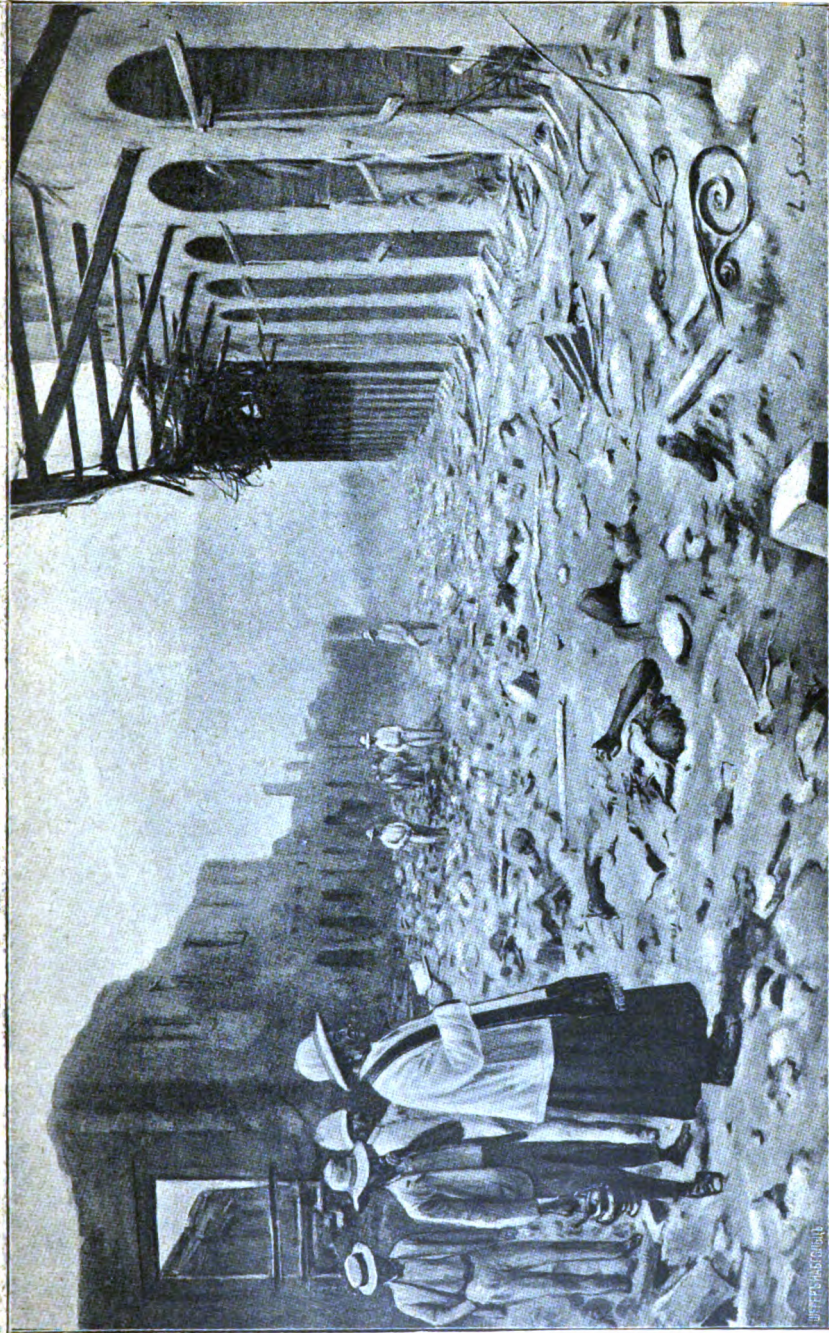

Рис. 9. Отдѣланіе погибшихъ на улицахъ Свѣт-Пѣтра.

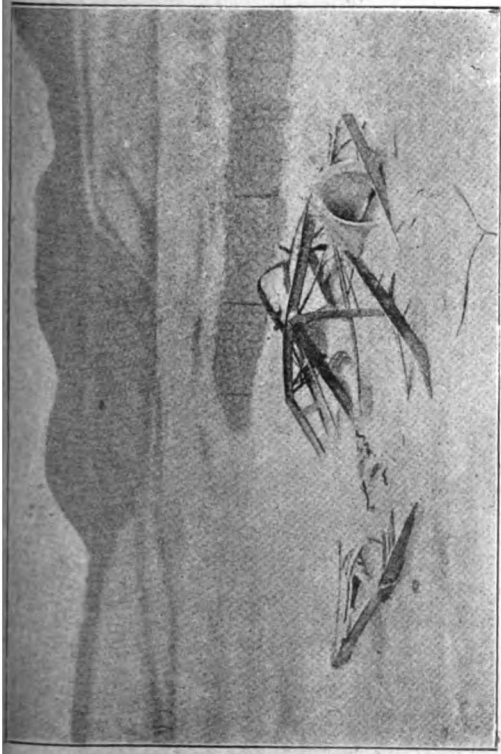

Рис. 10. Остатки одной изъ церкви въ г. Сентъ-Пьеръ послѣ второго изверженія 20 мая.

Рис. 11. Изверженіе вулкана Пелѣ 9 іюля 1902 г. вечеромъ.

Рис. 12. Край кратера Пелѣ 12 іюля 1902 г.

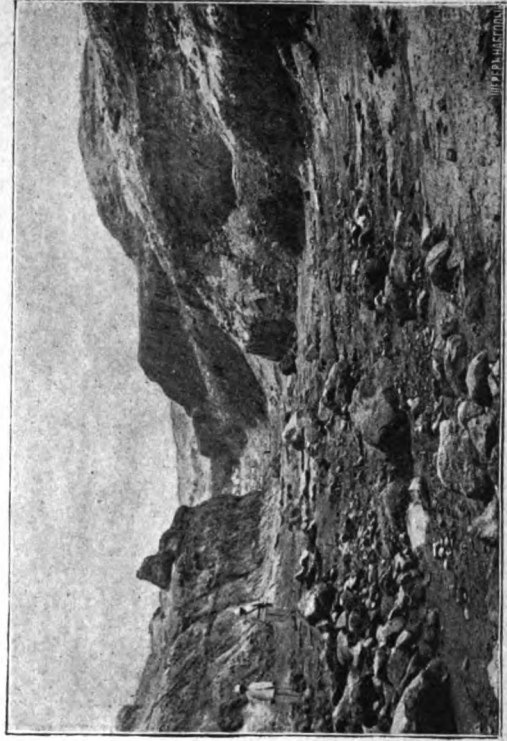

Рис. 13. Долина рѣки Бѣлой, покрытая пепломъ и камнями.

Передадимъ теперь ихъ собственными словами то, что они увидѣли.

«Вдругъ наше вниманіе привлекло появившееся надъ кратеромъ облако, не похожее на обычные клубы пара, выбрасываемые вулканомъ. Оно имѣло круглую форму и бугристую поверхность; съ перваго взгляда оно было похоже на обыкновенный клубъ пара, но темнѣе—грифельнаго, близкаго къ черному, цвѣта. Оно не поднималось вверхъ, а держалось нѣкоторое время на краю кратера у расщелины и сохраняло свою форму настолько долго, что мы не могли признать его за простое облако пара. Очевидно, оно было выброшено съ такою силой, что поднялось выше края кратера, но оно было слишкомъ тяжело, чтобы подняться вверхъ какъ клубъ пара, и оно держалось и шевелилось на склонѣ горы. Вѣтеръ не имѣлъ надъ нимъ силы; оно выбрасывало новые выступы, но не двигалось по вѣтру, какъ будто это была каменная глыба. Мы смотрѣли на него нѣкоторое время и наконецъ замѣтили, что облако не стоитъ на мѣстѣ, а катится внизъ по склону горы, постепенно увеличиваясь въ объемъ по мѣрѣ своего приближенія... Чѣмъ дальше оно катилось, тѣмъ быстрѣ становилось его движеніе. И если мы переставали смотрѣть на него и потомъ опять взглядывали, оно оказывалось все ближе и ближе, чѣмъ прежде. Нельзя было долѣе сомнѣваться, что это—«черная туча», пепельная туча, и она идетъ прямо на насъ.

«Туча опустилась по склону горы. Она была неизмѣримо больше, но все еще имѣла округлую шаровую форму съ вздувающеюся мягкою поверхностью. Она была черна какъ смола, и сквозь нее сверкали полоски молній. Она дошла до сѣвернаго края бухты, и въ нижней ея части, гдѣ черная масса соприкасалась съ водой, была видна полоса непрерывно сверкавшихъ молній. Быстрота движенія тучи быстро уменьшалась, ея поверхность волновалась все менѣе,—она образовала теперь большой черный покровъ съ болѣе широкими и округлыми, съ болѣе медленными выступами. Очевидно, ея сила была истрачена, и она намъ уже не угрожала. Она лежала какъ мертвая масса на поверхности моря. Вскорѣ то же явленіе вновь повторилось, но уже въ ночной темнотѣ».

Съ наступленіемъ темноты наблюдатели увидели слабый красный свѣтъ въ вырѣзкѣ горы, изъ которой появилось облако. Свѣтъ постепенно усиливался, и можно было видѣть свѣтлыя раскаленные массы, вылетавшія изъ кратера, падавшія на склонъ и катившіяся внизъ. Это были докрасна раскаленные камни. Вдругъ сильный желтый или красноватый свѣтъ освѣтилъ всю облачную массу надъ вулканомъ; изъ горы вырвался продолжительный сер-

дитый ревъ, и вслѣдъ затѣмъ докрасна раскаленная лавина показалась въ вырѣзкѣ кратера и покатила по склону прямо къ морю. Она имѣла темно-красный цвѣтъ съ болѣе свѣтлыми полосками, за которыми виднѣлся искристый слѣдъ. Повидимому, это были горячіе камни... Игра молній въ этой катящейся массѣ была поистинѣ изумительна.

Въ томъ же іюнѣ Мартинику посѣтилъ молодой русскій геологъ Скоржинскій, ассистентъ въ варшавскомъ политехникумѣ. Онъ поднимался на вулканъ до самого кратера, побывалъ въ знаменитой долинѣ рѣчки Бѣлой, излюбленной дорогѣ горячихъ тучъ, и сдѣлалъ много фотографій. Нѣкоторыми изъ этихъ фотографій, любезно предоставленныхъ въ мое распоряженіе, я воспользовался и еще воспользуюсь для иллюстраціи этой бесѣды. На рисункѣ 12 мы видимъ край кратера Пеле, снятый 12 іюля, вскорѣ послѣ только что описаннаго изверженія; на рисункѣ 13 изображена долина р. Бѣлой, засыпанная камнями и горячимъ пепломъ, температура котораго въ день съемки достигала на поверхности 60—80° Цельсія, а на небольшой глубинѣ была болѣе 100 градусовъ. Ноги вязли въ горячей золѣ, и хожденіе по такой почвѣ было затруднительно.

5 августа, находясь на пароходѣ въ бухтѣ, г. Скоржинскій наблюдалъ выходъ горячей тучи и ее сфотографировалъ (рис. 14). Вотъ какъ онъ ее описываетъ: «Съ вулкана свалилась по его склонамъ сѣровато-черная клубящаяся масса, будто облако неимоვნю густое. Достигнувъ моря, страшный вулканическій метеоръ облекъ всю мѣстность непроницаемою тьмой. Скорость, съ которой катилась эта неопредѣленная масса, сравнима съ движеніемъ урагана: разстояніе отъ кратера до моря (6 километровъ) было пройдено ею въ теченіе 2¹/₂ минутъ. Явленіе представляло въ миниатюрѣ то, что, должно быть, произвело катастрофу Saint-Pierre».

Не разъ наблюдалъ эту тучу и французскій геологъ Лякруа, посланный на Мартинику парижской академіей наукъ и описавшій въ своихъ отчетахъ множество интересныхъ фактовъ, которые ему удалось наблюдать и изучать.

30 августа было особенно сильное изверженіе, во время котораго горячая туча захватила своимъ краемъ и Красный холмъ, до тѣхъ поръ не подвергавшійся опасности; 1.500 человекъ при этомъ погибло. Нѣкоторые дома, на немъ расположенные, остались цѣлы, другіе разрушены, и въ числѣ ихъ тотъ домъ, гдѣ не долго предъ тѣмъ жилъ Лякруа. Въ его обломкахъ были найдены между прочимъ стаканчики для ликера, наполовину оплавленные.

Въ концѣ 1902 и 1903 гг. на вершинѣ горы, выше кратера,

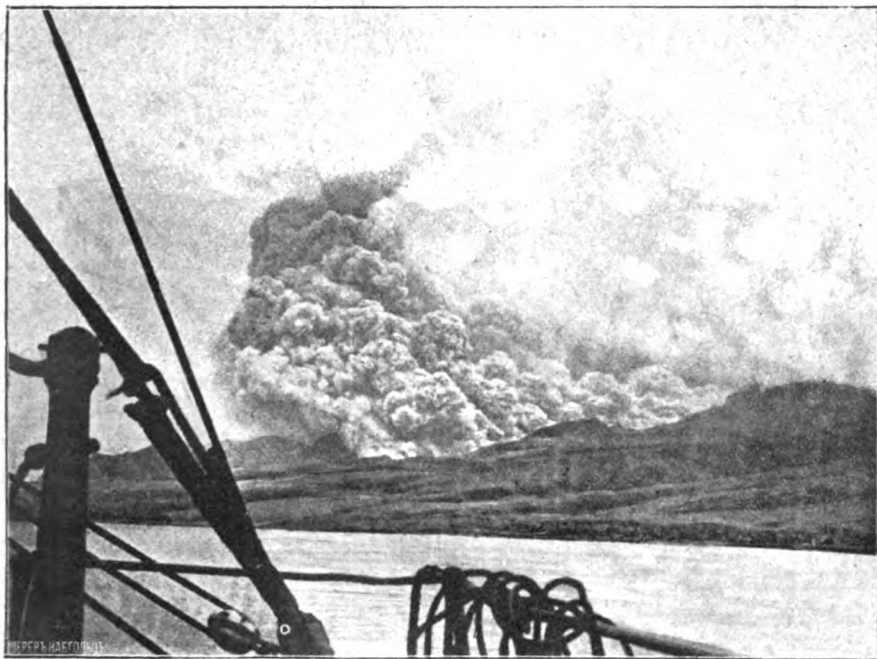

Рис. 14. Изверженіе г. Пелё 5 августа 1902 г.

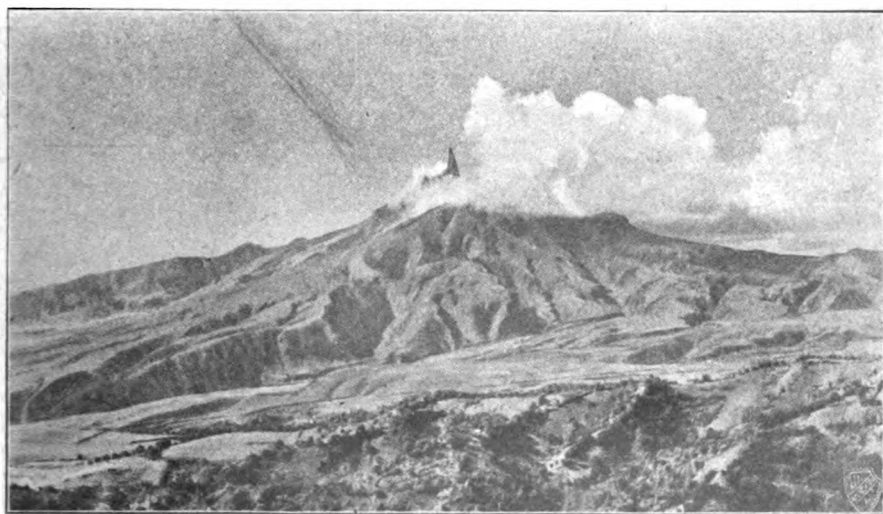

Рис. 15. Обелискъ на вершинѣ г. Пелё, снятый г. Е. О. Говей 31 марта 1903 г.

былъ замѣтенъ какой-то острый зубецъ или обелискъ (рис. 15), форма и размѣры котораго не оставались одинаковы, а время отъ времени измѣнялись даже въ короткіе промежутки времени, напримеръ,—въ одну ночь. Въ первый разъ увидали этотъ обелискъ Лякруа и его спутники во время восхожденія на вулканъ въ сентябрѣ 1902 г. Они поднимались на вершину вулкана съ сѣверо-восточной стороны и на разстояніи 100 метровъ отъ вершины попали въ густой туманъ или облако, и по временамъ ихъ охватывалъ удушливый сѣрнистый газъ. Со всѣхъ сторонъ слышался адскій шумъ. Удары взрывовъ сопровождались какимъ-то звенящимъ трескомъ, какъ отъ падающаго и разбивающагося стекла. Вдругъ начался ливень, разразился ударъ грома, сверкнула молнія. На минуту пришлось остановиться. Но вотъ небо прояснилось, и передъ ними открылось изумительное зрѣлище. Кратеръ, на краю котораго они стояли, освободился отъ пара, и на небольшомъ разстояніи передъ ними изъ него поднимался, метровъ на 50 вверхъ, величественный каменный обелискъ, со всѣхъ сторонъ изборожденный трещинами, изъ которыхъ выходили то спокойно, то со взрывами клубы бѣлыхъ паровъ или поднималась синеватая дымка сѣрнистаго газа. Они увидѣли, что при этихъ взрывахъ отъ скалы отваливаются большія каменные глыбы и, падая въ кратеръ къ ея основанію, производятъ тотъ характерный шумъ, который они уже давно слышали. Между краемъ кратера и скалой еще оставался довольно глубокій желобъ, не засыпанный, но все засыпаемый камнями. Изъ многочисленныхъ отдушинъ на днѣ этого желоба вырывались пары и газы и по временамъ высоко поднимались надъ ихъ головами. Эти клубы пара на время скрывали отъ глазъ и конусъ и кратеръ, но по временамъ они вновь открывались то вполнѣ, то частями, что придавало пейзажу поистинѣ фантастическій видъ.

Послѣ 3 часовъ наблюденія туманъ совсѣмъ окуталъ вершину, и изслѣдователи съ трудомъ отыскивали обратный спускъ.

Съ этого времени и въ продолженіе цѣлаго года гора не прекращала своей дѣятельности; она выбрасывала вверхъ клубы пара, пепелъ и камни. По временамъ изъ нея появлялись густыя черныя горячія тучи газовъ съ пепломъ и камнями; эти тучи, послѣ того какъ была почти засыпана вырѣзка кратера, стали низвергаться не только по долинѣ рѣчки Бѣлой, но и по другимъ склонамъ вулкана. Каменный обелискъ, выдвинувшійся изъ середины кратера (рис. 16), постоянно измѣнялся въ формѣ и величинѣ: то верхушка его обвалится настолько, что онъ понизится метровъ на 15, на 30, то онъ вновь выдвинется до прежней или даже большей высоты. Ночью онъ свѣтился, особенно ярко въ трещинахъ и на

тѣхъ мѣстахъ, откуда отрываются каменные глыбы, какъ будто внутри его поднималась расплавленная и ярко свѣтящаяся лава.

По мнѣнію Лякруа, этотъ обелискъ представляетъ собою медленно выдвигающуюся массу весьма густой лавы, которая тотчасъ затвердѣваетъ, какъ только появится на поверхность, отчего и образуется все растущій вверхъ каменный каналъ, разрушающійся и вновь подстраивающійся.

Валившіяся къ подножію обелиска каменные глыбы къ концу 1903 года не только засыпали остававшееся пространство кратера, но и почти покрыли оставшуюся къ тому времени часть обелиска. За послѣдніе мѣсяцы обелискъ совершенно исчезъ подъ каменными обломками.

Возобновится ли опять въ скоромъ времени дѣятельность вулкана или онъ надолго успокоился,—еще нельзя сказать положительно. Второе предположеніе представляется болѣе вѣроятнымъ.

Посмотримъ теперь, какова природа знаменитыхъ горячихъ тучъ, многократно выброшенныхъ вулканомъ, и какую роль играютъ явленія, обнаружившіяся на Мартиникѣ, въ жизни земного шара вообще и той вулканической области, въ предѣлахъ которой находится Мартиника.

Въ разныхъ мѣстахъ земного шара расположены вулканы, рѣдко по одиночкѣ, а чаще всего рядами, какъ бы намѣчающими на земной поверхности какія-то слабыя мѣста, какія-то линіи разломовъ каменнаго свода земли. Малые Антильскіе острова представляютъ одну изъ такихъ линій. Еще больше на землѣ такихъ горъ, которыя и по формѣ, и по матеріаламъ не отличаются отъ вулкановъ, но не проявляютъ никакой замѣтной дѣятельности; это потухшіе—вулканы. Мы сейчасъ видѣли, что и настоящіе вулканы дѣйствуютъ не всегда, а съ перерывами, съ отдыхами; вулканъ Пеле отдыхалъ 50 лѣтъ.

Передъ началомъ дѣятельности вулкана обыкновенно слышится подземный шумъ, грохотъ, чувствуется сотрясеніе земли. Затѣмъ вырываются клубы пара и горячихъ удушливыхъ газовъ, смѣшанныхъ съ каменнымъ пепломъ.

Иногда этимъ и кончается періодъ дѣятельности, какъ это было съ вулканомъ Пеле въ 1851 г.; но чаще дѣятельность вулкана этимъ не оканчивается. Весьма нерѣдко, послѣ бурнаго періода взрывовъ, изъ кратера или изъ боковой трещины вулкана вытекаетъ потокъ лавы, который, застывая, превращается въ камень.

Есть и такой вулканъ (Килауэа на Сандвичевыхъ о-вахъ), въ кратерѣ котораго всегда кипитъ и по временамъ поднимается и переливается черезъ край лава. Это совершается безъ взрывовъ. Пары и

Рис. 16. Обелискъ на вершинѣ г. Пелѣ, снятый г. Е. О. Говей 25 марта 1903 г. на близкомъ разстояніи.

здѣсь обильно выдѣляются, и при ихъ выдѣленіи лава бьетъ кверху фонтанами, появляющимися то тамъ, то здѣсь надъ поверхностью лавоваго озера.

Какъ бы ни вытекала лава изъ вулкана, она еще долго выбрасываетъ на своемъ пути клубы пара и горячія брызги, пока не покроется прочной каменной корой.

Если расплавить камень, образовавшійся изъ застывшей лавы, то получится нѣчто похожее на расплавленное стекло. Эта масса не будетъ производить никакихъ взрывовъ.

Ясно стало быть, что вырывающаяся изъ земныхъ глубинъ лава не представляетъ собою просто расплавленный камень, а вещество, содержащее въ себѣ сильно сжатые и стремящіяся вырваться пары и газы. Изъ этихъ охлаждающихся вверху паровъ часто льетъ ливень, что и показываетъ намъ, какъ много было раскаленной воды въ лавѣ.

Изъ вырвавшейся наружу лавы, когда она течетъ по поверхности, обильно выдѣляются пары и газы, подобно тому какъ газъ выдѣляется изъ откупоренной или текущей изъ сифона сельтерской воды. Только здѣсь не холодный газъ, а раскаленный и взрывчатый.

Вспомнимъ, что происходитъ, когда кипятятъ молоко. Въ извѣстный моментъ, когда пары начинаютъ образовываться быстро и въ большомъ количествѣ, они поднимаютъ молоко къ краямъ кастрюли, даже если она была не полна, и молоко начинаетъ переливаться черезъ край или, какъ говорятъ, — бѣжить, если его не снять съ огня. Совсѣмъ не то бываетъ, когда кипитъ какая-нибудь очень густая масса. Въ этомъ случаѣ пары образуются не такъ быстро и не поднимаютъ всей массы. Пузыри пара медленнѣе образуются и дольше держатся, и когда, наконецъ, они разрываются, то разбрасываютъ вокругъ комочки образовавшей ихъ стѣнку массы. Подумавъ объ этихъ различіяхъ въ характерѣ кипѣнія жидкостей разной густоты, мы, быть можетъ, лучше поймемъ, почему однѣ лавы вытекаютъ спокойно и выдѣляютъ только струйки паровъ, образующія фонтаны, а другія лавы, поднимаясь въ жерлѣ вулкана, производятъ передъ своимъ выходомъ сильные взрывы. Если сравнить эти лавы между собою, то окажется, что первыя плаваются легко и вытекаютъ въ очень жидкомъ видѣ, — взрывчатые газы при этомъ легко изъ нихъ выдѣляются, а другія лавы, напротивъ, очень трудно расплавить: онѣ появляются въ полугустомъ видѣ. Газы не легко могутъ изъ нихъ вырваться. Они скопляются въ значительномъ количествѣ, и когда наконецъ вырываются, то производятъ страшный взрывъ и разбрасываютъ комья густой лавы и осколки тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ построенъ вулканъ, по-

добно тому какъ пары, разрывающіе котель паровой машины, далеко разбрасываютъ его осколки.

Жгучія тучи, вырывающіяся изъ кратера Пеле, по свидѣтельству всѣхъ наблюдателей, представляютъ собою смѣсь горячихъ удушливыхъ газовъ и раскаленныхъ каменныхъ осколковъ и кристалликовъ. Изслѣдованіе этихъ осколковъ и кристалликовъ показало, что многіе изъ нихъ покрыты оболочкой застывшаго стекла, отчего можно было догадаться, что взрывчатые газы были заключены въ лавѣ или образовали лаву, состоявшую, кромѣ газовъ, еще изъ твердыхъ кристалликовъ и жидкой стеклообразной массы.

Когда такая масса стала подниматься изъ глубинъ по жерлу вулкана, горячіе газы стали выдѣляться изъ нея сначала отдѣльными пузырями или небольшими клубами, а потомъ настолько обильно, что вся эта полужидкая смѣсь вспѣнилась и газы вырвались сразу большимъ раскаленнымъ клубомъ, увлекшимъ съ собою и самую эту лаву, образовавшую стѣнки пузырярей.

Эта смѣсь сжатыхъ газовъ, кристалликовъ и брызгъ расплавленного стекловатаго вещества и дала тотъ тяжелый черный клубъ, который былъ слишкомъ тяжелъ, чтобы подняться вверхъ, и, какъ громадный комъ снѣга или снѣговая лавина, покатился внизъ по горѣ.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что, помимо высокой температуры, и механическое дѣйствіе этой тяжелой черной тучи отличалось отъ дѣйствія низвергающей лавины еще тѣмъ, что туча эта была заряжена и внутренней силой упругихъ паровъ, стремящихся расширяться и вырваться изъ массы стѣснявшихъ ихъ движеніе твердыхъ и полутвердыхъ частицъ. Въ этомъ смыслѣ дѣйствіе такой тучи приближается къ дѣйствію газовъ, вырывающихся при взрывѣ.

Огромныя массы древнихъ лавъ и скопленій вулканическаго пепла и камней, изъ которыхъ почти исключительно состоятъ Малые Антилы, свидѣтельствуютъ о бывшей здѣсь когда-то страшно напряженной работѣ вулканическихъ силъ, — работѣ, которая теперь затихла и лишь изрѣдка проявляется взрывами и катастрофами черезъ большіе промежутки времени.

Что это за силы, какъ онѣ работаютъ, откуда, изъ какой глубины поднимается эта горячая взрывчатая лава — все это вопросы сложные, и мы не можемъ теперь о нихъ долго бесѣдовать.

Но я хотѣлъ бы дать вамъ и объ этомъ нѣкоторое маленькое понятіе. Прежде всего замѣчу, что явленія, которыя можно назвать вулканическими, свойственны не одной землѣ. Ея спутникъ луна

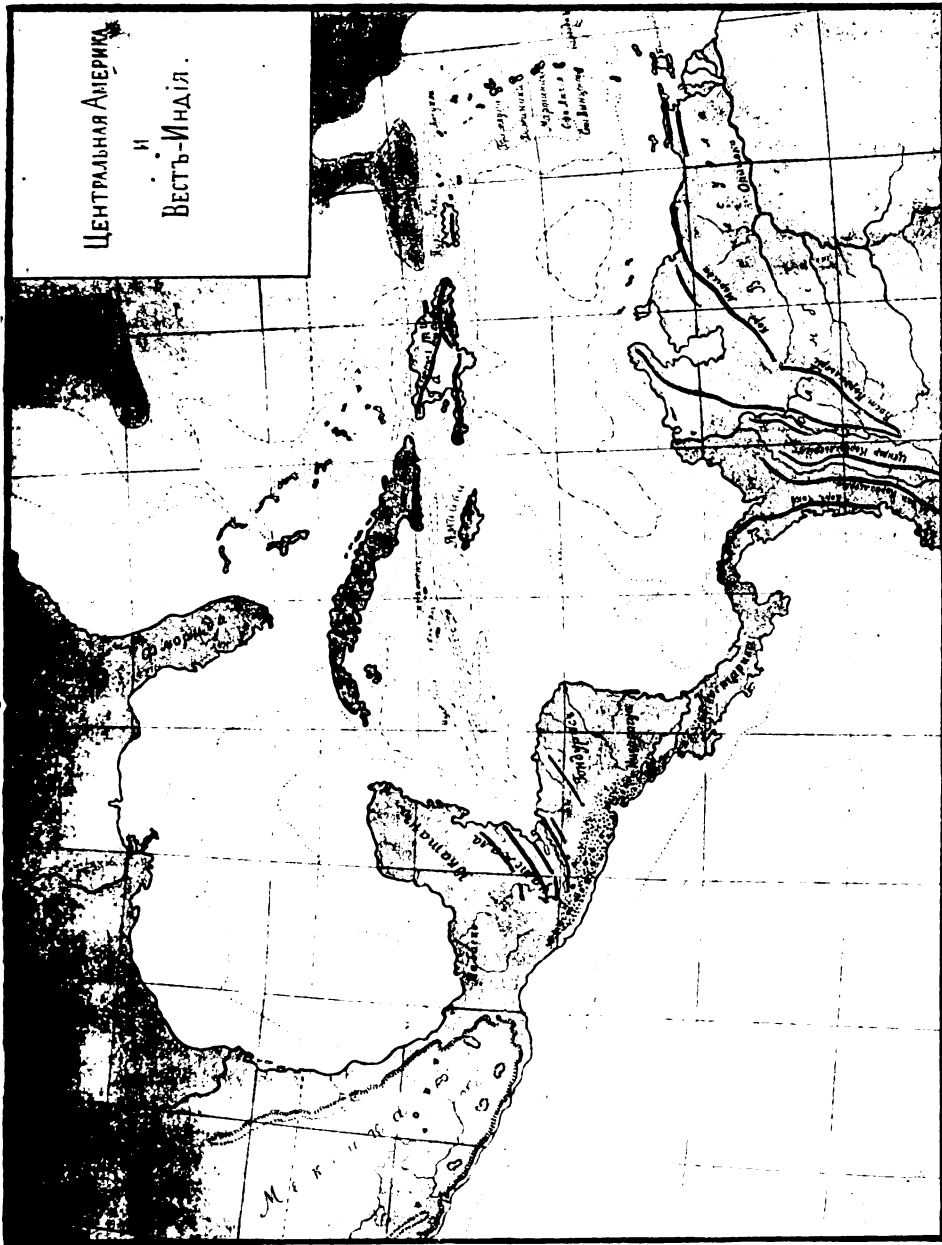

Рис. 17. Карта Центральной Америки и Вестъ-Индія, показывающая направление горных краей (черными линиями) и распределение глубин моря.

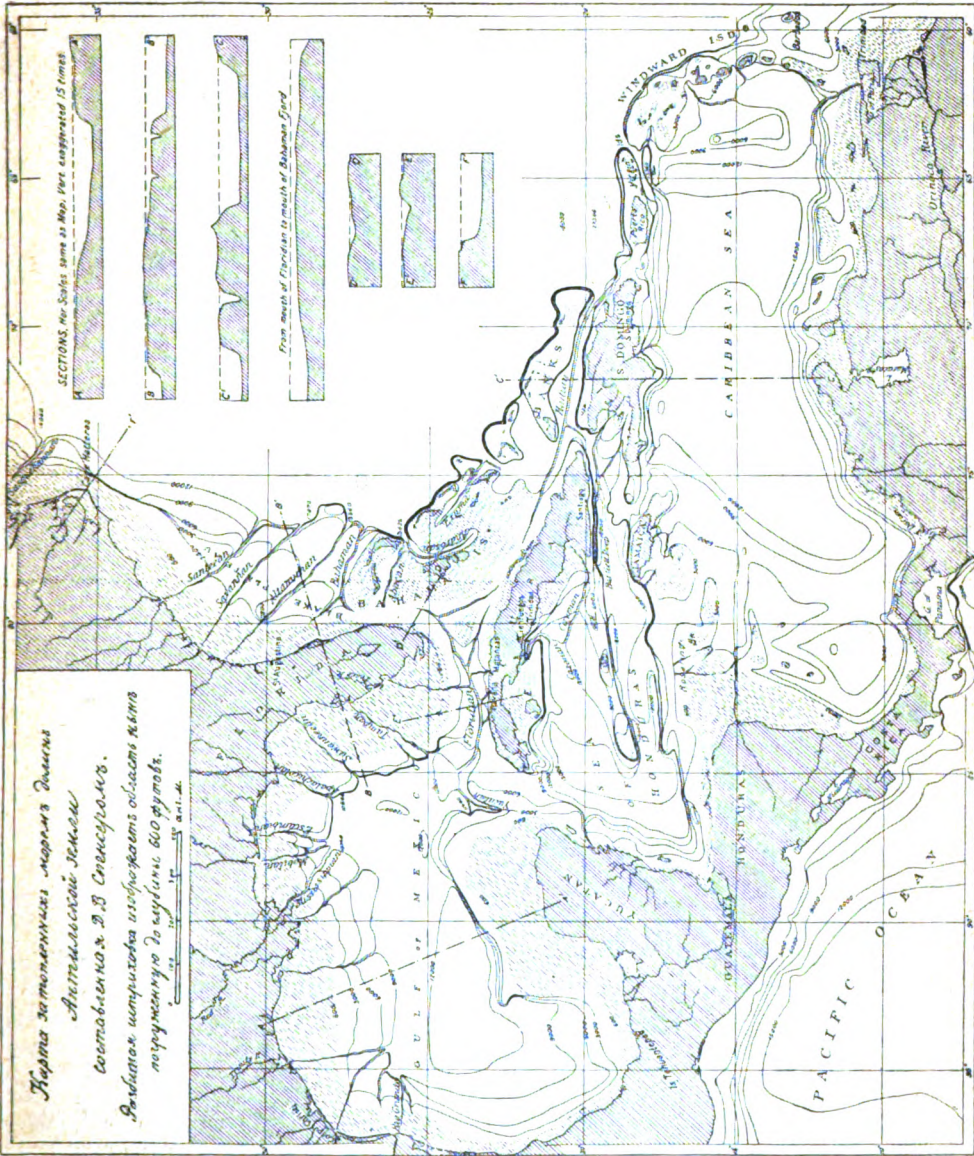

Рис. 18. Карта затопленной морем Антилльской земли, составленная Д. В. Спенсером.

имѣть такую поверхность, по которой не трудно догадаться, что изверженіе газовъ и изліяніе лавъ когда-то происходило тамъ въ колоссальномъ масштабѣ. Извѣстно далѣе, что раскаленная, вѣчно подвижная масса солнца выбрасываетъ изъ себя невообразимо колоссальные снопы и фонтаны раскаленныхъ свѣтящихся газовъ (протуберанцы). Но оставимъ небо, и вернемся на землю.

Въ области Антильскихъ острововъ и въ Центральной Америкѣ и теперь какъ будто чувствуется непрочное мѣсто въ этомъ сооруженіи. Непосредственно передъ возобновленіемъ дѣятельности вулкана Пеле и одновременно съ его изверженіями дѣйствуетъ еще другой вулканъ, расположенный на той же линіи Малыхъ Антиль, — Суфріеръ на островѣ Сень-Винцентъ и просыпаются нѣкоторые вулканы въ Центральной Америкѣ; 18 апрѣля 1902 г. происходитъ землетрясеніе въ Гватемалѣ, 13-го мая происходитъ изверженіе вулкана Колима въ Мексикѣ. Эта непрочность еще нагляднѣе выступить, если мы немного познакомимся съ отдаленнымъ прошлымъ этой мѣстности.

Я уже упомянулъ въ началѣ нашей бесѣды, что Антильскіе острова представляютъ какъ будто затопленную полосу суши, когда-то здѣсь существовавшей (рис. 17).

Если посмотрѣть, изъ чего состоитъ и какъ устроена та узкая полоса суши, которая теперь соединяетъ Сѣверную и Южную Америку, то можно узнать, что эта суша образовалась сравнительно недавно, частью—изъ морскихъ осадковъ, частью—изъ продуктовъ, выброшенныхъ вулканами. Прежде чѣмъ образовался этотъ перешеекъ, Тихій океанъ отдѣлялся отъ Атлантическаго тою полосой суши, остатками которой являются Антильскіе острова.

Горная цѣпь тянулась на этой сушѣ съ востока на западъ; обломки ея мы и теперь видимъ на Гаити, Кубѣ, Ямайкѣ, на отмеляхъ моря и Гватемалѣ. Ея направленіе совершенно не соотвѣтствуетъ направленію Скалистыхъ горъ Сѣверной Америки и Кордильеръ Южной Америки. По рельефу дна около Антильскихъ острововъ можно опредѣлить границу этой погибшей земли и даже узнать, гдѣ на ней были холмы, долины, озера (рис. 18).

Кромѣ погруженія этой земли, здѣсь происходили и другія движенія земной оболочки. Нѣкоторыя глубокія мѣста морского дна поднялись и выдвинулись на поверхность съ покрывающими ихъ осадками глубокаго моря.

Участокъ суши на внутренней сторонѣ гирлянды Антиль опустился на большія глубины, и расколы, по которымъ произошло это опусканіе, открыли путь на поверхность раскаленнымъ лавамъ земныхъ глубинъ.

Наука, называемая геологіей, имѣетъ задачей распутывать всѣ эти сложныя и очень отдаленныя событія.

Я не могу дать вамъ яснаго представленія о томъ, какъ давно они были, но попытаюсь дать и объ этомъ нѣкоторое приближенное понятіе.

Почти 400 лѣтъ тому назадъ кучка отважныхъ людей подъ предводительствомъ Хр. Колумба, послѣ долгаго, опаснаго и томительнаго плаванія по невѣдомому океану, высадилась на одинъ изъ малыхъ острововъ этой гирлянды.

Они увидѣли передъ собой тропическій лѣсъ новаго свѣта, увидѣли людей, до тѣхъ поръ невѣдомыхъ европейцамъ. Спутники Колумба, незадолго передъ тѣмъ хотѣвшіе убить его за то, что онъ увезъ ихъ изъ родины на вѣрную гибель, теперь въ порывѣ радости обнимали его колѣни, обнимали другъ друга и цѣловали землю.

И для насъ это мѣсто и этотъ день должны быть памяты, потому что это былъ день рожденія новой науки, новой европейской культуры. Границы міра были широко раздвинуты; оказалось, что вмѣсто рисуемаго древней наукой океана, погруженнаго въ вѣчную тьму, и страшныхъ пустынь, недоступныхъ смертнымъ, за предѣлами давно извѣстныхъ земель стараго свѣта существуютъ на землѣ цѣлые континенты, одаренные всѣми богатствами, всѣми красотами природы, населенные невѣдомыми народами. Духъ сомнѣнія, духъ критики проникъ въ гордую и мало подвижную науку предшествующихъ тысячелѣтій, а этотъ духъ критики и создалъ нашу современную науку.

Вскорѣ рухнуло и старое представленіе о мірѣ, согласно которому твердыя небесныя сферы съ прикрѣпленными къ нимъ свѣтилами вращаются вокругъ неподвижной земли, и оказалось, что сама земля движется вокругъ солнца, какъ одна изъ планетъ, а видимый куполь неба есть только эффектъ воздушной перспективы; оказалось, что каждый наблюдатель имѣетъ свое небо и находится въ его центрѣ, и это небо, какъ и видимый горизонтъ, перемѣщается вмѣстѣ съ нимъ.

Такъ вотъ это событіе, которымъ начался рядъ великихъ пріобрѣтеній науки — прибытіе Колумба въ Центральную Америку — произошло 400 лѣтъ тому назадъ. Сравнительно съ тѣми измѣненіями земли, о которыхъ мы сейчасъ говорили, это событіе приходится признать совсѣмъ недавнимъ, примѣрно — настолько же недавнимъ, насколько вчерашній день или только что минувшая недѣля недавни сравнительно, напримѣръ, со временемъ основанія Москвы.

Какъ ни грандіозны тѣ явленія, о которыхъ мы сегодня бесѣ-

довали, какъ ни разрушительно дыханіе вулкановъ въ родѣ горы Пеле, все же такія событія въ жизни природы являются исключительными, рѣдкис нарушающими обычный спокойный ходъ измѣненій, переживаемыхъ землек. И этотъ вулганъ Пеле потѣму пріобрѣлъ такую славу, что онъ уничтожилъ городъ, который люди на немъ построили. А не будь этого, его дѣятельностью мало кто поинтересовался бы. У людей много другихъ интересовъ.

И на самой Мартиникѣ катастрофы 1902 и 1903 г., вѣроятно, скоро позабудутся. Этотъ благодатный островъ снова зацвѣтетъ довольствомъ и счастьемъ и будетъ привлекать къ себѣ толпы коммерсантовъ, туристовъ и художниковъ, потому что вулканическій пепель даетъ почву удивительно плодородную, потому что нигдѣ въ мірѣ морскія воды не достигаютъ такой красоты и прозрачности, нигдѣ небо не свѣтится такъ ярко, звѣзды не имѣютъ такого блеска, воздухъ такой мягкости и такого благоуханія. А до того, что дѣлается и что готовится тамъ, въ глубокихъ лабораторіяхъ земли, людямъ вѣдь мало дѣла. Только наука хранить и прочитываетъ лѣтописи этихъ событій и расширяетъ духовный кругозоръ всѣхъ тѣхъ, кто захочетъ и сумѣетъ отрѣшиться отъ докучливыхъ обыденныхъ интересовъ нашего маленькаго человѣческаго мірка и вспомнить, что за его предѣлами совершается другая жизнь — жизнь земли, жизнь міровая, космическая.

А. П. Павловъ.

Причины вулканических извержений.

I.

Значеніе ученія о вулканахъ въ геологіи.

Матерія и энергія земли.—Эндогенные и экзогенные процессы.—„Вулканическіе очаги“ и осадочныя породы.

Вопросъ о причинахъ вулканическихъ изверженій является однимъ изъ наиболѣе интересныхъ основныхъ вопросовъ геологіи. Въ самомъ дѣлѣ, геологія, изучающая историческій процессъ развитія земли, должна стремиться свести все разнообразіе геологическихъ явленій къ какимъ-нибудь общимъ законамъ, управляющимъ этимъ процессомъ. Всякій естественно-историческій процессъ, а въ томъ числѣ, конечно, и геологическій, представляетъ собою сумму извѣстныхъ перемѣщеній или измѣненій (химическихъ и физическихъ) вещества и превращеній энергіи. Если не принимать въ расчетъ прибыль вещества на счетъ падающихъ на землю космическихъ массъ (метеориты) и убыль, происходящую отъ разсѣиванья частицъ атмосферы въ мировое пространство, то вещество нашей планеты мы можемъ принять до извѣстной степени постояннымъ и единымъ. Энергія же, проявляющаяся въ геологическихъ процессахъ, по своему источнику двойственна и количественно не постоянна.

Большинство процессовъ, происходящихъ на земной поверхности, совершается на счетъ энергіи солнечныхъ лучей. Этотъ источникъ энергіи является такимъ образомъ внѣшнимъ для земли, а потому процессы, совершающіеся на его счетъ, мы можемъ назвать *экзогенными*. Вулканическія же и нѣкоторыя сродныя съ ними явленія имѣютъ источникомъ собственную энергію земли, присущую ей, какъ самостоятельной системѣ: эти явленія, слѣдовательно, мы можемъ назвать *эндогенными*. Понятно, что если вообще для земли, какъ самостоятельнаго тѣла, существуетъ какой-нибудь общій

законъ развитія, то открытію его можетъ способствовать изученіе эндогенныхъ процессовъ, тогда какъ экзогенные процессы будутъ лишь маскировать проявленіе этого закона.

Въ геологическихъ фактахъ мы находимъ полную аналогію этихъ отношеній. Такъ наз. «очаги» вулканической дѣятельности лежатъ глубоко подъ поверхностью земли и скрыты отъ нашихъ глазъ толщею главнымъ образомъ осадочныхъ породъ, образовавшихся подъ вліяніемъ экзогенныхъ процессовъ. Такимъ образомъ, вулканы, доставляя намъ свѣдѣнія изъ глубокихъ нѣдръ земли, недоступныхъ нашему непосредственному наблюденію, позволяютъ намъ, если можно такъ выразиться, приподнять край маски, надѣтой на землю солнцемъ, и взглянуть въ подлинный ликъ земли.

II.

Сущность вулканическихъ изверженій.

Изверженія и изліянія.—Туфовые и массивные вулканы.—Эффектъ изверженія.

Не буду останавливаться на подробномъ описаніи строенія вулкановъ и внѣшняго эффекта изверженія, считая эти факты общезвѣстными. Говоря вообще, при изверженіи происходитъ перемѣщеніе жидкихъ и газообразныхъ массъ изъ глубинъ земли на ея поверхность. Перемѣщеніе это можетъ происходить подъ дѣйствіемъ или мгновенной силы, или постоянной. Въ первомъ случаѣ происходитъ взрывъ, при которомъ часть жидкой лавы распыляется и отвердѣвая падаетъ вокругъ кратера изверженія въ видѣ такъ наз. *рыхлыхъ продуктовъ изверженія*: «вулканическаго пепла», «песка», «вулканическихъ бомбъ», образуя здѣсь насыпной туфовый конусъ. Во второмъ случаѣ происходитъ болѣе или менѣе спокойное изліяніе лавы на поверхность земли, слѣдствіемъ чего является образованіе лавовыхъ потоковъ, покрововъ, куполовъ и т. п. Это служитъ основаніемъ для дѣленія вулкановъ на 1) *туфовые*, или собственно *вулканы*, и 2) *массивные вулканы*, или массивныя изліянія.

Само собою разумѣется, что это раздѣленіе—искусственное, такъ какъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ рѣзкой границы между указанными двумя типами. Не говоря уже о томъ, что въ типичныхъ туфовыхъ вулканахъ вслѣдъ за первою бурною фазою выдѣленія газовъ и пепла часто наступаетъ спокойное изліяніе лавы, существуютъ всѣ переходныя ступени между туфовыми и массивными вулканами, т.-е. существуютъ какъ туфовые вулканы съ

весьма обильными изліяніями, такъ и массовыя изліянія, сопровождающіяся выбрасываньемъ большаго или меньшаго количества пепла. Такая связь между вулканами обоихъ типовъ заставляеть думать, что и причина изверженій въ обоихъ случаяхъ, въ сущности одна и та же и что только различія въ условіяхъ ея дѣйствія производять различные эффекты изверженія.

Ближайшая причина изверженій, по крайней мѣрѣ собственно вулкановъ, уже давно хорошо извѣстна. Это—упругая сила газовъ и паровъ воды, растворенныхъ въ лавѣ. Съ физической точки зрѣнія при изверженіи происходитъ тотъ же эффектъ, что при откупориваніи бутылки шампанскаго или газовой воды: растворенные въ жидкости подъ высокимъ давленіемъ газы при уменьшеніи давленія частью выдѣляются изъ жидкости и, стремясь расшириться, движутся съ большою скоростью въ сторону наименьшаго сопротивленія, увлекая въ своемъ движеніи и растворитель.

Но вопросъ значительно усложняется, если мы захочемъ уяснить себѣ источникъ энергіи газовъ, растворенныхъ въ лавѣ, ихъ происхождение, условія ихъ растворенія, короче, если мы попытаемся отыскать связь вулканическихъ явленій съ общимъ процессомъ развитія земли.

III.

Составъ магмы.

Магма.—Продукты изверженій.—Химическій составъ лавъ.—Сравненіе земной магмы съ метеорической.—Ядро земли и ея оболочка.—Магма - растворъ.—Газообразные продукты изверженій.—Фузароллы.—Теплые источники и рудныя жилы.—Раствореніе газовъ и паровъ въ магмѣ.

Для болѣе или менѣе яснаго пониманія процесса изверженія намъ, конечно, необходимо составить себѣ нѣкоторое представленіе о физико-химическомъ характерѣ извергаемыхъ массъ на мѣстѣ ихъ первоначальнаго залеганія. Будемъ называть эти массы, какъ это принято въ геологіи, *магмою*.

Съ составомъ магмы мы можемъ познакомиться, изучая *продукты* вулканическихъ *изверженій*. Продукты эти, какъ извѣстно, двухъ родовъ: жидкіе и газообразные.

Жидкіе продукты, или вулканическая лава, изъ которой при ея застываніи образуются такъ наз. изверженные горныя породы, отличается крайнимъ непостоянствомъ и въ то же время большимъ однообразіемъ химическаго состава. Послѣдній аналогиченъ составу различныхъ сортовъ обыкновеннаго стекла, которое, какъ извѣстно,

представляет собою сплав кремнезема съ окислами различныхъ металловъ, при чемъ отношенія составныхъ частей одна къ другой могутъ измѣняться въ широкихъ предѣлахъ. Точно такіе же сплавы кремнезема съ окислами металловъ представляют собою и лавы. Число металловъ, окислы которыхъ играютъ болѣе или менѣе видную роль въ составѣ магмы, весьма ограничено, а именно такихъ металловъ всего только 6: Al, Fe, Ca, Mg, K, Na. Количественныя отношенія кремнезема къ суммѣ окисловъ металловъ, равно какъ и количественныя отношенія этихъ послѣднихъ между собою, въ различныхъ типахъ лавъ весьма различны. Обыкновенно различаютъ «кислыя», т.-е. богатая кремнеземомъ, лавы, въ которыхъ содержаніе послѣдняго (silicium) достигаетъ 80%, и «основныя», или богатая основаніями и бѣдныя кремнеземомъ лавы съ количествомъ SiO₂, падающимъ въ наиболѣе основныхъ лавахъ до 40%. Между этими крайними типами помѣщаются «среднія» лавы. Отъ кислыхъ къ основнымъ лавамъ существуетъ совершенно постепенный переходъ, чѣмъ и обусловливается указанное выше крайнее непостоянство химическаго состава лавъ. Отсюда ясно, что на только что указанные различные «типы» лавъ (и образующихся изъ нихъ горныхъ породъ) нужно смотрѣть лишь какъ на искусственныя подраздѣленія, созданныя для удобства петрографической классификаціи.

Замѣчательно, что въ послѣдовательномъ ряду лавъ (и соответственныхъ горныхъ породъ), расположенныхъ по ихъ «кислотности» измѣняется не только отношеніе количества SiO₂ къ общему количеству металлическихъ окисловъ, но такъ же мѣняются и количественныя отношенія этихъ послѣднихъ и притомъ въ довольно опредѣленномъ направленіи.

Въ прилагаемой табличкѣ 4 различающіеся по кислотности типа магмы отмѣчены именами соответствующихъ имъ горныхъ породъ, и для каждаго типа указано среднее процентное содержаніе окисей, входящихъ въ составъ этихъ породъ элементовъ.

*/о окисей элементовъ:

Г р у п п ы:	Si.	Al.	Fe.	Ca.	Mg.	K.	Na.
I. Гранитъ-липаритъ.	74	14	3	1,5	0,3	4	4
II. Сіенитъ-трахитъ.	64	17	6	3	1,3	3,5	4
III. Діабазъ-габбро-авг. андезитъ	52	18	10	9	5	1,4	3
IV. Оливиновыя породы.	45	8	12	6	23	0,5	1

Не трудно видѣть изъ таблички, что отъ кислыхъ къ основнымъ лавамъ вмѣстѣ съ количествомъ кремнезема падаетъ также процентное содержаніе окиси калия, тогда какъ, наоборотъ, количество окисловъ кальція, а въ особенности желѣза и магнаія возрастаетъ; количества окисловъ алюминія и натрія, оставаясь приблизительно постоянными въ первыхъ трехъ типахъ, сильно убываютъ въ IV.

Для основныхъ лавъ характерно ихъ богатство окислами магнаія и желѣза. Это обстоятельство пріобрѣтаетъ особый интересъ, если составъ земныхъ магмъ (соотвѣтственно горныхъ породъ) сопоставить съ составомъ *метеоритовъ*.

Среди послѣднихъ, какъ извѣстно, различаютъ *метеорные камни*, не содержащіе металлическаго желѣза, и *метеорное желѣзо*—метеориты, состоящіе сплошь изъ металлическаго желѣза (+ Ni и Co). Между этими крайними типами помѣщаются метеориты, состоящіе частью изъ «каменистыхъ» веществъ, частью изъ металлическаго желѣза.

Метеорные камни по составу весьма близко напоминаютъ земныя горныя породы. Именно наиболѣе «кислые» изъ нихъ (40% Si O₂) обнаруживаютъ большое сходство съ наиболѣе «основною» земною магмой, хотя уже не содержатъ окисей K и Na. Зато они богаты магниемъ и желѣзомъ. Если метеориты по ихъ «основности» мы расположимъ въ рядъ, какъ это мы сдѣлали для земныхъ магмъ, то замѣтимъ, что въ направленіи отъ метеорныхъ камней къ метеорному желѣзу въ составѣ метеоритовъ сильно возрастаетъ содержаніе желѣза. Количество магнаія также сначала увеличивается, но потомъ начинаетъ падать. Количества O, Si, Ca и Al все время убываютъ. Въ виду значительнаго возрастанія количества желѣза на счетъ другихъ элементовъ въ извѣстный моментъ къ массѣ метеорнаго камня начинаютъ примѣшиваться зерна металлическаго желѣза, которыхъ становится все больше, такъ что конечнымъ членомъ ряда будетъ чистое металлическое метеорное желѣзо.

Такимъ образомъ, сопоставляя «метеорную магму» съ земною, мы получаемъ непрерывный рядъ соединеній отъ металлическаго метеорнаго желѣза на одномъ концѣ ряда до кислыхъ земныхъ лавъ на другомъ.

Если составъ земной и метеорной магмъ выразить въ процентныхъ количествахъ элементовъ, то эти отношенія можно выразить слѣдующимъ нагляднымъ рисункомъ (рис. 1).

Мы видимъ, что въ нижней части рисунка, соотвѣтствующей составу метеоритовъ (въ особенности метеорнаго желѣза), преобладаетъ Fe; въ верхней части, соотвѣтствующей земнымъ магмамъ,

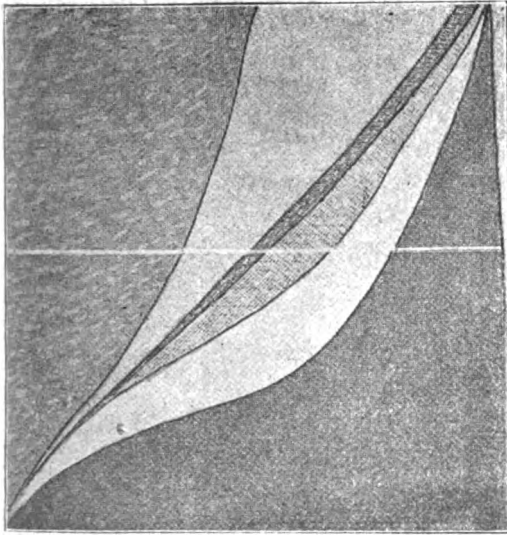

Рис. 1. Распределение элементов въ магмѣ (по Рейеру.)

Рис. 2. Центральное возвышеніе на застывшей поверхности сѣры.

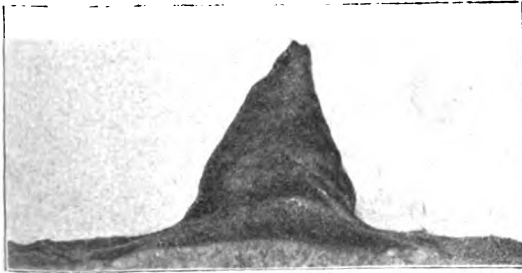

Рис. 3. Изверженный конусъ на поверхности застывшей сѣры.

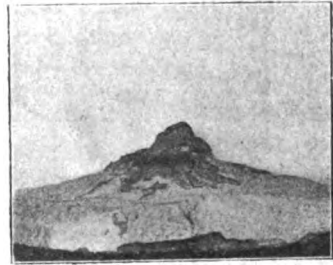

Рис. 4. Изверженный конусъ съ радиально расходящимися потоками.

Рис. 5. Вертикальный разръзъ области изверженія. — I. Первичная кора. — I. Первый слой гипса. — 2. Потоки перваго изверженія. — II. Второй слой гипса. — 3. Потокъ бокового изверженія съ главной силой, соединяющей его съ нижележащимъ потокомъ (2). — III. Третій слой гипса. — 4. Изверженный конусъ.

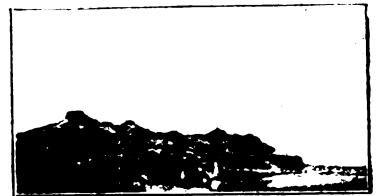

Рис. 6. Дифференцировка уровней, обусловленная неодновременнымъ затвердваніемъ поверхности расплавленной сѣры. Налѣво—„материкъ“ съ „вулканическими конусами“; направо—„морская впадина“.

въ особенности кислымъ — О. Поэтому мы въ правѣ согласно съ Рейеромъ¹⁾ назвать метеорную магму по преимуществу металлическою, земную же — кислородною.

Отношенія эти весьма интересны. Извѣстно, что сравненіе средней плотности земли (5,5) съ плотностью горныхъ породъ земной коры (1,5—2,5) ведетъ къ предположенію о металлическомъ ядрѣ земли. Кромѣ того, само собой понятно, что основная магма — въ силу преобладанія въ ея составѣ окисловъ металловъ — тяжелѣе кислой. Сопоставляя эти данныя съ результатами изслѣдованія метеоритовъ, мы приходимъ къ мысли, что земная магма въ сущности представляетъ собою продукты окисленія металлическаго земного ядра, расположенные по ихъ удѣльному вѣсу: внизу (ближе къ центру) болѣе тяжелые — основные, вверху — легкіе — кислые. Такимъ образомъ магму мы можемъ сравнивать со шлаками жидкой металлической ванны, при чемъ верхніе слои этихъ шлаковъ являются болѣе окисленными, нежели нижніе, лежащіе ближе къ поверхности неокисленнаго металла.

Что касается самаго характера той смѣси, которую мы назвали магмою, то въ послѣднее время, благодаря развитію физической химіи и въ частности — теоріи растворовъ, установился вполне опредѣленный взглядъ на *магму*, какъ на *растворъ*. Такъ называются всѣ жидкія (и нѣкоторыя «твердыя» въ обыденномъ смыслѣ, какъ, наприм., стекло) однородныя смѣси. Сюда относятся какъ растворы твердыхъ веществъ въ водѣ (или другой жидкости), такъ равнымъ образомъ и растворы одной жидкости въ другой, а также и такія смѣси, какими являются сплавы нѣсколькихъ металловъ (въ жидкомъ состояніи).

Свойства магмы, какъ показываютъ новѣйшія работы въ области экспериментальной геологіи, дѣйствительно, вполне аналогичны свойствамъ растворовъ. Эта аналогія рѣзче всего проявляется въ процессѣ затвердѣванія магмы. Какъ извѣстно, при этомъ изъ магмы при благоприятныхъ условіяхъ²⁾ выкристаллизовываются опредѣленныя химическія соединенія — «породообразующіе минералы», представляющіе собою или такъ наз. «силикаты», т.-е. соли кремневыхъ кислотъ (наприм., полевые шпаты, слюда, роговая обманка, оли-

1) *Reyer*, Theoretische Geologie, 1888.

2) Кристаллизація способствуетъ продолжительность застыванія, т.-е. сравнительно высокая температура, при которой происходитъ затвердѣваніе. Нѣкоторыя лавы при быстромъ остываніи на поверхности земли не успѣваютъ выкристаллизоваться и застываютъ въ видѣ однороднаго стекла (обсидіанъ, пемза), которое можно рассматривать, какъ переохлажденную жидкость, лишенную легкой подвижности частицъ. На кристаллизацію вліяютъ также давленіе и присутствіе газовъ въ магмѣ.

винъ и др.), или различные окислы (наприм., кварцъ, магнитный желѣзнякъ, ильменитъ, титанитъ, цирконъ) и нѣкоторыя другія соединенія. Совокупность тѣхъ или иныхъ минераловъ въ данной горной породѣ обуславливаетъ ея минералогическій составъ, который для различныхъ породъ оказывается весьма различнымъ (напр., въ кислыхъ породахъ обычны кварцъ, щелочный полевой шпатъ; въ основныхъ — кварцъ отсутствуетъ, полевой шпатъ встрѣчается въ видѣ натрово-известковаго или известковаго, обычнымъ является оливинъ — магнезiальный силикатъ, который въ кислыхъ породахъ никогда не встрѣчается). Далѣе при изслѣдованiи горной породы легко замѣтить, что составляющiе ее минералы выдѣлились изъ сплава не одновременно, а въ известной послѣдовательности, которая при томъ не для всѣхъ породъ одинакова (такъ, наприм., въ гранитѣ первымъ выдѣлился полевой шпатъ и послѣднимъ кварцъ; наоборотъ, въ нѣкоторыхъ кварцевыхъ порфирахъ и липаритахъ кварцъ выдѣлялся первымъ). Наконецъ, известно, что температура плавленiя (и застыванiя) всей смѣси, какую представляетъ данная горная порода (т.-е. соответствующаго стекла), ниже температуры плавленiя выдѣлившихся изъ нея минераловъ.

Всѣ эти факты, давно известныя въ геологiи, оставались тѣмъ не менѣе мало понятными, пока не была сдѣлана попытка приложить къ ихъ объясненiю теорiю растворовъ, которой, повидимому, предстоитъ сыграть весьма важную роль въ геологiи вообще и въ вопросѣ объ образованiи изверженныхъ горныхъ породъ въ особенности. Здѣсь не мѣсто, конечно, излагать эту стройную теорiю ¹⁾. Отмѣтимъ только, что ею установлены строгiе законы порядка выдѣленiя твердыхъ веществъ изъ раствора въ зависимости отъ его состава. Говоря вообще, изъ раствора выдѣляется то вещество, которымъ въ данный моментъ растворъ пересыщенъ.

Если мы имѣемъ жидкую смѣсь двухъ веществъ, напр., сплавъ двухъ металловъ, то легко можемъ замѣтить, что сплавъ этотъ застываетъ (и плавится) при низшей температурѣ, чѣмъ составляющiе его металлы, взятые отдѣльно. Если одного металла взять большой избытокъ, то при застыванiи смѣси сначала выдѣляется изъ нея въ твердомъ видѣ только этотъ металлъ. Понятно, что процентное содержанiе этого металла въ незатвердѣвшей еще части сплава уменьшается (другого, слѣдовательно, увеличивается). Вмѣстѣ съ этимъ температура застыванiя понижается все болѣе и болѣе. На-

¹⁾ Желающiе познакомиться съ этой теорiей могутъ найти нужныя свѣдѣнiя въ курсѣ физики Хюльсона и у *Оствальда*: Основы неорганической химiи. Рус. перев. 1902 г.

конецъ, когда перваго металла выдѣлится достаточное количество, наступаетъ такой моментъ, когда одновременно начинаютъ выдѣляться оба металла. Начиная съ этого момента, температура плавленія больше уже не понижается, и весь остатокъ сплава застываетъ при постоянной температурѣ. Оказывается, что для каждой пары металловъ составъ этого остатка, застывающаго при постоянной температурѣ (наиболѣе низкой для данной пары)—вполнѣ опредѣленный. Если мы возьмемъ избытокъ не перваго, а втораго металла, явленіе будетъ совершаться точно такъ же, только въ обратномъ порядкѣ: сначала будетъ выдѣляться второй металлъ, пока жидкій остатокъ не достигнетъ того же состава, что и въ первомъ случаѣ. Съ этого момента опять-таки прекращается дальнѣйшее пониженіе температуры, и оба металла выдѣляются одновременно въ тѣхъ же самыхъ количественныхъ отношеніяхъ и при той же температурѣ, какъ и въ первомъ случаѣ ¹⁾. Итакъ, для каждой пары металловъ существуетъ сплавъ вполнѣ опредѣленнаго состава, обладающій низшей температурой плавленія изъ всѣхъ другихъ сплавовъ тѣхъ же металловъ. Такіе сплавы называются *эвтектическими* ²⁾. Изъ жидкаго сплава, слѣдовательно, будетъ выдѣляться первымъ то вещество, котораго въ смѣси избытокъ по отношенію къ эвтектическому сплаву.

Въ послѣднее время эта точка зрѣнія все чаще и чаще начинаетъ примѣняться для объясненія послѣдовательности выдѣленія минераловъ изъ магмы, и все говоритъ за то, что она справедлива. Въ настоящее время уже съ полной увѣренностью можно сказать, что изъ магмы первымъ выдѣляется тотъ минералъ, которымъ при данныхъ условіяхъ она пересыщена. По мѣрѣ выдѣленія этого минерала концентрація раствора и его составъ измѣняются, и могутъ наступить условія, благоприятныя для выдѣленія другаго минерала.

Такъ, напр., можно думать, что для пары: кварцъ—полевои шпаты эвтектическій сплавъ соотвѣтствуетъ составу: 75% полевого шпата и 25% кварца. Если магма имѣетъ такой составъ, то оба эти минерала будутъ выдѣляться одновременно, какъ это и наблюдается въ такъ называемомъ «письменномъ гранитѣ», имѣющемъ именно такой составъ. Одновременное выдѣленіе обоихъ минераловъ обуславливаетъ своеобразную структуру этой породы, послужившую основаніемъ для ея названія. Если кварца въ смѣси будетъ больше, чѣмъ требуетъ вышеприведенное отношеніе, онъ бу-

¹⁾ Въ случаѣ, если металлы способны образовать другъ съ другомъ химическое соединеніе, явленіе нѣсколько усложняется.

²⁾ Въ растворахъ твердыхъ тѣлъ въ жидкостяхъ имъ соотвѣтствуютъ *криоидраты*.

детъ выдѣляться первымъ (что и наблюдается, напр., въ нѣкоторыхъ кварцевыхъ порфирахъ и липаритахъ). Наконецъ, если кварца меньше, то первымъ выдѣлится полевой шпатъ, а затѣмъ уже можетъ выдѣлиться и кварцъ. (Такова послѣдовательность выдѣленія минераловъ напр. въ гранитахъ ¹.)

Не нужно, впрочемъ, забывать, что въ виду большой сложности той смѣси, о которой идетъ рѣчь, т.-е. магмы, въ настоящее время далеко еще не разъяснены всѣ подробности процесса ея застыванія. Напротивъ, въ этомъ направленіи теперь дѣлаются лишь первые шаги. Но въ высшей степени важно уже и то, что найденъ надежный путь для рѣшенія подобныхъ вопросовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ, при дальнѣйшихъ успѣхахъ физической химіи и экспериментальной геологіи, онъ приведетъ къ блестящимъ результатамъ.

Газообразными продуктами изверженія мы называемъ тѣ массы газовъ и паровъ, которыя иногда съ большой силой выбрасываются или изъ самаго кратера, или изъ трещинъ какъ въ самомъ конусѣ, такъ равно и въ прилегающей мѣстности или, наконецъ, выдѣляются изъ потоковъ вылившейся лавы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, за исключеніемъ перваго, когда газы выдѣляются изъ кратера, такія газовыя выдѣленія называются *фумаролами*.

Своимъ знакомствомъ съ фумарольными газами мы обязаны главнымъ образомъ работамъ французскихъ ученыхъ С. К. Девиля и Фуке. Во всѣхъ вулканическихъ мѣстностяхъ составъ фумарольныхъ газовъ, равно какъ и газовъ, выдѣляющихся изъ кратера, приблизительно одинаковъ. Главную массу ихъ составляютъ пары воды, послѣ которыхъ наиболѣе важными являются газы, содержащіе въ своемъ составѣ хлоръ и сѣру, затѣмъ углекислый газъ. Слѣдуетъ отмѣтить также присутствіе въ фумарольныхъ выдѣленіяхъ газовъ атмосферы, а также водорода и углеводородовъ. Эти послѣдніе газы (водородъ и углеводороды) особенно интересны, такъ какъ они найдены и въ метеоритахъ.

Въ началѣ изверженія, или изъ только что вылившагося лавоваго потока, т.-е. при высокой температурѣ (выше 500°), выдѣляются всѣ указанные газы одновременно, за исключеніемъ паровъ воды ²), которая при такой температурѣ разлагается (диссоциируетъ)

¹) См. *Vogt. Om silikatsmelteoplösningar etc. Geol. För. i Stocholm. Förh. XXIV, 1902; Baur. Zeitschr. f. physik. Chemie, 1903.*

²) Изъ кратера въ моментъ изверженія, насколько оказалось возможнымъ къ нему приблизиться, съ самаго начала выдѣляются вмѣстѣ съ другими газами и пары воды. Послѣдніе, надо полагать, образуются въ нижней части кратера путемъ соединенія элементовъ воды ($H_2 + O$).

на составныя части, и потому въ этихъ наиболѣе горячихъ фумаролахъ не встрѣчается. Такія фумароллы называются поэтому *сухими*. Для нихъ особенно характернымъ является присутствіе соединеній хлора, въ особенности сублиматовъ (продукты «сухого возгона») хлористыхъ металловъ, напр., поваренной соли (NaCl), хлористыхъ—калія, желѣза, марганца, мѣди, олова и также свободного хлористо-водороднаго газа, фтора, бора и фосфора. Присутствуютъ, конечно, и газы, характерные для болѣе холодныхъ фумароллъ.

По мѣрѣ охлажденія лавоваго потока температура фумарольныхъ газовъ понижается, и вмѣстѣ съ тѣмъ, понятно, мало-по-малу прекращается возгонъ хлористыхъ металловъ (исключая хлористый аммоній). Въ составѣ газовъ видную роль начинаютъ играть сѣрнистыя соединенія—сѣрнистый газъ и сѣроводородъ—часто въ сопровожденіи мышьяка. Это такъ наз. сѣрнистыя фумароллы, или *сульфатары*.

Наконецъ, наиболѣе холодныя—углекислыя фумароллы, или *мофетты*, выдѣляютъ одинъ только углекислый газъ, который, впрочемъ, выдѣляется и въ фумаролахъ двухъ предыдущихъ типовъ.

Выдѣленіе газовъ какъ изъ лавовыхъ потоковъ, такъ и изъ кратера продолжается еще долгое время послѣ изверженія вулкана. Такъ, есть вулканы, выдѣляющіе главнымъ образомъ сѣрнистыя соединенія, т.-е. находящіяся въ состояніи *сульфатары* (вулканъ того же имени). Мофетты часто встрѣчаются въ потухшихъ вулканическихъ областяхъ (напр., въ Оверни).

Нельзя обойти молчаніемъ той связи между фумарольными выдѣленіями и такъ наз. горячими минеральными источниками, которая наблюдается во многихъ вулканическихъ областяхъ, напр., въ Исландіи, гдѣ сѣрнистые и углекислые источники генетически связаны съ сѣрнистыми и углекислыми фумароллами. То, что для теплыхъ источниковъ Исландіи можно утверждать съ несомнѣнностью, можно съ большою вѣроятностью распространить на большинство горячихъ минеральныхъ источниковъ. Въ ихъ составѣ всегда содержатся только тѣ элементы, какіе мы встрѣчаемъ въ фумарольныхъ газахъ. Кромѣ того, самыя условія, при которыхъ многіе изъ нихъ проявляютъ свою дѣятельность, таковы, что нельзя допустить иного объясненія ихъ происхожденія, какъ только фумарольными выдѣленіями остывающей гдѣ-то въ глубинѣ расплавленной массы. Такъ, напр., обильное содержаніе поваренной соли въ горячихъ источникахъ (Карлсбада и др.), выходящихъ изъ трещинъ гранита, нельзя объяснить ни выщелачиваніемъ горныхъ породъ, по которымъ проходитъ вода источника, ни просачивані-

емь морской воды (такъ Карлсбадъ, напр., расположенъ вдали отъ моря).

Такимъ образомъ весьма правдоподобнымъ является взглядъ, по которому большинство горячихъ минеральныхъ источниковъ представляютъ собою не что иное, какъ продукты фумарольныхъ выдѣлений, при чемъ не только содержащаяся въ этихъ источникахъ «минеральная» часть, но и самая вода имѣетъ такое происхожденіе, т.-е. образуется изъ водяныхъ паровъ, выдѣляемыхъ фумароллами. Съ этой точки зрѣнія весьма интересно обиліе въ водахъ многихъ минеральныхъ источниковъ поваренной соли и другихъ солей, заключающихся въ морской водѣ. Очень часто высказывается взглядъ, что дѣятельность вулкановъ обуславливается проникновеніемъ морской воды по трещинамъ земной коры къ расплавленной магмѣ. Нѣсколько позднѣе мы рассмотримъ, насколько такое предположеніе правдоподобно, сейчасъ же только отмѣтимъ, что справедливость противоположнаго утвержденія, а именно, что вулканы (фумароллы) доставляютъ на дневную поверхность воду, сходную съ морскою, не можетъ быть подвергнута ни малѣйшему сомнѣнію¹⁾.

Атмосфера также получаетъ отъ вулкановъ весьма цѣнный даръ — углекислый газъ, на счетъ котораго растенія создаютъ свои органическія вещества, необходимыя между прочимъ и для поддержація жизни животныхъ.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить, что фумарольные газы (и горячіе источники) часто служатъ причиною образованія мѣсторожденій многихъ полезныхъ ископаемыхъ. Такимъ именно путемъ по всей вѣроятности произошло большинство такъ наз. жильныхъ рудныхъ мѣсторожденій, выполняющихъ трещины (по преимуществу вертикальныя) земной коры. Связь рудныхъ жилъ съ фумароллами настолько очевидна, что по минералогическому характеру жилы очень часто возможно бываетъ заключить о той стадіи, въ какой находились фумароллы, обусловившія появленіе жилы. Такъ, напр., оловянная руда (оловянный камень) по всей вѣроятности образовались путемъ возгона, т.-е. изъ сухихъ фумароллъ. Какъ показали изслѣдованія Добрэ, оловянный камень можетъ быть полученъ синтетически путемъ возгона при участіи такихъ «минерализаторовъ», какъ хлоръ, фторъ, боръ, т.-е. именно тѣхъ, которые встрѣчаются въ сухихъ фумароллахъ. Сѣрнистымъ фумаролламъ соотвѣтствуютъ жилы сѣрнистыхъ металловъ (мѣдный колче-

¹⁾ Подробнѣе о связи горячихъ источниковъ съ вулканическими явленіями см. прекрасную рѣчь *Suess'a*: Ueber heisse Quellen, въ *Naturwissenschaftliche Rundschau*, 1902, №№ 46, 47, 48.

данъ, цинковая обманка, мышьяковый колчеданъ и мн. др.). Часто въ одной и той же жилѣ наблюдается переходъ сверху внизъ оловянныхъ рудъ въ сѣрнистыя, что можетъ служить указаніемъ на измѣненіе температуры фумарольныхъ газовъ.

Тогда какъ оловянняя руды, какъ сказано, образовались путемъ возгона, сѣрнистыя произошли въ присутствіи воды, всего вѣроятнѣе, именно, изъ горячихъ источниковъ. Связь рудныхъ жилъ съ минеральными источниками во многихъ мѣстахъ (напр., въ Богеміи и Саксоніи) наблюдается непосредственно. Поэтому едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что «въ теплыхъ источникахъ мы имѣемъ, такъ сказать, на нашихъ глазахъ происходящее образованіе жилъ. Теплый источникъ это, до извѣстной степени, сама жила въ движеніи» ¹⁾.

Итакъ, на земной поверхности продукты изверженій представляются намъ въ видѣ жидкой лавы съ одной стороны, и паровъ и газовъ, съ другой. На мѣстѣ своего первоначальнаго залеганія продукты эти, конечно, должны находиться въ соприкосновеніи. При соприкосновеніи газообразныхъ тѣлъ съ жидкими (равно какъ и твердыми) возникаетъ явленіе, сходное съ раствореніемъ. Газы «поглощаются» жидкостями (и твердыми тѣлами). Слѣдовательно, если магму разсматривать какъ растворъ, то, въ виду только что сказаннаго, растворъ этотъ долженъ быть еще болѣе сложнымъ, чѣмъ мы принимали раньше, такъ какъ, кромѣ взаимодѣйствія жидкихъ составныхъ частей между собою, въ немъ происходитъ очевидно еще взаимодѣйствіе между газообразными и жидкими составными частями.

По закону *Henry*, количество газа, растворимаго при данной температурѣ въ единицу объема жидкости, пропорціонально давленію газа, остающагося нераствореннымъ. (Поглощеніе газовъ твердыми тѣлами также увеличивается съ увеличеніемъ давленія.) Кромѣ того, растворимость газовъ въ жидкихъ и твердыхъ тѣлахъ зависитъ отъ температуры: при высокой температурѣ газы поглощаются менѣе, чѣмъ при низкой.

Изъ этихъ замѣчаній ясно, что для уясненія характера магмы, какъ раствора, намъ нужно познакомиться съ физическими условіями (температура и давленіе), при которыхъ она находится. Это тѣмъ болѣе необходимо, что, какъ извѣстно, отъ температуры и давленія зависитъ и агрегатное состояніе тѣлъ, а слѣдовательно и

¹⁾ *Фуксъ и Делонэ*. Курсъ рудныхъ мѣсторожденій. Русск. переводъ. 1900—903, стр. 15. О связи фумароль и теплыхъ источниковъ съ рудными жилами, см. также цитированную статью *Suess'a*.

составныхъ частей магмы. Изъ того, что на поверхность земли магма доставляется въ видѣ жидкихъ и газообразныхъ продуктовъ, мы еще не въ правѣ заключить, что въ такомъ же агрегатномъ состояніи находятся эти продукты и на той глубинѣ, съ которой они выброшены. Тамъ совершенно другія условія температуры и давленія, и слѣдовательно тѣла жидкія или газообразныя на поверхности земли могутъ быть въ другихъ агрегатныхъ состояніяхъ на глубинѣ.

IV.

Агрегатное состояніе магмы.

Охлажденіе земли.—Геотермическій градусъ.—Формула Фрица.—Гипотеза жидкаго состоянія магмы.—Повышеніе точки плавленія магмы съ увеличеніемъ давленія.—Возрастаніе давленія съ глубиною.—Тверда или жидка магма?—Поясъ твердой, потенциально-жидкой магмы.—Агрегатное состояніе „газовъ“ магмы.—Диссоціація.—Фазы.

Температура земного шара возвышается отъ периферіи къ центру. Такъ это и должно быть, если мы, согласно гипотезѣ Канта-Лапласа, будемъ разсматривать землю какъ раскаленный охлаждающійся съ поверхности шаръ. Если бы земной шаръ былъ однороденъ физически по всей своей массѣ, задача о распредѣленіи температуры внутри его сводилась бы къ весьма простой физической задачѣ о стационарномъ состояніи шарового слоя. Для рѣшенія этой задачи намъ было бы достаточно знать температуру окружающей среды: въ нашемъ случаѣ—среднюю годовую температуру или, что то же, температуру такъ называемаго пояса постоянной температуры и температуру еще какой-нибудь точки внутри земного шара. Зная при этомъ разстоянія обѣихъ точекъ отъ центра, мы легко могли бы опредѣлить температуру на любой глубинѣ по особой, указываемой физикою формулѣ.

Къ сожалѣнію, въ разсматриваемомъ случаѣ такія точныя вычисленія невозможны, такъ какъ земной шаръ построенъ изъ весьма неоднороднаго матеріала, обладающаго весьма различными степенями теплопроводности. Такъ, напр., коэффициентъ теплопроводности для мрамора въ 8—10, а для стекла даже въ 35 разъ меньше, чѣмъ для желѣза.

При современномъ состояніи нашихъ знаній задача такимъ образомъ является неразрѣшимой, и относительно температуры значительныхъ глубинъ мы можемъ строить лишь болѣе или менѣе вѣроятныя или, лучше сказать, маловѣроятныя догадки. Два

факта мы можем считать прочно установленными. 1) Въ доступныхъ нашему изслѣдованію верхнихъ частяхъ земной коры температура повышается отъ пояса постоянной температуры къ центру земли. Въ среднемъ повышение на 1° происходитъ приблизительно черезъ каждые 30 метр. Эта величина = 30 м. носить названіе *геотермическаго градуса*. 2) Величина геотермическаго градуса возрастаетъ съ глубиною, т.-е. ближе къ центру температура не такъ быстро растетъ, какъ на поверхности.

Были попытки на основаніи наблюденій выразить законъ возрастанія температуры съ глубиною эмпирическою формулою. Мы приведемъ здѣсь для примѣра *формулу Фрица*: $T^{\circ} = 1,8 (S + 50)$, гдѣ T —температура, S —глубина въ метрахъ. Для небольшихъ глубинъ (до 2 килом.) формула эта весьма удовлетворительна. Примѣнима ли она къ большимъ глубинамъ, неизвѣстно. Если однако по ней вычислить температуры различныхъ глубинъ, то окажется, что на глубинѣ 2.220 килом. температура = 2.000° , а у центра всего только 3.285° . Если же вычисленіе произвести на основаніи одной только указанной выше средней величины геотермическаго градуса (30 м.), то окажется, что уже на глубинѣ всего 75 килом. температура = 2.500° , а у центра она = 200.000° . Послѣдняя цифра, разумѣется, крайне преувеличена, что уже ясно изъ предыдущаго. Величина, полученная по формулѣ Фрица, хотя тоже весьма мало надежна, но по всей вѣроятности все же ближе къ истинѣ, чѣмъ только что указанная. Въ самомъ дѣлѣ, по современнымъ воззрѣніямъ земля представляется намъ состоящею изъ металлическаго ядра, покрытаго скорлупою горныхъ породъ (жидкихъ или твердыхъ). Выше было указано, что теплопроводность металловъ (желѣза) значительно больше теплопроводности горныхъ породъ. Въ виду этого въ металлическомъ ядрѣ температура должна быть распредѣлена равномернѣе, т.-е. повышение температуры отъ слоя къ слою должно быть значительно меньше, чѣмъ на поверхности.

Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать только одинъ положительный выводъ: на большей или меньшей глубинѣ точная величина которой намъ не извѣстна, температура достигаетъ 2000° — 2500° . Это такая температура, при которой всѣ извѣстныя намъ горныя породы должны находиться въ расплавленномъ состояніи, если, конечно, не принимать въ расчетъ давленія. Всѣ газы магмы при такой температурѣ должны находиться въ критическомъ состояніи, нѣкоторые же изъ нихъ (не элементарные) должны подвергнуться диссоціаціи.

Такимъ путемъ возникло, да и теперь еще довольно прочно

держится, представлѣніе о магмѣ, какъ о жидкости, насыщенной газами.

Но въ предыдущихъ соображеніяхъ, какъ упомянуто, не принято въ расчетъ давленіе, которое господствуетъ въ нѣдрахъ земли. Между тѣмъ значеніе давленія, какъ физическаго фактора, вліяющаго на агрегатное состояніе, растворимость и пр., ничуть не меньше значенія температуры.

Давленіе прежде всего вліяетъ на температуру перехода тѣлъ изъ твердаго состоянія въ жидкое и обратно, или, какъ говорятъ, на точку плавленія (и затвердѣванія). Работами Томсона, Бунзена и др. установлено, что не для всѣхъ тѣлъ точка плавленія находится въ одинаковой зависимости отъ давленія. Именно, для тѣхъ (сравнительно немногихъ) тѣлъ, объемъ которыхъ, какъ у воды, увеличивается при переходѣ изъ жидкаго состоянія въ твердое, точка плавленія при увеличеніи давленія понижается, т.-е. давленіе какъ бы способствуетъ плавленію такихъ тѣлъ. Для большинства же веществъ, именно тѣхъ, которыя при переходѣ изъ жидкаго состоянія въ твердое уменьшаются въ объемѣ, замѣчается какъ разъ обратное: температура плавленія ихъ съ увеличеніемъ давленія повышается, т.-е. давленіе какъ бы задерживаетъ плавленіе. Явленія эти вполне понятны, такъ какъ давленіе вообще способствуетъ уплотнѣнію вещества, и слѣдовательно послѣднее подъ его вліяніемъ стремится принять то состояніе, въ которомъ оно плотнѣе.

Очевидно, чтобы рѣшить, какъ вліяетъ давленіе на температуру плавленія магмы, намъ нужно знать, увеличивается или уменьшается ея объемъ при переходѣ изъ жидкаго состоянія въ твердое.

Вопросъ этотъ считается спорнымъ въ геологіи. Нѣкоторые изъ геологовъ, главнымъ образомъ на основаніи наблюденія, что куски затвердѣвшей лавы при вулканическихъ изверженіяхъ часто плаваютъ на поверхности жидкой лавы, заключали, что твердая лава легче жидкой, т.-е. что магма при застываніи увеличивается въ объемѣ. Однако опытъ доказываетъ обратное. Укажемъ для примѣра на результаты работы Баруса (1893), который показалъ, что объемъ диабазы при плавленіи увеличивается и точка плавленія его понижается. Дѣльтеръ (1901) производилъ опыты надъ плавленіемъ нѣкоторыхъ минераловъ и горныхъ породъ и надъ опредѣленіемъ ихъ удѣльнаго вѣса въ твердомъ и жидкомъ состояніи. Результаты его изслѣдованій коротко можно изложить такъ: при быстромъ охлажденіи сплава (минерала или горной породы) получается стекло приблизительно такого же удѣльнаго вѣса, какъ и

сплавъ. При медленномъ охлажденіи сплавъ застываетъ въ кристаллическую массу, удѣльный вѣсъ которой всегда больше удѣльнаго вѣса расплавленнаго вещества.

Такъ какъ магма, застывая на глубинѣ, должна выкристаллизовываться, то мы въ правѣ сказать, что она при этомъ уменьшается въ объемѣ, а слѣдовательно давленіе должно повышать ея точку затвердѣванія (и плавленія).

Такъ какъ давленіе сильно возрастаетъ отъ поверхности земли къ центру, возникаетъ вопросъ, можетъ ли магма быть жидкою или, несмотря на высокую температуру, благодаря большому давленію она должна оставаться твердою.

Рейерз высказывается въ послѣднемъ смыслѣ. Онъ рассуждаетъ: давленіе съ глубиною возрастаетъ гораздо быстрее, чѣмъ температура. Поэтому въ каждой точкѣ внутри земного шара дѣйствіе температуры пересиливается дѣйствіемъ давленія, и, несмотря на высокую температуру, магма должна оставаться твердою.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что если давленіе и возрастаетъ, дѣйствительно, быстрее температуры, зато и повышеніе точки плавленія различныхъ веществъ въ зависимости отъ увеличенія давленія—величина весьма малая по сравненію съ этимъ послѣднимъ. Въ слѣдующей табличкѣ приведены для нѣкоторыхъ веществъ величины повышенія температуры плавленія (θ), соответствующія увеличенію давленія на одну атмосферу.

	θ .
Парафинъ	0,0280°
Нафталинъ	0,0353
Сплавъ Lipowicz'a	0,0039
Сплавъ Wood'a	0,0026

Соображенія *Рейера*, очевидно, еще не могутъ имѣть характера безусловнаго доказательства.

Упомянутымъ уже *Барусомъ* на основаніи опытовъ надъ плавленіемъ діабазы были произведены интересныя вычисленія, показывающія, какова должна быть температура плаванія діабазы на различныхъ глубинахъ внутри земного шара.

Въ прилагаемой табличкѣ ag обозначаетъ разстояніе точки отъ центра, выраженное въ частяхъ земнаго радіуса, p —давленіе въ атмосферахъ, господствующее на такой глубинѣ, t —температура плавленія діабазы, соответствующая данному давленію. Справа за чертой мы приводимъ температуры для соответствующихъ глубинъ, вычисленныя по формулѣ Фрица (t_r) и въ предположеніи, что величина геотермическаго градуса = 30 м. (t 30 м.).

	ар.	р.	t.	tr.	t 30 м.
На поверхности:	1	1	1.170°		
	0,99	17.400	1.600	328°	2.000°
	0,98	35.600	2.060	464	4.000
	0,96	74.500	3.030	657	
	0,94	116.400	4.080	805	
У центра:	0,0	3.020.000	76.000	3.285	

Къ сожалѣнію, цифры правой половины таблицы слишкомъ мало надежны, чтобы на основаніи ихъ можно было придти къ какому-нибудь положительному выводу. (Нижнія цифры столбца t 30 м. мы не приводимъ, какъ безусловно невѣрныя.) Припоминая, что выше было сказано о значеніи этихъ цифръ, скорѣе можно склониться къ предположенію, что температура внутри земли дѣйствительно не въ состояніи преодолѣть вліянія давленія, и магма должна быть твердою. Но все же это будетъ лишь догадка. Одно можно, какъ намъ кажется, утверждать на основаніи предыдущаго съ меньшимъ рискомъ впасть въ ошибку, именно, что на извѣстной глубинѣ подъ твердыми породами земной коры должна существовать зона, такъ сказать, *потенциально-жидкой магмы*. Это та зона, гдѣ температура достаточна для того, чтобы расплавить магму при нормальномъ (въ 1 атм.) давленіи, но гдѣ тѣмъ не менѣе магма остается твердою благодаря господствующему тамъ давленію. Въ самомъ дѣлѣ, для діабазы, напримѣръ, нормальная температура плавленія = 1.170°. Принимая геотермическій градусъ равнымъ 30 м., найдемъ, что такая температура находится на глубинѣ около 35 км. На такой глубинѣ при нормальномъ давленіи діабазъ былъ бы жидкимъ. Но такъ какъ давленіе на указанной глубинѣ будетъ равняться приблизительно 10.500 атм., то понятно, что діабазъ на глубинѣ 35 км. будетъ твердъ. Но онъ тотчасъ же расплавится, какъ только соотвѣтственнымъ образомъ будетъ уменьшено давленіе.

Тѣ же самыя разсужденія можно примѣнить, конечно, и ко всякой другой породѣ, только цифры получатся иныя.

Итакъ, если бы магма была вполне аналогична тѣмъ сплавамъ, которые мы получаемъ въ лабораторіяхъ «въ сухомъ жару» лабораторныхъ печей, мы въ правѣ были бы утверждать, что, каково бы ни было агрегатное состояніе внутреннихъ частей земного шара, непосредственно подъ твердой корой находится слой тоже твердой, но могущей при уменьшеніи давленія расплавиться магмы. Этотъ слой былъ бы для насъ въ особенности важень, такъ какъ онъ являлся бы наиболѣе близкимъ къ намъ слоемъ, могущимъ дать матеріалъ для вулканическихъ изверженій.

Но и этот вывод еще далеко не бесспорный. Дело в томъ, что въ предыдущихъ разсужденіяхъ, равно какъ и въ большинствѣ лабораторныхъ опытовъ, не принималось въ расчетъ вліяніе «газообразныхъ продуктовъ» на температуру плавленія и на агрегатное состояніе магмы. Между тѣмъ уже теоретически можно предполагать, что «газы» магмы вліяютъ не только на ея агрегатное состояніе, но и на ея физико-химическій характеръ.

Какъ уже упомянуто, газообразные продукты изверженій, рассматриваемые сами по себѣ, при тѣхъ высокихъ температурахъ, которыя господствуютъ на значительныхъ глубинахъ, должны быть нагрѣты выше ихъ критическихъ температуръ, т.-е. при всѣхъ давленіяхъ должны оставаться газами.

Въ самомъ дѣлѣ, критическія температуры большинства извѣстныхъ намъ газовъ и паровъ сравнительно не высоки.

	Крит. темпер.		Крит. темпер.
Вода	+ 364,3°	Сѣрнистый газъ	+ 155°
Азотъ	— 146,8	Сѣроводородъ	+ 100
Кислородъ	— 119	Хлористый водородъ	+ 52,3
Водородъ	— 234 (?)	Этанъ	+ 34
Углекислый газъ	+ 31	Ацетиленъ	+ 37

Относительно состоянія газовъ выше критической температуры сдѣлаемъ одно небольшое замѣчаніе. Хотя газы, нагрѣтые до критической температуры, и остаются газами при всѣхъ давленіяхъ, но плотность ихъ при большихъ давленіяхъ можетъ быть весьма значительной и можетъ достигать плотности соотвѣтствующей жидкости. Этимъ именно и можно объяснить существованіе жидкихъ включеній въ нѣкоторыхъ минералахъ (кварцъ), выдѣлившихся изъ магмы на значительной глубинѣ, т.-е. при высокой температурѣ и давленіи. Въ этихъ включеніяхъ встрѣчаются: вода, жидкая углекислота и растворы нѣкоторыхъ солей (наприм. Na Cl).

Здѣсь необходимо коснуться еще одного вопроса. Извѣстно, что многія химическія соединенія при высокой температурѣ разлагаются на составныя части—*диссоциируютъ*. Такъ, на примѣръ, диссоціація воды происходитъ при температурѣ плавленія серебра, т.-е. около 1.000°. Спрашивается, могутъ ли въ магмѣ существовать въ неразложенномъ видѣ такія вещества, какъ вода, углекислота, хлористый водородъ и т. п. Нужно имѣть въ виду, что на диссоціацію, такъ же какъ и на плавленіе, кромѣ температуры, вліяетъ и давленіе. *Девилль* полагалъ именно, что давленіе оказываетъ на ходъ диссоціаціи дѣйствіе обратное температурѣ, т.-е. препятствуетъ диссоціаціи. *Шредеръ* ограничилъ это обобщеніе. Какъ среди жид-

костей однѣ увеличиваются въ объемѣ при переходѣ въ твердое состояніе, другія уменьшаются, точно такъ же и при образованіи химическаго соединенія изъ составныхъ частей происходитъ сжатіе, или его не происходитъ. Иначе говоря, внутренняя энергія химическаго соединенія можетъ быть или менѣе энергіи составныхъ частей (сжатіе), или больше ея. Какъ для жидкостей давленіе по-вышаетъ или понижаетъ температуру затвердѣванія, смотря по тому, уменьшается или увеличивается при этомъ объемъ, точно такъ же и на диссоціацію различныхъ химическихъ соединеній давленіе дѣйствуетъ различно: оно задерживаетъ диссоціацію тѣхъ соединеній, энергія которыхъ меньше энергіи составныхъ частей, и способствуетъ диссоціаціи тѣхъ, энергія которыхъ больше энергіи составныхъ частей.

Такъ какъ давленіе съ глубиною возрастаетъ быстрѣе температуры, то, какъ справедливо полагаетъ *Рейерзъ*, «можно утверждать, что вода, хлористый водородъ и всѣ другія соединенія, энергія которыхъ меньше энергіи ихъ составныхъ частей (т.-е. которыя при ихъ образованіи обнаруживаютъ сжатіе или не измѣняютъ объема), существуютъ въ глубинѣ въ неразложенномъ видѣ».

Въ магмѣ газы должны находиться въ растворѣ. Раствореніе какого-либо вещества, какъ извѣстно, вообще понижаетъ температуру плавленія растворителя. Ясно, что газы, заключающіеся въ магмѣ, должны понижать ея температуру плавленія.

Уже давно было замѣчено, что естественныя лавы обладаютъ гораздо большей подвижностью, чѣмъ соотвѣтствующіе продукты, получаемые въ плавильныхъ печахъ. Для объясненія этого явленія также давно прибѣгали, по аналогіи съ заводскими процессами, къ теоріи «флюсовъ», т.-е. такихъ веществъ, примѣсъ которыхъ способствуетъ болѣе легкому плавленію магмы. Первые попытки въ этомъ направленіи не были удачны. Такъ, было высказано предположеніе (*Dolomieu*), что такимъ «флюсомъ» для магмы служитъ сѣра. Ошибочность этого мнѣнія однако скоро была обнаружена (*Spalancani*), и благодаря *Менарду* и *Скропу* въ геологіи вполнѣ твердо установился взглядъ, что пары воды обусловливаютъ легкую подвижность магмы.

Взглядъ этотъ вполнѣ подтверждается опытомъ, и въ послѣднее время все больше и больше появляется работъ, при которыхъ трудноплавкіе силикаты переводятся въ жидкое состояніе дѣйствіемъ перегрѣтой воды или водяныхъ паровъ въ закрытомъ сосудѣ. Такъ, Барусъ (1901), нагревая обыкновенное стекло съ водою въ закрытомъ сосудѣ, уже при 180°—210° получалъ коллоидальный растворъ. Вауг (1903) получалъ вещества, напоминающія есте-

ственные кварцево-полевошпатовые породы путем нагревания соответствующих смесей с водой в закрытых стальных бомбах всего до 500°.

Итак, если принять во внимание насыщение магмы газами и парами воды, то температура, достаточная для плавления магмы (при нормальном давлении), может оказаться на значительно меньшей глубине, чем мы предполагали, так как эта температура должна быть значительно меньше приведенной нами выше цифры—2.000°. Замечательно, что непосредственные измерения температуры лавы во время извержения дают величины, лишь в редких случаях приближающиеся к указанной; в большинстве же случаев они значительно меньше (напр., около 1.000°).

Указанные факты еще не устраняют, конечно, возможности существования упомянутого выше пояса потенциально-жидкой магмы, но все же обязывают к большой осторожности в выводах относительно агрегатного состояния магмы.

Осторожность эта тем более уместна, что магма, как ясно из предыдущего, не представляет собою простого химического соединения. Это весьма сложный раствор или смесь, состоящая из большого числа компонентов. Каждое вещество (химическое соединение) одновременно может существовать (при известной вполне определенной температуре и давлении) в трех фазах: например, лед, вода, водяной пар. Для смеси число таких фаз, конечно, гораздо больше. В физике оно определяется формулой: $n + 2$, где n —число составных частей смеси. Так как для магмы, как уже много раз упоминалось, число n —значительно, то и число фаз может быть очень большим. Говоря об агрегатном состоянии магмы, мы должны были бы принять в расчет, кроме общего состава магмы, каждое из входящих в ее состав веществ в отдельности, так как, вообще говоря, возможно такое состояние магмы, при котором одни вещества будут тверды, т. е. выкристаллизуются из смеси в виде минералов, другие останутся жидкими, образуя раствор, наконец третьи будут газообразны. Уже раньше упоминалось, что минералы выделяются из магмы вообще не одновременно. Здесь напомним еще, что в некоторых горных породах часто кристаллы того или другого минерала обнаруживают признаки наружного плавления. Это значит, что они первоначально выделились в твердом виде из магмы, но потом при изменившихся условиях (может быть, например, при уменьшении давления) отчасти подверглись плавлению.

Таким образом, как ни остроумна гипотеза о твердости магмы,

необходимо сознаться, что строго-научное рѣшеніе вопроса объ агрегатномъ состояніи магмы все еще составляетъ задачу будущаго, и рѣшеніе ея, если оно состоится, будетъ однимъ изъ величайшихъ завоеваній науки.

V.

Насыщеніе магмы газами.

Проникновеніе воды по трещинамъ земной коры.—Просачиваніе, обусловленное скважностью горныхъ породъ.—Диффузія газовъ и паровъ.—Магма содержитъ газы со времени жидкаго состоянія нашей планеты.

Если нѣкоторые изъ изложенныхъ нами выше взглядовъ и являются гипотетичными, то во всякомъ случаѣ мы можемъ утверждать, какъ несомнѣнный фактъ, что магма содержитъ въ растворѣ большое количество газовъ. Возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ пары воды и газы могли проникнуть въ магму.

Наибольшую популярность въ настоящее время пользуется взглядъ, согласно которому вода вмѣстѣ съ растворенными въ ней газами и минеральными веществами проникаетъ къ магмѣ съ поверхности земли по трещинамъ земной коры или благодаря скважности горныхъ породъ. Наилучше важнымъ доводомъ въ пользу такого предположенія считается уже отмѣченный выше фактъ, что составъ газообразныхъ продуктовъ изверженія имѣетъ большое сходство съ составомъ морской воды.

Что вода можетъ проникать по трещинамъ на значительную глубину, это не нуждается въ какихъ-либо особыхъ разъясненіяхъ. Гейзеры показываютъ намъ, что въ земной корѣ возможно существованіе такого столба воды, нижніе слои котораго нагрѣты выше нормальной температуры кипѣнія, тогда какъ верхніе еще не достигли ея. Опытъ, уясняющій это явленіе, произвести весьма легко. Если наполнить водою закрытый съ одного конца капилляръ достаточной длины, можно въ нижнемъ его концѣ нагрѣть воду до весьма высокой температуры, при чемъ вода въ верхнемъ концѣ можетъ оставаться сравнительно холодною. То же самое, только въ гораздо большемъ масштабѣ можетъ, конечно, происходить и въ земной корѣ. Трещины, пересѣкающія ее, имѣютъ по сравненію съ глубиной весьма малый поперечникъ, такъ что внутренняя циркуляція воды въ нихъ не можетъ быть значительна. А такъ какъ, какъ уже сказано выше, давленіе съ глубиною возрастаетъ гораздо быстрѣе температуры, то вполне возможно, что, оставаясь холодною въ верх-

немъ концѣ трещины, въ глубинѣ ея вода можетъ быть сильно перегрѣта, и тѣмъ не менѣе не будетъ кипѣть, такъ какъ упругость ея пара не будетъ въ состояніи преодолѣть внѣшняго давленія.

Что касается проникновенія воды по мелкимъ порамъ горныхъ породъ, то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ иного порядка. Вода въ этомъ случаѣ проникаетъ въ глубину не подъ дѣйствіемъ силы тяжести, а скорѣе вопреки ей—подъ вліяніемъ силъ, обусловливающихъ такъ назыв. «явленія волосности», т.-е. силъ взаимнаго притяженія между частицами воды и горной породы. Вода проникаетъ въ любую горную породу благодаря ея скважности, пропитывая, или, иначе, смачивая ее до тѣхъ поръ, пока порода не будетъ насыщена водою. Извѣстный фактъ, что всякая горная порода, какъ бы она ни была плотна и съ какой бы глубины ни была взята, всегда пропитана водою, находить въ этомъ свое полное объясненіе.

Не проникая вглубь благодаря пористости горныхъ породъ вода, должна, наконецъ, достичь такой глубины, гдѣ она благодаря высокой температурѣ можетъ существовать только въ видѣ пара. Спрашивается, возможно ли дальнѣйшее проникновеніе водяныхъ паровъ въ глубь земной коры.

Извѣстно, что газы диффундируютъ черезъ твердыя тѣла, напр., черезъ накалинные металлы. На этомъ основаніи мы можемъ допустить, что вода и въ парообразномъ состояніи можетъ проникать черезъ твердыя породы, но уже не подъ вліяніемъ волосности, а благодаря диффузій водяныхъ паровъ. Для насъ особенно убѣдительными являются относящіяся къ затронутому вопросу опыты Добра. Сущность этихъ простыхъ опытовъ состояла въ слѣдующемъ. Сосудъ, соединенный съ манометромъ, плотно закрывался кускомъ песчаника, поверхъ котораго наливалась вода; сосудъ снизу сильно нагрѣвался (до 160°), и тѣмъ не менѣе вода (т.-е. водяной паръ) проникалъ черезъ песчаникъ во внутренность сосуда, гдѣ вслѣдствіе этого давленіе сильно возрастало, что и отмѣчалось манометромъ. Оказалось при этомъ, что водяной паръ проникаетъ въ сосудъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ выше температура куска песчаника, черезъ который онъ диффундируетъ.

Отсюда можно сдѣлать выводъ, что на значительныхъ глубинахъ, гдѣ высокая температура кладетъ предѣлъ проявленію явленій капиллярности, дальнѣйшее проникновеніе водяныхъ паровъ вглубь можетъ происходить благодаря ихъ диффузій черезъ твердыя нагрѣтыя породы. Такимъ путемъ водяной паръ, а также, конечно, и другіе газы могутъ, повидимому, достичь магмы.

Такимъ образомъ, съ перваго взгляда теорія поверхностнаго

происхожденія газовъ магмы кажется довольно прочно обоснованной. Вода и газы благодаря инфильтраціи по трещинамъ, благодаря смачиванью породъ и диффузіи могутъ, повидимому, доставляться съ поверхности земли къ магмѣ.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что эта гипотеза дѣлаетъ одно молчаливое допущеніе—это, что магма еще не насыщена газами и парами: только при этомъ предположеніи и возможно дальнѣйшее поглощеніе газовъ магмою. Между тѣмъ достаточно вспомнить начальныя стадіи образованія нашей планеты, какими онѣ представляются намъ по гипотезѣ Канта-Лапласа, чтобы понять, что магма съ перваго момента своего обособленія должна была насытиться газами, что газы искони содержатся въ магмѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, переходъ космической туманности, послужившей матеріаломъ для образованія земли, изъ газообразнаго состоянія въ жидкое совершился, конечно, не сразу. Сначала только небольшая часть вещества превратилась въ жидкость. Окруженные газообразной средой, изъ которой они выдѣлились, эти жидкіе участки неминуемо должны были насытиться газами, т.-е. поглотить ихъ столько, сколько требовало «давленіе газовъ, оставшихся неразтворенными»¹⁾). Процессъ поглощенія газовъ продолжался, конечно, во все время перехода туманности въ стадію жидкой звѣзды. Очевидно, что и въ этой стадіи жидкое ядро, окруженное газообразной оболочкой, было насыщено газами этой оболочки въ полномъ согласіи съ вышеупомянутымъ закономъ. Только съ того момента, когда жидкій земной шаръ покрылся съ поверхности твердой корой, прекратилось непосредственное соприкосновеніе газовъ атмосферы съ магмою. По мѣрѣ утолщенія твердой коры, какъ ниже будетъ показано, содержаніе газовъ въ магмѣ и ихъ давленіе должны были возрастать: магма продолжала и продолжаетъ оставаться насыщенной газами. При такихъ условіяхъ о поглощеніи магмою газовъ, проникшихъ будто бы къ ней съ поверхности земли, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Правда, съ момента образованія твердой коры возможны стали явленія диффузіи и другіе процессы передвиженія газовъ, но всѣ эти процессы, какъ само собой понятно, происходили (и происходятъ) въ двухъ направленіяхъ. Если возможно проникновеніе газовъ съ поверхности въ глубь земной коры, то одновременно съ этимъ долженъ происходить и обратный процессъ—передвиженіе газовъ магмы черезъ твердую кору къ поверхности земли. Вопросъ можетъ быть только о томъ, который изъ этихъ двухъ процессовъ преобладаетъ. Въ виду отмѣченнаго насы-

¹⁾ См. законъ *Henry*.

пенія магмы газами и страшнаго давленія, подъ которыми они въ ней растворены, мы склонны думать, что преобладает не первый, а второй процессъ. *Магма искони насыщена газами и при благоприятныхъ условіяхъ можетъ выдѣлять часть ихъ на дневную поверхность.*

Это положеніе получить еще болѣе прочное обоснованіе, если мы познакоимся съ явленіями, происходящими при затвердѣваніи жидкостей, насыщенныхъ газами.

VI.

Явленія выдѣленія растворенныхъ газовъ при затвердѣваніи жидкостей.

Затвердѣваніе расплавленнаго серебра и др. веществъ.—Опыты съ сѣрой.

Изъ физики извѣстно, что при затвердѣваніи жидкости, содержащей въ растворѣ газы, послѣдніе выдѣляются. При замерзаніи воды изъ нея выдѣляются газы воздуха.

Расплавленное серебро поглощаетъ изъ воздуха кислородъ, который выдѣляется при затвердѣваніи серебра, при чемъ происходятъ явленія, весьма напоминающія вулканическія изверженія. Если расплавленное серебро охлаждается въ какомъ-нибудь сосудѣ, затвердѣваніе его начинается тѣмъ, что на его поверхности отъ краевъ сосуда начинается наростать тонкая твердая корочка, постепенно надвигающаяся къ центру. Здѣсь такимъ образомъ образуется незамкнутое пространство, окруженное со всѣхъ сторонъ твердою коркою. Это внутреннее «озеро» находится въ постоянномъ волненіи подъ вліяніемъ выдѣляющагося газа. Наступаетъ моментъ, когда оно подергивается тонкой корой, но корочка эта тотчасъ же снова ломается, и изъ образовавшейся трещины вырывается газъ, увлекая съ собою жидкое серебро, которое и переливается черезъ края отверстія на поверхность отвердѣвшей коры. Застывая здѣсь, оно образуетъ валикъ вокругъ «кратера изверженія»; валикъ постепенно растетъ, по мѣрѣ продолжающагося изверженія, до тѣхъ поръ, пока кратеръ не закупорится застывшимъ серебромъ. Такимъ образомъ одни изъ «вулкановъ», именно—ранѣе начавшіе свою дѣятельность—болѣе «древніе»—потухаютъ, зато болѣе «юные» продолжаютъ свою дѣятельность съ тѣмъ болѣею энергіей, чѣмъ меньше остается незакупоренныхъ кратеровъ. Изверженія достигаютъ такой силы, что мелкія капли серебра наподобіе вулканическихъ бомбъ выбрасываются изъ кратера. По окончаніи охлажденія центральная часть сосуда

оказывается покрытою группой «вулканических конусовъ», достигающихъ до 2 см. вышины при поперечникѣ въ 3—4 раза большею.

Точно такъ же мѣдь и бронза поглощаютъ въ расплавленномъ видѣ кислородъ, который при затвердѣваніи сплава выдѣляется.

При застываніи расплавленного желѣза изъ него выдѣляются газы, частью поглощенные изъ воздуха, частью образовавшіеся благодаря химическимъ процессамъ, происходящимъ при плавленіи. По Мюллеру расплавленное желѣзо поглощаетъ больше всего водорода, затѣмъ окись углерода (CO), углекислый газъ (CO₂) и меньше всего—азотъ (N).

Окись свинца при плавленіи тоже поглощаетъ кислородъ, выдѣляющійся при затвердѣваніи.

Сѣра, расплавленная въ герметически закрывающемся сосудѣ подъ повышеннымъ давленіемъ водяныхъ паровъ, поглощаетъ часть послѣднихъ, выдѣляя ихъ потомъ при затвердѣваніи при нормальномъ давленіи (въ открытомъ сосудѣ). Явленія, происходящія при этомъ, какъ и при застываніи серебра, весьма напоминаютъ вулканическія изверженія.

Весьма удобнымъ матеріаломъ для производства опытовъ надъ выдѣленіемъ газовъ при затвердѣваніи раствора является смѣсь сѣры съ асфальтомъ, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться лично. Смѣсь эта удобна тѣмъ, что плавится при сравнительно низкой температурѣ и плавленіе не требуетъ никакихъ особыхъ приспособленій (въ родѣ, напр., Папинова котла).

При плавленіи сѣры съ асфальтомъ происходитъ обильное выдѣленіе сѣроводорода, который и поглощается жидкой смѣсью. Когда вся смѣсь расплавлена, нагрѣваніе прекращается. По мѣрѣ остыванія на поверхности начинаетъ нарастать отъ краевъ сосуда къ центру тонкая твердая корочка, окружающая сплошнымъ кольцомъ внутреннее жидкое пространство. «Озеро» это постепенно суживается все больше и больше, подъ конецъ часто разбивается на нѣсколько отдѣльныхъ небольшихъ центровъ, разбѣдиненныхъ твердыми участками. На жидкой поверхности возникаютъ и лопаются пузыри выдѣляющагося газа. Когда «озера» становятся достаточно узкими, жидкость въ нихъ приходитъ въ движеніе: она періодически поднимается и снова опускается одновременно во всѣхъ озерахъ, такъ что въ одинъ моментъ жидкая масса стоитъ значительно ниже уровня твердой коры, въ слѣдующій затѣмъ моментъ она поднимается до указанного уровня. Съ теченіемъ времени эти колебанія становятся болѣе энергичными, жидкость время отъ времени переливается черезъ края отверстій, растекаясь въ видѣ по-

токовъ по поверхности коры. Отдѣльные потоки сливаются между собою и застывая образуютъ широкое плоское возвышеніе въ области изверженій и кругомъ (рис. 2).

Каналы, по которымъ поднимается жидкая масса, растутъ такимъ образомъ въ вышину, продолжая въ то же время сокращаться въ діаметрѣ. Изліянія изъ нихъ продолжаютъ періодически. Періодъ изліянія смѣняется періодомъ опусканія жидкости въ жерлѣ, затѣмъ послѣ нѣкотораго періода сравнительнаго спокойствія жидкость снова поднимается, иногда переливаясь черезъ края, иногда не достигая ихъ. Надъ отверстиями вскорѣ вырастаютъ невысокіе конусы, образованные застывшими потоками. Каждый конусъ имѣетъ въ центрѣ кратеръ, изъ котораго происходятъ изліянія. Конусы растутъ въ вышину, пока кратеръ котораго-нибудь изъ нихъ не закупорится затвердѣвшей массой. «Вулканъ потухаетъ». Образуется группа частью «дѣйствующихъ», частью «потухшихъ вулкановъ». Въ концѣ-концовъ остается только одинъ дѣйствующій вулканъ, изъ котораго зато изліянія совершаются энергичнѣе, и онъ быстрѣе растетъ въ вышину. Такимъ образомъ этотъ болѣе «юный» вулканъ всегда бываетъ выше раньше потухшихъ и часто заливаешь послѣдніе своими потоками. При застываніи потоковъ въ маломъ масштабѣ повторяются тѣ же явленія. Вслѣдъ за образованіемъ на ихъ поверхности тонкой корочки мѣстами начинается изліяніе жидкости изъ внутреннихъ незастывшихъ частей потока; на поверхности послѣдняго вырастаютъ небольшіе бугорки. Явленіе вполнѣ аналогично выдѣленію фумарольныхъ газовъ изъ потоковъ лавы.

Наконецъ, закупоривается и послѣдній кратеръ, но изліянія прекращаются не сразу: жидкая масса нѣкоторое время просачивается черезъ ползатвердѣвшую пробку, образуетъ, если можно такъ выразиться, «выпотѣванія» на поверхности конуса. Поэтому послѣ потуханія вулкана кратера обыкновенно не остается, вершина конуса закругляется, такъ что застывшій вулканъ образуетъ «куполь». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ явленіе выпотѣванія бываетъ настолько значительно, что исключительно благодаря ему конусы вырастаютъ до весьма значительной высоты (до 5—6 см.). Такъ какъ въ этомъ случаѣ жидкая масса не выливается въ видѣ потоковъ, а лишь просачивается въ небольшихъ сравнительно количествахъ, понятно, что она тотчасъ же застываетъ, какъ только выступаетъ на поверхность: вулканъ растетъ въ вышину, мало расширяясь въ стороны. Кромѣ того, въ такихъ случаяхъ, конечно, нельзя различить отдѣльныхъ потоковъ, наложеніемъ которыхъ другъ на друга мы могли бы объяснить нарастаніе конуса. Послѣдній послѣ застыванія представляетъ собою однородную массу, въ которой нельзя

непосредственно отличить массу, вылившихся раньше, от позднѣйшихъ (рис. 3).

Въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ изліяніе жидкой массы происходило спокойно, безъ взрыва. Въ этомъ отношеніи описанныя явленія напоминаютъ «массовыя изліянія», т.-е. образованіе покрововъ, куполовъ, но не собственно вулкановъ. Съ тѣмъ же матеріаломъ, впрочемъ, можно воспроизвести и явленія, напоминающія настоящія вулканическія изверженія. Послѣ того какъ дѣятельность описанныхъ выше вулкановъ прекратилась, масса въ сосудѣ еще не вся затвердѣла, подъ болѣе или менѣе толстой корой имѣется еще достаточное количество жидкости, насыщенной газомъ. Такъ какъ кора при дальнѣйшемъ процессѣ затвердѣванія все утолщается, то понятно, что выдѣляющійся при этомъ газъ поглощается жидкою массою: количество его въ растворѣ, а также и давленіе увеличиваются. Поэтому, если спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ на поверхности наступило спокойствіе, какимъ-нибудь острымъ орудіемъ пробить кору, изъ отверстія вмѣстѣ съ газомъ выбрасывается на нѣсколько сантиметровъ высоты столбъ жидкой массы; отдѣльныя брызги взлетаютъ, конечно, еще выше. Послѣ перваго «бурнаго» момента начинается спокойное изліяніе массы, при чемъ повторяются явленія, описанныя выше.

Чтобы еще болѣе приблизиться къ условіямъ, господствующимъ въ природѣ, гдѣ изверженныя породы часто переслаиваются съ осадочными, опытъ можно вести слѣдующимъ образомъ.

Вслѣдъ затѣмъ, какъ на поверхности жидкой массы нарасла сплошная кора и въ центрѣ образовалось широкое возвышеніе—«массивъ», прободенный жерломъ «дѣйствующаго вулкана», на поверхность твердой коры насыпается слой гипсового порошка, смѣшаннаго съ мелкимъ пескомъ. Лучше всего для этого воспользоваться періодомъ опусканія «магмы» послѣ изверженія и слѣдующимъ затѣмъ періодомъ затишья «вулканической дѣятельности». При наступившемъ затѣмъ изверженіи «лава» уже разольется по поверхности насыпного слоя, образуя по большей части значительныхъ размѣровъ покровъ. Насыпавши новый слой порошка, при слѣдующемъ изверженіи мы получимъ серію болѣе «юныхъ» потоковъ. Операцию можно повторить нѣсколько разъ и получить такимъ образомъ свиту «осадочныхъ породъ», многократно чередующихся съ «изверженными». Надъ послѣднимъ насыпнымъ слоемъ всегда образуется характерный «вулканическій конусъ» съ радіально разлившимися потоками (рис. 4). Замѣчательно, что часто во время опыта «магма» при изверженіи выливается не изъ «главнаго кратера», а гдѣ-нибудь сбоку пробиваетъ себѣ черезъ

толщю «осадковъ» новый путь. Такое изверженіе всегда сопровождается «взрывомъ», т.-е. жидкая масса съ силой выбрасывается изъ вновь образовавшагося отверстія. Такимъ образомъ въ сторонѣ отъ главнаго возникаетъ новый вулканъ, который послѣ нѣкотораго, обычно короткаго, періода дѣятельности потухаетъ, оставляя послѣ себя болѣе или менѣе мощный потокъ.

Если, послѣ того какъ изверженія прекратятся, осторожно налить въ сосудъ воды, такъ чтобы она покрывала всю толщю насыпаннаго порошка, послѣдній спустя нѣкоторое время превращается въ твердую сцементированную гипсомъ массу. Благодаря присутствію песка, масса эта сравнительно рыхла и легко поддается препарированью. Снявши ее въ томъ или другомъ мѣстѣ, мы можемъ обнажить потоки различнаго возраста. Приготовивши надлежащимъ образомъ разрѣзъ, можно обнаружить всю свиту изверженныхъ массъ, отъ самыхъ «древнихъ» до вершины вулканическаго конуса. Иногда на разрѣзѣ удается обнаружить и «главную жилу» бокового вулкана, прорѣзывающую толщю осадковъ и связанную внизу съ болѣе древнимъ, а вверху съ болѣе юнымъ, образовавшимся изъ нея потокомъ (рис. 5).

Картина разрѣза такой «вулканической области», какъ видно изъ описанія, можетъ быть очень сложною въ деталяхъ, но въ общемъ она проста: изверженные массы поверхностнаго конуса связаны жилами съ нижележащими болѣе древними и болѣе мощными изверженными массами; эти въ свою очередь могутъ быть связаны съ еще глубже лежащими массами, которыя въ такомъ случаѣ имѣютъ еще болѣе широкое распространеніе.

VII.

Теорія вулканизма.

Материка и океаническія впадины.—Вулканы и тектоническія нарушенія.—Вулканическіе очаги.—Причины вулканическихъ явленій.—Роль вулканизма въ исторіи земли.

Описанные опыты, несмотря на всю свою примитивность, кажутся мнѣ весьма поучительными. Они представляютъ собою довольно близкую аналогію цѣлому ряду вулканическихъ явленій.

Отмѣтимъ прежде всего фактъ дифференцировки уровней, вызываемой неодновременнымъ образованіемъ твердой коры на поверхности расплавленной, насыщенной газами массы. Выше было уже отмѣчено, что пространство, застывшее послѣднимъ, имѣетъ болѣе высокій уровень по сравненію съ ранѣе застывшими частя-

ми. Въ особенности наглядно выступает это явление, если часть поверхности расплавленной массы охладить искусственно, напр., при помощи холодной воды. Тогда другая часть поверхности, не покрытая водою и, слѣдовательно, затвердѣвшая позднѣе, будетъ имѣть послѣ застыванія гораздо болѣе высокій уровень, чѣмъ первая. Тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ, какъ покрытая водою часть поверхности подернется корой, въ другой, незастывшей части жидкость вспучивается и при застываніи образуетъ такъ сказать «первичный массивъ». Въ немъ остаются каналы, по которымъ происходитъ изліяніе жидкости, образованіе покрововъ, куполовъ и т. д. Возникаетъ такимъ образомъ съ одной стороны «материковое возвышеніе», съ другой—«морская впадина» (рис. 6).

Обращаясь къ первымъ стадіямъ образованія твердой коры на поверхности земного шара, мы не можемъ себѣ иначе представить этого процесса, какъ только допустивши, что затвердѣваніе началось не одновременно на всей поверхности, а въ одномъ или нѣсколькихъ пунктахъ. Разрастаясь отъ этихъ пунктовъ, кора постепенно затягивала поверхность шара, пока не осталось нѣсколькихъ сравнительно небольшихъ незастывшихъ пространствъ. По преддущему, здѣсь неизбѣжно должно было произойти поднятіе магмы, которая при застываніи образовала первичный массивъ, сложенный изъ затвердѣвшихъ верхнихъ «кислыхъ» слоевъ магмы, т.-е. гранитный массивъ. Пункты же, отъ которыхъ началось затвердѣваніе послужили центрами первичныхъ океаническихъ впадинъ.

Отмѣчаемъ здѣсь тотъ важный фактъ, что во всѣ геологическіе періоды, начиная отъ самыхъ древнѣйшихъ, относительное положеніе океаническихъ впадинъ и материковъ остается сравнительно постояннымъ. Измѣняются, какъ совершенно правильно выражаются геологи, только *очертанія* материковъ и морей, но за весь историческій періодъ исторіи земли не произошло образованія ни новаго материка, ни новаго океана. Достаточно взглянуть на карту распространенія материковъ и морей въ самомъ началѣ ихъ обособленія, чтобы видѣть, что главнѣйшіе современные океаническія впадины были уже рѣзко выражены, и тогда. Какъ и теперь, первое мѣсто между ними по величинѣ принадлежитъ Тихому океану. Съ другой стороны, здѣсь уже присутствуютъ и всѣ современные материка (конечно, съ другими очертаніями), которые, какъ и теперь, группируются вокругъ первичныхъ гранитныхъ массивовъ.

Возникновеніе первичныхъ массивовъ и океаническихъ впадинъ до извѣстной степени должно было предопредѣлить весь дальнѣйшій ходъ историческихъ событій, имѣвшихъ мѣсто на земной поверхности, такъ какъ вся дальнѣйшая исторія земли состояла въ пре-

образованіи этихъ первичныхъ материковъ подѣ влияніемъ геологическихъ процессовъ.

Съ момента образованія коры на поверхности земного шара дальнѣйшее охлажденіе земли оказывало влияніе, съ одной стороны, на эту кору, съ другой—на лежащую подѣ ней магму. По мѣрѣ утолщенія коры магма должна была все болѣе и болѣе обогащаться газами, давленіе ихъ должно было возрастать. Въ твердой корѣ охлажденіе вызывало (и вызываетъ) различныя тектоническія нарушенія: трещины, сбросы, складки и т. д. Не удивительно поэтому, что тектоническія и вулканическія явленія стоятъ между собою въ тѣсной связи: причина тѣхъ и другихъ одна и та же — охлажденіе земли.

Можно догадываться, что первое нарушеніе твердой коры, когда послѣдняя была сравнительно тонка, должно было выразиться въ видѣ трещинъ. Въ самомъ дѣлѣ, магма при затвердѣваніи сокращается въ объемѣ. Поэтому шаровой слой магмы, перешедши изъ жидкаго въ твердое состояніе, уже занимаетъ меньшій объемъ, чѣмъ въ жидкомъ состояніи: въ немъ должно происходить стяженіе и при томъ, конечно, по всѣмъ направленіямъ, т.-е. какъ радіальное, такъ и тангенціальное. Послѣднее должно повести къ разрыву, или къ излому коры. Параллельно съ этимъ образованіе трещинъ должно было происходить и подѣ влияніемъ охлаждения самой отвердѣвшей коры. Послѣднее происходило, конечно, быстрѣе на поверхности, чѣмъ въ глубинѣ, благодаря чему верхнія части коры болѣе сокращались въ объемѣ, чѣмъ нижнія, что должно было повести къ образованію трещинъ, разверзающихся кверху и постепенно исчезающихъ въ глубинѣ. Явленіе это и въ настоящее время наблюдается на многихъ потокахъ лавы, которые благодаря такимъ трещинамъ разбиваются на такъ назыв. «отдѣльности», т.-е. призматическіе столбы, расположенные перпендикулярно къ поверхности потока (къ поверхности охлаждения). Наконецъ, и упомянутое возрастаніе давленія газовъ, растворенныхъ въ магмѣ, могло вызывать разрывы коры, пока послѣдняя была еще не достаточно толстою и прочною.

Образованіе трещинъ должно было повлечь за собою изліянія магмы на поверхность. Въ виду обилія и по всей вѣроятности значительныхъ размѣровъ трещинъ, при незначительной толщинѣ коры, эти первыя изліянія были по всей вѣроятности грандіозны и могли доставить на дневную поверхность неизмѣримыя количества изверженныхъ массъ. Массы эти могли быть настолько громадны, что для полнаго застыванія ихъ потребовались, можетъ быть, цѣлыя геологическіе періоды, въ теченіе которыхъ сами эти массы могли

служить самостоятельными очагами вулканической дѣятельности. На ихъ застывшую поверхность выливались потоки изъ внутреннихъ незастывшихъ частей.

Параллельно съ этимъ совершались, конечно, на поверхности земли и процессы разрушенія, которые должны были стать особенно интенсивными съ момента осажденія жидкой воды въ впадинахъ коры. Первичные массивы и затвердѣвшіе съ поверхности изверженные массы дали обломочный матеріалъ для образованія водныхъ осадковъ. Появившіеся организмы создали на днѣ морей мощные толщи известняковъ. Эти новыя осадочныя образованія могли прикрыть громадныя, можетъ быть еще не вполне застывшіе купола и покровы, образованные первыми изліянiями. Земная кора въ то же время утолщалась благодаря затвердѣванію все болѣе и болѣе глубокихъ слоевъ магмы. Новыя массы магмы выливались на земную поверхность.

По мѣрѣ утолщенія коры и измѣненія ея однородности тектоническія явленія усложняются. Затвердѣвающія части магмы по-прежнему претерпѣваютъ радіальное и тангенціальное стяженіе, но поверхностные слои земной коры уже не могутъ поспѣвать за этимъ стяженіемъ — они менѣе сокращаются въ объемѣ. Въ земной корѣ возникаетъ сложная система тектоническихъ нарушеній, которыя можно, впрочемъ, легко свести къ двумъ главнымъ типамъ: 1) вертикальныя перемѣщенія участковъ земной коры — «сбросы», обусловленные радіальнымъ стяженіемъ, и 2) складки — результатъ тангенціального стяженія. Тѣ и другія, понятно, сопровождаются трещинами, идущими иногда на значительную глубину. Это послѣднее обстоятельство для насъ особенно важно, такъ какъ именно по такимъ трещинамъ и доставляются въ настоящее время на дневную поверхность вулканическіе продукты.

Откуда берутъ свое начало массы, извергаемыя современными вулканами? Связаны ли онѣ непосредственно съ внутренними частями земного шара, или обязаны своимъ происхожденіемъ изверженнымъ массамъ, ранѣе излившимся на земную поверхность и еще до сихъ поръ не успѣвшимъ окончательно затвердѣть? На эти вопросы нельзя отвѣтить категорически. Многія данныя, какъ показалъ Штюбель¹⁾, заставляютъ склоняться скорѣе въ пользу второго предположенія.

Въ самомъ дѣлѣ, существуютъ факты, позволяющіе предполагать, что глубина залеганія «вулканическихъ очаговъ» вовсе не такъ

¹⁾ Stübel. Die Vulkanberge von Ecuador, 1897. Изъ гипотезы Штюбеля мы занимаемъ только часть кажущуюся намъ болѣе правдоподобною. Утвержденіе же его, что причиной изверженій служатъ расширеніе магмы при застываніи считаемъ ошибочнымъ (см. выше).

значительна, какъ должна бы быть, если бы изверженіе происходило непосредственно изъ внутреннихъ частей земли. Напримѣръ, центръ большинства землетрясеній, изъ которыхъ многіе имѣютъ несомнѣнную связь съ вулканическими явленіями, залегаетъ обыкновенно на сравнительно небольшой глубинѣ. Далѣе, если мы только сдѣлаемъ простое сопоставленіе тѣхъ сравнительно ничтожныхъ количествъ изверженнаго матеріала, которыя доставляются вулканами, съ неизмѣримо-громаднымъ путемъ, какой они должны были бы сдѣлать, если бы прошли всю толщу твердой земной коры, — то уже одно это сопоставленіе, помимо воли, вызываетъ желаніе отказаться отъ такого представленія. Наконецъ, самый составъ современныхъ лавъ болѣе мирится со вторымъ предположеніемъ, нежели съ первымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно догадаться, что первыя изверженія должны были доставлять не земную поверхность болѣе легкую «кислую» магму. По мѣрѣ утолщенія коры изъ нѣдръ земли должны были бы изливаться все болѣе и болѣе глубокіе, т.-е. болѣе «основные», слои магмы. Такимъ образомъ наиболѣе древнія изверженныя породы должны были бы быть по преимуществу «кислыми», а современные лавы — «основными». Ничего подобнаго мы не наблюдаемъ въ дѣйствительности. Современные вулканы выбрасываютъ наравнѣ съ основными (базальтъ) и наиболѣе кислые типы лавъ (напр., липаритъ, трахитъ). Это недоумѣніе легко разрѣшается, если допустить, что въ толщѣ земной коры на различной глубинѣ залегаютъ «вулканическіе очаги», образованные вылившимися въ далекомъ прошломъ громадными изверженными массами, находящимися еще до сихъ поръ въ періодѣ затвердѣванія. Нѣкоторыя изъ этихъ массъ, можетъ быть, еще и до настоящаго времени находятся въ сообщеніи съ глубокими нѣдрами земли, для другихъ такого сообщенія можетъ уже и не существовать.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно, что охлаждающаяся магма носить въ самой себѣ способность къ изверженію. Благодаря частичному затвердѣванію и происходящему при этомъ выдѣленію газовъ, давленіе послѣднихъ въ жидкой части магмы возрастаетъ. Если теперь какимъ-нибудь образомъ, напр., благодаря образовавшейся трещинѣ, устанавливается открытое сообщеніе между вулканическимъ очагомъ (будь то внутренность земли, или излившаяся, застывшая съ поверхности масса) и поверхностью земли, то въ силу разницы давленій здѣсь и тамъ газы усиленно начинаютъ выдѣляться изъ магмы. При достаточномъ напряженіи они могутъ поднять и даже распылить магму. Происходитъ вулканическое изверженіе со всѣми его характерными эффектами. Первый бурный моментъ выдѣленія газовъ обуславливаетъ выбрасыванье

тучь, вулканическаго песка и пепла, за нимъ иногда слѣдуетъ спокойное изліяніе лавы. Замѣчательно, что наиболѣе сильныя взрывы наблюдаются при изверженіяхъ вулкановъ, долго находившихся въ покоѣ. Въ этомъ случаѣ, очевидно, сообщеніе вулканическаго очага съ дневной поверхностью временно прекратилось: понятно, что при вновь возникшемъ сообщеніи и долженъ произойти взрывъ. Напротивъ, если указанное сообщеніе долгое время остается свободнымъ, лава спокойно можетъ переливаться черезъ кратеръ, или даже только обнаруживать періодическія колебанія своего уровня, какъ это мы, напр., и видимъ на лавовомъ озерѣ Килауа на островѣ Гавайи. Если въ такомъ случаѣ происходитъ изліяніе лавы, то оно носитъ характеръ «массоваго».

Періодичность, наблюдаемая у многихъ вулканическихъ явленій, можетъ быть поставлена въ связь съ процессомъ затвердѣванія магмы. Въ самомъ дѣлѣ, процессъ этотъ долженъ совершаться не непрерывно, а скачками. Дѣло въ томъ, что при затвердѣваніи части магмы выдѣляется теплота, которая временно препятствуетъ дальнѣйшему застыванію, а, можетъ быть, даже расплавляетъ часть уже затвердѣвшаго вещества. Спустя нѣкоторое время наступаетъ новый періодъ застыванія и т. д. Такъ какъ во время каждаго періода затвердѣванія выдѣляются газы, то понятно, что давленіе ихъ должно испытывать періодическія колебанія, въ зависимости отъ смѣны періодовъ затвердѣванія періодами спокойствія. Точно такія же колебанія, т.-е. періодическое сжатіе, испытываетъ, конечно, и объемъ магмы.

Обобщая все вышесказанное, мы смѣемъ утверждать, что причина всѣхъ вообще вулканическихъ явленій лежитъ въ обезгаживаньи затвердѣвающей подъ вліяніемъ охлажденія магмы. Эта именно причина вызвала, по нашему мнѣнію, какъ первоначальную дифференцировку уровней на земной поверхности, возникновеніе материковъ и океаническихъ впадинъ, такъ и послѣдовавшее затѣмъ доставленіе на дневную поверхность изверженныхъ массъ въ формѣ ли мощныхъ массовыхъ изліяній, или въ видѣ по преимуществу туфовыхъ изверженій. Но и послѣ того, какъ въ данной области выдѣленіе туфовъ и лавы прекратилось, вулканическая дѣятельность еще не замерла окончательно. Она проявляется еще весьма долгое время въ видѣ фумарольныхъ выдѣленій газовъ и паровъ. Эти послѣдніе обусловливаютъ образованіе рудныхъ жилъ, возникновеніе минеральныхъ источниковъ и гейзеровъ. Вулканы доставили и доставляютъ океану массу соленой воды, т.-е. отчасти пополняютъ убыль гидросферы, часть которой постоянно поглощается твердой земной корой и идетъ на смачиваніе горныхъ породъ и на обра-

зование соединеній съ кристаллизационной водой. Точно такъ же и атмосфера благодаря вулканамъ обогащается газами, между прочимъ—углекислотой, необходимой для развитія органической жизни.

Вулканическія явленія представляютъ такимъ образомъ лишь частное проявленіе того общаго закона, которому подчинена вся исторія земли. Мы говоримъ объ охлажденіи.

Земной шаръ еще хранитъ въ своихъ нѣдрахъ громадныя запасы энергіи въ видѣ теплоты, химической энергіи и энергіи газовъ, растворенныхъ въ магмѣ. Процессъ охлажденія состоитъ въ томъ, что часть энергіи внутренняго ядра постоянно передается холодной поверхности земли и далѣе теряется въ міровомъ пространствѣ. Такой переходъ энергіи отъ тѣла болѣе нагрѣтаго къ болѣе холодному обуславливаетъ работу эндогенныхъ процессовъ, проявляющуюся въ нагроможденіи горъ и въ вулканическихъ явленіяхъ. Можно думать, что процессъ охлажденія—процессъ періодическій, а въ зависимости отъ этого періодичность, должна составлять характерную черту и дѣятельности эндогенныхъ процессовъ. Въ самомъ дѣлѣ, потеря теплоты обуславливаетъ затвердѣваніе части магмы и соотвѣтственное сжатіе ядра. Слѣдуя этому сжатію, твердая кора испытываетъ центростремительное передвиженіе, ведущее къ образованію на ея поверхности складчатыхъ хребтовъ и другихъ формъ тектоническихъ нарушеній. Но это передвиженіе къ центру—«паденіе» громадныхъ тяжелыхъ массъ, развиваетъ громадныя количества тепла, къ которымъ еще присоединяются большія количества тепла, выдѣлившагося при затвердѣваніи части магмы. Дальнѣйшее сжатіе должно прекратиться и можетъ наступить даже нѣкоторое увеличеніе объема, которое будетъ особенно значительно, если при этомъ часть затвердѣвшей коры будетъ снова расплавлена. Вслѣдствіе образовавшагося избытка энергіи массы ядра пріобрѣтаютъ склонность къ центробѣжному движенію, которое и проявляется въ выбрасываніи газообразныхъ и жидкихъ изверженныхъ массъ на поверхность земли. Усиленная вулканическая дѣятельность снова возстановляетъ нарушенное равновѣсіе, новая потеря теплоты въ міровое пространство снова вызываетъ сжатіе и наступленіе періода горообразованія и т. д. Въ геологическихъ фактахъ, повидимому, есть указанія на существованіе такой смѣны періодовъ горообразованія періодами усиленной вулканической дѣятельности¹⁾.

Такимъ образомъ работа вулканизма и горообразованія есть результатъ передачи энергіи отъ внутренняго нагрѣтаго ядра земли

¹⁾ См. *Rothpletz*. Ueber die Möglichkeit den Gegensatz zwischen der Kontraktions- und Expansionstheorie aufzuheben. 1902.

къ ея холодной поверхности. Но не все количество теплоты цѣликомъ превращается въ эту работу: значительная часть ея теряется «безполезно», т.-е. идетъ на уравненіе температуры ядра съ температурою поверхности. Вулканическія явленія, вызываемыя неравенствомъ температуръ въ указанныхъ пунктахъ, въ то же время способствуютъ наступленію температурнаго равновѣсія между центромъ и поверхностью земли. Они могутъ существовать лишь до тѣхъ поръ, пока не достигнуто это равновѣсіе, и по всей вѣроятности прекратятся даже раньше, чѣмъ оно наступитъ. Но вмѣстѣ съ ними прекратятся и горообразование и вообще эндогенные процессы. Нивелирующая дѣятельность экзогенныхъ процессовъ сгладитъ всѣ неровности уровней, если только земной шаръ еще ранѣе не потеряетъ, какъ, напр., луна, свои водную и воздушную оболочки.

Скучную и однообразную картину будетъ представлять тогда земная поверхность, но, на наше счастье, людямъ не суждено ее увидѣть.

Д. Соболевъ.

Ученіе сэра Генри Мэна.

Вступительная лекція, читанная въ залѣ Корпусъ-Кристи Колледжа 1 марта 1904 г. П. Г. Виноградовымъ, профессоромъ сравнительнаго правовѣдѣнія въ Оксфордскомъ университетѣ ¹⁾.

Г. предсѣдатель, милостивые государыни и государи! Обращаясь къ собранію Оксфордскаго университета съ того самаго мѣста, гдѣ нѣкогда читали Мэнъ и Поллокъ, я испытываю естественное чувство робости. Мнѣ хорошо извѣстны мои недочеты, и я приступаю къ своему дѣлу лишь въ надеждѣ, что университетъ, такъ великодушно меня избравшій, будетъ и впредь оказывать мнѣ просвѣщенную и снисходительную поддержку. Если мнѣ будетъ позволено начать съ замѣчанія личнаго свойства, то мнѣ хотѣлось бы высказать, что и меня, подобно другимъ иностраннымъ наблюдателямъ, привлекли къ изученію англійскаго права замѣчательныя черты англійской жизни — господство законности и мужественная любовь къ свободѣ. Какъ многіе другіе, и я началъ съ изученія политическаго строя, но затѣмъ незамѣтно былъ приведенъ къ изслѣдованіямъ по правовой и соціальной исторіи. Это сблизило меня съ нѣкоторыми изъ лучшихъ представителей мысли и науки въ Англии, и особенно съ оксфордскимъ умственнымъ центромъ. Я горжусь личнымъ знакомствомъ съ обоими профессорами, прославившими кафедру правовѣдѣнія при Корпусъ-Кристи Колледжѣ. О ближайшемъ моемъ предшественникѣ мнѣ было бы трудно говорить подобающимъ образомъ, хотя затрудненіе не въ томъ, чтобы отыскать достоинства и заслуги въ ученомъ, занимающемъ почти единственное мѣсто въ наукѣ по изученію въ равной мѣрѣ права, философіи и исторіи. Зато можно, и даже должно, дать вамъ нѣкоторый отчетъ въ томъ, какъ я понимаю ученіе Мэна, перваго замѣстителя кафедры, въ значительной степени опредѣлившаго ея отношенія къ прочимъ предметамъ преподаванія. Такая тема для моей

¹⁾ Переведена съ англійскаго Е. Н. Орловой подъ наблюденіемъ автора.

вступительной лекціи представляется удобной также и потому, что она даетъ возможность установить точку зрѣнія на общіе вопросы, обсуждая опредѣленный и конкретный случай.

Не лишено значенія то обстоятельство, что, будучи самъ иностранцемъ, я имѣю право считать Мэна однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ моихъ учителей. Онъ обладалъ однимъ изъ тѣхъ умовъ, которые распространяютъ свое вліяніе далеко за предѣлы своего непосредственнаго круга дѣйствія; всѣ люди моего поколѣнія, занимавшіеся изученіемъ права и исторіи, такъ или иначе имѣли дѣло съ идеями, исходящими отъ него или сходными съ его мыслями, и тайна такого мощнаго вліянія достойна вниманія. Довольно принято, въ наше время, говорить нѣсколько свысока о недостаткѣ начитанности и точности въ работахъ Мэна, о его неопредѣленности и манерѣ выражаться намеками. Тѣ, кто позволяетъ себѣ такую дешевую критику, лучше бы сдѣлали, если бы попытались выяснитъ, отчего онъ сталъ силой въ области европейской мысли, властителемъ¹ въ царствѣ, гдѣ кумовство и способность популяризаціи не даютъ авторитета.

Мои замѣтки не будутъ относиться къ самой личности Мэна: нѣкоторые изъ моихъ слушателей могли бы, конечно, лучше меня возсоздать передъ нами личныя черты, отличавшія этого замѣчательнаго человѣка—ученаго, стремившагося прежде всего быть мыслителемъ, юриста, болѣе интересовавшагося происхожденіемъ юридическихъ нормъ, нежели самими нормами; свѣтскаго человѣка, прилагавшаго всѣ силы своего проніцательнаго и здраваго ума къ изслѣдованію древностей, соціолога, который никогда не пробавлялся изобрѣтеніемъ терминовъ и не игралъ словами. Повторяю, я не посмѣлъ бы нарисовать обликъ этой выдающейся личности на основаніи моихъ, очень неполныхъ, впечатлѣній. Но есть другая точка зрѣнія, съ которой можно разсматривать жизнь всякаго вождя мысли: такой вождь воплощаетъ въ своей жизни и дѣятельности, съ большей или меньшей степенью индивидуальной окраски, извѣстное сочетаніе задачъ и идей времени; и въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, стоитъ дать себѣ отчетъ, на какихъ идейныхъ основаніяхъ построено ученіе Мэна. При помощи однихъ его сочиненій и нѣсколькихъ статей, появившихся по ихъ поводу, безъ претензіи открыть нѣчто совершенно новое и поразительное, мы можемъ разобратъся во взаимной зависимости и сравнительной важности его положеній.

Тѣмъ не менѣе я хотѣлъ бы начать съ личнаго наблюденія. Мэнъ, безъ сомнѣнія, не былъ однимъ изъ тѣхъ строителей системъ, иногда встрѣчающихся среди нѣмецкихъ ученыхъ, которые доводятъ свою безпримѣрную начитанность до крайности и какъ бы

переселяются изъ дѣйствительности въ какой-то фантастическій міръ собственнаго изобрѣтенія, гдѣ они собираютъ и располагаютъ матеріалъ сообразно съ требованіями отвлеченной мысли, безъ особаго вниманія къ фактамъ жизни. Съ другой стороны, онъ не былъ подверженъ и тому духу формализма, который представляетъ естественное преувеличеніе ясности и систематичности, столь характерныхъ для французской школы; онъ никогда не жертвовалъ сложностью органической эволюціи ради единства мысли и ясности изложенія. Каковы бы ни были его ошибки, онъ, несомнѣнно, обладалъ качествами англичанина — искалъ смысла жизни въ ея дѣйствительныхъ проявленіяхъ. Одно изъ замѣчательнѣйшихъ его выраженій — опредѣленіе, которое онъ далъ праву: право есть здравый смыслъ. И мы можемъ съ увѣренностью сказать, что не случай, не странный вкусъ, не разсѣянность ученаго, привели этого ясно мыслящаго человѣка съ эпикурейскими вкусами къ тому, что онъ посвятилъ всю свою жизнь рискованному предпріятію — попыткѣ связать самыя раннія понятія человѣчества о правѣ съ выводами современной мысли.

Мэнъ самъ позаботился выяснить, почему дѣло его жизни получило именно такое направленіе. Я думаю, что лица, знакомыя съ его работами, согласятся, что онъ смотрѣлъ на свою литературную дѣятельность, какъ на постоянную борьбу съ чистыми отвлеченностями и апріорными допущеніями. Я лишь сошлюсь на слѣдующій очеркъ, набросанный нашимъ писателемъ къ концу его жизни. Признавшись въ антипатіи къ изслѣдованіямъ, посвященнымъ происхожденію человѣческаго общества, какъ такового, — изслѣдованіямъ, «въ результатъ которыхъ ученый лишь вязнетъ въ грязи и теряется въ туманѣ», онъ опредѣляетъ далѣе свои собственные цѣли:

«Что касается до меня, то я стремился прослѣдить дѣйствительную, а не предполагаемую, исторію учреждений цивилизованнаго человѣчества. Когда я началъ свое дѣло, за нѣсколько лѣтъ до 1861 г., картина была затемнена и путь, за извѣстной чертой, загромажденъ апріорными теоріями, основанными на гипотезѣ естественнаго права и естественнаго состоянія»¹⁾).

Хотя Мэнъ и признавалъ нѣкоторую пользу за этими понятіями, поскольку они расчищали дорогу для реформъ въ законодательствѣ, содѣйствовали образованію международнаго права и побуждали къ упрощенію права вообще, тѣмъ не менѣе онъ настаивалъ, что они основаны на совершенно ошибочномъ представленіи о

¹⁾ Early Law and Custom, 192.

фактах и приносят вред какъ въ правовѣдѣніи, такъ и въ юридической практикѣ. Онъ рѣшительно отказывался видѣть въ понятіи общественнаго договора источникъ правъ и обязанностей человѣка въ обществѣ, ссылаясь на то, что все, извѣстное намъ о раннихъ стадіяхъ человѣческихъ обществъ, указываетъ на ихъ органическое, а не договорное, происхожденіе. Съ такимъ же сильнымъ протестомъ онъ выступилъ противъ умозрѣній относительно состоянія первобытнаго человѣка:

«Эти описанія быта людей въ первые вѣка существованія міра, — говоритъ онъ, — возникаютъ, когда мы сначала отрѣшаемъ человѣчество отъ значительной части условій, которыми оно теперь окружено, а затѣмъ принимаемъ, что въ такомъ воображаемомъ состояніи люди сохраняютъ тѣ самыя чувства и предрасудки, которые движутъ ими теперь; а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ эти чувства, быть можетъ, созданы и порождены именно тѣми условіями, которыя, согласно гипотезѣ, отрицаются у людей»¹⁾.

Даже ту ограниченную пользу, которую Мэнъ соглашался признавать за ученіемъ естественнаго права, онъ приписывалъ главнымъ образомъ тому, что за этими обобщеніями скрывалась нѣкоторая доля положительнаго права, не сводившаяся къ чистымъ отвлеченіямъ. Одно изъ его любимыхъ занятій было доказывать, что принципы современнаго международнаго права имѣютъ свои корни глубже, чѣмъ въ соображеніяхъ естественной справедливости, — въ историческомъ *jus gentium* римлянъ, и уже черезъ его посредство — въ *jus naturale*, иначе говоря — въ дѣйствительномъ правѣ, которымъ римскіе судьи регулировали сдѣлки разнороднаго населенія, собиравшася вокругъ ихъ судовъ. Не меньшее вліяніе на образованіе этихъ апіорныхъ представленій приписываетъ Мэнъ политической борьбѣ XVII и XVIII вѣковъ, вызвавшей отріпаніе традиціонныхъ учреждений и пріобрѣтенныхъ правъ. По его мнѣнію, нельзя понять и должнымъ образомъ оцѣнить Локка, Гоббса и Руссо, если мы будемъ изучать ихъ теоріи, не принимая въ соображеніе обстоятельствъ, при которыхъ онѣ создались. Въ работѣ, которой послѣдователи Мэна обыкновенно пренебрегаютъ, но которая весьма типична для соображеній, имѣвшихъ на него вліяніе, — въ книгѣ *О народномъ правленіи*, мы находимъ пространную критику разсужденій Руссо о первобытномъ человѣкѣ. Совершенно независимо отъ полемической цѣнности этой критики, самое чувство, въ которомъ она зародилась и проводилась, не лишено значенія: оно показываетъ, какую страстную силу получило въ умѣ Мэна стремленіе проти-

¹⁾ Ancient Law, 254.

водѣйствовать этимъ теоріямъ. Нашъ изысканно воспитанный и безпристрастный писатель яростно обрушивается на Руссо: характерный признакъ его настроенія можно усмотрѣть въ неожиданной вылазкѣ противъ Теккерея, о нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ котораго онъ выражается такъ: «они напоминаютъ до нѣкоторой степени естественнаго человѣка Руссо, какимъ бы онъ оказался въ дѣйствительной жизни,—это грубые негодаи» ¹⁾).

Мэнъ возставалъ не только противъ теоріи о естественномъ состояніи и ея различныхъ приложений въ правѣ и политикѣ, но также и противъ одного направленія въ правовѣдѣніи, важность котораго онъ признавалъ, а именно—противъ аналитическаго правовѣдѣнія, какъ его понимали Бентамъ и Остинъ. Въ этомъ случаѣ была сдѣлана попытка установить общіе принципы и вывести изъ нихъ слѣдствія — не въ формѣ системы природной справедливости и не въ выводахъ изъ неизбѣжныхъ свойствъ человѣческой природы, а съ помощью анализа главныхъ юридическихъ понятій, примѣняющихся въ юридическомъ оборотѣ нашего времени. Мэнъ нерѣдко останавливается на цѣнности этихъ попытокъ, признаетъ за ними ясно выраженный научный характеръ и обращаетъ вниманіе на ихъ близкое сродство съ развитіемъ политической экономіи. Бентамъ и Остинъ кажутся ему въ области юридическихъ наукъ товарищами Адама Смита и Рикардо. Но, тѣмъ не менѣе, онъ не можетъ слѣдовать по пути, указываемому этими мыслителями, и ясно опредѣляетъ границы, раздѣляющія ихъ идеи отъ его собственныхъ. По его мнѣнію, они пользуются слишкомъ отвлеченнымъ методомъ изслѣдованія. Цѣнность этого метода ограничивается, во всякомъ случаѣ, важностью элементовъ, которые отбрасываются при выработкѣ отвлеченныхъ понятій, а важность этихъ отбросовъ, очевидно, растетъ по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся отъ математики къ анализу экономическихъ фактовъ, а отъ нихъ—къ изученію правовыхъ отношеній. Послѣднія въ особенности такъ насыщены религіозными, нравственными, политическими идеями, такъ связаны съ обычаями, традиціями, подражаніемъ, что ихъ нѣтъ возможности расположить вдоль единой нити утилитарныхъ разсужденій, хотя бы нить эта и направлялась къ «счастію большинства» ²⁾). Даже самыхъ лучшихъ писателей по политической экономіи «можно иногда упрекнуть въ томъ, что они обобщаютъ въ примѣненіи ко всему міру то, что касается лишь его части; что они склонны считать свои положенія апріорными истинами, дѣй-

¹⁾ Popular Government, 154.

²⁾ Early History of Institutions, 361.

ствительными для всѣхъ временъ, и что они недостаточно считаются съ цѣнностью, силой и значеніемъ той огромной массы обычаевъ и унаслѣдованныхъ понятій, которую они отбрасываютъ, называя, согласно метафорѣ, заимствованной изъ механики, треніемъ»¹⁾. «И въ сочиненіяхъ Джона Остина есть не мало мѣстъ, изъ которыхъ можно было бы заключить, что авторы и истолкователи системъ права образованныхъ народовъ принуждены, въ силу своего рода внѣшняго давленія, думать извѣстнымъ, определеннымъ образомъ, когда рѣчь идетъ о правовыхъ принципахъ и о способахъ приходиться къ юридическимъ выводамъ»²⁾.

Въ концѣ концовъ выходитъ, что подобный анализъ общества въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ «и дѣйствуетъ на нашихъ глазахъ, не рѣдко становится, вслѣдствіе пренебреженія къ исторіи, пустымъ упражненіемъ любопытства. При этомъ изслѣдователь рискуетъ совершенно не понять состоянія общества, значительно разнящагося отъ того, къ которому онъ привыкъ»³⁾.

Нужно ли мнѣ напоминать вамъ замѣчательный анализъ отношенія между верховной властью и правомъ, раскрывающій односторонность въ пониманіи права у Остина? Законъ, по Остину, есть въ сущности общее повелѣніе, данное и санкціонированное верховной силой. Критика этого положенія въ *Древней исторіи учреждений* особенно любопытна, потому что она даетъ образцы двоякаго рода возраженій, высказываемыхъ Мэнномъ противъ доктрины аналитическаго правовѣдѣнія. Бесплодность ея отвлеченій обнаруживается въ томъ, что не приняты во вниманіе понятія порядка и общественнаго мнѣнія, какъ факторы образованія права. Съ другой стороны, неудобства разсужденія, не поставленнаго въ рамки определеннаго условія мѣста и времени, доказываются ссылками на общества, которыя или не признаютъ общихъ повелѣній, или не выводятъ ихъ изъ дѣйствія верховной власти, или не видятъ въ силѣ необходимой санкціи закона, или допускаютъ возможность подчиненія нѣсколькимъ высшимъ властямъ, напр., племени и государству, церкви и свѣтской власти, мѣстнымъ общинамъ и центральному правительству. Такимъ образомъ, вполнѣ сознавая огромную разницу между представителями ученій естественнаго права и аналитическаго правовѣдѣнія, Мэнъ тѣмъ не менѣе видитъ прямую связь между обѣими школами, проходящую черезъ ученія Гоббса и Бентама, и рѣшительно оставляетъ путь деду-

¹⁾ Rede Lecture (Village Communities, 3 ed., 233).

²⁾ Village Communities, 4.

³⁾ Ancient Law, 310.

ктивной логики для индуктивнаго разсужденія на основаніи историческихъ фактовъ.

До сихъ поръ нашъ обзоръ идей Мэна касался, такъ сказать, ихъ отрицательной стороны: мы пытались опредѣлить, противъ кого направлено было остріе его полемики. Обратимся теперь къ другой сторонѣ вопроса и разсмотримъ, какія положительныя вліянія надо принять въ расчетъ, чтобы объяснить занимаемое имъ положеніе.

Самъ онъ, несомнѣнно, думалъ, что его способъ разсмотрѣнія фактовъ права и общества зиждется въ глубоко коренящихся національныхъ особенностяхъ. Разумѣется, нельзя утверждать, что великое значеніе, придаваемое органическому строю социальной жизни, недовѣріе къ отвлеченіямъ, охотное допущеніе компромиссовъ и практическихъ уступокъ свойственны исключительно англійской средѣ, или что англійскіе мыслители никогда не измѣняли этимъ принципамъ: мы только что упоминали о сильной школѣ англійскихъ дедуктивныхъ изслѣдователей. Но замѣчаніе, что описанное историческое направленіе имѣетъ наиболѣе твердый оплотъ въ англійскомъ мірѣ, дѣлалось слишкомъ часто, чтобы необходимо было особенно его доказывать. Мэнъ считалъ себя послѣдователемъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе извѣстныхъ защитниковъ органическаго развитія и консервативныхъ принциповъ въ правѣхъ и политикѣ Англии, — особенно Бёрка и сэра Джемса Ф. Стивена¹⁾. Отнюдь не будучи ненавистникомъ французскаго общества и литературы, онъ обыкновенно несогласенъ съ отношеніемъ французовъ къ вопросамъ права и политики. Онъ признаетъ пользу, которую такъ называемое естественное право принесло французскимъ законовѣдамъ Стараго Порядка, но видитъ въ немъ какъ бы отчаянное средство, допустимое лишь въ крайнихъ случаяхъ. Какъ всякое сильно дѣйствующее лѣкарство, это средство — въ сущности ядъ и неминуемо должно принести больному вредъ во многихъ отношеніяхъ, хотя бы оно и помогло противъ данной болѣзни. И поскольку французская политика и право слѣдовали по пути революціи, Мэнъ относится къ нимъ чисто критически. Его нападки въ данномъ случаѣ имѣли за собой силу предразсудка, и онъ какъ будто забываетъ предостереженія, которыя такъ охотно расточалъ при другихъ обстоятельствахъ: онъ самъ позволяетъ себѣ дѣлать поспѣшныя обобщенія касательно демократіи, партій, права большинства и т. п., при чемъ не обращаетъ особеннаго вниманія на сложность обсуждаемыхъ вопросовъ. Для нашихъ цѣ-

¹⁾ Popular Government, 179; ср. 29, 54.

лей эти сужденія интересны, совершенно независимо отъ ихъ цѣнности по существу, потому что они показываютъ направленіе ума, подлежащаго нашему наблюденію.

Другое сильное вліяніе, дѣйствовавшее на Мэна въ томъ же направленіи, было его ученая связь съ одной опредѣленной школой европейскихъ юристовъ. Первые шаги его въ изученіи права были сдѣланы главнымъ образомъ подъ руководствомъ нѣмецкой школы историческаго правовѣдѣнія, которая образовалась вокругъ Савиньи и Эйхгорна. Обработка вопросовъ о наслѣдствѣ, договорѣ, собственности и т. д. въ *Древнемъ правѣ* не оставляетъ сомнѣнія, насколько близко Мэнъ придерживался работъ Савиньи и Пухты. Но школа, о которой мы говоримъ, была отнюдь не группой специалистовъ - правовѣдцовъ: она олицетворяла въ себѣ, напротивъ, сильную социальную доктрину, которая получила свое начало въ борьбѣ Европы противъ революціоннаго рационализма, представленнаго французской республикой и имперіей Наполеона. Романтическая по своему обращенію къ древнимъ обычаямъ и національнымъ традиціямъ, консервативная по своимъ правовымъ воззрѣніямъ, первая школа историческаго правовѣдѣнія отстаивала представленіе о правѣ, опредѣляемомъ историческимъ прошлымъ и ростомъ національной психологіи, а ростъ этотъ считала такимъ же инстинктивнымъ, какъ самая эволюція языка. Англійскій ученикъ Савиньи часто настаиваетъ на мысли, что большая часть социальнаго и духовнаго строя каждаго народа завѣщана ему прежними поколѣніями, что бессознательное преданіе является, быть можетъ, самымъ могущественнымъ факторомъ въ исторической жизни, что общественныя измѣненія совершаются въ чрезвычайно тѣсныхъ предѣлахъ и прогрессивные народы составляютъ рѣдкое исключеніе. Отмѣтимъ, впрочемъ, что Мэнъ не былъ слѣпъ къ нѣкоторымъ изъ условій прогресса. Онъ не сторонникъ доктрины, что характерныя свойства народа не подлежатъ измѣненію въ томъ же смыслѣ, какъ невозможно для отдѣльныхъ людей измѣнить члены своего тѣла или черты лица. Онъ констатируетъ постоянное стремленіе къ измѣненію, какъ результатъ общенія между народами. Онъ даже подчеркиваетъ—быть можетъ, не безъ намека на извѣстную теорію Бокля о нравственной неподвижности—возможность и дѣйствительность прогресса въ нравственной области¹⁾. Но все-таки прогрессъ для него явленіе исключительное, выпавшее на долю лишь немногихъ обществъ. Онъ склоненъ подкрѣпить ученіе о прогрессирующемъ меньшинствѣ тѣмъ, что приписываетъ первенствующую

¹⁾ Ancient Law, 71.

роль въ его развитіи греческой философіи и римскому праву. Разумѣется, цѣлая пропасть отдѣляетъ это представленіе о единствѣ культурнаго человѣчества отъ провиденціальныхъ умозрѣній Гегеля, но тѣмъ не менѣе узкія границы, въ которыя заключается прогрессивность всеобщей исторіи, характерны для эпохи, сосредоточившей первоначально вниманіе на національныхъ особенностяхъ, а затѣмъ перешедшей къ разсмотрѣнію исторіи человѣчества, какъ общенія немногихъ выдающихся народовъ ¹⁾.

Особенности этого направленія мысли очень ясно выражены въ замѣчаніяхъ, обращенныхъ противъ взгляда Монтескье, что человѣческія общества—чрезвычайно пластичны и подвержены рѣшающему воздѣйствію внѣшнихъ факторовъ:

«Въ этомъ лежитъ ошибка его системы. Онъ не придаетъ должнаго вѣса устойчивости человѣческой природы. Онъ не обращаетъ почти никакого вниманія на свойства, унаслѣдованныя расой, — тѣ свойства, которыя каждое поколѣніе получаетъ отъ своихъ предшественниковъ и передаетъ, въ почти неизмѣненномъ видѣ, слѣдующему за нимъ поколѣнію. На самомъ дѣлѣ, устойчивая часть нашего умственнаго, нравственнаго и физическаго склада—преобладающая его часть, и сопротивленіе перемѣнамъ, оказываемое ею, такъ велико, что хотя измѣняемость нѣкоторыхъ изъ человѣческихъ обществъ и достаточно замѣтна, но перемѣны не настолько быстры и не настолько значительны, чтобы нельзя было опредѣлить ихъ степень, характеръ и общее направленіе» ²⁾.

Я особенно настаиваю на этомъ пунктѣ, потому что онъ отмѣчаетъ, такъ сказать, границу между идеями школы Савиньи и самостоятельнымъ вкладомъ Мэна въ развитіе правовѣдѣнія. Приведенныя слова, несомнѣнно, вытекаютъ изъ воззрѣній упомянутой нѣмецкой школы, но ясно, что идея національной преемственности, если ее проводить слишкомъ далеко, сдѣлаетъ невозможнымъ приложеніе чисто - научнаго метода въ исторіи и въ историческомъ правовѣдѣніи. Если каждое общественное цѣлое обособлено, то не будетъ мѣста для сравненія, общихъ заключеній и чего-либо похожего на историческіе законы. А конецъ фразы, указывающій на изслѣдованія «степени, характера и общаго направленія» измѣненій, совершающихся въ человѣческихъ обществахъ, выходитъ изъ рамокъ консервативной школы, опирающейся на исторію. Мэнъ вводитъ въ изслѣдованіе новое начало — начало науки въ англійскомъ смыслѣ этого слова, т.-е. точной науки, основанной на на-

¹⁾ Ancient Law, 22.

²⁾ Ancient Law, 116.

блюденіи и вмѣющей цѣлью выясненіе законовъ. Дѣло въ томъ, что Мэнъ находился не только подъ вліяніемъ предшествующаго поколѣнія, даваша такой необыкновенный толчокъ историческимъ розысканіямъ, но и подъ знаменіемъ своего времени, стремившагося къ научной обработкѣ вопросовъ соціальной жизни. Ничто не можетъ быть внушительнѣе собственныхъ его словъ во второй рѣчи къ студентамъ Калькуттскаго университета, и я попрошу позволенія привести ихъ въ довольно длинной выдержкѣ:

«Не можетъ быть сомнѣнія, какому изъ предметовъ нашего изученія принадлежитъ будущее. Дѣло въ томъ, что за послѣднія пятнадцать или двадцать лѣтъ въ мірѣ мысли сказываются новая сила и новое вліяніе—не прямое, а косвенное вліяніе естественныхъ наукъ, наукъ опыта и наблюденія. Межи, раздѣляющія области знанія, уничтожаются; методы обработки оказываются одни и тѣ же во всѣхъ случаяхъ...» «Теперь утверждаютъ, а уже задолго до утвержденія чувствовали, что историческая истина, если она существуетъ, не можетъ быть иной, нежели всякая другая истина. Не можетъ быть существенной разницы между истинами астронома, фізіолога и историка. Основной принципъ, на которомъ зиждется все наше знаніе физическихъ явленій, что природа всегда вѣрна себѣ, примѣнимъ и къ человѣческой природѣ и къ человѣческимъ обществамъ, такъ какъ они обусловлены человѣческой природой. Этимъ, разумѣется, мы не хотимъ сказать, что нѣтъ иныхъ истинъ, кромѣ касающихся внѣшняго міра. Но всякая истина, къ чему бы она ни относилась, должна удовлетворять однимъ и тѣмъ же условіямъ; такъ что если исторія основана на истинѣ, то она должна учить тому, чему учить всякая другая наука—безпрерывной преемственности, непреклонному порядку и вѣчнымъ законамъ»¹⁾.

Въ своей спеціальной области правовѣдѣнія онъ неоднократно беретъ иллюстраціи изъ естественныхъ наукъ. Исслѣдованія юристовъ, основанныя на апріорныхъ послылкахъ, напоминаютъ ему положеніе физики и фізіологіи въ эпоху, предшествовавшую образованію наукъ. Зачаточныя правовыя понятія сравниваются съ первичной корой земли, которая составляетъ какъ бы основаніе для работъ геолога²⁾. Изъ знаменитыхъ представителей естественныхъ наукъ и индуктивной философіи, Дарвинъ произвелъ на него наибольшее впечатлѣніе; но онъ изучалъ также и Юелля, Милля и Спенсера. Одно изъ любимыхъ его воззрѣній, что въ эволюціи

¹⁾ Calcutta Address (Village Communities, 3rd ed., 266); ср. рѣчь сэра Джона Страчи въ книгѣ Грантъ Деффа о Мэнѣ, а также Edinburgh Review, 1893, 104; Sir F. Pollock, Oxford Lectures, 41, 42.

²⁾ Ancient Law, 3.

права совершается переходъ отъ личныхъ велѣній, приписываемыхъ дѣйствию божества, къ закону природы, выведенному изъ метафизическихъ представлений, и, наконецъ, къ научному правовѣдѣнію, основанному на точномъ наблюденіи правовыхъ отношеній, напоминаетъ извѣстную послѣдовательность трехъ стадій въ позитивной философіи, хотя Мэнъ, повидимому, не прямо заимствовалъ эту мысль у Конта, Милля или Льюиса, а скорѣе пришелъ къ ней параллельнымъ процессомъ размышленія.

Восторженное отношеніе къ научнымъ цѣлямъ и методамъ не свелось въ данномъ случаѣ къ высокимъ стремленіямъ и звучнымъ словамъ: оно стало основной пружиной въ жизненномъ трудѣ Мэна. Извѣстно, что историческое изслѣдованіе роста правовыхъ положеній и понятій должно было, по его взгляду, заступитъ мѣсто дедуктивнаго разсужденія. Едва ли нужно напоминать читателямъ *Древняго права* слова, которыми начинается глава *О ранней исторіи наслѣдованія по завѣщанію*:

«Если бы сдѣлать попытку доказать въ Англіи преимущество историческаго метода изслѣдованія передъ тѣми способами изученія правовѣдѣнія, которые у насъ приняты,—не найдется болѣе подходящаго примѣра, нежели право завѣщательныхъ распоряженій»¹⁾.

Предметомъ его историческихъ изслѣдованій было не столько рѣшеніе детальныхъ вопросовъ, сколько проложеніе дороги для общаго обзора правовой эволюціи. Изученіе первобытныхъ эпохъ и методы древней исторіи получили при этомъ первостепенную важность.

«Намъ слѣдуетъ начать съ самыхъ простыхъ соціальныхъ формъ, въ состояніи, по возможности близкомъ къ ихъ зачаточному виду. Сначала не легко понять явленія, которыя мы встрѣчаемъ въ первобытныхъ обществахъ, но трудности, представляемыя ими, ничто, если сравнить ихъ съ затрудненіями, которыя окружаютъ насъ, когда мы обращаемся къ сложному составу современной соціальной организаціи. Но если бы даже явленія эти представляли еще большія затрудненія, нельзя считать напрасными никакія усилія для раскрытія зародышей, изъ которыхъ несомнѣнно развились всѣ виды нравственныхъ сдержекъ, управляющихъ нашими дѣйствіями и опредѣляющихъ наше поведеніе въ настоящее время»²⁾. «Древняя исторія имѣетъ для научныхъ цѣлей то большое преимущество предъ новой, что она несравненно проще—проще, потому что моложе. Дѣйствія людей, ихъ мотивы и общественныя движенія всѣ несрав-

¹⁾ Ancient Law, 171.

²⁾ Ancient Law, 119.

ненно менѣе сложны, чѣмъ въ современномъ мірѣ, и поэтому скорѣе могутъ *служить матеріаломъ для начальныхъ обобщеній*¹⁾.

Эти замѣчанія обнаруживаютъ точку зрѣнія, на которую едва ли пришлось бы становиться, если бы правовѣдѣніе разсматривалось лишь какъ подготовка къ юридической профессіи и къ искусству практическаго юриста. Тѣмъ не менѣе Мэнъ, какъ и всѣ истинные философы-мыслители, былъ убѣжденъ, что всякое замѣтное улучшение со стороны теоретическаго изученія, несомнѣнно, принесетъ стократные плоды для практической стороны дѣла. Онъ, навѣрное, не случайно задался цѣлью запечатлѣть въ умахъ калькуттскихъ студентовъ важность научнаго направленія въ социальныхъ изслѣдованіяхъ. Болѣе того: онъ часто уклонялся отъ своей прямой дороги, чтобы показать на примѣрахъ наглядное приложеніе своихъ теоретическихъ взглядовъ. Кромѣ отрицательнаго, но важнаго результата, достигнутаго тѣмъ, что апріорныя построенія теряютъ кредитъ — что было уже достаточно разъяснено, — новая точка зрѣнія, на которую стало историческое правовѣдѣніе, требовала внимательнаго разсмотрѣнія дѣйствительныхъ условій, которыя лежатъ въ основѣ всякаго рода правовыхъ положеній и должны быть приняты во вниманіе при ихъ толкованіи. Она способствуетъ болѣе разумному обращенію съ законодательными вопросами и реформами, научая согласовать новыя понятія съ старыми традиціями. Въ сношеніяхъ съ чужими краями и народностями, населяющими имперію, которыя стоятъ на всѣхъ стадіяхъ и степеняхъ цивилизаціи, представляется множество случаевъ для непосредственнаго примѣненія способности историческаго пониманія. По заявленію компетентныхъ судей, ничто такъ не характерно для дѣятельности Мэна въ Индіи, какъ его замѣчательное умѣнье схватить жизненныя основы туземнаго устройства и опредѣлить съ неизмѣнной проникательностью силу мѣстнаго преданія и возможности реформы²⁾. И даже для англійскаго юриста, изучающаго право землевладѣнія или правила о наслѣдованіи при свѣтѣ историческаго метода, они перестаютъ быть частями произвольнаго и безсвязнаго катехизиса и становятся органическими образованіями, соответствующими опредѣленному социальнымъ нуждамъ и основанными на понятіяхъ, которыя не теряютъ значенія даже въ своей условной и нѣсколько старомодной одеждѣ.

Впрочемъ, Мэнъ былъ настолько убѣжденъ въ истинѣ и очевидности этой тѣсной связи между теоріей и практикой, что онъ не тратилъ много времени на обсужденіе цѣлей изученія, а посвя-

1) Calcutta Address (Village Communities, 3rd ed., 269).

2) См. ст. А. Лайеля въ *Law Quarterly Review*, IV, стр. 132.

тиль себя охотнѣе тому, что, какъ онъ сознавалъ, ему всего лучше удалось, а именно составленію очерковъ по общему ходу правовѣдѣнія, какимъ онъ представляется съ исторической точки зрѣнія. Не останавливаясь на разборѣ запутанныхъ частныхъ вопросовъ, но всецѣло стремясь установить крупныя вѣхи и набросать общій планъ, онъ исполнилъ работу, которая, быть можетъ, недостаточна въ смыслѣ отдѣлки матеріала или знакомства съ литературой предмета, но которая всегда останется памятникомъ созидающаго творчества и отправнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Въ самомъ дѣлѣ, въ смыслѣ общаго обзора всего поля изученія, нѣтъ ничего, что бы превосходило, или даже равнялось, обширному очерку, составленному этимъ пионеромъ въ области историческаго правовѣдѣнія.

Широта горизонта, охваченная нашимъ писателемъ, съ самаго начала дала ему почувствовать недостаточность историческаго метода въ томъ видѣ, въ какомъ его употребляла нѣмецкая школа, и необходимость дополнить его изъ другихъ источниковъ. Во-первыхъ, историческія наблюденія часто суживаются случайнымъ характеромъ матеріала: вслѣдствіе прихоти времени въ документальной исторіи не хватаетъ иногда очень важныхъ звеньевъ; цѣлыя эпохи и цѣлые вопросы погружены въ безпросвѣтный мракъ. Въ виду этихъ частыхъ пробѣловъ, здравый смыслъ подсказываетъ искать указаній въ родственныхъ процессахъ развитія вмѣсто того, чтобы довольствоваться простыми догадками и заключеніями. Разъ вниманіе остановилось на возможности такого выхода, глазамъ открывается огромное поле—не только въ изученіи другихъ случаевъ, засвидѣтельствованныхъ въ исторіи, но и сходныхъ фактовъ въ жизни полудивилизованныхъ и дикихъ народовъ, доступныхъ наблюденію въ настоящее время. Независимо отъ могущественной помощи, представляемой сравнительнымъ правовѣдѣніемъ для воссозданія полусчезнувшихъ и чуждыхъ формъ, сравнительный методъ изученія даетъ единственно возможное основаніе для индуктивнаго мышленія въ общественныхъ наукахъ и для изслѣдованія законовъ соціальнаго развитія. Не скрывая отъ себя чрезвычайно невыгоднаго положенія соціальныхъ наукъ въ сравненіи съ естественными, Мэнъ считалъ, что мы можемъ до нѣкоторой степени подмѣтить повторяющіяся начала правового развитія, только если пойдемъ тѣмъ же путемъ, какимъ шли другія науки, а именно—путемъ систематическаго сравненія установленныхъ фактовъ. Его главной цѣлью было распространить на область правовѣдѣнія тотъ духъ и тѣ методы, которые уже дали такіе прекрасные результаты въ двухъ вновь обрзовавшихся отдѣлахъ науки—въ сравнительномъ языковѣдѣніи и

сравнительной миеологии¹⁾. Связь между всѣми этими предметами и Индїей была случайная, но она имѣла свой смыслъ для опредѣленія границъ изслѣдованій Мэна. Изслѣдованія эти были направлены не на широкую область правовыхъ обычаевъ человѣчества вообще, а на болѣе узкое поле арійскихъ древностей, гдѣ историческій матеріаль ближе граничить съ этнографическимъ и факты могутъ быть легче сопоставлены и анализированы. Это суженіе поля имѣло извѣстную оборотную сторону, которая обнаруживается, напримѣръ, въ разработкѣ вопроса о первобытномъ супружествѣ и родствѣ и въ упрямомъ сопротивленіи Мэна открытію такъ называемыхъ матриархальныхъ отношеній²⁾. Все же оно имѣло и несомнѣнныя преимущества, поскольку имъ уменьшалась опасность тѣхъ случайныхъ сравненій и поспѣшныхъ обобщеній, которыя составляютъ слабую сторону сравнительнаго правовѣдѣнія, какъ оно представлено, напр., Постомъ и Колеромъ въ Германіи. Въ общемъ надо замѣтить, что, хотя Мэнъ и вполне отдавалъ себѣ отчетъ въ важности измѣненій, внесенныхъ въ историческій методъ сравнительнымъ началомъ, и говорилъ иногда объ «оживленіи и исправленіи» историческаго метода сравнительнымъ, но онъ все-таки считалъ оба одинаково необходимыми и тѣсно связанными³⁾. Въ этомъ смыслѣ онъ высказывается во вступительной лекціи въ *Сельскихъ общинахъ*:

«Я рѣшаюсь утверждать, что сравнительный методъ... въ иныхъ своихъ примѣненіяхъ не отдѣлимъ отъ историческаго. Мы беремъ рядъ современныхъ фактовъ, понятій и обычаевъ и заключаемъ о прежнемъ видѣ этихъ фактовъ, понятій и обычаевъ не только изъ историческихъ памятниковъ, касающихся ихъ, но также изъ примѣровъ, еще не вымершихъ и встрѣчающихся въ жизни»⁴⁾.

Было бы немислимо въ настоящемъ бѣгломъ обзорѣ дать отчетъ о многихъ частныхъ мысляхъ, подсказанныхъ нашему писателю его новой точкой отправленія. Я лишь укажу на нѣсколько предметовъ, обсужденіемъ которыхъ онъ занялся при свѣтѣ сравнительнаго правовѣдѣнія, съ цѣлью установить историческіе законы.

Уже на вступительныхъ страницахъ первой его книги мы замѣчаемъ такого рода попытки:

«Извѣстный социальный законъ гласитъ, что чѣмъ шире пространство, на которомъ дѣйствуетъ рядъ учреждений, тѣмъ больше ихъ устойчивость и живучесть...» «Есть законъ развитія, постоянно угрожающій оказать вліяніе на устное преданіе. Начинается про-

1) Rede Lecture (Village Communities, 3-rd ed.).

2) Early Law and Custom, 200.

3) Rede Lecture (Village Communities, 224).

4) Rede Lecture (Village Communities, 6).

цессъ, который можно вкратцѣ описать словами, что обычай разумный порождаетъ обычай неразумный» ¹⁾).

Онъ считалъ, что въ эволюціи правовыхъ понятій послѣдовательность явленій шла извѣстнымъ, нормальнымъ путемъ: сначала личныя приказанія и судебныя рѣшенія патриархальныхъ правителей; затѣмъ обычное право, толкуемое и примѣняемое общественной и военной аристократіей; далѣе закрѣпленіе обычаевъ въ уставахъ, вслѣдствіе общественныхъ столкновеній; потомъ постепенное измѣненіе архаическаго права при помощи фикцій, первобытной справедливости, и положительнаго законодательства; еще позже возникновеніе общаго правовѣдѣнія, въ связи съ распространеніемъ международныхъ сношеній и философскихъ теорій; наконецъ, научное правовѣдѣніе, появленіе котораго было сильно задержано случайными причинами. Не всѣмъ обществамъ удастся пройти черезъ всѣ эти стадіи, и переходъ отъ одной къ другой не всегда совершается въ одинаковой послѣдовательности, но вѣхи по дорогѣ замѣчательно схожи, и общее направленіе совершенно ясно. Исторія завѣщаній и договоровъ въ римскомъ правѣ берется какъ примѣръ историческаго развитія права, которое можетъ считаться типичнымъ для другихъ народовъ и соотвѣтствуетъ нѣкоторымъ, постоянно повторяющимся потребностямъ. Широкое обобщеніе, по которому постепенное развитіе личныхъ отношеній идетъ отъ правъ состоянія къ правамъ договорнымъ, служитъ для освѣщенія развитія права вообще, а не только римскаго права. Въ книгѣ о *Первобытныхъ учрежденіяхъ* зачатки феодализма отыскиваются въ экономическихъ обычаяхъ, ничуть не приуроченныхъ къ одному германскому міру, а, напротивъ, лучше всего проявляющихся въ кельтскомъ правѣ. Темы, имѣвшія наибольшій интересъ для Мана и по отношенію къ которымъ его мысли оказались наиболѣе плодотворными, хотя онѣ и подверглись критикѣ и видоизмѣненію въ результатъ позднѣйшихъ изслѣдованій, — сравнительная исторія родства и земельной собственности. Въ этомъ отношеніи его взгляды настолько извѣстны и такъ часто приводятся, что мнѣ будетъ позволено ограничиться указаніемъ его руководящаго принципа, а именно, что развитіе права въ этой области должно идти не отъ понятія личности, личныхъ правъ и обязанностей, а отъ понятія о группѣ: сначала — родня, затѣмъ — сельская община, допускавшая права личности лишь постепенно и съ большими затрудненіями.

Я долженъ еще разъ повторить, что моя цѣль — не анализъ или критика отдѣльныхъ доктринъ, а опредѣленіе точекъ зрѣнія, и я

¹⁾ Ancient Law, 17, 19.

думаю, что, основываясь даже на нашемъ, весьма краткомъ, обзорѣ, мы въ правѣ вывести нѣсколько положеній, существенныхъ для ученія Мэна и вмѣстѣ съ тѣмъ важныхъ для пониманія сравнительнаго правовѣдѣнія въ его современномъ видѣ.

1. Изученіе права имѣеть цѣлью не только приготовленіе къ профессиональнымъ обязанностямъ, или обученіе искусству обращаться съ профессиональными задачами. Оно можетъ разсматриваться также какъ предметъ науки.

2. Два метода научнаго изслѣдованія приложимы къ изученію права: методъ дедуктивнаго анализа, основанный на отвлеченіи отъ существующихъ въ настоящее время правовыхъ понятій и предписаній, и методъ индуктивнаго обобщенія, основанный на историческихъ и этнографическихъ наблюденіяхъ.

3. Въ области индуктивнаго правовѣдѣнія право—не что иное, какъ одно изъ проявленій исторіи; исторія же понимается въ широкомъ смыслѣ изученія соціальной эволюціи человѣчества.

4. Поскольку каждая наука должна быть направлена къ открытію законовъ, то-есть общихъ началъ, управляющихъ отдѣльными случаями, историческій методъ въ правовѣдѣніи по необходимости является также методомъ сравнительнымъ.

Я перечисляю эти положенія не потому, что они новы, но потому, что я считаю ихъ вѣрными и готовъ подъ ними подписаться. Область, охваченная ими, широка, и они даютъ средства для ея обработки: ихъ проведенія хватить для многихъ поколѣній изслѣдователей. Что касается до меня лично, я бы охотно отвелъ еще больше мѣста аналитическому правовѣдѣнію, стремящемуся утвердиться рядомъ съ политической экономіей, но приходится ограничивать такъ или иначе свои занятія; до сихъ поръ работы мои относились къ области историческаго правовѣдѣнія, и въ этой области я и намѣренъ продолжать свой трудъ. Поле прекрасное и многообъщающее для всѣхъ, кто видитъ въ правѣ одно изъ наиболѣе характерныхъ, наиболѣе важныхъ и наиболѣе опредѣленныхъ выраженій общественной жизни.

Изучая этотъ предметъ въ наше время, мы должны быть болѣе внимательны въ анализѣ отдѣльныхъ случаевъ, болѣе разборчивы въ историческихъ изысканіяхъ, не такъ падки на обобщенія и не столь увѣрены, что мы быстро дойдемъ до конечныхъ результатовъ въ формѣ законовъ развитія. Словомъ, мы должны не только учиться у нашихъ предшественниковъ, но и избѣгать ихъ ошибокъ, чтобы приготовить дорогу для нашихъ преемниковъ. И я считаю себя счастливымъ, что призванъ составить звено въ преемственномъ развитіи этихъ занятій, начало которымъ, благодаря Мэну, положено

въ Оксфордѣ. Въ Англіи всегда понимали, что традиціи, въ сочетаніи съ опредѣленными цѣлями, составляютъ одну изъ самыхъ дѣйствительныхъ силъ цивилизаціи: онѣ превращаютъ усилія людей, столь ограниченныя въ индивидуальной жизни, въ великую коллективную силу. Во имя великаго преданія, которое слѣдуетъ поддерживать съ ревностью и почтеніемъ, я въ заключеніе прошу васъ допустить меня въ вашъ знаменитый университетъ въ качествѣ послѣдователя вашего великаго учителя и мыслителя.

Павель Виноградовъ.

Политическіе идеалы М. М. Сперанскаго.

I.

Странная судьба, которую испыталъ Сперанскій при жизни, какъ будто продолжаетъ тяготѣть и въ отношеніяхъ послѣдующихъ поколѣній къ великому наслѣдію его глубокаго ума. Современники интересовались Сперанскимъ, много о немъ говорили и писали, но все это — вѣсти, слухи, обрывки субъективныхъ впечатлѣній: никто изъ современниковъ великаго государственнаго мужа не оставилъ намъ яркаго его облика. И современная намъ историко-юридическая наука часто говоритъ о Сперанскомъ, часто вращается въ кругѣ вопросовъ, имъ выдвинутыхъ или разрѣшенныхъ; но ни личность Сперанскаго, ни его политическіе идеалы не изучены какъ слѣдуетъ и не оценены по достоинству. Сперанскій еще ждетъ своего біографа, а его государственные взгляды еще ждутъ разъясненія. Быть можетъ, самое величіе этой личности, сложность имъ сдѣланнаго, развитаго теоретически, но не приложеннаго къ жизни останавливаютъ изслѣдователя.

Михаилъ Михайловичъ Сперанскій въ своей государственной дѣятельности имѣлъ, помимо личныхъ достоинствъ, одно важное преимущество предъ современниками. Дѣтство, юношество и сама служебная карьера его сложились совсѣмъ необычнымъ образомъ, для государственныхъ людей того времени: онъ имѣлъ полную возможность изучить русскую дѣйствительность, матеріальную и духовную обстановку разныхъ классовъ народа — отъ хижины до престола. И онъ умѣлъ наблюдать жизнь. На высотѣ своего положенія Сперанскій не чуждался общенія съ простолудиною. Во время ссылки, въ Нижнемъ и въ Перми, Сперанскаго можно было встрѣтить среди народной уличной толпы, въ кабацѣ. Изученіе жизни снизу доверху сдѣлало изъ Сперанскаго убѣжденнаго сторонника «истинной» монархіи и такихъ формъ управленія, которыя сдѣлали бы личность гражданина свободной. Въ противопо-

ложность современникамъ, онъ былъ глубоко *уверенъ* въ способности русскаго общества къ зрѣлой политической жизни. Такое убѣжденіе онъ, конечно, вынесъ изъ изученія дѣйствительности. Но та же дѣйствительность научила его, что для того, чтобы, по его словамъ, «пробить толщю», надо сначала *получить* безопасность и право *думать* надъ государственнымъ устройствомъ. Въ противномъ случаѣ всякіе законы будутъ только паллятивомъ. Вотъ почему Сперанскій явился убѣжденнымъ проводникомъ законности и права въ государственнымъ устройствѣ; вотъ почему онъ такъ горячо проводилъ мысль о «коренныхъ» законахъ, которымъ всѣ сверху до низу должны подчиняться. Что политическіе идеалы Сперанскаго не явились плодомъ случайнаго чтенія иностранныхъ авторовъ или служебной его карьеры, что онъ еще въ юности размышлялъ о вопросахъ государственныхъ, доказываетъ, между прочимъ, проповѣдь, произнесенная имъ 8 октября 1791 г., т. е. еще на девятнадцатомъ году своей жизни, въ Александроневской лаврѣ: видно уже тогда Сперанскій интересовался капитальнѣйшими вопросами государственной жизни, именно отношеніями между представителями власти и населеніемъ.

Надо, впрочемъ, сдѣлать оговорку, что мечты объ «истинномъ» управленіи, законности съ конца прошлаго столѣтія занимали русское общество и представителей власти; только не всѣ одинаково его понимали. Императоръ Павелъ въ своей государственной дѣятельности явился горячимъ поборникомъ «законности», но она отлилась въ его представленіи въ форму безропотнаго подчиненія полицейскимъ порядкамъ. Не менѣе горячимъ поклонникомъ законности былъ императоръ Александръ I, хотя понятіе гражданской свободы въ его міровоззрѣніи приняло слишкомъ туманныя очертанія и къ концу жизни онъ сдѣлался сторонникомъ «порядка» въ управленіи, не допускавшаго однако общественной самодѣятельности. Большинство русскихъ людей не столько теоретически, какъ инстинктивно понимали значеніе законности.

Отъ всѣхъ своихъ современниковъ Сперанскій отличался стройностью и ясностью государственныхъ идеаловъ: вводя законность и право въ сферу государственнаго управленія, онъ давалъ себѣ отчетливый отвѣтъ, что такое законъ, право, почему введеніе его въ государственный механизмъ необходимо, какое вліяніе онъ произведетъ на управляемыхъ и насколько послѣдніе подготовлены къ новымъ правовымъ порядкамъ. Можно спорить о томъ, насколько вѣрны были и приложимы къ жизни его идеалы, можетъ быть даже, насколько вѣрны были его наблюденія, но нельзя отрицать стройности, послѣдовательности и искренности политическихъ убѣжденій Сперанскаго.

Современники не понимали его. Современникамъ его проекты казались плодомъ французофильства, англоманства. Отголосокъ этихъ воззрѣній можно встрѣтить и въ литературѣ нашего времени. Правда, какъ человекъ широко образованный, Сперанскій въ своихъ проектахъ не чуждался формъ иностраннаго законодательства, особенно французскаго. Однако его проекты и теоретическое ихъ развитіе носятъ на себѣ печать изученія русской дѣйствительности. Не даромъ императоръ Александръ I въ одномъ разговорѣ указывалъ на то, что Сперанскій испортилъ проекты, потому что все «обрусилъ».

Дѣйствительно, въ запискахъ Сперанскаго, даже время составленія проектовъ, сказывается не только пониманіе настоящаго положенія вещей, но и знаніе историческаго прошлаго. Если бы свое пониманіе русской исторіи онъ изложилъ въ формѣ ученыхъ изслѣдованій, то его работы, безъ сомнѣнія, составили бы эпоху въ русской наукѣ.

Вообще Сперанскій былъ способенъ къ серьезному изученію предметовъ. Его переписка свидѣтельствуетъ о весьма разностороннихъ и глубокихъ интересахъ. Онъ продолжалъ учиться нѣмецкому и французскому языку даже въ Сибири. Кромѣ переписки и проектовъ, о научномъ направленіи занятій Сперанскаго свидѣлствуютъ замѣтки, проспекты и отрывки его статей, помѣщенныхъ въ сборникъ «Въ память М. М. Сперанскаго» (изданъ Императорскою Публичною Библіотекой). Изученіе математики, философіи и общественно-юридическихъ наукъ оставило слѣды въ этихъ замѣткахъ. Изъ нихъ видно, что Сперанскій любилъ обращаться къ Ньютону, Лейбницу, Фихте, Шеллингу и Канту, писалъ статьи этического направленія («Воля», «Нравственность», «Нравъ» и др.), переходилъ къ русской исторіи и писалъ о Русской правдѣ и пр.; среди набросковъ мы даже встрѣчаемъ планъ романа.

Очевидно, знаніе настоящаго и пониманіе прошлаго вселило въ Сперанскаго глубокую увѣренность въ жизнеспособность русскаго общества. Эта вѣра не покидала его въ теченіе всей жизни. Послѣ ссылки онъ съ жаромъ отдается составленію полнаго собранія законовъ и свода и такимъ образомъ продолжаетъ работать,—только нѣсколько инымъ образомъ,—надъ водвореніемъ въ государствѣ той же законности, о которой онъ мечталъ на зарѣ своей дѣятельности. Такимъ образомъ опала и градъ оскорбленій со стороны современниковъ не измѣнили основнаго направленія дѣятельности Сперанскаго, заставивъ лишь примѣниться къ обстоятельствамъ.

Въ этомъ отношеніи Сперанскій выгодно отличается отъ нѣкоторыхъ своихъ либеральныхъ современниковъ, напримѣръ, Строганова, Новосильцева, Кочубея.

Въ дѣятельности Сперанскаго есть двѣ стороны: онъ провелъ въ жизнь немногія изъ своихъ начинаній, но зато онъ о многомъ думалъ и очень многое хотѣлъ сдѣлать. Въ виду этого его записки и проекты имѣютъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ чисто историческій интересъ. Ихъ поэтому необходимо изучать съ теоретической точки зрѣнія, какъ взгляды политическаго мыслителя. Мы постараемся подойти къ его проектамъ именно съ этой точки зрѣнія и извлечемъ изъ его разновременныхъ записокъ общія основы политическихъ идей Сперанскаго.

Мы постараемся изложить его взгляды, какъ политическаго мыслителя.

Историческіе вопросы о томъ, насколько эти взгляды были приложимы къ жизни, или о томъ, какое значеніе они имѣли въ современномъ Сперанскому и послѣдующемъ законодательствѣ, не будутъ интересовать насъ съ точки зрѣнія поставленной нами задачи.

Хотя записки Сперанскаго были написаны въ разное время, хотя въ нихъ, примѣняясь къ обстоятельствамъ, онъ высказывался то съ большею, то съ меньшею опредѣленностью, однако не трудно подмѣтить общую схему его воззрѣній. Она укладывается въ слѣдующія рубрики. Для того, чтобы доказать необходимость установленія «истинной» монархіи, Сперанскій критикуетъ современные ему недостатки государственнаго строя. Отъ критики онъ переходитъ къ положительной сторонѣ дѣла и излагаетъ свои теоретическія воззрѣнія на государственную строй. Затѣмъ слѣдуетъ поставить изложеніе самой схемы государственнаго управления и законодательства. Къ послѣднему тѣсно примыкаютъ воззрѣнія Сперанскаго на сословныя отношенія.

II.

Сперанскій былъ глубокимъ знаткомъ современнаго ему государственнаго строя. Онъ прекрасно понималъ историческія явленія XVIII вѣка, отчего его критика имѣетъ капитальное значеніе.

Для того, чтобы подтвердить свои идеи о необходимости введенія въ Россіи «истинной» монархіи, основанной на незыблемыхъ законахъ, гармонически проведенныхъ по всѣмъ отраслямъ управленія, Сперанскій не разъ обращается съ вѣрною и ѣдкою, — насколько позволяла форма официальной записки, представляемой самодержцу, — критикой какъ самаго положенія верховной власти, такъ и тѣхъ учреждений и пріемовъ, въ которыхъ она себя проявляетъ. Власть самодержавная безъ «истинной» монархіи не доста-

точна и проявляется часто ко вреду самой власти и управления. Эту свою мысль Сперанскій старается доказать теоретически и исторически. «Верхное начало въ Россіи, — говоритъ онъ, — государь самодержавный, соединяющій въ особѣ своей власть законодательную, исполнительную и располагающій неограниченно всѣми силами государства»; это «начало никакихъ вещественныхъ предѣловъ не имѣетъ». Единственный предѣлъ ея — «умственные границы», такъ что власть проводится въ дѣйствіе единообразнымъ порядкомъ.

Но такое положеніе власти тягостно въ извѣстной мѣрѣ ей самой.

Какъ ни проста эта верховная власть, но составъ ея «многосложенъ». Всѣ власти, т.-е. законодательная, исполнительная и судебная, — соединены въ одномъ лицѣ. Поэтому власть завалена множествомъ работы, которую выполнить нѣтъ силъ. «По разнообразію ихъ, пространству и многосложности ихъ предметовъ нельзя предполагать, что лицо державное, само собою и непосредственно на нихъ дѣйствуя, могло сохранить съ точностью ихъ предѣлы и во всѣхъ случаяхъ сообразить всѣ различныя ихъ отношенія».

Многосложность и разнообразіе занятій монарха дѣлаютъ то, что *ничто* не можетъ произойти безъ его указа. Отсюда проволочка въ дѣлахъ. Это замѣтно особенно на судѣ: «Инстанцій у насъ семь, — говоритъ одна изъ записокъ, — а рѣшить можетъ одна самодержавная власть. Если какое-нибудь дѣло воспріяло свое окончаніе, не пройдя всѣхъ инстанцій и безъ высочайшаго рѣшительнаго указа, то сіе могло случиться только или по кончинѣ тяжущихся, или по нерадѣнію ихъ, или потому, что имъ наскучило тягаться». Да и для самой власти не всегда выгодно обладать столь обширными полномочіями. Напримѣръ, въ дѣлѣ собранія налоговъ власть попадаетъ въ весьма щекотливое положеніе: «Есть мѣры, кои одно лицо, даже и всемогущее, не можетъ или не должно принимать на свою отвѣтственность. Таковы суть подати и налоги. Несвойственно и неприлично вѣрховной власти представляться въ видѣ непрерывной нужды и умножать народныя тягости. Пусть разсчитываютъ ихъ министры, присуждаетъ совѣтъ, а государь долженъ только прилагать къ нимъ печать своего необходимаго утвержденія». При этомъ всѣ учрежденія имѣютъ только совѣщательный характеръ. «Существо законодательныхъ нашихъ установленій состоитъ единственно въ совѣщательномъ соображеніи, т.-е. въ томъ: 1) чтобы признать и удостовѣрить необходимость новаго закона; 2) чтобы составить проектъ закона и представить его на усмотрѣніе единой истинной власти, законодательной власти государя».

Столь широкія полномочія верховной власти невыгодно отражаются на всемъ механизмѣ государственнаго управленія. Ни государственный совѣтъ, ни сенатъ, ни министерства не имѣютъ положительныхъ законовъ. Компетенція этихъ учреждений отличается спутанностью, и всѣ они по существу занимаются и законодательствомъ, и судомъ, и административными дѣлами.

Мѣсть, издающихъ законы, много, но въ частности изданіе ихъ не предоставлено ни одному учрежденію. «Важнѣйшая часть государственнаго управленія — соображеніе законовъ, уставовъ и учреждений — не имѣетъ у насъ никакого постояннаго положенія и нѣтъ мѣста, гдѣ бы дѣла государственныя постоянно и единообразно были уважаемы»

Въ дѣлѣ управленія *нѣтъ единства* и каждое дѣло можетъ поступать въ совѣтъ, сенатъ или комитетъ министровъ,

И каждое изъ этихъ учреждений — безгласно. Въ самомъ дѣлѣ, непремѣнный совѣтъ — мѣсто «произвольное», въ которое вмѣсто законовъ поступаютъ текущія дѣла. Въ сенатѣ одинъ голосъ можетъ остановить рѣшеніе и перенести дѣло на усмотрѣніе государя. Да и вообще сенатъ ничего не можетъ постановить безъ государева указа. Министры въ видѣ Высочайшихъ повелѣній издаютъ законы.

Однимъ словомъ, въ государствѣ нѣтъ *политическаго органа*, потому что ни одно учрежденіе не имѣетъ правъ. Отсюда вытекаютъ существенныя неудобства для государственнаго управленія: при множествѣ законовъ нѣтъ закона постояннаго; «отсюда происходитъ то всеобщее убѣжденіе, самимъ опытомъ оправданное, что нѣтъ въ Россіи закона постояннаго и что можно перемѣнить все по личнымъ случаямъ и удобствамъ». Поэтому всѣ законы, учреждения и мѣры правительства имѣютъ видъ произвола и личнаго довѣрія, измѣняющагося по случаямъ и обстоятельствамъ. При такихъ условіяхъ учреждения и законы не обладаютъ достаточнымъ достоинствомъ и уваженіемъ со стороны общества: черезъ какія-нибудь 20 лѣтъ любой законъ подвергается измѣненію.

Такой порядокъ вещей не могъ приготовить общество и администрацію къ сознательному исполненію законовъ. Сами законы — не такъ плохи, какъ ихъ исполнители. Судьѣ трудно быть честнымъ тамъ, гдѣ нѣтъ «общаго мнѣнія, гдѣ нѣтъ публичности самага суда. Сами судьи не учатся, но «творятся» волею монарха» и т. д.

Столь печальное положеніе государства требуетъ измѣненія, но не частичнаго, а общаго. Какъ бы хорошо ни была исправлена законодательнымъ путемъ любая отрасль управленія, она, безъ связи съ общей реформой не произведетъ должнаго дѣйствія:

все будетъ основываться на личныхъ качествахъ исполнителей, но не на общемъ положительномъ законѣ. Прежде всего всѣ должны получить полную увѣренность въ непреложности положительныхъ законовъ страны: «Всѣ жалуются,—говоритъ одна записка Сперанскаго,—на запутанность и смѣшеніе гражданскихъ нашихъ законовъ. Но какимъ образомъ можно исправить и установить ихъ безъ твердыхъ законовъ государственныхъ? Къ чему законы, распредѣляющіе собственность между частными людьми, когда собственность сія ни въ какомъ предположеніи не имѣетъ твердаго основанія? Къ чему гражданскіе законы, когда скривали ихъ каждый день могутъ быть разбиты». Жалуются на запутанность финансовъ. Но какъ устроить финансы тамъ, гдѣ нѣтъ общаго довѣрія, гдѣ нѣтъ публичнаго установленія, порядокъ ихъ охраняющаго. Жалуются на медленность успѣховъ просвѣщенія и разныхъ частей промышленности. Но гдѣ начало, ихъ животворящее. Къ чему послужитъ народу просвѣщеніе? Къ тому только, чтобы яснѣе обозрѣлъ онъ всю горечь своего положенія.

Такимъ образомъ, Сперанскій постепенно подходитъ въ своихъ доказательствахъ къ необходимости введенія въ Россіи формъ «истинной» монархіи. Главнымъ базисомъ для него служатъ современное положеніе вещей и сопряженная съ нимъ необезпеченность правъ личности.

Прежде всего государственная и общественная жизнь, по мнѣнію Сперанскаго, достаточно *созрѣла* для воспріятія новыхъ формъ правленія. Для этой цѣли Сперанскій приводитъ рядъ историческихъ соображеній изъ всеобщей и русской исторіи.

Нельзя не замѣтить, что представляя видную роль общественной самостоятельности, Сперанскій какъ будто забывалъ, говоря о «народномъ мнѣніи», о массѣ крестьянства, находившагося въ тяжеломъ рабствѣ. Онъ не могъ также не знать, что и мелкое полуграмотное дворянство, разбросанное на громадномъ пространствѣ имперіи, далеко еще отъ сознательной общественной жизни. Идеализаціи общества, вѣра въ возможность быстрого и прочнаго установленія новыхъ порядковъ не разъ подавали поводъ къ обвиненію Сперанскаго въ излишнемъ схематизмѣ, въ тщетной вѣрѣ въ силу предписаній, указовъ. Не отрицая извѣстной идеализаціи общества въ запискахъ Сперанскаго, не слѣдуетъ однако упрекать автора ихъ въ излишней вѣрѣ въ силу предписаній. Онъ не разъ съ ироніей говоритъ о томъ, что большое число законовъ не дѣлаетъ лучшими ни управителей, ни управляемыхъ: предписанія останутся мертвыми, если отсутствуетъ свободная воля для ихъ исполненія. Если же онъ самъ радушно смотрѣлъ на послѣдствія измѣненій въ

общественномъ строѣ отъ введенія проектируемыхъ имъ мѣръ, то въ этомъ сказывалась не вѣра въ букву приказа, но нѣчто иное. Какъ видно изъ предшествующаго изложенія, Сперанскій искренне вѣрилъ, что гражданская свобода способна быстро воскресить лучшія стороны человѣческой природы, пробудить въ немъ сознаніе собственнаго достоинства и дать толчокъ къ общественной самодѣятельности. Итакъ, тутъ сказывается вѣра не въ букву закона, а въ лучшія способности человѣческаго духа. Вѣрны или нѣтъ эти наблюденія Сперанскаго, мы не будемъ здѣсь этого касаться: для насъ важно лишь отмѣтить вліяніе этой стороны воззрѣній Сперанскаго на его проектъ.

Итакъ, мы разсмотрѣли вопросы о томъ, какъ объяснялъ себѣ Сперанскій необходимость установленія новыхъ формъ правленія. Въ общемъ онъ исходилъ изъ наблюденій надъ отрицательными сторонами дѣйствительности и вѣры въ положительное свойство человѣческой личности. Посмотримъ теперь, какъ теоретически представлялъ себѣ Сперанскій новый государственный строй.

III.

Предшествующее изложеніе уже выяснило ту логическую постройку, которою Сперанскій хочетъ доказать необходимость реформъ въ государственномъ строѣ. Онъ сочною кистью рисуетъ недостатки современнаго управленія. Власть всеобъемлюща, но ея безпредѣльность ей самой тягостна: она расплывается въ лицахъ, но не въ прочно установленныхъ формахъ, личное довѣріе не всегда оправдывается исполнительными органами, при такихъ условіяхъ контроль превращается въ фикцію. Матеріаль, для котораго нужно обновить государственный строй, т.-е. русское общество, достаточно къ тому подготовленъ. Сперанскій — не шаблонный составитель проектовъ въ духѣ времени, какихъ и тогда было не мало. Онъ глубокій политическій мыслитель, не только практикъ, но и теоретикъ. Въ его взглядахъ видно широкое знакомство съ философіей, теоріей и практикой права западно-европейскихъ государствъ. Но это знакомство съ наукой, необходимое для всякаго мыслителя, не дѣлаетъ изъ Сперанскаго подражателя. Его теоретическія построенія представляютъ собою стройное цѣлое: изъ нихъ логически вытекаетъ предлагаемое Сперанскимъ для приведенія Россіи въ лучшее состояніе.

Политическое ученіе Сперанскаго обстоятельно развиваетъ слѣдующіе три вопроса: ученіе о власти, ученіе о правахъ подданныхъ и ученіе о законѣ. Сообразно условіямъ, при которыхъ со-

ставлялись записки и цѣли ихъ, Сперанскій съ неодинаковой подробностью трактуеть объ этихъ вопросахъ: выдвигая ученіе о раздѣленіи властей и о законѣ, онъ сравнительно меньше останавливается на ученіи о существѣ власти и правахъ подданныхъ и, кажется, по весьма понятнымъ причинамъ: не задерживая своего высокаго официальнаго читателя на щекотливыхъ вопросахъ, Сперанскій строить свои проекты однако такимъ образомъ, что и развиваемое имъ ученіе о законѣ и раздѣленіи властей должно вести мысль къ предпочтенію истинной монархіи инымъ формамъ правленія.

Развиваемое Сперанскимъ ученіе о существѣ власти покоится на двухъ посылкахъ. Первая заключается въ признаніи того, что государственный союзъ, на основаніи естественнаго права, въ самомъ себѣ носить источникъ власти, вторая основывается на признаніи раздѣленія властей. Въ обоихъ случаяхъ мы, слѣдовательно, встрѣчаемся съ общепризнанными теоріями того времени.

Общество существовало раньше появленія державной власти: сліяніе воли отдѣльныхъ индивидуумовъ составляетъ сущность державной власти. Въ естественномъ состояніи каждый индивидуумъ имѣлъ свою волю, свой законъ и свое исполненіе. Эти три начала, присущія каждому индивидууму, породили три «силы», которыя движуть и управляютъ государствомъ, которыя составляютъ державную власть, т.-е. «силу» законодательную, исполнительную и судебную. Соединеніе этихъ трехъ силъ рождаетъ верховную власть, раздѣленіе же ихъ создаетъ права подданныхъ.

Теоретическія разсужденія Сперанскаго обоснованы на весьма распространенныхъ теоріяхъ, господствовавшихъ въ эпоху революцій. Мы не будемъ на нихъ останавливаться, но, замѣтимъ, интересъ этотъ усиливается, когда, слѣдя за разсужденіями Сперанскаго, мы подходимъ къ тому, какъ онъ прилагаетъ свои общіе теоретическіе взгляды къ русской дѣйствительности. Общіе взгляды Сперанскаго разъясняютъ намъ, въ какой мѣрѣ справедливы нападки на него и современниковъ, и историковъ. Его называли и называютъ законникомъ, теоретикомъ. Онъ стремился къ установленію законности, потому что жизнь представляла беззаконіе. Но въ его умѣ всегда носился обликъ закона органическаго, основнаго, которому всѣ одинаково подчинены. Изъ предыдущаго ясно, какую роль и какое значеніе такіе законы должны играть въ странѣ. Въ этомъ отношеніи любопытна записка Сперанскаго «О силѣ правительства» (читана государю въ 1811 г.), гдѣ самостоятельно и примѣнительно къ Россіи развивается мысль о тѣхъ «силахъ», на которыхъ держится правительство. «Истинная сила правительства

состоить: 1) въ законѣ, 2) въ образѣ правленія, 3) въ воспитаніи; 4) въ военной силѣ, 5) въ финансахъ». Законы, по его мнѣнію, являются «первымъ источникомъ силы правительства». Законы должны были такъ устроены, чтобы оставить правительству довольно власти, чтобы дѣйствовать всегда во благо. Но такую силу можетъ дать правительству только «правильное законодательство». Это положеніе Сперанскій иллюстрируетъ сравненіемъ Англіи съ Турціей, находя правительственную власть первой весьма сильною и второй—весьма слабою. По вопросу о второй силѣ правительства, т.-е. объ образѣ правленія, Сперанскій полагаетъ, что «образъ правленія даетъ правительству истинную силу: 1) правильнымъ раздѣленіемъ дѣлъ, 2) единствомъ управленія, 3) выборомъ управителей». Прилагая эти требованія къ Россіи, авторъ записки находитъ, что «легко можно удостовѣриться, что и въ семь отношеніи сила правительства у насъ всегда слаба. Мало есть государствъ, гдѣ бы управленіе, собственно такъ называемая администрація, менѣе было устроено».

Легко предвидѣть, что нашъ авторъ недоволенъ и постановкой воспитанія: оно должно носить «общественный характеръ, т.-е. подготавливаетъ людей къ государственной дѣятельности. Между тѣмъ, «всѣмъ извѣстно, что въ Россіи нѣтъ почти общественнаго воспитанія, ибо нѣтъ ни цѣлости въ планѣ, ни единообразія въ исполненіи. Великія издержки, сдѣланныя на сію часть правительствомъ, есть совершенная потеря времени и денегъ». Остальныя двѣ силы—финансы слабы вслѣдствіе принятія неудовлетворительныхъ системъ, войско же «имѣетъ въ весьма нарочитой степени совершенства».

Итакъ, опредѣляя условія правительственной дѣятельности, Сперанскій неоднократно ставилъ вопросъ о коренныхъ законахъ страны.

Сперанскій съ особеннымъ вниманіемъ относился къ вопросу о содержаніи, назначеніи и раздѣленіи законовъ. Въ этомъ отношеніи онъ далъ столь точныя опредѣленія, которыя дѣлаютъ честь его уму.

Основной законъ это тотъ, который вытекаетъ изъ существа силъ государственныхъ. Для троякаго раздѣленія властей «потребны установленія, кои бы приводили ихъ въ дѣйствительное упражненіе». Отсюда возникаютъ законы органическіе, которые составляютъ тотъ цементъ, которымъ связываются, поддерживаются и уравниваются власти въ государствѣ. Общее назначеніе закона состоитъ въ обезпеченіи пользы и безопасности людей; законъ опредѣляетъ отношенія частныхъ лицъ къ государству (законъ государственный) и отношенія между частными лицами. Государственные законы бываютъ двоякаго рода: преходящіе и неизмѣнные, коренные. Въ государственной жизни существуетъ рядъ вопросовъ, ко-

торые по существу своему являются переходящими, таковы, напр., вопросы войны и мира, государственной экономіи и пр. Но польза и безопасность людей требуютъ, чтобы государство выработало коренные законы; они должны опредѣлить «образъ, коимъ силы государственныя сопрягаются и дѣйствуютъ въ ихъ соединеніи». Такіе законы должны опредѣлить положеніе державной власти, сущность закона и, наконецъ, извѣстные органическіе законы. Подъ именемъ послѣднихъ Сперанскій понимаетъ опредѣленіе формъ законодательства, суда, управленія и, наконецъ, устройства «сословія, въ коемъ всѣ сіи распорядки должны соединиться и чрезъ которое власть державная будетъ на нихъ дѣйствовать и принимать ихъ дѣйствіе». Таково опредѣленіе тѣхъ коренныхъ законовъ, которыми должна регулироваться государственная жизнь. Они доминируютъ во всемъ государственномъ строѣ. Это довольно отвлеченное представленіе о коренномъ законѣ, развитое Сперанскимъ въ проектѣ 1809 г. обосновывается въ запискѣ 1803 г. болѣе простыми и практическими соображеніями. Настаивая на неизблемости коренныхъ законовъ, Сперанскій съ особеннымъ вниманіемъ перечисляетъ тѣ изъ нихъ, которые касаются правъ политическихъ; но мы уже знаемъ, что онъ такую же устойчивость придаетъ и законамъ гражданскимъ и судебнымъ. Такого свойства законы, по ученію Сперанскаго, не стѣсняють однако быстроты въ дѣятельности государственной машины. Это потому, что подъ именемъ закона онъ разумѣетъ одни лишь наиболѣе важныя основныя нормы права, опредѣляющія дѣятельность исполнительныхъ органовъ. Всѣ же постановленія, имѣющія временный характеръ, издаются самою исполнительною властью, но подъ контролемъ законодательнымъ. Такимъ образомъ Сперанскій избавлялъ законодательную власть отъ излишней регламентаціи дѣятельности исполнительныхъ органовъ, предоставляя имъ широкую инициативу, но въ то же время онъ пытается точно установить разницу между закономъ и административнымъ распоряженіемъ. Заслуга Сперанскаго въ этомъ отношеніи по достоинству опѣнена юридическою наукою, которая и въ настоящее время часто пользуется его опредѣленіями.

Административная власть, по мнѣнію Сперанскаго, есть только «исполненіе закона», поэтому она имѣетъ дѣло съ фактами, подлежащими непрерывнымъ измѣненіямъ. Законъ долженъ установить общія нормы, въ которыхъ дѣйствуетъ административная власть. Поэтому, говоритъ онъ, «законъ имѣетъ предметомъ отношенія постоянныя и непремѣняемыя». Сперанскій принимаетъ раздѣленія закона на три группы: законъ государственный, законъ гражданскій и законъ уголовный (послѣдніе два вида онъ называетъ уложеніемъ

въ отличіе отъ перваго); изданіе законовъ принадлежитъ высшей въ государствѣ власти.» Какимъ бы образомъ ни была въ государствѣ составлена власть законодательная, никто, кромѣ ея, не можетъ постановлять законовъ». Это замѣчаніе Сперанскаго представляетъ базисъ, на которомъ основаны его взгляды на внутренній распорядокъ въ государственномъ строѣ. Онъ предвидитъ большую опасность, если исполнительная власть во всемъ будетъ испрашивать разрѣшенія законодательной: въ отправленіи государственныхъ дѣлъ при такихъ условіяхъ не можетъ быть порядка. Но, съ другой стороны, не меньшая опасность грозитъ порядку, если власть исполнительная будетъ дѣйствовать «безъ соображенія съ закономъ государственнымъ». Разумѣется, законодательная власть должна контролировать исполнительную и должна опираться на «добрыхъ исполнителей». Словомъ, разсуждаетъ онъ далѣе, «изящность закона есть всегда относительна къ способамъ исполненія и имъ соразмѣрна».

Такъ разсуждаетъ Сперанскій въ проектѣ 1803 г.

Основные мысли этого разсужденія встрѣчаемъ и во всѣхъ послѣдующихъ запискахъ. Въ проектѣ 1809 г. онъ ставитъ такую дилемму: «Если понятіе закона распространить на всѣ постановленія безъ изъятія, тогда все содѣлается предметомъ законодательнаго сословія, дѣла придутъ въ совершенное смѣшеніе и единство исполненія исчезнетъ». Съ другой стороны, понятіе закона не должно парализовать дѣятельность исполнительной власти. Поэтому нужно найти истинную средину, на основаніи которой законъ будетъ отличаться отъ исполненія. Такую средину Сперанскій полагаетъ найти «въ простомъ началѣ»: «не дѣлай другому того, чего не желаешь себѣ». Вытекающія изъ этого правила послѣдствія для политической и гражданской свободы онъ дѣлитъ опять-таки на двѣ группы: къ 1-й онъ относитъ общія нормы; ко 2-й—такія, которыя должны быть регламентированы исполнительной властью. Даже и въ послѣдующее время когда прошелъ для Сперанскаго періодъ блестящихъ мечтаній, онъ стремился, по крайней мѣрѣ, къ тому, чтобы отдѣлить въ государственномъ правѣ понятіе закона отъ административнаго распоряженія, понимая сколь невыгодно для государства такое сплетеніе понятій. Въ 1810 г., когда Сперанскій уже начиналъ предвидѣть, что общій проектъ его преобразованій оттягивается введеніемъ въ жизнь, онъ подалъ императору Александру I записку о необходимости учрежденія государственнаго совѣта, т.-е. только одного изъ звеньевъ предположенныхъ преобразованій.

Въ этой запискѣ онъ настаивалъ на немедленномъ учрежденіи

совѣта: въ государствѣ нѣтъ учрежденія «для соображенія и составленія законовъ»; сенатъ не можетъ быть таковымъ; существующій совѣтъ тоже не удовлетворяетъ такому высокому назначенію, потому что онъ— «мѣсто произвольное, коего дѣйствія безгласныя, неопредѣлительны»; до сихъ поръ изданіе закона являлось «предметомъ личнаго довѣрія, и переходя по случаямъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, никогда не имѣли ни единства, ни надлежащаго уваженія». Въ сильномъ и обширномъ государствѣ, доказываетъ онъ далѣе, управленіе не можетъ отличатся стройностью, если каждая отдѣльная часть его движется по своему направленію, не исходя изъ объединяющаго центра. Отсюда выходитъ то, что законы у насъ имѣютъ «видъ произвола и личнаго довѣрія»; на всякомъ шагѣ встрѣчается «великая несвязность» въ законахъ. Законъ не можетъ имѣть свойственныхъ ему достоинства и важности потому, что онъ издается втайнѣ «безъ всякаго публичнаго и единообразнаго ихъ уваженія»; часто по почину отдѣльныхъ лицъ, «дѣйствующихъ втайнѣ, пользуясь личнымъ довѣріемъ». Законы часто вводятся и отменяются, отличаются такою неустойчивостью, что къ нимъ потеряно всякое уваженіе.

Такими соображеніями Сперанскій старался побудить колеблющагося императора къ учрежденію государственнаго совѣта.

И по возвращеніи изъ ссылки, наученный опытомъ, Сперанскій все-таки не переставалъ настаивать на единообразіи въ изданіи законовъ и необходимости точнаго исполненія законовъ. «Власть самодержавнаго государя, — говоритъ онъ въ запискѣ (1827 г.) «О системѣ гражданскаго управленія», — должна быть сокрыта подъ эгиду законовъ; верховная власть своимъ вмѣшательствомъ въ частныя дѣла не должна выводить дѣла изъ законнаго ихъ теченія».

Въ особенности должно ограничить поступленіе частныхъ прошеній на имя государя: «хотя государь, по свойству предоставленной ему Богомъ власти, есть лицо самое безпристрастное, но дабы рѣшить по истинѣ тяжбу или дѣло, нужно вполнѣ прочесть всѣ оныхъ акты и производства: въ силахъ ли монархъ, удрученный государственными трудами и безчисленными заботами, все сіе исполнить?» Вообще государь, сдѣлавшись хранителемъ закона, отказавшись отъ вмѣшательства въ частныя дѣла, когда они могутъ быть рѣшены на точномъ основаніи закона, заслужить глубокую признательность своихъ подданныхъ. «Подданные станутъ его благословлять, когда увидятъ, что онъ есть первый хранитель государственныхъ уставовъ и что въ частныхъ тяжбахъ воля его не дѣйствуетъ. Правило сіе полезнѣе всѣхъ для самого государя. Оно, избавляя лицо его отъ безчисленныхъ жалобъ и неудовольствій

частныхъ людей, доставить ему множество свободныхъ часовъ заниматься предметами, собственно до государства касающимися».

Таковы были представленія Сперанскаго о законѣ; въ извѣстной мѣрѣ они повліяли на нашъ Сводъ Законовъ и нѣкоторое время воодушевляли бывшій кодификаціонный отдѣлъ. Сперанскій оставилъ прекрасныя начала, но не въ его силахъ оказалось закрѣпить ихъ въ русскомъ государственномъ правѣ.

Таковы тѣ элементы, на которыхъ, по мнѣнію Сперанскаго, зиждется «истинная» монархія. Верховная власть состоитъ изъ трехъ государственныхъ «силъ», т.-е. законодательной, административной и судебной: для охраны правъ устанавливаются «коренные» законы. Отсюда также понятно, что форма правленія, не объединяющая въ себѣ указанныхъ условій, должна быть признана неудовлетворительною. Сперанскій часто, для выясненія своей основной мысли, обращается къ вопросу о преимуществѣ той или иной системы правленія. Такъ, развивая мысль о томъ, что въ Россіи должно учредить правленіе «на непримѣняемомъ законѣ», Сперанскій замѣчаетъ: «нельзя основать правленія на законѣ, если одна державная власть будетъ и составлять законъ и исполнять его».

Опредѣляя отрицательныя черты, не совмѣстимыя съ истинною монархіей, Сперанскій подходитъ къ теоретическому опредѣленію того, что по его мнѣнію должно представлять правленіе «монархическое». Такъ, оно не можетъ быть основано въ странѣ, гдѣ половина населенія находится въ совершенномъ рабствѣ; оно должно покоиться на государственномъ законѣ: въ немъ должна быть отдѣлена власть законодательная отъ исполнительнои. Но законодательная власть должна быть представлена въ лицѣ независимаго законодательнаго «сословія» и притомъ опирающагося на свободное общественное мнѣніе. Независимое сословіе не можетъ однако привиться къ странѣ, гдѣ существуетъ рабство и нѣтъ просвѣщенія.

Излагая общія теоретическія основы истинной монархіи, Сперанскій прекрасно понимаетъ, что одно начертаніе законовъ, какъ бы они хороши ни были, не дѣлаетъ еще правленія вполне устойчивымъ. Необходимо еще развить въ странѣ устой, на которыхъ должна покоиться вся организація государства. Не достаточно, чтобы общество получило законы; необходимо, чтобы оно могло контролировать движенія государственнаго организма. Даже существованія законодательнаго сословія еще недостаточно. Истиннымъ охранителемъ государственныхъ законовъ является общественное мнѣніе.

Таковы общіе контуры истинной монархіи. Выяснены были общія основы правъ подданныхъ и того органическаго закона, который охраняетъ эти права, и, наконецъ, способы ихъ охраненія. Но не-

выясненными еще остаются размѣры участія отдѣльныхъ слоевъ населенія, т.-е. социальныя воззрѣнія Сперанскаго. Этотъ вопросъ стоитъ въ неразрывной связи съ общимъ строемъ его ученія.

Законъ, по ученію Сперанскаго, охраняетъ политическія и гражданскія права подданныхъ и регулируетъ отношеніе ихъ къ верховной власти. Это приводитъ насъ къ изученію той части его воззрѣній, которыя касаются свойствъ политическихъ и гражданскихъ правъ населенія. Объ этомъ Сперанскій подробно трактуетъ въ своемъ проектѣ 1809 г. Общія теоретическія его воззрѣнія приложены здѣсь имъ къ тогдашнему положенію Россіи. Въ положеніи русскихъ сословій Сперанскій различаетъ три класса. Къ первому классу онъ причисляетъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые не имѣютъ ни политической, ни гражданской свободы. Ко второму классу относятся купцы, мѣщане и государственные крестьяне, обладающіе гражданскими правами, но не имѣющіе политическихъ. Дворянство относится къ третьему классу: не имѣя политическихъ правъ, оно однако отличается отъ первыхъ тѣмъ, что на ряду съ государственною властью имѣетъ право владѣть крестьянами.

Гражданскія права, т.-е. безопасность лица и имущества, составляютъ первое и неотъемлемое достояніе всякаго человѣка, входящаго въ общество. Человѣческой природѣ «противно», когда жизнь и имущество человѣка ничѣмъ не обезпечены. Отсюда рабство немыслимо въ правильно устроенномъ государствѣ. Оно должно быть искоренено и въ Россіи. Гражданская свобода раздѣляется на два вида: свобода личная и свобода вещественная (имущественныя права). Для личной свободы Сперанскій находитъ необходимымъ двѣ гарантіи: *никто не можетъ быть безъ суда наказываемъ и никто не обязанъ отправлять личную службу иначе, какъ по закону, а не по произволу другого*. Права на имущество также должны быть гарантированы двумя неизмѣнными условіями: 1) всякому принадлежитъ свободное владѣніе и распоряженіе своею собственностью на основаніи общаго закона и 2) никто не обязанъ отправлять вещественной службы и платить податей, иначе какъ по закону. Разсуждая далѣе о томъ, всѣмъ ли классамъ населенія должны принадлежать права гражданскія въ полномъ ихъ объемѣ, Сперанскій дѣлитъ вообще гражданскія права на двѣ категоріи: на права общія всѣмъ безъ различія и на права особенныя. Къ первой относятся всѣ означенные четыре пункта личныхъ и вещныхъ правъ съ слѣдующимъ однако ограниченіемъ: владѣніе населенными имѣніями принадлежитъ только извѣстному классу общества, т.-е. дворянству. Ко второй категоріи, т.-е. къ особеннымъ гражданскимъ правамъ, онъ относитъ право владѣнія населенными имѣніями и право быть изъятымъ отъ очередной службы, но

съ обязательствомъ нести «особенную» службу. Послѣднее изъятіе Сперанскій вводитъ на томъ основаніи, что нѣкоторые роды высшей административной дѣятельности требуютъ специальной подготовки воспитательной и образовательной: поэтому такая служба должна заполняться лицами высшаго сословія.

На основаніи различія въ правахъ гражданскихъ Сперанскій выводитъ сословное различіе. Это въ особенности примѣнимо къ Россіи, гдѣ землевладѣніе не можетъ обойтись наемнымъ рабочимъ и гдѣ существуетъ воинская повинность, требующая оспѣлости. На этомъ основаніи приходилось бы заключить, что Сперанскій не предвидитъ возможности освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Однако и въ данномъ случаѣ онъ предполагаетъ отбываніе крестьянами повинностей по закону; но, сверхъ того, мы знаемъ, что Сперанскій является врагомъ рабства и предполагаетъ возможнымъ освобожденіе крестьянъ: слѣдовательно, въ проектѣ 1809 г. онъ хотѣлъ дать помѣщичьимъ крестьянамъ личныя права и опредѣлить отношенія ихъ къ помѣщику путемъ закона,—очевидно, въ томъ предположеніи, что освобожденіе—естественное дѣло будущаго.

Признавая необходимымъ раздѣленіе гражданскихъ правъ и существованіе сословій, Сперанскій естественно предполагалъ и различіе въ правахъ политическихъ. Оно исходитъ изъ того убѣжденія, что имѣющей недвижимую собственность или капиталъ въ извѣстномъ количествѣ болѣе способенъ, въ силу собственныхъ интересовъ, заботиться «о добротѣ закона». Это связывается и съ общимъ представленіемъ Сперанскаго о законѣ: законъ составляетъ въ защиту лица и собственности, почему чѣмъ болѣе человѣкъ заинтересованъ въ правахъ собственности, тѣмъ болѣе онъ будетъ заботиться о ея сохраненіи. Объ интересахъ правъ и личности онъ тутъ забываетъ. Есть и моральныя основанія для различія въ правахъ политическихъ: извѣстныя категоріи населенія,—какъ домашніе слуги, ремесленники, поденщики и народъ рабочій, — едва ли обладаютъ достаточнымъ «разумомъ» и «любочестіемъ», чтобы быть допущенными къ законодательству. Разъ не всѣ слои общества могутъ быть допущены къ праву выбора, то тѣмъ болѣе нельзя допустить, разсуждаетъ Сперанскій, всеобщаго права представительства. Отсюда Сперанскій выводитъ раздѣленіе государства на три сословія: дворянство, среднее состояніе и «народъ рабочій». Первое сословіе обладаетъ всѣми правами гражданскими и политическими. Второе, состоящее изъ купцовъ, мѣщанъ, однодворцевъ и поселянъ, обладающихъ недвижимою собственностью «въ извѣстномъ» размѣрѣ, обладаетъ политическими правами «по ихъ собственности» и гражданскими за исключеніемъ правъ «особенныхъ». «Народъ рабочій»,

состоящій изъ помѣстныхъ крестьянъ, мастеровыхъ или работниковъ и домашнихъ слугъ, пользуется общими гражданскими правами, но не имѣетъ политическихъ. Переходъ изъ низшихъ состояній въ высшее вполне свободенъ на основѣ пріобрѣтенія собственности и личныхъ заслугъ.

Изложеніе социальныхъ взглядовъ Сперанскаго едва ли требуетъ особенныхъ разъясненій. Критиковать ихъ съ современной точки зрѣнія было бы излишнимъ. По отношенію къ тому времени можно одно замѣтить: Сперанскій, очевидно, приравнивалъ современный ему социальный строй къ проектируемой имъ формѣ истинной монархіи. Было бы неумѣстно видѣть со стороны Сперанскаго слишкомъ большую уступчивость тенденціямъ времени. Предполагаемая имъ отмѣна рабства и возможность перехода изъ одного состоянія въ другое уничтожаютъ подобное предположеніе.

Мы сдѣлали краткій обзоръ политическихъ взглядовъ Сперанскаго. Наша цѣль заключалась лишь въ томъ, чтобы выяснитъ тѣ практическія и теоретическія соображенія, которыми руководился этотъ замѣчательный государственный дѣятель при составленіи своихъ проектовъ. Сперанскій не писалъ специальныхъ политическихъ трактатовъ; его общіе теоретическіе взгляды разбросаны поэтому въ разновременныхъ запискахъ и проектахъ, которые ему приходилось представлять. Размѣры журнальной статьи заставляютъ поневолѣ сжимать многія частности, которыя однако вполне заслуживали бы большаго вниманія. Однако, оставляя въ сторонѣ эти частности, въ предшествующемъ изложеніи, какъ кажется, въ достаточной мѣрѣ выяснено то теоретическое построеніе, на основѣ котораго Сперанскій составлялъ свои проекты, предлагавшіе или ввести въ Россіи полныя формы истинной монархіи или, по крайней мѣрѣ, улучшить современное ему положеніе вещей.

Сперанскій пришелъ къ убѣжденію о необходимости коренныхъ измѣненій въ государственномъ строѣ путемъ тщательнаго ознакомленія съ современной ему дѣйствительностью. Усвоивъ политическіе идеалы второй половины XVIII вѣка, самостоятельно переработавъ ихъ, онъ пошелъ дальше своихъ образцовъ въ ясности многихъ правовыхъ опредѣленій. Весь складъ понятій Сперанскаго отлился въ его проектахъ.

Я не буду останавливаться на изложеніи проектовъ Сперанскаго. Для моей цѣли было важно выяснитъ, *почему* Сперанскій дошелъ къ мысли о необходимости введенія въ Россіи «истинной» монархіи. Самый обширный изъ его проектовъ, представленный государю въ 1809 году, заключалъ предложеніе осуществить идеи, которыя онъ, какъ въ введеніи къ этому проекту, такъ и въ др. запис-

кахъ, развивалъ теоретически. Проектъ 1809 г. заключаетъ съ себѣ планъ государственнаго устройства, въ которомъ верховная власть опирается на законодательное сословіе въ лицѣ государственной думы и на государственный совѣтъ, члены котораго назначаются государемъ. Правительственная власть находится въ рукахъ отвѣтственныхъ передъ думой министровъ. Схема провинціального управления соотвѣтствуетъ центральному: въ губерніи мѣстныя дѣла рѣшаются губернской думой, въ уѣздахъ—уѣздной и въ волости—волостной. Члены этихъ мѣстныхъ думъ избираются населеніемъ. Такимъ образомъ, на ряду съ участіемъ населенія въ высшемъ управленіи, Сперанскій предполагалъ дать и широкое мѣстное самоуправленіе.

Изъ этого обширнаго проекта введены были въ жизнь только двѣ части: государственный совѣтъ и министерства. Такимъ образомъ, въ жизнь вошла только часть обширнаго плана. Современный Государственный совѣтъ и министерства дѣйствуютъ на основѣ закона 1810 и 1811 гг. И это составляетъ крупную заслугу Сперанскаго. Дѣло въ томъ, что учрежденіемъ государствен. совѣта и министерствъ въ значительной мѣрѣ извлечены были тѣ недостатки въ управленіи, о которыхъ говорили въ послѣдніе годы XVIII и въ первые годы XIX столѣтій: управленіе было объединено въ рукахъ министровъ съ опредѣленными полномочіями и не расплывалось среди отдѣльныхъ лицъ. Съ другой стороны, учрежденіе совѣта съ опредѣленными функціями придало извѣстную правильность и осмотрительность въ дѣлѣ изданія законовъ. Появилось учрежденіе, въ которомъ законъ, переданный въ совѣтъ Высочайшею волей, подвергался обсужденію. Такимъ образомъ значительно уменьшалась возможность изданія закона по какимъ-либо случайнымъ соображеніямъ. Поэтому Сперанскій былъ вполне правъ, когда въ своемъ общемъ отчетѣ за 1810 годъ съ благородною откровенностью писалъ государю: «совѣтъ учрежденъ, чтобы власти законодательной, дотолѣ разсѣянной, разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія... Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже неизмѣрный шагъ къ истиннымъ формамъ монархическимъ». Этотъ великій шагъ въ народную жизнь, этотъ переходъ къ формамъ истинной монархіи, по мнѣнію Сперанскаго, совершенъ потому, что учредивъ государственный совѣтъ, придавъ ему форму публичнаго учрежденія, ввѣривъ ему обсужденія законовъ, верховная власть тѣмъ самымъ опредѣлила свое направленіе. И дѣйствительно, Сперанскій былъ правъ въ своей характеристикѣ того значенія, которое долженъ былъ получить государственный совѣтъ въ государственномъ управленіи: несмотря на колебанія въ направленіи политики, государственный совѣтъ занялъ въ теченіе XIX в. почтенное мѣсто среди правительственныхъ учрежде-

ній: общество навъкло съ довѣріемъ относиться къ мнѣнію большинства въ совѣтѣ.

Таковы практическіе результаты преобразовательной дѣятельности Сперанскаго. Остальныя части его плана не получили осуществленія, но мнѣ хотѣлось еще обратить вниманіе на тотъ фактъ, что планъ Сперанскаго предоставлялъ мѣстному обществу широкую долю самоуправленія. Это его губернская, уѣздная и волостная думы и выборный судъ. Эти учрежденія не получили осуществленія при Сперанскомъ, но они воскресли въ эпоху незабвенныхъ реформъ императора Александра II и сдѣлались дороги всему русскому обществу, вошли въ его плоть и кровь. Это значить, что Сперанскій тогда уже предвидѣлъ наиболѣе подходящую форму мѣстнаго самоуправленія.

Таковы были политическіе идеалы Сперанскаго и размѣры практическаго ихъ осуществленія. Какъ извѣстно, на этомъ не окончилась государственная дѣятельность Сперанскаго.

Возвращенный изъ ссылки, онъ былъ поставленъ императоромъ Николаемъ I во главѣ комиссіи законовъ. Конечно, теперь онъ уже не имѣлъ прежняго вліянія, и время для широкихъ преобразованій прошло. Но и въ качествѣ руководителя комиссіей по составленію свода законовъ Сперанскій продолжалъ дѣлать то, что могъ въ прежнемъ направленіи своихъ идеаловъ.

Путемъ изданія свода Сперанскій стремился къ установленію въ государствѣ законности. Впрочемъ, эта сторона дѣятельности Сперанскаго уже не входитъ въ задачу статьи.

Мнѣ остается въ заключеніе напомнить въ общихъ чертахъ обликъ Сперанскаго, какъ политическаго мыслителя и какъ государственнаго дѣятеля.

Выросши въ такой средѣ, которая наиболѣе непосредственнымъ образомъ, на собственной спинѣ, ощущала проявленіе произвола, Сперанскій, занявъ первенствующее положеніе въ государствѣ, стремился къ тому, чтобы провести въ государственный механизмъ такіе законы, которые обезпечивали гражданскія и политическія права личности. Онъ прекрасно понималъ причину тѣхъ недуговъ, которые испытывало государство. Онъ понималъ, что для развитія правильной государственной жизни необходимы свобода личности и устраненіе произвола.

По его мнѣнію, никакіе законы не будутъ хороши до тѣхъ поръ, пока личность гражданина, какъ исполняющаго предписанія закона, такъ и та, которая слѣдитъ за исполненіемъ ихъ, не будетъ обезпечена. Сперанскій, далѣе, сознавалъ, какое громадное значеніе имѣеть для правильной государственной жизни общественное мнѣніе, сво-

бодно высказываемое, и на этомъ основаніи онъ въ своемъ планѣ преобразованія отводилъ широкое участіе общественныхъ элементовъ въ управленіи.

Конечно, многія изъ истинъ, высказанныхъ въ свое время Сперанскимъ, для насъ являются общепризнанными. Но это нисколько не уменьшаетъ значенія Сперанскаго какъ государственнаго дѣятеля и какъ политическаго мыслителя: надо вѣдь сопоставить его съ той средой, съ тѣмъ уровнемъ общественныхъ понятій, которыя господствовали въ его время. И тогда на фонѣ раболѣпнаго общества передъ нами выдвинется съ особенною яркостью величавая фигура Сперанскаго.

Это не царедворецъ, снискивающій себѣ благоволеніе, не трепещущій обыватель, забитый и загнанный, не столько умомъ, сколько инстинктивно сознающій тѣ или иные недостатки режима. Передъ нами гражданинъ въ лучшемъ значеніи этого понятія, неуклонно идущій къ цѣли. Безспорно, лучшіе люди александровской эпохи исповѣдывали тѣ же идеи, которыя стремился водворить Сперанскій.

Но была громадная разница между отчетливостью и ясностью его политическаго міровоззрѣнія и сентиментальною туманностью воззрѣній его современниковъ. Какъ государственный дѣятель, Сперанскій успѣлъ провести сравнительно немного изъ того, что онъ предполагалъ сдѣлать; но въ этомъ не его вина. Впрочемъ, и то, что сдѣлалъ Сперанскій, имѣетъ важное государственное значеніе. Потомство всегда будетъ съ благодарностью видѣть то, что сдѣлано Сперанскимъ, а историкъ и публицистъ со вниманіемъ отнесутся къ тѣмъ идеаламъ, которые проповѣдывалъ Сперанскій.

М. Довнаръ-Запольскій.

Новое Уголовное Уложение.

I.

За послѣднее время производительная дѣятельность нашего законодательнаго учрежденія—Государственнаго Совѣта — и отдѣльныхъ, по разнымъ вѣдомствамъ, подготовительныхъ къ изданію законопроектвъ комиссій весьма увеличилась, не ограничиваясь созданіемъ специальныхъ уставовъ и положеній, затрагивающихъ интересы лишь небольшой сравнительно группы лицъ, а, напротивъ, приступивъ къ урегулированію, пересмотру и обновленію правовыхъ нормъ, наиболѣе жизненныхъ и важныхъ въ государственномъ и общественномъ отношеніи. Уже обнаружено новое Уголовное Уложеніе; въ разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта находится плодъ многолѣтней работы комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части—реформируемые Судебные Уставы; особая комиссія разрабатываетъ новое гражданское Уложеніе; министерствомъ внутреннихъ дѣлъ выработанъ проектъ законоположеній по крестьянской части,—проектъ выдающагося значенія; существуетъ проектъ вотчиннаго устава и идутъ многія другія подготовительныя законодательныя работы.

Такая продуктивность законодательнаго органа, объемлющая важнѣйшія проявленія общественной жизни, не есть что-либо случайное, продуктъ воли нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ: она вызвана дѣйствительной необходимостью, обусловленной тѣмъ, что дѣйствующій въ данное время законъ устарѣлъ, что установленныя имъ рамки стали узки, не вмѣщаютъ и не могутъ урегулировать проявленій жизненной дѣятельности общества, возникающихъ въ совершенно новыхъ, не предусмотрѣнныхъ закономъ, формахъ и комбинаціяхъ. Жизнь нормально всегда и вездѣ опережаетъ законодательное творчество; исключенія составляютъ лишь такіе періоды исторіи, — едва ли имѣющіе повториться, — когда подъ вліяніемъ особо энергичной, непреклонной воли одного лица—автократа создавалось законодательство, еще чуждое народонаселенію, должен-

ствовавшее указать народу новый путь государственной и общественной дѣятельности, вызвать ее къ жизни, какъ то было, на примѣръ, въ Россіи при Петрѣ I. Обычно требованія усложнившейся жизни, которымъ не соответствуетъ устарѣвшій законъ, становятся сами по себѣ столь очевидными и настоятельными, разладъ между жизнью и закономъ приводитъ къ такимъ нежелательнымъ формамъ обхода его, что законодатель не можетъ не обратить вниманія на возникающія коллизіи, не удовлетворяемые временными мѣрами и административными распоряженіями, и логической необходимостью вынуждается къ обновленію и измѣненію тѣхъ или другихъ правовыхъ положеній. Моменты, отличающіеся особеннымъ оживленіемъ законодательнаго творчества, неудержимою потребностью въ обновленіи законовъ, встрѣчаются въ государствахъ со сравнительно молодой культурой, политическое и обще - гражданское устройство которыхъ еще не вылилось въ соответствующія имъ формы. Такой періодъ переживается, повидимому, въ настоящее время Россіей, правовое и политическое положеніе которой не можетъ быть еще признано достигшимъ своего идеала какъ съ національной, исторической, такъ и обще - человѣческой точки зрѣнія. Земля наша попрежнему велика (даже на много преувеличилась), хотя уже не столь обильна, но порядка въ ней еще нѣтъ, а между тѣмъ потребность въ порядкѣ, въ установленіи устойчиваго правового положенія чувствуется особенно горячо всѣмъ населеніемъ. И вотъ законодательство наше идетъ навстрѣчу отмѣченному общественному движенію, реформируя дѣятельность важнѣйшихъ отраслей государственнаго организма.

Къ числу послѣднихъ нельзя не отнести уголовную дѣятельность государства и регулирующее ее Уложеніе. Уголовное Уложеніе точно устанавливаетъ, какія именно дѣйствія признаются государствомъ въ данное время недозволёнными подъ страхомъ наказанія; другими словами, Уложеніе опредѣляетъ что съ точки зрѣнія государственной власти есть уголовное правонарушеніе — преступленіе или проступокъ — и какимъ репрессивнымъ послѣдствіямъ подлежитъ лицо, совершившее его. Уложеніе проводитъ грань между дозволеннымъ и недозволённымъ и затѣмъ создаетъ карательныя мѣропріятія, ожидающія нарушителя установленнаго правопорядка, которыми государство имѣетъ въ виду бороться съ преступленіями и ихъ совершителями. Уложеніе, такимъ образомъ, является актомъ, ограждающимъ — угрозою, наказаніемъ, осужденіемъ — законныя права и всего общества въ цѣломъ, и отдѣльныхъ членовъ его отъ посягательства на эти права, къмъ бы эти посягательства ни были учинены; оно можетъ быть признано въ извѣстной степени *habeas*

соргис — актомъ, охраняющимъ такія блага, какъ личная свобода и неприкосновенность, честь и имущественныя права каждаго, на стражѣ какового акта стоитъ, независимый отъ другой власти, судъ, сосредоточивающій въ своихъ рукахъ всю контрольно-карательную дѣятельность государства.

Такъ, опираясь на 498 и 649 ст. новаго Уложения, каждый можетъ быть увѣренъ, что онъ не будетъ лишень свободы взятіемъ подъ стражу безъ законнаго къ тому повода и основанія, хотя бы и лицомъ должностнымъ; ст. 651 гарантируетъ женщинѣ неприкосновенность ея стыдливости; 364 и послѣдующія статьи защищаютъ фабричныхъ и другихъ рабочихъ отъ эксплуатаціи ихъ собственниками промышленныхъ и иныхъ заведеній, а 367 и 369 статьи ограждаютъ, наоборотъ, собственника отъ злоупотребленій рабочихъ. Практическое значеніе этихъ статей понятно даже и безъ карательной санкціи, предусматривающей ихъ нарушенія. Наконецъ, если принять во вниманіе то громадное количество осужденій за разнообразныя правонарушенія, которое имѣетъ мѣсто ежегодно, а съ другой стороны, содержаніе карательной лѣстницы, начертанной въ Уложеніи, гдѣ мы встрѣчаемъ смертную казнь, ссылку, лишеніе свободы на долгіе годы, лишеніе правъ не только политическихъ, но и частныхъ, то станетъ ясно выдающееся значеніе уголовного закона для всего общества. Мы не можемъ безразлично относиться къ уголовному кодексу, сдѣлавъ такую посылку: онъ важенъ лишь для преступниковъ, для полиціи и суда, а мирные граждане въ немъ не нуждаются; мы уже вышли изъ періода такого пассивнаго отношенія къ общему дѣлу и даже менѣе существенныя стороны государственной дѣятельности не могутъ не интересоватъ насъ; къ тому же общество наше, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, призвано само отправлять уголовное правосудіе и не мало вліяло и вліяетъ своими «вердиктами» на измѣненіе уголовныхъ законовъ. Отмѣна строгости преслѣдованія за нарушенія паспортной системы, измѣненіе въ смыслѣ смягченія наказанія закона о кражахъ со взломомъ и другія благодѣтельныя новеллы создались подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, высказывавшагося непосредственно присяжными засѣдателями. Дѣло въ томъ, что уголовный законъ тогда лишь можетъ быть дѣйствительнымъ органомъ охраны правопорядка и надежнымъ орудіемъ борьбы съ преступностью, когда обѣ его составныя части, — и устанавливающая что именно есть преступленіе, и создающая репрессивныя мѣры, — совпадаютъ принципиально съ воззрѣніями и правовыми взглядами населенія. Кодексъ, чуждый существующимъ въ данный моментъ правовоззрѣніямъ народонаселенія, не соответствующій его

соціальному и политическому строю и укоренившимся въ обществѣ этическимъ воззрѣніямъ, осужденъ заранѣе на бесплодность; мало того: онъ вреденъ тѣмъ, что неминуемо вызоветъ антагонизмъ и недовѣріе къ суду въ обществѣ. Стоитъ себѣ только представить, что новый уголовный кодексъ признаетъ, по примѣру прежняго, наказуемымъ «недонесеніе» (126 ст. Уложенія о наказ.) о всякомъ преступленіи или установить, какъ наказаніе за третью кражу, вырваніе ноздрей, или за разбой плети, чтобы уяснить себѣ, какія нежелательныя послѣдствія будетъ имѣть такая новелла.

Между тѣмъ, Уголовное Уложеніе изданія 1885 года, вполне устарѣвшее и не совпадающее съ юридическими и бытовыми воззрѣніями общества, хотя Высочайше утверждено и обнародовано новый уголовный кодексъ 22 марта 1903 года, еще не изъято изъ обращенія и примѣняется судами по всей Имперіи, новое же Уложеніе, стоящее—спѣшимъ это высказать—неизмѣримо выше прежняго, доступно намъ пока лишь какъ книга для чтенія. Разница между двумя законами весьма значительна, въ силу чего и въ обществѣ можетъ получаться двойственность взглядовъ на извѣстные правонарушенія, и суды поставлены въ исключительно тяжелое положеніе тѣмъ, что вынуждены въ практической дѣятельности своей руководствоваться юридическими положеніями, осужденными наукою и непризнанными новымъ уложеніемъ. Судамъ приходится подвергать наказанію за такія дѣянія, которыя новымъ закономъ признаются безразличными съ уголовной точки зрѣнія, или назначать гораздо болѣе строгія репрессивныя мѣры, чѣмъ указанные въ новомъ Уложеніи, съ другой же стороны, оставлять безъ преслѣдованія факты, обложенные новымъ кодексомъ извѣстнымъ наказаніемъ. Какъ на примѣръ, можно указать на 977 статью Уложенія 1885 г., назначающую за «противоестественный порокъ скотоложства» лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачу въ арестантскія исправительныя отдѣленія на срокъ до шести лѣтъ, между тѣмъ какъ новый уголовный кодексъ вовсе не знаетъ такого преступленія; далѣе, статья 178 стараго Уложенія караетъ за порицаніе въ публичномъ мѣстѣ христіанской вѣры лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ каторжныя работы на время отъ шести до восьми лѣтъ, а по статьѣ 74 новаго закона то же дѣяніе влечетъ для виновнаго не соединенное съ какимъ-либо ограниченіемъ правъ заключеніе въ тюрьмѣ до одного года. Статьи 524, 526, 527 новаго Уложенія опредѣляютъ наказаніе тюрьмою лицамъ, промышленяющимъ непотребствомъ женщинъ, прежнее же Уложеніе и уставъ не знаютъ вовсе такого проступка.

Уже болѣе года какъ опубликовано новое Уложеніе, а срокъ

введенія его въ дѣйствіе еще не извѣстенъ и едва ли наступить въ ближайшемъ будущемъ, на что указываетъ Высочайше утвержденное 7-го іюня текущаго года мнѣніе Государственнаго Совѣта, коимъ установленъ новый порядокъ судебного производства дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ и постановлено примѣнять къ названному преступленіямъ соотвѣтственныя статьи новаго Уложенія, *не ожидая введенія его въ дѣйствіе въ полномъ объемъ*. Причины, замедляющія переходъ новаго закона изъ пассивнаго состоянія къ жизни, какъ надо думать, сводятся къ слѣдующимъ двумъ: 1) непригодность существующихъ у насъ въ данное время пенитенціарныхъ учреждений къ требованіямъ, предъявленнымъ новымъ кодексомъ; 2) признанная самимъ законодателемъ неполнота новаго закона, побудившая тотчасъ же по обнародованіи его создать при министерствѣ юстиціи особую комиссію (Высочайшее повелѣніе отъ 13 мая 1903 года) для обсужденія всѣхъ мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго Уложенія, на каковую комиссію, согласно указаніямъ Государственнаго Совѣта, возложены обсужденіе и разработка вопроса о введеніи у насъ новыхъ институтовъ уголовного права: условнаго осужденія, условнаго досрочнаго освобожденія, мѣръ, подлежащихъ къ принятію по отношенію къ профессиональнымъ преступникамъ, къ преступникамъ-алкоголикамъ, о развитіи патроната и о принудительномъ трудѣ въ рабочихъ домахъ и при общественныхъ работахъ, а также о переустройствѣ каторги, поселенія и тюрьмъ.

Обѣ причины, несомнѣнно, вѣски, ибо несоотвѣтствіе пенитенціарныхъ мѣръ, избранныхъ уголовнымъ кодексомъ, дѣйствительности, приводящее къ замѣнѣ однихъ наказаній совершенно другими, болѣе чѣмъ нежелательно и не допустить предпринятую реформу дать ожидавшіеся отъ нея благіе результаты. Это положеніе неоднократно высказывалось и нашимъ высшимъ законодательнымъ учрежденіемъ во время многолѣтнихъ работъ по изданію новаго Уложенія. Точно такъ же недопущеніе въ нашъ уголовный кодексъ такихъ институтовъ уголовного права, какъ условное осужденіе, условное досрочное освобожденіе, принятыхъ большинствомъ европейскихъ законодательствъ и примѣняемыхъ съ несомнѣннымъ успѣхомъ, лишаетъ наше новое Уложеніе стройности и послѣдовательности, связывая его нецѣлесообразно съ рутиною стараго закона, боявшагося умалить значеніе государственной власти оставленіемъ безъ немедленнаго возмездія (причиненіемъ страданія) всякаго проступка. Но за всѣмъ тѣмъ намъ думается, что въ полной мѣрѣ желательно немедленное введеніе въ дѣйствіе новаго карательнаго кодекса въ томъ видѣ, какъ онъ изданъ. Тюремная реформа, тре-

буемая новой системой лишения свободы Уложения 22 марта 1903 г., не может быть осуществлена не только немедленно, но даже и в сколько-нибудь определенном будущем. Как то видно из журнала «Совѣщанія Государственного Совѣта», одиночных камеръ въ нашихъ тюрьмахъ имѣется до 5.000, а потребуется ихъ не менѣе 15.000. Въ существующихъ арестантскихъ исправительныхъ отдѣленіяхъ, имѣющихъ быть передѣланными въ исправительные дома съ инымъ режимомъ содержанія, почти вовсе нѣтъ одиночныхъ камеръ и даже переборокъ между койками для ночного разобщенія отбывающихъ наказаніе и они вообще едва ли пригодны къ своему назначенію, а потому является необходимость въ возведеніи новыхъ зданій; между тѣмъ, представителемъ министерства финансовъ въ засѣданіи особаго совѣщанія Государственного Совѣта было высказано, что финансовое вѣдомство, отнюдь не отрицая важности переустройства тюремной части, затрудняется предрѣшить возможность значительныхъ (въ нѣсколько милліоновъ рублей) единовременныхъ ассигнованій кредитовъ на это дѣло, почему въ виду другихъ неотложныхъ затратъ, поглощающихъ всѣ средства государства, трудно нынѣ предсказать то время, когда Россія будетъ покрыта сѣтью карательныхъ учрежденій, отвѣчающихъ предначертаніямъ новаго Уголовнаго Уложения. А разъ это такъ, то нѣтъ цѣли откладывать введеніе новаго кодекса; слишкомъ долгое выжиданіе, на которое было бы обречено новое Уложение, въ виду того, что трудно въ настоящее время усмотрѣть какія-либо основанія къ быстрому улучшенію нашего финансоваго положенія, привело бы къ тому, что столь много стоившій труда и времени кодексъ состарился бы безъ употребленія на полкахъ библиотекъ юристовъ-теоретиковъ и отжилъ бы, не начавъ жить. Общественная и государственная жизнь текущаго столѣтія не похожа на прежнюю или, вѣрнѣе, давнюю, робкую въ своемъ поступательномъ движеніи, державшуюся крѣпко разъ прибрѣтенныхъ и усвоенныхъ правовыхъ и другихъ положеній; движеніе общественной мысли впередъ въ настоящее время, начавшись разъ, идетъ быстро, какъ бы по наклонной плоскости, и столь же неудержимо и побѣдоносно; ослонившійся гражданскій оборотъ, все новыя и новыя формы взаимныхъ отношеній, замѣчающееся перемѣщеніе центра тяжести отъ меньшинства къ большинству, вступленіе этого большинства въ сознательную жизнь, живая борьба различныхъ интересовъ,—все это вызываетъ въ общественномъ сознаніи быструю перемѣну взглядовъ, иногда радикальную, на то, что надлежитъ дозволить и что воспретить, какіе интересы и блага надлежитъ охранять угрозой репрессіи и къ какимъ именно мѣрамъ репрессіи можетъ государство

прибѣгать. А за измѣнившимися правовоззрѣніями всего общества, влияющими и на научное движеніе, неминуемо должно слѣдовать и дѣйствительно слѣдуетъ законодательство. Поэтому къ тому, повидимому, отдаленному времени, когда Россія, наконецъ, «покроется сѣтью карательныхъ учрежденій, отвѣчающихъ предназначеніямъ новаго Уголовнаго Уложенія», легко можетъ оказаться, что предназначенія эти будутъ уже признаны наукою уголовного права не цѣлесообразными, непримѣнимыми, вся пенитенціарная система Уложенія будетъ подлежать коренному измѣненію и явится неотложная потребность въ созданіи новаго кодекса.

Нѣчто подобное и совершилось уже съ разсматриваемымъ нами закономъ. Необходимость замѣны прежняго Уложенія о наказаніяхъ новымъ была признана правительствомъ давно: еще въ 1862 и 1867 годахъ послѣдовало Высочайшее соизволеніе на коренной пересмотръ его; завершился однако пересмотръ не скоро (черезъ 41 годъ). Въ 1881 году былъ образованъ особый комитетъ, выдѣлившій изъ себя редакціонную комиссію, начертавшую проектъ новаго Уложенія; работы комитета и комиссіи хотя и не были стѣснены впередъ опредѣленнымъ планомъ, но имъ были преподаны къ руководству *начала, установленныя Высочайше утвержденнымъ 11 декабря 1879 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта о преобразованіи тюремной части и существующей лѣстницы наказаній*, которыя имъ надлежало согласовать съ потребностями состоянія государства, указаніями судебного опыта, положенія науки уголовного права и постановленіями законодательствъ иностранныхъ государствъ. Проектъ, выработанный комиссіей, былъ въ 1898 г. представленъ въ Государственный Совѣтъ и, послѣ внесенныхъ въ него Совѣтомъ измѣненій, удостоился Высочайшаго утвержденія, какъ уже было сказано, 22 марта 1903 года. Проектъ, въ основаніе котораго легли положенія, утвержденныя законодателемъ еще въ 1879 году, ко времени возведенія его въ законъ (1881—1903 г.) оказался нѣсколько отсталымъ отъ науки и положительныхъ законодательствъ западной Европы, что, какъ надо думать, и вызвало созданіе комиссіи, имѣющей обновить его введеніемъ новыхъ институтовъ уголовного права. Нѣтъ сомнѣній, что полная реформа лучше частичной и что желательнѣе было бы имѣть дѣло сразу съ кодексомъ законченнымъ, совершеннымъ, но недостатки Уложенія изданія 1885 года столь велики и вопіющи, срокъ окончанія работъ образованной при министерствѣ юстиціи особой комиссіи, можетъ быть настолько еще далекъ и новое Уложеніе обладаетъ такими крупными достоинствами, что ждать исправленія его и переустройства тюремъ отнюдь не слѣдуетъ.

Дѣйствительно пора сдать навѣки въ архивъ наше старое, но еще дѣйствующее Уложеніе о наказаніяхъ. Если оно и возможно съ грѣхомъ пополамъ къ примѣненію то лишь благодаря тому, что въ него введена масса частныхъ новеллъ, въ сущности не соотвѣтствующихъ общему направленію кодекса, превратившихъ его въ случайный сборникъ разныхъ по духу, цѣли и изложенію законовъ, давшихъ однако нѣкоторую возможность судьямъ безъ насилуванія совѣсти руководствоваться статьями его. Этихъ новеллъ и притомъ по наиболѣе важнымъ отдѣламъ чрезвычайно много, онѣ видны простымъ глазомъ и не-юристу, отличаясь отъ общаго фона, какъ заплаты на старомъ платьѣ, поставленныя изъ совѣмъ другой и новой матеріи. Въ Уложеніи о наказаніяхъ 1711 статей (оно же изданія 1857 года имѣло 2304 статьи), происхождение которыхъ можно искать еще въ Соборномъ Уложеніи Алексѣя Михайловича, въ законахъ Петра I, Екатерины II; инныя статьи взяты изъ каноническаго права, свидѣтельствуя содержаніемъ о своемъ византійскомъ происхожденіи; другія заимствованы непосредственно изъ германскихъ уголовныхъ кодексовъ первой половины прошлаго столѣтія; наконецъ, цѣлый рядъ статей, сравнительно недавно вогнанныхъ въ Уложеніе, доказываетъ и существомъ и редакціей, что онѣ плодъ изученія современной науки уголовного права и гуманнаго направленія теперешней общественной мысли. Въ Уложеніи сошлись, но отнюдь не слились въ одно цѣлое, всѣ школы уголовного права; мы найдемъ въ немъ репрессивныя мѣры, допускаемыя государствомъ исключительно съ точки зрѣнія обязательнаго, само себѣ довлѣющаго возмездія за совершенное преступленіе, мѣры общей и спеціальной превенціи, устрашенія и обезвреженія, а также и исправленія. Громадное большинство статей Уложенія о наказаніяхъ никогда, къ счастью, не примѣняется и лишь затрудняетъ не-специалисту отысканіе нужнаго ему параграфа, и безъ того трудное, ибо при отсутствіи правильной классификаціи разные виды одного и того же преступленія разбросаны по многимъ отдѣламъ кодекса. Такъ, наприм., постановленія о кражѣ встрѣчаются, помимо спеціальной главы, въ числѣ преступленій противъ вѣры, противъ порядка управленія, о нарушеніи уставовъ горныхъ, устава о соли, карантиннаго, почтоваго, торговаго мореплаванія и въ главѣ о незаконномъ лишеніи правъ состоянія; или, напримѣръ, статья, опредѣляющая наказаніе за совращеніе инородца изъ русскихъ подданныхъ въ другую не христіанскую вѣру помѣщена въ главѣ «О распространеніи вредныхъ слуховъ, подложномъ проявленіи чудесъ и другихъ сего рода обманахъ». Уложеніе для не криминалиста-практика—это темный лѣсъ, въ которомъ

всего легче заблудиться. Да и не всякій юристъ - практикъ знаетъ все, что содержитъ Уложеніе; многія установленія кодекса и для него тайна. Не подлежитъ сомнѣнію, что далеко не всё наши юристы знаютъ, что по силѣ 1056 и 1057 ст. Уложенія колонисты - евреи за нерадѣніе къ сельскому хозяйству, а также «за буйство и непослушаніе» (кому?) подлежатъ заключенію въ тюрьмѣ до двухъ лѣтъ, такъ же, какъ раввины, которые будутъ «разстраивать евреевъ-земледѣльцевъ въ хозяйственныхъ упражненіяхъ», и сельскіе старшины за «потворство поселенцамъ», притомъ названныя должностныя лица еще и съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ; что 937 ст. караетъ тюрьмою до 8 мѣсяцевъ «кликуну», сдѣлавшую на кого-либо извѣтъ «въ причиненіи зла чародѣйствомъ», что 938 статья назначаетъ ссылку въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія тому, кто, выдавая себя за лицо, обладающее чудесною силой, старается возбудить въ народѣ «уныніе». Даже привыкшій къ нетерпимости и требовательности Уложенія не можетъ не удивиться, что оно назначаетъ (1284 и 1285 ст.) арестъ до трехъ мѣсяцевъ лицу, принесшему къ городскому торговому амбару «пищу въ котлѣ или горшкѣ и воду въ самоварѣ», а магазинному инспектору за впускъ въ такой амбаръ женщинъ «для пряжи прутцевъ» — трехрублевый штрафъ за каждую женщину; штрафъ до 500 рублей за одѣваніе своей прислуги въ неслѣдующую по чину ливрею (1416 ст.) и что незамужняя женщина, согласившаяся на похищеніе ея для вступленія въ бракъ, можетъ быть приговорена «къ уединенной жизни въ домѣ своихъ родителей».

Недостатки Уложенія, весьма затрудняющіе примѣненіе его, не исчислимы. Къ нимъ, во-первыхъ, кромѣ уже указанныхъ, надлежитъ отнести наличность статей, ничего общаго съ уголовнымъ правомъ не имѣющихъ, статей, носящихъ патріархальный характеръ и переносящихъ право государства на наказаніе (*jus puniendi*) на частныхъ лицъ. И какія наказанія! Такъ, купеческій приказчикъ за непочтительность къ семейству хозяина можетъ быть, согласно 1185 статьи, подвергнутъ «мѣрамъ домашняго *укрошенія*», «корабельщикъ» можетъ подвергнутъ «водоходца», оказывающаго ему въ пути неповиновеніе, наказанію *хлыстомъ* до пяти ударовъ (1261 ст.), малолѣтніе ремесленники за шалости, лѣнь, неуваженіе къ мастеру и его семейству «подвергаются мѣрамъ домашняго исправленія», а въ случаѣ недостаточности ихъ наказанію розгами отъ пяти до десяти ударовъ (1377 ст.). Къ страннымъ съ нашей точки зрѣнія мѣрамъ репрессіи нельзя не отнести превращеніе почтальона за случайную утрату письма «въ сторожа или караульнаго», при чемъ въ законѣ (1107 и 1108 статей) не указанъ срокъ этой ориги-

нальной метаморфозы. Здѣсь же надлежитъ упомянуть о томъ, что на точномъ основаніи 98 статьи, глухонѣмой, покусившійся на убійство или поджогъ, признанный невмѣняемымъ, заключается тѣмъ не менѣе подъ стражу; согласно 1472 и 1473 статьямъ самоубійца лишается христіанскаго погребенія, и духовное его завѣщаніе считается недѣйствительнымъ, а покусившійся на самоубійство предается церковному покаянію. Особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ требованіе статей 185 и 188 объ отсылкѣ лица, совращеннаго кѣмъ-либо изъ христіанства въ другое вѣроученіе или перешедшаго изъ православія въ инославную вѣру, къ духовному его начальству для увѣщанія и вразумленія, при чемъ имѣніе его и дѣти берутся въ опекуновское управленіе, а въ случаѣ отпаденія отъ христіанства лицо это лишается пользованія правами состоянія до возвращенія въ христіанство. Приведенное положеніе уже потому лишено юридическаго основанія, что взятіе имѣнія въ опекуновское управленіе и лишеніе всѣхъ правъ состоянія должно быть признано не только мѣрой охраны, но и наказаніемъ, а между тѣмъ оно накладывается на отступившаго отъ христіанства не по суду, а, кромѣ того, лицо это является въ сущности не обвиняемымъ, а потерпѣвшимъ отъ преступленія, объектомъ посягательства со стороны «совратителя». На практикѣ же и духовное увѣщаніе и вразумленіе выливаются иногда въ форму наказанія и притомъ достаточно жестокаго, а именно заточенія впродъ до отреченія отъ духовнаго заблужденія и возвращенія въ лоно церкви въ монастырскую тюрьму («Монастырскія тюрьмы» Пругавина). Нельзя обойти молчаніемъ самый слогъ всего текста Уложенія,—онъ тяжелъ, не ясенъ, не жизненъ, не точенъ, а потому менѣе всего пригоденъ для уголовнаго кодекса, требующаго краткости, опредѣленности и устраненія всѣхъ лишнихъ словъ и повтореній. Въ особенной части Уложенія часто встрѣчаются статьи, подобныя по редакціи хотя бы 1463, гласящей: *«кто, въ случаѣ когда какою-либо женщиною будетъ рожденъ младенецъ чудовищнаго вида или даже не имѣющій человеческого образа, вмѣсто того, чтобы донести по начальству... лишитъ сего уroda жизни, тотъ за сіе по невѣжеству или суетнѣю посягательство на жизнь существа...»* Или статьи 180, редактированной такъ: *если будетъ доказано, что дозволившій себѣ произнести слова, имѣющія видъ богохуленія... учинитъ сіе единственно по неразумію, невѣжеству или пьянству...*

Выдающейся чертой Уложенія, проходящей черезъ весь кодексъ и весьма умаляющей присущія ему немногія достоинства, является казуистичность его въ опредѣленіи какъ преступленій съ ихъ разновидностями, такъ и наказаній. Законодательство пятидесятихъ

годовъ прошлаго столѣтія сознательно стремилось къ устраненію въ дѣлѣ отправленія правосудія «судьи», какъ лица обсуждающаго каждое данное преступленіе съ объективной и субъективной, его стороны и сознательно выбирающаго соотвѣтственно дѣянію мотивамъ и обстановкѣ и индивидуальнымъ свойствамъ преступника родъ и мѣру наказанія. Идеаломъ представлялось воздѣйствіе на преступника непосредственно самаго закона, при чемъ роль судьи сводилась къ положенію счетчика, дѣйствующаго машинально, механически. То было время, замѣнившее бывшее усмотрѣніе и произволь судьи, какъ въ отношеніи процесса, такъ и самаго существа судебного дѣла, точными формулами и требованіями закона, казавшимися законодателю гарантіей справедливости и правильности судебныхъ рѣшеній. Царило совершенное недовѣріе къ судѣ, имѣвшее въ прошломъ достаточное основаніе, и законодатель тѣшилсѣ дать напередъ готовыя формы всѣхъ мыслимыхъ проявленій злой воли человѣка и правонарушеній, предуказывавъ совершенно точно и незыблемо родъ и степень наказанія, ожидающіе виновнаго въ этихъ нарушеніяхъ и безапелляціонно предписывавъ судѣ вѣрить лишь перечисленнымъ въ законѣ доказательствамъ. Благія намѣренія законодателя не увѣнчались однако успѣхомъ, — жизнь, протекающая внѣ законовъ, міръ преступный настолько разнообразенъ въ своихъ проявленіяхъ, что схватить и описать точныя признаки всѣхъ преступленій оказалось на дѣлѣ невозможнымъ, и судья былъ поставленъ въ необходимость, встрѣчаясь съ какимъ-либо особымъ деликтомъ, втискивать его въ то или другое законное опредѣленіе преступнаго дѣянія, въ сущности ему не соотвѣтствующее, но прямо Уложеніемъ не предусмотрѣнное, поступая также и относительно примѣненія наказаній. Казуистичность Уложенія, даже исправленнаго при пересмотрѣ его въ 1885 году, такова, что, напримѣръ, разныхъ видовъ тѣлесныхъ поврежденій, обложенныхъ спеціальными наказаніями, насчитывается одинадцать; въ главѣ «О похищеніи имущества», исключая мошенничество и присвоеніе, имѣется 39 самостоятельныхъ статей; въ числѣ нарушеній по службѣ указаны, какъ отдѣльные проступки, «распечатаніе входящей бумаги не въ надлежащемъ порядкѣ», «развлеченіе вниманія другихъ чиновниковъ непрличными разговорами», «употребленіе казенной печати въ частной перепискѣ», «оставленіе въ канцеляріи бумагъ незапертыми» и т. п.

II.

Уложеніе 22-го марта 1903 года есть законодательный актъ совершенно новый, а не пересмотрѣнный прежній уголовный ко-

дексъ; проектъ его былъ всецѣло созданъ особою комиссіей, въ составъ которой входили наши наиболѣе извѣстные криминалисты— Неклюдовъ, Таганцевъ, Фойницкій, Случевскій; въ распоряженіи комиссіи имѣлись, въ числѣ другого матеріала, отзывы на отдѣльныя части проекта нашихъ и западно-европейскихъ ученыхъ и юридическихъ обществъ, а также новѣйшіе проекты иностранныхъ уголовныхъ кодексовъ. Если не весь этотъ матеріалъ былъ надлежаще использованъ, если отъ составителей проекта можно было ожидать большого, особливо же болѣе смѣлаго вступленія на новый, но цѣлесообразный путь репрессіи, указываемый государственной и специально уголовною политикой, то все же надо признать, что созданіемъ Уложенія 22-го марта сдѣланъ шагъ впередъ въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ и что кодексъ этотъ несравненно выше прежняго, а во многихъ отношеніяхъ можетъ считаться образцовымъ. О болѣе крупныхъ недостаткахъ его мы скажемъ ниже, теперь же укажемъ на выдающіяся его достоинства. Къ таковымъ мы, во-первыхъ, относимъ освобожденіе суда отъ сковывавшихъ его дѣятельность путь прежняго Уложенія и провозглашеніе принципа довѣрія къ суду, ставящее это учрежденіе въ надлежащее для управленія его функцій самостоятельное положеніе. Судъ по новому Уложенію уже болѣе не механическій счетчикъ, — онъ получилъ право, мотивируя, конечно, свое рѣшеніе, выбирать наказаніе данному лицу согласно объективнымъ и субъективнымъ условіямъ его дѣянія и назначать его въ той мѣрѣ, которая дѣйствительно по особымъ обстоятельствамъ преступленія соотвѣтствуетъ содѣянному преступникомъ. Прежнія обязательныя для суда сбавки и надбавки къ нормальному наказанію почти отсутствуютъ, «степени» наказанія, узко ограничивавшія выборъ даже срока лишенія свободы, уничтожены, и суду данъ настолько широкій просторъ, что, признавъ для даннаго преступника наличность смягчающаго обстоятельства (въ немногихъ случаяхъ предуказаннаго закономъ, въ остальныхъ же зависящаго отъ усмотрѣнія суда), судья можетъ не только назначить наименьшій размѣръ стоящаго въ законѣ наказанія, но и перейти къ другому болѣе мягкому роду, избравъ и здѣсь наименьшій срокъ; такъ, напримѣръ, въ случаѣ обложенія Уложеніемъ какого-либо преступленія каторгою безъ назначенія меньшаго срока ея судъ можетъ перейти къ исправительному дому и тутъ остановиться на минимальномъ его срокѣ (1½ года); по 458 статьѣ, предусматривающей убійство, задуманное и выполненное подъ вліяніемъ душевнаго волненія и тяжелаго оскорбленія, судъ можетъ вмѣсто нормальнаго наказанія каторгою (maximum — 8 лѣтъ) назначить заключеніе въ крѣпость на двѣ недѣли, не сопровождае-

мое никакимъ правопораженіемъ. Такимъ расширеніемъ компетенціи суда достигается столь необходимая по признанію теоретиковъ и практиковъ-юристовъ въ видахъ справедливости индивидуализація наказанія. Той же цѣли служитъ встрѣчаемое въ особенной части новаго Уложенія назначеніе за одно и то же преступное дѣяніе двухъ параллельныхъ наказаній, изъ коихъ одно носитъ позорящій характеръ, а другое свободно по существующимъ въ обществѣ взглядамъ отъ этого условія, какъ, напримѣръ, заключеніе въ крѣпости, рассматриваемое, какъ *custodia honesta*.

Къ сожалѣнію, параллельныя наказанія встрѣчаются въ новомъ Уложеніи сравнительно рѣдко, и раздѣленіе карательныхъ мѣръ на позорящія и непозорящія въ зависимости отъ мотивовъ преступленія проведено далеко не послѣдовательно. Редакціонная коммиссія задалась, какъ оно видно изъ объяснительной записки, этою цѣлью, но не достигла ея, и во многихъ случаяхъ назначила наказанія, признаваемые ею позорящими за дѣянія, не носящія такого характера; затѣмъ, къ сожалѣнію, новый законъ не выдѣлилъ, не подчеркнул достаточно особое значеніе мотива преступленія независимо отъ результата дѣянія. А между тѣмъ мотивъ долженъ имѣть громадное значеніе при выборѣ и назначеніи наказанія какъ съ точки зрѣнія классической школы уголовного права, въ основѣ которой лежитъ идея устрашенія (система общаго предупрежденія угрозою наказанія), такъ и новѣйшихъ антропологической и соціологической, рассматривающихъ преступленіе или какъ продуктъ бытовыхъ условій, или съ исключительно субъективной точки зрѣнія какъ результатъ дѣйствія соціально-опасной личности, подлежащей обезвреженію въ виду ея неприспособленности къ правовому порядку жизни, и, наконецъ, съ точки зрѣнія соединенной доктрины, стремящейся примирить указанные системы. Разница между лицомъ, совершившимъ убійство изъ ревности или ради ограбленія, такъ велика, что хотя съ чисто объективной стороны, судя по результату, дѣянія ихъ одинаковы, но отношеніе къ нимъ суда, примѣняющаго репрессивныя мѣры, должно быть совсѣмъ различное, такъ же какъ и наказаніе. Поэтому, думается намъ, вполне цѣлесообразно выдвинуто *особое* значеніе мотива въ новомъ норвежскомъ уголовномъ кодексѣ и въ проектѣ швейцарскаго Уложенія, составленномъ профессоромъ Штоссомъ, признаваемомъ многими учеными (Ламашъ, Меркель, Лиленталь, въ нашей литературѣ Мокринскій, Гогель) за одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе практической уголовный кодексъ, съ чѣмъ нельзя не согласиться, ознакомившись съ работою Штосса. Такого спеціальнаго указанія на значеніе мотива въ нашемъ новомъ Уложеніи, къ сожалѣнію, нѣтъ, тогда какъ у насъ оно было

бы особенно желательно въ виду еще недостаточнаго у насъ развитія науки уголовного права; но однако широкія рамки, устанавливаемыя новымъ Уложеніемъ по отношенію къ выбору наказанія, даютъ суду возможность считаться съ мотивомъ преступленія. Къ достоинствамъ той же категоріи мы относимъ устраненіе опредѣленныхъ ставокъ наказанія по мѣрѣ и по способу участія въ преступленіи, совершонномъ нѣсколькими согласившимися на то лицами. Новый законъ въ статьѣ 51-й даетъ лишь въ общихъ чертахъ опредѣленіе, кого надлежитъ считать соучастникомъ преступленія, упоминая объ одномъ только случаѣ обязательнаго для суда пониженія наказанія,—для «пособника», помощь коего была не существенна. Не подлежитъ сомнѣнію, что распредѣленіе мѣры наказанія между лицами, совершившими его, должно быть всецѣло предоставлено суду, разсматривающему данное дѣло во всей его совокупности и имѣющему исключительно возможность рѣшить надлежитъ ли строже отнестись къ физическому или интеллектуальному виновнику, къ соучастнику или пособнику. Признавъ это положеніе въ статьѣ 51-й Уложенія, составители его, дабы быть послѣдовательными, не должны были бы предопредѣлять уменьшеніе отвѣтственности для «несущественнаго пособника». Въ приведенной оговоркѣ о «пособникѣ» мы видимъ весьма часто встрѣчающуюся въ новомъ кодексѣ невыдержанность, какъ бы нѣкоторую робость передъ нововведеніями, дань, платимую невольно уголовной рутинѣ, и боязнь кореннымъ образомъ порвать съ прежнимъ Уложеніемъ.

Далѣе надлежитъ отмѣтить гораздо большую, по сравненію съ прежнимъ, гуманность новаго закона. Если мы не находимъ этой черты въ самой лѣстницѣ наказаній, въ сущности всецѣло перенесенной изъ прежняго Уложенія, то она бросается въ глаза въ особенной части, назначающей за многія преступленія менѣе строгія репрессивныя мѣры; примѣръ смягченія строгой санкціи Уложенія 1885 г. мы привели по отношенію къ «богохуленію и кощунству», и такихъ смягченій много; обращаетъ также на себя особенное вниманіе отмѣна смертной казни за цѣлый рядъ нарушеній карантинныхъ правилъ съ замѣною лишенія жизни незначительными взысканіями; разумное смягченіе репрессіи встрѣчается по цѣлому ряду статей, что вовсе не свидѣтельствуетъ объ огульномъ и случайномъ пониженіи карательныхъ ставокъ; напротивъ, допущенное Уложеніемъ 1903 г. уменьшеніе наказанія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ объясняется измѣнившимся взглядомъ общества на данное преступленіе и вообще требованіями жизни и науки; въ нѣкоторыхъ случаяхъ (особливо при рецидивѣ) мы встрѣчаемся, наоборотъ, съ достаточно обоснованнымъ усиленіемъ репрессіи. Но-

вое Уложение въ этомъ отношеніи пошло еще дальше, обложивъ тѣми или другими наказаніями цѣлый рядъ дѣяній, до сихъ поръ не находившихъ себѣ мѣста въ нашемъ уголовномъ кодексѣ, но признанныхъ уже общественною совѣстью заслуживающими кары или вызывающихъ ее въ видахъ огражденія общественнаго здравія и вообще основнаго благоустройства. Въ числѣ этихъ дѣяній мы встрѣчаемъ вовлеченіе лицъ женскаго пола въ занятіе непотребствомъ, извлеченіе лицомъ мужскаго пола выгоды изъ занятія женщины непотребствомъ, любострастныя дѣйствія съ дѣтьми или съ совершеннолѣтними, но безъ ихъ согласія, публичное нарушеніе благопристойности, принятіе лица моложе 17-ти лѣтъ для обращенія въ нищенство или иное безнравственное занятіе, сокрытіе женщиной, нанявшейся въ кормилицы или для ухода за дѣтьми, личности у нея заразной болѣзни, несоблюденіе чистоты при выдѣлкѣ, храненіи и продажѣ съѣстныхъ припасовъ, фальсификація таковыхъ, разнаго рода эксплуатація рабочихъ, оглашеніе тайнъ, злоупотребленіе довѣріемъ, шантажъ, похищеніе мертваго и многія другія.

Новое Уложение, оградивъ угрозой наказанія нуждавшіеся въ такой охранѣ частныя и общіе интересы, признало затѣмъ цѣлый рядъ дѣяній, наказуемыхъ по старому Уложенію, но въ настоящее время потерявшихъ въ глазахъ общества и законодателя преступный характеръ, безразличными съ уголовной точки зрѣнія и игнорируетъ ихъ (скотоложство, простое совращеніе изъ христіанской въ другую вѣру или изъ православія въ иное вѣроученіе и расколъ, лжеприсяга какъ особый деликтъ и отказъ отъ дачи присяги, принадлежность къ тайному сообществу, не преслѣдуемому преступныхъ цѣлей, предусмотрѣнная 320 статьей, оставленіе отечества, извѣты кликушъ и т. п.). Точно такъ же большое количество постановленій прежняго Уложенія, не содержащихъ въ себѣ какой-либо карательной санкціи или переносившихъ право наказанія на частныхъ лицъ, о которыхъ мы говорили, не включены вовсе въ новый кодексъ. Благодаря этому, а также значительному усовершенствованію законодательной техники, — какъ-то: болѣе правильной классификаціи преступленій, систематическому изложенію въ общей части признанныхъ кодексомъ институтовъ уголовного права, улучшенію редакціи всего текста, строгой очерченности положеній, уменьшенію казуистичности, — новое Уложение значительно сократилось противъ прежняго; въ немъ всего 687 статей, при чемъ въ числѣ ихъ находятся статьи, предусматривающія проступки, входившія до настоящаго времени въ особый уставъ о наказаніяхъ. Такое уменьшеніе вѣса Уложенія, конечно, весьма

желательно, но мы считаемъ, что соединеніе въ одномъ кодексѣ преступленій и проступковъ безъ выдѣленія послѣднихъ хотя бы въ особую главу, удобное для законодателя и болѣе стройное внѣшне, въ отношеніи конструкціи кодекса, едва ли цѣлесообразно и весьма затруднитъ на практикѣ судей, компетенціи которыхъ будутъ подлежать именно незначительныя правонарушенія—проступки.

Новое Уложеніе дѣлитъ запрещаемыя имъ подѣ страхомъ наказанія дѣянія, подобно французскому *code pénal*, на три вида: 1) тяжкія преступленія, 2) преступленія и 3) проступки. Критеріемъ для такой группировки деликтовъ послужили законодателю не бѣльшая или меньшая опасность дѣяній или относительная важность благъ, ставшихъ объектомъ преступнаго посягательства, а *исключительно* тяжесть назначаемого за нихъ наказанія; такъ, тяжкими преступленіями именуется правонарушенія, обложенныя смертною казнью, каторгой и поселеніемъ, преступленіями—дѣянія, влекуція для виновнаго исправительный домъ, крѣпость и тюрьму, и проступками—дѣянія, караемыя арестомъ или денежною пеней. Такое дѣленіе, удобное въ редакціонномъ отношеніи, ибо однимъ терминомъ опредѣляется цѣлая группа деликтовъ, едва ли теоретически правильно уже самый критерій представляется хотя удобнымъ для разграниченія подсудности, но искусственнымъ, такъ какъ относительная тяжесть преступленія въ общемъ нашемъ, несомнѣнно естественномъ, сознаніи, зависитъ вовсе не отъ большей или меньшей строгости грозящаго за таковое наказанія, обусловливаемой волей законодателя, а отъ самаго дѣянія, его свойства и результатовъ въ связи съ цѣнностью нарушенныхъ благъ и опасностью для общества. Такъ, какимъ бы наказаніемъ ни было обложено умышленное лишеніе жизни, оно всегда будетъ въ глазахъ общества составлять наиболѣе тяжкое преступленіе, тогда какъ караемое по новому Уложенію поселеніемъ совращеніе обѣщаніемъ выгодъ православнаго въ такую секту, какъ, на примѣръ, «штунда», составляющее по терминологіи Уложенія тяжкое преступленіе наравнѣ съ убійствомъ и разбоемъ, едва ли будетъ признано за таковое общественнымъ мнѣніемъ. Болѣе научнымъ и въ то же время болѣе соответствующимъ дѣйствительности можно признать дѣленіе деликтовъ на «преступленія» и «нарушенія», основанное именно на сравнительной цѣнности нарушенныхъ благъ, опасности самаго дѣянія для общества и безнравственности мотивовъ его; къ категоріи первыхъ надлежало бы, по нашему мнѣнію, отнести всѣ умышленныя посягательства на жизнь, здоровье, свободу, имущественныя блага, женскую честь, неприкосновенность государственнаго и общественнаго строя и существующаго правопорядка, а ко второй группѣ

«проступковъ» — всѣ остальные деликты, а именно такъ называемыя полицейскія нарушенія (спускъ нечистотъ въ рѣки, появленіе въ нетрезвомъ состояніи въ публичномъ мѣстѣ, буйство, драки, недозволенная торговля, нарушеніе паспортнаго и другихъ уставовъ и равнообразныхъ обязательныхъ постановленій, ограждающихъ общественное благочиніе и благоустройство и т. п.), оскорбленіе, клевету, насиліе, порчу имущества, разныя неосторожныя дѣянія и т. п. Вопросъ о точномъ разграниченіи преступленій отъ проступковъ далеко еще не рѣшенъ ни теоріей, ни практикой и обычно въ кодексѣ, предусматривающемъ проступки, сосредоточены не только нарушенія полицейскаго характера, но и дѣянія, имѣющія признаки преступленій, однако представляющія наименьшую опасность для отдѣльныхъ лицъ и общества и нарушающія лишь минимально тѣ или другія права. Новѣйшіе уголовные кодексы, а именно итальянскій, нидерландскій, норвежскій, остановились на двухчленномъ дѣленіи правонарушеній, такъ же какъ проектъ швейцарскаго уложенія профессора Штосса, выдѣлившій всѣ «проступки» въ особый его отдѣлъ. Можно пожалѣть, что составители проекта новаго Уложенія не послѣдовали примѣру швейцарскихъ юристовъ, ибо мелкія правонарушения по самой природѣ своей настолько отличаются отъ преступленій, что большинство руководящихъ положеній, сосредоточенныхъ въ общей части Уложенія, не имѣетъ къ нимъ прямого отношенія.

Къ благимъ нововведеніямъ Уложенія 1903 года надо отнести уничтоженіе сопровождавшей наиболѣе тяжкія наказанія такъ называемой политической смерти, выразившейся въ потерѣ *навсегда* всѣхъ правъ состоянія, т.-е. политическихъ, имущественныхъ и семейныхъ. Эта жестокая по самой идеѣ мѣра — устраненіе осужденнаго навсегда изъ общества, соединенное съ отрицаніемъ въ немъ правъ человѣческой личности, кара на самомъ дѣлѣ болѣе чѣмъ суровая, лишавшая осужденнаго надежды на возможность лучшаго будущаго, отжила свой вѣкъ и новый уголовный кодексъ ввелъ реабилитацію, — институтъ возвращенія утраченныхъ по суду правъ. Правопораженіе общее и частичное сопровождается и нынѣ нѣкоторыя наказанія, но оно уже временное, и осужденный можетъ достигнуть возстановленія утраченныхъ правъ въ законѣмъ определеннымъ срокамъ и даже внѣ ихъ. Новое Уложеніе отвергло такъ же, и съ полнымъ основаніемъ, какъ наказаніе, назначаемое свѣтскимъ судомъ дополнительно къ другому, церковное покаяніе. Забота о духовномъ возмездіи (напримѣръ, въ случаѣ неосторожнаго убійства) и покаяніи притомъ принудительно не можетъ входить въ задачу суда, которому достаточно заботиться о внѣшнемъ исправленіи пре-

ступника, вѣрнѣе о приспособленіи его къ нормальной, правовой жизни.

Крупнымъ успѣхомъ, особливо съ точки зрѣнія уголовной политики, является дарованное суду новымъ закономъ право зачета въ наказаніе времени, проведеннаго осужденнымъ въ заключеніи до суда. Юридическая посылка, что предварительный арестъ не есть наказаніе, а лишь мѣра предупрежденія побѣга обвиняемаго или противодѣйствіе незаконной зашитѣ его, нисколько не уменьшаетъ на самомъ дѣлѣ страданій, вызываемыхъ лишеніемъ свободы, особенно чувствительныхъ до осужденія, и, будучи отвлеченной, не можетъ служить утѣшеніемъ узнику. Такое заключеніе подлежитъ признанію, если оно необходимо для борьбы государственной власти съ предполагаемымъ преступникомъ, мѣрою исключительной, не долженствующей ни въ какомъ случаѣ увеличивать ожидающее обвиняемаго наказаніе. А между тѣмъ не рѣдко у насъ предварительное заключеніе длится годъ и болѣе и ложится непредусматриваемымъ закономъ дополнительнымъ бременемъ на осужденнаго. Несправедливость незасчитываемаго въ наказаніе лишенія свободы сознана давно нашимъ обществомъ, выражающимъ свое отношеніе къ этому положенію цѣлымъ рядомъ оправданій присяжными засѣдателями завѣдомо виновныхъ въ такомъ даже преступленіи, какъ кража (вызывающемъ нормально рѣзко-отрицательное отношеніе присяжныхъ), если виновные долгое время до суда содержались подъ стражей. Такими приговорами представители общественной совѣсти въ сущности не оправдываютъ виновныхъ, а признаютъ, что они достаточно уже наказаны предварительнымъ заключеніемъ. Происходитъ компромиссъ, обходъ закона, на первый взглядъ безразличный, даже какъ бы удовлетворяющій всѣхъ. Но на самомъ дѣлѣ это далеко не такъ; уже не говоря про то, что подобные оправдательные приговоры даютъ возможность принципіальнымъ противникамъ суда присяжныхъ—«суда улицы», какъ его презрительно называютъ представители режима всеобъемлющаго бюрократизма, устраняющаго какое-либо участіе общества въ дѣлѣ устройства собственнаго существованія,—обвинять судъ въ легкомысліи, либеральничаніи на чужой счетъ и тенденціозности,—вердикты, о которыхъ мы говоримъ, обладаютъ громаднымъ недостаткомъ: они не соотвѣтствуютъ своему названію, ими присяжные провозглашаютъ *неправду*. Совершившій кражу при обычныхъ условіяхъ, часто рецидивистъ, даже не скрывающій содѣяннаго имъ, виновенъ въ глазахъ присяжныхъ судей и заслуживаетъ наказанія, а они говорятъ торжественно всему обществу и подсудимому противное. Лжи, завѣдомой неправдѣ нѣтъ мѣста на судѣ, а въ судебномъ приго-

воръ тѣмъ болѣе; обвинительный приговоръ суда имѣеть далеко не одно карательное значеніе,—наиболѣе важно гласное *осужденіе* обществомъ и преступнаго дѣянія, и совершителя; лишь такое осужденіе независимо отъ результатовъ его можетъ успокоить возмущенное преступленіемъ чувство общества, дать внутреннее, достойное человѣка удовлетвореніе потерпѣвшему и служить отвлеченной идеѣ правды и права, окончательное торжество которыхъ дастъ однако не одни отвлеченные, а ощутительные плоды. По введеніи новаго Уложенія указанный нами обходъ закона станетъ излишнимъ и данное суду факультативно право зачета въ наказаніе предварительнаго ареста избавить присяжныхъ засѣдателей отъ необходимости произносить несоотвѣтствующіе дѣйствительности вердикты.

Мы уже говорили, что составители новаго Уложенія, сознавая безусловный вредъ казуистичности уголовного закона, отказались отъ нея; но и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, предположенія редакціонной комиссіи не совпали съ конечнымъ осуществленіемъ. По мѣткому выраженію В. Д. Набокова («Упраздненіе грабежа», «Право». 1902 г. № 50) казуистическія опредѣленія нашего Уложенія, «выброшенные черезъ дверь, вернулись черезъ окно». Вернулись они въ меньшемъ количествѣ, не по всѣмъ отдѣламъ кодекса равномѣрно, но все-таки въ значительной степени усложнили новый кодексъ, главнымъ образомъ требованіемъ надбавокъ къ наказанію за признаваемые законодателемъ особо вредными и опасными проявленія злой воли, при чемъ надбавки эти почти исключительно зиждутся на объективныхъ признакахъ преступленія, очень часто недостаточныхъ для справедливаго усиленія наказанія. Такъ, 455 статья, предусматривающая убійство, содержитъ въ себѣ 13 пунктовъ квалифицирующихъ случаевъ, къ каковымъ отнесены и такіе: «способомъ, опаснымъ для жизни многихъ», «особенно мучительно для убитаго», «съ цѣлью облегчить совершеніе другого, болѣе тяжкаго преступленія», «изъ засады», «посредствомъ отравленія» и т. д. Перечисленія эти, предписывающія суду увеличеніе наказанія, свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что хотя законодатель и провозгласилъ принципъ довѣрія къ суду, но осуществилъ его лишь до извѣстной степени; дѣйствительнаго довѣрія нѣтъ налицо, такого довѣрія, какое мы констатируемъ, на примѣръ, въ норвежскомъ и въ проектѣ швейцарскаго Уложенія. Казалось бы, что и безъ императивнаго указанія законодателя судья отнесется строже къ убійцѣ, покусившемуся на жизнь своего ближняго «изъ корыстной цѣли», или учинившаго его умышленно способомъ особо мучительнымъ или опаснымъ для многихъ,

но прежнее Уложение, управляемое недоверіемъ къ суду, словно какимъ гипнозомъ повліяло на составителей новаго кодекса и отразилось на немъ, повидимому, даже противъ ихъ воли; иныя положенія архаическаго уголовного закона нашего казались какъ бы устоями прежняго «крѣпкаго» порядка, съ которымъ опасно сразу разстаться, и въ результатѣ—появленіе въ новомъ кодексѣ, отвергшемъ торжественно казуистичность, надбавокъ къ наказанію за убійство, совершенное изъ засады, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ такое убійство можетъ оказаться гораздо болѣе заслуживающимъ снисхожденія, чѣмъ убійство не изъ засады. Въ той же статьѣ объ убійствѣ вліяніе стараго Уложения сказалось даже въ непосредственномъ перенесеніи текста его въ новый кодексъ, вызвавшемъ бросающійся въ глаза анахронизмъ. Пунктъ пятый назначаетъ усиленное наказаніе за убійство «начальника или *господина*... или хозяина, у котораго виновный состоитъ въ услуженіи, или мастера, у котораго онъ находится въ работѣ или ученіи...» Примѣненіе этого пункта вызоветъ предъ судьей вопросъ, кто «господинъ», о которомъ говорится въ статьѣ,—вопросъ неразрѣшимый, ибо «господинъ» не есть наниматель, которому противопоставляется нанятое лицо,—«слуга»,—о прислугѣ и хозяевахъ говорится въ этомъ пунктѣ особо, такъ же, какъ о рабочихъ и ученикахъ. Кто же онъ дѣйствительно, этотъ столь заботливо охраняемый закономъ «господинъ»? Нельзя же думать, что подъ «господиномъ» Уложение разумѣетъ лицо, одѣтое по-европейски и носящее на головѣ котелокъ въ отличіе отъ лицъ, облеченныхъ въ русское платье. Намъ представляется, что «господинъ» 355-й статьи—лицо ныне уже архивное, не существующее *in concreto*; оно ушло изъ нашей жизни 19 февраля 1861 года вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, знавшимъ дѣйствительно, помимо хозяевъ и слугъ, прирожденныхъ господъ и, составлявшихъ ихъ собственность, крѣпостныхъ людей. Въ то время убійство крѣпостнымъ человѣкомъ господина составляло, несомнѣнно, преступленіе квалифицированное, и, какъ такое, оно вошло въ Уложение 1845 года, вѣроятно по кодификаціонному недосмотру перешло въ той же редакціи въ новыя изданія Уложения и, наконецъ, попало въ кодексъ 1903 года, въ которомъ, думается, оно неумѣстно. Но если даже и забыть о вносящемъ въ 5 п. 455 статьи недоумѣніе происхожденіи «господина», то все-таки наличность его будетъ свидѣтельствовать о непрактичности казуистическихъ опредѣленій; криминалистъ-практикъ знаетъ массу случаевъ убійства работникомъ хозяина, не заслуживающихъ усиленія для виновнаго репрессіи, а затѣмъ если уже идти этимъ путемъ, то въ 455 статью надо было бы включить пунктъ, квали-

фицирующій убійство хозяиномъ своего слуги и особливо мастеровъ своего ученика, какъ ввѣреннаго ему лица. На самомъ дѣлѣ такія подробныя предустановленія лишь затрудняютъ нормальное теченіе правосудія, заставляя служителей его подыскивать способы обхода представляющагося по данному случаю явно несправедливымъ требованія закона. Указанное нами упоминаніе Уложеніемъ о «господинѣ» надо въ общемъ отнести къ неудачной редакціи, которая и въ нѣсколькихъ другихъ статьяхъ особенной части не стоитъ на уровнѣ требованій, предъявляемыхъ къ тексту уголовного кодекса; но въ общемъ редакціонныя достоинства новаго закона заслуживаютъ полнаго одобренія, особливо же въ общей части, которая вся изложена языкомъ точнымъ, яснымъ, краткимъ и безъ повтореній.

На этомъ мы пока ограничимся въ перечнѣ достоинствъ новаго Уложенія и перейдемъ къ обзорнѣю главныхъ положеній общей части, а также и къ болѣе подробному изложенію постановленій особенной части, указывая попутно на замѣченные нами достоинства и недостатки.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Н. Давыдовъ.

Фототипія п. ПАВЛОВА.

Генералъ С. С. Соловьевъ

Памяти С. М. Соловьева.

(† 4 октября 1879 г.)

Двадцать пять лѣтъ прошло со дня кончины С. М. Соловьева. Смерть застала историка за XXIX томомъ его *Историю Россіи съ древнѣйшихъ временъ* и прервала его тридцатилѣтній трудъ на полуфразѣ.

Когда стало извѣстно, что работа, столько лѣтъ привлекавшая къ себѣ вниманіе образованнаго русскаго общества, остановилась навсегда, что замерла энергія, ее двигавшая, первымъ побужденіемъ было воздать должное покойному ученому, оцѣнить, что сдѣлалъ онъ своимъ многолѣтнимъ трудомъ для науки, для изученія русской исторіи, для національнаго самопознанія. Время строго провѣряетъ чувства и сужденія. Двадцать пять лѣтъ—достаточно продолжительный срокъ для провѣрки. Пишущій эти строки, которому досталась отвѣтственная честь стать преемникомъ С. М. Соловьева по кафедрѣ, подъ первымъ впечатлѣніемъ понесенной утраты написалъ нѣсколько внушенныхъ чувствомъ ученика строкъ о характерѣ почившаго историка и значенія его труда. Перечитавъ написанное четверть вѣка спустя, авторъ не нашелъ преувеличенія, къ какому обыкновенно располагаетъ еще не закрытая могила. Скорѣе напротивъ: черты кажутся блѣдными и неполными, взглядъ недостаточно широкимъ. Этимъ впечатлѣніемъ оправдывается рѣшимость предложить вниманію читателя этотъ спѣшный коротенькій очеркъ, анонимно помѣщенный въ давно прерванномъ изданіи ¹⁾. По нему можно отчасти судить, какъ значеніе этихъ 29 томовъ *Истории Россіи* уяснялось и росло по смерти историка, разрушая опасенія и его собственныя предсказанія, что громадная книга будетъ скоро снята со стола и забыта.

---

1) *Критическое Обзорніе* 1879 г. № 20, стр. 37—40.

I.

..... Биографія и историческая критика спокойно и на досугѣ опишутъ его жизнь и характеръ, изобразятъ ходъ и значеніе его учено-литературной дѣятельности, его образъ мыслей и убѣжденія, его взглядъ на историческія судьбы Россіи. Подъ неостывшимъ еще впечатлѣніемъ тяжелой утраты попытаемся припомнить хотя только наружныя, самыя поверхностныя черты его, какъ ученаго.

Соловьевъ рано сталъ и до конца жизни остался ученымъ. Онъ умеръ, не доживъ до конца своего 60-го года; но имя его уже 34 года извѣстно въ русской ученой литературѣ. Его дѣятельность въ эти 34 года была раздѣлена между архивами, университетской аудиторіей и письменнымъ столомъ его кабинета. Онъ удивительно много и правильно работалъ и на успѣхи русской исторической науки имѣлъ вліяніе, которое пока трудно еще оцѣнить достаточно. Съ 1845 г., когда появилось его первое изслѣдованіе по русской исторіи, и до послѣдней строки, имъ написанной незадолго до смерти, онъ работалъ въ одномъ направленіи, которое прямо или косвенно отразилось на ходѣ всей русской исторической литературы. Въ движеніи русской исторіографіи это время можно смѣло обозначить именемъ Соловьева: живущіе нынѣ писатели, вмѣстѣ съ нимъ наиболѣе поработавшіе надъ исторіей своего отечества, охотно согласятся съ этимъ. Вооружившись приемами и задачами, выработанными исторической наукой первой половины нашего вѣка, онъ первый пересмотрѣлъ всю массу историческаго матеріала, оставшагося отъ жизни русскаго народа съ половины IX до послѣдней четверти XVIII в., связалъ одной мыслью разорванные лоскуты историческихъ памятниковъ и вынесъ на свѣтъ всю наличность уцѣлѣвшихъ фактовъ нашей исторіи. Есть и будутъ десятки трудолюбивыхъ изслѣдователей русскаго прошедшаго, которые останавливаются и будутъ останавливаться на томъ или другомъ фактѣ долѣе Соловьева, изучаютъ и будутъ изучать то или другое явленіе подробнѣе, чѣмъ изучалъ онъ; но каждый изъ нихъ, чтобы идти прямо и твердо въ своей работѣ, долженъ начинать съ того, чѣмъ кончилъ Соловьевъ свою рѣчь о томъ же, и онъ, какъ маякъ, еще долго будетъ служить первымъ указателемъ пути даже для тѣхъ, кто далеко разойдется съ нимъ въ своихъ послѣднихъ выводахъ. Въ 1851 г. вышелъ первый томъ его *Исторіи Россіи*, и съ тѣхъ поръ каждый годъ читатель получалъ новый томъ въ урочное время съ точностью, которой не могла побѣдить даже предсмертная болѣзнь автора: умирая, онъ сдалъ XXIX томъ въ типографію почти законченнымъ; перо выпало изъ руки недалеко отъ

предположеннаго конца книги — описанія казни Пугачева. Никогда прежде въ продолженіе почти трехъ десятилѣтій въ нашу историческую литературу не вливалось такъ послѣдовательно, такой непрерывной струей столько свѣжихъ знаній. Послѣ продолжительнаго и труднаго пути повѣствователь подходилъ уже къ порогу нашего вѣка; жизнь одного поколѣнія отдѣляла его отъ времени нашихъ отцовъ, когда оборвалась нить его повѣсти и его жизни. Онъ напоминаетъ своей дѣятельностью нашего древняго колонизатора, который, отыскавъ протоптанную тропу по опушкѣ дремучаго лѣса, первый отважился продолжить ее въ непройденную никѣмъ глубь и упалъ, когда уже сталъ показываться просвѣтъ съ другой стороны чащи.

Самъ историкъ очень спокойно смотрѣлъ на значеніе труда, которому онъ отдалъ 30 лучшихъ лѣтъ своей жизни. Задолго до смерти онъ высказывалъ увѣренность, что въ недалекомъ будущемъ напишутъ исторію Россіи лучше его; за собой онъ удерживалъ только заслугу первой тяжелой расчистки пути, первой обработки сырого матеріала. Но по многимъ причинамъ 29 томовъ его *Исторіи* не скоро послѣдуютъ въ могилу за своимъ авторомъ. Даже при успѣшномъ ходѣ русской исторической критики въ нашемъ ученомъ оборотѣ надолго удержится значительный запасъ историческихъ фактовъ и положеній въ томъ самомъ видѣ, какъ ихъ впервые обработалъ и высказалъ Соловьевъ: изслѣдователи долго будутъ ихъ черпать прямо изъ его книги, прежде чѣмъ успѣютъ провѣрить ихъ сами по первымъ источникамъ. Еще важнѣе то, что Соловьевъ вмѣстѣ съ огромнымъ количествомъ прочно поставленныхъ фактовъ внесъ въ нашу историческую литературу очень мало ученыхъ предположеній. Трезвый взглядъ рѣдко позволялъ ему переступать рубежъ, за которымъ начинается широкое поле гаданій, столь удобное для игры ученаго воображенія. При недостаткѣ твердыхъ основаній Соловьевъ скорѣе готовъ былъ обойти вопросъ, подвергаясь упрекамъ критики, чѣмъ рѣшить его какой-либо остроумной догадкой, которая поселила бы самодовольную увѣренность, что вопросъ поконченъ, или легла бы лишнимъ камнемъ на пути для другихъ изслѣдователей. Вотъ почему отъ такой продолжительной и быстрой работы надъ неопрытымъ, неочищеннымъ матеріаломъ у Соловьева осталось такъ мало *ученаго сора*. Найдутъ разные недостатки въ его огромномъ трудѣ; но нельзя упрекнуть его въ одномъ, отъ котораго всего труднѣе освободиться историкъ: никто меньше Соловьева не злоупотреблялъ довѣріемъ читателя во имя авторитета знатока.

Это былъ ученый съ строгой, хорошо воспитанной мыслью.

Черствой правды дѣйствительности онъ не смягчалъ въ угоду патологическимъ наклонностямъ времени. Навстрѣчу фельетоннымъ вкусамъ читателя онъ выходилъ съ живымъ, но серьезнымъ, подъ часъ жесткимъ рассказомъ, въ которомъ сухой, хорошо обдуманнѣй фактъ не приносился въ жертву хорошо рассказанному анекдоту. Это создало ему извѣстность *сухаю* историка. Какъ относился онъ къ публикѣ, для которой писалъ, такъ же точно относился онъ и къ народу, исторію котораго писалъ. Русскій до мозга костей, онъ никогда не закрывалъ глазъ, чтобы не видѣть темныхъ сторонъ въ прошедшемъ и настоящемъ русскаго народа. Живѣе многихъ и многихъ патриотовъ чувствовалъ онъ великія силы родного народа, крѣпче многихъ вѣрилъ въ его будущее; но онъ не творилъ изъ него кумира. Какъ нельзя больше былъ онъ чуждъ того грубаго пренебреженія къ народу, какое часто скрывается подъ неумѣреннымъ и ненужнымъ воспѣваніемъ его доблестей или подъ высокоумѣреннымъ и равнодушнымъ снисхожденіемъ къ его недостаткамъ. Онъ слишкомъ глубоко любилъ и уважалъ русскій народъ, чтобы лстить ему, и считалъ его слишкомъ взрослымъ, чтобы подъ видомъ народной исторіи сказывать ему дѣтскія сказки о народномъ богатствѣ.

Исторіи Соловьевъ не ронялъ до памфлета. Онъ умѣлъ разсматривать историческія явленія даннаго мѣста и времени независимо отъ временныхъ и мѣстныхъ увлеченій и пристрастій. Его научный историческій кругозоръ не ограничивался извѣстными градусами географической широты и долготы. Изучая крупныя и мелкія явленія исторіи одного народа, онъ не терялъ изъ вида общихъ законовъ, правящихъ жизнью человѣчества, коренныхъ основаній, на которыхъ строятся людскія общества. Мыслитель скрывался въ немъ за повѣствователемъ; его рассказъ развивался на историко-философской основѣ; безъ которой исторія становится забавой празднаго любопытства. Оттого историческія явленія стоятъ у него на своихъ мѣстахъ, освѣщены естественнымъ, а не искусственнымъ свѣтомъ; оттого въ его рассказѣ есть внутренняя гармонія, историческая логика, заставляющая забывать о внѣшней беллетристической стройности изложенія.

Широта историческаго взгляда была отраженіемъ широты его историческаго образованія. Въ области русской исторіи трудно быть специалистомъ болѣе Соловьева. Немного будетъ послѣ него ученыхъ, которымъ удастся такъ послѣдовательно и полно изучить источники нашей исторіи. Но Соловьевъ не закапывался въ свою специальность. Въ этомъ отношеніи онъ—поучительный образецъ, особенно для занимающихся отечественной исторіей, между кото-

рыми часто проявляется склонность уединяться въ своей цеховой кельѣ. Первый мастеръ своего дѣла, Соловьевъ хранилъ въ себѣ хорошія свойства ученыхъ стараго времени, когда научныя специальности еще не расходились между собою такъ далеко, какъ разошлись онѣ теперь. Образцовыя произведенія исторической и политической литературы Европы со временъ Геродота и до нашихъ дней онъ изучалъ въ подлинникахъ и зналъ превосходно. Библейскія книги были ему знакомы, какъ древнія русскія лѣтописи. Знатки поражались внимательностью, съ какой онъ слѣдилъ за текущей иностранной литературой по исторіи, географіи, этнографіи и другимъ смежнымъ отраслямъ знанія; для нихъ остается неразрѣшимой загадкой, гдѣ находилъ время для этого человѣкъ, съ такой педантической точностью исполнявшій свои служебныя обязанности, постоянно писавшій въ періодическихъ изданіяхъ и ежегодно издававшій новый томъ *Исторіи Россіи*. Въ минуты отдыха онъ особенно охотно говорилъ о какой-нибудь замѣчательной литературной новости, иностранной или русской, часто очень далекой отъ предмета его текущихъ специальныхъ занятій. Феноменально-счастливая память помогала этой безустанной работѣ. Казалось, эта память не умѣла забывать, какъ мысль, которой она служила, не умѣла уставать. Наблюдатель, изучивъ свойства его таланта, образъ его мыслей, кругъ его интересовъ, наконецъ съ недоумѣніемъ останавливался передъ самымъ устройствомъ его ума: оно поражало его, какъ рѣдкій ученый механизмъ, способный работать одинаково спокойно и правильно безконечное число часовъ, перерабатывая самый разнообразный матеріалъ. Онъ зналъ тайну искусства удвоить время и возстановлять силы простой перемѣной занятій. Ни годы, ни житейскія тревоги, ни физическій недугъ не могли ослабить живости его умственныхъ интересовъ. Прошедшимъ лѣтомъ, прикованный болѣзнию къ креслу, онъ не могъ оторваться отъ только что изданной переписки Погодина съ славянскими учеными и знакомымъ, пришедшимъ навѣстить больного и напрасно усиливавшимся сдерживать его участіе въ разговорѣ, передавалъ свои воспоминанія о Шафарикѣ и народно-литературномъ движеніи среди чеховъ сороковыхъ годовъ съ живостью недавняго впечатлѣнія, хотя прошло уже 37 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ въ Прагѣ. Вслѣдъ затѣмъ показалъ онъ только что полученный выпускъ географическаго труда Реклю, гдѣ помѣщенъ рисунокъ стариннаго деревяннаго храма въ Норвегіи, близко напоминающаго своей архитектурой московскій храмъ Василя Блаженнаго, и готовъ былъ безъ конца разсуждать о происхожденіи и значеніи этого сходства. Недѣли за три до смерти, голосомъ, котораго уже не хватало на

окончанія словъ, онъ еще спрашивалъ посѣтителя: не выпло ли чего новенькаго по нашей части? Интересъ знанія еще живо горѣлъ, когда гасла физическая жизнь.

Эта энергія умственныхъ интересовъ поддерживалась единственно нравственной бодростью и не знала тѣхъ искусственныхъ возбужденій, которыя приходятъ со стороны на помощь писателю. Соловьевъ никогда не заблуждался насчетъ количества читателей своей книги; онъ даже преувеличивалъ равнодушіе къ ней публики. Говоря объ увеличивающемся спросѣ на книгу, о необходимости новыхъ изданій разныхъ ея томовъ, онъ объяснялъ это исключительно заглавіемъ своего труда и размноженіемъ казенныхъ и общественныхъ библиотекъ, которымъ надобно же имѣть на полкахъ *Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ*. Но онъ принадлежалъ къ числу людей, готовыхъ проповѣдовать въ пустынѣ. Для Соловьева книга его была задачей жизни, а для такихъ людей задача жизни имѣетъ значеніе иноческаго обѣта.

Его нравственный характеръ очень поучителенъ. Готовый поступиться многимъ въ своей теоріи родовыхъ княжескихъ отношеній на Руси въ виду достаточныхъ основаній, Соловьевъ не допускалъ сдѣлокъ въ нравственныхъ отношеніяхъ; осторожный въ рѣшеніи научныхъ вопросовъ, онъ былъ рѣшителенъ въ вопросахъ нравственныхъ, потому что основныя правила, которыми онъ руководился при рѣшеніи этихъ послѣднихъ вопросовъ, имѣли въ его сознаніи значеніе не теоріи, а простой математической аксіомы. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые вырубаются изъ цѣльнаго камня; они долго стоятъ прямо и твердо и обыкновенно падаютъ вдругъ, подточенные не столько временемъ, сколько непогодой.

II.

Все это блѣдно, неполно, поверхностно. Сказать это теперь значить сказать слишкомъ мало. Къ двадцать пятой годовщинѣ смерти историка стало ясно и общепризнано многое, что лишь смутно предчувствовалось или чаялось при гробѣ. Большое компактное изданіе *Исторіи*, въ шести полновѣсныхъ книгахъ, начатое въ 1893 г., стало быстро расходиться, и три года спустя, когда явился подробный указатель къ этимъ книгамъ, первыя три книги вышли уже вторымъ изданіемъ. Трудъ жилъ, продолжалъ свою работу и по смерти автора. Къ нему обращался образованный читатель, желавшій расширить, упорядочить и освѣжить идеями и конкретными впечатлѣніями свои познанія по русской исторіи. Работой надъ неисчерпаемымъ запасомъ данныхъ, почерпнутыхъ

изъ первыхъ, часто нетронутыхъ источниковъ, фактовъ, обдуманно подобранныхъ и прагматически истолкованныхъ, начинало пробу своей мысли уже не одно поколѣніе молодыхъ ученыхъ, приступавшихъ къ научному изученію нашего прошлаго. Цѣлый рядъ специальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ ученой разработкѣ отдѣльныхъ фактовъ, эпизодовъ, учреждений, источниковъ нашей исторіи, шелъ отъ положеній, изложенныхъ въ *Исторіи Россіи*, въ ней искалъ первыхъ руководительныхъ указаній и ею же провѣрялъ свои выводы и открытія, даже когда частично пополнялъ и поправлялъ ее. Въ популярныхъ изложеніяхъ русской исторіи нерѣдко сквозятъ матеріалъ, фонъ, мысли и краски, данные тѣмъ же произведеніемъ. Широкія обобщенія и сопоставленія, стереотипныя положенія о естественности и необходимости историческихъ явленій, о законмѣрности въ исторіи, параллели между личной, индивидуальной и массовой народной жизнью,—такія общія историческія идеи, которыми Соловьевъ любилъ, какъ свѣтовыми полосками, прокладывать въ своемъ изложеніи фонъ исторической жизни, оказывали формирующее дѣйствіе на мышленіе русскаго читателя, еще не отвыкшаго мѣшать исторію съ анекдотомъ, мирили его съ мыслью, что и въ исторіи есть своя таблица умноженія, свое непререкаемое *дважды два*, безъ котораго немислимо никакое историческое мышленіе, невозможно даже никакое людское общежитіе.

Все это было признано и цѣнилось еще при жизни историка. Теперь, отдаленные отъ него такимъ пространствомъ времени, можемъ ввести въ его оцѣнку еще одинъ мотивъ: къ признанію того, что имъ сдѣлано для русской исторіи, можно присоединить сожалѣніе о томъ, что преждевременная смерть помѣшала ему сдѣлать. Въ минуту смерти рѣчь объ этомъ могла показаться неумѣстной жалобой; черезъ 25 лѣтъ такое сожалѣніе—спокойно-грустное воспоминаніе о научной потерѣ, которая для русской исторіографіи осталась доселѣ не вознагражденной.

Эта утрата ближайшимъ образомъ касалась русской исторіи XVIII в. Въ *Исторіи Россіи* этотъ вѣкъ впервые вскрывался во всей полнотѣ своего нетронутого наукой содержанія и въ непрерывной, тщательно выясненной преемственной связи съ его *девятью* предшественниками. Уже три четверти столѣтія были пройдены историкомъ, перомъ и словомъ котораго болѣе 30 лѣтъ возбуждалось и поддерживалось вниманіе русскаго читающаго общества и учащагося юношества къ своему прошлому. Тогда уже привыкали думать: еще нѣсколько лѣтъ, еще немного усилій неутомимаго труда, и этотъ вѣкъ, русскій XVIII вѣкъ, столь важный въ судьбахъ нашего отечества, исполненный столь громкихъ дѣлъ, вызвавшій

столько шумныхъ и разнорѣчивыхъ толковъ своими грѣхами и успѣхами, наконецъ предстанеть передъ читателемъ въ цѣльномъ научномъ изображеніи.

Въ XIII томѣ *Исторіи Россіи*, гдѣ изложены царствованіе Федора Алексѣевича и слѣдовавшая за смертью этого царя московская смута 1682 года, авторъ поставилъ рядомъ съ общимъ главіемъ своего труда другое частное, повторенное и въ дальнѣйшихъ пяти томахъ до смерти Петра Великаго: *Исторія Россіи въ эпоху преобразованія*. Большую половину XIII тома занимаетъ предпосланная царствованію Федора вводная глава, въ которой за общимъ обзоромъ хода древней русской исторіи слѣдуетъ превосходное изображеніе состоянія Россіи передъ эпохою преобразованія. Такимъ образомъ на 1676 году, когда началось царствованіе Федора, самъ историкъ провелъ раздѣльную черту между древней и новой Россіей. Этотъ XIII томъ появился въ 1863 г. Семнадцать лѣтъ писалъ Соловьевъ новую русскую исторію. Быстро развившаяся болѣзнь остановила работу, которая по возрасту автора могла бы продолжаться еще немало лѣтъ. Неоконченный XXIX томъ, изданный по смерти историка въ 1879 году, доводитъ обзоръ внѣшней политики до 1774 года, когда былъ заключенъ миръ съ Турціей въ Кучукъ-Кайнарджи, а въ описаніи внутренняго состоянія Россіи прерывается на дѣлахъ 1772 года, передъ самымъ мятежомъ Пугачева, казнь котораго (въ январѣ 1775 г.) предполагено было закончить этотъ томъ. Соловьевъ признавался, что не рассчитываетъ вести свой трудъ дальше царствованія Екатерины II. Разсказъ о немъ начать въ XXV томѣ. Если первыя 12 лѣтъ дѣятельности этой императрицы потребовали пяти томовъ, то на остальные 22 года необходимо было не менѣе шести. И если бы плану историка суждено было осуществиться, читатель получилъ бы громадный историческій трудъ въ 35 томахъ, изъ коихъ 23 были бы посвящены изображенію всего 120 лѣтъ нашей новой исторіи съ послѣдней четверти XVII до послѣднихъ лѣтъ XVIII в. Такъ *Исторія Россіи* по замыслу автора—собственно исторія новой Россіи, подготовляемой къ преобразованію, преобразуемой и преобразованной, и первые 12 томовъ труда—только протранное введеніе въ это обширное повѣствованіе о петровской реформѣ.

Дѣло біографіи разсказать о рѣдко удающемся совмѣщеніи въ одномъ лицѣ качествъ, которымъ удивлялись въ Соловьевѣ, такой научной подготовки, широты историческаго взгляда, любви и способности къ непрерывной умственной работѣ, умѣнья беречь время, силы воли, наконецъ такого запаса физическихъ силъ, — личныхъ условій, встрѣча которыхъ сдѣлала возможнымъ созданіе *Исторіи*

Россіи. Оглядываясь на этотъ трудъ на разстояніи 25 лѣтъ отъ минуты, навсегда его прервавшей, невольно останавливаешься мыслю на его отношеніи къ своему времени, спрашиваешь себя, что онъ давалъ своему времени и что воспринималъ отъ него. Это довольно сложный вопросъ, относящійся къ исторіи нашего общества, просвѣщенія, нашего общественнаго самосознанія. Было бы опрочетливо входить въ разборъ такого вопроса въ воспоминаніи *по случаю*; но позволительно сдѣлать нѣкоторыя сопоставленія.

Первые томы *Исторіи Россіи* появлялись въ то время, когда въ русскомъ литературномъ мірѣ, не въ литературѣ и не въ обществѣ, а именно въ кругу людей, близко стоявшихъ къ литературѣ, но въ ней вполне не высказывавшихся, боролись два взгляда на нашъ XVIII вѣкъ, собственно на петровскую реформу, наполнявшую его собой и своими разносторонними послѣдствіями. Это очень извѣстные взгляды сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія. Люди, смотрѣвшіе однимъ изъ этихъ взглядовъ, видѣли въ реформѣ Петра пробужденіе Россіи, поднятой на ноги толчкомъ могучей руки преобразователя, который, призвавъ на помощь средства западно-европейской цивилизаціи, вывелъ Россію изъ ея вѣкового культурнаго застоя и безсильнаго одиночества и заставилъ развивать свои мощныя, но дремавшія силы въ общечеловѣческой жизни, въ прямомъ общеніи съ образованнымъ европейскимъ міромъ. Другіе находили, что въ послѣдовательномъ и самобытномъ движеніи нашей народной жизни реформа Петра произвела насильственный перерывъ, сбившій ее съ прямой исторической дороги въ чужую сторону, убившій зачатки ея самобытнаго развитія чуждыми формами и началами, навязанными ей геніальнымъ капризомъ. Смотря на дѣло съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, пользуясь для нагляднаго выраженія своихъ взглядовъ образами, взятыми изъ различныхъ порядковъ явленій, обѣ стороны сходились въ одномъ основномъ положеніи: обѣ признавали, что реформа Петра была глубокимъ переворотомъ въ нашей жизни, измѣнившимъ русское общество съ верху до низу, до самыхъ его корней и основъ; только одна сторона считала этотъ переворотъ великой заслугой Петра передъ человѣчествомъ, а другая великимъ несчастіемъ для Россіи.

Читающее русское общество относилось къ борьбѣ обѣихъ сторонъ не безучастно, но довольно эклектично, выбирая изъ борющихся мнѣній, что кому нравилось, охотно слушало рѣчи однихъ о самобытномъ развитіи скрытыхъ силъ народнаго духа, одобряло и сужденія другихъ о приобщеніи къ жизни культурнаго человѣчества. Притомъ новое время наступало, принося новыя потребно-

сти и заботы, поворачивая прошедшее другими сторонами, съ которыхъ не смотрѣли на него ветераны обоихъ лагерей, возбуждая вопросы, не входившіе въ программу стараго спора о древней и новой Россіи. Начинаясь генеральная переверстка мнѣній и интересовъ, предвидѣлся общій пересмотръ застоявшихся отношеній. Среди дѣловыхъ людей крѣпла мысль, что все равно, пошла ли русская жизнь съ начала XVIII в. прямой или кривой дорогой, что это вопросъ академическій: существенно важно лишь то, что полтора ста лѣтъ спустя она шла очень вяло, нуждалась въ обновленіи и поощреніи. Умы стали практичнѣе относиться къ вопросу о мѣстороженіи формъ и началъ жизни; многіе становились на ту точку зрѣнія, что пусть извѣстныя формы и начала и не совсѣмъ самородны по происхожденію, лишь бы они вызвали къ дѣйствию дремлющія или опустившіяся народныя силы, помогли справедливо развязать запутавшіеся узлы общественныхъ отношеній. Во всякомъ случаѣ можно безобидно сказать, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ нашемъ обществѣ не существовало прочно установившагося, господствующаго взгляда на ходъ и значеніе нашей исторіи въ послѣдніе полтора вѣка. Въ это время, въ пору сильнѣйшаго общественнаго возбужденія и самыхъ напряженныхъ ожиданій, въ самый разгаръ величайшихъ реформъ, когда-либо испытанныхъ однимъ поколѣніемъ, въ годъ изданія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ и Судебныхъ уставовъ 20 ноября, Соловьевъ издалъ XIV томъ своей *Исторіи Россіи*, въ которомъ началъ рассказъ о царствованіи Петра послѣ паденія царевны Софьи и описалъ первые годы XVIII в.

Казалось, рѣдко работа историка такъ совпадала съ текущими дѣлами его времени, такъ прямо шла навстрѣчу нуждамъ и запросамъ современниковъ. Соловьеву пришлось описывать одинъ изъ крутыхъ и глубокихъ переломовъ русской жизни въ тѣ именно годы, когда русское общество переживало другой такой же переломъ, даже еще болѣе крутой и глубокой во многихъ отношеніяхъ. И однако то время нельзя признать особенно благоприятнымъ для развитія въ обществѣ интереса къ отечественной исторіи. Общій подъемъ настроенія, конечно, давалъ историку много сильныхъ возбужденій, много наблюденій, пригодныхъ для историческаго изученія, а начавшаяся многосторонняя перестройка быта располагала къ историческимъ справкамъ, задавала вопросы, усиленно побуждавшие искать указаній въ опытѣ прошедшаго. Это сказалось въ сильномъ оживленіи русской исторической литературы, въ появленіи ряда монографій, имѣвшихъ прямую связь съ текущими вопросами, съ готовившимися или совершавшимися перемѣнами въ положеніи кре-

ствянъ, въ судоустройствѣ и мѣстномъ управленіи. Но самому обществу было повидимому не до опытовъ прошедшаго: вниманіе всѣхъ было слишкомъ поглощено важностью настоящаго и надеждами на ближайшее будущее. При первыхъ успѣхахъ преобразовательнаго движенія въ обществѣ возобладало немного благодушное настроеніе, покоившееся на увѣренности, что дѣло рѣшено безповоротно и пойдетъ само собой, лишь бы не мѣшали его естественному ходу, силѣ вещей. При такомъ настроеніи не любятъ оглядываться. Чего можно искать въ темномъ прошедшемъ, когда въ приближавшейся дали виднѣлось такое свѣтлое будущее? При видѣ желаннаго берега охотнѣе считаютъ, сколько узловъ осталось сдѣлать, чѣмъ сколько сдѣлано. Оптимизмъ такъ же мало расположенъ къ историческому размышленію, какъ и фатализмъ.

И дѣла пошли своимъ естественнымъ ходомъ: порывы смѣнялись колебаніями, увѣренность уступала мѣсто унынію. Стороннему наблюдателю Россія представлялась большимъ кораблемъ, который несется на всѣхъ парусахъ, но безъ картъ и компаса. Отъ появленія случайностей, недостаточно предусмотрѣнныхъ, отъ преемственной смѣны подъемовъ и пониженій духа въ общественномъ сознаніи, наконецъ, отложило одно нѣсколько выяснившееся историческое представленіе, что русская жизнь безвозвратно сошла со своихъ прежнихъ основъ и пробуетъ стать на новыя. Тогда русская исторія опять раздѣлилась на двѣ неравныя половины: дореформенную и реформированную, какъ прежде дѣлилась она на допетровскую и петровскую, или древнюю и новую. Рѣшивъ, что Россія сошла со старыхъ основъ своей жизни, въ обществѣ по этому рѣшенію настроили свое историческое мышленіе. Такъ явилась новая опора для равнодушія къ отечественному прошлому. Еще недавно думали: зачѣмъ оглядываться назадъ, когда впереди такъ много дѣла и такъ свѣтло? Теперь стали думать: чему можетъ научить насъ наше прошлое, когда мы порвали съ нимъ всякія связи, когда наша жизнь безповоротно перешла на новыя основы?

Но при этомъ былъ допущенъ одинъ немаловажный недостатокъ. Любуясь, какъ реформа преображала русскую старину, не доглядѣли, какъ русская старина преображала реформу. Эту встрѣчную работу прошлаго замѣчали, негодовали на нее, но ее недостаточно строго учитывали, считали только временнымъ неудобствомъ или слѣдствіемъ несовершенства человѣческой природы. Скорбѣли, видя, какъ исполнительные органы, подобно старымъ дьякамъ московскихъ приказовъ, клавшимъ въ долгія ящики указы самого царя Алексѣя Михайловича, замедляли исполненіе или измѣняли смыслъ и направленіе актовъ верховной власти, внушенныхъ довѣріемъ къ

разуму и нравственному чувству народа. Негодовали на консервативную пугливость людей, которые въ неосторожной вспышкѣ незрѣлой политической мысли или въ мужественномъ презрѣніи противозаконныхъ, но обычныхъ околичностей видѣли подкопъ подъ вѣковыя основы государственнаго порядка и испуганно обращались по принадлежности со стереотипнымъ предостереженіемъ *saveant сопules*, а это значило въ переводѣ, чтобы опасность была предотвращена соотвѣтственнымъ испугу градусомъ восточной долготы. Образованные и состоятельные классы, обязанные показать своимъ поведеніемъ, какъ слѣдуетъ переходить со старыхъ основъ жизни на новыя, выставляли изъ своей среды дѣятелей, являвшихся въ уголовныхъ отдѣленіяхъ новообразованныхъ окружныхъ судовъ печально-убѣдительными показателями уровня, на какомъ покоились ихъ нравы. При такихъ примѣрахъ слишкомъ взыскательное отношеніе къ тому, какъ только что вышедшіе на волю крестьяне понимали и практиковали дарованное имъ сословное самоуправленіе, было бы общественной несправедливостью.

При своей замкнутой жизни и строго размѣренной работѣ Соловьевъ внимательно и чутко слѣдилъ за важными событіями того тревожнаго времени, волнуясь и негодуя на все, что мѣшало успѣхамъ преобразовательнаго движенія. Въ журнальныхъ статьяхъ онъ по временамъ отзывался на текущіе вопросы, занимавшіе русское общество. Достаточно вспомнить хотя бы его *Историческія письма* 1858 года, начинающіяся указаніемъ на то, какъ много жизнь требуетъ отъ науки, какъ много объясненій требуетъ настоящее отъ прошедшаго. Здѣсь же онъ высказалъ и свой взглядъ на отношеніе науки къ жизни. «Жизнь, — писалъ онъ, — имѣетъ полное право предлагать вопросы наукѣ; наука имѣетъ обязанность отвѣчать на вопросы жизни; но польза отъ этого рѣшенія для жизни будетъ только тогда, когда, во-первыхъ, жизнь не будетъ торопить науку рѣшить дѣло какъ можно скорѣе, ибо у науки сборы долгіе, и бѣда, если она ускоритъ эти сборы, и во-вторыхъ, когда жизнь не будетъ навязывать наукѣ рѣшеніе вопроса, заранѣе уже составленное, вслѣдствіе господства того или другого взгляда; жизнь своими движеніями и требованіями должна возбуждать науку, но не должна учить науку, а должна учиться у нея».

Всѣ знали, что историкъ — сторонникъ одного изъ указанныхъ выше взглядовъ, что онъ даже одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ и сильныхъ его защитниковъ въ нашей исторической литературѣ. Но съ каждымъ дальнѣйшимъ томомъ читателю становилось все яснѣе, что изображеніе реформы дѣлается не подъ исключительнымъ угломъ зрѣнія, какой установленъ былъ взглядомъ его стороны, что не

измѣняя основнымъ ея воззрѣніямъ, онъ значительно преломляетъ ихъ, исправляя и углубляя привычныя сужденія. Въ пяти томахъ, посвященныхъ собственно дѣятельности Петра, и потомъ во всѣхъ дальнѣйшихъ читатель встрѣчаетъ полное изображеніе реформы съ многообразными послѣдствіями и связями, какія соединяли съ ней всѣ явленія нашей внѣшней и внутренней жизни какъ при самомъ преобразователѣ, такъ и при его преемникахъ и преемницахъ до послѣдней четверти того вѣка — и все это на основаніи изученія обширнѣйшаго, большею частью нетронутаго историческаго матеріала, изученія, какого не предпринималъ еще ни одинъ русскій ученый до Соловьева. Историкъ остался вѣренъ благоговѣйному удивленію передъ дѣяніями Петра, который въ его повѣствованіи вырастаетъ въ величавый, колоссальный образъ, во всю свою историческую величину. Но исторія не превращалась въ эпосъ: самый процессъ реформы при Петрѣ и послѣ него описанъ удивительно просто или, какъ говорится, объективно, со всѣми колебаніями и ошибками, съ намѣренными и нечаянными уклоненіями въ сторону и съ тревожными, какъ бы инстинктивными поворотами на прежній путь. Читатель, переживавшій реформы Императора Александра II, могъ по книгѣ Соловьева съ большимъ для себя назиданіемъ наблюдать, во что обходился, какихъ усилій и жертвъ стоилъ Петру каждый успѣхъ въ общемъ улучшеніи народной жизни, какъ при каждомъ шагѣ могучаго двигателя старина силилась отбросить его назадъ, какъ по печально-удачному выраженію Посошкова «нашъ монархъ на гору самъ-десять тянетъ, а подъ гору миллионы тянутъ», — короче, сколько условности, метафоры въ нашихъ словахъ, когда мы, изъ своей обобщающей дали оглядываясь на прошлое, говоримъ о переходахъ народной жизни со старыхъ основъ на новыя.

Но самое сильное и поучительное впечатлѣніе, какое выносишь изъ книги читатель, заключалось во взглядѣ на происхожденіе реформы, на ея отношеніе къ древней Руси. «Никогда, — писалъ историкъ въ заключительной оцѣнкѣ дѣятельности Петра, — ни одинъ народъ не совершалъ такого подвига, какой былъ совершенъ русскимъ народомъ въ первую четверть XVIII вѣка». «Исторія ни одного народа не представляетъ намъ такого великаго, многосторонняго преобразованія, сопровождавшагося такими великими послѣдствіями какъ для внутренней жизни народа, такъ и для его значенія въ общей жизни народовъ, во всемирной исторіи». И рядомъ съ этимъ читаемъ сужденіе о реформѣ Петра, какъ о переломѣ, необходимо вытекшемъ со всѣми своими послѣдствіями изъ условій предшествовавшаго положенія русскаго народа, что дѣятельность Петра была подготовлена всей предшествовавшей исторіей,

необходимо изъ нея вытекала, требовалась народомъ. И такъ, ни личнаго произвола, ни насильственнаго, хотя бы творческаго прерыва въ естественномъ движеніи народной жизни, ничего чудеснаго не понадобилось для научнаго объясненія единственнаго въ своемъ родѣ историческаго дѣла, совершеннаго «величайшимъ изъ историческихъ дѣятелей», какъ назвалъ Соловьевъ Петра I: достаточно было простой мысли, что народная жизнь никогда не порываетъ съ своимъ прошедшимъ, что такой разрывъ — только новая метафора.

Въ повѣствованіи о времени, слѣдовавшемъ за смертью Петра, по мѣрѣ того какъ оскудѣвалъ запасъ подготовительныхъ трудовъ въ русской исторической литературѣ и историкъ оставался одинъ передъ громаднымъ сырымъ матеріаломъ, передъ мемуарами, журналами Сената, бумагами Государственнаго совѣта, дѣлами польскими, шведскими, турецкими, австрійскими и т. д., *Исторія Россіи* все болѣе переходила къ лѣтописному, погодному порядку изложенія, изрѣдка прерываемому главами о внутреннемъ состояніи Россіи съ очерками просвѣщенія за извѣстный рядъ лѣтъ. Но мысль о реформѣ, какъ связующая основа въ ткани, проходитъ въ повѣствованіи изъ года въ годъ, изъ тома въ томъ. Читая эти 11 томовъ, иногда какъ будто забываешь, что постепенно удаляешься отъ времени Петра. Мѣняются лица и обстановки, а преобразователь какъ будто продолжаетъ жить, наблюдаетъ за своими преемниками и преемницами, одобряетъ или порицаетъ ихъ дѣятельность: такъ живо чувствуется дѣйствіе его идей и начинаній либо непониманіе тѣхъ и другихъ въ мѣрахъ и намѣреніяхъ его продолжателей и такъ часто напоминаетъ объ этомъ самъ историкъ, для котораго реформа Петра — неизмѣнный критерій при оцѣнкѣ всѣхъ развивающихся изъ нея или послѣ нея явленій.

Такъ читатель приближается къ концу третьей четверти вѣка, — и тутъ прерывается рассказъ, покидая его наканунѣ пугачевщины, передъ эпохой усиленной внутренней дѣятельности правительства, передъ обществомъ, которому этотъ мятежъ впервые такъ ярко и такъ грозно освѣтилъ его положеніе. Но было бы въ высшей степени желательно, чтобы именно эту эпоху, конецъ вѣка, изобразилъ историкъ, описавшій его начало и продолженіе. То было время житейской провѣрки того, чѣмъ жило русское общество дотолѣ; тогда и въ самомъ обществѣ появляются первыя попытки спокойно, безъ вражды и безъ обожанія взглянуть на дѣло Петра. Съ наступленіемъ новаго вѣка возникнутъ такія внутреннія потребности, придутъ такія стороннія вліянія, которыя поставятъ правительству и обществу задачи, не стоявшія передъ Петромъ. Но до той поры дѣла бѣжали, еще движимыя толчкомъ, полученнымъ отъ Петра.

Оставалось подвести итоги, подсчитать результаты и объяснить неожиданности. Одинъ изъ питомцевъ Петра выразился о преобразователѣ: «на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣть, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ». Но къ исходу вѣка откуда-то почерпались дѣла, не сродныя сему источнику. Петръ ограничилъ пытку, и если сраженіе при Лѣсной, гдѣ преобразованная русская армія въ 1708 г. впервые побѣдила шведовъ, не имѣя численнаго превосходства, было, говоря словами Петра, «первой солдатской пробой» его дѣла, то распространеніе тѣлесныхъ наказаній на привилегированныя сословія три четверти вѣка спустя послѣ указа о пыткѣ можно признать послѣдней законодательной пробой того же дѣла, только съ другой стороны. Одна изъ любопытнѣйшихъ частей нашей исторіи — судьба петровскихъ преобразованій послѣ преобразователя — осталась недосказанной въ книгѣ Соловьева. Долгимъ трудомъ воспроизведенное, глубоко продуманное историческое строеніе силлогизма русской жизни въ продолженіе столѣтія роковымъ образомъ перервалось передъ моментомъ, котораго читатель давно ждалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, — передъ завершительнымъ *итакъ*. Этотъ перерывъ оставилъ, и можетъ быть надолго, въ научной полутьмѣ нашъ XVIII вѣкъ. Вотъ чего жаль и вотъ въ чемъ потеря. Никто ближе Соловьева не стоялъ къ источникамъ исторіи этого вѣка, никто глубже его не проникалъ въ наиболѣе сокрытыя ея теченія; ничье сужденіе не помогло бы больше успѣшному разрѣшенію трудныхъ вопросовъ, какіе она ставитъ. Объ историческомъ трудѣ Карамзина Соловьевъ писалъ, что остановка его на Смутномъ времени, отсутствіе подробной исторіи XVII вѣка, этого моста между древней и новой Россіей, надолго должны были способствовать распространенію мнѣнія, что новая русская исторія есть слѣдствіе произвольнаго уклоненія отъ прежняго правильнаго пути. Соловьевъ перекинулъ этотъ мостъ, возстановилъ историческую связь между древней и новой Россіей, разрушилъ предразсудокъ о произвольномъ уклоненіи; но и у него остался недостроеннымъ путь между началомъ и концомъ XVIII вѣка. Отсюда рядъ недоумѣній. Вѣкъ, начавшійся усиленными правительственными заботами о народномъ просвѣщеніи, заведеніемъ русской книгопечатни за границей, завершился закрытіемъ частныхъ типографій въ самой Россіи. Правнукъ преобразователя, впервые заговорившаго объ *отечествѣ* въ высокомъ народно-нравственномъ, а не въ узкомъ мѣстническомъ смыслѣ этого слова, о служеніи отечеству, какъ о долгѣ всѣхъ и каждаго, запретилъ употребленіе самаго этого слова. Если никогда ни одинъ

народъ не совершалъ такого подвига, какой былъ совершенъ русскимъ народомъ въ первой четверти XVIII вѣка, то рѣдко когда идея исторической законмѣрности подвергалась такому искушенію, какъ въ послѣдней его четверти.

Повторю: въ двадцать пятую годовщину смерти Соловьева вспоминая, что сдѣлала эта трудовая жизнь для русскаго историческаго сознанія, сожалѣешь невольно о томъ, что смерть помѣшала ей сдѣлать.

В. Ключевскій.

Хроника науки, искусства и литературы.

Астрономическія извѣстія. *Кончина* *Θ. А. Бредихина и И. Робертса.*
Съ прискорбіемъ приходится отмѣтить двѣ тяжкія потери, которыя понесла семья астрономовъ за истекшее лѣто. 1-го мая ст. ст. въ 5 ч. 40 м. пополудни почилъ вѣчнымъ сномъ нашъ знаменитый астрономъ, академикъ Ѳедоръ Александровичъ Бредихинъ, гордость и краса русской науки. Имя покойнаго неразрывно связано съ московскимъ университетомъ; онъ принадлежалъ къ его корпораціи въ качествѣ адъюнкта, профессора и директора обсерваторіи. Въ 1890 году *Θ. А.* былъ избранъ академикомъ и назначенъ директоромъ Пулковской обсерваторіи. Недолго онъ оставался на послѣднемъ посту. Уже въ 1895 году вслѣдствіе нездоровья сложилъ онъ съ себя обязанности директора обсерваторіи, но научной своей дѣятельности не прекратилъ. Онъ работалъ до самыхъ послѣднихъ дней своихъ, выпуская одинъ за другимъ рядъ интереснѣйшихъ мемуаровъ. Бредихинъ — крупнѣйшій талантъ: прекрасный лекторъ, увлекавшій своихъ слушателей картинными описаніями, умѣвшій въ простой, выпуклой формѣ изложить труднѣйшіе отвлеченные вопросы, неутомимый наблюдатель, выбравшій для своего изслѣдованія интереснѣйшія явленія, выдающійся теоретикъ, развившій двѣ стройныя теоріи — теорію кометныхъ формъ и теорію образования метеорныхъ потоковъ, которыя раскрыли намъ химическій составъ загадочныхъ „волосатыхъ свѣтилъ“, объяснили и усчитали мельчайшія подробности въ сложныхъ физическихъ процессахъ, разыгрывающихся въ кометахъ при ихъ приближеніи къ солнцу или большой планетѣ. Всегда живой, подвижной *Θ. А.* работалъ съ увлеченіемъ, отдавая всецѣло тому вопросу, который его заинтересовалъ, работалъ не зная усталости. А въ часы отдохновенія отъ специальныхъ астрономическихъ работъ онъ также занимался изящной литературой и переводилъ трагедіи съ итальянскаго языка на русскій.

Бредихинъ умеръ 73 лѣтъ. Лебединой пѣснью его было изслѣдованіе большой кометы 1903 года по фотографическимъ снимкамъ. Большое значеніе отталкивательной силы, подѣ дѣйствіемъ которой могъ образоваться хвостъ этой кометы, заставило его высказать смѣлое предположеніе, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ особымъ веществомъ, быть можетъ съ диссоціирующимъ водородомъ. Идеи Бредихина всегда были чрезвычайно интересны, глубоки и неожиданны. Нѣкоторыя изъ нихъ встрѣчены съ недоумѣніемъ, но нашли послѣ подтвержденіе въ наблюденіяхъ. Во всякомъ случаѣ за Бредихинимъ останется навсегда гро-

мадной заслугой то, что онъ многіе физическіе процессы въ кометахъ могъ объяснить на основаніи механики, положилъ на формулы, усчиталъ, многое усмотрѣлъ впередъ.

Чрезвычайно интересны его выводы относительно строенія солнечной короны и явленій на поверхности Юпитера.

Добрымъ словомъ можно помянуть Федора Александровича и за то сочувствіе, которое онъ выражалъ женскому и народному образованію, за его постоянную готовность помочь словомъ и дѣломъ всякому истинно научному дѣлу. Бредихинъ не разъ давалъ средства на различныя экспедиціи, научныя поѣздки и инструменты. При Императорской академіи наукъ и родной ему московской обсерваторіи имъ учреждены преміи и стипендіи.

Исаакъ Робертсъ представляетъ собой примѣръ астронома-любителя, который наблюдалъ небо не для развлечения, а систематически и съ громадной пользой для науки. Слѣдуя своему призванію, онъ работалъ неутомимо и съ увлеченіемъ, и съ скромными сравнительно средствами достигъ большихъ результатовъ. Это—одинъ изъ пионеровъ въ области небесной фотографіи. Онъ первый указалъ, какое преимущество при фотографированіи неба могутъ имѣть телескопы-рефлекторы. Снимки Робертса превосходны. Они раскрыли детальное строеніе многихъ туманностей и звѣздныхъ кучъ, расширили наши взгляды на строеніе вселенной. Сколько лѣтъ, на примѣръ, наблюдали до Робертса знаменитую туманность Андромеды, но никакихъ особенныхъ подробностей въ ея строеніи не видѣли даже въ сильныя трубы. А на снимкѣ Робертса ясно видно, что туманность состоитъ изъ ряда концентрическихъ колець, какъ будто бы мы видимъ спираль въ разрѣзѣ. Это строеніе отдаленной звѣздной системы подсказываетъ намъ идею о возможномъ строеніи загадочнаго млечнаго пути.

Много другихъ характерныхъ формъ туманностей раскрыто снимками Робертса. Прекрасны, отчетливы и полны интересныхъ подробностей его снимки кометъ.

Робертсъ умеръ 17 іюля н. ст. на 76 году своей жизни въ своемъ имѣніи Starfield въ Crowborough Hill, Sussex въ Англіи. Въ 1890 году онъ переселился сюда, чтобы имѣть лучшія условія для наблюденія. Его обсерваторія была поставлена на высотѣ 800 футовъ надъ уровнемъ моря, главный инструментъ ея—двадцатидюймовый рефлекторъ.

Признавая значеніе трудовъ Робертса, Королевское астрономическое общество избрало его въ 1890 году своимъ членомъ, два года позднѣе дублинскій университетъ преподнесъ ему докторскую степень, а въ 1895 году Кор. астрон. общ. награждаетъ его золотой медалью.

Двойная система беты Возничаго. Работа г. Тихова, о которой упоминалось въ февральской хроникѣ нынѣшняго года, побудила проф. Фогеля предпринять новое специальное изслѣдованіе системы беты Возничаго, для чего гг. Эбергарду и Людендорфу было поручено собрать матеріалы съ помощью большого рефрактора Потсдамской обсерваторіи. Всего было сдѣлано 39 снимковъ спектра звѣзды, измѣренія которыхъ привели Фогеля къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Время обращенія спутника около главной звѣзды въ системѣ беты Возничаго астрономами Пикерингомъ, Рамбо и Тиховымъ дано невѣрно. Оно равняется 3 днямъ, 23 часамъ, 2 минутамъ и 16 секундамъ.

Съ этимъ періодомъ и 36 наблюдений, обработанныхъ г. Тиховымъ, не даютъ отклоненія отъ синусоиды, такъ что нѣтъ никакой необходимости подозрѣвать въ системѣ еще третье и четвертое тѣла.

Орбита спутника приблизительно круговая; эксцентриситетъ, найденный Рамбо, не подтверждается.

Массы обоихъ тѣлъ въ системѣ должны быть приблизительно одинаковы. Скорость всей системы 20 километровъ по направленію къ намъ.

Девятый спутникъ Сатурна. Въ 1899 году Вильямъ Пикерингъ сдѣлалъ сенсационное открытіе — на нѣсколькихъ фотографіяхъ онъ усмотрѣлъ слабую звѣздочку, которая, повидимому, принадлежала къ системѣ Сатурна и обходила вокругъ планеты въ теченіе $1\frac{1}{2}$ года. Прошло пять лѣтъ, но никакихъ подтвержденій существованія девятаго спутника Сатурна ни откуда не получалось. Являлось подозрѣніе, что В. Пикерингъ введенъ былъ въ заблужденіе. И вотъ теперь получено извѣстіе, что въ Америкѣ за спутникомъ слѣдили; по фотографическимъ снимкамъ опредѣлена орбита спутника, весной этого года въ отдѣленіи гарвардской обсерваторіи были получены новые одиннадцать снимковъ, по которымъ исправлена эфемериды, и указываются положенія спутника по отношенію къ планетѣ въ руководство другимъ астрономамъ, которые могли бы также наблюдать новаго члена интересной системы¹⁾.

Спектръ Юпитера. Въ январѣ нынѣшняго и въ декабрѣ 1903 года астрономъ Миллошъ въ Медонѣ, близъ Парижа, фотографировалъ спектръ Юпитера. Онъ получилъ нѣсколько снимковъ, цѣнныхъ при изученіи состава и состоянія атмосферы планеты. На всѣхъ снимкахъ ясно выступаютъ пять полосъ поглощенія, соответствующія полосамъ, указаннымъ Килеромъ въ спектрѣ Урана. Полосы, обязанныя своимъ происхожденіемъ водяному пару, особенно интенсивны. Всѣ полосы поглощенія рѣзче въ тѣхъ мѣстахъ, которыя соответствуютъ широкой экваторіальной бурой полосѣ, видимой теперь на поверхности Юпитера. Полоса водяного пара, расположенная около Фраунгоферовой линіи D, на снимкахъ 2-го и 16-го января параллельна этой линіи и вмѣстѣ съ нею ясно наклонена по сравненію съ спектромъ сравненія. Эти результаты документально подтверждаютъ заключенія, сдѣланныя на основаніи визуальныхъ наблюдений.

Несомнѣнно, Юпитеръ окруженъ очень густой атмосферой, въ составъ которой входятъ водяной паръ и другіе газы нашей земной атмосферы; но есть въ ней и другіе особые газы. Можетъ быть, впрочемъ, отлічіе обуславливается другой температурой и другимъ давленіемъ сравнительно съ тѣмъ, что имѣетъ мѣсто на землѣ; экваторіальная бурья полоса, видимая на поверхности Юпитера, лежатъ сравнительно глубже.

Физическое строеніе звезднаго скопленія въ созвѣздіи Геркулеса. Красивое шаровое звѣздное скопленіе было открыто Галлеемъ въ 1714 году. В. Гершель разложилъ его на безконечное число звѣздъ. Позднѣ Секки и Трувело дали интересные рисунки, на которыхъ изобразили довольно вѣрно расположеніе звѣздъ, болѣе близкихъ къ периферіи и выступающихъ въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ. Но только лордъ Россъ и Гартингтонъ утверждали, что въ скопленіи существуютъ просвѣты между звѣздами

¹⁾ Согласно этой эфемеридѣ, и проф. Барнардъ на обсерваторіи Геркса нашелъ спутника. Онъ наблюдалъ его 12-го сент. нов. ст.

въ видѣ каналовъ. Свидѣтельство фотографіи въ этомъ отношеніи было бы особенно цѣнно, но ни снимки братьевъ Анри въ Парижѣ въ 1887 году, ни снимки Шейнера въ Потсдамѣ 1891 года, не обнаружили никакихъ каналовъ, хотя и выяснили нѣкоторыя другія подробности. Чрезвычайно интересна по этому поводу статья Шеберле, въ которой онъ заявляетъ, что на снимкахъ, полученныхъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, ясно видно спиральное строеніе звѣзднаго скопленія. Потoki туманной матеріи, соединяющей нѣкоторыя звѣзды, образуютъ кривыя, которыя можно прослѣдить до центра. Шеберле различаетъ двѣ спирали: одну загибающую по направленію движенія часовой стрѣлки, другую обратную, подобно тому, что, по его мнѣнію, въ большемъ масштабѣ имѣетъ мѣсто вокругъ звѣзды гаммы Кассіопеи. Плоскость спиралей не перпендикулярна къ лучу зрѣнія, потому-то въ проекціи и получается довольно сложная фигура. Скорость перемѣщенія матеріи въ различныхъ потокахъ неодинаковая, на нѣкоторыхъ она очень велика, такъ что замкнутой кривой не образовалось, а стоитъ рѣзко выдающаяся вѣтвь. Массы, которыя движутся медленно, при большомъ начальномъ наклоненіи къ нормали описываютъ орбиты, менѣе вытянутыя. Послѣднія, пересѣкаясь у начала, и образуютъ фигуру въ родѣ буквы S, а та центральная туманность, которую онѣ окружаютъ, получаетъ форму подковы. Шеберле надѣется при удобномъ для наблюденія положеніи созвѣздія Геркулеса получить еще лучший снимокъ, который можно будетъ увеличить, чтобы подчеркнуть всѣ детали, которыя замѣтны въ строеніи звѣзднаго скопленія.

Комета Энке является второю въ этомъ году. Она ожидалась, какъ указано въ февральской хроникѣ, впередъ. Астрономы Каменскій и Окуличъ вычислили ея положенія для осеннихъ мѣсяцевъ, и согласно этой росписи астрономъ Коперъ въ Гейдельбергѣ какъ разъ нашелъ комету. Въ моментъ (въ ночь съ 13-го на 14-е сентября н. ст.) открытія комета находилась очень далеко отъ солнца и земли и была доступна наблюденію только въ большія трубы, но постепенно разстояніе кометы отъ насъ уменьшается и яркость ея должна возрастать.

Есть надежда, что комета при настоящемъ возвращеніи будетъ довольно яркой и можетъ быть даже въ началѣ декабря, когда она будетъ находиться близъ звѣзды Альтаиръ, сдѣлается доступной невооруженному глазу. Въ сентябрѣ комета находится на границѣ созвѣздій Треугольника и Рыбъ, раздѣляя (4-го окт. н. ст.) разстояніе между альфой Треугольника и бетой Андромеды приблизительно пополамъ; затѣмъ она идетъ по созвѣздіямъ Андромеды и Пегаса. Перваго ноября ея нужно искать на пути градусовъ къ сѣверо-востоку отъ беты Пегаса.

Леониды. Совершенно противъ ожиданія астрономовъ въ прошломъ году потокъ падающихъ звѣздъ въ ночь съ 15-го на 16-е ноября н. ст. оказался очень богатымъ. Возможно, что и въ этомъ году земля встрѣтитъ значительную часть метеоровъ потока леонидъ. Въ виду огромнаго интереса, который представляетъ этотъ потокъ, является весьма желательнымъ собрать возможно больше наблюденій. Обращаемъ на это вниманіе читателей и совѣтуемъ всякому, кто интересуется астрономическими наблюденіями и располагаетъ досугомъ, послѣдить за небомъ въ теченіе нѣсколькихъ ночей въ началѣ ноября стар. стиля. Интересно отмѣтить моментъ наибольшей интенсивности явленія и нанести побольше

метеоровъ на карту. Можно также поставить себѣ задачей опредѣленія высоты появленія и исчезновенія метеоровъ надъ поверхностью земли, равно какъ и протяженіе дѣйствительнаго пути ихъ. Для этого нужны два наблюдателя. Станціи наблюденія лучше выбрать такимъ образомъ, чтобы линія, ихъ соединяющая, была перпендикулярна направленію радіанта, т.-е. въ данномъ случаѣ наблюденія потока леонидъ одна станція должна быть по возможности къ сѣверу отъ другой. Разстояніе между станціями можно выбрать въ 30—40 верстъ.

К. Покровскій.

О родственной связи между красящимъ веществомъ крови и пигментомъ зеленыхъ растений. Одно изъ интереснѣйшихъ открытій въ области физиологической химіи за послѣдніе годы составляютъ результаты изслѣдованій, произведенныхъ покойнымъ проф. М. В. Ненцкимъ и его сотрудниками относительно взаимныхъ соотношеній между двумя важнѣйшими красящими веществами органическаго міра—хлорофилломъ и гемоглибиномъ.

Первое изъ этихъ тѣлъ, какъ извѣстно, принадлежитъ растительному царству и играетъ особенно видную роль въ экономіи природы: благодаря его присутствію въ листьяхъ зеленыхъ растений, дѣлается возможной и ассимиляція углерода изъ воздуха, и одновременно идущее усвоеніе солнечной энергіи.

Физиологическая роль гемоглибина, кровяного пигмента высшихъ животныхъ, всѣмъ хорошо знакома. Она сводится къ непрерывному доставленію органамъ и тканямъ потребнаго количества кислорода извнѣ, притомъ содержащагося въ возможно маломъ объемѣ, такъ сказать въ химически концентрированномъ состояніи. Гемоглибинъ по своей химической природѣ есть бѣлковое тѣло. Онъ принадлежитъ къ числу немногихъ бѣлковъ, которые могутъ быть получены въ кристаллическомъ состояніи. Отъ другихъ бѣлковыхъ веществъ онъ отличается тѣмъ, что содержитъ въ своемъ составѣ желѣзо, и въ особенности тѣмъ, что обладаетъ рѣзкой окраской. Носителемъ этой послѣдней является особая группа атомовъ, входящая въ составъ сложной молекулы гемоглибина ¹⁾.

При помощи извѣстныхъ химическихъ приемовъ эта группа можетъ отдѣлена отъ гемоглибина и изолирована въ видѣ ряда веществъ болѣе простаго состава, но сохраняющихъ рѣзкую окраску въ различныхъ оттѣнкахъ краснаго цвѣта ²⁾, наприм., геминъ, гематопорфиринъ и пр.

¹⁾ Всѣ частицы гемоглибина близокъ къ 16700, приблизительная формула $C_{758}H_{1203}O_{2118}FeS_3$.

²⁾ При дѣйствіи кислоты на гемоглибинъ красящая группа сначала отдѣляется въ видѣ такъ назыв. *гемина* (точнѣе—*гематина*). Частица этого тѣла ($C_{32}H_{32}N_4FeO_4$) гораздо проще, нежели частица гемоглибина. вмѣстѣ съ красящей способностью въ геминъ переходитъ и все желѣзо, содержащееся въ гемоглибинѣ. При болѣе энергичномъ дѣйствіи кислоты частица гемина подвергается болѣе глубокому разрушенію. Изъ нея выдѣляется желѣзо и образуется такъ назыв. *гематопорфиринъ* $C_{16}H_{18}N_2O_3$, тѣло еще болѣе простаго состава, окрашенное въ краснофіолетовый цвѣтъ. При возстановленіи гемина іодистымъ водородомъ и іодистымъ фосфоніемъ въ уксуснокисломъ растворѣ Нейдкій и Залескій получили *бесцвѣтное* вещество сравнительно простаго со-

Ближайшее ознакомленіе съ химической природой этихъ веществъ представляетъ для химика-біолога вопросъ первостепенной важности. Между тѣмъ вопросъ этотъ по своей трудности долго не поддавался разрѣшенію. Непціому и его сотрудникамъ принадлежитъ честь впервые выяснитъ его хотя бы въ самыхъ существенныхъ чертахъ. Эти изслѣдователи получили изъ гемина *гемопирроль*, вещество простое по составу и близко стоящее по своему химическому характеру къ группѣ *индио*. Такимъ образомъ, была установлена связь красящей группы гемоглобина съ однимъ изъ хорошо изученныхъ въ химическомъ отношеніи растительныхъ пигментовъ ¹⁾.

Если эти результаты изслѣдованія продуктовъ разрушенія гемоглобина представляютъ главнымъ образомъ специально-химическій интересъ, то сопоставленіе ихъ съ тѣми данными, которые были получены при изученіи въ аналогичномъ направленіи хлорофилла, представляетъ уже несравненно болѣе общее значеніе, и прежде всего съ біологической точки зрѣнія.

Въ противоположность гемоглобину хлорофиллъ не есть бѣлковое тѣло и въ то же время не содержитъ въ своемъ составѣ желѣза. Тѣмъ не менѣе извѣстная химическая связь между обоими пигментами, несомнѣнно, существуетъ.

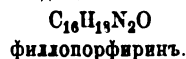
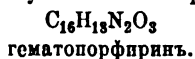
Въ совершенно чистомъ состояніи хлорофилла, повиднмому, до сихъ поръ не удалось изолировать. Во всякомъ случаѣ мы почти ничего не знаемъ о химическихъ свойствахъ такого препарата. Зато нѣкоторые продукты распада хлорофилльной частицы, которая, подобно частицѣ гемоглобина, отличается большою сложностью, изучены довольно подробно. Нѣкоторые изъ нихъ (наприм., такъ назыв. филлотаонинъ и др.) получены въ кристаллическомъ видѣ и изолированы въ чистомъ состояніи. Всѣ они, подобно гемину и продуктамъ его распада, являются сильно-окрашенными, но только въ другіе цвѣта.

Вотъ среди этихъ-то продуктовъ расщепленія хлорофилла имѣется одинъ, носящій названіе *филлопорфирина*, который по своимъ свойствамъ удивительно близко подходитъ къ упомянутому уже нами гематопорфирину, одному изъ продуктовъ распада гемина. Достаточно сравнитъ между собою формулы этихъ соединений ²⁾, чтобы убѣдиться въ близости ихъ состава: они отличаются другъ отъ друга всего на два атома кислорода. Точно такъ же цвѣта и спектры поглощенія обоихъ соединений чрезвычайно сходны между собой. Интересно, что въ филлопорфиринѣ обычный для хлорофилла и большинства его ближайшихъ производныхъ зеленый или голубой цвѣтъ переходить въ красный, свойственный кро-

става, принадлежащее къ группѣ *пиррола*. Это вещество, названное *гемопирроломъ*, т.-е. кровянымъ пирроломъ, представляетъ летучую жидкость, легко окисляющуюся на воздухѣ, и отвѣчаетъ формулѣ $C_8H_{13}N$.

¹⁾ Химическая природа (строеніе) индиго разъяснена въ 80-хъ годахъ знаменитымъ нѣмецкимъ химикомъ фонъ Байеромъ, который впервые получилъ и синтетическое индиго. Въ настоящее время искусственное индиго получаютъ фабричнымъ путемъ по очень дешевому способу изъ нафталина, и этотъ синтетическій продуктъ въ технику мало-по-малу вытѣсняетъ природное индиго.

²⁾

вянымъ пигментамъ. Сопоставленіе свойствъ гематопорфирина и филопорфирина невольно вызвало предположеніе о близкомъ родствѣ этихъ соединеній.

Предположеніе это не замедлило перейти въ достовѣрный фактъ, послѣ того какъ Ненцкому и Мархлевскому удалось путемъ возстановленія другого продукта распада хлорофилла, такъ назыв. филлоціанина, получить изъ него тотъ же самый гемопирролъ, который раньше былъ полученъ изъ гемоглобина.

Такимъ путемъ было прочно установлено, что *въ основаніи частицы гемоглобина (гемина) и хлорофилла лежитъ одно и то же пиррольное ядро*, что слѣдовательно оба эти соединенія *генетически связаны* между собой.

Весьма наглядное подтвержденіе получилъ этотъ выводъ въ слѣдующемъ дальнѣйшемъ наблюденіи Ненцкаго.

Давно уже было замѣчено, что при различныхъ болѣзненныхъ состояніяхъ организма, при кровоподтекахъ и кровоизліяніяхъ, когда кровь вслѣдствіе нарушенія цѣлости сосудистой системы приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ тканями, черезъ нѣкоторое время въ мочѣ появляется особый пигментъ, такъ назыв. *уробилинъ*. Ближайшія изслѣдованія показали, что пигментъ этотъ обязанъ своимъ происхожденіемъ разрушенію, которому подвергается въ тканяхъ организма проникшій туда гемоглобинъ.

И вотъ оказывается, что гемопирролъ, окисляясь на воздухѣ (въ водномъ растворѣ), даетъ красный пигментъ, по своимъ свойствамъ и реакціямъ, совершенно тождественный съ уробилиномъ. Мало того, можно взять гемопирролъ, приготовленный тѣмъ или другимъ путемъ, впрыснуть его подъ кожу кролику, и черезъ нѣсколько часовъ въ мочѣ животнаго появляется уробилинъ. Такимъ образомъ существуетъ возможность, исходя изъ хлорофилла, получить вещество, близко стоящее къ гемоглобину и еще недавно считавшееся исключительнымъ достояніемъ животнаго міра.

Установленіе кровнаго родства между хлорофилломъ и гемоглобиномъ имѣетъ огромное значеніе для биологіи. Оно до извѣстной степени позволяетъ намъ глазами химика заглянуть въ глубь вѣковъ и въ связи съ другими фактами отчасти возстановить біохимическую исторію органическаго міра. Прежде всего, конечно, общность происхожденія растительнаго и животнаго царства получаетъ здѣсь совершенно неожиданно новое подтвержденіе. Но этого мало. На основаніи тѣхъ же самыхъ наблюденій существуетъ возможность составить себѣ представленіе и о послѣдовательности самаго хода эволюціи органическаго міра.

Согласно весьма распространенному мнѣнію, ведущему начало отъ Либиха и его современниковъ Дюма и Буссенго, два царства природы, растительное и животное, какъ бы неразрывно связаны между собою роковыми узами. Итоги противоположной химической дѣятельности того и другого взаимно пополняются другъ другомъ и только благодаря этому обстоятельству дѣлается возможнымъ непрерывное существованіе жизни, непрерывный биологическій круговоротъ элементовъ на землѣ.

Открытія, сдѣланныя за послѣднее время въ области ученія о низшихъ организмахъ, заставляютъ однако внести въ эти представленія существенную поправку. Не говоря уже о томъ, что микроорганизмы

принимаютъ весьма дѣятельное участіе въ общемъ круговоротѣ элементовъ, мы имѣемъ среди этихъ простѣйшихъ живыхъ существъ представителей самыхъ разнообразныхъ типовъ питанія. Мы знаемъ микробовъ, питающихся, подобно растеніямъ, простѣйшими минеральными соединеніями (нитрозо и нитробактеріи Виноградскаго, пурпурныя бактеріи и пр.) и воспроизводящихъ рядъ сложныхъ химическихъ синтезовъ. А рядомъ съ ними существуютъ и другіе микробы (возбудители гнилостныхъ и бро-дильныхъ процессовъ), питаніе которыхъ совершается въ принципѣ по типу животныхъ и сводится къ послѣдовательному *распаду* сложныхъ органическихъ соединеній: бѣлковъ, углеводовъ и пр., на простѣйшія частицы. Есть основанія предположить вмѣстѣ съ Ненцкимъ, что въ ту отдаленную эпоху, когда жизнь только что зародилась на поверхности нашей планеты, первыми обитателями ея были именно простѣйшіе организмы. Питаніе этихъ организмовъ совершалось безъ всякаго участія хлорофилла и гемоглобина по тѣмъ двумъ типамъ (растительному и животному), которые, какъ мы видѣли, извѣстны и для нынѣ живущихъ микробовъ ¹⁾. Лишь при дальнѣйшемъ развитіи органической жизни, параллельно съ эволюціей чисто-морфологическаго характера, постепенно произошла и болѣе глубокая химическая дифференціація организмовъ, образованіе двухъ крайнихъ біохимическихъ типовъ питанія и обмѣна веществъ и специально для этой цѣли приспособленныхъ реагентовъ.

Но особенно интереснымъ является здѣсь то обстоятельство, что оба эти реагента возникли по всей вѣроятности изъ одного и того же зачатка. Проф. Ненцкій высказалъ предположеніе, что основное *общее* ядро хлорофилла и гемоглобина исторически возникло и нынѣ постоянно происходитъ изъ особой группировки атомовъ, по характеру близкой къ индиго, которая имѣется во всякой бѣлковой частицѣ. Эта группировка, вѣроятно, существовала и въ бѣлковыхъ тѣлахъ, входившихъ въ составъ протоплазмы первобытныхъ микробовъ. Путемъ постепенной эволюціи изъ нея и могли выработаться два пигмента, приспособившіеся къ болѣе совершенному осуществленію двухъ діаметрально-противоположныхъ по своему характеру біологическихъ задачъ.

Выясненію этого грандіознаго міроваго процесса въ его деталяхъ и послѣдовательныхъ стадіяхъ могутъ способствовать въ значительной степени дальнѣйшіе успѣхи нашихъ знаній относительно химической природы хлорофилла и гемоглобина и взаимныхъ соотношеній между этими веществами.

Л. Чугаевъ.

Новые факты по біологін листа. Несмотря на то, что мы уже располагаемъ достаточнымъ количествомъ свѣдѣній о біологическихъ особенностяхъ европейскихъ растеній, внимательному наблюдателю, несомнѣнно, удастся подмѣтить еще не мало интересныхъ фактовъ въ этой области. Объ этомъ наглядно свидѣтельствуетъ недавно появившееся изслѣдованіе проф. Негера о своеобразной функціи листьевъ у одного изъ видовъ дикой герани (*Geranium robertianum*). Н. замѣтилъ, что въ лѣсистыхъ дворахъ около Эйзенаха, гдѣ *Ger. robertianum* растеть по

¹⁾ По всей вѣроятности первыми появились микробы „растительнаго“ типа.

отвѣсными стѣнамъ скалъ, нижніе листья этого растенія торчатъ вертикально внизъ. Они упираются пластинкой въ почву и такимъ образомъ играютъ роль *подпорокъ*, поддерживающихъ растеніе на подобіе воздушныхъ корней пандануса и другихъ тропическихъ деревьевъ. Правда, пластинки листьевъ при этомъ вскорѣ загнивають, соприкасаясь съ сырой землей; но это не мѣшаетъ прочнымъ листовымъ черешкамъ еще долго выполнять свою оригинальную функцію.

Анатомическое изслѣдованіе черешковъ показываетъ, что они прекрасно приспособлены къ своей роли поддерживающихъ органовъ: они богаты крѣпкими (механическими) тканями; кромѣ того, они отличаются обильнымъ содержаніемъ дубильныхъ веществъ, служащихъ, вѣроятно, для защиты отъ животныхъ и паразитическихъ грибовъ.

Замѣчательно, что уже первые листочки (сѣмядоли) *G. robertianum* опускаются внизъ и функціонируютъ какъ поддерживающіе органы (рис. 1).

Послѣ того, какъ сѣмядоли завянутъ, ихъ роль переходитъ къ слѣдующимъ листьямъ. Это явленіе иллюстрируется рис. 2.

Мы видимъ на немъ экземпляръ *Ger. robertianum*, посаженный въ горшокъ тотчасъ послѣ прорастанія и уже значительно подвинувшійся впередъ въ своемъ развитіи. Сначала ему служили опорой сѣмядоли; затѣмъ ихъ смѣнили ближайшіе листья. Черешки сохраняются гораздо дольше пластинокъ и образуютъ, наконецъ, вмѣстѣ съ подсѣменодольнымъ колѣномъ систему подпорокъ, поддерживающихъ растеніе.

Въ исключительныхъ случаяхъ опускаются черешки даже у выше сидящихъ листьевъ. Это бываетъ тогда, когда стебель растенія приметъ горизонтальное положеніе. Въ такомъ случаѣ онъ, конечно, какъ всякій растущій стебель, начнетъ выпрямляться, изгибаясь въ растущей своей части. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изогнутыхъ внизъ и черешки соответствующихъ листьевъ и доставятъ такимъ образомъ растенію полезную въ данномъ случаѣ опору¹⁾.

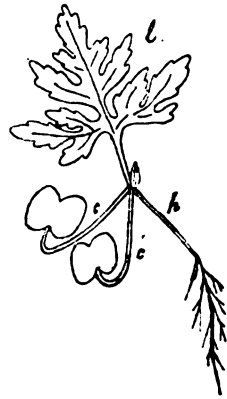

Рис. 1. Молодое растеніе *Ger. robertianum*: с — сѣмядоли, функціонирующія въ качествѣ подпорокъ; к — подсѣмянодольное колѣно; л — первый настоящій листъ.

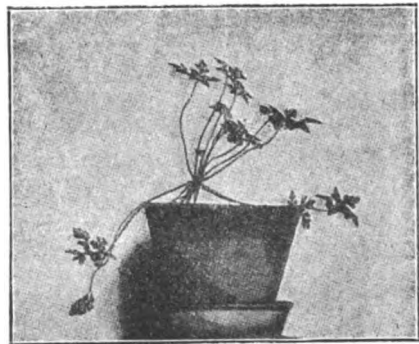

Рис. 2.

¹⁾ Всѣ эти явленія отнюдь не составляютъ особенности экземпляровъ *G. robertianum*, растущихъ въ окрестностяхъ Эйзенаха. Мнѣ пришлось наблюдать минувшія гѣтомъ аналогичныя явленія у *G. robertianum* въ Эстляндской губ., и безъ сомнѣнія, тѣ же явленія должны наблюдаться повсюду, гдѣ растетъ *G. robertianum*.

Подобныя же явленія Негеръ замѣтилъ еще у одной изъ звѣздчатокъ (*Stellaria nemorum*), особенно у экземпляровъ, растущихъ на отвѣсныхъ обрывахъ.

Всѣ эти наблюденія интересны именно тѣмъ, что ими впервые указывается на существованіе листьевъ, функционирующихъ въ качествѣ опорныхъ. До сихъ поръ такая функція извѣстна была только для воздушныхъ корней нѣкоторыхъ тропическихъ растений (панданусы, мангровыя деревья и т. д.)¹⁾ и немногихъ европейскихъ, напр., мавса и извѣстной „недотроги“ (*Impatiens noli tangere*).

Г. Риттеръ.

---

¹⁾ Ср. прекрасныя таблицы въ I томѣ „Жизни растений“ Кернера.

Литературное обозрѣніе.

Только-что вышедшая въ свѣтъ книга г. Богучарскаго „Изъ прошлаго русскаго общества“ состоитъ изъ семи статей. Первая посвящена семейству Бестужевыхъ. Несмотря на то, что авторъ ставитъ себѣ цѣлью изобразить въ ней „психическія и моральныя фізіономіи“ братьевъ Бестужевыхъ, читатель напрасно сталъ бы искать въ ней послѣдовательнаго историко-психологическаго анализа: это не что иное, какъ толковая сводка имѣющихся въ литературѣ данныхъ для внѣшней біографіи пятыхъ Бестужевыхъ, преимущественно въ подлинныхъ цитатахъ изъ мемуаровъ, официальныхъ документовъ и пр. Такіе „матеріалы для біографіи“ и сами по себѣ не лишены цѣнности, но, разумѣется, не могутъ замѣнить настоящаго историческаго изслѣдованія. Г. Богучарскій изобразилъ не Бестужевыхъ, а только судьбу Бестужевыхъ. Насколько внѣшне его изображеніе, можно видѣть хотя бы изъ того, что, удѣливъ всего больше мѣста Александру Бестужеву-Марлинскому, авторъ даже не пытается ознакомить читателя съ нимъ, какъ съ беллетристомъ; что же касается публицистической дѣятельности Марлинскаго, чрезвычайно замѣчательной для своего времени, то та единственная страница, которая посвящена ей г. Богучарскимъ, должна быть признана болѣе чѣмъ неудовлетворительной, особенно послѣ обстоятельной работы г. Н. А. Котляревскаго въ его этюдахъ о литературной дѣятельности декабристовъ. Зато г. Богучарскій не пожалѣлъ мѣста на неудачную и бесплодную полемику съ г. Венгеровымъ по вопросу о томъ, случайно или не случайно Бестужевъ-Марлинскій сталъ декабристомъ. Г. Богучарскій во что бы то ни стало желаетъ доказать, что между „психикой“ Бестужева и его друзей-декабристовъ не было никакой разницы; но доводы его слишкомъ слабы, чтобы перевѣсить то свидѣтельство, на которое опирается г. Венгеровъ: общій характеръ Бестужева, равно какъ и направленіе его умственныхъ интересовъ до и послѣ декабрьскаго мятежа ни въ какомъ случаѣ не позволяютъ ставить его на одинъ уровень по силѣ убѣжденности съ Рылѣвымъ, Пестелемъ или Батенковымъ, и несомнѣнно, что онъ примкнулъ къ движенію не столько вслѣдствіе внутренней потребности, сколько потому, что въ заговорѣ участвовали всѣ его пріатели, и потому, что онъ „подпалъ обаянію, связанному со всякой опасностью“, какъ психологически - вѣрно замѣчаетъ г. Венгеровъ. Г. Богучарскій съ явной натяжкой старается показать, что Бестужевъ примкнулъ къ заговору раньше почти всѣхъ своихъ пріателей: онъ самъ

былъ принятъ въ члены общества Рылѣвымъ только въ апрѣлѣ 1825 г. Не меньшей натяжкой является и утверждение г. Богучарскаго, что Бестужевъ до конца остался върѣнъ прежнимъ идеямъ: приводимыя имъ рѣзкіе отзывы Бестужева о Карамзинѣ и о преклоненіи Пушкина иредъ „свѣтомъ“ имѣють весьма отдаленное отношеніе къ „идеямъ“ 14-го декабря, а вѣдь именно о нихъ говоритъ г. Венгеровъ въ строкахъ, опровергаемыхъ нашимъ авторомъ.

Вторая статья сборника содержитъ матеріалы для біографіи одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ и наименѣе извѣстныхъ декабристовъ— А. О. Корниловича. Свѣдѣній о его необыкновенной жизни существуетъ немного, и г. Богучарскій, конечно, не имѣлъ возможности пополнить ихъ, но надо быть благодарнымъ ему и за то, что онъ собралъ ихъ воедино. Приговоренный къ пятнадцатилѣтней каторгѣ, Корниловичъ въ 1827 году былъ привезенъ изъ Сибири обратно въ Петербургъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, при чемъ ему было приказано отъ имени государя излагать письменно его мнѣнія по какимъ онъ найдетъ нужнымъ предметамъ государственнаго благоустройства для представленія государю чрезъ Бенкендорфа; вмѣстѣ съ тѣмъ его казematъ былъ по его указаніямъ обставленъ съ комфортомъ, ему доставлялись нужныя книги и пр. Корниловичъ ревностно принялся за работу; генераль Шумковъ, рассказавшій обо всемъ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ, сообщаетъ, что позднѣе, уже въ Грузіи, Корниловичъ показывалъ ему рукописныя копіи мнѣній, переданныхъ имъ Бенкендорфу. „Многія изъ работъ Корниловича,—говоритъ онъ,—обращали особенное вниманіе Государя Императора, что видно изъ сохранившихся у него собственноручныхъ записокъ Бенкендорфа, которыми онъ объявляетъ „каторжному Корниловичу благоволеніе его величества“ за какую-нибудь работу“. Такъ прожилъ Корниловичъ въ одиночномъ заключеніи пять лѣтъ, послѣ чего былъ зачисленъ рядовымъ на Кавказъ; здѣсь спустя полтора года онъ и умеръ.

Минуя третью статью сборника, представляющую собою пересказъ записокъ декабриста Волконскаго и неизвѣстно зачѣмъ перепечатанную въ книгѣ, переходимъ къ обширной статьѣ о А. И. Герценѣ. На біографической части этого очерка останавливаться не стоитъ: здѣсь нѣтъ и намека на историческое освѣщеніе и психологическую послѣдовательность; среди подробныхъ фактическихъ сообщеній безъ внутренней связи болтаются какіе-то психологическіе лоскутки, неизвѣстно зачѣмъ мало-важное изложено пространно, а важнѣйшее — лаконически, неизвѣстно зачѣмъ авторъ пускается въ полемику и пр. (напр.: подробнѣйшій рассказъ объ отношеніяхъ Герцена и Тюфяева — и полстраницы о рядѣ статей Герцена, посвященныхъ дилеттантизму и буддизму въ наукѣ, ни слова о „Круповѣ“, столь важномъ для пониманія позднѣйшаго Герцена, вопросъ о религіозности Герцена, совершенно неосвѣщенный и пр., и пр.) Зато отношеніе г. Богучарскаго къ идеямъ Герцена представляетъ несомнѣнный интересъ.

Уже во вступленіи г. Богучарскій, признавъ значеніе Герцена „ослѣпительнымъ“, заявляетъ: „Тѣмъ не менѣе, мы вовсе не имѣемъ въ виду оставить безъ посильной критики нѣкоторыя изъ возрѣній знаменитаго писателя“. И вторая половина его статьи дѣйствительно посвящена „критикѣ“.

Рѣчь идетъ о разочарованіи въ Западѣ и возвращеніи Герцена къ славянофильскимъ идеямъ. Глубоко огорченный этимъ заблужденіемъ геніальнаго ума, г. Богучарскій задался цѣлью опредѣлить источникъ столь прискорбной ошибки; искать пришлось недалеко, и г. Богучарскій не безъ торжественности извѣщаетъ читателей о своемъ открытіи. Упомянувъ о „Съ того берега“, онъ говоритъ: „Объ этомъ проникнутомъ мрачными взглядами на грядущія судьбы Европы произведеніи въ нашей литературѣ о Герценѣ существуютъ отзывы не въ пользу высказанныхъ имъ идей, но, сколько намъ извѣстно, ни одинъ изъ писавшихъ объ этомъ предметѣ авторовъ не указалъ, въ чемъ же была кардинальная ошибка разсужденій Герцена и что именно просмотрѣлъ онъ въ жизни современной ему Европы, безъ чего онъ неизбѣжно долженъ былъ придти къ своимъ мрачнымъ, относительно Европы, выводамъ и тѣмъ перекинуть мостъ отъ своихъ воззрѣній къ воззрѣніямъ славянофиловъ“. И приведа далѣе слова Страхова о томъ, что во всѣхъ европейскихъ ученіяхъ Герценъ не нашелъ ни единой точки опоры для построенія положительнаго идеала, нашъ авторъ продолжаетъ: „Съ мыслью Страхова можно было бы согласиться, если бы вмѣсто словъ „во всѣхъ ученіяхъ Европы“ сказать: „во всѣхъ *извѣстныхъ Герцену* ученіяхъ Европы“, ибо въ томъ-то и дѣло, что „ученія Европы“ извѣстны были ему не всѣ“.—Да, вотъ въ чемъ дѣло: ошибка Герцена заключается въ томъ, что онъ проглядѣлъ одно европейское ученіе, которое одно и могло бы его удовлетворить; то было ученіе Маркса. Г. Богучарскій не хочетъ этимъ сказать, что, успѣй Герценъ ознакомиться съ сочиненіями Маркса и Энгельса, онъ непременно сталъ бы подъ ихъ знамя; но онъ положительно утверждаетъ, что въ этомъ случаѣ, „при громадномъ умѣ Герцена, онъ навѣрное нашелъ бы нѣкоторыя изъ тѣхъ „точекъ опоры“, на отсутствіе которыхъ у Герцена указывалъ Страховъ“. И затѣмъ г. Богучарскій съ грустью констатируетъ фактъ взаимнаго непониманія и раздраженія между Марксомъ и Герценомъ и съ горькимъ упрекомъ спрашиваетъ, почему Герценъ не сумѣлъ отнести къ Марксу такъ же безпристрастно, какъ Бакуининъ, почему онъ видѣлъ въ нѣмецкой эмиграціи одно дурное и т. д.; правда, говоритъ онъ, подъ конецъ жизни у Герцена начало складываться другое отношеніе къ Марксу и марксизма, „но было уже поздно“.

Открытіе г. Богучарскаго свидѣтельствуетъ о такомъ глубокомъ непониманіи Герцена, которое заранѣе даже трудно было бы счесть возможнымъ. Если уже признать вмѣстѣ съ г. Богучарскимъ, что въ концѣ 40-хъ годовъ Герценомъ овладѣло „безпросвѣтное отчаяніе“, то вѣдь очевидно, что это было отчаяніе религіознаго свойства, отчаяніе чловѣка, утратившаго свою *вѣру*; какъ же могло бы спасти его то или иное экономическое или соціологическое ученіе? Г. Булгаковъ, впервые взглянувшій на Герцена съ вѣрной точки зрѣнія, но взглянувшій сквозь цвѣтныя очки, справедливо говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей статьи о душевной драмѣ Герцена (можетъ быть, намекая именно на статью г. Богучарскаго): „Въ настоящее время многіе совершенно серьезно объясняютъ теоретическія блужданія Герцена тѣмъ, что онъ не читывалъ „Капитала“ К. Маркса и не знакомъ былъ съ „соціологіей“ нашего времени. Они предполагаютъ, что таковой свободный и ясный умъ, разрушивъ столько кумировъ и побѣдивъ столько суевѣрій, почтительно остановился

бы въ суетвѣрномъ приклоненіи предъ социологіей... Онъ зналъ, что на тѣ вопросы, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, наука ничего не можетъ ему сказать, не можетъ изобрѣсти или отыскать въ ретортѣ смыслъ жизни или исторіи“¹⁾).

Но открытію г. Богучарскаго нельзя отказать въ поучительности: въ своей карикатурной формѣ оно вскрываетъ ту основную ошибку въ пониманіи эволюціи Герцена, которая, повидимому, вполне прочно укоренилась у насъ. Страховъ первый выставилъ тезисъ, что результатомъ разочарованія въ Западѣ явилось у Герцена „чистое, голое отрицаніе“— философскій и историческій нигилизмъ. Эту невѣрную мысль Страхова усвоилъ и г. Булгаковъ. По его мнѣнію, Герценъ съ половины 40-хъ годовъ пережилъ въ своемъ развитіи три періода: періодъ западной утопіи (вѣры въ Западѣ), періодъ безнадежнаго пессимизма, обусловленный разочарованіемъ въ Западѣ, и наконецъ періодъ восточной утопіи (вѣры въ Россію). Эта послѣдняя утопія, по мнѣнію г. Булгакова, явилась той соломинкой, за которую Герценъ ухватился, нравственно утопая; смѣшно и нелѣпо было признать Россію обѣтованнымъ краемъ только за то, что въ ней сохранилась община, но потребность новой вѣры въ Герценѣ была такъ велика, что „голосъ скептицизма въ немъ замолкаетъ, критическій ножъ притупляется, разумъ, доселѣ строгій и требовательный, мирится съ аргументами, очевидно, слабыми и шаткими“.

Это объясненіе а priori внушаетъ подозрѣніе своей неправдоподобностью: трудно предположить такую дѣтскую близорукость со стороны человѣка, пріобрѣтшаго удивительный навыкъ въ разрушеніи всяческихъ кумировъ, не имѣвшаго себѣ равныхъ въ Европѣ по остротѣ и неустрашимости скептической мысли, и удивительно, какъ г. Булгаковъ могъ остановиться на такомъ предположеніи. Но суть, конечно, не въ этомъ. Намъ невозможно здѣсь изобразить послѣдовательно все развитіе идей Герцена за послѣднія 20 лѣтъ его жизни, но мы хотимъ, по крайней мѣрѣ, намѣтить нашу основную мысль.

Мы думаемъ, что морально-философскія воззрѣнія Герцена, вполне сложившіяся еще до его отъѣзда за границу (ему было въ этотъ моментъ около 35 лѣтъ), за все послѣдующее время не подверглись никакимъ существеннымъ перемѣнамъ, поскольку они представляли собою совокупность положительныхъ идей: его идеалъ человѣка и общества остался неизмѣнно тотъ же до конца. Не поколебало этого идеала (напротивъ, укрѣпило и обогатило) и разочарованіе въ Западѣ. Жгучая боль, обусловленная этимъ разочарованіемъ, имѣла причиною не утрату вѣры, идеала, смысла жизни, какъ думаетъ г. Булгаковъ, а нѣчто другое: утрату вѣры именно въ Западѣ, только въ него, какъ въ ратоборца за этотъ идеалъ, отъ котораго ожидалось его осуществленіе; а вмѣстѣ съ надеждой на Западѣ приходилось похоронить и надежду на скорое осуществленіе идеала. Въ эту минуту Герценомъ дѣйствительно овладѣваетъ пессимизмъ, уже не покидающій его до смерти, — но это пессимизмъ личный, а не историческій: до зари далеко, люди кругомъ спятъ и спятъ, нѣтъ надежды увидѣть солнце своими глазами, — онъ слишкомъ рано проснулся и долженъ во тьмѣ брести ко гробу. Это не значитъ, что надо сложить руки: нѣтъ, надо звонить въ колоколъ, vivos

¹⁾ „Отъ марксизма къ идеализму“, стр. 178.

восаге, что есть сила. Философскаго нигилизма Герценъ никогда не зналъ ни на одну минуту. Онъ отрицалъ предопредѣленіе въ исторіи, но непоколебимо вѣрилъ въ прогрессъ,—потому отрицалъ и потому вѣрилъ, что имѣлъ высокое представленіе о человѣкѣ: „Только отнимая у исторіи всякій предназначенный путь, — писалъ онъ, — человѣкъ и исторія дѣлаются тѣмъ-то серьезнымъ, дѣйствительнымъ и исполненнымъ глубокаго интереса“. Самъ г. Булгаковъ приводитъ такія слова Герцена о безцѣльности природы: „Но человѣкъ вовсе не теряется отъ этого, какъ песчинка въ горѣ, не больше подчиняется стихіямъ, не круче связывается необходимостью, а вырастаетъ тѣмъ, что понимая свое положеніе, въ рулевого, который гордо разсѣкаетъ волны своей лодкой, заставляя бездонную пропасть служить себѣ путемъ сообщенія“. Гдѣ же тутъ признаки философскаго нигилизма или пессимизма?

Повторяю, Герценъ никогда не разочаровался въ своей мечтѣ о свободной и разумной жизни человѣка, но потерялъ надежду на близкое осуществленіе этой мечты—отсюда его личный пессимизмъ—и на осуществленіе ея Западомъ: это и было толчкомъ къ его духовному „возвращенію на родину“. Не усвой г. Булгаковъ ошибочной мысли Страхова о нравственномъ кораблекрушеніи Герцена, ему не пришлось бы такъ неправдоподобно объяснять этотъ поворотъ Герцена къ Россіи; не пришлось бы ему также съ легкимъ сердцемъ устранивать „Письма къ старому товарищу“ Герцена, какъ стоящія „въ рѣзкомъ противорѣчій общимъ воззрѣніямъ Герцена“. Съ нашей точки зрѣнія это завѣщаніе Герцена („Письма“ писаны имъ передъ смертью) представляетъ собою какъ разъ систематическую сводку его основныхъ идей, многократно враздробь излагавшихся имъ съ 1849 года и въ существенномъ почти не измѣнившихся за все это время; онъ самъ въ этихъ письмахъ, адресованныхъ Бакунину, такъ говоритъ о перемѣнѣ, совершившейся въ его взглядахъ послѣ и подъ вліяніемъ 1848 года: „Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ... Ни ты, ни я не измѣнили нашихъ убѣжденій, но разны стали къ вопросу. Ты рвешься впередъ попрежнему со страстью разрушенія... я не вѣрю въ прежніе революціонные пути и стараюсь понять *шляхъ людской* въ быломъ и настоящемъ...“ И основной его завѣтъ гласить: *человѣчество освобождается только пониманіемъ*, и потому міру нужны не перевороты, а проповѣдь, не саперы разрушенія, а апостолы, проповѣдующіе равно и своимъ, и противникамъ.— Именно такой проповѣдью и была вся его дѣятельность, начиная съ 1849 года, съ „*Vom andern Ufer*“.

Подобно г. Булгакову, и г. Богучарскій готовъ счесть завѣщаніе Герцена подложнымъ—до такой степени оно кажется ему несогласимымъ съ мировоззрѣніемъ Герцена. Какъ разъ то, что красной нитью проходить чрезъ все написанное Герценомъ послѣ 1848 года,—его мысль о необходимости замѣнить уголовную и романтическую точку зрѣнія на исторію физиологическую,—вызываетъ у г. Богучарскаго такія строки: „Сильный умъ Герцена додумывался часто самостоятельно до прямо-таки гениальныхъ мыслей, которыя, увы (!), не находились въ органической связи съ его общимъ міросозерцаніемъ“; и ниже, приводя слова Герцена о томъ, что для борьбы съ болѣзною нужно пониманіе, а не слезы, нашъ авторъ замѣчаетъ: „Вотъ, постигнѣ, гениальная мысль, развитіе которыхъ спасло бы Герцена отъ многихъ заблужденій.“

Въ особенноти плодотворна была бы спинозовская мысль о необходимости „пошмадія, а не слезъ“. Г. Богучарскій одобряетъ эту мысль вѣроятно потому, что она кажется ему похожей на ученіе экономическаго матеріализма, но онъ и одобряетъ ее лишь настолько, насколько она совпадаетъ съ этимъ ученіемъ; когда же Герценъ вполнѣ послѣдовательно выводитъ изъ нея необходимость не разрушенія, а проповѣди,— это служитъ г. Богучарскому доказательствомъ, что Герценъ „нерѣдко вдругъ запутывалъ“ свои вѣрныя („марксистскія, а частью, если угодно, бернштейнскія“) идеи „воззрѣніями совсѣмъ изъ другой оперы“. Въ итогѣ—„смерть застала Герцена такъ и непримирившимъ ровнившимся въ его головѣ противорѣчія“.

То же, если можно выразиться, тенденціозное непониманіе, которымъ отмѣчена статья г. Богучарскаго о Герценѣ, дало матеріаль и для другой его статьи, посвященной Гоголю, „какъ учителю жизни“. Рѣчь идетъ о „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“, и цѣль нашего автора—опровергнуть всѣхъ тѣхъ, кто ищетъ смысла „въ такой безусловно подлежащей забвенію вещи“, какъ эта книга Гоголя. Мы отнюдь не принадлежимъ къ числу поклонниковъ послѣдней—напротивъ, она и намъ кажется плодомъ страшнаго заблужденія или психической болѣзни; и тѣмъ не менѣе мы должны отречься отъ солидарности съ г. Богучарскимъ. Онъ игнорируетъ историко-психологическую сторону дѣла, вопросъ о томъ, какъ дошелъ Гоголь до мыслей, изложенныхъ имъ въ „Перепискѣ съ друзьями“, и рассматриваетъ эту книгу, какъ нѣчто данное. Разумѣется, это—его законное право. Но въ такомъ случаѣ, чтобы правильно отнестись къ книгѣ, онъ долженъ былъ выслушать самое ея ядро, уяснить себѣ основную идею автора, и затѣмъ, во-первыхъ, либо принять, либо отвергнуть эту идею, во-вторыхъ, прослѣдить, насколько послѣдовательно она проведена авторомъ въ частныхъ ея примѣненіяхъ. Ничего этого г. Богучарскій не сдѣлалъ; нимало не заботясь объ исходной точкѣ Гоголя, онъ просто привлекаетъ его къ строжайшей уголовной отвѣтственности по нѣкоторымъ частнымъ пунктамъ его мировоззрѣнія. Изъ того наблюденія, что Ламеннэ, Маццини и Генри Джоржъ, „будучи преданы опредѣленнымъ религіознымъ идеямъ, не только не выводили изъ нихъ доводовъ въ пользу рабства массы ближнихъ своихъ, но, напротивъ, напрягали всѣ силы къ тому, чтобы придти на помощь униженнымъ и угнетеннымъ“, онъ дѣлаетъ выводъ, что этого же самаго мы должны были бы ждать и отъ *тогоже* религіозно-настроеннаго Гоголя. Затѣмъ начинается дознаніе, какъ относился Гоголь къ крѣпостному праву, къ вопросу о народномъ образованіи и пр. и пр. Оказывается, относился почти такъ, какъ редакторъ „Гражданина“, и тѣмъ вопросъ о „Перепискѣ съ друзьями“ окончательно рѣшенъ. Напрасно Гоголь сталъ бы оправдываться тѣмъ, что, совѣтуя крѣпостнымъ покоряться той власти, подъ которой они родились, онъ исходилъ изъ христіанской мысли о свободахъ въ оковахъ,—мысли, которую г. Богучарскій въ правѣ не раздѣлять, но обязанъ былъ принять во вниманіе; напрасно привелъ бы онъ въ подтвержденіе своихъ словъ о ненужности для народа пустыхъ европейскихъ книжонокъ слова Кавелина (приводимая г. Богучарскимъ въ другой статьѣ) о „свѣжей русской подпочвѣ, не развращенной излишнимъ книжнымъ ученіемъ“, а Кавелина г. Богучарскій не заподозритъ же во враждѣ къ просвѣ-

щенію народа: г. Богучарскій не желаетъ слушать его оправданія. Для него достаточно доказать негодность отдѣльныхъ мыслей Гоголя, а до цѣлаго, до души этой странной книги ему нѣтъ дѣла.

Намъ остается отмѣтить еще двѣ статьи г. Богучарскаго, лучшія въ его сборникѣ. Чрезвычайно интересная тема затронута въ статьѣ, озаглавленной „Столкновеніе двухъ теченій общественной мысли“: рѣчь идетъ о столкновеніи между двумя передовыми фалангами русскаго общества въ концѣ 50-хъ годовъ, между прогрессистами изъ баръ, какъ Герценъ, Тургеневъ, Кавелинъ, и прогрессистами изъ разночинцевъ, какъ Чернышевскій и Добролюбовъ. Обѣ эти фракціи служили одному и тому же дѣлу и противъ реакціонной партіи составляли одинъ лагерь; и тѣмъ не менѣе онѣ плохо уживались другъ съ другомъ. Г. Богучарскій вѣрно указываетъ ту разницу въ психическомъ складѣ, которая лежала пропастью между ними: наслѣдниковъ дворянской культуры оскорбляла рѣзкая манера разночинцевъ, ихъ безопаднаая логика и прямолинейность; разночинцевъ раздражала барская завьска и романтизмъ тѣхъ. Отсюда извѣстныя столкновенія между Тургеневымъ и Добролюбовымъ, Герценомъ и Чернышевскимъ. Для этой бессознательной антипатіи со стороны людей 40-хъ годовъ къ представителямъ молодого поколѣнія характерны два случая, о которыхъ рассказалъ самъ Чернышевскій уже послѣ смерти Добролюбова.

Первый изъ нихъ относится къ концу 1858 года. Я сидѣлъ у г. Кавелина, въ домѣ котораго Добролюбовъ сталъ близкимъ человѣкомъ съ начала того года. „Странное дѣло,—сказалъ мнѣ между прочимъ г. Кавелинъ,—я не могу чувствовать къ Добролюбову того мирнаго расположенія, какъ, напримѣръ, къ вамъ. Отчего это? Образъ мыслей у насъ, повидимому, одинаковъ; а какъ человѣкъ, онъ—превосходнѣйшій человѣкъ; мое мнѣніе о его сердцѣ и характерѣ доказывается тѣмъ, что я допустилъ его совершенно овладѣть мыслями моего сына, чего не сдѣлалъ бы, если бы могъ считать что-нибудь дурнымъ въ Добролюбовѣ. Но отчего же я чувствую, что онъ совершенно чуждъ мнѣ, между тѣмъ какъ, напримѣръ, вы не вовсе чужды“. Я сказала тогда: „Это оттого, что въ Добролюбовѣ нѣтъ тѣхъ слабостей и шаткостей въ мысляхъ и въ характерѣ, которыя даютъ намъ нѣкоторыя точки опоры, чтобы притягивать мой образъ мыслей и поступковъ къ вашему. Взглядъ его тверже и яснѣе, чѣмъ у меня, потому не остается для васъ возможности понимать его въ нашемъ смыслѣ, какъ можете вы въ значительной степени дѣлать съ моимъ взглядомъ...“ (Далѣе Чернышевскій передаетъ такой же свой разговоръ съ Тургеневымъ).—Онъ былъ тогда недоволенъ одною изъ статей Добролюбова и въ заключеніе спора со мною о ней сказалъ: „Васъ я еще могу переносить, но Добролюбова не могу“.—„Это оттого,—сказалъ я,—что Добролюбовъ умнѣе и взглядъ на вещи у него яснѣе и тверже“.—„Да,—отвѣчалъ онъ съ добродушной шутивостью, которая очень привлекательна въ немъ,—да, вы—простая змѣя, а Добролюбовъ—очковая змѣя“.

Сознательно разночинцы расходились съ прогрессистами изъ дворянъ не столько въ своихъ взглядахъ на цѣли и пути прогресса, сколько въ вопросѣ о томъ, какой части общества принадлежить отнынѣ культурная творческая роль въ Россіи. Г. Богучарскій мѣтко опредѣляетъ эту разницу такъ: формула прогрессистовъ типа Тургенева гласила: „tout pour le peuple“, формула разночинцевъ: „tout par le peuple“. И въ доказательство разночинцы выставили цѣлый обвинительный актъ противъ дворянъ: вы—праздные, дряблые и безвольные люди, говорили они; вы неспособны пойти дальше прекрасныхъ чувствъ и возвышенныхъ рѣчей, у васъ нѣтъ ни рѣшимости, ни силы на борьбу за ваши идеалы; чего же мы можемъ ждать отъ васъ? Такъ говорилъ Чернышевскій въ своей статьѣ о тургеневской „Асѣ“ („Русскій человѣкъ на rendez-vous“) и

Добролюбовъ въ статьѣ объ Обломовѣ. Сознательно и сами „дворяне“ безъ обиняковъ признавали справедливость этого мѣннія: достаточно указать хотя бы на „Рудина“ или на „Гамлета Щигровскаго уѣзда“; а Герценъ позднѣе, въ 1865 г., писалъ, обращаясь къ Ю. О. Самарину: „И вы, и мы по положенію по необходимости были рефлекторами, резонерами, теоретиками, книжниками, *тайнобрачными* супругами нашихъ идей... но *энергіей*, но *дѣломъ*, но *мужествомъ* мы мало отличались“. Но и сознавая, они не могли не чувствовать острой обиды отъ холоднаго презрѣнія разночинцевъ. Они знали, *почему* они вышли такими,— мало того, они ощущали эту свою книжность и дряблость, какъ тащайшій свой крестъ, и справедливо полагали, что стадія, которую они представляютъ собою, была исторически необходима; они считали себя въ правѣ ждать отъ молодого поколѣнія если не благодарности, то по крайней мѣрѣ пониманія и участія. А разночинцамъ не было дѣла до прошлаго—они смотрѣли впередъ и съ жестокой прямолинейностью заявили: вы не нужны. Эта исключительная утилитарная точка зрѣнія оскорбляла всего больше. Въ 1860 году Герценъ формулировалъ этотъ споръ въ статьѣ „Лишніе люди и желчевики“, гдѣ онъ самъ фигурируетъ въ роли „бывшаго лишняго человѣка“, а подъ желчевиками разумѣются люди типа Чернышевскаго, „наиболѣе сердящіеся на лишніе людей“: Герценъ признаетъ въ нихъ явный шагъ впередъ, но все же болѣзненный шагъ, и предсказываетъ имъ скорую смѣну— „иныхъ людей, съ непочатыми силами и крѣпкими мышцами“, „кряжа свѣжаго, который кротко простится съ нами и пойдетъ своей широкой дорогой“. Вообще, по тому вопросу, который затронулъ въ своей интересной статьѣ г. Богучарскій, именно біографія Герцена представляетъ богатѣйшій матеріалъ. Г. Богучарскій остановился только на извѣстномъ эпизодѣ поѣздки Чернышевскаго въ Лондонъ для объясненій съ Герценомъ по поводу статьи послѣдняго „Very Dangerous“, направленной противъ „Современника“. Но не менѣе любопытна для характеристики этого историческаго спора исторія отношеній между Герценомъ и молодой русской эмиграціей въ послѣдніе годы его жизни, и особенно исторія его попытки соединиться съ нею для совмѣстнаго возобновленія „Колокола“. Возстановить эти эпизоды было бы нетрудно по статьямъ и перепискѣ Герцена, по многочисленнымъ печатнымъ памфлетамъ противъ него, наконецъ по воспоминаніямъ нѣсколькихъ еще живыхъ свидѣтелей-очевидцевъ ¹⁾.

Послѣдняя и самая обширная статья сборника г. Богучарскаго представляетъ собою любопытнѣйшій „историко-статистическій очеркъ“, посвященный характеристикѣ отношеній къ русской журналистикѣ со стороны вѣдавшихъ ся судьбы учреждений. Это—не исчерпывающая исторія журнальной цензуры, а только серія наиболѣе замѣчательныхъ эпизодовъ этой исторіи, начиная съ первыхъ лѣтъ прошлаго вѣка. Вмѣстѣ съ вышедшими недавно двумя книгами М. К. Лемке и книгою К. К. Арсеньева очеркъ г. Богучарскаго даетъ возможность познакомиться съ одною изъ поучительнѣйшихъ страницъ въ исторіи русскаго просвѣщенія.

М. Гершензонъ.

¹⁾ Нѣсколько интересныхъ и вѣрныхъ мыслей по вопросу объ антагонизмѣ между людьми 40-хъ годовъ и „новыми людьми“ высказалъ В. Д. Смирновъ въ своей біографіи А. И. Герцена (біогр. бібліотека Павленкова), стр. 159.

Бібліографія.

Проф. Г. И. Челпановъ.—Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апріорности и врожденности. Часть II. Представленіе пространства съ точки зрѣнія гносеологіи. Кіевъ. 1904 г. Стр. 429.

Настоящую вторую часть заканчивается обширное изслѣдованіе проф. Челпанова о пространствѣ. Въ первой части проблема воспріятія пространства разсматривалась съ точки зрѣнія психологической, во второй части авторъ переходитъ къ гносеологической сторонѣ вопроса, причемъ проблема воспріятія пространства отступаетъ на задній планъ и служитъ ему только поводомъ для обоснованія критической теоріи познанія. Въ своихъ гносеологическихъ воззрѣніяхъ проф. Челпановъ примыкаетъ къ критическому идеализму. Слѣдя принципамъ строгаго кантіанства, онъ отстаиваетъ самостоятельность гносеологіи, независимость ея отъ психологіи, возстаєтъ противъ смѣшенія понятій врожденности и апріорности, опровергаетъ односторонній эмпиризмъ и отдаєтъ предпочтеніе апріоризму.

Независимость теоріи познанія отъ психологіи доказывается сначала исторически. Съ одной стороны, исторія ученій о врожденности познанія (гл. 2) показываетъ, что это понятіе совпадаетъ съ представленіемъ о существованіи въ нашей психофизической организаціи извѣстныхъ предрасположеній, способностей и должно имѣть, слѣдовательно, чисто психологическій смыслъ; съ другой стороны, логическая реконструкція хода мыслей въ „Критикѣ чистаго разума“ (гл. 3) свидѣтельствуетъ о томъ, что Кантъ вполне ясно сознавалъ принципиальное отличіе своей теоріи познанія отъ „физиологіи духа“ англійскихъ эмпириковъ. Гносеологія имѣетъ свой особый методъ, свои особыя задачи (гл. 4). Она разсматриваетъ условія научнаго познанія съ точки зрѣнія тѣхъ дѣлей, которыя полагаются нормами человѣческаго мышленія, и слѣдуетъ повтому телеологическому методу; природа *научнаго* познанія, а не познанія вообще интересуєтъ гносеологію; тѣ категорія мысли, которыми оперируетъ натуралистъ или историкъ, тѣ формы интуиціи, которыя лежатъ въ основѣ чистой математики, составляютъ предметъ ея анализа независимо отъ ихъ генезиса; не происхожденіе научныхъ понятій, а условія ихъ объективнаго значенія изслѣдуетъ гносеологъ; „опытъ“ понимается здѣсь въ смыслѣ научной системы законовъ и теорій; логическія условія такого опыта заложены въ научномъ сознаніи данной эпохи и не имѣютъ ничего общаго съ психологіей животныхъ, дикарей или дѣтей; условія познанія составляютъ логическую предпосылку такого опыта, предваряютъ воспріятіе логически, но не хронологически. Напротивъ, психологія слѣдуетъ методу генетическому, описываетъ факты познанія, раскрываетъ исторію субъективнаго происхожденія понятій, ищетъ субъективныхъ причинъ ихъ возникновенія. Отсюда становится ясно, что эволюціонная психологія не можетъ устранять кантовской теоріи познанія (гл. 5), что намѣреніе Спенсера примирить, съ помощью понятія родового опыта, Локка и Канта, эмпиризмъ и апріоризмъ, есть не что иное, какъ недоразумѣніе: эволюціонная психологія и дарвинизмъ проходятъ мимо „Критики чистаго разума“. Точно такъ же не можетъ служить доводомъ противъ апріорности пространства неевклидовская геометрія съ ея признаніемъ иныхъ пространственныхъ отношеній, отличныхъ отъ пространства, даннаго намъ въ опытѣ (гл. 7). Результаты метагеометріи говорятъ скорѣе въ пользу апріористической теоріи. Въмѣсто того, чтобы приводить къ эмпиризму, они приводятъ насъ „къ нахожденію того свой

ства пространства, которое мы должны считать априорным в собственном смысле: таково свойство „внѣположности“, какъ неотъемлемой особенности всякихъ пространственныхъ отношеній. На примѣрѣ отдѣльныхъ априорныхъ элементовъ познания авторъ думаетъ показать несостоятельность односторонняго эмпиризма и необходимость трансцендентальнаго, гносеологическаго метода (гл. 6). Къ числу такихъ априорныхъ элементовъ относятся законы мышления, понятія числа, времени, пространства, причинности; они не почерпаются изъ чувственнаго опыта; они обуславливаютъ „самый механизмъ мышленія“, самый опытъ. Въ заключеніе авторъ затрогиваетъ вопросъ о реальности пространства (гл. 8) и рѣшаетъ его согласно „идеально-реалистической теоріи“, т.-е. признаетъ нѣкоторую реальную основу для пространства, соответствующую идеальной формѣ нашего сознанія.

Книга проф. Челпанова своевременна и полезна. Авторъ пытается возстановить подлиннаго Канта, Канта *an sich*. Задача трудно выполнимая. Въ наше время изученіе Канта грозитъ превратиться въ своего рода спортъ, но правильное пониманіе того лабиринта мыслей, который называется критической философійю, остается удѣломъ немногихъ. Надежнымъ руководствомъ можетъ служить изслѣдованіе проф. Челпанова. Въ своихъ выводахъ онъ опирается на исчерпывающее знакомство съ западно-европейскою, преимущественно нѣмецкою, литературой, которая вездѣ обстоятельно указывается, группируется по проблемамъ. Въ этихъ литературныхъ указаніяхъ читатель найдетъ много интереснаго. Въ своихъ оцѣнкахъ авторъ очень остороженъ. Къ числу достоинствъ его книги слѣдуетъ отнести ея спокойный и объективный тонъ. Авторъ позаботился о томъ, чтобы книга его была „доступна и для не-спеціалистовъ“.

Давидъ Викторъ.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (историко-литературный сборникъ). Томъ VI. С.-Петербургъ. 1897—1904. Стр. 465.

„Съ выходомъ настоящаго тома,— читаемъ въ предисловіи,— „Крит.-біограф. словарь“ превращается въ историко-литературный сборникъ, дающій матеріалы самаго различнаго рода, какъ въ обработанномъ, такъ и въ сыромъ видѣ. Печатаніе VI тома растянулось на цѣлыхъ 7 лѣтъ, что не особенно удивительно при любительскомъ характерѣ изданія, до сихъ поръ не вполнѣ еще окупившаго даже самые элементарные расходы“. Въ этихъ немногихъ словахъ—цѣлая повесть о печальной судьбѣ хорошей книги на Руси. Изданіе, предпринятое С. А. Венгеровымъ почти 20 лѣтъ назадъ, было съ первыхъ же шаговъ горячо приветствовано критикой, какъ незамѣнимое пособие для изученія исторіи русскаго просвѣщенія; за 11 лѣтъ вышло пять томовъ, и каждый дальнѣйшій томъ заставлялъ удивляться энергіи редактора, его трудолюбію и любви къ дѣлу. Но и эта незаурядная энергія разбилась о равнодушіе публики къ исторіи родной литературы, и систематическій словарь писателей и ученыхъ превращается въ сборникъ случайно накопившихся историко-литературныхъ матеріаловъ. Вышедшій теперь томъ распадается на три части. Первая въ значительной степени сохраняетъ характеръ и качество перваго тома „Словаря“: здѣсь каждому писателю или ученому посвящена обстоятельная статья, дающая его біографію или автобіографію, перечень трудовъ и характеристику; таковы статьи—проф. К. А. Поссе о математикѣ Чебышевѣ, проф. А. С. Архангельскаго о Нилѣ Сорскомъ, Л. З. Слонимскаго о И. И. Янжулѣ, проф. Н. И. Карѣва о П. Г. Виноградовѣ и В. П. Бузескулѣ, М. Н. Мазаева и С. А. Венгерова о баснописцѣ Измайловѣ, М. Л. Песковскаго о баронѣ Корфѣ, С. А. Венгерова о Рѣшетниковѣ и пр. Вторая часть содержитъ дополненія и поправки къ первымъ пяти томамъ, расположенныя—страннымъ образомъ—не сплошь въ алфавитномъ порядкѣ, а подъ именами лицъ, сообщившихъ эти поправки; впрочемъ, этотъ недостатокъ частью восполненъ алфавитнымъ указателемъ ко всѣмъ шести томамъ „Словаря“, приложеннымъ въ концѣ тома. Наконецъ, третья часть представляетъ собою собраніе автобіографій, написанныхъ различными учеными и писателями спеціально для „Словаря“. Какъ ни драгоценны матеріалы, вошедшіе въ этотъ выпускъ, нельзя не пожалѣть о томъ, что они лишены всякой системы. Намъ (кажется, что разъ обнаружилась матеріальная невозможность продолжать изданіе „Словаря“ въ прежнемъ видѣ, слѣдовало не оставлять старый планъ, а только сузить его, именно — ограни-

чить литературой въ собственномъ смыслѣ, исключивъ точныя и прикладныя науки: добрая треть настоящаго тома занята біографіями химиковъ, инженеровъ, геодезистовъ, врачей и пр.; достаточно указать на то, что почти три страницы отведены голому перечню именъ земскихъ статистиковъ, составленному В. П. Воронцовымъ, который, по словамъ редактора, одно время собирался написать для „Словаря“ характеристики этихъ лицъ и успѣлъ составить только приводимый списокъ. Далѣе, казалось бы, необходимо болѣе строгій выборъ именъ, достойныхъ помѣщенія въ словарь писателей; мы были, напримѣръ, очень удивлены, встрѣтивъ здѣсь знаменитую пѣвицу конца XVIII и начала XIX в. Сандуну (ей отведено 1½ стр.), написавшую за всю свою жизнь только одну пѣсенку „Если бь завтра да ненастье“, или жену болгарскаго политическаго дѣятеля Бендерова, кажется, ничѣмъ не заявившую себя въ русской литературѣ (2 стр. съ подробнымъ описаніемъ ея болѣзни, смерти и похоронъ). Сокративъ такимъ образомъ размѣры „Словаря“, г. Венгеровъ, очевидно, не только значительно облегчилъ бы свою задачу, но и придалъ бы изданію болѣе систематическій характеръ. Но, повторяемъ, и въ настоящемъ своемъ видѣ вышедшій сейчасъ томъ содержитъ массу любопытнѣйшихъ свѣдѣній. Кромѣ упомянутыхъ выше статей укажемъ на обширный очеркъ жизни и дѣятельности извѣстнаго публициста 60-хъ годовъ и потомъ эмигранта В. А. Зайцева, принадлежащій перу близкаго ему лица, и на рядъ интереснѣйшихъ автобіографій—Н. Н. Булича, К. Д. Бальмонта, Н. А. Бердяева и др. Г. Венгерову удалось даже раздобыть біографію прелата декабристовъ, Бошняка, составленную его другомъ, протоіереемъ Діевымъ, и столь любопытную исторически, что трудно устоять противъ соблазна привести изъ нея нѣсколько строкъ. Рассказавъ о занятіяхъ Бошняка ботаникой, о. Діевъ продолжаетъ: „Между тѣмъ благодать Божія неусыпно надзираала за сердцемъ Бошняка (онъ былъ вольтерянецъ); въ сельской тишинѣ онъ удобно замѣтилъ суетность міра. Съ этой точки Богъ началъ обращеніе добраго натуралиста. Неусыпная бабушка въ 1818 г. ознакомила его съ Д., священникомъ... Въ частыхъ бесѣдахъ съ нимъ Бошнякъ пережвилъ мысли о религіи, убѣдился въ ея превосходствѣ и въ 1820 г. искренно приобщился тѣлу Христову... Нѣсколько лѣтъ въ елисаветинской вотчинѣ Бошнякъ жилъ въ уединеніи, наконецъ графъ Виттъ, начальникъ херсонскаго военнаго поселенія, подъ простымъ плащомъ замѣтилъ душу философскую и убѣдилъ Александра Карловича вступить къ нему на службу. Здѣсь Бошнякъ, пользуясь особеннымъ расположеніемъ и уваженіемъ графа, имѣлъ случай проникнуть въ замыслы нѣкоторыхъ офицеровъ армии произвести реформу въ Россіи... Когда осенью 1825 г. Государь Императоръ Александръ I пробѣжалъ Елисаветградомъ, Бошнякъ съ позволенія графа подробно донесъ о заговорѣ. Вслѣдствіе сего доноса по повелѣнію монарха около Кіева и были арестованы главнѣйшіе заговорщики: Апостоль-Муравьевъ и Пестель съ нѣкоторыми другими“. Вообще надо замѣтить, что и въ настоящемъ томѣ, какъ въ предыдущихъ, большинство біографій имѣютъ значеніе первоисточниковъ. Отъ души желаемъ С. А. Венгерову возможности продолжать изданіе его цѣннаго „Словаря“, притомъ въ прежнемъ систематическомъ видѣ.

М. Гершензонъ.

А. К. Дживелеговъ. Торговля на Западѣ въ средніе вѣка. Спб. 1904.

Историкъ средневѣковой торговли поневолѣ находится въ очень затруднительномъ положеніи. Для первой половины среднихъ вѣковъ источники даютъ слишкомъ мало матеріала, притомъ либо въ шаблонной, либо въ очень приблизительной, либо явно преувеличенной формѣ. Лѣтопись носятъ чисто мѣстный характеръ, живеть исключительно мѣстными нуждами, мелкими страхами и такими же радостями и лишь изрѣдка, въ особенно важные моменты, заглядываютъ за границы своего маленькаго мірка; „человѣкъ въ футлярѣ“, жизнь въ футлярѣ—типичны. О „торговлѣ“ упоминается лишь въ экстренныхъ, иногда прямо таки анекдотическихъ случаяхъ, напримѣръ, когда дѣло идетъ о привозѣ рѣдкаго звѣря; нормальныя торговыя сношенія слишкомъ обычны, чтобъ быть занесенными на страницы лѣтописи на ряду съ „важными“ событіями. Болѣе надежныя свѣдѣнія даютъ, конечно, официальные акты, но ихъ—чѣмъ раньше, тѣмъ меньше. Монотонность матеріала, несмотря на всю его скудость, а еще болѣе его явныя погрѣшности, сильно повліяли на историографію. Историки, говоря о торговлѣ первой половины среднихъ вѣковъ, какъ бы выпадаютъ въ тонъ лѣтопи-

си: торговля этой эпохи представляется имъ въ слишкомъ ужъ ничтожныхъ размѣрахъ, чисто мѣстнымъ явленіемъ, и „рѣдкіе“ противоположные факты легко зачисляются ими въ разрядъ исключеній, такъ же какъ и хронистъ изрѣдка отмѣчалъ раритеты и невидальщины. А между тѣмъ, если собрать всѣ эти „исключенія“, не укладывающіяся въ обычное представленіе, то можетъ еще возникнуть вопросъ: не достаточно ли у насъ уже данныхъ для пересмотра и солиднаго измѣненія обычнаго представленія о начальной средневѣковой торговлѣ?

На книгѣ А. К. Дживелегова, первой, къ слову, русской работѣ на эту тему, конечно, не могла не отразиться общераспространенная ложная точка зрѣнія, но, къ счастью, сама же книга отчасти даетъ и необходимый коррективъ. Дѣло въ томъ, что авторъ (въ популярной книгѣ—рѣдкое явленіе) вводитъ въ изложеніе, насколько возможно, точныя данныя источниковъ, а они говорятъ уже сами за себя, исправляя и помимо воли автора нѣкоторую односторонность и предвзятую схематичность. Такъ, напримѣръ, живое описаніе широкаго торговаго обмѣна (до XI вѣка) не заставитъ читателя слишкомъ остановиться на нѣсколько неожиданномъ выводѣ о его „незначительности“ (стр. 43); многократное (стр. 22, 24, 44, 45, 94) упоминаніе купцовъ самыхъ различныхъ національностей въ значительной степени ослабитъ обычное представленіе о торговой „монополии евреевъ“ (стр. 21), исключительную предприимчивость и подвижность которыхъ переоцѣнилъ уже блаж. Августинъ, говоря, что „они часто молодыми людьми уѣзжаютъ отъ молодыхъ женъ, а возвращаются лишь стариками къ старухкамъ своимъ“. Кроме того, основательное, но все же осторожное (стр. 22), использование источниковъ даетъ автору возможность для болѣе поздней эпохи, когда свѣдѣній неизмѣримо больше, прибѣгать къ чрезвычайно любопытнымъ и убедительнымъ цифровымъ иллюстраціямъ, каковой является, напримѣръ, отчетъ (стр. 151) дожа Thomaso Mocenigo 1421 г. о торговлѣ и торговыхъ сношеніяхъ Венеціи (жаль только, что г. Дживелеговъ ограничился лишь *частью* этого интереснаго документа). Да и вообще тѣ части книги, гдѣ авторъ, несмотря на невольно (см. Предисл.) ограниченный объемъ книги, сумѣлъ дать цѣльныя картины, связано и систематически прослѣдить зароженіе и развитіе извѣстнаго явленія, особенно удалось и читаются съ неослабывающимъ интересомъ. Только кое-гдѣ авторъ находится и здѣсь подъ извѣстнымъ влияніемъ своихъ пособій, теряя иногда, такъ сказать, перспективу изложенія, уделяя нѣкоторымъ вопросамъ особое вниманіе лишь потому, что они въ свое время вызвали оживленный обмѣнъ мнѣній и считались спорными; таковы, напримѣръ, вопросъ о сравнительномъ значеніи разнаго типа рынковъ (ежегодныхъ, ежемѣсячныхъ, ежедневныхъ; стр. 48, 55, 57, 84, 88), о ненормальности „несвободнаго“ купца (стр. 45, 46, 58, 98), о постепенномъ и естественномъ превращеніи рынка въ регалию (стр. 47—49), о принципиальномъ тождествѣ „ганзы“ и „гальдіи“ (р. 128) и т. п.; попадаютъ мелькомъ и нѣкоторые обычные въ ученой литературѣ термины, либо не объясненные (стр. 48, „настоящій рынокъ“; очевидно „mercatus legitimus“), либо объясненные лишь впоследствии („справедливая цѣна“, стр. 88, 144; „береговое право“, стр. 80, 104 и т. д.).

Желательны, наконецъ, и нѣкоторыя дополненія. Малопонятной, наприм., остается характерная для среднихъ вѣковъ постоянная убыль денежныхъ знаковъ, несмотря на постоянную же (хотя бы и плохую) чеканку, если не указать на чисто средневѣковое представленіе о деньгахъ—„кладѣ“ („schatz“ германскихъ средневѣковыхъ юридическихъ памятниковъ), иммобилизовавшемъ всякую „деньгу“ („geld unde geldswert“). Недостаточно полно очерчены и тѣ громадныя измѣненія, которыя все болѣе и болѣе усложнявшаяся власть вносила въ строго консервативную и инертную средневѣковую среду; измѣнялось отношеніе къ торговлѣ, этой дойной коровѣ предыдущаго времени, которую не эксплуатировалъ развѣ лишь лѣнивый, измѣнилось и отношеніе къ носителямъ этой торговли, купцамъ-чужакамъ (терминъ „hostis“—„гость“, чужакъ“, „врагъ“!), признаннымъ, наконецъ, равноправными съ „мѣстными“ людьми, измѣнились и эмансипировались приемы торговли, взглядъ на деньги, на кредитъ и проч. Наконецъ, думается, нѣсколько усилить нужно было отдѣлъ, трагующій о появленіи всемогущаго нынѣ фактора—капитала, уже тогда значительно вліявшаго и на внутреннюю и на внѣшнюю политику. Въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, много любопытнаго можетъ дать исторія министра финансовъ при Карлѣ VII, Жака Кера (Coeur), негодянта изъ Буржа, выдающуюся роль котораго въ яркіяхъ краскахъ описываютъ современники въ родѣ Mathieu-de-Coucy; въ этомъ смыслѣ глубоко поучительно коротенькое извѣстіе Маккиавелли („Istorie Fiorentine“. Op. II p., 151): „Такъ какъ Венеція и Неаполь соединились противъ Флоренціи, то

Козимо Медичи нѣкоей кредитной операціей извлекъ такъ много денегъ изъ обоихъ государствъ, что они принуждены были просить мира...“ Конечно, крупныя капиталы иногда и гибли (г. Дживелеговъ особенно это подчеркиваетъ, стр. 144, 162, 162, 214) при столкновении съ абсолютными государями-рыцарями, не признававшими своихъ обязательствъ относительно „презрѣнныхъ торговцев“, но сившихъ право свое на остріѣ меча, но еще болѣе теряли и сами государи...

Таковы немногіе недочеты, мелкіе промахи и частичная неноднота интересной книги г. Дживелегова; они искупаются безусловной научностью содержанія, литературностью изложенія и хорошимъ, если такъ можно выразиться, стилемъ всей книги. Авторъ легко бы могъ дать рядъ крикливыхъ картинъ, прикрашенную дѣйствительность, поразить читателя (какъ это сдѣлано въ нѣкоторыхъ западныхъ популярныхъ книжкахъ на ту же тему) сперва безпросвѣтной мрачностью начальной эпохи, а затѣмъ колоритностью, пышнымъ расцвѣтомъ послѣдующаго времени, могъ свести читателя, такъ сказать, и въ адъ, и въ рай; могъ авторъ (и *этому* есть примѣры) предложить читателю и прогулку по ученой лабораторіи, свисходительно и поспѣшно давая мимоходомъ объясненія; но онъ избѣгъ и ненаучности и псевдонаучности,—его исторія средневѣковой торговли и научна и популярна въ должной мѣрѣ и ее смѣло можно рекомендовать самому широкому кругу читателей.

Д. Егоровъ.

Франческо Нитти. Основныя начала финансовой науки. Переводъ съ итальянскаго рукописи И. Шрейдера, подъ редакціей и съ дополненіями А. Свирщевскаго, съ предисловіемъ А. Чупрова. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. Москва. 1904. Стр. XXII+623. Цѣна 8 руб.

Написать хорошій учебникъ—задача чрезвычайно трудная. Помимо большихъ, всестороннихъ знаній, для этого требуются такія качества, какъ умѣніе живо и ясно изложить наиболѣе оущественное, опуская менѣе важное; хорошее знаніе психологіи начинающаго изучать предметъ, т.-е. не малая педагогическая опытность и т. д. Понятно поэтому, что исполнѣ удовлетворительные учебники—большая рѣдкость. Иной авторъ даетъ много свѣжаго фактическаго матеріала, но его теоретическія соображенія устарѣли или не основательны; другой хорошо справился съ теоретической частью, но изложилъ слишкомъ абстрактно свои положенія, не давъ въ руки учащемуся средствъ для проверкіи и конкретнаго усвоения этихъ положеній; третій не обладаетъ талантомъ изложенія; у четвертаго недостаетъ систематичности и ровности, нѣтъ соотвѣтствія въ отдѣльныхъ частяхъ... Словомъ, выбрать для начинающихъ хорошій учебникъ—сущая мука.

Эти общія соображенія, быть можетъ, особенно вѣрны въ приложеніи къ русскимъ учебникамъ финансовой науки, среди которыхъ выборъ очень не легко,—къ сожалѣнію, не по изобилію хорошаго.

Тотъ учебникъ, о которомъ мы сейчасъ пишемъ, въ значительной мѣрѣ отвѣчаетъ требованіямъ: въ немъ мы находимъ и правильную основную точку зрѣнія, и богатый фактическій матеріалъ, и ясность мысли, и живость изложенія. Но для Россіи этого всего недостаточно,—русскому (студенту ли или ищущему самообразованія) необходимо особенно близкое знакомство съ положеніемъ государственнаго и мѣстнаго хозяйства въ Россіи. Между тѣмъ профессоръ неаполитанскаго университета Нитти, конечно, оперируетъ матеріаломъ изъ практики Западной Европы, лишь мимоходомъ и вскользь упоминавая изрѣдка о русскихъ отношеніяхъ. Правда, доцентъ демидовскаго юридическаго лица, специалистъ по финансовой наукѣ, А. Свирщевскій старается пополнить этотъ недостатокъ, и надо признать дополненія г. Свирщевскаго очень цѣнными, такъ какъ они даютъ новыя, сжатые и почти безъ исключения точныя свѣдѣнія законодательнаго и статистическаго характера. Но разумѣется само собой, что г. Свирщевскій не могъ ввести въ самую канву учебника русскаго матеріала, не могъ включить опыта Россіи въ выводы автора. Это съ одной стороны. Съ другой—нельзя было углубляться въ условія возникновенія и развитія русскихъ финансовыхъ институтовъ, хотя бы по соображеніямъ объ объемѣ книги и о возможности усвоения столь обильнаго матеріала.

Такимъ образомъ, къ сожалѣнію, и учебникъ Нитти не исключаетъ настоятельной потребности въ составленіи курса финансовой науки, удовлетворяющаго съ

одной стороны требованіямъ современной теоріи, съ другой—отводящаго преимущественное вниманіе русскому финансовому хозяйству. Нужно только помнить, что задача эта не всякому доступна. А это, повидимому, не для всѣхъ ясно. Такъ, напримѣръ, недавно выпущенъ курсъ финансового права г. Растеряевымъ, оставленнымъ, какъ онъ сообщаетъ на обложкѣ своей толстой книги, при петербургскомъ университетѣ для подготовленія къ преподаванію финансового права. Во-первыхъ, самая попытка человека, лишь начинающаго научное знакомство съ предметомъ, составить учебникъ доказываетъ большую смѣлость автора и заранѣе обречена на неудачу. Во-вторыхъ, попытка эта совершается при полномъ отсутствіи какихъ-либо данныхъ на успѣхъ: у автора нѣтъ даже яснаго пониманія того, о чемъ онъ пишетъ; поэтому, изложеніе туманное, непонятное и даже прямо безграмотное. Заговоривъ объ учебникахъ финансовой науки и находя книгу г. Растеряева не заслуживающей особой рецензіи, мы считали своимъ долгомъ предупредить читателей отъ знакомства съ этимъ произведеніемъ.

Пока же нѣтъ вполне удовлетворительнаго для Россіи курса финансовой науки, мы горячо рекомендуемъ (въ видѣ пособія, но не единственнаго) отличную книгу Нитти, въ которой читатель найдетъ и превосходно составленныя библиографическія данныя, удачно пополненныя г. Свирицевскимъ, и массу статистическихъ и законодательныхъ свѣдѣній, и глубокое пониманіе современныхъ хозяйственныхъ явленій, и плодотворную точку зрѣнія, подчеркивающую связь финансовыхъ институтовъ со всѣмъ строемъ общественной жизни.

Отъ изложенія основныхъ взглядовъ автора и болѣе детальнаго указанія достоинствъ книги мы считаемъ возможнымъ уклониться: эта задача выполнена въ предисловіи А. И. Чупрова. Отмѣтимъ только недостаточную рельефность нѣкоторыхъ вводныхъ главъ книги (экономическая дѣятельность государства и мѣстныхъ учреждений; общія теоріи, относящіяся до финансовыхъ явленій), неправильныя на нашъ взглядъ оцѣнки ученія о социальной роли налоговъ (оцѣнка эта и не вполне ясна) и о муниципализаціи промышленныхъ предпріятій, а также неправильное отрицаніе того, что займы переносятъ тяжесть по оплатѣ принятыхъ съ ихъ помощью мѣръ на будущія поколѣнія. Слѣдуетъ указать также, что одинъ изъ наиболее трудныхъ отдѣловъ—о кредитѣ государства—изложенъ съ рѣдкимъ умѣньемъ, чего нельзя, къ сожалѣнію, сказать, о бюджетѣ и о мѣстныхъ финансахъ.

Переводъ, повидимому, точенъ и читается легко, если не говорить о мелкихъ погрѣшностяхъ вродѣ слѣдующихъ: „невозможенъ никакой расчетъ между *м-держкой* и продуктомъ (стр. 40); „*конечная* полезность“ вмѣсто „предѣльная“ (прим. къ стр. 240).

М. Фридманъ.

Поправка. Въ замѣткѣ М. Фридмана, напечатанной въ VII кн. „Научнаго Слова“, на стр. 143 въ строкѣ 18 св. вмѣсто „раздѣляется“ надо читать „разоряется“.

Ислѣдованіе радиоактивныхъ веществъ (радій, полоній, актиній, уранъ, торій и др.). С. (?) Скла(о)довской-Кюри. Перевели М. Я. Кульчицкій и М. Т. Кульчицкая. Подъ редакціей М. Я. Кульчицкаго. Москва. 1904. Стр. 147. Цѣна 1 р. 50 к.

Три вещи требуются прежде всего отъ переводчика какой бы то ни было книги: 1) знаніе предмета, которому посвящена книга; 2) знаніе языка оригинала; 3) знаніе языка перевода. Книжка, заглавіе которой написано выше, представляетъ любопытный фактъ въ томъ отношеніи, что она совершенно не удовлетворяетъ ни тому, ни другому, ни третьему изъ трехъ перечисленныхъ элементарныхъ условий.

Вотъ что можемъ мы прочесть, напримѣръ, на одной только 3-й страницѣ:

„... изслѣдованіями, которыя начались со времени открытія лучей Röntgen'a при помощи *фотографирования эффектовъ* (въ подлинникѣ: „*recherches... sur les effets photographiques*“), даваемыхъ фосфоресцирующими и флуоресцирующими веществами“.

... стеклянныя трубки, *производящія* лучи Röntgen'a“.

Вмѣсто „*anticathode*“ гг. Кульчицкіе пишутъ „*катодъ*“. „*Donc*“ переводится „впрочемъ“.

Все это на одной страницѣ, и другія страницы не отличаются отъ указан-

ной. На каждомъ шагѣ неточности, грубыя ошибки противъ языка, безсмыслицы, совершенно невѣрно переданныя мѣста и т. д.

Вотъ еще нѣсколько цитатъ изъ первыхъ листовъ наудачу:

„Слабая сила проникновенія лучей урана и торія послужила предлогомъ для сравненія съ побочными лучами Röntgen'a, *которые были изслѣдованы г. Sagnac'омъ раньше самыхъ рентгеновскихъ лучей*“ (!!) (стр. 8). Тогда какъ смыслъ оригинала: „слабая проникающая способность лучей урана и торія давала поводъ сравнивать ихъ *скорѣе* съ вторичными рентгеновыми лучами, изслѣдованными Санькномъ, *чѣмъ* съ самими лучами Рѣнтгена.“

„... Химическіе *элементы*, разсматриваемые, какъ таковые, включая сюда наиболѣе рѣдкія и наиболѣе гипотетическія *соединенія*, всегда были въ 100 разъ менѣе активны въ моемъ приборѣ, *чѣмъ* металлическій уранъ“ (стр. 17). Эта образцовая по нѣпости фраза стоитъ вмѣсто: „... для извѣстныхъ въ настоящее время химическихъ элементовъ (*les éléments chimiques actuellement considérés comme tels*), включая наиболѣе рѣдкіе и сомнительные, изслѣдованные мною въ моемъ аппаратѣ, ихъ соединенія всегда обнаруживали активность, *по крайней мѣрѣ* въ 100 разъ меньшую, *чѣмъ*“ и т. д.

„Г. Debiegne *очень хотѣлъ* (a bien voulu) изслѣдовать этотъ вопросъ и *организовать разложеніе* (!) (le traitement) на заводѣ (стр. 27).

„Les rayons sapeaux“ (трубчатые или закатодные лучи) гг. Кульчицкіе переводятъ „*каналными*“ (!) лучами“ (стр. 48).

И т. д.

Очень жаль, что серьезный научный трудъ уродуется людьми, совершенно неспособными къ литературной работѣ.

А. Бачинскій.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Научнаго Слова“.

Краткій указатель литературы по крестьянскому вопросу. Составленъ комиссіей по устройству отдѣла имени Г. И. Успенскаго при Тульской Общественной библиотекѣ.

Е. Пименова. Политическіе вожди современной Англій и Ирландіи. Съ 10-ю портретами. С.-Петербург. Изд. М. В. Пирожкова. Ц. 2 р.

Купо Франке. Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ (съ V в. до настоящаго времени). Перев. съ англійскаго П. Батина. Съ 39-ю портр. С.-Пб. изданіе М. В. Пирожкова. Ц. 3 р.

Японія. Очерки японской культуры. Причины войны. Составилъ М. Коваленскій. М. 1904. Изданіе журн. „Правда“. Ц. 20 к.

Старая и новая Японія. (Историческій очеркъ.) Составилъ М. Коваленскій. М. 1904 г. Изданіе П. И. Шанина. Ц. 35 к.

Эпизодическія программы Комиссіи по организаціи домашняго чтенія. Серія II. М. 1904 г. Ц. 15 к.

М. Складовская-Кюри. Радій и радиоактивность. Полный перев. со 2-го франц. изд. А. И. Бачинскаго. М. 1905 г. Изданіе книгоиздательства „Творческая мысль“. Ц. 1 р.

Складовская-Кюри. Радій и радиоактивныя вещества. Изслѣдованіе радиоактивныхъ веществъ. Перев. со 2-го франц. изд. студ. С. Н. Петрова, подъ ред. проф. Электротехнич. Инст. Имп. Александра III А. С. Попова. С.-Пб. Ц. 1 р.

Введеніе въ исторію Греціи. Лекціи проф. В. Бузевула. Изд. 2-е. Харьковъ. 1904. г. Ц. 3 р.

Н. Новомбергскій. Черты врачебной практики въ московской Руси. Культурно-историческій очеркъ. С.-Пб. 1904 г. Ц. 40 к.

Э. и О. Реклю. Срединная имперія. Климатъ, почва, племена, богатство, духовная жизнь и учрежденія Китая. Перев. съ фр. О. Косаговской. Книгоиздательство П. П. Гершунина и К^о. С.-Пб. 1904 г. Ц. 90 к.

В. Желѣзновъ. Главныя направленія въ разработкѣ теоріи заработной платы. Кіевъ. 1904 г. Ц. 2 р. 50 к.

Н. К. Михайловскій. Отклики. Два тома. Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство“. С.-Пб. 1904. Ц. 1 р. 50 к. за томъ.

І. Шмѣле. Соціалъ-демократическіе союзы въ Германіи со времени изданія

закона противъ социалистовъ. Перев. съ нѣмецк. И. Давидсона, подъ ред. С. Н. Прокоповича. Изданіе Е. Д. Кусковой. С.-Пб. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

М. Метерлинкъ. Мудрость и Судьба. Переводъ Н. Михайловской, С.-Пб. 1904 г. Ц. 1 р.

Томасъ Карлейль. Sartor resartus. Перев. съ англійск. Н. Горбова. Изданіе второе, пересмотрѣнное. М. 1904.

Генрикъ Ибсенъ. Росмерсгольмъ; драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Перев. съ датск. А. и П. Ганзенъ. Изд. С. Скирмунта. М. 1904.

Адамъ Эленшлегеръ. Ярль Гаконъ, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Перев. съ датск. Анны Ганзенъ. Изд. С. Скирмунта. М. 1904.

Вернеръ Зомбартъ. Современный капитализмъ. Томъ первый. Перев. съ нѣмецк. подъ редакц. В. Баранова и И. Степанова, съ предисл. И. Степанова. Изд. С. Скирмунта. М.

Житіе протопопа Аввакума, написанное имъ самимъ. Изданіе А. Е. Бѣляева.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

1904 годъ. популярно-научный иллюстрированный журналъ II-й годъ.

Научное Слово

издающийся при содѣйствіи нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго университета. Ближайшее участіе въ редакціи журнала принимаютъ: проф. Н. А. Умовъ, проф. В. О. Ключевскій, прив.-доц. М. М. Богословскій, проф. П. М. Новгородцевъ, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. ин. С. Н. Трубецкой.

Въ ближайшихъ книгахъ предполагается напечатать между прочимъ слѣдующія статьи: I. ОТДѢЛЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ: проф. Д. А. Гольдгаммеръ, „Наука и истина“; прив.-доц. Н. П. Кастринъ, „Жидкій воздухъ“; проф. Э. Е. Лейстъ, „Полярныя свѣта и магнитныя возмущенія“; проф. И. И. Мечниковъ, „Психическіе рудименты“, „О старости“; проф. Б. К. Млодзѣевскій, „О безконечно-малыхъ“; проф. Н. А. Умовъ, „Недоразумѣнія въ пониманіи нѣкоторыхъ выводовъ естественныхъ наукъ“. II. ОТДѢЛЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ: проф. И. М. Гревсъ, „Очеркъ флорентинской культуры“; проф. В. О. Ключевскій, „Очеркъ изъ исторіи Московскаго государства“; проф. Д. М. Петрушевскій, „Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства“; проф. ин. С. Н. Трубецкой, „Этюды по исторіи греческой религіи“. III. ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ЮРИДИЧЕСКІЙ: проф. В. М. Хвостовъ, „Проектъ новаго гражданскаго уложенія“. IV. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ: проф. П. И. Новгородцевъ, „О принципахъ морали“.

Всѣ новые подписчики на 1904 г. получаютъ бесплатно начало статей проф. И. И. Мечникова „Этюды о природѣ человѣка“.

Въ текстѣ журнала помѣщаются чертежи, карты, рисунки, портреты и снимки съ различныхъ произведеній искусства. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюня и іюля, книгами въ размѣрѣ отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за десять книгъ: безъ доставки въ Москвѣ на годъ 5 р. 50 к., на полгода 3 р. 75 к., съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ 6 р., на полгода 3 р.; за границу 8 р. Для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ годовая цѣна уменьшается на 1 руб.

Комплекты 1903 г. разошлись. Отдѣльные №№ (1, 3—10) продаются отдѣльно по 60 к. каждый. Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи (Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина) и въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія лнны).

Гг. иногороднихъ просятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

Новая книга: И. И. Мечниковъ.—„Этюды о природѣ человѣка“. Съ портретомъ автора и 20 рисунками. Изданіе редакціи журнала „Научное Слово“. Цѣна въ папкѣ безъ пересылки 2 р. 50 к. При покупкѣ въ редакціи „Научнаго Слова“ учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ пользуются скидкой въ 30%, книгопродавцы въ 20%, другія лица въ 10%, а иногородніе не платятъ за пересылку.

Издатель прив.-доц. **Г. К. Рахмановъ.**

Редакторъ проф. **Н. А. Умовъ**

Издание „ПАЛЛАДА“.

Вышли слѣдующія книги (скалъ ихъ при Обществѣ взаимопомощи студентовъ-естественниковъ, Физическій Институтъ Московскаго Университета).

1. Лекціи проф. Н. А. Умова для естествоиспытателей и математиковъ. Т. I. М. 1902 г. Ц. 2 р. Т. II. М. 1903 г. Ц. 2 р.

2. Лекціи проф. Н. А. Умова для медиковъ 1-го курса. (Механика. Молекулярная физика. Акустика). М. 1903 г. 1 р. 80 к.

3. Пр. П. Н. Лебедевъ. Опытная физика. (Электричество. Магнетизмъ. Теплота.) Конспектъ лекцій для слушателей 1-го курса медицинскаго факультета. Изд. на правахъ рукописи. А. В. Цингера. М. 1902 г. Ц. 75 к.

4. Van't Hoff. Химическое равновѣсіе въ системахъ газовъ и разведенныхъ растворовъ. Пер. съ франц. подъ ред. А. Н. Шукарева. М. 1902 г. Ц. 50 к.

5. Н. Helmholtz. Два изслѣдованія гидродинамики: I. О вихревомъ движеніи. II. О передвиженіи жидкости. Пер. подъ редак. С. А. Чаплыгина. М. 1902 г. Ц. 50 к.

6. А. Slaby. Безпроводочный телеграфъ. М. 1902 г. Ц. 15 к.

7. E. Warbourg. О кинетической теоріи газовъ. Переводъ подъ редакціей Н. П. Кастеряна. М. 1903 г. Ц. 15 к.

Кромѣ перечисленныхъ книгъ, на складѣ Общества (Физическій Институтъ Московскаго Университета) имѣются:

Лекціи пр. И. Н. Горожанкина по морфологіи и систематикѣ архегоніальныхъ растений. Ч. II. Pteridophyta и Archispermatae. Папоротникообразныя и простѣйшія съменные. М. 1904 г. Ц. 80 к.

Книга IX.

1904 г.

Научное Слово.

Москва.

Книга IX.

1904 г.

Научное Слово.

Москва.

Дозволено цензурою. Москва, 30 октября 1904 г.

тип.-лит. ТМ Н. Н. ДУШИЩЕВЪ в КМ Москва.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. НАУКА И ИСТИНА. Проф. Д. А. Гольдгаммера	5
II. ПСИХИЧЕСКІЕ РУДИМЕНТЫ. Проф. И. И. Мечникова	25
III. НОВОЕ УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНІЕ. (<i>Окончаніе.</i>) Прив.-доц. Н. В. Давыдова	43
IV. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ СРЕДНЕВѢКОВАГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА. (<i>Продолженіе.</i>) Проф. Д. М. Петрушевскаго	67
V. ЭТЮДЫ ПО ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКОЙ РЕЛИГИИ. Проф. кн. С. Н. Трубецкаго	100
VI. ХРОНИКА НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ. („Астрономическія извѣстія“. К. Д. Попова. — „Новости иностранной литературы и журналистики“. Ю. А. Веселовскаго. — „Памяти В. А. Вильбасова“. И. Б.).	122
VII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. М. О. Гершензона	143
VIII. БИБЛИОГРАФІЯ. (В. Капелькинъ и А. Флеровъ: „Учебникъ ботаники“. — Эдуардъ Страсбургеръ: „Краткій практическій курсъ растительной гистологіи“. Г. Э. Раттера. — Ив. Чистяковъ: „Образованіе народа во Франціи“. С. А. Котляревскаго. — „Сборникъ статей по исторіи права, посвященный М. Ф. Владимірскому-Буданову“. С. А. Шуманова. — С. А. Котляревскій: „Ламеннъ и новѣйшій католицизмъ“. В. Н. Сторожева. — Рихардъ Мутеръ: „Исторія живописи“. О. И. Рудченко. — „С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы за 25 лѣтъ“. М. М. Богословскаго).	147
IX. ОБЪЯВЛЕНІЕ.	

Наука и истина.

Das Endziel der Naturwissenschaften ist die allen Veränderungen zu Grunde liegenden Bewegungen und deren Triebkräfte zu finden, also sich in Mechanik aufzulösen.

Helmholtz.

Блестящіе успѣхи естествознанія падаютъ главнымъ образомъ на XIX столѣтіе, особенно на вторую его половину. Между тѣмъ методы современнаго изученія природы по существу тѣ же, что и тысячелѣтія тому назадъ: это—наблюденіе, опытъ, гипотеза, теорія. И длинный рядъ греческихъ ученыхъ отъ Эвклида черезъ Гиппарха и Герона до Птолемея, на протяженіи пяти вѣковъ, представлялъ ученыхъ въ нашемъ современномъ смыслѣ этого слова, наблюдателей и испытателей природы. Теорія, гипотеза появились еще ранѣе; однако отъ древнихъ грековъ до Галилея и Ньютона протекло болѣе двадцати вѣковъ; отъ геометрической оптики Эвклида до изобрѣтенія очковъ прошло болѣе 16 вѣковъ; отъ открытія движущей силы пара Герономъ до Папэна (Papin)—18 вѣковъ. Въ то же время отъ Галилея и Ньютона до насъ прошло едва два-три вѣка; отъ очковъ до трубы Галилея—300 лѣтъ, отъ Папэна до локомотива—100.

Такимъ образомъ сначала на приобрѣтеніе извѣстныхъ знаній нужны были человѣчеству тысячелѣтія, потомъ—столѣтія, теперь же успѣхъ виденъ чуть ли не съ каждымъ новымъ годомъ, такъ что ходъ прогресса знанія справедливо сравниваютъ со взрывомъ.

Причина этого явленія лежитъ во многихъ обстоятельствахъ: съ одной стороны, изученіе природы получило, если можно такъ выразиться, техническій, фабричный характеръ; занятіе наукой по общему признанію считается серьезнымъ дѣломъ, и намъ кажутся смѣшными протестующія слова Мальбранша (Mallebranche)—современника Ньютона (Newton) и Гейгенса (Huyghens): «Les hommes

ne sont pas faits pour considérer des moucheron... Il est permis de s'amuser à cela quand on n'a rien à faire et pour se divertir». Нынѣ подобнымъ занятіямъ люди посвящаютъ исключительно всю свою жизнь и это не считается забавой. Съ другой стороны, измѣнились и внѣшнія условія жизни: уже болѣе 100 лѣтъ въ культурныхъ странахъ не было процессовъ вѣдмъ (послѣдній въ Гларусѣ, 1783 г.) и теперь не слышно уже рѣчей въ родѣ той, какая была сказана послѣднимъ римско-германскимъ императоромъ профессорамъ въ Лайбахѣ: «ich brauche keine Gelehrten, ich brauche brave Bürger. Wer mir dient, muss lehren, was ich befehle; wer das nicht kann, kann gehen» (O. Lehmann).

Наконецъ, къ нашему времени люди научились болѣе умѣло пользоваться и опытомъ, и гипотезой, выработали и усовершенствовали самые способы изслѣдованія природы.

И все это вмѣстѣ взятое открыло намъ такой богатый міръ явленій, что мы удивляемся теперь, какъ наши предки ничего этого не видѣли и не знали.

Казалось бы поэтому, что въ дѣлѣ изученія природы мы стоимъ на вѣрномъ пути; что наши методы блестяще себя оправдали, открывъ намъ необозримое поле и для мечтаній о будущемъ. Казалось бы, что именно XIX вѣкъ научилъ насъ, какъ надо пользоваться совокупнымъ примѣненіемъ теоріи и опыта для срыванія завѣсъ съ тайнъ природы, что именно здѣсь мы научились правильно думать и вѣрно надѣяться. Увы, какъ разъ въ концѣ этого блестящаго вѣка естествознанія раздалась рѣчи о банкротствѣ науки, а со стороны самихъ людей этой науки началась «переоцѣнка научныхъ цѣнностей».

Мы, можно сказать, «выросли научно» среди представленій объ эфирѣ, молекулахъ, неизбежности законовъ механики, и слова, взятыя выше въ качествѣ эпиграфа, служили девизомъ всего научнаго направленія. На рубежѣ XX столѣтія мы слышимъ изъ устъ людей точнаго знанія странныя рѣчи. Такъ Пойнтингъ (Poyniting), спрашиваетъ: «Ставить ли атомы и эфиръ на одинъ уровень съ явленіями, наблюдаемыми при помощи нашихъ органовъ чувствъ, считать ли ихъ за истины, изслѣдуемая ради ихъ самихъ?» Пуанкаре (Poincaré) ставитъ ироническій вопросъ: «А нашъ эфиръ, да существуетъ ли онъ на самомъ дѣлѣ?» Липпманъ (Lippmann) идетъ до утвержденія, будто «явленія теплоты нельзя свести къ механическому объясненію»; для Маха (Mach) мгнѣніе, что механика должна разсматриваться какъ основа остальныхъ отраслей физики и что всѣ физическіе процессы слѣдуетъ объяснять *механически*, является просто «предразсудкомъ»! По Оствальду (Ostwald) «механическая

гипотеза соотвѣтствуетъ дѣтскому состоянію интеллекта»; для этого химика идеаль — «наука безъ гипотезъ», и механическія представленія классической физики для него — «заранѣе обреченныя на безплодіе фантазіи, являющіяся ненужными путями зрѣлаго ума и мѣшающими свободному развитію науки». «Истинные физики — и только физики, — провозглашаетъ Пойнтингъ, — должны довольствоваться описаніемъ лишь того, что мы наблюдаемъ въ измѣненіяхъ энергіи», и, вмѣсто стараго идеала величественнаго механическаго синтеза, Пуанкарэ въ 1900 г. выдвинулъ на сцену сомнѣніе въ возможности всякаго *познанія* природы; для этого математика и астронома, не невозможный результатъ всѣхъ нашихъ трудовъ и усилій — это просто «запись безчисленныхъ рецептовъ» («l'enregistrement d'innombrables recettes...»).

Представители «старой школы» оказываются въ глазахъ «сецессионистовъ» какими-то наивными фантазерами, ослѣпленными механикой, и такому ученому, какъ Больцманнъ (Boltzmann), приходится защищать способность человѣческаго ума проникать туда, куда не достигаешь непосредственный опытъ. Больцманну приходится ссылаться на то, что «es ist ein grosser Unterschied zwischen den leichtsinnig von der Erfahrung abirrenden Phantasiegebilden der Naturphilosophen und den in bewährten Schlussformen langsam unter steter Kontrolle durch die Erfahrung fortschreitenden Methoden der theoretischen Physik. Die letzteren vermögen bis zur ganz erheblichen Tiefe in die Geheimniss der Natur einzudringen ohne den sicheren Boden zu verlieren, ja sie feiern gerade dann ihre höchste Triumphe»¹⁾.

Но это еще не все. Если, съ одной стороны, энергетика съ Оствальдомъ во главѣ отвергаютъ всю старую механику, то, съ другой стороны, мы имѣемъ попытку Герца (Hertz) перекроить основные законы движенія на новый фасонъ; мы встрѣчаемся наконецъ даже съ желаніемъ прямо освободиться отъ этихъ законовъ. Такъ, напр., электромагнитная теорія свѣта въ движущихся средахъ по Лорентцу (H. A. Lorentz) освобождаетъ эфиръ отъ подчиненія 3-му закону Ньютона; другіе идутъ еще дальше: Винъ (W. Wien) желаетъ дать «электромагнитныя основанія механики» и понятіе о массѣ, которое для великаго Максвелля (Maxwell) было «нѣчто столь же хорошо понятное, какъ прямая линія или сфера», Винъ желаетъ *объяснить*, разсматривая массу какъ величину, обусло-

¹⁾ Большая разница между легкомысленно покинувшими опытъ фантастическими постройками натурфилософовъ и методами теоретической физики, въ законченныхъ формахъ идущими медленно впередъ подъ постояннымъ контролемъ опыта. Эти методы могутъ, не покаяя твердой почвы, проникать до значительной глубины въ тайну природы, и даже именно здѣсь они празднуютъ свой наивысшій триумфъ.

вливаемую (какъ функцію) электрической энергіей движущагося тѣла, его скоростью и скоростью свѣта.

Наконецъ, возникаетъ проповѣдь о необходимости вообще значительно расширить область дю-Буа-Реймоновскаго (du Bois Reymond) «ignogabimus», и дѣло дошло даже до того, что такъ называемыя «паучныя истины» признаются практически несуществующими, ибо по теоремѣ Пуанкаре, разъ мы для явленій природы нашли одно механическое объясненіе, такихъ объясненій будетъ безчисленное множество и они всѣ равноправны. Стало быть, научная истина, такъ сказать, многозначна: мы можемъ будто бы объяснять явленія природы, признавая молекулы и не признавая, допуская эфиръ и не допуская. Результатъ будто бы будетъ одинъ, такъ какъ дѣйствительная цѣль физики состоитъ только «въ возможно краткомъ описаніи, какъ происходили, происходятъ и будутъ происходить дѣйствія на наши органы чувствъ».

Но такъ ли все это? Дѣйствительно ли наши механическія представленія отжили свой вѣкъ, дѣйствительно ли человѣческому уму недоступно рѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые его всегда наиболѣе интересовали; дѣйствительно ли мы присутствуемъ при крушеніи и старыхъ идеаловъ, и старыхъ методовъ, и старыхъ законовъ?..

Въ основѣ механики лежитъ геометрія. Эта наука въ сущности является уже первой главой механики, потому что въ геометріи (какъ и въ дифференціальномъ исчисленіи) идея непрерывности не можетъ быть понята иначе, какъ путемъ мысленнаго наблюденія за непрерывнымъ движеніемъ воображаемой точки [Ньютонъ, В. Томсонъ (W. Thomson)], поэтому и всѣ попытки изгнать изъ геометріи идею времени должны кончиться неудачей. Но эта идея заключается въ геометріи неявно. Вводя же понятіе о времени явно, мы приходимъ къ слѣдующей ступени знанія—кинематикѣ, ученію о движеніяхъ тѣлъ независимо отъ причинъ, ихъ производящихъ. Однако по существу дѣла «время» и здѣсь является не больше какъ тѣмъ, что въ анализѣ называется «независимымъ перемѣннымъ»: вотъ почему кинематика и явилась исходнымъ пунктомъ для дифференціального исчисленія.

Для дальнѣйшаго шага впередъ нужна новая идея *массы*; идея *силы* въ динамикѣ въ противорѣчіе съ названіемъ этой главы механики не есть что-либо новое и основное, такъ какъ сила опредѣляется при помощи массы и движенія. Даже въ случаѣ т. н. *статическихъ* силъ (силъ, дѣйствующихъ на покоящіяся тѣла) идея силы не можетъ возникнуть независимо отъ движенія; если

отъ послѣдняго мы иногда и освобождаемся, то путемъ отвлеченія (Максвелль). Это не помѣшало, впрочемъ, «силѣ» быть въ свое время чисто метафизическимъ понятіемъ и давать поводъ къ долгимъ спорамъ схоластическаго характера на тему, существуетъ ли сила, какъ и матерія, или же сила есть свойство матеріи, или матерія—продуктъ силы. Подобнымъ метафизическимъ понятіемъ является въ настоящее время для энергетиковъ энергія.

Пользуясь далѣе первымъ закономъ движенія Ньютона для условнаго опредѣленія времени по равномерности движенія и опытнаго опредѣленія инерціи, вторымъ — для опредѣленія силы, а третьимъ, какъ указаніемъ, гдѣ искать силу, ¹⁾ мы будемъ имѣть весь матеріаль для построенія т. наз. *чистой механики*, т.-е. науки о движеніи матеріи въ природѣ. Но движеніе есть элементарное понятіе, не поддающееся объясненію; поэтому и задача механики сводится лишь къ *описанію* движеній. Такъ и опредѣлилъ механику Кирхгоффъ (Kirchhoff) въ 1874 году.

Нѣсколько иначе дѣло обстоитъ въ физикѣ, гдѣ *математическое описаніе* явленій и ихъ *объясненіе* — два разныхъ вопроса, каждый имѣющій свое независимое значеніе. Объяснить физическое явленіе значитъ свести его къ яснымъ и понятнымъ механическимъ представленіямъ; это—описать явленіе, но описать его своеобразно, «какъ измѣненіе въ конфигураціи (расположеніи точекъ) и движеніи матеріальной системы» (Максвелль). «Мы не можемъ признать,—продолжаетъ этотъ ученый,—чтобы дальнѣйшее объясненіе было необходимо, желательно или возможно, ибо, разъ мы знаемъ, что означаютъ слова конфигурація, движеніе, масса и сила, мы видимъ, что идеи, представляемыя этими словами, настолько элементарны, что не могутъ быть объяснены при помощи чего-либо иного».

Но, быть можетъ, нѣтъ необходимости *непрерѣнно* сводить объясненіе *физическихъ* явленій къ опредѣленнымъ *механическимъ* представленіямъ; быть можетъ, роль послѣднихъ могутъ играть и

1) „Аксиомы или законы движенія“ Ньютона на современномъ языкѣ и безъ излишняго законизма могутъ быть выражены такъ. *Первый законъ.* Всякая матеріальная точка сама по себѣ можетъ быть только или въ состояніи покоя, или прямолинейнаго и равномернаго движенія. Въ этомъ состояніи *инерція*. Переходъ отъ покоя къ прямолинейному и равномерному движенію или измѣненіе послѣдняго (въ направленіи или скорости) можетъ совершиться только при дѣйствіи *силы*. *Второй законъ.* Сила по величинѣ и направленію измѣряется вызываемымъ ею измѣненіемъ движенія. *Третій законъ.* Сила, испытываемая матеріальной точкой А, всегда обусловлена по крайней мѣрѣ *одной* иной матеріальной точкой В; но это *дѣйствіе* В на А всегда сопровождается и *противодѣйствіемъ* со стороны А на В. Обѣ эти силы равны между собой, направлены по одной и той же прямой линіи, но въ противоположныя стороны.

иныя *простыя* идеи — физическаго характера, напр., количество электричества и т. п.? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ у Гельмгольца: «Всякое тѣло состоитъ изъ элементовъ; элементы могутъ разнообразно мѣнять свои соединенія или смѣси, родъ агрегации или молекулярной структуры, т.-е. они могутъ мѣнять *роды своего распределенія въ пространство*; но свойства ихъ оказываются при этомъ неизмѣнными, т.-е. разъ элементы приведены въ то же соединеніе, или выдѣлены, или приведены въ то же агрегатное состояніе, ихъ свойства тѣ же. Поэтому всѣ элементы неизмѣнны въ своихъ свойствахъ, а перемѣнны лишь по распределенію въ пространство; значить, *всякое измѣненіе въ природѣ* есть измѣненіе въ пространственномъ распределеніи элементарныхъ веществъ, а стало быть, проявляется при посредствѣ *движенія*. Такимъ образомъ движеніе есть измѣненіе, лежащее въ основѣ всѣхъ иныхъ измѣненій въ природѣ; значить, и всѣ элементарныя силы суть движущія силы, т.-е. всѣ онѣ одной природы, всѣ сравнимы съ механической силой. Въ этомъ, съ одной стороны, смыслъ закона сохранения энергіи, съ другой—цѣль и смыслъ всего естествознанія—отыскать движенія и силы, лежащія въ основѣ всѣхъ измѣненій, т.-е. раствориться въ механикѣ»¹⁾.

Для Гельмгольца, для Максвелля, какъ и для другихъ великихъ представителей точнаго знанія въ XIX вѣкѣ, механика при этомъ есть механика Ньютона, «чьи законы движенія можетъ быть болѣе чѣмъ какая-либо иная часть его великаго творенія, являютъ собою неподлежащую совершенствованію полноту этого ума безъ недостатка» (the unimprovable completeness of that mind without a flaw) (Максвелль). Изучивъ экспериментально извѣстный классъ болѣе или менѣе однородныхъ явленій, подмѣтивъ въ нихъ рядъ доступныхъ измѣренію количествъ, эти явленія характеризующихъ, мы далеко не всегда бываемъ въ состояніи *объяснить* эти явленія. Тогда приходится ограничиться *математическимъ ихъ описаніемъ*. Каждое явленіе сказывается въ наблюденіи рядомъ количествъ (наприм., масса, температура, сила, скорость) и направленій (движенія, силы, давленія), и, руководясь опытомъ, мы выбираемъ небольшое число величинъ (обыкновенно опредѣляемыхъ и количественно, и по направленію—векторовъ), достаточное для характеристики явленій; выражая съ помощью нихъ какой-нибудь данный опытомъ для разсматриваемаго класса явленій «законъ», мы получаемъ обыкновенно дифференціальныя уравненія явленія, иными словами—связь

¹⁾ Это заключеніе Гельмгольца, очевидно, не зависитъ отъ числа „элементовъ“, т.-е. будетъ вѣрно и тогда, если наши элементы окажутся сложными тѣлами.

между различіемъ въ видѣ явленія въ два сосѣднихъ момента времени и различіемъ вида явленія по количеству и направленію въ двухъ смежныхъ частяхъ пространства.

Такъ, напр., въ теоріи упругости характерными для явленій величинами будутъ *давленія*, въ теоріи теплопроводности — *потокъ тепла*, въ электростатикѣ—*количество электричества* и др. и т. д. Такъ какъ давленіе есть понятіе механическое, то къ явленіямъ упругости приложимы законы механики, въ теплопроводности же мы пользуемся закономъ «сохраненія теплоты», проявляющимся въ этихъ явленіяхъ, въ электростатикѣ—закономъ Кулона (Coulomb) взаимодѣйствія между электрическими массами и иными и т. д.

Здѣсь мы не прибѣгаемъ, собственно говоря, ни къ какимъ гипотезамъ; поэтому описанія этого рода могутъ быть ошибочны лишь вслѣдствіе ошибокъ въ счетѣ, или же вслѣдствіе пользованія приближенными опытными данными, или паконецъ вслѣдствіе того, что недостатокъ этихъ данныхъ заставляетъ насъ иногда устанавливать произвольныя соотношенія: такъ, напр., въ теоріи упругости мы пользуемся приближеннымъ закономъ Гука (Hooke), пропорциональности упругихъ силъ произведеннымъ ими деформациямъ, или въ теоріи газовъ закономъ Мариотта (Mariotte), обратной пропорциональности упругости газа его объему, или въ теоріи теплопроводности до извѣстной степени произвольными условіями для перехода тепла черезъ границы разнородныхъ тѣлъ.

Такія ограниченія описанію въ общемъ вредятъ мало, такъ какъ общій характеръ описанія не измѣнится отъ замѣны одного условія другимъ. Такъ какъ подобныя описанія въ главныхъ чертахъ всегда вѣрны, то вѣрны и слѣдствія изъ формулъ, нерѣдко ведущія къ открытію новыхъ явленій, никогда невиданныхъ человеческимъ глазомъ. Это производитъ впечатлѣніе, что уравненія «умнѣ ихъ авторовъ», какъ выразился Гертцъ по поводу уравненій электромагнитнаго поля, данныхъ Максвеллемъ.

Въ то же время такія описанія достаточно и «пластичны» въ деталяхъ, если можно такъ выразиться, чтобы укладываться въ рамки и тѣхъ фактовъ, которые сначала теорія игнорировала. Принципіально, напр., нѣтъ затрудненій ввести въ теорію газовъ, какъ упругаго тѣла, любой законъ вмѣсто закона Мариотта, замѣнить въ теоріи упругости законъ Гука инымъ, болѣе сложнымъ, для описанія хотя бы т. н. комбинаціонныхъ тоновъ и мн. др. Въ такія *описательныя* уравненія легко ввести новые члены, служащіе для описанія болѣе сложныхъ явленій, какъ въ той же теоріи упругости легко вводятъ добавочные члены для описанія внутренняго тренія въ жидкостяхъ, какъ тамъ же вводятся доба-

вочныя условія для описанія явленій «наслѣдственности» (т. н. упругое послѣдѣйствіе), ¹⁾ какъ въ теоріи свѣта вводятся добавочныя уравненія для описанія явленій разложенія бѣлаго свѣта на цвѣтные лучи (дисперсія свѣта) и поглощенія (абсорбція) свѣта и т. п. Эти члены всегда по существу дѣла *подбираются* такъ, чтобы давать описаніе явленія — и только. Но историческій ходъ дѣла былъ не таковъ. На первыхъ порахъ работы теоретизирующей мысли еще не былъ извѣстенъ излагаемый методъ описанія явленій; въ то же время оперированіе надъ нѣкоторыми величинами независимо отъ ихъ механическаго смысла представляло собою извѣстную трудность въ смыслѣ недостаточной наглядности, и вотъ первоначально вмѣсто описаній пытались сразу дать объясненіе явленій.

Такъ, въ теоріи упругости охотно начинали съ молекулярнаго строенія тѣлъ и разсматривали силы между молекулами, теплоту отождествляли съ нѣкоторой жидкостью, имѣли электрическіе и магнитныя флюиды и т. п. — и только значительно позже убѣдились, что въ такихъ *гипотезахъ до поры до времени* вовсе нѣтъ надобности. При этомъ оказалось, и это любопытиѣ всего, что гипотезы противорѣчатъ опытнымъ фактамъ, между тѣмъ какъ полученныя съ ихъ помощью уравненія остались вѣрны. Намъ теперь понятно это явленіе.

Описывая явленія упругости при помощи понятія о давленіи или явленія теплопроводности при помощи представленія о потокѣ тепла, явленія электричества и магнетизма при помощи понятія о количествахъ электричества и магнетизма, мы вовсе не обязаны знать, что такое давленіе и откуда оно берется, или что такое теплота, электричество и магнетизмъ и какой ихъ механическій смыслъ. Отвѣты на эти вопросы и не могутъ быть даны вѣрно, пока мы остаемся въ узкой области одного какого-либо класса явленій и не принимаемъ въ расчетъ иныхъ явленій, совсѣмъ иного класса, неоднородныхъ по внѣшности съ изучаемыми, но лишь связанныхъ съ ними благодаря тому, что мы называемъ *единствомъ природы*.

Такимъ образомъ мы видимъ, что всегда слѣдовало бы начинать съ описанія группъ явленій, между собой однородныхъ, не прибѣгая при этомъ къ гипотезамъ. Но, какъ уже сказано выше, это бываетъ нерѣдко трудно; кромѣ того, математическія тонкости иногда застилаютъ отъ нашихъ глазъ физическій смыслъ явленій и тѣмъ суживаютъ нашъ горизонтъ.

¹⁾ Проволока вытягивается грузомъ или закручивается приложенной силой; по удаленіи груза и силы проволока сразу не вполнѣ возвращается въ начальное состояніе. Аналогичныхъ явленій много и въ иныхъ областяхъ физики.

Отсутствие живых и наглядных представлений ограничивает таким образом плодотворность метода. Поэтому далеко не всегда может удасться избѣгнуть примѣненія гипотезъ указаннаго характера, но на нихъ надо въ этихъ случаяхъ смотрѣть не какъ на попытки на самомъ дѣлѣ *объяснить* явленія, а какъ лишь на *временныя*, вспомогательныя, какъ на *физическія аналогіи*. Назначеніе такихъ гипотезъ чисто служебное: онѣ не должны претендовать на объясненіе, а лишь помогать и облегчать описаніе и изученіе явленій. Разъ описаніе достаточно полно, можно и слѣдуетъ освободиться вовсе отъ излишней и по смыслу безразличной гипотезы.

Исторія оптики очень хорошо иллюстрируетъ сказанное.

Въ явленіяхъ свѣта долгое время весь опытный матеріалъ сосредоточивался на явленіяхъ простого отраженія и преломленія, обнаруживавшихъ въ сущности одно лишь свойство свѣта—прямолинейное распространеніе. Когда была измѣрена скорость свѣта, возникъ вопросъ, почему отраженіе и преломленіе совершаются по извѣстнымъ, добытымъ изъ опыта законамъ. Разсматривая свѣтъ просто какъ нѣчто, имѣющее скорость и прямолинейное распространеніе, мы не можемъ дать опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Но если мы прибѣгнемъ къ какому-нибудь механическому представленію, къ тому, что Максвелль назвалъ физической аналогіей, отвѣтъ возможенъ. Группа фактовъ, стоящая въ нашемъ распоряженіи, очень однородна и проста: поэтому и физическихъ аналогій нужнаго намъ характера можетъ быть много и для данныхъ явленій всѣ онѣ будутъ равноправны, такъ какъ всѣ дадутъ вѣрное описаніе того, что наблюдается на самомъ дѣлѣ. Такой физической аналогіей собственно и была т. н. теорія истеченія Ньютона, которая не только годилась для явленій отраженія и преломленія, но и легко, какъ оказалось послѣ, могла быть приспособлена и къ явленіямъ ослабленія яркости свѣта при сложении двухъ лучей (интерференція) при помощи весьма остроумныхъ «приступовъ наилучшаго отраженія» и «наилучшаго преломленія», которыми Ньютонъ записалъ наблюденную въ явленіяхъ свѣта періодичность. Правда, все это выходило довольно сложно, но вѣроятно того же результата можно было бы достигъ и проще при помощи какой-нибудь специально подобранной гипотезы. Эти Ньютоновскіе «приступы» и «силы» между частицами были не болѣе какъ способомъ написать такіа уравненія, чтобы изъ нихъ вытекали опытные законы явленій, и, понятно, такимъ путемъ только развѣ случайно можно напасть на вѣрное механическое представленіе, т.-е.

сразу дать *объяснение* явлений. Такое объяснение и не удалось Ньютону.

Вѣдь изъ факта, что свѣтъ имѣетъ скорость, вытекаетъ лишь, что съ этой скоростью переносится съ мѣста на мѣсто или *матерія*, или же ея какое-либо *состояніе*. Факты отраженія и преломленія рѣшить эту альтернативу не могутъ: правда, существуетъ мнѣніе, что опыты Фуко (L. Foucault), давшіе скорость свѣта въ водѣ меньшую, чѣмъ въ воздухѣ, явились опроверженіемъ теоріи истеченія; на самомъ же дѣлѣ опровергнута была не вообще теорія истеченія, а та ея форма, которая была связана съ именемъ Ньютона. Ибо надо еще доказать, а это врядъ ли возможно, что теорію истеченія *нельзя* такъ измѣнить, чтобы и опытъ Фуко былъ съ ней согласенъ.

Точно такъ же нельзя сказать, чтобы при помощи летящихъ частицъ не были объяснены нарушенія прямолинейности распространенія свѣта (диффракція), измѣненіе яркости луча при отраженіи отъ зеркала подъ тѣмъ же угломъ, но въ разныхъ плоскостяхъ (поляризація), двойное преломленіе и т. д. Объяснены эти явленія были, хотя объясненія и носили черезъ чуръ искусственный характеръ.

Существуетъ мнѣніе, будто авторитетъ Ньютона и рутина заставляли знаменитыхъ ученыхъ держаться теоріи истеченія и разрабатывать ее, вводя гипотезы одна причудливѣе другой (въ родѣ, напр. гипотезы Лапласа (Laplace) о силахъ, пропорціональныхъ квадрату синуса угла, или гипотезы Био (Biot) о подвижной поляризаціи и т. п.). Дѣло однако было вовсе не такъ просто. Если теорія истеченія представляла собой нагроможденіе гипотезъ на гипотезы, подобно эпицикламъ астрономіи стараго времени, то и теорія волненія ээира не обходилась безъ того же. Вспомнимъ, что основаніе теоріи волненія, т. н. принципъ Гейгенса ¹⁾, былъ доказанъ Кирхгофомъ и Гельмгольцемъ лишь въ 70-хъ годахъ XIX вѣка; вспомнимъ, что удивительный геній Френеля (Fresnel) далъ цѣлый рядъ формулъ, оказавшихся замѣчательно вѣрными, но далъ ихъ при помощи спеціальныхъ гипотезъ, совершенно несостоятельныхъ и другъ другу противорѣчащихъ.

И только когда была въ главныхъ частяхъ опытно разработана вся оптика, такъ что оказалось возможнымъ взглянуть на всѣ явленія сразу, только тогда стало ясно, что *внутренняя вѣроятность* вся на сторонѣ теоріи волнъ, а не на сторонѣ теоріи исте-

¹⁾ Всякая точка среды, достигнутая волной, сама является самостоятельнымъ центромъ волненія и посылаетъ волны во всѣ стороны.

ченія. Тогда пала теорія летящихъ частицъ, и стало несомнѣннымъ, что свѣтъ—это волны въ эфирѣ и волны поперечныя.

Но волной могутъ распространяться въ средѣ періодическія и инныя измѣненія самыхъ разнообразныхъ состояній (напр. температура, давленіе, электрическое состояніе и т. п.). Какое состояніе, какое свойство эфиря измѣняется періодически при распространеніи свѣтового луча? На это оптика сама по себѣ отвѣта не давала никогда, не даетъ и по сей день.

Въ теченіе XIX вѣка было создано не мало т. н. механическихъ теорій свѣта; по отдѣльнымъ вопросамъ многія изъ нихъ были способны проникать далеко въ глубь явленій. Но это не были настоящія теоріи, потому что онѣ зиждились на рядѣ гипотезъ взаимно несогласныхъ. Названія настоящей теоріи заслуживаетъ лишь теорія Грина (Green), рассматривающая ту направленную перпендикулярно къ лучу величину, періодическія измѣненія которой со временемъ образуютъ свѣтъ, «свѣтовой векторъ», какъ механическое колебаніе однородной упругой твердой среды. Но, увы, даже для изотропныхъ (одинаковыхъ по своимъ свойствамъ во всѣхъ направленіяхъ) тѣлъ теорія давала несогласныя съ опытомъ яркости лучей, отраженнаго и преломленнаго, на границѣ двухъ разнородныхъ средъ.

Заслуга теоріи была въ томъ, что она показала невозможность рассматривать свѣтъ, какъ колебанія упругаго твердаго тѣла нашей механики.

Такимъ образомъ и теорія Грина давала лишь физическую аналогію для явленій свѣта—притомъ въ узкихъ границахъ—и это обстоятельство выяснилось вовсе не тогда (какъ думаютъ многіе), когда опыты Гертца привлекли всеобщее вниманіе на электромагнитную теорію свѣта Максвелля, а гораздо раньше—въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка.

Настоящей механической теоріи свѣта въ это время не существовало вовсе, но, какъ это ни странно, на это мало обращали вниманія и разрабатывали теоретически отдѣльные тонкіе вопросы оптики. Это и побудило сэра В. Томсона въ 1884 г. сказать въ своихъ балтиморскихъ лекціяхъ, что заботиться, напр., объ объясненіи явленій свѣтораазсѣянія, когда нѣтъ теоріи простого отраженія—это то же, «что играть на скрипкѣ, когда горитъ Римъ».

Мы позволили себѣ эту длинную историческую справку, чтобы опровергнуть ходячее мнѣніе, высказываемое даже учеными (напр., Пуанкарэ), будто старая механическая теорія свѣта и новая—электромагнитная, или будто теоріи Френеля и Максвелля—равноправны. Равноправны, правильнѣе сказать, тождественны были нѣкоторыя

уравненія, вѣрно выражавшія факты и служившія какъ бы рецептомъ, по которымъ протекають явленія. При другомъ ходѣ исторіи физики быть можетъ нашелся бы гениальный умъ, который сразу бы написалъ эти уравненія. Но какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ нельзя бы было говорить о *теоріи*, такъ нельзя говорить о теоріи Френеля и др., какъ равноправныхъ съ теоріей Максвелля.

Какъ природа является *однимъ* колоссальнымъ механизмомъ, чего кажется никто не опровергаетъ, такъ можетъ быть лишь единственное *вѣрное* и *истинное* объясненіе явленій природы, какъ одного цѣлага. Физическія аналогіи или модели могутъ быть очень полезны, но это не объясненіе явленій. Такія модели могутъ быть при случаѣ даже весьма фантастичны и мало правдоподобны, въ умѣлыхъ рукахъ онѣ не приносятъ вреда. Но большая публика, принимая эти модели за реальность, конечно, дѣлаетъ большую ошибку; но еще въ большую ошибку впадаютъ тѣ, кто, руководясь успѣхомъ такихъ моделей, сами пытаются строить имъ аналогичныя, не имѣя для этого достаточно ни силъ, ни знаній, ни умѣнья. Въ концѣ истекшаго вѣка, да и теперь на всѣхъ языкахъ публикуется не мало такихъ фантастическихъ «объясненій» напр. всемірнаго тяготѣнія и т. п., гдѣ «первый встрѣчный чувствуетъ себя призваннымъ изобрѣтать строеніе атомовъ, вихрей, сѣтлений и думаетъ, что онъ окончательно высмотрѣлъ у Творца его планъ» (Больцманъ).

Методы теоретической физики новаго времени вырабатывались преимущественно на электромагнитныхъ явленіяхъ; послѣднія дали намъ не только много совершенно неожиданныхъ фактовъ, но и много данныхъ, важныхъ въ теоретическомъ смыслѣ. И главную роль во всемъ этомъ игралъ Максвелль.

Въ концѣ 1855 г. въ своей первой работѣ по электромагнетизму Максвелль ясно изложилъ то, что выше было приведено по поводу математическихъ описаній и физическихъ аналогій; онъ первый въ той же статьѣ далъ математическое описаніе явленій индукціи токовъ, характеризуя состояніе среды нѣкоторымъ векторомъ, физическій смыслъ котораго остается неопредѣленнымъ: это просто величина, «которая можетъ быть скоростью, перемѣщеніемъ или же силой и которой численное значеніе и направленіе совпадаетъ съ численнымъ значеніемъ и направленіемъ предполагаемаго электротонического состоянія». Здѣсь нѣтъ физической теоріи, это по Максвеллю просто «родъ искусственнаго обозначенія».

Но цѣль изученія природы для Максвелля не въ описаніяхъ

и не въ аналогіяхъ или моделяхъ. Онъ не довольствуется теоріей Вебера (Weber), потому что она не позволяетъ «понять дѣйствіе электричества». Подобно Ньютону, который писалъ: «Непостижимо, чтобы неодушевленная, бездушная матерія могла безъ посредства чего-либо иного нематеріальнаго дѣйствовать и вліять на ипую матерію безъ взаимнаго соприкосновенія, какъ это должно быть, если тяготѣніе по Эпикуру существенно и неотдѣлимо отъ матеріи»; подобно Фарадею (Faraday), видѣвшему въ такъ называемыхъ линіяхъ силъ ¹⁾ реальный физическій смыслъ и бывшему всегда на сторонѣ взгляда Ньютона на тяготѣніе («I cannot help believing that the time is near at hand, when its thoughts regarding gravity will produce fruit»)²⁾,—подобно этимъ великимъ людямъ Максвелль утверждалъ, что «мы не можемъ не признавать, что во всякомъ мѣстѣ, гдѣ мы находимъ эти линіи силы, должно существовать нѣкоторое физическое состояніе или дѣйствіе».

Это и побудило Максвелля въ началѣ 60-хъ годовъ пытаться, подобно тому какъ это дѣлалъ уже ранѣе В. Томсонъ, обнаружить, что взаимодѣйствіе магнитовъ можетъ быть лишь *кажущимся*, обусловленнымъ особымъ состояніемъ окружающей магниты среды, особыми упругими силами въ послѣдней. Это, какъ извѣстно, Максвеллю удалось; не удалось ему зато сдѣлать дальнѣйшій шагъ—найти *механическое* объясненіе этимъ силамъ упругости. Максвелль надѣялся одной гипотезой связать воедино всѣ электромагнитныя явленія, дать имъ реальное механическое объясненіе; если бы такое оказалось невѣрнымъ, то «ошибочность его могла бы быть обнаружена лишь опытами, которые сильно бы расширили наши знанія въ этой области физики».

Но Максвелль смогъ лишь построить *временную* схему, создать лишь механическую модель или аналогію электромагнитныхъ явленій. Модель эта оказалась черезчуръ сложна, чтобы соотвѣтствовать дѣйствительности, черезчуръ похожа на машину, сдѣланную руками человѣка, хотя тѣмъ не менѣе и такая машина могла сослужить не малую службу для разъясненія явленій и обнаруженія ихъ взаимной связи, да и сослужила на самомъ дѣлѣ.

Именно гипотеза молекулярныхъ вихрей вмѣстѣ съ иными допущеніями дала Максвеллю всѣ уравненія электромагнитнаго поля (пространство, въ которомъ дѣйствуютъ электрическія и магнитныя силы), какія позже привели его къ электромагнитной теоріи свѣта.

¹⁾ По такимъ линіямъ располагаются желѣзныя опилки кругомъ магнита; опилки напр. изъ дерева—вокругъ назлектризованнаго тѣла.

²⁾ «Я не могу удержаться отъ мысли, что близко время, когда его мнѣнія относительно тяготѣнія окажутся плодотворными».

Правда, въ этой статьѣ «On physical lines of force» (О физическихъ линіяхъ силъ) авторъ опредѣлилъ лишь, что для воздуха скорость поперечныхъ электромагнитныхъ волнъ равна какъ разъ нѣкоторой величинѣ чисто электромагнитнаго происхожденія (такъ называемое «отношеніе единицъ»), и только. Но Максвеллю стоило только исключить въ своихъ уравненіяхъ всѣ векторы, кромѣ одного, и онъ имѣлъ бы уже тогда всѣ дифференціальныя уравненія свѣта. Не удовлетворенный сложностью своей модели, гениальный англичанинъ пытается позже (1864) дать уравненія электромагнитнаго поля инымъ, болѣе строгимъ, путемъ, уже безъ помощи аналогій. Здѣсь авторъ остается въ сущности на почвѣ *описанія* явленій; но трудность дѣла была въ отсутствіи законовъ достаточно общаго характера для полученія дифференціальныхъ уравненій въ общемъ видѣ. Для Максвелля несомнѣнно, что во всѣхъ электромагнитныхъ явленіяхъ есть матерія и ея движеніе, матерія не въ смыслѣ только видимыхъ тѣлъ, но и внѣ ихъ, движеніе не только этихъ тѣлъ, но и невидимой матеріи въ такъ назыв. пустомъ пространствѣ. Въ явленія электромагнетизма Максвелль вводитъ такимъ образомъ представленіе о скрытыхъ движеніяхъ скрытыхъ массъ, представленіе, введенное уже Гейгенсомъ въ явленія свѣта (невидимыя волны въ невидимомъ эфирѣ) и позже съ гораздо болѣе общей точки зрѣнія использованное Гельмгольтцемъ и Гертцемъ. Эти массы вмѣстѣ съ видимыми тѣлами представляютъ собою для Максвелля нѣкоторую механическую систему, нѣкоторый механизмъ, подчиненный всѣмъ законамъ механики.

Для такой системы возможно написать уравненія движенія ея *видимыхъ* частей и вычислить силы кажущихся взаимодействій между послѣдними, не зная, какія массы и какъ движутся, а пользуясь лишь доступными опыту физическими количествами, систему характеризующими. Такимъ образомъ Максвелль, пользуясь такъ назыв. уравненіями Лагранжа ¹⁾ (Lagrange), отождествляетъ нѣкоторыя свойства своей системы со свойствами электрическаго тока и, начавъ съ явленій электромагнитной индукціи, переходитъ послѣдовательно ко всѣмъ явленіямъ электромагнитныхъ, магнитныхъ и

¹⁾ Изъ зависимостей, устанавливаемыхъ на основаніи законовъ механики между движеніями системы тѣлъ и дѣйствующими на нее силами, Лагранжъ вывелъ соотношенія между величинами, не представляющими дѣйствительно наблюдаемыхъ и измѣряемыхъ перемѣщеній тѣлъ, ихъ скоростей и дѣйствующихъ на нихъ силъ, но носящими тѣ же признаки перемѣщеній, скоростей и силъ. Это даетъ возможность, не зная подробностей устройства системы и ея свойствъ, а слѣдовательно и ея движеній, находить связи между величинами, характеризующими явленія и имѣющими тѣ же признаки движенія, скорости, силы. *Ред.*

электрическихъ взаимодействій, составляя снова уравненія электромагнитнаго поля, приведшія его къ открытію электрической природы свѣтового луча. Блестящіе опыты Гертца дали, какъ извѣстно, этому теоретическому выводу окончательное опытное подтвержденіе.

Такимъ образомъ, два громаднѣхъ и совсѣмъ разнороднѣхъ класса физическѣхъ явленій оказались объединенными при помощи открытія эѣира, существованіе котораго для Гельмгольца уже въ 1871 году было несомнѣннымъ. Въ реальности этого эѣира горячо убѣждалъ своихъ слушателей и сэръ В. Томсонъ въ балтиморскихъ лекціяхъ, а Гертцъ посвятилъ эѣиру заключительныя слова своей знаменитой рѣчи 1889 г.: «Физика нашего времени не далека отъ вопроса: не произошло ли все, что есть, изъ эѣира? Такова конечная цѣль нашей науки-физики!»

Итакъ, плодомъ работы геніальнѣйшихъ представителей человѣческой мысли отъ Христіана Гейгенса до Генриха Гертца на протяженіи двухъ слишкомъ вѣковъ явилось открытіе эѣира, какъ невидимой для насъ среды, скрытыя движенія которой мы воспринимаемъ въ видѣ явленій свѣта, электричества и магнетизма. Это не есть полное объясненіе этихъ таинственныхъ явленій, это однако все же первый шагъ къ объясненію. Остается узнать физическія свойства этого эѣира, изучить его движенія. Но нужно ли это?

По Пойнтингу «физикѣ подлежатъ лишь видимыя движенія и другія доступныя нашимъ чувствамъ измѣненія вещей»: стало быть, скрытыя движенія скрытыхъ массъ эѣира выходятъ за предѣлы науки.

Между тѣмъ, если мы будемъ смотрѣть на знаніе даже лишь съ утилитарной точки зрѣнія, гдѣ доказательство, что познаніе невидимаго и неоощаемаго непосредственно не пригодится намъ въ будущемъ? Ежедневный опытъ учитъ насъ какъ разъ обратному: ни одну сложную машину мы не можемъ использовать полностью, быть ея совершеннымъ хозяиномъ, не зная всѣхъ мелочей ея внутренняго механизма, не зная смысла каждаго винта и каждой гайки.

Но вѣдь, кромѣ утилитарной цѣли покоренія силъ природы волѣ человека, есть еще нѣчто, всегда составлявшее «существенную часть науки, какъ въ XIX вѣкѣ нашей эры, такъ и въ V вѣкѣ до нея», это — раскрытіе тайнъ природы, всегда бывшее по выраженію Максвелля «явной цѣлью всякой научной работы». И нынѣ, какъ и во дни Фалеса человѣчество не въ состояніи отрѣшиться отъ стремленія къ познанію этихъ тайнъ: это стремленіе побуждало когда-то Цезаря предлагать свои побѣды за одинъ

взглядъ на источники Нила, и это въ странѣ, гдѣ все зиждилось на рабствѣ и гдѣ, по выраженію Цицерона, «всякій порядочный человѣкъ долженъ былъ быть помѣщикомъ».

Это стремленіе человѣчества было очень и очень часто источникомъ ошибокъ и заблужденій, но оно же дало намъ еще болѣе блестящихъ завоеваній знанія.

Въ протестахъ противъ ээира, раздающихся въ первые дни XX вѣка, нельзя не видѣть отголоска долгой борьбы здоровой научной мысли противъ увлеченій философіей Декарта (Descartes) — картезіанства, — борьбы, которая оффиціально существовала и въ XIX вѣкѣ. Но хотя современная физика дѣйствительно съ внѣшней стороны носитъ картезіанскій характеръ, протестъ противъ этого направленія запоздалъ: новая физика взяла у картезіанства лишь то, что было въ немъ вѣрнаго; точно такъ же она воспользовалась вѣрнымъ и у представителей иныхъ теченій.

Et notre éther, existe-t-il réellement, — спрашиваетъ Пуанкарэ и тутъ же поясняетъ: необходимость существованія ээира вытекаетъ изъ того, что уравненія нашей механики суть уравненія дифференціальныя, а не уравненія съ конечными разностями, или, говоря обычнымъ языкомъ, изъ того, что состояніе вселенной зависитъ отъ явленій, бывшихъ непосредственно передъ наблюдаемымъ и непосредственно рядомъ съ наблюдаемымъ, а не отъ явленій, протекшихъ много лѣтъ или даже вѣковъ ранѣе гдѣ-нибудь на Сиріусѣ.

Еще проще это можно сказать такъ: свѣтъ — энергія, энергія чему-то принадлежитъ, а свѣтъ, покинувъ источникъ свѣта и не дойдя до освѣщаемого тѣла, можетъ реально существовать и тамъ, гдѣ мы не замѣчаемъ матеріи въ обычныхъ ея видахъ. Между тѣмъ скептицизмъ Пуанкарэ какъ будто серьезно допускаетъ возможность существованія энергіи безъ матеріи, безъ ея носителя, допускаетъ возможность, что на самомъ дѣлѣ когда-нибудь намъ придется замѣнить наши дифференціальныя уравненія механики уравненіями съ конечными разностями. Но почему, стоя на почвѣ такихъ предположеній, не сдѣлать и шага далѣе и не допустить, что, быть можетъ, всѣ кажуціяся взаимодействія между физическими тѣлами обусловлены какими-нибудь *нематеріальными* агентами, какими-нибудь духами. Почему же не идти тогда до признанія вліянія расположенія планетъ на судьбу человѣка, какъ это имѣло мѣсто у астрологовъ? Но вѣдь это будетъ не шагъ впередъ, а назадъ, возвратъ къ средневѣковому мистицизму съ его схоластикой. Вѣдь и весь прогрессъ современнаго точнаго знанія зиждется именно на изобрѣтеніи Ньютономъ и Лейбницемъ (Leibnitz) дифференціального

исчисления, безъ котораго, какъ вѣрно сказалъ Гельмгольцъ, вся механика была бы недоступна человѣчеству.

Увлеченіе метафизикой и мистицизмомъ, обнаружившееся недавно въ современномъ обществѣ, наложило свою печать и на людей точнаго знанія. Взамѣнъ ясныхъ и свѣтлыхъ образовъ механики является стремленіе къ какимъ-то таинственнымъ схемамъ, не подлежащимъ отчетливому представленію, и вмѣсто того, чтобы ставить цѣлью естествознанія раскрытіе тайнъ природы, люди готовы громоздить ненужныя тайны одна на другую. Чѣмъ непонятнѣе, чѣмъ туманинѣе, чѣмъ таинственнѣе тѣмъ лучше...

Но пойдемъ далѣе. Представленіе объ атомахъ, какъ извѣстно, перазрывно связано съ исторіей развитія человѣчества. Несмотря на то, что мыслители всѣхъ временъ «увѣщевали другъ друга направлять мысль на какую-нибудь полезную и достижимую цѣль, всѣ поколѣнія со временъ первыхъ проблесковъ знанія и до нашихъ дней посвящали значительную долю своихъ способнѣйшихъ умовъ разысканію послѣднихъ атомовъ» (Максвелль). И въ результатъ всѣхъ этихъ трудовъ и усилій человѣческаго генія оказался безчисленный, можно сказать, рядъ фактовъ, которые неизбѣжно приводятъ насъ къ убѣжденію, что, съ одной стороны, кажущаяся однородность тѣлъ прекращается, когда мы проникаемъ достаточно глубоко внутрь тѣлъ, что тѣла состоятъ изъ зеренъ, которыхъ свойства отличны отъ свойствъ промежутковъ между ними; съ другой, что эти зерна находятся въ быстромъ движеніи. Такъ родилось то, что носить имя кинетической теоріи матеріи.

Нужно ли мнѣ здѣсь перечислять, что дала намъ эта теорія, какъ блестяще она на каждомъ шагѣ подтверждалась опытомъ, какой рядъ никогда невиданныхъ фактовъ она предсказала?!

Но и независимо отъ этого зернистость структуры тѣлъ, движеніе этихъ зеренъ—это вовсе не теорія, какъ не теорія и эфиръ, какъ не теорія движеніе земли. Это — реальные факты. Судя по возраженіямъ, дѣлаемымъ противъ кинетической теоріи, можно подумать, что представленіе о молекулахъ и ихъ движеніи попало въ современную науку такимъ же путемъ, какъ оно возникло въ умѣ древнихъ. Но вѣдь это вовсе не такъ.

Одно изъ двухъ: или матерія сплошна, или она состоитъ изъ зеренъ; но «у сплошнаго тѣла мы должны отказаться отъ объясненія его свойствъ; эти послѣднія должны быть даны *догматически*, потому что они не объяснимы математическимъ путемъ» (Максвелль), и только молекулярность строенія и движеніе моле-

куль даютъ возможность свести свойства тѣлъ къ элементарному основному понятію — движенію. Конечно, для теоріи упругости, напр., безразлично, будемъ ли мы разсматривать среду сплошной или нѣтъ; но какимъ образомъ у сплошныхъ тѣлъ возможно неопредѣленно большое расширеніе, какъ это мы видимъ въ явленіяхъ испаренія твердыхъ и жидкихъ тѣлъ и т. п.? Какимъ образомъ сплошное тѣло — кусокъ мускуса — можетъ наполнить собой — своимъ запахомъ — цѣлыя тысячи кубическихъ метровъ на много мѣсяцевъ, при чемъ самый кусокъ мускуса замѣтно въ размѣрахъ своихъ не измѣняется? Не теорія, а факты этого рода требуютъ признанія молекулярности строенія тѣлъ, и это независимо отъ всякихъ явленій *химическаго* характера.

Возражаютъ далѣе противъ молекулярнаго движенія. Но опять, разъ молекулы есть, онѣ или въ покоѣ, или въ движеніи. Не говоря уже о томъ, что вѣчный покой молекулъ самъ по себѣ крайне мало вѣроятенъ и требуетъ допущенія особыхъ силъ для своего объясненія, этотъ вѣчный покой (относительно другъ друга, конечно) и *невозможенъ*. Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая газъ какъ нѣкоторую механическую систему въ самомъ общемъ видѣ, не дѣлая никакихъ предположеній о его строеніи и допуская въ газѣ лишь силы, зависящія отъ разстоянія между матеріальными точками, мы при помощи разсмотрѣнія такъ называемаго *viriala* математически докажемъ, что невозможно приписывать давленіе въ газахъ исключительно отталкивательнымъ силамъ между его отдѣльными частями и что, кромѣ этихъ силъ, въ газѣ должно существовать движеніе его частей (Максвелль).

Отъ молекулъ и ихъ движенія въ газахъ переходъ къ молекуламъ и ихъ движенію въ твердыхъ и жидкихъ тѣлахъ совершенно естественъ и къ тому же согласенъ съ опытными данными. Эквивалентность теплоты и энергіи сразу вошли въ эту теорію, какъ если бы для нея была готова ячейка; мы получили сейчасъ же отвѣтъ на вопросы, что такое теплота въ теоріи теплопроводности, что такое давленіе въ теоріи упругости; даже болѣе того: мы получили возможность объяснить въ послѣдней и происхожденіе членовъ уравненій, какіе нужны для описанія такъ называемаго внутренняго тренія. Люди сумѣли счесть и взвѣсить эти мельчайшія зерна матеріи, и какое бы мы явленіе ни взяли за исходный пунктъ, результаты вычисленія выходятъ всегда одни и тѣ же. И въ то время, какъ математика продолжаетъ быть «дѣйствіемъ мысли», физика стала «пляской молекулъ». Молекулы послужили цементомъ, объединяющимъ всѣ тѣ явленія природы, которыя оказались необъединенными при помощи ээира. «Молекулярная гипотеза»

теза,—говорить Пойнтингъ,—есть символическая форма, въ которую отлилась значительная часть современнаго знанія; молекулы—это символъ, это образъ нашего представленія, не покрывающійся дѣйствительностью; мы ихъ употребляемъ какъ буквы для обозначенія звуковъ». Да, конечно, когда въ кинетической теоріи газовъ мы говоримъ о молекулахъ какъ о шарикахъ изъ слоновой кости, это, конечно, символы и буквы; здѣсь мы избѣгаемъ аналитическихъ трудностей, о которыхъ, по выраженію Френеля, «природа не беспокоится». Но когда мы говоримъ о зернистости въ структурѣ матеріи, о движеніи этихъ зеренъ, здѣсь нѣтъ ни символовъ, ни образовъ—это такая же реальность, какъ реаленъ и весь внѣшній міръ.

О вопросахъ этого рода Пуанкарэ выразился, что отвѣтъ на нихъ «n'est certain ni intéressant».

Въ математическомъ смыслѣ для человѣка въ мірѣ очень мало—если только вообще есть—вещей, про которыя можно бы было сказать, что онѣ *достоверны*; спорить же о томъ, насколько то или другое *интересно*, это то же, что спорить о вкусахъ.

Я не даромъ заговорилъ о вкусахъ: въ занимающей насъ области вопросовъ дѣйствительно играетъ не малую роль своего рода «вкусъ»—точнѣе складъ ума того или иного испытателя природы. На это интересное обстоятельство обратилъ недавно вниманіе бельгійскій физикъ де Геенъ (de Heen, 1903).

Люди, разрабатывающіе науку, раздѣляются по де Геену «на два большихъ класса: синтетисты и аналитисты. Когда это раздѣленіе умовъ рѣзко выражено, люди абсолютно не способны понимать другъ друга. Такіе умы представляются одинъ другому странными и парадоксальными. «Если мы обратимъ вниманіе на людей наиболѣе выдающихся, то типъ аналитиста представляютъ собою Пуанкарэ, Дюгемъ (Duhem) и др., а типъ синтетиста В. Томсонъ (лордъ Кельвинъ, Lord Kelvin), Гельмгольцъ и др.». Чтобы дать ясное представленіе объ этомъ состояніи ума, де Геенъ приводитъ слѣдующую выдержку изъ книги именно Дюгема:

«Употребленіе моделей можетъ даже оказаться неизбѣжнымъ для нѣкоторыхъ геометровъ, которыхъ способность отвлеченія менѣе сильна, чѣмъ воображеніе; между такими геометрами окажутся нѣкоторые изъ величайшихъ физиковъ нашего времени; они подписались бы подъ слѣдующими словами В. Томсона: «Мнѣ кажется, что истинный смыслъ вопроса, понимаемъ ли мы или же не понимаемъ опредѣленную область физики, состоитъ вотъ въ чемъ: можемъ ли мы сдѣлать соотвѣтственную механическую модель? Я никогда не бываю удовлетворенъ, пока я не могу сдѣлать

механическую модель явления; могу я сдѣлать такую модель—я понимаю; пока не могу — не понимаю». «Подобныя интеллектуальныя требованія,—продолжаетъ Дюгемъ,—подобное отождествленіе двухъ словъ *понять* и *вообразить* чрезвычайно поражаютъ, я бы почти осмѣлился сказать, скандализуютъ тѣхъ, кто можетъ понимать безъ помощи геометрическихъ или механическихъ представлений».

Относительно самого себя де Геенъ говоритъ: «Если замѣнить слово *модель* словомъ *образъ*, то мнѣ тоже *совершенно невозможно* понять вещи иначе, чѣмъ В. Томсону. Окончательный выводъ отсюда можно резюмировать такъ: есть умы, не способные взаимно понимать другъ друга; у такихъ людей ихъ чувства, ихъ стремленія, ихъ способы представленія ни въ чемъ не сходны. Для однихъ, изысканіе механическаго толкованія природы сводится къ ребячеству; для другихъ—это единственная цѣль ихъ стремленій, и эту мысль, эту надежду можно сравнить съ тѣмъ утѣшеніемъ, которое, повидимому, находятъ человѣкъ отъ природы религиозный въ своихъ размышленіяхъ. Гдѣ истина? Возможно ли механическое толкованіе вселенной? Никакое строгое разсужденіе не могло бы дать намъ доказательства этого; это *вѣрованіе*, необходимое *синтети-сту*. Но также невозможно и для *аналиста* доказать, что это не такъ, потому что все нами видимое указываетъ на существованіе очень совершеннаго механизма, вѣроятно очень простаго. Становясь на точку зрѣнія практики, можно сказать, что это чувство *вѣрующаго* привело къ первокласснымъ открытіямъ».

Намъ думается, что возможность механическаго объясненія вселенной доказывается не разсужденіями, а фактами; для отдѣльныхъ областей явленій такое объясненіе есть, и разнородныя области явленій такпмъ толкованіемъ все болѣе и болѣе объединяются. Тѣмъ не менѣе приведенное заключеніе де Геена дѣйствительно любопытно; и переживаемая нами борьба научныхъ теченій на самомъ дѣлѣ не мало напоминаетъ борьбу религіознаго характера. «Но,—справедливо замѣчаетъ далѣе де Геенъ,—если бы аналиты сумѣли сообщить другимъ проникающее всѣ ихъ труды чувство безнадежности, многихъ открытій никогда бы не увидаль свѣтъ. Мы не думаемъ быть плохимъ пророкомъ, говоря, что теченіе времени покажетъ, насколько печаленъ этотъ упадокъ духа, я бы сказалъ—этотъ родъ трусости передъ неизвѣстнымъ, если бы онъ охватилъ всѣхъ мыслящихъ».

(Окончаніе слѣдуетъ).

Д. Гольдгаммеръ.

Психическіе рудименты.

(Лекція, прочитанная въ Парижскомъ Психологическомъ обществѣ.)

I.

Психологическое общество пригласило меня прочесть ему лекцію. Мнѣ было очень трудно выбрать подходящую для этого тему. Я не психологъ, и мои біологическія изслѣдованія не заходятъ въ область психологіи.

Не желая однако слишкомъ удалаться отъ этой всего болѣе интересующей васъ науки, я рискнулъ избрать близкую къ ней тему.

Приступаю къ рассмотрѣнію психическихъ или психо-фізіологическихъ рудиментовъ человѣка. Я подразумѣваю подъ ними слѣды развитія человѣческой души, выражаемые нѣкоторыми фізіологическими и психологическими проявленіями.

Всякое развитіе, а особенно продолжительное, оставляетъ послѣ себя болѣе или менѣе явные слѣды. Мы живемъ среди воспоминаній нашей исторіи. Чѣмъ послѣдняя длиннѣе, тѣмъ они многочисленнѣе.

Здѣсь, въ Парижѣ, мы ежедневно проходимъ мѣстами, названія которыхъ часто имѣютъ лишь историческое значеніе. Имена улицъ на каждомъ шагу указываютъ переживанія болѣе или менѣе отдаленныхъ фактовъ, безъ всякаго современнаго значенія.

Такъ, въ центрѣ города находится «Лѣстничная» улица (rue de l'Échelle). Она носитъ это названіе потому, что въ прежнія времена епископъ парижскій имѣлъ здѣсь лѣстницу, къ которой привязывали богохульниковъ для бичеванія. Давнымъ давно болѣе не бичуютъ и не привязываютъ для этого къ лѣстницѣ, которая сама исчезла; но названіе улицы пережило и служитъ звеномъ для восстановленія исторіи Парижа.

Въ былыя времена на различныхъ парижскихъ перекресткахъ стояли кресты. Вотъ почему въ названія нѣкоторыхъ улицъ и те-

перь еще входитъ слово крестъ: rue Croix des Petits Champs, de la Croix Jaury, de la Croix-Nivert, Carrefour de la Croix rouge и т. д. Крестовъ на улицахъ больше не существуетъ, но названіе, какъ символъ, осталось.

Чѣмъ длиннѣе исторія города, тѣмъ болѣе встрѣчаемъ мы подобныхъ остатковъ. Въ то время какъ Парижъ изобилуетъ ими, ихъ очень мало или вовсе нѣтъ въ новыхъ американскихъ городахъ, гдѣ улицы обозначены нумерами.

Нравы и обычаи различныхъ народовъ точно также представляютъ множество аналогичныхъ символическихъ переживаній.

У многихъ европейскихъ народовъ очень распространенъ предрасудокъ, будто браки, заключенные въ маѣ, должны быть несчастными. Утвержденіе это повторяютъ, не будучи въ состояніи объяснить его. Оно оказывается очень древняго происхожденія. Уже Овидій приводитъ его какъ крайне распространенный предрасудокъ и объясняетъ его тѣмъ, что маѣ посвящались похороннымъ обрядамъ лемурій; римляне посвящали ихъ мертвымъ, совершавшимъ злые поступки во время жизни.

Основная причина давно исчезла, но вѣра въ дурное предзнаменованіе майскихъ браковъ пережила до нашихъ дней.

Китайцы чествуютъ своихъ умершихъ сжиганіемъ бумажныхъ домовъ, матерій, сѣдобныхъ запасовъ, куколъ, изображающихъ рабовъ,—все это изъ бумаги или изъ соломы.

Такой обрядъ есть ничто иное, какъ остатокъ гораздо болѣе древняго обычая: жертвоприношенія не бумажныхъ изображеній, а реальныхъ предметовъ и человѣческихъ жертвъ.

Правописаніе также сохранило много слѣдовъ своего историческаго развитія.

Особенно изобилуетъ ими французскій языкъ. Стремленіе упростить слова приводитъ къ выпусканію буквъ, безъ которыхъ можно удобно обойтись. Послѣднія сохранились или неясными, или въ формѣ символовъ. Долго послѣ того, какъ *s* уже не произносилось въ словѣ *«fête»*, буква эта все же сохранялась въ правописаніи. Въ XVIII вѣкѣ она была замѣнена знакомъ $\wedge$ (accent circonflexe), который есть не что иное, какъ символическій рудиментъ согласной, вышедшей изъ употребленія.

Всѣ эти переживанія именъ, обычаевъ и буквъ потеряли свое первоначальное значеніе; но они являются очень цѣнными элементами для возстановленія хода историческаго развитія.

Вышеприведенные примѣры касались развитія людскихъ обществъ, т.-е. уже болѣе поздняго періода исторіи человѣчества.

Въ настоящую же минуту насъ интересуютъ остатки нашего

дочеловѣческаго развитія, такъ какъ они могутъ служить звеньями для гораздо болѣе отдаленнаго періода исторіи человѣчества.

Стоитъ бросить бѣглый взглядъ на нашъ организмъ, чтобы убѣдиться въ томъ, до какой степени изобилуютъ въ немъ слѣды дочеловѣческаго прошлаго.

Мы не будемъ входить здѣсь въ подробности этого вопроса, занимающаго насъ, такъ сказать, мимоходомъ; остановимся только на нѣсколькихъ примѣрахъ нашихъ рудиментарныхъ органовъ.

Высота умственныхъ способностей человѣка позволила ему обходиться безъ множества органовъ, необходимыхъ его животнымъ предкамъ. Параллельно съ развитіемъ мозга и его способностей произошло сокращеніе многихъ функцій и органовъ, выполнявшихъ ихъ.

Уже высія или человѣкообразныя обезьяны потеряли нѣкоторыя части своихъ органовъ чувствъ. Такимъ образомъ органъ обонянія у нихъ развитъ гораздо менѣе, чѣмъ у многихъ другихъ млекопитающихъ. Человѣкъ унаслѣдовалъ несовершенство этого органа. И въ самомъ дѣлѣ, обоняніе у него развито значительно менѣе, чѣмъ у млекопитающихъ, стоящихъ гораздо ниже его на лѣстницѣ существъ.

Но благодаря своему уму, человѣкъ сумѣлъ приручить домашнихъ животныхъ, какъ собакъ, хорьковъ и свиней; онъ пользуется ихъ тонкимъ обоняніемъ для разысканія дичи и съѣдобныхъ растений.

Въ другихъ случаяхъ несовершенство обонянія у человѣка съ успѣхомъ замѣняется собственными умственными способностями. Нѣтъ надобности въ томъ, чтобы обоняніе извѣщало его издали о приближеніи непріятеля, для того чтобы успѣть бѣжать. Онъ обладаетъ средствами защиты, далеко превышающими ихъ у животныхъ. При этихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что органъ обонянія у человѣка значительно упрощенъ сравнительно съ тѣмъ, что мы видимъ у низшихъ млекопитающихъ.

Уже носовая область головы гораздо меньше у обезьянъ и человѣка, чѣмъ у ихъ предковъ—низшихъ млекопитающихъ. Внутреннія части представляютъ соответствующія различія. Такъ, большинство млекопитающихъ и особенно собака имѣютъ 4 носовыя раковины, служащія для увеличенія поверхности носовой слизистой оболочки; у человѣка же ихъ всего 3, изъ которыхъ одна притомъ въ зачаточномъ состояніи.

Въ составъ органа обонянія большинства млекопитающихъ входитъ хорошо развитая часть, извѣстная подъ именемъ «органа Якобсона». Роль ея по всей вѣроятности заключается въ обоняніи веществъ, попавшихъ въ ротовую полость.

У человѣка органъ этотъ рудиментаренъ; онъ неспособенъ выполнять этой функціи, потому что не снабженъ соотвѣтствующимъ нервомъ.

Остатокъ этотъ, сдѣлавшійся ненужнымъ, однако даетъ намъ указанія на развитіе органа обонянія у человѣка, подобно тому какъ условный знакъ *assent circonflexe* указываетъ намъ на исчезновеніе согласной.

У человѣческаго зародыша органъ Якобсона не только гораздо болѣе развитъ, чѣмъ у взрослога человѣка, но онъ еще снабженъ сильно развитымъ нервнымъ стволомъ, исчезающимъ въ концѣ эмбриональнаго существованія. Кромѣ того, у человѣческаго зародыша 5 носовыхъ раковинъ; впоследствии онѣ сводятся къ 3, изъ которыхъ только 2 достигаютъ достаточнаго развитія.

Исторія развитія органа обонянія, основанная на сравнительно-анатомическихъ и эмбриологическихъ данныхъ, указываетъ на связь между этимъ аппаратомъ у человѣка и у млекопитающихъ. Связь эту можно прослѣдить, благодаря остаткамъ, служащимъ звеньями при научномъ изслѣдованіи.

Слухъ такъ же понизился у человѣка, какъ и нѣкоторыя части органа, служащаго для него.

Животныя въ борьбѣ за существованіе должны были пользоваться своимъ сильно развитымъ слухомъ гораздо больше, чѣмъ человѣкъ и наиболѣе смышленныя млекопитающія.

Всѣ мы видѣли, какъ лошадь при малѣйшемъ внѣшнемъ впечатлѣніи наостряетъ уши, чтобы лучше слышать. Обезьяны и человѣкъ потеряли эту способность, и послѣдній иногда замѣняетъ ее искусственными средствами.

Когда лекторъ читаетъ не довольно громко, мы видимъ, какъ нѣкоторые слушатели приставляютъ руку къ уху, какъ слуховой рожокъ, облегчающій слухъ. Человѣкъ имѣетъ ушные мускулы, но въ большинствѣ случаевъ они слишкомъ слабы для того, чтобы двигать ухо.

Только въ видѣ исключенія могутъ нѣкоторые люди двигать ушами; мускулы ушной раковины — это лишь остатки гораздо болѣе развитыхъ ушныхъ мускуловъ, которые были у нашихъ низшихъ предковъ.

Въ нашемъ органѣ зрѣнія особенный интересъ представляетъ маленькая перепонка внутренняго угла глаза, извѣстная подъ именемъ полулунной складки. Эта перепонка—не что иное, какъ ненужный остатокъ органа, гораздо болѣе развитаго у низшихъ млекопитающихъ. У собаки онъ является въ видѣ 3-яго маленькаго вѣка; оно поддерживается отдѣльнымъ хрящикомъ и снабжено выдѣлительной железой, извѣстной подъ именемъ Гардеровской же-

лезы. Соответственные органы гораздо болѣе развиты у птицъ, рептилій и лягушекъ.

Всѣ видѣли, какъ тонкая оболочка, отходящая отъ внутренняго угла глаза, покрываетъ все глазное яблоко курицы или иной птицы. У этихъ животныхъ глазъ защищенъ 3-имъ вѣкомъ, снабженнымъ собственными мускулами; у насъ же роль его выполняется двумя, вполне развитыми вѣками. Третье вѣко птицъ и вообще низшихъ позвоночныхъ связано, какъ и у собаки, съ объемистой Гардеровской железой, выдѣляющей жидкость, подобную слезамъ.

У обезьянъ весь этотъ аппаратъ уже очень сокращенъ. Многія изъ нихъ имѣютъ еще маленькую Гардеровскую железу и слабо развитое 3-е вѣко. У человѣка, какъ было уже сказано,—одни остатки этихъ органовъ. Гардеровская железа болѣе или менѣе атрофирована, а 3-е вѣко является въ видѣ незначительной полулунной складочки. У низшихъ расъ послѣдняя часто еще снабжена маленькимъ хрящомъ. Такъ, *Джиакомини* нашель его у двѣнадцати негровъ изъ 16, изслѣдованныхъ имъ; между тѣмъ изъ 548 бѣлыхъ хрящикъ оказался только у троихъ.

Объясненіе этихъ фактовъ совершенно явное: у человѣка полулунная складка—послѣдній остатокъ органа, бывшаго полезнымъ только для нашихъ отдаленныхъ предковъ.

Человѣческіе органы воспроизведенія представляютъ множество подобныхъ рудиментовъ. Существуетъ даже остатокъ гермафродитизма, т.-е. очень низкой организаціи, весьма древняго происхожденія. Разсматривая чрезвычайно частыя аномаліи этихъ органовъ, можно найти въ нихъ слѣды цѣлаго ряда измѣненій, происшедшихъ въ длинный періодъ развитія человѣчества. Такъ, у нѣкоторыхъ женщинъ встрѣчаются матки, соответствующія по своему строенію этому органу у низшихъ млекопитающихъ, вплоть до сумчатыхъ съ ихъ двойной маткой.

Въ эволюціи человѣка преобладаетъ сильное развитіе мозга и умственныхъ способностей. Вотъ почему человѣкъ потерялъ множество органовъ и функций, служившихъ его болѣе или менѣе отдаленнымъ предкамъ.

Въ организмѣ человѣка насчитываютъ болѣе 100 рудиментарныхъ органовъ, не способныхъ выполнять какую бы то ни было функцию, но очень полезныхъ какъ точные документы исторіи рода человѣческаго.

II.

Вышеизложенные факты были приведены для того, чтобы убѣдить васъ, что всякая эволюція оставляетъ слѣды въ видѣ руди-

ментовъ, указывающихъ на послѣдовательныя ступени, пройденныя во время развитія.

Весьма вѣроятно поэтому, что психическія и психофизиологическія дочеловѣческія отправления, имѣющія такую длинную исторію, тоже должны были оставить болѣе или менѣе уловимые слѣды. Только найти ихъ гораздо труднѣе, чѣмъ рудименты органовъ, которые могутъ быть обнаружены вскрытіемъ.

Постараюсь выполнить эту задачу, хотя попытка моя будетъ еле намѣченнымъ и, быть можетъ, только временнымъ наброскомъ.

Сначала бѣгло взглянемъ на животныхъ, наиболѣе близкихъ къ человѣку.

Несомнѣнно, что современные антропоморфныя обезьяны представляютъ большое родство съ человѣкомъ и что связь ихъ съ нашими животными предками была еще большей.

Человѣкообразныя обезьяны нашего времени живутъ главнымъ образомъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ. Онѣ питаются преимущественно плодами и почками, но не пренебрегаютъ яйцами и даже маленькими птичками. Для этого онѣ влѣзаютъ на деревья, легко достигая ихъ вершинъ. Орангъ-утанги и шимпанзе карабкаются медленно и очень осторожно; гиббоны же дѣлаютъ это съ большой живостью и необыкновеннымъ искусствомъ. Наблюдали, что они съ замѣчательной вѣрностью перескакиваютъ съ вѣтки на вѣтку на разстояніи 40 футовъ. Они порхаютъ по вершинамъ высочайшихъ деревьевъ, еле дотрогиваясь до вѣтвей, среди которыхъ вскарабкиваются, и въ теченіе цѣлыхъ часовъ съ величайшей легкостью перескакиваютъ черезъ пространства отъ 12-ти до 18-ти футовъ.

Чтобы дать понятіе о ловкости и живости гиббоновъ, *Мартинъ* приводитъ примѣръ одной самки, которую онъ наблюдалъ въ неволѣ.

«Однажды она съ жерди бросилась къ окну черезъ пространство по крайней мѣрѣ въ 12 футовъ. Казалось бы, что она неизбежно должна была разбить стекло. Къ великому удивленію зрителей, ничуть не бывало: она руками ухватилась за узкую перекладину рамы между стеклами и черезъ мгновеніе кинулась въ обратномъ направленіи, въ покинутую клѣтку. Это требовало не только большой силы, но и величайшей вѣрности движеній».

Большая мускульная сила, упомянутая въ этомъ разсказѣ, свойственна всѣмъ человѣкообразнымъ обезьянамъ. Англійскій матросъ *Бэттель*, давшій первое описаніе гориллы въ началѣ XVII вѣка, утверждаетъ, будто животное это такъ сильно, что десять человѣкъ не могутъ одолѣть его во взросломъ возрастѣ.

Другія человѣкообразныя обезьяны, хотя и уступаютъ въ этомъ отношеніи гориллѣ, тѣмъ не менѣе проявляютъ удивительную силу.

Молодой самецъ шимпанзе — *Эдуардъ*, наблюдаемый нами въ Пастеровскомъ институтѣ, такъ отбивался при малѣйшемъ прикосновеніи, что приходилось держать его 4 человѣкамъ. Пришлось не выпускать его на свободу, потому что никоимъ образомъ нельзя было водворить его обратно въ клѣтку.

Даже совсѣмъ молоденькія шимпанзе, самки, еле достигшія двухъ лѣтъ, не легко даютъ себя трогать. Несмотря на свою кротость, онѣ изъ всѣхъ силъ сопротивляются всякій разъ, когда на ночь водворяютъ ихъ въ клѣтку. Этого еле можно достигнуть вдвоемъ.

И однако, несмотря на свою поразительную мускульную силу, человѣкообразныя обезьяны очень трусливы. Не отдавая себѣ отчета въ своемъ преимуществѣ, онѣ бѣгутъ отъ малѣйшей воображаемой опасности.

Наши молодя шимпанзе, зубы и мускулы которыхъ уже очень сильны, обнаруживаютъ большой испугъ, когда имъ показываютъ такихъ безобидныхъ и слабыхъ животныхъ, какъ морскія свинки, голуби и кролики. Даже мыши въ началѣ устрашали ихъ, и необходимо было настоящее обученіе для того, чтобы шимпанзе не пускалось въ бѣгство при видѣ такого мнимаго врага.

Благодаря этому, при естественныхъ условіяхъ человѣкообразныя обезьяны почти никогда не принимаютъ наступательнаго положенія. «Хотя орангъ-утангъ одаренъ огромной мускульной силой, — говоритъ *Гекслэ*, — онъ рѣдко пытается защищаться, особенно когда на него нападаютъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ этихъ случаяхъ онъ старается спрятаться на вершинахъ деревьевъ, въ своемъ бѣгствѣ ломая вѣтви и бросая ихъ на землю.

По словамъ *Сваджа*, шимпанзе, «повидимому, никогда сами не нападаютъ и если не никогда, то рѣдко защищаются».

«Первое движеніе самки, застигнутой съ дѣтенышемъ на деревѣ, было быстро спуститься и бѣжать въ кусты».

Горилла, самая сильная и свирѣпая изъ человѣкообразныхъ обезьянъ, иногда нападаетъ первая. Вышеприведенный авторъ рассказываетъ слѣдующее: «Гориллы чрезвычайно свирѣпы и часто нападаютъ; они не бѣгутъ при видѣ человѣка, какъ шимпанзе». При первомъ испугѣ «самки и дѣтеныши быстро исчезаютъ, а самецъ съ яростью приближается къ врагу, испуская рядъ ужасающихъ криковъ».

Итакъ, нападаютъ одни самцы, да и то должно быть рѣдко, потому что одинъ изъ позднѣйшихъ наблюдателей, *Коппенфельсъ*, утверждаетъ, что «горилла никогда первая не нападаетъ на человѣка. Она скорѣе избѣгаетъ встрѣчи съ нимъ и, завидя его, обыкновенно убѣгаетъ съ особенными гортанными криками».

Посмотримъ, какія изъ этихъ свойствъ сохранились въ родъ человѣческомъ.

По своей природѣ человѣкъ не такъ силенъ и не такъ ловокъ, какъ антропоидныя обезьяны, но ему свойственна ихъ трусливость.

Страхъ—одно изъ первыхъ психическихъ проявленій ребенка. При малѣйшемъ измѣненіи равновѣсія, при погруженіи въ воду ванны онъ проявляетъ несомнѣнные признаки страха.

Позднѣ ребенокъ пугается при приближеніи какого бы то ни было животного, совершенно какъ вышеописанныя молодья шимпанзе. Самый безобидный паукъ можетъ вызвать въ ребенкѣ этотъ инстинктивный страхъ. Умственное развитіе, поскольку возможно, борется съ нимъ. Тѣмъ не менѣе страхъ очень часто обнаруживается болѣе или менѣе рѣзко, и *здесь-то слѣдуетъ искать у чело-вѣка остатковъ психологій его предковъ.*

Остановимся же нѣсколько минутъ на разборѣ чувства страха.

Первымъ проявленіемъ его служитъ бѣгство. Приближеніе опасности возбуждаетъ движеніе нашихъ ногъ, и человѣкъ чувствуетъ инстинктивную потребность бѣжать, даже въ томъ случаѣ, когда это опаснѣе той опасности, которой онъ хочетъ избѣгнуть.

Такъ, при первомъ страхѣ пожара въ публичномъ мѣстѣ люди кидаются къ дверямъ и часто давятъ другъ друга, желая бѣжать. Даже въ случаяхъ величайшаго испуга однимъ изъ первыхъ проявленій его служитъ желаніе бѣжать.

Извѣстный итальянскій физиологъ *Моссо* рассказываетъ слѣдующее въ своей монографіи о страхѣ. Одинъ калабрійскій разбойникъ, услышавъ свой смертный приговоръ, «испустилъ громкій, раздражающій, ужасный крикъ, посмотрѣлъ вокругъ себя, точно съ жадностью ища чего-то, затѣмъ *сдѣлалъ поворотъ назадъ, чтобы бѣжать, и бросился съ вытянутыми руками, ударяясь о стѣнку двора, извиваясь и царапая камни, точно хотѣлъ проникнуть въ нихъ*».

Излишній въ этомъ примѣрѣ, а часто даже вредный, инстинктъ бѣгства, унаслѣдованный человѣкомъ отъ его животныхъ предковъ, очевидно былъ приобрѣтенъ какъ средство самосохраненія во избѣжаніе опасности. Но не однимъ бѣгствомъ проявляется испугъ. Часто онъ сопровождается дрожью, которая можетъ даже мѣшать бѣгству. Въ примѣрѣ *Моссо* калабрійскій разбойникъ «послѣ нѣкоторыхъ усилій, криковъ и извиваній упалъ какъ неодушевленное тѣло, безъ движеній, подобно мокрой тряпкѣ; онъ былъ блѣденъ,—говоритъ *Моссо*,—и дрожалъ, какъ я никогда не видѣлъ, чтобы кто-нибудь дрожалъ. Казалось, что мускулы его—мягкій колеблющійся студень».

Эта инерція дрожащаго тѣла — также наслѣдіе животныхъ. *Дарвинъ* думаетъ, что дрожаніе не представляетъ никакой пользы для самосохраненія и что иногда оно даже вредно. Явленіе это вообще кажется ему очень неяснымъ и трудно объяснимымъ. Это мнѣніе раздѣляетъ и *Моссо*. Дрожаніе мускуловъ туловища является обобщеніемъ и преувеличеніемъ движеній мускуловъ кожи, вызывающихъ у насъ «гусиную кожу». Явленіе это безспорно — рудиментъ механизма, часто представляющаго у животныхъ несомнѣнную пользу.

Ежъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ бѣжитъ передъ опасностью; всего чаще онъ останавливается и сворачивается въ клубокъ, благодаря сильному развитію кожного мускула. У птицъ и многихъ млекопитающихъ кожные мускулы поднимаютъ перья и шерсть. Движенія эти очень часто наблюдаются при страхѣ. Они служатъ для согрѣванія кожи, а также, какъ думаетъ *Дарвинъ*, для того, чтобы казаться врагу больше и страшнѣе. Страхъ и холодъ, оба вызываютъ сокращеніе периферическихъ сосудовъ и, у человѣка, движеніе маленькихъ рудиментарныхъ мускуловъ, окружающихъ корень волосковъ. Сокращеніе этихъ мускуловъ вызываетъ «гусиную кожу», которая есть не что иное, какъ фізіологическій рудиментъ, не способный ни согрѣть кожу, ни увеличить объемъ тѣла. Изрѣдка встрѣчаются люди, могущіе произвольно вызывать у себя «гусиную кожу»; для этого имъ стоитъ только представить себѣ, что имъ холодно.

Въ нормальномъ состояніи рудиментарные кожные мускулы человѣка неподвижны, и нужно особенное возбужденіе, чтобы заставить ихъ функционировать.

Страхъ, способный сокращать мускулы, не подчиняющіеся волѣ, можетъ также двигать другіе мускулы, несмотря на всѣ усилія воли остановить ихъ. При волненіяхъ, глубоко потрясающихъ нервную систему, особенно въ случаяхъ страха, сокращенія мочевого пузыря и кишекъ становятся такими сильными, что содержимое ихъ помимо воли опоражнивается.

Всѣмъ извѣстны такіе случаи у молодыхъ людей во время экзаменовъ. *Моссо* приводитъ примѣръ одного изъ своихъ товарищей, добровольца во время войны 1866 года. Страхъ во время битвы вызывалъ у него неудержимыя выдѣленія, и никакія усилія не могли заставить его организмъ выносить ужасное зрѣлище.

Эта произвольная дѣятельность мочевого пузыря и кишекъ также — наслѣдіе животныхъ. Часто наблюдали подобное явленіе у собакъ и обезьянъ. На Мадерѣ у меня была очень трусливая мартышка, которая при малѣйшемъ испугѣ опоражнивала кишки.

Очень вѣроятно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ механизмомъ, полезнымъ для самосохраненія.

Какъ извѣстно, выдѣленіе нѣкоторыхъ веществъ облегчаетъ борьбу за существованіе. Такимъ образомъ лисица, охотясь за барсукомъ, выгоняетъ его изъ логовища, а хорекъ и скунсъ защищаются отъ болѣе сильныхъ хищниковъ, обрызгивая ихъ очень вонючею жидкостью.

Итакъ, инстинктивный страхъ служить очень могущественнымъ возбудителемъ, способнымъ вызвать рудиментарныя и почти вполне заглохшія функціи. Иногда онъ возбуждаетъ дѣятельность давно утраченныхъ механизмовъ.

Повзаній приводитъ примѣръ нѣмого молодого человѣка, заговорившаго подъ вліяніемъ страха при видѣ льва. *Геродотъ* рассказываетъ, что нѣмой сынъ *Креза* при видѣ перса, хотѣвшаго убить его отца, воскликнулъ: «не убивай Креза!» И съ тѣхъ поръ могъ говорить. Эти рассказы древнихъ временъ подтверждаются множествомъ современныхъ наблюдений.

Такъ, напримѣръ, женщина, нѣмая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при видѣ пожара подъ вліяніемъ страха вдругъ крикнула: «пожаръ!» Съ тѣхъ поръ она стала говорить.

Въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ пробужденіемъ функціи, прекращенной только въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но страхъ способенъ вызвать дѣятельность даже механизмовъ, заглохшихъ съ незапамятныхъ временъ.

Самыя разнообразныя животныя инстинктивно умѣютъ плавать. Таково общее правило для птицъ и млекопитающихъ. Нѣкоторые виды не любятъ воды, но, несмотря на это, они не тонутъ при погруженіи въ нее. Кошки елико возможно избѣгаютъ воды, что не мѣшаетъ имъ хорошо плавать.

Историки рассказываютъ, что Ганнибалъ очень затруднялся переправить своихъ слоновъ черезъ Рону. Сначала онъ переправилъ нѣсколько самокъ; тогда остальные слоны бросились вплавъ за ними и благополучно достигли другого берега.

Обезьяны также имѣютъ природенную способность плавать. Мнѣ не удалось провѣрить, сохранена ли она и у человѣкообразныхъ обезьянъ.

Во всякомъ случаѣ человѣкъ лишень такой инстинктивной способности. Предполагаютъ, что низшія расы лучше насъ одарены въ этомъ отношеніи. Рассказываютъ, что «у негровъ дѣти, едва вышедшія изъ пеленокъ, бѣгутъ къ морю или рѣкамъ и почти такъ же рано умѣютъ плавать, какъ и ходить». Среди бѣлыхъ, нѣкоторые съ большимъ трудомъ выучиваются плавать.

Во всякомъ случаѣ они не плаваютъ инстинктивно, подобно своимъ животнымъ предкамъ. *Кристиниз*, авторъ учебника о плаваніи, находитъ, что «разумъ человѣческій является менѣе вѣрнымъ руководителемъ, чѣмъ безошибочный инстинктъ животного». Страхъ способенъ заглушить разсудокъ, при чемъ всплываетъ рудиментарный инстинктъ. И въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что хорошее средство выучить ребенка или взрослого плавать, это—бросить его въ воду. Подъ вліяніемъ страха пробуждается инстинктивный механизмъ, унаслѣдованный отъ животныхъ, и человѣкъ тотчасъ становится способнымъ плавать. Нѣкоторые учителя плаванія съ успѣхомъ прибѣгаютъ къ этой методѣ. Я зналъ особу, выучившуюся плавать такимъ образомъ. Г-нъ *Труба*, бібліотекаръ парижской Национальной бібліотеки, привелъ мнѣ въ примѣръ одного изъ своихъ друзей, «нѣсколько лѣтъ тому назадъ умершаго журналиста, который, не умѣя плавать, однажды вечеромъ купался въ Сентѣ, въ Нейллы. Вдругъ онъ сталъ тонуть, при чемъ испугъ спасъ его. Съ тѣхъ поръ, говорилъ онъ, я умѣю плавать».

Такъ какъ страхъ въ иныхъ случаяхъ возбуждаетъ къ бѣгству, а въ другихъ, наоборотъ, лишаетъ движенія, то и плавающему можетъ онъ иной разъ оказать дурную услугу. Поэтому учителя, пользующіеся испугомъ для обученія плаванію, должны всегда быть наготовѣ въ случаѣ дѣйствительной опасности.

Тѣмъ не менѣе остается вѣрнымъ, что *страхъ способенъ въ известной мѣрѣ пробудить съ давнихъ поръ заглохшія отправления и этимъ осветить намъ нѣкоторыя стороны въ исторіи развитія человѣчества.*

III.

Интересъ изученія страха не ограничивается одними выше приведенными фактами. Чувство это, кромѣ того, часто въ значительной степени возбуждаетъ столь темныя и сложныя явленія истеріи.

Съ большимъ колебаніемъ приступаю къ этому вопросу, требующему гораздо болѣе обширныхъ и специальныхъ свѣдѣній, чѣмъ мои. Поэтому ограничусь разсмотрѣніемъ только нѣкоторыхъ изъ тѣхъ признаковъ этой болѣзни, которые могутъ пролить свѣтъ на психическіе рудименты человѣка.

Среди причинъ истеріи страхъ занимаетъ безусловно первое мѣсто. Такъ, изъ 22 истеричныхъ женщинъ, изслѣдованныхъ *Жоржэ*, рѣшающими поводами были: въ 13 случаяхъ—испугъ, въ 7—сильное горе, въ одномъ—сильное раздраженіе. Въ клиникѣ д-ра *Питр'а*, въ Бордо одна больная «стала истеричной вслѣдствіе сильнаго испуга». «Въ деревню пришелъ укротитель медвѣдей; она

пошла посмотреть его представление и пробралась сквозь толпу зрителей въ самый первый рядъ. Медвѣдь, танцую, прошелъ такъ близко къ ней, что дотронулся своей холодной мордой до щеки дѣвушки. Она испугалась, пустилась бѣжать домой и тотчасъ упала въ обморокъ на свою постель. У нея сдѣлались конвульсіи и сильнѣйшее возбужденіе съ бредомъ. Съ тѣхъ поръ припадки часто стали повторяться, и всегда бредъ, сопровождавшій ихъ, касался страха, вызваннаго прикосновеніемъ медвѣдя».

Въ Салпетриэрѣ одну истеричную преслѣдуютъ страшные сны. «Ее убиваютъ, обманываютъ, душатъ, она падаетъ въ воду, зовутъ на помощь».

Изъ разнообразныхъ проявленій истеріи мы остановимся на столь парадоксальныхъ и странныхъ случаяхъ такъ называемаго естественнаго сомнамбулизма, когда больные продѣлываютъ разныя вещи, о которыхъ при пробужденіи теряютъ всякое воспоминаніе. Извѣстны случаи настоящаго раздвоенія личности: больные живутъ въ двухъ различныхъ состояніяхъ, при чемъ въ одномъ не имѣютъ ни малѣйшаго воспоминанія о томъ, что происходитъ въ другомъ. Вотъ одно изъ наиболѣе интересныхъ наблюденій этого рода. Одна женщина забеременѣла въ сомнамбулическомъ состояніи; въ нормальномъ же она не сознавала причины своего положенія, несмотря на то, что хорошо знала и свободно говорила о немъ, когда впадала въ свое сомнамбулическое состояніе.

Во время естественнаго сомнамбулизма больные большею частью повторяютъ обычныя дѣйствія своего режима и ежедневной жизни, къ которымъ у нихъ развилась бессознательная привычка. Мастеровые выполняютъ ручную работу; швеи шьютъ, прислуга чиститъ обувь и одежду, накрываетъ на столъ и т. д. Люди болѣе высокой культуры предаются той умственной работѣ, къ которой они всего привычнѣе. Наблюдали, что духовныя лица въ сомнамбулическомъ состояніи сочиняли проповѣди, перечитывали ихъ и поправляли ошибки слога и правописанія.

Но на ряду съ сомнамбулами, повторяющими во время сна обыденныя дѣйствія своей жизни, есть и такіе, которые продѣлываютъ особенные, необычные имъ поступки. *Эти-то случаи и представляютъ наибольшій интересъ съ нашей точки зрѣнія.*

Вотъ одинъ изъ всего лучше изслѣдованныхъ примѣровъ.

Въ парижской больницѣ *Лайтекъ* сидѣлкой приняли истеричную 24-лѣтнюю дѣвушку. Въ одно изъ воскресеній, вслѣдствіе утомленія отъ многочисленныхъ посѣщеній, ей нездоровилось. Въ часъ ночи она встаетъ. Испуганный ночной сторожъ приглашаетъ дежурнаго врача, и тотъ наблюдаетъ слѣдующую сцену.

«Большая направляется къ лѣстницѣ, ведущей въ помѣщеніе сидѣлокъ; затѣмъ она быстро направляется въ обратную сторону къ прачешной; но дверь заперта; тогда она колеблется, мѣняетъ направленіе и идетъ къ дортуару больничной прислуги, гдѣ она спала раньше; она поднимается въ чердачный этажъ, гдѣ находится этотъ дортуаръ. Дойдя до верхней площадки лѣстницы, она открываетъ окно, выходящее на крышу, выходитъ изъ окна, гуляетъ по рывнѣ на глазахъ другой сидѣлки, съ ужасомъ слѣдящей и не смѣющей заговорить съ нею; входитъ обратно въ другое окно и спускается по лѣстницѣ». «Въ эту минуту мы видимъ ее, — говоритъ дежурный врачъ; — она ходитъ безшумно, движенія ея автоматичны, руки висятъ вдоль нѣсколько наклоненнаго туловища; голову она держитъ прямо и неподвижно; волосы ея распущены, глаза широко открыты. Она совершенно походитъ на фантастическое привидѣніе».

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ истеричной, которая въ нормальномъ состояніи, понятно, не имѣла никакой привычки лазить по крышамъ и гулять по рывнамъ.

Въ другомъ случаѣ, сообщенномъ Шарко, дѣло касается хорошо воспитаннаго 17-тилѣтнаго сына крупнаго промышленника. Утомленный подготовленіемъ къ годичному экзамену, юноша рано улегся спать. Черезъ нѣкоторое время онъ встаетъ въ своемъ дортуарѣ, выходитъ черезъ окно на крышу и благополучно продолжаетъ свою опасную прогулку вдоль рывны. Его разбудили безъ дальнѣйшихъ приключеній.

Случай, описанный докторами Меснэ и Моттэ, представляетъ еще большій интересъ. Тридцатилѣтняя, въ высшей степени истеричная женщина «встаетъ ночью, одѣвается совершенно одна и безъ посторонней помощи, отставляетъ мебель, загораживающую ей дорогу, ни разу не наталкиваясь на нее. Поскольку она безпечна и лѣнива въ теченіе дня, постольку становится она живой при выполненіи самыхъ разнообразныхъ дѣйствій ночью. Она гуляетъ по своей квартирѣ, открываетъ двери, спускается въ садъ, *съ ловкостью прыгаетъ по скамьямъ, бѣгаетъ...* и все это гораздо лучше, чѣмъ днемъ, когда *нужно было поддерживать ее подъ руку*».

Гирстэ рассказываетъ изумительный фактъ, случившійся въ XVI вѣкѣ. «Спящій военный подходитъ къ окну, вскарабкивается по веревкѣ на вершину башни, оттуда приноситъ сорочье гнѣздо съ птенцами и ложится въ постель, гдѣ продолжаетъ спать до слѣдующаго дня». Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ достаточно данныхъ относительно этого столь интереснаго случая.

Чтобы имѣть болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія, обратимся къ современнымъ наблюденіямъ.

Вотъ одно, подробно изложенное д-мъ *Кинон*'омъ. «Тридцати-четырёхлѣтній человекъ, курьеръ по профессіи, поступаетъ въ больницу вслѣдствіе припадковъ истеріи. Вскорѣ послѣ его поступленія въ палату клиники однажды около часу ночи больной вдругъ всталъ съ кровати, быстро открылъ окно и прыгнулъ изъ него во дворъ больницы. Фельдшера, дежурные, побѣжавшіе за нимъ, видѣли, что онъ со всѣхъ ногъ бѣжалъ раздѣтый съ подушкой въ рукахъ и направился сквозь рядъ садовъ и аллей, гдѣ никогда не бывалъ и топографіи которыхъ совершенно не зналъ; онъ перескакивалъ черезъ заборы, взобрался по лѣстницѣ на крышу водолѣчебнаго заведенія, по которой сталъ бѣгать въ различныхъ направленіяхъ съ поразительной ловкостью. По временамъ онъ останавливался и начиналъ укачивать подушку, которую держалъ въ рукахъ, лаская ее, какъ дитя. Затѣмъ онъ пустился въ обратный путь». На слѣдующій день его спрашивали, но онъ не сохранилъ никакого воспоминанія о своей ночной прогулкѣ. Такіе припадки повторялись пять или шесть разъ.

«Тотъ же самый больной, перевернувшись два-три раза въ постели, схватываетъ въ охапку свою подушку, которую прижимаетъ къ груди. Затѣмъ онъ встаетъ и въ одной рубахѣ бѣгомъ проходитъ больничную палату, въ концѣ которой находится дверь, ведущая въ буфетъ и отхожія мѣста. Онъ безъ затрудненія, но съ силой открываетъ эту дверь, также какъ и дверь ватерклозета, куда входитъ. Онъ все продолжаетъ прижимать къ себѣ подушку одной рукой и путемъ довольно трудной и опасной гимнастики, при помощи ногъ и единственной свободной руки, очень ловко становится на подоконникъ открытаго окна. Онъ пролѣзаетъ черезъ рамы, старательно оберегая подушку свою отъ всякихъ ушибовъ и толчковъ, и наконецъ соскакиваетъ на обѣ прижатые одна къ другой ноги на подоконникъ, съ котораго спрыгиваетъ въ фельдшерскую. Едва спрыгнувъ на землю, онъ быстро пускается бѣжать въ противоположный уголъ двора. Такимъ образомъ онъ проходитъ по другую сторону большого больничнаго зданія, которое обходятъ быстрымъ галопомъ (фельдшера съ трудомъ слѣдуютъ за нимъ), все бережно прижимая свою подушку. Затѣмъ онъ вступаетъ на маленькую дорожку, обходящую зданіе бань и приводящую къ большой башнѣ, на вершинѣ которой находится резервуаръ воды для бань. Къ этой башнѣ неподвижно прикрѣпленъ родъ металлической почти вертикальной лѣстницы, съ круглыми ступенями и съ перилами съ одной только стороны. Лѣстница эта приводитъ къ площадкѣ для наблюденія и по пути соприкасается съ краемъ крыши зданія бань. Больной безъ колебаній карабкается по этой лѣстницѣ, еле дер-

жась за перила своей единственной свободной рукой; съ необычайной ловкостью и увѣренностью ставитъ онъ голыя ноги на тонкія желѣзныя жерди. Дойдя до того мѣста, гдѣ лѣстница касается почти края крыши зданія бань, онъ быстро вскакиваетъ на нее. Все бѣгомъ поднимается онъ по наклонной цинковой крышѣ и достигаетъ ея вершины, озираясь отъ времени до времени, чтобы увидѣть, не преслѣдуютъ ли его мнимые враги. Онъ продолжаетъ бѣжать вдоль всей верхушки крыши. Вслѣдствіе узости ея гребня ему приходится ставить ноги по правую и лѣвую стороны, по обоимъ наклонамъ крыши. Это въ высшей степени опасное упражненіе, на которое никто изъ слѣдящихъ за нимъ не рѣшился бы и которое онъ однако выполнялъ съ замѣчательной увѣренностью и безъ единого ложнаго шага.

«Дойдя до середины зданія, онъ садится на гребень крыши, опираясь объ отдушную трубу. Затѣмъ беретъ онъ свою подушку, которой не покидалъ ни на минуту, и кладетъ ее на колѣни, облакачивая ее однимъ угломъ о плечо, и укачиваетъ, какъ дитя, напѣвая, лаская рукой или щекой, которую онъ нѣжно прижимаетъ къ углу подушки. По временамъ его брови сдвигаются, взглядъ становится строгимъ; онъ оглядывается, словно для того чтобы увидѣть, не преслѣдуютъ ли его, не слѣдятъ ли за нимъ; при этомъ онъ сердито ворчитъ и снова пускается въ опасное бѣгство, унося съ собою подушку. Все время онъ говорить что-то, но слова его не доносятся до нашихъ ушей. Повидимому, онъ сознаетъ только свое сновидѣніе, но не понимаетъ, когда громко произносятся его имя. Однако онъ слышитъ, потому что, когда шумятъ недалеко отъ него, онъ поворачиваетъ голову и убѣгаетъ, точно преслѣдователи нагоняютъ его. Сцена эта продолжалась въ теченіе двухъ часовъ, во время которыхъ онъ обѣжалъ всѣ сосѣднія крыши, не давая намъ возможности слѣдовать за нимъ».

Я могъ бы привести еще другіе аналогичные примѣры, но мнѣ кажется, что вышеназложенные достаточно показываютъ, что во время естественнаго сомнамбулизма человѣкъ приобретаетъ свойства, которыхъ не имѣлъ въ нормальномъ состояніи, и что *онъ становится сильнымъ, ловкимъ, хорошимъ гимнастомъ, совершенно подобно своимъ человѣкообразнымъ предкамъ.*

Васъ должно было поразить большое сходство продѣлокъ гиббона, рассказанныхъ *Мартиномъ*, съ опасными похождениями сомнамбуль.

Стремленія лазить по крышамъ и мачтамъ, бѣгать по рывнамъ, карабкаться на башню, чтобы доставать птичьи гнѣзда, не есть ли это наиболѣе характерныя признаки инстинктивныхъ проявленій лазящихъ животныхъ, каковы человѣкообразныя обезьяны?

Д-ръ *Бартз* опредѣляетъ сомнамбулизмъ, какъ «сонъ съ возбужденіемъ памяти и автоматической дѣятельности нервныхъ центровъ при отсутствіи свободной и сознательной воли». «Поразительное возбужденіе памяти—фактъ, преобладающій надъ всѣми остальными». «Это крайнее совершенство памяти фактовъ и мѣстности у сомнамбуль... объясняетъ намъ», заключаетъ *д-ръ Бартз*, «какъ они находятъ дорогу, выполняя почти безъ помощи органовъ чувствъ тысячу подвиговъ, на которые они едва ли были бы способны на яву».

Но такъ какъ человѣкъ производитъ новыя для него дѣйствія, никогда не продѣланныя ранѣе во время его индивидуальной жизни, то слѣдуетъ предполагать, что эта возбужденная память относится къ очень древнимъ фактамъ, касающимся даже, быть можетъ, до-человѣческаго періода.

Человѣкъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ множество мозговыхъ механизмовъ, дѣятельность которыхъ была подавлена позднѣе развившимися тормазами.

Подобно тому какъ человѣкъ обладаетъ несокращающимися болѣе мускулами ушной раковины или не выдѣляющими молока молочными железами, точно такъ же должны его нервные центры заключать группы клѣтокъ, бездѣятельныхъ въ нормальномъ состояніи.

Подвижность ушей и выдѣленіе молока самцами представляютъ возвратъ къ очень давнимъ состояніямъ, когда слухъ былъ совершеннѣе нашего и когда оба пола могли выкармливать дѣтей своихъ грудью.

Поэтому можно допустить, что *гимнастическіе подвиги и поразительная сила сомнамбуль являются возвратомъ къ животному состоянію, гораздо менѣе отдаленному отъ насъ, чѣмъ выкармливаніе самцами.*

Интересно указать на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ естественный сомнамбулизмъ совпадаетъ съ подвижностью ушной раковины. Я знаю двухъ братьевъ, которые въ молодости были подвержены чрезвычайно типичнымъ ночнымъ приступамъ сомнамбулизма. Одинъ изъ нихъ, химикъ, лазилъ на высокіе шкапы или прогуливался по комнатамъ. Его братъ, морякъ, въ припадкѣ сомнамбулизма взбирался на площадку мачты паруснаго судна. Оба брата—сомнамбулы и въ то же время имѣютъ чрезвычайно развитые кожные мускулы: они могутъ произвольно двигать ушами.

Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ семейной и наслѣдственной аномаліей: такъ, обѣ дочери одного изъ братьевъ—сомнамбулы и имѣютъ очень подвижной кожный мускулъ. Случай этотъ пред-

ставляетъ возвратъ двухъ признаковъ нашихъ предковъ: подвижности ушной раковины и гимнастической ловкости.

Бартз слѣдующимъ образомъ характеризуетъ сомнамбуль: это «живой автоматъ, у котораго сознательная воля временно нарушена». По его мнѣнію «сомнамбуль дѣйствуетъ подъ давленіемъ фактовъ, и его самые странные, повидимому, поступки — только инстинктивныя реакціи».

Характеристика эта очень хорошо согласуется съ предположеніемъ, будто при естественномъ сомнамбулизмѣ пробуждаются инстинкты нашихъ дочеловѣческихъ предковъ, — инстинкты, которые при естественныхъ условіяхъ остаются въ подавленномъ, рудиментарномъ состояніи.

Иногда подъ вліяніемъ испуга пробуждается у человѣка инстинктивный механизмъ плаванія. Очень интересно было бы знать, происходитъ ли такой же возвратъ и у сомнамбуль. Къ сожалѣнію, я не нашелъ въ литературѣ достаточныхъ указаній на этотъ счетъ. Могу привести всего одинъ фактъ (да и тотъ съ ограниченіями) изъ большого словаря медицинскихъ наукъ 1821 г. «...рассказываютъ, что одинъ сомнамбуль, плававшій во время своего приступа, такъ испугался, когда его нѣсколько разъ назвали по имени, что утонулъ».

Было бы крайне интересно собрать побольше данныхъ относительно различныхъ инстинктивныхъ проявленій у сомнамбуль.

Мы останавливались лишь на естественномъ сомнамбулизмѣ, предполагая найти въ немъ черты, напоминающія тѣ, которыя встрѣчаются въ жизни человѣкообразныхъ обезьянъ. Я думаю, что разнообразныя явленія истеріи могутъ доставить много еще другихъ данныхъ для психо-физиологической исторіи человѣка.

Быть можетъ, нѣкоторыя хорошо установленныя явленія «ясновидѣнія» можно было бы свести къ пробужденію особенныхъ ощущеній, атрофированныхъ у человѣка, но присущихъ животнымъ.

Какъ показываетъ анатомія позвоночныхъ, послѣднія обладаютъ органами, отсутствующими у человѣка и имѣющими строеніе органовъ чувствъ. Съ другой стороны, извѣстно, что животныя способны воспринимать нѣкоторыя явленія внѣшняго міра, для которыхъ человѣкъ не имѣетъ средствъ воспріятія. Такъ, рыбы ощущаютъ степень глубины водъ; птицы и млекопитающія имѣютъ чувство ориентировки и предвидятъ атмосферическія перемены съ большей точностью, чѣмъ наша метеорологическая наука. Быть можетъ, подъ вліяніемъ истеріи человѣкъ вновь пріобрѣтаетъ эти чувства

нашихъ отдаленныхъ предковъ и познаетъ вещи, невѣдомыя намъ въ нормальномъ состояніи.

Поэтому было бы очень важно сравнить проявленія истеричныхъ и животныхъ; наши современныя знанія далеко не достаточны въ этомъ отношеніи. Сколько интересныхъ данныхъ можно было бы собрать о половой жизни и любовныхъ проявленіяхъ челоуѣкообразныхъ, сближая эти явленія съ выраженіемъ страстности и столь характерными позами истеричныхъ. Я думаю, что подобно тому, какъ палеонтологи дѣлаютъ раскопки съ цѣлью отыскать ископаемые остатки промежуточныхъ существъ между челоуѣкообразными и людьми, точно такъ же психологи, медики и зоологи должны бы разыскивать рудименты психо-физиологическихъ функций для возстановленія исторіи развитія души челоуѣческой.

Мнѣ кажется, что это представляетъ богатѣйшій родникъ для изслѣдованій, имѣющихъ общій біологическій интересъ. Цѣль моей сегодняшней лекціи и заключается именно въ томъ, чтобы направить сюда ваше вниманіе.

И. Мечниковъ.

Новое Уголовное Уложение ¹⁾.

III.

Первое, съ чѣмъ мы встрѣчаемся въ общей части,—это перечень, или такъ называемая лѣстница, наказаній. Ихъ всего восемь: 1) смертная казнь, 2) каторга, 3) ссылка на поселеніе, 4) заключеніе въ исправительный домъ, 5) заключеніе въ крѣпости, 6) заключеніе въ тюрьмѣ, 7) арестъ, 8) денежная пеня. Уложение не перечисляетъ во 2-й статьѣ, создающей приведенную лѣстницу наказаній, присоединяемыхъ къ нимъ въ опредѣленныхъ случаяхъ различныхъ по объему и длительности правопораженій, весьма чувствительно мѣняющихся однако самое свойство и характеръ наказанія; объ утратѣ правъ и другихъ послѣдствіяхъ осужденія говорится дальше. Обсуждая новую лѣстницу наказаній, этотъ краеугольный камень всякаго уголовного кодекса, мы не считаемъ возможнымъ признать ее сколько-нибудь совершенной или даже новой,—она намъ весьма знакома по прежнему уложенію. Кромѣ смертной казни, ссылки на поселеніе, подлежащихъ весьма рѣдкому примѣненію, и денежной пени, мы имѣемъ дѣло съ одной и той же формой воздѣйствія на преступника, — лишеніемъ его свободы въ болѣе или менѣе тяжелой обстановкѣ; даже признававшійся прежними уложеніемъ и уставомъ о наказаніяхъ судебный выговоръ отсутствуетъ. Новый кодексъ отнесся съ большимъ довѣріемъ къ испытанному, но едва ли дававшему когда-либо хорошіе результаты средству, — тюрьмѣ. Произошло это, думается намъ, главнымъ образомъ потому, что составители новаго Уложенія, базируясь въ своихъ работахъ на возрѣніи классической школы уголовного права о необходимости покаранія каждаго преступника, въ видахъ огражденія общества отъ преступныхъ посягательствъ угрозой этой кары, опредѣлили ее, какъ насильственное причиненіе страданія правонару-

¹⁾ См. „Научное Слово“, 1904 г., VIII.

шителью, главнымъ образомъ даже физическаго, при чемъ и теорія необходимаго возмездія за совершенное зло была принята во вниманіе, а оставленіе нарушителя закона въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ такого наказанія было осуждено, какъ могущее поколебать въ обществѣ увѣренность въ твердости власти. Но въ настоящее время наука уголовного права задается уже не столько изученіемъ и созданиемъ юридическихъ формулъ тѣхъ или другихъ проявленій преступной дѣятельности, отвлеченной разработкой такихъ правовыхъ положеній, какъ давность, вмѣненіе, покушеніе, а также способовъ наиболее правильнаго съ точки зрѣнія этихъ формулъ и положеній обязательнаго обложенія карательной санкціей нарушителей закона, а приняла болѣе жизненный, прикладной характеръ и подъ давленіемъ соціологической и антропологической школъ признала необходимымъ руководствоваться уголовной политикой, преслѣдующей конечную цѣль государственной репрессіи, — не удовлетвореніе возмездіемъ отвлеченной идеи всеильной государственной власти, — а уменьшеніе вредящей обществу преступности. Задачей уголовной политики является уже не покараніе «злой воли», а борьба мѣрами превенціи и репрессіи съ преступностью. Дѣло соціолога — создать такіа условія жизни нашего общества, которыя устраняли бы общія причины, вызывающія развитіе преступности, а дѣло криминалиста выработать раціональныя мѣры воздѣйствія какъ на лицъ, совершившихъ преступленіе, такъ съ тѣмъ вмѣстѣ и на лицъ, способныхъ впасть въ таковое, въ смыслѣ удержанія тѣхъ и другихъ отъ нарушенія закона. Оставленіе виновнаго безъ наказанія на время, или и вовсе, въ одномъ случаѣ, примѣненіе къ нему въ другомъ мѣрѣ воспитанія или лѣченія, хотя и принудительнаго, но не съ цѣлью причиненія страданія, а съ возможнымъ устраненіемъ такового, лишеніе свободы, прерываемое условнымъ освобожденіемъ, реабилитація, публичное осужденіе (выговоръ), крупныя денежныя пени, но также и ссылка (релегація), заточеніе на крайне продолжительные сроки съ строгимъ режимомъ въ исключительныхъ случаяхъ, — вотъ тѣ мѣры, которыя уголовный политикъ, съ достаточной надеждой на успѣхъ, предлагаетъ государству для борьбы съ преступностью; его не пугаетъ ни оставленіе безъ наказанія нарушителя закона, ни забота о перевоспитаніи его вмѣсто прежняго калѣченія, разъ какъ эти мѣры цѣлесообразны, ибо въ практичности, примѣнимости ихъ онъ видитъ все ихъ значеніе; но, съ другой стороны, онъ при безуспѣшности мягкихъ, гуманныхъ мѣръ относительно извѣстной категоріи преступниковъ прибѣгаетъ къ болѣе суровымъ, даже — по длительности, чѣмъ прежнія, стремясь однако ими не столько наказать, т.-е. воздать зломъ за зло, сколько

обезопасить общество от вреднаго члена его, при чемъ выборъ той или другой изъ указанныхъ мѣръ долженъ быть предоставленъ суду, имѣющему руководствоваться не только объективными признаками содѣяннаго нарушителемъ закона, а также его личностью, характеромъ, способностью къ исправленію, мотивами преступленія. Такъ, преступника случайнаго можетъ ожидать одно нравственное осужденіе или непримѣненіе назначеннаго ему наказанія (условное осужденіе); преступника по внезапному, не низменному побужденію, по страсти — ссылка, но не навсегда, или недеградирующее заточеніе; лицо, впавшее въ преступленіе подъ вліяніемъ злоупотребленія алкоголемъ, а также лицо съ ненормальной психикой—помѣщеніе въ соотвѣтственныя заведенія съ лѣчебнымъ режимомъ; лицо, сошедшее съ законнаго пути по лѣни, тунеядству, отвращенію къ труду и порядку — отдача, помимо наказанія, въ работный домъ; рецидивиста, профессиональнаго преступника — помѣщеніе въ исправительное учрежденіе, реформаторію; и наконецъ, неисправимаго преступника, личность антисоціальную, — заключеніе, соединенное съ возможно гуманномъ режимомъ, но на долгіе годы или навсегда. Новое научное направленіе, руководствующееся соображеніями уголовной политики, нашло свое осуществленіе въ норвежскомъ уголовномъ кодексѣ и проектѣ швейцарскаго, воплотивъ въ законодательную форму почти всѣ новые институты, отдѣльные изъ которыхъ признаны впрочемъ и въ другихъ западно-европейскихъ законодательствахъ (Германіи, Англіи) и въ Америкѣ. Но наше новое уголовное Уложеніе не пошло по этому пути, хотя составители его признали пользу и цѣлесообразность условнаго осужденія и условнаго досрочнаго освобожденія.

Условное осужденіе состоитъ въ томъ, что приговоръ, осуждающій къ опредѣленному наказанію лицо, впервые впавшее въ преступленіе или учинившее его по мотивамъ простительнымъ, лицо не испорченное, внушающее довѣріе судѣ, по постановленію послѣдняго оставляется безъ исполненія, и осужденный отпускается на свободу съ тѣмъ однако, что въ случаѣ впаденія вновь въ преступленіе въ теченіе опредѣленнаго срока (отъ 3 до 5 лѣтъ) прежній приговоръ обращается надъ нимъ въ исполненіе, по истеченіи же указаннаго срока теряетъ свою силу уже навсегда. При этомъ иныя законодательства допускаютъ учрежденіе надзора за условно-осужденнымъ или со стороны общества или полиціи, или назначается залогъ, или поручительство благонадежныхъ лицъ за осужденнаго. Институтъ этотъ функціонируетъ въ Сѣверной Америкѣ, въ Германіи (въ видѣ условнаго помилованія), Франціи, Англіи, Италиі, Бельгіи, Швейцаріи, Норвегіи, Португаліи и примѣняется

пока лишь къ сравнительно незначительнымъ нарушеніямъ закона, обложеннымъ наказаніями, не превышающими денежную пеню, арестъ и краткосрочное тюремное заключеніе. Судя по статистическимъ даннымъ, уже собраннымъ въ перечисленныхъ странахъ, процентъ повторенія преступленій условно отпущенными осужденными крайне незначителенъ и колеблется на цифрахъ $1\frac{1}{2}$ —3. Особое совѣщаніе Государственного Совѣта признало условное осужденіе мѣрой совершенно правильной и цѣлесообразной, вызывающей «полное сочувствіе», но въ то же время не нашло возможнымъ ввести его у насъ въ дѣйствіе теперь же, такъ какъ опытъ примѣненія этого новаго закона въ Западной Европѣ еще слишкомъ непродолжителенъ, а къ тому же по своимъ государственнымъ и бытовымъ условіямъ Россія глубоко отличается отъ тѣхъ странъ, и такъ какъ предоставленіе судѣ права по собственному усмотрѣнію оставлять осужденное имъ лицо безъ наказанія требуетъ предоставленія суду слишкомъ обширнаго полномочія, которое можетъ быть принято населеніемъ за «произволь судейской власти» и поколебать увѣренность, что законныя права надлежаще охраняются государствомъ. Точно такъ же Государственный Совѣтъ, признавъ полезность условнаго досрочнаго освобожденія отбывающихъ наказаніе лишеніемъ свободы, нашелъ однако осторожниже не включать его въ новое Уложеніе въ виду неудовлетворительнаго состоянія нашихъ тюремъ и состава тюремной администраціи. Однако неудовлетворительное у насъ положеніе тюремнаго дѣла не помѣшало санкціонировать въ законѣ безусловное досрочное освобожденіе, да и, казалось бы, такое положеніе нашихъ тюремъ должно вызвать не отклоненіе полезныхъ реформъ, а принятіе мѣръ къ улучшенію пенитенціарной системы, къ числу которыхъ, думается намъ, можно отнести и возложеніе на тюремную администрацію болѣе культурныхъ и облагораживающихъ задачъ, чѣмъ простой караулъ арестантовъ, тѣмъ болѣе что контингентъ чиновниковъ, занимающихъ должности начальниковъ тюремъ и исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій, положительно не выдѣляется въ худшую сторону сравнительно съ агентами полиціи и другихъ вѣдомствъ.

Профессоръ Мокринскій, подробно и весьма основательно разобравшій систему наказаній, принятую проектомъ новаго Уложенія, перешедшую затѣмъ въ законъ почти безъ измѣненій, говоритъ («Наказаніе, его цѣли и предположенія»), что проектъ, хотя и расширилъ рамки карательной компетенціи суда, но не далъ надлежащей эластичности и мягкости карательнымъ санкціямъ, такъ какъ, устранивъ судебный выговоръ, условное осужденіе, не развилъ достаточно систему денежныхъ взысканій и не провелъ послѣдова-

тельно институтъ *custodiae honestae*. Резюмируя свой обзоръ политической системы нозаго Уложения, тотъ же авторъ говоритъ: «Мы приходимъ къ выводу, что карательная система проекта лишь въ грубой формѣ удовлетворяетъ цѣли общаго психологическаго принужденія, не отвѣчаетъ вовсе цѣли исправленія и переходитъ разумную мѣру въ осуществленіи цѣли механическаго обезвреженія». Столь строгая критическая оцѣнка карательной системы Уложения находитъ себѣ подтвержденіе въ отсутствіи въ новомъ кодексѣ особыхъ заботъ объ исправленіи или приспособленіи лицъ, покинувшихъ нормальный, законный путь, въ слишкомъ маломъ довѣрїи къ нравственному вліянію (психологическое принужденіе) какъ на даннаго нарушителя закона, такъ и на общество, самаго факта осужденія, въ слишкомъ грубой борьбѣ съ рецидивомъ и въ недостаточной индивидуализаціи наказаній, благодаря чему въ тюрьму по новому Уложенію попадаютъ преступники случайные и профессиональные, нарушители закона изъ побужденій низменныхъ и, наоборотъ, лица заслуживающія примѣненія къ нимъ *custodiae honestae*. Такъ, тюрьмою наказываются виновные въ воровствѣ, мошенничествѣ, присвоеніи, ростовщичествѣ, нѣкоторыхъ религіозныхъ преступленій, въ сопротивленіи власти, поврежденіи печатей, въ ложномъ доносѣ, въ дачѣ ложнаго показанія, въ недозволенномъ храненіи взрывчатыхъ веществъ, въ особо-преступномъ прошеніи милостыни и т. п. Совершенно таково же по составу населеніе исправительнаго дома, названнаго цитированнымъ нами уже профессоромъ Мокринскимъ, съ полнымъ основаніемъ, «универсальнымъ музеемъ преступности, съ рѣдкою добросовѣстностью демонстрирующимъ рѣшительно всѣ существующіе типы преступника». Между тѣмъ давно уже констатировано и установлено, что общее тюремное заключеніе, хотя бы проводимое не въ праздности, вліяетъ на арестованныхъ самымъ развращающимъ способомъ и служитъ не къ исправленію опаснаго преступника, а къ порчѣ новичка и къ развитію рецидива, каковое положеніе не разъ высказывалось и законодателемъ.

Въ борьбѣ съ рецидивомъ, развивающимся въ настоящее время все болѣе и болѣе, и именно по отдѣлу преступленій корыстныхъ, главнымъ же образомъ воровства, обычно соединеннаго съ разгульной и безпутной жизнью, одинъ изъ новѣйшихъ проектовъ уголовного кодекса—швейцарскій, указалъ, кромѣ работнаго дома такую мѣру: «интернированіе» опаснаго рецидивиста, не поддающагося мѣрамъ исправленія, въ особаго заведенія на срокъ отъ 10—12 лѣтъ, при чемъ однако и такой интернированный преступникъ можетъ быть условно освобожденъ до срока въ случаѣ усмотрѣнныхъ начальствомъ учрежденія, въ коемъ онъ содержится, признаковъ дѣйствительнаго

приспособленія. Подобныя же мѣры введены норвежскимъ кодексомъ, разрѣшившимъ помѣщать особо опаснаго преступника въ тюрьму сверхъ нормальнаго наказанія на неопредѣленное время, не большее однако какъ на 15 лѣтъ по отбытіи срочнаго наказанія, и съ возможностью досрочнаго условнаго освобожденія; особенностью норвежскаго закона является то, что «опасность» преступника, не опредѣляемая какими-либо законными признаками, каждый разъ должна быть признана присяжными засѣдателями. Всѣ европейскіе кодексы особо заботятся объ искорененіи рецидива, но обычно ограничиваются надбавкою срока и большею строгостью заключенія; впрочемъ, французскій *code pénal* отдастъ опасныхъ рецидивистовъ въ особыя пенитенціарныя учрежденія и направляетъ ссылку ихъ въ колонію (*régation*). Наше новое Уложеніе ограничивается для преступниковъ-рецидивистовъ факультативнымъ увеличеніемъ срока, притомъ сравнительно незначительнымъ, того наказанія, къ которому они нормально должны быть приговорены; кромѣ того, лица, наказанныя уже три раза за воровство, разбой, вымогательство и мошенничество, притомъ хотя разъ не ниже исправительнаго дома, при совершеніи вновь такого же преступленія (въ теченіе 5 лѣтъ послѣ отбытія послѣдняго наказанія) отдаются въ каторгу на срокъ не свыше восьми лѣтъ. Независимо отъ сего Уложеніе допускаетъ помѣщеніе лица, приговореннаго къ тюрьмѣ за преступленіе, учиненное по тунеядству или праздности, непосредственно по отбытіи имъ наказанія—въ работный домъ на срокъ отъ 6 мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ. Послѣднее мѣропріятіе какъ нельзя болѣе желательно, и, вводя его, наше Уложеніе сдѣлало крупный шагъ по пути рациональной и въ то же время гуманной борьбы съ преступностью. Желательно, чтобы мѣра эта не осталась однако на бумагѣ, за неимѣніемъ налицо достаточнаго количества правильно организованныхъ работныхъ домовъ. Нельзя здѣсь не высказать крайняго сожалѣнія по поводу того, что Уложеніе наше отнеслось отрицательно къ созданію исправительно-карательныхъ заведеній (существующія въ Америкѣ реформаторіи), сельскохозяйственныхъ и ремесленныхъ колоній для взрослыхъ преступниковъ, подобно существующимъ для малолѣтнихъ, въ связи съ учрежденіемъ обществъ патроната, необходимыхъ для оказанія помощи и поддержки выпущенникамъ такихъ заведеній, хотя бы на первое время послѣ ихъ освобожденія.

Весьма вѣскимъ возраженіемъ противъ возможности столь радикальнаго переустройства нашихъ пенитенціарныхъ учреждений является приведенное нами въ началѣ статьи заявленіе представителя министерства финансовъ о томъ, что за большимъ количествомъ расходовъ на важнѣйшія нужды государства, у казны нѣтъ средствъ

на осуществленіе тюремной реформы. Но съ мыслью о сравнительной несущественности улучшенія пашей пенитенціарной системы можно не согласиться. Отправленіе уголовнаго правосудія тѣсно связапо съ состояніемъ въ государствѣ тюремнаго дѣла, и наилучше организованный судъ, вооруженный идеальнымъ карательнымъ кодексомъ, не достигнетъ своей цѣли, если разнообразныя репрессивныя и исправительныя мѣры, значащіяся въ кодексѣ, на самомъ дѣлѣ сведутся къ плохо организованной тюрьмѣ и каторгѣ. А между тѣмъ правильно устроенный судъ, какъ гражданскій такъ и уголовный, есть одна изъ первыхъ потребностей государства, одна изъ важнѣйшихъ его функцій, и мы видимъ, что чѣмъ культурнѣе страна, чѣмъ больше въ пей правового порядка, тѣмъ выше въ ней и судъ. Школа, наилучше регулирующее соціальныя условія законодательство, и непоколебимо поддерживающій законность справедливый и цѣлесообразный въ своей дѣятельности судъ—вотъ тѣ устои правильной государственной и общественной жизни, на улучшеніе и укрѣпленіе которыхъ нельзя ни по какимъ соображеніямъ жалѣть государственныхъ средствъ. Гражданскій кодексъ и примѣняющій его судъ помогаютъ свободному передвиженію и нарастанію цѣнностей и гражданскому обороту, регулируя его, а уголовный кодексъ, помимо отвлеченнаго, воспитательнаго его вліянія на общество, не только ограждаетъ таковое отъ преступныхъ посягательствъ, но содѣйствуетъ уменьшенію преступности, а потому осуществленіе признанной имъ за цѣлесообразную пенитенціарной системы важно далеко не ради однихъ нарушителей закона и отвлеченныхъ гуманныхъ соображеній, а необходимо въ интересахъ всего общества.

IV.

Во главѣ новой лѣстницы наказаній значится смертная казнь, не примѣняемая къ несовершеннолѣтнимъ, лицамъ, достигшимъ 70-ти лѣтъ, и женщинамъ, за исключеніемъ осужденія за посягательство на жизнь и вообще неприкосновенность Царствующихъ—Императора, Императрицы, Наслѣдника и на ограниченіе права ихъ власти. Эта высшая мѣра наказанія допущена лишь по отношенію къ немногимъ, паиболѣе тяжкимъ государственнымъ преступленіямъ. Редакціонная комиссія, обсуждая вопросъ о томъ, надлежитъ ли удержать смертную казнь въ новомъ Уложеніи, пришла, какъ то видно изъ объяснительной записки, къ отрицательному выводу по тѣмъ соображеніямъ, 1) что расчетъ на устрашающее дѣйствіе смертной казни не подтверждается статистическими данными, неопровержимо доказывающими, что угроза столь страшною карой

не удерживаетъ преступника, а что, наоборотъ, смертная казнь по отдѣламъ преступленій религіозныхъ и государственныхъ скорѣе усиливаетъ распространеніе этихъ преступленій, сплочивая партіи, создавая мученичество и прозелитизмъ; 2) что въ дѣлѣ правосудія всегда возможна ошибка, которая въ случаѣ исполненія смертнаго приговора не исправима; 3) что народная совѣсть, слѣдовавшая нѣкогда закону таліона и требовавшая по наиболѣе крупнымъ преступленіямъ смертной казни виновному, въ настоящее время смягчилась и уже не столь кровожадна, что доказывается послѣдовательнымъ сокращеніемъ случаевъ смертной казни во всѣхъ европейскихъ странахъ, кодексы которыхъ допускаютъ эту мѣру репрессіи; 4) что положеніе, будто пѣлая группа опасныхъ преступниковъ представляется неисправимою, а потому единственною охраною общества отъ нихъ является смертная казнь, не совсѣмъ вѣрно, ибо весьма часто неисправимыми являются вовсе не особенно крупные, а сравнительно мелкіе преступники (воры, укрыватели краденаго, бродяги), къ которымъ едва ли мыслимо примѣнять столь суровое наказаніе; 5) что несомнѣнно не далеко то время, когда параграфъ о смертной казни будетъ вычеркнутъ изъ всѣхъ кодексовъ, и что, обращаясь къ нашему законодательному прошлому, нельзя игнорировать, что Императрица Елизавета, рѣшивъ безусловно отмѣнить смертную казнь какъ по общимъ, такъ и по политическимъ преступленіямъ, указомъ 30 марта 1754 года повелѣла «въ новосочиняемомъ уложеніи за подлежащія вины смертной казни не писать», 6) и что поэтому казалось бы достаточнымъ допускать смертную казнь лишь въ исключительныхъ случаяхъ, какъ, на примѣръ, въ военное время, въ виду непріятели, и при внутреннемъ возстаніи. Но, несмотря на столь вѣскія соображенія, комиссія все-таки не рѣшилась самостоятельно исключить смертную казнь и предоставила рѣшеніе этого вопроса Государственному Совѣту, а послѣдній по соображеніямъ политическимъ сохранилъ ее въ Уложеніи. Можно однако пожалѣть, что законодатель не рѣшился идти по гуманному пути, указанному намъ еще Императрицею Елизаветой, ибо разъ какъ отпадаетъ расчетъ на удержаніе преступника отъ посягательства угрозою смертной казни, то утрачивается единственное основаніе къ удержанію этой кары. Едва ли кто будетъ спорить съ тѣмъ, что насильственное лишеніе жизни, хотя и совершаемое по постановленію суда, противно исповѣдуемому нами христіанскому ученію и что казнь человѣка, хотя юридически государство имѣетъ на нее право, сама по себѣ ужасное, противное нравственной и даже физической природѣ человѣка дѣло; это положеніе сознается и государственною властью, отмѣнившей въ сра-

внительно недавнее время публичность смертной казни. А кромѣ того, развѣ продолжительная или даже въ исключительныхъ случаяхъ пожизненная каторга не достаточное по тяжести наказаніе? Вѣдь и каторга обезвреживаетъ преступника, устраняетъ его изъ общества; если же встрѣчаются случаи побѣга съ каторги, даже съ острова Сахалина, то противъ этого надо дѣйствовать улучшеніемъ надзора за каторжными, а не насильственнымъ удержаніемъ въ новомъ законѣ хотя простѣйшаго, вѣрнѣйшаго и наиболѣе дешеваго средства обезвреженія, но неумѣстнаго въ нашъ XX вѣкъ. Новѣйшія уложенія — швейцарское и норвежское, — не знаютъ смертной казни, а также она не существуетъ въ Румыніи, Португаліи и Голландіи.

Каторга назначается исключительно за «тяжкія преступленія», пожизненно или на срокъ отъ 4 до 15 лѣтъ; Уложеніе допускаетъ сокращеніе срока, зависящее отъ поведенія осужденнаго; подробности каторжнаго режима изложены въ особомъ уставѣ. Количество преступленій, обложенныхъ каторгою, сравнительно не очень велико, и суду въ большинствѣ случаевъ дана возможность перехода отъ каторги къ исправительному дому. По отбытіи каторги слѣдуетъ обязательно поселеніе, съ каковымъ положеніемъ едва ли можно согласиться, хотя бы по тому соображенію, что изъ неисправимаго преступника никогда не выйдетъ сносный поселенецъ и онъ непремѣнно бѣжитъ съ мѣста ссылки, а приспособившагося уже къ законной жизни бышаго каторжника, въ виду понесеннаго имъ тяжелаго наказанія, нѣтъ основанія подвергать еще новому наказанію, а совершенно достаточно ограничить на время свободу его передвиженія. Невольно высказывается здѣсь вновь сожалѣніе о томъ, что Уложеніе не развило достаточно института параллельныхъ наказаній (въ зависимости отъ мотива) и рядомъ съ каторгой не поставило заточенія въ крѣпости или ссылки.

Третью ступень лѣстницы наказаній составляетъ ссылка на поселеніе, назначаемая пожизненно, но могущая по закону быть сокращенною, при одобрительномъ поведеніи поселенца, до 10 лѣтъ. Мѣсто ссылки не ограничено Сибирью, а избирается на каждое трехлѣтіе въ порядкѣ законодательномъ; ссылка назначается лишь за немногія преступленія политическія и религіозныя; при пониженіи наказанія судъ отъ поселенія переходитъ къ крѣпости. Ссылка какъ самостоятельное наказаніе, въ отличіе отъ ссылки, слѣдующей за каторгой, носитъ характеръ *poenae honestae*, но не вполне выдержанно, такъ какъ она сопровождается лишеніемъ правъ состоянія, по существующимъ воззрѣніямъ позорящимъ подвергшагося ему. Еще весьма недавно ссылка въ Сибирь имѣла у насъ

гораздо болѣе обширное примѣненіе, при чемъ ей подвергались нарушители закона самыхъ разнообразныхъ типовъ; она назначалась, напримѣръ, за третью кражу, при отказѣ общества принять осужденнаго крестьянина или мѣщанина въ свою среду и за многія другія корыстныя преступленія, при чемъ организована была неудовлетворительно. Ссылные, направляемые въ Сибирь, являли изъ себя въ громадномъ большинствѣ контингентъ совершенно неудобный для цѣлей поселенія—колонизаціи и вообще осѣдлой жизни; они или убѣгали съ мѣстъ поселенія, дѣлаясь наиболѣе опасными для общества бродягами-преступниками, или терроризировали мѣстныхъ мирныхъ обывателей. При этихъ условіяхъ ссылка потеряла свое значеніе какъ наказаніе и средство обезпечить общество отъ профессиональныхъ преступниковъ, и можно лишь привѣтствовать ограниченіе ея примѣненія преступленіями не корыстными. Но желательнымъ было бы, оставивъ за ссылкой этотъ характеръ, нѣсколько расширить кругъ ея примѣненія, введя въ него факультативно, кромѣ государственныхъ и религіозныхъ преступленій, нѣкоторыя другія, заслуживающія *roepae honestae*, но обложенныя нынѣ каторгою или исправительнымъ домомъ, и сокративъ максимумъ длительности поселенія. Швейцарскій проектъ не знаетъ ссылки, но, думается, лишь потому, что она по географическимъ условіямъ этого государства ему не доступна; Россія же обладаетъ такимъ громаднымъ выборомъ мѣстъ для ссылки, что затрудненій въ организаціи ея на указанныхъ нами началахъ не встрѣтилось бы. Дѣло въ томъ, что для цѣлаго ряда лицъ, учинившихъ тяжкое преступленіе (убійство, поджогъ, тяжкія поврежденія), но не заслуживающихъ каторги въ виду мотива и не нуждающихся въ принудительномъ исправительномъ режимѣ, оставленіе на прежнемъ мѣстѣ жительства и въ прежнихъ условіяхъ было бы нежелательно какъ для окружающихъ, такъ и для нихъ самихъ. Для такой категоріи преступниковъ случайныхъ, по страсти, ссылка на поселеніе съ надеждою на реабилитацію была бы вполне цѣлесообразнымъ наказаніемъ.

Исправительный домъ назначается на срокъ отъ 1 года и 6 мѣсяцевъ до 6 лѣтъ (въ случаѣ рецидива до 8 лѣтъ), при чемъ осужденные первоначально содержатся отъ трехъ до шести мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи и все время занимаются работами. Заключеніе въ крѣпости, отбываемое не одиночно, можетъ быть назначено отъ двухъ недѣль до шести лѣтъ, (при рецидивѣ до восьми); тюремное заключеніе длится отъ двухъ недѣль до одного года (при рецидивѣ до двухъ лѣтъ); отбывается это наказаніе въ одиночномъ заключеніи, при неизбѣжной же отдѣльныхъ камеръ примѣняется

общее заключеніе, но четыре дня общаго заключенія считаются равными тремъ днямъ одиночнаго; работы обязательны. Арестъ назначается отъ 1 дня до 6 мѣсяцевъ (при рецидивѣ годъ); арестованные содержатся совмѣстно, но при наличности одиночныхъ камеръ могутъ по ихъ просьбѣ быть переводимы въ таковыя; заключенные на срокъ болѣе 7 дней обязаны избрать себѣ какое-либо занятіе; приговоренные къ аресту на срокъ меньшій 7 дней могутъ по постановленіи о томъ суда отбыть это наказаніе у себя дома.

Замѣна одиночнаго тюремнаго заключенія общимъ не должна бы быть допускаема въ виду признаннаго и составителями проекта безусловнаго вреда и развращающаго вліянія на арестантовъ совмѣстнаго ихъ пребыванія, тѣмъ болѣе что зависящее отъ случайныхъ, внѣшнихъ причинъ значительное продленіе срока тюремнаго сидѣнія (при замѣнѣ одиночной камеры общей) явится для многихъ внѣсудебнымъ и несправедливымъ отягченіемъ наказанія. Арестъ, какъ лишеніе свободы лишь на краткіе сроки, долженъ по нашему мнѣнію отбываться непремѣнно въ отдѣльномъ заключеніи, и ни въ какомъ случаѣ не въ мѣстѣ собственнаго жительства, сопровождаясь обязательно работой (въ камерахъ). Значеніе ареста сводится исключительно, кромѣ позора самаго осужденія, къ угрозѣ этимъ наказаніемъ, для дѣйствительности которой однако совершенно необходимо, чтобы наказаніе представлялось, несмотря на краткость, не шуточнымъ, какимъ, конечно, будетъ домашній арестъ, осуществимый къ тому же, очевидно, лишь относительно лицъ достаточныхъ. Съ этой точки зрѣнія, а не изъ опасенія взаимной порчи, мы настаивали бы на одиночномъ отбытіи ареста. Арестъ и денежная пеня,—вотъ, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, тѣ наказанія, страхъ передъ которыми *дѣйствительно* удерживаетъ отъ совершенія проступка и которыя въ то же время не внушаютъ намъ отталкивающаго чувства, какъ, напримѣръ, долготѣнее лишеніе свободы; такое успѣшное дѣйствіе незначительныхъ наказаній объясняется тѣмъ, что ими обложены незначительные проступки, для воздержанія отъ которыхъ страхъ наказанія является достаточнымъ стимуломъ, чего отнюдь нельзя сказать относительно крупныхъ преступленій, учиняемыхъ подъ вліяніемъ страсти, гнѣва или такихъ могущественныхъ побужденій, на которыя страхъ возможнаго наказанія вовсе не реагируетъ (убійство изъ ревности и т. п.).

Максимумъ денежной пени общей частью Уложенія не опредѣленъ, а указывается специально за каждое нарушеніе, минимумъ же установленъ въ 50 копеекъ. Весьма полезное нововведеніе составляетъ допускаемая закономъ отсрочка и разсрочка уплаты пени;

но нельзя не пожалѣть о томъ, что новое Уложеніе санкціонировало прежній порядокъ замѣны пени въ случаѣ несостоятельности (на практикѣ — отказа платить) арестомъ. Обѣ эти репрессивныя мѣры, чрезвычайно дѣйствительныя, различаются однако въ значительной степени, и разъ какъ судомъ назначена для даннаго нарушителя закона именно пеня, а не арестъ, то необходимо, чтобы эта мѣра и была приведена въ исполненіе; возможность уплаты пени и при несостоятельности достижима назначеніемъ осужденнаго въ общественныя работы, или въ работный домъ для отработки назначенной судомъ суммы. Желательно также было бы обложеніе особенною частью большаго количества проступковъ пенею съ факкультативнымъ для суда правомъ увеличенія максимум'а ея.

Каторга, ссылка на поселеніе и исправительный домъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и тюрьма сопровождаются различнымъ правопораженіемъ осужденныхъ. Къ каторгѣ и ссылкѣ присоединяется полное правопораженіе, а именно присужденные къ этимъ наказаніямъ подвергаются тому, что по терминологіи прежняго Уложенія составляетъ «лишеніе всѣхъ правъ состоянія», т.-е. теряютъ всѣ особыя права и привилегіи, присвоенныя сословію, къ которому они принадлежатъ,—почетныя титулы, чины, знаки отличія, пенсіи, занимаемое служебное положеніе, права по имуществу, права наследованія по закону, возникшія послѣ осужденія, права супружескія и родительскія въ томъ случаѣ, если супруга осужденнаго и дѣти не послѣдуютъ за нимъ; кромѣ того, осужденные теряютъ право состоянія на службѣ государственной или общественной, право участвовать во всевозможныхъ сословныхъ и общественныхъ собраніяхъ, быть опекунами и т. п. Исправительный домъ во всѣхъ случаяхъ, а тюрьма при назначеніи ея за корыстные и позорящія преступленія, указанныя въ 27 ст. Улож., сопровождаются лишеніемъ всѣхъ перечисленныхъ выше правъ, кромѣ имущественныхъ и семейныхъ, по лишъ для дворянъ, священнослужителей, монашествующихъ и вообще лицъ духовнаго званія, почетныхъ гражданъ и купцовъ; послѣдніе, впрочемъ, изъяты отъ правопораженія, слѣдующаго за тюрьмою. Перечисленныя права могутъ быть восстановлены для лицъ, осужденныхъ на каторгу и поселеніе, черезъ 10 лѣтъ послѣ освобожденія отъ поселенія,—для приговоренныхъ въ исправительный домъ черезъ 10 лѣтъ, а въ тюрьму 5 лѣтъ по освобожденіи изъ заключенія, каковыя сроки могутъ быть еще сокращены.

Остатываясь на только что приведенныхъ постановленіяхъ новаго закона, какъ на весьма существенныхъ, ибо во многихъ случаяхъ лишеніе правъ, распространяющееся и на занятія и спо-

собы существованія (служба, торговля) составляет гораздо болѣе строгое наказаніе, чѣмъ лишеніе свободы, иногда на короткій срокъ, (3 мѣсяца тюрьмы) и признавая это добавочное наказаніе во многихъ случаяхъ какъ нельзя болѣе цѣлесообразнымъ и справедливымъ, особливо при допущенной реклассациі, мы думаемъ однако:

- 1) что достаточно назначить обязательное правопораженіе лишь для лицъ, приговоренныхъ къ каторгѣ, для остальныхъ же правильнѣе было бы, оставивъ указанныя въ законѣ рамки примѣненія ограниченія правъ, предоставить суду въ каждомъ данномъ случаѣ рѣшать, должно ли оно имѣть мѣсто. Власть суда по опредѣленію наказаній тѣмъ самымъ увеличилась бы, но разъ какъ законодатель сталъ на путь довѣрія суду, а наука уголовного права настоятельно требуетъ наибольшей индивидуализаціи наказаній, то такое увеличеніе было бы совершенно послѣдовательно и встрѣтило бы сочувствіе общества; бояться «судебнаго произвола» не слѣдуетъ, разъ какъ судопроизводство правильно организовано и судья обязанъ каждое свое постановленіе, подлежащее къ тому же протесту и обжалованію, логически и съ ссылкой на законъ мотивировать.
- 2) Едва ли есть достаточное основаніе къ лишенію лицъ, присужденныхъ въ каторгу и на поселеніе, правъ имущественныхъ. Это правопораженіе было понятно при дѣйствиі прежняго Уложенія, знавшаго «юридическую смерть» преступника, но за непризнаніемъ ея новымъ закономъ отнятіе у осужденнаго принадлежащихъ ему имущественныхъ благъ, хотя бы и въ пользу его наслѣдниковъ, а при отсутствіи ихъ въ пользу сословія или казны, является анахронизмомъ, тяжело отзывающимся на участи осужденнаго. Мы говоримъ объ отнятіи самаго имущества, а не правъ, потому что послѣднія остаются и за лицомъ, сосланнымъ на каторгу и поселеніе, — онъ можетъ пріобрѣтать вновь имущество и свободно распоряжаться имъ въ предѣлахъ, допустимыхъ режимомъ, которому онъ подвергнутъ. Совершенно такъ же взглянула на дѣло редакціонная комиссія, опредѣлившая, что на время лишенія свободы лица, присужденнаго къ каторгѣ, надъ имуществомъ его должна быть назначена опека. Особое совѣщаніе при Государственномъ Совѣтѣ также нашло, что лишеніе частныхъ имущественныхъ правъ не должно входить въ составъ наказанія хотя бы наиболѣе тяжкаго преступника, по что оно должно быть назначено какъ мѣра, вызываемая необходимостью по слѣдующимъ соображеніямъ: а) сосланный на каторгу или на поселеніе не можетъ самъ распоряжаться имуществомъ, а опекунскія учрежденія наши находятся въ столь неудовлетворительномъ состояніи, что на нихъ нельзя возлагать эту работу; б) вопросъ о способѣ и объемѣ пользованія осужден-

нымъ своимъ имуществомъ совершенно не урегулированъ въ юридическомъ отношеніи и возбуждаетъ много недоразумѣній, и в) отмѣна лишенія имущественныхъ правъ «въ весьма значительной степени уменьшила бы репрессивную силу» наиболѣе тяжкихъ наказаній. Последнее соображеніе, конечно, весьма вѣско, но совершенно противорѣчитъ высказанному самимъ Совѣщаніемъ неоспоримому положенію, что лишеніе имущественныхъ правъ не должно составлять наказанія; остальные же соображенія должны бы вызвать не излишнее увеличеніе наказанія цѣлой категоріи лицъ, а принятіе мѣръ къ улучшенію нашихъ опекунскихъ учрежденій и разрѣшеніе возбуждаемыхъ разсматриваемымъ вопросомъ юридическихъ недоумѣній. Къ этому надлежитъ еще присовокупить, что для лицъ, сосланныхъ на поселеніе, какъ состоящихъ въ мѣстѣ ихъ жительства на свободѣ, не представилось бы затрудненій и въ распоряженіи и пользованіи своимъ имуществомъ. 3) Осужденный на каторгу и поселеніе не лишается права вновь приобрѣтать имущество, а потому можетъ наслѣдовать по завѣщанію, наслѣдовать же по закону воспрещается ему Уложеніемъ. Это воспрещеніе объясняется, какъ оно видно изъ журнала особаго совѣщанія, тѣмъ, что осужденный теряетъ навсегда права, вытекающія изъ союза родственнаго и семейнаго. Въ объясненіи этомъ, однако, кроется значительное недоразумѣніе: присужденные къ каторгѣ и поселенію вовсе не лишаются правъ, вытекающихъ изъ союза родственнаго, а согласно 1 и 2 п. 29 ст. Улож. супружескія узы осужденнаго *могутъ*, при желаніи другого супруга, быть расторгнуты, а также прекращается *родительская власть* осужденнаго надъ дѣтьми, *прижитыми до осужденія*, не послѣдовавшими за отцомъ или оставившими его впоследствии. Такимъ образомъ при условіи слѣдованія жены и дѣтей за осужденнымъ онъ не теряетъ никакихъ семейныхъ правъ, а затѣмъ приведенный законъ вовсе не расторгаетъ родственниковъ узъ осужденнаго съ его восходящими и родственниками по боковой линіи. А разъ *родственный союзъ* даже не затронутъ статьею 29-й, то почему бы осужденный не могъ наслѣдовать въ порядкѣ закона послѣ отца или дяди? 4) Намъ непонятно также, почему къ числу почетныхъ титуловъ, чиновъ и орденовъ отнесена пенсія, которой лишается осужденный въ исправительный домъ или тюрьму по 27-й статьѣ. Выслуженная пенсія составляетъ законно приобрѣтенное имущественное благо, не заключающее въ себѣ никакого знака внѣшняго почета, а отнятіе ея у приговореннаго въ тюрьму, напримѣръ, за кражу, является не позорящимъ лишеніемъ правъ, а конфискаціей въ пользу казны, наказаніемъ, не допускаемымъ современными кодексами. 5) Редак-

ціонная комісія, «слідую прямымъ указаніямъ общаго собранія Государственнаго Совѣта (журналь 19 ноября 1879 г.), признала правильнымъ *совершенно* устранить въ проектѣ различіе наказуемости по сословіямъ», но такая неравноправность, осужденная Государственнымъ Совѣтомъ еще въ 1865 году, допущена Уложеніемъ. Это неравенство передъ наказаніемъ, зависящее отъ сословія преступника, выражается въ томъ, что при осужденіи въ исправительный домъ и въ тюрьму по 27-й статьѣ дворяне, лица духовнаго званія, почетные граждане, а въ первомъ случаѣ и купцы лишаются цѣлаго ряда наисущественнѣйшихъ правъ гражданина, претерпѣваютъ то, что французскій законъ называетъ *la dégradation civique*, тогда какъ присужденные за тѣ же преступленія и къ тому же коренному наказанію крестьяне и мѣщане не претерпѣваютъ никакого правоогрaнченія. Разница въ наказаніи получается благодаря этому громадная, ибо осужденный, напримѣръ, купецъ лишается на срокъ въ 10 лѣтъ права на извѣстнаго рода торговлю и промышленныя предпріятія (пароходныя), не можетъ быть избираемъ ни на какую должность, участвовать въ собраніяхъ, быть опекуномъ, а крестьянинъ, даже торгующій фактически, но лишь не взявшій купческаго свидѣтельства, не лишается ничего этого и, хотя отбылъ, напримѣръ, наказаніе исправительнымъ домомъ за кражу или мошенничество, можетъ быть въ отличіе отъ дворянина гласнымъ земскаго собранія, присяжнымъ засѣдателемъ, церковнымъ старостою и т. д. Такое различіе по сословіямъ было установлено, какъ то видно изъ журнала особаго присутствія, для поддержанія чести и достоинства высшихъ въ государствѣ сословій; но намъ не вполне ясно, даже съ отвлеченной точки зрѣнія, какъ можно признать въ настоящее время, когда нѣтъ уже крѣпостныхъ людей и податнаго сословія, что крестьяне и мѣщане не обладаютъ честью и достоинствомъ, когда они призваны наравнѣ съ другими сословіями къ несенію такихъ общественныхъ обязанностей, какъ участіе въ земскихъ собраніяхъ, въ судѣ присяжныхъ, въ общей воинской повинности, немыслимому безъ наличности у призванныхъ общественной чести и достоинства. Въ этомъ странномъ, но далеко не безразличномъ постановленіи мы видимъ нежеланіе, какъ бы страхъ передъ санкціонированіемъ въ законодательномъ порядкѣ перемѣнъ соціального быта нашего, фактически уже давно наступившихъ, страхъ предъ новшествомъ, бесполезный въ сущности, ибо ходъ политическаго и соціального развитія никакими велѣніями закона не повернешь назадъ, а самое большее, чего можно достигнуть—это временной задержки, которая съ тѣмъ большею силою будетъ потомъ снесена.

Кромѣ приведенныхъ наказаній,—Уложеніе знаетъ еще слѣдующія послѣдствія осужденія, специально назначаема въ иныхъ случаяхъ судомъ: отобраніе предметовъ, запрещенныхъ къ извѣстному употребленію и орудій преступленія, закрытіе разныхъ заведеній, сломка и переустройство неправильно возведеннаго и открытаго, удаленіе служащаго отъ должности, запрещеніе заниматься какою-либо отраслью торговли или промысла, опубликованіе обвинительнаго приговора суда. Отдача отбывшихъ наказаніе исправительнымъ домомъ или тюрьмою подъ надзоръ полиціи или обществъ, къ которому они принадлежатъ, практиковавшаяся прежде, но фактически никогда не осуществлявшаяся, а бывшая лишь въ тягость осужденнымъ и чинамъ полиціи, отмѣнена, а взамѣнъ ея установлены нѣкоторыя ограниченія свободы выбора мѣстожителства и передвиженія отбывшихъ наказаніе, дляціяся сравнительно не долго.

Постановленія новаго Уложенія о наказуемости впавшихъ въ преступленіе дѣтей и несовершеннолѣтнихъ сходны съ существующими, введенными въ дѣйствіе еще въ 1897 году. Они сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: дѣти до 10 лѣтъ наказанію не подлежатъ, несовершеннолѣтніе въ возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ за всѣ совершенныя ими преступленія подлежатъ лишь одной мѣрѣ—отдачѣ въ воспитательно-исправительное заведеніе; въ случаѣ невозможности помѣстить въ такое заведеніе они помѣщаются или въ особо-приспособленныя отдѣленія тюрьмы или арестнаго дома, или на попеченіе родителей и лицъ, ихъ замѣняющихъ, а несовершеннолѣтнія женскаго пола заключаются въ женскій монастырь, при чемъ пребываніе во всѣхъ указанныхъ учрежденіяхъ не можетъ продолжаться по достиженіи осужденными совершеннолѣтія. Несовершеннолѣтніе отъ 14 до 17 лѣтъ вмѣсто смертной казни и каторги подлежатъ заключенію въ тюрьмѣ отъ 3 до 12 лѣтъ, а взамѣнъ прочихъ наказаній отдаются въ исправительныя заведенія; лишенію правъ подвергаются лишь несовершеннолѣтніе отъ 14 до 17 лѣтъ, коимъ смертная казнь или безсрочная каторга замѣнены тюрьмою. Для несовершеннолѣтнихъ отъ 17 до 21 года смертная казнь замѣняется безсрочною каторгою, а послѣдняя срочною до 15 лѣтъ; остальные наказанія лишеніемъ свободы сокращаются срокомъ на одну треть, а лишеніе правъ примѣняется исключительно при осужденіи на каторгу и поселеніе. Въ этомъ отдѣлѣ закона слѣдуетъ отмѣтить улучшеніе, выразившееся въ продленіи срока принудительнаго воспитанія осужденнаго до наступленія совершеннолѣтія, а также послѣдовавшую отмѣну отдачи несовершеннолѣтнихъ мужскаго пола въ мужскіе монастыри; послѣдніе, въ

противоположность женскимъ, оказались совершенно непригодными для трудной задачи нравственнаго перевоспитанія заблудшихъ дѣтей. Отдавая должное общему гуманному духу приведеннаго закона, мы не можемъ однако не отмѣтить, что отдѣльные его параграфы грѣшатъ все-таки излишнею, — разъ какъ дѣло идетъ о несовершеннолѣтнихъ, даже дѣтяхъ (14 лѣтъ), — суровостью. Помѣщеніе несовершеннолѣтнихъ, въ возрастѣ отъ 14 до 17 лѣтъ, въ тюрьму на 12 лѣтъ съ лишеніемъ правъ намъ представляется во всѣхъ отношеніяхъ ненужнымъ. Мѣрой этой не достигается ни устрашеніе, ни исправленіе, ни обезвреженіе. И не странно ли лишать правъ состоянія мальчика, напримѣръ, въ 15 лѣтъ! Онъ еще и не понимаетъ въ этомъ возрастѣ, что представляютъ права, коихъ его лишаютъ, онъ и не приступалъ еще къ осуществленію ихъ! Что же представляетъ такая мѣра? Исключительно возмездіе? Намъ не понятно также 12-тилѣтнее тюремное заключеніе для дѣтей отъ 14 до 17 лѣтъ. Для нарушителей закона въ возрастѣ, когда впечатлительность и податливость постороннему вліянію развиты до крайности и нормально отсутствуетъ достаточная сила воли и устойчивость, по нашему мнѣнію допустимъ лишь одинъ репрессивный режимъ: принудительно-воспитательный. Но рассчитывать на мѣры разумнаго дѣтскаго воспитанія въ тюрьмѣ, хотя бы и въ особомъ ея отдѣленіи, едва ли возможно, да и общая тюрьма не можетъ взять на себя такое спеціальное и трудное дѣло. Въ литературѣ предмета и на послѣднихъ сѣздахъ представителей русскихъ исправительныхъ пріютовъ поднимался вопросъ объ устройствѣ особаго центральнаго принудительно-воспитательнаго заведенія съ особо строгимъ режимомъ, куда можно было бы направлять наиболѣе испорченныхъ и трудно поддающихся исправленію мальчиковъ; можно надѣяться, что мысль эта, встрѣтившая сочувствіе главнаго тюремнаго управленія, вскорѣ осуществится. Вотъ такое учрежденіе и должно бы вмѣсто тюрьмы принять въ число своихъ воспитанниковъ несовершеннолѣтнихъ, о которыхъ мы говоримъ, и безъ какого-либо ограниченія ихъ правъ. По отношенію къ несовершеннолѣтнимъ у насъ и въ настоящее время примѣняются въ сущности «неопредѣленные приговоры» и условное досрочное освобожденіе, и оба эти института оказываются на практикѣ какъ нельзя болѣе пѣлесообразными и полезными. Намъ думается, что тѣ же приблизительно результаты дадутъ эти институты при примѣненіи ихъ къ взрослымъ.

Отдѣлы общей части: о вѣнненіи, о видахъ виновности, т.-е. объ умышленномъ и неосторожномъ дѣянніи, о покушеніи и приговореніи, о соучастіи и объ обстоятельствахъ, устраняющихъ нака-

зуюмость, составлены и изложены въ общемъ удовлетворительно. Наиболѣе важное и трудное къ изложенію опредѣленіе невмѣненія, зависящаго отъ ненормальности духовной стороны даннаго субъекта, редактировано образцово, тогда какъ оно въ большинствѣ западно-европейскихъ кодексовъ очерчено неудовлетворительно, не говоря уже о нашемъ старомъ Уложеніи, знавшимъ безуміе отъ рожденія, сумасшествіе, припадки умоизступленія и совершеннаго безпамятства, вызванные болѣзью, а также лицъ, потерявшихъ умственные способности и разсудокъ отъ старости и дряхлости, глухонѣмыхъ и лунатиковъ. Новое изложеніе сводится къ устраненію вмѣненія для лица, которое во время совершенія преступленія не могло понимать свойства и значенія сего дѣянія и руководить своими поступками вслѣдствіе болѣзненнаго разстройства душевной дѣятельности. Послѣдствія признанія судомъ даннаго субъекта невмѣняемымъ по разсмотрѣнному основанію также болѣе рациональны: покусившіеся на особо тяжкія преступленія помѣщаются обязательно въ врачевныя заведенія, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ судъ интернируетъ психически-больного въ лѣчебное заведеніе или отдаетъ его кому-либо на попеченіе, если онъ признаетъ оставленіе освобождаемаго отъ наказанія лица на свободѣ опаснымъ. По поводу изложеннаго слѣдуетъ однако замѣтить, что обязательное помѣщеніе признаннаго невмѣняемымъ лица, учинившаго убійство, поджогъ и т. п. въ лечебницу не должно бы быть предрѣшено закономъ. Помѣщеніе это надлежало бы одинаково для всѣхъ преступленій предоставить суду факультативно, въ зависимости отъ большей или меньшей опасности для общества даннаго субъекта, ибо странно заставлятъ судъ интернировать въ больницу человѣка, покусившагося въ припадкѣ психической болѣзни на убійство, но затѣмъ совершенно выздоровѣвшаго и безусловно не опаснаго. Мы вновь укажемъ здѣсь на столь часто портящую новое Уложеніе нерѣшительность его составителей и опасеніе, что нашъ реформированный въ 1866 году судъ еще не достигъ политическаго совершеннѣтія и не можетъ обойтись безъ прописей. Статьями 42-й и 43-й устанавливается ненаказуемость за преступныя дѣянія, которыя учинившій не могъ предвидѣть или предотвратить, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда совершитель не зналъ объ обстоятельствахъ, обуславливающихъ преступность дѣянія или квалифицирующихъ его. Покушеніе, очерченное какъ дѣйствіе, коимъ начинается приведеніе въ исполненіе преступнаго дѣянія, подлежитъ меньшей репрессіи. Главы о смягченіи наказанія и объ увеличивающихъ вину обстоятельствахъ также изложены вполне удовлетворительно, давая лишь общія указанія и не стѣсняя судъ точнымъ исчисленіемъ размѣра сбаговъ

и надбавокъ къ наказанію. Входящее въ эти главы опредѣленіе рецидива и повторенія преступленій соотвѣтствуетъ положеніямъ науки уголовного права и практично, при чемъ весьма желательнымъ пововеденіемъ является признаніе усиливающимъ наказаніе повторенія не только того же преступления, но и тождественнаго или однороднаго, благодаря чему рецидивомъ будетъ признаваться и тотъ случай, когда послѣ кражи осужденный учинить грабежь или разбой и т. п. Срокъ, въ теченіе котораго повтореніе вліяетъ на увеличеніе наказанія, исчисленъ для тяжкихъ преступленій въ 5 лѣтъ, для преступленій въ 3 и проступковъ въ одинъ годъ. Мы не будемъ здѣсь повторять сказаннаго уже о недостаточности мѣръ, принимаемыхъ Уложеніемъ противъ все увеличивающагося рецидива. Сфера примѣненія «давности», какъ института, погашающаго отвѣтственность, расширена, — сроки наступленія ея варіируются отъ 15 лѣтъ до 1 года, въ зависимости отъ тяжести наказанія.

V.

Обращаясь къ оцѣнкѣ особенной части Уложенія, можно въ общемъ признать ее составленной хорошо; большинство недостатковъ ея зависать отъ общей части, — однако въ ней есть и спеціальныя слабыя стороны. Къ нимъ относятся, во-первыхъ, уже указанная нами недостаточность параллельныхъ наказаній и значительная все-таки казуистичность. Такъ, въ главѣ о нарушеніи постановленій, ограждающихъ народное здравіе, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ статей, трактующихъ о разнаго рода фальсификаціяхъ и продажѣ вредныхъ веществъ, тогда какъ нарушенія эти слѣдовало бы, не описывая ихъ детально, объединить общими признаками въ одну или двѣ статьи. То же, но въ еще большей степени, замѣчается въ главѣ, предусматривающей нарушенія правилъ общественной безопасности, гдѣ мы встрѣчаемъ такія подробности, какъ упоминаніе въ особой статьѣ объ ацетиленѣ и кальціи-карбидѣ и вообще не примѣрный, а исчерпывающій перечень разныхъ опасныхъ предметовъ и нарушеній и т. д. Особенная часть въ санкціи наказаніями преступленій, помимо гораздо большей эластичности ихъ, отличается въ выгодную, противъ прежняго закона, сторону гуманностью, но въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ мы увидимъ ниже, встрѣчается необъяснимое, какъ бы случайное, нарушеніе этого благого принципа.

Особенная часть разбита на главы, каждая изъ которыхъ исчерпываетъ всѣ посягательства противъ того или другого правового интереса. О неудобствѣ такой классификаціи, соединившей воедино крупныя преступленія и мелкія нарушенія, мы уже говорили. Первая

глава (по нумераціи кодекса вторая) предусматриваетъ нарушенія ограждающихъ вѣру постановленій, послѣдующія — преступленія государственныя, катъ-то: бунтъ, преступленія противъ особы Государя Императора, государственная измѣна, смута, неповиновеніе власти и т. д.; въ послѣдней главѣ означены преступленія служебныя.

Отдѣлъ о преступленіяхъ религіозныхъ содержитъ въ себѣ 28 статей и изложенъ гораздо лучше, чѣмъ въ старомъ Уложеніи; все, не составляющее дѣянія, наказуемаго свѣтскою властью одной изъ репрессивныхъ мѣръ Уложенія, изъято изъ этого отдѣла, а карательныя его санкціи мягче прежнихъ. Совершенно не соотвѣтственной карой для преступленій религіозныхъ является однако назначаемая Уложеніемъ за пѣлый рядъ нарушеній тюрьма (наказаніе позорящее) и даже въ двухъ случаяхъ исправительный домъ. Кромѣ того, слишкомъ строгой представляется намъ каторга, карающая (факультативно) богохуленіе во время церковной службы, и соединенная съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія ссылка на поселеніе, назначаемая за нѣсколько религіозныхъ преступленій. Вышее наказаніе, которое знаютъ за подобныя дѣянія кодексы западной Европы (въ томъ числѣ германскій и проектъ австрійскаго) — это тюремное заключеніе; отдѣльныхъ случаевъ караемаго свѣтскимъ наказаніемъ нарушенія правилъ, охраняющихъ вѣру, вообще гораздо меньше въ этихъ кодексахъ; напримѣръ, въ швейцарскомъ Уложеніи (проектъ Штосса) всего одна статья, въ германскомъ — 3; между тѣмъ съ увѣренностью можно сказать, что въ Германіи и Швейцаріи общее уваженіе къ религіи и обрядностямъ культа стоитъ высоко. Но при обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ разсматриваемаго отдѣла было принято во вниманіе, что въ Россіи посягательства на религію, при недостаточной охранѣ ихъ уголовнымъ закономъ, могутъ поколебать уваженіе къ самой религіи и тѣмъ подорвать основы государственной и общественной жизни, такъ какъ у насъ, въ отличіе отъ другихъ государствъ, христіанство и православная церковь служатъ источникомъ нравственныхъ силъ и единенія всего народонаселенія. Не сомнѣваясь въ выдающемся значеніи для Россіи религіи, мы думаемъ однако, что оно одинаково важно и для другихъ христіанскихъ странъ и что религіозныя вѣрованія для поддержанія ихъ не требуютъ строгихъ репрессивныхъ мѣръ, а совѣмъ иного воздѣйствія; внѣшнія же проявленія неуваженія къ правиламъ церкви и признаваемому ею священнымъ, несомнѣнно оскорбительныя для вѣрующихъ, должны быть непременно обложены наказаніемъ, но не соединяемымъ съ лишеніемъ правъ и ограничивающимся, какъ высшая мѣра, лишеніемъ свободы, —

напримѣръ, заточеніемъ въ крѣпость. Какъ на примѣръ недѣйствительности угрозы такимъ наказаніемъ какъ каторга для преступленій, свидѣтельствующихъ о неуваженіи къ религіи, мы можемъ указать на часто повторяющіеся у насъ случаи святотатства, т.-е. кражъ изъ церквей священныхъ предметовъ, нерѣдко сопровождаемыхъ кощунственными дѣйствіями, хотя такого рода дѣянія обложены каторгой.

Главы о государственныхъ преступленіяхъ изложены несравненно лучше, чѣмъ прежнія, и статьи новаго Уложенія болѣе соотвѣтствуютъ указанными въ нихъ признаками преступнымъ дѣяніямъ противъ порядка управленія, констатируемымъ въ настоящее время; карательная санкція во многихъ случаяхъ факультативно понижена.

Въ главѣ девятой обращаетъ на себя вниманіе присоединяемое къ коренному наказанію за неправильную торговлю воспрещеніе таковой на 5 лѣтъ и опубликованіе обвинительнаго приговора, а въ отдѣлѣ объ общественномъ спокойствіи и безопасности новелла о «праздношатавательствѣ», караемомъ тюрьмою, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и исправительнымъ домомъ (наличность у виновнаго оружія или орудій взлома и т. п.), носящая скорѣе превентивный характеръ, такъ какъ карается не опредѣленное преступное дѣяніе, а образъ жизни, свидѣтельствующій объ антисоціальномъ характерѣ данной личности. Такое обложеніе наказаніемъ въ цѣляхъ непосредственной превенціи, какъ цѣлесообразный способъ борьбы съ опасностью, представляемой общественному спокойствію праздношатающимся элементомъ населенія, допускается и въ теоріи, и практикою; новѣйшіе уголовные кодексы идутъ въ этомъ направленіи даже гораздо дальше. Нельзя пройти молчаніемъ 335 ст. Уложенія, по силѣ которой еврей за производство недозволенной ему торговли, сверхъ кореннаго наказанія, высылается въ предѣлы постоянной осѣдности евреевъ на срокъ отъ 1 года до 5 лѣтъ. Считаая съ своей стороны, что высылка лица, основавшася въ извѣстномъ мѣстѣ на постоянное жительство, является наказаніемъ слишкомъ строгимъ за проступокъ, состоящій въ нарушеніи полицейскаго запрета, мы все-таки привѣтствуемъ названную статью, замѣнившую прежнюю высылку еврея въ черту осѣдности *навсегда*, оставшуюся въ силѣ лишь для случаевъ рецидива.

Къ числу преступленій противъ правъ семейственныхъ Уложеніе относитъ между прочимъ вступленіе въ бракъ съ лицомъ, состоящимъ уже въ супружествѣ, при чемъ послѣднее наказывается исправительнымъ домомъ (съ лишеніемъ правъ), а необязанный бракомъ — тюрьмою; вступленіе въ бракъ съ завѣдомо не-христіаниномъ, караемое арестомъ; бракъ съ родственникомъ или свой-

ственникомъ въ такихъ степеняхъ, при которыхъ бракъ, не составляя кровосмѣшенія, признается однако недѣйствительнымъ, и вступленіе въ прелюбодѣйную связь съ лицомъ, состоящимъ въ бракѣ, при чемъ оба послѣднія нарушенія караются тоже арестомъ. По поводу приведенныхъ постановленій намъ думается, что три послѣднія дѣянія не должны бы влечь за собою какой-либо уголовной репрессіи. Разъ какъ законодатель не призналъ эти дѣянія нарушающими святость брака, разъ какъ они, не будучи публичными, не нарушаютъ общественной нравственности, то государству нѣтъ основанія входить въ такую сферу отношеній съ влекущимъ хотя и ничтожное наказаніе *veto*. Нельзя разсматривать прелюбодѣяніе съ состоящимъ въ бракѣ лицомъ какъ умышленное оскорбленіе другого супруга; этого *animus*'а у нарушителя спокойствія семейнаго очага, очевидно, нѣтъ; если разсматривать допускаемую здѣсь репрессію какъ наказаніе за разрушеніе супружескаго счастья, то наказаніе слишкомъ ничтожно; думать же, что угроза арестомъ можетъ остановить кого-либо отъ вступленія въ прелюбодѣйную связь, было бы ошибочно. Противодѣйствіемъ такимъ явленіямъ частной жизни могутъ быть факторы нравственнаго характера и, напримѣръ, возможность для обманутаго супруга требовать развода. Наказывать за недозволенный, но самъ по себѣ не составляющій преступленія, бракъ арестомъ тоже нѣтъ основанія и именно въ виду незначительности репрессіи его по сравненію съ побужденіемъ, при чемъ совершенно достаточною угрозой является ожидающее супруговъ расторженіе ихъ брака. Наконецъ, допуская необходимость обложенія наказаніемъ вступленіе въ бракъ при существованіи прежняго, мы какъ въ виду мотивовъ и силы побужденія къ такому нарушенію закона, такъ и господствующихъ въ обществѣ воззрѣній считаемъ однако безусловно недопустимымъ обложеніе его исправительнымъ домомъ, т.-е. позорящимъ наказаніемъ, соединеннымъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ, кромѣ семейныхъ и имущественныхъ, а также тюрьмою для лица, не обязаннаго супружествомъ. Крѣпость и арестъ были бы, по нашему мнѣнію, достаточнымъ наказаніемъ, которое тоже усугубляется расторженіемъ незаконнаго брака.

Постановленія новаго Уложенія о подлогѣ, на много болѣе совершенныя прежняго, грѣшатъ, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что считаютъ преступленіе подлога оконченнымъ и подлежащимъ репрессіи, когда въ видахъ употребленія его изготовленъ фальшивый документъ, хотя бы онъ затѣмъ остался безъ употребленія. Такая наказуемость, признававшаяся прежнимъ Уложеніемъ, противорѣчитъ однако радикально ученію о преступленіи, такъ какъ въ фактѣ хотя бы умышленной поддѣлки документа, самомъ по себѣ безразлич-

номъ съ точки зрѣнія уголовного права, можно усмотрѣть лишь приготовленіе къ совершенію того или другого преступленія (посягательства на имущество другого или на какія-либо его права и т. д.). Не только въ теоріи, но и на практикѣ даже покушеніе, остановленное по собственной волѣ дѣятеля, не наказуемо, тѣмъ болѣе приготовленіе, при которомъ всегда бываетъ совершенно неизвѣстно, доведетъ ли покушитель задуманное до конца. Германскій уголовный кодексъ, норвежскій и проекты австрійскаго и швейцарскаго признають подлогъ совершившимся и наказуемымъ лишь съ момента предъявленія фальшиваго документа къ употребленію; напротивъ, французскій *code pénal* признаетъ преступленіе подлога оконченнымъ съ момента изготовленія документа. И французскій и нашъ кодексы руководствуются, устанавливая такую исключительную наказуемость, опасностью, которая грозитъ гражданскому обороту общества отъ возможности подлога документовъ, часто чрезвычайна важныхъ въ различныхъ отношеніяхъ.

Важные отдѣлы о лишеніи жизни и опасныхъ поврежденіяхъ, за исключеніемъ казуистичности, о которой мы уже говорили, представляются вполне удовлетворительными. Въ главѣ о присвоеніи намъ представляется чрезмѣрнымъ наказаніе каторгой виновнаго въ таковомъ служащаго въ какомъ-либо основанномъ съ разрѣшенія правительства кредитномъ или акціонерномъ обществѣ, — въ томъ случаѣ если это дѣяніе повлекло за собой разстройство или упадокъ дѣлъ общества или разореніе многихъ лицъ; тоже должны мы сказать о наказаніи каторгой завѣдующаго дѣлами кредитнаго или акціонернаго общества, виновнаго въ другого рода злоупотребленіяхъ, имѣвшихъ такіе же результаты, и, наконецъ, о квалифцированномъ злостномъ банкротствѣ.

Глава о воровствѣ, разбоѣ и вымогательствѣ на много выше таковой же прежняго Уложенія уже тѣмъ, что новый кодексъ не призналъ особымъ и притомъ болѣе важнымъ преступленіемъ открытое похищеніе имущества, учиненное безъ насилія, подводившееся Уложеніемъ 1885 года подъ понятіе грабежа, а назначилъ одинаковую карательную санкцію съ тайнымъ похищеніемъ, объединивъ ихъ общимъ именованіемъ воровства, что вполне соотвѣтствуетъ юридическому и бытовому понятію этого преступленія и согласно съ кодексами другихъ западно-европейскихъ странъ; въ этомъ отдѣлѣ, изложенномъ въ общемъ хорошо, встрѣчаются все-таки нѣкоторыя казуистическія опредѣленія, и, напримѣръ, наличность при кражѣ «валома» обязательно увеличиваетъ наказаніе, хотя на самомъ дѣлѣ этотъ признакъ далеко не всегда свидѣтельствуеъ о большей опасности преступника.

Всѣ остальные отдѣлы Уложенія заслуживаютъ такъ же одобренія, а въ томъ числѣ глава о преступленіяхъ по службѣ, но и въ этихъ главахъ слишкомъ много казуистичности и детальныхъ описаній мелкихъ проступковъ.

VI.

Оканчивая на этомъ бѣглый очеркъ уголовного Уложенія 1903 г. и оглядываясь назадъ, мы можемъ свести наиболѣ крупные недостатки кодекса къ слѣдующимъ: 1) отсутствіе единства и твердой руководящей идеи; 2) неполное проведеніе принциповъ и положеній, провозглашенныхъ однако какъ усвоенныхъ Уложеніемъ; 3) нерѣшительность и колебанія въ примѣненіи новыхъ правовыхъ воззрѣній, въ томъ числѣ и на цѣль наказанія; 4) недостаточное довѣріе къ суду; 5) вліяніе стараго Уложенія; 6) недостаточное удѣленіе значенію нравственнаго элемента и недовѣріе къ тому, что согласное со взглядами общества воспрещеніе уголовнымъ кодексомъ извѣстныхъ дѣйній, какъ позорящихъ, и при обложеніи ихъ незначительной карой можетъ служить дѣйствительной мѣрой превенціи, а въ связи съ этимъ исключеніе изъ кодекса такого наказанія, какъ публичный судебный выговоръ; 7) однообразный взглядъ на наказаніе, какъ на причиненіе страданія и въ связи съ этимъ недостаточное введеніе исправительнаго режима.

Но за всѣмъ тѣмъ въ новомъ уголовномъ Уложеніи столько дѣйствительныхъ качествъ, указанныхъ нами выше, не говоря уже о техническомъ его совершенствѣ, и оно настолько выше прежняго Уложенія, что мы повторимъ уже сказанное нами о желательности скорѣйшаго введенія его въ дѣйствіе.

Будемъ также надѣяться, что имѣющіе дополнить Уложеніе разрабатываемые комиссіей 13-го мая 1903 г. новые институты уголовного права, какъ-то: условное осужденіе, условное досрочное освобожденіе и другіе, придадутъ нашему уголовному кодексу недостающую ему послѣдовательность въ преслѣдованіи разумной и единственно доступной цѣли уголовной репрессіи, — уменьшенія преступности, и при томъ мѣрами возможно гуманными. Въ то же время пожелаемъ, чтобы государственною властью было признано необходимымъ увеличить въ потребныхъ размѣрахъ бюджетъ нашего тюремнаго вѣдомства въ видѣ экстраординарнаго расхода на коренное переустройство нашихъ пенитенціарныхъ учрежденій, находящихся въ настоящее время въ состояніи, нетерпимомъ въ благоустроенномъ государствѣ.

Н. Давыдовъ.

Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Государство и общество Римской имперіи.

V.

Среди главныхъ статей государственныхъ расходовъ имперіи едва ли не первое мѣсто занимали расходы на содержаніе арміи. О римской арміи намъ уже не разъ приходилось говорить въ той или иной связи, и намъ не много остается прибавить къ уже сказанному. Въ исторіи римскаго государства, какъ и въ исторіи другихъ государствъ, мы наблюдаемъ фактъ постепеннаго обособленія арміи отъ народа, съ которымъ на раннихъ ступеняхъ развитія общества она сливается, представляя собою вооруженный народъ, тѣхъ же гражданъ, но только исполняющихъ свою военную функцію, функцію самозащиты или нападенія. Въ римскомъ обществѣ такому обособленію арміи отъ народа способствовали многія причины, главнымъ образомъ частые и отдаленные походы, характеризующіе завоевательную политику римскаго государства, въ концѣ-концовъ объединившаго подъ своею властью все побережье Средиземнаго моря, весь тогдашній міръ (если позволено употребить общепринятое, хотя далеко не точное выраженіе). Мы уже указывали въ своемъ мѣстѣ, какія хозяйственныя и соціальныя послѣдствія влекли за собой эти походы, отрывая земледѣльцевъ отъ земли, отдавая на произволъ судьбы его хозяйство и постепенно превращая его самого въ профессиональнаго солдата, тѣснѣйшимъ образомъ связавшаго свои интересы съ интересами своего полководца и всегда готоваго идти за нимъ, куда бы онъ ни повелъ его, преслѣдуя какъ чисто военныя, такъ и чисто политическія цѣли. Образование арміи профессиональныхъ солдатъ являлось не только

послѣдствіемъ постоянныхъ войнъ, которая вела римская республика, но и все болѣе и болѣе становившимся необходимымъ условіемъ ихъ успѣшности: взятый отъ сохи римскій ополченецъ не могъ бы справиться съ сдѣлавшимъ войну своей профессіей и имѣвшимъ для этого тщательную техническую подготовку солдатомъ-наемникомъ эллинистическаго востока. И въ Римѣ военное дѣло должно было стать профессіей специально посвящавшихъ себя ему людей, свободныхъ отъ всякихъ другихъ занятій и имѣвшихъ возможность непрерывно имъ заниматься. А пока военное дѣло было натуральной государственной повинностью, лежавшей на всѣхъ римскихъ гражданахъ, имѣвшихъ матеріальную возможность нести ее (обеспечиваемую земельнымъ надѣломъ) и неспихъ ее, что касается каждаго отдѣльнаго гражданина, все же лишь спорадически, а потомъ возвращавшихся къ своимъ обычнымъ занятіямъ, о такой спеціализаціи не могло быть и рѣчи. Такимъ образомъ, военнотехническія требованія, предъявлявшіяся римской арміи съ расширеніемъ арены римскихъ завоеваній, шли вразрѣзъ съ ея исконной общей постановкой въ римской республикѣ, съ своей стороны уже шедшей въ разрѣзъ съ хозяйственными и общекультурными интересами основной массы гражданства. Это коренное противорѣчіе должно было возможно скорѣе разрѣшиться, и этотъ гордіевъ узелъ былъ чрезвычайно просто развязанъ Маріемъ съ помощью на первый взглядъ весьма незначительнаго нововведенія. Мы уже имѣли случай упоминать о немъ. Мы разумѣемъ введенную Маріемъ обязательность военной повинности и для пролетаріевъ. Къ этой мѣрѣ прибѣгали и въ прежнія времена, но лишь въ критическіе моменты, въ видѣ исключенія. Марій исключеніе превратилъ въ общее правило, и съ этихъ поръ основу римскаго войска стали составлять пролетаріи, и это сразу измѣнило всю постановку военного дѣла въ республикѣ и въ сравнительно скоромъ времени отразилось и на судьбахъ самой республики. Уже знакомый намъ процессъ хозяйственной и соціальной эволюціи, совершавшійся въ римскомъ обществѣ подъ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ римскихъ завоеваній въ направленіи къ обезземеленію основной, земледѣльческой массы населенія и образованію крупнаго, латифундіальнаго землевладѣнія, уже успѣлъ къ эпохѣ Марія далеко не одинъ десятокъ тысячъ крестьянъ-собственниковъ превратить въ пролетаріевъ, добывавшихъ себѣ скудное пропитаніе поденной работой въ экономіяхъ сосѣднихъ помѣщиковъ,—поскольку эти послѣдніе нуждались въ свободномъ трудѣ, располагая въ это время гораздо болѣе удобными и дешевыми рабскими руками,—или совсѣмъ порывавшихъ съ деревней и отправлявшихся на легкіе, а то и вовсе

даровые хлѣба въ столицу съ ея комиціями и ожесточенной борьбой партій, съ ея подкупами избирателей и законодателей, съ ея *panis et circenses*. Если крестьянина-собственника военная служба лишь разоряла, то для пролетарія она была настоящей находкой, и, сдѣлавъ ее обязательной для всѣхъ римскихъ гражданъ, Марій открылъ къ ней доступъ какъ разъ тѣмъ, для кого она представляла собою самую привлекательную карьеру. И пролетаріи массами устремились въ армію, предлагая свои услуги вербовщикамъ въ качествѣ добровольцевъ, такъ что къ принудительному набору правительству республики приходилось прибѣгать лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Для пролетарія продолжительное пребываніе въ войскѣ не только не было губительнымъ въ экономическомъ смыслѣ, какимъ оно являлось для крестьянина-собственника (оставленнаго теперь въ резервѣ на случай крайности), но лишь упрочивало его матеріальное положеніе, обезпечивая ему на много лѣтъ и правильное жалованье, и далеко не рѣдкую добычу. Естественно, что войско, составленное изъ такого соціальнаго матеріала, могло сравнительно легко превратиться въ дисциплинированное, хорошо обученное, усвоившее всѣ техническія усовершенствованія постоянное войско. Было одно препятствіе, чтобы это вполнѣ стало совершившимся фактомъ: республиканскій режимъ, требовавшій быстрой смѣны командовавшихъ арміей магистратовъ. Правда, въ послѣдній вѣкъ республики этотъ принципъ очень часто нарушался, и такіе полководцы, какъ Марій, Сулла, Помпей и Цезарь, помногу лѣтъ подрядъ командовали одними и тѣми же войсками. Но это уже былъ переходъ къ монархіи, который вскорѣ и совершился въ значительной мѣрѣ не безъ содѣйствія фактически ставшаго постояннымъ войска. Монархія получила полную возможность создать настоящую постоянную армію. Императоръ былъ главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ государства. Ему уже не нужно было, подобно настоящему республиканскому магистрату, распускать войско по окончаніи срока его полномочій и предоставлять другому, столь же кратковременному, магистрату набирать новое войско. Если императоръ и былъ магистратомъ республики, то во всякомъ случаѣ его полномочія были пожизненны и въ томъ числѣ право командовать лично ему присягнувшей арміей. У него же было больше возможности внести порядокъ и систему и въ дѣло обезпеченія ветерановъ, въ республиканскую эпоху поставленное въ полную зависимость отъ тѣхъ или иныхъ политическихъ комбинацій, опредѣлявшихъ силу и вліяніе того или иного полководца, да и по существу нельзя сказать, чтобы удовлетворительно организованное. Едва ли не каждый полководецъ послѣдняго вѣка республики, рас-

пуская послѣ похода свое войско, добивался отъ правительства того, чтобы его солдаты были надѣлены землей; и это едва ли не каждому изъ нихъ удавалось. А въ результатѣ— республика растратила такимъ путемъ весь свой земельный фондъ, свои домены (*ager publicus*) и изъ хорошихъ, еще годныхъ къ службѣ солдатъ, создала весьма плохихъ земледѣльцевъ, очень скоро запутывавшихся въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ и нерѣдко становившихся жертвой энергично округлявшихъ свои владѣнія сосѣдей. Уже Августъ дѣятельно принялся за реорганизацію арміи. Онъ установилъ весьма большой срокъ для службы солдата и этимъ обезпечилъ арміи опытныхъ, хорошо дисциплинированныхъ, прекрасно обученныхъ воиновъ. Кончая срокъ своей службы, солдатъ не сразу получалъ земельный надѣлъ и средства для обзаведенія; онъ получалъ лишь право на это, и ему приходилось еще долго ждать, пока императоръ соблаговолитъ дать ему отставку, и онъ получить слѣдующее ему матеріальное обезпеченіе. До Августа подданные римскаго народа, жители покоренныхъ областей, провинцій, не несли военной повинности: ихъ положеніе, какъ завоеванныхъ, не давало имъ права на несеніе такой почетной повинности. Нельзя сказать, чтобы въ республиканскую эпоху римскую военную силу составляли одни римскіе граждане: на ряду съ *легионами* изъ римскихъ гражданъ (отъ 4.000 до 6.000 чел. въ каждомъ) стояли вспомогательные отряды (*alae*) изъ гражданъ союзныхъ съ Римомъ общинъ (такого же численнаго состава каждый), и обыкновенно консулъ командовалъ двумя легионами и двумя *алае*; но когда въ 89 году (до Р. Х.) всѣ италики получили права римскаго гражданства, составъ римской арміи сталъ однообразнымъ, военная повинность легла всею тяжестью на римскихъ гражданъ, на жителей Италіи, вовсе не касаясь милліоновъ провинціального населенія. Имперія, призванная постепенно заровнять пропасть, лежавшую между римскими гражданами и провинціалами, и всѣхъ ихъ подчинить общему для всѣхъ государственному порядку, должна была въ той или иной мѣрѣ привлечь къ несенію военной повинности и провинціаловъ. И Августъ сдѣлалъ это, и при немъ римское войско было усилено провинціальными элементами: каждый *легионъ* (состоявшій въ общемъ изъ 5.000—6.000 человекъ) былъ соединенъ съ *вспомогательнымъ отрядомъ* изъ провинціаловъ, состоявшимъ, самое большее, изъ 1.000, а обыкновенно изъ 500 человекъ. Въ то время, какъ легионы пополнялись путемъ вербовки добровольцевъ, для составленія вспомогательныхъ отрядовъ прибѣгали къ принудительному набору. Жалованье солдатъ изъ вспомогательныхъ отрядовъ было меньше жалованья легионеровъ, служба едва ли

не длиннѣе; вообще ихъ положеніе было ниже положенія легіонеровъ. По выходѣ въ отставку они получали права римскаго гражданства, но матеріальнаго обезпеченія не получали. Что касается привилегированной, составленной изъ римскихъ гражданъ части арміи, то, кромѣ легіонеровъ, она состояла изъ гвардіи преторіанцевъ и изъ такъ называемыхъ «когорть добровольцевъ». Въ *гвардію преторіанцевъ* принимали лишь жителей Рима и близлежащихъ мѣстъ (Лаціума, Этруріи, Умбріи) или изъ древнѣйшихъ колоній римскихъ гражданъ; состояла она большую часть императорской эпохи изъ 10 *когорть* въ 1.000 чел. каждая. Въ *легіоны* брали жителей остальной Италіи; число легіоновъ колебалось между 20 и 30; каждый легіонъ состоялъ изъ 10 когорть, заключавшихъ по 6 центурій (сотенъ) каждая. Что касается такъ назыв. *когорть добровольцевъ*, то онѣ составлялись изъ римскихъ гражданъ, жившихъ въ провинціяхъ, и изъ вольноотпущенниковъ; число этихъ когорть при династіи Августа было, самое меньшее, 32. Преторіанецъ долженъ былъ служить 16 лѣтъ и получалъ двойное жалованье, легіонеръ—20 лѣтъ (иногда и 40), а солдатъ изъ когорты добровольцевъ самое меньшее—25 лѣтъ; столько же, какъ и этотъ послѣдній, долженъ былъ служить и солдатъ изъ вспомогательныхъ отрядовъ. Въ общемъ до Діоклетіана число солдатъ изъ гражданъ едва ли достигало 180.000 чел., а все войско имперіи равнялось 300—350 тысячъ чел.

Съ теченіемъ времени составъ римскаго войска сталъ подвергаться измѣненіямъ. Уже при Августѣ сталъ давать себя знать развивавшійся въ римскомъ обществѣ въ Италіи упадокъ военнаго духа. Чѣмъ дальше, тѣмъ число римскихъ гражданъ, желавшихъ посвятить себя военной службѣ, становилось все меньше и меньше. Правительству пришлось считаться съ этимъ фактомъ и сравнительно скоро пришлось оставить установленный Августомъ принципъ комплектованія войска. Уже при Клавдіи въ гвардію преторіанцевъ начинаютъ принимать не однихъ жителей Рима и близлежащихъ округовъ, но гражданъ изъ всѣхъ мѣстностей Италіи, въ легіоны—провинціальныхъ гражданъ, которые съ Траяна начинаютъ составлять въ нихъ большинство (а скоро и вовсе вытѣсняють изъ нихъ италиковъ), а въ когорты добровольцевъ—провинціаловъ-подданныхъ; италиковъ едва хватаетъ для гвардіи, а вскорѣ ихъ не хватаетъ и для гвардіи, и уже при Адрианѣ среди преторіанцевъ много провинціальныхъ гражданъ. При Антонинѣ Піѣ въ легіоны стали принимать всѣхъ провинціаловъ, какъ бывшихъ римскими гражданами, такъ и просто подданныхъ. Съ этихъ поръ легіоны стали составляться изъ жителей тѣхъ мѣстностей, гдѣ они стояли, безотносительно къ ихъ правовому положенію, и

когда-то столь рѣзкая разница между легионами и вспомогательными отрядами заключалась теперь лишь въ томъ, что вступающій въ легионъ провинціалъ, если онъ не былъ римскимъ гражданиномъ, немедленно же при вступленіи получалъ права римскаго гражданства, а провинціалъ, служившій въ вспомогательныхъ отрядахъ, становился римскимъ гражданиномъ лишь при выходѣ въ отставку. Эдиктъ Каракаллы (212 г.), даровавшій права римскихъ гражданъ всѣмъ свободнымъ людямъ имперіи, стеръ и это различіе. Провинціализація римской арміи и въ особенности ея локализація могла съ своей стороны способствовать развитію въ ней провинціальнаго партикуляризма, сыгравшаго, какъ извѣстно, не маловажную роль во время смутъ, наполняющихъ третье столѣтіе, когда шла почти непрерывная ожесточенная борьба между многочисленными императорами, одновременно провозглашавшимися въ разныхъ частяхъ имперіи мѣстными легионами. Провинціализація арміи шла параллельно съ ея варваризаціей. Сначала въ армію начинаютъ проникать азіаты и африканцы. Септимій Северъ даже гвардію преторіанцевъ наполнилъ иллирійцами, африканцами, сирійцами, видя въ этихъ варварахъ болѣе надежныхъ охранителей перерождавшейся въ азіатскій деспотизмъ императорской власти, чѣмъ въ прирожденныхъ римскихъ гражданахъ, какъ ни далеки были и эти послѣдніе отъ традицій уже давно отошедшей въ прошлое республиканской свободы; онъ даже вовсе исключилъ италикъ изъ преторіанскихъ когортъ. За полуварварами и настоящими варварами далекихъ провинцій послѣдовали германскіе варвары, постепенно проникавшіе на римскую территорию и все въ большемъ и большемъ количествѣ вступающіе на римскую военную службу въ видѣ ли отдѣльныхъ лицъ, или цѣлыми племенными группами, и на римской службѣ продолжавшими жить по своимъ національнымъ обычаямъ. Намъ еще придется подробно изучать римско-германскія отношенія и, въ частности, слѣдить за процессомъ постепенной германизаціи римской военной силы, и здѣсь мы можемъ ограничиться лишь общимъ указаніемъ на то, что поступаая на римскую службу цѣлыми племенными группами, германцы устраивались тамъ или какъ *федераты* (*federati*, т.-е. союзники), т.-е. заключали съ римскимъ правительствомъ договоръ какъ равный съ равнымъ, обязываясь поставлять ему извѣстное число солдатъ, или какъ *дeditити* (т.-е. подчинившіеся); въ этомъ послѣднемъ случаѣ ихъ обыкновенно переселяли на римскую территорию, давали имъ землю, обыкновенно на границахъ имперіи, и въ случаѣ надобности брали изъ нихъ солдатъ, которые и должны были защищать границы отъ нападений другихъ варваровъ; этихъ такимъ образомъ

устроенныхъ на римской почвѣ варваровъ различали какъ *латовъ* (*laeti*) и *gentiles*, при чемъ лѣтами называли обыкновенно поселенцевъ изъ ближайшихъ сосѣдей Рима по Рейну, а *gentiles*—поселенцевъ разныхъ другихъ племенъ и націй. Нужно замѣтить, что еще раньше появленія латовъ и *gentiles* на такихъ же началахъ организована была защита границъ съ помощью коренного населенія имперіи: уже Септимій Северъ, а потомъ Александръ Северъ выдавали солдатамъ земельные участки на границахъ и, освобождая эту землю отъ всякихъ налоговъ, обязывали получившихъ участки изъ поколѣнія въ поколѣніе нести пограничную службу. Это были такъ называемые *limitanei*, иначе *ripareses* (пограничныя, береговыя войска). Это уже былъ переходъ къ натуральной системѣ въ организаціи военныхъ силъ имперіи,—къ системѣ, къ которой, какъ мы видѣли, Діоклетіанъ уже окончательно перешелъ и въ виду этого реорганизовалъ и финансовую систему государства. Если пограничныя войска были прямо посажены на землю, которая и должна была обезпечивать имъ средства къ существованію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность нести пограничную службу (этимъ они напоминаютъ нашихъ казаковъ, въ особенности прежняго времени, когда ихъ главной обязанностью было охранять границы Россіи отъ сосѣднихъ враждебныхъ степныхъ и горныхъ племенъ), то внутренняя армія, болѣе многочисленная, содержалась, какъ мы уже знаемъ, на продукты, поставлявшіеся земледѣльческимъ и землевладѣльческимъ населеніемъ имперіи въ видѣ прямой поземельной подати (*capitatio terrena*) и хранившіеся въ спеціально для этого устроенныхъ магазинахъ. Число легионовъ этой внутренней арміи съ эпохой Діоклетіана и Константина было увеличено, но составъ каждаго легиона былъ уменьшенъ съ 5.000 до 2.000 и 1.000 человекъ, что было вызвано новыми условіями военнаго дѣла, необходимостью дѣйствовать болѣе подвижными отрядами противъ врага, нападавшаго небольшими и быстро удалявшимися бандами; это же обстоятельство выдвинуло на видное мѣсто кавалерію, до сихъ поръ совершенно ступевывавшуюся передъ основной массой пѣшихъ легионеровъ. Названіемъ для внутренней арміи было теперь *palatini*, *comitatenses* и *pseudo-comitatenses*, очень характерное названіе, съ своей стороны весьма выразительно подчеркивающее общій характеръ тогдашней государственности, настолько отождествившейся уже съ личностью монарха, что войска, предназначенныя для внѣшней охраны государства, уже именовались дворцовыми войсками (*palatini*) и царской дружиной (*comitatenses*); при этомъ нужно замѣтить, что здѣсь рѣчь идетъ вовсе не объ императорской гвардіи; гвардія существовала отдѣльно; это

были смѣнившіе прежнихъ преторіанцевъ такъ называемые *scolares, domestici, protectores*, находившіеся подъ командой министра внутреннихъ дѣлъ, уже знакомаго намъ *magister officiorum*. Намъ уже раньше приходилось упоминать о томъ, что командовали войсками въ каждой префектурѣ (послѣ отдѣленія военной власти отъ гражданской, окончательно совершившагося при Константинѣ) *vir illuster magister peditum* и *vir illuster magister equitum* (впослѣдствіи *magister utriusque militiae*), а въ каждой отдѣльной провинціи—*dux* (носившій титулъ *spectabilis* и *comes*), и что каждый изъ этихъ военныхъ сановниковъ зависѣлъ, что касается продовольствованія войска и снабженія его одеждой, отъ гражданского сановника соотвѣтствующаго округа (префекта и губернатора).

Намъ еще придется вести рѣчь о римской арміи въ другой связи и разсматривать тѣ политическія и общекультурныя послѣдствія, къ которымъ привела дѣлавшая огромные успѣхи варваризація ея, отдававшая военную силу и власть надъ постепенно утрачившимъ военный духъ и интересъ къ военному дѣлу населеніемъ имперіи въ руки германскихъ наемниковъ и ихъ вождей.

VI.

Были ли у римскаго общества какія-нибудь гарантіи противъ произвола агентовъ неограниченнаго правительства, противъ представителей центральной и мѣстной администраціи? Въ сущности, какъ это можно было видѣть изъ предшествующаго изложенія, настоящихъ гарантій римское общество не имѣло, и это отражалось на немъ крайне тяжело, отъ этого страдали его самыя основныя интересы: въ сущности и жизнь, и имущество подданнаго римскаго императора, не говоря уже о его личной свободѣ, всегда находились въ опасности отъ посягательствъ со стороны носителей правительственной власти и всѣхъ тѣхъ, кто по какимъ-либо причинамъ пользовался ихъ поддержкой. Иначе и быть не могло, разъ общество лишено было права серьезнымъ образомъ контролировать дѣятельность исполнителей вѣдѣній высшей власти и было поставлено въ совершенно пассивное положеніе въ отношеніи къ самой этой власти. Сама власть между тѣмъ сознавала необходимость хоть нѣкотораго общественнаго контроля надъ мѣстной администраціей и принуждена была допустить существованіе общественнаго учрежденія, которое хоть въ скромныхъ размѣрахъ исполняло эту функцію. Мы имѣемъ въ виду *провинціальныя собранія* и отправлявшіяся ими къ императору депутаціи. Конечно, о сколько-нибудь самостоятельной политической роли этого учрежденія, о его серьез-

номъ политическомъ значеніи не приходится говорить послѣ того, что мы уже знаемъ объ общей постановкѣ государства въ Римской имперіи. Тѣмъ не менѣе нѣкоторое значеніе контрольнаго органа оно все же имѣло.

Учрежденіе, о которомъ мы говоримъ, возникло въ тѣснѣйшей связи съ императорскимъ культомъ, быстро распространившимся по провинціямъ съ момента утвержденія принципата. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія дошли до насъ о провинціальныхъ собраніяхъ въ Галліи, въ частности, о собраніяхъ, происходившихъ возлѣ Ліона и состоявшихъ изъ депутатовъ отъ городскихъ общинъ трехъ провинцій Галліи, именно: Ліонской провинціи, Аквитаніи и Бельгіи. Здѣсь въ концѣ I вѣка до Р. Хр. былъ сооруженъ великолѣпный храмъ въ честь Августа, и ежегодно къ первому числу посвященнаго Августу мѣсяца съѣзжались сюда названные депутаты на торжественный праздникъ въ честь сопричисленнаго къ сонму боговъ императора и богини Ромы. Жертвоприношенія, процессіи, игры, сценическія представленія и литературныя состязанія составляли содержаніе этого праздника. Все это требовало не малыхъ издержекъ, которыя и покрывались изъ спеціальной кассы (такъ называемой *arca Galliarum*), пополнявшейся взносами отдѣльныхъ городскихъ общинъ, а также и частными пожертвованіями и находившейся въ задѣдываніи трехъ выборныхъ должностныхъ лицъ (одно изъ нихъ носило названіе судьи, *judex*, слѣдовательно, имѣло и судебную власть, разбирало возникавшіе на этой почвѣ споры; другое было его помощникомъ, *allectus*, а третье именовалось слѣдователемъ, *inquisitor*, и было надѣлено полномочіями, въ точности намъ не извѣстными). Собраніе вообще могло владѣть всякаго рода имуществомъ, являясь въ глазахъ права юридическимъ лицомъ, и у него была всякаго рода недвижимость, а также собственные рабы и вольноотпущенники. Предсѣдателемъ своимъ собраніе избирало завѣдывавшаго императорскимъ культомъ въ трехъ галльскихъ провинціяхъ *жреца* (*sacerdos*, въ другихъ провинціяхъ *flamen*). Жрецъ избирался собраніемъ на годъ изъ лицъ, особенно уважаемыхъ и прошедшихъ уже всю лѣстницу муниципальныхъ должностей. Подъ его предсѣдательствомъ собраніе занималось не одними дѣлами культа. Съѣхавшіеся изъ разныхъ городскихъ общинъ трехъ галльскихъ провинцій депутаты совѣщались о своихъ общихъ дѣлахъ и нуждахъ и въ результатѣ этихъ совѣщаній не рѣдко составляли общую петицію и отправляли ее черезъ спеціально для этого избранныхъ лицъ къ императору. Матеріаломъ для петиціи являлись жалобы, пожеланія и просьбы, которыя привозили отъ своихъ избирателей депутаты отдѣльныхъ городскихъ общинъ. Не

мало мѣста въ этой петиціи занимали жалобы на губернаторовъ провинцій и вообще на представителей мѣстной администраціи. И нужно сказать, что даже самые деспотическіе императоры внимательно относились къ этимъ петиціямъ и къ этимъ жалобамъ и нерѣдко давали ходъ судебному преслѣдованію, начатому собраніемъ противъ губернатора (начинать его можно было уже по выходѣ губернатора въ отставку, равно какъ и дѣлать почетныя для хорошо зарекомендовавшаго себя губернатора постановленія, что тоже входило въ кругъ дѣятельности собранія), и дѣло могло кончиться для губернатора иногда весьма серьезно, до удаленія на какой-нибудь уединенный и пустынный островъ включительно. Такимъ образомъ провинціальныя собранія и отправлявшіяся ими къ императору депутаціи являлись въ извѣстной мѣрѣ органами, черезъ которые центральное правительство могло узнавать о нуждахъ и желаніяхъ народа, а также о злоупотребленіяхъ своихъ агентовъ; при желаніи оно могло руководствоваться этими данными и принимать соотвѣтствующія мѣры. Возникнувъ на чисто монархической почвѣ, для возвеличенія и религіознаго освященія монархическаго принципа, провинціальныя собранія, ни на минуту не сходя съ своего пути, мало-по-малу превратились въ нѣкоторый по крайней мѣрѣ коррективъ неограниченной монархіи. Конечно, видѣть въ этихъ собраніяхъ политическую силу, представлявшую собою противовѣсъ самодержавному режиму, совершенно невозможно. Никакихъ политическихъ правъ провинціальныя собранія не имѣли, требовать они ничего не могли, и если всемогущему владыкѣ всего римскаго міра угодно было милостиво выслушать одновременно съ неумѣренно-пышной лестью преисполненнымъ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ робкія жалобы и почтительнѣйшія просьбы, благоговѣнно повергавшіяся къ стопамъ его уполномоченными провинціальными собраніями, то на то была его добрая, самодержавная и священная воля. Въ сущности императоры видѣли въ этихъ собраніяхъ и въ ихъ петиціяхъ лишь одно изъ средствъ для собственнаго контроля надъ представителями провинціальной администраціи, которымъ они вообще не довѣряли, подозрѣвая у нихъ враждебныя имъ, честолюбивыя цѣли. Провинціальныя собранія Римской имперіи не были и не стали органами провинціального самоуправленія, какъ не стали они и основой политическаго представительства. Даже въ послѣднія десятилѣтія своего существованія, уже фактически безсильная, уже поверженная въ прахъ грубой пятой всемогущихъ начальниковъ служившихъ имперіи варварскихъ войскъ, власть римскаго императора юридически попрежнему оставалась не менѣе неограниченной, чѣмъ

во времена Диоклетіана и Константина, и имперская бюрократія попрежнему безраздѣльно царила и въ центрѣ, и въ областяхъ, все еще находясь внѣ всякаго правомѣрнаго контроля со стороны болѣе прежняго безправнаго и безмѣрно угнетеннаго народа.

VII.

Намъ уже не разъ приходилось указывать на то, что политическая организація Римской имперіи представляла собою колоссальную надстройку надъ необозримымъ количествомъ самоуправлявшихся городскихъ общинъ, обозначаемыхъ обыкновенно общимъ названіемъ *муниципиевъ* (*municipium*). И въ организаціи своихъ административныхъ органовъ, и въ своей фискальной организаціи правительство, какъ мы видѣли, никогда не упускало изъ вида существованія общественнаго самоуправления въ этой дробной формѣ городскихъ общинъ; напротивъ, оно его предполагало и не рѣдко дѣлало базисомъ своихъ мѣропріятій. Въ нашу задачу не входитъ изучать процессъ возникновенія муниципальнаго строя на всемъ протяженіи имперіи, слѣдить за тѣмъ, какъ эта форма общественнаго существованія постепенно распространялась по всему римскому міру, ассимилируя себѣ самый разнообразный политическій матеріалъ постепенно вступавшихъ подъ власть Рима государствъ и народовъ, для однихъ являясь исконной формой ихъ собственной жизни (многія италійскія общины и когда-то самостоятельные города-государства греческаго востока), для другихъ — нововведеніемъ, властною рукою укладывавшимъ въ совершенно новыя рамки до тѣхъ поръ въ иныхъ формахъ и по иному пути двигавшійся ихъ общественный процессъ. Мы будемъ отправляться въ нашемъ изученіи муниципальнаго строя Римской имперіи отъ уже сложившагося порядка, который мы и постараемся предварительно охарактеризовать типическими чертами, и затѣмъ остановимъ вниманіе читателя на тѣхъ перемѣнахъ, которымъ этотъ общій для всей имперіи порядокъ съ теченіемъ времени сталъ подвергаться подъ влияніемъ главнымъ образомъ все болѣе и болѣе развивавшейся и осложнявшейся римской государственности и ея непомерно возраставшихъ фискальныхъ требованій, въ концѣ-концовъ совершенно истощившихъ жизненныя силы когда-то полныхъ жизни и энергіи общественныхъ организмовъ и приведшихъ ихъ къ полному перерожденію и упадку.

Каждая провинція Римской имперіи представляла собою совокупность городскихъ общинъ, обозначавшихся весьма выразительными и очень характерными терминами—*civitas* и *respublica*. Эти

городскія общины сохраняли всѣ основныя черты городскихъ государствъ, гражданскихъ общинъ, республикъ, какими ихъ зналъ греко-италійскій міръ въ классическую пору ихъ процвѣтанія. Нужно твердо помнить, что подъ городской общиной, муниципіемъ Римской имперіи, слѣдуетъ разумѣть не только городъ, но и весь тотъ округъ, въ центрѣ котораго этотъ городъ стоялъ, что, говоря о муниципальномъ самоуправленіи Римской имперіи, мы не должны понимать подъ нимъ чего-либо въ родѣ городского самоуправления современной Европы, потому что въ системѣ римскаго муниципального самоуправления городъ игралъ роль лишь центрального пункта, въ которомъ сосредоточивалась общественная жизнь всего городского округа, и главными дѣятелями въ жизни муниципія являлись землевладѣльцы даннаго городского округа, *possessores*. Если брать термины для сравненія изъ русской дѣйствительности, то можно сказать, что муниципальный строй Римской имперіи напоминаетъ не наше городское самоуправленіе, но наше земство (въ какой мѣрѣ, это вопросъ иной). Въ городскомъ центрѣ сосредоточивалась общественная жизнь муниципальнаго округа; но нельзя сказать, чтобы только здѣсь она и проявлялась: территория округа дѣлилась на болѣе мелкіе округа, на такъ называемые *pagi* и *vici*, которые жили своей собственной мѣстной жизнью, правда, болѣе узкой, но тоже организованной на началахъ самоуправления, выбирали своихъ должностныхъ лицъ (такъ назыв. *magistri*), издавали обязательныя постановленія, избирали жрецовъ для завѣдыванія мѣстнымъ культомъ, имѣли свои общинныя земли и всякое другое общинное имущество и т. п.; мы не имѣемъ, правда, сколько-нибудь обстоятельныхъ и точныхъ свѣдѣній объ этой болѣе мелкой общественной организаціи и, въ частности, не знаемъ, въ какого рода отношеніяхъ стояла она къ центральной организаціи муниципія; но и то, что мы знаемъ о ней, все-таки позволяетъ намъ догадываться объ ея общемъ характерѣ, вполне гармонирующемъ съ общимъ тономъ римскаго муниципального самоуправления (мы, конечно, имѣемъ въ виду эпоху его цвѣтущаго состоянія, когда оно еще не стало жертвой фиска и объектомъ безконечнаго ряда бюрократическихъ воздѣйствій).

Какъ и въ суверенныхъ городахъ-государствахъ болѣе ранней эпохи, и въ муниципіяхъ Римской имперіи населеніе состояло изъ *гражданъ*, пользовавшихся всѣми политическими правами, т. е. участіемъ въ муниципальномъ самоуправленіи, и изъ не-гражданъ, *обывателей* (*incolae*) (это были обитавшіе на территоріи даннаго муниципія граждане другихъ муниципіевъ), которые или вовсе никакихъ политическихъ (въ указанномъ смыслѣ) правъ не имѣли,

или же пользовались ограниченнымъ правомъ голоса въ народномъ собраніи муниципія. Что же касается общинныхъ повинностей, то въ этомъ отношеніи между гражданами муниципія и его обывателями не существовало никакого различія. Въ муниципіяхъ, расположенныхъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ покоренными Римомъ дикими племенами, населеніе было пестрѣе, такъ какъ на ряду съ гражданами и обывателями здѣсь были еще и подданные, которыми и являлись эти дикіе народы, приписанные къ муниципію центральнымъ правительствомъ въ качествѣ подданныхъ муниципія, обязаннаго держать ихъ въ подчиненіи имперіи.

Какъ и въ Римѣ въ республиканскую эпоху и во всѣхъ городскихъ республикахъ древняго (да и новаго) міра, и въ муниципіяхъ Римской имперіи власть распредѣлялась между тремя органами: *народнымъ собраніемъ*, *сенатомъ* и *выборными магистратами*. Повидимому, болѣе или менѣе серьезную роль въ жизни муниципія народныя собранія играли лишь въ первые вѣка имперіи, и тогда въ нихъ принимали участіе всѣ граждане муниципія по достиженіи ими опредѣленнаго возраста и здѣсь тайной подачей голосовъ рѣшали всѣ важнѣйшіе вопросы внутренняго управленія, предлагавшіеся для ихъ рѣшенія созывавшими собраніе и предсѣдательствовавшими въ немъ высшими должностными лицами муниципія; здѣсь же они и выбирали всѣхъ должностныхъ лицъ муниципія; голоса въ собраніи подавались не отдѣльными лицами, но группами, носившими названіе курій или трибъ. Должностныя лица муниципія, какъ и въ Римѣ, избирались на годъ и представляли собою коллегіи, по два человѣка въ каждой. Высшее руководство дѣлами общины, высшая административная власть, судъ надъ гражданами и обывателями и подданными общины и распоряженіе ея матеріальными средствами принадлежали *дуовирамъ* (*duoviri* или *duumviri—jure dicundo*), которые соотвѣтствовали римскимъ консуламъ и подобно этимъ послѣднимъ носили особую тогу (*toga praetexta*) и тунику (*tunica lactealava*), ходили въ сопровожденіи ликторовъ (правда, только двоихъ), несшихъ связки прутьевъ (но безъ воткнутого въ нихъ топора) и возсѣдали на курульномъ креслѣ; всякаго рода юридическія сдѣлки (контракты, даренія, усыновленіе, отпускъ на волю рабовъ и т. п.) совершались въ ихъ присутствіи. Черезъ каждыя пять лѣтъ дуумвировъ надѣляли, въ придачу къ ихъ обычнымъ функціямъ, еще и цензорской властью, и тогда они производили цензъ, т.-е. пересматривали списки гражданъ муниципія и списокъ членовъ муниципальнаго совѣта, внося въ эти списки новыя имена и вычеркивая имена умершихъ или тѣхъ, кто по другимъ какимъ-либо причинамъ подлежалъ исключенію изъ

списковъ, и оцѣнивали въ цѣляхъ обложенія имущество всѣхъ постоянныхъ жителей муниципія, а также сдавали въ аренду на слѣдующія пять лѣтъ земли и другія доходныя статьи общины. Надѣлявшіеся такими чрезвычайными полномочіями дуумвиры получали названіе *пятилѣтнихъ* (*duoviri quinquennales*), и ихъ выбирали изъ числа тѣхъ, кто уже раньше былъ обыкновеннымъ дуумвиромъ. Полицейская власть въ муниципіи вручалась двумъ *эдиламъ*, въ обязанности которыхъ входила между прочимъ и забота о снабженіи города хлѣбомъ и регулированіе рыночныхъ цѣнъ, а также устройство игръ. Самыми низшими магистратами были два *квестора*, которые подъ высшимъ наблюденіемъ дуумвировъ завѣдывали муниципальными финансами. Муниципальная касса составлялась изъ доходовъ съ отдававшихся въ аренду принадлежавшихъ муниципію земель, изъ штрафовъ, налагавшихся дуумвирами и эдилами, обложенными судебной и полицейской властью, изъ доходовъ съ налоговъ и пошлинъ (напримѣръ, рыночныхъ пошлинъ, пошлинъ за проѣздъ черезъ мосты и дороги и т. п.), которыми съ разрѣшенія центрального правительства облагало жителей муниципія муниципальное управленіе, а также изъ всякаго рода частныхъ, добровольныхъ и мнимо-добровольныхъ пожертвованій, которыя въ большомъ количествѣ (въ особенности въ первое время, въ періодъ расцвѣта муниципальной жизни) стекались въ городскую казну. Средства эти шли на содержаніе въ исправности дорогъ, мостовыхъ, улицъ и общественныхъ зданій (театровъ, храмовъ, бань и т. п.), на покрытіе издержекъ общественнаго культа, на устройство игръ, на содержаніе школъ и ихъ учителей, на плату общиннымъ врачамъ и на всякаго рода иныя общественныя нужды какъ обычнаго, такъ и экстреннаго характера (посольства къ императору, почетныя награды оказавшимъ особыя услуги муниципію лицамъ и т. п.). Муниципальныя выборныя должности (дуумвиратъ, эдилитетъ и квестура), какъ и римскія магистратуры, были почетными должностями (*honores*) и не только были бесплатны, но требовали весьма большихъ тратъ отъ лицъ, которыхъ народъ почтилъ своимъ выборомъ. Новоизбранный магистратъ вносилъ въ муниципальную кассу весьма солидный почетный взносъ (*summa honoraria*), а также прямо раздавалъ народу не малое количество денегъ и устраивалъ для него на свой счетъ роскошныя игры; обыкновенно онъ давалъ еще и обѣщаніе украсить городъ какимъ-нибудь общественнымъ сооруженіемъ. Прибавимъ къ этому, что магистраты отвѣчали своимъ имуществомъ за всякіе пробѣлы въ финансовомъ хозяйствѣ муниципія, и что ихъ имущество являлось фондомъ, обезпечивавшимъ надлежащее употребленіе общинныхъ суммъ, проходившихъ черезъ ихъ

руки, и намъ станетъ понятнымъ, что муниципальное управленіе должно было находиться въ рукахъ богатыхъ людей, способныхъ къ подобнаго рода тратамъ. И дѣйствительно, самымъ малымъ имущественнымъ цензомъ, котораго законъ требовалъ отъ человѣка, выступавшаго кандидатомъ на самую низшую выборную муниципальную должность, было 100.000 сестерцій (около 10.000 рублей). Не рѣдки бывали случаи, что муниципальные магистраты истрачивали все свое состояніе на общественныя нужды своего роднаго города, и законъ предусматривалъ такіе случаи и требовалъ, чтобы лицамъ, разорившимся на общественной службѣ, назначалась пенсія ихъ согражданами.

По всѣмъ сколько-нибудь серьезнымъ вопросамъ, выходившимъ изъ круга повседневныхъ дѣлъ, муниципальные магистраты должны были совѣщаться съ членами *муниципальнаго сената, совѣта декуріоновъ*, иначе *куріи*. Мы уже упоминали о томъ, что черезъ каждыя пять лѣтъ дуумвиры въ качествѣ надѣленныхъ цензорскою властью *duumviri quinquennales* просматривали списки гражданъ муниципія, а также списокъ членовъ муниципальнаго сената. Въ этотъ послѣдній списокъ они вносили имена всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ занимали муниципальныя магистратуры. Основу муниципальнаго сената (*senatus, ordo decurionum, curia*) и составляли бывшіе муниципальные магистраты, которые, пожизненно засѣдая въ сенатѣ, могли, слѣдовательно, дѣлиться своимъ опытомъ съ своими преемниками и этимъ въ извѣстной мѣрѣ пополнять пробѣлы въ направленіи и веденіи общественныхъ дѣлъ, неизбежно связанные съ краткосрочностью выборныхъ магистратуръ, и сообщить сенату роль вѣрнаго оплота муниципальных традицій и надежнаго хранителя добрыхъ нравовъ; и не удивительно, что сравнительно скоро сенатъ сталъ настоящимъ центромъ муниципальнаго управленія, а ежегодно смѣнявшіеся магистраты превратились лишь въ его исполнительные органы. Если бывшихъ магистратовъ не хватало для заполнения списка сенаторовъ до обычной нормы—обыкновенно муниципальный сенатъ состоялъ изъ *ста* декуріоновъ—*duumviri quinquennales* заносили въ списокъ и имена гражданъ, не несшихъ еще выборныхъ должностей, но удовлетворявшихъ требованіямъ необходимаго для занятія этихъ должностей имущественнаго ценза. Какъ и новоизбранные магистраты, и вновь назначенные муниципальные сенаторы вносили въ муниципальную кассу весьма крупныя почетныя взносы. Имена членовъ сената вырѣзывались на бронзовой доскѣ, которая и называлась *album* (*curiae*). Въ списокѣ этомъ имена декуріоновъ стояли въ строго опредѣленномъ порядкѣ: открывался списокъ именами

бывших квинквенналовъ (*duoviri quinquennales*), за ними непосредственно слѣдовали бывшіе обыкновенные дуумвиры, затѣмъ шли бывшіе эдилы, потомъ бывшіе квесторы и уже за ними слѣдовали имена сенаторовъ, не занимавшихъ муниципальных должностей. Въ этомъ же порядкѣ предсѣдательствовавшій въ сенатѣ дуовиръ спрашивалъ мнѣніе присутствовавшихъ здѣсь декуріоновъ по всѣмъ подлежащимъ обсужденію и рѣшенію куріи вопросамъ, и это вело къ тому, что дебаты сразу же принимали направление, какое имъ давали раньше другихъ высказанныя мнѣнія самыхъ опытныхъ и авторитетныхъ членовъ куріи, и обсуждавшійся въ куріи вопросъ получалъ всѣ шансы быть рѣшеннымъ возможно болѣе удовлетворительнымъ образомъ.

Муниципальный совѣтъ въ полномъ его составѣ былъ слишкомъ громоздкимъ механизмомъ, чтобы съ успѣхомъ исполнять скоро окончательно перешедшую къ нему роль центрального органа мѣстнаго самоуправления. И вотъ изъ состава совѣта постепенно выдѣляется небольшая группа въ видѣ его постоянной комиссіи, такъ называемые *decemprimi*, названные такъ потому, что имена ихъ занимали первыя десять мѣстъ въ спискѣ сенаторовъ (*album curiae*); это были, слѣдовательно, самые вліятельные члены куріи (въ большинствѣ бывшіе *duoviri quinquennales* и просто *duoviri*) и самые вліятельные граждане муниципія. Комиссія эта являлась постояннымъ совѣтомъ при магистратахъ, и ея компетентными указаніями они могли и даже должны были пользоваться (рѣшеніе большинства комиссіи было для нихъ обязательно) во всѣхъ вопросахъ муниципального хозяйства (обложеніе, взиманіе налоговъ, сдача въ аренду муниципальных земель и другихъ доходныхъ статей, расходование денегъ и т. п.). И центральному правительству и его мѣстнымъ агентамъ удобнѣе было сноситься и вообще имѣть дѣло съ этой небольшой, но чрезвычайно вліятельной группой, чѣмъ со всей куріей, и оно само постаралось вызвать къ жизни этотъ институтъ *decemprimi* даже тамъ, гдѣ онъ являлся совершеннѣйшей новостью, не имѣя никакихъ корней въ прошломъ (напримѣръ, въ большинствѣ городовъ греческаго востока) и возложило на *decemprimi* отвѣтственность за исправное поступленіе слѣдующихъ ему съ населенія муниципія денежныхъ податей (*tributum*). Члены муниципального сената пользовались нѣкоторыми почетными отличіями въ родѣ права сидѣть на особыхъ почетныхъ мѣстахъ въ театрахъ, носить особое платье и особыя украшенія и т. п.

Изъ предшествующаго изложенія видно, что мѣстное самоуправленіе въ Римской имперіи опиралось на состоятельные элементы провинціального общества, которые и должны были играть въ немъ

главную роль, отбѣсняя на задній планъ массу населенія. Активное участіе въ муниципальной жизни требовало отъ человѣка слишкомъ много матеріальныхъ жертвъ, которыя были подъ силу лишь сравнительно богатымъ землевладѣльцамъ городского округа. Не удивительно, что сравнительно скоро въ каждомъ муниципіи изъ общей массы гражданъ выдѣлилась группа самыхъ богатыхъ и самыхъ вліятельныхъ людей, которая и правила муниципіемъ, выбирая изъ своей среды магистратовъ и составляя изъ своихъ членовъ муниципальный сенатъ; словомъ, здѣсь мало-по-малу возникъ правящій классъ, напоминающій римскій нобилитетъ республиканской эпохи. И нужно замѣтить, что въ эпоху процвѣтанія муниципального самоуправленія, когда центральное правительство еще не начало своего угнетающаго вмѣшательства въ мѣстную жизнь, эта правящая аристократія чрезвычайно горячо относилась къ интересамъ своего родного города (*civitas*) и не жалѣла собственныхъ средствъ для украшенія его роскошными постройками, вообще полезными сооруженіями (театрами, термами, статуями, портиками, водопроводами, рынками) и для пополненія городской кассы добровольными пожертвованіями на общественныя надобности. Муниципальная жизнь носила тогда еще очень интенсивный характеръ, и всѣ классы общества принимали въ ней живѣйшее участіе, дробясь на группы и партіи, ведшія между собою нерѣдко очень страстную, а подчасъ и шумную борьбу. Муниципальная жизнь сохраняла тогда еще свой политическій характеръ,—остатокъ отъ той тогда сравнительно еще недавней поры, когда многія муниципальныя общины были еще настоящими городскими государствами.

Стояло ли муниципальное самоуправленіе на высотѣ своей задачи? Современные изслѣдователи, повидимому, не склонны давать на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ. Они указываютъ, напримеръ, на то, что едва ли можетъ быть хорошимъ управленіе, персоналъ котораго мѣняется ежегодно, не имѣя такимъ образомъ никакой возможности хоть сколько-нибудь серьезно ознакомиться съ кругомъ дѣлъ и отношеній, которымъ онъ призванъ руководить, и что и постоянная сенатская комиссія изъ *decemviri* едва ли устраняла вполне этотъ основной дефектъ въ самой постановкѣ муниципальной магистратуры, такъ что фактическое веденіе муниципальных дѣлъ попадало въ концѣ-концовъ въ не особенно чистыя руки низшаго служебнаго персонала (такъ называемыхъ писцовъ, *scribae*), нерѣдко изъ городскихъ рабовъ, людей подолгу сидѣвшихъ на своихъ мѣстахъ и до тонкости знакомыхъ со всѣми мелочными деталями дѣлопроизводства, мало доступными и еще менѣе интересными для кратковременнаго обладателя правительственной власти, не отвѣт-

ственныхъ исполнителей высшихъ предписаній и совершенно чуждыхъ муниципальнаго патріотизма, воодушевлявшаго ихъ начальство. Въ результатѣ—отсутствіе сколько-нибудь правильной отчетности и продажность. Въ особенности тяжело долженъ былъ отзываться безпорядокъ въ управленіи на муниципальныхъ финансахъ. Муниципальное хозяйство велось какъ-то ужъ очень по-домашнему и съ значительнымъ забвеніемъ разницы между своимъ и чужимъ. Общественная мораль требовала, чтобы удостоенныя высокой чести выбора въ муниципальные магистраты лица тратили чуть ли не половину своего состоянія на угощеніе и на увеселеніе города и на украшеніе его роскошными постройками, и въ то же время закрывала глаза на то, что они не рѣдко для своихъ личныхъ надобностей совершенно свободно брали деньги изъ общественной кассы, и даже какъ будто признавала за ними нѣкоторое право на такой способъ возвращенія себѣ издержекъ, сопряженныхъ съ ихъ должностію. Не мало способствовало безпорядочности муниципальныхъ финансовъ и то, что непосредственное завѣдываніе ими поручалось самымъ младшимъ и самымъ неопытнымъ должностнымъ лицамъ муниципія, какими являлись квесторы. Въ результатѣ пожертвованныя городу капиталы дробились и тратились на текущія нужды вмѣсто того, чтобы получать то болѣе производительное назначеніе, которое имѣлъ въ виду ихъ жертвователь, а подаренныя городу земли или вовсе лежали впустѣ, или же подвергались самой нехозяйственной эксплуатаціи. Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одно чрезвычайно существенное обстоятельство, съ своей стороны не въ малой мѣрѣ вносившее хаосъ въ муниципальные финансы. Муниципальное хозяйство въ весьма большой мѣрѣ питалось частными добровольными пожертвованіями, на которыя такъ были щедры граждане муниципій въ эпоху расцвѣта муниципальной жизни. Какъ ни часты и щедры могли быть эти пожертвованія, но элементъ нерегулярности и случайности былъ присущъ имъ по самому ихъ существу. Естественно, что при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи и о ясномъ бюджетѣ и всякія случайности предусматривающей, точно рассчитанной финансовой политикѣ. Къ тому же, получая подарки, общины и сами были щедры на подарки частнымъ лицамъ, что тоже неблагопріятно отражалось на обычномъ финансовомъ положеніи муниципія. Отсюда—хроническая задолженность и ростовщическіе проценты кредиторамъ. Пока римской державой правили сенаторы и публиканы, имъ даже на руку было плохое хозяйничанье муниципальныхъ властей, такъ какъ оно открывало весьма широкое поле для помѣщенія ихъ огромныхъ капиталовъ: извѣстно вѣдь, что отдача денегъ займа провинціаль-

нымъ общинамъ за самыя неумѣренныя, законами республики рѣзко осуждаемыя проценты занимала весьма видное мѣсто въ хозяйственной дѣятельности вершителѣй судебъ римской республики и ничуть не шокировала даже самыхъ уважаемыхъ среди нихъ, вполне мирно уживаясь съ ихъ тонкими эстетическими вкусами и философскими исканіями какъ эпикурейскаго, такъ и сурово стоическаго характера, что, впрочемъ, представляло и представляетъ собою довольно обычное явленіе и не у однихъ римлянъ. Но когда республиканскій режимъ смѣнился монархическимъ, и стали все болѣе и болѣе развиваться фискальныя тенденціи императорскаго правительства, финансовая неурядица муниципальныхъ общинъ не могла не обратить на себя безпокойнаго вниманія центральной власти, которая, впрочемъ, на первыхъ по крайней мѣрѣ порахъ, повидимому, не чужда была и искренняго желанія облегчить затруднительное положеніе провинціаловъ. И вотъ начинается и постепенно дѣлается все болѣе и болѣе систематическимъ и мелочнымъ вмѣшательство центральнаго правительства имперіи и его агентовъ въ областяхъ во внутреннюю жизнь муниципіевъ, постепенно ограничивающее самостоятельность муниципальныхъ магистратовъ и сенатовъ и вводящее ихъ дѣятельность въ узкую колею повседневныхъ мелочей и въ концѣ-концовъ перестраивающее муниципальную жизнь на совсѣмъ иныхъ началахъ и тѣмъ наносящее ей смертельный ударъ.

Уже и во времена республики являлись иногда въ муниципіи намѣстники провинцій и производили ревизію городской отчетности. Но дѣлалось это, во-первыхъ, рѣдко и, во-вторыхъ, едва ли съ особенно большимъ вниманіемъ. Дѣло измѣнилось съ возникновеніемъ имперіи. Теперь ревизіи эти стали вестись часто и систематически какъ намѣстниками провинцій, такъ и специально для этого отправлявшимися императоромъ комиссарами. Императоры начинаютъ запрещать муниципіямъ дѣлать займы и безъ ихъ разрѣшенія вводить новые налоги и воздвигать на общинный счетъ новыя зданія. Запрещаются муниципіямъ пышныя, дорого стоящія посольства къ императорамъ для выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ. Всѣ эти мѣропріятія имѣли въ виду чисто фискальную цѣль: путемъ упорядоченія муниципальнаго хозяйства гарантировать правильное поступленіе въ имперскую казну слѣдуемыхъ съ муниципальныхъ округовъ податей. Но, какъ ни стѣсняли они свободы дѣйствій муниципальныхъ властей, все же они, повидимому, не вносили въ муниципальные финансы желаннаго порядка. И вотъ при императорѣ Траянѣ учреждается особая должность муниципальныхъ *кураторовъ* (*curator civitatis, curator reipublicae*), которымъ императоръ поручаетъ на болѣе или менѣе продолжительное время над-

зоръ надъ хозяйствомъ той или иной муниципіи. Сначала кураторовъ назначали лишь для надзора надъ общинами, болѣе другихъ нуждавшимися въ возможно скорѣйшемъ приведеніи въ равновѣсіе ихъ распатаннаго бюджета, и лишь на то время, которое окажется необходимымъ для достиженія этой цѣли. Но съ теченіемъ времени число кураторовъ увеличивалось, и должность ихъ становилась постоянной. Въ концѣ-концовъ не было уже муниципіи, у котораго не было бы своего куратора. Такимъ образомъ, муниципальное хозяйство было окончательно взято подъ бдительный контроль правительственнаго агента, безъ разрѣшенія котораго городъ не могъ предпринять ни одного сколько-нибудь серьезнаго шага. При тѣснѣйшей связи финансовъ со всѣми другими сторонами муниципального (какъ и всякаго другого) управленія не удивительно, что скоро кураторъ пріобрѣтаетъ большое вліяніе и на всѣ сферы муниципальной жизни и дѣлаетъ все большіе и большіе захваты въ областяхъ компетенціи муниципальных магистратовъ и совѣта, и это было для него тѣмъ легче, что кураторами назначали обыкновенно очень важныхъ и вліятельныхъ господъ, римскихъ сенаторовъ или всадниковъ, совершенно подавлявшихъ своимъ положеніемъ уже привыкшихъ раболѣпствовать муниципальных властей и отнимавшихъ у нихъ всякую возможность отстаивать передъ ними свою самостоятельность. Въ III вѣкѣ кураторовъ стали назначать изъ римскихъ сенаторовъ и всадниковъ, вышедшихъ изъ муниципальных декуріоновъ и жившихъ въ родномъ муниципіи. Это дѣлало контроль куратора еще болѣе дѣйствительнымъ: живя въ своемъ родномъ городѣ и обстоятельно знакомый съ деталями его финансоваго (и не только финансоваго) положенія, онъ имѣлъ больше возможности, чѣмъ кураторъ прежней поры, жившій далеко отъ порученнаго ему попеченію муниципіи, направлять каждый шагъ муниципальных властей и превращался въ настоящаго правителя общины, передъ которымъ выборные магистраты теряли всякое значеніе. Но скоро и кураторъ былъ поставленъ въ такое же положеніе, въ какое онъ поставилъ выборныхъ магистратовъ муниципіи. Случилось это при Діоклетіанѣ. Діоклетіанъ, какъ мы уже знаемъ, увеличилъ число провинцій путемъ дробленія ихъ на возможно болѣе мелкія части и въ то же время весьма значительно умножилъ провинціальный служебный персоналъ. Благодаря этому губернаторъ и его помощники получили возможность и безъ помощи куратора очень близко наблюдать за жизнью всѣхъ находившихся въ предѣлахъ его провинціи муниципальных общинъ, и значеніе куратора немедленно же пало, чему способствовало еще то весьма существенное обстоятельство, что Діоклетіанъ, какъ мы ви-

дѣли въ своемъ мѣстѣ, возложилъ отвѣтственность за правильное поступленіе введенной имъ главной подати (*capitatio terrena*) на всѣхъ декуріоновъ и тѣмъ устранилъ необходимость правительственнаго надзора за муниципальнымъ хозяйствомъ, которая, какъ мы знаемъ, и вызвала къ жизни институтъ кураторовъ. Правительство предоставило тогда самимъ общинамъ выбирать себѣ кураторовъ, но это уже окончательно довело должность куратора до полного ничтожества. Полнымъ хозяиномъ въ муниципіи остался губернаторъ провинціи, и муниципальные магистраты теряютъ всякую самостоятельность (насколько она еще осталась у нихъ) и превращаются въ послушныхъ исполнителей его воли. Если вначалѣ вмѣшательство центрального правительства въ муниципальное самоуправленіе имѣло въ виду устраненіе тѣхъ или иныхъ злоупотребленій, то теперь, когда агенты центральной власти стали полными распорядителями въ муниципіяхъ, злоупотребленія нигдѣ не находили уже противодѣйствія, произволь царилъ въ городахъ безконтрольно, и народная масса совсѣмъ была отдана въ жертву подерживавшимъ другъ друга сильнымъ людямъ. Тогда правительство нашло необходимымъ принять мѣры для охраны народа (*plebs urbana*) отъ притѣсненій сильныхъ людей (*potentiores*) и своихъ собственныхъ агентовъ, въ особенности фискальныхъ, и въ виду этого императоръ Валентиніанъ I учредилъ въ 364 году должность *дефенсора*, т.-е. защитника (*defensor plebis, defensor civitatis*). Какъ это было вначалѣ и съ кураторомъ, дефенсора назначалъ императоръ или префектъ соотвѣтствующей префектуры изъ видныхъ, чиновныхъ и вліятельныхъ людей, которые могли бы импонировать не только муниципальному населенію и его главарямъ, но и самому губернатору провинціи. Какъ въ свое время кураторъ, такъ теперь и дефенсоръ очень скоро расширилъ свою компетенцію далеко за предѣлы своей специальной функціи—защитать слабого отъ притѣсненій сильнаго и власть имущаго, сталъ во все вмѣшиваться и на все оказывать давленіе и въ концѣ-концовъ захватилъ въ свои руки все управленіе общиной и окончательно отгѣснилъ куратора на задній планъ (что, какъ мы видѣли, этотъ послѣдній сдѣлалъ въ свое время съ дуовирами и другими выборными магистратами). Расширивъ свои права, дефенсоръ умножилъ тѣмъ самымъ и свои обязанности, которыя не замедлила закрѣпить за нимъ центральная власть и тѣмъ сдѣлала должность дефенсора, ставшаго вникать во всѣ докучливыя мелочи мелкой муниципальной жизни, мало привлекательной и весьма отяготительной для представителей высшаго класса общества, передъ которыми были открыты гораздо болѣе заманчивыя служебныя перспективы, и они стали уклоняться отъ этой

должности; отяготительной сдѣлалась она и для среднихъ круговъ. Правительству пришлось превратить ее изъ пожизненной въ пятилѣтнюю, а затѣмъ сократить ея продолжительность и до двухъ лѣтъ. Значеніе ея все падало. Императоры сдѣлали попытку возродить ее и предоставили (съ Θεодосія I) самимъ общинамъ избирать себѣ дефенсоровъ, своихъ «защитниковъ», которые могли бы непосредственно сносятся съ главою государства и доводить до его свѣдѣнія объ утѣсненіяхъ и обидахъ, чинимыхъ беззащитному плебею (plebs urbana) сильными людьми и имперской бюрократіей, а также разбирать собственной властью судныя дѣла, возникавшія на этой почвѣ. Дефенсоръ сталъ, такимъ образомъ, какъ и въ свое время кураторъ, мѣстнымъ челоѡкомъ (его теперь избирали всѣ классы муниципальнаго общества изъ среды самыхъ уважаемыхъ и вліятельныхъ декуріоновъ, изъ такъ называемыхъ principes), и ему могли быть болѣе близки и дороги интересы муниципія, который былъ поставленъ подъ его защиту. Но реформа эта не оживила должности дефенсора и мало помогла муниципальному населенію. Она пришла слишкомъ поздно: процессъ перерожденія муниципальнаго строя и неуклонно шедшій по его стопамъ процессъ умиранія муниципальной жизни, развивавшіеся на почвѣ общихъ условій политической и соціальной эволюціи римскаго общества, сдѣлали уже къ этому времени слишкомъ большіе успѣхи. И дуовиры, и кураторъ, и дефенсоръ— всѣ эти три должности продолжали существовать въ каждой муниципальной общинѣ, отмѣчая собою три послѣдовательныя эпохи въ исторіи муниципальнаго строя и одинаково безсильныя удержать его отъ дальнѣйшаго разложенія. Если тѣмъ не менѣе муниципальный строй все же въ той или иной мѣрѣ сохранился на римской почвѣ (когда на ней началась уже новая жизнь и стала развиваться въ болѣе узкихъ формахъ, уже внѣ широкихъ рамокъ римской государственности, къ этому времени уже разложившейся), то не въ малой мѣрѣ произошло это благодаря поддержкѣ со стороны новой общественной силы, постепенно формировавшейся въ нѣдрахъ стараго общества и концентрировавшей въ себѣ его отливавшую отъ старыхъ формъ энергію, чтобы потомъ явиться единственной широко и прочно организованной силой, способной не только устоять среди бурь и непогодъ, которыми ознаменовалось послѣднее столѣтіе западной Римской имперіи, но и все болѣе и болѣе укрѣпляться и стать опорой новаго общественнаго и политическаго порядка, а также всего того, что еще сохранилось отъ прошлаго и не было обречено на немедленное исчезновеніе. Римской церкви удалось то, что не удалось римскому императору: удалось дать городамъ въ лицѣ

епископа настоящаго «защитника» (*defensor civitatis*), своимъ огромнымъ религіозно-моральнымъ авторитетомъ подавлявшаго всякую свѣтскую власть и способнаго оказывать дѣйствительную защиту слабому отъ посягательствъ сильнаго и власть имущаго, ограждать его отъ повсемѣстно царившаго безграничнаго произвола. Сначала фактически, а съ теченіемъ времени и въ силу права епископъ постепенно пріобрѣтаетъ вліяніе и власть въ предѣлахъ муниципія (совпадавшихъ съ предѣлами его епархіи) и становится во главѣ его въ качествѣ администратора и судьи, съ юрисдикціей котораго долженъ былъ считаться и губернаторъ провинціи. Въ шестомъ вѣкѣ мы уже видимъ епископа предсѣдательствующимъ во всѣхъ избирательныхъ собраніяхъ своего города и контролирующимъ всѣ стороны муниципального управленія, а также разбирающимъ тяжбы, возникавшія среди муниципального населенія.

Мы прослѣдили лишь одну сторону процесса перерожденія муниципального строя Римской имперіи, именно постепенное ограниченіе самостоятельности муниципальных магистратовъ и переходъ принадлежавшей имъ власти и правъ въ руки новыхъ, назначавшихся центральной властью должностныхъ лицъ, а въ концѣ-концовъ въ руки представителя церкви, епископа. Уже одинъ фактъ этого ограниченія и этого перехода долженъ былъ сильно поубавить у высшаго класса муниципального общества интересъ къ занятію выборныхъ должностей, уже не дававшихъ никакого удовольстворенія честолюбію и тщеславію и не располагавшихъ къ добровольнымъ жертвамъ на нужды и украшеніе родного города. Къ тому же съ теченіемъ времени, съ ростомъ имперскаго единства, мѣстный патріотизмъ, унаслѣдованный отъ той поры, когда муниципіи были еще въ той или иной мѣрѣ самостоятельными республиками, и безъ того мало-по-малу ослабѣвалъ, провинціалы (послѣ эдикта 212 года послѣ Р. Хр.) начинали чувствовать себя гражданами имперіи, и имъ стала представляться болѣе заманчивой болѣе блестящая столичная карьера, золотое кольцо римскаго всадника и тога (*toga praetexta*) римскаго сенатора. Богатый провинціалъ, съ честью прошедшій лѣстницу муниципальных должностей и располагавшій состояніемъ по меньшей мѣрѣ въ 400.000 сестерцій, могъ разсчитывать стать членомъ всаднической аристократіи; а отсюда не далеко было и до сената: имущество въ миллионъ сестерцій и занятіе даже самой незначительной имперской магистратуры, а то и просто полученіе отъ императора однихъ лишь знаковъ ея открывали такому всаднику возможность войти въ составъ высшаго сословія въ государствѣ, стать римскимъ сенаторомъ. Но это былъ не единственный путь. Съ тѣхъ поръ, какъ стала

развиваться и забирать власть имперская бюрократія, для честолюбія открылись новыя перспективы, и даже служба въ безчисленныхъ канцеляріяхъ (officia) стала судить почести и знатность; и если прежде, когда еще живы были традиціи республиканской поры, всякій уважавшій свое гражданское достоинство муниципальный совѣтникъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на продажнаго наемника, отдававшаго свой трудъ и свою личность въ полное и безконтрольное распоряженіе начальника канцеляріи, не рѣдко выслужившагося вольноотпущенника, вчерашняго раба, то теперь, по мѣрѣ того, какъ монархическій режимъ, торжествуя матеріально, въ то же время дѣлалъ все больше и больше успѣховъ и въ дѣлѣ разрушенія политическихъ и моральныхъ понятій римскаго общества, унаслѣдованныхъ отъ эпохи республиканской свободы, и замѣны ихъ совсѣмъ инымъ политическимъ и этическимъ кодексомъ, болѣе соответствовавшимъ интересамъ новой власти и новаго политическаго и общественнаго порядка, измѣнились взгляды и представителей муниципальной аристократіи, и честолюбивый провинціалъ уже не обнаруживалъ той безгливости, которая отличала римскаго гражданина прежней поры, и, не интересуясь больше уже значительно утратившей свою привлекательность муниципальной карьерой, безъ особеннаго насилія надъ собою поступалъ въ одну изъ столичныхъ канцелярій, не безъ основанія разсчитывая, при наличности необходимыхъ условій, сдѣлать здѣсь болѣе блестящую карьеру и вернуться въ родной городъ римскимъ всадникомъ и даже сенаторомъ. А свою привлекательность муниципальная карьера утратила не только потому, что сфера дѣятельности муниципальныхъ властей была до крайности сужена и ограничена разсмотрѣнными нами правительственными мѣропріятіями. Были налицо еще и другія условія, дѣлавшія несеніе муниципальныхъ должностей не только мало привлекательнымъ, но прямо-таки тяжелымъ дѣломъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ тяжесть эта все увеличивалась.

Мы уже знаемъ, что муниципальная магистратура (какъ и магистратура римская) была бесплатной и требовала отъ облеченнаго властью лица большихъ расходовъ въ видѣ добровольныхъ жертвъ на пользу родной общины. Чѣмъ больше были жертвы, тѣмъ больше было чести муниципальному сановнику, и его окруженное славой имя переходило въ потомство, а благодарные современники воздвигали ему стацию на общинный счетъ. Естественно, что граждане муниципія на выборахъ отдавали предпочтеніе тѣмъ кандидатамъ, отъ которыхъ они могли ждать самыхъ великихъ и самыхъ богатыхъ милостей. Очень скоро эти добровольныя жертвы

стали обязательны для муниципальных сановниковъ. Ихъ требовалъ если не законъ, то прочно укоренившійся обычай, не допускавшій никакихъ нарушеній. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ муниципальныя honores вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ утрачиваютъ свою привлекательность, обычай этотъ съ своей стороны начинаетъ отвращать многихъ отъ занятія общинныхъ должностей. Не давая прежняго удовлетворенія, магистратура представляется уже матеріально отяготительнымъ бременемъ, котораго многіе начинаютъ избѣгать, такъ что уже къ концу перваго вѣка до Р. Хр. центральному правительству приходится принимать мѣры къ тому, чтобы муниципальныя должности не оставались незамѣщенными. Августъ понижаетъ необходимый для занятія этихъ должностей возрастъ съ 32 до 23 лѣтъ. Въ городское право испанскихъ общинъ конца перваго вѣка пришлось вставить параграфъ, предусматривающій возможность недостатка въ кандидатахъ на выборныя должности и гласящій, что въ такомъ случаѣ руководящій выборами дуовиръ самъ долженъ предложить въ качествѣ кандидата на ту или иную должность подходящее лицо; это послѣднее можетъ съ своей стороны назвать еще двухъ лицъ, и выборъ между ними (всѣми тремя) рѣшалъ уже народное голосованіе; при этомъ избранный такимъ образомъ *обязанъ* былъ принять избраніе, въ противномъ случаѣ подвергаясь тяжелому штрафу. Въ муниципальное самоуправленіе проникаетъ такимъ образомъ *принципъ внѣшняго принужденія*, правда, пока еще въ сравнительно ограниченномъ видѣ, но не далеко было время, когда онъ получилъ здѣсь совершенно неограниченное примѣненіе. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что отсутствіе кандидатовъ на муниципальныя должности не только тормозило ходъ муниципального управленія, но и грозило его матеріальнымъ ресурсамъ, такъ какъ добровольныя пожертвованія, дѣлавшіяся магистратами, составляли настолько важную статью общиннаго бюджета, что отсутствіе ея или сколько-нибудь значительное сокращеніе ставило общину въ немалое затрудненіе, и со стороны правительства было вполнѣ естественнымъ какъ-нибудь предотвратить подобнаго рода бюджетныя колебанія. И правительство не нашло ничего лучшаго, какъ сдѣлать для каждаго магистрата муниципальной общины обязательнымъ истратить на общинныя нужды опредѣленную, соответствующую высотѣ его должностнаго ранга сумму, не дѣлая при этомъ различія между людьми, добровольно принявшими выборную должность, и людьми, принявшими ее по принужденію. Положеніе это къ началу втораго вѣка (послѣ Р. Хр.) получило уже повсемѣстное примѣненіе. Разъ и занятіе муниципальных должностей, и добровольная

трата весьма [значительныхъ суммъ на пользу общины во время отправления магистратуры стали повинностью, къ несенію которой правительство принуждало каждого муниципальнаго гражданина, удовлетворявшаго требованіямъ возраста и имущественнаго ценза, то въ интересахъ гражданъ каждого муниципія было привлечь къ отбыванію этой повинности возможно большій кругъ людей и, въ частности, и тѣхъ изъ жителей муниципія, которые, не имѣя въ немъ правъ гражданства, тѣмъ самымъ были освобождены и отъ тѣхъ тягостей, какія были соединены съ пользованіемъ ими и, въ частности, съ правомъ несенія муниципальныхъ магистратуръ. Припомнимъ, что на ряду съ гражданами въ каждомъ муниципіи жили простые обыватели (*incolae*) (обыкновенно граждане другихъ муниципіевъ), а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и подданные муниципія. И вотъ теперь граждане муниципіевъ начинаютъ обращаться къ правительству съ ходатайствами о томъ, чтобы были надѣлены правами муниципальнаго гражданства какъ обыватели, такъ и подданные. Нужно замѣтить, что къ этому времени въ муниципальныхъ общинахъ уже сложился правящій классъ, служебная, вѣрнѣе сказать, должностная аристократія. Это были самые богатые граждане общины. Изъ нихъ выбирались магистраты, изъ нихъ же, слѣдовательно, составлялся и муниципальный сенатъ; сыновья и родственники сенаторовъ являлись естественными кандидатами въ квесторы, эдилы и дуовиры, а черезъ нихъ и въ сенаторы; въ сенаторы можно было имъ попасть и прямо, если бывшихъ магистратовъ не хватало для заполнения сенаторскаго списка (*album curiae*). Однимъ словомъ, это были или уже внесенные въ списокъ сенаторы или болѣе или менѣе близкіе кандидаты въ сенаторы. Не удивительно, что терминъ *ordo decurionum* (такъ назывался муниципальный сенатъ) сталъ обозначать не только муниципальный сенатъ въ собственномъ смыслѣ, но и весь этотъ наследственный правящій классъ муниципальной общины. Если прежде, въ эпоху расцвѣта муниципальнаго самоуправленія и свободы, этотъ правящій классъ обнаруживалъ тенденцію къ сословной замкнутости, то теперь, когда въ муниципальную жизнь проникъ принципъ принужденія, и несеніе муниципальныхъ должностей изъ высоко цѣнившейся привилегіи превратилось въ тяжкую повинность, тенденція эта смѣнилась ей противоположной, и сословіе декуріоновъ стало стремиться къ возможно большему расширенію своихъ рамокъ, и именно этотъ смыслъ имѣли отправлявшіяся отъ нихъ къ императору ходатайства, о которыхъ только что была рѣчь. Чѣмъ тягостнѣе становились муниципальныя повинности, тѣмъ все шире и шире раздвигались рамки декуріоната, и въ концѣ-концовъ въ *ordo* при-

нужденъ былъ вступать каждыи, кто обладалъ необходимымъ имуществомъ цензомъ. А между тѣмъ всякій, кто только могъ найти къ этому способъ, старался уклониться отъ несенія муниципальныхъ должностей. Число лицъ, добровольно бравшихъ на себя общинныя должности, чтобы этимъ избавить отъ этого тяжкаго бремени другихъ, для которыхъ оно было еще тяжеле, становится все рѣже и рѣже. Дуовирамъ все чаще и чаще приходится при выборахъ самимъ указывать «подходящихъ» кандидатовъ, такъ какъ добровольныхъ кандидатовъ оказывается все меньше и меньше. А между тѣмъ эта такъ называемая «номинація» (*nomiatio*) была вещью обоюдострой: если указанный дуовиромъ кандидатъ не оказывался «подходящимъ», то-есть, если у него не оказывалось собственныхъ средствъ, необходимыхъ для несенія навязанной ему должности, то эти средства долженъ былъ доставить ему самъ дуовиръ, его указавшій, изъ собственнаго имущества. Это привело къ тому, что дуовиры въ интересахъ самосохраненія поставили номинацію въ зависимость отъ рѣшенія большинства *ordo*, декуріоновъ, къ которымъ такимъ образомъ и перешли фактически выборы должностныхъ лицъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имущественная отвѣтственность за выбранное ими лицо. Если въ прежнее время, когда муниципальныхъ должностей домогались какъ высшей чести, декуріоны все свое вліяніе пускали въ ходъ во время выборовъ, чтобы обезпечить дуовиратъ, эдилитетъ или квестуру за своими сыновьями и родственниками, то теперь, когда выборы перешли прямо въ ихъ руки, они стали дѣйствовать совершенно наоборотъ, стараясь всѣми способами избавить своихъ сыновей и родственниковъ отъ этой ставшей непосильной чести. Уже совершенно невыносимымъ стало лежавшее на декуріонахъ бремя, когда Діоклетіанъ, произведя уже знакомую намъ податную реформу и введя поземельный натуральный палогъ (*capitatio terrena*), взвалилъ на декуріоновъ взиманіе налога и отвѣтственность за его исправное поступленіе. Если и до этого муниципальныя повинности (въ которыя превратились когда-то высокоцѣнившіяся муниципальныя *honores*) разорили много состоятельныхъ семействъ и тѣмъ уменьшили контингентъ людей, способныхъ нести ихъ, и въ соотвѣтствующей мѣрѣ усилили тяжесть бремени, лежавшаго на тѣхъ, кто еще могъ выносить его, то теперь онѣ стали производить настоящій хозяйственный разгромъ въ сословіи декуріоновъ. Кто только могъ, бѣжалъ изъ куріи. У кого была протекція, тому удавалось получить отъ императора должность съ титуломъ *vir egregius*, освобождавшимъ отъ декуріоната, а то и просто одинъ лишь должностной рангъ (къ этому времени обычай раздавать одни лишь должностныя ранги и привилегіи людямъ,

никакихъ должностей въ дѣйствительности не занимавшимъ, получилъ самое широкое распространеніе). Многіе и дѣйствительно поступали на службу, и это было для нихъ тѣмъ легче, что Діоклетіанъ, какъ мы знаемъ, въ сильнѣйшей мѣрѣ увеличилъ войско и армію чиновничества и тѣмъ создалъ большой спросъ на людей, необходимыхъ для этого. Прежде въ муниципальной жизни не малое участіе принимали ветераны. Теперь имъ удается добиться освобожденія отъ декуріоната для себя и для своихъ сыновей. Въ виду этого многіе поступаютъ на военную службу лишь для того, чтобы поскорѣе откупиться отъ нея и выйти въ отставку человѣкомъ, свободнымъ отъ муниципального бремени. Все это вело къ все большому и большому опустѣнію курій. И правительство, и оставшіеся еще въ куріи декуріоны всѣ усилія употребляли на то, чтобы не дать куріи окончательно захирѣть и лишиться такимъ образомъ возможности играть ту важную фискальную роль, на которой покоилась вся податная система государства. Давно уже былъ открытъ доступъ въ курію и вольноотпущенникамъ. Теперь Діоклетіанъ издалъ повелѣніе, чтобы въ декуріоны записывали безграмотныхъ людей и людей, занимающихся грязнымъ ремесломъ, а также тѣхъ, кто запятналъ свою гражданскую честь предосудительнымъ поведеніемъ; онъ также отмѣнилъ до тѣхъ поръ имѣвшее законную силу постановленіе, что дѣти при жизни родителей не могутъ безъ ихъ согласія вступать въ *ordo decurionum*. Съ своей стороны декуріоны зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы не ускользнулъ отъ муниципальной петли тотъ, у кого только они могли подозрѣвать сколько-нибудь значительные ресурсы. Но все это оказывалось недостаточнымъ для того, чтобы остановить неуклонно развивавшійся процессъ разложенія муниципального строя. Тогда правительство рѣшило прибѣгнуть къ радикальному средству.

Въ 325 году Константинъ Великій издалъ слѣдующее постановленіе. Кто родился въ сословіи декуріоновъ, того ни постановленіе его *ordo*, ни даже рескриптъ императора не могутъ освободить отъ несенія муниципальныхъ повинностей той общины, къ которой онъ по рожденію принадлежитъ. Не имѣетъ онъ и права переселиться въ другую общину, и если онъ сдѣлаетъ это, то обязывается нести муниципальные повинности обѣихъ общинъ. Не можетъ онъ также занимать какой бы то ни было гражданской или военной должности. Даже тѣ изъ сословія декуріоновъ, кто уже занималъ подобную должность, должны были оставить ее и вернуться въ *ordo* своей родной общины, если только они не имѣли уже за собой двадцати лѣтъ службы или не дослужились до опредѣленнаго значительнаго служебнаго положенія (*primipilaris*). Даже

разрѣшеніе императора, котораго добивались (и получали) многіе, чтобы поступить на службу, даже его указъ объявлялъ не имѣющимъ уже силы. Все это было распространено также и на тѣхъ, кто, не происходя изъ сословія декуріоновъ, былъ уже привлеченъ въ силу «номинаціи» со стороны декуріоновъ данной общины къ несенію муниципальныхъ повинностей и путемъ поступленія на государственную службу хотѣлъ избавиться отъ нихъ. Не подлежали принудительному возвращенію въ *ordo* своей родной общины лишь тѣ изъ сословія декуріоновъ, кто уже служилъ въ придворныхъ канцеляріяхъ или уже былъ римскимъ сенаторомъ. Освобождались отъ разорительнаго декуріоната по понятнымъ фискальнымъ мотивамъ и наслѣдственные арендаторы императорскихъ земель. Не вступали попрежнему въ сословіе декуріоновъ и сыновья ветерановъ, но только въ томъ случаѣ, если они до двадцатипятилѣтняго возраста сами вступали въ войско; въ противномъ случаѣ и они приписывались въ сословіе декуріоновъ. Черезъ годъ съ лишнимъ (въ 326 году) въ дополненіе къ этому указу Константинъ разослалъ префектамъ циркуляръ, который еще болѣе ограничивалъ кругъ должностей, занятіе которыхъ освобождало отъ муниципального ига. Возвращенію въ *ordo* подлежали теперь и тѣ изъ сословія декуріоновъ, которые занимали придворныя должности; о тѣхъ изъ нихъ, которые уже носили титулъ *comes*, а также занимали высшія должности въ финансовомъ управленіи или были намѣстниками провинцій всадническаго ранга, было сказано, что сами они остаются на своихъ мѣстахъ, но сыновья ихъ обязаны вернуться въ *ordo* той общины, откуда они родомъ. Было признано недѣйствительнымъ прежнее постановленіе, что двадцать лѣтъ государственной службы освобождали отъ декуріоната. Лишь для нѣкоторыхъ разрядовъ офиціаловъ, служба которыхъ признавалась особенно необходимой для блага государства, и прежде всего для весьма немногочисленной арміи государственныхъ шпионовъ («любопытныхъ», *curiosi*, иначе *agentes in rebus*) императоръ находилъ возможнымъ сдѣлать исключеніе: они и впредь, прослуживъ извѣстный срокъ (не для всѣхъ изъ нихъ одинаковый: для однихъ 25 или 20 лѣтъ, для другихъ 15 и даже десять), навсегда освобождались отъ декуріоната.

Законодательство Константина Великаго знаменуетъ собою уже совершенно открытый переходъ къ новому порядку отношеній между государствомъ и обществомъ и кладетъ прочныя правовыя основы этому порядку. Указъ 325 года и циркуляръ 326 года не болѣе и не менѣе, какъ *прикрѣпляютъ куріаловъ (иначе декуріоновъ) къ куріи, превращаютъ ихъ въ наслѣдственно несущее бре-*

мя муниципальных повинностей и фискальной ответственности сословіе, въ сословіе тяглыхъ людей. Это прикрѣпленіе къ государственнымъ повинностямъ, къ государственному тяглу постигло не однихъ декуріоновъ. Оно распространилось, какъ мы скоро увидимъ, и на другіе классы римскаго общества и мало-по-малу перестроило общество на новыхъ началахъ кастовой наслѣдственности и неподвижности. Тотъ же Константинъ Великій въ 331 году издалъ указъ, направленный противъ декуріоновъ, которые, опираясь на законы 325 и 326 годовъ, пытались расширить рамки своего сословія тѣмъ, что записывали въ кандидаты на муниципальныя должности еще далеко не достигшихъ законнаго возраста сыновей офиціаловъ, жившихъ на территоріи данной общины, съ тѣмъ, чтобы они, достигнувъ соотвѣтствующаго возраста, уже не могли уклониться отъ муниципальной службы и поступить на государственную службу. Запрещая подобнаго рода приемы, императоръ въ то же время постановляетъ, что всякій, кто происходитъ отъ офиціала, имѣетъ право быть принятымъ въ ту же канцелярію (*officium*), въ которой служилъ его отецъ. Указъ 331 года создаетъ, такимъ образомъ *наслѣдственныхъ офиціаловъ*, какъ указъ 325 г. создаетъ *наслѣдственныхъ солдатъ*, предписывая, какъ мы видѣли, сыновьямъ ветерановъ до двадцатипятилѣтняго возраста поступать въ военную службу, если они не желаютъ быть записанными въ сословіе декуріоновъ. Мы скоро увидимъ, что такому же сословному закрѣпощенію подверглись и ремесленники и крестьяне. Теперь же мы дополнимъ сказанное о декуріонахъ еще нѣкоторыми данными. Законодательство не остановилось на указахъ Константина. Правительство неутомимо продолжало изыскивать мѣры, чтобы приостановить непрекращавшееся опустѣніе куріи. Уже съ конца третьяго вѣка уклоненію отъ участія въ муниципальной жизни не въ малой мѣрѣ способствовало дѣлавшее все большіе и большіе успѣхи христіанство. Управление общиной было тѣсно связано съ языческой религіей, которая освящала всѣ муниципальныя функціи и находилась въ вѣдѣніи муниципальных властей. Не удивительно, что христіане избѣгали муниципальных должностей, тѣмъ болѣе духовныя лица. Съ офиціальнымъ торжествомъ христіанства при Константинѣ дѣло измѣнилось: у христіанъ уже не было религіозныхъ основаній отказываться отъ несенія муниципальных повинностей въ качествѣ магистрата и члена общиннаго совѣта. Свободными отъ этихъ повинностей могли быть только духовныя лица. И Константинъ Великій офиціально призналъ за ними эту привилегію. Но, признавъ несовмѣстимость декуріоната съ духовнымъ званіемъ, онъ этимъ создалъ вполне законный путь для людей, же-

лавшихъ освободиться отъ тяжкаго бремени, лежавшаго на куріалѣ, открывъ имъ двери въ духовное сословіе. Преемники Константина скоро замѣтили, къ какимъ результатамъ приводило его постановленіе, и рядомъ указавъ постарались парализовать неудобныя для муниципальнаго строя послѣдствія этого постановленія. Такъ, въ 364 году Валентиніанъ и Валентъ обязали всѣхъ декуріоновъ, желавшихъ вступить въ духовное сословіе, оставлять все свое состояніе кому-либо изъ своихъ родственниковъ, который бы вступилъ благодаря этому въ курію на мѣсто ушедшаго изъ нея, а то и просто оставлять его самой куріи; а въ 398 году Аркадій и Гонорій и вовсе запретили декуріаномъ вступать въ духовное сословіе, грозя ослушникамъ насильственнымъ возвращеніемъ въ курію. У куріаловъ оставался еще одинъ выходъ: сдѣлаться римскимъ сенаторомъ. Правда, при тѣхъ ограниченіяхъ служебной карьеры куріала, о которыхъ была рѣчь выше, это завершеніе ея было вещью очень мало доступной для куріала, но все же не вполне недостигаемой, и императорскіе указы стремятся загородить и этотъ выходъ, все же остававшійся не вполне закрытымъ. Такъ, въ 390 году императоры Валентиніанъ, Θεодосій и Аркадій объявляютъ, что вышедшіе изъ куріаловъ римскіе сенаторы должны вмѣстѣ съ своими дѣтьми оставаться въ куріи своей родной общины. Правда, нѣсколько позже тѣ же императоры позволили имъ вмѣсто себя оставлять въ куріи замѣстителей, которыхъ они должны снабдить необходимыми для этого средствами, но въ 439 году Θεодосій Младшій запретилъ всѣмъ безъ исключенія куріаламъ добиваться сенаторскаго достоинства и всякихъ вообще повышеній. Тщательно закрывая выходъ изъ сословія куріаловъ, правительство продолжало изыскивать средства къ его пополненію. Всѣ, у кого была земельная собственность въ размѣрѣ не менѣе 25 югеровъ, обязаны были по достиженіи 18-лѣтняго возраста вступать въ курію. Разъ вступивъ въ курію, человекъ долженъ былъ сохранять неприкосновеннымъ свое имущество, обезпечивавшее ему возможность несенія лежавшихъ на немъ повинностей. У правительства окончательно складывается взглядъ на имущество куріала какъ на фондъ, гарантирующій исправное веденіе муниципальных дѣлъ, а главное, исправное полученіе казной государственныхъ налоговъ, лежавшихъ на городскомъ округѣ, и оно зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы куріаль какимъ-либо путемъ не уменьшилъ этого фонда. Куріаль могъ продать свою недвижимость или своихъ рабовъ лишь съ разрѣшенія губернатора провинціи, и то только въ силу абсолютной необходимости, иначе актъ продажи считался недѣйствительнымъ. Если куріаль по завѣщанію или еще при жизни дѣлалъ какія-либо отчужденія въ поль-

зу лицъ, не принадлежавшихъ къ куріи, то онъ обязанъ былъ, съ IV вѣка, платить при этомъ пошлину въ пользу своей куріи. Юстиніанъ и вовсе запретилъ куріаламъ подобныя отчужденія. Въ 428 году Θεодосій и Валентиніанъ постановляютъ, что курія имѣетъ право на четвертую часть имущества куріала, которое по закону переходитъ къ лицу, не принадлежащему къ куріи, а Юстиніанъ принимаетъ рядъ мѣръ къ тому, чтобы во всѣхъ случаяхъ смерти куріала безъ законныхъ или узаконенныхъ дѣтей курія получала четверть, а затѣмъ и три четверти его имущества.

Мы не будемъ продолжать нашего перечня мѣръ, которыя императорское правительство принимало для пополненія пустѣвшихъ курій и для окончательнаго закрытія выхода изъ нихъ тѣмъ, кто разъ попалъ туда. Перечень этотъ вышелъ бы слишкомъ длиннымъ. И того, что уже сказано, достаточно, кажется намъ, для того, чтобы вполнѣ опредѣленными чертами обрисовалось передъ нами то положеніе, которое создавали эти мѣры для куріаловъ, прикрѣпляя ихъ къ государственному тяглу. «Всякій знаетъ, что куріалы—рабы республики (*servi reipublicae*)», выразился какъ-то одинъ изъ императоровъ пятаго вѣка. И куріалы дѣйствительно стали рабами государства и узниками своей муниципіи. Курія стала для нихъ наслѣдственной тюрьмой. Приписать человѣка къ куріи было равносильнымъ ссылкѣ его на галеры, въ каторжныя работы; и преступниковъ, вмѣсто того, чтобы подвергать наказанію или отдавать на казнь (*loco supplicii, ob culpam*), зачисляли въ куріалы. То же дѣлали въ послѣдній періодъ гоненій и съ богатыми христіанами, вмѣсто того чтобы отдавать ихъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ. Рабы государственнаго интереса, обязанные все приносить ему въ жертву и единственный смыслъ своей жизни видѣть въ неусыпномъ служеніи ему, они какъ настоящіе рабы подвергались жесточайшимъ пыткамъ за малѣйшее уклоненіе отъ своего тяжкаго долга; за малѣйшую неисправность въ удовлетвореніи предъявляемыхъ къ нимъ непомѣрно тяжелыхъ фискальныхъ требованій императорское правительство не жалѣло для нихъ кнута съ свинцовыми наконечниками и другихъ еще болѣе страшныхъ орудій. Если въ прежнія времена декуріоны тратили свои средства, свой умъ и свою энергію на пользу и на украшеніе своей родной общины, то теперь всѣ свои силы они направляли на то, чтобы сбросить съ себя ея оковы и бѣжать изъ страшной тюрьмы. И, несмотря на истинно драконовскія мѣры правительства, имъ удавалось бѣжать изъ нея. Бывали случаи, что они убѣгали цѣлыми массами (въ 388 году куріалы четырехъ городовъ Мизіи раз-

бѣжались всѣ разомъ) и, скрывшись въ лѣсахъ, составляли разбойничьи шайки и жили грабежомъ.

Мы еще будемъ имѣть случай указать на тѣ хозяйственныя и социальныя послѣдствія, какими сопровождалась рассмотрѣнная нами эволюція римскаго муниципальнаго строя; отмѣтимъ мы въ своемъ мѣстѣ и ея общеполитическіе результаты. Что же касается ея общаго характера и смысла, то онъ въ достаточной мѣрѣ, какъ кажется намъ, выясняется и изъ данныхъ предшествующаго изложенія, которыя рисуютъ намъ печальную картину того, какъ полные жизни и самой энергичной и свободной дѣятельности общественные организмы, какими были римскіе муниципіи въ эпоху своего процвѣтанія, императорское правительство мало-по-малу превратило въ свои фискальныя органы, въ механически двигавшіяся колеса своей огромной административной машины и тѣмъ убило въ нихъ всякую энергію и всякую жизнь и, обрекая на невыносимо тяжкое рабство когда-то самые сильныя и самые дѣятельныя элементы муниципальнаго населенія, наносило непоправимый ударъ ихъ матеріальному и духовному существованію и все болѣе и болѣе развивало въ нихъ ненависть къ государству, заставляя ихъ видѣть въ немъ источникъ всѣхъ своихъ бѣдствій, страшную губительную силу и своего злѣйшаго врага. Убивая муниципальную свободу, имперія неуклонно шла къ своей собственной гибели.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Дмитрій Петрушевскій.

Этюды по исторіи греческой религіи.

Духовная культура Греціи при свѣтѣ новѣйшихъ археологическихъ открытій.

Быть можетъ, никогда еще не было такъ трудно говорить о начаткахъ греческой религіи, о начаткахъ греческой исторіи вообще, какъ въ настоящую минуту; новѣйшія открытія на Критѣ не могутъ не произвести полнѣйшаго переворота въ нашихъ воззрѣніяхъ на исторію греческой древности. Они опровергли много гипотезъ, указали *путь* къ разрѣшенію многихъ проблемъ и вмѣстѣ поставили множество проблемъ, о которыхъ и не думали раньше. Высказывать какіе-либо окончательные выводы представляется преждевременнымъ — приходится ждать окончанія цѣлаго ряда начатыхъ работъ и ждать новыхъ открытій, которыя освѣтятъ намъ остатки древняго, невѣдомаго намъ міра, столь неожиданно возвращенные изъ нѣдръ земли.

Мы попытаемся здѣсь указать лишь тѣ наиболѣе вѣроятные результаты, которые намѣчаются въ настоящее время въ итогѣ изслѣдованій и являются наиболѣе важными для изученія начатковъ духовной культуры грековъ.

I.

Прежде всего выясняется чрезвычайная продолжительность историческаго процесса, послужившаго образованію греческой культуры не только классическаго, но даже микенскаго періода. Остатки утвари, оружія, построекъ, глиняные черепки служатъ нѣмыми памятниками этого процесса, начиная отъ неолитической эпохи. И насколько позволяютъ эти находки, по нимъ можно видѣть, что, несмотря на историческія катастрофы, несомнѣнно имѣвшія мѣсто въ теченіе вѣковъ, въ развитіи матеріальной культуры Греціи до переселенія дорянъ существовало послѣдовательное преемство.

Колоссальный дворецъ, раскопанный въ Кноссъ и относящійся къ микенскому вѣку, существовалъ уже въ началѣ второго тысячелѣтія или ранѣе, т.-е. въ эпоху египетской династіи Гиксовъ; въ одномъ изъ наиболѣе раннихъ отложеній этого дворца найдена крышка алавастрого сосуда съ именемъ фараона Кхіана (приблизительно XVIII или начала XVII вѣка до Р. Х.), и существуютъ другія доказательства торговыхъ сношеній съ Египтомъ въ ту же эпоху и даже ранѣе при XII династіи. Этого мало: къ концу владычества Гиксовъ микенское искусство достигаетъ такой высоты, что ему *подражаютъ* въ Египтѣ ¹⁾.

Между тѣмъ подъ развалинами кносскаго дворца обнаружены слѣды цѣлой системы помѣщеній, частью разрушенныхъ при возведеніи новой постройки и принадлежавшихъ другому болѣе раннему дворцу, остатки котораго находятся подъ мостовую позднѣйшаго дворца. Отъ мощеной площади второго дворца до пола перваго встрѣчаются многочисленные черепки своеобразныхъ цвѣтныхъ глиняныхъ сосудовъ особаго до-микенскаго мѣстнаго типа, названнаго *камаресъ* по имени деревни, близъ которой издѣлія этого типа были найдены впервые. Эти издѣлія встрѣчаются во множествѣ въ Критѣ вездѣ, гдѣ подъ слоями, содержащими микенскіе остатки существуютъ болѣе древнія археологическія отслоенія. Тамъ, гдѣ, какъ въ Кноссъ, сохранилась стратификація, «камаресъ» помѣщается непосредственно *подъ* микенскими остатками и *надъ* слоями, содержащими типичные остатки «неолитической» утвари. А между тѣмъ нѣкоторыя вазы и чаши, найденныя въ помѣщеніяхъ, принадлежавшихъ къ ранней, до-микенской постройкѣ, уже достигаютъ изумительной тонкости, изящества формы и нѣжности окраски, какія, по словамъ Эванса, «навѣрное никогда не были превзойдены во всей исторіи керамической мануфактуры» ²⁾. Замѣчательно, что многія изъ нихъ представляютъ явное подражаніе металлическимъ издѣліямъ. И въ важнѣйшихъ особенностяхъ своей техники, окраски, орнамента, «камаресъ» исчезаетъ въ микенскую эпоху. Микенскія издѣлія, находимыя въ развалинахъ позднѣйшаго дворца, до такой степени отличны отъ этой «ранне-миносской» керамики, что въ первую минуту въ нихъ хотѣли видѣть отраженіе какого-то перерыва въ критскомъ искусствѣ, новаго вліянія, принесеннаго извнѣ

¹⁾ Furtwängler, Antike Gemmen III (1900), 20 сл.

²⁾ Cp. Journ. of Hellenic Studies XXI (1901) Hoggarth and Welch, Primitive painted pottery in Crete 78 сл.; XXII (1902), 383 сл.; см. тамъ же Duncan Mackenzie, The pottery of Knossos XXIII (1903) 172, 174; for anything similar in this respect (по тонкости и цвѣтовымъ эффектамъ) one has to go to another technique, belonging to a much later age, that of old Venetian glass.

какою-то новой національностью или новой цивилизаціей ¹⁾. И однако болѣе тщательное изученіе уже теперь показываетъ рядъ промежуточныхъ звеньевъ между обоими стилями, несомнѣнно принадлежащими разнымъ эпохамъ ²⁾.

Цвѣтная до-микенская керамика сама по себѣ имѣла весьма продолжительное развитіе. Толщина пласта между поломъ древняго дворца и мостовою второго равняется двумъ-тремъ метрамъ, и черепки камареса наполняютъ этотъ слой, мало того во множествѣ встрѣчаются на глубинѣ одного метра *подъ* поломъ перваго дворца; нѣкоторые огрубѣвшіе, вырождающіеся экземпляры камареса находятся и въ древнѣйшихъ частяхъ развалинъ второго «микенскаго» дворца. Наконецъ, *подъ* слоемъ, содержащимъ черепки раскрашенныхъ сосудовъ, лежитъ самый глубокой слой, содержащій остатки горшечныхъ издѣлій *неолитическаго періода*. Толщина слоя, содержащаго эти послѣдніе, была обнаружена рядомъ развѣдочныхъ колодезь, опущенныхъ въ разныхъ мѣстахъ въ предѣлахъ кносскаго дворца. Она оказалась поразительной: чтобы достигъ дѣйственной почвы, не заключающей въ себѣ черепковъ, пришлось пройти 8 метровъ ³⁾; изъ нихъ шесть метровъ (снизу) содержатъ въ себѣ исключительно неолитическую керамику, а раскрашенные «ранне-миносскіе» черепки начинаютъ встрѣчаться лишь съ седьмого метра и находятся въ изобиліи въ восьмомъ. Такимъ образомъ, на мѣстѣ доисторическаго поселка каменнаго вѣка образовалась и осыла почва въ шесть метровъ толщины, наполненная остатками неолитической утвари, ранѣе чѣмъ на ней появились черепки до-микенскаго «камареса»! Тщательное изученіе этихъ неолитическихъ остатковъ, начиная съ самыхъ глубокихъ слоевъ, позволяетъ различить послѣдовательное развитіе и постепенный переходъ къ камаресу, который представляется такимъ образомъ высшимъ, кульминаціоннымъ пунктомъ въ развитіи *эгейской* керамики и знаменуетъ собою расцвѣтъ «эгейской» культуры, совпавшей съ постройкою перваго «ранне-миносскаго» дворца.

Опредѣлить съ приблизительною точностью эпоху процвѣтанія этой культуры пока еще рискованно. Проф. Петри, несомнѣнно, нашелъ черепки камареса въ могилахъ и развалинахъ XII египетской династїи, *относящейся къ половинѣ третьяго тысячелѣтія*, при чемъ эти черепки принадлежатъ къ *лучшей* этой миносской керамики. Отправляясь отсюда и принимая во вниманіе,

¹⁾ Ib. Hoggart and Welch XXI, 97.

²⁾ Ib. Dunkan Mackenzie 181—182.

³⁾ Къ этимъ 8 метрамъ надо прибавить еще 2½ метра, которые были выкуты при раскопкахъ дворца ранѣе закладки названныхъ колодезь.

что эта керамика продолжает существовать до микенских временъ и что начатки ея теряются въ неолитическомъ вѣкѣ, полагаютъ, что она развивалась въ теченіе большей части третьяго тысячелѣтія ¹⁾. Что же касается до начатковъ эгейской культуры, то попытки опредѣлить ихъ древность, очевидно, еще болѣе проблематичны. Сосуды съ геометрическимъ узоромъ бѣлыми вкрапленіями по темному полю, полированному рукой, которые относятся къ *поздне-неолитическому* періоду, встрѣчаются впервые лишь на пятомъ метрѣ снизу въ кносскихъ развѣдочныхъ шахтахъ и уже въ первомъ наиболѣе древнемъ слое въ Троѣ; такіе же сосуды съ нарѣзными рисунками, наполненными бѣлымъ гипсомъ, находятся въ Египтѣ въ могильникахъ, относимыхъ къ *до-династическому* періоду ²⁾.

II.

«Эгейская» культура, предшествовавшая микенскому т. н. «бронзовому» вѣку и постепенно переходящая къ нему, обладала сравнительно большою сферою распространенія, обнимая не только бассейнъ Эгейскаго моря, но простираясь отъ береговъ Сиріи до Италіи и Сициліи. Остатки ея обнаруживаются при раскопкахъ до-историческихъ могильниковъ на островахъ Эгейскаго моря или при раскопкахъ памятниковъ микенскаго вѣка, подъ которыми они находятся, какъ въ Критѣ. Относительно происхожденія этой культуры и того племени или племенъ, которыя были ея носителями, высказываются различныя гипотезы; упомянемъ хотя бы гипотезу о *ливійской* миграціи. Эта послѣдняя нашла себѣ защитниковъ въ лицѣ Петри, Эванса, Фуртвэнглера и другихъ археологовъ, которые пытаются объяснить однородность неолитической культуры въ Греціи, Малой Азіи, Сиріи и Египтѣ или, точнѣе, сродство эгейской и египетской неолитической культуры переселеніемъ одной расы, двигавшейся съ сѣвера и достигшей нильской долины въ весьма отдаленныя времена ³⁾. Нѣкоторые антропологи, какъ Серджи,

¹⁾ Ib. Dunkan Mackenzie XXIII, 183; Ср. Furtwängler, Antike Gemmen III, 20 сл., который безусловно принимаетъ данныя проф. Петри. См. однако Hall, Oldest Civilis. of Greece (1901), который высказываетъ сомнѣнія по поводу этихъ находокъ проф. Петри, стр. 67 слѣд. Новѣйшія открытія въ Критѣ выяснили во всякомъ случаѣ, что вазы типа камаресъ, которыя въ единичныхъ экземплярахъ встрѣчались въ Ферѣ, Мелосѣ, Тиринѣ, Микенахъ и даже Египтѣ, происходятъ изъ Крита, гдѣ онѣ находятся массами.

²⁾ J. of H. St. XXIII (Mackenzie) 163.

³⁾ Ib. — за 7000 лѣтъ до Р. X., по предположенію Петри. Ср. Furtwängler I. c. 22.

Риплей и другіе, тоже говорятъ о «средиземноморской» расѣ долихоцефаловъ, составлявшихъ древнѣйшее населеніе средиземноморского бассейна, которое было постепенно вытѣснено круглоголовыми племенами въ эпоху «бронзоваго» вѣка ¹⁾. Въ высшей степени вѣроятнымъ представляется лишь одинъ общій результатъ, подтверждаемый данными археологіи, этнографіи и лингвистики, — что «эгейскія» племена не были ни семитами, ни, повидимому, арійцами. Въ континентальной Греціи эти не-греческіе поселенцы были вытѣснены или поглощены арійскими пришельцами, оставивъ по себѣ память во многихъ мѣстностяхъ. Дольше держались они на островахъ, а въ Малой Азіи мы находимъ ихъ и впоследствии при расцвѣтѣ греческой культуры. Къ этой группѣ народностей относятся карійцы, лелеги и вѣроятно и до-арійскіе жители Мисіи, Лидіи, Фригіи; далѣе филистимляне тоже повидимому принадлежали къ числу эгейскихъ племенъ ²⁾. Въ Илиадѣ (X, 428), въ числѣ мало-азиатскихъ племенъ, поддерживавшихъ троянцевъ, среди карійцевъ, лелеговъ, кауконовъ, мисійцевъ, ликійцевъ и фригійцевъ, Гомеръ называетъ *пеласговъ*.

Греческое преданіе помнитъ о карійцахъ, лелегахъ, пеласагахъ не только въ Малой Азіи и на островахъ, но и въ континентальной Греціи. Такъ, карійцы, по свидѣтельству Аристотеля, занимали нѣкогда Эпидавръ и Герміону (Strabo VIII 6, 15); Киклады были нѣкогда заселены ими (Herod. I, 171, Thuk. I, 8, 1). Лелеги, впоследствии подчиненные карійцамъ, занимали область смежную съ Каріей — позднѣйшую Лидію, но вмѣстѣ съ карійцами они населяли острова, мало того, ихъ помнили въ Локридѣ, Бэотіи, Евбеѣ, Мегарѣ, Тессалии, Лаконіи, Мессеніи. По Аристотелю (Str. VII, 321) они населяли нѣкогда даже Акарнанію и Этолію; можетъ быть, ихъ имя служило для обозначенія многихъ народностей ³⁾. Наконецъ, *пеласги* представляютъ изслѣдователю наибольшее количество трудно рѣшимыхъ загадокъ. Сами греки считали ихъ первобытными аборигенами Греціи, вышедшими изъ земли, и отводили имъ значительную роль въ своихъ мифическихъ генеалогіяхъ — настолько, что анализъ этихъ генеалогій привелъ такого ученаго, какъ Э. Мейеръ, къ сомнѣнію въ самомъ существованіи этого пра-

¹⁾ Хотя измѣренія древнихъ греческихъ череповъ еще далеко не могутъ привести къ достовѣрнымъ общимъ выводамъ, но все же они показываютъ, что въ микенскую эпоху долихоцефалы и круглоголовые жили рядомъ другъ съ другомъ на островахъ эгейскаго моря въ Троядѣ и Греціи.

²⁾ Maspéro, Hist. ancienne des peuples de l'orient classique II, 462 сл.

³⁾ Busolt, Griech. Gesch. (1893) I, 183 сл. E. Meyer, Gesch. d. Alterthums (1893) II, § 38.

народа ¹⁾. Но если съ V вѣка, или даже ранѣе, всякое древнее поселеніе могло притязать на пеласгическое происхожденіе и «пеласги» дѣлаются такимъ же общимъ наименованіемъ всего доисторическаго населенія Греціи, какимъ сдѣлались «эллины» въ историческія времена, то это не мѣшаетъ видѣть во многихъ преданіяхъ о пеласгахъ нѣкоторыя реальныя воспоминанія о доисторическомъ населеніи Греціи, оставившемъ по себѣ осязательныя слѣды. Далѣе, едва ли возможно сомнѣваться и въ существованіи пеласговъ какъ *особой народности*, извѣстной въ эпоху Гомера и послѣ него. Правда, слѣды ихъ довольно запутаны: Гомеръ упоминаетъ о нихъ и среди малоазійскихъ союзниковъ троянцевъ (II. X, 428), и среди племенъ, населяющихъ Критъ (Od. XIX, 177); онъ говоритъ о «пеласгическомъ» Зевсѣ въ Додонѣ (Эпиръ) и о «пеласгическомъ» Аргосѣ въ Фессаліи (II. II, 681), а у Гесіода уже аркадскій Ликаонъ является сыномъ Пеласга (fr. 68, Kinkel). По Геродоту, который вообще видѣлъ въ пеласгахъ древнѣйшее варварское населеніе Греціи, остатки этой доисторической народности уцѣлѣли въ Пропонтидѣ и Лемносѣ, при чемъ эти лемнійскіе пеласги жили будто бы нѣкогда въ Атикѣ близъ Гиметта (VI, 136—140) ²⁾, а при Фукидидѣ они составляли большую часть населенія аеонскаго полуострова (IV, 109). Любопытнѣе всего, что эти загадочныя лемнійскіе пеласги древними и новыми историками отождествляются съ «тирсенами» или этрусками. Но какъ и когда эти этруски попали въ Малую Азію и на Эгейскіе острова и были ли они дѣйствительно этрусками или пеласгами, или и тѣмъ и другимъ въ одно и то же время,—объ этомъ мнѣнія расходятся ³⁾.

Частные вопросы объ отдѣльныхъ преданіяхъ или слѣдахъ, свидѣтельствующихъ о присутствіи въ доисторической Греціи варварскихъ, т.-е. не греческихъ, племенъ, могутъ рѣшаться различнымъ образомъ. Но въ общемъ, данныя, добытыя за послѣднее время антропологіей, лингвистикой и археологическими изслѣдованіями, заставляютъ рѣшительно склониться къ признанію, что до пришествія арійцевъ Греція была занята инымъ, не-арійскимъ населеніемъ, все равно называть ли его малоазійскимъ, «пеласгическимъ» или эгейскимъ.

Какимъ внѣшнимъ культурнымъ вліяніемъ подвергалось эгейское населеніе, подъ какими воздѣйствіями сложилась ихъ культу-

¹⁾ Forschungen z. alten Gesch. (1892) I. Осторожнѣе Бузольтъ I, 163 сл.

²⁾ Busolt I, 171 указываетъ факты, заставляющіе предполагать какое-то историческое зерно въ этомъ преданіи, несмотря на тенденціозность позднѣйшей легенды.

³⁾ Ib. I, 172; ср. E. Meyer, Gesch. d. Alt. II, стр. 467 и Hall, Oldest Civilis. 171 слѣд.

ра, составляющая подночву микенской культуры? Несомнѣнныхъ слѣдовъ какого-либо *прямою* ассиро-вавилонскаго вліянія въ халколитическій періодъ не обнаружено, хотя при состояніи нашихъ знаній это еще не служитъ доказательствомъ отсутствія такого вліянія. Мы говорили уже о древнихъ нагихъ статуэткахъ въ домикенскихъ могилахъ, но мы уже видѣли, какъ сложенъ вопросъ о ихъ происхожденіи. Открытія послѣдняго времени показываютъ, что эта богиня существовала въ Кипрѣ и Малой Азіи до финикійцевъ. Повидимому, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ очень древнимъ до-семитскимъ культомъ, быть можетъ аналогичнымъ съ культомъ до-семитскаго (сумерійскаго) населенія Вавилоніи¹⁾. Но финикійцы были далеко не единственными и не первыми посредниками древняго культурнаго вліянія Вавилоніи. Оно проникаетъ въ Малую Азію уже въ половинѣ третьяго тысячелѣтія, а Сирія и Палестина, повидимому, испытали его еще ранѣе, не только до переселенія евреевъ, но, можетъ быть, и до переселенія финикійцевъ, что позволяетъ многимъ думать, что оно сказывалось и въ Гисарликѣ, Кипрѣ и на Эгейскомъ морѣ помимо финикійцевъ.

Слѣды сношеній съ Египтомъ въ эти отдаленныя времена несравненно болѣе ясны. Вазы до-микенскаго издѣлія находятся вмѣстѣ съ скарабеями XII и XIII династіи (2000 — 2500) какъ въ Египтѣ, такъ и на островѣ Критѣ. Помимо обычнаго кружнаго пути—черезъ острова на Кипрѣ и далѣе, вдоль береговъ Сиріи, повидимому, уже въ эпоху ранняго дворца существовалъ прямой путь изъ Крита въ Египетъ. Этого мало: если вѣрить проф. Петри и Эвансу, существуютъ факты, заставляющіе признать сношенія между Критомъ и Египтомъ *еще въ началѣ IV тысячелѣтія*²⁾. Эти древнія сношенія, повидимому, и послужили первымъ толчкомъ къ развитію искусства, которое называютъ поздне-эгейскимъ, ранне-миносскимъ или, какъ его звали прежде, протомикенскимъ.

Что же могли дать духовной культурѣ грековъ племена, ранѣе ихъ населявшія Грецію? Мы уже говорили о томъ, какое вліяніе обыкновенно оказываютъ туземныя культы на религію новыхъ по-

¹⁾ Ср. ст. Aphrodite Dümmler'a у Pauly Wissowa I, 2761, Ohnefalsch-Richter Arch. Jahrb. 1886, 131 и E. Meyer, Gesch. d. A. I, 166, 222. S. Reinach въ La sculpture en Europe avant les influences gréco-romaines (1896) и въ статьѣ „О нагихъ богиняхъ въ восточномъ и греческомъ искусствѣ“ (Revue archéologique 1895, 367—94) стремится не только отстоять самостоятельное „эгейское“ происхожденіе этой богини, но даже доказать, что древнѣйшему вавилонскому искусству типъ нагой богини былъ чуждъ—миѣне, которое однако оспаривается на основаніи многихъ вавилонскихъ цилиндровъ.

²⁾ Ann. of the british School at Athen (VIII, 1901—2), 121—124, Cp. Hall, Oldest Civilis. ch. III.

селенцевъ, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда при переселеніи приходится заимствовать отъ туземцевъ ихъ культурныя пріобрѣтенія въ области земледѣлія, садоводства, мореплаванія, металлургіи и иныхъ искусствъ и промысловъ. Культура до-эллинскаго населенія эгейскаго бассейна далеко не была первобытной, а на островѣ Критѣ, напримѣръ, она успѣла достигъ относительно высокой ступени развитія. Во всякомъ случаѣ мореплаваніе было широко развито, благодаря благоприятнымъ естественнымъ условіямъ, и связи съ культурными центрами египетской и переднеазиатской цивилизаціи уже завязались. Стало бытъ греческимъ пришельцамъ было, что усвоить у туземнаго населенія; а если такое усвоеніе имѣло мѣсто въ области матеріальной, то *тѣмъ паче* должно было оно произойти въ области духовной, уже въ силу самого факта переселенія: драгоцѣннѣйшее достояніе каждаго племени суть его боги, а потому новые пришельцы естественно стремятся прежде всего вступить въ союзъ съ богами покоренной страны.

Геродотъ говоритъ, что греки заимствовали имена боговъ отъ «пеласговъ», аборигеновъ Греціи,—мнѣніе, которое вѣроятно было вызвано сознаваемою невозможностью объяснить большинство этихъ именъ, понять ихъ греческій смыслъ: они казались не вполне греческими Геродоту. И намъ представляется, что чутье Геродота не совсѣмъ его обмануло—если не относительно именъ, то относительно многихъ боговъ и культовъ. Позднѣйшія аналогіи учатъ насъ, что греческія племена, переселяясь или пріобрѣтая осѣдлость, не уничтожали туземныхъ культовъ въ занимаемыхъ ими мѣстностяхъ, а напротивъ того, спѣшили усвоить ихъ, дабы пріобрѣсти благоволеніе мѣстныхъ божествъ. Доряне представляютъ особенно яркій примѣръ: они не принесли съ собой никакого новаго божества, усвоивая культы всѣхъ тѣхъ мѣстностей, которыя они занимали: въ Лаконіи они чтили Аполлона Амиклейскаго и Посейдона, въ Аргосѣ Геру, въ Эпидаврѣ Асклепія, въ Герміонѣ Деметру Хтонію, на Критѣ и Родосѣ сохранились боги явно иноплеменнаго происхожденія—все старинныя до-дорійскіе культы¹⁾. То же самое, очевидно, происходило и рапѣ, въ эпоху ахейскаго переселенія, хотя, разумѣется, это не такъ легко доказать для отдѣльныхъ случаевъ. Нагая богиня, каково бы ни было ея происхожденіе, изъ эгейскихъ могилъ переходитъ въ микенскія; туземные культы Крита, имѣющіе не-греческій характеръ, были усвоены ахейцами такъ же, какъ впоследствии ихъ усвоили доряне. Равнымъ образомъ были усвоены древніе мѣстные культы, связанные съ поклоненіемъ священнымъ

¹⁾ E. Meyer, *Gesch. d. Alterthums*, II, § 183.

высотамъ, камнямъ (напримѣръ, въ Кипрѣ), деревьямъ ¹⁾, источникамъ (напримѣръ, культъ Зевса «найоса» или «пеласгическаго» Зевса въ Додонѣ); наконецъ, много обрядовъ и культовъ, охотничьихъ, морскихъ, рыбачьихъ (напримѣръ, Бритомартисъ въ Критѣ, культъ Дельфина) и другихъ, были, повидимому, заимствованы греками отъ болѣе раннихъ поселенцевъ. Эти культы переносятъ насъ въ глубокую древность къ такимъ формамъ быта и семейныхъ отношеній, какихъ мы въ микенскую эпоху предполагать уже не можемъ. Мѣстный характеръ такихъ культовъ, а равнымъ образомъ и многія особенности связанныхъ съ ними преданій, постоянно наводитъ на мысль о заимствованіи, при чемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ подозрѣніе превращается въ увѣренность.

III.

Культура бронзоваго вѣка, или такъ называемая «микенская» культура, достигаетъ своего расцвѣта въ Греціи въ половинѣ II тысячелѣтія, но начатки ея слѣдуетъ относить несравненно ранѣе — мы видѣли, что уже къ концу династіи Гиксовъ (XVIII в.) она остигаетъ высокаго развитія. Эта культура не сразу вытѣснила эгейскую и нѣкоторое время развивалась параллельно ей. Но если носителями эгейской культуры являются племена, предшествовавшая грекамъ, то, по признанію громаднаго большинства ученыхъ, носителями микенской культуры являются *греки*, и новѣйшія открытія вполне подтвердили преданія греческаго эпоса и саги относительно главнѣйшихъ центровъ ея развитія.

Микенское искусство, по которому мы можемъ судить о духовной культурѣ народа, его создавашаго, есть греческое искусство, имѣющее уже всѣ своеобразныя черты, всѣ интимныя особенности, отличающія его отъ восточнаго искусства, — свободу и непосредственность, свѣжесть творчества и отсутствие условности. Возьмемъ ли мы керамику или глиптику, архитектуру, начатки живописи и скульптуры, художественныя ювелирныя и металлическія издѣлія, — всюду проявляются эти особенности: усвоеніе техническихъ приобрѣтеній Востока при полномъ сохраненіи духовной самобытности — это опять-таки чисто греческая черта, составляющая условіе совершенства греческаго искусства; «во всемъ, что греки ни заимствуютъ отъ варваровъ, они превосходятъ ихъ, доводя заимствованное до совершенства» ²⁾.

¹⁾ Ср. Evans, *Mycenaean Treas and pillar cult* въ *J. of Hell. Studies* 1901, 127.

²⁾ Слова Филиппа Опуатскаго (*Epinomis* 987 D).

«Здѣсь вѣетъ совершенно иной духъ, чѣмъ на Востокѣ,—говорить Фуртвенглеръ.—Здѣсь господствуютъ радость жизни и радость въ изображеніи и воспроизведеніи дѣйствительности. Тяжелая приглушающая атмосфера Востока уступила мѣсто чистому, ясному воздуху; если тамъ могли рождаться лишь символическіе типы, полные внутренняго значенія, но въ то же время неправдивые, связанные условностью, то здѣсь пропѣвается жизненная передача дѣйствительности. Даже демоническое и божественное изображается здѣсь не преувеличенно сверхприроднымъ, а человѣчески просто. Здѣсь человѣкъ не стоитъ въ боязливомъ трепетѣ, въ нѣмой покорности передъ земными и небесными владыками, какъ на Востокѣ—взоръ его глядитъ довѣрчиво и свободно, наслаждаясь радостью жизни и отражая ее».

И однако соприкосновеніе съ Востокомъ и вліяніе восточнаго искусства не подлежатъ сомнѣнію: «лишь на почвѣ, удобренной востокомъ, могъ вырасти цвѣтокъ микенскаго искусства. Соприкосновеніе съ Востокомъ было необходимо, чтобы вызвать зажигающую искру, чтобы впервые доставить европейскому духу его полное художественное выраженіе». При этомъ однако требовалось, чтобы такое соприкосновеніе не было слишкомъ близкимъ и тѣснымъ, чтобы оно не дѣйствовало подавляющимъ образомъ, какъ это случилось съ персами, которые сразу очутились въ средоточіи вавилонской культуры... Совершенно иначе складывались отношенія на Эгейскомъ морѣ: сообщенія съ Востокомъ дали знакомство съ нимъ, но самобытность не была нарушена этимъ знакомствомъ¹⁾.

Носителями микенской культуры были греки, но мы знаемъ, что эти греки не просто вытѣснили, а частью поглотили предшествовавшее имъ «эгейское» населеніе и смѣшались съ нимъ. Эгейская культура переходитъ въ протомикенскую; начатки микенской культуры такимъ образомъ были даны предшественниками грековъ, которые лишь «довели заимствованное до лучшаго конца». При этомъ именно примѣсь туземной «эгейской» крови оказалась особенно плодотворной. Мы не думаемъ, чтобы было возможно въ самомъ микенскомъ искусствѣ различить два теченія — южное и сѣверное, какъ это предполагали нѣкоторые, такъ какъ микенскій стиль обладаетъ большой цѣлостностью и единствомъ; но намъ представляется не случайнымъ, что конецъ микенской эпохи совпадаетъ съ переселеніемъ дорянъ, и появленіемъ геометрическаго стиля, который настолько ниже микенскаго въ художественномъ отношеніи. Возрожденіе греческаго искусства послѣ перерыва и упадка, вызван-

¹⁾ Furtwängler, Antike Gemmen, III, 13 сл.

наго переселеніемъ дорянъ, опять-таки не даромъ, начинается въ Іоніи, среди *малоазійскихъ* грековъ, находящихся въ кровномъ родствѣ съ первоначальнымъ греческимъ населеніемъ.

IV.

Итакъ, носителями микенской культуры являются греки, воспріявшіе въ себя этнографическіе и культурные элементы эгейскихъ племенъ. Но, кромѣ грековъ, причастными ей являются, по видимому, и другія племена, малоазійскія и арійскія, какъ, на примѣръ, фригійско-еракійскія народности, или троянцы Гомера, или ранніе жители Крита.

Вопросъ объ этнографическихъ элементахъ микенской культуры представляется чрезвычайно сложнымъ и едва ли вполне разрѣшимымъ. Новѣйшія открытія (я не говорю о гадательныхъ гипотезахъ) освѣтили до сихъ поръ только сложность этихъ элементовъ. Греческія племена въ своемъ движеніи на югъ, юго-западъ, а затѣмъ и на востокъ сталкивались въ теченіе вѣковъ съ болѣе ранними поселенцами не-арійскаго происхожденія, а можетъ быть и съ арійцами, принадлежащими къ фригійско-еракійской группѣ. И тѣ, и другіе внесли свой вкладъ въ матеріальную и духовную культуру грековъ микенскаго вѣка. О «малоазійскихъ» или «эгейскихъ» племенахъ мы уже говорили. Что же касается до еракійцевъ и фригійцевъ, то въ *въ историческую эпоху* греки были обязаны имъ множествомъ культовъ и боговъ: стоитъ назвать одного Діониса съ его экстафикой, чтобы понять, какъ великъ былъ вкладъ еракійцевъ въ религію грековъ, которая въ своемъ цѣломъ испытала на себѣ могущественное дѣйствіе этого бога. Эракія была также родиной Арея и родиной Музы, а въ послѣдствіи отсюда же производили древнихъ миеническихъ пѣвцовъ и вѣроучителей—Орфея, Мусея, Тамвириса, Евмолпа. Однако слѣдуетъ замѣтить, что Діонисъ, въ отличіе отъ разныхъ туземныхъ мѣстныхъ боговъ, является пришлымъ богомъ. Культъ его былъ принесенъ въ Грецію сравнительно поздно: неизвѣстно, существовалъ ли онъ въ Греціи въ микенскую эпоху. Культъ Арея, быть можетъ, и существовалъ, хотя тотъ богъ войны, который изображается на микенскихъ геммахъ, могъ и не быть Ареемъ, за котораго его принимаетъ Фуртвенглеръ: копье служило иногда атрибутомъ Зевса, а карійскій Зевсъ изображался въ видѣ двойной сѣкиры (*λαζρος*), которая часто является въ видѣ священнаго символа на геммахъ, вазахъ и на стѣнахъ кносскаго дворца, что даже дало поводъ Эвансу отождествить его съ *лабиринтомъ* (отъ

labrys)¹⁾. Говоря о фригийскихъ и еракійскихъ культахъ, нельзя не упомянуть о нѣкоторыхъ существенныхъ аналогіяхъ, отмѣченныхъ между культомъ идской матери—фригийской Кибелы и критской Реи, а также и о нѣкоторыхъ аналогіяхъ въ культѣ критскаго Зевса и нѣкоторыхъ культахъ Діониса, несомнѣнно, еракійскаго происхожденія. Эти аналогіи представляютъ несомнѣнныя проблемы, которыя мы здѣсь разсматривать не можемъ, но которыя едва ли не естественнѣе всего разрѣшаются при помощи гипотезы малоазійскаго населенія, которое, несомнѣнно, населяло Малую Азію до пришествія фригийцевъ, а также и острова и Критъ до арійскаго населенія²⁾.

Преданіе сохранило память о еракійцахъ въ Тессалии, Фокидѣ, Бэотіи, Евбеѣ (Абинты Str. X, 445), Наксосѣ³⁾, и мы не имѣемъ основанія утверждать, что никакихъ историческихъ фактовъ этимъ воспоминаніямъ не соотвѣтствовало. Отдѣльныя группы еракійцевъ легко могли быть вовлечены въ процессы переселенія греческихъ племенъ, особливо къ концу микенской эпохи, какъ на это указываетъ, по видимому, процессъ распространенія культа Діониса. Но отъ какихъ-либо рѣшительныхъ выводовъ благоразумнѣе воздержаться. *Гомеровскіе* еракійцы, союзники троянцевъ, славятся въ Греціи своимъ виномъ, *мечами* (II, XII, 577, XXII, 808) и *кубками* (XXIV, 234), а колесницы и золотое вооруженіе Реса (X, 434) заставляють видѣть въ немъ «микенскаго витязя».

V.

Вопросъ о вліяніи семитическаго востока, о вліяніи «передне-азіатской» культуры на микенскую представляется чрезвычайно запутаннымъ и сложнымъ. Если прежде въ финикійцахъ видѣли посредниковъ между Греціей и Востокомъ—Египтомъ и Ассиро-Вавилоніей, то въ настоящее время взглядъ на значеніе ихъ дѣятельности долженъ во многомъ измѣниться. Если въ первой половинѣ II тысячелѣтія въ Критѣ существовала могущественная морская

1) Ошибочность этого заключенія доказывается тѣмъ, что тотъ же символъ столь же часто встрѣчается въ дворцѣ Феста той же эпохи, и тѣмъ, что легендарный лабиринтъ вовсе не былъ дворцомъ.

2) Kretschmer въ Einl. in die Gesch. d. gr. Sprache 194 возводитъ и тѣ и другіе культы къ до-фригийскому малоазійскому племени, которое нѣкогда населяло и Малую Азію и острова. Ср. Evans въ J. of H. St. 1897, 374 и Willamowitz Möllendorf, Hefcles (1895), 8.

3) О Наксосѣ ср. Busolt I, 299; о еракійцахъ въ связи съ культомъ Арея см. Tümpel въ Энц. Pauly-Wissowa II, 642, 644, 647.

держава, если къ концу владычества Гиксовъ въ Египтѣ подражали микенскимъ мастерамъ, то спрашивается: что могли дать финикійцы микенцамъ и насколько они могли быть сильны на Эгейскомъ морѣ, которое Миносъ, по преданію, освободилъ отъ власти карійцевъ? Но мы знаемъ, что и въ до-микенскую эпоху при XII и XIII династїи существовали сношенія между Египтомъ и Критомъ, слѣды которыхъ совершенно несомнѣнны и ведутъ насъ въ глубину третьяго тысячелѣтія ¹⁾, когда сами финикійцы, можетъ быть, едва достигли Средиземнаго моря. Предметы финикійскаго происхожденія встрѣчаются въ Греціи и на островахъ лишь сравнительно поздно, т.-е. вмѣстѣ съ предметами поздне-микенскаго періода, такъ что проникли въ Грецію они лишь тогда, когда микенская культура сложилась окончательно ²⁾. Морское могущество финикійцевъ въ греческихъ водахъ наступаетъ, повидимому, лишь *послѣ* переселенія дорянъ и крушенія микенскихъ государствъ; какъ только морское владычество и торговля Іонїи начинается развиваться, финикійцы снова постепенно вытѣсняются изъ Эгейскаго моря, при чемъ ассирійское завоеваніе VIII в. нанесло имъ рѣшительный ударъ.

Принимая все это во вниманіе, можно спросить себя: насколько, въ какой мѣрѣ возможно допускать финикійское вліяніе на грековъ микенскаго вѣка?

Греческая колонизація началась, несомнѣнно, уже въ эту эпоху, и первая встрѣча съ финикійцами произошла на востокѣ. Однимъ изъ главнѣйшихъ и вмѣстѣ наиболѣе древнихъ мѣстъ ихъ встрѣчи былъ островъ Кипръ, который, до прибытія грековъ и финикійцевъ, былъ населенъ островитянами, обладавшими своеобразной халколитической культурой эгейскаго типа. Повидимому, эти островитяне составляли часть до-семитскаго племени, населявшаго Сирію, а можетъ быть, и Месопотамію ³⁾. Греки колонизовали Кипръ въ глубокой древности, что доказывается не только остатками ихъ утвари, но и языкомъ кипрскихъ грековъ: ихъ нарѣчіе всего ближе подходитъ къ аркадскому, въ которомъ сохранилось древне-пелопонесское (до-дорійское) нарѣчіе; аркадскій діалектъ въ свою очередь приближается къ группѣ «эолійскихъ» нарѣчій, куда относятся тессалійское, бэотійское, лесбійское. Отсюда ясно, что *колонизація Кипра произошла еще въ ту отдаленную эпоху, когда отъ Тессалїи до Пелопонесса господствовало одно нарѣчіе* ⁴⁾.

¹⁾ Hall I. с. 71.

²⁾ Ib. 110 сл. 224 сл. Busolt, I, 47, 49, 50.

³⁾ Ср. Dümmler у Pauly-Wissowa I, 2761, Ohnefalsch-Richter въ Arch. Jahrb. 1886, 131, E. Meyer, Gesch. d. A. I, 166, 222.

⁴⁾ Ib. II, §§ 142—147. Busolt I, 318 сл.

Кипръ находился въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Финикіей и своими мѣдными рудниками привлекалъ многочисленныхъ финиійскихъ поселенцевъ. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы предположить, что этотъ островъ долженъ былъ находиться всецѣло въ сферѣ финиійскаго вліянія. Кипръ служилъ главнѣйшею станціей торговаго пути между Египтомъ и Греціей, а также и главнѣйшимъ пунктомъ встрѣчи запада съ семитскимъ востокомъ, потому что, какъ намъ извѣстно изъ писемъ Тель-эль-Амарны, въ XV в. вся Сирія находилась въ сферѣ вліянія вавилонской культуры, которая и ранѣе пустила тамъ глубокіе корни. Не естественно ли, что въ эту эпоху финиійцы должны были стать посредниками между Египтомъ и Кипромъ?

Между тѣмъ и въ Кипрѣ роль финиійцевъ представляется въ началѣ весьма ограниченной. Во-первыхъ, въ настоящее время на основаніи Амарнскихъ писемъ дѣлается выводъ, что въ XV в. финиійскихъ поселеній здѣсь еще не было вовсе ¹⁾. Во-вторыхъ, если бы финиійцы впоследствии имѣли въ Кипрѣ преобладающее вліяніе, то мѣстныя могилы микенской эпохи должны бы были изобиловать предметами финиійскаго ввоза, чего безусловно нѣтъ. Микенскія вещи встрѣчаются сравнительно рѣдко и къ тому же относятся къ сравнительно позднему періоду. Въ микенскую эпоху кипрская керамика имѣла самостоятельное развитіе: ея продукты были выше сирийскихъ и финиійскихъ, такъ что они вывозились въ Сирію и Финикію, хотя и въ ограниченномъ количествѣ. Мало того: крашенныя кипрскія вазы были распространены по мало-азіатскому побережью вплоть до Трои во второй половинѣ второго тысячелѣтія. Восточное вліяніе въ это время совершенно отступаетъ назадъ ²⁾. Микенскій стиль проникаетъ въ Кипръ сравнительно поздно, но зато удерживается дольше, чѣмъ въ континентальной Греціи ³⁾, и лишь въ послѣ-микенскія времена, вѣроятно къ VIII вѣку, вырождается въ *смѣшанный стиль*, въ которомъ проявляются восточные мотивы. «Смѣшанная» кипрская культура возникаетъ такимъ образомъ лишь *послѣ* переселенія дорянъ и созрѣваетъ въ эпоху ассирійскаго завоеванія. Однако еще тогда греческое населеніе Кипра сохраняетъ господствующее положеніе: оно занимаетъ всѣ плодородныя поля и долины острова, и постепенно въ руки его переходятъ и приморскіе города, такъ что въ началѣ VII в. въ эпоху Асархадона изъ десяти мѣстныхъ князей девять носятъ гре-

¹⁾ E. Meyer въ *Aegyptiaca*, Festschr. f. Ebers 1897, 65.

²⁾ Furtwängler, *Antike Gemmen* III, 18.

³⁾ Hall l. c. 63 сл. 266.

ческія имена. Любопытна еще одна подробность: послѣ того какъ вся Греція приняла финикійскій алфавитъ, кипрскіе греки пользовались особымъ видомъ силлабическаго письма, которое производили отъ еще болѣе древней системы, аналогичной критскимъ письмамъ ¹⁾).

Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, мы склонны раздѣлять мнѣніе тѣхъ археологовъ, которые отрицають финикійское вліяніе въ образованіи микенской культуры или признають его въ высшей степени ограниченнымъ и позднимъ. И если вліяніе вавилонской культуры сказывалось такъ или иначе (напр., хотя бы въ глиптикѣ, которая, несомнѣнно, родилась въ Вавилоніи), то мы должны признать и другихъ посредниковъ этого вліянія—въ азіатскихъ и эгейскихъ племенахъ, помимо финикійцевъ и до нихъ.

Если ихъ роль въ области матеріальной культуры Греции была не значительна, то въ области духовной она была еще меньшей, даже въ поздне-микенскую эпоху,—что противорѣчитъ воззрѣніямъ, еще такъ недавно пользовавшимся общимъ распространеніемъ.

Самымъ значительнымъ вкладомъ финикійцевъ въ религію грековъ издавна считался культъ Афродиты - «Киприды»: по свидѣтельству Геродота, наиболѣе древнее и чтимое въ Греціи святилище Афродиты на островѣ Кипрѣ было тоже основано финикійцами. Но значеніе Кипра и Киперы еще не слѣдуетъ преувеличивать: пусть семитское вліяніе сказалось и здѣсь и тамъ,—это еще не значитъ, чтобы Афродита была финикійской Астартой. Древніе культы ея мы находимъ въ Тессаліи, Эоліи, Бэотіи, Аттикѣ, Аркадіи, Аргосѣ; по всей вѣроятности, она была занесена на Кипръ первыми греческими колонистами и тамъ подверглась семитическому вліянію. Или же, скорѣе, древнѣйшая туземная богиня-мать, которая была чтима кипрскими островитянами, сродными первоначальному досемитскому населенію Сиріи, была впоследствии чтима и греческими, и финикійскими переселенцами въ качествѣ главнаго мѣстнаго божества ²⁾. При этомъ легко совершилось смѣшеніе обряда. Одни чтили эту богиню какъ Астарту, другіе какъ Афродиту. Замѣтимъ, что въ Пафосѣ она не изображалась въ видѣ женской фигуры, одѣтой или раздѣтой: ей поклонялись въ видѣ священнаго конического камня ³⁾.

¹⁾ Ib. 265.

²⁾ Ср. Dümmler въ R. E. Pauly-Wissowa, ст. Aphrodita.

³⁾ Tacit. hist 2, 3. Голуби, священные птицы Киприды, нисколько не доказываютъ ея семитскаго происхожденія: мы находимъ ихъ въ древнемъ культѣ Діомы, матери Афродиты, въ Додонѣ (Herod. II, 55), въ древне-критскомъ культѣ (ср. Evans, Annual of the British School at Athens VIII, p. 30), въ Кипрѣ—въ священныхъ изобра-

Финикійцамъ можно приписать культъ Адониса, связанный съ культомъ Киприды и извѣстный въ Греціи уже въ VI в. Но, во-первыхъ, это сравнительно поздняя дата, а во-вторыхъ, если бы онъ и былъ извѣстенъ гораздо ранѣе, то еще неизвѣстно, отъ кого онъ проникъ къ малоазіатскимъ грекамъ,—отъ финикійцевъ, отъ кипріотовъ или отъ карійцевъ, среди которыхъ онъ также былъ распространенъ; слѣдуетъ вообще имѣть въ виду указаніе Аеенея, что греческіе поэты и писатели часто смѣшиваютъ Финикію съ Каріей (IV, 174).

Любопытно происхождение этого смѣшенія ¹⁾. Фойниксъ, «багровый», есть имя стариннаго греческаго божества, которое было чтимо въ Критѣ, на Кіоерѣ и, кажется, въ Коринѣ. По всей вѣроятности это былъ солнечный богъ, родиной котораго является Фойнике—«багряная» страна востока. Со временемъ культъ этого бога захудалъ; онъ обратился въ героя, подобно множеству другихъ греческихъ боговъ; а вмѣстѣ съ этимъ «царемъ Финикомъ», или Феникомъ, и родина его спустилась на землю: ея имя было перенесено на восточныя земли—сперва на Карію, а потомъ на страну сидонцевъ, совершенно такъ же, какъ мионическое названіе страны свѣта, *Ликія*, было перенесено на опредѣленную страну Малой Азіи, жители которой считались выходцами изъ Крита.

Такое объясненіе происхожденія «финикійцевъ» и царя «Финика» въ нѣкоторыхъ мифахъ и преданіяхъ оказывается едва ли не наиболѣе правдоподобнымъ въ виду отсутствія какихъ-либо положительныхъ данныхъ въ пользу допущенія ранней финикійской колонизаціи въ эгейскомъ морѣ и многихъ вѣскихъ соображеній противъ возможности такой колонизаціи. Фойниксъ былъ дѣйствительно критскимъ божествомъ, и мы не видимъ другого основанія приписывать его дочери Европѣ «финикійское» происхожденіе ²⁾. Мифъ о похищеніи ея Зевсомъ въ образѣ быка, точно такъ же, какъ и вообще древній культъ быка, который мы находимъ въ Критѣ и который былъ занесенъ оттуда въ другія мѣстности—даже въ Аѣины ³⁾,—тоже не имѣютъ въ себѣ ничего финикійскаго, хотя бы уже по одному тому, что мы не знаемъ культа быка, или Ваала въ образѣ быка, у финикійцевъ.

женіяхъ до-финикійскаго происхожденія (Ohnefalsch-Richter *Kurios* 1893, 278 сл.). Правда, голуби являются священными животными „сирійской богини“ Атаргатисъ въ Аскалонѣ. Но эта богиня не есть еще чистая Астарта. Она имѣетъ многія мѣстныя особенности, быть можетъ, объяснимыя до-финикійскимъ, аморрейскимъ культомъ.

¹⁾ См. Beloch, *Rhein. Mus.* 49 (1894). *Die Phoeniker am ägäischen Meer.*

²⁾ E. Müller, *Gesch. d. A.* II, §§ 92—94.

³⁾ Обрядъ буфоніи въ культѣ Зевса Полиевса, повидимому занесенный изъ Крита.

Помимо святилища въ Кизоеръ ¹⁾, финикійцамъ приписываютъ культы Геракла на Эасосъ (Herod. II, 44), морского демона Меликерта на Истмѣ и Кабировъ въ Самоэракии. Но если даже принять свидѣтельство Геродота, невѣроятіе котораго было отмѣчено еще О. Мюллеромъ ²⁾, всюду въ Греціи мы знаемъ только одного греческаго бога-героя Геракла. Меликертъ особаго значенія не имѣетъ и происхожденіе его спорно. Еще недавно Маасъ доказывалъ, что этотъ демонъ не есть тирскій Мелькертъ, а старинный деревенскій божокъ «Медо-рѣзь» (μελι-χέρτης) ³⁾. Это еще лишнее доказательство того, что для объясненія именъ боговъ можно всегда предложить не одну хорошую этимологию. Во всякомъ случаѣ Меликертъ есть чисто мѣстное божество. Наконецъ, что касается Кабировъ Самоэракии, то финикійское происхожденіе ихъ также сомнительно. Хотя *кабириме* и значить «сильные» по-финикійски, но все, что мы знаемъ о божествахъ, чтимыхъ въ Самоэракии, не позволяетъ намъ сближать ихъ съ какими-либо богами Финикіи, гдѣ мы никакихъ боговъ «кабировъ» не знаемъ ⁴⁾.

Главное значеніе финикійцевъ усматривали въ томъ, что они служили посредниками между греками и Востокомъ, т.-е. переднеазиатской и египетской культурой. Но въ настоящее время у насъ нѣтъ данныхъ даже для того, чтобы признать за ними сколько-нибудь значительную посредническую роль въ древне-микенскія времена ⁵⁾. Самый фактъ восточнаго вліянія, не только египетскаго, но и переднеазиатскаго (черезъ Сирію), не подлежитъ сомнѣнію. Можно спорить о деталяхъ, о происхожденіи тѣхъ или другихъ архитектурныхъ формъ, мотивовъ орнамента и другихъ частностяхъ, но въ общемъ, при всей безспорной художественной самобытности греческаго гения, вліяніе Египта и переднеазиатской культуры, несомнѣнно, прежде всего въ технику, но и не въ ней одной, а въ цѣломъ рядѣ мотивовъ, получившихъ оригинальную разработку въ Греціи, а главное въ той «зажигающей искрѣ», томъ толчокѣ, который пробудилъ творческія силы европейцевъ.

Въ приморскихъ племенахъ, хорошо знакомыхъ съ моремъ и посредствовавшихъ сношенія между Сиріей и Греціей, или Егип-

¹⁾ Эпонимъ этого острова *Κίζερος* сынъ Финика. Культomъ этого послѣдняго на Кизоерѣ, *можетъ быть*, объясняется и легенда о „финикійскомъ“ происхожденіи мѣстнаго культа Афродиты.

²⁾ Ср. Furtwängler въ словарѣ Рошера (I, 2142).

³⁾ Maas, Griechen u. Semiten auf dem Isthmos v. Korinth (1903).

⁴⁾ Почему бы, исходя изъ формы *καίριος* (Poll. 6, 23 у Рошера въ ст. *megaloi theoi*), не попробовать сдѣлать кабировъ карійцами—ж. р. *κα(F)εῖρα*, откуда *κα(F)εῖροι*?

⁵⁾ Furtwängler, Antike Gemmen III, 19.

томъ и Греціей, недостатка не было: стоитъ назвать эгейскихъ островитянь, — карійцевъ, лелеговъ, тирсеновъ, филистимлянъ, наконецъ самихъ грековъ. Сношенія съ Востокомъ, какъ отмѣчаетъ Фуртвенглеръ, были не только пассивныя, но и активныя, не только оборонительныя, но и наступательныя. Мы видѣли, что уже къ концу династіи Гиксовъ греческое оружейное искусство вызываетъ подражаніе въ Египтѣ. Если отдѣльные египетскіе предметы находятся въ микенскихъ раскопкахъ, то микенскія и даже до-микенскія вазы въ несравненно большемъ количествѣ находятся въ египетскихъ гробницахъ. Въ XIII и XII в. эгейскія племена совершаютъ нашествія на Египетъ, и среди этихъ племенъ узнаютъ дарданцевъ, данайцевъ, ахейанъ (*акайуша*). Чѣмъ было вызвано это движеніе, мы не знаемъ, точно такъ же какъ мы не знаемъ, гдѣ оно началось; но оно имѣло характеръ переселенія народовъ, которое отозвалось не только на востокъ и на западъ. Многіе сближаютъ его съ переселеніемъ дорянъ, и несомнѣнно, что это послѣднее было лишь однимъ изъ моментовъ того процесса передвиженія народовъ, которое наблюдается съ XIII в. въ восточной части средиземноморскаго бассейна и, повидимому, отозвалось и на западъ ¹⁾).

Къ вопросу о значеніи отдѣльныхъ малоазіатскихъ народностей въ эти времена слѣдуетъ относиться съ величайшею осторожностью. До начала седьмого вѣка у насъ нѣтъ связныхъ и послѣдовательныхъ историческихъ свѣдѣній о Малой Азій, а между тѣмъ именно тамъ приходится искать объясненія многихъ загадокъ греческой археологіи. Вопросъ о происхожденіи *хеттейской* цивилизаціи, едва ли не самый существенный вопросъ для изученія древней малоазіатской культуры, остается до сихъ поръ однимъ изъ самыхъ темныхъ вопросовъ во всей исторіи древняго Востока. Это не мѣшало однако многимъ и въ высшей степени компетентнымъ ученымъ видѣть въ хеттейской культурѣ посредствующее, связующее звено между микенской и вавилонской, а отчасти и египетской культурой. Но хеттейская держава сложилась около XV в., когда морское владычество Крита и микенское искусство были уже въ полномъ расцвѣтѣ, что уже само по себѣ возбуждаетъ сомнѣнія. Критскія письма сближали съ хеттейскими, но ни тѣ, ни другія не разобраны, и мы не знаемъ, какія древнѣе. Хронологія «хеттейскихъ» памятниковъ не установлена, и всякія заключенія, основанныя на нихъ, являются рискованными: наиболѣе осторожныя археологи не рѣшаются относить эти памятники къ эпохѣ болѣе

¹⁾ Ср. Willamowitz Heracles (1845) I, и слѣд.

²⁾ Ср. Hall въ Ann. VIII. The Keftiu etc.

ранней, чѣмъ VIII или самое позднее X в.. Такимъ образомъ о взаимномъ отношеніи хеттѣйской и микенской культуры мы судить пока не можемъ. Вѣрно то, что *элементы* малоазіатской культуры, въ которой скрещиваются египетскія и ассиро-вавилонскія вліянія, вошли въ микенское искусство; въ Сиріи и у хеттеевъ эти разнородные элементы породили «смѣшанный» стиль, въ Греціи они претворились и соединились органически въ цѣлостный оригинально-микенскій стиль. Малоазіатское и сѣверно-сирійское искусство, несмотря на громадное разстояніе, которое отдѣляетъ его отъ микенскаго, представляетъ все же неоспоримое внутреннее сродство съ микенскимъ при отсутствіи признаковъ внѣшняго заимствованія, что заставляетъ предполагать для того и другого общій корень и видѣть въ малоазіатскомъ искусствѣ отсталый, недоразвившійся отпрыскъ того же корня, который пустилъ такой могучій, роскошный ростокъ въ микенскомъ искусствѣ ¹⁾).

VI.

Исторія Греціи микенскаго вѣка, конецъ котораго, повидимому, совпадаетъ съ переселеніемъ дорянъ, обнимаетъ сложный процессъ образованія и соперничества нѣсколькихъ государствъ, оставившихъ слѣды въ Критѣ, Арголидѣ, Бэотіи, Атикѣ, Фессалии, Троадѣ. Новѣйшія раскопки проф. Дерпфельда обнаружили микенскій «городъ» на Левкадѣ, которую этотъ ученый на основаніи чрезвычайно вѣскихъ соображеній отождествляетъ съ Итакой Одиссея. Во главѣ отдѣльныхъ государствъ стояли чрезвычайно могущественные князья или цари, о власти которыхъ свидѣлствуютъ ихъ сокровища и грандіозныя сооруженія. Колонизація острововъ и Малой Азіи началась, повидимому, задолго до переселенія дорянъ и была вызвана не упадкомъ или внѣшнимъ пораженіемъ, а, какъ это обыкновенно бываетъ, процвѣтаніемъ и богатствомъ страны, избыткомъ населенія ²⁾). Мы уже указывали, что колонизація Кипра произошла въ ту отдаленную эпоху, когда отъ Фессалии до Пелопонесса (черезъ Бэотію) господствовало *одно нарѣчіе*; а Кипръ, очевидно, не могъ быть первою изъ греческихъ колоній. Все это должно было придавать греческой исторіи микенскаго вѣка своеобразный отпечатокъ, отличный отъ позднѣйшей эпохи. Сравнительно съ послѣдующею обособленностью и раздробленностью греческихъ племенъ, государствъ и мѣстныхъ говоровъ важно отмѣтить единство говора на

¹⁾ Furtwängler l. c. 15, ср. Hall, 122 сл. 317 слѣх.

²⁾ E. Meyer Gesch. d. A. §§ 138—161; Busolt, Gr. Gesch. I § 38.

сѣверѣ и югѣ Греціи и существованіе крупныхъ политическихъ центровъ, которое заставляетъ предполагать и существованіе могущественныхъ гегемоній.

Раннимъ культурнымъ и политическимъ центромъ Греціи былъ Критъ. Мы уже видѣли, въ какой глубокой древности начинается его культура и какъ мало-по-малу она возвышается, просвѣтляется искусствомъ, создаетъ могущественную государственную власть и въ теченіе вѣковъ строить одни дворцы надъ другими, при чемъ основанія древнѣйшихъ дворцовъ восходятъ, повидимому, еще къ третьему тысячелѣтію до Р. Х., и уже до-микенскій камаресъ достигаетъ въ своемъ родѣ совершенства, которое «не было никогда превзойдено въ исторіи керамического искусства».

Повидимому, смѣна дворцовъ и смѣна стилей, появленіе новаго «микенскаго стиля» вмѣстѣ съ новымъ дворцомъ должны имѣть значеніе историческихъ документовъ, свидѣтельствующихъ о завоеваніи, о появленіи въ Критѣ новой «микенской» расы. Но мы уже говорили о томъ, до какой степени такого рода заключенія непрочны, въ особенности тамъ, гдѣ самый матеріалъ еще далеко не весь раскрытъ и обследованъ. Въ общемъ однако мы не рискуемъ ошибиться, признавъ, что въ Критѣ повторился тотъ же процессъ, что и во всей Греціи; сначала онъ былъ *всепло* занять варварскимъ, т.-е. не греческимъ, населеніемъ (Herod. I, 173), которому онъ обязанъ своей первоначальной культурой, а затѣмъ былъ занятъ и греками. Въ высшей степени вѣроятно, что на Критѣ, какъ и на другихъ островахъ и даже въ большей мѣрѣ, встрѣчались не двѣ, а нѣсколько различныхъ народностей, представители различныхъ эгейскихъ племенъ, которыя въ теченіе вѣковъ занимали различныя части острова въ качествѣ поселенцевъ-колонистовъ, пиратовъ, завоевателей. «Тамъ смѣшивается языкъ съ языкомъ,— говорится въ Одиссеѣ (XIX, 175):— тамъ живутъ ахейцы, отважные этеокритяне, кидонцы, доряне и божественные пеласги». Это свидѣтельство очень поздняго времени; но если откинуть дорянъ и прибавить карійцевъ, лелеговъ, быть можетъ, ликійцевъ и даже филистимлянъ, которые видѣли свое отечество въ Кафторѣ¹⁾, то мы получимъ нѣкоторое представленіе о сложности элементовъ критской цивилизаціи во II тысячелѣтіи.

Что касается національности представителей микенской культуры Крита эпохи позднѣйшаго кносскаго дворца, то здѣсь мы

¹⁾ Ср. Hall, Oldest Civ. 133 сл. 214 и его же статья въ Ann. of the br. Sch. VIII. The keftiu and the peoples of the sea; Maspéro, Hist. ancienne des peuples de l'Orient classique (1899) II, 462.

должны прежде всего отмѣтить, что характеръ этой культуры тотъ же, что въ Греціи: та же могущественная царская власть, тѣ же сношенія съ Востокомъ, тотъ же стиль, то же искусство, только, можетъ быть, всѣ черты микенскаго вѣка и микенскаго искусства представлены здѣсь ярче, чѣмъ гдѣ-либо. Нигдѣ художественная дѣятельность не развилась сильнѣе. Керамика процвѣтала въ Критѣ и въ микенскомъ вѣкѣ, что доказывается не только множествомъ сосудовъ, но и сходствомъ ихъ орнамента съ орнаментомъ стѣнной живописи дворца. Эта послѣдняя по своимъ приѣмамъ, техникѣ и нѣкоторымъ мотивамъ ярко отражаетъ вліяніе египетскаго искусства, но столь же отличается отъ него своей свѣжестью, свободой и самобытностью, какъ и все микенское искусство. Отдѣльныя прекрасныя изображенія, наприм., танцовщицъ или юноши, воспроизводятъ явно европейскій типъ. «Правильныя, почти классическія черты, темные глаза, черные кудрявые волосы и высокій брахицефалическій черепъ» — таковъ портретъ микенскаго юноши, представляющій близкое сходство съ нѣкоторыми типами, доселѣ встрѣчающимися въ горахъ сѣверной и западной части острова. «Изображеніе глаза въ профиль, лѣпка лица и членовъ показываютъ высоту техники, которая въ исторической Греціи не была достигнута до V в.—черезъ какихъ-нибудь восемь или девять сотъ лѣтъ позднѣ этой фрески»¹⁾. Столь же замѣчательны и остатки пластики. Нечего говорить, что и они, какъ и всѣ произведенія той эпохи, безконечно оставляютъ за собой первые шаги «архаическаго» искусства VII в., невольно напоминая миѳы о Дедалѣ — первомъ греческомъ художникѣ при дворѣ Миноса. Къ удивленію, легенды о баснословномъ реализмѣ его искусства, находятъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ повѣйшихъ находкахъ, въ особенности въ превосходныхъ статуэткахъ изъ слоновой кости, а также и въ нѣкоторыхъ гипсовыхъ рельефахъ: лѣпка членовъ и мускуловъ, свобода движений показываютъ не только художественную мощь, но и продолжительное художественное развитіе; натурализмъ изображенія, спускающійся до такихъ подробностей какъ обозначеніе жилъ на рукахъ. является болѣе сроднымъ итальянскому ренессансу, нежели классической древности²⁾. Описывая голову быка, уцѣлѣвшую на одномъ изъ рельефовъ, Эвансъ замѣчаетъ, что она въ высокой степени сочетаетъ величіе и натурализмъ: «можно сказать безъ преувеличе-

1) Annual VI (1899—1900), 15. Ср. тамъ же с. 47 описаніе фресокъ миниатюръ, напоминающихъ афинскіе лекиты, но „несравненно болѣе совершенныхъ“ по живости изображаемыхъ группъ.

2) Ср. Отчеты Эванса въ Ann. Br. Sch. VI, VII и VIII passim и его же отзывъ въ J. H. St. 1901, 336.

нія, что никогда *позднѣйшее классическое искусство* не создало изображенія быка, въ одно и то же время столь мощнаго и столь вѣрнаго». Невольно вспоминается легенда о коровѣ Дедала, слѣланной по заказу супруги Миноса, Пасифаи...

Мы и сейчасъ еще не въ состояніи оцѣнить все дѣйствительное значеніе Крита въ ранней исторіи Греціи. Но та крупная роль, которую онъ игралъ въ древнѣйшей греческой цивилизаціи, была подозрѣваема и ранѣ новѣйшихъ открытій. Такъ, Группе, независимо отъ нихъ, на основаніи анализа преданій о происхожденіи отдѣльныхъ греческихъ культовъ и ихъ исторической географіи призналъ Критъ колыбелью греческой религіи. Аргументы его весьма запутанны и нерѣдко шатки, а постоянное исканіе сирѣ-финикійскихъ вліяній прямо ошибочно¹⁾. Но происхожденіе многихъ и притомъ важнѣйшихъ греческихъ культовъ дѣйствительно связывается съ Критомъ въ позднѣйшихъ преданіяхъ. Критъ, родина Зевса, былъ также родиной дельфійскаго и елевсинскаго культа и связывался многочисленными священными преданіями съ Лаконіей, Аркадіей, Арголidou, Эвбеей, Эгиной, Атикой, Кикладами, Тессаліей и даже Троадой. И каковы бы ни были наши выводы о степени достовѣрности отдѣльныхъ преданій о происхожденіи тѣхъ или другихъ культовъ, самый фактъ чрезвычайно ранняго преобладанія Крита въ культурной области угадывался уже ранѣ раскопокъ, которыя столь неожиданно подтвердили античныя преданія и догадки современныхъ ученыхъ.

Въ виду всего этого мы не можемъ оставлять безъ вниманія преданія древнихъ о Миносѣ, легендарномъ основателѣ и представителѣ могущественнаго Кносскаго царства, который былъ уже полумифической личностью въ эпоху, когда микенскіе цари еще продолжали существовать²⁾.

Кн. С. Н. Трубецкой.

(Окончаніе слѣдуетъ).

1) Самъ Группе считаетъ однако, что, помимо „случайныхъ и бурныхъ“ восточныхъ вліяній на Грецію, „существовало въ общемъ лишь очень немногo путей, посредствомъ которыхъ греческая культура въ древнѣйшихъ своихъ слояхъ могла подвергаться оплодотворяющему воздѣйствію культурныхъ государствъ Востока“: онъ разумѣетъ вліяніе филистимлянъ и финикійцевъ въ Критѣ и вліяніе финикійцевъ въ Вост. Бэотіи (Gr. Mythol. u. Religionsgesch. I, 379). Послѣ сказаннаго намъ нѣтъ надобности останавливаться на разборѣ этой теоріи.

2) Ср. Hall I. с. 209.

Хроника науки, искусства и литературы.

Астрономическія извѣстія. — *Атмосфера солнца.* Въ изслѣдованіи солнечной атмосферы можно отмѣтить нѣсколько главнѣйшихъ моментовъ.

Въ 1851 году во время полного солнечнаго затменія іезуитъ Секки попробовалъ измѣрять съ помощью электрической батареи напряженность солнечныхъ лучей въ различныхъ разстояніяхъ отъ центра. Онъ устанавливаетъ замѣчательный фактъ, что интенсивность центральныхъ лучей гораздо болѣе, чѣмъ тѣхъ, которые идутъ отъ краевъ солнечнаго диска. Это явленіе онъ объяснилъ существованіемъ вокругъ солнца плотной атмосферы, которая, поглощая лучи, ослабляетъ ихъ интенсивность.

Тѣмъ лучамъ, которые идутъ отъ краевъ диска, приходится пронизывать большую толщину атмосферы, чѣмъ лучамъ центральнымъ. Поэтому-то края солнечнаго диска и являются менѣе горячими, чѣмъ центръ.

Теперь, когда научились фотографировать солнце, мы на каждомъ снимкѣ видимъ наглядно подтвержденіе открытія Секки — края диска всегда темнѣе, чѣмъ центръ.

Во время полного солнечнаго затменія 1843 года впервые вниманіе наблюдателей привлекла розовая узкая полоска, которая на нѣсколько градусовъ тянулась вокругъ чернаго диска луны; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея поднимались большіе выступы. Для рѣшенія вопроса, что представляютъ собой эти чудныя образованія въ 1851 году, когда ожидалось слѣдующее полное солнечное затменіе, снаряжаются спеціальныя экспедиціи. Было установлено, что выступы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть горами луны, что она вмѣстѣ съ красной каймой несомнѣнно принадлежитъ солнцу и кайма охватываетъ весь дискъ солнца кругомъ. Но только послѣ, черезъ 17 лѣтъ, оказалось возможнымъ отвѣтить на вопросъ, изъ какого собственно вещества состоятъ выступы. 18-го августа 1868 года останется навсегда памятнымъ въ исторіи астрономіи. Тогда впервые при наблюденіи солнечнаго затменія былъ примененъ спектроскопъ. Это могучее орудіе новѣйшаго времени. Астрономъ Жансенъ, наведя свой спектроскопъ на большой выступъ, представшій передъ его глазами, какъ только луна совершенно закрыла дискъ солнца, сразу въ одинъ моментъ понялъ, что выступы — образованія газообразныя; это масса накаленного водорода, который огненными фонтанами вырывается изъ нѣдръ солнечной поверхности или виситъ надъ нею въ

видъ нашихъ облаковъ. Красная кайма, получившая названіе хромосферы, какъ оказалось, также главнымъ образомъ состоитъ изъ раскаленного водорода, но встрѣчаются въ ней и другія вещества, между прочимъ гелій, — совершенно неизвѣстный на землѣ до 1895 года. А верхніе слои атмосферы солнца — серебристая корона состоятъ изъ какого-то другого загадочнаго, крайне разрѣженнаго вещества—коронія, котораго и до сихъ поръ не знаютъ на землѣ. Правда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилось извѣстіе, что итальянскими учеными найдены слѣды коронія на землѣ, но открытіе не было подтверждено или по крайней мѣрѣ оно не получило дальнѣйшаго развитія.

Жансенъ и Локьеръ показали, что можно наблюдать спектръ солнечныхъ выступовъ и безъ затмения, при полномъ солнечномъ блескѣ, а черезъ годъ въ 1869 году Геггинсъ нашелъ способъ и видѣть непосредственно выступы во всемъ блескѣ ихъ причудливыхъ разнообразныхъ формъ.

Еще раньше въ 1861 году Кирхгофъ, давшій толкованіе темнымъ, такъ называемымъ фраунгоферовымъ линиямъ солнечнаго спектра, установилъ присутствіе вокругъ солнечнаго ядра плотнаго слоя паровъ различныхъ веществъ: водорода, калия, натрія, магнія, и даже тяжелыхъ металловъ: желѣза, кобальта, никеля и др. Вырисовываются составъ и подробности строенія атмосферы солнца.

Въ 1870 году Юнгу удалось за 1 секунду передъ наступленіемъ полной фазы солнечнаго затмения замѣтить обращеніе темныхъ фраунгоферовыхъ линий въ свѣтлыя. Свѣтъ отъ ядра солнца уже не могъ попасть въ трубу, луна закрыла его; шли лучи лишь отъ узкаго слоя, непосредственно слѣдующаго за фотосферой. Эти лучи теперь явились яркими. При послѣдующихъ затменияхъ можно было аккуратно прослѣдить, что всѣ темныя линии дѣйствительно замѣнялись яркими. Толщина обрабающаго слоя, въ которомъ происходятъ поглощенія солнечныхъ лучей, вслѣдствіе чего въ спектрѣ появляются темныя линии, казалась сравнительно очень ничтожною. Но фотографическіе снимки спектра обрабающаго слоя, полученные при наблюденіяхъ послѣднихъ затмений, начиная съ 1896 года, обнаруживаютъ, что поглощеніе лучей происходитъ не въ одномъ узкомъ слоѣ, а въ нѣсколькихъ слояхъ, налегающихъ одинъ на другой.

Въ началѣ девяностыхъ годовъ научились какъ будто бы фотографировать выступы безъ затмения и факелы по всему солнечному диску. Какъ извѣстно, при обыкновенныхъ наблюденіяхъ въ трубу глазомъ или на экранѣ факелы бывають видны только близъ края диска, а ближе къ центру они исчезаютъ вслѣдствіе яркости фона, но фотографія наглядно обнаруживаетъ, что они разсыпаны по всему диску; широкий поясъ всей поверхности солнца можетъ быть покрытъ этими интересными образованиями. Опыты одновременно удались въ Америкѣ, у астронома Хейля и во Франціи у Деляндра. Идея методовъ у обоихъ наблюдателей одинакова, — различаются только техническія подробности. Она является развитіемъ метода визуальныхъ наблюденій выступовъ съ помощью спектроскопа безъ затмения. Если пучокъ бѣлага свѣта идетъ черезъ призму, то онъ разлагается на безконечное множество элементарныхъ и мы получаемъ спектръ, но если источникъ свѣта выпускаетъ только монохроматическіе лучи, то разложенія ихъ, конечно, не будетъ: они только

отклоняются призмой; мы увидимъ самый источникъ свѣта только въ другомъ направленіи—нѣсколько приподнятомъ или опущенномъ въ зависимости отъ расположенія призмы. Пусть лучи идутъ отъ раскаленнаго водорода. При прохожденіи черезъ призму, они раздѣляются, но только на пять доступныхъ нашему глазу пучковъ: красный, зеленый, голубой и два фіолетовыхъ. Получится пять тождественныхъ по формѣ, но различныхъ по цвѣту изображеній источника свѣта. Если это былъ солнечный выступъ, мы увидимъ, расширяя щель спектроскопа, пять изображеній этого выступа въ красномъ, зеленомъ, голубомъ и фіолетовомъ цвѣтахъ. Какъ можно видѣть изображеніе выступовъ, такъ можно и фотографировать ихъ. Астрономъ Хейль замѣтилъ, что въ спектрахъ солнечныхъ выступовъ и факеловъ темныя линіи Н и К, лежація въ области фіолетовыхъ лучей и приписываемыя кальцію, дѣлаются свѣтлыми. Онъ попробовалъ фотографировать изображеніе въ этихъ лучахъ. Чтобы уединить лучи, кромѣ главной щели спектроскопа, онъ беретъ другую щель, черезъ которую и пропускаетъ лучи Н и К на фотографическую пластинку. Оставляя послѣднюю неподвижной, онъ заставляетъ обѣ щели, соединенныя въ одну систему, перемѣщаться параллельно начальному положенію по всему изображенію солнца и даже нѣсколько больше въ ту и другую сторону. Если самое изображеніе солнца закрыто, то рядъ положеній щели давалъ полную картину окрестностей—изображеніе хромосферы и всѣхъ выступовъ. Если оставить дискъ солнца открытымъ, то на фотографическомъ снимкѣ при болѣе короткой экспозиціи получатся факелы по всему диску. Мы имѣемъ какъ бы сѣтку, охватывающую самый корпусъ солнца, картину распредѣленія факеловъ безъ фона, точнѣе картину распредѣленія паровъ, посылающихъ лучи Н и К. Хейль приписывалъ ихъ факеламъ и считалъ послѣдніе именно массами свѣтящагося накалиннаго кальція. Но Деляндръ, который тоже сумѣлъ, независимо отъ Хейля, получить на фотографическомъ снимкѣ картину распредѣленія паровъ Н и К, съ самаго начала отличалъ ихъ отъ факеловъ. Онъ утверждалъ, что пары кальція плаваютъ въ хромосферѣ выше поверхности солнца, а факелы — суть части фотосферы, лишь только нѣсколько приподнятыя.

Онъ обратилъ вниманіе на то, что темныя линіи Н и К, когда спектроскопъ ставится на факель, не просто обращаются въ свѣтлыя, а на ихъ широкомъ фонѣ появляются свѣтлыя линіи, которые въ инструментахъ съ большимъ свѣторазсвѣщеніемъ являются двойными. Эти свѣтлыя линіи и принадлежать по его мнѣнію раскаленному газу, находящемуся выше факеловъ,—выступамъ, проектирующимся на дискъ солнца. Наблюденіе въ простой спектроскопъ дало новыя основанія для такого предположенія.

Въ спектроскопѣ не видно формы образованія, но зато въ ней сразу является и спектръ паровъ кальція и спектръ факеловъ и края солнца. Ясно видно, что свѣтлыя области паровъ кальція должны быть больше поверхности, покрытой факелами.

Оба ученые опубликовали описанія своихъ приборовъ и снимки, полученные съ нихъ. Потсдамская астрофизическая обсерваторія съ своей стороны пыталась организовать фотографированіе атмосферы солнца въ кальціевыхъ лучахъ Н и К. Она вырабатывала приборы по типу спектрогелиографа Хейля, вводя нѣкоторыя усовершенствованія, но резуль-

татовъ своихъ изслѣдованія пока еще не опубликовала. Между тѣмъ въ Америкѣ Хейль, назначенный директоромъ новой обсерваторіи Геркса близъ Чикаго, продолжалъ свое дѣло съ большими средствами. Онъ утилизировалъ для своихъ изслѣдованій главный рефракторъ обсерваторіи—наибольшую трубу въ мірѣ, діаметръ объектива которой равняется одному метру, т.-е. 40 дюймамъ. Преимущества большой трубы, дававшей изображенія солнца въ большомъ масштабѣ, оказались чрезвычайно велики.

Въ 1899 году былъ готовъ новый спектрогелиографъ. Въ 1902 опубликованы первые результаты, теперь появились новые, вызывающіе всеобщее удивленіе. Рядъ прекрасныхъ, роскошно отпечатанныхъ таблицъ передаетъ удивительныя клочковатыя образованія различныхъ паровъ въ атмосферѣ солнца.

Картины напоминаютъ собой общій видъ солнечной поверхности по фотографіямъ Жансена—такія же волны или облака, перепутавшіяся между собою. Только въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ фотосферой солнца, посылающей намъ совокупность многихъ лучей, а съ различными отдѣльными веществами, плавающими въ раскаленной атмосферѣ солнца, а потому и картины, представляющія собой одно и то же мѣсто диска солнца для одного момента, не тождественны между собой, часто даже совершенно непохожи и въ главныхъ своихъ чертахъ: одна даетъ распредѣленіе одного вещества, другая—другого. Вещества эти могутъ быть на различныхъ высотахъ надъ поверхностью солнца. Идея новыхъ изслѣдованій и заключается въ томъ, чтобы изучить атмосферу солнца слоями. Получаютъ сѣтки распредѣленія каждаго вещества безъ отношенія къ общему фону. Хейль и Эллерманъ въ данномъ случаѣ даютъ снимки въ кальціевыхъ лучахъ: H_1 , H_2 , K_1 , K_2 , и водородныхъ $H\beta$ и $H\gamma$.

Отъ своего прежняго предположенія, что факелы представляютъ собой массы накаленныхъ паровъ кальція, Хейль отказался и снимки въ лучахъ H и K уже не приписываетъ факеламъ.

Благодаря большому масштабу, выступаютъ интересныя подробности строенія сѣтокъ—въ нихъ видна зернистость, какъ въ факелахъ и вѣступахъ. Деляндръ, привѣтствуя результаты американскихъ коллегъ, замѣчаетъ, что было бы важно прослѣдить, имѣтъ ли соотвѣтствія въ этомъ зернистомъ строеніи для паровъ хромосферы и факеловъ. Для этого нужно получить съ помощью спектрографа изображеніе хромосферы, уединивши какіе-либо ея лучи, потомъ сфотографировать съ тѣмъ же спектрографомъ поверхность солнца, выдѣливши свѣтлый интервалъ между двумя черными линиями спектра, и сравнить полученные два изображенія. Возможно, что окажется соотвѣтствіе въ распредѣленіи зеренъ, которыя могутъ на самомъ дѣлѣ находиться другъ надъ другомъ. Такъ какъ, надо думать, хромосфера, имѣетъ происхожденіе электрическое, то Деляндръ рѣшается повторить высказанное имъ еще въ 1893 году положеніе, что въ хромосферѣ разыгрываются электрическія явленія на большой высотѣ, выше приподнятыхъ частей фотосферы такъ, какъ это имѣетъ мѣсто и на землѣ. Для подтвержденія этого онъ проектируетъ фотографировать солнце и во многихъ другихъ лучахъ, потому что если справедливо положеніе, то и другіе пары должны быть на высотѣ въ хромосферѣ наиболѣе интенсивны. Деляндръ въ 1893 г. намѣтилъ нѣсколько темныхъ линий, чтобы получить изображеніе верхнихъ слоевъ

хромосферы и короны, но инструментъ, которымъ онъ располагалъ, оказался для этого рода изслѣдованія недостаточно сильнымъ.

Но и средства американскихъ наблюдателей, повидимому, были недостаточны, чтобы дать изображенія, соответствующія тонкимъ чернымъ кальціевымъ линіямъ, которыя являются между двумя свѣтлыми въ системѣ Н К. А это было бы интересно, такъ какъ изображенія соответствовали бы верхнему слою хромосферы, — слою, который Деляндръ называетъ третьимъ, считая обращающій слой и собственно хромосферу первымъ и вторымъ.

На американскихъ снимкахъ изображенія въ лучахъ Нз и Кγ оказались не свѣтлѣ фона, а наоборотъ, темнѣ его. Результатъ на первый взглядъ непонятный. Деляндръ находитъ ему объясненіе въ строеніи линіи Нз и Нγ. Онъ такъ же, какъ и линіи кальція, при большомъ свѣторазсѣяніи, оказываются двойными, если спектроскопъ поставленъ на факелы, съ черными *тонкими* линіями посерединѣ между свѣтлыми. Изображенія, полученные въ Америкѣ, по мнѣнію Деляндра, соответствуютъ этимъ темнымъ линіямъ и представляютъ строеніе верхняго слоя хромосферы.

Такъ постепенно, шагъ за шагомъ, раскрывается предъ нами сложное строеніе нашего дневного свѣтила.

К. Покровский.

Новости иностранной литературы и журналистики. Среди новыхъ французскихъ книгъ по исторіи литературы и критикѣ довольно видное мѣсто занимаютъ всегда сочиненія Эмиля Фагэ, который извѣстенъ русской публикѣ, между прочимъ, какъ авторъ переведенной порусски книги „Политики и моралисты XIX вѣка“ и нѣкоторыхъ отдѣловъ въ „Исторіи французскаго языка и литературы“, вышедшей подъ общою редакціей Л. Пти де Жюльвилля. Фагэ обладаетъ, несомнѣнно, большою эрудиціей, чувствуетъ себя, какъ дома, въ прошломъ родной литературы, въ то же время не утрачивая способности оцѣнивать и ея новѣйшія явленія, что подтверждается хотя бы его этюдомъ о Флоберѣ, вошедшимъ въ составъ коллекціи „Grands écrivains français“, или лучшими изъ его театральныхъ рецензій, съ годами образовавшихъ цѣлые восемь томовъ. Онъ не способенъ, въ общемъ, увлекать и воодушевлять своего читателя, какъ это удается инымъ критикамъ или рецензентамъ съ болѣе экспансивною, впечатлительною, огненною натурою, — этому мѣшаетъ его спокойное, разсудочное, всегда тщательно обоснованное. но иногда нѣсколько сухое, какъ бы сдержанное отношеніе къ изучаемымъ имъ фактамъ и вопросамъ; но его разносторонняя начттанность, несомнѣнная любовь къ родной литературѣ, строгая логичность всѣхъ его выводовъ, легкій, живой, хотя и не всегда колоритный языкъ, — все это ставитъ произведенія Фагэ выше многихъ новинокъ историко-литературнаго и критическаго содержанія, появляющихся время отъ времени на французскомъ книжномъ рынкѣ.

Въ иныхъ случаяхъ Эмиль Фагэ, покидая чисто литературную область, касается вопросовъ общественнаго и философскаго характера, какъ мы это видимъ, напримѣръ, въ двухъ сборникахъ его этюдовъ и очерковъ „Questions politiques“ и „Problèmes politiques du temps présent“. Весьма своеобразный и, быть можетъ, нѣсколько неожиданный для автора „Drame

ancien, drame moderne“ характеръ носить и новѣйшая его книга, которой мы могли бы, въ сущности, скорѣе ожидать отъ какого-нибудь другого французскаго писателя и мыслителя, такъ какъ въ ней затрогиваются вопросы, почти не отражавшіеся до сихъ поръ у Фагэ: „*En lisant Nietzsche*“. Литература французскихъ сочиненій, посвященныхъ германскому философу, сравнительно, не богата, и пока еще нельзя сказать, чтобы она внесла что-нибудь особенно новое и своеобразное въ пониманіе его идей (отмѣтимъ, впрочемъ, книгу Фулье „*Nietzsche et l'imporalisme*“). Несомнѣнно, однако, что за послѣднее время, все чаще появляются французскія статьи о Ницше и переводы его избранныхъ произведеній. Въ нѣкоторыхъ литературныхъ кругахъ, вообще симпатизирующихъ всему новому и оригинальному, авторъ „Такъ говорилъ Заратустра“ вызываетъ энтузіазмъ, находитъ послѣдователей, провозглашается однимъ изъ самыхъ крупныхъ мыслителей нашего времени. Редакція журнала „*Mercure de France*“, внимательно слѣдящаго за всѣми новыми явленіями въ области европейской мысли и творчества, выпустила до сихъ поръ *одинадцать* томовъ его сочиненій во французскомъ переводѣ, причемъ были переведены даже нѣкоторыя второстепенныя его вещи, менѣе характерныя для его міросозерцанія. Иные томы, наприм. „Заратустра“ или „*Pages choisies*“, —выборка изъ всѣхъ лучшихъ произведеній Ницше,—выдержали до сихъ поръ 6—7 изданій. Тѣмъ не менѣе, большая публика во Франціи все еще мало знаетъ германскаго философа, и въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя ему посвящены, приходится заново рассказывать и объяснять много такого, что можно было бы, собственно говоря, предполагать извѣстнымъ...

Новая книга Фагэ едва ли особенно заинтересуетъ тѣхъ, кто уже основательно знакомъ съ творчествомъ и міросозерцаніемъ Ницше, а также—съ тѣми работами и этюдами, сочувственными или враждебными, но во всякомъ случаѣ перѣдко весьма обстоятельными и солидными, которые были ему посвящены нѣмецкими критиками. Но тѣмъ, кто еще не имѣетъ вполне яснаго представленія о взглядахъ и теоріяхъ Ницше, трудъ Фагэ можетъ принести несомнѣнную пользу. Критикъ тщательно изучилъ сочиненія философа и старается, по возможности, познакомить читателя со всѣми сторонами міровоззрѣнія автора „По ту сторону добра и зла“, характеризуя его, вмѣстѣ съ тѣмъ, и какъ литератора. Фагэ, по своему обыкновенію, хочетъ быть строго объективнымъ и безпристрастнымъ,—и это въ значительной степени удается ему. Мы чувствуемъ, однако, что его нельзя причислить къ „ницшеанцамъ“; главныя положенія философа ему чужды и не симпатичны, между отдѣльными его взглядами онъ не находитъ полнаго единства и гармоніи, кое-гдѣ отгнѣняетъ даже явныя противорѣчія, а самого Ницше онъ называетъ въ одномъ случаѣ, — болѣе оригинально, чѣмъ справедливо, — „Донъ-Жуаномъ мысли“... Не видя въ Ницше выдающагося по своимъ дарованіямъ человѣка, Фагэ въ то же время признаетъ его заслугу, какъ мыслителя, заставившаго своихъ современниковъ надъ многимъ задуматься, заняться „переоцѣнкою всѣхъ цѣнностей“, лишній разъ доказавшаго, что независимый, самобытный мыслитель можетъ идти своимъ путемъ, смѣло вступать въ борьбу съ тѣмъ, что ему кажется предразсудкомъ или ложью, рѣшать всѣ вопросы и проблемы, руководствуясь только своимъ внутреннимъ голосомъ и непоколебимымъ убѣжденіемъ.

Именно, какъ энергичный, вдумчивый и самостоятельный человѣкъ, заставившій всѣхъ встрепенуться и отозваться, даже если они не почувствовали его идеямъ, и какъ провозвѣстникъ „искусства будущаго“, которое должно будетъ выражать мысли и ощущенія возрожденнаго, возмужавшаго человѣчества, Ницше интересуется французскаго критика. Его книга „En lisant Nietzsche“ можетъ послужить хорошимъ, прямо необходимымъ дополненіемъ къ тѣмъ многочисленнымъ сочиненіямъ самаго философа, которыя теперь уже имѣются во французскомъ переводѣ и въ которыхъ иногда очень трудно бываетъ разобраться неподготовленному читателю. Но все же, читая эту книгу, мы не можемъ отдѣлаться отъ мысли, что это—не настоящая сфера Фагэ, что онъ чувствуетъ себя какъ-то не по себѣ въ этой необычайной для него обстановкѣ, гдѣ онъ не можетъ высказать ничего вполне оригинальнаго и новаго,—онъ, который, говоря о французской литературѣ XVI—XIX вѣковъ, проводилъ нерѣдко весьма интересные и своеобразные взгляды!..

Отличительный характеръ книги Фагэ и отсутствіе въ ней вполне яркой, оригинальной окраски особенно бросятся намъ въ глаза, если, оставляя пока въ сторонѣ другія французскія опѣнки Ницше, мы перейдемъ временно къ одной изъ новинокъ нѣмецкой „Nietzsche-Litatur“,—книгѣ нѣкоего Альберта Кальтгофа, — „Zarathustra-Predigten; Reden über die sittliche Lebensauffassung Friedrich Nietzsches“. Эти „проповѣди“, дѣйствительно, произнесены были въ одной лютеранской церкви, но ихъ цѣлью отнюдь не было развѣнчаніе или обличеніе философа, многіе взгляды котораго, связанные съ религиозными вопросами, давали, казалось бы, проповѣднику обильный матеріалъ для полемики и полныхъ негодованія приговоровъ, вызванныхъ враждебнымъ отношеніемъ Ницше къ христіанской религіи и морали. Цѣль Кальтгофа—совершенно другая, и это именно дѣлаетъ его рѣчи и проповѣди, собранныя теперь въ одну книгу, особенно интересными и оригинальными: онъ хочетъ доказать, что иные пункты міросозерцанія и боевой программы Ницше отнюдь не противорѣчатъ христіанскому ученію, что германскій философъ, не желая или даже не подозрѣвая этого, былъ въ иныхъ отношеніяхъ единомышленникомъ самыхъ убѣжденныхъ, возвышенно, идеально смотрящихъ на дѣла вѣры христіанъ... Онъ настаиваетъ на томъ, что самъ Ницше, какъ человѣкъ, отнюдь не подходилъ къ тому суровому, жестокому, властному и эгоистичному образу, который онъ хотѣлъ выставить достойнымъ подражанія и безусловно желательнымъ. Онъ напоминаетъ, что проповѣдь Ницше противъ лицемѣрія, лжи, показной морали, условностей является какъ бы отголоскомъ борьбы Христа съ фарисеями. Такія же точки соприкосновенія онъ видитъ въ проповѣди совершенствованія человѣчества, развитія и освобожденія человѣческаго духа, въ отрицаніи несовершенной окружающей жизни, со всѣми ея стѣснительными условіями, несправедливостью и суетой, въ стремленіи къ чему-то болѣе высокому, идеальному.

Нечего и говорить, что многія изъ этихъ параллелей и сопоставлений достигаются цѣною извѣстныхъ натяжекъ. Нѣкоторыхъ сторонъ ницшеанства Кальтгофъ принужденъ совсѣмъ не касаться, такъ какъ онѣ явились бы неумѣстнымъ диссонансомъ и могли бы нарушить стройность и цѣльность того зданія, которое онъ съ такимъ трудомъ воздвигаетъ. Отрицательное отношеніе Ницше къ морали самоотреченія, кро-

тости, смиренія достаточно извѣстно, равно какъ и его вражда къ христіанской религіи и церкви. Какъ бы ни относиться къ подобнымъ фактамъ, ихъ во всякомъ случаѣ не такъ легко отстранить или признать неважными, и Кальтгофу пришлось прибѣгнуть къ нѣкоторымъ ухищреніямъ, съ тѣмъ чтобы доказать слушателямъ справедливость своей мысли... Тѣмъ не менѣе, его попытка остается очень интересною и оригинальною, нѣкоторыя его сближенія вполне выдерживаютъ критику, наконецъ, самое желаніе по-новому объяснить и вслѣдствіе этого реабилитировать Ницше, вмѣсто того, чтобы безусловно отрицать его значеніе и осуждать его дѣятельность, свидѣтельствуетъ о самостоятельности и самобытности мышленія автора „Zarathustra-Predigten“, который въ этомъ случаѣ стоитъ неизмѣримо выше такого опытнаго и разносторонняго, но не основаннаго въ новой для него обстановкѣ критика, какъ Эмиль Фагэ.

Вернемся однако къ французскимъ оцѣнкамъ философіи Ницше и того вліянія, какое она можетъ оказывать на умы. Недавно вышла уже третьимъ изданіемъ книга Ж. Бурдо, „*Les maîtres de la pensée contemporaine*“. Въ этомъ сборникѣ критическихъ этюдовъ и очерковъ мы находимъ статьи, посвященныя довольно разнохарактернымъ представителямъ новой европейской мысли: Стендалю (по поводу книги Шюке *Stendhal-Beyle*), Тэну, Ренану, Герберту Спенсеру, Толстому, Рэскину, Виктору Гюго; въ концѣ книги авторъ помѣстилъ не вполне исчерпывающій свое заглавіе очеркъ „Итоги XIX вѣка“. Наконецъ, здѣсь же мы встрѣчаемъ и довольно обширную статью о Ницше, распадающуюся на четыре главы: „*Max Stirner et son moi*“, „*Le néo-cinisme aristocratique*“, „*La philosophie perverse*“, „*Nietzsche—socialiste malgré lui*“. Оцѣнка философіи Ницше, какую мы находимъ у Бурдо, не отличается особенною новизною и оригинальною; одно несомнѣнно: онъ склоняется скорѣе въ сторону отрицательнаго отношенія къ этой философіи, отмѣчая тотъ вредъ, который она можетъ принести своимъ послѣдователямъ, хотя и признавая вмѣстѣ съ тѣмъ выдающіяся дарованія Ницше и смѣлость его мышленія. „Нѣкоторые яды,—говоритъ онъ въ одномъ случаѣ,—могутъ становиться спасительными, если ихъ принимать небольшими дозами... Такъ и философія Ницше можетъ послужить противоявіемъ болѣзни вѣка, малодушному пессимизму, отвращенію къ жизни...“ Такимъ образомъ здѣсь мы опять имѣемъ дѣло съ попыткою — остановиться на среднемъ рѣшеніи, воздержаться и отъ диэпирамбовъ, и отъ безусловнаго развѣнчанія.

Для французскаго читателя можетъ представить интересъ та глава, въ которой проводится параллель между Ницше и Штирнеромъ и характеризуется ученіе послѣдняго. Личность Штирнера, какъ одного изъ предшественниковъ Ницше, высказавшаго въ 40-хъ годахъ многія изъ тѣхъ мыслей, которыя потомъ отразились въ проповѣди „Заратустры“, привлекла за послѣднее время вниманіе изслѣдователей и на Западѣ, и отчасти у насъ, въ Россіи. Французская публика почти не знаетъ Штирнера, и тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаетъ о немъ Бурдо, основываясь на работахъ Шелльвина, Кроненберга, Готшалля и др., являются для средняго французскаго читателя новостью, проливая свѣтъ на своеобразную доктрину автора „*Der Einzige und sein Eigenthum*“. Кое-гдѣ Бурдо старается указать на нѣкоторыхъ героевъ европейской литературы XIX вѣка, которые были какъ бы „ницшеанцами до Ницше“ и за нѣсколько

десятилѣтій до нашего времени уже осуществляли на практикѣ „мораль господъ“. Нужно замѣтить, что эта задача выполнена была семь лѣтъ тому назадъ, въ очень обширныхъ размѣрахъ, Лео Бергомъ — въ его интересной книгѣ „Der Uebermensch in der modernen Litteratur. Ein Capitel zur Geistesgeschichte des XIX Jahrhunderts“.

Весьма любопытно одно мѣсто въ третьей главѣ этюда Бурдо, гдѣ авторъ рассказываетъ о двухъ письмахъ, полученныхъ имъ отъ Ницше въ ту самую пору, когда душевный недугъ уже подврался къ нему.

Оба эти письма свидѣтельствовали о томъ, что знаменитый философъ уже начиналъ терять душевное равновѣсiе; одно изъ нихъ заключало въ себѣ какое-то воззванiе къ Гогенцоллернамъ, которое Ницше просилъ напечатать въ „Journal des Débats“; во второмъ философъ, извѣстный своимъ отрицательнымъ отношенiемъ къ христіанству, неожиданно заявляетъ, что онъ и есть Христосъ, распятый и страдающій... Эти смутные отголоски утраченныхъ вѣрованiй и влiяніе наследственности, сказавшееся въ эту критическую минуту (вспомнимъ, что Ницше былъ сыномъ пастора), по справедливому замѣчанію Бурдо, проливаютъ своеобразный свѣтъ на его душевное состояніе въ тотъ моментъ, когда его мозгъ долженъ былъ окончательно затуманиться...

Нужно замѣтить, что письма автора „По ту сторону добра и зла“ вообще представляютъ громадный интересъ для выясненiя его личности, все же не вполне отразившейся въ его сочиненiяхъ. Они освѣщаютъ иногда совершенно по новому его внутреннiй мiръ, открываютъ такіа стороны его натуры, которыя не были замѣтны постороннимъ лицамъ. Въ вышедшихъ до сихъ поръ двухъ томахъ собранiя его писемъ весьма ярко отражается, напр., его взглядъ на истинную дружбу, что мы видимъ между прочимъ въ его письмахъ къ другу юности, Эрвину Роде.

Въ главѣ „Ницше - социалистъ поневолѣ“ затрогивается попытка, нѣсколько напоминающая смѣлый замыселъ Кальтгофа — доказать, вопреки всему, что Ницше былъ гораздо ближе къ христіанству, чѣмъ это принято считать, хотя онъ самъ и отрицалъ это въ самой категорической формѣ. Подобно этому, дѣлаются иногда попытки зачислять Ницше въ ряды социалистовъ, выставить его провозвѣстникомъ новаго общественнаго и экономическаго строя. Это — очень нелегкая задача; стоитъ вспомнить крайнiй индивидуализмъ Ницше, его отрицательное отношенiе къ обществу, народу, толпѣ, его своеобразный „аристократизмъ“, плохо вяжущійся съ какими бы то ни было демократическими мечтаниями и утопіями. Тѣмъ не менѣе, время отъ времени раздаются голоса, утверждающіе, что, говоря о челоуѣчествѣ будущаго, Ницше имѣлъ въ виду не только прогрессъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, но и всестороннее развитіе, укрѣпленіе и процвѣтаніе общества, которое должно порвать съ прошлымъ и вступить на новый, болѣе широкій и свободный путь. Бурдо настаиваетъ на томъ, что подобныя объясненiя построены на явныхъ натяжкахъ, напоминаетъ, что Ницше не только въ рѣзкой формѣ противопоставлялъ всегда личность обществу, но въ иныхъ случаяхъ весьма опредѣленно высказывался противъ социализма.

О Ницше и его философіи говорятъ и Эдуардъ Шюре, въ своей новой книгѣ *Précurseurs et révoltés*, въ составъ которой вошли, между прочимъ статьи о Шелли, Адѣ Негри, Ибсенѣ, Мэтерлинкѣ, Гобино. Гюставѣ Моро. Шюре, авторъ книгъ „Les grandes légendes de France“

и „Les grands initiés“, этюдовъ о Рихардѣ Вагнерѣ и музыкальной драмѣ, нѣсколькихъ романовъ, двухъ томовъ своеобразныхъ, хотя и мало сценичныхъ пьесъ, выпущенныхъ имъ подъ знаменательнымъ заглавіемъ „Le théâtre de l'âme“ и сопровождаемыхъ весьма интереснымъ, идейнымъ предисловіемъ, могъ дать своимъ читателямъ гораздо болѣе яркое, живое представленіе о философіи Ницше и объ особенностяхъ его дарованія, какъ литератора и мастера слога, потому что всегда интересовался различными философскими и религіозными ученіями и, съ другой стороны, писалъ красивымъ, образнымъ языкомъ. И дѣйствительно, въ его статьѣ „Nietzsche et le Surhomme“, входящей въ составъ отдѣла „Les souffrants“, мы находимъ много яркихъ, увлекательно написанныхъ страницъ, которыя иногда можно прямо назвать поэтичными. Излагая содержаніе главныхъ сочиненій философа, онъ иллюстрируетъ свое изложеніе многочисленными отрывками изъ его лучшихъ вещей, представляющихъ, какъ извѣстно, большія трудности для переводчиковъ.

Шюре, лично знавшій Ницше (начало ихъ знакомства относится къ 1876 году, къ эпохѣ первыхъ представленій „Кольца Нибелунговъ“ въ Байрейтѣ), не симпатизируетъ многимъ пунктамъ его ученія, начиная съ его отрицательнаго отношенія къ религіи, которое не могло удовлетворить автора „Les grands initiés“, всегда интересовавшагося всѣми религіозными системами, всѣми попытками найти истиннаго Бога, даже если онѣ носили мистическій характеръ. Но, относясь отрицательно къ подобнымъ сторонамъ ницшеанства, Шюре гораздо болѣе мотивируетъ и подкрѣпляетъ извѣстными аргументами свои утвержденія, чѣмъ многіе другіе французскіе критики всей этой философской системы. Онъ считаетъ главнымъ, отличительнымъ свойствомъ Ницше гордость духа, который хочетъ стать выше всѣхъ мечтаній, вѣрованій, иллюзій, увлеченій, общечеловѣческихъ слабостей, хочетъ замкнуться въ самомъ себѣ, руководствоваться только своимъ собственнымъ судомъ, но нерѣдко испытываетъ все же какую-то неудовлетворенность, разочарованіе, словно сожалѣніе о томъ, что онъ отвергнулъ, съ чѣмъ онъ разстался навсегда.

„Во всей этой поэмѣ, — говоритъ Шюре, — я, правда, вижу конецъ одного міра, но не вижу зари новаго! О, Заратустра, пророкъ, безжалостный къ прошлому, безжалостный къ настоящему! ты, который закрылъ свои уши, чтобы не слышать криковъ человѣческаго страданія, и повидимому, никогда не входилъ въ больницу, въ каменноугольную копь, на чердакъ, гдѣ живутъ бѣдняки; ты, который подавилъ божественныя влеченія своего собственнаго сердца, ты, который не вѣришь въ небесную силу и мечтаешь о появленіи „сверхчеловѣка“, ты, который засыпаешь источники любви, и все же называешь себя „пѣвцомъ радости, плисуномъ жизни“, — увѣренъ ли ты въ самомъ себѣ?.. Мракъ царитъ вокругъ тебя, на равнинахъ твоего блаженнаго острова. Когда ты проходишь вечеромъ со своими учениками по окутанной сумракомъ полянѣ, молодыя дѣвушки, танцующія на дугу, внезапно перестаютъ смѣяться и обращаются въ бѣгство, несмотря на твой дружескій привѣтъ. Твой взглядъ пугаетъ ихъ, ты самъ дрожишь передъ надвигающимся мракомъ и, оставшись одинъ на одинъ со своею собственною душою, ты отступаешь при видѣ тьмы, сгущающейся въ ея тайникахъ...“

„Во время одного изъ твоихъ путешествій по морю ты увидѣлъ при

заходъ солнца вырисовывавшійся подъ его яркими лучами черный островъ. весь покрытый могилами, — и ты узналъ, что это были могилы грезъ. которыя были тебѣ дороги въ годы юности. Напрасно ты говоришь, что твоя воля неуязвима, — нѣтъ, твоя воля, сокрушающая скалы, неразрывно связана съ этими могилами, какъ съ вѣчною юностью... Ты не нашель утѣшенія! Эти мечты, которыя ты оплакиваешь вопреки всему, и которыя ничто не можетъ воскресить, были убиты не твоими врагами, какъ ты думаешь, а тобою самимъ, стрѣлами твоей гордости! Немезида устремилась на тебя и подавляетъ тебя. Ты хотѣлъ бы еще полюбить, — но ты уже не можешь!”

Шюре болѣе, чѣмъ другіе изслѣдователи и критики нищезанства, признаетъ выдающіяся дарованія германскаго философа. Въ концѣ его этюда мы читаемъ между прочимъ слѣдующее: „Первоклассный писатель, проникательный моралистъ, глубокий мыслитель, гениальный сатирикъ, нерѣдко—могучій поэтъ, Ницше, обладая всѣми этими чудесными дарами, казалось, призванъ былъ стать благодѣтельнымъ реформаторомъ своего поколѣнія“. По мнѣнію автора, Ницше погубило непомѣрное развитіе эгоизма, горделиваго самомиѣнія, отсутствіе положительныхъ вѣрованій. „Исторія моральныхъ идей нашего времени, несомнѣнно, признаетъ за Ницше трагическое величіе человѣка, который имѣлъ мужество довести свою идею до крайнихъ ея предѣловъ и своимъ духовнымъ самоубійствомъ далъ самое блестящее доказательство того, что онъ заблуждался“. Шюре удивляется только тому, что у этого замѣчательнаго человѣка могутъ быть послѣдователи, ученики, выдающіе въ его проповѣди что-то стройное, законченное, способное руководить жизнью. По его мнѣнію, можно только пожалѣть тѣхъ, кто ищетъ въ сочиненіи „Такъ говорилъ Заратустра“ настоящей философіи; это сочиненіе можно сравнить съ великолѣпною гробницею, изваянною изъ мрамора, — „mais un sépulcre qui resouvre... le Néant!..“

Если во всѣхъ упомянутыхъ нами до сихъ поръ французскихъ отзывахъ о Ницше признаніе его заслугъ и дарованій сопровождалось всегда весьма существенными оговорками и возраженіями, то въ недавно вышедшей книгѣ Реми де-Гурмона „*Épilogues. Réflexions sur la vie*“ мы встрѣчаемся только съ сочувственными, хвалебными оцѣнками дѣятельности философа. О Ницше авторъ говоритъ, правда, только между прочимъ, — касаясь его ученія, наряду со многими другими явленіями и фактами изъ современной жизни; составъ его книги отличается вообще большою пестротой, — откликаясь на злобу дня, онъ говоритъ и объ англо-бурской войнѣ, и о Толстомъ, и о китайскихъ боксерахъ, и о дѣлѣ Дрейфуса, и о Раскинѣ... Такъ и чувствуется, что это—собраніе газетныхъ статей, написанныхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тѣхъ или другихъ событій!

Очеркъ Гурмона „*Nietzsche et l'Affaire*“, имѣющій цѣлью какъ бы связать теоріи Ницше съ дѣломъ Дрейфуса, отличается скорѣе претензіей на оригинальность, чѣмъ, дѣйствительно, интереснымъ содержаніемъ. Гораздо любопытнѣе статья, написанная тотчасъ же послѣ смерти философа. Это—почти что панегирикъ! Гурмонъ доказываетъ, что сумашествіе Ницше не можетъ служить аргументомъ противъ его литературнаго или философскаго генія. Онъ возмущается тѣмъ, что многіе, даже признавая дарованія Ницше, какъ поэта и мастера слога, отрицають

его значеніе, какъ мыслителя. „Cela se comprend, car Nietzsche est géant...“ По мнѣнію Гурмона, взгляды Ницше отвергаются, по большей части, только потому, что онъ распатывалъ старыя, вѣковые предразсудки, переоцѣнивалъ всѣ цѣнности, доказывалъ относительность понятій добра и зла, стараясь отклонить корабль челоуѣчества отъ того пути, по которому онъ движется въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій. „Идеи Ницше, даже если ихъ считать опасными, были все же освободительными идеями“. Такимъ образомъ авторъ „Книги масокъ“, ближайшій сотрудникъ „Mercure de France“, органа, больше всѣхъ содѣйствовавшего популяризаціи ницшеанства во Франціи, выказываетъ съ своихъ „эпилогахъ“ безцловное увлеченіе идеями германскаго философа.

Юрій Веселовскій.

Памяти Василя Алексѣевича Бильбасова. Въ нынѣшнемъ году русская историческая наука понесла большую утрату въ лицѣ скончавшагося 24 іюля извѣстнаго ученаго В. А. Бильбасова. Дѣятельность покойнаго историка можетъ быть раздѣлена на три періода. Первый періодъ обнимаетъ время съ 1861 г. — года окончанія Бильбасовымъ историко-филологическаго факультета Петербургскаго университета по 1871 г. За эти годы Бильбасовъ, сначала приватъ-доцентъ Петербургскаго университета (въ теченіе одного 1866 г.) и затѣмъ профессоръ всеобщей исторіи Кіевскаго университета, занимался преимущественно вопросами западно-европейской исторіи. Въ 1863 году вышла его магистерская диссертация „Крестовый походъ императора Фридриха II“, основанная главнымъ образомъ на толькo что вышедшемъ тогда „Сборникѣ дипломатическихъ актовъ, относящихся къ царствованію Фридриха II“ и разбирающая вопросы внѣшней политики папы и императора за 1228—29 г. Докторская диссертация В. А. Бильбасова „Поповскій король Генрихъ IV Распе“ (вышла въ 1867 г.) посвящена одному изъ любопытнѣйшихъ моментовъ борьбы „раціоналиста на императорскомъ тронѣ“ Фридриха II съ римскими первосвященниками. Центръ тяжести работы заключается въ тонкомъ анализѣ дошедшихъ до насъ источниковъ и въ возстановленіи въ возможной полнотѣ этихъ знаменательныхъ въ исторіи средневѣковой Германіи событій.

Эпохѣ Гогенштауфеновъ, которую особенно тогда занимался Бильбасовъ, посвящено нѣсколько интересныхъ статей въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ и въ „Кіевск. Университ. Извѣстіяхъ“ за 1865—67 гг.; изъ нихъ я отмѣчу, какъ наиболѣе заслуживающія вниманія, статьи: „О документальныхъ источникахъ хроники Матвѣя Парижскаго“, „Первые Гогенштауфены“, „Культура при императорѣ Фридрихѣ II“, „Petrus de Vinea“. Къ этому же періоду дѣятельности Бильбасова относятся и его двѣ работы по исторіи славянъ. Первая изъ названныхъ работъ „Чехъ Янъ Гусъ изъ Гусинца“ (Спб. 1869) содержитъ, кромѣ введенія, трактующаго о главныхъ моментахъ дѣятельности великаго чешскаго реформатора, нѣсколько писемъ Гуса, изданныхъ Мартиномъ Лютеромъ. Большаго вниманія заслуживаетъ вторая работа „Кирилль и Мееодій“, (первый томъ вышелъ въ 1868 г.; второй—въ 1871 г.; третій томъ, въ которомъ авторъ хотѣлъ разобрать славянскія легенды, не былъ написанъ), въ которой авторъ задался цѣлью возстановить истинный обликъ

„славянскихъ первоучителей“, подвергнувъ строгой и детальной критикѣ дошедшіе источники и западныя легенды. Во всѣхъ этихъ трудахъ В. А. Бильбасовъ является представителемъ „прагматической“ исторіографіи, при чемъ главное вниманіе его обращено на критику источниковъ. Тонкій анализъ и художественность изложенія, такъ ярко проявившіяся въ „Исторіи Екатерины II“, составляютъ и въ названныхъ трудахъ отличительную черту покойнаго историка. Въ 1871 году Бильбасовъ оставляетъ профессуру и, переѣхавъ въ Петербургъ, всецѣло отдается публицистической дѣятельности. Съ 1871 г. начинается второй періодъ дѣятельности Бильбасова—періодъ публицистическій.

Ареной его новой дѣятельности становится газета „Голосъ“, въ которой В. А. сначала принимаетъ ближайшее участіе, а затѣмъ дѣлается фактическимъ редакторомъ и „душой“ изданія. Намъ, конечно, трудно представить себѣ ту роль, которую игралъ въ 70-хъ годахъ „Голосъ“; но свидѣтельства современниковъ единогласно указываютъ на его громадное значеніе въ періодической печати того времени. Вдохновитель „Голоса“ и лидеръ либеральной прессы, Бильбасовъ пользовался не меньшимъ вліяніемъ, чѣмъ и вождь того лагеря Катковъ. Либеральное чиновничество тѣхъ временъ, воспитанное на реформахъ 60-хъ годовъ, было ревностнымъ читателемъ и почитателемъ „Голоса“ (см. любопытныя указанія въ замѣткѣ г. С. Ю., помѣщенной въ августовской книжкѣ „Русскаго Богатства“). Когда же наступили 80-е годы и „курсъ“ новаго царствованія вполне опредѣлился, „Голосъ“ былъ закрытъ. Бильбасовъ однако не хотѣлъ разстаться съ мыслью издавать газету и тотчасъ по закрытіи „Голоса“ въ 1883 г. вступилъ въ соглашеніе съ Родзевичемъ, издававшимъ тогда „Московский Телеграфъ“. Эта газета тоже вскорѣ была запрещена, но упорный Бильбасовъ все еще не сдавался и помѣстилъ „Петербургскія письма“ въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ „Русской Мысли“ за тотъ же 1883 годъ. Эти письма и были лебединой пѣснью Бильбасова въ публицистикѣ, такъ какъ за второе изъ нихъ „Русская Мысль“ получила предостереженіе и В. А. вышелъ изъ числа сотрудниковъ, распроставшись навсегда со своей любимой дѣятельностью.

Съ 1884 года начинается третій, да пожалуй и самый славный періодъ его разнообразной дѣятельности. Занимаясь и прежде, но урывками и случайно, вопросами отечественной исторіи, В. А. Бильбасовъ съ середины 80-хъ годовъ всецѣло посвящаетъ себя занятіямъ по русской исторіи XVIII и начала XIX вѣка. Капитальнымъ памятникомъ этихъ занятій является его знаменитая „Исторія Екатерины Второй“. Первый томъ этого замѣчательнаго труда вышелъ въ 1890 г. и сразу привлекъ общее вниманіе. Масса фактическихъ данныхъ, основанныхъ на свѣжихъ первоисточникахъ, и блестящее изложеніе выступаютъ при чтеніи этой книги на первый планъ. Можно, конечно, поставить автору въ серьезный упрекъ то, что главное вниманіе его обращено на внѣшнія отношенія, на дворцовыя интриги, на бытъ только высшаго общества, а Россіи той эпохи, быта и жизни русскаго народа мы не находимъ совсѣмъ. Авторъ, впрочемъ, и задался мыслью написать прежде всего и главнымъ образомъ біографію Екатерины. Въ предисловіи къ 1-му тому авторъ самъ заявляетъ: „Какъ въ издаваемомъ теперь первомъ томѣ, такъ и въ послѣдующихъ томахъ „Исторіи Екатерины Второй“ первое

слово предоставлено самой Екатеринѣ, при чемъ весь трудъ автора ограничивался только критической провѣркой ея показаній“. Въ первомъ томѣ Бильбасовъ живо рисуетъ намъ воспитаніе Екатерины, первые шаги принцессы Ангальтъ-Цербстской на русской почвѣ, ея стремленіе къ самообразованію, ея занятія и интимную жизнь. Попутно много вниманія удѣлено пышному, но грубому двору Елизаветы, внѣшней политикѣ Россіи во время семилѣтней войны, австрійскимъ и англійскимъ интригамъ и гольштинскому двору Петра III. Характеристикой кратковременнаго, но памятнаго въ русской исторіи царствованія этого монарха и оканчивается 1-й томъ. Въ приложеніи помѣщены любопытныя письма матери Екатерины принцессы Іоанны Елизаветы Цербстской, живо рисующія тогдашніе дипломатическіе порядки. Второй томъ „Исторіи“ вышелъ въ 1891 г., но не былъ допущенъ къ продажѣ. Этотъ томъ вскорѣ появился въ берлинскомъ изданіи. Самая интересная часть этого тома посвящена дворцовому перевороту 28 іюня. Съ обычнымъ мастерствомъ авторъ рисуетъ намъ ростъ недовольства въ гвардейскихъ кружкахъ, участіе въ этомъ дѣлѣ Екатерины, княгини Дашковой, затаенныя планы графа Н. И. Панина и мн. др. Самый переворотъ описанъ съ детальной точностью, равно какъ и первыя мѣропріятія новой императрицы. Съ большимъ интересомъ также читаются главы, посвященныя попыткѣ Мировича и курляндско-польскимъ дѣламъ. Внутренней дѣятельности императрицы отведено очень мало мѣста. Такое важное мѣропріятіе, какъ секуляризація церковныхъ имуществъ, изложено весьма кратко. Болѣе мѣста отведено извѣстному инциденту съ Арсеніемъ Мадіевичемъ. Въ приложеніи помѣщены чрезвычайно цѣнныя бумаги по воцаренію Екатерины и документы по шлюссельбургскому бунту, почерпнутые изъ государ. архива. Послѣ 5-тилѣтняго промежутка въ Берлиѣ вышелъ сразу 12-й томъ, содержащій обзоръ иностранныхъ сочиненій о Екатеринѣ. Изъ предисловія автора видно, что появленіе 12 тома вслѣдъ за вторымъ вызвано только независимыми отъ автора обстоятельствами. Надо искренно пожелать, чтобы лучшей трудъ покойнаго историка поскорѣ вышелъ въ свѣтъ въ своемъ полномъ объемѣ. Въ газетахъ промелькнуло извѣстіе, что Бильбасовъ оставилъ Академіи Наукъ 5000 р. на изданіе „Исторіи Екатерины II“. Если это правда, то надо надѣяться, что Академія исполнитъ его волю.

Кромѣ этого обширнаго труда, В. А. Бильбасовъ въ 80-хъ или 90-хъ годахъ написалъ много работъ, преимущественно по Екатерининской эпохѣ. Особаго вниманія заслуживаютъ здѣсь работы: „Первыя политическія письма Екатерины“, „Дидро въ Петербургѣ“, „Jeanne Elisabeth, mère de Catherine II“, „Князь де-Линь“ и мн. др. Послѣднее время Бильбасовъ принималъ ближайшее участіе въ изданіи „Архива графовъ Мордвиновыхъ“. Вышло десять томовъ этого интереснаго изданія, снабженныхъ цѣнными предисловіемъ и примѣчаніями Бильбасова. Въ 1901 году В. А. Бильбасовъ издалъ пять томовъ „Историческихъ Монографій“, въ которые вошло большинство напечатанныхъ раньше въ различныхъ журналахъ статей. Первый томъ трактуетъ о вопросахъ западно-европейской средневѣковой исторіи; интересны здѣсь статьи, посвященныя женщинѣ-писательницѣ и драматургу X вѣка монахинѣ Росвитѣ, матери Карла V Іоаннѣ Безумной и любопытной легендѣ X в. о „Женьщинѣ Папѣ“. Второй, третій и четвертый томъ „монографій“ наполнены статьями по

русской истории, большинство которых посвящено XVIII вѣку. Особнякомъ стоитъ очень слабая статья „Появленіе русскихъ на исторической сценѣ“, гдѣ авторъ, плохо знакомый съ древнѣйшимъ періодомъ русской исторіи, является сторонникомъ пресловутой „теоріи“ г. Иловайскаго. Въ 5-мъ томѣ помѣщены критико-библиографическія статьи и рецензіи; изъ нихъ я отмѣчу: „Петръ Винеискій“, „Фридрихъ II, свѣтскій папа“ (по поводу изданія „Historia Diplomatica“) и рецензіи на диссертациі Иконникова, Драгоманова и Чечулина.

Принадлежа къ числу „шестидесятниковъ“, В. А. Бильбасовъ до конца своихъ дней не измѣнилъ лучшимъ убѣжденіямъ этой знаменательной эпохи. Бильбасовъ не замкнулся въ узкіе предѣлы только научной дѣятельности, но отдалъ дань и живымъ запросамъ общественности. Характерна и послѣдняя воля покойнаго; всю свою богатую бібліотеку онъ завѣщалъ „Русской высшей школѣ“ въ Парижѣ. И какъ историкъ, Бильбасовъ стоитъ высоко. Если его работы по всеобщей исторіи уже устарѣли и сами скоро станутъ любопытными памятниками историографіи „минувшихъ дней“, то съ его „Исторіей Екатерины II“ необходимо придется считаться всякому занимающемуся русской исторіей XVIII вѣка.

И. Б.

Литературное обозрѣніе.

Г. Невѣдомскій, кончая въ октябрьской книгѣ *Мира Божьяго* свою статью о современномъ художествѣ, высказываетъ—уже не первый—чрезвычайно вѣрную и глубокую мысль. Нашъ художественный реализмъ, говоритъ онъ, созданъ въ ту эпоху, когда все вниманіе общественной мысли было поглощено совершавшимся тогда процессомъ ликвидаціи феодалныхъ отношеній, т.-е. когда оно было направлено исключительно на формы жизни. *Формы* жизни и являлись центромъ, вокругъ котораго вертѣлась вся идеологія того времени, отъ нихъ исходили въ анализѣ явленій современности и исключительно въ ихъ измѣненіи видѣли залогъ дальнѣйшаго развитія; человѣческая личность, хотя и признавалась объектомъ и цѣлью этого развитія, при самомъ разсчетѣ однако не принималась во вниманіе, потому что въ ней видѣли довольно устойчивый въ своихъ свойствахъ матеріалъ, дальнѣйшее состояніе котораго всецѣло зависитъ отъ той формы, какаѣ будетъ придана ему.—Въ отличіе отъ этой эпохи умственное теченіе нашихъ дней носитъ совершенно иной характеръ: не формы жизни, а самая *личность* человѣческая, ея содержаніе и творческая роль являются главнымъ предметомъ вниманія и надеждъ.

Мысль, повторяю, глубоко вѣрная. Она не исчерпываетъ всѣхъ теченій, наблюдаемыхъ въ умственной жизни современнаго русскаго общества, но вѣрно указываетъ одинъ изъ главныхъ путей, по которымъ она движется. Она освѣщаетъ многое въ нашей жизни и литературѣ, что иначе кажется непонятнымъ. Да, мыслящій русскій человѣкъ послѣ многихъ лѣтъ снова вспомнилъ о самомъ себѣ, о своей ему самому мало извѣстной душѣ, и съ жгучимъ любопытствомъ сталъ вглядываться въ нее; а за эти годы въ ней многое измѣнилось и народилось новаго, незамѣтно для его сознанія, которое всецѣло было занято *формами*. И хотя все время немолчно звучали голоса (вспомнимъ Достоевскаго!), которые звали его заглянуть въ себя, но ему было не до того, и цѣлыя поколѣнія проходили свой жизненный путь, не догадываясь о томъ, что уже жило въ ихъ душѣ и что тайно ихъ мучило. Какъ и почему совершился переломъ—это большой и сложный вопросъ, который не мѣсто здѣсь разбирать; но фактъ несомнѣненъ. И что особенно важно: каждое открытіе, которое дѣлаетъ въ собственной душѣ современный человѣкъ, по самому существу своему становится постулатомъ, стремится творческимъ элементомъ войти въ жизнь. А эти открытія многообразны, какъ многообразенъ человѣческій духъ.

Потребность жить въ каждую минуту всей полнотою душевныхъ силъ, до дна испивать чашу мгновенія—вотъ одно изъ такихъ открытій, сдѣланное на Западѣ и радостно принятое у насъ тѣми, чья психика была очевидно подготовлена для него. Именно оно составляетъ идейную основу такъ называемой нашей декадентской поэзіи. Ея исходная точка—глубокое, почти рабское уваженіе къ собственной личности, признаніе безусловной законности за каждымъ эмпирически даннымъ ея проявленіемъ. „Нѣтъ низменныхъ чувствъ,—пишетъ, напр., г. Брюсовъ,—и нѣтъ ложныхъ. Что во мнѣ есть, то истинно. Не человѣкъ мѣра вещей, а мгновеніе. Истинно то, что признаю я, признаю теперь, сегодня, въ это мгновеніе“. Итакъ, личность признается суверенной не только какъ цѣлое, и не только въ нѣкоторыхъ отборныхъ своихъ запросахъ, но безразлично во *всѣхъ* своихъ свойствахъ и вожделнїяхъ: вотъ въ чемъ специфическое отличіе этой „школы“. Отсюда естественно вытекаетъ ея идеаль и ея требованіе: ея идеаль—личность безусловно свободная во *всѣхъ* своихъ непосредственныхъ проявленїяхъ и умѣющая сполна жить въ каждомъ мгновенїи; ея требованіе—эмансипировать личность, поставить ее въ такое положеніе, когда бы каждый актъ ея былъ обусловленъ не внѣшней цѣлью, а исключительно внутренней необходимостью, исполненіе которой является самоцѣлью. „Есть только одинъ вопросъ, имѣющій безусловное значеніе для человѣка,—говоритъ К. Д. Бальмонтъ:—долженъ ли онъ видѣть въ себѣ средство или цѣль, долженъ ли онъ видѣть въ себѣ орудіе чьей-то воли, или, отрѣшившись отъ подчиненности, желать свободы во что бы то ни стало, считать каждый мигъ своимъ и единственнымъ, быть какъ цвѣтокъ, который расцвѣтеть, отцвѣтеть и не возобновится. Быть рабомъ или быть властителемъ. Быть невольникомъ или повелителемъ той зеленой звѣзды, на которой мы живемъ и которая зовется землей. Тысячи людей глядятъ на себя какъ на орудія, они движутся, но можно подумать, что они лежатъ въ пыли, съ поверженными лицами, они живутъ, но кажется, что это трупы, забитые въ гроба,—такъ боятся они чувствовать, такъ усердно они отдѣляютъ себя отъ безавѣтности и красоты могильнымъ покровомъ будничныхъ правилъ и рабской ежедневности“.

Для того, чтобы безъ преградъ стать лицомъ къ лицу съ мгновеніемъ, личности мало сбросить съ себя тѣ узы, которыя порабащаютъ ее внѣ ея лежащему міру, каковы сознаніе общественнаго долга, власть традиціи и пр.; здѣсь на первый планъ выступаетъ вопросъ о внутреннемъ ея освобожденїи. Дѣйствительно, свободное проявленіе моей воли въ каждую данную минуту парализуется прежде всего тѣми полудуховными, полуфизиологическими навыками, уклоненіе отъ которыхъ неминуемо сопровождается болѣзненнымъ ощущеніемъ. Эти навыки представляютъ собою самое могущественное орудіе человѣка въ борьбѣ съ косностью матерїи; только благодаря имъ, благодаря тому сохраненію энергїи, которое они обуславливаютъ, человѣкъ могъ создать грандіозную культуру и можетъ ежедневно совершать громадннй трудъ существованія и борьбы за него. Но въ то же время каждый навыкъ есть новая цѣпь, налагаемая имъ на свою волю. Въ нервной системѣ образуются русла, по которымъ, въ отвѣтъ на раздраженіе, легко и плавно устремляется потокъ нервной энергїи; отвести этотъ потокъ въ сторону отъ русла, направить его по другой тропѣ стобитъ уже большого уси-

лія. Въ этомъ нервномъ консерватизмѣ — источникъ власти прошлаго надъ нами: чрезъ посредство навиковъ оно, уже мертвое, продолжаетъ править нашей волей. Всякое пережитое ощущеніе, всякое чувство, мимолетно скользнувшее по душѣ, въѣдряется въ ней навѣки; каждое услышанное и, еще болѣе, каждое сказанное мною слово становится на всю остальную жизнь моимъ властелиномъ. Какъ я могу беззавѣтно отдаться вольной игрѣ мгновений, когда я неисцѣлимо отягощенъ наслѣдіемъ всѣхъ моихъ минувшихъ дней и всего прошлаго неисчислимыхъ поколѣній?

Этотъ мотивъ особенно сильно звучитъ у г. Брюсова. Въ замѣчательномъ стихотвореніи *L'ennui de vivre* онъ горько сѣтуетъ на это рабство собственному прошлому; онъ рассказываетъ о томъ, какъ онъ

Склонясь, идетъ впередъ, растущій грузъ влача
Дней, лѣтъ, именъ, восторговъ и паденій.

Всѣ женщины, которыхъ онъ любилъ, всѣ думы, сколько онъ ихъ ни передумалъ, всѣ книги, которыя онъ читалъ, „летятъ, бѣгутъ, ползутъ за нимъ“, куда бы онъ ни шелъ; и имъ овладѣваетъ страстное желаніе стряхнуть съ плечъ, какъ ветхую одежду, все свое прошлое:

О, если бъ все забыть, стать вольнымъ, одинокимъ,
Въ торжественной тиши раскинутыхъ полей
Ити своимъ путемъ, безцѣльнымъ и широкимъ,
Безъ будущихъ и прошлыхъ дней;
Срывать цвѣты, мгновенные, какъ маки,
Впивать лучи, какъ первую любовь,
Упасть и умереть, и утонуть во мракѣ,
Безъ горькой радости воскреснуть вновь и вновь!

Онъ привѣтствуетъ актъ рожденія, потому что имъ обновляется міръ, потому что новорожденный— „какъ первенецъ въ раю“ и для него

... снова будутъ чисты розы
И первой первая любовь,
Людьми извѣданныя грезы
Невѣдомыми станутъ вновь.

Въ другомъ стихотвореніи онъ ставитъ вопросъ на историческую почву: онъ предвидитъ поколѣнія, которымъ станутъ ненавистны

Ихъ думы, сжатая познаниемъ, ихъ мечты,
Мечтамъ былыхъ вѣковъ подвластныя какъ тѣни,

и онъ привѣтствуетъ грядущій катаклизмъ, когда

все, что насъ гнететъ, снесетъ и свѣтъ время,
Всѣ чувства давнія, всю власть завѣтныхъ словъ,
И по землѣ взойдетъ невѣдомое племя,
И будетъ снова міръ таинствененъ и новъ.
Въ руинахъ, звавшихся парламентской палатой,
Какъ будетъ радостенъ дѣтей свободныхъ крикъ,
Какъ будетъ весело дробить останки статуи
И складывать костры изъ безконечныхъ книгъ!
Освобожденіе, восторгъ великой воли,
Привѣтствую тебя и славлю изъ цѣпей!
Я, узникъ, рабъ въ тюрьмѣ, но вижу поле, поле...
О, солнце! о, просторъ! о, высота степей!

Мы вовсе не имѣемъ въ виду давать здѣсь характеристику нашей декадентской поэзіи; намъ важно было лишь указать на то нарождающееся движеніе, котораго она является провозвѣстникомъ. Поскольку литература—и не только декадентская—вѣрно отражаетъ дѣйствительность, приходится допустить, что это стремленіе расторгнуть путы, связывающія личную волю, медленно, но вѣрно завоевываетъ себѣ почву и въ самой жизни. Оно сказывается здѣсь естественно чертами болѣе грубыми и конкретными. Каждый человѣкъ стоитъ въ центрѣ несмѣтнаго количества комбинацій или возможностей, осуществить которыя болѣе или менѣе въ его власти. Между тѣмъ мы осуществляемъ, каждый въ отдѣльности, лишь самое ограниченное число ихъ, притомъ обычно—однѣ и тѣ же съ легкими измѣненіями. Въ обществѣ сколько-нибудь развитомъ образуются типичныя комбинаціи, совокупности которыхъ и составляетъ укладъ или бытъ даннаго социальнаго слоя; жизнь каждаго изъ насъ въ наибольшей своей части сводится къ осуществленію такихъ узаконенныхъ обычаемъ возможностей. Наиболѣе выработанныя изъ нихъ и соответствующія среднимъ потребностямъ наибольшей или сильнѣйшей группы лицъ санкціонируются закономъ и становятся юридическими институтами; другія же охраняются такъ называемымъ общественнымъ мнѣніемъ. Каждая такая типичная комбинація представляетъ собою, очевидно, результатъ долговременнаго и многообразнаго опыта, который доказалъ, что изъ всѣхъ однородныхъ возможностей именно эта наилучше примиряетъ интересы общества съ интересами самого дѣйствующаго лица. Но люди несходны. Комбинація, узаконенная государствомъ или общественнымъ мнѣніемъ, довольно грубо приноровлена лишь къ среднимъ нуждамъ средняго человѣка данной группы, совершенно такъ, какъ въ магазинѣ готоваго платья висятъ сюртуки, сшитые на средняго человѣка. По мѣрѣ дифференціаціи личности, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ начинаетъ созавать и уважать въ себѣ свое своеобразіе, его все больше тяготитъ эта принудительная необходимость — къ каждой изъ своихъ цѣлей идти непременно торной дорожью. Государство и общество ничего не шьютъ на заказъ, по личной мѣрѣ, а всѣхъ одѣваютъ въ платье, сшитое на средняго человѣка; чѣмъ крупнѣе человѣкъ, тѣмъ неизбежнѣе, что онъ будетъ задыхаться въ этой тѣсной курткѣ, и она лопнетъ на немъ по всѣмъ швамъ.

За иллюстраціями къ сказанному недалеко ходить: въ нашей журнальной беллетристикѣ ихъ попадается все больше и больше. Таковъ, на примѣръ, недурной рассказъ г. А. Каменскаго „Дипломъ“, помѣщенный въ октябрьской книгѣ *Мира Божьяго*. Предъ нами великовозрастный и давно женатый студентъ-юристъ Кузьминъ, уже во второй разъ приступающій къ государственнымъ экзаменамъ. Онъ во что бы то ни стало долженъ добыть теперь дипломъ: этого съ трепетной надеждой ждутъ въ далекомъ провинціальномъ городкѣ его старые родители, для которыхъ онъ въ будущемъ—единственная опора старости; этого ждутъ и молоденькая жена его Нина, и ея родители, живущіе вмѣстѣ съ молодыми. Самому Кузьмину, его душѣ, разумѣется, никакого диплома не нужно, но до поры до времени этотъ вопросъ не встаетъ предъ его сознаниемъ: такъ всѣ дѣлаютъ, этого ждутъ отъ него — значитъ нужно. Онъ и вообще, повидимому, не привыкъ отдавать себѣ отчета въ томъ, чего собственно хочетъ его душа вообще и въ каждомъ отдѣльномъ

случаѣ; онъ живетъ какъ всѣ, идя всюду торными путями. И это не только съ дипломомъ; у него, напримѣръ, совершенно несносные тестъ съ тещей, грубые, назойливые, невѣжественные, и онъ уже нѣскольکو лѣтъ уживается съ ними подъ одной кровлей. И такъ во всемъ.

Но въ послѣднее время, вѣроятно подъ влияніемъ мучительной подготовительной зубрежки, въ немъ заговорило что-то новое: онъ сдѣлалъ важное открытіе. И вотъ въ одинъ изъ этихъ страдныхъ весеннихъ дней, передъ сумерками, онъ сидитъ одинъ на подоконникѣ въ своей пустой городской квартирѣ (жена и теща уже на дачѣ), смотритъ на блѣднѣющее небо и на улицу, озаренную теплымъ предзакатнымъ свѣтомъ,—и снова въ немъ пробуждается, просясь наружу, это доселѣ дремавшее чувство.

Что это было за странное, еще не испытанное порываніе, что за сладостная чуткость?..

Въ дыханіи согрѣтыхъ за день стѣнъ, въ лихорадочно-красныхъ пятнахъ заката, въ мягкомъ и упругомъ стукѣ резиновыхъ колесъ о мостовую улицы, во всѣхъ этихъ умирающихъ звукахъ и куда-то бѣгущихъ тѣняхъ чувствовался неутомимый зовъ и тайная радостная тревога какой-то титанически-сложной души.

Кузьминъ жутко-внимательнымъ, какимъ-то верхнимъ чувствомъ прислушивался къ незамѣтной, но въ то же время напряженной и дружной работѣ, совершавшейся вокругъ. Его сердце замирало отъ подступающаго безпредметнаго экстаза, а вся окружающая матеріальная жизнь, и его комната, и улица, корричевья, освѣтлѣвшія отъ заката стѣны противоположнаго дома, мостовая, пробѣгающія лошади, собаки, мелькающіе въ черныхъ впадинахъ оконъ силуэты людей, собственное тѣло Кузьмина казались ему странно-объединенными, родными и чѣй-то разумной волей предназначенными для общаго пира жизни.

А все прошлое въ сравненіи съ этимъ безпредметнымъ порывомъ куда-то, этой игрой интуиціи, быть можетъ, утомленныхъ нервовъ представлялось Кузьмину маленькимъ, примитивнымъ и шаблоннымъ до ужаса. Становились понятными вспышки недовольства собой, привычнымъ строемъ жизни, всѣ эти исканія новыхъ встрѣчъ, влеченіе къ толпѣ, улицѣ, театру, и боль зависимости отъ семьи, службы въ конторѣ, заботы и тяготѣннй дня. А развѣ не насмѣшка это добываніе кому-то нужнаго снѣгаго крестика, навязанное судьбой въ самомъ разгарѣ пробуждающагося въ немъ культа жизни для жизни, жизни изъ любопытства, самаго первобытнаго, животнаго любопытства къ землѣ, предметамъ, людямъ, всему окружающему...

Это любопытство, минутами страстное, пламенное, и было тѣмъ важнымъ открытіемъ въ самомъ себѣ, которое, просыпаясь, наполняло сердце Кузьмина великой радостью, а потухая, оставляло слѣдъ непостижимой тоски.

Такой человекъ, какъ Кузьминъ, конечно, не могъ освободиться. Авторъ очень искусно показываетъ, какъ сжился его герой со своей обстановкой, подъ какимъ сладко-усыпляющимъ обаяніемъ держали его тепло и уютность привычныхъ стѣнъ, знакомой мебели. Но прежняя ровность настроенія дрогнула подъ наплывомъ новаго чувства. Кузьминъ внѣшне остается чѣмъ былъ, зубритъ и думаетъ о дипломѣ, но внутренне онъ мечется и ощупью, уродливо, частично ищетъ какого-то выхода—къ свободѣ, къ необычному, къ наслажденію. Съ лихорадочной судорожностью онъ то набрасывается на лекціи, то вступаетъ въ мальчишескую переписку съ двумя хорошенькими сосѣдками черезъ улицу, то на минуту завязываетъ кошмарную связь съ горничной, то напивается вмѣстѣ съ тестемъ. Онъ самъ больно ощущаетъ свое уродство и ночью, послѣ новаго спора съ тестемъ, гдѣ послѣдній опять унижалъ святятыя для него имена, а онъ самъ унижался до ихъ защиты, онъ „въ тысячу первый разъ“ даетъ себѣ слово, что съ завтрашняго же дня ста-

нетъ жить новой жизнью, смѣло перешагнуть рубиконъ и откинуть все, что связываетъ его волю, что мѣшаетъ ему жить сознательно и гордо. За два дня до экзамена по римскому праву онъ, тайно отъ горничной, уѣзжаетъ въ меблированныя комнаты, чтобы вдаль отъ всего этого кошмара приготовиться къ экзамену; и тамъ ему сразу стало легче. Мало того: въ головѣ мелькнула мысль: а что если и другое, многое, отбросить отъ себя съ такою же легкостью? Ближайшіе полтора дня прошли въ мучительной внутренней борьбѣ. Предстоящій экзаменъ превратился въ символъ: вотъ средство испытать себя въ борьбѣ съ формализмомъ окружающей жизни, со всей этой системой отовсюду предъявляемыхъ насильственныхъ требованій. Стоитъ сдѣлать этотъ первый шагъ къ свободѣ, затѣмъ уже нетрудно будетъ одержать и всѣ остальные побѣды; прочъ мысль о родителяхъ, довольно руководиться чужими слезами и просьбами, поработающими личностью.

Разумѣется, онъ не рѣшился. Въ утро экзамена мысль объ этой полной свободѣ обдала его холодомъ. Тамъ, позади, хотя онъ и подчинялся какой-то чужой волѣ, но у него на каждый день была опредѣленная программа, жизнь текла размѣренно и покойно; а теперь кругомъ было пусто и одиноко. Незамѣтно для самого себя онъ положилъ передъ собой учебникъ римскаго права, а затѣмъ въ урочное время поѣхалъ на экзаменъ. Почему? Да потому, что уже одиннадцать часовъ, что сегодня послѣдняя группа, что на дачѣ въ страхѣ ждетъ Ниночка, а въ далекомъ уѣздномъ городѣ—отецъ, и т. д.

Это—эпизодъ въ жизни человѣка, быстро погасшая вспышка. Но вотъ другой человѣкъ, не убоившійся холода и дѣйствительно перешагнувшій рубиконъ: это—героиня разсказа г. Давыдовой „Надъ холодной рѣкой“ въ послѣдней книгѣ *Образованія* (сентябрь). Разсказъ—средняго достоинства, и какъ разъ образъ героини наименѣе удаченъ: онъ обрисованъ явно слишкомъ рѣзкими чертами; но насъ интересуютъ только типическіе признаки, а они и здѣсь выступаютъ достаточно рельефно. Дѣйствіе происходитъ на Ангарѣ, въ кружкѣ ссыльныхъ интеллигентовъ и полуинтеллигентовъ, людей большею частью надломленныхъ, а главное—внутренне-несвободныхъ. Среди нихъ стоитъ женщина съ сильной и свободной волей. Она презираетъ ихъ всѣхъ за ихъ трусость предъ жизнью, за то, что мѣщанство жизни, отъ котораго они отреклись на словахъ, всосалось въ ихъ кровь и они не сумѣли порвать съ нимъ въ дѣйствительности. Тюрьма научила ее, что „нужно жить“, и въ то время, какъ они хныкали и жалѣли о прошломъ, она „набросилась на эту жизнь и рвала ее зубами, со злобой, съ ожесточеніемъ“. Ей свобода дороже всего, и она отстраняется отъ всего, что можетъ связать ее, а если узы завяжутся, она безъ жалости рветъ ихъ. Мысль—основать семью бросаетъ ее въ холодъ: она не хочетъ „галочьяго гнѣзда“; когда у нея родилась дѣвочка, она отдала ее своей сестрѣ, потому что боялась за себя (вѣдь „выше себя не прыгнешь“, говоритъ она). Если она ненавидитъ рабство вообще, то о положеніи женщины въ современномъ обществѣ она говоритъ съ тоскою отчаянія. Этотъ образъ и эти рѣчи—не новы: въ послѣднее время они многократно повторялись въ нашей беллетристикѣ, особенно въ произведеніяхъ женщинъ-писательницъ.

Еще шагъ, и передъ нами цѣлая теорія самодовлѣющаго „я“, какъ она изложена, напримѣръ, въ разсказѣ г. М. Митяшева „Мама“ (*Миръ*

Божій, июль). Человѣкъ, отъ лица котораго ведется разсказъ, — желѣзно-дорожный служащій въ далекой глуши. Въ зимній вечеръ, кончивъ постылую дневную работу, онъ читаетъ газету и подъ вой вьюги мечтаетъ о красивой, полной жизни. Онъ думаетъ, что единственное назначеніе человѣка — жить, и что если бы изъ всѣхъ людей, живущихъ на землѣ, можно было сдѣлать одного человѣка, то у этого человѣка не было бы никакой цѣли. Онъ былъ бы свободенъ и могучъ, не зналъ бы ни страха, ни сожалѣнія, и жизнь его была бы непрерывной радостью; онъ творилъ бы, но лишь для себя, играя, какъ дитя, и не спрашивая себя, для чего онъ творить и что выйдетъ изъ этого. Такимъ, думалъ нашъ герой, долженъ быть каждый человѣкъ; каждая минута жизни должна быть наслажденіемъ и счастьемъ. Именно такъ живетъ мѣръ: „онъ не теряетъ ни одного мгновенія жизни, онъ весь въ настоящемъ, у него нѣтъ ни прошлаго, ни будущаго; онъ цѣльный, единый и неизмѣнный въ своей сущности“; только человѣческая жизнь рѣзкимъ диссонансомъ врѣзывается въ эту гармонию. Источникъ зла — въ подчиненіи чужой волѣ; человѣкъ инстинктивно ненавидитъ это подчиненіе и бѣжитъ отъ него при первомъ проблескѣ сознанія, которое говоритъ ему, что человѣкъ — только тогда человѣкъ, когда онъ творить, и не по чужой волѣ, а по внутренней необходимости, когда онъ — не средство, а цѣль всего окружающаго его міра. Вотъ за стѣною укладываются спать рабочіе; ихъ жизнь сводится къ работѣ, ѣдѣ и сну; они не догадываются, что жизнь дана не для работы и сна, а для наслажденія ею. И хуже всего то, что если бы онъ сейчасъ пошелъ сказать имъ, что жить только для того, чтобы работать и спать, — бессмысленно, и если бы они поняли его, они сдѣлались бы еще угрюмѣе, потому что они не властны измѣнить свою жизнь.

Въ лицѣ Маши, случайной подружки героя, авторъ какъ бы персонафицируетъ его мечту. Это молодая, красивая, необразованная женщина, для которой цѣль жизни — найти такое мѣсто, гдѣ бы ей можно было сгорѣть дотла. Ей несносенъ окружающій ее бытъ, гдѣ всѣ живутъ съ опаской да съ оглядкой, точно ждутъ чего-то. Ждать нечего: человѣкъ живетъ только разъ. Она не боится смерти, оттого не боится жизни; она хочетъ жить, но такъ, чтобы чувствовать, что живетъ, для нея счастье въ томъ, чтобы сразу изжить всѣ силы безъ остатка. Люди, говоритъ она, „потому другъ съ другомъ на ножахъ живутъ, что всѣ они смерти боятся, силу копать, а ее, силу-то, не копать надо, а тратить“; и потому въ теперешней жизни нѣтъ никакого толку, каждый нехотя вертится въ колесѣ, и только тотъ спастся, кто выскочилъ изъ колеса. Сама она выскочила; она переходитъ съ мѣста на мѣсто и съ рукъ на руки, ей никого и ничего не жаль, ни прежнихъ возлюбленныхъ, ни дѣтей своихъ, ни собственной красоты и молодости; ея лозунгъ: „больше себя да воли своей никого не люби“.

Не ради новой иллюстраціи, а по чистой случайности мнѣ приходится кончать этотъ обзоръ журнальныхъ статей воспоминаніемъ о человѣкѣ, которому затронутая здѣсь тема была близка, какъ немногимъ. Въ послѣдней книгѣ *Образованія* помѣщенъ интересный очеркъ г. В. П. подъ заглавіемъ „По поводу одной жизни“, посвященный характеристикѣ

„одного молодого, безвременно погибшаго преподавателя“. Рѣчь идетъ о Павлѣ Владиміровичѣ Беневоленскомъ, скончавшемся въ сентябрѣ 1902 года 27 лѣтъ отъ роду. Покойнаго въ Москвѣ знали многіе, близко зналъ его и пишущій эти строки; попытка г. В. П. познакомить съ его жизнью и мыслями и болѣе широкую публику вполне законна, потому что эта жизнь и особенно эти мысли выходили далеко за предѣлы обыкновеннаго. Если человѣкъ обладаетъ замкнутой натурой, если онъ не писатель и не художникъ, то онъ можетъ чрезъ всю жизнь пройти тайной и иногда загадкой для людей; и если онъ почему-нибудь—по своимъ ли своего міровоззрѣнія, или по причинамъ, внѣ его лежащимъ, напримѣръ, вслѣдствіе ранней смерти — не осуществитъ своего призванія, то онъ унесетъ въ могилу весь иногда роскошный плодъ своей духовной работы. Такимъ человѣкомъ былъ П. В. Беневоленскій. Г. В. П. далъ въ своей статьѣ характеристику его педагогическихъ идей въ широкомъ смыслѣ слова; не менѣе любопытны и во многомъ характерны для нашего поколѣнія были общія основы его міровоззрѣнія, и мы позволимъ себѣ въ этомъ пунктѣ дополнить статью г. В. П.

Уже въ седьмомъ классѣ гимназіи, на семнадцатомъ году, покойный письменно опросилъ товарищей, въ чемъ они видятъ цѣль жизни, и, сведя ихъ отвѣты, положилъ свою резолюцію: цѣль жизни опредѣлить невозможно. Этотъ вопросъ мучилъ его многіе годы. Спустя нѣсколько лѣтъ въ его умѣ сложилась цѣлая система, носившая положительный характеръ. Онъ признавалъ теперь, что конечный смыслъ въ человѣческой жизни долженъ быть; а такъ какъ цѣль жизни можетъ лежать только внѣ жизни (такова природа всякой цѣли), то, признавая за жизнью нѣкій смыслъ, мы тѣмъ самымъ, очевидно, утверждаемъ безсмертіе души. Но вѣчное необходимо должно быть единымъ и нераздѣльнымъ. Слѣдовательно, личное, индивидуальное бытіе не имѣетъ смысла. Смыслъ жизни заключается въ отрѣшеніи отъ всего личнаго и частнаго и въ стремленіи ко всему общему, безличному—единому. Лучшее, что можетъ сдѣлать человѣкъ въ своей земной жизни, — это стремиться къ сознанію вѣчной части своей души, не индивидуальнаго въ ней. Сознаніе себя индивидуумомъ, сознаніе своего „я“, какъ чего-то отличнаго отъ всего остальнаго бытія, есть нѣчто преходящее. Это общее, это единое во всемъ есть Богъ. Итакъ, въ основу жизни должна лечь любовь: только въ любви дается единеніе личностей во всей той полнотѣ, какая можетъ быть достигнута на землѣ. Въ этомъ смыслѣ любовь имѣетъ четыре ступени. Первый шагъ къ сліянію съ общимъ и единымъ, т. е. съ Богомъ, есть любовь къ другому существу: это—частичное устраненіе духовной индивидуальности. Второй шагъ — любовь ко всѣмъ себѣ подобнымъ: это—общее устраненіе духовной индивидуальности. Третій шагъ — любовь ко всѣмъ живымъ существамъ вообще: это — устраненіе родовой обособленности. Наконецъ, послѣдній шагъ — любовь ко всему сущему, къ камню и растенію.—Онъ назвалъ эти четыре ступени: amor, caritas, mors и nirvāna.

Эти мысли скоро перестали удовлетворять его. Въ свои зрѣлые годы онъ уже не дѣлалъ попытокъ рѣшить вопросъ о конечной цѣли бытія. Отъ размысленій о цѣли человѣческой жизни онъ обращается къ изученію и воспріятію самаго ея содержанія.

Такую неутолимую жажду знанія, такую острогу скептической мысли,

какія являлъ въ себѣ покойный, конечно, не часто можно встрѣтить. Онъ удивлялъ знавшихъ его и эрудиціей во всевозможныхъ отрасляхъ знанія, и вмѣстѣ глубиной своей философской мысли. Онъ сумѣлъ выработать себѣ свои—дѣйствительно свои, а не взятые готовыми изъ книгъ и общей практики—взгляды на то, что есть истина, что нравственно и что безнравственно, гдѣ проходить граница законныхъ правъ личности.

Этотъ послѣдній вопросъ занялъ центральное мѣсто въ его міровоззрѣніи. Его основнымъ убѣжденіемъ въ послѣдній періодъ его короткой жизни было признаніе безусловнаго верховенства личности; онъ самъ говорилъ о глубокомъ вліяніи, которое оказала на него книга Штирнера. Признавъ такимъ образомъ, что смыслъ жизни заключается въ осуществленіи разумной личной воли, онъ естественно долженъ былъ спросить себя, что же является достойнѣйшимъ объектомъ личной воли; и на этотъ вопросъ онъ, не задумываясь, отвѣчалъ: красота, — отвѣтъ, подсказанный ему удивительнымъ изяществомъ его натуры и почти болѣзненной эстетической восприимчивостью. Характерны слѣдующія строки, писанныя имъ въ 1898 году по поводу картины Семирадскаго „Христіанская Дирцея“: „Совершенно справедливо замѣчаніе, что Дирцей не жаль, а къ Нерону не чувствуешь отвращенія. Напрасно только оно звучитъ, какъ порицаніе. Вѣдь это предразсудокъ, будто такія эмоціи, какъ жалость, отвращеніе, страхъ, необходимы при созерцаніи хорошаго произведенія искусства и только то произведеніе искусства хорошо, которое ихъ производитъ. Мнѣ кажется, что именно въ отсутствіи такихъ эмоцій и заключается великое достоинство картины. На картинѣ тоже есть зрители, и это, прежде всего, Неронъ. У него была своя эстетика,—эстетика, которую мы по нашимъ обычнымъ настроеніямъ назвали бы эстетикой преступника: она была сверхнравственна. Этотъ культъ красоты не былъ удѣломъ немногихъ. Въ эпоху имперіи всѣ, напримѣръ, восторгались группой Лаокоона (оттуда и пошла ея слава),—группой, въ которой страданіе трактуется исключительно съ точки зрѣнія красоты, исключительно въ эстетическихъ цѣляхъ. И у Нерона былъ сильно развитъ этотъ культъ красоты: онъ привелъ его и къ живымъ картинамъ по образцу античныхъ скульптуръ. Одна изъ нихъ—Дирцея. На картинѣ Семирадскаго и передано необыкновенно тонко это настроеніе, это эстетическое отношеніе къ дѣйствительности, исключительно эстетическое. *Ничего*, кромѣ созерцанія красивыхъ формъ, нѣтъ во взорѣ Нерона: нѣтъ ни кровожадности, ни жалости. Въ насъ обыкновенно простой пейзажъ производитъ больше эмоцій, чѣмъ въ Неронѣ эта живая скульптура. Такъ, какъ онъ смотрѣлъ на Дирцею, съ такимъ безстрастіемъ и спокойствіемъ, мы ни на что не привыкли смотрѣть. И это холодное созерцаніе красоты съ рѣдкой геніальностью передано Семирадскимъ: оно неотразимо заражаетъ зрителя. И люди, которые всѣ хотѣ отчасти носить въ душѣ слѣды исторіи, слѣды XVIII вѣкова христіанства,—передъ картиной превращаются въ маленькихъ Нероновъ: безъ всякихъ эмоцій, безъ жалости и безъ отвращенія смотрятъ они, какъ Неронъ, на живую картину. Художникъ достигъ самаго большого, о чемъ можетъ мечтать художникъ: заставилъ зрителей хотѣ на мгновеніе отказаться отъ завѣщаннаго вѣками нравственнаго отношенія къ міру и языческими глазами взглянуть на одинъ изъ актовъ христіанской драмы и не увидать въ этой драмѣ ничего, кромѣ красивыхъ тѣлъ“.

Онъ ясно понималъ, что изъ этого столкновѣнія съ обычной точкой зрѣнія нѣтъ выхода. Онъ былъ теперь убѣжденъ, что вся цѣнность жизни заключается въ безусловной свободѣ личности; между тѣмъ онъ не могъ не видѣть, что жизнь, какъ она есть, не допускаетъ и не можетъ допустить этой свободы, что общество не можетъ не урѣзывать личной воли. И вотъ онъ пишетъ: „Жизнь—это компромиссъ, съ какой стороны ни посмотри на нее; конечно, социальная жизнь. А я вѣдь не признаю и не хочу компромиссовъ. Было время, когда во имя любви я готовъ былъ умереть съ голоду, теперь во имя свое я готовъ всѣхъ съѣсть. И то, и другое, я знаю, не совмѣстимо съ социальной жизнью; есть предѣлы, переступивъ которые нельзя жить въ нашемъ обществѣ. И вотъ эта стѣна, на которую я еще пока не наталкивался, но на которую мнѣ неизбежно придется натолкнуться, она какъ грозный призракъ стоитъ предо мною и не даетъ мнѣ чувства свободы. Вѣдь я знаю, что мнѣ ее не сломить, что она раздавитъ меня. Орелъ въ клеткѣ, тотъ бьется по крайней мѣрѣ, по крайней мѣрѣ надѣется на свободу. А я вѣдь знаю, что много еще пройдетъ вѣковъ, пока придетъ та свобода, какой я хочу... Вотъ почему мнѣ хочется въ деревню. Поля, лѣса — за ними не такъ близко видна эта стѣна“.

Эти строки писаны человѣкомъ, который всѣ свои зрѣлые годы отдал самому безкорыстному, самому любовному служенію людямъ на поприщѣ просвѣщенія,—человѣкомъ и въ частной жизни нѣжно-участливымъ и кроткимъ. Здѣсь былъ душевный расколъ, который, несомнѣнно, способствовалъ ускоренію рокового конца. Живое чувство общественнаго долга и, скажемъ просто, острая жалость къ людской тѣмѣ и горю *изнутри* мѣшали ему взять себѣ ту свободу, которую онъ считалъ правомъ и обязанностью человѣка передъ самимъ собой, и, увлекаемый въ двѣ стороны сразу, онъ метался отъ науки къ наукѣ, отъ созерцанія своей любимой Джоконды къ обдумыванію курса исторіи для фабричныхъ рабочихъ и откладывалъ въ сторону Верлена, чтобы прочитать свои 4 или 5 газетъ. Онъ, несомнѣнно, сильно страдалъ, и умиралъ онъ, кажется, безъ сожалѣнія о жизни, только съ печалью за страдающую мать. Его душевное междуусобіе, думается намъ, типично для многихъ изъ его поколѣнія. Это—болѣзнь роста, и болѣны ею не худшіе изъ людей, а именно тѣ, которыми растетъ общество; а онъ былъ среди нихъ однимъ изъ лучшихъ.

М. Гершензонъ.

Бібліографія.

В. Капелькинъ и А. Флеровъ. Учебникъ ботаники для среднихъ учебныхъ заведеній Ч. I (съ 83 рис.). Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Москва. 1905 г.
(Ц. 70 коп.

Потребность въ новомъ учебникѣ ботаники, несомнѣнно, назрѣла за послѣдніе годы. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время господствующимъ методомъ преподаванія естественныхъ наукъ въ средней школѣ является методъ *биологическій*. Разработанный въ особенности извѣстнымъ нѣмецкимъ педагогомъ Шмейлемъ, авторомъ цѣлаго ряда превосходныхъ учебниковъ, этотъ методъ уже успѣлъ проникнуть и въ нашу среднюю школу. Не входя въ подробную характеристику его, укажемъ только на то, что существенное отличие биологического метода отъ прежнихъ заключается въ постоянномъ подчеркиваніи и разборѣ той связи, которая существуетъ между строеніемъ органовъ и ихъ отправленіями, между формой и жизнедѣятельностью¹⁾.

Недавно вышедшіе русскіе учебники зоологіи прив.-доцента Львова и проф. Мензбара могутъ служить примѣромъ того, какіе блестящіе результаты даетъ биологическій методъ при талантливомъ его примѣненіи. Но оба упомянутыхъ образцовыхъ учебника посвящены исключительно зоологіи; что касается ботаники, то первое сознательное и послѣдовательное проведеніе биологического метода мы встрѣчаемъ какъ разъ въ руководствахъ гг. Капелькина и Флерова. Этого одного уже достаточно, чтобы признать его заслуживающимъ серьезнаго вниманія.

Первый выпускъ посвященъ главнымъ образомъ морфологіи цвѣтковыхъ растений (58 стр.); кромѣ того, въ немъ есть краткое введеніе въ изученіе систематики (стр. 59—75), и, наконецъ, въ видѣ приложенія, обзоръ важнѣйшихъ семействъ цвѣтковыхъ растений (стр. 77—92).

Изложеніе морфологіи по объему почти равняется тому же отдѣлу въ извѣстномъ учебникѣ Бородина. Но содержаніе его отличается отъ послѣдняго во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, авторы не довольствуются простымъ описаніемъ органовъ растенія; вездѣ они стараются установить связь между ихъ строеніемъ и ролью въ жизни растенія. Затѣмъ, разсматривая главные органы растенія, авторы обращаютъ вниманіе на различныя отклоненія ихъ отъ типичной формы, обусловленныя приспособленіемъ къ окружающей средѣ.

Особенно удачны въ этомъ отношеніи главы о корнѣ и листѣ. Рисунковъ въ отдѣлѣ морфологіи много и всѣ они (за немногими исключеніями) подобраны умѣло и воспроизведены хорошо.

Краткій отдѣлъ (стр. 59—75), посвященный выясненію принциповъ и основъ систематики, можно признать вполне удачнымъ. Обзоръ важнѣйшихъ семействъ цвѣтковыхъ растений, помѣщенный въ видѣ приложенія и содержащій сжатое описаніе 14 главнѣйшихъ семействъ, отличается ужъ чрезмѣрной краткостью и лаконичностью. Авторы предназначаютъ его какъ пособіе при необязательныхъ

¹⁾ Интересующихся подробностями отсылаемъ къ брошюрѣ Шмейля: Ueber die Reformbestrebungen auf dem Gebiete des naturwissenschaftlichen Unterrichts. Stuttgart, G. W. Nägelle.

лѣтнихъ занятіяхъ и, кромѣ того, указываютъ, что въ немъ „разсмотрѣны почти всѣ семейства, указанныя въ министерскихъ программахъ для реальныхъ училищъ“.

Вообще, со стороны плана и содержанія новый учебникъ заслуживаетъ полнаго одобренія. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать объ изложеніи, страдающемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чрезмѣрной краткостью, вредящею ясности и простотѣ (стр. 44 о корневищѣ, стр. 47, 49, 86).

Но, несмотря на недостатки изложенія и нѣкоторые мелкіе промахи, учебникъ обоихъ авторовъ, несомнѣнно, является весьма полезнымъ приобретеніемъ нашей учебной литературы. Въ немъ содержится именно то, что многіе изъ современныхъ преподавателей давно уже желали видѣть въ учебникѣ ботаники, а за неимѣніемъ такового самостоятельно излагали въ своихъ курсахъ.

Г. Риттеръ.

Эдуардъ Страсбургеръ. Краткій практическій курсъ растительной гистологіи. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія прив.-доц. В. С. Буткевича, съ предисловіемъ профес. К. А. Тимирязева. М. 1904. Изд. П. П. Канчалова. XII + 269 стр. съ 128 рисунками. Ц. 3 р.

Настоящій переводъ книги Страсбургера является вмѣстѣ съ тѣмъ вторымъ изданіемъ ея на русскомъ языкѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ появилось первое русское изданіе, переведенное съ перваго нѣмецкаго (1884), оригиналъ успѣлъ уже выдержать цѣлыхъ четыре изданія. Понятно, что за тѣ 17 лѣтъ, которыя отдѣляютъ первое появленіе этой книги (1884) отъ послѣдней ея обработки (1901), и растительная гистологія, и микроскопическая техника успѣли обогатиться многими цѣнными приобретеніями; притомъ не малымъ числомъ ихъ наука обязана самому автору разбираемаго нами руководства. И нужно отдать справедливость его удивительному педагогическому таланту: съ рѣдкимъ умѣньемъ онъ выбралъ изъ богатаго матеріала все, что можетъ быть цѣнно и интересно для начинающаго. Если онъ говоритъ въ предисловіи, что въ теченіе времени, протекшаго съ послѣдняго изданія, онъ „опять пользовался всякой возможностью собрать дальнѣйшія указанія опыта и пытался примѣнить ихъ въ этомъ новомъ изданіи“, то это не пустыя слова. Уже при бѣгломъ сравненіи обоихъ изданій легко убѣдиться, что въ каждой почти главѣ найдутся важныя, полезныя измѣненія и дополненія. Особенно цѣнны дополненія въ главѣ о бактеріяхъ, а также въ послѣдней главѣ, посвященной дѣленію кѣтки и ядра. Въ ней мы находимъ описаніе тѣхъ болѣе тонкихъ приемовъ фиксированія и окраски микротомныхъ препаратовъ, которые играютъ такую важную роль въ современной гистологіи.

Если въ 1884 г. авторъ могъ еще со спокойной совѣстью увѣрять начинающихъ, что „сложные микротомы, употребляемые зоологами, для ботаниковъ излишни“ (стр. 55 русск. перевода С. Навашина 1886 г.), то теперь ему приходится, наоборотъ, сознаться, что „въ настоящее время сложный микротомъ можно найти во всякомъ институтѣ“ и что „умѣнье обращаться съ такимъ микротомомъ долженъ усвоить себѣ всякій, желающій съ успѣхомъ работать въ области гистологіи“ (стр. 232 р. пер.).

Отсюда понятно, что послѣдняя глава въ новой обработкѣ сдѣлалась совершенно неузнаваемой.

Входить въ подробную оцѣнку книги мы находимъ излишнимъ въ виду той прочной репутаціи, которую она себѣ составила въ теченіе своего восемнадцатилѣтняго служенія русской учащейся молодежи.

Что касается перевода прив.-доц. Буткевича, то нужно признать его вполне удачнымъ.

Къ сожалѣнію, благопріятное впечатлѣніе, производимое внутренними достоинствами этой книги, сильно портится внѣшностью изданія. Рисунки въ немъ исполнены прямо-таки неудовлетворительно, несравненно хуже, чѣмъ въ первомъ русскомъ изданіи. Всѣ они какъ-то блѣдны, точно вылинялы, а нѣкоторые настолько неясны и слабы (напр., рис. 109), что могутъ послужить источникомъ крупныхъ недоразумѣній. Несмотря на это, цѣна книги повышена и сравнялась съ цѣною изящнаго нѣмецкаго оригинала.

Г. Риттеръ.

Ив. Чистяковъ. Образование народа во Франці. Эпоха третьей республики (1870—1902). Москва, 1904.

Исторія народнаго образованія во Франці представляетъ въ высшей степени яркую и интересную страницу изъ жизни западно-европейскихъ обществъ XIX в. Нигдѣ мы не замѣчаемъ такого глубокаго взаимодѣйствія между факторами общественно-политическими и организаціей и духомъ школы, какъ во Франціи. Несомнѣнно, здѣсь заключался источникъ великихъ опасностей для дѣла народнаго образованія—слишкомъ часто школа лежала на вѣсахъ взаимно борющихся политическихъ партій и страстей—но несомнѣнно и то, что понять и оцѣнить французскую школу можно лишь на широкомъ фонѣ общественной и политической исторіи Франціи. И именно періодъ времени отъ 1870 года до 1902 года—періодъ, начальную грань котораго составляетъ основаніе третьей республики, а конечную—по словамъ г. Ив. Чистякова—его отъѣздъ изъ Парижа (прех.), выдѣляется, какъ особенно поучительный. Тѣмъ болѣе приходится сожалѣть, что за эту тему взялся г. Ив. Чистяковъ: при бѣдности русской научной литературы, при ограниченности научныхъ силъ всякая плохая книга о данномъ вопросѣ является препятствіемъ для его лучшей разработкѣ позднѣйшими изслѣдователями.

Первое, что поражаетъ въ книгѣ г. Чистякова,—это полное отсутствіе критическаго матеріала. Казалось бы, авторъ, изображая въ столь яркихъ краскахъ разнь клерикальной и республиканской Франціи (с. 11: „больше того, отдѣльные лица семейныхъ подраздѣленій (?) готовы взаимно пожать другъ друга. И эта борьба лицъ, группъ, семей положительно губить и раздираетъ на части Францію, какъ націю, какъ государство, представляющеея во внѣ единымъ), долженъ съ большей осторожностью отнестись къ своимъ источникамъ. Г. Чистяковъ дѣйствительно читалъ законодательные акты по народному образованію, но истолковывалъ онъ ихъ, повидимому вдохновляясь исключительно клерикальной и націоналистической прессой. Только этимъ и можно объяснить ту грубую и банальную тенденціозность, которой проникнута вся книга и которая дѣлаетъ изъ половины ея страницъ плохой переводъ статей *Patrie*, *Echo de Paris* и т. п. Только такимъ образомъ авторъ и могъ придти къ опешеляющему выводу, что демократическая Франція ничѣмъ не отличается по своей сущности отъ Египта въ эпоху касть и Россіи при крѣпостномъ правѣ (с. 3).

Совершенно естественно, что изображеніе получается не только искаженное, но и крайне поверхностное: нечего и говорить, что у г. Чистякова не сдѣлано даже попытки выяснитъ историческую основу раздвоенія Франціи; отсутствіе же всякаго историческаго фундамента отдаетъ г. Чистякова въ полную власть памфлетной литературы, провѣрять которую онъ не можетъ, да впрочемъ и не чувствуетъ потребности. Поразительно, напримѣръ, что авторъ совершенно почти не останавливается на законѣ Фаллу 1850 г. (см. ст. 155 и 156—необыкновенно сбивчивая характеристика этого закона), который полвѣка регулировалъ взаимоотношенія между государственной и свободной школой. Одно знакомство съ исторіей его возникновенія могло бы казаться навести на мысль, что и въ современной антиклерикальной борьбѣ не все дѣло въ честолюбіи и безсовѣстности республиканцевъ. Благодаря этому же, опять-таки повѣривъ на слово своимъ излюбленнымъ руководителямъ и не различая инсинуацій отъ провѣренныхъ фактовъ, г. Чистяковъ совершенно не понималъ роли франкъ-масоновъ въ современной французской республикѣ (с. 305), какъ и характера того католико-демократическаго теченія, которое сказалось въ организаціи *Sillon* (с. 379). Поистинѣ чудовищное отсутствіе историческаго смысла сказывается и въ оцѣнкѣ деклараціи правъ (с. 131).

Если г. Чистяковъ не говоритъ о многомъ, о чемъ бы говорить слѣдовало и безъ чего всякія сужденія о современной французской школѣ, а тѣмъ болѣе приговоры,—г. Чистяковъ все время является для читателя болѣе въ роли судьи, чѣмъ изслѣдователя—висятъ въ воздухѣ, то, напротивъ, есть много вещей, совершенно не относящихся къ дѣлу—экскурсіи въ область психологіи и нравственности современныхъ и недавнихъ политическихъ дѣятелей Франціи (с. 9 „напр., такія сочетанія искателей *gâteau au miel*: J. Ferry, Freycinet и Floquet—trio, нисколько не думавшее въ погонѣ за президентскимъ мѣстомъ объ угрозахъ противниковъ гражданской войной странъ (?); Pelletan и André, приносившіе въ жертву интересы страны одному офицеру (Humbert), сдѣлавшемуся яблокомъ раздора между ними (?); Jaugès

и Doumer, своими счетами разбивавшіе министерское большинство и т. п.“ (с. 199). „Кабинетъ Brissot'a, извѣстнаго за свои республиканскія и франкъ-масонскія добродѣтели подъ именемъ austère; министр народнаго просвѣщенія въ немъ L. Burgeois—человѣкъ отличающійся тѣмъ, что языкъ его никогда не знаетъ никакой сдержки“. Бѣдный Леонъ Буржуа: кто бы могъ думать, что его будутъ упрекать за несдержанность языка!

Можетъ быть, впрочемъ эта поверхностность связана не только съ выборомъ материала, но и со свойствами мышленія г. Чистякова; судя по его книгѣ, онъ мыслить не понятіями, а ассоціаціями. Начинаетъ онъ говорить о 1870 г.,—и тотчасъ длинныя отступленія въ сторону о качествахъ Гамбетты, Ж. Фавра, Трошю, отзывъ Мольтке о немъ; говорить объ оболещеніи и совращеніи женщинъ, какъ средствъ массоновъ и сейчасъ вспоминаетъ о роли женщинъ въ революціи (309); встрѣчается имя Буланже—сейчасъ рассказъ, какъ эффектенъ былъ генералъ на смотрахъ, гдѣ онъ затмевалъ президента республики (с. 295). Конечно, иногда эти отступленія вызываются желаніемъ возстановить поруганную справедливость; авторъ не можетъ пройти мимо факта провозглашенія третьей республики, не прибавивъ: „о степени участія народа въ этой affaire я уже говорилъ выше: народъ здѣсь не причемъ. Виновники этого дѣла, какъ и всякаго другого, конечно, неизвѣстны (?). Но чтобы снять подозрѣніе объ участіи народа въ провозглашеніи и созданіи третьей республики, официально обвиненномъ въ этомъ и официально выносящимъ это (?), я приведу два мнѣнія объ этомъ. Не удивительно, что мышленіе по законамъ чловѣческой логики представляется ему скучной и ненужной „умственной эквилибристикой“ (с. 41: „въ настоящее время часто ведется теоретическій споръ о томъ, находятся ли или нѣтъ между собой вообще въ логической связи эти три принципа начальной школы: безплатность, обязательность и свѣтскій характеръ обученія. Мнѣ думается, чтобы знать что-нибудь о какомъ-либо явленіи, всегда необходимо оставлять этотъ схоластическій методъ постановки и ршенія всякихъ вопросовъ, часто вырождавшійся и всегда необходимо вырождающійся въ чисто акробатскіе приемы умственной эквилибристики, напр., въ умѣнные произносить рѣчи по первому разу въ такомъ порядкѣ, какъ это всѣ дѣлаютъ, т.-е. начиная съ начала, а потомъ безъ ошибокъ и промаховъ съ конца, или въ искусство говорить съ одинаковой убѣдительною и серьезностію и за, и противъ любого явленія. Такіе фокусы не только ничего не даютъ ни самому искуснику, ни слушателямъ его, но и морально развращаютъ и первого, и вторыхъ. И если первый уже дошелъ до такого положенія, то необходимо падить, беречь отъ этой заразы вторыхъ. Умственный пиркъ въ силу этого необходимо долженъ быть оставленъ“. Къ этому примѣчаніе подъ строкомъ: „въ качествѣ chef d'oeuvre'a умственно-логической эквилибристики я могу указать первую книгу діалога Платона: „Республика“. Въ ней Сократъ, надѣленный Платономъ сильной и по существу безразличной умственной машиной, побиваетъ въ спорѣ о справедливомъ и несправедливомъ слабо представленнаго авторомъ своихъ противниковъ, не лишенныхъ реально или только же показной стороны моральнаго чувства и потому ограниченныхъ. Для сужденія же о личности Сократа, о томъ, на что вообще былъ способенъ послѣдній, см. рассказъ Алкивиада въ другомъ діалогѣ Платона: „Пиръ или о любви“. Для чтенія и разумѣнія требуется, впрочемъ, извѣстная степень совершенства, цивилизаціи“. Послѣдній отрывокъ даетъ понятіе не только о мышленіи, но и о стилѣ г. Чистякова, который у него стоитъ на высотѣ содержанія; есть страницы, гдѣ положительно нельзя найти никакого смысла. Хороши также переводы съ французскаго (с. 193—„циркуляръ о запрещеніи публичнымъ учителямъ (?) быть служителями культа“).

Но довольно. Пожелаемъ для г. Чистякова, чтобы его книга была скорѣе забыта, а для русскаго общества,—чтобы появилась настоящая исторія народнаго образованія во Франціи.

С. Метлярескій.

Сборникъ статей по исторіи права, посвященный М. Ф. Владимірегову-Буданову его учениками и почитателями. Изд. подъ ред. М. Н. Яценкаго. Киевъ, 1904.

Въ разбираемомъ сборникѣ, изданномъ къ 35-лѣтію учено-литературной дѣятельности глубокоуважаемаго М. Ф. Владимірскаго-Буданова (наиболѣе культурный и симпатичный способъ чествованія заслуженныхъ дѣятелей науки!), осо-

бенно блестяще поставленъ отдѣлъ иноземнаго права. Такъ, кн. Евгений Трубецкой на стр. 331—351 образно и сильно рисуетъ политическіе идеалы эпохи возрожденія съ ея превознесеніемъ челоуѣка, только что выравнавшагося изъ-подъ гнета церковнаго авторитета, и съ протестомъ противъ средневѣковаго насильственнаго соединенія земнаго съ божественнымъ и выясняетъ причины этого переворота. Затѣмъ на стр. 195—228 г. Максимъ Ковалевскій даетъ живое и яркое описаніе любопытнѣйшаго, но мало извѣстнаго демократическаго юридическаго быта разношерстныхъ генуэзскихъ колоній на Черномъ морѣ и анализъ устава 1449 г. этихъ колоній. Любопытны и замѣчанія г. Ковалевскаго о финансовомъ контролѣ и административной юстиціи итальянскихъ муниципій и колоній. На стр. 142—152 г. Виноградовъ знакомитъ насъ съ агнатическимъ родовымъ строемъ уэльскихъ кельтовъ, бросающимъ новое и интересное освѣщеніе на общинные союзы родового происхожденія и на зачаточныя формы наслѣдованія и землевладѣнія. На стр. 27—43 г. Юсифъ Покровскій излагаетъ очень живо и увлекательно съ дальнѣйшимъ развитіемъ ея теорію Моммсена, исторически и теоретически оправдывающую и обосновывающую столь дикій для челоуѣка нашего времени институтъ, какъ частная защита общественныхъ интересовъ въ древнемъ Римѣ (accusatio и популярныя средства). Наконецъ, на стр. 1—26 г. Филипповъ на примѣрѣ начальныхъ стадій загадочнаго и неяснаго процесса вивдикаціи движимостей по *leges barbarorum* демонстрируетъ всю важность и необходимость сравнительнаго изученія славянскаго и нѣмецкаго ¹⁾ права для выясненія темныхъ пунктовъ того и другого.

Наиболѣе обиленъ въ книгѣ матеріаломъ, но нѣсколько тусклѣе по тону и именаямъ отдѣлъ русскаго права. Центральными здѣсь являются статьи г. Тарановскаго (44—86) и Шапова (299—330). Изъ нихъ первый, развивая дальше мысли г. Чечулина, считаетъ наказъ Екатерины II конституціонной хартіей своего рода, закрѣпляющей до него уже сложившееся положеніе бюрократіи и открывающей широкій просторъ для дальнѣйшаго ея развитія. Такимъ образомъ по мнѣнію г. Тарановскаго въ основѣ политической доктрины этого наказа лежить нѣмецкая бюрократическая теорія просвѣщеннаго абсолютизма (Хр. Вольфъ и Бильфельдъ); у Монтескье же Екатерина II взяла лишь подробности изложенія. А г. Шаповъ вслѣдъ за митр. Макариемъ Булгаковымъ считаетъ наказные списки по Стоглаву лучшимъ и неопровержимымъ доказательствомъ официального происхожденія и исторической подлинности этого памятника исключительной научной важности и интереса по подведенію имъ итоговъ всей предшествовавшей церковной жизни, въ то же время не изученнаго еще безпристрастно безъ полемическихъ цѣлей благодаря его „спеціальному значенію“ для раскольниковъ.

Затѣмъ въ противоположность школѣ, считающей кievскій и московскій историческіе процессы явленіями совершенно разнаго порядка, не имѣющими между собой ничего общаго (и кстаті въ своихъ работахъ совершенно игнорирующей и явленія литовской исторіи), школа гг. Владимірскаго-Буданова („Обзоръ“ 1900 г., стр. 110) и Леонтовича (къ которой въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, примыкаемъ и мы) считаетъ явленія московской и литовской Руси двумя вѣтвями, выросшими изъ одного и того же кievскаго корня, почему безъ сравнительнаго изученія этихъ трехъ родственныхъ историческихъ порядковъ (съ привлеченіемъ къ нимъ и славянской исторіи) многое въ каждомъ изъ нихъ будетъ темно и неясно. Сообразно съ этой тенденціей и написаны въ книгѣ статьи гг. Демченко (о земскихъ добрыхъ людяхъ въ древне-русскихъ судахъ, 153—175), Каманина (о кievскомъ городскомъ самоуправленіи, 176—194) и М. Н. Ясинскаго (430—465), изъ которыхъ послѣдній, напр., пытается данными литовско-русскаго права вновь обосновать и воскресить оставленную было за послѣднее время наукой теорію Неволина, Мейера и Чичерина, считавшихъ закупничество договоромъ займа соединеннымъ съ личнымъ залогомъ. Г. же Максимейко (382—395) считаетъ вообще „Русскую Правду“ отправной точкой литовско-русскаго права. И это вѣрно. Но невѣрно противоположеніе имъ сѣверо-западнаго русскаго права сѣверо-восточному и признаніе имъ неизвѣстности отправныхъ точекъ этихъ двухъ типовъ. Вѣдь, какъ это доказано въ превосходной работѣ П. И. Бѣляева „Источники древне-

¹⁾ И не только нѣмецкаго, но и романскаго, какъ это можно видѣть изъ статьи г. Дьяконова о заповѣдныхъ лѣтахъ и старинѣ на стр. 110—124. Вглады школы гг. Сергѣевича и Ковалевскаго.

русских законодательных памятников" (Ж. М. Ю., 1899, XI, XII)¹⁾, нормы „Русской Правды“ перешли и в московское право путем именно новгородско-псковской рецепции.

Слѣдует отмѣтить и статью г. Гурлянда (87—109), пытающуюся разобраться в путаницѣ, производимой то слитнымъ, то раздѣльнымъ, то подъ однимъ, то подъ разными именами существованіемъ приказовъ сыскныхъ дѣлъ, приказныхъ дѣлъ и „что на сильныхъ бьютъ челомъ“ и выяснить роль патр. Филарета въ дѣлѣ образованія этихъ приказовъ, ихъ компетенцію и судьбы на основаніи дѣлопроизводства этихъ приказовъ, найденнаго имъ въ дѣлахъ галицкой чети. Относительно же попытки г. Удинцева освѣжить немного на основаніи неизданныхъ чердынскихъ закладныхъ ученіе о древне-русскомъ залогѣ („подписка въ вѣрѣ“, 275—298) съ признаніемъ имъ единства юридической природы его, заключающагося въ моментѣ гарантіи (fiducia) и юридически выражающагося въ акцессорности, замѣтимъ, что законченное и беспорное ученіе о древнерусскомъ залогѣ можно дать только на основаніи многочисленныхъ неизданныхъ поморскихъ закладныхъ и доимочныхъ памятей къ нимъ, подготовляемыхъ нами къ печати для одного академическаго изданія. Очень богаты дѣлопроизводственнымъ матеріаломъ по закладнымъ и столбцы помѣстнаго приказа Московскаго Архива М—ва Юстиціи, которыми, несмотря на всю ихъ высокую научную цѣнность, къ сожалѣнію такъ пренебрегаютъ наши ученые. Наболѣе же спорно признаніе г. Удинцевымъ первичной формой залога залога безъ передачи владѣнія.

Особенно слабъ и качественно и количественно въ книгѣ отдѣлъ славянскаго права, чему, впрочемъ, удивляться нечего по слабому интересу къ нему даже нашихъ ученыхъ. Слѣдует отмѣтить здѣсь лишь статьи г. Флоринскаго (404—429) и Кадлеца (125—141). Первая посвящена загадочному, но крайне важному для древнерусскаго права „закону судному людемъ“, на пренебреженіе къ которому нашихъ ученыхъ мы не разъ жаловались. Поэтому намъ пріятно отмѣтить, что и г. Флоринскій признаетъ этотъ памятникъ древнѣйшимъ и важнѣйшимъ не только болгарскаго, но и вообще славянскаго права и зоветъ нашихъ изсѣдователей къ его всестороннему и глубокому изученію, а издателей къ критическому филологическому изданію этого любопытнаго памятника²⁾. А г. Кадлецъ говоритъ, что уже въ древнемъ славянскомъ правѣ индивидуализмъ становится на мѣсто семейно-общиннаго начала и въ связи съ этимъ семейная община начинаетъ замѣняться трудовыми ассоціаціями (спряга, моба, супона).

Въ началѣ книги данъ портретъ почтеннаго юбиляра съ факсимиле и списокъ трудовъ его.

Въ общемъ лежащая предъ нами книга, въ которой участвуютъ, кромѣ упомянутыхъ авторовъ, еще г. Дашкевичъ, Кулаковскій, Малиновскій, Митюковъ и А. Н. Ясвинскій, очень содержательна и интересна и для большой публики и для специалистовъ. Симпатична и цѣль ея, такъ какъ вся выручка отъ продажи изданія предназначается для образованія при кievскомъ юридическомъ факультетѣ фонда на премію за лучшее студенческое сочиненіе по исторіи русскаго права. Жаль только, что редакція не потрудилась дать оцѣнку дѣятельности многоуважаемаго М. Ф. и біографію. Портитъ немного въ общемъ прекрасно изданную книгу и отсутствіе указателей и масса опечатокъ, не оговоренныхъ даже въ концѣ и порою очень досадныхъ. Такъ, напр., на стр. 267 г. Максимъ Ковалевскій переключенъ въ Ковальскаго.

Сергій Шумановъ.

С. А. Котляревскій. Ламенна и новѣйшій католицизмъ. М. 1904. in 8-vo. Стр. X + 628 + II. Ц. 3 руб.

Авторъ настоящей книги полагаетъ, что разработка исторіи новѣйшаго католицизма „одинаково оправдывается и съ точки зрѣнія пониманія современной

¹⁾ Осталась неизвѣстной г-ну Максимейко, равно какъ осталось ему неизвѣстнымъ и превосходное изданіе 1904 г. В. П. Сергѣевича „Русской Правды“ съ новымъ раздѣленіемъ ея на редакціи и статьи, о которомъ подробнѣе говоритъ г. Богословскій въ сентябрьской книжкѣ „Научнаго Слова“.

²⁾ Кстати: г. Флоринскій признаетъ существованіе и другого сборника законовъ, восполнявшаго собою пробѣлы „закона суднаго людемъ“, не называя его однако. Не была ли такимъ сборникомъ (конечно, съ извѣстными ограниченіями въ пространствѣ и времени) именно „Русская Правда“?

жизни Западной Европы и съ болѣе высокой (?) точки зрѣнія, съ которой всякій фактъ цѣнится лишь какъ проявленіе великихъ историческихъ силъ“ (стр. IX). Католицизмъ, по словамъ С. Котляревскаго, есть вѣковая сила, и онъ не хочетъ утверждать, чтобы „католическое руководство націей закрѣпляло въ ней исключительно нетерпимость, фанатизмъ, умственное сектанство“; дѣлая такое утвержденіе значить „становиться на недостоиную, партійную и одностороннюю точку зрѣнія; борьба вѣковыхъ силъ требуетъ объясненія въ духѣ болѣе возвышеннаго безпристрастія“. Не вступая въ споръ на тему о правильности отождествленія точекъ зрѣнія партійной и недостойной (стр. 625), отмѣтимъ, что авторъ ставитъ себя въ своей работѣ весьма одностороннюю задачу. Ему не новыхъ научныхъ выводовъ желательно добиться, а просто заставить читателя придти „къ заключенію объ интересѣ и желательности“ разработки исторіи новѣйшаго католицизма. Можно успокоить на этотъ счетъ г. Котляревскаго, заявивъ, что въ этомъ отношеніи онъ лишь идетъ навстрѣчу каждому читателю, который только раскроетъ его работу. Нѣсколько болѣе серьезнымъ звучитъ для русскаго читателя другое соображеніе г. Котляревскаго, какъ бы заранѣе предопредѣляющее важность его объемистой книги: въ указанной области „русскій изслѣдователь можетъ подыматься сравнительно легко до высшей исторической объективности“. На провѣрку оказывается, что эта „высшая объективность“—вещь условная, она заставила нашего автора объѣхать отъ анализа и критики, словомъ, отъ всего, что входитъ въ понятіе строго научнаго изслѣдованія, и предложить читающей публикѣ чрезвычайнаго интереса повѣствованіе въ стилѣ научно-популярномъ... Онъ пишетъ біографію или, какъ самъ онъ не безъ остроумія замѣчаетъ, дѣлаетъ „попытку написать біографію, представляющую научно-историческій интересъ“ (стр. VI). Абатъ Ламеннѣ привлекаетъ г. Котляревскаго „прежде всего какъ страница изъ исторіи великой религіозно-общественной организаціи—католической церкви“, „прежде всего тѣмъ, что пережитый имъ индивидуальный процессъ во всѣхъ его стадіяхъ отражаетъ эволюцію новѣйшаго католицизма и отчасти даже силъ, враждебныхъ этому католицизму“. Г. Котляревскій понимаетъ всю недовѣсть положенія дебитировать біографіей на попріцъ академической науки, онъ спѣшитъ повліять на своего читателя разсужденіями на тему о роли личности въ исторіи, о томъ, что здѣсь „лучшій способъ двигаться впередъ заключается въ конкретныхъ разработкахъ“, но затѣмъ на протяжении всей книги авторъ ни разу не вспоминаетъ, что вопросъ этотъ имъ ставился въ предисловіи, и съ очень важною цѣлью—дать теоретическое оправданіе пріемамъ разработки своей темы. Точно г. Котляревскій подарилъ нашу литературу прекрасной книгой для чтенія образованной части публики, но мы не взяли бы на себя смѣлости утверждать, что авторъ магистерской диссертации „Францисканскій орденъ и римская курія въ XIII и XIV вѣкахъ“ (М. 1901) сдѣлалъ какой-нибудь шагъ впередъ въ усовершенствованіи своей научно-исторической методы. Въ этой послѣдней книгѣ авторъ поставилъ своей задачей изучить образованіе францисканскаго ордена и его отношенія къ римской курии; но мало вниманія отвелъ онъ здѣсь личности Франциска Ассизскаго, и посмотрите, какую онъ пишетъ здѣсь малоутѣшительную для своихъ будущихъ историческихъ работъ тираду: „Личность Франциска Ассизскаго, произволившая такое неотразимо чарующее впечатлѣніе на всѣхъ изслѣдователей, которые къ ней подходили, навсегда останется тѣмъ свѣтлымъ воспоминаніемъ, передъ которымъ преклонятся всѣ партіи и направленія; къ нему насъ влечетъ не утомленное современностью романтическое стремленіе уйти вглубь среднихъ вѣковъ, а вѣра въ красоту и святость, до которыхъ способна подыаться челоувѣческая природа... но конкретное воспроизведеніе личнаго образа доступно для исторіи, поскольку она переходитъ въ область художественнаго творчества; съ точки зрѣнія научнаго метода ея задачи сводятся къ анализу и объясненію: что въ данной личности можно отнести на долю общечеловѣческаго и что на долю того историческаго фона, на которомъ выступаютъ эти общечеловѣческія свойства“ (стр. 19—20). Только путемъ сопоставленія съ этой цитатой предисловія къ „Ламеннѣ“ начинаешь понимать, что скрывается у г. Котляревскаго подъ „конкретными разработками“, начинаешь цѣнить всю безпочвенность и простой академическій тактъ его замѣчанія о томъ, что „лишь вселяя убѣжденіе въ соціологическомъ интересѣ, который представляютъ мысли, слова и дѣйствія данной личности, можно выиграть признаніе для біографической разработки по-

добающего ей мѣста въ историографіи“. У біографіи давно есть подобающее мѣсто въ историографіи, заботы о присканіи этого мѣста давно позабыты въ сторону; своей работой о Ламеннѣ г. Котляревскій никакого новаго подобающего мѣста для біографіи не создаетъ, и послѣдняя, какъ была, такъ и остается біографіей, а не строго историческимъ изслѣдованіемъ, обнаруживающимъ весь блескъ современной социологической доктрины¹⁾. Въ книгѣ, посвященной Ламеннѣ, насъ поражаетъ это отрицательное отношеніе автора къ формулировкѣ научной цѣли работы, къ обнаруженію научно-историческаго метода обработки источниковъ и къ уясненію той философской системы, которая должна была бы придать жизнь и смыслъ его книгѣ, которую многіе прочтутъ со вниманіемъ и, несомнѣнно, острымъ интересомъ. Да не поспѣетъ на насъ почтенный авторъ, если мы скажемъ, что своимъ элементарнымъ изложеніемъ темы онъ отнялъ у критики возможность строго научнаго разбора его труда: у него отсутствуетъ историческій анализъ сочиненій и мировоззрѣнія Ламеннѣ; мѣсто этого анализа замѣняетъ простое изложеніе содержанія взглядовъ и сочиненій Ламеннѣ, сопровождаемое отдѣльными замѣчаніями. Можетъ быть, слѣдуетъ отиѣтить, что въ книгѣ г. Котляревскаго имѣется отличный подборъ отрывковъ изъ сочиненій Ламеннѣ: противъ этого спорить нельзя, точно такъ же какъ нельзя не видѣть нѣко орыхъ стараній автора связать личность Ламеннѣ съ его временемъ. Даже планъ книги опредѣляется хронологическимъ теченіемъ жизни знаменитаго аббата; она раздѣлена на три части I—„Католицизмъ и старый порядокъ“ (стр. 1—168); II—„Католицизмъ и свобода“ (стр. 169—348); III—„Ламеннѣ внѣ церкви“ (стр. 349—566). Въ *первой* части мы видимъ Ламеннѣ 1782—1826 гг., Ламеннѣ вѣрнаго еще ортодоксальному католицизму, но уже начавшаго распускать когти въ письмѣ о заявленіи епископа гермопольскаго, появившемся въ „Drapeau blanc“ 22 августа 1823 г., и въ книжкѣ De la religion, considerée dans les rapports avec l'ordre politique et civil отъ 1825 г., представлявшей собой „истинный манифестъ теократіи“ (стр. 163) и въ сущности заключающей въ себѣ невысказанную мысль о необходимости раздѣленія государства и церкви (стр. 164, 245 и слѣд.). Этотъ періодъ жизни Ламеннѣ заканчивается уплатой по суду штрафа въ 30 франковъ послѣ разбора его дѣла по обвиненію въ томъ, что онъ возбуждаетъ ненависть противъ короля и законовъ, и опубликованіемъ 10 апрѣля 1826 г. заявленія французскихъ архіепископовъ и епископовъ, осуждавшаго ультрамонтанство Ламеннѣ, хотя и безъ упоминанія его имени. И какъ первый періодъ завершается коллективнымъ осужденіемъ 10 апрѣля 1826 г. со стороны французскаго епископата, такъ второй періодъ жизни Ламеннѣ приводитъ къ осуждающей его ученіе палской энцикликѣ „*Misere vos*“ отъ 18 августа 1832 г. Сочетаніе роялизма и ультрамонтанства сдѣлалось новымъ пониманіемъ католицизма, своеобразнымъ сочетаніемъ ультрамонтанства и свободы, точнѣе говоря, религіи и свободы,—сочетаніемъ, разработаннымъ въ программѣ газеты „L'Avenir“. Это—1827—1834 гг., ихъ и охватываетъ *вторая* часть труда г. Котляревскаго, заканчивающаяся изложеніемъ знаменитыхъ *Paroles d'un croyant* и палской энцикликѣ 7 іюля 1834 г. *Третья* часть книги трактуетъ 1835—1854 гг. въ жизни Ламеннѣ, который велъ теперь жизнь католическаго апостата, свободно доразвивая и разрабатывая доктрину „религіи и свобода“. Мы ожидали бы встрѣтить въ этой части работы г. Котляревскаго законченную, цѣльную характеристику религіозно-философской системы Ламеннѣ... Однако мы не встрѣчаемъ здѣсь подобной характеристики: третья глава третьей части подъ названіемъ „Философія и религія Ламеннѣ“ далека отъ этой цѣли, она лишь излагаетъ сочиненія, написанныя Ламеннѣ въ эту послѣднюю эпоху его жизни. Хронологическій распорядокъ выдержанъ строго до жестокости. Не сведена въ одно цѣлое и система социальна-политическихъ взглядовъ Ламеннѣ, представляющая широкій интересъ. Нечего искать здѣсь ни критики, ни особой главы, обобщающей все изложенное г. Котляревскимъ въ одно органическое цѣлое. Читателю приходится продѣлывать подобную работу самому, но онъ не всегда можетъ быть увѣреннымъ, что въ сочиненіяхъ и перепискѣ Ламеннѣ не осталось какихъ-либо черточекъ, авторомъ не использованныхъ и тѣмъ не менѣе важныхъ для общаго социологическаго построенія. Въ данномъ случаѣ вовсе не сквозить упрекъ автору въ тенденціозности, а лишь весьма вѣроятное предположеніе, вызываемое удивительнымъ равнодушіемъ автора къ формулировкѣ своихъ взгля-

1) Въ книгѣ г. Котляревскаго—недопустимое количество опечатокъ, есть очень грубыя, какъ, наприм., на стр. 255.

довъ. Въдъ порою просто не чувствуешь совсѣмъ, подъ какимъ угломъ зрѣнія перечитывалъ авторъ Ламеннэ.

Особнякомъ стоитъ заключеніе къ книгѣ (стр. 566—627), какъ попытка обрисовать историческое значеніе Ламеннэ въ сферѣ западно-европейскаго католицизма XIX вѣка. Несмотря на чрезучуръ общій характеръ изложенія, оно будетъ прочитано въ публикѣ съ крупнымъ интересомъ (срв. на стр. 568 какъ общее резюме всей книги). Кто слѣдилъ за перипетіями борьбы правительства съ конгрегаціями во Франціи нашихъ дней, для того работа о Ламеннэ представитъ жгучій интересъ современности. Извѣстно то широкое употребленіе, какое было сдѣлано католическою церковью изъ признанія этого принципа. Государству пришлось установить различіе между религиозными конгрегаціями и простыми ассоціаціями, пришлось пойти по пути либеральнаго деспотизма, дабы спасти общество отъ порабощенія клиромъ, спасти свободу научнаго преподаванія... Католицизмъ, какъ религиозный пережитокъ, все еще оставался силой; онъ видоизмѣнился, постарался приискать орудіе приспособленія съ „духомъ“ вѣка, но онъ все-таки видѣлъ настоящую цѣль не внѣ себя, а въ себѣ самомъ. Старый лозунгъ порабощенія сталъ лишь менѣе кричащимъ, но не исчезъ вовсе. „Было бы обманчиво думать,—говоритъ г. Котляревскій (стр. 594),—что конгрегаціями исчерпывается то употребленіе, которое церковь сдѣлала изъ свободы ассоціацій, и съ этой стороны обычныя формы борьбы противъ конгрегацій со стороны государственной власти едва ли могутъ привести къ желанному результату; духъ ассоціаціи настолько сильно развитъ въ католической церкви, что она создаетъ новые союзы, гдѣ не будутъ требоваться три обѣта и не будетъ совмѣстной жизни, но солидарность и единство дѣйствія останутся не менѣе сильными“. Съ этимъ замѣчаніемъ автора, вдвигающимъ насъ въ область практической политики, теоретически можно согласиться, но этимъ еще далеко не разрѣшается практической вопросъ о мѣрахъ къ борьбѣ съ порабощеніемъ общественной мысли суррогатомъ древняго благочестія. Вопросъ долженъ быть разрѣшенъ. Ламеннэ думалъ, что залогъ новаго общества въ новой религіи (стр. 495); въ его мечтахъ сказывается „неизмѣнное и безсознательное“ и, конечно, бесплодное „желаніе соединить религію и науку“ (стр. 517)... Недопустимо, что въ этомъ важномъ философскомъ и жизненномъ пунктѣ г. Котляревскій покидаетъ своего читателя совсѣмъ или отдѣляется частными оговорками!

В. Сторожевъ.

Рихардъ Мутеръ. Исторія живописи. Пер. съ нѣм., подъ ред. К. Бальмонта. Т. III. Спб. 1904. Ц. 2 р. Тотъ, кто любитъ искусство, кто подолгу останавливался передъ картиной или статуей, стараясь понять творческій замыселъ художника, кто задумывался надъ общей связью художественныхъ произведеній съ создавшей ихъ эпохой, — тотъ, навѣрное съ большимъ интересомъ прочтетъ „Исторію живописи“ Рихарда Мутера. Если историкъ искусства обыкновенно ставитъ своей задачей быть вмѣстѣ съ тѣмъ историкомъ общей культуры, которая, какъ въ зеркалѣ, отражается въ искусствѣ, то Мутеръ выполнилъ эту задачу едва ли не удачнѣе многихъ другихъ. Ни подробныхъ біографій художниковъ, ни сухого перечня или детальнаго описанія картинъ у Мутера вы не ищите. Его книга — рядъ блестящихъ очерковъ, въ которыхъ живо и ярко изображены исторія, литература и искусство западно-европейскихъ странъ отъ среднихъ вѣковъ до XIX вѣка; до XIX потому, что новому и новѣйшему искусству посвящена специальная обширная работа нашего автора, также переведенная на русскій языкъ. „Исторія живописи“ въ русскомъ переводѣ выходила постепенно, и только въ этомъ году вышелъ въ свѣтъ послѣдній III томъ, когда первые два тома (I въ 1900, II въ 1902) уже достаточно пробили себѣ дорогу среди русской читающей публики, встрѣтивъ довольно дружный, симпатичный пріемъ. Переводъ, сдѣланный подъ ред. К. Бальмонта, отличается большими литературными достоинствами, такъ что при чтеніи даже не чувствуется, какъ обыкновенно бываетъ, что это переводъ, а не оригиналъ. Многочисленные снимки съ картинъ, хорошо исполненные, очень оживляютъ и наглядно иллюстрируютъ изложеніе и тѣмъ болѣе интересны, что подъ каждымъ стоитъ точное указаніе на то, гдѣ именно находится каждая картина. Выборъ иллюстрацій принадлежитъ А. Н. Бенуа; въ нѣмецкомъ оригиналѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ.

Въ противоположность многимъ исторіямъ искусства въ книгѣ Мутера нѣтъ предисловія. Съ первыхъ же страницъ читатель вступаетъ въ область искусства

средних вѣковъ. „Исторію христіанской живописи можно, пожалуй, разсматривать какъ одно изъ выраженій великаго отреченія христіанства отъ эллинизма“, такъ начинается свою книгу пр. Мутеръ. Христіанское искусство, сначала символическое, начинаетъ развиваться со времени Константина, но приобретаетъ характеръ величавости и неподвижности „мозаичнаго стиля“, который служитъ воплощеніемъ огромной силы и величія церкви. „А человѣчество все же нуждалось въ любви и утѣшеніи“. И вотъ раздается проповѣдь любви, религіи чувства, приближающей человѣка къ Божеству, и влияние Франциска Ассизскаго широкой волной вливается въ искусство, воплощаемое въ мистическое творчество германскихъ художниковъ. Какъ нѣчто новое, какъ откровеніе, развертывается живопись Джотто, еще примитивная по своимъ приемамъ, но полная движенія и захватывающаго драматизма. Пр. Мутеръ характеризуетъ его творчество названіемъ „эпического стиля“, считая Джотто основателемъ всего послѣдующаго европейскаго искусства. Далѣе авторъ указываетъ на влияние великаго генія треченто Данте, сказавшееся въ созданіи мистическихъ аллегорій. Но „живопись должна была стать на ноги“. И Мутеръ считаетъ XV вѣкъ вѣкомъ завоеванія, искусствомъ своего собственнаго пути, вѣкомъ новыхъ, болѣе широкихъ темъ и усовершенствованной техники. Какъ послѣдній тихій аккордъ, какъ замирающее эхо средневѣковья, въ уединенномъ флорентійскомъ монастырѣ возникаетъ живопись Фра Беато Анжелико да-Фіезоле, вся проникнутая глубокой и наивной вѣрой, дѣтской восторженностью и мягкой, нѣжной грустью. Чѣмъ-то неземнымъ и трогательнымъ вѣетъ отъ его картинъ. Но вслѣдъ за нимъ искусство снова идетъ по пути, намѣченному еще Джотто: реализмъ и грандіозная простота создаютъ героическій стиль Мазаччо; и капелла Бранкаччи становится школой даже для такихъ мастеровъ, какъ Рафаэль и Микель Анджело. Очень интересна глава, озаглавленная „Буря и натискъ во Флоренціи“. Флоренція становится центромъ науки и искусства, духъ науки проникаетъ въ искусство и видоизмѣняетъ его, внося чисто художественныя усовершенствованія. Но особенно цѣнно освобожденіе искусства изъ-подъ гнета средневѣковаго идеала красоты. „XV вѣкъ, — говоритъ пр. Мутеръ, — означаетъ побѣду индивидуализма, отдѣльная личность безъ стѣсненія выдвинулась впередъ... Сила характера, самобытность и энергія были идеалами этой эпохи“ (т. I, стр. 72). Донателло въ скульптурѣ, Андреа дель-Кастанье, Доменико Венеціано, Фра Филиппо Липпи и Бенедццо Гоццолі, — вотъ представители этой эпохи въ живописи. Характерной чертой искусства кватроченто пр. Мутеръ считаетъ обращеніе къ античнымъ формамъ (Мантенья и его послѣдователи). Нѣсколько живыхъ интересныхъ страницъ посвящены эпохѣ Медичи, — эпохѣ аристократизма и культа красоты: „Въ лицѣ Лоренцо Великолѣпнаго воплотился весь духъ этого времени... При его дворѣ постоянно устраивались маскарады, пышные турниры и праздничныя шествія, чтобы скрыть обыденную жизнь подъ красочнымъ блескомъ. И не только глаза стараются въ то время давать высочайшія наслажденія, и все другія чувства пользуются тѣмъ же культомъ. Время Великолѣпнаго представляется не только эпохой расцвѣта пластическихъ искусствъ, но и музыки, и любви, и страстнаго увлеченія цвѣтами, и даже гастрономіи“ (т. I, стр. 127). Лѣтописцемъ этой эпохи является Гирландіо. Но радостный праздникъ жизни, веселый шумъ карнавала были внезапно прерваны: раздался властный и грозный призывъ къ покаянію суроваго доминиканца Савонаролы. Искусство покидаетъ путь античной красоты и снова возвращается въ область христіанскихъ идеаловъ. Въ творествѣ Сандро Боттичелли нашли свое воплощеніе и прелесть настроеній и мечтаній, и мистическій міръ грезъ, и загадочная красота античнаго міра, и граціозная манерность эпохи Медичи и, наконецъ, торжественно мрачный церковный характеръ проповѣди, раздавшейся изъ устъ Савонаролы. И долго еще эта проповѣдь звучитъ въ художественномъ творествѣ кватроченто включительно до Перуджино. „Печальная радость, улыбка сквозь слезы составляютъ главное настроеніе всѣхъ его картинъ, — говоритъ пр. Мутеръ. — Благодаря этой мечтательной грусти Перуджино является однимъ изъ самыхъ обаятельныхъ художниковъ кватроченто“ (т. I, стр. 179). Наконецъ, въ творествѣ Беллини мы находимъ уже торжественную величавость чисто церковнаго настроенія и снова нѣжную мечтательную религиозность Мемминга. Тонкая психологія, удивительная прелесть композиціи, нѣжность и мягкость тоновъ, — все это находитъ выраженіе у Леонардо да-Винчи. Художникъ, музыкантъ и математикъ, по мнѣнію Мутера „онъ захватилъ всѣ художественныя задачи, поставленныя временемъ, и блестяще разрѣшилъ ихъ“ (т. I, стр. 208). Въ слѣдующихъ главахъ авторъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ отразилось въ гер-

манскомъ искусствѣ вліяніе итальянскихъ художниковъ. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается онъ на творчествѣ двухъ величайшихъ художниковъ XVI в. въ Германіи—Дюрера и Гольбейна. Онъ пишетъ ихъ сравнительную характеристику, указывая на глубину мысли и настроенія у Дюрера, на насмѣшливый, неутомимый реализмъ Гольбейна. „Было бы совершенно правильно назвать Дюрера — Лютеромъ, а Гольбейна—Эразмомъ германской живописи“ (т. I, стр. 272). Такихъ смѣлыхъ характеристикъ и мѣткихъ сравненій разбросано не мало въ книгѣ Мутера.—Первая глава II тома носитъ названіе „Торжество чувственности въ Италіи“. Это реакція противъ церковнаго вліянія Савонаролы. Ученики Леонардо, утонченный Содома изъ Сіены, блестящій венеціанецъ Джорджоне, художникъ трепетнаго чувственнаго настроенія—Корреджо,—все это представители новаго направленія. „Переворотъ въ итальянской живописи со времени ослабленія вліянія Леонардо можно понять только, если обратить вниманіе на общую перемѣну во вкусъ, происшедшую съ самаго начала чинкваченто, потому что во всѣхъ эпохахъ царитъ одинъ художественный стиль, который проникаетъ всѣ частныя явленія жизни“, говоритъ далѣе пр. Мутеръ (т. II, стр. 28). И вотъ на смѣну нѣжнаго трепетнаго чувства выступаетъ „величественное и титаническое“, идеаломъ становится „maestria и gravitas“. Въ центрѣ венеціанскаго искусства чинкваченто стоитъ Тиціанъ. Вся жизнь его сливается въ одну гармонию съ его художественной дѣятельностью. Величіе и мощь, идеализмъ и эллинское спокойствіе характеризуютъ его творчество. Самое происхожденіе художника даетъ поводъ Мутеру сказать: „Джорджоне родился въ знойной равнинѣ, и въ его искусствѣ есть что-то чувственное и знойное, Тиціанъ былъ родомъ изъ высокихъ горъ, и его искусство величественно и возвышенно“ (т. II, стр. 45). Сопоставленіе блестящее и очень остроумное, но, пожалуй, слишкомъ произвольное. Едва ли можно объяснять величіе искусства Тиціана его происхожденіемъ съ альпійскихъ высотъ. Слѣдующая глава посвящена великому титану въ искусствѣ Микель Анджело. Справедливо замѣчаніе пр. Мутера о томъ, что „все, что онъ создалъ, говоритъ о мученіяхъ одинокой измученной души“; также и то, что Микель Анджело болѣе ваятель, чѣмъ художникъ: онъ самъ всегда признавалъ это. Но невозможно согласиться съ мнѣніемъ Мутера, будто „для Микель Анджело не существовало ничего ни нехристіанскаго, ни христіанскаго, ни грѣха, ни прощенія, ни вины, ни милости. Для него существовало только человѣческое тѣло и сила движенія“ (т. II, стр. 53). Едва ли кто-нибудь признаетъ вѣрнымъ и то, что „въ картинахъ, изображающихъ Ноя, есть еще какія-нибудь краски, въ слѣдующихъ же все сводится къ бездѣльному сѣрому тону“ (стр. 54). Все это говорится о плафонѣ Сикстинской капеллы, но именно этотъ плафонъ является едва ли не самымъ великимъ изъ всего, что было когда-нибудь создано въ живописи. На потолкѣ Сикстинской капеллы въ великихъ вдохновенныхъ созданіяхъ своего генія Микель Анджело воплотилъ и символически выразилъ идею творенія міра и паденія человѣческой души, созданной для блаженства и стремящейся соединиться съ Божествомъ. Познаніе Бога силою разума и вдохновенія воплощено въ чудныхъ образахъ библейскихъ пророковъ и языческихъ сибиллъ; познаніе Бога человѣчествомъ въ тихомъ и смиренномъ ожиданіи, путемъ любви—въ образахъ такъ называемыхъ „предковъ Христа“. Самый колоритъ Микель Анджело—легкій сѣроватый тонъ „sfumato“ въ картинахъ, изображающихъ твореніе міра Богомъ Отцомъ, только усиливаетъ впечатлѣніе, какъ бы унося зрителя далеко отъ земли въ область воздушныхъ небесныхъ сферъ. И Микель Анджело властно царитъ надъ другими художниками чинкваченто. „Всѣмъ достоинствомъ чинкваченто воспользовался Рафаэль“, говоритъ Мутеръ. Его искусство есть завершеніе и воплощеніе всего, достигнутаго живописью. Какъ самая жизнь его, оно полно ликующей радости и движенія, античнаго спокойствія и религиозной просвѣтленности, „и надъ всѣмъ царитъ graziosissima grazia его существа“ (стр. 77). Во всемъ послѣдующемъ искусствѣ сказывается вліяніе „вѣчнаго города“, пока не наступаетъ новая реакція контръ-реформаціи. Религіозная живопись, вдохновленная католицизмомъ, картины страшныхъ мученій святыхъ смѣняютъ свѣтлую радость искусства возрожденія. Мрачный Рибейра, монастырскій Сурбаранъ и мистическій Мурильо—представители этого направленія въ Испаніи. Совершенно одиноко среди нихъ стоитъ фигура Веласкеца, художника феодальнаго дворянства съ его древне-испанскимъ величіемъ. Во Фландріи періодъ религіозной контръ-реформаціи заканчивается торжествомъ плоти, „ликующаго эпикуреизма“; это яркое и страстное искусство Рубенса. Пр. Мутеръ говоритъ, что такое искусство, естественно, должно было смѣниться

„элегантской усталостью Вань-Дейка“. Останавливаясь подробно на жизни и деятельности Рембрандта, автор не считает характерным для его творчества название мастера свѣтотѣни или создателя религиознаго искусства въ Германіи. „Какъ ни одинъ человекъ не носилъ имени Рембрандта, такъ точно онъ и какъ художникъ — единственный, онъ не поддается историческимъ изслѣдованіямъ и остается тѣмъ, чѣмъ онъ былъ: загадочной неумовимой гамбетовской натурой — Рембрандтомъ... Онъ первый былъ художникомъ въ современномъ смыслѣ слова, не исполнялъ заказы, а писалъ свои мысли“ (т. II, стр. 221). И Мутеръ считаетъ возможнымъ хотя нѣсколько понять Рембрандта, связавъ его творчество съ исторіей его душевной жизни, порою, можетъ быть, односторонне, порою даже слишкомъ смѣло.

Въ III томѣ „Исторіи живописи“ всего только 3 главы: „Конецъ голландской живописи“, „Аристократическое искусство Франціи“ и „Побѣда буржуазіи“. Пр. Мутеръ останавливается на развитіи бытовой и пейзажной живописи Голландіи въ связи съ исторіей страны; но особенно интересна II глава. Авторъ даетъ блестящую характеристику вѣка Людовика XIV, знаменитаго le roi soleil. „Искусство должно было передавать надменность, церемониальность и представительствующую величественность. Оно должно было быть блестящимъ, напыщеннымъ, громкимъ, какъ періоды Боссюэ и стихи Расина, и все простое должно было быть облечено въ пышныя, многорѣчивыя формы. Да и не въ картинныя галереи предназначались эти произведения, они составляли только часть большого цѣлаго декоративнаго искусства“ (т. III, стр. 32). Такую же характеристику общей культуры и направленія эпохи мы встрѣчаемъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ II главы — „Духъ рококо“. Вкусъ ко всему внушительному и грандиозному смѣняется вкусомъ къ граціи и элегантности. Самый характеръ жизни, литература, архитектура и живопись, даже мебель, даже костюмы, — все измѣняется сообразно все проникающему духу рококо. Во главѣ искусства стоитъ Франція. Ватто является художникомъ волшебнаго острова Цитеры, котораго онъ, больной, некрасивый и несчастный, никогда не видѣлъ; тѣмъ болѣе, по мнѣнію Мутера, онъ стремился къ нему въ своихъ мечтахъ. Духъ рококо находитъ свое полное выраженіе въ искусствѣ Буше. Когда утонченная культура достигла своего апогея, должна была наступить реакція. Такой реакціей является проповѣдь Руссо, который клеймитъ эту культуру и призываетъ общество къ простотѣ и естественности. И въ живописи переходитъ эта проповѣдь нравственности (Грѣзы), и вотъ наконецъ аристократическое искусство доживаетъ свой вѣкъ, и XVIII вѣкъ приноситъ побѣду буржуазіи. Мутеръ останавливается на Вильямѣ Хогартѣ и драматическихъ художникахъ. Литературное руководство принадлежитъ Германіи, и авторъ связываетъ поэзію Гете и Лессинга съ современной имъ живописью. Задача ея — изображеніе мысли; идея красоты, по словамъ Мутера, „должна была застыть“. Горячо и сильно написана глава о революціи, которая пронеслась, подобно огромной лавинѣ, все сбрасывая и разрушая по пути; идеаломъ кажется древне-римская республика съ ея великими героями и великими подвигами. Искусство отражаетъ общее настроеніе: предъ нами живопись Давида. Последняя глава носитъ названіе „Классицизмъ въ Германіи“; это время развитія художественной критики и ея вліянія на живопись.

Въ одномъ мѣстѣ проф. Мутеръ говоритъ: „Искусство всегда движется параллельно съ общими взглядами, съ культурой и нравами. Оно служитъ какъ бы сокращенной лѣтописью своего времени“ (стр. 34). Вся книга служитъ блестящимъ подтвержденіемъ этого взгляда, и мы можемъ смѣло рекомендовать ее нашимъ читателямъ.

О. Рудченко.

С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы за 25 лѣтъ, 1878—1903. Очерки и матеріалы. Изданіе комитета общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ С.-Петербургѣ. 1903. Ц. 2 р.

Проходя трудный, полный борьбы путь, полезно время отъ времени на ходу оглянуться на сдѣланное разстояніе, чтобы въ итогахъ достигнутымъ успѣхамъ и въ сознаніи большей близости желанной цѣли почерпнуть увѣренность и бодрость для дальнѣйшихъ шаговъ къ ней. Такое значеніе должна имѣть лежащая передъ нами книга, представляющая историческій очеркъ петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ за двадцать пять лѣтъ ихъ существованія. Съ захва-

тывающимъ интересомъ прочтеть ее каждый, для кого дорого русское просвѣщеніе. Въ простомъ по формѣ разсказѣ о возникновеніи курсовъ, которымъ открывается книга—полная драматизма лѣтопись борьбы русской женщины за доступъ къ научному знанію,—борьбы, которая началась въ 60-хъ годахъ XIX в. страстнымъ порывомъ къ свѣту науки, къ счастью не угасшимъ, какъ угасали другіе русскіе порывы, а перешедшимъ въ постоянную и ровную и потому особенно плодотворную энергію. Чтобы одолѣвать препятствія, стоявшія на пути въ теченіе двадцати пяти лѣтъ: вражду и противодѣйствіе обскурантизма, равнодушіе массы, холодность и колебанія правящихъ сферъ, понадобились поистинѣ героическіе подвиги, еще разъ доказывающіе, что не перевелся еще и не измелчалъ „типъ мощной славянки“, вынесшей эту борьбу на своихъ плечахъ. Приложенные къ очерку матеріалы: статистическія таблицы, изображающія ростъ матеріальныхъ средствъ курсовъ за двадцать пять лѣтъ [годовой расходъ курсовъ: 21 тыс. руб. въ 1878—9 г., 240 тыс. руб. въ 1902—3 г.], число слушательницъ [793—въ 1878—9 г., 140—въ 1888—9 г., 1154—въ 1902—3 г.], историческій обзоръ преподаванія на курсахъ по отдѣльнымъ каеэдрамъ—краснорѣчивые показатели достигнутыхъ результатовъ, достаточные вполнѣ, чтобы внушить спокойствіе за будущую судьбу дѣла. Этими документами не обойдетъ впоследствии историкъ русской культуры. Книга снабжена прекрасно исполненными рисунками зданія курсовъ, спеціально для нихъ выстроеннаго и приспособленнаго, могущаго служить образцомъ для другихъ подобныхъ же, надѣемся, многихъ еще зданій въ Россіи.

М. Богословскій.

Поправка. Въ рецензію А. Бачинскаго въ VIII кв. „Научнаго Слова“ вкрались слѣд. опечатки: стр. 156 строка 3 сл. вмѣсто *производительнѣ* надо *производительнѣя*; стр. 157 строка 9 сл. вмѣсто *Санъкомъ* надо *Саньякомъ*; строка 15 сл. вмѣсто *изслѣдованные мною въ моемъ аппаратѣ, изъ соединенія* надо *изслѣдованныя мною въ моемъ аппаратѣ изъ соединенія*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

1905 годъ. популярно-научный иллюстрированный журналъ III-й годъ.

Научное Слово

издающийся при содѣйствіи нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго университета. Ближайшее участіе въ редакціи журнала принимаютъ: проф. Н. А. Умовъ, проф. В. О. Ключевскій, прив.-доц. М. М. Богословскій, проф. П. И. Новгородцевъ, проф. Л. М. Ломтѣвъ, проф. ин. С. Н. Трубецкой.

Въ ближайшихъ книгахъ предполагено напечатать между прочимъ слѣдующія статьи: I. ОТДѢЛЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ: прив.-доц. Н. П. Кастеринъ, „Жидкій воздухъ“; проф. Э. Е. Лейстъ, „Полярныя сіянія и магнитныя возмущенія“; проф. И. И. Мечниковъ, „О старости“; проф. Б. К. Млодѣевскій, „О безковчечномалыхъ“; проф. Н. А. Умовъ, „Недоразумѣнія въ пониманіи нѣкоторыхъ выводовъ естественныхъ наукъ“. II. ОТДѢЛЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ: А. В. Баулеръ, „О символизмѣ“; проф. И. М. Гревсъ, „Очеркъ флорентійской культуры“; проф. В. О. Ключевскій, „Очеркъ изъ исторіи Московскаго государства“; прив.-доц. С. А. Котляревскій, „Католическій университетъ въ Лувенѣ“. Н. В. Сперанскій, „Вѣдьмы и вѣдовство“; проф. Д. М. Петрушевскій, „Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства“; III. ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ЮРИДИЧЕСКІЙ: проф. В. М. Хвостовъ, „Проектъ новаго гражданскаго уложенія“. IV. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ: проф. П. И. Новгородцевъ, „О принципахъ морали“.

Въ текстѣ журнала помѣщаются чертежи, карты, рисунки, портреты и снимки съ различныхъ произведеній искусства. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюня и іюля, книгами въ размѣрѣ отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за десять книгъ: безъ доставки въ Москвѣ на годъ 5 р. 50 к., на полгода 2 р. 75 к., съ доставкой и пересылкой во все города Россіи на годъ 6 р., на полгода 3 р.; за границу 8 р. Для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ годовая цѣна уменьшается на 1 руб.

Комплекты 1903 г. разошлись. Отдѣльные №№ (1, 3—10) продаются отдѣльно по 60 к. каждый. Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи (Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина) и въ конторѣ П. Печковской (Петровскія лѣны).

Гг. иногороднихъ просятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

Новая книга: И. И. Мечниковъ—„Этюды о природѣ человѣка“. Съ портретомъ автора и 20 рисунками. Изданіе редакціи журнала „Научное Слово“. Цѣна въ папкѣ безъ пересылки 2 р. 50 к. При покупкѣ въ редакціи „Научнаго Слова“ учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ пользуются скидкой въ 30%, книгопродавцы въ 20%, другія лица въ 10%, а иногородніе не платятъ за пересылку.

Новая книга: М. М. Петровскій—Очерки по сравнительной исторіи литературы. Выпускъ I. Романъ Дидоны и Энея въ „Энеидѣ“ Вергилія и его римскіе подражатели. Изданіе редакц. журн. „Научное Слово“. Ц. 60 к., для учащихся въ высшихъ учебн. завед. и книгопродавцевъ, ц. 40 к.

Издатель прив.-доц. Г. К. Рахмановъ.

Редакторъ проф. Н. А. Умовъ.

Книга X.

1904 г.

Научное Слово.

Москва.

Въ 1905 году въ «Научномъ Словѣ»
будетъ отдѣльными главами печататься
новая книга профессора И. И. Мечникова,
составляющая продолженіе и комментарий
къ его «Этюдамъ о природѣ чловѣка».
Первая глава называется «Естественная
смерть въ животномъ мірѣ».

Книга X.

1904 г.

Научное Слово.

Москва.

Дозволено цензурою. Москва, 1 декабря 1904 г.

ТИПО-ЛИТ. ТОВАРИЩ. И. И. ДИШНЕРОВЪ ВЪ МОСКВѢ.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. НАУКА И ИСТИНА. Проф. Д. А. Гольдгаммера. (<i>Окончаніе.</i>) . . .	5
II. НЕДОРАЗУМѢНІЯ ВЪ ПОНИМАНІИ ПРИРОДЫ. Проф. Н. А. Умова.	21
III. ЭТЮДЫ ПО ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКОЙ РЕЛИГИИ. Проф. кн. С. Н. Трубецкаго. (<i>Окончаніе.</i>).	31
IV. КАТОЛИЧЕСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ЛУВЕНѢ. Прив.-доц. С. А. Котляревскаго.	47
V. В. С. ПЕЧЕРИНЪ. М. О. Гершензона. (<i>Окончаніе.</i>)	63
VI. ДВА ПРАВОВЫХЪ ИДЕАЛА. Проф. П. И. Новгородцева.	112
VII. ХРОНИКА НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ. („Излученіе въ солнечной системѣ“. А. І. Бачиснаго.—„Свѣтящіяся растенія“. Г. Э. Риттера.—„Къ шестидесятилѣтію кончины Крылова“. Ю. А.).	128
VIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. М. О. Гершензона	136
IX. ОБЗОРЪ ТЕАТРА. М. О. Гершензона	145
X. БИБЛИОГРАФІЯ. (Куно Франке: „Исторія нѣмецкой литературы“. Ю. А. Веселовскаго.—Н. Энгельгардтъ: „Очеркъ исторіи русской цензуры“. М. Лемке: „Очерки по исторіи русской цензуры“. Проф. Овсяннико-Куликовскій: „Этюды о творчествѣ Тургенева“. В. В. Калаша. — Ц. Балталонъ: „Пособіе для литературныхъ бесѣдъ“. Ю. А. Веселовскаго.—„Труды Юридическаго Общества при Харьковскомъ университетѣ“.—А. Я. Шпаковъ: „Государство и церковь“. С. А. Шумакова.)	149
XI. ЗАСѢДАНІЯ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.	158
XII. ОБЪЯВЛЕНІЕ.	

Наука и истина.

(Окончаніе) ¹⁾.

Можно сказать про эфиръ и молекулы, что они раздѣлили между собою власть надъ физическими явленіями; но съ точки зрѣнія единства природы, очевидно, должно существовать между ними и связующее звено. Такое звено, или по крайней мѣрѣ намекъ на него, мы и имѣемъ на самомъ дѣлѣ—это теорія вихрей-атомовъ, созданная В. Томсономъ ранѣе, чѣмъ выяснилась окончательно роль эфиръ въ электромагнитныхъ явленіяхъ. Идеальная несжимаемая жидкость, относящаяся къ дѣйствительнымъ жидкостямъ (съ которыми мы обычно имѣемъ дѣло), «какъ кругъ Эвклида къ нашимъ реальнымъ кругамъ», и вихри въ этой жидкости— вотъ основаніе теоріи, въ которой нѣтъ ничего произвольнаго, нѣтъ ничего, кромѣ матеріи и ея движенія. Здѣсь не мѣсто излагать эту замѣчательную теорію, гдѣ молекулы и атомы не вещество, а состояніе вещества, гдѣ всѣ силы оказываются кажущимся явленіемъ, простымъ слѣдствіемъ движенія, а вся такъ называемая потенциальная энергія (напр. энергія тѣла, поднятаго надъ землей, энергія наэлектризованнаго тѣла и т. п.), является энергіей движенія. Мы не сомнѣваемся, что эта теорія—теорія будущаго, и только математическія трудности служатъ пока преградой для ея развитія, но если эта трудность и велика, то и «слава ее преодолѣть будетъ единственная».

Математическія трудности задержали, какъ извѣстно, и развитіе кинетической теоріи тѣлъ въ широкомъ смыслѣ этого слова: въ этомъ обстоятельствѣ мы видимъ одинъ изъ поводовъ происшедшей не такъ давно реакціи противъ всего направленія классической физики, выразившейся особенно рѣзко въ такъ называемомъ *энергетизмѣ*.

Дѣло въ томъ, что, какъ будто предвидя будущія затрудненія,

---

¹⁾ „Научное Слово“ 1904, IX.

съ которыми встрѣтится человѣчество на пути изученія свойствъ эѳира и молекулъ, нѣкоторые геніальные умы заранѣе озаботились созданиемъ новаго могучаго орудія изслѣдованія, независимо отъ строенія и свойствъ матеріи. Этотъ новый методъ дали такъ называемые два закона¹⁾ термодинамики (механической теоріи теплоты).

Правда, вскорѣ обнаружилось, что второй законъ имѣетъ совсѣмъ особое положеніе среди другихъ законовъ природы; было доказано, что это, такъ сказать, законъ кажущійся, своего рода теорема теоріи вѣроятностей, т.-е. истина статистическаго характера, являющаяся для насъ истиной постольку, поскольку не достаточно тонки наши органы чувствъ и орудія изслѣдованія. Въ природѣ этотъ законъ весьма тѣсно связанъ съ такими скрытыми движеніями, которыя *неправильны* (irregular по Максвеллу) или *нестройны* (ungeordnet по Гельмгольцу) въ отличіе отъ правильныхъ или стройныхъ движеній, какія мы имѣемъ, напримѣръ, въ волнѣ и т. п. Величина, играющая главную роль въ аналитическомъ выраженіи второго закона термодинамики, — энтропія — это именно мѣра нестройности, беспорядочности движеній. Такимъ образомъ, по существу дѣла, смыслъ второго закона — молекулярный.

Тѣмъ не менѣе, съ одной стороны, это не сразу стало ясно, съ другой — несомнѣнная возможность приложенія закона къ цѣлому ряду самыхъ разнообразныхъ явленій безъ необходимости имѣть при этомъ спеціальныя молекулярно-эѳирныя представленія — все это вмѣстѣ взятое въ связи съ удивительнымъ успѣхомъ такого рода приложенія и привело энергетиковъ къ смѣшенію метода изученія природы съ ея цѣлью.

Это «декадентское», по выраженію покойнаго А. Г. Столѣтова, направленіе повторяетъ ошибку, въ которой когда-то упрекали атомистовъ; какъ тѣ за атомами, такъ энергетики за символомъ «энергіи» не хотятъ видѣть реальной природы. Энергетики отказываются отъ молекулъ, эѳира, матеріи и механики не только какъ отъ фактовъ, но не желаютъ пользоваться ими и какъ методомъ. Все естествознаніе энергетиковъ — это естественная исторія энергіи, при чемъ энергія перестаетъ быть механическимъ представленіемъ, подобно скорости, ускоренію, силѣ и др., а становится какимъ-то туманнымъ метафизическимъ понятіемъ.

Сила есть понятіе производное отъ массы, длины и времени,

¹⁾ *Первый законъ.* Теплота есть видъ энергіи и какъ энергія подчинена закону сохранения энергіи. *Второй законъ.* Хотя превращенія разныхъ видовъ энергіи въ теплоту и обратно происходятъ въ эквивалентныхъ количествахъ, но теплота можетъ быть превращена въ механическую работу только одновременно съ переходомъ ея съ болѣе теплаго тѣла на болѣе холодное, и то не полностью.

точно такъ же и энергія. Само собой понятно, что нѣтъ необходимости все сводить къ массѣ, длинѣ и времени. Любыя три механическія понятія можно взять за исходныя; тогда масса, длина и время явятся производными. Но, конечно, ничего новаго по существу этимъ путемъ мы не получимъ; правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ это можетъ помочь намъ подмѣтить соотношенія, которыя въ такихъ «координатахъ» выражаются просто, а въ другихъ—сложно, но это успѣхъ второстепеннаго характера. Мы имѣемъ аналогію сказанному въ термодинамикѣ: состояніе тѣла обычно опредѣляется его объемомъ, давленіемъ и температурой. Тогда энергія и энтропія тѣла будутъ извѣстны, если дана связь между объемомъ, давленіемъ и температурой—так. наз. уравненіе состоянія тѣла (напр., законъ Мариотта—Гей-Люссака (Gay-Lussac), у газовъ).

Но можно, какъ это предложилъ Гиббсъ (Gibbs), характеризовать состояніе тѣла именно энергіей, энтропией и, напр., объемомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это выгодно, но, наоборотъ, тамъ, гдѣ соотношение между объемомъ, давленіемъ и температурой просто, тамъ то же соотношение въ новыхъ координатахъ сложно (напр., тотъ же законъ Мариотта).

Противъ энергетизма, какъ метода, трудно что-либо возразить, кромѣ того, что ни второй законъ термодинамики, ни аналогичные принципы механики—наименьшаго дѣйствія и Гамильтона (Hamilton)—не приложимы ко всѣмъ явленіямъ природы. Но любопытнѣе всего то, что термодинамика дала больше всего результатовъ въ рукахъ тѣхъ, кто не былъ энергетикомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова и кто вовсе не отказывался отъ молекулярныхъ представлений,—въ рукахъ Гельмгольца, Гиббса, Планка (Planck) и др.

Энергетизмъ, какъ и аналитическое направленіе, о которомъ была рѣчь выше, дѣлаетъ изъ человѣка простую счетную машину. Но Максвелль вѣрно сказалъ: «Человѣчскій умъ бываетъ рѣдко удовлетворенъ и навѣрно никогда не упражняетъ свои высшія способности, исполняя трудъ счетной машины. Человѣкъ науки, будетъ ли онъ математикомъ или изслѣдователемъ физическихъ явленій, стремится пріобрѣсти и развить ясныя идеи о вещахъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло. Съ этой цѣлью онъ охотно принимается за длинныя вычисленія и становится на время счетной машиной, но только если онъ можетъ этимъ по крайней мѣрѣ сдѣлать свои идеи ясныѣ».

Такимъ образомъ, не въ метафизическихъ тонкостяхъ крайняго энергетизма, не въ пользованіи дифференціальными уравненіями безъ вывода ихъ, а въ качествѣ рецептовъ, какъ это однажды предложилъ Гертцъ, не въ каталогахъ фактовъ и законовъ лежитъ залогъ бу-

дущаго прогресса физики и съ нею всего естествознанія. Существованіе ээира, существованіе молекулъ и ихъ движенія для насъ, несмотря на весь безотрадный скептицизмъ послѣднихъ лѣтъ, есть несомнѣнное слѣдствіе законовъ механики. Ну что же, скажутъ намъ, пусть такъ; но вѣдь и вѣрность законовъ механики не неоспорима.

Конечно, эти законы, какъ и геометрическія аксіомы, не апріорны, какъ бы ни стояли за эту апріорность метафизики; если мы что-либо знаемъ, то знаемъ благодаря опыту и наблюденію. Поэтому «могло бы казаться, быть можетъ, очень дерзкимъ, что мы, будучи столь ограничены въ кругу нашихъ наблюденій—пространственно,—нашимъ положеніемъ на маленькой землѣ—лишь пылинкѣ нашего млечнаго пути,—во времени,—продолжительностью краткой исторіи человѣка,—что мы все же рѣшаемся прилагать ко всему протяженію неизмѣримаго пространства и времени отъ вѣчности къ вѣчности законы, которые мы вычитали изъ небольшой области доступныхъ намъ фактовъ. Но все наше мышленіе и всѣ наши дѣйствія, какъ въ величайшемъ, такъ и въ ничтожнѣйшемъ, основаны на довѣрїи къ неизмѣнной законмѣрности природы, и это довѣрїе до сихъ поръ оправдывалось тѣмъ сильнѣе, чѣмъ глубже мы вникали въ связь явленій». Это сказалъ Гельмгольтцъ болѣе 30 лѣтъ тому назадъ. Какъ измѣнилось все естествознаніе за истекшія три десятилѣтія, мы хорошо знаемъ; всѣ вновь открытые факты только подтвердили ту нашу вѣру, о которой говорилъ великій естествоиспытатель; остались живы, выросли и принесли плодъ лишь тѣ теорїи и идеи, которыя подошли подъ эту вѣру. Нарушалась ли гдѣ-либо эта законмѣрность въ природѣ? Мы знаемъ, что нѣтъ.

Вообразимъ себѣ человѣка, не имѣющаго представленія о томъ, какъ выточить шаръ; въ механической мастерской ему указываютъ на токарный станокъ и инструменты и говорятъ, что въ этомъ все нужное для выполненія работы. Нашъ экспериментаторъ пробуетъ точить, но, конечно, у него ничего не выходитъ. Какимъ наивнымъ мы бы его сочли, если бы онъ на основанїи своего неудачнаго опыта рѣшилъ, что его обманули, что шары никогда не вытачиваются, а всегда, напр., отливаются. Между тѣмъ въ этомъ родѣ поступаютъ тѣ, кто пытается отвергнуть законы механики безъ достаточнаго къ тому основанія.

У насъ нѣтъ простой механической схемы для явленій электромагнетизма—сложныхъ моделей и механизмовъ сколько угодно; мы не знаемъ свойствъ ээира, его структуры; мы не знаемъ, что такое атомы и молекулы. Насъ поражаетъ аналогія электромагнитныхъ явленій съ нѣкоторыми движеніями въ жидкостяхъ (гидродинами-

ческими явлениями), но случайная ли это аналогія, или она обусловлена существомъ дѣла, мы не знаемъ, ибо здѣсь наши обычные орудія изслѣдованія оказываются чрезчуръ слабыми. Но вся гидродинамика — твореніе нашихъ дней: Гельмгольтцъ и Стоксъ (Stokes), Кельвинъ и Бельтрами (Beltrami)—это наши современники; все ученіе объ электричествѣ и свѣтѣ дѣло нашего времени, нашего вѣка. Все это ново, все это юно. Между тѣмъ мы оказываемся столь избалованными прогрессомъ знанія, что всякое встрѣченное затрудненіе, всякая остановка въ развитіи нашихъ теорій, созданныхъ едва ли не вчера,—все это возбуждаетъ въ насъ отчаяніе своего рода, вызываетъ не стремленіе усовершенствовать наши методы обработки научныхъ данныхъ, нашу «счетную машину», а сомнѣніе въ неизбежности тѣхъ законовъ, которые еще никогда намъ не измѣняли!

При разработкѣ теоріи электромагнитныхъ и свѣтовыхъ явленій въ *движущихся средахъ* приходится рѣшать вопросъ о томъ, какая связь между молекулами и эфиромъ, какъ отражается движеніе молекулъ на движеніи эфире, и мы не имѣемъ пока достаточно опытнаго матеріала, чтобы на основаніи его сдѣлать какія-либо опредѣленные заключенія. Съ другой стороны, и математическая разработка теоріи съ принятіемъ въ расчетъ отдѣльно явленій въ молекулахъ и въ эфирѣ представляетъ крайне большія затрудненія. Естественно поэтому, что Максвелль и Гертцъ остановились на простѣйшемъ, провизорномъ предположеніи, что движущееся тѣло увлекаетъ съ собой эфиръ полностью. Однако оказалось, что такое предположеніе не объясняетъ нѣкоторыхъ явленій въ движущихся средахъ.

Правда, и дисперсія свѣта Максвелль-Гертцовскими уравненіями не объясняется; поэтому, казалось, естественно было бы думать, что такъ же, какъ для объясненія дисперсіи пришлось первоначальныя уравненія обобщить, слѣдуетъ сдѣлать то же, а если будетъ нужно, то и исправить, и для явленій въ движущихся средахъ. Однако, въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка новое теченіе въ физикѣ уже было настолько сильно, что вмѣсто такого исправленія и обобщенія имѣющихся уже уравненій, очень выдающійся голландскій физикъ, уже упомянутый выше, Лорентцъ, выступилъ со своей теоріей, въ которой эфиръ принимается *не участвующимъ вовсе* въ движеніи обычныхъ тѣлъ, такъ что въ интересующей насъ области явленій оказывается не соблюденнымъ третій законъ движенія Ньютона: по Лорентцу есть дѣйствіе, но нѣтъ противоѣдствія.

И, что любопытнѣе всего, эта жертва законами механики оказалась недостигающей цѣли: и для теоріи неподвижнаго эфире на-

плись явленія, съ которыми и она справиться не могла. Автору пришлось прибѣгнуть къ допущенію, что *размѣры тѣлъ зависятъ отъ движенія*; это явленіе однако до сихъ поръ несмотря на самыя тщательныя опыты, съ разныхъ сторонъ, съ очень большими средствами, непосредственно обнаружить не удалось, и мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что въ настоящее время (1904 г.) уже не такъ много сторонниковъ признанія возможности нарушенія законовъ механики, какъ это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Конечно, мы далеки отъ мысли приписывать эмпирическимъ законамъ абсолютное значеніе. Какъ въ геометріи мы не въ состояніи пока опытно рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли наше пространство есть пространство Эвклида, а не Римана (Riemann) или Лобачевского¹⁾, какъ въ астрономіи мы пока не можемъ сказать, дѣйствительно ли законъ всемірнаго тяготѣнія имѣетъ абсолютное значеніе или мы знаемъ его лишь приблизительно; такъ, конечно, и въ механикѣ возможно, что наши законы, данные великимъ Ньютономъ, суть лишь первое приближеніе къ истинѣ. Въ этомъ смыслѣ эволюція этихъ законовъ и возможна, и желательна, и когда она станетъ совершившимся фактомъ, это будетъ великое открытіе челоувѣческаго гения. Но нужно слишкомъ много данныхъ, чтобы обусловить такую эволюцію, и врядъ ли эти данныя накопятся скоро, если только накопятся когда-либо. Намъ представляется болѣе правдоподобной эволюція нашей механики въ иномъ направленіи. Механика Ньютона не въ достаточной мѣрѣ опредѣляетъ понятіе *массы*, инерціи. Не невозможно, что ближайшее изученіе свойствъ ээира и его движеній дастъ намъ что-либо въ родѣ кинематическаго опредѣленія массы, такъ что инерціей окажется просто видимое проявленіе связи тѣла съ ээиромъ²⁾.

Но теорія Лорентца все же замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, она даетъ очень простое механическое объясненіе цѣлому ряду свойствъ тѣлъ, являясь своеобразной *молекулярной* теоріей электричества, магнитизма и свѣта; съ другой стороны, она намѣчаетъ возможность сведенія молекулярныхъ силъ

1) Въ пространствѣ Эвклида (плоскомъ) всѣ треугольники имѣютъ одну и ту же сумму угловъ (два прямыхъ); въ пространствѣ Римана (сферическомъ) сумма угловъ въ треугольникахъ съ ббльшей площадью больше, а въ пространствѣ Лобачевского (псевдосферическомъ) наоборотъ сумма угловъ у треугольниковъ съ ббльшей площадью меньше.

2) Интересующіеся вопросомъ объ оптическихъ явленіяхъ въ движущихся средахъ и вообще объ ээирѣ найдутъ нѣкоторыя подробности въ статьѣ „Ээиръ“ въ Энциклопедіи Брокгауза и Ефрона.

и силъ всемірнаго тяготѣнія къ силамъ притяженія между на-электризованными тѣльцами, т.-е., иначе говоря, дѣлаетъ всѣ эти силы *кажушимися*, вытекающими изъ нѣкоторыхъ движеній ээира.

Идея о существованіи связи между электричествомъ и тяготѣніемъ, электричествомъ и молекулярными силами—силами химизма, никогда не покидала Фарадея. «Всѣ факты,—писалъ онъ,—показываютъ намъ, что электрическій токъ только иная форма силъ химическаго сродства... другими словами, что силы, именуемыя химическимъ сродствомъ и электричествомъ, однѣ и тѣ же». Фарадею же, какъ извѣстно, принадлежитъ открытіе такъ называемыхъ *іоновъ* электрохиміи, этихъ отдѣльныхъ индивидуумовъ съ неизмѣнными электрическими зарядами. Эта электризація іоновъ явилась указаніемъ еще на одно общее свойство матеріи, помимо всемірнаго тяготѣнія.

Представленіе объ іонахъ въ связи съ основаніями кинетической теоріи газовъ легли въ основу *теоріи растворовъ*—этой одной изъ наиболѣе разработанныхъ главъ физической химіи.

Почти параллельно съ этимъ Круксъ (Crookes) пытался ввести идею іоновъ въ теорію разрѣженныхъ газовъ, именно для объясненія явленій электрическаго разряда въ нихъ, подъ именемъ четвертаго, лучистаго состоянія вещества. Но идеи эти въ то время (70-ые годы XIX вѣка) частью были не вѣрны, главное же преждевременны. Только въ срединѣ 90-хъ годовъ опыты Ленарда (Lenard) показали, что такъ долго остававшіеся таинственными такъ называемые *катодные* лучи представляютъ собой ничто иное какъ потокъ на-электризованныхъ тѣлецъ, похожихъ на іоны химіи и Крукса.

Цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ свойствъ этихъ лучей, проявляющійся то въ ихъ тепловомъ, то въ электризующемъ дѣйствиіи, то въ отклоненіи лучей подъ вліяніемъ магнитовъ и т. п.—все это дало возможность не только опредѣлить скорость полета этихъ частицъ, но и найти отношеніе ихъ электрическаго заряда къ ихъ массѣ и притомъ самыми разнообразными и независимыми одинъ отъ другого способами. Оказалось, что скорость полета въ разныхъ условіяхъ опыта разная, колеблясь въ предѣлахъ отъ $\frac{1}{30}$ до $\frac{1}{3}$ скорости свѣта, но что отношеніе заряда къ массѣ во много сотъ разъ *болѣе*, чѣмъ подобное отношеніе для химическихъ іоновъ водорода. Съ другой стороны, непосредственное измѣреніе зарядовъ показало, что они тождественны съ зарядами химическихъ іоновъ, т.-е., иначе говоря, что масса этихъ тѣлецъ, названныхъ *электронами*, во много сотенъ разъ менѣе массы атома водорода.

Д. Д. Томсону (J. J. Thomson) вслѣдъ затѣмъ удалось сдѣлать шагъ далѣе: разряжающее дѣйствиіе ультрафіолетовыхъ лучей на

заряженныя электричествомъ тѣла (такъ назыв. *актиноэлектрическія* явленія), равно какъ и явленія распыленія угольковъ въ электрическихъ лампахъ накаливанія—все это оказалось слѣдствіемъ движенія *отрицательно* наэлектризованныхъ тѣлецъ, тождественныхъ съ электронами. Послѣдніе стали играть крайне важную роль въ физикѣ; они сдѣлали понятнымъ, почему газы подѣ дѣйствіемъ нѣкоторыхъ недавно открытыхъ таинственныхъ «лучей»—урана, радія и др., становятся проводниками электричества; оказалось, что эти «лучи» по преимуществу эманации все тѣхъ же электроновъ, и въ то самое время, когда гремѣла критика молекулярныхъ представленій, опыты обнаружили молекулярность тѣль совсѣмъ съ новой стороны.

Электроны воскресили старую мечту алхимиковъ о превращеніи тѣль одно въ другое, о сложности нашихъ химическихъ элементовъ. И, что страннѣе всего, намъ какъ разъ недоставало такихъ мельчайшихъ тѣлецъ. «Наша первая любовь»,—по выраженію лорда Кельвина,—электростатика—первоначально имѣла дѣло именно съ мельчайшими частицами обычной матеріи; лишь позже съ неохотой пришлось отъ нихъ отказаться, замѣнить ихъ символомъ «электрическая масса». Молекулярно-вихревая теорія Максвелля требовала присутствія особыхъ тѣлецъ—кромѣ вихрей,—которыхъ движеніе давало бы то, что мы зовемъ электрическимъ токомъ, и опытъ далъ намъ эти тѣльца въ видѣ электроновъ. Послѣдніе являются какъ бы основаніемъ того моста, который мы стремились перекинуть между молекулами, эфиромъ и электричествомъ.

Ранѣе чѣмъ были добыты всѣ эти опытные результаты первостепенной важности, Лорентцъ положилъ существованіе подобныхъ наэлектризованныхъ іоновъ въ основаніе новой теоріи свѣта и электромагнетизма. Мы упоминали выше о недостаткахъ этой теоріи: но у нея гораздо болѣе достоинствъ. Теорія является во многихъ отношеніяхъ дополненіемъ къ теоріи Максвелля—Гертца и связующимъ звеномъ между электромагнитными и свѣтовыми явленіями и иными областями физики. Здѣсь не мѣсто входить въ изложеніе этой замѣчательной теоріи: достаточно сказать, что согласно ей электромагнитныя, т.-е. свѣтовыя, волны въ эфирѣ вызываются колебательнымъ движеніемъ электроновъ, тогда какъ ихъ поступательное движеніе есть электрическій токъ, и т. д.

Открывается надежда создать теорію лучеиспусканія газовъ, которой у насъ пока нѣтъ, объяснить законы распредѣленія цвѣтныхъ линий въ спектрахъ элементовъ. Въ такой системѣ движущихся наэлектризованныхъ тѣлецъ всѣ силы имѣютъ электромагнитный характеръ. Въ извѣстномъ смыслѣ теорія является возвратомъ къ старымъ представленіямъ: покоящіяся частицы подчиняются закону

Кулона, движущіяся нѣкоторому болѣе общему, въ родѣ старыхъ законовъ Вебера, Клаузіуса (Clausius) и др.

Теорія праздновала свою побѣду въ открытомъ Зеemannомъ (Zeeman) вліяніи намагниченія на лучеиспусканіе газовъ—явленіи, которое сразу вытекало изъ теоріи, по крайней мѣрѣ въ своихъ общихъ чертахъ. Однако это обстоятельство мало доказательно само по себѣ. Упомянутое явленіе еще лучше и полнѣе описывается общей электромагнитной теоріей свѣта при помощи связи между лучеиспускательной и лучепоглощательной способностью тѣлъ (т. наз. законъ Кирхгоффа), не прибѣгая къ теоріи лучеиспусканія. Подъ такое описаніе подойдет много молекулярныхъ гипотезъ разнаго рода.

Какъ бы то ни было, теорія Лорентца заслуживаетъ полнаго вниманія. Не даромъ появилось и появляется до сихъ поръ много опытныхъ и теоретическихъ работъ, такъ или иначе затрагивающихъ связанные съ теоріей и съ электронами вопросы. Ионы или электроны вводятъ понятіе о нестройныхъ движеніяхъ туда, гдѣ мы ихъ не подозрѣвали; они дѣлаютъ намъ понятной возможность распространенія второго закона термодинамики на волны, еще не поглощенные тѣломъ, энергія которыхъ еще не превратилась въ молекулярное движеніе, называемое нами *теплотой* въ тѣлѣ. Въ науку начинаетъ входить понятіе о температурѣ лучей (Планкъ), и новыя открытія ведутъ такимъ образомъ къ новому шагу на пути утвержденія и разъясненія ранѣе установленныхъ истинъ объ эфирѣ, съ одной стороны, и о молекулахъ и атомахъ—съ другой.

Мы, повидимому, накануне великихъ открытій; но и эти новыя, неожиданно явившіяся факты все-таки не потрясаютъ основъ нашей классической механической схемы, не вызываютъ сомнѣній въ общихъ законахъ механики. Послѣдніе и электроны могутъ не только вполне мирно ужиться вмѣстѣ, но этотъ симбіозъ влечетъ за собой наступленіе давно ожидаемаго поглощенія химіи физикой и механикой.

Вопросъ объ электронахъ имѣетъ еще и иной интересъ.

Именно къ этимъ частицамъ, меньшимъ атома, прикнули попытки созданія того, что можетъ быть названо электромагнитнымъ основаніемъ механики и физики,—попытки, такъ сказать, электрологизировать эти науки.

Какъ мы видѣли, до сихъ поръ не удалось создать настоящей механической теоріи свѣта; зато блестящимъ успѣхомъ отмѣчена созданная Максвеллемъ электромагнитная теорія свѣта.

Это дало поводъ утверждать, что и вообще наши стремленія къ механическому объясненію явленій напрасны. Стали говорить,

что наши механическіе идеалы создались потому, что механика раньше всего достигла совершенства; что переходъ отъ механической схемы для явленій свѣта къ электромагнитной есть знаменіе начинающейся электрологизаціи и всей механики; что въ будущемъ мы настолько свыкнемся съ электромагнитными символами, что сведемъ на электромагнитныя явленія всю механику и физику. И, какъ бы въ подтвержденіе справедливости этой точки зрѣнія, явилось данное Кауфманномъ (W. Kaufmann) и Абрагамомъ (M. Abraham) доказательство, что массы электроновъ—въ предѣлахъ ошибокъ наблюденія—цѣликомъ обусловлены ихъ электрическими свойствами. Что же это значить?

Какъ извѣстно, если мы желаемъ сообщить скорость V тѣлу массы M , мы должны на это затратить работу E , равную такъ называемой кинетической энергіи или живой силѣ тѣла, именно $E = \frac{1}{2}MV^2$. Это соотношеніе могло бы служить для опредѣленія массы тѣла. Но пусть теперь наше тѣло наэлектризовано и мы сообщили ему затѣмъ ту же энергію E , заставляя его этимъ двигаться снова прямолинейно и равномерно. Наэлектризованное тѣло при своемъ движеніи представляетъ собою электрическій токъ; на созданіе такового надо затратить работу; поэтому на сообщеніе скорости пойдетъ не вся энергія E , а лишь ея часть, скорость станетъ меньше, не V , а v , и намъ будетъ казаться, что тѣло имѣетъ массу не M , а большую $M + m$, такъ что теперь $E = \frac{1}{2}(M + m)v^2$. Здѣсь m и будетъ кажущейся массой электромагнитнаго происхожденія, и вышеупомянутые изслѣдованія Кауфманна и Абрагама обнаруживали, что въ предѣлахъ ошибокъ наблюденій у электроновъ $M = 0$, т. е. вся ихъ масса имѣетъ электромагнитное происхожденіе.

Если этотъ результатъ неоспоримъ, онъ, конечно, имѣетъ весьма и весьма важное значеніе, обнаруживая крайне тѣсную связь между инерціей тѣлъ и ихъ электрическими свойствами. Тогда естественно ожидать, что, быть можетъ, и всякая иная масса—тоже электрическаго происхожденія, и это будетъ большимъ шагомъ впередъ на пути изысканія отвѣта на вопросъ, что такое инерція и масса. Но мы считаемъ большимъ увлеченіемъ, когда отсюда заключаютъ о необходимости пренебречь старой механической схемой.

Вѣдь если мы предполагаемъ, что электромагнитныя количества разнаго рода суть функціи массъ, скоростей и т. д. нѣкоторыхъ точекъ, то, конечно, и масса, напр., будетъ функціей разнаго рода электромагнитныхъ величинъ. Здѣсь вѣдь опять простое преобразованіе координатъ, которое само по себѣ ничего новаго дать не можетъ. Разбираемыя изслѣдованія важны поэтому главнымъ образомъ тѣмъ, что они обнаруживаютъ сравнительную простоту иско-

мой функции, а вовсе не тѣмъ, что они будто бы «объясняютъ» что такое масса. Какое же это объясненіе, когда вмѣсто непонятнаго символа *масса* мы введемъ еще менѣе понятный—*электричество*. И какимъ образомъ для человѣчества съ его человѣческими органами чувствъ электричество можетъ быть понятнѣе движенія?

Конечно, было бы очень важно, если бы удалось всѣ физическія явленія *описать* при помощи небольшого числа электромагнитныхъ векторовъ, какъ это сдѣлано уже для явленій свѣта: такая электрологизация физики — и если угодно, и механики — и возможна, и желательна. Но она не можетъ исключить вопроса о томъ, какія именно движенія и какихъ именно массъ мы воспринимаемъ какъ электромагнитныя явленія, потому что эти движенія и эти массы существуютъ и рано или поздно онѣ должны быть открыты и изучены. Но возможно ли это?

Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ другимъ: существуетъ ли вообще научная истина, или же ея практически нѣтъ, если она, какъ утверждаютъ нѣкоторые, на основаніи такъ называемой теоремы Пуанкаре, многозначна. Но что же такое научная истина? Конечно, это не тѣ формулы и соотношенія, называемыя законами явленій, соотношенія между непосредственно доступными опыту количествами, добытыя эмпирически и служащія рецептомъ, по которому протекаютъ явленія. Научной истиной мы считаемъ то, что кроется подъ этими формулами и соотношеніями, т.-е. истинный механизмъ явленій природы; научная истина—это эфиръ, это молекулы и атомы, скрытыя отъ насъ массы и ихъ движенія; научная истина—это отвѣты на наши вопросы: что это такое, почему это такъ; и если мы тѣсно связали научную истину въ физикѣ—и естествознаніи вообще—съ вопросомъ о механической схемѣ, то причина этого очевидна: только механическая схема обѣщаетъ дать отвѣты на поставленные вопросы.

Теорема Пуанкаре, по мнѣнію нѣкоторыхъ, доказываетъ, что отвѣта въ сущности нѣтъ, что онъ неопредѣленъ.

Теорема Пуанкаре состоитъ вотъ въ чемъ. Пусть мы имѣемъ нѣкоторую механическую систему, т.-е. рядъ матеріальныхъ точекъ, имѣющихъ движеніе. Состояніе такой системы доступно непосредственному опыту при помощи наблюденія и измѣренія нѣкотораго числа физическихъ количествъ (напр., количества электричества и т. п.). Тогда, пользуясь основными принципами механики—закономъ сохранения энергіи и др.—мы не можемъ, зная эти физическія количества, опредѣлить массы и скорости точекъ *единствен-*

ныиъ образомъ, такъ какъ уравненій оказываеся менѣе, чѣмъ неизвѣстныхъ величинъ. Поэтому возможенъ рядъ совершенно равноправныхъ механическихъ системъ съ совершенно различными структурами и движеніями, но всѣ онѣ будутъ давать одни и тѣ же доступныя опыту явленія; истинный механизмъ остается поэтому неизвѣстенъ,—иначе говоря, научная истина многозначна, стало бытъ къ ней не стоить стремиться.

Никто не будетъ спорить, что теорема Пуанкаре сама по себѣ вѣрна, но, конечно, лишь *въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ она высказана*. Послѣдователи Пуанкаре однако даютъ этой теоремѣ нерѣдко *расширительное*, если можно такъ выразиться, толкованіе, которое не имѣетъ основаній.

Прежде всего эта теорема основана на условіи, что число доступныхъ опыту измѣримыхъ величинъ мало сравнительно съ числомъ точекъ системы, принимающихъ участіе въ движеніи. Но это условіе соблюдается только тогда, когда мы имѣемъ дѣло съ узкимъ классомъ болѣе или менѣе однородныхъ между собой явленій. Мы имѣемъ, напр., одинъ или нѣсколько электрическихъ токовъ; опыту доступны ихъ силы и направленія, т.-е. небольшое число величинъ, а точекъ, движенія которыхъ мы ищемъ, будетъ множество. То же будетъ при разсмотрѣніи вообще электромагнитныхъ явленій, вообще свѣтовыхъ явленій, даже электромагнитныхъ и свѣтовыхъ явленій вмѣстѣ, такъ какъ свѣтъ есть электромагнитное явленіе.

Но, по мѣрѣ того какъ доступная опыту область явленій расширяется, число доступныхъ опыту физическихъ количествъ растетъ, а движущіяся точки все тѣ же. Поэтому не только, напр., для всей природы, для всей физики, но и для достаточно широкой группы неоднородныхъ явленій какъ всякій элементъ объема среды характеризуется неизвѣстной намъ массой и скоростью, такъ онъ же характеризуется рядомъ доступныхъ опыту физическихъ количествъ (напр., сила тока, количество электричества, температура, энергія, энтропія и т. д., и т. д.) и число какъ данныхъ, такъ и неизвѣстныхъ, въ этомъ случаѣ становится неопредѣленно большимъ, а стало бытъ, и теорема Пуанкаре не приложима вообще.

Кромѣ того, теорема Пуанкаре пользуется небольшимъ числомъ основныхъ механическихъ принциповъ; но явленія природы управляются не только ими. Ища *объясненія* совокупности явленій, мы должны принять въ расчетъ, напр., и второй законъ термодинамики и многое другое, а всякое такое условіе есть новое ограниченіе многозначности рѣшенія задачи. Въ природѣ все какъ-нибудь да устроено, и устроено единственнымъ образомъ: и правильно понятая

теорема Пуанкаре не лишает нас возможности когда-либо узнать это устройство.

Вѣдь узнали же мы, что свѣтъ есть волны, и врядъ ли кто-нибудь, ссылаясь на теорему Пуанкаре, рѣшится утверждать, что свѣтъ—не волны (де Геенъ), и такихъ примѣровъ можно привести много.

Какъ примѣръ равноправности двухъ механическихъ объясненій, Пуанкаре приводит извѣстные опредѣленія положенія «свѣтового вектора» Френелемъ и Нейманномъ (Neumann). По Френелю свѣтовое колебаніе стояло перпендикулярно къ плоскости поляризаціи ¹⁾; по Нейманну—лежало въ этой плоскости. Долго искали «exregimentum stucis» для рѣшенія этого спора и не нашли.

Мы должны сказать, что ни теорія Френеля, ни теорія Нейманна не были вовсе механическимъ объясненіемъ, хотя на это и претендовали и многими считались таковыми. Какъ уже сказано выше, первымъ механическимъ объясненіемъ свѣта была теорія Грина; теоріи же Френеля и Нейманна были не болѣе какъ математическимъ описаніемъ явленій. То, что эти ученые называли колебаніемъ ээира, было просто «свѣтовымъ векторомъ», нѣкоторымъ физическимъ количествомъ, опредѣленнымъ образомъ связаннымъ съ энергіей волны (яркостью свѣта). На это количество а priori налагались опредѣленные свойства такъ, чтобы изъ нихъ вытекали данныя опыта. Дѣло замаскировывалось лишь тѣмъ, что упомянутыя свойства налагались не прямо, а являлись слѣдствіемъ нѣкоторыхъ гипотезъ, которыя по существу дѣла были и не нужны и не вѣрны. Къ тому же типу принадлежала и знаменитая теорія Макъ-Куллаха (Mac-Cullagh), давшая уравненія свѣта, тождественныя съ уравненіями Максвелля, но давшая ихъ въ сущности безъ вывода.

Изъ сказаннаго ясно, что изъ всѣхъ этихъ теорій данныя опыта должны были вытекать одинаково хорошо; такъ и было, и опытъ не могъ рѣшить, чей взглядъ правильнѣе, но опять-таки не потому, что истина научная многозначна или ея нѣтъ, а потому, что оба математическихъ описанія Френеля и Нейманна относились *не къ одному и тому же, а къ разнымъ векторамъ*, вза-

1) Лучъ обыкновеннаго свѣта при отраженіи отъ стекла подъ опредѣленнымъ угломъ около 56° (т. е. уголъ поляризаціи) пріобрѣтаетъ особыя свойства, благодаря чему и называется плоско или прямолинейно поляризованнымъ. Плоскость отраженія есть плоскость поляризаціи. При новомъ отраженіи въ этой плоскости подъ тѣмъ же угломъ не замѣчается ничего особеннаго, но въ иныхъ плоскостяхъ отраженный лучъ имѣетъ ослабленную яркость; въ плоскости же перпендикулярной къ плоскости поляризаціи отраженія вовсе нѣтъ. Поляризованный свѣтъ получается такъ же и при преломленіи при соблюденіи извѣстныхъ условій.

имно перпендикулярнымъ и неразрывно между собою связаннымъ. Дѣйствительно, мы знаемъ теперь, что свѣтовая волна есть одновременно явленіе и электрическое, и магнитное.

Оптическія явленія сами по себѣ и не могутъ намъ сказать, совпадаетъ ли плоскость поляризаціи съ электрическимъ векторомъ или же съ магнитнымъ, и тотъ *experimentum crucis*, котораго тщетно искали въ оптикѣ, явился самъ собой, когда были получены настоящія электромагнитныя волны. Тогда и оказалось, что плоскость поляризаціи есть плоскость магнитнаго вектора, т.-е. согласно съ мнѣніемъ Нейманна, и перпендикулярна къ электрическому вектору, т.-е. согласно съ Френелемъ. Два описанія одного и того же явленія, когда они *одинаково хорошо* проникаютъ вглубь явленій, указываютъ такимъ образомъ на двойственный характеръ самаго явленія; но нужно именно, чтобы описанія проникали вглубь достаточно хорошо.

Пуанкарэ приводитъ и другой примѣръ: для явленій *электростатики* безразлично, будемъ ли мы разсматривать два вида электричества, или только одинъ. Но мы знаемъ, что это не безразлично для другихъ электрическихъ явленій. Изъ этихъ примѣровъ видно, что совсѣмъ напрасно послѣдователи французскаго ученаго придаютъ его теоремѣ такой широкій смыслъ, какого авторъ не имѣлъ вовсе въ виду.

Такимъ образомъ теорема Пуанкарэ есть лишь математическое выраженіе того положенія, которое было высказано выше простыми словами: пока мы беремъ за исходный пунктъ въ теоріи упругости—давленіе; въ теоріи теплопроводности—потокъ теплоты; въ теоріи электромагнитизма — количество электричества, количество магнитизма, силу электрическаго тока; въ явленіяхъ свѣта, такъ наз. «свѣтовой векторъ»,—механическій смыслъ этихъ понятій намъ не доступенъ; мы можемъ по этому поводу фантазировать какъ угодно, въ извѣстныхъ, конечно, предѣлахъ; отъ этого сущность дѣла не измѣнится, и, пожалуй, можно согласиться съ Пуанкарэ, что такое безцѣльное фантазированіе не интересно.

Но совсѣмъ иное дѣло, когда, охватывая взоромъ болѣе широкую совокупность явленій, мы ищемъ отвѣта на вопросы: и что такое давленіе, и что такое теплота, и что электричество, и что свѣтъ. Здѣсь никто не можетъ доказать, что эти отвѣты намъ не доступны и ихъ поэтому не слѣдуетъ добиваться. Совсѣмъ наоборотъ: все наше знаніе эмпирическаго характера; съ этимъ согласны и аналиты (Пуанкарэ) и синтетисты (лордъ Кельвинъ). Но въ такомъ случаѣ, очевидно, лишь опытъ можетъ рѣшить вопросы, связанные съ эфирно-молекулярными представленіями классической

фізики: отвергая ээиръ и молекулы, мы тѣмъ самымъ закрываемъ себѣ громадное поле опытныхъ изслѣдованій и именно то поле, на которомъ въ теченіе XIX вѣка было сдѣлано наибольшее число открытій первостепенной важности, съ какой бы точки зрѣнія мы ни взглянули на эти открытія.

Требованія, предъявленныя къ наукѣ къ концу прошлаго вѣка, были, какъ извѣстно, очень велики; отъ нея ждали не только отвѣтовъ, но и *скорыхъ* отвѣтовъ на всѣ вопросы, мучающіе мыслящее человѣчество. Этихъ вопросовъ наука не рѣшила; даже болѣе того. Эбщее ея теченіе, смѣна взглядовъ и теорій давали понять, что именно здѣсь скорого-то рѣшенія и ждать нельзя. И вотъ сначала дю Буа Реймонъ выступаетъ съ своимъ знаменитымъ «ignominibus»; позже позитивно-аналитическое направленіе пытается повести физику на путь, указанный ей уже давно О. Контомъ, парируя этимъ обвиненіе науки въ банкротствѣ; наконецъ, идеалисты разныхъ оттѣнковъ стремятся свести науку съ ея пьедестала, отвести ей узкую область интересовъ, заключить ее въ тѣсныя границы.

Но мы знаемъ теперь, что дю Буа Реймонъ ошибался, что его «вѣчныя міровыя загадки» загадки лишь потому, что въ нихъ или вовсе нѣтъ содержанія, или онѣ основаны на неясныхъ и противорѣчивыхъ понятіяхъ, или же на произвольныхъ допущеніяхъ и т. п. (O. Wiener).

Что касается позитивизма, то «къ счастью физика не шла, не должна идти и не пойдетъ по пути, указанному Контомъ. Все великое, что было создано ея мастерами, все то, что, исходя изъ физики, сдѣлалось могучимъ рычагомъ, двинувшимъ культуру, что обогатило человѣчество неощьненными орудіями борьбы за существованіе и средствами прогресса, — все это достигнуто путями, прямо противоположными тому, по которому совѣтуетъ идти позитивная философія. И если Контъ (и его послѣдователи нашего времени) «говорить, что гипотезы не должны касаться способа возникновенія явленій, то ему отвѣчаетъ физика, что только именно этого рода гипотезы ведутъ къ познанію истины, что только благодаря имъ физика заняла то высокое положеніе *надъ* всѣми науками о природѣ, заставляющее обращаться за ея совѣтами астрономію и химію, технику и медицину, біологическія науки и экспериментальную психологію» (O. Д. Хвольсонъ).

А при такихъ условіяхъ кто можетъ взять на себя смѣлость ставить рамки научной истинѣ? Почему въ самомъ дѣлѣ наука не

можетъ стать въ мысляхъ и судьбахъ человѣчества «единственной, все опредѣляющей силой»? Почему не наукѣ подлежить рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, волнующихъ человѣка, и устраненіе всѣхъ бѣдствій, его гнетущихъ? Пусть до сихъ поръ рушились попытки предъавлять къ научнымъ выводамъ достаточно широкіе запросы; развѣ это обязательно и для всѣхъ будущихъ попытокъ? Если Герону не пришла въ голову мысль построить желѣзную дорогу, значило ли это, что ея никогда не построятъ; если тысячелѣтія люди вѣрили въ неподвижность земли, значило ли это, что Коперника никогда не будетъ?!..

Научное міровоззрѣніе представляется многимъ почему-то безотраднымъ и печальнымъ, какъ будто наука дѣйствительно уже сказала свое послѣднее слово, какъ будто предъ ней уже нѣтъ будущности. Но кто же доказалъ, что методы исканія истины, такъ блестяще оправдавшіе себя въ естествознаніи, не окажутся столь же блестящимъ и мощнымъ орудіемъ въ рукахъ человѣка и тогда, когда онъ приступитъ съ ними къ рѣшенію вопросовъ, касающихся нашихъ высшихъ потребностей и надеждъ?! Или намъ страшна научная истина и мы стремимся закрыть отъ нея глаза, предпочитая «насъ возвышающій обманъ»?

Но вѣдь не можемъ же мы забыть, что только благодаря успѣхамъ чистаго знанія, только благодаря безкорыстному стремленію къ научной истинѣ, запечатлѣнному кровью «мучениковъ науки», человѣчеству удалось освободиться отъ величайшаго зла на землѣ—рабства, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Съ рабствомъ, этой смертью духа, какъ и со смертью тѣла, какъ и вообще съ страданіемъ, мирились всѣ философіи міра; не мирится съ ними только научная философія. И можно только удивляться, какъ еще находятся люди, которые успѣхи знанія видятъ только въ фабрикахъ и желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ и телефонахъ, а не въ томъ, въ чемъ они выразились наиболѣе рѣзко—въ развитіи любви къ страждущему человѣчеству.

Д. Гольдганнеръ.

Недоразумѣнія въ пониманіи природы.

„Не двѣ ли птицы цѣнятся единымъ ассаріемъ; и ни одна изъ нихъ не падетъ на землю безъ Отца вашего“.

Матт. X, 29.

„Разумъ, которому въ данное мгновеніе были бы извѣстны всѣ силы природы и относительное расположеніе составляющихъ ее вещей, достаточно мощный, чтобы подвергнуть ихъ анализу, могъ бы объять одною формулою движенія величайшихъ тѣлъ вселенной и мельчайшаго атома; ничто не осталось бы ему неизвѣстнымъ, будущее и прошедшее были бы ему открыты“.

Лапласъ.

Мыслители разныхъ временъ усматривали въ перемѣнахъ нашего міра, не только крупныхъ, но и самыхъ ничтожныхъ, дѣйствіе одной общей причины, связующей ихъ въ единое цѣлое. Это выражаютъ и выписанные въ заголовкѣ два эпиграфа, взятые изъ эпохъ, отдѣленныхъ одна отъ другой почти двумя тысячами лѣтъ. Въ обоихъ высказывается мысль, что перемѣны, происходящія въ мірѣ, не случайны. Первый утверждаетъ, что теченіе событій опредѣляется причиной лежащей внѣ міра, къ которой, какъ къ источнику всего совершающагося, стекаются нити, движущія явленія. Второй—что теченіе событій въ будущемъ, настоящемъ и ближайшемъ прошломъ вполне опредѣлено тѣмъ распорядкомъ, который существовалъ въ прошломъ болѣе далеко.

Если причина всего происходящаго лежитъ въ безпредѣльно-далекомъ прошломъ, то для насъ, практически, она тоже лежитъ внѣ міра.

Общая формула вселенной, опредѣляющая событія въ ней происходящія по нѣкоторому предшествовавшему состоянію, установившемуся внѣ нашего вліянія, участія и разумѣнія, имѣетъ для насъ такое же значеніе, какъ верховная, непостижимая воля.

Но и верховная, сознающая себя воля, представляетъ собою разумъ вполне мощный, чтобы подвергнуть анализу событія, имѣю-

щія послѣдовать изъ произвольно устанавливаемого ею порядка вещей, а потому такая воля способна создать формулу міра. Такой волѣ нѣтъ поэтому никакого повода для непрерывнаго вмѣшательства, а достаточно было установить теченіе событій въ какое-то отдаленное время.

Такимъ образомъ оказывается, что переходя къ первоисточнику существующаго распорядка вещей и явленій, два совершенно противоположныхъ теченія—одно, признающее верховную внѣміровую волю, другое, считающее ее излишней гипотезой—приходятъ, по существу, къ одному и тому же началу, въ которомъ исчезаютъ различія обоихъ направленій мысли.

Такимъ образомъ, голое мнѣніе о причинной связи всѣхъ явленій и неизмѣняемости ихъ теченія не можетъ дать намъ никакихъ основъ для практической дѣятельности, а приводитъ лишь къ бессодержательному заключенію о подѣйствовавшей однажды въ далекомъ и неизвѣстномъ прошломъ непостижимой причинѣ. Иными словами, мы должны разсматривать окружающій насъ міръ какъ самостоятельно существующій и развивающійся.

Такъ какъ мы принадлежимъ къ числу дѣятельныхъ силъ природы и не знаемъ того мѣста, которое отведено намъ въ общей формулѣ міра, то на насъ ложится забота о возможно большемъ развитіи нашихъ дѣятельныхъ способностей, т.-е. о возможно большемъ вмѣшательствѣ въ дѣла природы. Для насъ выдвигается поэтому вопросъ, «что мы можемъ и чего не можемъ», не тревожась тѣмъ, рѣшена ли въ положительномъ или въ отрицательномъ смыслѣ судьба такого вмѣшательства.

Предстоящая намъ задача требуетъ отъ насъ разумѣнія вещей и перемѣнъ, существующихъ и происходящихъ въ мірѣ. Правильное пониманіе явленій и свойствъ природы можетъ дать намъ схемы и для законовъ, управляющихъ развитіемъ личности и человѣческихъ обществъ, и предотвратить неудачное примѣненіе результатовъ и методовъ естествознанія въ области философіи и наукъ социальныхъ.

Прежде всего наше вниманіе долженъ остановить на себѣ вопросъ о положеніи живого въ мірѣ. Ни одна вещь не находится по отношенію къ природѣ въ такомъ подчиненномъ состояніи, какъ живое.

Природа *вынуждаетъ* къ жизни все живое, отъ человѣка до птицы, стѣящей поль-ассарія и еще ниже. Она предусмотрительно обезпечиваетъ свои принудительныя мѣры тѣмъ, что устраиваетъ живое по типу механизма, нѣкоторая часть котораго автоматически понуждается къ непрерывной дѣятельности. Живое—это часы съ очень короткой пружиной, требующіе непрерывнаго завода; ме-

ханизмъ, по существу устроенный въ расчетъ на постороннюю помощь, заботу, понужденіе. Предоставленный самому себѣ, онъ не только не можетъ исполнять тѣхъ функцій, для которыхъ устроенъ, но тотчасъ же начинаетъ разрушаться.

Для понужденія къ жизни природа пользуется двумя средствами: непосредственнымъ воздѣйствіемъ той среды, въ которую погружено живое, и сигналами, тревожащими его отовсюду. Матеріями для построенія живого могутъ служить только тѣ, которыя способны дѣйствовать одна на другую.

Въ такихъ матеріяхъ должны происходить перемѣны, дѣлающіяся источниками сигналовъ. Среди этихъ матерій должны быть поэтому такія, которыя способны распространять и передавать сигналы, иными словами должны существовать матеріи-передатчики. Безъ всего этого жизнь невозможна.

Можно подраздѣлять живое по объему той природы, которая участвуетъ въ вѣдѣніи жить данному живому.

Въ простѣйшей и элементарной формѣ живое само служило бы для себя передатчикомъ. Мы можемъ представить себѣ тѣло, увлекаемое какимъ-нибудь потокомъ и случайно прикасающееся своею поверхностью къ различнымъ вещамъ, которыя служатъ для него раздражителями. Или живое, неизмѣнно прикрѣпленное къ одному и тому же мѣсту, снабжено придатками, которые, качаемые въ разныя стороны потокомъ, получаютъ воздѣйствіе при непосредственномъ соприкосновеніи съ вещами. Мы могли бы представить себѣ и болѣе совершенные организмы, напримѣръ, движущіяся или ползающія тѣла, оцупывающія свой путь, прикасаясь къ окружающимъ предметамъ своими же членами, напоминая слѣпыхъ, съ палками въ рукахъ бродящихъ по землѣ.

Чѣмъ болѣе живое удаляется отъ этого типа слѣпного, чѣмъ большее число побудителей необходимо для его жизни, чѣмъ болѣе, само по себѣ, оно непригодно къ исключительно автоматическому существованію, тѣмъ, говоримъ мы, совершеннѣе его устройство. Мы побуждаемся къ жизни воздухомъ, окисляющимъ нашу кровь; звуками, которые мы способны воспринимать и которые передаются намъ изъ близкихъ и отдаленныхъ мѣстъ твердыми, жидкими и газообразными тѣлами. Способность къ воспріятію свѣтовыхъ ощущеній открываетъ пути для побужденій къ жизни, идущихъ отъ отдаленнѣйшихъ частей вселенной. Понятно, что должны существовать предѣлы для разнообразія различныхъ родовъ чувствованій; иными словами, не всѣ посылаемыя намъ природою возбужденія должны доходить до нашего сознанія: наши чувства должны быть ограничены въ цѣляхъ самой жизни. Излишнее изобиліе въ этомъ отно-

пени можетъ быть пагубно для самой жизни. Дѣйствительно, сама природа снабжаетъ уже насъ органами, дающими намъ возможность прекращать извѣстнаго рода ощущенія; вѣко даетъ намъ средство устранять дѣйствіе свѣта. Но для звуковъ мы не имѣемъ органа, который подобно вѣку давалъ бы намъ возможность закрывать наружное ухо; это понятно, такъ какъ звуковая сигнализациа посылается намъ изъ нашей ближайшей обстановки и она имѣетъ для насъ большую важность благодаря тому, что ея передатчики чрезвычайно разнообразны. Если бы всѣ сигналы природы оказывали на насъ воздѣйствіе и воспринимались нами, то, внѣ сомнѣнія, они не могли бы служить къ развитію нашего интеллекта или сознанія, такъ какъ въ результатѣ очень быстро, послѣ начала процесса жизни, наступило бы переутомленіе индивидуума. Поэтому - то предѣлы ощущаемыхъ колебаній матеріи, т.-е. звуковъ и ээира, ограничены. Наибольшее количество сигналовъ несетъ темными лучами, для воспріятія которыхъ въ отдѣльности природа не одарила насъ специальными органами. Для нихъ и многого другого, намъ неизвѣстнаго, существуетъ одно общее неопредѣленное ощущеніе, которое частью чувствуется нами какъ тепло и холодъ, а по существу представляетъ своего рода сумерки, среди которыхъ мы не отличаемъ отдѣльныхъ контуровъ,—тотъ фонъ, тотъ климатъ, въ которомъ мы живемъ и раздраженія котораго въ большинствѣ случаевъ или отсутствуютъ или не доходятъ до нашего сознанія. Но и данная намъ защита отъ внѣшнихъ вліяній оказывается недостаточною, и мы принимаемъ для той же цѣли рядъ искусственныхъ мѣръ. На почвѣ этой защиты вырастаетъ солидарность живого, эта основа этики, осуществленіе которой, также какъ и все наше духовное развитіе, были бы невозможны безъ существованія матерій - передатчиковъ. Безъ нихъ не была бы возможною рѣчь и тѣ образы и символы, которые составляютъ наше духовное содержаніе.

Такимъ образомъ, та жизнь, которая развертывается въ природѣ, та единственно намъ извѣстная жизнь, не есть нѣчто самостоятельно существующее: скорѣе — это ткань, которая непрерывно выбрасывается изъ станка природы. Этотъ станокъ движется неисчислимымъ количествомъ дѣятелей, и начало ткани не совпадаетъ съ моментомъ появленія на свѣтъ личности; эта ткань тянется изъ далекихъ, неизвѣстныхъ намъ временъ; ея узоры изъ простыхъ и элементарныхъ становятся сложнѣе и сложнѣе. Но для этой сложности имѣется предѣлъ: увеличиваясь безгранично, она превратила бы узоръ снова въ простое однообразное полотно. Итакъ, другой выводъ, который мы дѣлаемъ, это тотъ, что для возможности жизни чувствованія живого должны быть ограничены.

Человѣкъ восполняетъ эту ограниченность, создавая орудія—научные инструменты, которые въ связи съ научными методами, даютъ способы, *по желанію*, воспринимать, доводить до нашего сознанія неощутимые непосредственно сигналы, словомъ познавать природу.

Итакъ, природа дѣлаетъ жизнь. Отсюда слѣдуетъ, что жизнь, *сама по себѣ*, есть такое же отвлеченіе, какое мы дѣлаемъ, когда исходя изъ реальныхъ тѣлъ, создаемъ геометрическіе образы и науку-геометрію. Процессъ такого геометрическаго отвлеченія рельефно выражается и въ нашей рѣчи, напримѣръ—словами «безплотный духъ». Представленіе, вырастающее уже на почвѣ такого отвлеченія, есть ходячее представленіе о безсмертіи. Это есть жизнь, продолжительность которой измѣряется безпредѣльнымъ числомъ оборотовъ земли вокругъ солнца. Представленіе о такомъ астрономическомъ безсмертіи есть единственное, доступное человѣческому разуму и, переносимое на жизнь, оторванную отъ свойствъ міра, но тѣмъ не менѣе сохраняющее понятіе о времени, содержитъ въ себѣ внутреннее, неустранимое противорѣчіе. Такое безсмертіе можетъ принадлежать лишь природѣ, а жизни лишь постольку, поскольку она является однимъ изъ непрекращающихся процессовъ этой природы.

Реальности соотвѣтствуютъ слова извѣстнаго фізіолога Мах Verwoegh'a: «Ощущенія, мысли и чувства живутъ долѣе. Они переживаютъ преходящую индивидуальность въ другихъ индивидуумахъ... Они передаются отъ индивидуума къ индивидууму, отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ націи къ націи... Они созидаютъ исторію человѣческаго духа».

Станокъ жизни далеко еще не достигъ желаемаго совершенства, а работающіе на немъ ткачи — желаемаго искусства: ткань рвется то здѣсь, то тамъ, и живое уничтожаетъ живое. Жизнь индивидуума имѣетъ смыслъ лишь постольку, поскольку она способствуетъ крѣпости и красотѣ этой ткани.

Духовная жизнь человѣчества протекаетъ въ совершенно иномъ мірѣ, чѣмъ тотъ, который поддерживаетъ и побуждаетъ ее. Этотъ міръ богаче, разнообразнѣе, роскошнѣе. Въ одномъ изъ этихъ міровъ мы имѣемъ движенія эира болѣе или менѣе быстрыя, но однообразныя, въ другомъ мы имѣемъ краски. Въ одномъ—несущіяся болѣе или менѣе быстрыя колебанія воздушныхъ частицъ, въ другомъ—чудный міръ звуковъ и т. д. Ощущенія, мысли и чувствованія живого—это тотъ нарядъ, который фабрикуетъ для себя и въ который одѣвается природа. Исторія развитія органовъ чувствъ есть въ своемъ родѣ исторія одѣяній природы.

Живое отличается отъ другихъ вещей тѣмъ, что все его суще-

ствование состоитъ въ выполненіи обрядностей. Обрядъ неизвѣстенъ ни воздуху, ни морю, ни камню! Возьмемъ человѣка. Когда онъ просыпается, чувствуетъ холодъ, собирается на работу, работаетъ, отдыхаетъ, онъ неизмѣнно стремится совершить или совершаетъ нѣкоторый обрядъ. Невозможность совершенія обряда влечетъ за собою угнетеніе, страданіе. Съ расширеніемъ умственного кругозора человѣка, съ повышеніемъ его этического чувства, вырабатываются новыя потребности, которыя не могутъ оставаться въ потенциальномъ состояніи. Они требуютъ совершенія и новыхъ обрядовъ. Сюда относятся обряды служенія высшимъ задачамъ развитія человѣческаго духа и служенія истинѣ. Такіе обряды не могутъ быть совершаемы человѣкомъ только въ хранилѣ сердца своего, они должны быть совершаемы на людяхъ, быть обрядами общественными.

Изъ потребности совершенія обрядовъ вытекаетъ и вмѣшательство человѣка въ дѣла міра. Съ этою цѣлью онъ пополняетъ искусственно запасъ тѣхъ органовъ, который ему данъ природой. И самый инструментъ оказывается тѣмъ болѣе совершеннымъ въ техническомъ отношеніи, чѣмъ ближе его отправленіе стоитъ по своему характеру къ отправленію органа естественнаго. Мы съ удивленіемъ остановились на извѣстїи, что люди переговариваются другъ съ другомъ черезъ океанъ, не пользуясь подводнымъ кабелемъ. Но если мы вдумаемся въ это открытіе, намъ долженъ показаться страннымъ какъ разъ противоположный способъ переговоровъ, именно при помощи телеграфной проволоки. Въ самомъ дѣлѣ, что мы дѣлаемъ въ нашихъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ людьми? Развѣ перекликаніе животныхъ, наша рѣчь, не представляютъ того же, что и телеграфія или телефонія безъ провода? Разница лишь въ томъ, что въ одномъ случаѣ естественнымъ органомъ мы посылаемъ волны звуковыя, въ другомъ, искусственнымъ—электромагнитныя. Телеграфія по проводу напоминаетъ намъ дерганье сосѣда за рукавъ; телеграфія безъ проводовъ представляетъ изобрѣтеніе, приближающее насъ къ естественной, наиболѣе совершенной формѣ передачи мыслей.

Въ вопросѣ о совершеніи обрядовъ общественныхъ мы встречаемся съ другимъ, съ вопросомъ о характерѣ законовъ историческихъ, социальныхъ и т. д.; насколько эти законы неизблемы, неизмѣняемы? При его рѣшеніи часто впадаютъ въ очень крупное недоразумѣніе, заключающееся въ перенесеніи на явленія исторіи человечества неправильно понятой неизмѣняемости законовъ природы.

Въ исторіи человечества чувствуется перебой двухъ теченій: грубаго или тонкаго насилія, съ одной стороны, свободаго изслѣдованія, науки—съ другой. Чѣмъ болѣе развивается послѣднее, тѣмъ

больше отзываются, тем большее духовное и нравственное недомогание вызывают перебои первого, и это понятно. Жизнь мысли и чувствований, также какъ физическая, съ развитіемъ представляет все болѣе и болѣе уязвимыхъ сторонъ, нуждающихся въ защитѣ и охраненіи. Если въ древнемъ Римѣ существовалъ императоръ, который высказывалъ сожалѣніе, что человѣчество не имѣетъ одной головы, чтобы снести ее съ плечъ взмахомъ меча, то онъ выражалъ несбыточное желаніе. Духовное же развитіе людей ведетъ къ тому, что во многихъ отношеніяхъ нація начинаетъ нести на своихъ плечахъ одну голову, и совершеніе надъ нею операціи лишенія зрѣнія, слуха и рѣчи не представляется уже дѣломъ несбыточнымъ.

Сократить и искоренить звѣринныя приемы исторіи и политической жизни—вотъ что составляетъ высокую этическую задачу грядущихъ поколѣній.

Осуществленіе этой задачи находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о томъ, возможно ли успѣшное вмѣшательство человѣческаго разума въ ходъ историческихъ событій или же теченіе послѣднихъ является результатомъ непреодолимыхъ стихійныхъ причинъ? Ясное представленіе о стихійности, которое можетъ быть извлечено изъ анализа процессовъ неорганизованной природы, можетъ дать въ этомъ отношеніи полезныя указанія. Уже блестящіе успѣхи современной техники обнаруживаютъ гибкость и податливость природы цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ человѣка. Научное знаніе, сокращая пространство, время, уничтожая своими откровеніями одну за другую тѣ кости, за обладаніе которыми борются и отдѣльныя лица и цѣлыя націи, постепенно расчищаетъ дорогу принципамъ этики. Торжество этики, какъ силы соціальной, неразрывно связано съ успѣхами и побѣдами естествознанія.

Не одна ли это мечта? Возможны ли такія побѣды?

Природа всегда представлялась намъ чѣмъ-то мощнымъ, непоколебимымъ въ своихъ законахъ и теченіяхъ, а потому мы отвѣтимъ на нашъ вопросъ, если докажемъ, что человѣкъ можетъ быть хозяиномъ природы.

Въ природѣ двѣ вещи принципиально не представляются неизмѣняемыми: это законы распорядка явленій и послѣдовательность процессовъ природы. Въ очень многихъ случаяхъ распорядокъ вещей въ природѣ можетъ быть представленъ такой сокращенной схемой: поставьте на опрокинутую шарообразную чашу небольшой шарикъ; онъ можетъ скатиться въ любую сторону и, смотря по направленію, которому онъ послѣдуетъ, шаръ можетъ произвести самыя разнообразныя эффе́кты. Чтобы сообщить ему одно изъ множества возможныхъ для него движеній, не требуется особыхъ

усилій. Всѣ распорядки вещей, устроенные по такой схемѣ, измѣняемы.

Далѣе говорятъ, что законы природы могутъ быть изображены строгими математическими формулами. И такой способъ выраженія приводитъ лицо, мало посвященное въ тайны математики, въ священный ужасъ передъ несокрушимостью природы. Но математикъ знаетъ, что формула не всегда имѣетъ одно рѣшеніе. Напротивъ того, большинство математическихъ формулъ допускаютъ много и даже множество рѣшеній. Кривая линия, дающая множество вѣтвей, тоже имѣетъ свою формулу. Какое изъ этихъ рѣшеній получить свое осуществленіе, зависитъ уже не отъ формулы, не отъ явленія, ею управляемаго, а отъ совершенно побочныхъ, постороннихъ, случайныхъ обстоятельствъ, и всѣ явленія, подчиненныя такимъ формуламъ, измѣняемы внѣшними, часто ничтожными причинами. Значитъ и здѣсь человѣкъ можетъ быть хозяиномъ. Этотъ случай особенно поучителенъ для тѣхъ, которые строятъ теоріи общественныхъ и историческихъ явленій, принимая за образецъ ученія естествознанія. Соціальныя явленія настолько сложны, что законамъ, ими управляющимъ, какъ разъ соотвѣтствуютъ математическія формулы со множествомъ рѣшеній.

Въ очень немногихъ областяхъ природы мы встрѣчаемся съ явленіями, которыя имѣютъ только одну характеристику. Въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ нѣсколько характеристикъ, совокупность которыхъ опредѣляетъ явленіе, при чемъ каждая характеристика, взятая въ отдѣльности, не подчинена никакому закону: закону подчиняется только ихъ совокупность, почему всѣ характеристики, кромѣ одной, произвольны, случайны; а эта одна является уже слѣдствіемъ этихъ случайностей.

Такимъ образомъ большинство явленій природы зависятъ отъ цѣлаго ряда случайностей, что даетъ возможность человѣку вмѣшиваться въ ходъ явленій. Эта случайность настолько широка, что человѣкъ можетъ пользоваться ею для самыхъ разнообразныхъ, даже діаметрально противоположныхъ цѣлей. Человѣкъ принципиально можетъ изъ даннаго ряда характеристикъ явленія выбрать тѣ, которыя ему интересны, и подчинить ихъ желаемымъ задачамъ; законъ явленія съ математическою строгостью выведетъ уже ту сторону явленія, которая человѣку не интересна. Осуществленіе такого образа дѣйствій не встрѣчаетъ принципиальныхъ затрудненій; единственныя, могущія встрѣтиться трудности, это—техническія.

Остановимся на конкретномъ примѣрѣ. Представимъ себѣ опредѣленную массу какого-нибудь газа, на примѣръ, воздуха. Ея состоя-

ніе опредѣляется въ данный моментъ ея объемомъ, упругостью и температурой или энергіей нестройныхъ, хаотическихъ движеній газовыхъ молекулъ. Эти три характеристики состоянія газа связаны между собою одною только зависимою, представляющею законъ, данный Шарлемъ и Бойлемъ для газоваго состоянія. Законъ этотъ никогда, ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть нарушенъ, пока газъ остается газомъ. Но это значитъ только, что мы не можемъ произвольно измѣнять всѣ три характеристики газоваго состоянія, а только двѣ, любыя. И этого совершенно достаточно для нашихъ цѣлей. Положимъ, я интересуюсь произвести въ газѣ такой процессъ, при которомъ онъ переходилъ бы отъ одного состоянія къ другому, сохраняя опредѣленную, неизмѣнную температуру. Окажется, что для осуществленія такого процесса мнѣ нужно измѣнять объемъ и давленіе такъ, чтобы ихъ произведеніе равнялось постоянной величинѣ, напримѣръ, 100. Тогда всѣ числа $\frac{1}{100}$, $\frac{2}{100}$ .... 1, 10, 20, ... 100, 1000 и пр. могутъ представлять объемы, а соотвѣтственные числа 10000, 5000, ... 100, 10, 5, 1, $\frac{1}{10}$ и пр. будутъ представлять давленія. Въ любой моментъ этотъ процессъ я могу прервать и начать другой, напримѣръ, такой, при которомъ давленіе или упругость газа остаются неизмѣнными и т. д.; варіацій можетъ быть безчисленное множество, но каждый разъ, задавшись характеромъ процесса, величины, опредѣляющія этотъ процессъ, должны измѣняться по нѣкоторому опредѣленному закону. Такимъ образомъ, отдѣльные процессы въ природѣ слѣдуютъ опредѣленнымъ неизмѣняемымъ законамъ; но это не значитъ, что тѣла, принимающія въ нихъ участіе, не могутъ участвовать въ другомъ, совершенно иномъ процессѣ; законъ закрѣпленъ за процессомъ, но за нимъ не закрѣпощены участвующія въ немъ тѣла. Смѣна одного процесса другимъ можетъ встрѣтить лишь техническія, а не принципиальныя трудности. При осуществленіи желательнаго процесса мы должны считаться и съ неизмѣняемыми свойствами тѣлъ. Если я имѣю дѣло съ газомъ, то, зная, что онъ состоитъ изъ хаотически, съ большими скоростями движущихся частицъ, я долженъ заключить его въ такую оболочку, черезъ поры которой эти частицы не могутъ пролетать. Если я хочу, чтобы газъ не мѣнялъ своей температуры во время налагаемаго на него процесса, я долженъ, такъ какъ газъ есть дурной проводникъ тепла, помѣщать его въ длинныя и узкія трубки, а эти трубки въ потокъ воды постоянной температуры и т. д. Въ этомъ счетѣ съ неизмѣняемыми свойствами тѣлъ я тоже могу встрѣтиться съ техническими трудностями.

Утвержденіе, что причина влечетъ за собою опредѣленное дѣй-

ствіе, совершенно не состоятельно. Очень мало существуетъ такихъ дѣйствій, которыя могутъ быть вызваны одинокими причинами. Общее правило то, что для одного дѣйствія требуется много причинъ. Силы или причины, производящія явленіе, не могутъ быть разсматриваемы какъ шашки, которыя ставятся одна подлѣ другой. Если бы это было такъ, то, приставляя новую шашку, мы измѣнили бы явленіе и могли бы сказать, что произведенное измѣненіе есть результатъ новой, введенной причины. Но это не такъ: если a , b , c суть причины, вызывающія данное явленіе, то введеніе новой причины d обуславливаетъ и новыя дѣйствія прежнихъ причинъ. Такимъ образомъ новое явленіе есть результатъ дѣйствія не одной новой причины d , а новаго комплекса причинъ a , b , c , d . Итакъ, утвержденіе, что причина эквивалентна дѣйствію, справедливо только въ томъ случаѣ, если мы придадимъ болѣе широкій смыслъ понятію причинности.

Всѣ сдѣланныя нами заключенія еще съ большимъ правомъ прилагаются къ несравненно болѣе сложнымъ процессамъ исторической и общественной жизни. Наибольшее стихійное затрудненіе какъ въ случаѣ природы, такъ и человѣческаго общества, представляетъ масса, т.-е. чрезмѣрно большое число индивидуумовъ, участвующихъ въ процессѣ. И если въ случаѣ неорганизованной природы мы часто остаемся безсильными побороть массу, то въ мирѣ человѣческомъ мы имѣемъ для той же цѣли никогда не измѣняющую намъ силу—просвѣщеніе.

Н. Умовъ.

Этюды по исторіи греческой религіи.

(Окончаніе) ¹⁾.

VII.

Согласно преданіямъ ²⁾, Минось былъ первымъ изъ грековъ, основавшимъ талассократію, — морское владычество на эгейскомъ морѣ. Его царство простиралось не только на большую часть острова Крита, но и на Киклады, вплоть до береговъ Азіи, такъ что море къ сѣверу отъ Крита называлось Миновымъ моремъ, а тѣ острова, откуда онъ изгналъ карійцевъ и гдѣ онъ сажалъ князьями своихъ сыновей, назывались миноидами. Съ континентальными карійцами онъ былъ въ дружбѣ, набиралъ изъ нихъ наемниковъ и при ихъ помощи велъ успѣшную борьбу съ морскими разбойниками, — островными карійцами или лелегами. При этомъ онъ колонизовалъ многія Киклады и нѣкоторыя мѣстности въ Малой Азіи. Насколько *вѣрны* эти преданія, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ они чрезвычайно *правдоподобны*. Кносское царство, несомнѣнно, существовало, вело широкую морскую торговлю отъ Трояды до береговъ Сиріи и Египта и обладало могущественнымъ вліяніемъ, простиравшимся на Грецію и острова. Далѣе, это обширное морское владычество, вмѣстѣ съ торговлей Крита, предполагаетъ прежде всего укрощеніе разбоевъ со стороны островитянъ, — замиреніе моря и усмиреніе пиратовъ, болѣе опасныхъ для древнихъ моряковъ, чѣмъ самыя бури и противныя вѣтры. Съ развитіемъ торговли и морского владычества, съ покореніемъ островитянъ связывается колонизація, и весьма возможно, что Критъ, какъ передовая держава микенскаго вѣка, игралъ въ колонизаціонномъ движеніи значительную роль.

По преданію, Минось подчинилъ себѣ большую часть Крита,

¹⁾ „Научное Слово“. 1904, IX.

²⁾ См. статью Helbig'a Мiносъ въ словарѣ Рошера, гдѣ указаны тексты.

который до грековъ былъ весь занятъ варварами (Нер. I, 173); и вотъ въ эпоху его владычества рядъ племенъ выселяется въ Азію не только съ острововъ, откуда онъ ихъ изгналъ, но и изъ самаго Крита—отчасти карійцы, затѣмъ термилы или трамилы, которые поселились въ Ликіи подъ предводительствомъ Сарпедона, брата Миноса¹⁾. Упоминается еще эмиграція какихъ-то радамановъ, эпонима которыхъ вѣроятно слѣдуетъ видѣть въ другомъ братѣ Миноса, Радамантѣ; этого соправителя своего, который также пользовался славою мудраго законодателя, Миносъ сослалъ будто бы въ отдаленнѣйшія мѣста своего царства (Diod. V, 84). Укажемъ, наконецъ, на филистимлянъ, которые до сихъ поръ считаются выходцами изъ Крита и которые появляются въ Египтѣ и Палестинѣ въ поздне-микенскія времена, при Рамсесѣ III, хотя, можетъ быть, тотъ Кафторъ, изъ котораго они себя производили, слишкомъ рѣшительно отождествляется съ Критомъ²⁾.

Во всякомъ случаѣ эмиграція изъ Крита и Кикладскихъ острововъ въ эпоху основанія, процвѣтанія и усиленія Кносскаго царства, которое естественно предполагаетъ завоеванія, не представляетъ ничего невѣроятнаго. Возможно и то, что до «Миносова» царства существовали и другія, съ которыми оно вступило въ борьбу. По преданію, Миносъ основалъ множество городовъ на своемъ островѣ, при чемъ главнѣйшими изъ нихъ были: Кядонія, Кноссъ и Фэсть (Diod. V, 18, Str. X, 4, 8): раскопки показали, что два послѣдніе были дѣйствительно царскими резиденціями, при чемъ и здѣсь и тамъ, подъ развалинами колоссальныхъ микенскихъ дворцовъ обнаружены остатки другихъ болѣе древнихъ разрушенныхъ дворцовъ съ утварью «ранне-миносоваго», т.-е. соб. домикенскаго, камареса. Но и помимо этихъ столицъ эпошъ помнить о «сотнѣ» городовъ Крита, и мы сейчасъ по надписямъ или монетамъ знаемъ около 50 изъ нихъ³⁾.

Какъ лицо полумифическое, представляющее Кносское царство, Миносъ оставилъ двойственный образъ въ греческихъ преданіяхъ. Съ одной стороны, онъ—«царственнѣйшій изъ царей», мудрый пра-

¹⁾ Свидѣтельство Геродота (I 173, VII 94) подтверждается ликійскими надписями, гдѣ встрѣчается форма trmmlī, см. Hall, 87.

²⁾ Фуртвенглеръ (I. с. 66) настолько увѣренъ въ этомъ тождествѣ, что въ самомъ Голиаѣ видитъ греческаго воина въ мѣдныхъ доспѣхахъ микенскаго вѣка! Ср. Hall, въ его статьѣ The peoples of the sea въ Ann. of br. Sch. VIII, Guthe въ Herzog Real Enc. X (3 Aufl.). Karthor, а также статьи о библейскомъ *Кафторѣ* и *филистимлянѣ* въ превосходной англійской Enciklop. Biblica. (G. F. Moore). Было даже высказано смѣлое, хотя и недоказанное предположеніе, что финикійскій алфавитъ развился изъ линейнаго письма, вынесеннаго филистимлянами изъ Крита.

³⁾ Busolt I, 338 сл.

витель, основатель городовъ, создавшій прочный государственный порядокъ и давшій своимъ подданнымъ законы,—представленіе, которое такъ сильно укоренилось въ памяти потомковъ, что критскіе доряне, впоследствии переселившіеся съ материка, видѣли въ немъ *своею* законодателя, хотя на дѣлѣ они сами принесли на островъ *свой* древній обычай. Легендарная мудрость Миноса естественно дѣлала его «страшнымъ» его врагамъ (Od. XI, 320—1, 574); и вотъ въ изображеніи аттическихъ лѣтописцевъ и поэтовъ Миносъ, въ качествѣ противника Тесея, изображается жестокимъ, несправедливымъ тираномъ—противорѣчіе, которое легко объясняется.

Сказанія о морскихъ экспедиціяхъ Миноса весьма разнообразны. Въ Атикѣ существовало преданіе о томъ, что онъ покорилъ Аѳины и взималъ съ нихъ страшную дань, требуя присылки дѣтей въ жертву Минотаврѣ. Далѣе, онъ завоевалъ Мегару. Мало того: онъ предпринялъ экспедицію въ Сицилію, гдѣ былъ убитъ; чтобы отомстить за его смерть, критяне снарядили цѣлую армаду, при чемъ на возвратномъ пути основали Гирію въ Италіи (Herod. VII, 69 сл.). Городъ Миноса тоже былъ будто бы основанъ спутниками Миноса, которые воздвигли ему гробницу, любопытное описаніе которой даетъ Діодоръ (IV, 79): она состояла изъ двухъ частей: закрытаго помѣщенія, въ которомъ хранились кости Миноса, и открытой, представлявшей святилище Афродиты ¹⁾. Какъ ни страннымъ можетъ это показаться, преданія о раннихъ сношеніяхъ Крита съ Сициліей въ микенскій періодъ, повидимому, также заключаютъ историческое зерно и подтверждаются раскопками, обнаружившими въ древнихъ могильникахъ Сициліи микенскія вазы и мѣстныя имитации микенскихъ вазъ. Мало того: сообщенія между Сициліей и Греціей восходятъ, быть можетъ, и къ до-микенскимъ временамъ ²⁾.

Не забудемъ, что мы имѣемъ дѣло не съ фактами, а съ легендами, хотя и съ такими, въ которыхъ сохранились историческія преданія, неожиданно обнаружившіяся благодаря поразительнымъ археологическимъ открытіямъ. Равнымъ образомъ заслуживаютъ вниманія и сказанія о преемникахъ Миноса, другихъ критскихъ князьямъ, или о древнихъ выходцахъ изъ Крита, основывающихъ колоніи, города или заносящихъ религіозныя установленія и культы въ различныя части Греціи.

¹⁾ Ср. Reichel, Vorhellenische Culte, объясняетъ одно золотое украшеніе, найденное въ третьей могилѣ Микенскаго Акрополя, какъ воспроизведеніе такого памятника. Къ сожалѣнію, онъ упускаетъ изъ вида описаніе могилы Миноса у Діодора, подтверждающее его догадку. Во всякомъ случаѣ мы знаемъ о культѣ нагой богини съ голубями, встрѣчающейся въ микенскихъ могилахъ.

²⁾ Ср. Hall, Civilis. 218, 259, и Busolt, 336, 4 сл.

Мы уже говорили объ этой особенностях: ни одно из микенских государств не оставило столь многочисленных и значительных слѣдовъ въ религиозной области, какъ именно Критъ, который связанъ интимными связями родства съ важнѣйшими центрами греческаго культа — каковы Дельфы, Елевсинъ, отчасти Олимпія ¹⁾. Помимо культа критскаго Зевса, который такъ ярко отразился еще въ теогоническихъ сказаніяхъ (напр., у Гесіода, отчасти у Гомера), главнѣйшіе культы Аполлона въ Азіи, Милетъ, Колофонъ, Кларосъ, согласно преданіямъ происходятъ изъ Крита, точно такъ же какъ самый важный изъ культовъ Аполлона — дельфійскій культъ (Horn. hymn Apoll. Puth. 216 сл.). Изъ Крита же происходитъ и культъ Деметры Елевсиніи: въ Критѣ таинства ея—тѣ же, что въ Елевсинѣ,—совершались открыто и были издревле доступны всѣмъ, какъ публичный культъ (Diod. V, 77, 3); отсюда, а не изъ Елевсина, культъ ея былъ перенесенъ въ Пелопоннесъ, какъ это показываетъ тщательное разсмотрѣніе всѣхъ данныхъ о ея тамошнихъ святилищахъ: культъ Деметры былъ общераспространеннымъ и, по всей вѣроятности, двигался съ сѣвера на югъ; культъ Д. *Елевсини*, напротивъ того, первоначально двигался изъ Крита на сѣверъ ²⁾. Чтобы не быть слишкомъ специальнымъ, мы упускаемъ здѣсь множество мелкихъ данныхъ, которыя въ своей совокупности указываютъ, что вліяніе Крита въ религиозной области было весьма разнообразно и значительно. При этомъ оно сказывалось не столько, какъ введеніе новыхъ божествъ—туземные боги Крита, по крайней мѣрѣ подъ туземными названіями, не обладали большею склонностью къ миграціи: вліяніе Крита сказывалось всего болѣе въ введеніи новыхъ культовъ *старыхъ* греческихъ боговъ, напр., Аполлона, Деметры, даже Зевса. Эти культы критскаго происхожденія, сохранявшіе своеобразныя архаическія черты, всего ярче свидѣтельствуютъ о греческой національности критскаго царства, хотя, какъ уже сказано, смѣшеніе національностей, которому неизбѣжно соотвѣтствовалъ и религиозный синкретизмъ, совершалось здѣсь въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ гдѣ-либо.

Въ болѣе позднюю микенскую эпоху, когда гегемонія перешла къ аргивскимъ князьямъ (XIII или XII в.?), Критъ все-таки остается однимъ изъ главныхъ культурныхъ и политическихъ центровъ Греціи, и его «сто городовъ» все еще подвластны кносскимъ князьямъ, Идоменею и Меріону, которые, послѣ Агамемнона и Нестора при-

¹⁾ Ср. Robert въ Ath. Mitth. XVIII (1893), 40, о древнемъ вліяніи Крита въ Олимпіи. Ср. также Farnel, The cults of the greek states, о культѣ Эйлеѳіи и Сосиполиса въ Олимпіи.

²⁾ Ср. прекрасную статью Kern'a Demeter у Pauly-Wissowa IV, 2.

вели подь Трою наибольшее количество кораблей. Въ Иліадѣ указывается близкая родственная связь между аргивскими и критскими князьями (III, 230 сл.): Эропе, мать Менелая и Агамемнона, является внучкою Миноса.

Къ концу микенскаго періода значеніе Крита быстро падаетъ. Его «сто городовъ» приходятъ въ упадокъ, раздираемые междуусобіями. На островахъ вновь усиливаются карійцы, частью вытѣсняя критянь¹⁾; къ этому времени вѣроятно относится и усиленіе финикійской торговли. Затѣмъ Критъ занимается дорянами, а іонійская колонизація, занимая Киклады, вновь отгѣснила въ Азію карійцевъ.

Критяне остаются и впослѣдствіи отважными моряками, но изъ прежнихъ властителей Эгейскаго моря сами дѣлаются пиратами. Примѣсь дорійской крови не остановила ихъ упадка, а скорѣе способствовала одичанію критянь. Славные дни, когда они царствовали надъ моремъ и облагали аеинянь страшною данью, прошли навсегда. Критяне приобрѣли традиціонную репутацію «вѣчныхъ лгуновъ» (*dei feūtai*) и лѣнивыхъ обжоръ. Ихъ цивилизація отпѣла ранѣе, чѣмъ наступили «историческія» времена Греціи.

VIII.

Какъ уже сказано, изъ Крита гегемонія перешла къ аргивскимъ князьямъ. Но микенская культура не ограничивалась ею; она процвѣтала въ Лаконіи, Бэотіи, царствѣ минійцевъ, въ Атикѣ, Фтіотидѣ и даже далекой Троадѣ. Къ исходу микенской эпохи относится нашествіе на Египетъ частью черезъ Сирію, частью моремъ, соединенныхъ эгейскихъ племенъ, имена которыхъ сохранились въ памятникахъ Рамсеса III, нанесшаго имъ пораженіе. Мы уже говорили о племенахъ, воевавшихъ съ нимъ. Сперва то были ахейцы, *turusha* (тирсены?), *shaka-gusha* (сагалассійцы изъ Писидіи?), *shardina* (?), затѣмъ черезъ три года — другія народности, въ именахъ которыхъ видятъ филистимлянъ (*pulesatha*), тевкровъ (?) и данайцевъ (?). Описаніе ихъ опустошительнаго нашествія даетъ картину переселенія народовъ, которое совершается отъ Киликіи черезъ Сирію частью сухимъ путемъ, частью моремъ на судахъ, сопровождавшихъ повозки переселенцевъ. Мы уже видѣли, что въ этомъ движеніи усматриваютъ лишь волну болѣе обширнаго движенія,

¹⁾ Diod. V, 84 сл.: разумѣется и здѣсь мы имѣемъ дѣло лишь съ возможностью, хотя и весьма вѣроятною, въ эпоху смутъ и борьбы, связанною съ переселеніемъ дорянь. Іонійская колонизація во всякомъ случаѣ вытѣсняетъ карійцевъ съ острововъ.

охватившаго народности средиземно-морского бассейна и отразившагося и въ Греціи въ переселеніи сѣверныхъ племенъ.

Паденіе микенской культуры приурочиваютъ къ этому переселенію, хотя, очевидно, упадокъ микенскихъ государствъ былъ вызванъ внутренними причинами, подготовившими путь дорійскому завоеванію. Микенскій стиль въ искусствѣ могъ удержаться нѣкоторое время и послѣ дорійскаго завоеванія, но мало-по-малу онъ исчезаетъ, уступая мѣсто такъ называемому геометрическому орнаменту или «дипилону». Наступаетъ новая пора «греческаго средне-вѣковья», которая характеризуется глубокимъ и продолжительнымъ упадкомъ культуры, искусства, техники. Прежніе дворцы предаются огню и разрушенію, обращаются въ груды развалинъ; новыхъ дворцовъ болѣе не строятъ, бѣдныя жилища тѣснятся около ихъ развалинъ или надъ ними, и въ позднѣйшее время остатки грандіозныхъ сооруженій микенскаго вѣка возбуждаютъ изумленіе потомковъ, которые видятъ въ нихъ дѣло исполинскихъ, не человѣческихъ рукъ. Съ дворцами падаютъ и крупныя политическія союзы микенскаго вѣка и его обширная торговля. Художественная промышленность, работавшая для широкаго экспорта, прекращается; фабрики закрываются, всюду появляются мѣстныя издѣлія новаго типа. Цѣлыя отрасли художественной промышленности вымираютъ. Въ Микенахъ была найдена разрушенная мастерская геммъ съ начатыми работами, запасомъ камней для рѣзбы. Глиптика временно умираетъ, чтобы возродиться впослѣдствіи подъ воздѣйствіемъ тѣхъ же восточныхъ вліяній. Технические пріобрѣтенія теряются, и вѣка спустя глиптика, живопись и пластика должны начинать сначала. Обширныя торговыя сношенія тѣхъ временъ, когда Греція снабжала вазами Троаду и Египетъ, прекращаются вмѣстѣ съ морскимъ владычествомъ. Тутъ-то повидимому начинается хозяйничаніе островитянъ и финикійцевъ на Эгейскомъ морѣ. «Геометрическій» стиль, такъ далеко отстоящій отъ микенскаго въ художественномъ отношеніи, служить знаменіемъ времени. Онъ до такой степени законченъ и послѣдователенъ, что никоимъ образомъ не можетъ разсматриваться какъ продуктъ распадешя микенскаго искусства. Онъ несравненно ближе къ искусству до-микенскихъ временъ, которое, по мѣткому сравненію Фуртвенглера, составляло какъ бы загрузтовку роскошной блестящей красками картины микенскаго искусства; теперь, когда эти краски были смыты, многое старое выступило изъ-подъ нихъ. Не слѣдуетъ думать, что «геометрическій стиль» былъ принесенъ сѣверными племенами въ готовомъ видѣ: его развитіе произошло въ теченіе долгаго времени на новыхъ мѣстахъ и при томъ въ такихъ, которыя не были заняты дорянами (напр., въ Атикѣ). Но

все же онъ знаменуетъ собою не только конецъ микенскаго искусства, но и глубокий упадокъ искусства, глубокое измѣненіе вкуса. Общій упадокъ культуры, послѣдовавшій за разрушеніемъ микенскихъ царствъ, сказывается во всемъ. Постепенное возрожденіе начинается на Востокѣ, гдѣ хранились завѣты прежней культуры. Малоазіатскіе греки, эолійцы и іонійцы, т.-е. сѣверные и главнымъ образомъ средне-греческіе колонисты, становятся во главѣ культурнаго движенія. Какъ основательно показали Э. Мейеръ и Бузольтъ, первая великая эпоха греческой колонизаціи относится къ *микенскому* вѣку, и греки микенскаго вѣка являются предками эолійцевъ и іонійцевъ.

IX.

Какъ ни скудны эти указанія, — многія изъ нихъ нуждаются еще въ тщательной критической разработкѣ и провѣркѣ, — они имѣютъ существенное методическое значеніе для изслѣдованія вопроса о генезисѣ или ранней исторіи греческой религіи, поскольку она доступна нашему изученію.

Прежде всего значеніе ихъ *отрицательное*: однихъ вышеприведенныхъ данныхъ совершенно достаточно для ниспроверженія всѣхъ *неисторическихъ* теорій или гипотезъ о происхожденіи греческой религіи. Натуралистическая, анимистическая, лингвистическая или всякая иная гипотеза, не считающаяся съ исторіей, отличаются во всей своей несостоятельности при одномъ взглядѣ уже на тотъ приблизительный и неизбежно-неполный разрѣзъ историческихъ и этнографическихъ напластованій, составившихъ Грецію, какой мы можемъ представить себѣ въ настоящее время¹⁾. Одна мысль о сложномъ историческомъ процессѣ, пережитомъ греками и столь недостаточно еще намъ извѣстномъ, точно такъ же, какъ и сознаніе сложности элементовъ греческой цивилизаціи, заставитъ насъ навсегда отказаться отъ подобныхъ простыхъ теорій, покоящихся не на историческихъ основахъ, а на отвлеченныхъ, апіорныхъ построеніяхъ. Этимологическая игра съ именами боговъ, которая до сихъ поръ еще имѣетъ сторонниковъ, должна потерять всякое научное значеніе; этимологическія объясненія, почти всегда шаткія и спорныя, даже тамъ, гдѣ они лингвистически безупречны, могутъ играть лишь второстепенную и подчиненную роль.

1) Ср. Busolt, I 214 и 278 сл.

2) Точнѣе было бы говорить не о разрѣзѣ, а скорѣе о рядѣ разрѣзовъ, различныхъ по мѣстностямъ, напр., въ Критѣ или нѣкоторыхъ островахъ, въ Фессалии, Аркадіи, Атикѣ и т. д.

Съ другой стороны, сообщенія и факты, заставляющіе насъ признать сложность элементовъ матеріальной и духовной культуры грековъ, всего менѣе могутъ оправдывать одностороннее или произвольное допущеніе тѣхъ или другихъ восточныхъ вліяній на основаніи частныхъ аналогій, произвольнаго объясненія мифовъ и легендъ, безъ критическаго изученія исторіи легендъ, поскольку она можетъ быть нами прослѣжена. Въ каждомъ данномъ случаѣ требуется общее ознакомленіе съ археологическими данными: такъ, наприм., по вопросу о вліяніи финикійцевъ на островѣ Критѣ, Кіаерѣ, Фасосѣ, Родосѣ, въ Бэотіи или Истмѣ нельзя отправляться отъ какого-нибудь отдѣльнаго факта или показанія, какъ бы убѣдительно оно ни казалось, безъ сопоставленія съ другими фактами, позволяющими намъ понять данное явленіе въ правильной исторической перспективѣ. Конечно, при отрывочности и огромныхъ пробѣлахъ нашихъ археологическихъ знаній, мы не можемъ обойтись безъ предположеній; но и здѣсь мы должны строго отличать достовѣрное отъ вѣроятнаго, дѣйствительное отъ возможнаго и производить самую тщательную расцѣнку вѣроятій. Безпритязательное *ig-pogatus* часто безконечно болѣе приближаетъ насъ къ истинному историческому пониманію, нежели самыя смѣлыя гипотезы; хотя намъ приходится признавать наше невѣдѣніе слишкомъ часто, но пока мы не сознавали его, мы не предчувствовали того дѣйствительнаго и чрезвычайно сложнаго историческаго процесса, который здѣсь совершался.

Данныя археологіи имѣютъ однако не одно отрицательное значеніе, расчищая путь научному историческому изученію греческой религіи; они имѣютъ и положительное значеніе, не столько оттого, что они представляютъ новый матеріаль, сколько потому, что помогаютъ устанавливать историческую перспективу при изученіи извѣстнаго уже матеріала. Съ своей стороны, разумѣется, и этотъ матеріаль, изучаемый такимъ образомъ, существенно пополняетъ собою данныя археологіи и проливаетъ свѣтъ на раннее прошлое Греціи.

Мы не будемъ останавливаться на исторіи отдѣльныхъ боговъ и культовъ, хотя именно на нихъ можно конкретно уяснить себѣ особенности совершавшагося процесса. Мы ограничимся здѣсь лишь указаніемъ нѣкоторыхъ общихъ важнѣйшихъ результатовъ, выясняющихся для исторіи греческой религіи въ ея цѣломъ изъ археологическихъ открытій и критическаго изученія ранней греческой исторіи.

X.

Греческая религія, или совокупность греческихъ культовъ, сложилась, повидимому, *въ общихъ чертахъ* еще до переселенія дорянъ. По крайней мѣрѣ, иначе мы не видимъ возможности объяснить тотъ уже упомянутый нами фактъ, что дорійское завоеваніе оставило въ сохранности всѣ мѣстные культы покоренныхъ государствъ и не принесло съ собою ни одного новаго специально-дорійскаго божества¹⁾. Великіе боги, какъ Зевсъ, Аполлонъ, Аѳина, были, очевидно, чтимы дорянами и ранѣе переселенія. Но, переселяясь въ Пелопоннесъ или Критъ, или Родосъ, они усваивали всѣ мѣстные культы, все равно греческаго, фригійскаго, еракійскаго или малоазіатскаго происхожденія. Видимое исключеніе представляетъ культъ Аполлона Карнейоса, который былъ общимъ всѣмъ дорянамъ Пелопоннеса: во время мѣсяца, ему посвященнаго, между дорянами царствовало священное перемиріе. Но это исключеніе только кажущееся: Аполлонъ былъ богомъ всѣхъ грековъ, а Карнейосъ былъ *мѣстнымъ* пастушескимъ божествомъ въ Пелопоннесѣ, которое отождествилось съ Аполлономъ²⁾. До переселенія доряне едва ли знали такого бога: культъ Аполлона Карнейоса былъ союзнымъ культомъ *пелопоннесскихъ* дорянъ, а не культомъ какого-то новаго бога, принесеннаго дорянами съ сѣвера.

Какъ мы уже сказали ранѣе, и другіе греческіе колонисты поступали приблизительно такъ же, усваивая мѣстные культы на островахъ и въ Малой Азіи. Но, во-первыхъ, они приносили съ собою своихъ боговъ, а во-вторыхъ, эллинизировали мѣстные культы, чего дорянамъ не приходилось дѣлать въ Пелопоннесѣ; эллинизация чужеземныхъ боговъ однако въ большей части случаевъ бывала болѣе или менѣе поверхностной, не касалась многихъ особенностей культа, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мѣстное божество отождествлялось съ какимъ-либо греческимъ божествомъ; укажемъ для примѣра на знаменитую Артемиду Эфесскую, подъ греческимъ именемъ которой скрывалась типичная малоазіатская богиня, или возьмемъ отдѣльныхъ азіатскихъ Зевсовъ и Аполлоновъ³⁾. Естественно, что, *въ общемъ*, чѣмъ позже усваивается чужеземный мѣстный культъ, тѣмъ легче сохраняются его индивидуальныя мѣстныя особенности, и это по двумъ причинамъ, во-первыхъ, потому, что національныя

1) Ср. E. Meyer, *Gesch. d. Alterthums* II § 174 и 183. Ср. однако блестящую, хотя и не убѣдительную попытку Виламовица (*Herakles* 1895) доказать, что Гераклъ есть дорійское божество.

2) См. *Pauly-Wissowa, Apollon* (Wernicke) и ст. *Karneios* у *Ромера* (*S. Wide*).

3) *P.-Wis., Apollon* 7, 60 сл.

религіозныя формы дѣлаются все болѣе и болѣе устойчивыми, а во-вторыхъ, потому, что процессъ ассимиляціи чужихъ культовъ совершается довольно медленно, въ особенности на чужбинѣ, гдѣ поселенцы заинтересованы въ томъ, чтобы пріобрѣсть благоволеніе именно *мѣстнаго* божества, и постольку сами поддерживаютъ мѣстныя особенности культа. Строго говоря, ассимиляція можетъ быть *полною* только тамъ, гдѣ забывается чуждое происхожденіе, а съ нимъ вмѣстѣ теряютъ смыслъ и мѣстныя отличительныя особенности. Это могло случиться и, повидимому, случилось въ континентальной Греціи, отчасти и на островахъ съ мѣстными культурами туземнаго происхожденія, заимствованными ахейцами или первыми греческими поселенцами отъ «пеласгическихъ», «малоазійскихъ» или арійскихъ племенъ, ранѣе ихъ населявшихъ Грецію.

Этимъ объясняется множество мѣстныхъ боговъ и множество своеобразныхъ мѣстныхъ культовъ. Отсюда же и объясняется тотъ отмѣченный уже нами фактъ, что греки знали нѣсколько различныхъ Зевсовъ, Артемидъ, Аполлоновъ. Если они впоследствии отождествляли съ Зевсомъ египетскаго бога Амона (въ качествѣ верховнаго бога), это никого не могло ввести въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго различія этихъ боговъ; если дорійцы отождествляли карійскаго горнаго бога Атабирія съ Зевсомъ, исконное различіе таки-опять сознается, хотя уже не такъ отчетливо— въ Атабиріи хотѣли долго видѣть финикійское божество¹⁾. Но уже относительно критскаго Зевса, несмотря на то, что едва ли не всѣ ученые видятъ въ немъ особое божество, отличное отъ Олимпійскаго или Додонскаго Зевса, сами греки утратили ясное сознаніе такого исконнаго различія: они видѣли въ немъ Зевса, сына Кроноса и Реи (они рассказывали обработанную критскую легенду о его рожденіи), а не особое божество, отличное отъ олимпійскаго громовержца. Если же отъ острововъ мы обратимся къ континентальной Греціи и рассмотримъ всѣ ея различные культы Зевса, то тутъ не только у древнихъ, но даже у многихъ современныхъ ученыхъ мы не всегда найдемъ сознаніе того, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ культовъ мы въ сущности имѣемъ дѣло съ божествами различнаго происхожденія. А между тѣмъ это едва ли подлежитъ сомнѣнію, и сами греки, какъ это видно изъ приведеннаго нами примѣра Ксенофонта²⁾, нерѣдко смутно чувствовали такое различіе. Возьмемъ Зевса Додонскаго или «пеласгическаго», культъ котораго связывался съ культомъ священнаго источника и священнаго

1) Ср. Veloch I. с.

2) См. первая статья въ „Науч. Словѣ“.

дуба¹⁾; или культъ Зевса Ликейоса въ Аркадіи, связанный съ переживаниями дикихъ варварскихъ обрядовъ и каннибализма; или культъ различныхъ подземныхъ хтоническихъ Зевсовъ, чтимыхъ въ различныхъ мѣстностяхъ,—ясно, что мы имѣемъ дѣло не съ простыми различіями ритуала, а съ различными богами. Если за исконное представленіе о Зевсѣ не безъ основанія считается образъ свѣтлаго небеснаго отца, царя боговъ, громовержца, посылающаго дождь матери-землѣ, то откуда могло явиться представленіе о подземномъ хтоническомъ Зевсѣ, наприм., Зевсѣ Мейлихійскомъ, Трофоніи, Евбулеѣ? Первоначальное представленіе о Зевсѣ мы находимъ и въ позднѣйшія времена: оно увѣковѣчено Гомеромъ и Фидіемъ, оно получило впоследствии философское развитіе; какимъ же образомъ мы находимъ на ряду съ нимъ совершенно инныя представленія, настолько отличныя отъ него, что Ксенофонтъ, наприм., принималъ, повидимому, Зевса Мейлихійскаго за особаго бога? Какъ объяснить странные и притомъ разнообразныя обряды, указывающіе на глубокую древность въ нѣкоторыхъ культахъ Зевса, наприм., въ культѣ Зевса Додонскаго, или Зевса Ликейскаго въ Аркадіи, Лафистія въ Фтіотидѣ, или въ «буфоніи», «убійствѣ» Зевсова быка въ честь аѳинскаго Зевса Поліевса,—чтобы не упоминать о другихъ?

Намъ представляется очевиднымъ, что культы эти имѣютъ различное и притомъ сложное происхожденіе: національный греческій культъ Зевса, верховнаго бога, сливался съ отдѣльными туземными культами не-греческаго происхожденія. Въ однихъ случаяхъ Зевсъ вытѣснялъ какое-нибудь мѣстное божество и занималъ его мѣсто, усваивая нѣкоторыя формы его культа, какъ это было съ Ягве въ Хаанаѣ по отношенію къ мѣстнымъ вааламъ. Въ другихъ случаяхъ Зевсъ отождествлялся съ верховнымъ богомъ данной мѣстности; въ третьихъ заимствовалъ изъ другихъ культовъ тѣ или другія формы, обряды, таинства. Ограничимся хотя бы вышеуказанными примѣрами. «Додонскій богъ,—говоритъ Кернъ,—есть старинный мѣстный богъ, который былъ чтимъ при источникѣ въ дубовомъ лѣсу. Онъ былъ главнымъ богомъ мѣстности и въ этомъ качествѣ удостоился быть возведеннымъ въ особую форму общегреческаго Зевса, когда этотъ богъ началъ свое завоевательное шествіе по Греціи». Въ культѣ Зевса Ликейоса мы также имѣемъ несомнѣнное соединеніе культа Зевса съ болѣе раннимъ культомъ Ликаона или Ликейоса,

¹⁾ См. Кернъ въ Pauly-Wissowa Real-Enc. V, 1, 1261: въ древнѣйшее время въ Додонѣ былъ, повидимому, чтимъ богъ священнаго источника, который лишь впоследствии былъ отождествленъ съ общегреческимъ Зевсомъ, ибо въ культѣ Додонскій Зевсъ постоянно носилъ прозвище *найос*, отъ *ναΐω*—теку (отсюда *наяды*).

который имѣеть до-эллиническое происхождение¹⁾. Равнымъ образомъ въ культѣ Зевса Лафистія, связаннаго съ именемъ Агамаса, мы имѣемъ старинный обрядъ агамановъ, полуварварскихъ выходцевъ изъ Эпира (Strabo VII, 321, 326; X, 449), а въ культѣ Зевса Полиевса—мистическій обрядъ приобщенія божественному быку, занесенный въ Аѳины изъ Крита.

Такимъ образомъ объясняются многіе Зевсы, стоящіе за единымъ Зевсомъ, многіе Аполлоны²⁾, Артемиды, Афродиты, Гермесы, стоящіе за Аполлономъ, Артемидой, Афродитой, а равнымъ образомъ и многія другія мѣстныя божества. Необычайно пестрый и сложный пантеонъ греческой религіи совершенно не объяснимъ изъ одного источника, изъ одного самостоятельнаго и чисто-греческаго корня. Если этимологія можетъ привести насъ къ какому-либо общему выводу, то развѣ къ тому, который сдѣлалъ еще Бутманъ въ началѣ прошлаго вѣка,—что большинство именъ греческихъ боговъ не объяснимы изъ извѣстнаго намъ греческаго языка³⁾, какъ бы ни были остроумны попытки въ этомъ направленіи. Но греческая религія въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ греческій языкъ, свидѣтельствуешь о сложности этнографическихъ и культурныхъ элементовъ, послужившихъ образованію греческаго народа. Вѣрованія исконно-греческія и вѣрованія еракійско-фригійскаго происхожденія, вѣрованія и культы «малоазіатскихъ» или «пеласгическихъ племенъ», составлявшихъ первоначальное населеніе бассейна Эгейскаго моря, наконецъ египетскія и семитскія вліянія,—всѣ эти элементы участвовали въ образованіи сложнаго цѣлаго греческой религіи, допускавшей до конца столь значительныя мѣстныя разнообразія. Если въ прежнее время нѣкоторыя изъ этихъ различій въ религіозной области пытались объяснить различіями греческихъ племенъ, то теперь все болѣе и болѣе выясняется, что наиболѣе зна-

¹⁾ Ср. Drexler ст. Лукаон въ слов. Рошера (II, 2, 2172). Исходя изъ преданія о пеласгическомъ происхожденіи древне-аркадскихъ селеній, основанныхъ якобы ликонидами, Дрексель думаетъ, что самое имя Ликона имѣеть пеласгическое происхожденіе и сближаетъ его съ этрусскимъ Lucino—царь (Serv. ad Verg. Aen. II 278, VIII 478); въ такомъ случаѣ Ликонъ „сынъ Пеласга“ (еще у Гезиода frgm. 63 Kinkel), старый „царь“ или царь боговъ, чтимый на „парской горѣ“, былъ отчасти отождествленъ греческими поселенцами съ ихъ Зевсомъ, отчасти замѣняетъ имя подъ именемъ Зевса Ликейскаго. Оставляя подъ вопросомъ этрусскую этимологію, вѣрность этого объясненія можетъ быть доказана подробнымъ разсмотрѣніемъ самаго культа и связанныхъ съ нимъ преданій. Ср. Immerwahr *Kulte u. Mythen Arkadiens* I, 1 сл., E. Meyer, *Forschungen* I, 56 и Wide, *Lakon. Kubte*, 12.

²⁾ Наприм., культъ А. Карнейоса или А. Амиклейскаго, связанный съ культомъ Ликона.

³⁾ Какъ мы уже видѣли, и самое безупречное съ этимологической точки зрѣнія объясненіе можетъ быть фактически невѣрнымъ.

чительныя изъ исторически-извѣстныхъ намъ племенныхъ дѣленій греческаго народа стали складываться лишь въ микенскую эпоху, и что отличительныя особенности греческихъ діалектовъ развиваются сравнительно поздно. Обособленіе отдѣльныхъ государствъ и племенъ становится все болѣе и болѣе рѣзкимъ лишь въ послѣ-микенскій періодъ; этого мало: еще въ VII вѣкѣ, напримѣръ, самая Спарта не была тѣмъ обособленнымъ и замкнутымъ государствомъ, какимъ мы ее знаемъ въ V вѣкѣ.

Итакъ, новѣйшія изслѣдованія прошлаго Греціи объясняютъ намъ необычайную сложность и пестроту вѣрованій и культовъ, необычайное множество божествъ и мѣстныхъ демоновъ, входившихъ въ составъ греческаго политеизма. Эти же изслѣдованія помогаютъ намъ рѣшить и другую проблему этого политеизма—объяснить то относительное *единство* религіи, которое мы находимъ при всемъ множествѣ и разнообразіи мѣстныхъ культовъ и божествъ. Чѣмъ болѣе знакомимся мы съ этимъ множествомъ, тѣмъ болѣе настоятельно ставится намъ вопросъ: что же служило объединенію религіозныхъ представленій и какимъ образомъ надъ обширнымъ *пандемоніумомъ* греческихъ культовъ возвысилась опредѣленная (хотя и далеко не строго опредѣленная) аристократія боговъ, сложились общегреческіе культы? Въ историческія времена мы можемъ указать на опредѣленные политическіе и религіозные факторы—союзы, амфиктіоніи, игры, дельфійскій оракуль, наконецъ искусство и эпось; но все это факторы сравнительно поздніе и нисколько не объясняющіе того относительнаго религіознаго единства греческаго народа, о которомъ свидѣтельствуетъ уже самый эпось.

Правда, мы отмѣтили уже, что боги Гомера являются внѣ культа и въ своей совокупности не соотвѣтствуютъ никакой опредѣленной совокупности культовъ какого-либо изъ греческихъ государствъ. И тѣмъ не менѣе его Зевсъ, Аполлонъ, Гера, Аѳина, Посидонъ, Афродита суть боги всѣхъ грековъ, которые узнавали въ нихъ своихъ боговъ. Несомнѣнно, самый эпось или, точнѣе, многовѣковая дѣятельность аэдовъ, созидавшихъ эпось, сильно способствовала объединенію представленій о богахъ: классическіе образы эпоса лежатъ въ основаніи послѣдующихъ изображеній не только поэзіи, но и пластики—самъ Фидій вдохновлялся Гомеромъ. Но вѣдь эти боги не были продуктомъ беспочвенной фантазіи или простыми поэтическими фякціями; эпось служилъ поэтическимъ выраженіемъ національнаго самосознанія, идеальнаго единства грековъ. Не даромъ надъ созиданіемъ эпоса трудились въ теченіе вѣковъ сперва эолійскіе, а затѣмъ іонійскіе пѣвцы, соединяя въ немъ образы, снесенные со всѣхъ концовъ Эллады—Ахилла, Тетиду, Ар-

гонавтовъ, Кентавровъ и Лапитовъ изъ Тессаліи, Тесея изъ Аттики и Арголіды, Трофонія, Эдипа, Зеа и Амфіона изъ Бэотіи, Агамемнона, Менелая, Елену, Діоскуровъ, Одиссея изъ Пелопоннеса, Идоменея и Меріона изъ Крита. Въ позднѣйшія времена, когда Греція дробилась на множество народностей, въ эпоху обособленія государствъ, мѣстныхъ обычаевъ, мѣстныхъ культовъ, мѣстныхъ говоровъ, такой эпосъ не могъ бы зародиться. Онъ сложился въ эпоху, когда государственныя и племенные перегородки еще не отвердѣли и не нарушали духовнаго единства. И мы знаемъ, что это единство имѣло и реальную почву, что нѣкогда въ до-гомеровскія времена сѣверо-восточная, центральная и южная Греція говорила однимъ нарѣчіемъ, что самыя специфическія отличительныя особенности эолійскаго и іонійскаго нарѣчій развились лишь съ теченіемъ времени, и, по всей вѣроятности, отличие дорійскаго или сѣверо-западнаго нарѣчія отъ древне-тессалійскаго (впослѣдствіи эолійскаго) тоже не было первоначально столь значительно, какъ впослѣдствіи.

Но если Греція микенскаго періода не знала того дробленія, которое господствуетъ и постепенно усиливается въ ней въ послѣдующія времена, если культура ея древности и «средневѣковья» представляется болѣе единообразною, чѣмъ впослѣдствіи, то все же нельзя объяснять это единообразіе культуры, претворившей въ себя столько разнородныхъ элементовъ, изъ одного этнографическаго единства грековъ. И равнымъ образомъ изъ единства греческаго народа нельзя объяснить относительное единообразіе религиозныхъ вѣрованій и представленій, имѣвшихъ, какъ мы видѣли, самое различное происхожденіе: греческій пантеонъ не былъ продуктомъ исключительно національнаго развитія, свободнымъ отъ инородныхъ вліяній. Чтобы объяснить себѣ относительное единообразіе религіи при необычайной сложности и разнородности ея элементовъ, точно такъ же, какъ и для того, чтобы понять единообразіе культуры микенскаго вѣка, мы должны допустить существованіе *сильной государственной власти, могущественную политическую и культурную гегемонію*. Такой гегемоніей обладали нѣкогда кносскіе князья, затѣмъ она перешла къ другимъ государствамъ микенскаго вѣка, къ минійскимъ и аргивскимъ князьямъ. Точно опредѣлить роль отдѣльныхъ государствъ микенскаго вѣка въ ихъ послѣдовательномъ развитіи и взаимномъ соперничествѣ мы здѣсь не беремъ ¹⁾. Но существованіе въ до-гомеровскія времена могу-

¹⁾ Ср. Gruppe I, 378, который между гегемоніей Крита и аргивскихъ князей помещаетъ еще гегемонію восточ. Бэотіи и Евбеи, затѣмъ Орхомена (минійцевъ), за-

пественной государственной власти, а можетъ быть, ряда послѣдовательныхъ политическихъ гегемоній, представлялось въ высшей степени вѣроятнымъ и правдоподобнымъ еще до послѣднихъ открытій на островѣ Критѣ. Одрѣ раскопки въ Микенахъ могли показать, что цари, жившіе тамъ и похороненные въ тамошнихъ гробницахъ, обладали такимъ могуществомъ, котораго не знала позднѣйшая Греція и которое могло сравниться скорѣе съ могуществомъ восточныхъ владыкъ. Одна «сокровищница атридовъ», которую не даромъ сравниваютъ съ египетскими пирамидами¹⁾, служить тому достаточнымъ доказательствомъ. Еще болѣе убѣдительно новѣйшія открытія въ Критѣ, раскопки древнихъ дворцовъ въ Фэстѣ и Кноссѣ, которыя показали богатство и могущество царства Миносова; позднѣйшіе мѣны и преданія давали лишь смутное и блѣдное представленіе объ этомъ могуществѣ, о которомъ столь внушительно свидѣлствуютъ раскопки, раскрывая намъ прошлое Греціи въ совершенно новомъ и неожиданномъ свѣтѣ.

Эти открытія объясняютъ намъ и общій ходъ развитія греческой религіи. Историческія аналогіи, точно такъ же, какъ и простое разсужденіе, убѣждаютъ насъ въ томъ, что ни одна религіозная община не можетъ начинать съ сложной политеистической системы. Начальной ступеню вѣры въ боговъ является «немногобожіе», *олиотеизмъ*, если можно такъ выразиться: религіозная община естественно начинается съ того, что сосредоточиваетъ свою вѣру на одномъ изъ многихъ или на нѣсколькихъ, сравнительно немногихъ божествахъ. Сложныя политеистическія системы, особливо тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ много иноплеменныхъ ассимилированныхъ божествъ, слагаются подъ вліяніемъ политическихъ факторовъ,—сліянія общинъ и родовъ, образованія государственнаго союза, союзовъ племенъ, федерацій, колонизаціи, завоеваній; о переселеніяхъ мы уже говорили. Такія системы прямо предполагаютъ сложное историческое и государственное развитіе, какого до послѣднихъ открытій мы все-таки не могли знать въ древней Греціи.

Правда, въ ней никогда не было ни одной единообразной системы культовъ; но даже и то относительное единство, которое позволяетъ намъ говорить о греческомъ политеизмѣ какъ о «гре-

---

тѣмъ докрийцевъ и ю. ессалийцевъ. Всѣ эти гегемоніи непосредственно слѣдуютъ другъ за другомъ. Древняя сѣверо-восточная Бэотія и Евбея испытали сильнѣйшее вліяніе Крита; западная Бэотія также находилась подъ вліяніемъ Крита, но вмѣстѣ и подъ вліяніемъ своихъ восточныхъ сосѣдей. Локрида и южная Эссалия также испытали вліяніе Крита, Евбеи, восточной Бэотіи и Орхомена.

1) E. Meyer, *Gesch. d. Alt.* II, 163.

ческой религіи»,—единство въ признаніи и почитаніи нѣкоторыхъ общихъ боговъ и культовъ различнаго происхожденія, указываетъ намъ на политическія силы, объединявшія Грецію до переселенія сѣверныхъ племень, — силы, несравненно болѣе могущественныя, нежели тѣ, какія изображаетъ Гомеръ или какія мы находимъ въ послѣ-гомеровскія времена. Таковы—морское владычество Крита и послѣдующія царства мивенскаго вѣка, объясняющія намъ распространеніе критскихъ, аргивскихъ, минійскихъ и ессалійскихъ культовъ и мифовъ.

И. С. Трубецкой.

Католическій университетъ въ Лувенѣ.

«Свобода преподаванія» — вотъ лозунгъ современнаго воинствующаго католицизма, который на ряду съ лозунгомъ «свобода ассоціацій» наиболее громко раздается изъ его лагеря. Время, когда къ услугамъ католической церкви по первому ея зову являлась вооруженная рука свѣтской власти и ея убѣжденіе подкрѣпляла принужденіемъ, отошло въ область безвозвратнаго прошлаго; и если еще раздается иногда изъ груди прелата церкви вздохъ о той эпохѣ, когда въ обществѣ царило нерушимое нравственное единство, когда всѣ думали одинаково, въ одномъ видѣли истину и цѣль жизни, то это вздохъ сожалѣнія о томъ, чего измѣнить нельзя. Не здѣсь лежатъ надежды католической церкви. Онѣ лежатъ въ томъ, чтобы силою свободнаго убѣжденія, неотразимостью его для разсудка и чувствъ вывести европейскія общества изъ современной анархіи и повести ихъ по пути къ единоспасающей истинѣ. Убѣдить идти къ истинѣ — но такова задача всякаго преподавателя, и чѣмъ больше преподающіе увѣрены въ обладаніи этой истиной, тѣмъ болѣе твердую почву чувствуютъ они подъ собой. Убѣжденіе и есть главная форма воздѣйствія католической церкви на современное общество.

Но гдѣ оно можетъ идти успѣшнѣе, гдѣ можно окружить вѣрующаго болѣе полнымъ, нерушимымъ моральнымъ единствомъ, какъ не въ школахъ? Прежде чѣмъ готовить врачеванія для болѣзней вѣка, нужно позаботиться создать организмы, на которые эти болѣзни не будутъ дѣйствовать.

Въ школьномъ вопросѣ католическая церковь стоитъ на достаточно твердой почвѣ. Она знаетъ режимъ привилегій, представляющій ей принудительный контроль надъ всѣмъ народнымъ образованіемъ въ странѣ, и режимъ свободной конкуренціи. Почти одновременно введены во Франціи и Бельгіи законы о свободѣ преподаванія (законъ Фаллу 1850 г., бельгійскіе законы 1842 и

1850 г.) и конкордаты, создавшие для нея монополию въ школахъ (испанскій конкордаты 1851 г. и австрійскій—1855 г.). Результаты первой системы оказались несравненно болѣе блестящими. Чтобы противодействовать вліянію церковной школы, государству здѣсь приходится вступать въ противорѣчіе съ признанными основами общаго права, ограничивать свободу преподаванія для извѣстныхъ категорій, чуть не создавать государственную монополию. Церковь выступаетъ подъ знаменемъ свободы и несомнѣнно почерпаетъ въ этомъ знамени великую общественную силу. Дѣятельность ея здѣсь крайне широка: она охватываетъ общее и профессиональное образованіе, низшую, среднюю и высшую школы. Въ противобѣдъ свѣтской коммунальной школахъ она посылаетъ брата или сестру одной изъ своихъ многочисленныхъ обучающихъ конгрегацій. Даже во Франціи «*maitre laïque*» не можетъ вытѣснить «*frères des écoles chrétiennes*», дѣятельность которыхъ призналъ и легализировалъ еще Наполеонъ. Государственному французскому лицу церковь съ успѣхомъ противопоставляетъ вольный колледжъ, пользующійся неизмѣнными симпатіями въ аристократическихъ группахъ и среди высшей буржуазіи.

Менѣе напряжена конкуренція, которая ведется въ области высшаго образованія. Если главная цѣнность низшей и средней католической школы признается въ ея воспитывающемъ дѣйствіи, то даже въ глазахъ самыхъ недовѣрчивыхъ отцовъ семейства задачи университета лежатъ прежде всего въ преподаваніи, а не въ воспитаніи. Если юноша не получилъ необходимой религіозно-нравственной тренировки въ стѣнахъ средней школы, онъ едва ли найдеть ее и въ университетѣ.

Такова аргументація, раздѣлить которой церковь однако не можетъ. Единство католической организаціи является въ ея мысли непрочнымъ, пока оно не основано на фундаментѣ моральнаго единства вѣрующихъ. Разъ въ ихъ душѣ поднялись сомнѣнія, примирима ли путеводная роль церкви съ правами ихъ собственной мысли, въ католическое сознаніе внесень разладъ: искушеніе вѣрующаго можетъ кончиться пораженіемъ церкви. *Du choc des opinions jaillit la vérité*—церковь иногда повторяла этотъ афоризмъ, но никогда не была слишкомъ увѣрена въ его истинности. Современная наука въ цѣломъ рядѣ пунктовъ вступаетъ въ рѣшительное противорѣчіе съ католическимъ міросозерцаніемъ. Здѣсь, впрочемъ, важны даже не столько отдѣльныя теоремы и обобщенія, сколько проникающій эту науку критическій духъ. Отвергнуть права науки невозможно: она играетъ слишкомъ великую роль въ жизни современныхъ обществъ; кто хочетъ духовно имъ править, необходимо

долженъ считаться и съ ней. Чистый нейтралитетъ тоже невозможенъ, да онъ бы представлялся въ достаточной мѣрѣ подозрительнымъ: развѣ не тяготѣетъ надъ католической церковью обвиненія, что она много вѣковъ задерживала развитіе научной мысли? И оправдать свое прошлое въ этомъ дѣлѣ ей такъ же трудно, какъ оправдать свое участіе въ инквизиціи. Остается третій путь: признать въ извѣстныхъ предѣлахъ права современнаго научнаго мышленія и показать, что противорѣчія между нимъ и католическимъ міросозерцаніемъ покоятся на недоразумѣніяхъ. Наука имѣетъ свою компетенцію, но она не можетъ заполнить всего человѣческаго міросозерцанія: послѣднее не можетъ быть завершено безъ религіознаго элемента; но этотъ элементъ, поскольку онъ долженъ сохранять объективную истинность и незыблемость среди потока измѣнчивыхъ человѣческихъ сужденій и настроеній, данъ лишь въ католическомъ вѣроученіи. Эта точка зрѣнія господствуетъ въ современномъ католическомъ мірѣ: она легла въ основу организациі высшаго католическаго преподаванія, гдѣ происходитъ подготовка не только служителей церкви, но и представителей всевозможныхъ жизненныхъ профессій и общественныхъ интересовъ. Съ однимъ учрежденіемъ подобнаго рода, безспорно съ самымъ крупнымъ опытомъ дѣятельности церкви на поприщѣ высшаго образованія, мы и имѣемъ познакомить читателя.

Несмотря на свое исключительно благопріятное положеніе между Берлиномъ, Парижемъ и Лондономъ, Брюссель не принадлежитъ къ числу первоклассныхъ центровъ туристскаго движенія. Между тѣмъ лишній день, употребленный на остановку здѣсь, окупается съ избыткомъ. Передъ туристомъ встаетъ частичка старой Бельгіи; она откроется ему въ величественной и въ то же время обаятельно легкой ратушѣ, въ тяжелой золоченой рѣзбѣ гильдейскихъ домовъ, въ сокровищахъ фламандской живописи, среди которыхъ блистаетъ до сихъ поръ не поблекшій, полный жизни и мудрости Парацельсъ Рубенса. Не менѣе найдетъ онъ интереса въ новой Бельгіи — въ «народномъ домѣ», центрѣ бельгійскаго рабочаго движенія и кооперативной жизни, въ великолѣпномъ соціологическомъ институтѣ Сольвея и т. п. Если его утомитъ городъ, онъ можетъ съ наслажденіемъ провести нѣсколько часовъ въ неутратившемъ еще первобытной простоты Камбрскомъ лѣсу и даже черезъ него дойти до полей Ватерло, которыя и по сіе время сохраняютъ какое-то зловѣщее молчаніе и навѣваютъ чувство одиночества. Но впечатлѣнія туриста останутся несравненно ярче и пол-

нѣе, если онъ можетъ посвятить Бельгіи нѣсколько дней. Тогда онъ успѣетъ побывать и въ кипящемъ жизнью Антверпенѣ, и въ скромномъ провинціально-оживленномъ Гентѣ, и въ застывшемъ Брюгге, живущемъ лишь прошлой жизнью и такъ напоминающемъ маленькіе города Италіи. Если при этомъ у него останется хоть нѣсколько свободныхъ часовъ, онъ долженъ не забыть и Лувена—небольшого городка, лежащаго къ востоку отъ Брюсселя приблизительно на разстояніи часа ѣзды.

Почти при входѣ въ городъ ему откроется лувенская ратуша—самый идеально-чистый образецъ фламандской готики: ни одна линия, ни одна черта, несмотря на всю прихотливость, не нарушаетъ мотива, и зданіе встаетъ, какъ мажорный аккордъ изъ муниципальной жизни стараго Брабанта. Еще нѣсколько шаговъ, и онъ подходитъ къ массивнымъ строеніямъ лувенскаго католическаго университета. Въ этой части Лувенъ имѣетъ такой же «университетскій» видъ, какъ Боннъ и Оксфордъ; то же преобладаніе на улицахъ учащейся молодежи, физическое развитіе и довольство которой вѣроятно обратитъ на себя вниманіе русскихъ путешественниковъ. Но что здѣсь составляетъ особенность Лувена—это масса сутановъ, изобиліе костюмовъ католическихъ орденовъ различнаго цвѣта и покроя. Стѣны университетскихъ зданій украшены множествомъ католическихъ символовъ, но еще больше этихъ символовъ онъ найдетъ внутри университетскихъ стѣнъ, гдѣ они мирно стоятъ рядомъ съ предметами, которые въ нашемъ представленіи неразрывно ассоціировались съ научной мыслью и научными методами. Химическая лабораторія, осѣненная покровительствомъ Антонія Падуанскаго или святого Сердца—въ этомъ видѣ есть нѣчто неожиданное. Посѣтитель будетъ принятъ гостепріимно, и онъ почувствуетъ вокругъ себя атмосферу странную, но интересную, для болѣе отчетливаго опредѣленія которой стоитъ потратить время—и онъ не ошибется; лувенскій университетъ объяснить ему не одно его недоумѣніе не только относительно современной жизни Бельгіи, но и современной жизни Западной Европы.

Происхожденіе лувенскаго университета относится къ первой половинѣ XV вѣка. Герцогъ Брабантскій Іоаннъ IV, по словамъ источниковъ, обратилъ вниманіе на то, что нидерландское юношество принуждено искать образованія за границей, въ Парижѣ, Болоньѣ, Кельнѣ, такъ какъ на родинѣ у него нѣтъ высшаго учебнаго заведенія. Такое желаніе герцога, можетъ быть, основывалось не только на заботѣ о судьбѣ его подданныхъ: уже въ XIII в.

суверены начинают видѣть въ университетахъ лучшій памятникъ своей династической славы. Герцогъ Брабантскій обратился къ папѣ Мартину V съ обычной просьбой оказать покровительство устраиваемому учрежденію. При этомъ, по настоянію папы, герцогъ долженъ былъ предоставить университету собственную юрисдикцію и другія стороны автономнаго учрежденія, чему Іоаннъ IV не особенно симпатизировалъ, хотя это и входило въ обычай эпохи. Не лишены интереса мотивы, по которымъ остановились именно на Лувенѣ: тутъ приняты во вниманіе, если вѣрить источникамъ, и его климатъ, и плодородіе окружающихъ полей, и въ особенности мирный нравъ жителей, представляющій контрастъ съ необузданностью бруссельской молодежи.

Такимъ образомъ, университетъ былъ основанъ, и, естественно, его научная жизнь не осталась свободной отъ вліянія со стороны общаго гуманистическаго потока, проходившаго черезъ всю Европу. Эразмъ писалъ, что Лувенъ по своему научному значенію слѣдуетъ непосредственно за Парижемъ; число учащихся въ немъ достигаетъ 3000 человекъ и постоянно увеличивается. Однако новые приемы габсбургскаго абсолютизма отразились крайне неблагоприятно на автономной жизни университета; особенно рѣзкія столкновенія происходили у корпорацій съ герцогомъ Альбой, на насилія котораго университетъ принесъ даже формальную жалобу Филиппу II. Испанцы вообще не стѣснялись не только нарушать юридическія привилегіи университета, но и накладывать руку на его доходы; научное же значеніе Лувена было въ значительной степени ослаблено основаніемъ университета въ освобожденномъ Лейденѣ.

Въ XVII в. совершилось постепенно преобразование университета; онъ теряетъ свою автономію и ставится въ строгое подчиненіе правительственной власти; впрочемъ, эта бюрократизація до извѣстной степени смягчалась муниципальными вліяніями, вообще очень сильными въ Бельгіи: назначеніе профессоровъ зависитъ отъ лувенскихъ магистратовъ, на которыхъ падала часть издержекъ по университетскому бюджету. Война за испанское наслѣдство предастъ Лувенъ вмѣстѣ со всей Бельгіей австрійскому владычеству; новый режимъ еще болѣе, чѣмъ испанскій, стѣсняетъ университетскую самостоятельность. Особенную остроту приобрѣлъ конфликтъ при Іосифѣ II, который хотѣлъ окончательно преобразовать университетъ въ чисто государственное учрежденіе и вытравить изъ него традиціи провинціализма. Политика Іосифа II привела, какъ извѣстно, къ брабантской революціи, въ которой приняла участіе и университетская корпорація. Она имѣла удовольвленіе получить отъ Франца II возвращеніе стараго положенія, бывшаго до Іосифа,

но это удовлетвореніе не было продолжительно: скоро пришлось встрѣтиться съ болѣе серьезнымъ противникомъ, когда войска республиканской Франціи заняли Бельгію. Ордонансъ 1797 г. закрывалъ университетъ, преподаваніе въ коемъ, какъ было признано, противорѣчило основамъ новой республики. Французское правительство поступало такъ, какъ оно поступало со своими конгрегаціями: доходы университета были конфискованы и употреблены на опредѣленные общепользныя цѣли; впослѣдствіи и на Бельгію распространился режимъ государственной монополіи въ учебномъ дѣлѣ, который во Франціи ввелъ Наполеонъ.

«Счастливая перемѣна», которую такъ привѣтствовали бельгійскіе католики, освобожденные отъ наполеоновскаго владычества, отнюдь еще не означала возвращенія стараго права. Вѣнскій конгрессъ соединилъ Бельгію и Голландію; новое правительство при всей своей официальной ненависти къ безбожному французскому влиянію начало управлять совсѣмъ въ духѣ наполеоновскаго деспотизма. Декретъ 1816 г. учреждалъ три государственныхъ университета — въ Лувенѣ, Гентѣ и Льежѣ; все преподаваніе здѣсь происходило подъ строгимъ наблюденіемъ власти. Государственная монополія преподаванія разсматривалась въ Бельгіи католическими элементами въ высшей степени враждебно, для нихъ это было явнымъ нарушеніемъ религіозныхъ правъ: какъ иновѣрное правительство можетъ обезпечить воспитаніе будущихъ поколѣній въ духѣ католической церкви? И здѣсь совершается знаменательный поворотъ: церковь, первоначально требовавшая исключительнаго права руководить всѣми школами, постепенно ограничиваетъ свои притязанія свободой устраивать школы по усмотрѣнію. Она научается ссылаться не на свои привилегіи, а на присущее всѣмъ гражданамъ и ихъ соединеніямъ общее право. Такую позицію она заняла особенно послѣ того, какъ правительство закономъ 1825 г. ввело такъ называемые «философскіе колледжи» для подготовки духовенства и, опасаясь ультрамонтанскаго влиянія, безусловно закрыло доступъ въ клиръ ученикамъ иностранныхъ семинарій. Во главѣ движенія, противнаго такимъ притязаніямъ государства, стоялъ Жерлашъ, членъ генеральныхъ штатовъ, который указывалъ на нейтральный въ смыслѣ доктрины и исповѣданія характеръ государства: оно, признавшее равноправность культовъ, не можетъ дѣлать обязательнымъ какое-нибудь ученіе. Эти доказательства стояли въ несомнѣнномъ противорѣчьи съ протестами тѣхъ же самыхъ бельгійскихъ католиковъ противъ религіозной свободы, которую обѣщала конституція нидерландскаго королевства, но принять ихъ заставляла сила вещей.

Другой важный результат заключался въ сближеніи католической и либеральной оппозиціи. Ихъ естественно объединяла гегемонія голландскаго правительства; рядомъ съ религіозной противоположностью стояла національная и политическая. Король боялся проявленія ультрамонтанскаго духа и подчинялъ школу государственному надзору, но не менѣе онъ боялся настроеній и идей либеральныхъ и якобинскихъ, тлетворнаго вліянія Франціи: свобода прессы, судъ присяжныхъ, муниципальная самостоятельность—во всемъ этомъ ему мерещились призраки революціонной Франціи. Въ результатѣ министерскій абсолютизмъ, постоянное управление путемъ исключительныхъ законовъ и т. п. Постепенно это давленіе государственной власти смягчило первоначальное недовѣріе либераловъ и католиковъ; обѣимъ сторонамъ казалось, что общее право, обезпеченное отъ узурпаціи со стороны государства, можетъ быть выставлено въ качествѣ политической платформы: обѣ стороны равнымъ образомъ въ ней заинтересованы. Въ эту эпоху либеральный публицистъ Поттеръ горячо убѣждалъ своихъ политическихъ единовѣрцевъ забыть устарѣвшіе предразсудки и соединить свои усилія съ католиками. Если во Франціи и прежде въ самой Бельгіи либералы не были враждебны государственной системѣ образованія, исключавшей частныя школы, такъ какъ такая система спасаетъ школу отъ худшаго зла—порабощенія ея ультрамонтанствомъ, то теперь они готовы допустить здѣсь полную свободу, лишь бы не усиливать государственной власти, болѣе нетерпимой и деспотичной въ ихъ глазахъ, чѣмъ сама церковь. Такъ создался этотъ союзъ, въ высокой степени облегчившій успѣхъ бельгійской революціи 1830 г.

Цѣль сплоченія была достигнута: признано общее право; *Pacte fundamental* утверждалъ свободу преподаванія. Однако уже во время конгресса чувствовались признаки непрочности союза католической и либеральной оппозиціи, чувствовалось, что на почвѣ формальной свободы начнется ожесточенная борьба за то содержаніе, которое будетъ вложено въ нее.

Церковь не теряла времени, она спѣшила покрыть Бельгію сѣтью низшихъ и среднихъ школъ. Что касается до высшаго образованія, то здѣсь первоначально имѣлось въ виду лишь создать въ Лувенѣ богословскую академію. Замыслы Вандервельде, еп. гентскаго, шли дальше: онъ велъ агитацію среди бельгійскихъ епископовъ за то, чтобы на ряду съ богословскими факультетами были открыты и другіе, чтобы создалось настоящее *universitas studiorum*. Мысль была встрѣчена большимъ сочувствіемъ и среди бельгійскаго клира и въ Римѣ, а церковные доходы и притокъ пожертво-

ваній позволили ее осуществить. Въ 1833 г. папа Григорій XVI издалъ указъ объ основаніи католическаго университета въ Лувенѣ. Во главѣ его долженъ былъ стоять «rector magnificus», принадлежавшій къ высшему духовенству: его назначаетъ и увольняетъ корпорация бельгійскихъ епископовъ; профессора точно такъ же назначаются этой корпорацией по представленію ректора. Употреблено было все стараніе поставить новый университетъ въ возможно тѣсную связь съ высшей церковной іерархіей.

Естественно, что атмосфера въ этомъ университетѣ рѣзко отличалась отъ обычной академической; вотъ какъ ее характеризуетъ клерикальный панегиристъ лувенскаго университета. «Онъ имѣетъ свою собственную фізіономію—онъ есть жизненное, сознательное доказательство единства вѣры и науки. Ректоръ Лафорэ называлъ его школой, которая учитъ и вѣрѣ, и наукѣ. «Вполнѣ со всѣмъ почтеніемъ подчиняемся мы всѣмъ предписаніямъ католической церкви; мы знаемъ, что эти предписанія, вѣрное эхо слова Божьяго, суть нерушимое выраженіе истины. Мы изслѣдуемъ, какъ и другія школы, поле знанія свободно и добросовѣстно. Почему католическая вѣра могла бы служить препятствіемъ къ свободному и полному развитію знанія? Развѣ само знаніе имѣетъ какой-нибудь другой предметъ, какъ исканіе истины во всѣхъ сторонахъ бытія? Не есть ли наше учрежденіе самое блистательное доказательство возможности, легкости союза науки и религіи? Болѣе тридцати лѣтъ, какъ мы шествуемъ по этому пути». Такъ говорилъ Лафорэ въ 1865 г. «Теперь болѣе шестидесяти пяти лѣтъ, какъ мы шествуемъ по этому пути. Возможность университета, который учитъ одновременно вѣрить и познавать, доказана теперь на дѣлѣ».

Внѣшнее положеніе въ государствѣ было приобретено лувенскимъ университетомъ не безъ борьбы. Принципъ свободы преподаванія, параллельное существованіе государственныхъ и частныхъ школъ требовали созданія испытательныхъ комиссій, не состоящихъ изъ профессоровъ государственныхъ школъ, такъ какъ лишь при этомъ условіи можно было рассчитывать на ихъ безпристрастіе, и облеченныхъ правомъ выдавать дипломы. Законъ 1835 г. учреждалъ центральную экзаменаціонную комиссію въ Брюсселѣ изъ 7 членовъ; изъ нихъ 2 выбиралось палатой, 2—сенатомъ, 3—назначалось правительствомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливалось право всѣхъ представляться къ экзаменамъ и получать дипломъ, независимо отъ того, гдѣ и какъ кто учился. Результатъ системы однако былъ признанъ неудовлетворительнымъ: въ 1849 г. создали другую комиссію, въ которую входили поровну представители государственнаго и свободнаго преподаванія. Противъ этого порядка

возражала клерикальная партія: она требовала для своего университета того же права, которое принадлежало государственным университетамъ—права свободно выдавать степени и дипломы. Законъ 1876 г. значительно ихъ удовлетворилъ: отнынѣ академическіе дипломы могли выдаваться университетомъ какъ государственнымъ, такъ и свободнымъ или центральнымъ жюри, засѣдающимъ въ Брюсселѣ; но дипломы получаютъ юридическую силу и открываютъ путь къ государственной службѣ и профессіямъ лишь въ томъ случаѣ, если они рассмотрѣны и утверждены центральной комиссіей.

Великій переломъ 1884 г. въ парламентской жизни Бельгіи далъ преобладаніе католической партіи, которое она сохраняетъ до настоящаго времени. Послѣдніе слѣды государственной монополии были уничтожены, водворился режимъ «совершенной свободы», т.-е. фактической монополии церковныхъ школъ. Государство было весьма щедро на всевозможныя субсидіи этимъ школамъ; въ сущности говоря онѣ были ближе ея сердцу, чѣмъ государственныя. Не удивительно, что послѣднія ограниченія, которымъ подлежала выдача дипломовъ и степеней, снимались: отнынѣ даже прикладныя школы, какъ инженерная, состоящія при университетѣ, могли выпускать учениковъ съ такими же правами, какъ и государственныя.

По мѣрѣ того, какъ отношенія между либеральной и клерикальной партіями обострялись, лувенскій университетъ все болѣе и болѣе принималъ характеръ не только ученаго учрежденія, но и партійнаго центра. Со времени конгресса либеральной партіи 1846 г. представители ея и католики стояли другъ передъ другомъ, какъ борющіяся силы. Католики тоже начинаютъ организовывать конгрессы: въ Мехельнѣ они имѣли удовлетвореніе видѣть въ своихъ рядахъ вождя французской католической партіи гр. Монталамбера, который настоятельно убѣждалъ ихъ, какъ параллельно идутъ интересы свободы и интересы католической церкви. На этомъ же конгрессѣ была признана великая политическая роль, которую можетъ сыграть лувенскій университетъ. Изъ рядовъ его преподавателей вышли люди, какъ Шоллартъ, Тониссенъ и Делжуръ—видные дѣятели въ организаціи силъ католической партіи. Плоды ихъ работы католическая Бельгія пожала въ 80-хъ годахъ. Но надо отдать справедливость лувенскому университету: какъ учрежденіе, онъ не вступалъ на путь политики воинствующаго клерикализма, дѣйствуя лишь медленнымъ закрѣпленіемъ въ умахъ учащихся католическаго міросозерцанія. Когда побѣда была выиграна и въ палатѣ депутатовъ очутилось клерикальное большинство, новое правительство не оказалось неблагодарнымъ къ университету.

По внѣшности онъ оставался свободнымъ, но ни для кого не было тайной, что власть всячески поощряла его питомцевъ, что имъ предоставлялись всевозможныя преимущества на жизненномъ общественномъ пути и т. п. Какъ подъ формой свободы въ государствѣ возрождались гегемонія церкви, такъ и официальный государственный нейтралитетъ превращался въ привилегію. Впрочемъ, католики не выходили здѣсь за предѣлы конституціоннаго права, они выгодно отличались въ этомъ отношеніи отъ своихъ французскихъ собратьевъ съ ихъ любовью къ исключительнымъ законамъ и административному произволу. Это фактически привилегированное положеніе университета достаточно вознаграждало за отсутствіе государственныхъ стипендій (*bourses*) для его питомцевъ, подобныхъ тѣмъ, которыя существовали въ государственныхъ университетахъ—гентскомъ и льежскомъ.

Съ точки зрѣнія научной постановки преподаванія лувенскій университетъ представляетъ выдающійся интересъ. Прохождение курсовъ приурочено къ французской системѣ съ ея *licence* и *doctorat*, но семинаріи занимаютъ мѣсто, подобное тому, какъ въ нѣмецкихъ университетахъ; самыя кафедры многочисленны и разнообразны. При каждомъ факультетѣ есть особые спеціальныя курсы, образующіе цѣльныя группы; сюда входятъ и чистыя и прикладныя науки. Церковь одинаково заинтересована въ томъ, чтобы отнять у новѣйшаго знанія враждебный католицизму характеръ, и въ томъ, чтобы профессиональная дѣятельность въ обществѣ осуществлялась добрыми католиками. Къ юридическому факультету приурочены школы политическихъ и социальныхъ наукъ, школа коммерческихъ знаній и спеціальная школа для подготовки нотариусовъ. При философскомъ выдѣляется прежде всего *Institut supérieur de philosophie—école de S. Thomas d'Aquin*—спеціальная школа для изученія и разработки томистской философіи, основанная по личному плану Льва XIII. Послѣдній, какъ извѣстно, въ своей энцикликѣ *Aeterni patris* характеризовалъ философію Томы Аквинтскаго, какъ истинную и католическую *par excellence*. Во всѣхъ католическихъ странахъ сразу схватились за это средство религіознаго возрожденія: думали такимъ образомъ нанести ударъ философскому субъективизму и феноменализму, Юму и Канту. Съ точки зрѣнія вѣрующаго католика эти направленія болѣе губительны, чѣмъ откровенный матеріализмъ: кто сомнѣвается въ реальности внѣшняго міра, можетъ ли вѣрить въ догматъ пресуществленія? можемъ ли мы искренне признавать твореніе, какъ его признаетъ церковь? Школа томистской философіи имѣетъ цѣлый трехлѣтній курсъ. Обязательными и

основными предметами являются различныя части системы «англическаго доктора», затѣмъ каждый можетъ выбрать, какъ дополнительные, предметы, или физико-математическую или социальную-политическую группу. Къ философскому же факультету примыкаетъ лучшая въ Бельгіи школа восточныхъ языковъ. Естественный и медицинскій факультеты обставлены весьма богато: образцомъ этихъ учреждений можетъ служить основанный въ 1899 г. бактериологическій институтъ. При факультетѣ находятся агрономическій институтъ и высшая школа пивоваренія.

Но дѣятельность лувенскаго университета далеко не ограничивается курсами и практическими занятіями. Оживленная жизнь идетъ въ многочисленныхъ обществахъ, къ нему примыкающихъ, участіе въ которыхъ принимаютъ и учащіе и учащіяся. Сюда относятся литературное общество, общество фламандской литературы, общество соревнованія (*d'émulation*), имѣющее цѣлью развитіе въ учащихъ умѣніе говорить и спорить; юридическія общества, фламандское и валлонское, кружокъ для изученія социальныхъ и экономическихъ вопросовъ, общества агрономическія (опять фламандское и валлонское) и техническое.

Но съ католической точки зрѣнія подготовка чувства и воли есть нѣчто, еще болѣе важное, чѣмъ подготовка ума. Надо воспитывать активную религіозность—не только мистическую впечатлительность въ духѣ настроеній *Оомы Кемпійскаго*, но и рѣшимость проводить въ окружающую жизнь религіозныя начала. Не случайно самой сильной стороной въ католицизмѣ XIX в. является его социальный аспектъ. Вокругъ лувенскаго университета группируется много учреждений католической пропаганды и общественнаго воздѣйствія: конгрегация св. Венсена де-Поля ¹⁾, занимающаяся благотворительностью и проповѣдью—многіе студенты работаютъ въ ней; вечерняя школа для взрослыхъ, гдѣ учатъ студенты; общество св. *Оомы Аквинтскаго*, предназначенное распространять среди учащейся молодежи христіанскую нравственность и особенно цѣломудріе; конгрегация св. *Дѣвы*, заботящаяся особенно объ усердномъ соблюденіи обрядовъ католической церкви, устраивающая церковныя процессіи и т. п. Наконецъ, среди этихъ учреждений слѣдуетъ упомянуть общество для подготовки католическихъ миссіонеровъ въ бельгійскомъ Конго. Оно преслѣдуетъ цѣль бороться не только съ язычествомъ, но и съ рабствомъ въ Африкѣ; къ сожалѣнію, свѣдѣнія относительно режима, которому подвергаются туземцы Конго,

¹⁾ Т.-е. филиальное отдѣленіе этой конгрегации, которая распространена по всему католическому міру.

заставляют нѣсколько скептически смотрѣть на результаты этой стороны его дѣятельности.

Какъ совершается это слияніе католическаго міросозерцанія съ наукой, выработать которое ставить себѣ цѣлью лувенскій университетъ? Отвѣтъ на это мы можемъ отчасти найти въ многочисленныхъ отчетахъ о занятіяхъ въ семинаріяхъ, о засѣданіяхъ университетскихъ обществъ. Такъ, въ отчетѣ за 1901—1902 г. о философскомъ обществѣ мы встрѣчаемъ рефератъ доминиканца Муника, которой защищаетъ старое доминиканское ученіе ¹⁾ объ отношеніи вторичной причины къ своему дѣйствию и о формѣ связи между Божественной первопричиной и этой вторичной причиной. Рефератъ характеризуется словами: «double fête de l'esprit scientifique et philosophique». Другой референтъ посвятилъ свое соображеніе защитѣ «конечныхъ причинъ» и «специфическихъ природъ», какъ формъ бытія. Пренія по поводу реферата переносятъ насъ къ временамъ спора между реалистами и номиналистами; впрочемъ, категорія томистской философіи остаются для сочленовъ общества путеводными руководящими нитями. Однако не надо думать, что ими исчерпывались занятія философскаго общества; мы встрѣчаемъ здѣсь также обсужденіе вопросовъ эмпирической психологій, эстетики (напр., интересный рефератъ о будущемъ бельгійской архитектуры—возможности возрожденія въ ней «опшального» стиля).

Въ секціи соціальной философіи отчетъ сообщаетъ о рефератѣ по поводу «философіи радикализма»—естественно, рефератъ обличительнаго содержанія». «Излагая свой ученый этюдъ, нашъ другъ нашель достаточно сильныя и суровыя слова, чтобы заклеить, какъ она этого заслуживаетъ, эту утилитарную мораль, столь матеріалистичную и эгоистичную, несмотря на ея теоретическій альтуризмъ. Таковой она является, когда мы посмотримъ на человѣческую судьбу, на цѣль жизни съ христіанской точки зрѣнія. Развѣ мы здѣсь живемъ исключительно для наслажденія, а не для того, чтобы посвятить, отдать себя долгу? Должна ли быть у насъ единственная забота, подобно животнымъ, бѣжать отъ всякой неприятности, тщательно взвѣшивать въ точномъ балансѣ нашего эпикупейскаго самоулажденія наши ничтожнѣйшія удовольствія, ничтожнѣйшія страданія? Или должны мы съ мужествомъ и достоинствомъ переносить самыя тяжелыя испытанія, благословляя Провидѣніе, со-

¹⁾ Монашескіе ордена, какъ извѣстно, отличались не только своими моральными, но и отвлеченно-философскими воззрѣніями. Доминиканцы всегда держались ближе къ томизму, что отчасти объясняется принадлежностью Оомы къ этому ордену; наоборотъ, среди францисканцевъ пользовалась особымъ сочувствіемъ философія Дунса Скотуса.

здавшее въ его таинственной благодати разныя страданія для разныхъ возрастовъ жизни». Рефератъ аббата Бальтазара о «соціализмѣ въ Австраліи и Новой Зеландіи» (по поводу извѣстной книги Метэна), какъ бы отмѣчаетъ и сопоставляетъ трезвую реалистическую доктрину австралійской рабочей партіи съ необузданными мечтами Вандервельде, Ансееле и другихъ представителей этой столь антипатичной для питомцевъ лувенскаго университета бельгійской партіи. Естественно, что рефератъ Поля Неута о кризисѣ марксизма доставилъ тоже живое удовольствіе присутствующимъ. «Мы съ радостью услышали, какъ данныя статистики безповоротно доказываютъ паденіе выводовъ т. наз. «научнаго социализма». Ни желѣзный законъ заработной платы, ни законъ капиталистической концентраціи не могли выдержать провѣрки, которой ихъ подвергло время. Опытъ ихъ разсѣялъ, какъ вѣтеръ разсѣиваетъ облака, и К. Марксъ—отнынѣ лишь мертвый идолъ, съ котораго спала позолота и который на своемъ мнимомъ тронѣ терпѣливо ожидаетъ забвенія». Жгучій вопросъ о соціальныхъ послѣдствіяхъ французскаго закона 1901 г. противъ конгрегацій разсматривался аббатомъ Домономъ, который взывалъ къ слушателямъ, могущимъ, по его словамъ, облегчить участь французскихъ изгнанниковъ, переселяющихся въ Бельгію; естественно, референтъ обрисовалъ политику французскаго правительства въ самомъ отрицательномъ свѣтѣ.

Въ отчетѣ объ историческомъ семинаріи прежде всего останавливается большое число работъ по исторіи догмъ и ересей. Часто здѣсь историческая критика переходитъ въ чисто-богословскую, напримѣръ, въ изслѣдованіи о томъ, «не впалъ ли св. Кириллъ, полемизируя съ несторіанами, въ противоположное заблужденіе». Въ семинаріи по средневѣковой исторіи много работъ посвящено спору за инвеституру при Генрихѣ V—примѣнительно къ исторіи бельгійскаго епископата. Это—тема, которая даже съ точки зрѣнія послѣдовательно проведеннаго католическаго міросозерцанія отошла вполнѣ въ область исторіи; однако и здѣсь вся отвѣтственность за смуты, по мнѣнію референтовъ, должна падать на «императорскую партію». Въ ихъ изложеніи выходитъ, что вормскій конкордатъ 1122 г., возстановившій «гармонію священства и имперіи» былъ результатомъ успѣха «православной» партіи. Сурово порицается «схизматическое» льежское духовенство, которое въ своемъ посланіи выступило противъ папы Пасхалиса, раздувающаго повсюду гражданскую войну. Вообще, мы всюду видимъ у референтовъ стремленіе не только объяснять и изслѣдовать, но и оцѣнивать. Торжество теократической идеи является для нихъ тѣмъ зиждущимъ началомъ

западно-европейской истории, которое освящает ее отдельные процессы. Впрочем, отчего считать подобное понимание болѣе противорѣчающимъ современному научному мышлению, чѣмъ ортодоксально-протестантское или историко-націоналистическое, въ свѣтъ которыхъ Григорій VII подлежитъ столь же суровому осужденію, какъ непокорные нѣмецкіе императоры въ глазахъ послѣдовательнаго католика.

Было бы ошибочно представлять себѣ это высшее католическое преподаваніе въ Лувенѣ, какъ исключительно и грубо тенденціозное. Многія отрасли естествознанія, по отзывамъ людей, относящихся вообще безъ всякихъ симпатій къ католическому университету, поставлены, напротивъ, довольно высоко (повидимому, особенно биологическая группа). И даже въ области наукъ гуманитарно-общественныхъ техническіе приемы изслѣдованія признаны необходимыми орудіями научной работы, и въ преподаваніи имъ отведено видное мѣсто. Студентъ, захотѣвшій посвятить себя исторической подготовкѣ, унесетъ изъ лувенскаго университета цѣнные навыки критики источниковъ, онъ достаточно будетъ вооруженъ, чтобы самому производить научную историческую работу.

Но высшее католическое преподаваніе беретъ новые методы, такъ сказать, лишь какъ техническіе приемы: пользованіе ими принадлежитъ лишь низшимъ областямъ человѣческаго мышленія. Это преподаваніе допускаетъ критическіе приемы, но оно несочувственно относится къ критическому духу, какъ таковому; между тѣмъ, лишь одухотворенные этими послѣдними, частные методы получаютъ свою полную научную цѣнность. Если, такъ сказать, внѣшность научной работы сходна, то внутренніе ея мотивы у послѣдовательнаго католическаго изслѣдователя рѣзко отличаются отъ мотивовъ его свободомыслящаго собрата по области знанія. У перваго нѣтъ чувства, что научная разработка способна къ безконечному расширенію и углубленію; передъ его умственнымъ взоромъ ея поле всюду разграничено барьерами, и горизонтъ никогда не теряется изъ глаза. Его пониманіе науки по существу статическое; нѣтъ у него и стремленія опѣнить предѣлы научной области съ высоты теоретико-познавательнаго принципа. Высшей инстанціей, опредѣляющей права познанія, является все та же католическая догма; эта послѣдняя вовсе не ставитъ себѣ границей ту непереходимую демаркаціонную линію, которую критическій анализъ проводитъ между наукой и религіей.

Такъ, уже въ силу этой догмы вѣрующей католикъ обязанъ отвергнуть кантовское ученіе о времени и пространствѣ и эволюціонную теорію. Реставрація Фомы Аквинскаго и есть попытка

філософски оправдати эту догму, но такое філософское оправданіе невольню превращается само въ часть догмы.

Вся сила современной научной работы лежитъ въ неограниченномъ правѣ свободного критическаго изслѣдованія, правѣ не руководиться апріорными принципами тамъ, гдѣ возможно опытное доказательство или умозаключеніе изъ него, правѣ скептицизма. Такого права безъ оговорокъ не допускаетъ католическое міросозерцаніе, не допущено оно и въ Лувенѣ. И это совершенно понятно: такое допущеніе представляло бы рѣшительную психологическую невозможность. Сознаніе, что обладаешь абсолютной истиной, относительно которой невозможны никакія сомнѣнія, отнимаетъ стимулъ постояннаго исканія, и нѣтъ ничего менѣе католическаго, чѣмъ извѣстный афоризмъ Лессинга объ истинѣ и стремленіи къ ней. Вотъ почему, несмотря на блестящія матеріальныя условія, несмотря на высокое качество преподаванія отдѣльныхъ отраслей наукъ, лувенскій университетъ не разрѣшаетъ поставленной ему задачи: онъ не соединяетъ католицизма и науки, онъ даетъ людямъ, стоящимъ на незыблемо-католической почвѣ, извѣстные научные ресурсы; они представляютъ въ жизненной борьбѣ полную необходимость. Другой вопросъ: не являются ли и они разлагающимъ моментомъ для цѣльнаго католическаго міросозерцанія? Удержится ли долго барьеръ, отдѣляющій область, предоставленную свободному изслѣдованію вѣрующаго и область, гдѣ господствуетъ догматическая обязательность? Этотъ барьеръ не оставался неподвижнымъ, и сама католическая церковь, принимая различныя научныя истины, раньше ею отвергаемыя, допускала молчаливо его перемѣщеніе. Современная наука можетъ ли быть мыслима внѣ признанія свободы критическаго изслѣдованія? Эти вопросы часто поднимаются для католическаго сознанія, и обыкновенно ближайшимъ рѣшеніемъ бываетъ отсрочка всякаго рѣшенія, извѣстное перемиріе науки и церкви. Въ предѣлахъ естественнаго предвидѣнія трудно ожидать, что это перемиріе станетъ миромъ,—пока и современная наука, и современная католическая церковь останутся тѣмъ, чѣмъ онѣ по существу и духу есть. Рѣшеніе вопроса требуетъ не частныхъ уступокъ, а пересмотра устоевъ міросозерцанія.

Иезуитскій колледжъ воспиталь Вольтера, конгрегационная школа—Габріэля Тарда. Сколько «апостатовъ» вышло изъ лувенскаго университета? Ни одна статистика не дастъ намъ отвѣта на этотъ вопросъ. Мы можемъ сказать только одно: общественное мнѣніе католической Бельгіи пока довольно результатами преподаванія въ

лувенскомъ университетѣ: онъ въ ея глазахъ оправдалъ возлагавшія на него надежды и сдѣланныя затраты. Это сочувствіе даетъ всю ту духовную поддержку (не говоря о матеріальной), которая является незамѣнимой для «свободной школы» и которая открываетъ ей возможность такъ часто побѣждать бюрократическую государственную школу. Можно сказать, что лувенскій университетъ не заставилъ католиковъ отказаться отъ ихъ лозунга—свободы преподаванія, а напротивъ, утвердилъ его въ ихъ глазахъ, какъ и въ глазахъ ихъ противниковъ утвердилъ ихъ увѣренность, что «свобода преподаванія» еще отнюдь не означаетъ «свободнаго преподаванія». Трудно однако оспаривать, что безъ перваго почти невозможно второе. Католицизму не разъ, помимо своей воли, въ извѣстномъ противорѣчїи со своими принципами приходилось защищать начала свободы. Онъ дѣлалъ это въ интересахъ полновластія церкви, даже въ цѣляхъ подавленія чуждаго ему духовнаго строя, и все-таки его борьба содѣйствовала современному отдѣленію сферъ церкви и государству,—отдѣленію, которое съ принципиально-католической точки зрѣнія является совершенно неправильнымъ. Нужды нѣтъ, что начала свободы преподаванія во Франціи и Бельгїи пока пошла только на пользу католицизму, что въ этихъ странахъ «свободная школа» стала синонимомъ школы, которой руководить конгрегация. Двусмысленность лозунга не подрываетъ значенія великаго высказаннаго въ немъ принципа, который такъ легко забывается въ пылу современной борьбы воинствующей церкви и «свѣтскаго духа» (*esprit laïque*).

С. Мотляревскій.

В. С. Печеринъ.

(Продолженіе) ¹⁾.

VI.

Печеринъ оставилъ Россію въ іюлѣ 1836 г.; отнынѣ наши свѣдѣнія о немъ чрезвычайно скудны. Въ декабрѣ того же года Чижовъ—одинъ изъ его ближайшихъ друзей по Петербургу—получилъ отъ него письмо изъ Лугано: не открывая своихъ намѣреній, Печеринъ «заклиналъ» прислать ему 500, въ крайнемъ случаѣ хоть 200 руб. Вспоминая его рѣчи за послѣднее время, друзья догадывались, что онъ рѣшилъ навсегда покинуть Россію; въ отвѣтъ на его письмо четверо изъ нихъ (Чижовъ, Гебгардтъ, Полъновъ и Никитенко) послали ему 400 руб., по 100 руб. съ каждаго, для возвращенія въ Россію ²⁾ Какъ мы уже знаемъ, онъ не послѣдовалъ зову друзей: въ мартѣ слѣдующаго, 1837-го, года уже изъ Брюсселя онъ пишетъ приведенное выше письмо къ графу Строгонову, гдѣ ясно намекаетъ на свое рѣшеніе не возвращаться, и—очевидно, нѣсколько дней спустя—уже категорически сообщаетъ объ этомъ Чижову, прибавляя, что не созданъ для того, чтобы учить греческому языку, что чувствуетъ въ себѣ призваніе идти за своей звѣздой, а эта звѣзда ведетъ его въ Парижъ ³⁾. Въ ноябрѣ онъ уже опять былъ въ Швейцаріи, именно въ Цюрихѣ, гдѣ къ новому году долженъ былъ получить гражданство ⁴⁾. Натурализовавшись здѣсь, онъ, можно думать, прожилъ въ Швейцаріи два ближайшихъ года; по крайней мѣрѣ, въ августѣ 1839 года Погодинъ, знавшій его въ Москвѣ, напалъ на его слѣдъ въ Бернѣ, гдѣ Печеринъ, по его словамъ, незадолго до того содержалъ ка-

¹⁾ „Научное Слово“, 1904 г.

²⁾ Никитенко, *Дневникъ* I, стр. 376—377, подъ 23 дек. 1836 г.

³⁾ Ibid. 386, подъ 3 апрѣля 1837 г.

⁴⁾ Проф. Е. Бобровъ, *Литер. и просвѣщ.* I, стр. 150 (изъ письма Гравовскаго къ В. В. Григорьеву). Здѣсь же см. и дальнѣйшія указанія.

кую-то библиотечку; Погодинъ искалъ его по всей Европѣ, думая склонить къ возвращенію. Все это время Печеринъ вѣроятно очень бѣдствовалъ. Средствъ у него не было никакихъ; уже въ письмѣ къ Строгонову онъ писалъ, что обрекъ себя на безпріютную жизнь, нерѣдко грозящую голодной смертью; о томъ же свидѣлствуютъ такіе факты, какъ заемъ у друзей и содержаніе библиотечки въ Бернѣ. Онъ перебивался, повидимому, главнымъ образомъ уроками, и притомъ нищенскими—за полфранка, какъ сообщаетъ Чижовъ¹⁾, а одно время, въ 1838 или 1839 году, если вѣрить слуху, который передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Буслаевъ, жилъ учителемъ или гувернеромъ въ какой-то русской или иностранной семьѣ.

15 октября 1840 года по новому стилю, послѣ четырехлѣтняго скитанія по Европѣ, Печеринъ въ Saint-Trond, въ Бельгій, вступилъ въ монашескій орденъ редemptористовъ, конечно незадолго передъ тѣмъ принявъ католичество.

VII.

Намъ предстоитъ нелегкая психологическая задача—понять поступокъ Печерина, кажущійся на видъ чудовищнымъ и дикимъ. Какъ, проживъ до 33 лѣтъ въ полномъ равнодушіи ко всякой вѣрѣ, человѣкъ съ европейскимъ образованіемъ, богато одаренный для науки и поэзіи, съ отрочества проникнутый ненавистью ко всякому деспотизму,—какъ могъ онъ, во-первыхъ, съ жаромъ вдругъ предаться церкви и, во-вторыхъ, добровольно наложить на себя ярмо самой страшной тираніи, абсолютнѣе которой не существовало въ его время,—ярмо католическаго монашества? Не только мы,—и современники, знавшіе Печерина лично или по наслышкѣ, какъ Никитенко и Герценъ, были несказанно поражены, узнавъ, что онъ сталъ католическимъ монахомъ.

Изъ этого поступка прежде всего необходимо выдѣлнить тотъ моментъ, который по самому существу своему не поддается объясненію: это—фактъ пробужденія въ Печеринѣ религіознаго чувства. Искреннее обращеніе невѣрующаго къ вѣрѣ всегда есть тайна и чудо, и часто оно совершается въ душѣ человѣка, какъ чудо же, мгновенно. Такъ было и съ Печеринимъ. Катковъ однажды въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1863 г.) къ слову разсказалъ исторію его обращенія, и разсказъ этотъ, судя по совершенной точности остальныхъ свѣдѣній о Печеринѣ, заключающихся въ немъ²⁾, за-

1) *Русск. Стар.* 1899 г. XI, стр. 367.

2) Напр., о профессорствѣ Печерина, о его дѣятельности въ 60-хъ годахъ и пр.

служиваетъ полнаго довѣрія. Катковъ передаетъ, что обращеніе Печерина произошло въ Брюсселѣ подѣ влияніемъ одного случая, который глубоко его потрясъ. Будучи человѣкомъ безусловно невѣрующимъ, онъ однажды вошелъ въ католическую церковь, чтобы посмѣяться и покощунствовать, и затѣялъ богословскій споръ съ монахомъ-редемптористомъ; но монахъ разбилъ его доводы, поразили его несокрушимой твердостью своего убѣжденія и сумѣлъ пробудить въ молодомъ вольнодумцѣ религіозное чувство; результатомъ былъ переходъ Печерина въ католичество и вступленіе его въ орденъ редемптористовъ¹⁾. Таковъ внѣшній видъ чуда, случившагося съ Печеринимъ, и въ *эту* тайну мы не должны пытаться проникнуть.

Но если цвѣтокъ вѣры расцвѣтаетъ тайно, то почва, на которой онъ расцвѣтаетъ, доступна изученію. Какъ бы внезапно ни былъ переломъ, какой совершился въ Печеринѣ, онъ немислимъ безъ извѣстной психической подготовки: нѣтъ сомнѣнія, что онъ явился лишь заключительнымъ актомъ нѣкотораго постепеннаго перерожденія душевныхъ силъ. Наша обязанность — прослѣдить этотъ процессъ перерожденія, представляющій собою — какъ всякій сложный душевный процессъ — нерасчленимую смѣсь элементовъ безсознательныхъ и сознательныхъ.

Три основныя черты характеризуютъ міровоззрѣніе Печерина въ тотъ моментъ, когда онъ рѣшилъ навсегда оставить Россію, и это суть: во-первыхъ, страстная мечта о возрожденіи человѣчества для новой, свободной, прекрасной жизни и фанатическая ненависть ко всякому деспотизму, какъ главной помѣхѣ къ осуществленію этого идеала; во-вторыхъ, проистекающая отсюда глубокая ненависть къ Россіи, и въ третьихъ, непоколебимая вѣра въ свое высокое предназначеніе, которая при такомъ направленіи ума превращалась въ увѣренность, что ему, Печерину, суждено сыграть руководящую роль въ великой борьбѣ, что именно онъ введетъ народы въ царство свободы и красоты. Всѣ эти три черты явственно выступаютъ уже въ приведенномъ выше письмѣ Печерина къ Строгонову. Еще болѣе ясное выраженіе нашли онѣ въ поэмѣ Печерина «Торжество смерти», написанной вѣроятно въ 1837 году²⁾.

¹⁾ Повидимому, на этотъ случай намекаетъ и Огаревъ, говоря объ обращеніи Печерина: «*вышнее чудо* столкнуло его живого въ гробъ» (предисловіе къ сборнику русск. запрещенныхъ стихотв., стр. LXXVII).

²⁾ Напечатана въ упомянутомъ выше сборникѣ Огарева, стр. 308 — 331. Самъ Огаревъ относитъ ее къ 1837 или 1838 г., что вѣроятно и справедливо: указаніе нѣкоторыхъ рукописей, будто поэма написана «для февральскаго праздника 1834 г.», приходится отвергнуть уже потому, что въ то время, т.-е. въ началѣ заграничной командировки, настроеніе Печерина несомнѣнно не было такимъ, какое проникаетъ

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности ни привести ее здѣсь, ни даже изложить подробно; скажемъ лишь, что эта аллегорическая поэма, обнаруживающая мѣстами сильный поэтический талантъ, въ первой части изображаетъ «разрушеніе древней столицы»—столицы «Поликрата Самосскаго»: мстя за столѣтнія обиды, Немезида велитъ морскимъ волнамъ затопить твердыню тираніи, и столица исчезаетъ подъ водою при хорѣ народовъ, славословящихъ Немезиду; ее привѣтствуютъ между прочимъ и «пять померкшихъ звѣздъ»... Вторая часть представляетъ апоѳеозъ смерти: хоръ юныхъ народовъ поетъ гимнъ ей, какъ богу свободы, движенія, вѣчнаго преображенія, а на «древнихъ развалинахъ» стоитъ поэтъ, поющій свою предсмертную пѣснь; онъ поетъ о томъ, что «вся жизнь его—одно желанье, несбывшійся надежды сонъ», что въ его груди давно рѣбеть свѣтлая заря Россіи; его кровь смоетъ ея грѣхи, его смерть—залогъ ея обновленія; онъ умираетъ, но въ урочный день, «въ день славы», онъ прольется на Россію благодатной силой...

По этой бѣдной передачѣ читатель, конечно, не сумѣетъ оцѣнить того пламеннаго чувства, которымъ проникнута поэма Печерина: жгучую боль за поправленія свободу и достоинство человѣка, сладострастіе мести, упоеніе собственной мукой. Въ итогъ поэма выражаетъ вполне опредѣленную мысль и столь же опредѣленное чувство: Печеринъ твердо вѣритъ, что деспотизмъ въ мірѣ долженъ рухнуть и уступить мѣсто свободѣ; Россія осуждена безповоротно; свой долгъ въ отношеніи къ ней поэтъ видитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать торжеству общечеловѣческой идеи: только этимъ путемъ онъ можетъ ускорить и обновленіе своей родины. Какова она сейчасъ—она должна сгинуть вся: вмѣстѣ съ Поликратомъ тонетъ, хотя и проклиная его, весь народъ. Вотъ четверостишіе, подлинникъ котораго, относящійся, безъ сомнѣнія, къ этому же времени, мы нашли среди бумагъ Печерина:

Какъ сладостно отчизну ненавидѣть!
И жадно ждать ея уничтоженія!
И въ разрушеніи отчизны видѣть
Всемирнаго денницу возрожденія!

поэму. Притомъ, въ подстрочномъ примѣчаніи къ послѣдней Печеринъ говоритъ, что приводимую имъ здѣсь легенду о графинѣ Турнѣ ему рассказывалъ содержатель гостиницы въ Тешенѣ; но, уѣхавъ изъ Петербурга въ іюлѣ 1833 года, Печеринъ никакъ не могъ совершить поѣздки по Богеміи равнѣ гѣта слѣдующаго или даже 1835 года. Проф. Бобровъ (*Литер. и просвѣщ.* IV, стр. 289) справедливо указываетъ, что въ основаніи печеринской поэмы лежитъ довольно распространенное въ 30-хъ годахъ предсказаніе, что Петербургъ будетъ когда-нибудь поглощенъ моремъ; укажемъ, что въ томъ же сборникѣ Огарева помѣщено анонимное стихотвореніе на эту тему—„Подводный городъ“, стр. 224—226.

Въ этихъ словахъ — резюме «Торжества смерти» и цѣлое міровоззрѣніе. Что долженъ былъ пережить человѣкъ, чтобы быть въ состояніи написать такіе страшные четыре стиха! и что должно было пережить поколѣніе, изъ котораго онъ вышелъ! Въ этихъ строкахъ лежитъ ключъ къ пониманію Чаадаева и цѣлой полосы нашего умственного развитія.

Тридцать лѣтъ спустя Печеринъ, обманутый кругомъ и уже не монахъ, а просто католическій священникъ, тихо жилъ въ Дублинѣ при больницѣ, утѣшая страждущихъ, напутствуя умирающихъ и наполняя свой досугъ чтеніемъ, изученіемъ арабскаго языка, копированіемъ еврейской Библии. Тогда снова вернулась къ нему муза, подруга его юношескихъ лѣтъ; въ этихъ немногихъ стихотвореніяхъ онъ говоритъ все только о себѣ — о себѣ и о «незримой красотѣ», служенію которой была посвящена его жизнь, — и въ одномъ изъ нихъ онъ самъ разсказалъ, какіе замыслы одушевляли его въ то время, когда онъ рѣшалъ навсегда разстаться съ Россіей. Это стихотвореніе озаглавлено: «Иронія судьбы», и помѣчено: *Miltown park, 29-go сентября 1868 г.*¹⁾ Онъ говоритъ здѣсь о томъ, что мечты его гордой юности расплылись, какъ дымъ. Можетъ быть, родина чего-то ждала отъ него: вѣдь надъ его головой сіяла утренняя звѣзда; но его день затмила черная туча. И онъ продолжаетъ такъ:

Чья жъ вина? Вина ль Россія?
 Кто же станетъ мать винить!
 Не хотѣлъ я гордой выи
 Передъ матерью склонить!
 Нѣтъ! средь празднаго покоя
 Я не могъ внухомъ жить:
 Мнѣ хотѣлось подъ грозою
 Новый слѣдъ себѣ пробить.
 „Вотъ онъ, рыцарь благородный!
 Несравненный Донъ-Кихотъ!
 Онъ поэтъ! онъ вождь народный!
 Онъ отечество спасетъ!
 „Всѣ вѣнцы ему готовы
 И науки, и любви.
 О гряди жъ! и жизнью новой
 Ветхій міръ нашъ обнови!“

¹⁾ Въ 1885 году въ библіотеку моск. университета чрезъ русскаго генер. консула въ Лондонѣ неизвѣстно отъ кого поступило нѣсколько ящичковъ съ книгами В. С. Печерина. вмѣстѣ съ книгами получена была и папка, въ которой оказалось нѣсколько рукописныхъ, доселѣ не напечатанныхъ стихотвореній Печерина и разныя другія бумаги, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. За любезное сообщеніе этихъ цѣнныхъ матеріаловъ принишу глубокую благодарность г. библіотекарю моск. университета Д. Д. Языкову.

Мефистофель громкимъ смѣхомъ
 Оглашаетъ сводъ небесъ:
 „Рыцарь! вѣрь своимъ доспѣхамъ!
 Время настаетъ чудесъ!
 „Видишь? исполнишь ужасный!
 Отъ него избавь ты свѣтъ!
 Зазвучитъ изъ устъ прекрасныхъ
 Сладостный тебѣ привѣтъ.
 „Узниковъ разбей оковы,
 Правду всюду воцари,
 Твердою рукой основы
 Новыхъ царствій положи!
 „Ветхая система міра
 Ужъ отъ дряхлости падетъ;
 Вспрянь, поэтъ, и твоя лира
 Новый міръ для насъ найдетъ!“

Это — не поэтическая гипербола; мы видѣли, то же самое онъ писалъ Строгонову, извѣщая его о своемъ рѣшеніи остаться за границей: имъ владѣетъ слѣпое, непоколебимое, фанатическое убѣжденіе (онъ не писалъ—какое, но мы знаемъ это), и онъ носить въ сердцѣ глубокое предчувствіе своей великой судьбы; настало время чудесъ, и чудо свершится чрезъ него — тому залогъ сѣмена великихъ идей, брошенные Провидѣніемъ въ его душу.

Эти великія идеи дѣйствительно были лучезарны и возвышенны. Ихъ исходной точкой была торжественная вѣра въ человѣка, въ его божественную красоту и высокое призваніе. Въ мірѣ есть одно достойное вниманія, и это человѣкъ. Когда Печерину приходится говорить объ археологіи, онъ не въ силахъ сдержать своего лиризма. Открывать въ вещественныхъ остаткахъ древности слѣды древнихъ идей— вотъ важная задача археологіи, вотъ благородная цѣль, къ которой она стремится. «Мы по какому-то невольному, непобѣдимому влеченію углубляемся въ эти темныя времена отдаленной древности: эти изслѣдованія имѣютъ для насъ особенную прелесть—почему? потому что на каждомъ шагѣ мы встрѣчаемъ то, что всего болѣе насъ занимаетъ — человѣка. И сіе благородное стремленіе не есть тщеславное себялюбіе, нѣтъ! это похвальная гордость ума, который жадно ищетъ самого себя въ остаткахъ угасшихъ поколѣній и вездѣ, гдѣ только возможно ихъ проявленіе; который хочетъ возсоздать свои собственныя лѣтописи и доказать, что онъ постоянно пребылъ вѣренъ себѣ самому и божеству, наложившему на него печать своего величія» ¹⁾. Эти слова о божественной печати на челѣ

¹⁾ Энциклопедич. словарь Плюшара, т. III, Слб. 1835 (ценз. пом. 1 дек. 1835 г.), стр. 251—255, ст. *Археологія* за подписью: В. С. Печеринъ.

человѣка Печеринъ повторяетъ спустя два года въ письмѣ къ Строгонову. Никакая красота въ мірѣ не можетъ насытить его души, кромѣ красоты человѣка, достойнаго этого имени; когда въ Неаполѣ Солнце, указывая ему на царственную красу волнъ, призываетъ его воспѣть величіе естества, поэтъ отвѣчаетъ:

Океанъ блеститъ отъ вѣка
Тою же красой:
Скучно! дай мнѣ человѣка
Съ бурною душой ¹⁾!

На этой почвѣ сложилась жизненная мечта Печерина: это была мечта объ осуществленіи потенціальной красоты человѣка, о водвореніи на землѣ царства разума, справедливости, радости и изящества,—та самая мечта о «гармоніи», которая во всѣ времена жгла сердце художниковъ и учителей человѣчества, то неутолимое «желаніе лучшаго міра», о которомъ, вслѣдъ за Шиллеромъ, пѣлъ Печеринъ уже въ юношескіе годы. Мы видѣли, что изъ этой всеобъемлющей идеи въ умѣ Печерина рано выдѣлилась и стала на первое мѣсто болѣе узкая и болѣе опредѣленная мечта—объ освобожденіи человѣчества отъ деспотизма; но она никогда не застала ему того юношескаго идеала. Выходя на подвигъ, онъ собирался не только разбить оковы узниковъ, но и воцарить всюду правду, и еще много лѣтъ спустя онъ упорно свидѣтельствовалъ: «За *небесныя* мечтанія я земную жизнь отдалъ...»

VIII.

Съ такими-то мыслями и стремленіями явился Печеринъ въ западную Европу. Мы, *post factum*, заранѣе видимъ, что онъ былъ вдвойнѣ обреченъ року за свое двойное безуміе: онъ вѣрилъ, что чудо близко и что оно свершится чрезъ него. Можетъ быть, онъ и самъ въ глубинѣ души предвидѣлъ это, и все-таки онъ пошелъ туда, куда посылалъ его «грозный голосъ его Бога», съ полнымъ сознаниемъ отречься отъ всего, за что такъ цѣпко держатся люди: отъ обезпеченнаго куска хлѣба, опредѣленнаго общественнаго положенія, родины, родныхъ и друзей. Его отецъ и мать были

1) *Отрывки изъ путешествій доктора Фусслера, Моск. Набл. 1835 г., ч. V, стр. 362.* Эта статья, подписанная инициаломъ П..., несомнѣнно принадлежитъ перу Печерина: въ нее вставлены два стихотв., несомнѣнно принадлежащія ему, именно 1) пѣсня о графинѣ Турнь, перенесенная имъ потомъ въ „Торжество смерти“, и 2) „Римскіе вечера на Monte Pincio“, подлинную рукопись котораго мы нашли среди бумагъ Печерина.

живы (они на много дѣтъ пережили и его переходъ въ католичество), а онъ былъ единственный сынъ.

Онъ кажется намъ безумцемъ со своими двумя вѣрами; но въ ту эпоху на Западѣ было много такихъ, какъ онъ. Это было удивительное время. Раціоналистическая философія XVIII вѣка разрушила всѣ старыя вѣрованія и объявила абсурдомъ всякое метафизическое исканіе; но потребность обобщающаго принципа не могла быть истреблена въ людяхъ, и когда разсѣялся угаръ великой революціи, мыслящая часть общества увидѣла себя въ пустынь безъ вожатая. Глубокая меланхолія овладѣла первыми поколѣніями XIX вѣка; они задыхались въ атмосферѣ матеріалистическихъ абстракцій, лишенныхъ объединяющаго начала и отрицавшихъ права сердца; «что дѣлать и что любить среди непостоянства принциповъ» — этотъ вопросъ терзалъ лучшіе умы. И вотъ постепенно обнаруживается глубокая реакція противъ философіи просвѣщенія — противъ критики въ пользу догмата, противъ сенсуализма въ пользу идеализма: приблизительно съ 1820 года европейскимъ обществомъ овладѣваетъ страстная жажда цѣльнаго идеалистическаго міровоззрѣнія. А съ этимъ теченіемъ, взаимно оплодотворяя другъ друга, слилось другое: обусловленное естественнымъ ходомъ соціально-экономическаго развитія возникновеніе соціального вопроса. Эти два теченія и опредѣлили характеръ эпохи: она стала эпохою вѣры и утопій. Что для насъ особенно важно отмѣтить, это — ея глубоко-идеалистическое направленіе. То была заря европейскаго социализма, и здѣсь, въ своей первой стадіи, онъ выступалъ въ неразрывной связи съ высшими проблемами челоѣческаго духа, — черта, уже совершенно чуждая научно-практическому социализму Прудона, Лассаля и Маркса. Таковъ былъ духъ времени; вспомнимъ, что въ эту эпоху даже чисто-политическія движенія выступали подъ религіознымъ знаменемъ, — вспомнимъ Маццини и «молодую Италію» съ ихъ лозунгомъ: «Богъ и народъ».

Исторія не знаетъ другого періода, когда въ столь короткій промежутокъ времени было бы создано такое большое количество столь универсальныхъ и столь догматическихъ ученій и когда бы эти ученія воспринимались съ большимъ энтузіазмомъ и болѣе слѣпой вѣрою. Оуэномъ въ Англіи и Сень-Симономъ во Франціи начинается длинный рядъ великихъ и малыхъ идеологовъ, изъ которыхъ каждый выступалъ съ законченной системой, содержащей категорическіе отвѣты на всѣ жгучіе вопросы — отъ религіозныхъ до экономическихъ, и всѣ они имѣли задачей исцѣлить язвы челоѣчества, всѣ были твердо увѣрены, что наступилъ часъ, когда рай долженъ водвориться на землѣ. И такъ сильны были въ обществахъ

потребность вѣры и чувство уродливости социальнаго строя, что, какъ бы наивна ни была утопія—она находила фанатическихъ сторонниковъ, энтузіазмъ которыхъ намъ кажется часто дикимъ и непонятнымъ, какъ бредъ умалишеннаго.

Печеринъ попалъ за границу въ самый разгаръ этой идейной оргіи. Нѣсколько хронологическихъ указаній могутъ дать представленіе о характерѣ пятилѣтія 1836—1839 гг. Въ 1832 году распалась сень-симоновская школа; на смѣну ей явился фурьеризмъ; въ 1836 году его апостоль, Консидеранъ, издалъ свою «Destinée sociale», и въ этомъ же году начала выходить «La Phalange»; въ 1838 году вышелъ «Essai sur l'Egalité» Пьера Леру, въ 1840 году выйдетъ книга Кабэ; уже давно проповѣдовавшаго свои «икарійскія» идеи. Въ это же самое время энергично возобновляютъ свою дѣятельность коммунисты, широкой пропагандой возбуждающіе возстаніе 1839 года, и въ лицѣ Луи Блана впервые формулируетъ свои требованія социализмъ, вскорѣ находящій себѣ болѣе мощнаго глашатая въ Прудонѣ (Qu'est-ce que la Propriété—1840 г.). Вскуду—и не въ одной только Франціи—сотни явныхъ и тайныхъ обществъ готовились приступить къ немедленному осуществленію каждое своего евангелія; безчисленные журналы, брошюры, летучіе листки съ пламеннымъ энтузіазмомъ пропагандировали идеи социальнаго обновленія, и тысячи, можетъ быть десятки тысячъ людей въ экстазѣ протягивали руки навстрѣчу восходящему солнцу всемірнаго равенства, свободы, благоденствія. И всѣ эти реформаторы и ихъ послѣдователи были твердо убѣждены въ своей трезвости, въ совершенной практичности и осуществимости своихъ утопій: Фурье до самой смерти (1837 г.) ежедневно въ полдень ждалъ въ своей квартирѣ миллионера, который далъ бы ему средства для осуществленія его системы; Кабэ ѣдетъ въ Иллинойсъ устраивать икарійскую республику, фурьеристы создаютъ фаланстеръ въ Техасѣ и т. п.

На этомъ фонѣ Печеринъ перестаетъ казаться безумцемъ, какимъ онъ непременно долженъ былъ представляться своимъ русскимъ знакомымъ—Погодину или Никитенкѣ. Здѣсь такихъ, какъ онъ, было много,—вѣрившихъ, что настало время чудесъ.

На первыхъ порахъ это должно было окрылить его. Въ этой атмосферѣ, насыщенной утопическими идеями, его вѣра въ близкое обновленіе жизни должна была превратиться въ увѣренность: то, о чемъ онъ только мечталъ, здѣсь на всѣхъ перекресткахъ провозглашалось умнѣйшими, талантливѣйшими, лучшими людьми, какъ историческій законъ, какъ неизбѣжная, безусловно осуществимая формула, и онъ воочию могъ видѣть, какъ люди переходятъ отъ мечтаній къ дѣлу, въ подробностяхъ обсуждаютъ планъ новой веси

и то тамъ, то сямъ подъ руководствомъ все обдумавшихъ зодчихъ уже приступаютъ къ ея созиданію.

Естественно, что онъ долженъ былъ примкнуть къ одной изъ группъ, занятыхъ этимъ дѣломъ, ибо какъ иначе могъ онъ надѣяться увидѣть исполненной свою мечту о лучшемъ мірѣ—онъ, бѣдный, одинокій и неизвѣстный? Мы видѣли, «его звѣзда вела его въ Парижъ», въ главную лабораторію утопическихъ плановъ и предпріятій, а И. С. Аксаковъ прямо говоритъ, что по отъѣздѣ за границу Печеринъ вначалѣ «увлекся крайними теоріями европейскихъ революціонеровъ»¹⁾; но мы должны были бы съ увѣренностью предположить это и безъ прямыхъ свидѣтельствъ.

Къ какой группѣ (или, что вѣроятнѣе, къ какимъ группамъ попеременно) примкнулъ Печеринъ, какую роль игралъ онъ здѣсь и какіе горькіе уроки вынесъ изъ этого опыта,—намъ ничего неизвѣстно. Но наиболѣе существенные итоги нетрудно вывести а priori; это—прежде всего разочарованіе въ скорой осуществимости идеала и сознаніе, что осуществить его тѣми средствами, къ какимъ прибѣгали утописты, невозможно: громада оказывалась слишкомъ косной, чтобы можно было передвинуть ее къ высшей цѣли бытія пламенными воззваніями, устройствомъ фаланстера или даже революціей. Сюда присоединялось еще, быть можетъ, разочарованіе въ самихъ учителяхъ и апостолахъ обновленія, въ тѣхъ людяхъ, съ которыми онъ думалъ заодно потрудиться во славу своего Бога; ихъ слабость, суетность, склонность къ патетической фразѣ и мѣстничеству должны были глубоко оскорбить его,—не даромъ онъ под старость такъ презиралъ французскій характеръ. Этого мало: обманута была еще другая мечта Печерина, и эта рана жгла, можетъ быть, всего больнѣе. Онъ явился на Западъ съ непоколебимой вѣрой въ свое исключительное призваніе: это онъ долженъ былъ указать народамъ путь къ всемірному счастью, и его ждала бессмертная слава въ вѣкахъ. Прошли четыре года—что же онъ видѣлъ теперь, оглядываясь на пройденный путь? Онъ не только не обновилъ міра и тѣмъ терялъ права на бессмертіе, но онъ видѣлъ вокругъ себя немалое число людей, въ такой же мѣрѣ, какъ онъ, считавшихъ себя исключительно избранными на дѣло обновленія жизни, такъ что оказывалось, что одни не желаютъ признать его пророкомъ потому, что равнодушны ко всякимъ вообще великимъ идеямъ, другіе потому, что сами, подобно ему, чувствуютъ въ себѣ сѣмена великихъ идей, сознаютъ себя пророками.

Положительный Чижовъ, посѣтившій Печерина въ монастырѣ

¹⁾ *День* 1865 г., № 29.

редемптористовъ въ августѣ 1842 года, такъ съ его словъ, но въ отвратительномъ ироническомъ тонѣ изображалъ итогъ его четырехлѣтней заграничной жизни до момента обращенія въ католичество ¹⁾: «Обстоятельства и самолюбіе воспитали въ немъ страсть къ дѣятельности. За нею онъ бросался всюду, и не справляясь съ своими силами, поднимая на плечи тяжести, налагаемыя не убѣжденіемъ, а безпредѣльно высокимъ понятіемъ о себѣ и низкимъ— о людяхъ, онъ падалъ подъ ними на каждомъ шагѣ. Разумѣется, по общему порядку вещей, вездѣ виноваты были люди, одни за то, что при его появленіи не подняли знамя свободы и не провозгласили его своимъ диктаторомъ, другіе за то, что при первомъ его словѣ не сдѣлали его представителемъ европейской учености и не разослали объявленія по всему міру, какъ о Пикѣ Мирандолійскомъ, а преспокойно заставили учить за $\frac{1}{2}$ франка, и то снисходя къ его бѣдности. Сквернавцы люди цѣнятъ только то, что приносить имъ существенную, нравственную или физическую пользу, и не вѣрятъ на слово».

И вотъ онъ стоялъ среди чуждой ему жизни, какъ прежде нищій, неизвѣстный и одинокій, и уже безъ тѣхъ надеждъ, которыя одушевляли его въ минуту разставанія съ Россіей. При обычныхъ условіяхъ ему оставался теперь одинъ выходъ: явно или за ширмой науки примириться съ существующимъ строемъ жизни, какъ это сдѣлало большинство его сверстниковъ на Западѣ. Но мечта о «новомъ мірѣ»—мы увидимъ это дальше—продолжала упорно владѣть имъ; онъ вынесъ ее невредимой изъ кораблекрушенія всѣхъ надеждъ и теперь, какъ раньше, могъ жить только въ непрестанной борьбѣ за ея осуществленіе. Всѣ испробованныя оружія оказались непригодными для борьбы; въ эту минуту его окликнула католическая церковь и протянула ему на побѣду *свое* оружіе—крестъ.

IX.

Тридцатые годы были эпохой блестящаго возрожденія католической церкви на Западѣ, внѣшняго и внутренняго. Этому возрожденію способствовали разнообразныя причины, но главною было то настроеніе умовъ, о которомъ мы говорили выше: та самая волна, которая выбросила на поверхность такое большое количество соціальныхъ утопій, подняла на небывалую высоту и старый католицизмъ. Люди алкали вѣры, притомъ такой, которая общала

¹⁾ Письмо къ Некитенкѣ отъ 29 авг. 1842 г., *Русск. Стар.* 1899, XI, стр. 367.

бы обновленіе жизни: развѣ не таково ученіе Христа? А вмѣстѣ съ тѣмъ и самый католицизмъ обновился въ духѣ времени: съ одной стороны, онъ перешагнулъ пропасть, отдѣлявшую его отъ образованнаго общества, во всеуслышаніе заявивъ страстный интересъ къ наиболѣе жизненнымъ вопросамъ, какіе волновали это общество, и взявъ подъ свою защиту многія изъ его наиболѣе прогрессивныхъ требованій; онъ протягивалъ руку наукѣ, онъ требовалъ свободы совѣсти, слова, ассоціацій и преподаванія, наконецъ въ лицѣ Ламеннэ онъ освящалъ социализмъ, и о чемъ бы онъ ни говорилъ, его языкъ былъ свѣтскій и просвѣщенный, чуждый обскурантизма и схоластики. Съ другой стороны, онъ заявлялъ притязаніе уже не только на руководство одной, специальной областью личной и общественной жизни: онъ властно требовалъ подчиненія себѣ всей социальной жизни съ ея жгучими вопросами и противорѣчіями, потому что только онъ изъ своего неизблемаго, божественнаго принципа въ состояніи рѣшить эти вопросы и тѣмъ спасти человѣчество отъ конечной гибели.

Именно это притязаніе, опиравшееся на авторитетъ Христа и на тысячелѣтнее славное прошлое католицизма, составляло главную силу католической пропаганды; именно оно привело тогда въ церковь столько искреннихъ и образованныхъ людей и собирало сливки парижскаго общества въ двѣ и три тысячи человѣкъ на проповѣди Лакордера, Равиньона и Дюпанлу. Умный и просвѣщенный наблюдатель, Брольи, такъ объяснялъ поразительный успѣхъ проповѣдей, которыя читалъ Лакордеръ въ 1835 году въ *Nôtre-Dame*: «Французы пользовались полною свободой и полнымъ покоемъ, а (между тѣмъ) чувствовалась тревога за собственные интересы, воображеніе было болѣзненно настроено. Благородные инстинкты, стремленія къ безконечности, отъ которыхъ не можетъ освободиться ни одна человѣческая душа, не знали, на что опереться при разложеніи общественныхъ вѣрованій. Именно эти чувства привлекали къ подножію кафедръ, съ которой говорилъ Лакордеръ, большую часть приходившихъ его слушать и поднимавшихъ на него свои глаза съ смутной надеждой облегченія. Этотъ священникъ былъ сынъ новаго вѣка, и онъ по общему впечатлѣнію еще любилъ этотъ вѣкъ. Онъ раздѣлялъ иллюзіи времени, пойметъ ли онъ его страданія? Сумѣетъ ли онъ назвать, сумѣетъ ли онъ излѣчить неизвѣстное зло? Лакордеръ думалъ, что онъ можетъ, и хотѣлъ сдѣлать попытку; въ этомъ была сила и привлекательность его проповѣдей. Въ его глазахъ болѣзнь имѣла свое имя и свою причину, которую онъ опредѣлялъ въ двухъ словахъ: старое общество погибло, такъ какъ оно изгнало Бога; новое страдаетъ, такъ какъ Богъ не-

достаточно вошелъ въ него. Средство одно—ввести Бога въ это новое общество» ¹⁾).

Этотъ самый Лакордеръ, ставшій однимъ изъ столповъ правобѣрнаго католицизма, въ молодости былъ адвокатомъ и держался тогда вполне рационалистическихъ идей; позднѣе онъ самъ свидѣтельствовалъ, что былъ приведенъ къ вѣрѣ своими общественными убѣжденіями: онъ созналъ, что только христіанская религія можетъ привести общество къ совершенству. Драгоценное для насъ показаніе: вотъ мостъ, которымъ католицизмъ соединялся съ социальными утопіями эпохи, по которому прошли въ церковь Бюшэ и столько другихъ провозвѣстниковъ социальнаго обновленія. Церковь у выхода встрѣчала каждаго отчаявшагося мечтателя и говорила ему: твоя мечта о лучшемъ мірѣ—мое *дѣло*; ты убѣдился, что человѣческими средствами ее осуществить невозможно, я же обладаю небеснымъ оружіемъ; войди и попробуй! И они входили толпами, такъ что, наприимѣръ, о сен-симонизмѣ Свѣчина справедливо могла сказать, что онъ сталъ какъ бы резервуаромъ, откуда Господь беретъ своихъ избранниковъ.

Чтобы представить наглядную картину того душевнаго процесса, который превращалъ утописта въ вѣрующаго католика, я расскажу вкратцѣ исторію обращенія основателя духовнаго ордена ресуррекціонистовъ, Богдана Яньскаго ²⁾).

На два года старше Печерина, питомецъ варшавскаго университета, онъ въ 1827 году, подобно Печерину, былъ посланъ за границу для приготовленія къ университетской каедрѣ. Въ Парижѣ онъ познакомился съ сен-симонизмомъ, отдался ему со страстью и быстро занялъ видное мѣсто въ сен-симонистской іерархіи, такъ что въ 1830 году былъ отправленъ съ важнымъ порученіемъ въ Англію—для переговоровъ съ Р. Оуэномъ. Онъ былъ въ это время человѣкомъ безусловно невѣрующимъ.

Въ Лондонѣ созрѣло въ немъ рѣшеніе отдать свою жизнь дѣлу обновленія міра. «Миръ прошлому,—писалъ онъ въ дневникѣ,—покидаю васъ навсегда, мои прежнія мечты, кумиры моей минувшей молодости. Не для меня ученые титулы и слава на родинѣ, не для меня веселье въ кругу гулякъ, поцѣлуй блудницы, свѣтскія забавы, приманки роскоши. Мертвые храмы людей уже слишкомъ тѣсны для меня. Хочу жить въ святилищѣ великаго Бога, и въ

¹⁾ Цитир. по: С. А. Котляревскій, *Ламеннэ*. М. 1904, стр. 364.

²⁾ Его біографія и обширныя выдержки изъ дневника и писемъ—въ *Historya zgrupowania Zmartwychstania Pánskiego* Павла Смоликовскаго, т. I, Краковъ, 1892. Года два назадъ краткую біографію Яньскаго далъ проф. А. А. Кочубинскій въ своихъ матеріалахъ для біографіи Гоголя въ *Вѣсти. Евр.*

него, въ этотъ всеобъемлющій храмъ, я долженъ призвать все человѣчество». Онъ съ юныхъ лѣтъ считалъ себя избранникомъ и твердо вѣрилъ въ свою исключительную миссію и свое могущественное вліяніе на людей.

Тотчасъ затѣмъ его мысль принимаетъ слѣдующее направленіе (передаю приблизительно слова его дневника): я ношу въ себѣ великое единство, полное познаніе котораго осчастливить родъ человѣческій; человѣчество страдаетъ, оно ждетъ отъ меня спасенія, значить всѣ мои помыслы должны быть обращены на это дѣло, я долженъ быть силенъ и полонъ энергіи. Откуда же во мнѣ эти припадки слабости и апатіи, это мятеніе духа и разладъ между дѣломъ и сознаниемъ? Развѣ недостаточно простого обращенія мыслью къ моему Богу, Богу будущаго, одного воспоминанія о моей миссіи, чтобы успокоить мой духъ, упорядочить и осмыслить мою жизнь? Мой первый долгъ—внести единство и гармонию въ мою ежедневную жизнь, такъ, чтобы каждое мое чувство, каждая мысль и поступокъ являлись точной манифестаціей моего органическаго чувства. Я долженъ искоренить всѣ злыя наклонности и предрасудки, порожденные во мнѣ моимъ прошлымъ, долженъ страшиться мыслей и дѣйствій, не проникнутыхъ моею вѣрою, долженъ быть въ каждую минуту весь живой, весь религіозный.

Но какъ трудна была эта задача! Янскій дѣлаетъ героическія усилія, многократно заранѣе опредѣляетъ свое поведеніе на нѣсколько дней впередъ, и каждый разъ потомъ съ отчаяніемъ убѣждается, что уже въ тотъ самый день суетностью, равнодушіемъ или какимъ-нибудь другимъ «антирелигіознымъ» актомъ погрѣшилъ противъ своего Бога. Эта безпрестанная смѣна подъемовъ и паденій, экстаза и безнадежности изнуряетъ его до крайней степени.

Въ такомъ состояніи онъ въ началѣ 1831 года возвращается въ Парижъ, въ сен-симонистскую «фамилію». Съ братьями сен-симонистами онъ не говоритъ о своихъ мукахъ: «Неслыханныя страданія! и ни передъ кѣмъ я не могу открыть своего сердца!» Въ это время разыгрывалось польское возстаніе, и его печальный исходъ вызвалъ переворотъ въ Янскомъ: онъ упрекаетъ себя за равнодушіе къ родинѣ и рѣшаетъ обратиться къ дѣятельности между поляками-эмигрантами. Всѣ его помыслы по-прежнему принадлежатъ человѣчеству, которое ему предназначено ввести въ храмъ великаго Бога, но онъ рѣшаетъ, что, дѣйствуя на родной почвѣ, среди поляковъ, онъ быстрѣе приблизится къ цѣли. А на первомъ планѣ—все та же мысль о собственномъ исправленіи, о полномъ сляніи со своимъ Богомъ.

Онъ выходитъ изъ сен-симонистской фамиліи, гдѣ какъ разъ

въ это время совершался знаменитый расколъ; свое состояніе въ этотъ періодъ онъ опредѣляетъ словами: безсиліе, граничащее съ моральной смертью. «Расколъ между вождями сен-симонизма, — пишетъ онъ въ концѣ 1832 г., — окончательно показалъ мнѣ всю суетность моихъ убѣжденій и вмѣстѣ повергъ меня въ неопишемую слабость и апатію. Мнѣ казалось, что всякая увѣренность, всякая сила, всякая воля совершенно отняты у меня. Уже годъ, какъ я пересталъ быть сен-симонистомъ, а я еще едва могу собрать мысли и найти въ себѣ достаточно силъ, чтобы имѣть отвагу жить снова».

Онъ давно былъ близокъ съ Мицкевичемъ, вмѣстѣ съ которымъ издавалъ *Пилгрима*, и чрезъ него съ Монталамберомъ и Лакордеромъ; подъ ихъ влияніемъ онъ начинаетъ теперь склоняться къ католицизму, читаетъ Ламеннэ, Жербэ, Рорбапера и мечтаетъ о какомъ-то новомъ христіанствѣ, о сліяніи стараго католицизма съ соціальной утопій. Онъ созналъ, что только любовь можетъ обновить міръ: любовь не заблуждается; любовь живетъ вѣрой и свободой, а человекъ — любовью къ Богу и ближнему; надъ вѣрой и свободой не властны никакія превратности. Въ августѣ 1832 года онъ пишетъ въ дневникѣ: «Много въ умѣ доводовъ за обращеніе къ католицизму; съ его развитіемъ придетъ свобода. Долгія размышленія и колебанія. Возвращаюсь мыслью къ моей теоріи, родственной идеямъ отчасти Ламеннэ, отчасти Бюшэ, отчасти Леру. Почему же не оставляетъ меня смятеніе? Потому что я не знаю, что долженъ дѣлать, что нѣтъ».

Еще цѣлыхъ два года продолжались эти колебанія; онъ то снова поддавался влиянію прежнихъ единомышленниковъ, то готовъ былъ сдаться на увѣщанія Мицкевича, но убѣжденія не было. Такъ какъ онъ не былъ замѣшанъ въ возстаніи, то правительство продолжало звать его въ Варшаву, предлагая ему выгодныя мѣста; но онъ рѣшилъ не возвращаться въ Польшу, пока она не будетъ свободна. Все время онъ терпѣлъ крайнюю нужду, живя уроками языковъ, которые зналъ хорошо. Мысль о собственномъ несовершенствѣ по-прежнему терзала его больше всего, и постепенно для него выясняется основная причина его безсилія. Въ февралѣ 1834 г. онъ пишетъ: «Почему моя жизнь до сихъ поръ представляетъ собою рядъ заблужденій, преступленій и слабостей, приводящихъ къ немощи и ничтожеству? Потому что не было отреченія отъ себя ради стремленія къ правдѣ, къ благу другихъ и совершенству. Это пришло мнѣ на мысль вчера, при чтеніи Сень-Мартена. Благодареніе Богу, благодареніе честному Сень-Мартену. Я всегда имѣлъ въ виду мнѣніе людей, собственную славу и возвышеніе между ними, словомъ — собственную утѣху. Вотъ два года, какъ я ношусь

съ мыслью написать что-нибудь полезное для моихъ соотечественниковъ. Ахъ, чувствую великую потребность въ апостольствѣ истины. Тщетные замыслы! Безумный, я хотѣлъ изъ себя породить нѣчто доброе, когда нѣтъ ничего добраго во мнѣ. Боже, дай мнѣ любви и силы, чтобы мнѣ расчесться съ моей совѣстью, искоренить въ себѣ зло и оживить добро, дай мнѣ ощущать Тебя во мнѣ». Онъ благодарить Бога за мысль, осѣнившую его теперь, что любовь къ ближнему безъ любви къ Богу тщетна и опасна, ибо можетъ приводить ко злу; онъ созналъ, что всѣ средства, основанныя на разумѣ, бессильны обновить міръ: спасти Польшу, спасти человѣчество возможно только чрезъ религію, чрезъ духовное очищеніе и исправленіе жизни любовью; и онъ ставитъ себѣ цѣлью—сперва въ себѣ самомъ убить ветхаго человѣка, искоренить духъ гордыни и тѣлесности и къ тому же всѣми силами склонять людей. А того и другого всего легче было достигнуть чрезъ церковь: 11 января 1835 года Яньскій подъ вліяніемъ настойчивыхъ увѣщаній Мицкевича въ первый разъ приобщился св. Тавнѣ.

Яньскій былъ только однимъ изъ многихъ. Ту же эволюцію продѣлалъ его ближайшій потомъ сотрудникъ по католической пропагандѣ среди польской эмиграціи, Петръ Семененко. Послѣ участія въ возстаніи 1830 года онъ во Франціи примкнулъ къ крайней польской революціонной партіи, писалъ зажигательныя «карбонарскія» статьи и во французскихъ радикальныхъ органахъ и преслѣдуемый французской полиціей, терпя крайнюю нужду, два года скитался изъ дома въ домъ. Его неукротимая страстность и большое вліяніе, которое онъ успѣлъ приобрести, навлекли на него непріязнь и зависть со стороны товарищей-поляковъ; все это вмѣстѣ сломило гордый умъ, и въ томъ же 1835 году Яньскому удалось склонить его къ обращенію. Въ открытомъ письмѣ, съ которымъ Семененко послѣ первой исповѣди обратился къ товарищамъ, онъ писалъ: «Друзья мои, особенно тѣ, съ которыми я шель рука объ руку, вѣрьте мнѣ, нѣтъ свѣта на пути, вами избранномъ! Вы ищете человѣческаго счастья, какъ же вы сможете нащупать его во тьмѣ? Придите, придите къ источнику свѣта: онъ силенъ и васъ всѣхъ просвѣтитъ; придите къ источнику любви—онъ обилень и насытитъ васъ всѣхъ» ¹⁾). Таковъ былъ и Іосифъ Губе, сверстникъ Яньскаго, профессоръ римскаго права въ варшавскомъ университетѣ, также переброшенный возстаніемъ во Францію; и онъ былъ равнодушень къ дѣламъ вѣры, и онъ увѣровалъ въ 1836 году, послѣ того какъ однажды, войдя случайно въ церковь, услышалъ

¹⁾ Ibid., стр. 65.

слова проповѣдника: «Что пользы тебѣ приобрѣсти весь міръ, если погубишь душу свою?»¹⁾ Число такихъ примѣровъ легко было бы умножить, но, думается, довольно и этихъ.

X.

Подобно Яньскому, Семененкѣ и Губе, и нашъ Печеринъ предался церкви не потому, чтобы охладѣлъ къ своей мечтѣ о возрожденіи человѣчества, но именно въ надеждѣ *здѣсь* найти вѣрныя средства для достиженія этой цѣли. Что такова была мысль Печерина, этому порукой его собственное признаніе. Вотъ стихотвореніе «Мечта юноши», написанное имъ въ Дублинѣ 10 октября 1864 года и сохранившееся въ рукописи среди его бумагъ:

Снова слышу—голосъ милый
 Пѣснь знакомую поетъ,
 И, какъ Лазарь, изъ могилы
 Тѣнь минувшаго встаетъ.
 Прояснися, прояснися,
 Сумракъ раннихъ дѣтскихъ дней,
 Изъ-за тучи улыбнися,
 Солнце юности моей.
 Послѣ долгихъ тревоженій
 Вижу снова брегъ родной,
 И толпа святыхъ видѣній
 Вновь мелькаетъ предо мной²⁾.
 Чудная звѣзда свѣтила
 Мнѣ сквозь утренній туманъ;
 Смѣло я поднялъ вѣтрило
 И пустился въ океанъ.
 Солнце въ море погружалось,
 Вслѣдъ за солнцемъ я летѣлъ:
 Тамъ надеждъ моихъ, казалось,
 Былъ таинственный предѣлъ.
 „Западъ! западъ величавый!
 Западъ золотомъ горить!
 Тамъ вѣнки вѣются славы!
 Доблесть, правда тамъ блестить!

¹⁾ Ibid., стр. 107.

²⁾ Въ черновой рукописи:

И встаютъ святые тѣни,
 И манять меня рукой.

За этой строфой въ черновой рук. слѣдовало:

Ахъ! не воскресить былого!
 Мать моя во гробѣ спитъ;
 Но вокругъ чела святого
 Лучъ безсмертія горитъ.

„Мравъ и свѣтъ, какъ исполины,
Тамъ ведутъ кровавый бой:
Дремлютъ и твои судьбины
Въ этой битвѣ роковой.

„Въ бронь вѣры, воинъ смѣлый,
Адамантовымъ щитомъ
Отразишь ты вражьи стрѣлы,
Слова поразишь мечомъ.

„Вотъ блеститъ хоругвь свободы—
И князья бѣгутъ, бѣгутъ;
И при звукѣ трубъ народы
Пѣснь побѣдную поютъ.

„Пали древнія оковы!
Кончилась навѣкъ война!
Узами любви Христовой
Заковались племена!

„Нынѣ правдой озарится
Нашъ Ерусалимъ святой,
Вѣчнымъ бракомъ съединится
Небо съ новою землей.

„Духовъ тьмы исчезнетъ сила
И взойдетъ на небеса
Трисіянное свѣтило—
Доблесть, истина, краса!“

Вотъ о чемъ мечталъ онъ: стать въ ряды воиновъ Христа; и развѣ его идеалъ не былъ тотъ же, который выраженъ въ Евангелии? А церковь представилась ему воинствомъ, ратующимъ за осуществленіе этого идеала; быть можетъ, она представлялась ему теперь, послѣ его печальнаго опыта въ революціонныхъ кружкахъ и послѣ наблюденій надъ политическимъ бытомъ родины, да и всей Европы, даже вообще *единственной въ міръ могучей организаціей духовныхъ силъ противъ столькихъ организованныхъ твердынь матеріальной силы*. И такой естественно могла казаться ему въ особенности католическая церковь съ ея властною требовательностью въ отношеніи свѣтской власти и съ безусловной законченностью ея догматовъ.

А главный соблазнъ заключался въ *бронь вѣры*, въ ея *адамантовомъ щитѣ*. Показанія Богдана Яньскаго драгоцѣнны для насъ тѣмъ, что они вскрываютъ внутреннюю, интимную сторону этого душевнаго процесса. Здѣсь повторялась старая исторія: идеалъ, имѣющій своимъ объектомъ міръ, обязываетъ лично, притомъ въ точной мѣрѣ своей возвышенности, и отъ этого кредитора чело- вѣку некуда бѣжать. Эти люди, твердо вѣрившіе, что въ ихъ сознаніи зачатъ будущее чело- вѣчества, сами были дѣтьми прошлаго, косность котораго они были не властны вытравить изъ своихъ

нервъ и мускуловъ. Наступала минута, когда этотъ разладъ доходилъ до сознанія, когда человѣкъ долженъ былъ спросить себя: я владѣю едино-спасающей истиной, отчего же нѣтъ во мнѣ покоя и радости? И этотъ вопросъ естественно связывался съ ничтожностью достигнутыхъ вонѣ результатовъ. Тогда начинался тотъ мучительный и глубоко-обидный самоанализъ, типическій образчикъ котораго мы видѣли у Яньскаго. Стремленіе доставить торжество своей идеѣ, страстная жажда душевнаго покоя и необходимость сдѣлать самого себя достойнымъ уваженія въ собственныхъ глазахъ—все это сбивалось въ одинъ клубокъ и все въ концѣ концовъ заострялось въ одно чувство—въ потребность самоочищенія: убить въ себѣ ветхаго человѣка, достигнуть того, чтобы каждое свое чувство, каждая мысль и дѣйствіе были, какъ выражался Яньскій, точной манифестаціей моей вѣры. А это значило отречься отъ своей воли; надо было поставить себя въ такое положеніе, гдѣ бы собственная личность была безвозвратно закрѣпощена единой идеѣ, надо было смириться передъ послѣдней до полнаго самозабвенія, до уничтоженія. Теперь главнымъ грѣхомъ представлялась та своекорыстная гордыня въ стремленіи къ истинѣ, которая доннѣ являлась основнымъ стимуломъ; я старался воздвигнуть храмъ не ради Бога, а ради славы моего имени, и я смѣлъ думать, что достаточно силенъ для этого,—вотъ мой тяжкій грѣхъ и причина моей неудачи.

Такъ думалъ Яньскій—такъ думалъ и Печеринъ. На увѣщанія друзей расторгнуть цѣпи, которыми опуталъ его хитрый католицизмъ, онъ отвѣчалъ: «Я принесъ въ жертву Богу самое дорогое свое сокровище—волю»¹⁾; когда Чижовъ посѣтилъ его въ монастырѣ, онъ упрекалъ его и другихъ своихъ товарищей за то, что они потворствовали его самолюбію, внушая ему слишкомъ высокое мнѣніе о его дарованіяхъ²⁾. Тотъ же Чижовъ, навѣстивъ Печерина въ монастырѣ черезъ годъ, такъ спустя два дня описывалъ его положеніе въ письмѣ къ Никитенкѣ, прибавляя, что все это ему рассказывалъ самъ Печеринъ, разумѣется въ другомъ освѣщеніи³⁾: «Монахи поняли его превосходно; они говорятъ ему: не думай найти здѣсь отдыхъ; каждая минута наша посвящена на служеніе Богу; онъ предписываетъ намъ пути дѣятельности, и каждый шагъ нашъ есть шагъ человѣчества.—Ему только того и надобно. Но, говорятъ они, испыталъ ли ты себя, достанетъ ли у тебя силъ

¹⁾ И. С. Аксаковъ—*День* 1865 г. № 29.

²⁾ Изъ письма Чижова къ Никитенкѣ, Никит. I, стр. 422 (8 окт. 1841 г.).

³⁾ *Рус. Стар.* 1899, XI, стр. 367.

исполнить высокое назначеніе. И вотъ пища самолюбію и надменности. Испытай себя, тебѣ годъ на испытаніе. Оно состоитъ въ безусловной покорности души и тѣла; каждую недѣлю долженъ ты отдавать отчетъ и въ твоихъ дѣйствіяхъ, и въ твоихъ помышленіяхъ; всегда неожиданно одинъ изъ братіи имѣетъ право спросить тебя о твоихъ мысляхъ и чувствахъ. Къ этому присоедините строгое веденіе и наблюденіе въ пищѣ, питіи и всѣхъ мелочахъ жизни. Конечно, уму его дано обширное поприще науки, именно его лингвистикѣ; лишь только онъ вздумаетъ зайти далѣе, монахъ улыбнется и говоритъ, этого мы не ожидаемъ, нѣтъ, для нашего высокаго назначенія мало дѣтскихъ силъ человѣческихъ. Чувствамъ дана полная свобода. *Волъ ни одного шагу, ни полшагу, а онъ только того и желалъ».*

Да, онъ нашелъ здѣсь, чего искалъ; а искалъ онъ не новой правды, а только новой и, какъ ему казалось, наиболѣе дѣйствительной *формы служенія* своему старому идеалу, и эта форма заключалась въ самоотреченіи. Онъ возложилъ на свои плечи тяжелый крестъ католическаго монашества и пошелъ, въ надеждѣ, что этимъ крестомъ ему будетъ всего легче поражать духовъ тьмы. Оправдалась ли жертва? или самое бремя оказалось такъ тяжело, что на несеніе его ушли всѣ силы и уже ничего не осталось на борьбу?

XI.

Очевидно, что простой переходъ въ католичество не имѣлъ бы смысла для Печерина: подобно Яньскому и другимъ искреннимъ и страстнымъ мечтателямъ, онъ долженъ былъ сразу стать въ ряды активнаго воинства Христова, т. е. той группы вѣрующихъ, гдѣ служеніе Богу въ обоихъ смыслахъ—личной чистоты и воздѣйствія на міръ—являлось исключительнымъ занятіемъ человѣка и вмѣстѣ дѣломъ организаціи. Онъ и сталъ монахомъ ордена проповѣдниковъ.

Орденъ редemptористовъ или лигворійцевъ (*Congregatio sanctissimi nostri Redemptoris*, т. е. конгрегация Искупителя), куда вступилъ Печеринъ, былъ основанъ въ 1732 г. Альфонсомъ де Лигвори, жизнь котораго историки католической церкви характеризуютъ тремя чертами: чрезвычайной строгостью личнаго аскетизма, пламеннымъ усердіемъ къ просвѣщенію свѣтомъ Евангелія низшихъ слоевъ населенія и усердной пропагандой догматовъ непорочнаго зачатія и папской непогрѣшимости ¹⁾. Эти же три черты характеризуютъ и

¹⁾ См., напр., ст. Zöckler'a въ *Realencykl. f. prot. Theologie und Kirche Herzog'a*, 3 изд. 1902, Heft 107—108.

основанный имъ орденъ, цѣлью котораго является прежде всего систематическое миссіонерство на мѣстѣ; по безусловной ортодоксальности онъ не уступаетъ іезуитскому ордену, а по суровости аскетическаго режима далеко превосходитъ его. Въ первоначальномъ лигворіанскомъ уставѣ самообузданіе и «мортификація» были доведены до крайнихъ предѣловъ: монахамъ предписывалось спать на соломѣ, питаться лишь черствымъ хлѣбомъ, плодами и сильно наперченной похлебкой и вкушать пищу колѣнопреклоненно, трижды въ день совершать богослуженіе, ночью покидать ложе для молитвы, трижды въ недѣлю бичевать себя и проповѣдовать только среди бѣднѣйшаго люда и подонковъ общества; позднѣе эти предписанія, правда, были смягчены, но незначительно. По уставу, по формѣ одежды и ультра-ортодоксальному характеру этотъ доннынъ процвѣтающій орденъ ¹⁾ настолько сходенъ съ іезуитскимъ, что ихъ многократно смѣшиваютъ; подобно іезуитамъ, редемптористъ, сверхъ трехъ обычныхъ монашескихъ обѣтовъ—бѣдности, цѣломудрія и послушанія—даетъ еще и четвертый, въ силу котораго онъ можетъ принять какое-либо духовное званіе внѣ ордена или вовсе выступить изъ ордена не иначе, какъ съ разрѣшенія папы. Но по направленію своей дѣятельности оба ордена значительно разнятся между собою: въ то время какъ вниманіе іезуитовъ направлено преимущественно на высокую постановку научно-и учебно-богословскаго дѣла и на пропаганду среди наиболѣе вліятельныхъ слоевъ общества, дѣятельность редемптористовъ носить рѣзко выраженный *практическій* и *демократическій* характеръ. Враждебные редемптористамъ протестантскіе богословы доннынъ цитируютъ замѣчаніе одного современника св. Альфонса де Лигвори: «другія миссіонерства осаждаютъ, онъ беретъ штурмомъ»; это достаточно опредѣляетъ характеръ редемптористской проповѣди, рассчитанной на чувство, стремящейся убѣдить не доводами и цитатами, а гипнозомъ страстнаго убѣжденія, которое одушевляетъ самого проповѣдника. Что Печеринъ вступилъ именно въ этотъ, а не въ другой какой-нибудь монашескій орденъ, это могло быть до извѣстной степени случайностью; но несомнѣнно, что условія, которыя онъ встрѣтилъ здѣсь, какъ нельзя болѣе соответствовали его требованіямъ.

И онъ надолго нашель здѣсь миръ и удовлетвореніе. Всѣ, кто въ это время зналь его или могъ слышать о немъ—Чижевъ, Катковъ, Аксаковъ, — свидѣтельствуютъ, что онъ съ жаромъ отдался своему новому призванію; а въ 1842 году Чижевъ нашель, что онъ очень и очень доволенъ своимъ положеніемъ. Но тотъ же Чи-

¹⁾ Онъ насчитываетъ сейчасъ до 150 монастырей во всѣхъ частяхъ свѣта, *ibid.* 501.

жовъ съ негодованіемъ отзывался о нравственномъ упадкѣ, въ которомъ засталъ Печерина: «онъ принялъ не только идеи своего званія, но и всѣ предрассудки его» ¹⁾; Печеринъ «не христіански» говорилъ, когда разговоръ касался образованности Россіи и формъ православной вѣры, хотя и сходился съ Чижовымъ въ религиозныхъ понятіяхъ ²⁾.

Надѣвъ рясу 15 октября 1840 года въ монастырѣ Saint-Trond, Печеринъ здѣсь же прошелъ монашескій искусь и здѣсь же годъ спустя, 26 сентября 1841 г., принялъ постриженіе; на слѣдующій день онъ прибылъ въ редемптористскій монастырь въ Wittem (Голландія) ³⁾—затѣмъ, мы не знаемъ. Отсюда опять спустя годъ, 16 октября 1842 года, онъ отправился въ Льежъ для полученія богословской подготовки (*pour faire ses études dogmatiques*), и здѣсь же 10 сентября 1843 года былъ рукоположенъ во священника тирскимъ архіепископомъ монсиньоромъ д'Аржанто. Спустя два дня, 12 сентября, онъ прибылъ обратно въ Виттемъ, гдѣ провелъ затѣмъ опять ровно годъ, состоя преподавателемъ въ миссіонерской школѣ монастыря. Точная хронологическая правильность всѣхъ этихъ передвиженій заставляеть думать, что всѣ они предписывались уставомъ ордена, составляя въ совокупности миссіонерскій стажъ. Теперь стажъ былъ, очевидно, конченъ; отнынѣ начинается регулярная дѣятельность Печерина, какъ проповѣдника. 10 сентября 1844 года онъ отправился въ Брюгге, гдѣ въ то время существовалъ небольшой редемптористскій *hovpise*, откуда спустя нѣкоторое время—въ Falmouth, въ Англій, и въ 1848 году, по упраздненіи здѣшняго монастыря, — во вновь основанный редемптористскій монастырь въ Clapham въ Лондонѣ ⁴⁾. Здѣсь-то, въ Клапамѣ, и видѣлся съ нимъ Герценъ, оставившій подробный разсказъ объ этомъ свиданіи. Печеринъ тогда едва перешагнулъ за половину своей жизни. Ему суждена была долгая, слишкомъ долгая жизнь.

ХІІ.

Печеринъ пробылъ редемптористомъ почти 23 года. Какъ онъ жилъ все это время? Вотъ неизмѣнное распредѣленіе дня, существовавшее уже тогда и существующее доннынѣ во всѣхъ редемп-

¹⁾ 1841 г., Никитенко, I, 422.

²⁾ *Рус. Стар.* 1899, XI, 368.

³⁾ А не „св. Вита“, какъ ошибочно сказано у Никит., *ibid.*

⁴⁾ Эти свѣдѣнія съ чрезвычайной любезностью сообщены намъ настоятелемъ редемптористскаго монастыря въ Виттемѣ, R. P. J. L. Jansen'омъ.

тористскихъ монастыряхъ ¹⁾. Въ 4^{1/2} часа утра встать; въ 5 получасовое размышленіе о религіозныхъ истинахъ; въ 5^{1/2} месса и вслѣдъ за нею молебствіе; потомъ богословскія занятія или работа въ церкви по удовлетворенію нуждъ вѣрующихъ (исповѣдь и пр.); въ 11 час. нѣсколько разъ въ недѣлю совмѣстное обсужденіе «научныхъ» вопросовъ (догма, Св. Писаніе, мораль); въ 11^{3/4} час. литанія въ честь Пресвятой Дѣвы и затѣмъ получасовая провѣрка своей совѣсти; въ 12 обѣдъ, сопровождаемый душеполезнымъ чтеніемъ; съ 12^{1/2} до 1^{1/2} рекреация, когда всѣ монахи собираются вмѣстѣ; съ 1^{1/2} час. богословскія занятія, молитва или работа въ церкви, смотря по обстоятельствамъ; въ 3 час. духовное чтеніе или собесѣдованіе; въ 3^{1/2} получасовое размышленіе о христіанскихъ добродѣтеляхъ, затѣмъ служба въ оракторіи (псалмы и антифоны); около 7 час. получасовое размышленіе о страстяхъ Господнихъ; въ 7^{1/2} час. ужинъ, сопровождаемый чтеніемъ; каждый въ отдѣльности читаетъ про себя такъ называемый розарій (четки) Дѣвы Маріи (Отче нашъ—5 разъ, Ave Maria—50 разъ), послѣ чего нѣсколько минутъ проводить передъ Св. Дарами; въ 9 час. вечерняя молитва, въ 9^{1/2} час. сонъ. Сюда надо прибавить многократные посты и обязательные дни уединенія.

Таковъ былъ образъ жизни Печерина въ тѣ дни, которые онъ проводилъ въ монастырѣ. Но такихъ, сравнительно досужныхъ дней у редемптористскаго монаха не много; его главное назначеніе, то, что въ первой линіи требуется отъ него уставомъ,—миссіонерство, и оно наполняетъ его жизнь неустанной и чрезвычайно напряженной работой. Дѣло религіозной пропаганды ведется редемптористами по своеобразной системѣ, во всѣхъ подробностяхъ установленной самимъ основателемъ ордена. Такъ какъ ихъ обязанность—просвѣщать свѣтомъ Евангелія преимущественно бѣднѣйшую и наиболѣе невѣжественную часть населенія, то для «миссій» выбираются обыкновенно глухія деревни или рабочіе кварталы въ большихъ городахъ. Въ избранное мѣсто вдругъ является нѣсколько редемптористовъ, которые, съ разрѣшенія мѣстнаго духовенства, открываютъ въ мѣстной церкви серію проповѣдей. Миссія, продолжающаяся очень короткое время, ведется по строго обдуманному плану, напоминающему планъ военной кампаніи ²⁾. Весь рядъ проповѣдей представляетъ собою одно цѣлое, послѣдовательно раз-

¹⁾ По сообщенію J. L. Jansen'a.

²⁾ См. R. P. Desurmont (редемптористъ), Le R. P. Joseph Passerat et sous sa conduite les Rédemptoristes pendant les guerres de l'Empire, Paris, 1893, гл. V, стр. 64—85.

вертывающееся, какъ фронтъ атакующаго войска. Проповѣдникъ говоритъ о грѣхѣ, о смерти, о страшномъ судѣ, объ адѣ, о вѣчности, затѣмъ переходитъ къ вопросамъ нравственности и особенно останавливается на тѣхъ грѣхахъ, которые Альфонсъ де-Лигвори назвалъ четырьмя воротами ада: на сребролюбіи, безвѣріи, злобѣ и развратѣ; послѣднія двѣ проповѣди посвящаются Пресвятой Дѣвѣ и значенію молитвы. Во всѣхъ этихъ проповѣдяхъ редemptористъ долженъ избѣгать всякихъ богословскихъ мудрствованій и всякаго слова, превышающаго пониманіе простолюдина: онъ долженъ давать чистое евангельское ученіе, планъ его рѣчи долженъ быть несложенъ, фразы коротки и легко усвояемы памятью, языкъ простъ, силенъ и полонъ огня. Онъ долженъ обращаться къ чувству слушателей и главнымъ образомъ играть на двухъ наиболѣе чувствительныхъ струнахъ человѣческаго сердца—надеждѣ и страхѣ: надо непрерывно, говорилъ св. Альфонсъ, перебрасывать грѣшную душу изъ страха въ надежду и обратно. Мало того: для вящаго дѣйствія на воображеніе массы проповѣдь редemptориста сопровождается театральными эффектами, предназначенными внезапно вызывать у присутствующихъ общій крикъ ужаса или слезы раскаянія. Проповѣдникъ вдругъ среди проповѣди велитъ молящимся пасть на колѣни и просить прощенія у Христа, или заставляеть ихъ пасть къ ногамъ Дѣвы Маріи, или увлекаетъ ихъ въ крестный ходъ, или прерываетъ проповѣдь призывомъ къ общей молитвѣ. И такъ изо дня въ день пламенной проповѣдью и потрясающими сценами онъ постепенно доводитъ паству до раскаянія.

Но одной проповѣдью дѣло не ограничивается. Ежедневно въ опредѣленный часъ совершается служба, во время которой народъ молится весь громогласно. Эта молитва должна увлечь равнодушныхъ такъ, чтобы ничьи уста не оставались безмолвными. Вмѣстѣ съ тѣмъ миссіонеры открываютъ въ церкви на эти дни своего рода курсъ катехизиса, по чрезвычайной удобопонятности доступный и грубѣйшимъ умамъ. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ разъясненіе важности исповѣди, потому что прямая и главнѣйшая цѣль миссіи заключается въ томъ, чтобы довести возможно большее число грѣшниковъ до исповѣди. Выслушиваніемъ многочисленныхъ исповѣдей и увѣнчивается дѣло миссіи; способъ обращенія миссіонера съ кающимся грѣшникомъ также во всѣхъ подробностяхъ установленъ св. Альфонсомъ: неумолимо страшать и во-время обнадеживать—таковы главные приемы этой «духовной хирургіи». Миссія заканчивается нѣсколькими днями, посвящаемыми созерцанію; въ это время миссіонеры разъясняютъ народу значеніе безгласной молитвы, вѣдряютъ въ него любовь къ Христу и учатъ его созер-

цанію. Если удастся, они стараются организовать на мѣстѣ благотивное сообщество вѣрующихъ. Наконецъ, для закрѣпленія благихъ результатовъ миссіи на слѣдующій годъ послѣ нея въ то же мѣсто обязательно присылается, хотя уже въ меньшемъ числѣ и на болѣе короткій срокъ, нѣсколько миссіонеровъ, которые снова проповѣдуютъ и исповѣдуютъ кающихся; послѣ этого миссіа считается законченной.

Этой дѣятельности Печеринъ отдалъ около двадцати лѣтъ жизни. Главной ареною его миссіонерства были, какъ уже сказано, Англія и Ирландія. Онъ работалъ сначала на самомъ югѣ Англии, въ Девонширѣ, затѣмъ въ Лондонѣ; отсюда онъ въ 1851 году вмѣстѣ съ нѣсколькими другими монахами былъ посланъ въ Лимерикъ на первую редемптористскую миссію въ Ирландіи (она была проведена въ церкви св. Іоанна). Судя по его письмамъ къ Герцену 1853 г., онъ въ ближайшіе годы еще не разъ ѣздилъ въ Ирландію; изъ тѣхъ же писемъ видно, что весною 1853 года онъ между прочимъ провелъ миссію на о. Гернсеѣ. Наконецъ, около 1854 года онъ совсѣмъ переехалъ въ Лимерикъ, въ первую редемптористскую обитель въ Ирландіи—монастырь Mount St. Alphonsus.

Отцы-редемптористы изъ Виттема, Клапама и Лимерика, которымъ мы обязаны этими свѣдѣніями, единогласно признаютъ Печерина однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ дѣятелей какъ по святости жизни, такъ и по блестящему ораторскому дарованію. Въ виду строгости ихъ устава, особенно въ то время, онъ долженъ былъ, говорятъ они, мыслить и жить какъ добрый католикъ и съ желаніемъ совершенствоваться въ практикѣ добродѣтелей и въ соблюденіи обѣтовъ бѣдности, цѣломудрія и послушанія, иначе онъ не былъ бы допущенъ къ принятію монашескаго сана, тѣмъ меньше — къ миссіонерской дѣятельности. По ихъ словамъ, въ 50 и 60-хъ годахъ онъ считался величайшимъ ирландскимъ проповѣдникомъ и доннынѣ еще его помнятъ и духовенство, и народъ ирландскій; его имя было извѣстно во всей странѣ; онъ любилъ ирландцевъ, и ирландцы отвѣчали ему любовью. Слѣдуетъ прибавить, что нѣсколько его проповѣдей сохранилось, понавѣ со столбцовъ газетъ въ сборникъ проповѣдей *The catholic pulpit*; къ сожалѣнію, намъ не удалось достать этой книги. Это были проповѣди, произнесенныя имъ въ Лондонѣ: 1) о ненависти, 2) о Рождественскомъ постѣ, 3) о смертномъ грѣхѣ и 4) въ день св. Патрика (1849 г.). «Впрочемъ,—пишетъ настоятель St. Alphonsus въ Лимерикѣ,—онѣ были въ общемъ весьма неточно записаны необразованными репортерами и совсѣмъ не походили на живую рѣчь. Вдобавокъ я часто слышалъ, что поразительное дѣйствіе его словъ

можно было приписать больше святости его жизни, нежели его краснорѣчію».

Его жизнь въ Англіи и Ирландіи была, конечно, бѣдна событіями: «она вся прошла въ неустанномъ трудѣ на церковной каедрѣ и въ исповѣдальнѣ». Только однажды ея мирный ходъ былъ рѣзко нарушенъ: въ 1855 году онъ былъ обвиненъ въ сожженіи на площади протестантской библии въ Кингстоунѣ, въ Ирландіи; возможно, что это былъ одинъ изъ тѣхъ театральныхъ эффектовъ, какихъ полна каждая редемптористская миссія. Печеринъ былъ оправданъ. «Гордый британскій судья,—говоритъ Герценъ,—взявъ въ расчетъ безумный поступокъ и то, что виноватый—русскій, а Англія съ Россіей въ войнѣ, ограничился отеческимъ наставленіемъ вести себя впредь на улицахъ благопристойно». Это показаніе, кажется, не совсѣмъ вѣрно; въ письмѣ отъ 8 января 1857 года Печеринъ писалъ своей матери въ Одессу, что его процессъ кончился годъ тому назадъ весьма благополучно: присяжные оправдали его и народъ проводилъ до дому. Отчетъ объ этомъ дѣлѣ, по его словамъ, былъ тогда же напечатанъ особой книгой по-англійски ¹⁾.

Таково было католическое служеніе Печерина. Его переписка съ Герценомъ вскрываетъ передъ нами другую сторону его міровоззрѣнія.

XIII.

Герценъ видѣлся съ Печеринымъ только разъ, въ апрѣлѣ 1853 года. Въ Москвѣ они не знали другъ друга, но Герценъ много слышалъ о Печеринѣ отъ Рѣдкина, Крюкова, Грановскаго, зналъ его «Торжество смерти», зналъ и содержаніе его письма къ Строгонову; теперь, случайно узнавъ, что Печеринъ въ Лондонѣ, Герценъ отправился къ нему въ редемптористскій монастырь въ Клапамѣ. Передъ нимъ былъ невысокаго роста пожилой священникъ въ граненой шапкѣ и въ сутанѣ; его лицо было старо, старше лѣтъ; въ его рѣчи и движеніяхъ былъ тотъ искусственный покой, «которымъ особенно монахи, какъ сулемой, заморяютъ цѣлыя стороны сердца и ума». Разговоръ шелъ сначала по-французски, потомъ по-русски. Онъ былъ незначителенъ; Печеринъ спрашивалъ объ общихъ знакомыхъ, Герценъ рассказалъ ему о смерти и похоронахъ Крюкова, объ успѣхахъ Грановскаго. Заговоривъ о Москвѣ, Печеринъ сказалъ, что съ содроганіемъ вспоминаетъ то время, когда

¹⁾ Рукописное письмо къ Печерину его племянника, Пояркова, отъ 30 октября 1865 года.

покинулъ Россію; особенно тяжела въ ней, прибавилъ онъ, судьба меньшинства, получившаго образованіе. Онъ съ теплымъ участіемъ отозвался о добротѣ и наивности русскихъ крестьянъ; онъ часто вспоминаетъ ихъ, глядя на ирландскихъ мужиковъ: у нихъ много общаго въ характерѣ. Предъ разставаніемъ Герценъ попросилъ у Печерина копію его «Торжества смерти» для напечатанія въ «Полярной Звѣздѣ», но Печеринъ только удивился, какъ можетъ его интересоватъ такое ничтожное, ребяческое произведеніе, и уклонился отъ разговора, сказавъ, что смотритъ на эти стихи съ такимъ чувствомъ, съ какимъ выздоровѣвшій вспоминаетъ свой бредъ въ жару.

Гораздо содержательнѣе, нежели этотъ разговоръ, была переписка, завязавшаяся между Герценомъ и Печеринымъ вслѣдъ за ихъ свиданіемъ: она равно характерна для обоихъ. Дня три спустя Печеринъ написалъ Герцену небольшую записку, гдѣ говорилъ о своемъ искреннемъ сочувствіи слову свободы — свободы для его несчастной родины, о своемъ несогласіи съ его, Герцена, программой (Герценъ оставилъ ему объявленіе вольной русской типографіи) и о любви католическаго священника, обнимающей всѣ партіи и всѣ мнѣнія. По его просьбѣ Герценъ доставилъ ему двѣ свои книги, въ томъ числѣ, вѣроятно, свою брошюру о развитіи революціонныхъ идей въ Россіи, и черезъ нѣсколько дней, прочитавъ ихъ, Печеринъ отвѣчалъ ему пространнымъ письмомъ. Вы и ваши друзья, писалъ онъ, всѣ надежды возлагаете, кажется, на философію и изящную словесность; неужели же вы думаете, что этими средствами можетъ быть обновлено общество? Исторія противорѣчить такому мнѣнію. Она учитъ насъ, что основою государствъ всегда была одна религія и что философія и словесность расцвѣтаютъ какъ разъ въ періоды упадка, и каждый разъ, когда философія бралась за пересозданіе общества, она неизбѣжно приводила къ жестокому деспотизму, какъ у Фридриха II, Екатерины, Иосифа II. Опираясь на собственныя слова Герцена, Печеринъ спрашиваетъ: вы сами говорите, что вы Онѣгины, что ваша основа — отрицаніе и сомнѣніе; можно ли перестраивать общественный порядокъ на такихъ основаніяхъ? Онъ кончаетъ письмо увѣреніемъ, что пишетъ все это не для спора: онъ считалъ своимъ долгомъ высказать свою мысль, потому что иногда умнѣйшіе и благороднѣйшіе люди, не замѣчая того, ошибаются въ самой основѣ.

Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Герценъ разъяснилъ Печерину, что освободительную роль онъ приписываетъ не философіи и литературѣ, а наукѣ: единственная причина пауперизма и рабства — невѣжество, и только наука можетъ дать массамъ хлѣбъ и кровь;

«не пропагандой, а химіей, механикой, технологіей, желѣзными дорогами она можетъ поправить мозгъ, который вѣками сжимали физически и нравственно». На это Печеринъ отвѣтилъ письмомъ, страстность котораго очень далека отъ того клерикальнаго покоя, какой Герценъ увидѣлъ въ чертахъ лица Печерина. Предполагая въ своемъ собесѣдникѣ антипода, Герценъ выразилъ свою мысль съ умышленной рѣзкостью, довелъ ее до крайности, которой въ дѣйствительности былъ чуждъ и тогда; разумѣется, и въ 1853 году онъ ждалъ спасенія не отъ одной химіи и желѣзныхъ дорогъ, а шестнадцать лѣтъ спустя онъ самъ во всеуслышаніе заявилъ, что міру нужна прежде всего проповѣдь—проповѣдь неустанная, равно обращенная къ хозяину и къ работнику. Но передъ Печеринымъ были строки, не допускавшія двухъ толкованій; здѣсь шла рѣчь объ основѣ всѣхъ убѣжденій—о выборѣ между духомъ и матеріей, между землею и небомъ,—и Печеринъ почувствовалъ себя глубоко задѣтымъ. Привожу почти полностью его письмо, такъ какъ сочиненія Герцена, гдѣ оно напечатано, едва ли доступны многимъ изъ моихъ читателей ¹⁾. «Признаюсь вамъ откровенно, ваше послѣднее письмо навело на меня ужасъ, и ужасъ очень эгоистическій, признаюсь и въ этомъ. Что будетъ съ нами, когда *ваше* образование одержитъ побѣду? Для васъ *наука*—все, альфа и омега. Не та обширная наука, которая обнимаетъ всѣ способности человѣка, видимое и невидимое, наука—такъ, какъ ее понималъ міръ до сихъ поръ; но наука ограниченная, узкая, наука матеріальная, которая разбираетъ и разсѣкаетъ вещество и ничего не знаетъ, кромѣ него. Химія, механика, технология, паръ, электричество, великая наука пить и ѣсть, поклоненіе личности, какъ бы сказалъ Мишель Шевалье. Если *эта* наука восторжествуетъ, горе намъ! Во времена гоненій римскихъ императоровъ христіане имѣли по крайней мѣрѣ возможность бѣгства въ степи Египта, мечъ тирановъ останавливался у этого непереходимаго для нихъ предѣла. А куда бѣжать отъ тиранства вашей матеріальной цивилизаціи? Она сглаживаетъ горы, вырываетъ каналы, прокладываетъ желѣзныя дороги, посылаетъ пароходы, журналы ея проникаютъ до раскаленныхъ пустынь Африки, до непроходимыхъ лѣсовъ Америки. Какъ нѣкогда христіанъ влекли на амфитеатры, чтобъ ихъ отдать на посмѣяніе толпы, жадной до зрѣлищъ, такъ повлекутъ теперь насъ, людей молчанія и молитвы, на публичныя торжища и тамъ спросятъ: «Зачѣмъ вы бѣжите отъ нашего общества? Вы должны участвовать въ на-

¹⁾ Какъ и предшествующія два письма, оно было написано по-французски и сообщено Герценомъ въ переводѣ. Соч. А. И. Герцена, т. IX, стр. 267 и сл.

шей матеріальной жизни, въ нашей торговлѣ, въ нашей удивительной индустріи. Идите витійствовать на площади, идите проповѣдывать политическую экономію, обсуживать паденіе и возвышеніе курса, идите работать на наши фабрики, направлять паръ и электричество. Идите предсѣдательствовать на нашихъ пирахъ, рай здѣсь на землѣ, — будемъ ѣсть и пить, вѣдь мы завтра умремъ!» Вотъ что меня приводитъ въ ужасъ, ибо гдѣ же найти убѣжище отъ тиранства матеріи, которая больше и больше овладѣваетъ всѣмъ... Стоило ли покидать Россію изъ-за умственного каприза? Россія именно начала съ науки такъ, какъ вы ее понимаете, она продолжаетъ наукой. Она въ рукахъ своихъ держитъ гигантскій рычагъ матеріальной мощи, она призываетъ всѣ таланты на служеніе себѣ и на пиръ своего матеріальнаго благосостоянія, она сдѣлается самая образованная страна въ мірѣ. Провидѣніе ей дало въ удѣлъ матеріальный міръ, она сдѣлаетъ рай изъ него для своихъ избранныхъ. Она понимаетъ цивилизацію именно такъ, какъ вы ее понимаете. Матеріальная наука составляла всегда ея силу. Но мы, вѣрующіе въ бессмертную душу и въ будущій міръ, какое намъ дѣло въ этой цивилизаціи настоящей минуты? Россія никогда не будетъ меня имѣть своимъ подданнымъ».

Олеия ранили стрѣлой! Голый матеріализмъ, исповѣданіе котораго Печеринъ увидѣлъ въ словахъ Герцена, заставилъ и его довести свою мысль до крайности; въ своей апологіи духа онъ совершенно игнорируетъ матеріальную сторону жизни и, значить, страданія массъ, отстаивая интересы исключительно небольшой горсти людей, склонныхъ къ созерцанію, — и въ этомъ смыслѣ Герценъ справедливо отвѣчалъ ему потомъ, что если шумъ рынка мѣшаетъ, то не рынокъ надо уничтожить, а самому отойти. Но суть дѣла была для Печерина, конечно, не въ этомъ: его ужаснула матеріальность самаго идеала. Ему, утописту по натурѣ, выросшему на Шиллерѣ и вскормленному утопическимъ социализмомъ Сень-Симона и Фурье, возложившему на себя тяжелый крестъ Бога любви, Бога духа, — ужасъ и отвращеніе внушала эта программа новаго социализма, умалчивавшая о душѣ и ставившая себѣ цѣлью только общую сытость. Это ли тотъ «лучшій міръ», образъ котораго неизгладимо былъ напечатлѣнъ въ его душѣ? и ради этого стоило ли бы жить и отдавать свою жизнь на службу человечеству?

Эти письма, я сказалъ, равно характерны и для Герцена, и для Печерина. Въ половинѣ 30-хъ годовъ Герценъ отшатнулся бы отъ той программы, которую намѣтилъ теперь въ своемъ письмѣ, и въ основѣ безусловно согласился бы съ Печеринымъ; но съ тѣхъ поръ онъ, въ ногу съ вѣкомъ, далеко ушелъ отъ тѣхъ мыслей,

Печеринъ же, уйдя изъ жизни, остался тѣмъ, чѣмъ былъ тогда: римская сутана консервировала въ немъ утопическій идеализмъ 30-хъ годовъ. Онъ замуrowалъ себя въ католичество и уцѣлѣлъ, но уцѣлѣлъ какъ окаменѣлость; въ этомъ было его несчастье и въ этомъ его красота, потому что прекраснѣе той мечты, которой онъ былъ вѣренъ, человѣчество не знаетъ.

Характерно и то, что его взглядъ на Россію остался тотъ же, какой былъ общъ всѣмъ нашимъ идеалистамъ въ 30-хъ годахъ; такъ и Станкевичъ полагалъ, что въ русскомъ народѣ практической элементъ преобладаетъ надъ прочими и что человѣческая сторона «заснула въ немъ подъ звукъ валдайскаго колокольчика, подъ говоръ ярмарокъ». Къ 1853 году, послѣ славянофильской пропаганды и огромныхъ успѣховъ въ изученіи народа, какіе были сдѣланы за это время, взглядъ русской интеллигенціи на народъ успѣлъ радикально измѣниться; но до Печерина уже ничто не проникло сквозъ стѣны монастыря, — онъ остался при старомъ убѣжденіи.

XIV.

Я не знаю, что удивительнѣе въ жизни Печерина: его переходъ въ католичество и постриженіе въ 1840 году, или тотъ новый переломъ, который совершился въ немъ двадцать лѣтъ спустя и о которомъ мнѣ предстоитъ теперь рассказать.

Этотъ переломъ несомнѣненъ, но о причинахъ его мы ничего не знаемъ. Въ отрывкѣ изъ своихъ воспоминаній (о баронессѣ Розенкампфъ), писанномъ въ 1869 году, упомянувъ о томъ, какъ въ 1830 году его разбудилъ отъ дремоты громъ іюльской революціи, онъ продолжаетъ: «Съ тѣхъ поръ я уже болѣе не засыпалъ... *Ахъ, нѣтъ! виноватъ, грѣшный человекъ! Я проспалъ двадцать лучшихъ лѣтъ моей жизни (1840—1860).* Да что же тутъ удивительнаго! Вѣдь это не рѣдкая вещь на святой Руси. Сколько у насъ найдется людей, которые или проспали всю жизнь, или проиграли ее въ карты! *Я и то, и другое сдѣлалъ: и проспалъ, и проигрался втѣхъ.*»

Въ этомъ недвусмысленномъ признаніи—такая пучина душевной муки, не бурной, а разсудительной и тѣмъ болѣе глубокой, столько горькаго раскаянья и безнадежности, что, читая, сжимается сердце. Въ 1860—61 гг., когда совершился въ немъ этотъ переворотъ, Печеринъ уже шестой или седьмой годъ мирно жилъ въ редemptористскомъ монастырѣ въ Лимерикѣ; позади были 20 лѣтъ суровой, замкнутой жизни, гдѣ каждый день былъ расписанъ по полчаса на дѣла благочестія, гдѣ личная воля должна была

каждый день сызнова умирать (mourir tous les jours à la volonté progre, требовалъ уставъ), двадцать лѣтъ святости и неустанной проповѣди евангельскаго слова среди униженныхъ и несчастныхъ, — проповѣди, по всѣмъ признакамъ, вѣнчавшейся блестящимъ внѣшнимъ успѣхомъ. Если это было долгій сонъ, — что же теперь разбудило Печерина? Или онъ убѣдился, такъ поздно, что одного слова не довольно, чтобы обновить мѣръ? или увидѣлъ, что новые пути къ обновленію, найденные съ тѣхъ поръ, какъ онъ удалился изъ жизни, успѣшнѣе ведутъ къ цѣли, и горько пожалѣлъ о богатыхъ силахъ своей молодости, растроченныхъ безплодно въ погонѣ за химерой? Во всякомъ случаѣ мы можемъ сказать одно: самое его пробужденіе свидѣтельствуетъ о томъ, что подъ сутаной и клубукомъ въ немъ не умеръ живой духъ и не погасла мечта о лучшемъ мѣрѣ. Не житейскихъ утѣхъ взалкала его душа; напротивъ, конецъ своей жизни онъ проведетъ еще въ большемъ удаленіи отъ міра, еще въ большемъ смиреніи и безмолвіи. Снова поднимать нить мірскаго дѣла тамъ, гдѣ онъ оборвалъ ее, было поздно, — оставалось признать себя заживо мертвымъ, совсѣмъ уйти отъ людей и терпѣливо ждать конца.

Прежде всего, разъ ошибка была признана, надо было покончить съ безплоднымъ прошлымъ. Печеринъ, повидимому, не сразу рѣшился на это: только 5 октября 1863 года онъ выступилъ изъ ордена редемптористовъ. Въ этомъ орденѣ нелегко получить диспенсъ; принимая монашество, редемптористъ, сверхъ трехъ обычныхъ монашескихъ обѣтовъ, даетъ четвертый, въ силу котораго онъ обязывается оставаться въ орденѣ до гроба подъ страхомъ анаемы; единственный случай, когда разрѣшается просить объ увольненіи, — явная воля на то Бога (*manifestation authentique des volontés de Dieu*)¹⁾. Печеринъ мотивировалъ свою просьбу желаніемъ удалиться отъ внѣшнихъ дѣлъ и всецѣло посвятить себя созерцательной жизни въ качествѣ трапписта. Какъ видно, отцы ордена очень дорожили имъ, потому что, по словамъ лимерикскаго настоятеля, они приложили всѣ усилія, чтобы удержать его отъ этого поступка, доказывая ему, что его стремленіе уединиться есть ничто иное, какъ искушеніе.

Выйдя изъ лигвोरіанскаго ордена, онъ дѣйствительно вступилъ въ орденъ траппистовъ (въ монастырь Mount Mellaray въ Ирландіи), посвященный исключительно созерцанію и аскезѣ, одинъ изъ суровѣйшихъ въ католичествѣ. «Многіе думали тогда, — пишетъ отецъ редемптористъ O'Laverty изъ Лимерика, — что онъ сдѣлалъ этимъ

¹⁾ Desurmont, цвт. соч., стр. 84.

большую ошибку и что его истинным призваніемъ было проповѣдничество и миссіонерство. То, что, многіе думали тогда, оказалось справедливымъ. Слабое здоровье дѣлало его непригоднымъ для суровой, трудной жизни трапписта, ему очень скоро сказали, что у него нѣтъ призванія къ ней. По нашимъ правиламъ тѣ, кто оставляетъ насъ, не принимаются обратно; но въ виду изъ ряда вонъ выходящей чистоты его жизни (*his extraordinary virtue*) былъ возбужденъ вопросъ объ исключеніи въ его пользу. Какимъ-то образомъ эти переговоры не привели ни къ чему, и онъ удалился въ частную жизнь», т.-е. снялъ монашескую одежду и остался просто священникомъ. Разумѣется, дѣло надо понять такъ, что онъ самъ не пожелалъ вернуться въ орденъ редемптористовъ, несмотря на увѣщанія своихъ бывшихъ начальниковъ.

Теперь онъ имѣлъ досугъ—впервые послѣ многихъ лѣтъ. Опять, какъ четверть вѣка назадъ, онъ былъ одинокъ въ пустынѣ чуждаго ему міра, старый, надломленный, съ страшнымъ сознаніемъ роковой ошибки и съ единой надеждой на избавительницу-смерть впереди. И тутъ, какъ видно, вполне ожила его душа и, содрогаясь, подвела итогъ проигранной жизни. Измученное сердце жаждало участія, а кругомъ—все чужое, ни одной родной души.

Въ самомъ концѣ августа 1865 года И. С. Аксаковъ, тогда редакторъ «Дня», неожиданно получилъ въ Москвѣ письмо изъ Дублина съ приложеніемъ длиннаго стихотворенія и визитной карточки: Rev-d Vladimir Petcherine. Въ этихъ стихахъ Печеринъ рассказываетъ потрясающую исторію своей жизни. Вотъ они.

Non! sa chaleur n'est pas toute glacée!
De souvenir je le sens tressaillir...

Demoutier.

Не погибъ я средь крушенья,
Не пришелъ еще мой часъ!
И средь бурнаго волненья
Мой свѣтильникъ не погасъ!
И подь часъ, какъ молнии, блещуть
Мысли юности моей,
И въ груди моей трепещуть
Вдохновенья прежнихъ дней.
Чудится: плывутъ въ эфирѣ
Звуки пѣсней удалыхъ,
И волшебница на лирѣ
Мнѣ поетъ о снахъ златыхъ.

Рано, рано съ утренней зарею
Вышелъ я изъ хижины родной,
И зеленый лѣсъ передо мною
Расцвѣталъ весеннею красой.

На вѣтвяхъ алмазами сверкали
Капли крупныя росы ночной,
Дикіе цвѣты благоухали
Въ пышномъ лонѣ зелени густой...

На соснѣ, соснѣ высокой
Птичка дивная сидитъ,
И ея живое око
Прямо въ небеса глядитъ.
Встрепенулась и запѣла,
И весь лѣсъ безмолвенъ сталь;
Птичка пѣла, пѣла, пѣла,
А я слушалъ и молчалъ.

Заливалась, разливалась,
Будто соловей, она,
И мнѣ пѣснь ея казалась
Грустью тайною полна.

Райская была то птица
И о раѣ пѣснь вела,
И *туда* меня пѣвица
И манила, и звала:

„Вѣчнымъ солнцемъ тамъ сіяетъ
Правды незакатный свѣтъ!
Тамъ любовь не умираетъ
И разлуки вовсе нѣтъ!

„О, духъ, жаждою томимый,
Тамъ тебя блаженство ждетъ!
Тамъ струей неутомимой
Истины потокъ течетъ.

„Тамъ подъ небомъ вѣчно чистымъ
Будешь птичкою парить,
Какъ пчела, изъ розъ душистыхъ
Сладкій медъ ты будешь пить!

„Что тебѣ страна родная
Межъ тумановъ и снѣговъ?
Тамъ—свобода золотая,
Жизнь эфирная духовъ!“¹⁾

Птичка пѣла, пѣла, пѣла,
А я слушалъ—и мечталъ!
Быстро жизнь моя летѣла;
Дни прошли—и я не зналъ.

И красуется, какъ прежде, въ пышной
Зелени густой, могучій лѣсъ;
Но пѣвицы дивной ужъ не слышно
И навѣки слѣдъ ея исчезъ.

¹⁾ Въ сохранившемся подлинникѣ эта строфа имѣетъ такой видъ:

Что тебѣ твой край родимый
Средь зимы и средь цѣпей?
Тамъ свобода! тамъ любимый
Дѣтскій сонъ души твоей!

Время хладною рукой сорвало
Юности вѣнокъ съ главы моей:
Все померкло—сердце перестало
Вѣрять сладкимъ пѣснямъ вешнихъ дней...

Безпріютнымъ сиротою
Я у хижины родной
Постучался въ дверь клюкою—
Мнѣ отвѣтилъ гласъ чужой:
„Кто ты, странникъ? изъ какого края?
Гдѣ твой Богъ? и гдѣ твоя семья?..
Или, можетъ быть, судьбина злая
На изгнанье обрекла тебя?
„Есть народная святыня!
Есть завѣтный кровь родной!
И семейство, какъ твердыня,
Насъ хранить въ годинѣ злой.
„Неужель на бѣломъ свѣтѣ
Некому тебя обнять,
Пріютить, пригрѣть на сердцѣ
И тебѣ „люблю“ сказать?“

Странникъ.

Ахъ! повѣрь: и мнѣ не чужды были
Ласки матери родной!
И друзья мнѣ счастье сулили,
И звѣзда свѣтила предо мной!
Но я слышалъ гласъ Красы незримой;
Этотъ гласъ меня очаровалъ:
Я отца, и мать, и край родимый—
Все на жертву *Ей* отдалъ!
Гдѣ ты? гдѣ, Краса небесная!
Гдѣ? въ какой странѣ тебя найду!
За горами ль за высокими?
За морями ль за широкими?
Всюду за тобой пойду!
Предо мной вездѣ Она мелькала
И манила за собой;
Я за ней—Она вдругъ исчезала,
Будто призракъ въ тѣмѣ ночной.
И теперь бездомнымъ сиротою
По міру одинъ брожу,
Сладкаго вездѣ ищу покою—
И нигдѣ не нахожу.

Въ письмѣ, сопровождавшемъ это стихотвореніе, Печеринъ писалъ И. С. Аксакову: «Милостивый государь! **Благородный духъ** Вашего журнала давно привлекаетъ мое вниманіе, хотя, къ со-

жалѣнію, я не всегда имѣю случай читать его. Сверхъ того, тамъ часто встрѣчается дорогое для меня имя О. В. Ч(иж)ова. Неизбѣжная судьбина—*ineluctabile fatum*—отдѣляетъ меня отъ родины, но прилагаемое стихотвореніе покажетъ вамъ, что я не забылъ ни русскаго языка, ни русскихъ думъ. Я самъ не могу себѣ объяснить, для чего я посылаю вамъ эти стихи. Это какое-то темное чувство—или просто желаніе переслать на родину хоть одинъ мимолетный, умирающій звукъ. Примите увѣреніе, и пр.».

Аксаковъ немедленно напечаталъ и это письмо, и стихотвореніе¹⁾, предпославъ имъ горячо написанную передовую статью. «Мы не знаемъ,—писалъ онъ,—найдется ли въ Россіи человекъ, которому глубокая скорбь этихъ искреннихъ, сердечныхъ, ароматическихъ стиховъ не выворотила бы всего сердца! Это братъ нашъ скорбитъ и страдаетъ, это родная намъ душа бьется, какъ птица въ клѣткѣ, изнываетъ, гибнетъ и стонетъ! Онъ нашъ, нашъ, нашъ—даже подъ латинскихъ фрокомъ!—онъ имѣетъ полное право на наше участіе и состраданіе! Неужели нѣтъ для него возврата? Ужели поздно, поздно?.. Русь проститъ заблужденія, которыхъ поводъ такъ чистъ и возвышенъ, она оцѣнитъ страстную, безкорыстную жажду истины, она съ любовью раскроетъ и приметъ въ объятія своего заблудшаго сына!»

XV.

Проснулось ли въ Печеринѣ неистребимое влеченіе сына къ родинѣ-матери, или, можетъ быть, освобожденіе крестьянъ и все вообще «дней Александровыхъ прекрасное начало» заставили его измѣнить свое мнѣніе о Россіи, — во всякомъ случаѣ переломъ, совершившійся въ Печеринѣ около 1861 года, духовно вернулъ его Россіи. Это сказалось уже до его выступленія изъ ордена: приблизительно съ половины 1862 года начинается въ «Колоколѣ» длинный рядъ отмѣтокъ о пожертвованіи В. Печеринымъ то 1, то 2 фунт. стерл. въ «Общій фондъ», на поддержку нуждающихся русскихъ эмигрантовъ. Но особенно рѣзко обнаруживается этотъ поворотъ въ немъ съ той минуты, когда онъ покидаетъ монашество. Въ октябрѣ 1864 года написалъ онъ то стихотвореніе, приведенное выше, гдѣ мы читаемъ такія ясныя строки:

Послѣ долгихъ тревоженій
Вижу снова брегъ родной;

годъ спустя, въ августѣ 1865 года, онъ присылаетъ И. С. Аксакову стихотвореніе для напечатанія въ «Днѣ», и спустя три не-

¹⁾ „День“, 1865 г., № 29, отъ 2 сентября.

дѣли впервые послѣ многихъ-многихъ лѣтъ писать письмо старому другу Никитенкѣ, повергая его тѣмъ въ радостное удивленіе; наконецъ, вѣроятно, въ этомъ же году начинается его переписка съ его племянникомъ, Поярковымъ, жившимъ въ Одессѣ. Мы увидимъ дальше, что съ этихъ поръ сношенія съ Россіей становятся для Печерина какъ бы главнымъ жизненнымъ интересомъ. Онъ былъ, разумѣется, далекъ отъ мысли о возвращеніи въ Россію—что онъ могъ бы тамъ дѣлать?—да онъ и вообще уже не думалъ объ остальныхъ своихъ дняхъ. Но въ бессонной работѣ сознанія, снова и снова разбиравашаго роковую ошибку его жизни, эта ошибка неизмѣнно связывалась съ мыслью о Россіи; то стихотвореніе 1868 г., «Иронія судьбы», отрывокъ изъ котораго приведенъ выше, начинается такъ:

Не сбылися предсказанья
 Лжепророковъ и друзей;
 Расплылись, какъ дымъ, мечтанья
 Гордой юности моей.

Можетъ быть, чего-то ждала
 Русь святая отъ меня:
 Надъ главою моею сіяла
 Вѣстница златого дня.

Но денницы блескъ летучій
 Всѣмъ надеждамъ измѣнилъ;
 Мракъ внезапный черной тучи
 Свѣтлый день мой затемнилъ.

Чья жъ вина? вина ль Россіи?
 Кто же станетъ мать винить!

и т. д.

Въ библиотекѣ московскаго университета хранится старая кожаная папка съ бумагами Печерина, присланная сюда вѣроятно послѣ его смерти. Здѣсь—рукописные подлинники нѣсколькихъ его стихотвореній, какъ юношескихъ, 30-хъ годовъ, такъ и позднѣйшихъ, 1864—76 гг.; послѣднія большею частью приведены нами въ этой статьѣ. Кромѣ того, здѣсь находится 23 письма къ Печерину его племянника С. Θ. Пояркова и 9—Никитенка. Эти письма любопытны какъ біографическими подробностями, содержащимися въ нихъ, такъ и указаніями на то, чѣмъ интересовался Печеринъ въ послѣдній періодъ его жизни—въ 60 и 70-хъ годахъ.

Письма Пояркова обнимаютъ время съ апрѣля 1865 г. по іюнь 1873 г., когда, вѣроятно, Поярковъ умеръ. Первые письма полны подробностей о здоровьи отца Печерина, жившаго въ Одессѣ, гдѣ жилъ въ это время и Поярковъ. Матери Печерина, очевидно, уже не было въ живыхъ; но она была жива еще въ январѣ 1857 г. Старикъ имѣлъ въ Одессѣ собственный домъ, очень ветхій, гдѣ

жилъ уже лѣтъ 30; нашъ Печеринъ, оказывается, также бывалъ въ Одессѣ. У старика одна нога была контужена, и онъ почти не двигался; изрѣдка онъ приписываетъ двѣ-три строки въ письмѣ Пояркова, въ родѣ слѣдующихъ: «Милей другъ Валодя я боленъ нагою мались за меня богу даю тебе мое благославленіе атець твой Сергѣй Печеринъ». При немъ находился старый слуга Никифоръ, безъ сомнѣнія крѣпостной, въ студенческіе годы жившій при молодомъ Печеринѣ въ Петербургѣ; послѣ смерти старика, случившейся 18 августа 1866 года, Поярковъ помѣстилъ Никифора въ городскую богадѣльню. Мы узнаемъ также, что Печеринъ хорошо зналъ Кіевъ и Подольскую губернію; Поярковъ, можетъ быть по его просьбѣ, сообщаетъ ему о судьбѣ различныхъ его родственниковъ за истекшую четверть вѣка и пр. Вообще эти письма до нѣкоторой степени проливаютъ свѣтъ на семейную обстановку Печерина; такъ, прося его о присылкѣ автобіографическихъ свѣдѣній, Поярковъ прибавляетъ: «Всѣ усилія мои пополнить скудные мои свѣдѣнія о Вашемъ прошломъ словесными бесѣдами съ дѣдушкою (т.-е. отцомъ Печерина) не привели ни къ какому результату, какъ какъ старикъ не только не зналъ, но и не подозрѣвалъ значенія и сущности той среды, въ которую Вы были поставлены воспитаніемъ и выборъ которой, сколько можно догадываться, шелъ вразрѣзъ намѣреніямъ Вашего батюшки». Въ другой разъ онъ пишетъ (въ іюль 1867 г.): «Я медлилъ отвѣтомъ на послѣднее Ваше письмо... Я и теперъ затрудняюсь отвѣчать на Ваше письмо, потому что вполнѣ понимаю, какія тяжелыя чувства бужу въ Вашемъ воспоминаніи о дѣтской обстановкѣ. Мнѣ тѣмъ труднѣе взяться за это, потому что придется сознаться, что и конецъ былъ продолженіемъ начала. Чтобы слова мои не показались неправдою, прилагаю при семъ случайно уцѣлѣвшую у меня изъ груды подобныхъ записокъ послѣднихъ годовъ. Я вполнѣ понималъ главную причину оставленія Вами Россіи. Картина обстановки Вашей въ домашнемъ быту такъ наглядна, что не только Вы бы не примирились съ нею до сихъ поръ, но даже для насъ было болѣе нежели тяжело, — для насъ, гдѣ въ большей части окружающее того же колорита».

Поярковъ часто и подробно сообщаетъ Печерину о ходѣ земской, судебной и другихъ реформъ; впрочемъ, какъ видно изъ писемъ, Печеринъ въ это время постоянно читалъ русскія газеты. Повидимому, въ своихъ письмахъ къ Пояркову онъ говорилъ о «демократическомъ» назначеніи Россіи, потому что Поярковъ, поклонникъ Каткова, отвѣчаетъ ему: «Демократическое назначеніе нашей родины прививается что-то очень плохо... Нѣтъ, не наша задача осуществить демократизмъ» и т. д. Печеринъ также, очевид-

но, спрашивалъ, дѣйствительно ли, какъ можно судить по газетамъ, социализмъ въ послѣднее время сдѣлалъ большіе успѣхи въ Россіи. Какъ онъ вообще смотрѣлъ на политическій режимъ Россіи и на производимыя въ ней реформы, показываютъ слѣдующія строки изъ письма Пояркова къ нему отъ 18 марта 1870 года: «Сравнивая строй управленія Англіи съ нашимъ, Вы останавливаетесь на мысли, что могутъ ли всѣ реформы наши достигать желаемаго результата при измѣнчивости нашихъ законоположеній...» Эту самую мысль Печеринъ мимоходомъ выразилъ въ отрывкѣ изъ своихъ воспоминаній, напечатанномъ въ 1870 г. въ «Русскомъ Архивѣ»: перечисляя науки, необходимыя для русскаго народа, онъ доходитъ до юриспруденціи, но останавливается: «Ну, тутъ, кажется, надо еще немножко подождать, когда у насъ будутъ законы, а то изъ чего же тутъ хлопотать? Какое тутъ законовѣдѣніе, когда вы не увѣрены, что вчерашній законъ не будетъ завтра же отмѣненъ?..»

Наконецъ, изъ писемъ Пояркова мы узнаемъ, что Печеринъ въ эти годы писалъ свою автобіографію. Толчкомъ къ этому послужило напечатаніе въ 1865 году въ аксаковскомъ «Днѣ» приведеннаго выше стихотворенія. По словамъ Пояркова, оно произвело глубокое впечатлѣніе на его одесскихъ знакомыхъ; въ обществѣ заговорили о Печеринѣ: «Онъ нашъ; отдайте намъ его. Онъ нашъ потому, что не измѣнилъ служенію мысли даже въ то время, когда свободно бродилъ только звѣрь, а человѣкъ ходилъ пугливо... Онъ—та самая краса, которой онъ самъ такъ тщетно искалъ, но внутреннему голосу которой такъ искренно служилъ». Отъ Пояркова требовали подробностей о жизни Печерина, и вотъ онъ рѣшился обратиться къ послѣднему съ просьбою—въ письмахъ частями рассказать ему свою біографію, которую Поярковъ намѣренъ былъ затѣмъ напечатать: «Только такимъ путемъ,—писалъ онъ,—я могу удовлетворить общему желанію и только этимъ путемъ до Васъ дойдутъ въ печати всѣ отклики сочувствія къ Вамъ русскихъ».

Печеринъ не заставилъ себя долго просить: въ концѣ октября Поярковъ уже благодаритъ его за присылку перваго автобіографическаго письма и стихотвореній; затѣмъ послѣдовала, очевидно, пѣлая серія такихъ писемъ, хотя и съ большими промежутками. За два года (къ половинѣ 1867 г.) Печеринъ довелъ рассказъ до своего отъѣзда изъ Россіи; продолжалъ ли онъ свои записки и дальше, по письмамъ Пояркова нельзя установить. Съ своей стороны, Поярковъ усердно собиралъ все, что имѣло отношеніе къ жизни Печерина: забралъ къ себѣ всѣ его письма къ родителямъ, разыскалъ у старика юношескія письма В. С. и изъ письма отъ 23 марта 1836 г. узналъ, въ какихъ томахъ «Московского Наблюдателя» и

Плюшаровскаго Словаря были напечатаны его произведенія, разспрашивалъ Никифора объ ихъ петербургскомъ житѣ и съ его помощью разыскалъ идиллію Печерина «Руѣ» безъ обозначенія года (она неизвѣстна намъ), наконецъ нашель его портретъ масляными красками, неизвѣстно когда присланный. «За неизмѣнимымъ портрета моей матери,—пишетъ онъ,—Вашъ портретъ, напоминая мнѣ Васъ, напоминаетъ мнѣ и ту, которая учила меня любить Васъ и благоговѣть передъ Вашимъ именемъ. Она говорила мнѣ: есть въ нашемъ родѣ и почетные, и достаточные, но только одинъ свѣтильникъ».

Осенью 1867 г. Печеринъ прислалъ Пояркову рекомендательныя письма къ старымъ своимъ друзьямъ, Никитенкѣ и Ѳ. В. Чижову; съ первымъ Поярковъ видѣлся въ декабрѣ этого года, со вторымъ, въ Москвѣ,—лѣтомъ слѣдующаго. О Чижовѣ онъ писалъ Печерину: «Онъ полонъ самыхъ задушевныхъ воспоминаній о Васѣ... Онъ самъ хотѣлъ писать къ Вамъ и увѣрить Васъ, что въ Москвѣ есть кружокъ, помнящій Васъ и любящій Васъ». Чижовъ просилъ Пояркова въ слѣдующій прїѣздъ привезти имѣющіеся у него матеріалы для біографіи Печерина; писалъ ли онъ объ этомъ и самому Печерину, мы не знаемъ, но въ ноябрѣ 1870 г. Поярковъ сообщаетъ Печерину, что согласно его, Печерина, письму, отправилъ Чижову эти матеріалы: «Ѳ. В. Чижовъ просилъ меня прислать ему не только тѣ письма, которыя Вы назначили (вѣроятно автобіографическія), но все, что только я имѣлъ, общая въ цѣлости и сохранности возвратить ихъ мнѣ, какъ принадлежность моего семейства. Поэтому я привелъ въ порядокъ, подшилъ и отправилъ ему все, что имѣлъ, и общалъ ему сообщать также и послѣдующія Ваши письма». Дѣло въ томъ, что Чижовъ, очевидно, брался напечатать автобіографію Печерина въ какомъ-либо изъ русскихъ журналовъ. Попытки къ этому дѣлались, повидимому, уже и раньше; по крайней мѣрѣ, еще весною 1866 года Поярковъ, говоря въ письмѣ къ Печерину о положеніи печати въ Россіи, прибавлялъ: «Петербургскія редакціи затруднились даже напечатать Ваши воспоминанія», и дальше въ томъ же письмѣ сообщалъ, что «Современникъ» и «Отечеств. Записки» охотно берутся напечатать статью изъ его, Печерина, сочиненій. Старанія Пояркова, какъ видно, оказались безуспѣшными, и теперь за дѣло взялся Чижовъ. Дѣйствительно, въ 1870 году онъ напечаталъ въ «Русскомъ Архивѣ» тѣ воспоминанія Печерина о баронессѣ Розенкампфъ, которыя мы выше не разъ цитировали. Это, повидимому, порадовало Печерина: онъ захотѣлъ увидѣть въ русской печати и остальные свои записки. Въ апрѣлѣ 1872 г. Поярковъ сообщаетъ ему

содержаніе письма Чицова: въ этомъ году едва ли удастся осуществить печатаніе, по цензурнымъ причинамъ; а въ августъ того же года пишетъ: «Предположенія Ваши о печати, по моему мнѣнію, очень осуществимы, и я сообщилъ ихъ Ѳедору Васильевичу». На этомъ, повидимому, дѣло и остановилось; только еще въ томъ же «Русскомъ Архивѣ» за 1871 годъ появилось частное письмо Печерина о классицизмѣ, вѣроятно къ Чицову; мы вернемся къ нему ниже¹⁾.

Подъ 28 сентября 1865 года Никитенко отмѣтилъ въ своемъ «Дневникѣ»: «Получилъ премилое письмо изъ Дублина отъ Печерина»²⁾; 14 октября онъ отвѣчалъ ему: «Послѣ болѣе четверти столѣтія я встрѣчаюсь съ вами лицомъ къ лицу въ заочной бесѣдѣ, безцѣнный Владиміръ Сергѣевичъ. Я праздную въ моемъ сердцѣ это святое возрожденіе нашей дружбы», и т. д. Сохранившіяся письма Никитенка къ Печерину обрываются на 1869 годѣ. Изъ нихъ видно, что Печеринъ сообщалъ Никитенкѣ о своихъ лингвистическихъ изслѣдованіяхъ, вѣроятно, по арабскому языку. «Въ послѣднемъ письмѣ вашемъ,—пишетъ Никитенко,—вы сказали о вашихъ изученіяхъ и трудѣ, который долженъ быть плодомъ ихъ. Боже мой! думалъ я и думаю, что если бы возникшее изъ этихъ великихъ и обширныхъ изученій было явлено свѣту на русскомъ языкѣ и внесено было въ сокровищницу русской небогатой еще науки!» Печеринъ въ это время обучалъ русскому языку Аткинсона, будущаго переводчика русскихъ классиковъ; онъ спрашиваетъ у Никитенка совѣтовъ насчетъ учебниковъ русской грамматики и исторіи русской литературы, сообщаетъ ему отзывы англичанъ о русской литературѣ, между прочимъ о Крыловѣ. Его письма и рассказы Пояркова удостовѣряютъ Никитенка, что Печеринъ при всѣхъ тревоженіяхъ и превратностяхъ жизни «сохранился въ своемъ типѣ», и, вспоминая давно минувшіе годы, онъ говоритъ о немъ и о себѣ: «Примѣненіе къ Донъ-Кихоту не къ вамъ однимъ отосится. Развѣ и я не былъ такимъ же Донъ-Кихотомъ? Вы были весь пылъ и рѣшимость; я былъ сдержаннѣе и, если можно такъ выразиться, скептичнѣе васъ». Уже вскорѣ послѣ возобновленія переписки Пе-

¹⁾ Чицовъ, какъ видно, не вернулъ Пояркову, умершему въ 1873 году, печеринскихъ бумагъ, и онѣ находятся, вѣроятно, среди *Переписки Чицова*, переданной въ 1878 году его душеприказчикомъ, С. И. Мамонтовымъ, на храненіе въ Румянцевскій музей съ разрѣшеніемъ вскрыть не ранѣе 40 лѣтъ со дня смерти Чицова (ум. 14 ноября 1877 г.). Обильный матеріалъ для біографіи Печерина находится также, несомнѣнно, въ *Дневникѣ* Чицова (19 книгъ и тетрадей), поступившемъ тогда же въ музей на тѣхъ же условіяхъ.

²⁾ Никитенко, III, стр. 48.

черинъ прислалъ Никитенкѣ свой портретъ, и Никитенко писалъ въ своемъ «Дневникѣ» 1 ноября 1865 г.: «Письмо и фотографическая карточка отъ Печерина изъ Дублина. Сколько воспоминаній соединяется съ этимъ милымъ лицомъ, которое, судя по портрету, мало измѣнилось! Та же мягкость въ чертахъ, то же добродушіе, то же умное, оригинальное выраженіе во всемъ складѣ лица. А въ письмѣ его сколько наблюдательности, ума и знанія, приобретеннаго наукою и опытомъ! О Россіи онъ говоритъ съ любовью, хотя не видно, чтобы онъ желалъ возвратиться въ нее»¹⁾). А что переживалъ въ эти годы Печеринъ, показываютъ слѣдующія строки изъ письма къ нему Никитенка, писанныя четыре года спустя; «Грустно было мнѣ читать тѣ строки вашего второго письма, гдѣ вы съ такою трогательною прелестью говорите о вашемъ печальномъ одиночествѣ. Кромѣ богатствъ ума, знанія, идей, вамъ природа дала еще другое великое богатство — богатство благороднаго, любящаго сердца, и я понимаю, какъ должно быть для васъ тяжело оставаться одинокимъ посреди всей этой роскоши и блеска».

XVI.

Въ одномъ изъ этихъ писемъ Никитенко говоритъ о себѣ, что единственное, что уцѣлѣло въ злополучномъ крушеніи его надеждъ и стремленій, это — нѣкоторое мужество, «готовое между прочимъ безъ ропота пожать то, что посѣялъ».

Этимъ мужествомъ вполне обладалъ Печеринъ. Тотчасъ по оставленіи ордена траппистовъ, ставъ свѣтскимъ католическимъ священникомъ, онъ взялъ мѣсто капеллана при одной изъ большихъ дублинскихъ больницъ — *Mater misericordiae*. Здѣсь прожилъ онъ до послѣдняго дня, утѣшая больныхъ евангельскимъ словомъ, въ кроткомъ самоотреченіи и съ яснымъ сознаниемъ міра и самого себя. Каково было это сознание, показываютъ слѣдующіе его стихи, написанные, несомнѣнно, въ началѣ 70-хъ годовъ²⁾:

Прочь, о демонъ лучезарный,
 Демонъ счастья и любви!
 Искуситель-міръ коварный,
 Всякъ страдальца не зови!
 Хитрая сирена-младость,
 Давнихъ пѣсень мнѣ не пой!
 Кровныхъ узъ святая сладость,
 Мнѣ не внятенъ голосъ твой!

¹⁾ Ibid. 56.

²⁾ Они были напечатаны Н. С. Тихомировымъ въ *Рус. Стар.* за 1875 г.

За небесныя мечтанія
 Я земную жизнь отдаю,
 И тяжелый крестъ изгнанія
 Добровольно я подъяю.
 Подъ вѣнкомъ моимъ терновымъ,
 Въ потъ блѣднаго лица
 Подвигъ трудный и суровый
 Совершу я до конца.

И, какъ жертву примиренья,
 Я принести себя готовъ
 На алтарь Твой всесожженъ,
 О превѣчная любовь!

Жизни бурной тревоженъ
 Претергивъ, о мой челнокъ!
 Въ пристани уединенья
 Приютися одинокъ!

Слышь! отъ всѣхъ концовъ вселенной
 Голосъ тайный вошеть:
 „Все земное — прахъ! все — тлѣнно!
 „Все, какъ дымъ, какъ тѣнь, пройдетъ!“

Этотъ вопль, повсюду слышимый,
 Къ намъ изъ рода въ родъ гремитъ:
 Соломонъ въ чертогахъ пышныхъ
 „Суета суетъ!“ гласитъ.

Карлъ, властитель величавый,
 Блескомъ царскаго вѣнца
 Утомленъ, отъ шума славы
 Скрылся въ келью чернеца.

Тяжкую сложивъ порфиру,
 Саванъ смерти онъ надѣлъ, —
 Взглядъ прощальный бросивъ міру,
 Заживо себя отпѣлъ.

Я упоминалъ уже, что библіотека Печерина была въ половинѣ 80-хъ годовъ подарена, вѣроятно имъ самимъ, московскому университету. Она не велика — въ ней всего 183 названія. Просматривая ея каталогъ, нельзя догадаться, что она принадлежала католическому монаху: это — небольшая, но хорошо подобранная библіотека русскаго ученаго-лингвиста, человѣка просвѣщеннаго, интересующагося современной умственной жизнью Европы и освободительнымъ движеніемъ въ Россіи, любящаго поэзію. Сочиненій, касающихся католическаго богословія или католической церкви, здѣсь всего 4—5. Наибольшее число книгъ относится къ области языковѣднiя и классической литературы; первое мѣсто по количеству занимаютъ грамматики, хрестоматіи и словари персидскаго, санскритскаго, индусскаго, сирійскаго, еврейскаго, бенгальскаго и особенно арабскаго языка, которымъ, очевидно, всего больше зани-

мался Печеринъ въ 60-хъ годахъ: среди этихъ книгъ находятся двѣ каллиграфически написанныя имъ самимъ арабскія рукописи— переводъ евангелія отъ Маттея на 190 страницахъ, и другая подъ заглавіемъ: *Notae Arabicae*, 1862 — 63, Dublini, на 115 листахъ. Второе по количеству мѣсто принадлежитъ многочисленнымъ изданіямъ греческихъ и римскихъ классиковъ, и здѣсь любопытно отмѣтить, что какъ разъ въ 60-е и 70-е годы Печеринъ пріобрѣтаетъ новыя, полныя изданія ихъ. Третье мѣсто занимаютъ русскія книги, *исключительно* (если не считать посмертнаго изданія сочиненій Пушкина) 1860—80 годовъ. Это по преимуществу заграничныя изданія; если возможно, что Герценъ и послѣ 1853 года продолжалъ присылать Печерину свои изданія, то «Записки» П. Долгорукова 1863 г., его же брюссельскій «Листокъ» 1862 г., «Впередъ» за 1876 г. и пр. Печеринъ выписывалъ, конечно, самъ. Мы находимъ здѣсь сочиненія Лермонтова, Достоевскаго, Писемскаго, «Войну и миръ», «Дымъ» Тургенева, пѣсни Рыбникова и пр., отдѣльные №№ «Рус. Арх.», «Вѣстн. Евр.» и «Отеч. Зап.» 1869—82 гг., даже Евангеліе по-русски именно 1862 г. и Библію того же года. Затѣмъ надо поставить небольшое собраніе европейскихъ поэтовъ: Гейне, Шиллера, Гете, Тассо, Аріосто, Данте, Камоэнса и пр., всѣ въ подлинникахъ, и небольшую же группу книгъ, особенно характерную для умонастроенія Печерина въ послѣдній періодъ его жизни: Бюхнеръ, Фейербахъ, Ренанъ и Штраусъ 1861—1876 гг.

У насъ такъ мало свѣдѣній, по которымъ мы могли бы судить о міровоззрѣніи Печерина въ эти годы, что мы не должны пренебрегать и такими сухими статистическими данными. Мы уподобляемся пушкинской Татьянѣ въ кабинетѣ Онѣгина — послѣдуемъ же и дальше ея примѣру: какъ Онѣгинъ — и Печеринъ имѣли привычку читать съ карандашомъ въ рукѣ, и «вездѣ его душа

Себя невольно выражаетъ
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

Вотъ сборникъ посмертныхъ статей Герцена 1870 г. Печеринъ подчеркиваетъ слова Герцена о Чичеринѣ: «онъ считалъ правительствомъ гораздо выше общества и его стремленій», и на полѣ своимъ красивымъ, четкимъ почеркомъ приписываетъ: «А можетъ быть и правда». Противъ разсказа о революціонной дѣятельности Бакунина въ 40-хъ годахъ, гдѣ Герценъ называетъ его одною изъ тѣхъ личностей, «мимо которыхъ не проходитъ ни современный міръ, ни исторія», Печеринъ, подчеркнувъ эти слова, пишетъ сбоку: «А много ли объ немъ останется въ исторіи?» Въ четвер-

той части «Былого и Думъ» 1866 г. онъ подчеркиваетъ слова Герцена (по поводу вліянія Маццини на итальянскій народъ): «Не разумъ, не логика ведетъ народы, а вѣра, любовь и ненависть», и дѣлаетъ къ этимъ словамъ выноску: «Не чистымъ разумомъ живутъ народы, а святыми преданіями, баснями—зачѣмъ же вы это забываете, Герценъ?» Онъ подчеркиваетъ у Гейне (1869) стихъ: *Meinem eignen Stern vertrauend*—онъ самъ такъ долго вѣрилъ въ свою звѣзду! Противъ словъ: *eine welterlösende Idee* онъ саркастически ставитъ два восклицательныхъ знака, онъ отмѣчаетъ слова: *Dem nicht der Muth, sondern die Geduld regiert die Welt*, и подчеркиваетъ стихи: *Suchte ich die Zeit zu tödten mit Gedanken*. Въ «Кто виновать» онъ отмѣчаетъ слова Дмитрія Яковлевича (ч. II, гл. 4), сказанныя точно о немъ: «Просто сердцу и уму противно согласиться въ возможности того, чтобъ прекрасныя силы и стремленія давались людямъ для того, чтобы онѣ раздѣдали ихъ собственную грудь», какъ и аналогичныя двѣ строки нѣсколько выше.

Но всего характернѣе тѣ отмѣтки, которыя даютъ понятіе о томъ, какъ онъ теперь относился къ революціонному періоду своей жизни, къ тѣмъ годамъ, когда «его звѣзда вела его въ Парижъ». Онъ съ явнымъ сочувствіемъ читалъ у Герцена ѣдкую характеристику «хористовъ революціи», революціонной толпы, усваивающей лишь риторическую сторону движенія, людей «съ огромными притязаніями, но безъ выдержки и силы на трудъ»: эти слова онъ подчеркнулъ, какъ въ другомъ мѣстѣ подчеркнулъ слова: «желаніе сильныхъ страстей, громкихъ дѣлъ», и въ «Кто виновать» 1859 г. слова: «Нельзя, да и не нужно всѣмъ выступать на первый планъ», и ниже: «Наша жажда видныхъ и громкихъ общественныхъ положеній показываетъ великое несовершеннѣе наше». Очевидно, отъ тѣхъ лѣтъ онъ сохранилъ глубокое отвращеніе къ французамъ: онъ подчеркиваетъ всѣ строки, гдѣ Герценъ бичуетъ фразерство французовъ, ихъ пустоту и любовь къ эффектамъ. Въ томъ мѣстѣ «Посмертн. статей», гдѣ Герценъ рассказываетъ о своемъ свиданіи съ Ледрю-Ролленомъ, увѣрявшимъ его, что Парижъ совершенно готовъ и революція уже все равно что сдѣлана — *la révolution est faite: c'est clair comme bonjour*, Печеринъ противъ этихъ словъ написалъ: «о, шарлатанъ!» Онъ отмѣчаетъ сбоку всю длинную тираду Герцена о національномъ характерѣ французовъ въ *Alpendrücken* (X, 83) и внутри ея подчеркиваетъ: «они идутъ отъ словъ къ словамъ», «громадныя стремленія безъ возможныхъ средствъ и ясныхъ цѣлей», «напыщенная и дутая риторика»; въ 37-й гл. «Былого и Думъ» онъ отмѣчиваетъ такую же характеристику французовъ-революціонеровъ: «Ломанье, хвастовство и привычка къ фразѣ до та-

кой степени проникли въ кровь и плоть ихъ, что люди гибли, платили жизнью изъ-за актерства, и жертва ихъ все-таки была *ложь*». Въ одной книгѣ, изданной въ 1871 г., онъ къ слову приписалъ на полѣ: «Deutsche Wissenschaft und deutsche Waffen haben Gott sei Dank Frankreich gedemüthigt!»

Чрезвычайно любопытны, какъ и легко себѣ представить, помѣтки Печерина на его экземплярѣ «Kraft und Stoff» Бюхнера (14-е изд., 1876 г.). Уже подъ первымъ предисловіемъ онъ написалъ:

Mit Worten lässt sich herrlich streiten,
Mit Worten ein System bereiten,
An Worte lässt sich trefflich glauben,
Vom Worte darf man kein jota rauben.

Однако онъ читалъ эту книгу очень внимательно, многое подчеркивалъ и часто дѣлалъ въ ней помѣтки на поляхъ. Тамъ, гдѣ Бюхнеръ говоритъ о мозгѣ, какъ «мѣстопребываніи души», онъ приписалъ: «Wo ist die Seele meiner Uhr?» Гдѣ идетъ рѣчь о невозможности, съ естественно-научной точки зрѣнія, личнаго безсмертія, онъ замѣчаетъ: «Contradictio in terminis. Was persönlich ist, ist notwendigerweise beschränkt in Raum und Zeit»; противъ словъ Бюхнера о томъ, что во время сна душа человѣка въ подлинномъ смыслѣ слова уничтожается, онъ пишетъ на полѣ: «aber die Träume?»; въ другихъ мѣстахъ онъ ограничивается ироническимъ *ragla come un dio* или *Kauderwelsch*, и т. п. Но, быть можетъ, всего характернѣе помѣтки Печерина на поляхъ дневника, веденнаго во время Ватиканскаго собора 1870 года знаменитымъ богословомъ Фридрихомъ, яркимъ противникомъ куріи и папскихъ притязаній. Надо помнить, что догматы, провозглашенные на этомъ соборѣ (непогрѣшимости папы и непорочнаго зачатія), были впервые и съ большой силою выставлены какъ разъ основателемъ того ордена, къ которому столько лѣтъ принадлежалъ Печеринъ, и внесены имъ, какъ мы видѣли, въ уставъ ордена. Помѣтки Печерина на дневникѣ Фридриха дышатъ горячей ненавистью ко всему папскому режиму, отвращеніемъ къ своекорыстію куріи и къ лживости, раболѣпію, невѣжеству съѣхавшихся въ Римъ прелатовъ; онъ съ явнымъ сочувствіемъ отмѣчаетъ всѣ такія наблюденія Фридриха, всѣ его доводы противъ провозглашенія тѣхъ догматовъ, и испещряетъ поля книги восклицаніями въ родѣ: «ловушка!», «quid est veritas?», «le fanatique!», «gringos de vieille femme», «sic volo, sic jubeo» (объ авторитетѣ папы), и т. п. По поводу словъ Пія IX: «Le tradizione son io», онъ пишетъ: «L'état c'est moi! et après—1789 et 1792»; по поводу словъ Фридриха, что католическая церковь оскудѣла сильными характе-

рами, онъ замѣчаетъ: «*Zeichen des Verfalls*»; когда рѣчь заходить о богословскихъ семинаріяхъ, онъ заявляетъ: «*il est temps d'en finir avec la théologie*»; упоминается ли въ текстѣ папа Гонорій II, онъ характеризуетъ его словами: «*der alte Narr!*» Въ одномъ мѣстѣ Фридрихъ приводитъ длинную цитату изъ одного итальянскаго богословскаго трактата, ратовавшаго за признаніе папской непогрѣшимости, и всю ее Печеринъ комментируетъ помѣтками въ родѣ: «*stupid child*», «*rhetoric!*», «*che rivoluzioni ha impedito il papa?*» (авторъ доказывалъ, что усиленіе авторитета папы дастъ послѣдному возможность еще успѣшнѣе, чѣмъ донинѣ, предупреждать революціи). Одинъ нѣмецкій епископъ, принадлежавшій къ оппозиціи, предвидя свое неизбежное отлученіе, сокрушался только о томъ, что будетъ съ его діоцезой, — Печеринъ замѣчаетъ: «*qu'elle aille au diable!*» Тамъ, гдѣ Фридрихъ говоритъ, что, можетъ быть, нигдѣ въ христіанскомъ мірѣ чувство права и справедливости не развито меньше, чѣмъ въ Римѣ и папской области, Печеринъ пишетъ на полѣ: «*verissime!*»¹⁾ и т. д., и т. д.

Просматривая всѣ эти помѣтки, несомнѣнно принадлежащія рукѣ Печерина (его почеркъ легко узнать среди многихъ), конечно никто не сказалъ бы, что ихъ писалъ убѣжденный католическій священникъ; онѣ заставляютъ думать, что и въ началѣ своего монашества Печеринъ вовсе не усвоилъ «всѣхъ предразсудковъ своего званія», какъ утверждалъ Чижовъ. И здѣсь, и въ составѣ своей бібліотеки, и въ своихъ письмахъ къ Герцену, и въ приведенныхъ выше стихотвореніяхъ онъ является просто широко-просвѣщеннымъ человѣкомъ и идеалистомъ чистой воды. Можно удивляться тому, что 23 года католической жизни и монашеской практики не искалѣчили его души и точно безъ слѣда прошли надъ нею. Но онъ и вообще представляетъ собою рѣдкій образецъ неизмѣнчивости характера — не только въ основѣ, въ своемъ упорномъ до конца исканіи «красы небесной», но и въ мелочахъ: его послѣднія стихотворенія, на разстояніи 30—40 лѣтъ, написаны тѣмъ же размѣромъ, какимъ онъ въ юности переводилъ шиллеровское «Желаніе лучшаго міра», и въ нихъ, уже старикомъ, онъ безпрестанно возвращается мыслью къ той звѣздѣ, о которой онъ когда-то писалъ Строгонову и Чижову.

Выше уже было упомянуто письмо Печерина 1871 года о классическомъ образованіи. Умное, полное изящнаго остроумія, написанное тѣмъ блестящимъ литературнымъ языкомъ, которымъ

¹⁾ Надо замѣтить, что, по сообщенію прокуратора римскаго отдѣла ордена редемптористовъ, Печеринъ однажды короткое время былъ въ Римѣ.

Печеринъ мастерски владѣлъ и спустя 35 лѣтъ послѣ оставленія Россіи, оно любопытно, какъ свидѣтельство перемѣны, происшедшей во взглядахъ Печерина. Если Герценъ въ 1869 году не написалъ бы тѣхъ своихъ строкъ о единоспасающей силѣ технологии и химіи, если подь конецъ жизни онъ возлагалъ всѣ свои надежды на «проповѣдь», то Печеринъ, наоборотъ, кончилъ примиреніемъ съ духомъ вѣка, признаніемъ цѣнности матеріальнаго прогресса. «Ты очень мѣтко назвалъ себя *аскетомъ труда*, — пишетъ онъ: — въ этихъ словахъ заключается вся суть современнаго міра, да этимъ же разрѣшается вопросъ между классиками и реалистами. Отъ классицизма все какъ-то пахнетъ монастыремъ, душею кельею, книжнымъ ученіемъ, словопреніемъ, а отъ реализма вѣетъ свѣжій, утренній вѣтерокъ пробуждающейся новой жизни». Теперь онъ иначе смотрѣлъ и на Россію: онъ оставался при старомъ убѣжденіи о практичности русскаго народа, но уже не осуждалъ ея. Въ своихъ воспоминаніяхъ о баронессѣ Розенкампфъ, писанныхъ въ 1869 году, онъ спрашиваетъ себя, почему русскимъ не дается наука, и отвѣчаетъ: потому, что правительство въ своихъ просвѣтительныхъ начинаніяхъ идетъ наперекоръ народному духу: «Для русскаго свѣжаго, практическаго народа надо бы преподаваніе ограничить предметами первой необходимости, практически-полезными для государственной жизни, напр., восточными языками, науками физико-математическими, медициною... Россія вмѣстѣ съ Соединенными Штатами начинаетъ новый циклъ въ исторіи; такъ изъ чего же ей съ особеннымъ терпѣніемъ и любовью рыться въ какихъ-нибудь греческихъ, римскихъ, вавилонскихъ или ниневійскихъ развалинахъ! Она, пожалуй, сама сумѣетъ подготовить матеріалы для будущихъ археологовъ и филологовъ». Въ письмѣ о классицизмѣ онъ возвращается къ этому замѣчанію и картинно изображаетъ, какъ нѣкій будущій филологъ обезсмертитъ себя, поставитъ *н* вмѣсто *e* въ древней рукописи Пушкина: *Vir doctissimus et illustrissimus N. N., verum reipublicae litterarum decus, eo quo pollet ingenii acumine, pro e, quod librariorum incuria irrepserat, nunc demum, Minerva afflante, n feliciter restituit. Vide Annot. ad Puchkinii Opera omnia. Editio nova et acuta, e Codice Mosquiensi vetustissimo adornata, notis variarum et indice copiosissimo instructa. Lipsiae. Apud Teufesdrekiium. A. D. 2871.*

Характерны еще въ устахъ католическаго священника слѣдующія строки о мнимой полезности классическаго образованія въ борьбѣ съ нигилизмомъ: указавъ на Германію, гдѣ всего больше изучали классиковъ и гдѣ все-таки явились и Штраусъ, и Фейербахъ, Печеринъ говоритъ: «Все это сущій вздоръ! Вы напрасно

хлопочете, господа: ходъ ума человѣческаго затормозить нельзя. Еще прежде васъ римская церковь попыталась было пріостановить круговращеніе земли, объявивши его опаснымъ для вѣры и добрыхъ нравовъ; но на зло имъ земля все-таки вращается на своей оси... *Erriug si muove!*»¹⁾

XVII.

А годы шли, настала старость: Печеринъ приближался къ семидесяти годамъ. Все дальше уходила земная жизнь и одна за другою обрывались послѣднія нити, связывавшія его съ міромъ: умеръ отецъ, прекратилась переписка съ Никитенкой, умеръ и Поярковъ. Только съ Чижовымъ Печеринъ, повидимому, поддерживалъ еще дѣятельную переписку. Среди его бумагъ сохранилось стихотвореніе, написанное 4 мая 1875 года: оно поразитъ читателя. Эти строки писалъ человѣкъ, отрѣшившійся отъ всего земного, точно плоть его сдѣлалась эфирной, поднявшійся до крайней грани, гдѣ уже нѣтъ ни раскаянія, ни желанія, ни страха,— почти безплотный духъ, легкій, свѣтлый и радостный.

Ч и ж о в у.

Легкое подъявъ вѣтрило,
 Въ утломъ челнокѣ одинъ
 Я плыву, о другъ мой милый,
 Вдоль таинственныхъ пучинъ.
 Волны плещутъ предо мною,
 Солнце надъ головой блеститъ,
 И, качаемый волною,
 Быстро мой челнокъ летитъ.
 Въ отуманенное море
 Бросилъ я свою ладью,
 На привольи, на просторѣ
 Беззаботно я пою:
 Eh! vogue ma nacelle!
 O doux zéphyr, sois moi fidèle!
 Espérance!
 Confiance!—
 Le refrain
 Du pélerin.

Наконецъ, въ ноябрѣ 1877 года умеръ и Чижовъ; въ кожаной папкѣ Печерина лежитъ его послѣднее письмо къ Чижову отъ 23 января н. ст. 1878 г. съ почтовой помѣткой о возвра-

¹⁾ Цитирую по *Материаламъ* проф. Боброва, т. I, стр. 170.

щеніи въ Дублинѣ за смертью адресата. «Наконецъ всякому терпѣнію есть конецъ,—пишетъ Печеринъ. — Скажи, ради Бога, что случилось съ тобою, любезный Чижовъ. Твое послѣднее письмо лежитъ у меня на столѣ. Оно отъ 10-го октября, а теперь по-вашему 11-е января, стало быть цѣлыхъ три мѣсяца. Ты никогда не оставлялъ меня такъ долго безъ отзѣва. Что же это значить? Если ты такъ сильно боленъ, что писать не можешь, то ты могъ бы увѣдомить меня черезъ какое-нибудь третье лицо. Не забудь, что ты единственная и послѣдняя нить, связывающая меня съ Россією,—если она порвется, то все прощай. Въ крайнемъ недоумѣніи, не зная ни какъ, ни что, я больше писать не могу и съ нетерпѣніемъ буду ожидать отвѣта. Твой В. Печеринъ».

Это — послѣднее, что мы знаемъ изъ жизни Печерина. Онъ умеръ въ госпиталѣ *Mater misericordiae* 5—17 апрѣля 1885 года, семидесяти восьми лѣтъ отъ роду ¹⁾.

Когда-нибудь, несомнѣнно, будетъ написана полная его біографія по-русски, потому что память о немъ не можетъ умереть; мнѣ же было радостью вглядываться въ его свѣтлый образъ и рассказывать о небесной мечтѣ, за которую онъ отдалъ свою земную жизнь.

М. Гершензонъ.

¹⁾ Эта статья была уже окончена, когда мы получили отъ голландскихъ и ирландскихъ редemptористовъ точную дату рожденія Печерина: онъ родился 15 іюня 1807 года, по однимъ свѣдѣніямъ—въ Кіевѣ, по хроникѣ Mount St. Alphonsus—въ Одессѣ. Пользуюсь случаемъ сообщить здѣсь и другія поправки къ первой части біографіи П.—„Лингвистъ“, о которомъ говоритъ Никитенко и котораго я тамъ отождествлялъ съ Печеринымъ, повидимому—не Печеринъ, какъ показываетъ запись у Никитенка подъ 19 іюня 1845 г. Далѣе, вотъ дополнительныя свѣдѣнія о службѣ П. въ московскомъ университетѣ. Въ „Отчетѣ“ этого университета за 1835 г. сказано: „И. д. в.-о. проф. В. Печеринъ (преполагаетъ греч. словесность и древности) рязанской губ., изъ дворянъ, 28 лѣтъ, исправляетъ должность съ 7 авг. 1835 г.; жалованья 2000 руб. (ассигн.)“. Въ „Отчетѣ“ за 1836 г. сказано: „Г. Печеринъ студентамъ 2 и 3 курсовъ. по 3 часа въ недѣлю, объясняетъ происхожденіе и духъ поэмъ Гомера и читалъ съ комментаріями Одиссею“—а въ выноскѣ къ этимъ строкамъ прибавлено: „Г. Печеринъ началъ преподаваніе съ Января 1836 г. студентамъ 2 и 3 курса, и по окончаніи академическаго года уволенъ былъ съ Высочайшаго соизволенія за границу въ Берлинъ на 4 мѣсяца, но до сего времени въ университетъ не явился, о чемъ донесено высшему начальству“. Жалованье въ этомъ отчетѣ показано 3500 р. и 400 квартирныхъ денегъ.

Два правовых идеала¹⁾.

Счастіе и міръ, равенство и братство, свободная личность и свободное общество—не объ этомъ ли думаемъ мы обыкновенно, когда произносимъ эти слова: правовой идеаль? Не объ этомъ ли издавна думали и мечтали всѣ, которые обращали свой взоръ къ тому, чего нѣтъ еще въ жизни, но что должно быть въ ней?

Когда, утомленные тяжелыми условіями общественной жизни, утомленные зрѣлищемъ раздора, несправедливости и вражды, мы обращаемся мыслью къ лучшимъ чаяніямъ нашего духа, передъ нами рисуются свѣтлые образы общественной гармоніи, согласія и мира. И каждый разъ эти свѣтлыя мечты, подобно крыльямъ, поднимаютъ духъ нашъ надъ несовершенной дѣйствительностью и заставляютъ смотрѣть впередъ, идти навстрѣчу новымъ и лучшимъ формамъ жизни.

Но какъ идти и къ чему стремиться? Лишь только мы начинаемъ думать объ этомъ, какъ передъ нами встаютъ различные пути и задачи. Какъ разгадать этотъ сфинксъ, который представляетъ будущее, какъ найти путь, который вель бы несомнѣнно къ цѣли? Какъ разрѣшить сложную проблему соглашенія общественныхъ противорѣчій и примирить постоянную борьбу интересовъ, стремленій и страстей? Сколь бы ни были однако различны и противоположны тѣ многочисленные отвѣты, которые даются на этотъ вопросъ, мнѣ кажется, всѣ ихъ можно подвести подъ два опредѣленныхъ типа. Въ соотвѣтствіи съ этимъ мы можемъ намѣтить два основныхъ способа созидать проекты лучшаго будущаго. Первый типъ, первый способъ основанъ на предположеніи, что желанная гармонія душъ и полная солидарность стремленій можетъ быть достигнута въ небольшихъ и замкнутыхъ союзахъ, которые ставятъ своею цѣлью идеаль счастливаго устройства немногихъ. Достигнуть этой цѣли—устроить счастіе немногихъ—кажется не только болѣе доступнымъ, но и единственно возможнымъ. И вотъ тѣ, которые такъ

---

¹⁾ Публичная лекція, читанная въ Москвѣ 6 ноября. Печатается съ дополненіями.

думаютъ, мечтаютъ о небольшихъ и интимныхъ союзахъ, о тѣсныхъ и солидарныхъ братствахъ, о счастливыхъ колоніяхъ и замкнутыхъ государствахъ, которые строго поддерживаютъ установленную гармонию, и, оградивъ себя отъ всякихъ внѣшнихъ и чуждыхъ вліяній, остаются вѣрными своему первоначальному духу.

Совершенно иныя основанія имѣетъ другой способъ идеальныхъ построеній. Не близкая гармонія достигнутаго блаженства *немногихъ*, а отдаленный и трудный идеаль нравственнаго объединенія *всѣхъ* является его цѣлью. Союзъ всемірнаго гражданства на почвѣ всеобщаго права—такъ опредѣляетъ Кантъ основныя черты этого правового идеала. Пока это общечеловѣческое и всемірное объединеніе не будетъ достигнуто, всякое состояніе мира и права можетъ считаться лишь временнымъ, а не постояннымъ и прочнымъ.

Мы высказываемъ эту идею и тотчасъ же чувствуемъ, сколь абстрактной, утопической и далекой можетъ она показаться съ перваго раза. Позвольте же мнѣ разяснить вамъ, что, напротивъ, она вполне конкретна, въ высшей степени практична и чрезвычайно близка къ самымъ насущнымъ нашимъ задачамъ и нуждамъ, что какъ разъ, наоборотъ, мысль о возможности счастливаго и прочнаго устроенія немногихъ есть не болѣе какъ утопія, которая при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ служить скорѣе препятствіемъ къ разрѣшенію соціального вопроса, чѣмъ путемъ къ нему. Для того, чтобы въ этомъ убѣдиться, войдемъ въ болѣе подробное обсужденіе двухъ намѣченныхъ правовыхъ идеаловъ.

I.

Идеаль счастливаго устроенія немногихъ! Какъ часто останавливаются на этомъ тѣ, которые приходятъ въ отчаяніе отъ общаго хода человѣческой жизни, отъ необъятнаго моря человѣческихъ бѣдствій и несовершенствъ. Предполагаютъ возможнымъ: если уже нельзя передѣлать и спасти всѣхъ, такъ спасти хоть нѣкоторыхъ, хоть немногихъ. Не такъ давно въ поэтической формѣ эта мысль была выражена въ одномъ англійскомъ романѣ. Героиня—женщина съ страстнымъ и горячимъ желаніемъ найти выходъ изъ общественныхъ бѣдствій,—послѣ опытовъ и исканій на этомъ пути приходитъ къ заключенію, что нельзя облагодѣтельствовать и устроить всѣхъ—предъ нами неисчерпаемое море, цѣлый потопъ страданій и бѣдствій, которыхъ нѣтъ возможности залѣчить и утѣшить. Но если это невозможно, заключаетъ она, пусть хоть кто-нибудь будетъ счастливъ, пусть хоть гдѣ-нибудь расцвѣтаютъ цвѣты, царитъ красота и идетъ прекрасная человѣческая жизнь! Это выводъ не но-

вый—за много вѣковъ до насъ онъ былъ классически намѣченъ Платономъ и послѣ того не разъ повторенъ и въ теоретическихъ построенияхъ, и въ практическихъ попыткахъ. Сущность этихъ построений и попытокъ я могъ бы выразить такъ: предполагается возможнымъ разрѣшить социальный вопросъ, создавъ для этого особую подходящую обстановку. Не въ существующемъ обществѣ, какъ оно есть, не среди его грѣховъ и соблазновъ, а уйдя отъ него и замкнувшись, создавъ свою особую гармоничную жизнь,—вотъ какъ предполагается осуществить идеаль совершеннаго общества. Большею частью для этой цѣли предполагается какой-либо лучший край, какой-либо чудесный и отдаленный островъ, избирается мѣсто особенно благоприятное за тридевять земель отъ окружающихъ несовершенствъ,—новая земля для новыхъ людей! Какъ часто, начиная съ Платона, мечтали о такихъ счастливыхъ островахъ и колоніяхъ прекрасныхъ душъ, о замкнутыхъ государствахъ; и не только мечтали, но пытались осуществить на практикѣ: стоять лишь вспомнить проектъ блаженной Икаріи, опыты учрежденія фаланстеръ, братство сенсимонистовъ. Иногда съ этимъ сочетается мысль объ опрощеніи жизни, о бѣгствѣ отъ культуры, о приближеніи къ естественному быту, и тогда возникаютъ проекты и опыты робинзо-надъ, въ родѣ нашихъ земледѣльческихъ колоній въ духѣ Толстого.

Разрѣшеніе социального вопроса кажется тутъ легкимъ и простымъ: вмѣсто того чтобы дожидаться, пока разовьются массы, пока просвѣщеніе проникнетъ повсюду, пока измѣнятся всѣ люди, взять немногихъ счастливыхъ избранныхъ судьбы и примѣромъ ихъ образцовой жизни показать, чего люди могутъ достигнуть, если они захотятъ слѣдовать опредѣленному плану жизни.

Нельзя не сказать, что такіе планы блаженнаго существованія отвѣчаютъ нѣкоторой глубокой потребности человѣческой природы: человѣку хочется хотя бы въ мысли и въ мечтѣ имѣть конкретный образъ достигнутаго блаженства и спокойной гармоніи душъ. Хочется имѣть гдѣ-нибудь хотя бы уголокъ счастья, хочется опредѣленной картины будущаго, тихой пристани жизненныхъ исканій и странствій. Всѣ эти желанія и представленія вытекаютъ изъ глубоко-коренящейся въ человѣческой природѣ потребности счастья. Жизнь человѣческая по существу есть трагизмъ, вѣчная борьба духа съ самимъ собою, какъ говорилъ Гегель; а душѣ нашей присуща склонность къ идилліямъ, къ моментамъ спокойствія и остановки въ жизненной борьбѣ. И невольно хочется задержать эти прекрасные моменты отдыха и счастья, сдѣлать ихъ длительнымъ состояніемъ, общимъ правиломъ, постояннымъ закономъ жизни, личной и общественной. Но возможно ли это? Коварный и проникатель-

ный спутникъ Фауста не былъ ли правъ, когда предупреждалъ его подумать прежде, чѣмъ сказать преходящему мгновению:

Прекрасно ты! Остановись!

Мы обдумываемъ эти идеалы счастливыхъ колоній и приходимъ къ заключенію, что всѣ подобныя попытки осуществить острова счастья среди моря человѣческихъ невзгодъ не болѣе, какъ утопія. Это—утопія уединеннаго блаженства, не осуществимыя на практикѣ и нежелательныя въ принципѣ. Роковой недостатокъ всѣхъ такихъ проектовъ, если ихъ проводить послѣдовательно и до конца, это—замкнутость, исключительность жизни. Для того, чтобы устроиться хорошо и счастливо не въ примѣръ другимъ, надо отдѣлиться отъ этихъ другихъ и замкнуться въ себѣ, надо создать свою особую и самобытную жизнь; иначе и въ этотъ счастливый уголокъ земли вторгнутся несовершенства міра, людскіе недостатки; иначе чужія бѣдствія сольются съ этимъ счастьемъ и затуманятъ ясные горизонты счастливой земли. И совершенно послѣдовательно авторы подобныхъ проектовъ проповѣдуютъ полное обособленіе отъ прочаго міра. Тогда спасеніе будетъ достигнуто, и счастье станетъ прочнымъ. Подобно Платону и Фихте, они даютъ проекты уединенныхъ колоній и замкнутыхъ государствъ, разобщенныхъ съ прочимъ міромъ и пытающихся именно на почвѣ этой замкнутости и разобщенности устроить свой счастливый бытъ.

Но тщетная мечта! Каждый разъ, убѣгая отъ міра, несутъ его съ собою и въ себѣ. Или же онъ приходитъ, наплываетъ на этихъ немногихъ счастливцевъ, чтобы смѣшать и спутать ихъ планы и предположенія. Какъ часто дѣлались практическія попытки осуществить такіе планы; достаточно вспомнить, что однихъ опытовъ учрежденія фаланстеръ по плану Фурье и его учениковъ было около сорока, и каждый разъ всѣ подобныя начинанія кончались однимъ и тѣмъ же: внутренними разногласіями и распаденіемъ этихъ первоначально дружныхъ обществъ и братствъ. Очевидно, уйти на прекрасный островъ, создать уединенную колонию прекрасныхъ душъ, это — химера, которая самымъ замысломъ своимъ осуждена на бесплодность. Дѣло въ томъ, что не только должно, но и можно спасти только всѣхъ. Только тотъ идеальный типъ общественнаго устройства можетъ считаться окончательнымъ и предѣльнымъ, который хочетъ дать выходъ и надежду всѣмъ труждающимся и обремененнымъ, и только на этой основѣ можно строить свой общественный идеаль.

Мы сослались на практику жизни, которая столько разъ безжалостно разрушала самые прекрасные планы счастливаго устройства

немногихъ. Но практика жизни сама по себѣ не доказательство. Часто она идетъ наперекоръ нашимъ нравственнымъ идеаламъ, и тѣмъ не менѣе мы утверждаемъ ихъ самобытную силу, вопреки всякимъ практическимъ доводамъ и указаніямъ. Для того, чтобы обнаружить дѣйствительную несостоятельность какихъ-либо идеальныхъ построений, надо войти въ ихъ принципиальное обсужденіе, и тогда самый ихъ практическій неуспѣхъ станетъ для насъ яснымъ и понятнымъ.

Я думаю, намъ удастся уяснить себѣ полную невозможность утопій гармонической жизни, если мы обратимъ вниманіе на то, что проекты этого рода, вмѣстѣ съ обѣщанной ими гармоніей, несутъ съ собою духъ принудительнаго сектанства и упорнаго консерватизма. Ставя цѣлю своей осуществить нѣкоторый разсудочно-задуманный и логически-стройный планъ, эти проекты требуютъ отъ человѣческой природы болѣе, чѣмъ она можетъ дать: они требуютъ такой стройности, такой согласованности общественной жизни, при которой живая человѣческая личность приносится въ жертву абстрактному плану.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни заманчиво звучитъ это обѣщаніе провести гармонизацію жизни, осуществить хотя бы въ маломъ размѣрѣ солидарность и дружескую близость людей, мы не должны забывать, что никогда это не можетъ быть достигнуто безъ ущерба для самаго дорогого изъ общественныхъ благъ, какимъ является свобода. Что иное можетъ означать осуществленная гармонія и неизмѣнная солидарность душъ, какъ не тягостное насиліе надъ человѣческой свободой? Одно изъ двухъ: или гармонія, или свобода; или принудительный режимъ полного согласія, въ которомъ противорѣчія и различія стерты и уничтожены, въ которомъ неожиданныя осложненія первоначальнаго плана заранѣе преграждены; или свободный путь для широкаго проявленія всякихъ новыхъ возможностей и творческихъ силъ, свободная почва для всякихъ противорѣчій и конфликтовъ, на которыхъ зрѣетъ и растетъ человѣческая личность. Въ какихъ бы яркихъ краскахъ ни рисовали намъ прекрасную гармонію идеальнаго общества, мы твердо знаемъ одно: въ своемъ осуществленіи гармонія эта неизбѣжно превратится въ принудительную задержку личнаго развитія, въ вынужденный режимъ внѣшняго согласія. Иначе не можетъ быть тамъ, гдѣ исчезаетъ внутреннее единство душъ; а оно непременно исчезаетъ, если только отдѣльныя лица развиваются и растутъ, если они идутъ самобытными и оригинальными путями, прокладываютъ новые пути. Въ этомъ—жизнь, въ этомъ—законъ жизни. Въ свободномъ движеніи, въ разнообразіи человѣческихъ силъ проявляется животно-

рящій духъ исторіи, духъ развитія и прогресса. И все это хотять замѣнить принудительной гармоніей, вынужденной вѣрностью установленному плану! Герцень очень мѣтко отозвался въ свое время о планахъ фурьеристовъ: «Въ широкомъ, свѣтломъ фаланстерѣ ихъ тѣсновато: это устройство одной стороны жизни, другимъ неловко». Но не то же ли слѣдуетъ сказать о всѣхъ союзахъ подобнаго рода, все равно будетъ ли это небольшая колонія въ 5040 гражданъ, какъ проектировалъ Платонъ, или цѣлое замкнутое государство, образъ котораго пытался начертать Фихте?

Но, быть можетъ, ни одинъ изъ авторовъ подобныхъ построений не чувствовалъ въ такой мѣрѣ, какъ Платонъ, всей шаткости того основанія, на которомъ онъ строилъ ¹⁾. Онъ не видѣлъ другого выхода для рѣшенія соціального вопроса; онъ думалъ, что единственная возможность правильной жизни открывается лишь для избранныхъ счастливцевъ, надлежащимъ образомъ воспитанныхъ и приспособленныхъ къ солидарной жизни въ обществѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ясно сознавалъ, что, какъ ни удаляй людей отъ соблазновъ міра и отъ тлетворныхъ внѣшнихъ вліяній, все же остаются опасности внутреннія, которыя постоянно грозятъ установленной гармоніи жизни — измѣняющіяся возрѣнія новыхъ поколѣній, пылкія стремленія молодежи, протесты массъ и, наконецъ, неподатливость человѣческой природы вообще, которую трудно удержать въ строго опредѣленныхъ рамкахъ. Все это — неизбѣжныя помѣхи для общаго согласія и единства. И что же дѣлаетъ Платонъ? Установивъ для гражданъ своего проектируемаго государства подробнѣйшіе законы, предусмотрѣвъ каждый шагъ ихъ жизни, онъ предлагаетъ организовать систему постоянныхъ увѣщаній и убѣжденій общества въ истинѣ основъ того государственнаго строя, который онъ хочетъ осуществить. Онъ предлагаетъ составить хоры, которые будутъ пѣть на разные лады гражданамъ, что добродѣтель и счастье неразлучны, что гражданинъ долженъ стремиться къ общему и не уклоняться отъ предначертаннаго пути. Пѣснопѣнія и славословія добродѣтели вѣчно раздаются въ этомъ обществѣ, даже старики участвуютъ въ этой задачѣ увѣщаній, какъ рассказчики поучительныхъ сагъ. Все это имѣеть цѣлью внушить гражданамъ вѣрность опредѣленному духу, какъ бы загнипотизировать ихъ въ извѣстномъ направленіи и такимъ образомъ подчинить ихъ волю общему объединяющему всѣхъ режиму. Мы стараемся представить себѣ общественный бытъ, осуществленный по этому плану, и не можемъ не придти къ заключенію, что гармонія тутъ, можетъ быть,

¹⁾ Я имѣю здѣсь въ виду его позднѣйшій діалогъ „Законы“.

и достигнута, но зато жизнь исчезла: она смѣнилась какимъ-то заколдованнымъ сномъ спящаго царства, какимъ-то гипнозомъ добродѣтели — безразличіемъ замолкшихъ страстей и угасшихъ стремленій.

Таковъ результатъ, къ которому послѣдовательная и прозорливая мысль Платона привела его общественный идеалъ. Не менѣе любопытно средство Фихте, который, подобно Платону, не останавливался передъ тѣмъ, чтобы довести исходное начало до его логического конца. Средство, надо сказать, ужасное, и я заранѣе спѣшу напомнить, что это было не болѣе какъ временное затменіе великаго ума. Достаточно извѣстно, что по всему облику своей горячей и страстной природы знаменитый философъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ величайшихъ проповѣдниковъ и пророковъ свободы. Проектъ, о которомъ я здѣсь говорю, былъ лишь мимолетнымъ увлеченіемъ этой вѣчно кипѣвшей мысли. Задумавъ начертать идеалъ гармоническаго общества, въ которомъ всѣ элементы должны пребывать въ полномъ и неизмѣнномъ равновѣсіи, Фихте встрѣчается съ вопросомъ: какъ устранить опасность нарушеній этого равновѣсія, какъ предотвратить непредусмотрѣнное проявленіе свободы, и, не колеблясь, онъ отвѣчаетъ на это системой широко организованнаго и бдительнаго полицейскаго надзора.

Каждый долженъ быть увѣренъ, что малѣйшее нарушеніе права будетъ непременно наказано, и для этого слѣдуетъ учредить зоркій и неусыпный контроль государства надъ жизнью гражданъ. Полиція должна знать во всякую минуту дня и ночи, гдѣ находится и что дѣлаетъ каждый гражданинъ. Для облегченія ея задачи всѣ должны имѣть съ собою свои паспорта, по которымъ ихъ можно узнать. Главный источникъ зла въ современныхъ намъ обществахъ, говоритъ Фихте, заключается въ безпорядкѣ и въ невозможности установить настоящій порядокъ; въ обществѣ идеальномъ, напротивъ, все должно подчиняться порядку, все должно ходить по стрункѣ. Поэтому здѣсь нарушеніе права почти невысказуемо. Государство устраняетъ отъ гражданъ всѣ неудобства и обезпечиваетъ каждому полученіе всѣхъ жизненныхъ благъ, на которыя онъ можетъ имѣть право, какъ человекъ ¹⁾.

Эти выводы теоретической мысли знаменательны и важны. Въ свѣтѣ логической послѣдовательности многое становится яснымъ: разоблачаются обманчивые призраки, раскрываются ложные миражи. Выводы Платона и Фихте лучше всякихъ практическихъ

¹⁾ Цитирую по изложенію Чичерина, Исторія политическихъ ученій. Часть 3. Москва, 1874 г., стр. 434.

опытовъ убѣждаютъ насъ, что есть только два средства сохранить первоначальную гармонію общественнаго устройства: или гипнотическій сонъ мысли и чувства, или неусыпный полицейскій надзоръ надъ свободной жизнью. И не трудно предвидѣть, что на практикѣ придется скорѣе прибѣгнуть къ внѣшнимъ средствамъ полицейскаго принужденія, чѣмъ къ трудной системѣ нравственныхъ увѣщаній. Убѣдить всѣхъ быть вѣрными данному порядку, убѣдить ихъ не думать о другомъ, не искать новаго—для этого нужны сверхчеловѣческія усилія и способности. Лишь на время, подъ вліяніемъ порыва и воодушевленія, какая-нибудь группа лицъ можетъ увлечься планомъ предлагаемой жизни; но на временномъ порывѣ нельзя основать прочнаго устройства. Прошелъ первый энтузіазмъ, наступило охлажденіе, и все идетъ вразбродъ: это вѣчная исторія всѣхъ опытовъ подобнаго рода.

Самое страшное для этихъ опытовъ и проектовъ, что они не могутъ отвѣтить на вопросъ: осуществивъ извѣстное равновѣсіе общественныхъ силъ, какъ быть далѣе, какъ идти впередъ, какъ удовлетворить потребности прогресса? Ужели есть возможность предположить, что всѣ будутъ двигаться вмѣстѣ, нога въ ногу, не забѣгая другъ передъ другомъ, подобно солдатамъ въ военномъ строю? Но авторы утопій гармоническаго блаженства обыкновенно полагаютъ, что они открываютъ такой прекрасный бытъ, который можетъ держаться вѣчно. Передовыя по замыслу, эти утопіи оказываются въ высшей степени консервативными по существу: онѣ утверждаютъ на неподвижной основѣ. Бурный и широко разливающийся потокъ дѣйствительной жизни общества онѣ стремятся вдвинуть въ узкіе берега жизни придуманной и отвлеченной, поставить на пути плотины и преграды, остановить и успокоить то, что по существу предназначено къ вѣчному теченію и постоянному беспокойству.

И еще одно внутреннее противорѣчіе мы должны отмѣтить въ этихъ проектахъ. Если иногда они строятся и на демократической основѣ, по существу они являются аристократическими: къ лучшему жребію призываются здѣсь лишь немногіе; они выдѣляются, приподнимаются надъ остальнымъ человѣчествомъ; имъ достается въ удѣлъ счастливая доля и праведная жизнь; а остальные какъ хотять. Принципъ, на которомъ создается здѣсь общеніе, самъ собою приводитъ къ духу аристократическаго сектанства, внушаетъ лицамъ, въ него входящимъ, мысль объ особомъ избранничествѣ, отдѣляетъ ихъ отъ другихъ, образуетъ особый сектантскій режимъ суроваго единомыслія, нетерпимость внутри и нетерпимость во внѣ. Этотъ духъ аристократическаго сектанства есть новое осужденіе подоб-

ныхъ плановъ. Здѣсь устраняется свободное и широкое отношеніе къ остальному міру, устраняется необходимое взаимодействіе съ нимъ. Но всякое обособленное и обособляющееся существованіе обречено на то, что скоро изживетъ свой внутренній духъ и подвергнется опасности застоя.

Какой же выводъ сдѣлаемъ мы изъ всего этого? Не тотъ ли, что всякая попытка рѣшить социальный вопросъ на почвѣ незыблемой гармоніи интересовъ и силъ есть не болѣе, какъ мечта, которая не только не ведетъ къ цѣли, а, напротивъ, уводитъ отъ нея? Это—прямая ошибка расчета, которая, къ сожалѣнію, не всегда остается только теоретическимъ недоразумѣніемъ, но не рѣдко создаетъ и практическія затрудненія. Сколь часто приходится считаться съ этимъ старымъ предразсудкомъ, будто каждый новый шагъ исторіи, каждая новая форма учреждений и быта лишь тогда были бы желательны, если бы отъ нихъ можно было ждать всеобщаго удовлетворенія! Въ этомъ предразсудкѣ мы встрѣчаемъ ту же старую мысль о гармоніи, которая будто бы и можетъ, и должна достигаться каждой правильной формой быта. А между тѣмъ каждый новый шагъ исторіи, каждый новый успѣхъ правовыхъ формъ приноситъ съ собою новыя затрудненія и новые конфликты, и политикъ оцѣниваетъ прогрессъ въ правѣ не съ точки зрѣнія гармоніи, а съ точки зрѣнія свободы.

Мы подошли здѣсь къ тому разрѣшительному слову, къ тому лозунгу, который лежитъ въ основѣ второго изъ намѣченныхъ нами идеаловъ. Въ самомъ началѣ мы замѣтили, что опредѣляющую цѣль свою этотъ идеаль относитъ въ безконечную даль. Посмотримъ же теперь, не представляетъ ли эта отдаленная цѣль, при ближайшемъ разсмотрѣніи, самую насущную и практическую нашу потребность? Ставить цѣль далеко впереди себя, въ безконечной перспективѣ движенія и прогресса, не окажется ли болѣе вѣрнымъ и практическимъ, чѣмъ искать ея вблизи, въ непосредственномъ удовлетвореніи элементарныхъ чувствъ и привычныхъ стремленій?

II.

Каждый правовой идеаль, который строится въ предположеніи близкой гармоніи общественной жизни, обыкновенно отличается большой заботливостью въ разъясненіи всѣхъ подробностей и даже мелочей предполагаемаго строя. Для того чтобы сладить и сплотить воедино разрозненныя силы и создать изъ нихъ прочную и внутреннюю гармонію, очевидно, слѣдуетъ предусмотрѣть каждую подробность и предупредить каждую опасность. Надо дать картину

ясную и наглядную, чтобы убѣдить сомнѣвающихся, что такая гармонія вполне возможна и осуществима.

Совершенно иной характеръ имѣютъ построения другого рода, примѣръ которыхъ столь же отчетливо намѣченъ Кантомъ, сколько образецъ первыхъ классически предуказанъ Платономъ.

Прежде всего, вмѣсто подробной картины, которая могла бы успокоительно дѣйствовать на воображеніе, какъ ясный образъ достигнутаго блаженства, мы находимъ здѣсь лишь самыя скудныя и отвлеченныя черты. Это—двѣ-три идеи о братствѣ народовъ, о всемірно-гражданскомъ союзѣ, о необходимости всеобщаго права, и за всѣмъ этимъ лишь одно общее указаніе, выраженное съ тѣмъ спокойнымъ философскимъ сознаніемъ, которое дается углубленнымъ проникновеніемъ въ смыслъ вещей: только такое состояніе общества можно признать истинно-правомѣрнымъ, которое покоится на всеобщемъ признаніи права; всякое другое состояніе будетъ лишь временно-правомѣрнымъ. Вотъ и все болѣе существенное въ этомъ идеалѣ; далѣе слѣдуютъ второстепенныя и менѣе важныя черты. Но въ томъ немногомъ, что даютъ эти абстрактныя идеи, содержитсяъ гораздо болѣе, чѣмъ въ иныхъ конкретныхъ планахъ и подробнѣйшихъ разъясненіяхъ. Здѣсь нѣтъ картины законченнаго счастья, нѣтъ осуществленной гармоніи душъ, но зато даны вѣчныя предуказанія, намѣчающія путь для безконечныхъ стремленій. Это—идеаль не только демократическій, но и вселенскій,—идеаль общечеловѣческаго объединенія и всемірнаго равенства и гражданства.

Съ перваго раза этотъ идеаль кажется такимъ далекимъ и непосильнымъ для человѣчества, привыкшаго ко всякимъ перегородкамъ и границамъ, сословнымъ, національнымъ, государственнымъ. Вмѣсто того, чтобы увлекать насъ заманчивой картиной достигнутаго и яснаго счастья немногихъ, онъ скорѣе отпугиваетъ какимъ-то безбрежнымъ, ускользящимъ отъ взоровъ и неяснымъ призракомъ нравственнаго объединенія всѣхъ.

Но мы начинаемъ обдумывать смыслъ этого идеала, который показался намъ безплотнымъ призракомъ, и убѣждаемся, что эта абстракція полна жизни, что тутъ открываются проспекты въ необозримую даль. Есть такія абстракціи, которыя представляютъ собою крылатыя идеи, вдохновенныя мечты, которыя по своему содержанію суть задачи огромной, вѣчной важности и безконечнаго значенія;—только по виду представляются онѣ абстрактными, а на самомъ дѣлѣ являются самыми конкретными и практическими требованіями жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы сравнимъ абстрактныя указанія Канта

съ конкретными образами хотя бы Платона, мы поймемъ, почему эти абстракціи такъ устойчивы, такъ прочны, такъ жизненны, а тѣ конкретные образы, напротивъ, такъ случайны, недолговѣчны и въ сущности отвлеченны. Чѣмъ заполняются всѣ подобныя конкретныя картины будущаго? Случайными желаніями и предположеніями ихъ авторовъ, отраженіемъ нуждъ ихъ эпохи. Продолживъ однѣ линіи жизни, совершенно измѣнивъ другія, присоединивъ къ нимъ третія, предполагаютъ создать живую картину будущаго. Но такое произвольное начертаніе грядущей судьбы общества, какъ бы ни было оно подчасъ художественно и конкретно, въ сущности остается совершенно абстрактнымъ и, такъ сказать, геометрическимъ. Личная мысль — самая гениальная, самая просвѣщенная — не въ силахъ предугадать конкретныхъ картинъ будущаго. То будущее, которое наступаетъ на смѣну знакомыхъ намъ образовъ и понятій, создается собирательной мыслью, коллективной работой массъ, тѣмъ загадочнымъ и сложнымъ творчествомъ жизни, въ которомъ сознательное переимѣшивается съ бессознательнымъ, должное и желательное съ возможнымъ и неизбѣжнымъ, предвидѣнное и привычное съ совершенно неожиданнымъ и необычнымъ.

Но если грядущее такъ неясно, если судьбы наши, судьбы нашего общества, судьбы всего человѣчества не въ нашей власти, одно зависитъ вполне отъ насъ — это быть ясными въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, въ нашихъ принципахъ, въ нашихъ представленіяхъ о должномъ. «Провидѣніе, — говоритъ Лор. Штейнъ, — скрыло будущее отъ взоровъ человѣка; масса другъ друга захватывающихъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ конечный результатъ, необозрима и неисчислима. Но оно вложило въ грудь человѣка чувство правды и обязанности, которое должно руководить насъ во тьмѣ, закрывающей будущее». Это сказано въ духѣ Канта, въ полномъ соотвѣтствіи съ его способомъ представлять себѣ будущее. Не внѣшнія подробности, не случайныя и временныя предположенія, подсказанныя затрудненіями и нуждами эпохи, а вѣчные завѣты духа, почерпнутые изъ самой глубины его внутренняго существа, даетъ намъ Кантъ. Онъ не говоритъ ничего относительно программы какого-либо даннаго текущаго дня, но зато его программа есть пророческое слово, которому суждено имѣть значеніе для каждаго дня, для каждаго поколѣнія и для каждой эпохи. И въ самомъ дѣлѣ, когда устарѣютъ завѣты вселенской правды, всеобщаго господства права, всеобщаго равенства и свободы? Это — тѣ путеводныя указанія, которыя, подобно звѣздамъ небеснымъ, способны вѣчно освѣщать нашъ путь, какъ бы долго мы ни шли, какъ бы близки ни были къ желанной цѣли. Для всеобщаго уравненія

и освобожденія всегда останется мѣсто; всегда останутся поводы для расширенія и дальнѣйшаго утвержденія справедливости и права. Цѣль относится тутъ, правда, въ безконечную даль; но зато она постоянно стоитъ передъ нами; она не обманетъ насъ, на нее можно положиться, какъ бы ни были измѣнчивы временныя историческія условія. Она не льститъ нашимъ мечтамъ о близкомъ достиженіи всеобщаго благоденствія, она не обѣщаетъ скорого счастья, тихой пристани, близкаго берега; надо разстаться съ нѣкоторыми привычными склонностями и надеждами, чтобы въ нее повѣрить. Но кто въ нее повѣрилъ, тотъ имѣетъ предъ собою не обманчивый миражъ, а дѣйствительную путеводную звѣзду.

Надо ли разъяснять, что идеаль новаго времени и новаго государства въ своей глубочайшей основѣ покоится именно на этомъ стремленіи къ всемірному равенству и гражданству. Тогда какъ идеаль греческаго государства есть автаркія, самоудовлетвореніе и замкнутость небольшого союза, который все имѣетъ въ себѣ и не нуждается въ сношеніяхъ съ другими, новое время представляетъ, напротивъ, побѣду международного общенія надъ началомъ государственной и національной исключительности. Мы еще страшно далеки отъ конечной цѣли, но жизнь идетъ къ тому; тысячи связей скрѣпляютъ союзъ народовъ, готовятъ триумфъ всемірнаго гражданства. Уже наступаетъ время, когда зарождается сознаніе, что всякій социальный вопросъ есть въ то же время вопросъ международный. Наступаетъ время, когда крѣпнетъ убѣжденіе, что выходъ изъ вражды общественныхъ классовъ, изъ социальныхъ противорѣчій можетъ быть найденъ не на почвѣ обособленія отдѣльныхъ государствъ и обществъ, а на основѣ ихъ сближенія, на основѣ стремленія ихъ къ тому всемірному гражданскому общенію, въ которомъ Кантъ полагалъ конечную цѣль развитія права. Быть можетъ, въ нашу эпоху народы переживаютъ послѣдніе симптомы обособленія, въ видѣ этихъ неожиданныхъ взрывовъ имперіализма, милитаризма, протекціонизма, которые тревожатъ современную мысль. Быть можетъ, всѣ эти явленія, выражаясь языкомъ Гегеля, уже питаютъ въ нѣдрахъ своихъ свое противоположное. Но если они и не послѣдній разъ становятся на дорогѣ истинному прогрессу, все равно: будущее принадлежитъ не имъ. Наблюдая развитіе современнаго международнаго права, которое по своей неорганизованности, по отсутствію въ немъ признаннаго и властнаго авторитета называютъ иногда анархическимъ правомъ, нельзя не придти къ заключенію, которое такъ хорошо сформулировано однимъ изъ самыхъ видныхъ современныхъ юристовъ: «Точно предусмотрѣть будущее не дано человѣку. Но если мы вспомнимъ огромные успѣхи этого анархи-

ческаго права въ новѣйшее время, позволительно думать, что развитіе его стремится къ той цѣли, на которую указывалъ Кантъ,— къ достиженію единого правотворящаго гражданскаго общества. Цѣль эта безконечно отдаленна и никогда, быть можетъ, полностью недостижима, но, какъ говоритъ Кантъ, она представляетъ величайшую задачу, къ разрѣшенію которой человѣчество призвано самой природой». Такъ говоритъ не мечтатель, не утопистъ, а трезвый наблюдатель и замѣчательный знатокъ дѣйствительности, нѣмецкій юристъ Геллинекъ. И въ самомъ дѣлѣ, возможно ли сомнѣваться въ томъ, что «разумная цѣль человѣчества не можетъ заключаться въ безконечномъ порожденіи борющихся, враждующихъ государствъ, чудовищныхъ левіафановъ, соперничающихъ въ величинѣ и разрушительной силѣ и пожирающихъ другъ друга»¹⁾? Нѣтъ, задача общественной организаціи будущаго не въ этомъ, а въ томъ, чтобы «объять все человѣчество и осуществить царство разума, мира и свободы».

Сдѣлаемъ теперь еще одинъ, заключительный, шагъ, чтобы раскрыть за этими стремленіями новаго времени ихъ основное движущее начало. На чемъ въ концѣ-концовъ основано наше убѣжденіе, что единое правотворящее гражданское общество есть конечный идеалъ исторіи? Отвѣтъ на это мы почерпаемъ въ томъ принципѣ, который является основнымъ началомъ для морально-философскихъ построений—въ принципѣ личности. Что полнѣе и глубже удовлетворяетъ нравственное сознаніе личности: образъ небольшого самодовлѣющаго союза или идеалъ вселенскаго всемірно-гражданскаго равенства и братства? Въ разрѣшеніи этого вопроса едва ли можно встрѣтить затрудненіе.

Правда, съ перваго взгляда можетъ казаться, что именно небольшие, болѣе тѣсные, болѣе интимные союзы лицъ лучше удовлетворяютъ свойственную человѣку потребность общенія. Они, конечно, важны и дороги для человѣка: своя семья, свой кругъ, свой народъ, все это близкое и родное намъ, должно сохраниться, но не въ исключительности и обособленіи отъ прочаго міра, а въ органической и неразрывной связи съ нимъ на почвѣ общаго равенства и свободы. Стоитъ допустить исключительность и обособленіе, какъ принципъ; стоитъ устранить общую органическую связь отдѣльныхъ союзовъ, устранить болѣе общіе объемлющіе союзы, чтобы сейчасъ же придти къ невозможнымъ результатамъ. Гдѣ границы, гдѣ перегородки, тамъ нетерпимость и замкнутость. А замкнутость, это значитъ эгоизмъ, — семейный, классовый, націо-

¹⁾ Слова кн. С. Н. Трубецкого, Ученіе о Логосѣ. М. 1900. Стр. 6.

нальный. И выходъ можетъ быть только одинъ: органическая связь отдѣльныхъ союзовъ между собою и съ цѣлымъ, признаніе въ качествѣ основы для всѣхъ болѣе широкаго общенія, которое всѣ ихъ включаетъ въ себѣ.

Но допустимъ, въ самомъ дѣлѣ, что нормальнымъ типомъ общенія явился бы свободный союзъ лицъ, не признающихъ надъ собою никакого высшаго союза и не знающихъ другого закона, кромѣ полной гармоніи интересовъ, кромѣ общаго сходства нравовъ и вкусовъ. Надъ входомъ въ это общеніе, быть можетъ, будетъ написано великое слово: свобода; но на самомъ дѣлѣ принципомъ его жизни будутъ исключительность и нетерпимость. Всякій уклоняющійся, всякій иначе мыслящій, всякій иначе живущій уже нарушаетъ общее согласіе, общую гармонію, и принципъ: кто не съ нами, тотъ противъ насъ, можетъ получить здѣсь самое послѣдовательное, самое жестокое толкованіе. Недопущеніе и отлученіе отъ общества, суровое различеніе нашихъ и не-нашихъ, новыя границы, новыя стѣны между отдѣльными группами,—стѣны, еще болѣе глухія, еще болѣе устойчивыя, — вотъ послѣдствія такихъ интимныхъ круговъ, понимающихъ общеніе, какъ сектантское согласіе, и социальное единство, какъ полную гармонію душъ. Нѣтъ, не въ этихъ сектантскихъ общинахъ, не въ этихъ интимныхъ кружкахъ должны мы видѣть предѣльную цѣль социальнаго прогресса и вообще не въ какихъ-либо замкнутыхъ и обособленныхъ союзахъ, а только въ союзѣ общечеловѣческой солидарности, въ которомъ безъ стѣсненій и препятствій происходитъ свободное движеніе силъ, въ которомъ союзы болѣе тѣсныя, какъ звенья общей цѣпи, переплетены и связаны между собою и образуютъ одно живое солидарное цѣлое. Кто не нашель себѣ мѣста въ одномъ кругу, болѣе тѣсномъ, болѣе интимномъ, тотъ живетъ и дышитъ интересами болѣе широкими, тотъ—равноправный и признанный членъ всемірнаго гражданства. Великій политикъ древняго міра Аристотель думалъ, согласно возрѣніямъ своего времени, что человѣкъ находитъ наиболѣе полное удовлетвореніе въ государствѣ, какъ въ союзѣ совершеннѣйшемъ для жизни совершенной, какъ онъ выражался. Въ самомъ дѣлѣ, что лежало для грека внѣ предѣловъ его государства—міръ варваровъ, міръ, лишенный просвѣщенія и прекрасной гражданственности, міръ чуждый, неинтересный и ненужный съ эллинской точки зрѣнія. Современный взглядъ основанъ какъ разъ на другомъ началѣ—въ самомъ основаніи нашей цивилизаціи лежитъ великій христіанскій завѣтъ: нѣсть эллинъ, ни іудей, варваръ и скиеъ, рабъ и свободъ. И въ наши дни это не только идеальное начало; это — сама жизнь въ ея глубочайшемъ

органическомъ проявленіи. Современный человѣкъ живетъ столько же своимъ, народнымъ, сколько и чужимъ, общечеловѣческимъ, или чтобы лучше выразить эту мысль: общечеловѣческое стало для него такимъ же дорогимъ и своимъ, какъ то, что по рожденію своему онъ считаетъ своимъ и близкимъ. Искусство, наука, философія, вѣра, все высшее, все идеальное, все наиболѣе нами цѣнимое создается и существуетъ одинаково для всѣхъ; оно образуетъ тотъ общій воздухъ, которымъ всѣ мы дышимъ; великія истины облетаютъ весь міръ, великая правда покоряетъ всѣ сердца. Истина только и можетъ быть вселенской, сверхнаціональной. Одно солнце свѣтитъ надъ всѣми, и одна правда освѣщаетъ путь для человѣческихъ помысловъ и стремленій.

Мы пришли здѣсь, наконецъ, къ тому заключительному результату, который даетъ высшую санкцію идеалу нравственнаго объединенія всѣхъ. Эта санкція есть вѣра въ общечеловѣческую истину и вселенскую правду. Если мы настаиваемъ на томъ, что этотъ отдаленный идеалъ есть истинное руководящее начало для каждаго общества и для каждой эпохи, то именно потому, что мы вѣримъ въ единство человѣчества, въ единство общечеловѣческой истины. Кто стоитъ на точкѣ зрѣнія относительности всѣхъ нравственныхъ началъ, у того нѣтъ почвы для безусловнаго общечеловѣческаго идеала. И, напротивъ, кто нашелъ твердыя основанія для такого безусловнаго идеала, для того цѣль, лежащая впереди, ясна. Для того ясно, что все соотвѣтствующее этому идеалу, все, что расширяетъ и освобождаетъ жизнь даннаго общества, даннаго народа, правильно и вѣрно; а все, что обособляетъ данный народъ отъ другихъ, что отдаляетъ его отъ великой цѣли всемірнаго общечеловѣческаго гражданства, то неправильно и ложно. Въ этой идеѣ общечеловѣческой солидарности мы имѣемъ надежный признакъ для того, чтобы отличать должное и недолжное въ стремленіяхъ любого поколѣнія и любой эпохи.

Далекій и невѣдомый путь раскрывается человѣчеству впереди... Что ждетъ его на этомъ пути? куда придетъ оно въ своихъ исканіяхъ? Кто скажетъ, кто рѣшится сказать? Каждый новый шагъ въ будущее есть шагъ въ неизвѣстность; за первыми проблемами наступающаго дня открывается необозримая даль вѣковъ, слѣды которой теряются въ безконечности. Знаемъ ли мы, что ждетъ насъ, что ждетъ нашъ народъ, что ждетъ человѣчество? Почему же не оскудѣваютъ ряды борцовъ за лучшее будущее, почему такъ смѣло и прямо смотрятъ они впередъ, почему не ослабѣваетъ ихъ мужество и не меркнетъ взоръ? Не потому, что они знаютъ все, что будетъ, а потому, что они хотятъ того, что *должно* быть,

и умѣютъ хотѣть. Великій даръ—умѣть хотѣть! Этотъ даръ человѣкъ почерпаетъ изъ глубины своего существа, какъ высшее внушеніе нравственнаго долга. И счастливъ тотъ, кто можетъ повторить объ этомъ внушеніи знаменитыя слова: «Я не могу его искать и какъ бы только предполагать, какъ нѣчто, скрытое во мракѣ или лежащее въ безпредѣльности; я вижу его предъ собою и соединяю непосредственно съ сознаниемъ своего существованія»¹⁾).

Да, будущее невѣдомо и темно; но цѣль, открывающаяся для нравственныхъ усилій, ясна и опредѣленна. И если кто хочетъ запугать людей этой темнотою будущаго, если кто хочетъ видѣть впереди одни опасности и страхи, это значитъ онъ угасилъ тотъ единственный свѣтъ, который данъ человѣку—свѣтъ разума и нравственнаго сознанія. Надо вѣрить въ чудесный край добра и правды, надо вѣрить въ «праведную землю» нравственнаго идеала для того, чтобы совершать путь свой по этой несовершенной землѣ. У кого нѣтъ иной вѣры, какъ только въ грѣхи и несовершенства людей, для того некуда идти, для того вся жизнь человѣческая есть страшная, непроглядная тьма. Невольно припоминается мнѣ здѣсь скандинавская легенда, которая такъ хорошо извѣстна русскому читателю въ передачѣ Тургенева: царь сидитъ со своими воинами въ темномъ и длинномъ сараѣ вокругъ огня. Дѣло происходитъ ночью, зимой. Вдругъ небольшая птичка влетаетъ въ раскрытыя двери и вылетаетъ въ другія. Царь замѣчаетъ, что эта птичка—какъ человѣкъ въ мірѣ: прилетѣла изъ темноты и улетѣла въ темноту, и не долго побыла въ теплѣ и свѣтѣ... «Царь,—возражаетъ самый старшій изъ воиновъ,—птичка и во тьмѣ не пропадетъ и гнѣздо свое сыщеть...» Такова легенда. Старый воинъ своими простыми, но мудрыми словами учитъ насъ, что инстинктъ движенія и жизни есть лучшее руководство для того, чтобы вѣрно пробивать путь въ невѣдомой и страшной темнотѣ. Для того, чтобы не была она страшна, эта темнота, у человѣка есть одно вѣрное средство—озарить ее внутреннимъ свѣтомъ твердаго убѣжденія и при этомъ свѣтѣ идти впередъ, куда повелѣваетъ долгъ.

П. Новгородцевъ.

1) Кантъ. „Критика практическаго разума“.

Хроника науки, искусства и литературы.

Излученіе въ солнечной системѣ. На происходившемъ 23 августа собраніи Британской Ассоціаціи извѣстный физикъ, проф. Пойнтингъ, произнесъ рѣчь, которую приводимъ въ сокращеніи.

Солнце непрерывно излучаетъ во всѣ стороны движущійся съ скоростью свѣта потокъ энергіи. Мы называемъ эту энергію то свѣтомъ, то тепломъ; ею поддерживаются всѣ проявленія жизни на нашей планетѣ, и она является первоисточникомъ всей нашей энергіи. Извѣстно, что этотъ непрерывный потокъ энергіи состоитъ въ волнообразномъ движеніи. Если мы пропустимъ пучокъ солнечнаго свѣта или—все равно—пучокъ свѣта вольтовой дуги черезъ призму, то онъ разложится на спектральные цвѣта, отличающіеся другъ отъ друга длиной волны, причемъ наибольшую длину волны (примѣрно $\frac{1}{12000}$ сантиметра) имѣетъ красный свѣтъ, а наименьшую (примѣрно $\frac{1}{26000}$ сантиметра)—фіолетовый.

Но видимый спектръ представляетъ лишь одну долю лучистаго потока—долю, дѣйствующую на органъ зрѣнія. За фіолетовымъ свѣтомъ находятся еще болѣе короткія волны, дѣйствующія на фотографическую пластинку или на флуоресцирующій экранъ и проникающія сквозь нѣкоторыя тѣла, не прозрачныя для обыкновеннаго свѣта. Также за краснымъ свѣтомъ находятся болѣе длинныя волны, проявляющіяся тепловыми дѣйствіями. Ихъ можно легко „отсѣять“ отъ видимыхъ лучей, пропуская пучокъ свѣта сквозь тонкую пластинку изъ вулканита. Кусочекъ фосфора, помѣщенный въ фокусъ этихъ невидимыхъ лучей, вдругъ загорается; термометръ быстро повышается. Волны, наблюдаемыя и изученныя до сихъ поръ, составляютъ около девяти октавъ, простираясь отъ длинныхъ волнъ (длина—немногимъ менѣе $\frac{1}{100}$ сантиметра), изучаемыхъ проф. Рубенсомъ, до короткихъ волнъ, найденныхъ Шуманомъ въ излученіи водорода подъ дѣйствіемъ электрическаго разряда (длина волны—примѣрно $\frac{1}{80000}$ сантиметра). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ рядъ можетъ быть еще продолженъ въ обѣ стороны.

Лучистая энергія представляетъ смѣсь волнъ различныхъ длинъ (или нѣкоторыхъ или всѣхъ); но глазъ изъ этихъ девяти или болѣе октавъ воспринимаетъ лишь одну съ небольшимъ.

Эти излученія испускаются не только раскаленными тѣлами, какъ солнце, электрическая дуга или пламя. Всѣ тѣла излучаютъ энергію— все равно, теплы ли они или холодны. Эта энергія течетъ со скоростью свѣта, отражаясь, разсѣваясь и поглощаясь при встрѣчѣ съ препятствіями. И хотя иныя радіаціи не ощущаются нашимъ глазомъ, все же онѣ чрезвычайно важны—потому, что онѣ снабжаютъ насъ тепломъ, и если бы онѣ прекратились, намъ пришлось бы погибнуть отъ холода.

Когда температура какого-либо тѣла повышается, количество испускаемыхъ имъ излученій возрастаетъ. Въ то же время мѣняется ихъ качество. Надо думать, что поверхность тѣлъ постоянно испускаетъ волны всякой длины—отъ самыхъ длинныхъ до самыхъ короткихъ; но холодными тѣлами испускаются въ замѣтной степени только длинныя волны. По мѣрѣ нагрѣванія тѣла интенсивность всѣхъ испускаемыхъ волнъ возрастаетъ; но интенсивность сравнительно короткихъ волнъ растетъ быстрее и наконецъ достигаетъ такой величины, что онѣ вызываютъ въ насъ зрительное ощущеніе; тогда мы говоримъ, что тѣло накалено докрасна или добѣла.

Количество излученія зависитъ отъ природы поверхности источника излученій: при той же самой температурѣ однѣ поверхности излучаютъ больше, чѣмъ другія. Болѣе всего излучаетъ такая поверхность, которая, будучи холодной, является совершенно черной. Чернота ея означаетъ, что она сполна поглощаетъ всѣ падающіе на нее лучи; будучи нагрѣтой, эта поверхность посылаетъ лучи всѣхъ сортовъ, и при данной температурѣ всякій сортъ лучей бываетъ представленъ въ полномъ размѣрѣ. Иными словами, при данной температурѣ ни одна поверхность не испускаетъ болѣе интенсивныхъ волнъ данной длины, чѣмъ поверхность абсолютно черная.

Одинъ очень простой опытъ обнаруживаетъ, что черная поверхность есть наилучшій источникъ излученій, то есть, что въ нагрѣтомъ состояніи она издаетъ больше энергіи, нежели какая бы то ни было поверхность, не поглощающая сполна падающихъ на нее лучей, а отчасти отражающая ихъ. Если нагрѣть докрасна платиновый листокъ съ нѣсколькими черными мѣтками, то оказывается, что эти мѣтки (черныя въ холодномъ состояніи) свѣтятся ярче, чѣмъ окружающія ихъ части металла; слѣдовательно, онѣ испускаютъ больше видимыхъ лучей въ сравненіи съ окружающимъ металломъ.

Уже давно производились опыты съ цѣлью узнать, въ какомъ соотношеніи находится излученіе совершенно чернаго тѣла¹⁾, то-есть количество испускаемой имъ энергіи, съ его температурой. Но только 25 лѣтъ тому назадъ найденъ былъ австрійскимъ физикомъ Стефаномъ законъ, находящійся въ удовлетворительномъ согласіи съ опытомъ. Законъ этотъ гласитъ, что количество излучаемой энергіи пропорціонально четвертой степени температуры, считаемой отъ абсолютнаго нуля, то есть отъ температуры *минусъ* 273° по скалѣ Цельсія. Приводимая ниже табличка, основанная частью на экспериментальныхъ данныхъ, полученныхъ Курльбаумомъ, показываетъ, сколько энергіи испускаетъ въ секунду

¹⁾ Такъ какъ „совершенно черное“ тѣло при достаточно высокой температурѣ является наиболѣе яркимъ, то проф. Пойнтнигъ предлагаетъ замѣнить это названіе другимъ: „совершенный источникъ излученія“ или „совершенный лучеиспускаетель“.

каждый квадратный сантиметр поверхности „абсолютно черного тѣла“ или „совершеннаго лучеиспускавателя“.

Абсолютная температура.	Количество калорій (число граммъ воды, нагрѣваемой на 1°) въ секунду.
0°	0
100° (температура кипѣнія жидкаго воздуха)	0.000127
300° (температура на земной поверхности)	0.0103
1000° (красное каленіе)	1.27
3000° (электрическая дуга)	103
6000°	1650
6250°	1930

Для иллюстраціи значенія закона Стефана высчитаемъ, какова должна быть температура солнца въ предположеніи, что солнце является совершеннымъ лучеиспускавателемъ, то-есть что его поверхность въ холодномъ состояніи была бы совершенно черной.

Мы можемъ приблизительно оцѣнить количество энергіи, излучасмой солнцемъ, перехватывая пучокъ солнечнаго свѣта, измѣряя приносимое имъ тепло и затѣмъ высчитывая, какую долю полнаго солнечнаго излученія представляетъ этотъ пучокъ. Этотъ расчетъ впервые произвела Пульс; въ его приборѣ солнечные лучи падали на сосудъ съ водой, и оцѣнка солнечной энергіи производилась на основаніи повышенія температуры воды. Опыты этого рода сопряжены съ значительными трудностями, въ коихъ главную составляетъ оцѣнка той доли энергіи, которая задерживается атмосферой. Поэтому мы до сихъ поръ не можемъ указать точной величины солнечнаго излученія и даже не знаемъ, остается ли оно постояннымъ или мѣняется. Впрочемъ, опыты проф. Ланглея дѣлають послѣднее гораздо болѣе вѣроятнымъ.

Какъ бы то ни было, не будетъ далеко отъ истины принять, что потокъ солнечныхъ лучей, падающихъ отвѣсно на площадку въ 1 кв. сантиметръ, расположенную на границѣ земной атмосферы, нагрѣетъ въ теченіе секунды 1 граммъ воды на $\frac{1}{24}$ Ц., то есть дастъ $\frac{1}{24}$ калоріи въ секунду.

Но поверхность сферы, имѣющей центромъ солнце, а радіусомъ—разстояніе отъ солнца до земли, въ 46000 разъ превышаетъ поверхность солнца. Поэтому энергія съ 1 кв. сант. поверхности солнца распределяется на 46000 кв. сантиметровъ поверхности земли. Слѣдовательно, эта энергія равна $\frac{1}{46000} \times 46000$, или 1920 калорій въ секунду. Но изъ предыдущей таблицы видно, что черная поверхность при 6250° абсолютной скалы (или круглымъ числомъ при 6000° Ц.) даетъ 1930 калорій въ секунду. Такимъ образомъ температура излучающей поверхности солнца составляетъ 6000°—предполагая, что солнце есть абсолютно черное тѣло, а это, вѣроятно, не далеко отъ истины.

Сдѣлаемъ еще другое примѣненіе закона Стефана.

Вообразимъ маленькое черное шарообразное тѣло, являющееся хорошимъ проводникомъ тепла и помѣщенное на полномъ солнечномъ свѣтѣ, на такомъ же разстояніи отъ солнца, какъ земля. Пусть его наибольшее сѣченіе имѣетъ площадь въ 1 кв. сант., такъ что это тѣло получаетъ ежесекундно $\frac{1}{24}$ калоріи.

Оно нагрѣется до такой температуры, при которой расходъ тепла будетъ равенъ приходу; и такъ какъ размѣры его малы, то теплота въ немъ будетъ быстро перемѣщаться, вслѣдствіе чего его температура будетъ повсюду приблизительно одинакова. Поверхность шара, имѣющаго наибольшее сѣченіе въ 1 кв. сант., равняется 4 кв. сант., такъ что разсматриваемое нами тѣло должно ежесекундно отдавать $\frac{1}{96} = 0.0104$

калоріи съ cadaго кв. сантиметра своей поверхности. Изъ предыдущей таблицы видно, что это очень близко соотвѣтствуетъ температурѣ въ 300° абсолютной скалы, то-есть 27° Цельсія или 21½° Реомюра.

Слѣдуетъ замѣтить, что это примѣнимо только къ небольшому шарообразному тѣлу. Плоская пластинка, перпендикулярная къ лучамъ солнца, была бы примѣрно на 60° Ц. теплѣе; будучи поставлена косо, она имѣла бы температуру значительно низшую.

Посмотримъ, какую температуру имѣлъ бы тотъ же черный шарикъ на другихъ разстояніяхъ отъ солнца. Такъ какъ количество получаемой (а слѣдовательно и отдаваемой вслѣдствіе излученія) теплоты измѣняется обратно пропорціонально квадрату разстоянія, то—на основаніи закона Стефана—температура будетъ измѣняться обратно пропорціонально квадратному корню изъ разстоянія.

Слѣдующая таблица указываетъ температуру маленькаго чернаго тѣла на разныхъ разстояніяхъ отъ солнца:

<i>Разстояніе отъ центра солнца.</i>	<i>Температура по Цельсію.</i>
800000 верстъ	1200° (точка плавленія чугуна).
23 милліоновъ миль	327° (почти точка плавленія свинца).
На разстояніи Меркурія	210° (почти точка плавленія олова).
На разстояніи Венеры	85° (нѣск. выше точки кипѣнія спирта).
На разстояніи Земли	27° (температура теплаго лѣтнаго дня).
На разстояніи Марса	— 30° (арктическій холодъ).
На разстояніи Нептуна	— 219° (азотъ въ твердомъ состояніи).

Отсюда между прочимъ видно, что температура на разстояніи земли замѣчательно близка къ средней температурѣ земной поверхности, обычно оцѣниваемой около 16° Ц. или 13° Р. Едва ли это совпаденіе представляетъ простую случайность. Количество тепла, получаемое земной поверхностью изнутри земли, ничтожно въ сравненіи съ количествомъ, получаемымъ отъ солнца; поэтому можно сказать, что земля излучаетъ столько тепла, сколько она получаетъ отъ солнца. Конечно, земля слишкомъ велика, чтобы проводимость ея могла играть значительную роль въ уравненіи температуры различныхъ странъ; но вращеніе земли вокругъ оси обезпечиваетъ приблизительно равенство температуръ на одной и той же широтѣ, а движенія атмосферы стремятся уравнять температуры на различныхъ широтахъ. На этомъ основаніи мы должны ожидать, что истинная температура земли въ сравненіи съ температурой нашего маленькаго чернаго шарика будетъ лишь немногимъ ниже (потому что земля отражаетъ нѣкоторую долю солнечныхъ лучей); и дѣйствительно, она оказывается примѣрно на 10° ниже¹⁾.

1) Первые соображенія этого рода относительно температуры земли принадлежатъ проф. Вину.

Слѣдующая табличка даетъ среднія температуры поверхностей первыхъ четырехъ планетъ, предполагая, что онѣ находятся въ подобныхъ землѣ условіяхъ.

Меркурій	196° Ц.
Венера	79° „
Земля	17° „
Марсъ	—38° „

Всего интереснѣе случай Марса. Какъ извѣстно, день на Марсѣ почти такъ же продолжителенъ, какъ и у насъ; наклонъ его оси къ эклиптикѣ лишь немного превышаетъ нашъ, и у него есть родъ атмосферы. Поэтому, крайне маловѣроятно, чтобы его средняя температура значительно разнилась отъ —38° Ц. Его атмосфера быть можетъ менѣе плотна, такъ что температура дня на немъ выше; но зато температура ночи будетъ ниже. Даже наивысшая экваторіальная температура его не можетъ значительно превышать среднюю. При нѣкоторыхъ допущеніяхъ проф. Пойнтингъ находитъ, что она будетъ на 20° ниже нуля. Поэтому трудно повѣрить, чтобы дѣйствительно полярные льды Марса таяли лѣтомъ, наполняя водой рѣки или каналы.

Отъ тепловаго дѣйствія лучей перейдемъ къ зависящему отъ нихъ давленію.

Слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ Клеркъ Максуель вывелъ изъ своей электромагнитной теоріи свѣта, что всякое излученіе, подобное свѣту, должно давить на поверхность, на которую оно падаетъ. Поэтому должно существовать также давленіе на всякую поверхность, отражающую свѣтъ или испускающую его; въ каждомъ случаѣ оно численно равно количеству энергіи въ кубическомъ сантиметрѣ потока. Существованіе „свѣтового давленія“ доказано на опытѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Лебедевымъ и независимо отъ него Никольсомъ и Хѣломъ: въ этихъ опытахъ пучокъ свѣта падаетъ на дискъ, подвѣшенный въ пустотѣ. Дискъ испытывалъ отталкиваніе, которое было измѣряемо и оказалось по величинѣ соответствующимъ требованіямъ Максуеловой теоріи. Послѣ того Никольсъ и Хѣлъ повторили опытъ съ большей точностью, и теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія, что давленіе дѣйствительно существуетъ въ размѣрахъ, указанныхъ Максуеломъ.

Такимъ образомъ лучистая энергія солнца производитъ давленіе на всѣ небесныя тѣла, на которыя она падаетъ. Такъ какъ потокъ энергіи „разжижается“ по мѣрѣ своего расширенія, по закону обратной пропорціональности квадратамъ разстояній, то давленіе на данную площадь убываетъ согласно тому же закону. Мы знаемъ энергію кубическаго сантиметра солнечнаго свѣта на разстояніи земли, такъ какъ, двигаясь со скоростью свѣта, она доставляетъ $\frac{1}{24}$ калоріи въ секунду. Отсюда не трудно высчитать, что давленіе солнечнаго свѣта на всю землю составляетъ 70000 тоннъ, т.-е. бездѣлицу въ сравненіи съ тѣми тремя милліонами билліоновъ тоннъ, которые выражаютъ притяженіе земли солнцемъ.

Однако есть достопримѣчательное различіе между лучистымъ давленіемъ и Ньютоніанскимъ притяженіемъ. Именно, первое дѣйствуетъ на поверхность тѣла и является пропорціональнымъ ей, тогда какъ второе

проникаетъ сквозь поверхность, влія на каждую частичку вещества во всемъ объемѣ тѣла.

Положимъ, что мы могли бы раздѣлить землю на восемь равныхъ шаровъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ бы діаметръ вдвое меньшій земного діаметра и поверхность, равную четвертой части поверхности земли. Всѣ восемь шаровъ имѣли бы вдвое большую поверхность, чѣмъ поверхность земли, и полное лучистое давленіе удвоилось бы, между тѣмъ какъ полное Ньютоіанское притяженіе оставалось бы прежнимъ.

Если бы процессъ дѣленія неопредѣленно продолжался, то очевидно, что наконецъ мы пришли бы къ шарамъ столь малыхъ размѣровъ и со столь значительной полной поверхностью, что притяженіе было бы уравновѣшено лучистымъ давленіемъ. Легко высчитать, что это случилось бы, если бы земля была раздроблена на шарики съ діаметромъ

въ $\frac{1}{40000}$ сант. Иными словами, такой шарикъ, имѣющій ту же плотность,

что и земля, не притягивается и не отталкивается солнцемъ. Такое равновѣсіе будетъ имѣть мѣсто на всѣхъ разстояніяхъ, ибо оба дѣйствія одинаково мѣняются съ разстояніемъ. При дальнѣйшемъ дѣленіи отталкивательное дѣйствіе взяло бы верхъ надъ притяженіемъ, и частицы уже отталкивались бы отъ солнца ¹⁾.

Эти соображенія могутъ быть примѣнены къ теоріи кометныхъ хвостовъ. Мы можемъ считать, что ядро кометы состоитъ изъ мелкихъ метеоритовъ. Съ приближеніемъ къ солнцу они нагрѣваются: происходятъ взрывы; образуется тонкая пыль. Если эта пыль достаточно тонка, лучистое давленіе можетъ взять верхъ надъ притяженіемъ и погнать эту пыль прочь отъ солнца: въ хвостахъ кометъ мы имѣемъ не что иное, какъ огромныя струи такой пыли.

Представимъ себѣ дальѣе прежній нашъ черный шарикъ, имѣющій 1 кв. сант. въ наибольшемъ сѣченіи и слѣд. 1.13 сант. въ діаметрѣ. Пусть плотность его равняется плотности земли. Притяженіе его солнцемъ превыситъ въ 42000 разъ лучистое давленіе. Но рассмотримъ, какую роль будетъ играть измѣненіе размѣровъ излучающаго тѣла. Пусть діаметръ солнца уменьшится вдвое. Тогда масса его уменьшится въ 8 разъ, поверхность въ 4 раза. Такимъ образомъ притяженіе уменьшится до $\frac{1}{8}$ прежняго значенія, а лучистое давленіе—до $\frac{1}{4}$ прежней величины;

поэтому первое будетъ теперь превышать второе только въ 21000 разъ. Если еще уменьшимъ вдвое діаметръ, отношеніе притяженія къ отталкиванію будетъ 10500 и т. д. Если бы діаметръ солнца сталъ въ 42000 разъ менѣе дѣйствительнаго, слѣдовательно, былъ бы равенъ приблизительно 30 верстамъ, то притяженіе было бы равно отталкиванію. Иными словами, солнце, столь же горячее, какъ наше, но имѣющее діаметръ въ 30 верствъ, отталкивало бы тѣ тѣла, діаметръ которыхъ менѣе сантиметра, и притягивало бы тѣ, діаметръ которыхъ больше сантиметра.

Но существованіе солнца столь малыхъ размѣровъ съ температурой

¹⁾ Надо однакожъ сказать, что законъ отталкиванія при очень тонкомъ дробленіи уже не имѣлъ бы мѣста: вслѣдствіе дифракціи отталкиваніе было бы нѣсколько менѣе, чѣмъ вычислено выше.

въ 6000° было бы невысказимо. Поэтому допустимъ, что температура его въ 20 разъ менѣе, т.-е. равна 300° абсолютной скалы (приблизительно— температура земли). Тогда излученіе уменьшилось бы въ $20^4=160000$ разъ, и для равновѣсія между притяженіемъ и отталкиваніемъ было бы нужно, чтобы діаметръ уменьшился еще въ 160000 разъ, слѣд., составлялъ бы вмѣсто 30 верстъ только 20 сантиметровъ. Подобнымъ путемъ не трудно рассчитать, что два равные шара, имѣющіе плотность и температуру земли, не притягивали бы и не отталкивали бы другъ друга, если бы діаметръ ихъ былъ около 6.8 сантиметровъ (размѣры небольшого мяча).

Эти соображенія могутъ быть примѣнены къ собраніямъ небольшихъ метеоритовъ. Находясь на такомъ же разстояніи отъ солнца, какъ земля, они могутъ (при условіи соответствующихъ размѣровъ) не обнаруживать стремленія къ сближенію; при меньшихъ размѣрахъ они могутъ даже отталкивать другъ друга.

Наконецъ, можно указать еще одно слѣдствіе лучистаго давленія. Выше было указано, что давленію подвергается также самый источникъ излученія. Представимъ себѣ излучающій шаръ, движущійся въ пространствѣ. Въ такомъ случаѣ онъ будетъ нѣсколько сгущать излучаемую имъ энергію съ той стороны, куда онъ движется, и разрѣжать ее съ противоположной стороны: поэтому и давленіе на него спереди будетъ нѣсколько больше, чѣмъ сзади. Эта разница будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе скорость и чѣмъ выше температура движущагося тѣла. Результатомъ этого является сила, стремящаяся уменьшить скорость тѣла. Вычисленіе показываетъ, что земля въ своемъ движеніи по орбитѣ подвергается такому сопротивленію, которое равно вѣсу 1 пуда съ небольшимъ. Это, конечно, величина ничтожная, и замѣтные результаты такого сопротивленія получились бы развѣ въ томъ случаѣ, если бы жизнь земли при нынѣшней ея температурѣ продолжалась сотни билліоновъ лѣтъ. Но и здѣсь имѣютъ большое значеніе размѣры тѣла. Съ уменьшеніемъ его діаметра увеличивается въ томъ же отношеніи сопротивляющаяся сила; и если бы земля имѣла размѣры орѣха, то дѣйствіе этой силы сказалось бы уже въ 100000 лѣтъ. Если бы она уменьшилась до размѣровъ тонкой пылинки съ діаметромъ въ $\frac{1}{1000}$ сант., то дѣйствіе обнаружилось бы уже въ 100 лѣтъ.

Вообразимъ пылевою частицу, отдѣляющуюся отъ земли и начинающую самостоятельное обращеніе вокругъ солнца. Она будетъ нагрѣваться солнцемъ и будетъ излучать во всѣ стороны. Въ своемъ движеніи она будетъ испытывать дѣйствіе силы, сопротивляющейся этому движенію и стремящейся замедлить его. Эффектъ этого сопротивленія скажется въ томъ, что солнце получитъ возможность притянуть частицу ближе къ себѣ, и это паденіе ея будетъ сопровождаться ускореніемъ ея движенія. Ускореніе движенія поведетъ къ увеличенію сопротивленія; въ то же время приближеніе къ солнцу вызоветъ повышеніе температуры, усиленіе излученія, а слѣдовательно новое увеличеніе сопротивленія. Поэтому частица будетъ все скорѣе и скорѣе двигаться по спиралевидной орбитѣ, пока, наконецъ, не упадетъ на солнце. Маленькіе метеориты, величиною въ орѣхъ, удаленные отъ солнца на разстояніе, равное радіусу земной орбиты, упадаютъ на солнце, вѣро-

ятно, въ теченіе нѣсколькихъ милліоновъ лѣтъ; тонкія пылинки—въ нѣсколько тысячъ лѣтъ.

Такимъ образомъ солнце вѣчно очищаетъ отъ пыли окружающее его пространство: болѣе мелкія частицы оно отталкиваетъ вдаль; болѣе крупныя притягиваетъ къ себѣ. Очень возможно, что нагляднымъ результатомъ этого притяженія является зодіакальный свѣтъ,—то огромное пылеобразное кольцо, которое простирается отъ солнца далеко за предѣлы земной орбиты и которое является самымъ огромнымъ и самымъ таинственнымъ членомъ солнечной системы.

А. Бачинскій.

Свѣтящіяся растенія. Способность нѣкоторыхъ растений издавать свой собственный свѣтъ неоднократно привлекала вниманіе ученыхъ. Разрозненныя свѣдѣнія о свѣтящихся растеніяхъ, подвергнутыя тщательной критикѣ и дополнены многими новыми изслѣдованіями, собраны въ недавно появившейся книгѣ пражскаго ботаника Молиша „Leuchtende Pflanzen“. Сначала онъ разбираетъ вопросъ о свѣченіи водорослей. Оказывается, что только нѣкоторыя морскія перидиніи отличаются этимъ свойствомъ. Затѣмъ онъ излагаетъ свои собственные изслѣдованія, проливающія новый свѣтъ на фосфоресценцію гнилого дерева. Это явленіе зависитъ отъ присутствія въ гниломъ деревѣ нѣкоторыхъ грибовъ со свѣтящимся мицеліемъ (грибницей). Одинъ изъ нихъ—нашъ извѣстный сѣдобный опенокъ; грибница его начинаетъ свѣтиться, какъ только достигнетъ нѣкотораго развитія. Шляпки же его не свѣтятся. Интересно замѣтить, что Молишу удалось культивировать опенокъ на хлѣбѣ и довести его до полного созрѣванія. Превжнія попытки приводили лишь къ развитію одной грибницы безъ плодовыхъ тѣлъ. Молишу удалось найти условія, при которыхъ опенокъ прекрасно развивается на хлѣбѣ; свѣченіе его при этомъ продолжается цѣлыми мѣсяцами. Но опенокъ не единственный грибъ, вызывающій свѣченіе дерева. Удалось выдѣлить изъ древесины и коры разныхъ деревьевъ еще другой грибъ, грибница котораго при культурѣ въ большихъ сосудахъ свѣтилась около 1½ лѣтъ.

Новыя интересныя данныя сообщаются о свѣченіи гнилыхъ листьевъ. Это явленіе было извѣстно до сихъ поръ лишь для тропическихъ растеній; однако внимательныя наблюденія приводятъ автора къ тому выводу, что въ любомъ дубовомъ или буковомъ лѣсу множество опавшихъ листьевъ издають свѣтъ. Причиной его также являются грибы.

Глава о свѣтящихся бактеріяхъ содержитъ также рядъ новыхъ данныхъ. Во-первыхъ, доказывается широкое распространеніе интенсивно свѣтящейся *Bacterium phosphoreum* (или *Micrococcus phosphoreus* Sohn). Она встрѣчается на мясѣ, въ погребяхъ, на бойняхъ, въ мясныхъ лавкахъ, вообще вездѣ, гдѣ хранится мясо или дичь. Стоить только взять кусочекъ мяса, положить его въ стерилизованную чашечку и облить 3% растворомъ поваренной соли, и черезъ нѣсколько дней на мясѣ появятся свѣтящіяся островки колоній *B. phosphoreum*. Отсюда ихъ уже легко выдѣлить въ чистой культурѣ. Свѣченіе ихъ особенно сильно при низкихъ температурахъ (5°—20° С.). Оно отличается значительнымъ постоянствомъ, и Молишу удалось устроить лампу съ такимъ „живымъ“ свѣтомъ, культивируя этихъ бактерій на внутренней поверх-

ности большой конической колбы. Лампа эта дѣйствуетъ 2—3 недѣли; свѣтъ ея достаточенъ для различенія дѣленій термометра, циферблата часовъ и крупной печати. Пользуясь имъ, можно дѣлать фотографическіе снимки.

На морскихъ рыбахъ авторомъ книги найдено 4 новыхъ вида свѣтящихся бактерій. Одинъ изъ нихъ (*B. lucifer*) испускаетъ настолько сильный свѣтъ, что въ спектрѣ его удалось отличить присутствіе зеленого, синяго и фіолетоваго цвѣтовъ. Для другихъ бактерій и грибовъ спектральный анализъ не далъ столь ясныхъ результатовъ.

Въ другихъ главахъ (о свѣщеніи, какъ результатѣ инфекціи, объ общей физиологіи процессовъ свѣченія) Молишъ опирается главнымъ образомъ на работы своихъ предшественниковъ. Наконецъ, въ заключительной главѣ онъ рассматриваетъ критически свѣдѣнія, сообщаемыя нѣкоторыми авторами о свѣщеніи высшихъ растений. По мнѣнію Молиша, явленіе это представляетъ собой чисто физическій процессъ электрическаго разряда, наблюдаемый и на мертвыхъ объектахъ (огни св. Эльма). Справедливость своего взгляда авторъ старается доказать опытами съ электризаціей живого растенія.

Къ сожалѣнію, изслѣдованія Молиша не выясняютъ самаго важнаго вопроса, а именно вопроса о причинѣ свѣченія бактерій и грибовъ. Авторъ только высказываетъ предположеніе о томъ, что это свѣченіе зависитъ отъ особаго вещества (фотогена), которое свѣтится въ присутствіи воды и свободнаго кислорода. Но, конечно, это предположеніе удастся доказать лишь послѣ того, какъ гипотетическій „фотогенъ“ будетъ выдѣленъ изъ живой клѣтки.

Г. Риттеръ.

Къ шестидесятилѣтію кончины Крылова. Въ ноябрѣ исполнилось шестьдесятъ лѣтъ со дня кончины И. А. Крылова. Въ текущемъ же году вышелъ первый томъ собранія его сочиненій съ обстоятельной біографіей знаменитаго „дѣдушки“, написанной В. В. Каллашомъ¹⁾. Въ этомъ изданіи еще не появились басни—то, на чемъ зиждется неумирающая популярность Крылова. Другія его произведенія имѣютъ одинъ лишь историческій интересъ; самая личность ихъ автора тоже привлекаетъ къ себѣ не сочувственные, а только внимательные и удивленные взоры, и грузная масса равнодушія, которую представлялъ собою лѣнивый и сонный старикъ, никогда не будетъ обвѣяна въ потомствѣ дыханіемъ любви. Но басни его, басни, эта былъ, одинаково затверженная дѣдами и внуками, расцвѣтившая собою нашъ обыденный разговоръ,—вотъ что сдѣлалось любимымъ достояніемъ русскаго общества. Въ проказливой мѣткости своего стильнаго языка, въ художественной оболочкѣ своей лукавой фабулы и характеристики онѣ живутъ—искрестыя, свѣжія, звонкія—какъ живетъ сама жизнь, сама житейская мудрость.

Но житейская мудрость не есть самое высокое и цѣнное въ мірѣ. То, что проникнуто ею, стелется по землѣ и не служитъ идеальнымъ запросамъ духа. Крыловъ разлилъ по своимъ произведеніямъ большой и богатый жизненный опытъ, и если послушаться его басенъ, принять ихъ

¹⁾ Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова. СПб. 1904. Томъ I. Книгоиздательское товарищество „Просвѣщеніе“.

мораль, то можно хорошо приспособить себя къ дѣйствительности. Не этому учать великіе учителя. И этому учить вообще не приходится, такъ какъ на приспособленіе къ жизни сами собою, безъ чужого поощренія, направляются заботы каждаго. Отсюда басня поневолѣ мелка. Да и потому, что она толкуеть о животныхъ, о растеніяхъ, о низшихъ формахъ существованія, она не можетъ вмѣстить въ себя человѣческой многосторонности и тонкости. Міръ людей и міръ животныхъ несовмѣстимы. Широкіе и крупныя штрихи, которыми пользуется басня, не соотвѣтствуютъ разнообразной игрѣ человѣческой фізіономіи въ ея наиболѣе интересныхъ и глубокихъ переживаніяхъ. Басня скользитъ по поверхности. Баснописецъ не возвышается надъ другими; то, что онъ очерпаетъ изъ окружающаго, вполнѣ обыкновенно, и его устами говорить средній человѣкъ. Въ этомъ его характерный признакъ, даже, если хотите,—его сила и власть надъ умами, надъ средними умами. Баснописецъ говоритъ исключительно о томъ, что бесспорно, — по крайней мѣрѣ, въ житейскомъ смыслѣ А бесспорно все слишкомъ общее, не индивидуализованное, все чуждое оттънковъ. Потому и сюжетъ басни всегда имѣетъ характеръ общедоступный. Бродячій, онъ принадлежитъ всѣмъ; характерно, что на басню не существуетъ права собственности. Баснописецъ не видитъ въ жизни ничего сложнаго; она рисуется ему въ общихъ и немногихъ очертаніяхъ, и для него жизненные дарчики открываются просто, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ здѣсь бываютъ именно загадочныя и запутанныя сплетенія. Если жизнь проста и не нужны для нея мудрецы механики, то средній человѣкъ, а вслѣдъ за нимъ и баснописецъ, его патронъ, его рабодъ, не можетъ не относиться къ наукамъ и философіи съ большою долей недоверія. Онъ представляются ему въ свѣтѣ педантическомъ и смѣшномъ. Здравый смыслъ — самый надежный руководитель, высшій трибуналъ, который разрѣшаетъ всѣ загадки бытія. Слѣдуйте ему, какъ это дѣлалъ огородникъ, — и вамъ будетъ хорошо и выгодно; философъ же останется безъ огурцовъ, — а хуже такой участи ничего не можетъ и вообразить себѣ поклонникъ здравой разсудительности. Онъ признаетъ умѣренную пользу и скромную цѣну просвѣщенія, но пучина знаній для него страшна, и дерзкій умъ отважнаго водолаза находитъ себѣ погибельный и поучительный конецъ. Уже съ юныхъ дней надо слѣдить за тѣмъ, чтобы не питаться ученымъ вреднымъ. Червонецъ души теряетъ свой блескъ и цѣнность отъ чрезмѣрной культуры; о многихъ приходится даже такъ сказать: „они же грамотъ, къ несчастью, знали“. Несчастье знанія распатываетъ привычныя устои жизни. Мысль, предоставленная самой себѣ, способна зажечь пожаръ, въ которомъ погібнуть и ея зачинатель, и его послѣдователи. Поэтому не снимайте узды съ ретиваго коня; упоенный свободой, онъ сброситъ сѣдока и убѣется самъ, — „какъ ни приманчива свобода, но для народа не меньше гибельна она, когда разумная ей мѣра не дана“. Вотъ почему сочинитель, это — супостатъ, худшій разбойника; онъ вселяетъ безвѣріе, отравляетъ умъ и сердце дѣтей и, что для обывателя особенно страшно, осмѣиваетъ супружество, начальства, власти. Онъ величаетъ безвѣрье просвѣщеніемъ, и если теперь цѣлая страна полна убійствами и грабежами, то этому виною не кто другой, какъ именно сочинитель. Вольтеру въ аду придется горше, чѣмъ разбойнику. Всякій порывъ, всякое стремленіе и сомнѣніе, всякое странствіе духа противны

умѣренному и спокойному человѣку, осѣдлому жителю жизни. Не спѣшите въ даль, вспомните судьбу бѣднаго голубка, который покинулъ родную землю и родного брата,—живите дома. И дома будьте домовиты, хозяйственны, заботливы, не отдавайтесь легкомысленно пѣснямъ: иначе васъ покораеть и осмѣсть жестокая добродѣтель муравья.

Міровоззрѣніе средняго человѣка въ сущности окрашено несимпатичной краской житейскаго пессимизма,—ее же принимаетъ и баснописецъ. Идите по жизни съ оглядкой, съ опаской, не довѣряйте людямъ. Берегитесь друга: онъ или хитеръ или глупъ, онъ или лиса или медвѣдь. И человѣческая дружба вообще устойчива только до первой кости, какъ вѣчный миръ заключается до первой ссоры. Когда васъ хвалятъ, то это корыстно, какъ взаимныя похвалы кукушки и пѣтуха, какъ лесть коварной лисицы; если вы повѣрите чужому одобренію, вы потеряете свой кусокъ хлѣба, свой кусокъ сыру. Но даромъ лучшій и наиболѣе художественный образъ, какой создалъ Крыловъ въ галлерей своихъ людей-животныхъ, это—лиса. Не вѣрьте, чтобы она когда-нибудь отрѣшилась отъ своей хитрости; дайте вору хоть миллионъ, онъ воровать не перестанетъ. Да и вообще печальна наша дѣйствительность, гдѣ приходится терпѣть обиды отъ осла и гдѣ паукъ норовить заткать солнце орлу.

Слишкомъ хорошее знаніе жизни съ ея опасностями, которыя требуютъ быть на сторожѣ, не исключаетъ, впрочемъ, критическаго отношенія къ тому, что въ ней сильно, властно и богато, не исключаетъ искренняго и смѣлаго демократизма. Всѣ эти воеводы и судьи, умные умыомъ своихъ секретарей, всѣ эти „осиновые чурбаны“ въ роли царей, аристократы-гуси и волки, пасущіе овецъ,—никто изъ нихъ не ускользаетъ отъ насмѣшки баснописца. И онъ видитъ и цѣнитъ не только нарядные листы, но слышитъ и голосъ корней, подземную работу скромныхъ и темныхъ кормильцевъ.

И все же Загорѣцкій поступилъ бы напрасно, если бы, назначенный цензоромъ, онъ, согласно своему общанію, налегъ на басни, „смерть свою“. „Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами“ въ сущности не страшны. Сатирикъ самъ никогда не бываетъ чуждъ предмету своей сатиры. А сатирикъ-баснописецъ особенно добродушенъ, и ужъ ни въ какомъ случаѣ онъ не радикаленъ, не опасенъ. Басни могъ бы писать и Молчалинъ. Ихъ пишетъ человѣкъ спокойный. Трудно представить себѣ баснописца не старикомъ; самъ Крыловъ выступилъ въ этой роли уже на пятомъ десяткѣ. Басни пишетъ человѣкъ довольный и примиренный. И удовлетворенность баснописца не есть то высшее просвѣтленное благоволеніе къ жизни, та гетевская мудрость, которая побуждаетъ жить съ міромъ въ мирѣ, принять и благословить его: нѣтъ, баснописецъ доволенъ потому, что онъ не требователенъ. Зато онъ и самъ не удовлетворяетъ чужимъ требованіямъ, когда они идутъ за предѣлы неподражаемой формы и сверкающаго юмора.

Ю. А.

Литературное обозрѣніе.

„Я люблю слушать, когда въ театрѣ музыканты настраиваютъ скрипки и трубы. Ухо ловить множество отдѣльныхъ вѣрныхъ нотъ, порою услышишь красивую фразу... и ужасно хочется скорѣе услышать, что именно будутъ играть музыканты“. Эти слова Максима Горькаго г. Рѣдко остроумно поставилъ эпиграфомъ къ своей статьѣ „Диссонансы настроенія“, напечатанной въ октябрьской книгѣ *Русск. Бог.* Рѣчь идетъ о двойственности настроенія русской интеллигенціи. Авторъ исходитъ изъ того наблюденія, что властителями думъ современнаго нашего общества являются въ равной мѣрѣ три художника, безконечно далекіе другъ отъ друга по своему взгляду на жизнь: Чеховъ, не вѣрящій въ нее, видящій въ ней только пошлость, глупость, звѣрство и страданія, Максимъ Горькій, воспѣвающийъ радость бытія и творческую мощь человѣка, и Л. Андреевъ, пѣвецъ мистическаго ужаса жизни и отчаянія за человѣка. И выяснивъ эти основныя черты ихъ творчества, авторъ съ грустнымъ недоумѣніемъ спрашиваетъ: „Кто же изъ этихъ разныхъ писателей *ближе* отвѣчаетъ читательскому настроенію? И что же въ концѣ-концовъ будутъ играть музыканты?“

Этимъ вопросомъ и кончается статья: авторъ не пытается отвѣчать на него. Да и какой возможенъ отвѣтъ, разъ вопросъ такъ поставленъ? Тутъ остается либо безпомощно развести руками, либо огуломъ признать публику несовершеннѣйшей, готовой рукоплескать безъ разбора всякому писателю, если только онъ талантливо пишетъ. Возможно, что именно на эту послѣднюю мысль авторъ желалъ навести читателя своимъ сопоставленіемъ, не рѣшившись изъ вѣжливости произнести ее вслухъ; возможно, что своей статьєю онъ хотѣлъ сказать: вы, безпрестанно твердящіе о необходимости обновить жизнь, есть ли у васъ самихъ ясное отношеніе къ жизни? Чтобы обновлять жизнь, надо прежде всего вѣрить въ нее и въ себя—вы же вѣрите съ Горькимъ и не вѣрите съ Чеховымъ и Андреевымъ.

Если бы дѣло обстоило такъ, какъ утверждаетъ г. Рѣдко, его выводъ, его удивленіе были бы совершенно законны. Но этого нѣтъ: онъ просто, какъ это часто бываетъ, вывелъ вѣрное заключеніе изъ трехъ невѣрныхъ посылокъ. Досадно видѣть, какъ въ тысячный разъ повторяется здѣсь это грубое непониманіе Чехова, это упорное нежеланіе признать въ немъ что-либо иное, чѣмъ искусство бытописанія, это неумѣнье отличить его самого отъ его дѣйствующихъ лицъ. Неужели нужно еще и теперь доказывать, что не Чеховъ „не вѣритъ въ жизнь“,

а его печальные герои, и что читателей привлекала къ нему именно его глубокая вѣра въ потенциальную красоту жизни и человѣка? Люди, томившіеся въ сумеркахъ, полюбили его не за искусство, съ которымъ онъ изображалъ эти сумерки, а за то, что онъ весь былъ страстная тоска по яркому солнцу, по голубому небу, или, вѣрнѣе, за то, что онъ сумѣлъ выразить эту тоску, жившую въ нихъ самихъ. И оттого между нимъ и Горькимъ нѣтъ той пропасти, которую видитъ г. Рѣдько: они оба, хотя на разныхъ языкахъ, говорили большому поколѣнію о лучшемъ, что жило въ немъ,—о его тоскѣ по здоровью и силѣ, они оба въ магическомъ зеркалѣ показали Иванову его образъ, какимъ онъ долженъ былъ бы быть,—образъ человѣка, выпрямленнаго, по выраженію Г. Успенскаго, во весь человѣческій ростъ, съ тою только разницею, что Чеховъ говорилъ о высшей духовной красотѣ человѣка, тогда какъ Горькій рисовалъ идеаль безконечно болѣе грубой, идеаль крѣпкихъ мышцъ и цѣльныхъ чувствъ. Увлеченіе Горькимъ было и естественно, и благотворно, но если ужъ говорить о незрѣлости нашего общества, то, на нашъ взглядъ, она выразилась всего болѣе въ томъ, что Горькій сумѣлъ на время затмить Чехова. Правда, это продолжалось недолго: стихійная, полуживотная мощь Челкаша и Мальвы только на минуту опьянила молодежь. Творчество Горькаго было спасительно, какъ крутая реакція противъ рефлексіи и нытья, какъ сильный толчокъ, пробуждающій отъ дремоты; но его положительное содержаніе было слишкомъ примитивно, оно не могло удовлетворить проснувагося, и послѣ первой минуты опьяненія русское общество неизбѣжно должно было вернуться къ Чехову, который звалъ его не назадъ, къ первобытной цѣльности (въ этомъ смыслѣ проповѣдь Горькаго по существу своему реакціонна), а впередъ, къ истинно-человѣчному, къ идеалу сознательной гармоніи духа и жизни. Г. Рѣдько со своимъ формальнымъ пониманіемъ жизни, какъ чего-то внѣ насъ лежащаго, къ чему личность относится, какъ сапожникъ къ требующему починки башмаку, не замѣтилъ ни этого сходства между обоими художниками, ни этого различія; онъ не понимаетъ, что, читая Чехова и читая Горькаго, читатель одинаково былъ увлеченъ одной думой—о томъ, что онъ есть и, главное, что онъ не есть и чѣмъ долженъ былъ бы быть. Черезъ обоихъ, какъ чрезъ два оптическихъ стекла, онъ жадно вглядывался въ собственную душу, и это же самое заставило его полюбить г. Леонида Андреева, который сумѣлъ показать ему въ его душѣ еще невѣдомыя ему бездны. Смѣшно говорить о пессимизмѣ г. Андреева. Пессимистическаго искусства (понимая пессимизмъ въ философскомъ смыслѣ) вообще нѣтъ и не можетъ быть. О пессимизмѣ въ искусствѣ можетъ говорить только тотъ, кто подъ жизнью разумѣетъ единственно эмпирическую дѣйствительность; но кто преодолѣлъ этотъ грубый взглядъ, для кого каждое явленіе есть лишь моментъ въ безконечномъ процессѣ совершенствованія и наличная дѣйствительность неотдѣлима отъ идеальной жизни, какъ движеніе неотдѣлимо отъ своей цѣли, тотъ знаетъ, что искусство есть высшее утвержденіе жизни, на какое способенъ человѣкъ. Пусть всѣ фигуры на картинѣ темны, пусть нѣтъ на ней источника свѣта,—свѣтъ есть, только его источникъ за предѣлами картины, и чѣмъ фигуры темнѣе, тѣмъ отдаленнѣе источникъ свѣта отъ того мѣста, гдѣ происходитъ дѣйствіе картины. Сказать о г. Андреевѣ, какъ это дѣлаетъ г. Рѣдько, что онъ вѣритъ только въ „ствѣну“, окружающую

прокаженныхъ несокрушимой стѣной, все равно, что сказать о живописцѣ, изобразившемъ на картинѣ темную шахту, что онъ не знаетъ о существованіи солнца.

Какія все это элементарныя истины, и какъ прискорбно, что ихъ приходится повторять снова и снова! Въ послѣдней книжкѣ „Вѣстника знанія“ г. П. М. Пильскій предъявилъ нашей критикѣ рядъ тяжелыхъ обвиненій, и съ нимъ приходится во многомъ согласиться. Онъ говоритъ о томъ, что она близорука и деспотична, что ея публицистическій аршинъ въ приложеніи къ искусству невѣренъ и коротокъ, и что пора положить конецъ этому „идейному крѣпостничеству“. Да оно и падаетъ само собою: въ послѣдніе годы не разъ отмѣчалось, какъ тотъ или иной писатель достигъ популярности помимо или даже наперекоръ критикѣ, и сами художники, какъ справедливо замѣчаетъ г. Пильскій, давно уже перестали смотрѣть на критику, какъ на учителя. Указывая на новыя вѣянія въ литературѣ, разрушающія старую эстетику, авторъ справедливо требуетъ для нихъ полного простора: „Нельзя отлить разъ навсегда формы и для всѣхъ отпустить одну и ту же политуру; бесполезно и невозможно наставлять доктринерскимъ тономъ: „пишите такъ; изображайте этакъ; оттуда-то берите темы; въ такомъ-то освѣщеніи разрабатывайте ихъ...“ Жизнь бѣжитъ, и надо стеречь этотъ нервный, трепетный бѣгъ. А насъ тоненькими-тоненькими, рѣжущими тѣло веревочками привязываютъ къ старымъ разваливающимся тачкамъ и, грозя пальцемъ, говорятъ: „смотрите же, безъ тачекъ ни на шагъ!“ И отъ этого происходитъ то, что въ хорошемъ журналѣ начинаютъ находить себѣ пріютъ не талантъ, а послушаніе, не собственная, настоящая физиономія, а вытянутое отраженіе въ зеркалѣ чужой критической воли,—рабъ и послушникъ чужой указки“.

Да, тяжелый грѣхъ лежитъ на нашей критикѣ; будущій историкъ покажетъ, какъ глубоко она извратила вкусъ публики и какъ многократно заставляла самихъ художниковъ уклоняться отъ прямого пути,—но онъ же расскажетъ и ея исторію. Nonny soit qui mal y pense! Мы не призваны судить прошлаго, мы должны только понять его, и историкъ расскажетъ нашимъ потомкамъ, какъ случилось, что въ великой борьбѣ за свободу подъ знамя возстанія были призваны всѣ духовныя проявленія русскаго общества, не исключая и поэзіи и критики, и какъ это было въ ту пору неизбежно. Эта пора теперь, повидимому, прошла: молодое художество явно выходитъ изъ-подъ публицистической ферулы и возвращается къ истинной задачѣ искусства—къ интуитивному постиженію жизни въ ея глубочайшихъ основахъ. И совершенно правъ г. Пильскій, когда говоритъ, что это новое искусство требуетъ новой критики, которая была бы не деспотическимъ педагогомъ, а „психологическимъ комментариемъ души писателя, толмачомъ его образнаго языка линій и красокъ“. Мы считаемъ неотъемлемой заслугой А. Л. Волынскаго, что онъ первый въ наше время пробилъ брешь въ твердыни догматической критики; его бунтъ противъ нея былъ благотворенъ, несмотря даже на то, что въ сущности онъ и самъ не открывалъ искусству полного простора, а только хотѣлъ замѣнить публицистическій догматъ инымъ, мистическимъ, и несмотря на вопиющую несправедливость, съ какою онъ судилъ нашу старую публицистическую критику, не желая или не умѣя понять ея роковыхъ судебъ.

Но, пожалуй, и его не приходится винить за это: человеку, выросшему въ догматизмъ, трудно стать свободнымъ,—его всегда тянетъ замѣнить старый догматъ другимъ. Любопытно видѣть, какъ въ этотъ грѣхъ впалъ и г. Пильскій, такъ горячо и убѣжденно требующій для художника полной свободы. Во второй части своей статьи онъ разбираетъ нѣсколько рассказовъ, помѣщенныхъ въ послѣднихъ книжкахъ нашихъ толстыхъ журналовъ. Между прочимъ, онъ останавливается на прекрасномъ рассказѣ г. Первухина „Свисташкино счастье“ (*Миръ Божій*, сент.). Сюжетъ рассказа можно передать въ двухъ словахъ: Свисташка—лакей столичной гостиницы, уже немолодой и развращенный до мозга костей; онъ знаетъ случаи, когда люди его положенія ловкостью въ подлыхъ услугахъ гостямъ достигали вершины счастья—капитала, позволявшаго имъ приобрести собственную гостиницу, и мысль о такомъ счастьѣ, о своемъ „отелѣ“, владѣть имъ неотступно. Онъ женился недавно, съѣздивъ въ деревню, на миловидной и ангельски-кроткой дѣвушкѣ—обаятельный образъ, превосходно удавшійся художнику. И вотъ однажды гость, молодой кутящій графъ, увидѣвъ въ коридорѣ пришедшую къ мужу Марусю, въ пьяномъ видѣ предлагаетъ Свисташкѣ тысячу рублей, если онъ приведетъ къ нему жену. Мысль объ этой огромной суммѣ уязвила Свисташку; два дня онъ боролся съ собою и, наконецъ, рѣшился. А графъ тѣмъ временемъ прокучивалъ послѣднія привезенныя деньги, какъ онъ и обыкновенно время отъ времени наѣзжаетъ въ столицу изъ своего имѣнія только на короткій срокъ—„освѣжаться“,—и когда Свисташка, наконецъ, привелъ обезсилѣвшую отъ безмолвныхъ мукъ и рыданій Марусю, пьяный графъ встрѣтилъ его заявленіемъ, что онъ опоздалъ и что денегъ нѣтъ—всѣ забрала француженка. Конецъ рассказа производитъ потрясающее впечатлѣніе.

Спустившись со своею дрожащею спутницей съ лѣстницы, Свисташка у подъезда гостиницы остановился, держа за руку Марусю. Потомъ потянулъ ее въ сторону. Маруся не сопротивлялась. Сдѣлавъ шаговъ десять отъ подъезда, Свисташка взявъ правую руку Маруси своею лѣвою рукой и грубо повернулъ женщину къ себѣ лицомъ.

— Ну?—сказалъ онъ какъ будто спокойнымъ голосомъ.

Марусѣ показалось, что онъ радъ, и она улыбнулась слабою, робкою, дѣтскою улыбкою.

— Богъ спасъ, Евсташа!—пролепетала она.

— Богъ спасъ? Отъ тысячи? Отъ своего счастья? Отъ своего отеля? Да? Богъ спасъ?

Маруся, все такъ же робко, по-дѣтски улыбаясь, кивнула головою и сказала:

— Пойдемте домой, Евстафій Ильичъ! Пойдемте, милый, голубчикъ...

Въ этотъ моментъ Свисташка взмахнулъ кулакомъ и опустилъ его на лицо жены. Что-то хрястнуло подъ ударомъ кулака, что-то охнуло... Маруся подалась назадъ и стала падать, какъ-то присѣдая, словно не рѣшаясь, навзничь или на грудь упасть. Кулакъ Свисташки еще разъ мелькнулъ въ воздухѣ и ударилъ по головѣ женщины. Сзади кто-то закричалъ, и еще, и еще...

И вотъ по поводу этого окончанія г. Пильскій упрекаетъ автора въ недостатокъ смѣлости, заставившемъ его слишкомъ поздно привести Марусю къ графу: „Не надо быть особеннымъ любителемъ мелодрамы или поклонникомъ жестокости въ талантѣ, — говорить онъ, — чтобы отъ души пожалѣть загубленную картину невольнаго принужденнаго паденія женщины, брошенной любимымъ человекомъ въ оплаченныя

объятія чужого. Тутъ всё условія для автора, чтобы обнаружить размахъ, вскрыть трагическія бездны, показать потрясающую борьбу чистоты съ грязью жизни“. Что это, какъ не новая критическая фе-рула? Не говоря уже о томъ, что мы рѣшительно отказываемся понять, почему паденіе Маруси было бы при данныхъ въ разсказѣ условіяхъ правдоподобіе ея избавленія или почему оно было бы художественнѣе этого трогательнаго „Богъ спасъ, Евсташа!“, сказаннаго съ робкой улыбкой; но куда-же дѣвалось благоговѣнное уваженіе къ свободѣ художника, которое г. Пильскій такъ краснорѣчиво проповѣдуетъ въ теоретической части своей статьи, зачѣмъ и онъ приковываетъ художника къ новой тачкѣ, пусть даже къ тачкѣ трагической красоты? Г. Первухинъ не написалъ паденія Маруси; мы не имѣемъ права заподозрѣть его въ неискренности ради приличія или прекраснодушія; значить, такова была его художественная концепція, и напиши онъ иначе, такъ, какъ хотѣлось бы г. Пильскому, онъ навѣрное написалъ бы дурно, фальшиво.

И вторично г. Пильскій на протяжении немногихъ страницъ впадаетъ въ тотъ же грѣхъ при разборѣ „Дневника Олёны“. Этотъ разсказъ (*Правда*, авг.), на который, вѣроятно, обратили вниманіе многіе читатели, принадлежитъ къ лучшему, что за послѣдніе годы появлялось въ нашей беллетристикѣ. Нельзя достаточно надивиться поразительному искусству, съ какимъ анонимный авторъ шутя преодолеваетъ величайшія трудности психологіи и языка (разсказъ ведется отъ лица простой деревенской бабы), и высокой художественности цѣльнаго, какъ слитокъ золота, разсказа. Между прочимъ Олёна разсказываетъ здѣсь своему другу, докторшѣ, для которой и предназначается ея дневникъ, какъ надъ ней, опивъ ее водкою, совершилъ насиліе дядя Данила; она говоритъ и не договариваетъ, и обрываетъ на томъ, какъ Данила настигъ ее, когда она, убѣгая отъ него, упала въ яму, и какъ онъ взялъ ее на руки, а у нея уже и крику не было, „только въ головѣ звонъ, какъ въ колокола“. И слѣдующая ея запись въ дневникѣ: „Какъ вы велѣли, я ничего никому не говорила. Скажу только попу на духу, потому что томно мнѣ очень“. Г. Пильскій опять недоволенъ: не показавъ читателю первыхъ минутъ тоски, боли и стыда, авторъ де „не далъ главнаго, серьезнаго, важнаго“; если бъ онъ не выбралъ формы дневника, ему не пришлось бы такимъ образомъ „затушевать бездну“. И дались г. Пильскому эти трагическія бездны! А главное, зачѣмъ онъ свое пристрастіе къ нимъ навязываетъ художникамъ?

Г. Пильскій назвалъ свою статью: „Новыя вѣянія“. Они есть, эти новыя вѣянія, и ихъ не побѣдить ни замалчиваніемъ, ни глумленіемъ. Пусть они выступаютъ на первыхъ порахъ съ юношеской рѣзкостью и нетерпимостью, пора же понять, что не все въ нихъ мода и озорство. Въ прошлый разъ я коснулся нашего декадентства; какъ бы ни смотрѣть на него съ чисто-этической и съ общественной точки зрѣнія, можно ли отрицать, что въ немъ слышится искренній крикъ душевной боли и что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ симптоматическимъ явленіемъ? Одно изъ двухъ: или передъ нами начало органическаго и нормальнаго измѣненія общественнаго духа, или же это—симптомъ, хотя бы и слабый, какого-то пока тайнаго недуга. Въ обоихъ случаяхъ явленіе заслуживаетъ внимательнаго изслѣдованія, которое неминуемо должно пролить свѣтъ на процессы, совершающіеся въ нѣдрахъ общественнаго самосо-

знанія. Въ нашей почвѣ образовалась трещина, небольшая, но растущая; что это? возникнетъ ли новый материкъ или оторвется небольшою островокъ? Дѣло критики—доброе совѣстно и съ уваженіемъ къ чужой мысли изучить новое движеніе и объяснить его обществу. Но какъ далека отъ этого наша журнальная критика! Всякій разъ, когда мы встречаемъ такія недостойныя нападки, полныя злости, глумленія и, главное, невѣжества, намъ вспоминаются мѣткія слова одного изъ нашихъ декадентовъ: „они неправы, потому что они злѣе насъ“.

И не одна критика: такихъ наѣздовъ не чуждаются по временамъ и художники. Въ ноябрьской книгѣ *Русской Мысли* напечатана новая пьеса г. Боборыкина, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ подъ названіемъ: „Упразднители“, идущая сейчасъ на сценѣ Московскаго Малаго театра. Если бы не эти два обстоятельства,—что она напечатана на страницахъ довольно распространеннаго журнала и что въ теченіе сезона ее пересмотритъ нѣсколько тысячъ зрителей,—о ней не стоило бы и упоминать. Не то, чтобы она была совсѣмъ лишена художественности; напротивъ, характеры двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ—Зѣватова и Анны Неуталовой—въ общемъ даже недурно выдержаны. Но отношеніе автора къ жизни, къ людямъ и мыслямъ запечатлѣно такимъ безнадежнымъ легкомысліемъ, такимъ, я сказалъ бы, бездушіемъ, что по истинѣ становится „страшно за человѣка“. Извѣстна специальность г. Боборыкина—уловлять новые моменты; каковы бы они ни были, они всѣ для него—не больше, какъ сюжеты для романовъ или комедій. О внутреннемъ отношеніи художника къ предмету его изображенія, о любви или ненависти здѣсь нѣтъ и рѣчи, нѣтъ ни пониманія новой мысли, ни даже желанія ее понять. Каждое новое умственное движеніе для г. Боборыкина—ничто иное, какъ курьезъ, „последній крикъ“ моды (такъ и назвалъ онъ свой рассказъ на модную тему объ идеализмѣ, напечатанный недавно въ *Русск. Вид.*). И такъ изъ года въ годъ, опошлявая все свѣжее и молодое, засоряетъ онъ умъ русской публики и развращаетъ ея совѣсть своими безчисленными произведеніями; и такъ испорченъ вкусъ этой публики, что это преступное легкомысліе можетъ процвѣтать и давать успѣхъ въ странѣ, породившей „Авторскую исповѣдь“ Гоголя и „Исповѣдь“ Толстого.

На этотъ разъ г. Боборыкинъ избралъ сюжетомъ тоже одинъ изъ „последнихъ криковъ“—т. наз. нищезанство, т.-е. то самое стремленіе къ безусловной свободѣ личности, о которомъ мы говорили прошлый разъ. „Упразднители“—это прежде всего люди, сознательно отвергающіе буржуазную мораль; такихъ въ пьесѣ съ полдюжины, и, Боже мой, до чего они карикатурны, до чего убоги ихъ мысли, желанія и поступки! Нищезанство въ нихъ, разумѣется,—либо юродство, какъ въ Дрыгинѣ, либо озорство, какъ въ Максимѣ, Чуркинѣ и пр., либо ширма для мошенническихъ продѣлокъ, какъ у Присягина; а если Зѣватовъ и долженъ быть представителемъ принципиальнаго нищезанства, то его философія не идетъ дальше рапей о томъ, что „все—сутолока, миражъ, глупый самообманъ“. „Съ кого они портреты пишутъ?“ гдѣ, въ какой московской „меблировкѣ“ (по терминологіи г. Боборыкина) случалось ему видѣть такихъ людей? Ихъ нѣтъ и они невозможны; все это придумано и сочинено съ использованием нѣсколькихъ вѣрныхъ наблюденій, зачерпнутыхъ на самой поверхности теченія. Выдуманно и все остальное—этотъ графъ Перемышевъ, не устающій повторять: „чѣмъ хуже, тѣмъ

лучше“, этот молодой плуť Каркудиновъ, ненавидящій мужика и радѣющій объ интересахъ четвертаго сословія, и вся убогая фабула пьесы, и все отношеніе этихъ карикатурныхъ куколъ къ „интригѣ“. Не поймешь, зачѣмъ такъ распинается Анна, зачѣмъ Зѣватовъ соглашается принять ея помощь, а потомъ приходитъ ругать ее за это „непрощенное вмѣшательство въ его судьбу“, и т. д., и т. д. Упразднителямъ противопоставлены „трудъ, служеніе обществу и народу“ главнымъ образомъ въ лицѣ земскаго дѣятеля Солодова, и столько благородства въ этомъ нестерпимо-корректномъ господинѣ, такой преизбытокъ убѣжденности и всяческихъ гражданскихъ добродѣтелей, что такъ и кажется: уйдеть со сцены—и непременно напѣется мертвецки, чтобы хоть на часъ избавиться отъ корректности. Рядомъ съ нимъ—его поклонница Анна, тоже граждански-добродѣтельная на помѣщичій манеръ, и на подмогу имъ даны еще два „положительныхъ типа“: идеальная женщина-врачъ и земскій докторъ. Пьеса кончается, разумѣется, торжествомъ гражданскихъ добродѣтелей и законнымъ бракомъ Солодова и Анны, и если ее передъ опущеніемъ занавѣса еще тревожитъ опасеніе за судьбу этихъ добродѣтелей въ виду многочисленности и дерзости упразднителей, то онъ, вставъ въ позу, изъявляетъ готовность принять ихъ удары на свою грудь: „Я не боюсь ихъ! Пусть приходятъ! Пусть кричатъ: „все на смарку!“ и т. д. Такова пьеса, которую счелъ возможнымъ включить въ свой репертуаръ Малый театръ и которая находитъ зрителей.

Обзоръ театра.

„Ивановъ“ на сценѣ Художественнаго театра. Постановка „Иванова“—одна изъ лучшихъ въ Художественномъ театрѣ, можетъ быть наилучшая. Реализмъ, выдержанный въ мельчайшихъ подробностяхъ,—и ни слѣда искусственности, преднамѣренности и того подчеркиванія, которое такъ раздражало въ „Трехъ сестрахъ“ и еще въ „Вишневомъ садѣ“. На всемъ колоритъ чеховской мягкости: настроеніе, которымъ насыщена пьеса, нашло себѣ полное пластическое воплощеніе на сценѣ.

И эта цѣльность впечатлѣнія достигнута прежде всего игрою артистовъ, заслуживающей всякой похвалы. Не говорю уже о жизненности позъ и жестовъ, рѣчей и молчанія: есть нѣчто болѣе трудное, что здѣсь было достигнуто, — именно, вѣрность дистанцій, въ какихъ отстоятъ другъ отъ друга фигуры на сценической картинѣ, умѣнье занять и сохранять, не выдвигаясь впередъ, то самое мѣсто въ общей перспективѣ пьесы, которое указалъ авторъ дѣйствующему лицу. Это въ частности почти неуловимо и правилъ на это нѣтъ, но ничто не способствуетъ въ большей степени усвоенію зрителемъ истиннаго смысла пьесы; и въ „Ивановѣ“ это самоотреченіе артистовъ, не имѣющее ничего общаго съ обезличеніемъ персонажей, было доведено до совершенства. И еще надо сказать спасибо артистамъ за то, что они, сколько можно, смягчили шаржъ, котораго довольно много въ „Ивановѣ“, какъ и во всѣхъ чеховскихъ пьесахъ.

Старый барскій домъ съ облупленными колоннами, полная нѣги іюль-

ская ночь и яркій свѣтъ мѣсяца, изъ оконъ несутся мягкіе, полные звуки рояля и виолончели: „Уймись, волненія страсти“; отчего же всѣмъ здѣсь такъ больно и такъ трудно? Вотъ изъ-за угла снова показались Ивановъ и докторъ, которому онъ, прохаживаясь, чтобы не слышала жена, рассказываетъ свою исторію; вамъ хочется заткнуть уши, чтобы не слышать этого нуднаго голоса, этой мучительной и безнадёжной исповѣди. Зачѣмъ скрывать? Всякая болѣзнь уродлива, а Ивановъ тяжело боленъ, со всѣми признаками хроническаго недуга: его эгоизмъ, его вѣчное сосредоточеніе на мысли о своей болѣзни внушаютъ отвращеніе. Таково начало перваго дѣйствія. Теперь вспомните ту сцену въ концѣ третьяго дѣйствія, когда Ивановъ такъ безжалостно топчетъ ногами кроткую умирающую женщину, отдавшую ему все, когда онъ бросаетъ ей въ лицо грубое оскорбленіе и смертный приговоръ: чудное дѣло! вы уже давно начали примиряться съ нимъ, и какъ разъ въ эту минуту вы окончательно прощаете ему все и проникаетесь къ нему глубокимъ сочувствіемъ. Тамъ вы смотрѣли на него глазами доктора Львова, здѣсь—глазами Чехова.

А докторъ Львовъ до конца не мѣняетъ своего взгляда, и, вѣроятно, даже самоубійство Иванова представляется ему естественнымъ результатомъ его разоблаченія. Львовъ по исполненію не удался Чехову: это скорѣе ходячая схема, чѣмъ живой человѣкъ; но по замыслу онъ кажется мнѣ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ созданій покойнаго художника,—притомъ однимъ изъ тѣхъ, которыя больше всего даютъ возможность заглянуть въ его собственную душу. Львовъ дѣйствительно честенъ; больше того, онъ—идеалистъ, способный многимъ пожертвовать ради своихъ убѣжденій; но въ его убѣжденіяхъ нѣтъ ничего, кромѣ голой логики добродѣтелей, кромѣ того правосудія, о которомъ сказано: *summum jus—summa injuria*. Это страшно-скудная, „бездарная“ натура, лишённая всякаго органа для пониманія великой сложности и иррациональности человѣческаго духа; онъ ничего не прощаетъ людямъ, потому что ничего не понимаетъ въ нихъ, потому что у него нѣтъ другого мѣрила для ихъ оцѣнки, кромѣ его нравственно-логическаго аршина. И когда онъ этимъ прямолинейнымъ аршиномъ измѣряетъ сложную и запутанную психику Иванова, вы содрогаетесь отъ ужаса предъ его слѣпой жестокостью и всей душой протестуете за право Иванова, за ваше собственное право быть понятымъ человѣчески, во всей совокупности вашего существа и вашего прошлаго.

Этому пониманію учить насъ Чеховъ, и образъ Львова только усиливаетъ выразительность урока. Львовъ—прямая противоположность Чехову въ его оцѣнѣ человѣческихъ дѣлъ; для Чехова, съ его глубокой психологической прозорливостью, съ его любовной бережливостью въ отношеніи къ нѣжнымъ корневымъ нитямъ и росткамъ человѣческаго духа, нѣтъ зрѣлища болѣе тяжелаго, какъ эта безжалостная прямолинейность Львовыхъ, и, я думаю, изображать Львова для него было мучительно. Львовъ—такой же зритель развертывающейся въ пьесѣ трагедіи Иванова, какъ и мы; предъ его глазами проходятъ тѣ самыя событія и та самая психологія, на которыя мы смотримъ здѣсь сквозь художественную призму,—и вотъ подъ конецъ онъ произнесётъ Иванову смертный приговоръ, намъ же и въ голову не приходитъ мысль о какомъ-либо приговорѣ и мы не только прощаемъ Иванову то, чего онъ

самъ не можетъ себя простить,—мы горячо беремъ его сторону противъ тѣхъ *внѣшнихъ* силъ, которыя загубили его недюжинную личность.

Я намѣренно подчеркиваю *внѣшнихъ*, потому что такова, несомнѣнно, мысль Чехова. Г. Булгаковъ въ своей недавней лекціи о Чеховѣ какъ мыслитель (*Новый путь*, окт.) пытается формулировать отвѣтъ Чехова на вопросъ, преслѣдовавшій его на протяжении всего его творчества: „Отчего такъ велика сила обыденщины, сила пошлости? отчего человѣка такъ легко одолѣваютъ мертвящая повседневность, будни духа?“—и приходитъ къ такому выводу: „Насколько мы находимъ у Чехова—не отвѣту на этотъ безотвѣтный вопросъ, а данныя для такого отвѣта, причину паденій и безсилія человѣческой личности далеко не всегда можно искать въ неодолимости тѣхъ *внѣшнихъ* силъ, съ которыми приходится бороться—быть разбитымъ и даже исковерканнымъ неодолимою силой послѣ борьбы съ ней прекрасно и достойно героя, но—увы!—ее придется видѣть во внутренней слабости человѣческой личности, въ слабости или безсиліи голоса добра въ человѣческой душѣ, какъ бы въ ея прирожденной слѣпотѣ и духовной поврежденности“. При такомъ ограниченномъ „не всегда“ съ этой формулировкой еще можно было бы согласиться, но дальше г. Булгаковъ уже совсѣмъ игнорируетъ „*внѣшнія* силы“ и провозглашаетъ Чехова чистымъ пѣвцомъ общечеловѣческой скорби — именно скорби о безкрылости человѣка, о его неспособности подняться надъ землею. Но вѣдь это невѣрно. Г. Булгаковъ впалъ въ ошибку, противоположную той, въ какую впадало большинство писавшихъ о Чеховѣ: они игнорировали общечеловѣческую сторону его творчества, г. Булгаковъ — бытовую. Сравнивая Чехова съ Байрономъ въ ихъ мировой скорби, г. Булгаковъ упускаетъ изъ виду одно существенное различіе между ними—что Байрона занимаетъ всегда только отдѣльная личность, микрокосмъ человѣческаго духа, и потому онъ своихъ героев охотнѣе всего изображаетъ внѣ ихъ земной обстановки, какъ Манфреда, или по крайней мѣрѣ на почвѣ, чуждой ихъ прошлому, какъ Донъ-Жуана. Чеховъ же ни одного образа не нарисовалъ безъ бытового фона и ни объ одномъ изъ главныхъ своихъ персонажей не упустилъ рассказать, какъ дошелъ онъ до жизни такой.

Можно ли сказать объ Ивановѣ, что его несчастіе и уродство—въ „слабости горѣнія его сердца къ добру“? Конечно, нѣтъ: голосъ добра ему и теперь такъ же внятень, какъ пять лѣтъ назадъ, обыденщина его не засосала, онъ не опошлился; но въ немъ не осталось силъ слѣдовать голосу добра, въ немъ больна воля. Ионычъ, Лебедевъ—тѣ опошлись, Ивановъ только надорвался (онъ и рассказываетъ, какъ случилось, что у него „треснула спина“, какъ у того рабочего, который взвалилъ себя на спину два мѣшка ржи); сопоставьте Ионыча съ Ивановымъ: Ионычъ уцѣлѣлъ, потому что приспособился къ средѣ, Ивановъ гибнетъ, потому что внутренне остался вѣренъ голосу добра. Значить, чеховскій вопросъ долженъ быть сформулированъ иначе: не почему слабъ человѣкъ (этотъ вопросъ охватывалъ бы только Ионычей и Лебедевыхъ), а почему дурна и всемогуща жизнь какъ она есть, почему она слабыхъ растлѣваетъ, а непокорныхъ сламываетъ, какъ сломала она Иванова. А этотъ вопросъ есть вопросъ не о личности въ ней самой, какъ у Байрона, а объ *условіяхъ* ея роста и увяданія—и онъ не менѣе общечеловѣченъ, чѣмъ та мировая скорбь, которую приписываетъ Чехову

г. Бугаковъ, потому что, разумѣется, смѣшно было бы думать, что Чеховъ хочетъ выставить дядю Ваню или Иванова спеціальнымъ продуктомъ именно русскаго быта и именно 80-хъ годовъ: онъ изображаетъ вѣчныя трагедіи духа въ ихъ конкретныхъ, мѣстно и временно, воплощеніяхъ.

Но вернемся къ постановкѣ „Иванова“. Иванова играетъ г. Качаловъ. Роль эта необычайно трудна: артистъ долженъ изобразить не только настоящаго, надломленнаго Иванова, но и того, который „вѣрвалъ не такъ, какъ всѣ, женился не такъ, какъ всѣ, горячился, рисковалъ“, словомъ—„былъ счастливъ и страдалъ, какъ никто во всемъ уѣздѣ“; зритель долженъ, видя его большимъ, вѣрить, что въ здоровомъ состояніи онъ былъ способенъ сдвигать горы, хотя бы только и уѣздныя. Г. Качаловъ вполне достигаетъ этого, особенно въ послѣдней сценѣ, передъ самоубійствомъ: рѣшеніе покончить съ собою вернуло ему былую твердость, и онъ стоитъ среди этихъ встревоженныхъ людей спокойно и сильно; въ эту минуту вы вѣрите г. Качалову, что здоровый Ивановъ былъ смѣлый и свободный человѣкъ. Да и на всемъ его обществѣ съ начала до конца лежитъ печать благородства; онъ во всякую минуту двумя головами выше всѣхъ окружающихъ. Не менѣе трудна, уже по своей схематичности, роль доктора Львова; г. Москвинъ задумалъ интересный типъ и превосходно выдерживаетъ его, но намъ кажется, что Львовъ долженъ быть менѣе суетливъ, не дергаться въ такой степени. Выше всякой похвалы г. Станиславскій въ роли графа Шабельскаго; въ немъ все—совершенство, отъ чудеснаго грима и барски-картаваго р до глубокой серьезности какъ въ смѣшномъ, такъ и въ трогательномъ: яркій, вполне живой образъ, надолго остающійся въ памяти. Анна Петровна и у Чехова вышла блѣдною; нѣкоторая жесткость, вообще свойственная умной игрѣ г-жи Книпперъ, на этотъ разъ особенно вредитъ ей, такъ что, несмотря на великое страданіе Анны, зритель уноситъ изъ театра гораздо меньше состраданія съ нею, чѣмъ, напримѣръ, съ Шабельскимъ. Очень хороша г-жа Тарина-Саша со своей дѣвической угловатостью и горячей искренностью, такъ прекрасно вырастающая въ послѣдней сценѣ; превосходны всѣ безъ исключенія второстепенныя дѣйствующія лица, и вообще весь спектакль доставляетъ большое эстетическое наслажденіе.

М. Гершензонъ.

Бібліографія.

Куно Франке. Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ (съ V вѣка до настоящаго времени). Переводъ съ англійскаго П. Батина. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Спб. 1904. Цѣна 3 руб.

Трудъ Куно Франке, первое изданіе котораго вышло въ свѣтъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Америкѣ, подъ заглавіемъ „Social forces in German Literature“, безспорно, принадлежитъ къ числу капитальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ нѣмецкой словесности. Начавъ съ эпохи великаго переселенія народовъ, авторъ доходитъ до Гауптмана и Зудермана и даетъ на протяженіи своего труда немало яркихъ и талантливыхъ характеристикъ отдѣльныхъ эпохъ и литературныхъ теченій. Его основная точка зрѣнія отнюдь не отличается шаблонностью, и, несмотря на то, что онъ излагаетъ давно знакомые, съ разныхъ сторонъ освѣщенные его предшественниками факты, его книга не является только лишнимъ повтореніемъ чего-то хорошо извѣстнаго, даже нѣсколько избитаго, не подходитъ къ типу блѣдныхъ, ординарныхъ, хотя подчасъ тоже весьма обстоятельныхъ трудовъ по исторіи нѣмецкой словесности, въ родѣ „Die deutsche Nationalliteratur des 19-ten Jahrhunderts“ Фридриха Кирхнера и другихъ подобныхъ сочиненій, періодически появляющихся на германскомъ книжномъ рынкѣ. Противъ его основной идеи можно возражать, во многихъ случаяхъ его можно упрекнуть въ односторонности и преувеличеніяхъ,—мы сейчасъ это увидимъ на отдѣльныхъ примѣрахъ,—но нельзя отрицать, что у него есть свой взглядъ на историческія судьбы нѣмецкой литературы и вполне искреннее желаніе нарисовать стройную, законченную картину ея постепеннаго развитія.

Уже самое заглавіе перваго изданія книги Франке—„Общественныя силы въ нѣмецкой литературѣ“—даетъ понятіе о его взглядѣ на исторію словесности, о той мѣркѣ, которую онъ будетъ прилагать къ отдѣльнымъ произведеніямъ или школамъ. Въ предисловіи къ книгѣ еще болѣе выясняется точка зрѣнія автора, заявляющаго здѣсь, что всѣ его предыдущія занятія „естественно заставляли его обращать вниманіе скорѣе на содержаніе, чѣмъ на форму литературныхъ произведеній, и видѣть въ нихъ прежде всего проявленіе тѣхъ или другихъ народныхъ силъ, разсматривать ихъ главнымъ образомъ, какъ продуктъ національной культуры“. По мнѣнію Франке, давно уже чувствовалась потребность въ книгѣ, которая, „основываясь на самостоятельномъ изученіи источниковъ, давала бы ясное представленіе о всѣхъ великихъ умственныхъ движеніяхъ въ Германіи, поскольку они проявлялись въ ея литературѣ, выясняла бы взаимную связь между этими умственными движеніями и общественно-политическими условіями жизни народныхъ массъ, откуда онѣ исходили или на которыя воздѣйствовали“. Франке задался цѣлью написать именно подобную книгу, имѣлъ въ виду „представить анализъ тѣхъ социальныхъ, религіозныхъ и моральныхъ силъ, которыми обусловливалось развитіе германской литературы въ ея цѣломъ“ (стр. 2). Авторъ связываетъ развитіе не только германской, но и вообще всякой литературы, съ вѣчною борьбою или столкновеніемъ двухъ противоположныхъ стремленій: къ личной свободѣ и къ коллективной сплоченности. „Первое ведетъ къ наблюденію и воспроизведенію всего выдающагося, оригинальнаго, индивидуальнаго, короче—къ реалистическому направленію. Второе—къ наблюденію и воспроизведенію всего возвышеннаго и прекраснаго, многозначительнаго и универсальнаго, короче—къ идеализму“.

Стремление автора сблизить историю литературы с историей, установить тѣсную связь между словесностью и жизнью, опредѣлить влияние социальных и политических факторовъ и той среды, съ которою приходится имѣть дѣло писателю, само по себѣ, конечно, вполне основательно и заслуживаетъ несомнѣннаго сочувствія. Тѣ труды историко-литературнаго и критическаго содержанія, которые анализируютъ дарованіе и творчество литератора въ связи съ извѣстной обстановкою или эпохою, производить въ наши дни довольно странное впечатлѣніе. Таковъ былъ, напр., этюдъ Зиромскаго, „Lamartine poète lyrique“, гдѣ совершенно игнорировался историческій фонъ дѣятельности Ламартина и по большей части говорилось только о его „paysage intérieur“. Но, возставая противъ подобной односторонности, легко впасть въ противоположную крайность. Отодвигать на второй планъ самый процессъ художественнаго творчества, вдохновеніе, фантазію, равнодушно относиться къ требованіямъ эстетики, придавать формѣ, слогу только самое ничтожное значеніе, не значить ли это — быть въ своемъ родѣ столь же одностороннимъ, какъ и тѣ критики, которые хотятъ отрывать литературу отъ жизни или ставить красоты стили выше всего остальнаго?.. Помимо того, настаивая на зависимости историческаго развитія литературы отъ борьбы между стремленіями къ личной свободѣ и коллективной сплоченности, авторъ, естественно, долженъ классифицировать всѣ литературныя явленія, руководясь этимъ общимъ взглядомъ, иногда насильственно включая ихъ въ ту или другую рубрику и поневолѣ оставляя безъ особаго вниманія все, что нехотятъ нарушать бы гармонію набрасываемой имъ картины... Результатомъ этого являюся отдѣльныя ошибки, натяжки, образцы произвольныхъ сужденій и явнаго неумѣнія въ нежеланія опредѣлить, въ чемъ состоитъ истинное значеніе тѣхъ или другихъ художественныхъ произведеній...

Вотъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ новаго періода исторіи нѣмецкой литературы. Въ Гердерѣ авторъ видитъ „перваго крупнаго представителя коллективизма“. Гетевскій „Вильгельмъ Мейстеръ“ интересуетъ его главнымъ образомъ потому, что тамъ отразилась „мирная революція“: переходъ отъ классоваго господства стараго наследственнаго дворянства къ свободѣ новѣйшей интеллектуальной аристократіи (стр. 363). „Фаустъ“ привлекаетъ его не столько, какъ высокоповитическое произведение, сколько какъ „полное воплощеніе новѣйшаго представленія о личности въ ея связи съ окружающими общественными условіями“ (стр. 370). Вторая часть „Фауста“, по опредѣленію Франке, — „прославленіе личнаго развитія, санкціонированнаго преданностью коллективнымъ задачамъ“ (стр. 550). Все это, конечно, вполне вѣрно, — и все же какъ мало все это исчерпываетъ истинную суть дѣла, какимъ холодомъ вѣетъ отъ подобныхъ опредѣленій, нерѣдко оставляющихъ въ тѣни то, что всего ближе и дороже для насъ въ художественномъ произведеніи...

Касаясь Шиллера, авторъ по поводу „Мессинской невѣсты“ и „Вильгельма Телля“ выступаетъ съ довольно странными выходками противъ эстетики и ея требованій: онъ соглашается съ тѣмъ, что съ чисто художественной, эстетической точки зрѣнія многое въ этихъ двухъ пьесахъ должно быть признано не вполне удовлетворительнымъ, ошибочнымъ, произвольнымъ, но отказывается придавать этому какое-либо значеніе. „Какое дѣло непрелюбѣжденной публикѣ“, говоритъ онъ по поводу *Мессинской невѣсты*, — до того, удачно или нѣтъ подражалъ Шиллеръ въ этой драмѣ софокловскому „Эдипу“? Какое ей дѣло до того, говорить ли и дѣйствовать ли главные персонажи этой драмы своеобразно ихъ средневѣковой обстановкѣ или же скорѣе — на манеръ греческихъ героев? Хорошо ли было сдѣлать нравственнымъ фономъ этой драмы смѣшеніе различныхъ религіозныхъ вѣрованій? Подобные риторические вопросы (мы выписали только часть ихъ) производить, нужно сознаться, довольно своеобразное впечатлѣніе въ устахъ историка литературы...

Нѣкоторыя оцѣнки и характеристики, попадающіяся у Франке, нуждаются въ оговоркахъ или должны быть признаны слишкомъ краткими. Сюда относится, напр., не въ мѣру строгая оцѣнка „Гѣца фонъ Берлихингена“ или упоминаніе о „вяломъ сентиментализмѣ“ Вертера. Тѣ нѣсколько строкъ, которыя посвящены въ книгѣ Грильпарцеру, едва ли могутъ дать какое-либо понятіе объ авторѣ „Сафо“ и „Прародительницѣ“. Въ отдѣлѣ, посвященномъ Гейне, попадаютъ на ряду съ признаніемъ его таланта, такіе приговоры, которые могли высказываться когда-то, въ пылу полемики, исходя изъ чисто партійной точки зрѣнія, но давно отжили свой вѣкъ... „При всѣхъ своихъ благородныхъ стремленіяхъ и симпатіяхъ, онъ къ концу жизни сдѣлался ренегатомъ въ религіозномъ, политическомъ

и даже художественномъ отношеніи“. „Обладая величайшимъ послѣ Гете лирическимъ талантомъ, онъ едва ли создастъ хоть одну поэму, которая проникла бы въ глубину природы и человѣческой души“. „Будетъ ли превеличешемъ сказать, что изъ всѣхъ современныхъ ему писателей Гейне представляетъ наиболѣе печальный примѣръ интеллектуальной дегенерации, вызванной политическими принципами эпохи реставраціи“ (стр. 537). „Ужъ сколько разъ твердили міру“, что все это невѣрно или неточно, но подобныя сужденія все же продолжаютъ высказываться даже очень компетентными, повидному, людьми!..

Въ коренной переработкѣ нуждается послѣдняя часть книги Франке, посвященная новѣйшему періоду нѣмецкой литературы. Никакого понятія объ этомъ періодѣ читатель получить не можетъ. Достаточно сказать, что о Ницше и его философіи авторъ говоритъ на протяжении какихъ-нибудь 20-ти строкъ, потому что характеристика этой философіи окончательно нарушила бы цѣльность картины торжества „коллективизма“, которое грезится Франке въ ближайшемъ будущемъ. Тутъ же на нѣсколькихъ страницахъ анализируется пьеса Эрнста Вильденбруха „Король Генрихъ“, которую авторъ старается представить выдающимся, небывалымъ произведеніемъ... Изъ современнымъ нѣмецкихъ писателей авторъ выбираетъ, какъ наиболѣе типичныхъ, всего четырехъ: Зудермана, Гауптмана, Вильденбруха и Гальбе. Произвольность такого выбора сразу бросается въ глаза. О новыхъ теченіяхъ въ области современной нѣмецкой поэзіи, столь богатой и разнообразной, о творчествѣ наиболѣе крупныхъ романистовъ — ни слова! При такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о полной и справедливой характеристикѣ... Вообще книгу Франке, какъ она ни любопытна, можно рекомендовать только лицамъ, уже знакомымъ; хоть въ общихъ чертахъ, съ исторіей нѣмецкой литературы, прочтавшимъ нѣкоторыя другія сочиненія по тому же вопросу; способнымъ повтому разобраться въ оцѣнкахъ и приговорахъ автора и отличить дѣйствительно справедливое и мѣткое — отъ порадоксальнаго и одно-сторонняго.

Ю. Веселовскій.

1) Н. Энгельгардтъ. Очеркъ исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати (1703—1903). Спб. 1904. 2) М. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Спб. 1904.

Книга г. Энгельгардта вызвана отпразднованнымъ въ прошломъ году двухсотлѣтіемъ нашей печати. Подобно „Исторіи русской литературы“ того же автора, она отличается обилиемъ фактическихъ ошибокъ, противорѣчій, несприятною хлесткостью тона и странными полемическими выходками. Первоначальная исторія нашей періодической печати передана съ большими недоразумѣніями. Журналъ нашъ будто бы зародился во второй половинѣ XVIII вѣка, хотя первая его попытка относится къ 20 и 30-мъ годамъ этого вѣка. Сатирическую журналистику 60-хъ годовъ „развилъ поощрительный починъ“ Екатерины Великой, хотя именно она и тормозила болѣе всего развитие журнальной сатиры. Дальше оказывается, что она создала первый русскій журналъ. Это — „Всякая Всячина“, самый слабый изъ сатирическихъ журналовъ 1769 г.

Появленіе цензуры объясняется только слабостью общественной потребности на книгу, газету и журналъ. „Нельзя учредить цензуру салогъ, буюкъ, панталонъ, ибо безъ всего этого публика не можетъ обойтись. А безъ газеты, журнала, безъ книги и писателя совершенно легко обходится“ (12). Полемика Писарева и Антоновича „скоро достигла лаконической силы заборныхъ надписей по своей выразительности“ (20). „Хаосъ и ничтожество прессы 60-хъ годовъ“ (ив.). „Въ такихъ органахъ, какъ „Вѣстникъ Европы“, „Русское Богатство“, „Русская Мысль“, царилъ полное единодушіе безсодержательной пространства и маразма старости“ (21—22).

Пускаясь въ краснорѣчіе, г. Энгельгардтъ договаривается до „утренняго тумана, радугою передвигающагося, за которымъ, вопреки природѣ, восхода солнца не предполагается“ (21). Слишкомъ часто цитируя стихи, онъ то и дѣло ихъ перевираетъ („Дней Александровыхъ счастливое начало“, стр. 16) 1).

1) Вообще ему на ссылки не везетъ — и „Сѣверный Архивъ“ онъ упорно называетъ „Русскимъ Архивомъ“.

Какъ патриотъ и вѣрный послѣдователь идей „Русскаго Собранія“, онъ можетъ, напр., разразиться такою тирадою: „Такой пробки не найдется, которую можно было бы закупорить древнюю сткляницу съ игристымъ виномъ тысячекѣтняго народнаго духа“. Философствуя, онъ договаривается до такихъ своеобразныхъ идей (23): Когда народный духъ „понижъ, упалъ, ушелъ въ подспудныя области... никакими декретами „свободы“ слова и совѣсти не насадишь! Ибо какъ дать свободу тому, чего нѣтъ? Какъ освободить совѣсть настолько безсознательнаго существа, что для него нѣтъ прошлаго, нѣтъ будущаго, а только „день мой—вѣкъ мой“, кабакъ—Шато, вино—Клико и дѣва Шантанъ“. Все это, конечно, достаточно характеризуетъ легкомысленный трудъ г. Энгельгардта.

„Очерки“ г. Лемке очень содержательны и интересны. Они основаны на внимательномъ изученіи богатаго печатнаго матеріала и отличаются живостью изложенія. Они посвящены эпохѣ обличительнаго жара (1857—1864 гг.), эпохѣ цензурнаго террора (1848—1855 гг.), русскому „Bureau de la presse“ (1859—1860 гг.) и Ѳ. Булгарину.

Г. Лемке приводитъ много болѣе характерныхъ выдержекъ изъ тогдашнихъ журналовъ и газетъ, воспоминаній современниковъ, официальныхъ документовъ, воспроизводитъ рядъ тогдашнихъ карикатуръ, что придаетъ особенную цѣну его труду.

Изслѣдованіе его касается наименѣе изученныхъ эпохъ изъ исторіи нашей цензуры и литературы и вноситъ въ ихъ пониманіе много новаго.

В. Каллашъ.

Проф. Д. Н. Овсянко-Куликовскій. Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева.
Изд. 2-ое, исправленное и дополненное. Спб. 1904.

Второе изданіе извѣстной книги проф. Д. Н. Овсянко-Куликовскаго отличается рядомъ небольшихъ поправокъ и дополненій въ текстъ, новымъ введеніемъ и 2 приложениями.

Во введеніи почтенный авторъ ставитъ въ тѣсную связь общій пессимизмъ Тургенева и въ частности его скептическое отношеніе къ вопросамъ русской національности съ западничествомъ и отчужденностью отъ народной стихіи, которые были наслѣдственными въ создавшемъ его помѣщичьемъ кругу. Это—черта классовой психологіи, которую г. Овсянко-Куликовскій иллюстрируетъ рядомъ очень удачно подобранныхъ примѣровъ. Въ самой постановкѣ вопроса много свѣжаго и своеобразнаго. Почтенный авторъ на этотъ разъ вышелъ изъ сферы болѣе обычныхъ для него психологическихъ характеристикъ на болѣе устойчивую почву общихъ культурныхъ сближеній и соображеній.

Въ первомъ приложеніи дано нѣсколько наиболѣе характерныхъ справокъ изъ критической литературы о Тургеневѣ; во второмъ—выясняется связь между нравственнымъ и религіознымъ началами въ человѣкѣ.

В. Каллашъ.

Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. Ц. Балталона;
изданіе 5-ое, значительно дополненное. М. 1904. Ц. 70 к.

Предшущія изданія интересной и полезной книги г. Балталона были въ свое время отмѣнены въ различныхъ органахъ, привѣтствовавшихъ появленіе этого руководства, которымъ могутъ съ одинаковымъ успѣхомъ пользоваться, какъ лица, руководящая литературными бесѣдами для учащихся, такъ и всѣ, кто стремится къ самообразованію и хочетъ болѣе осмысленно и вдумчиво отнестись къ творчеству нашихъ лучшихъ писателей. Каждое изданіе „Пособія“ пополнялось вопросами и планами для изученія все новыхъ и новыхъ авторовъ и произведеній. Такъ, во второмъ изданіи прибавлены были: „Портретъ“, „Шпатель“, „Тарасъ Бульба“, „Горь отъ ума“, „Обломовъ“, „Фаустъ“, „Тартюфъ“, „Донъ-Жуанъ“, „Мизантропъ“; въ третьемъ: „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Преступленіе и наказаніе“, нѣкоторыя вещи Короленко, „Коріоланъ“; четвертое изданіе дополнено бо. А. Толстого, Чехова, Тургенева. Наконецъ, новѣйшее, пятое, изданіе книги еще значительно расширено и дополнено, причемъ вниманіе автора привлекли

не только произведенія наших выдающихся поэтовъ, романистовъ и драматурговъ, но также нѣкоторыя критическія статьи Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева. Въ настоящемъ своемъ видѣ „Пособіе“ г-на Балталона обнимаетъ до двухсотъ различныхъ литературныхъ произведеній, наравнѣ со многими критическими оцѣнками тѣхъ вещей, которыя могутъ быть прочитаны во время литературныхъ бесѣдъ и нуждаются въ правильномъ освѣщеніи. Не всѣ писатели, съ которыми мы здѣсь встречаемся, имѣютъ, правда, въ настоящую минуту доступъ въ нашу среднюю школу, вслѣдствіе чего инныя части книги могутъ пригодиться только лицамъ, стремящимся къ самообразованію и саморазвитію. Инны изъ этихъ писателей, быть можетъ, дѣйствительно, не вполне подходятъ къ уровню пониманія учениковъ и ученицъ средней школы; объ отсутствіи другихъ въ гимназической программѣ можно, наоборотъ, очень пожалѣть, — это относится, напр., къ западно-европейскимъ писателямъ, которые, не исключая и классиковъ, все еще проникаю ть въ стѣны нашей школы какъ бы контрабандою, между дѣломъ, случайно, не занимаемая особаго мѣста, не являясь предметомъ болѣе или менѣе обстоятельнаго курса... Быть можетъ, придетъ время, когда „вопросы и планы“ г-на Балталона, относящіяся къ Шекспиру, Гете, Мольеру (этотъ отдѣлъ слѣдовало бы еще расширить, прибавивъ, напр., Данта, Расина, Корнеля, Шиллера, Байрона и нѣкот. др.), послужать руководствомъ и для преподавателей гимназій. Въ началѣ книги мы находимъ обширную вступительную статью, также значительно дополненную для настоящаго изданія: „О литературныхъ бесѣдахъ“. Въ этой статьѣ можно найти немало здравыхъ мыслей, относящихся къ вопросу о преподаваніи словесности въ гимназіяхъ и его недостаткахъ, и горячую защиту самой идеи внѣшкольныхъ литературныхъ бесѣдъ, которую, начиная съ 1891 года настойчиво пропагандируетъ авторъ, ставящій выше всего заботу о развитіи учащихся и пробужденіи у нихъ живого интереса къ творчеству корифеевъ русской и западно-европейской словесности.

Ю. Веселовскій.

**Труды юридическаго общества при Имп. Харьковскомъ университетѣ. Томъ I.
Харьковъ, 1904.**

Открывая торжественное засѣданіе перваго (и — увы! — послѣдняго) съѣзда русскихъ юристовъ, предсѣдатель московскаго юридическаго общества сказалъ: „Общій законъ для воздвиганія науки въ наше время — это общества и съѣзды“. Специально же въ правовой сферѣ примѣненіе этой глубокожизненной идеи должно быть особенно плодотворно въ виду универсальнаго характера права. Раскрывая основныя начала справедливости въ правовой жизни народа, общества и съѣзды юристовъ, несомнѣнно, являются однимъ изъ двигателей цивилизаціи. Но въ Россіи лишь освободительное движеніе 60-хъ годовъ сдѣлало возможной союзную научную работу. Основанныя раньше общества не жили, а лишь прозябали подъ ежеминутной угрозой катастрофы. Въ частности же юридическія общества въ Россіи стали возможными лишь послѣ изданія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, хотя и въ послѣдующее время эти общества не были застрахованы отъ катастрофы въ родѣ той, которая, напр., постигла старѣйшее и славнѣйшее русское юридическое общество московское. Надо принять во вниманіе и непривычку русскихъ къ коллективной дѣятельности и къ непрерывности работы, къ ея преемственности и къ равномѣрности ея темпа. Такимъ образомъ къ концу XIX в. у насъ было лишь 9 юридическихъ обществъ. Повтому нельзя не привѣтствовать утвержденія 3 ноября 1900 года устава харьковскаго юридическаго общества, тѣмъ болѣе, что оно поставило руководящими принципами своей дѣятельности принципы законности, свободы личности и самодѣятельности и задавалось цѣлью выяснять по указаніямъ науки и опыта современныя потребности жизни и средства къ ихъ удовлетворенію. Членовъ-учредителей было 36, а къ 19 марта 1904 г. уже 219, при чемъ въ каждомъ собраніи ихъ участвовало въ среднемъ 25 (отъ 15 до 69). Засѣданій было по 1 апрѣля 1903 года 20 (съ 30 рѣчами и докладами). Образована и комиссія для обсужденія проекта гражданскаго уложенія¹⁾. Правда, уже въ первые года начинается сказываться обычный рус-

¹⁾ Протоколъ засѣданія 3 февраля 1901 года (142—148) и отчеты о дѣятельности за 1901 и 1902 гг. (258—264).

скій индифферентизмъ членовъ къ общественнымъ дѣламъ. То и дѣло откладыва-ются засѣданія (и даже годовыя, 185, 252) за неявкой членовъ (195), а одно не состоялось за неявкой докладчика (187). Не застраховано общество и отъ катастрофъ. Издательская дѣятельность его тоже пока очень скромна (двѣ ¹⁾), хотя и очень содержательныхъ, но все же тоненькихъ книжки за четыре года). Но будемъ надѣяться, что юное общество благополучно минуетъ всѣ подводные камни и станетъ крѣпнуть и расти вширь и вглубь.

Переходя же въ частности къ лежащей предъ нами книгѣ его „Трудовъ“, замѣтимъ, что самая интересная въ ней статья г. Устинова объ идеѣ національнаго государства (20—44), о которой мы уже говорили въ апрѣльской книгѣ „Научнаго Слова“, и пренія по поводу ея (206—217). На стр. 44—87 г. Бѣлоконскій выступаетъ горячимъ защитникомъ мелкой земской единицы. Но въ преніяхъ по поводу его доклада (234—251) ему справедливо указывали, что для благосостоянія деревни нужна не мелкая земская единица, а поднятiе правового и культурнаго уровня деревни, что несвоевременно поднимать вопросъ о мелкой земской единицѣ, когда у насъ теперь почти ничего не осталось отъ бывшаго самоуправления, и что при современномъ правопорядкѣ въ деревнѣ всякая мелкая организація исказится и подпадетъ подъ вліяніе мѣстныхъ административныхъ властей ²⁾. На стр. 87—111 г. Оршанскій пытается доказать, что наказаніе постепенно умираетъ въ объемѣ и силѣ не вслѣдствіе его ложности, а вслѣдствіе успѣшнаго выполненія имъ его исторической задачи воспитанія народа въ чувствѣ законности. Но въ преніяхъ по поводу этого доклада (188—194) г. Оршанскому справедливо указали на недостатокъ въ его работѣ положительнаго изученія предмета, на невѣрное пониманіе имъ абсолютныхъ теорій и теорій Фейербаха и на невѣрность его основного вывода. Г. же Миклашевскій указалъ г. Оршанскому на классовую характеръ института наказанія, являющагося лишь уголовной формой экономическаго властвованія меньшинства надъ большинствомъ (194). Что же касается взглядовъ г. Аницферова на экономическія нужды деревни (1—20, 162—170 и 223—227), то ничего нельзя сказать противъ предлагаемыхъ имъ уменьшенія податнаго бремени и организаціи и развитія мелкаго деревенскаго кредита, какъ задачи земства при помощи государственнаго банка и частныхъ лицъ. Только напрасно онъ мало обратилъ вниманія на недостаточную культурность и самодѣятельность нашего населенія. Интересны и характеристики такого достойнаго судебного дѣятеля, талантливаго писателя и первокласснаго оратора, какъ А. Ф. Кони (111—126), и такого блестящаго и многосторонняго профессора, какъ А. Н. Стояновъ (127—140).

Наконецъ, стр. 141—270 заняты протоколами и отчетами общества. Кое-чѣмъ изъ нихъ мы уже попользовались выше. Отмѣтимъ здѣсь, кромѣ того, какъ наиболѣе интересные, и доклады гг. Гредескула о необходимости для современнаго гражданскаго права ограждать интересы всѣхъ слабыхъ и безпомощныхъ (145—147), Левенстима о низкомъ уровнѣ развитія инородческаго населенія и о несотвѣтствіи существа и формы присяги его возрѣваніемъ, какъ причинахъ лжесвидѣтельства въ судахъ на окраинахъ (151—156), Тютрюмова о кандидатахъ на судебныя должности (171—177) и Попова объ адвокатурѣ, какъ общественномъ служеніи (254—258), и пренія по нимъ.

Сергій Шумаловъ.

А. Я. Шпаковъ. Государство и церковь въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ Московскомъ государствѣ отъ флорентійской уніи до учрежденія патріаршества. Часть I. Кіевъ, 1904.

Печальны послѣдствія системы сгнѣшенія церкви съ государствомъ, зародившейся въ Россіи подъ вліяніемъ византійскаго принципа неразрывнаго единенія вселенской православной церкви и христіанской государственной власти (грамота

¹⁾ Вторая—„Годичное засѣданіе 1902 г.“, дающая характеристики гг. Ковалевскаго и Чичерина, и докладъ г. Левенстима о ссылкѣ въ Сибирь.

²⁾ Не можемъ не указать и на странность терминологіи г. Бѣлоконскаго. Такъ, напр., на стр. 85 институтъ земскихъ начальниковъ онъ называетъ „земскимъ институтомъ“ (sic).

патріарха Антонія 1389 г.; стр. 165—171) и окончательно укрьпившейся подь вліяніем нѣмецкихъ територіальныхъ воззрѣній на церковь¹⁾.

Не говоря уже о вліяніи этой системы въ области государственнаго, гражданскаго и уголовного права, самую церковь она сдѣлала вѣншимъ учрежденіемъ государства безъ внутренняго содержанія и значенія нравственно-воспитательнаго установленія для народа. Поэтому нѣтъ нужды говорить о крупномъ не только научномъ, но и общественномъ интересѣ исторіи этого процесса и остается только привѣтствовать г. Шпакова, взявшаго одинъ изъ эпизодовъ ея (именно флорентійскую унію и ея послѣдствія) темой для магистерской диссертациіи.

Только до Петра I ни церковь, ни государство не одерживаютъ еще рѣшительной побѣды надъ другой стороной. То московскій государь выступаетъ въ почетной и отвѣтственной роли крѣпкаго блюстителя и охранителя православія и государство беретъ перевѣсъ надъ церковью и преслѣдуетъ религіозное воспитаніе подданныхъ и духовныя цѣли, то духовная власть беретъ перевѣсъ надъ свѣтской и на долгое время опредѣляетъ направление нашего законодательства²⁾. Никоновскій папизмъ былъ только послѣдней отчаянной попыткой церкви повернуть побѣду на свою сторону, вызвавшей столь же рѣшительный отпоръ со стороны государства во времена Петра, руководяція бюрократическія начала церковной политики котораго живутъ и въ наши дни. Но г. Шпаковъ, сѣдую за проф. Владимірскимъ-Будановымъ³⁾, считаетъ XIV вѣкъ эпохой равновѣсія церкви и государства, XV и XVI вв. эпохой перевѣса государства надъ церковью, XVII в. эпохой перевѣса церкви надъ государствомъ (V) и такимъ образомъ дѣйствительность приносить въ жертву красивой схемѣ. Не вѣрно и то, что эпоха Грознаго—кульминаціонный пунктъ въ процессѣ подчиненія церкви государству (XXXIV). Только въ XVII в. сложилась окончательно традиціонная теорія подчиненія церкви государствомъ, вызвавшая противъ себя протестъ со стороны послѣдователей какъ никоновскаго папизма, такъ и теоріи отдѣленія церкви отъ государства. Напрасно также г. Шпаковъ останавливаетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на вѣннихъ послѣдствіяхъ процесса націонализациі русской церкви, измѣнившихъ отношенія Москвы къ Константинополю (181, 194, 221), а не на внутреннихъ, измѣнившихъ взаимныя отношенія церкви и государства въ Московской Руси, и, давая лишь сводку матеріала, избѣгаетъ дѣлать выводы и обобщенія (главный изъ нихъ тотъ, что только полное отдѣленіе церкви отъ государства можетъ уничтожить печальныя послѣдствія смѣшенія ихъ, какъ это видно на примѣрахъ Сѣверной Америки и Франціи).

Хорошо знакомъ г. Шпаковъ съ источниками и литературой предмета. Не совсѣмъ, впрочемъ. Такъ, прежде всего насъ изумило, какъ это г. Шпаковъ рѣшился писать исторію флорентійскаго собора (1—94), не ознакомившись съ подлинникомъ труда Сиропуло (27) и ватиканскими архивами. Затѣмъ на стр. 4, упоминая про рецензію на „Обзоръ“ проф. Владимірскаго-Буданова въ „Кіевляннѣ“, г. Шпаковъ забываетъ упомянуть про лучшія рецензіи на него въ „Журналѣ М-ва Юстиціи“ и „Вѣстникѣ Права“. На стр. 114 г. Шпаковъ ничего не говоритъ о новыхъ матеріалахъ для житія Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, даваемыхъ „Книговѣдніемъ“ за 1894 г. Да и вообще рукописнымъ матеріаломъ г. Шпаковъ очень мало пользовался. Нѣтъ у него даже ссылокъ на литовскую метрику. Поражаетъ также у г. Шпакова неразборчивость его на авторитеты. Такъ, напримѣръ, на стр. 5 полагъ у него въ такыя Карамзинъ, на стр. 104—106 и многихъ другихъ г. Иловайскій и это тогда, когда на превосходные „Очерки по исторіи русской культуры“ г. Милюкова у г. Шпакова только двѣ ссылки (136 и 190). Часто также г. Шпаковъ грѣшитъ сѣпой вѣрой въ слова его учителей (главнымъ образомъ проф. Владимірскаго-Буданова, Голубинскаго и Павлова) безъ критическаго къ нимъ отношенія.

Но если для специалистовъ книга г. Шпакова не даетъ ничего новаго, то для большой публики будетъ далеко не лишнимъ живое и ясное изображеніе имъ

¹⁾ Горчаковъ. Церковное право. Спб., 1902. Стр. 350—351. Кстати удивило насъ, что у г. Шпакова только одна ссылка на эту крайне важную для него книгу, да и та не на новое изданіе ея, а на устарѣлое 1880—1881 гт. (171). См. также стр. 25 въ „Политикѣ“ Чичерина.

²⁾ Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. II. Спб., 1900. Стр. 556.

³⁾ Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ, 1900. Стр. 169.

процесса націоналізації русскої церкви, послідовавшій за флорентійскою унією і падінням Константинополя.—процесса, прошедшаго въ общемъ очень послѣдовательно и твердо, несмотря на робость, нерѣшительность и осмотрительность московскаго правительства, особенно вначалѣ (202). Въ результатѣ этого процесса Москва стала считать себя третьимъ Римомъ и единственною хранительницей вселенскаго христіанства (XXII). вмѣстѣ съ тѣмъ, при поддержкѣ іерусалимскаго патріархата (232), несмотря на противодействие константинопольскаго (236), если не de iure, то de facto русская церковь стала автокефальною (228) и въ то же время болѣе зависимою отъ государства, хотя о послѣднемъ, повторяемъ, г. Шпаковъ говоритъ очень сжато и кратко (252—262).

С. Ш.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Научнаго Слова“.

- М. Коваленскій.** Японія. Изд. журнала „Правда“. М. 1904. Ц. 20 к.
- Н. Абрахам.** Сборникъ элементарныхъ опытовъ по физикѣ. Перев. съ франц. подъ ред. Б. П. Вейнберга, прив.-доц. Новорос. унив. Часть I. Одесса. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- S. A. Arrhenius.** Физика неба. Перев. съ нѣм. подъ ред. А. Р. Орбянскаго, прив.-доц. Новорос. унив. Одесса. 1905. Ц. 2 р.
- Н. Рожковъ.** Учебникъ всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Спб. 1904. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Ц. 1 р. 10 коп.
- Педагогическій музей** Кавказскаго учебнаго округа. Систематическій каталогъ. Выпускъ I. Тифлисъ. 1904.
- А. Быкова.** Разказы изъ исторіи Франціи. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушниковъ. Спб. 1903. Ц. 1 р.
- Государственный строй** и политическія партіи въ Зап. Европѣ и Сѣв.-Америк. Соед. Штатахъ. Томъ II. Изд. Н. Глаголева. Редакція Е. Смирнова. Спб. Ц. 2 р. 25 к.
- Новости богословской литературы.** Системат. указатель книгъ и журнальн. статей по наукамъ богословск., философск., юридическ., историч., по литературѣ и филологіи. Библиограф. журналъ, издаваемый библиотечкар. Моск. духовн. акад. К. М. Половумъ. Годъ I (1904). Вып. 1—2. Сергіевъ посадъ. 1904.
- В. О. Крижъ.** Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Вып. II. М. 1904.
- Н. Рихтеръ.** Вулканы. Музей прикладныхъ знаній (политехнический). М. 1904.
- П. Дубницкій.** Чѣмъ всѣ предметы похожи другъ на друга. Музей прикладныхъ знаній (политехнический). М. 1904.
- С. К. Начало раскола.** Музей прикладныхъ знаній (политехнический). М. 1904.
- Труды покойнаго академика-скульптора** Сергѣя Ивановича Иванова. Альбомъ. Выпускъ первый. Въ 10 фототипіяхъ, исполненныхъ О. Ренаръ. Текстъ съ критикой А. Фета. М. 1904.
- К. Цюлковскій.** Простое ученіе о воздушномъ кораблѣ и его построеніи. Калуга 1904.
- О. Шрейнеръ.** Грезы и сновидѣнія. Перев. съ седьмого англійск. изд. Ц. В. Изд. 2-ое, С. Дороватовскаго и А. Чарушниковъ. Спб. 1904. Ц. 40 к.
- А. Бэнъ.** Психологія. Перев. съ англ. прив.-доц. Казанск. университет. Вл. Н. Ивановскаго. Томъ II. Изд. магаз. „Книжное дѣло“. 1905.
- И. М. Астыревъ.** Полное собраніе сочиненій. Въ волостныхъ писаряхъ. Очерка крестьянскаго самоуправленія. Т. I. Изд. третье магаз. „Книжное Дѣло“. М. Ц. 1 р. 50 к.
- С. Мельгуновъ.** Изъ исторіи студенческихъ обществъ въ русскихъ университетахъ. Изд. журнала „Правда“. М. 1904. Ц. 50 к.
- Я. О. Кузнецовъ.** Изъ переписки помѣщика съ крестьянами (XVIII в.). Изданіе Владимірск. учен. архивн. комисіи губ. г. Владимірѣ. 1904.
- М. Лахтинъ.** Большая операція въ исторіи хирургіи. М. 1901.
- „ Этюды по исторіи медицины. М. 1902.
- „ Къ исторіи фармацевтической терапіи въ XVII столѣтіи. М. 1902.
- „ Religion und Medicin als Factoren der Evolution. Separatdruck aus der Wochenschrift „Das Wissen für Alle“.

- М. Лахтинъ.** Какъ распознавались и лѣчились болѣзни въ Московск. госудахъ. (Изъ журнала „Хирургія“).
- „ Заготовка лѣкарственныхъ травъ въ XVII в. (Изъ газ. „Практич. Врачъ“.)
- „ Къ вопросу о крантинныхъ мѣропріятыяхъ въ Россіи въ XVII столѣтіи. (Изъ „Сибирск. Врач. Вѣдом.“ Красноярскъ. 1903).
- „ Публика и медицина. (Изъ газ. „Практич. Врачъ“.)
- „ Вспомогательныя средства преподаванія и изученія исторіи медицины въ Западной Европѣ. М. 1903.
- Амбулаторные листки** (55). Изданіе книжной фирмы „Сизяковъ и К^о“.
- О холерѣ.** (Составлено по брошюрѣ д-ра С. И. Сычугова.) Листокъ № 12. О-во русск. врачей въ память Н. И. Пирогова. Комис. по распростран. педагогическ. знаний въ народѣ.
- Н. О. Еленскій.** Основныя начала страхованія жизни въ общедоступномъ изложеніи. Спб. 1904.
- В. Богучарскій.** Изъ прошлаго русскаго общества. Съ 6 портретами, № 4. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. С.-Пб. 1904. Ц. 2 р.
- Генри Джорджъ.** Избранныя рѣчи и статьи. Перев. съ англійск. С. Д. Николаева. Съ портретомъ Генри Джоржа и его биографіей, составленной переводчикомъ. Изданіе „Посредника“. М. 1905. Ц. 2 р. 50 к.
- А. С. Прутавинъ.** Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ. Съ критическими замѣчаніями духовнаго цензора. Изданіе „Посредника“. М. 1905. Ц. 60 к.
- Ч. Файфъ.** Исторія Европы XIX в. Перев. со втор. англійск. изданія М. В. Лучицкой. Подъ ред. проф. И. В. Лучицкаго. Изданіе 2-е М. В. Пирожкова. С.-Пб. 1904. Ц. 5 р. 50 к.
- Ө. Зѣлинскій,** проф. С.-Петербур. универ. Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи. С.-Пб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.
- А. Генкель.** Тридцать простѣйшихъ опытовъ по физиологій растений. Изданіе общеобразоват. курсовъ. С.-Пб. 1904. Ц. 30 к.
- Его же.** Краткій очеркъ вѣшной морфологій (органографій) цвѣтковыхъ растений. Второе, вновь написанное изданіе. С.-Пб. 1904. Ц. 30 к.
- Проф. И. Г. Оршанскій.** Спиритизмъ и телепатія. Харьковъ. 1904. Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Харьковск. университета.
- К. Каутскій.** Изъ исторіи общественныхъ чтеній. Библиотека „Общественной пользы“. С.-Пб. 1905.
- Гансъ Корнелюсъ.** Введеніе въ философію. Перев. съ нѣм. Г. А. Котляра. Подъ ред. и съ предисл. проф. Н. И. Ланге. М. 1905.
- Е. Милицына.** Разказы. М. 1905.
- А. Борисякъ.** Курсъ палеонтологій. М. 1905. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ.
- Программы домашнихъ чтеній на 2-й годъ систематическаго курса.** Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. М. 1904. Комиссія по организациі домашняго чтенія.
- Земледѣліе, промышленность и ремесла.** Съ англійск. перевелъ А. Н. Коншинъ. Изданіе 2-е „Посредника“.
- Избранныя мысли Джона Рёскина.** Переводъ Л. П. Никифорова. Выпускъ 3-й. Изданіе „Посредника“.
- А. Л. Миропольскій.** Вѣдьма. Лѣствица. К-во „Грифъ“. М. 1905.
- И. Штефманъ.** Запятая. Синтаксическая сказка. Одесса. 1904.
- Гр. Сергій Толстой.** О составѣ крестьянскаго сословія. Изданіе журнала „Русская Мысль“. М. 1904.
- П. А. Некрасовъ.** Московская философско-математическая школа и ея основатели. М. 1904.
- В. С. Лебедевъ.** Территорія и населеніе врачебныхъ районовъ Моск. губерніи. М. 1904.
- Проф. В. А. Косинскій.** Къ вопросу о мѣрахъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи. Одесса. 1904.
- Ф. Индриксонъ.** Нѣсколько работъ по физикѣ для учениковъ средней школы. С.-Пб. 1905.
- Три бесѣды о современномъ значеніи философіи.** Казань. 1904.
- Проф. Ф. Содди.** Радиоактивность. Перев. съ англ. Ф. Н. Индриксонъ. С.-Пб. 1905.

- С. Комаровъ.** Японскіе студенты. Изданіе С. П. Серебровскаго. М. 1905.
- Карль Гарейсъ.** Германское торговое право. Выпускъ первый. М. 1893. Выпускъ второй. М. 1895. Выпускъ третій и послѣдній. М. 1903. Перев. Н. И. Ржондковскій. Подъ ред. А. Г. Гусакова и Н. О. Нерсесова.
- Кн. О. Трубецкая.** Кн. В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Томъ I., кн. 2-я. М. 1904.
- К. К. Арсеньевъ.** Законодательство о печати. (Великія реформы шестидесятихъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. I.) С.-Пб. 1905.
- Г. В. Гессенъ.** Судебная реформа. (Великія реформы шестидесятихъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. II.) С.-Пб. 1905.
- Г. Эструпъ.** Изслѣдованіе о 1001 ночи. Перев. съ датск. Т. Ланге. М. 1905.
- Труды по востоковѣднію.** Выпускъ VIII.
- Н. А. Гредескулъ.** Марксизмъ и идеализмъ. Публичная лекція. Харьковъ. 1905.
- А. А. Ивановскій.** Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи. Труды антропологическаго отдѣла. Томъ XXII. М. 1904.
- Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ и главныхъ оборотахъ по казенной продажѣ питей за 1903.** С.-Пб. 1904.

Засѣданія ученыхъ обществъ при Московскомъ университетѣ.

Императорское Общество любителей естествознанія, антропологии и этнографіи.

Этнографическій отдѣлъ.

30 сентября 1904 г.—сообщенія: *Вс. Θ. Миллеръ*: Неизданныя историческія пѣсни объ Иванѣ Грозномъ. *Н. Н. Соколовъ*: Изъ лѣтнихъ діалектологическихъ разысканій. *Д. Н. Ушаковъ* и *Д. И. Аракчіевъ*: Отчетъ о лѣтнихъ поѣздкахъ.

7 октября—сообщенія: *В. И. Ръзановъ*: Новыя наслоенія въ русской пѣснѣ. Доложилъ *Н. А. Янчукъ*.)

Отдѣленіе физическихъ наукъ.

1 октября — сообщенія: *Н. Е. Жуковский*: Петербургскій конгрессъ по научному воздухоплаванию. *В. Д. Зерновъ*: Сравненіе метода абсолютнаго опредѣленія силы звуковыхъ колебаній. *А. Н. Щукаревъ*: Изслѣдованіе газообразныхъ жидкихъ системъ.

Географическое отдѣленіе.

9 октября—сообщенія: *Д. Н. Анучинъ*: Памяти проф. Ф. Ратцеля. *С. Н. Соколовъ*: Поѣздка въ Повѣнецкій уѣздъ, Олонецкой губерніи. *Θ. С. Красильниковъ*: Изъ поѣздки по Южному Уралу. Яман-тау и Симскія пещеры.

Зоологическое отдѣленіе.

10 октября—сообщенія: *Б. К. Гиндце*: Строеніе хитиннаго скелета у *Tineola biseliella*. Студ. *А. д. Удальцовъ*: *Naididae* Глубокаго озера и его окрестностей.

15-го октября годовое засѣданіе Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи.

Предметы засѣданія.

Отчетъ о дѣятельности Общества, его отдѣловъ, отдѣленій и комиссій за истекшій годъ и провозглашеніе именъ лицъ, избранныхъ въ почетные члены и удостоенныхъ присужденія премій и медалей Общества.

В. К. Церасскій: Памяти *Θ. А. Бредихина*. *Д. Н. Анучинъ* и *Н. Е. Жуковский*: О научныхъ заслугахъ вице-адмирала *С. О. Макарова*. *П. Н. Лебедевъ*: Эвиръ и матерія. *Д. Н. Анучинъ* и *Е. Э. Линева*: Фонографъ въ примѣненіи къ этнографіи (фонограммы пѣсень и шаманскихъ заклинаній въ Якутской области).

Императорское Московское Общество испытателей природы.

16 сентября — сообщеніе *А. Сперанскаго*: „Ураганъ въ Москвѣ 16 іюня сего года“.

3 октября—годовое засѣданіе. Рѣчь *П. К. Штернберга*: Памяти *Θ. А. Бредихина*. Сообщеніе проф. *Н. А. Умова*: Матерія по современнымъ физическимъ ученіямъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

1905 годъ. ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ III-й годъ

Научное Слово

издающийся при содѣйствіи нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго университета. Ближайшее участіе въ редакціи журнала принимаютъ: проф. Н. А. Умовъ, проф. В. О. Ключевскій, прив.-доц. М. М. Богословскій, проф. П. И. Новгородцевъ, проф. Л. М. Левагинъ, проф. ии. С. Н. Трубицкой.

Въ ближайшихъ книгахъ предполагено напечатать между прочимъ слѣдующія статьи: I. ОТДѢЛЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ: прив.-доц. Н. П. Кастеринъ, „Жидкій воздухъ“; проф. Э. Е. Лейстъ, „Полярныя свіянія и магнитныя возмущенія“; проф. И. И. Мечниковъ, „Этюдъ по биологіи“; проф. Б. К. Млодтѣевскій, „О безкопечно малыхъ“; проф. Н. А. Умовъ, „Эволюція атома“. II. ОТДѢЛЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ: А. В. Баулеръ, „О символизмѣ“; академикъ Александръ Веселовскій, „Петрарка“; проф. И. М. Гревсъ, „Очеркъ флорентійской культуры“; проф. В. О. Ключевскій, „Очеркъ изъ исторіи Московскаго государства“; Н. В. Сперанскій, „Вѣдѣныя и вѣдовство“; проф. Д. М. Петрушевскій, „Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства“; III. ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ЮРИДИЧЕСКІЙ: проф. В. М. Хвостовъ, „Женскій вопросъ съ точки зрѣнія нравственной философіи“; „Проектъ новаго гражданскаго уложенія“ прив.-доц. Н. В. Давыдовъ, „Женщина передъ уголовнымъ судомъ“. IV. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ: проф. П. И. Новгородцевъ, „О принципѣ морали“.

Въ текстѣ журнала помѣщаются чертежи, карты, рисунки, портреты и снимки съ различныхъ произведеній искусства. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюня и іюля, книгами въ размѣрѣ отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за десять книгъ: безъ доставки въ Москвѣ на годъ 5 р. 50 к. на полгода 3 р. 75 к., съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ 6 р., на полгода 3 р.; за границу 8 р. Для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ годовая цѣна уменьшается на 1 руб.

Комплекты 1903 г. разошлись. Отдѣльные №№ (1, 3—10) продаются отдѣльно по 60 к. каждый. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1904 г. Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи (Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина) и въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія дивія). Гг. иногороднихъ просятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

Новая книга: И. И. Мечниковъ—„Этюды о природѣ человѣка“. Съ портретомъ автора и 20 рисунками. Изданіе редакціи журнала „Научное Слово“. Цѣна въ книжкѣ безъ пересылки 2 р. 50 к. При покупкѣ въ редакціи „Научнаго Слова“ учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ пользуются скидкой въ 30%, книгопродавцы въ 20%, другія лица въ 10%, а иногородніе не платятъ за пересылку.

Новая книга: М. М. Поировский—Очерки по сравнительной исторіи литературы. Выпускъ I Романъ Дадонъ и Энея въ „Энеидѣ“ Вергилія и его рамскіе подражатели. Изданіе редакціи журн. „Научное Слово“. Ц. 60 к., для учащихся въ высшихъ учебн. завед. и книгопродавцевъ, ц. 40 к.

Издатель прив.-доц. Г. К. Рахмановъ.

Редакторъ проф. Н. А. Умовъ.

10K 2 =

1674
2 08

100

9/10

